ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА НА РУСИ

ТОМЪ III-й

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ НИКОЛАЯ КУТЕПОВА

КОНЕЦЪ XVII-го и XVIII-й ВѢКЪ

Н. Самокишъ.

H. C. Andersen.

ЦАРСКАЯ
и
ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА
НА РУСИ

№17

К 47 1/5

Ш 162
(33 иллюстраций)
27/VI-44.

ЦАРСКАЯ
и
ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА
НА РУСИ

№17

Старое и новое.

ЦАРСКАЯ
и
ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА
НА РУСИ

Конецъ XVII и XVIII вѣкъ

—x—

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Николая Кутепова

—x—

Изданіе иллюстрировано художниками: А. Н. Бенуа, А. М. Васнецовымъ, Э. Э. Лансере, К. В. Лебедевымъ, Л. О. Пастернакомъ, И. Е. Рѣпинымъ, А. П. Рябушкинымъ, П. С. Самокишемъ, А. С. Степановымъ, В. И. Суриковымъ и В. А. Сѣровымъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ

1902

Печатано съ разрѣшенія Министра Императорскаго Двора.

11394
31/VII 1922

БЛАЖЕННОЙ И ВѢЧНОЙ ПАМЯТИ

ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ

АЛЕКСАНДРА III,

БЛАГОГОВѢЙНО ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕЙ ТРУДЪ,

ПО ЕГО ЦАРСТВЕННОМУ ЖЕЛАНІЮ НАЧАТЫЙ,

ПО ЕГО МЫСЛИ ИСПОЛНЕННЫЙ

Считаю долгомъ принести искреннюю и глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, содѣйствовавшимъ мнѣ въ исполненіи трудной задачи составленія «Исторіи Царской и Императорской охоты».

Документальныя свѣдѣнія получены мною изъ архивовъ: Общаго Министерства Двора (въ Москвѣ и Петербургѣ), Министерства Юстиціи (въ Москвѣ), Правительствующаго Сената, Государственнаго (въ Петербургѣ), Министерства Иностранныхъ Дѣлъ (въ Москвѣ), а равно изъ Императорской Публичной библіотеки.

Разныя свѣдѣнія, справки и указанія благосклонно сообщены мнѣ: *В. В. Стасовымъ, П. О. Бычковымъ, С. Н. Шубинскимъ, Г. И. Тимченко-Рубаномъ, А. В. Половцовымъ, С. А. Бѣлокуровымъ, Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, В. П. Ламбинымъ, И. М. Губкинымъ* и покойными *Г. В. Есиповымъ, А. Ѳ. Бычковымъ.*

Особенной благодарностью обязанъ я *П. Я. Дашкову*, любезно предоставившему въ мое распоряженіе свое богатое собраніе гравюръ, изъ котораго и заимствованы для настоящаго тома рѣдчайшіе старинные оригиналы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и Императоръ Петръ Великій.

	стр.
Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, его характеристика какъ охотника.—Упадокъ Царской охоты.	1—2
Продолженіе политическаго значенія Царской охоты	2—4
Царь Петръ Алексѣевичъ, его характеристика какъ охотника. — Любовь его къ морю. — Морской маскарадъ въ Москвѣ. — Охота, устроенная боярами въ присутствіи Петра.—Посѣщеніе Царями Іоанномъ и Петромъ Алексѣевичами Семеновскаго потѣшнаго двора. — Мнѣніе Петра объ охотѣ. — Охота Царя во время заграничнаго путешествія. — Травля звѣрей въ домѣ великаго адмирала Апраксина.—Маскарады	4—12
Императрица Екатерина I	12
Завѣдываніе Царскими охотами при Петрѣ Великомъ. — Князь Кесарь Ѳ. Ю. Ромадановскій.—Характеристика кн. Ѳ. Ю. Ромадановскаго въ «Гисторіи» кн. Б. И. Куракина.—Царская охота въ вѣдѣніи Преображенскаго приказа.—Изданіе Указовъ въ 1701—1708 годахъ о воспрещеніи частнымъ лицамъ производить охоты въ окрестностяхъ Москвы.	12—17
Князь И. Ѳ. Ромадановскій начальникъ Преображенскаго приказа и завѣдывающій Царской охотой.—Охраненіе Петромъ Великимъ въ концѣ царствованія Царской Соколиной охоты, по причинамъ политическаго значенія.—Посылка птицъ въ иностранныя государства.	17—22

ГЛАВА II.

Императоръ Петръ II и Императрица Анна Іоанновна. Организація Императорской охоты.

стр.

Императоръ Петръ II, его характеристика.—Страсть его къ охотѣ.—Составленное Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ росписаніе обученія молодого Императора Петра II . . . . . 23—24

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, Остерманъ.—Охлажденіе Петра къ Меншикову, арестъ Меншикова и ссылка.—Увлеченія Петра II.—Попытка Остермана остановить отъ нихъ молодого Императора. . . . . 24—27

Князь Алексѣй Григорьевичъ и Иванъ Алексѣевичъ Долгорукіе.—Ихъ характеристика.—Поѣздка Петра II въ Москву, его охоты въ окрестностяхъ Москвы въ сообществѣ князей Долгорукихъ.—Подарокъ Герцогинею Курляндской Анной Іоанновною Петру II.—Жизнь Петра въ селѣ Коломенскомъ, въ Лефортовѣ.—Сопутствованіе въ охотахъ Петра Цесаревною Елисаветою Петровною.—Продолжительныя поѣздки на охоту.—Болѣзнь и смерть Великой Княжны Натальи Алексѣевны . . 27—32

Архивныя свѣдѣнія о выѣздахъ Императора Петра II на охоты.—Опасенія князей Долгорукихъ.—Дальніе охотничьи походы Императора.—Сѣтованіе иностранныхъ пословъ на постоянныя отлучки Императора и ихъ попытки задержать его въ Москвѣ.—Торжество князей Долгорукихъ.—Безпрестанные охотничьи продолжительные выѣзды.—Поѣздка въ Ростовъ, Тулу.—Кратковременное вліяніе князя С. Д. Голицына.—Результаты Тульскаго похода по огромному количеству затравленнаго звѣря и убитой дичи. . . . . 32—36

Помолвка Императора съ княжной Екатериной Алексѣевной Долгорукой.—Охота на медвѣдей.—Болѣзнь Императора Петра II и его кончина . 36—38

Соколій Семеновскій потѣшный дворъ въ царствованіе Императора Петра II.—Организація псовой и птичьей охоты въ царствованіе Императора Петра II.—Егермейстеръ.—Переходъ управленія Царской охоты въ вѣдѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта . . . . . 38—40

Императрица Анна Іоанновна.—Ея любовь къ оружейной охотѣ.—Переѣздъ двора въ Петербургъ.—Охоты въ Петергофѣ.—Способы охоты.—Извѣстія С.-Петербургскихъ Вѣдомостей 1740 г. о результатахъ

СТР.

охоты —Травли звѣрей, распоряженіе Правительствующаго Сената о пополненіи недостатка въ медвѣдяхъ. — Характеристика Императрицы какъ охотника.—Шутовскіе маскарады.—Стрѣльба въ цѣль.—Личность Императрицы по описаніямъ Ея современницы Натальи Борисовны Шереметевой; камеръ-юнкеръ Бергхольцъ. — Обстановка жизни Анны Іоанновны до воцаренія.—Учрежденіе Италіанской оперы, балета, нѣмецкой труппы, оркестра музыки. — Карточныя игры. — Шуты и шутихи.—Оружейная стрѣльба.—Изготовленіе ружей въ Сестрорѣцкомъ и Петербургскомъ оружейномъ заводѣ . . . . . 41—52

Управленіе Императорской охоты графомъ С. А. Салтыковымъ. — Учрежденіе должности Оберъ-Егермейстера.—Первый Оберъ-Егермейстеръ Кабинетъ-Министръ Артемій Петровичъ Волынскій. — Первоначальная служебная дѣятельность Волынскаго, его характеристика.—Отдѣльные случаи, рисующіе нравъ Волынскаго, съ академикомъ Третьяковскимъ, казанскимъ архіереемъ Сильвестромъ. — Борьба его съ главарями нѣмецкой партіи, Бирономъ и Остерманомъ.—Отстраненіе Волынскаго.—Судъ и казнь Волынскаго.—Значеніе борьбы Волынскаго съ нѣмецкой партіей. — Помѣта Императрицы Екатерины II на судномъ дѣлѣ несчастнаго Волынскаго. . . . . 52—57

Любовь Волынскаго къ охотѣ.—Его псарни.—Волынскій передаетъ своихъ собакъ на Царскую псарню Измайловскаго потѣшнаго двора.—Возбудившееся дѣло по сей передачѣ . . . . . 57—59

Князь И. В. Одоевскій, какъ начальникъ Императорской охоты. — Полковникъ фонъ-Трескау, какъ «командиръ охоты» . . . . . 59—61

Первый органъ управленія Императорской охотой: «Оберъ-егермейстерскія дѣла».—Егермейстерская канцелярія.—Переходъ Управленія оберъ-егермейстерскими дѣлами изъ Императорскаго Кабинета въ Придворную контору.—Первый личный составъ Петербургской Императорской охоты въ 1733 году.—Оберъ-Егерь.—Яхтъ-Юнкеръ.—Петербургскія охоты.—Расходы по содержанію всѣхъ охотъ въ Москвѣ и Петербургѣ.—Финансовые источники Императорской охоты. — Узаконеніе отдѣльныхъ охотничьихъ учрежденій первымъ Яхтъ-Штатомъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, съ ихъ довольствіемъ отъ казны.—Егерскія команды.—Псовыя охоты.—Звѣровыя охоты.—Петергофскіе звѣринцы.—Птичья охота въ

СТР.

Москвѣ. — Звѣровыя охоты. — Сумма расходовъ на Петербургскую и Московскую охоты. — Новый Яхтъ-Штатъ 28 Января 1741 года . . 61—71

Запрещеніе охоты частнымъ лицамъ вблизи столицъ.—Указъ 1728 года.—Указъ 1730 года. — Разрѣшеніе убивать волковъ и медвѣдей. — Наказаніе за браконьерство. — Начало разрѣшенія охоты подъ Петербургомъ.—Указы о размноженіи дичи вблизи Петербурга.—Запрещеніе ловить и стрѣлять лосей въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ. — Повтореніе строжайшихъ указовъ о воспрещеніи вблизи Петербурга убивать всякую дичь. . . . . 71—78

ГЛАВА III.

Императрицы Елисавета Петровна и Екатерина II Алексѣевна. Развитіе учрежденій Императорской охоты.

Цесаревна Елисавета Петровна.—Ея жизнь въ селѣ Александровскомъ.—Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ. — Врачъ Лестокъ. — Выѣзды Цесаревны на охоту.—Любовь ея къ охотѣ.—Переѣздъ въ Петербургъ. . . . 79—82

Императрица Елисавета Петровна.—Переѣздъ въ Москву.—Соколиныя и псовыя охоты въ Перовѣ, въ имѣніи графа А. Г. Разумовскаго.—Поѣздка Императрицы въ Люберцы и Никола-Угрѣшскій монастырь.—Посѣщеніе Москвы въ 1749 и въ 1752 гг. — Охотничьи выѣзды.—Послѣдняя охота Императрицы подъ Москвой въ 1754 г., въ присутствіи Цезарскаго посла, чужестранныхъ министровъ и знатныхъ россійскихъ особъ обоего пола. . . . . 82—86

Охоты Императрицы подъ Петербургомъ.—Излюбленныя мѣста охотъ.—Походный журналъ выѣздовъ Императрицы. — Посѣщеніе Гостилицъ, имѣнія графа А. Г. Разумовскаго, Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ съ супругою Екатериною Алексѣевной. — Несчастный случай съ ними въ Гостилицахъ. — Жизнь въ Петергофѣ. — Описаніе псовой охоты подъ Селомъ Краснымъ 30 Сентября 1751 г. . . . . 86—92

Особый видъ охоты на тетеревовъ. — Шалаши. — Любимый стремянный Императрицы—Гаврилычъ. — Стрѣльба въ цѣль. — Охоты герцога Курляндскаго.—Посѣщеніе имъ Гостилицъ . . . . . 92—95

СТР.

Охоты Великой Княгини Екатерины Алексѣевны. — Императрица Екатерина II. — Любовь ея къ соколиной охотѣ. — Знакомство ея съ этой охотой въ 1763 г. въ Москвѣ. — Выѣзды ея въ одноколкѣ и верхомъ на соколиную охоту въ окрестностяхъ Петербурга. — Пребываніе въ Гатчинѣ у князя Г. Г. Орлова. — Охота на валдшнеповъ и тетеревовъ. — Путешествія Екатерины въ «Низовые города». — Пребываніе Императрицы въ Москвѣ въ 1767 году. — Выѣзды ея изъ Головинскаго Дворца и села Коломенскаго въ «таратайкахъ». — Путешествіе въ Троицко-Сергіевскую лавру. — Псовыя охоты. — Пріѣздъ Императрицы въ село Островъ, въ имѣніе князя А. Г. Орлова . . . . . 96—104

Пребываніе Императрицы въ Петербургѣ. — Петергофъ. — Посѣщеніе Императрицы мызы «Левендаль», принадлежащей шталмейстеру Л. А. Нарышкину. — Блестящія празднества Петербурга, по случаю пребыванія ландграфини Гессенъ-Дармштатской Вильгельмины. — Соколиныя потѣхи. — Поѣздка Императрицы въ Москву въ 1775 году. — Заблаговременныя распоряженія Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства. — Посѣщеніе Императрицы села Измайлова. — Травля зайцевъ маленькими англійскими собаками. — Посѣщеніе села Знаменскаго. — Охлажденіе Императрицы къ охотамъ. — Любовь Императрицы къ собакамъ. . . 104—111

Оберъ-Егермейстеръ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій. — Происхожденіе Разумовскаго. — Пѣвчій Алексѣй Розумъ. — Переводъ его въ пѣвческій хоръ Цесаревны Елисаветы. — Полученія имъ званія Камеръ-Юнкера. — Полученіе имъ званія дѣйствительнаго Камергера и чина Генералъ-Лейтенанта и званія Оберъ-Егермейстера. — Милости Императрицы. — Характеристика Разумовскаго. — Любовь его къ охотѣ. — Подарокъ Императрицы Разумовскому Аничкова Дворца. — Отношенія къ Разумовскому Императрицы Екатерины II. — Кончина Разумовскаго. 111—118

Оберъ-Егермейстеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ. — Его первоначальная служба. — Оберъ-Егермейстеръ Бредаль. — Егермейстеръ, дѣйствительный Камергеръ Вилимъ фонъ-Польманъ. — Оберъ-Егермейстеръ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ. — Первоначальная его служба. — Егермейстеръ Петръ Никитичъ Хитрово. — Егермейстеръ Василій Ивановичъ Разумовскій. — Егермейстеръ Фридрихъ Мальтицъ. — Егермейстеръ Алексѣй Дубянскій. — Унтеръ-Егермейстеръ, а впослѣдствіи Егер-

стр.

мейстеръ Алексѣй Яковлевичъ Потемкинъ.—Унтеръ-Егермейстеръ Михаилъ Николаевичъ Аксаковъ. . . . . 118—125

Оберъ-Егермейстерская Канцелярія.—Оберъ-Егермейстерская Контора.—Оберъ-Егермейстерскій Корпусъ.—Присутствующій Г. И. Ларіоновъ.—Бригадиръ Унтеръ-Егермейстеръ А. И. Булгаковъ.—Главностатсйничій И. Ф. Рыкуновъ.—Я. Ларіоновъ.—Статейничій Д. Рыкуновъ. . . . 125—128

Пополненіе Императорской псовой охоты въ царствованіе Елисаветы Петровны конфискаціями частныхъ охотъ.—Ловчій Стромиловъ.—Составъ охоты.—Увеличеніе звѣровыхъ охотъ.—Распоряженіе Императрицы о денежномъ содержаніи охотъ.—Замѣчаніе Императрицы о недостаточности чиновъ охоты на парадномъ выводѣ слоновъ . . . 128—132

Увеличеніе состава соколиной охоты при Императрицѣ Екатеринѣ и уменьшеніе состава псовыхъ и звѣровыхъ охотъ.—Трюфельные егеря.—Ораніенбаумская охота.—Жалобы охотниковъ ораніенбаумской охоты.—Новый Яхтъ-Штатъ 26 Іюня 1773 года.—Составъ Императорской охоты по штату 1773 года.—Егерская музыка.—Сравненіе расходовъ по Императорской охотѣ въ 1740 и 1773 гг.—Яхтъ-пажи.—Увеличеніе расходовъ. . . . . 132—144

Ранги служащихъ въ Императорской охотѣ.—Указъ 6 Мая 1771 года, освобождающій охотниковъ навсегда отъ тѣлесныхъ наказаній.—Высочайшія награды чинамъ Императорской охоты.—Отставка чиновъ охоты.—Жалобы увольняемыхъ.—Высочайшія распоряженія объ устройствѣ увольняемыхъ.—Школа дѣтей охотниковъ.—Участіе Императорской охоты въ торжественныхъ процессіяхъ и въ военныхъ дѣйствіяхъ.—Форменная одежда охотниковъ.—Сѣдельный уборъ. . . . . 144—156

ГЛАВА IV.

Охоты частныхъ лицъ въ XVIII вѣкѣ.

Развитіе русской псовой охоты въ Московской Руси.—Самобытность ея.—Взглядъ иностранцевъ на русскую охоту.—Выдающіеся охотники: Разумовскій, Долгорукіе, Волынскій, графъ С. А. Салтыковъ.—Переписка послѣднихъ.—Сенаторъ Ѳ. В. Наумовъ.—Графъ А. И. Па-

стр.

нинъ. — С. А. Колычевъ. — Генералъ-Аншефъ А. И. Ушаковъ. — Графъ М. Г. Головкинъ.—Князь А. Д. Голицынъ . . . . . 157—162

Указы о воспрещеніи охоты близъ Москвы и Петербурга. — Запрещеніе охоты на зайцевъ въ провинціяхъ: Переяславской, Юрьевопольской, Суздальской и Шуйскомъ уѣздѣ.—Драгуны, преслѣдователи браконьеровъ.—Случай съ князьями Щербатовыми, съ графомъ Ѳ. А. Апраксинымъ, съ людьми помѣщика Ханенева, съ гвардіи капраломъ И. Еропкинымъ и штыкъ-юнкеромъ А. Чебышевымъ . . . . . 162—168

Распространеніе частныхъ охотъ въ Суздальской провинціи. — Мѣры охраненія отъ браконьеровъ, принятыя Нарышкинымъ. — Продажа билетовъ на право охоты. — Указъ 17 Іюля 1763 года. — Неудобства его. 168—171

Извѣстные охотники: князь Г. Г. Орловъ, графъ П. И. Панинъ, графъ П. В. Завадовскій, князь А. М. Голицынъ, графъ П. Б. Шереметевъ, графъ В. П. Мусинъ-Пушкинъ, графъ И. В. Гудовичъ.—Посылка борзыхъ королю Неаполитанскому. . . . . 171—175

Литература объ охотахъ того времени. — «Экономическій магазинъ», «Современный егерь» В. А. Левшина.—«Псовый охотникъ» Г. Б.— Значеніе этой книги и ея содержаніе. — Указъ Императора Петра III о вольности дворянства 18 Февраля 1762 года. — Значеніе его для охотъ въ Россіи. . . . . 175—182

Охотничій разсказъ князя Г. Ф. Барятинскаго, записанный его женой.— Распространеніе во второй половинѣ XVIII в. ружейной охоты. . . 182—190

ГЛАВА V.

Звѣринцы и охотничьи дворы.

Петербургъ.

Звѣринцы. — Зоологическіе сады. — Кунсткамеры Петра Великаго. — «Раритеты». — «Монстры». — Распоряженіе Петра о доставкѣ птицъ и звѣрей въ Петербургъ. — Птичникъ Петра въ Лѣтнемъ саду. — Помѣщеніе слоновъ. — Звѣринецъ при Императрицѣ Екатеринѣ I. — Охотничьи дворы, звѣринцы при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. — Главный

стр.

звѣровый дворъ. — Ауроксовъ дворъ. — Малый звѣринецъ. — Слоновый дворъ. — Размѣщеніе звѣрей рѣдкой породы. — Медвѣжьи дворы. . . 191—200

«Менажерія», помѣщеніе псовой охоты на егерскомъ дворѣ (бывшій домъ А. П. Волынскаго). — Число собакъ Императорской охоты въ 1740 году. — Состояніе звѣринцевъ при Императрицахъ, Елисаветѣ и Екатеринѣ II. — Уничтоженіе слоноваго двора. — Проэктъ Нарышкина устроить строенія для Императорской охоты, не имѣвшій успѣха. — Возстановленіе этого проэкта при князѣ П. А. Голицынѣ. . . . . 200—207

Петергофъ.

Начало Петергофа при Петрѣ. — Старый Петергофскій звѣринецъ «Темпль». — Породы звѣрей, помѣщенныхъ въ этомъ звѣринцѣ. — Звѣринцы: кабаній, заячій и малый. — Состояніе учрежденій Петергофа въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II . . . . . 207—211

Царское Село.

Основаніе Села Царскаго. — Охотничьи учрежденія. — Звѣринецъ. — «Монбежъ» и картины въ немъ художника Грота. — Устройство звѣринца при Елисаветѣ Петровнѣ. — Звѣри. — Собственная псовая охота Елисаветы Петровны. — Звѣринецъ для «забѣглыхъ оленей». . . . . 211—217

Екатерингофъ.

Основаніе его. — Предположеніе Волынскаго устроить въ немъ звѣринецъ. 218—219

Гатчина.

Основаніе ея. — Владѣтели Гатчины. — Устройство звѣринца княземъ Г. Г. Орловымъ. . . . . 219—221

Ораніенбаумъ.

Владѣтель его Меншиковъ, Великій Князь Петръ Ѳеодоровичъ. — Звѣринецъ и оружейная камера. — Дудергофъ и Красное Село. . . . 221—222

СТР.

Москва.

Семеновскій потѣшный дворъ.

Распорядокъ жизни въ немъ. — Ловчія птицы. — Вліяніе яхтъ-штатовъ на Семеновскій дворъ. — Дѣйствіе неволи на ловчихъ птицъ. — Продажа негодныхъ птицъ, ихъ обученіе и кормъ. — «Птичьи покои». — «Свѣтлицы». — Птичьи амбары. — «Воронники». Ремонтъ строеній Семеновскаго и Измайловскаго дворовъ. — Хозяйство Семеновскаго двора. — Сокольничья слобода. — Запрещеніе жить въ ней безпаспортнымъ . . 222—229

Переѣзды сокольниковъ въ Петербургъ съ ловчими птицами. — Надзоръ и кормъ птицъ во время пути. — Отправка Императорской птичьей охоты въ Яссы къ князю Г. Г. Орлову. . . . . 229—234

Измайловскій звѣринецъ.

Прошлое села Измайлова. — Оживленіе села Измайлова при Петрѣ II. — Звѣринцы: Большой, Малый, Заячій, Лосиный и Кабаній. — Расширеніе звѣринца въ 1748 и 1750 гг. — Ветхость ограды и строеній звѣринца въ 1774 году. — Сады: Колышенскій, Просянскій. — Проспекты звѣринца. — Звѣровый дворъ. — Псарный или охотный дворъ. — Численность собакъ Императора Петра II. — Пополненіе псовой охоты при Аннѣ Іоанновнѣ. — Продовольствіе собакъ. — Размѣры роста и окрасы собакъ. — Упраздненіе псовой охоты въ 1740 г. — Доставка собакъ въ Петербургъ . . . . . 234—245

Звѣри Измайловскаго звѣринца. — Отсылка ихъ въ Петербургъ. — Птицы. — Ловля зайцевъ. — Форшмейстеръ. — Оберъ-егерь . . . . . 245—251

Александровская слобода.

Ея прошлое. — Переходъ слободы къ Елисаветѣ Петровнѣ. — Преображенскій и Коломенскій потѣшные дворы. — Таковые же дворы въ селѣ Хорошовѣ, с. Воздвиженскомъ, с. Пахринѣ, с. Царицынѣ. . . . . 251—254

Снабженіе звѣринцевъ звѣрями и птицами. — Доставка птицъ въ Петербургъ съ юга Россіи. — Птичій дворъ въ Астрахани. — Ловля фазановъ, журавликовъ, сѣрыхъ куропатокъ. — Способы отправки птицъ водой. —

Несчастія съ транспортами.—Выписка рѣдкихъ птицъ изъ-за границы.—Доставка звѣрей: оленей, сайгаковъ, дикихъ козъ, дикихъ кошекъ, кабановъ, штейнбоковъ.—Тяжелое положеніе охотниковъ, ловившихъ звѣрей.—Ловля дикихъ звѣрей: лисицъ, волковъ, лосей.—Доставка звѣрей изъ Сибири.—Сибирскіе воеводы Плещеевъ и Бутурлинъ.—Недостатокъ въ звѣряхъ.—Указы по сему Волынскаго.—Прекращеніе ловли птицъ и звѣрей 1740 г. 26 Іюня.—Вновь приказаніе доставлять птицъ и звѣрей.—Курьезные птицы и звѣри. . . . . 254—268

ГЛАВА VI.

Кречетьи и сокольи помытчики.

Упадокъ соколиной охоты.—Общее число помытчиковъ въ XVIII вѣкѣ.—Доставка на Москву соколовъ.—Количество доставляемыхъ соколовъ.—Сроки уловнаго промысла.—Ловля ловчихъ птицъ поволжскими помытчиками.—Случай съ Иваномъ Кликуновымъ.—Ловля ловчихъ птицъ двинскими помытчиками.—«Подмога» правительствомъ двинскимъ помытчикамъ.—Измѣненіе въ 1731 г. вознагражденія двинскимъ помытчикамъ за приносъ ловчихъ птицъ.—Какъ отразилась эта мѣра на благосостояніи помытчиковъ.—Ходатайства Волынскаго. . . . . 269—277

Частныя измѣненія доставки ловчихъ птицъ на Москву.—Пріемъ птицъ на Москвѣ.—Сдача птицъ въ Правительствующій Сенатъ.—Неудобство этой мѣры.—Порядокъ пріема птицъ.—Строгія взысканія съ помытчиковъ за упущенія по доставкѣ.—Случай съ кокшайскимъ помытчикомъ Емельяновымъ.—Случай съ двинскими помытчиками.—Трудность положенія помытчиковъ въ разсматриваемый періодъ.—Сокращеніе ихъ древнихъ правъ и привилегій.—Указъ 9 Января 1723 года.—Жалобы помытчиковъ.—Остановка въ сокольей ловлѣ.—Разореніе сословія помытчиковъ.—Частныя мѣры съ 1793 года.—Замѣны рекрутчины денежными взносами.—Указъ 17 Ноября 1748 года.—Измѣненіе порядка подчиненія помытчиковъ. . . . . 277—286

Столкновеніе бѣлозерскихъ помытчиковъ съ помѣщикомъ Головинымъ.—Запрещеніе помытчикамъ заниматься торговлею и промыслами.—Нару-

стр.

шеніе мѣстными властями правъ помытчиковъ. — Указъ Ярославскому и Вологодскому губернатору Мельгунову. — Незаконное пользованіе личными услугами помытчиковъ. — Борьба помытчиковъ Юхотской волости, Ярославской губерніи, съ наслѣдниками графа Бориса Петровича Шереметева . . . . . 286—292

Строгіе указы объ исправномъ привозѣ ловчихъ птицъ. — Наказанія, штрафы за неисправную доставку. — Ловля ловчихъ птицъ солдатами Мезенцовыми. — Отправка помытчиковъ на Мурманскій островъ и Зимній берегъ. — Запрещеніе частнымъ лицамъ заниматься ловлей ловчихъ птицъ. — Разрѣшеніе ловить ловчихъ птицъ Выгорѣцкимъ раскольникамъ. — Ловля помытчиками и другихъ птицъ. — Стараніе Нарышкина улучшить положеніе помытчиковъ. — Запросъ Сената мнѣній мѣстныхъ властей о правахъ помытчиковъ. — Отстаиваніе старыхъ правъ помытчиковъ оберъ-егермейстеромъ. — Указъ 1800 года. — Уничтоженіе сословія помытчиковъ въ 1827 году 19 Августа. — Заключеніе . . . . 292—300

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ:

ВНѢ ТЕКСТА.

СТР.

Н. С. Самокишъ. Переплетъ книги. Аллегорическое изображеніе перехода Царской охоты изъ Москвы въ Петербургъ: два летящіе сокола поддерживаютъ Императорскую корону (начало Императорскаго періода). На переднихъ углахъ переплета серебряные орлы изъ протазана Царя Іоанна Грознаго.—На оборотной сторонѣ гербъ Москвы и Петербурга, съ изображеніемъ сокольника до-Петровской эпохи и псоваго охотника XVIII столѣтія.

Е. М. Бёмъ. Закладка книги.

1. *А. П. Рябушкинъ.* Аллегорическое изображеніе преобразованія Царской охоты Петромъ Великимъ. Перемѣщеніе столицы изъ Москвы въ Петербургъ. . . . . послѣ II
2. *А. М. Васнецовъ.* Москва конца XVII столѣтія, написанная художникомъ по сохранившимся документамъ . . . . . » XXXII
3. *И. Е. Рѣпинъ.* Пріѣздъ Царей Іоанна и Петра Алексѣевичей на Семеновскій потѣшный дворъ въ сопровожденіи свиты (карлики, шуты, Матвѣевъ, Лефортъ, Гордонъ и др.). На первомъ планѣ картины моментъ обращенія Петра къ брату Іоанну о рѣшеніи его зачислить всѣхъ молодыхъ сокольниковъ въ потѣшные; на заднемъ—Семеновская слобода Потѣшнаго двора и всѣ собравшіеся обитатели ея. Изъ избы подсокольничаго видно спускающуюся съ лѣстницы жену его, въ высокомъ головномъ уборѣ, несущую хлѣбъ-соль дорогимъ посѣтителямъ. (См. текстъ книги, стр. 7) . . . » 6

стр.

4. *В. И. Суриковъ.* Большой морской маскарадъ въ 1722 году на улицахъ г. Москвы, съ участіемъ Петра Великаго и кесаря князя И. Ѳ. Ромодановскаго. (См. текстъ книги, стр. 12) . . . . . послѣ 16
5. *В. А. Сѣровъ.* Императоръ Петръ II съ Цесаревной Елисаветой Петровной выѣзжаютъ верхомъ изъ с. Измайлова, осенью, на псовую охоту. . . . . » 30
6. *В. И. Суриковъ.* Императрица Анна Іоанновна въ Петергофскомъ «Темплѣ» стрѣляетъ оленей. . . . . » 48
7. *М. В. Рундальцевъ.* Костюмированное утро Императрицы Анны Іоанновны, офортъ съ картины проф. живописи В. И. Якоби . . . » 64
8. *А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере.* Пріѣздъ Императрицы Елисаветы Петровны рано утромъ съ тетеревиныхъ токовъ въ «Монбежъ» г. Царскаго Села. (См. текстъ книги, стр. 92) . . . . . » 82
9. *Л. О. Пастернакъ.* Торжественная встрѣча Императрицы Елисаветы Петровны гр. А. Г. Разумовскимъ въ Гостилицахъ въ Іюлѣ 1745 г. » 94
10. *Л. О. Пастернакъ.* Выѣздъ Императрицы Екатерины II 30 Сентября 1767 года въ село Коломенское, верхомъ, въ мундирѣ Конной гвардіи, на охоту. (См. текстъ книги, стр. 102) . . . . . » 108
11. *В. А. Сѣровъ.* Императрица Екатерина II въ одноколкѣ, сопутствуемая Мамоновымъ, Потемкинымъ и оберъ-егермейстеромъ С. К. Нарышкинымъ, ѣдущимъ впереди Государыни. (См. текстъ книги, стр. 100) . . . . . » 126
12. *А. К. Бенуа.* Путешествіе Императрицы Екатерины II въ «Низовые города» по р. Волгѣ, весною 1767 г. изъ альбома Гвардейскаго экипажа, преподнесеннаго Августѣйшему Шефу Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. (См. текстъ книги, стр. 101) . . . . . » 140
13. *А. С. Степановъ.* Напускъ гончихъ . . . . . » 160
14. *В. А. Сѣровъ.* Царь Петръ съ кн. Ѳ. Ю. Ромодановскимъ, Лефортомъ, Ив. Бутурлинымъ и Зотовымъ присутствуетъ на псовой охотѣ, устроенной боярами. (См. текстъ книги, стр. 7) . . . . » 174
15. *А. С. Степановъ.* Травля волка . . . . . » 188
16. *А. П. Рябушкинъ.* Петръ Великій перевозитъ въ ботикѣ черезъ р. Неву Императрицу Екатерину Алексѣевну, кн. Меншикова,

СТР.

адмирала Головина, канцлера Головкина и Макарова. (Костюмы гребцовъ того времени). . . . . послѣ 194

17. *А. П. Рябушкинъ*. Императрица Анна Іоанновна въ Петергофскомъ звѣринцѣ на охотѣ; при ней Герцогъ Бирономъ и Оберъ-Егермейстеръ А. П. Волынскій. (См. текстъ книги, стр. 51) . . . . . » 210

18. *К. В. Лебедевъ*. Вечеръ на Измайловскомъ потѣшномъ дворѣ г. Москвы въ началѣ XVIII столѣтія . . . . . » 228

19. *В. А. Андреевъ*. Ледяной домъ, офортъ съ картины проф. живописи В. И. Якоби. (См. текстъ книги, стр. 50) . . . . . » 246

20. *К. В. Лебедевъ*. Привозъ и сдача подсокольничему соколовъ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ г. Москвы, Холмогорскими помытчиками въ концѣ XVII столѣтія . . . . . » 272

21. *К. В. Лебедевъ*. Обученіе соколовъ. «Выноска и справка» на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ г. Москвы кречетниками и сокольниками. (Представленъ моментъ, когда старый сокольникъ, для лучшаго и успѣшнаго обученія строптиваго и неподатливаго сокола, не присаживаясь, на походѣ, принимаетъ пищу) . . . . . » 282

22. *А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере*. Зимній поѣздъ Императрицы Екатерины II, съ ея ближайшими сановниками, на охоту . . . . . » 290

23. *В. И. Быстренинъ*. Послѣднее засѣданіе въ Кабинетѣ Министровъ Оберъ-Егермейстера А. П. Волынскаго, офортъ съ картины проф. живописи В. И. Якоби . . . . . » 298

24. *В. Шварцъ*. Гусляръ, изъ картинной галлереи Е. С. Шварцъ (стр. Примѣчаній) . . . . . » 300

ВЪ ТЕКСТѢ.

стр.

1. Заставка. Императоръ Петръ Великій со свитой, окруженный арматурой воинскихъ доспѣховъ и отличій флота; двѣ каріатиды поддерживаютъ сѣнь, которую вѣнчаетъ Императорская корона. Рисунокъ Е. Лансере 1
2. Царь Осодоръ Алексѣевичъ 3
3. Императоръ Петръ I, съ грав. Я. Хубракенъ по портрету К. Мооръ. 5
4. Императрица Екатерина I, съ грав. Я. Хубракенъ по портрету К. Мооръ 9
5. Генералъ-Адмиралъ графъ Апраксинъ (галлерея Гатчинскаго дворца). 11
6. Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій (галлерея Гатчинскаго дворца) 15
7. Царская потѣха на вечеринкѣ: поднесеніе медвѣдемъ кубка вина провинившемуся гостю, съ грав. Бартлетъ. 19
8. Князь Б. И. Куракинъ (галлерея Гатчинскаго дворца) 20
9. Парадный обѣдъ по случаю брака Петра I съ Екатериной Алексѣевной 1712 года, съ грав. А. Зубова 21
10. Концовка. Императоръ Петръ I съ Императрицей Екатериной Алексѣевной любуется фейерверкомъ, устроеннымъ на морѣ въ Петергофѣ; внизу надъ гирляндой иниціалы Петра. Рисунокъ Е. Лансере 22
11. Заставка. Императоръ Петръ II на привалѣ охоты, окруженный арматурой охотничьихъ принадлежностей; въ серединѣ иниціалы Петра II. Рисунокъ Е. Лансере 23
12. Императоръ Петръ II, съ грав. С. Вортмана 1729 года по портрету, писанному П. Людденъ 25

стр.

13. Баронъ А. И. Остерманъ, съ грав. Грачева 29
14. Княжна М. А. Меншикова, съ грав. А. Зубова 31
15. Князь И. А. Долгоруковъ, съ грав., изданн. П. Бекетовымъ . . . 34
16. Княжна Е. А. Долгорукова, невѣста Петра II, съ грав., изданн. П. Бекетовымъ. 37
17. Концовка. Императоръ Петръ II на охотѣ, рисунокъ Н. Самокишъ 40
18. Заставка. Императрица Анна Іоанновна верхомъ преслѣдуетъ оленя въ сопровожденіи свиты въ Петергофскомъ звѣринцѣ. Рисунокъ А. Бенуа 41
19. Императрица Анна Іоанновна, съ грав. И. Соколова 43
20. Аллегорическое изображеніе казней князей А. Г. и И. А. Долгоруковыхъ, съ нѣмецкой народной картины того времени. (Собраніе П. Я. Дашкова) 47
21. Герцогъ Э. І. Бирон, съ грав. И. Соколова 50
22. Княгиня Н. Б. Долгорукова, рожденная граф. Шереметева, съ грав. А. Аѳанасьева 53
23. Артемій Петровичъ Волынскій, съ лит. П. Борель по портрету того времени 55
24. Казнь бывшаго Оберъ-Егермейстера А. П. Волынскаго 27 Іюня 1740 г. на Сытномъ рынкѣ, на Петербургской сторонѣ, съ рис. Борель . 60
25. Надгробный памятникъ А. П. Волынскаго, Еропкина, Хрущова на кладбищѣ церкви Св. Самсонія на Выборгской сторонѣ г. С.-Петербурга 62
26. Правительница Анна Леопольдовна (галлерея Гатчинскаго дворца) . 67
27. Бирон, герцогъ Курляндскій (галлерея Гатчинскаго дворца) . . . 73
28. Концовка. Императрица Анна Іоанновна на ружейной охотѣ со свитой подъ параднымъ шатромъ, рисунокъ Е. Лансере 78
29. Заставка. Аллегорическое изображеніе въ стилѣ Людовика XV отъѣзда охотниковъ на охоту. Вверху подъ страусовыми перьями инициалы Елисаветы Петровны. Рисунокъ Л. Бакстъ. 79
30. Императрица Елисавета Петровна, съ офорта Чемесова 1761 г. по портрету, писанному Л. Токэ 81
31. Императрица Елисавета Петровна въ парадномъ выѣздѣ, верхомъ, съ грав. И. Ридингеръ 85

стр.

32. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій (галлерея Гатчинскаго дворца) 91
33. Монбежъ (mon bijou) въ Царскомъ Селѣ, XVIII ст., съ грав. М. Махаева 92
34. Заставка. Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна возвращается съ удачной охоты, въ сопровожденіи егеря въ Ораніенбаумѣ. Рисунокъ А. Бенуа. 96
35. Императоръ Петръ III (галлерея Гатчинскаго дворца) 99
36. Императрица Екатерина II Алексѣевна (галлерея Гатчинскаго дворца) 103
37. Отецъ Императрицы Екатерины II, Христіанъ-Августъ Принцъ Ангальтъ-Цербстскій (галлерея Гатчинскаго дворца) 107
38. Мать Императрицы Екатерины II, Іоанна-Елисавета Принцесса Ангальтъ-Цербстская (галлерея Гатчинскаго дворца). 112
39. Борзая, Императрицы Екатерины II, съ грав. К. Ротъ 1767 г. по портрету, писанному Н. Гроотъ 116
40. Левъ Александровичъ Нарышкинъ, изъ портретной галлереи В. Л. Нарышкина 119
41. Оберъ-Егермейстеръ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ (галлерея Гатчинскаго дворца) 123
42. Императоръ Петръ III со свитой на охотѣ, съ грав. І. Е. Ридингера 129
43. Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (галлерея Гатчинскаго дворца) 132
44. Императрица Екатерина II въ Преображенскомъ мундирѣ, съ карт. В. Эриксена 1762 г. (Императорскій Эрмитажъ) 136
45. Роговая музыка Императорской охоты, съ рис. Кольмана 139
46. Собственноручная надпись Императрицы Екатерины II на сыскномъ дѣлѣ бывшаго Оберъ-Егермейстера и Кабинетъ-Министра А. П. Волынскаго въ 1765 году (Государственный Архивъ). . 143, 147, 151 и 153
47. Концовка. Полеваніе псовой охоты въ XVIII ст., съ изображеніемъ богини охоты. Рисунокъ А. Бенуа 156
48. Заставка. Охота. Рисунокъ Е. Лансере 157
49. Стая гончихъ на псарнѣ. Рисунокъ Н. Самокиша. 159
50. Генералъ-Фельдмаршалъ графъ П. В. Гудовичъ (портретная галлерея графа В. В. Гудовича) 163

стр.

51. Императорская ставка Петра II на охотѣ. Рисунокъ Н. Самокиша. 167
52. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (галлерея Гатчинскаго дворца) 172
53. Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (галлерея Гатчинскаго дворца) 175
54. «Пріемъ волка». Рисунокъ Н. Самокиша. 179
55. Выѣздъ Императора Петра II изъ села Измайлова на охоту, съ грав. И. Зубова 183
56. Цесаревна Елисавета Петровна на охотѣ съ Шубинымъ и врачемъ Лестокомъ. Рисунокъ Н. Самокиша 186
57. Князь Д. М. Голицынъ, съ грав. И. Тардіе по портрету Друэ . . 189
58. Концовка. Принадлежности конскаго спорта XVIII ст. Рис. Н. Самокиша 190
59. Заставка. Охотничій домъ звѣринца. Рис. А. Бенуа 191
60. Автографъ Царя Ѳеодора Алексѣевича патріарху Іоакиму (см. примѣчанія, стр. 283, письмо № 5; Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ въ г. Москвѣ, сообщенъ С. А. Бѣлокуровымъ) . . . 193
61. Автографъ Императора Петра I къ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (см. примѣчанія, стр. 283, письмо № 6; Государственный Архивъ). 197
62. Надпись Императора Петра I на конвертѣ (письмо № 6). 203
63. Подлинный актъ титула «отца Отечества, Императора Всероссійскаго Петра Великаго», преподнесенный Императору Петру I Сенатомъ въ 1721 году (Государственный Архивъ) . . . . . 207, 211 и 215
64. Автографъ Императора Петра I къ Зейкеръ (см. примѣчанія, стр. 283, письмо № 7; Государственный Архивъ) 219
65. Головинскій дворецъ въ нѣмецкой слободѣ г. Москвы, салютъ изъ орудій (собраніе П. Я. Дашкова). 223
66. Подлинный актъ Верховнаго Тайнаго Совѣта объ избраніи Анны Іоанновны, Герцогини Курляндской, Императрицею Всероссійской 19 Января 1730 года (Государственный Архивъ). . . . . 227 и 231
67. Автографъ А. П. Волынскаго Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ (Государственный Архивъ). . . . . 235 и 237
68. Автографъ Герцогини Курляндской Анны Іоанновны Императору Петру I (Государственный Архивъ). 239

стр.

69. Манифестъ 18 Октября 1740 г. Императора Іоанна III быть регентомъ Герцогу Курляндскому Бирону, подписанный высшимъ духовенствомъ и сановниками (Государств. Архивъ) . . . . . 243 и 247
70. Автографъ Императрицы Елисаветы, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (Государств. Архивъ) . . . . . 249 и 253
71. Письмо Императрицы Елисаветы неизвѣстному (см. примѣчанія, стр. 284, письмо № 8). 257
72. Императрица Екатерина II, съ грав. В. Дикинсонъ 1773 года . . 261
73. Указъ Императрицы Екатерины II Сенату, данный Ею на пути слѣдованія съ войскомъ въ Петергофъ 29 Іюня 1762 г. (Государств. Архивъ) 265
74. Концовка. Лѣтній садъ и птичникъ на прудѣ, устроенный Императоромъ Петромъ въ г. Петербургѣ. Рисунокъ А. Бенуа 268
75. Заставка. Соколиная охота. Рисунокъ А. Бенуа 269
76. Бѣлокрапчатый кречетъ съ острова Исландіи. Сообщено Н. В. Мининымъ 271
77. Бѣлый соколъ съ Ледовитаго океана. Сообщено Н. В. Мининымъ. 275
78. Принадлежности охоты XVIII ст. Рисунокъ Н. Самокиша 280
79. Зимній видъ. Рисунокъ Н. Самокиша 283
80. Принадлежности охоты XVIII ст. Рисунокъ Н. Самокиша 288
81. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (галлерея Гатчинскаго дворца) 292
82. Царскій поѣздъ на охоту. Рисунокъ Н. Самокиша 296
83. Концовка. Аллегорическое изображеніе вѣрной службы за весь періодъ 500 лѣтъ сокольихъ помытчиковъ и сокольниковъ Великимъ Князьямъ, Царямъ и Императорамъ, закончившійся въ описываемый нами періодъ. Внизу подъ Царскимъ вѣнцомъ лежатъ грамоты привилегій, полученныя сокольими помытчиками со временъ Великаго Князя Іоанна III, подкрѣпленныя и послѣдующими царствованіями до середины XVIII вѣка включительно. Щитъ съ Государственнымъ гербомъ, вѣнчанный Императорской короной, обвитый лавромъ, поддерживается двумя колѣнопреклоненными сокольниками стараго и новаго времени. Позади изображенія — сіяніе, во славу пройденнаго долгаго пути этимъ сословіемъ на пользу родины и государству Россійскому.

ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

		стр.
1.	Петръ I въ костюмѣ члена «Великаго Посольства», съ офорта И. Оттенсъ.	3
2.	Никита Моисѣевичъ Зотовъ, съ грав., изданн. П. Бекетовымъ	5
3.	Потѣшный ботъ Императора Петра (хранится въ гор. Астрахани), изъ альбома Гвардейскаго экипажа, преподнесеннаго Августѣйшему шефу Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ	8
4.	А. С. Матвѣевъ, съ грав. И. Ческаго	10
5.	Князь А. Д. Меншиковъ, съ грав. П. Симонъ.	13
6.	Бургомистръ г. Амстердама Витсенъ въ 1697 году приноситъ въ даръ Петру I корабль, которому Петръ даетъ имя «Амстердамъ», съ грав. Маркусъ.	17
7.	Фейерверкъ въ Амстердамѣ на амстелѣ въ честь Петра I въ 1694 г., съ голландской гравюры того времени.	20
8.	Празднество въ Вѣнѣ въ честь «Великаго Посольства» 1698 г., съ офорта того времени	23
9.	Стрѣлецкій бунтъ 1696 года, съ рис. Савицкаго.	25
10.	Казнь стрѣльцовъ при Петрѣ I, съ грав. А. Артаріусъ.	29
11.	Соболиная печать сибирскаго приказа 1706 г.	31
12.	Первоначальный видъ г. С.-Петербурга, 1705 г., съ грав. Боденеръ.	35
13.	Взятіе Петромъ I 7 Мая 1703 года въ устьѣ Невы двухъ шведскихъ судовъ: «Геданъ» и «Астрильдъ», съ грав. Ростовцева.	39
14.	Россійскій гербъ въ началѣ XVIII ст., съ нѣмецкой грав. того времени	41

стр.

15. Торжественный въѣздъ Петра I въ Москву послѣ Полтавской битвы, съ грав. Пикаръ (собр. П. Я. Дашкова). 43
16. Церемоніалъ встрѣчи слона въ г. С.-Петербургѣ, присланнаго Персидскимъ Шахомъ Петру I, съ грав. того времени. 47
17. Въѣздъ Петра I въ Амстердамъ 1717 года, съ офорта С. Фокке . 53
18. Лѣтній садъ, съ грав. А. Зубова 1717 г. (собраніе П. Я. Дашкова). 57
19. Маскарадное шествіе въ Москвѣ по случаю Нейштатскаго мира 1722 г., съ нѣм. грав. по рисунку Шарлемань (собр. П. Я. Дашкова). . . . . 60 и 63
20. Фейерверкъ въ Москвѣ по случаю коронаціи Екатерины I 7 Мая 1724 г., съ русск. грав. того времени. 67
21. Свадьба карликовъ въ царствованіе Петра I, съ грав. И. Филипсъ. 71
22. Свадьба шута Шанскаго, съ грав. А. Зубова 75
23. Оперный домъ въ С.-Петербургѣ въ царствованіе Петра I, съ грав. Кирсанова 79
24. Зимній Дворецъ 1717 г., съ грав. А. Зубова 81
25. И. И. Голиковъ, авторъ «Дѣяній Петра Великаго», съ грав. Н. Цеттеръ 84
26. Старый Зимній дворецъ, съ англійской грав. XVIII ст.. 87
27. Письмо Царя Петра къ брату Царю Іоанну (см. конецъ приложеній, письмо № 1); (Государств. Архивъ) . . . . . 89 и 91
28. Письмо Царя Петра къ матери Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ (см. конецъ приложеній, письмо № 2); (Государств. Архивъ) . . . 93
29. Письмо Царя Петра къ матери Царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ (см. конецъ приложеній, письмо № 3); (Государств. Архивъ). . . . 97
30. Пропускная свидѣтельствованная грамота, данная Гаврилу Кобылину и Петру Михайлову (Петръ Великій) съ товарищи 22 человѣка въ 1697 году при отправкѣ ихъ за границу «для науки воинскихъ дѣлъ» 99
31. Письмо Царя Петра къ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (см. конецъ приложеній, письмо № 4) 103
32. Указъ Императора Петра I о присвоенномъ Ему титулѣ «Его Императорскаго Величества, Императора Всероссійскаго» 107
33. Боярская усадьба XVII ст. въ Ингерманландіи, съ голландской грав. того времени 111

стр.

34. Планъ села Коломенскаго, съ рис. конца XVIII ст. 113
35. Способъ передвиженія на крайнемъ сѣверѣ Россіи, съ нѣм. грав. начала XVII ст. 117
36. Русскія сани начала XVII ст., съ франц. грав. того времени . . . 119 и 122
37. Спальня Петра I въ Марли въ Петергофѣ, съ англійск. грав. . . 125
38. «Тиранъ» и «Лизетта», собаки Петра I, съ грав. И. Кляуберъ съ рис. К. Мейера 128
39. «Лизетта», лошадь Петра I, бывшая въ Полтавскомъ бою, съ грав. И. Кляуберъ по рис. К. Мейера. 130
40. Охотничій выѣздъ временъ Петра I, съ нѣм. офорта того времени. 133
41. Ф. Я. Лефортъ, съ грав. II. Шенкъ 1698 г. 135
42. Выѣздъ помѣщика на охоту начала XVIII ст.. 138
43. Русскія сани начала XVII ст., съ франц. грав. того времени . . . 140
44. Гербъ Царства Сибирскаго, съ нѣм. грав. начала XVIII ст. . . . 145
45. Симоновъ монастырь, съ грав. Бликланда начала XVIII ст. . . . 148
46. Донской монастырь, съ грав. Бликланда начала XVIII ст. . . . 151
47. Императрица Анна Іоанновна (современный портретъ). Галлерея Гатчинскаго дворца 153
48. Иллюминація Петропавловской крѣпости въ царствованіе Анны Іоанновны, съ грав. Дункеръ 156
49. Фейерверкъ въ С.-Петербургѣ по случаю дня рожденія Анны Іоанновны, 1738 г., по рисунку того времени. 159
50. Дворцовая набережная въ царствованіе Анны Іоанновны, съ грав. Елингера. 161
51. Манежъ Анны Іоанновны, съ русск. грав. того времени 163
52. А. И. Ушаковъ, съ грав. И. Иванова по портрету Я. Аргунова . . 166
53. Графъ Б. Х. Мюнихъ, съ офорта Е. Чемесова по рис. И. Девельи 1764 г. 170
54. Открытый манежъ герцога Бирона, съ русск. грав. того времени . 173
55. В. К. Тредіаковскій, съ грав. Колпашникова 176
56. Шутъ И. Балакиревъ, съ русск. литогр. начала XIX ст. 179
57. Шутъ Лякостъ Анны Іоанновны, съ грав. Боэтіусъ 181
58. Рапортъ А. П. Волынскаго Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 году (Государств. Архивъ) 183

стр.

59. Шутовское свадебное шествіе въ Ледяной домъ на Невѣ, съ грав. Н. Наргро 185
60. Списокъ придворнымъ лошадямъ, подписанный Оберъ-Егермейстеромъ Волынскимъ и представленный Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (Госуд. Архивъ). 187
61. Въѣздъ Императрицы Елисаветы Петровны въ парадной каретѣ на коронацію въ Москву, съ грав. И. Соколова. 191
62. Автографъ Императрицы Елисаветы неизвѣстному лицу (см. конецъ приложенія). 193
63. Гербъ г. С.-Петербурга временъ Елисаветы Петровны. 195
64. Принцъ К. де-Линь, съ грав. И. Мансфельдъ 197
65. Лейбъ-медикъ Блюментростъ, первый президентъ Академіи Наукъ, съ литогр. П. Андреева по портрету съ натуры. 199
66. Графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, съ грав. И. М. Бернигеродъ 1756 г. по портрету Г. Пренеръ. 202
67. Графъ Лестокъ, съ грав. И. Штенглина по портрету Г. Гротта. . 213
68. Графъ М. И. Воронцовъ, съ офорта Г. Ф. Шлитта 1758 г. по портрету Токэ. 215
69. Видъ Невскаго отъ Аничкина моста къ Адмиралтейству средина XVIII ст., съ грав. Никэ по рис. М. Махаева 217
70. Лѣтній дворецъ 1745 г., съ англійск. грав. Портеръ 219
71. Фейерверкъ, данный И. И. Незвановымъ въ честь Елисаветы Петровны въ 1755 г., съ грав. И. Соколова, съ рис. Перизиноти 221
72. Парадныя походныя сани Елисаветы Петровны, съ грав. И. Соколова. 223
73. Походныя сани и кухня Императрицы Елисаветы Петровны, грав. И. Соколова . . . . . 225 и 227
74. «Castrum de loris» Императрицы Елисаветы Петровны, съ нѣм. народной картины на деревѣ (собственность П. Я. Дашкова) . . . 229
75. Силуэтъ Императрицы Екатерины II, дѣланный съ натуры Г. Ф. Сидо въ 1782 г. 231
76. Собственноручное письмо Великой Княгини Екатерины Алексѣевны Императрицѣ Елисаветѣ, 29 Мая 1758 г. (Госуд. Архивъ). 233, 235 и 237
77. Императрица Екатерина II въ домашнемъ костюмѣ, съ грав. Уорренъ по рис. Корбуль 239

стр.

78. Видъ Царскосельскаго дворца середины XVIII ст., съ грав. Никэ по рис. И. Махаева 241
79. Видъ Петергофскаго дворца середины XVIII ст., съ грав. Никэ по рис. И. Махаева. 243
80. Видъ Оранiенбаумскаго дворца середины XVIII ст., съ грав. Шевалье по рис. И. Махаева. 245
81. Князь А. А. Безбородко (галлерея Гатчинскаго дворца) 247
82. Походныя сани Императрицы Екатерины II, съ грав. И. Филипсъ . 249 и 251
83. Графъ Г. Г. Орловъ, съ офорта Е. Чемесова по рис. И. Девельи . 253
84. Памятникъ графу Г. Г. Орлову въ Царскомъ Селѣ, съ акват. Майэръ. 255
85. Иллюминацiя дороги въ Царское Село по случаю пріѣзда Принца Генриха Прусскаго, съ грав. А. Колпашникова 257
86. Вельботъ Императрицы Екатерины II на озерѣ Царскаго Села, изъ альбома Государыни Императрицы Марiи Ѳеодоровны 259
87. Графъ П. Б. Шереметевъ (галлерея Гатчинскаго дворца) 261
88. Царскiе терема въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ начала XIX ст., съ аквар. П. Дункеръ 263
89. Видъ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, съ русск. пастели конца XVIII ст. 265
90. Видъ части Московскаго Кремля, съ русск. пастели конца XVIII ст. 267, 269 и 271
91. Морскiя птицы на устьѣ Волги, съ грав. XVII ст. Ротгисеръ . . 273
92. Гончая и борзая, съ виньетки на картѣ путешествiя Избранта. . . 275
93. Гончая конца XVII ст., съ русск. грав. того времени 278
94. Тетеревъ, съ русской грав. конца XVII ст. 280

Съ красными цифрами.

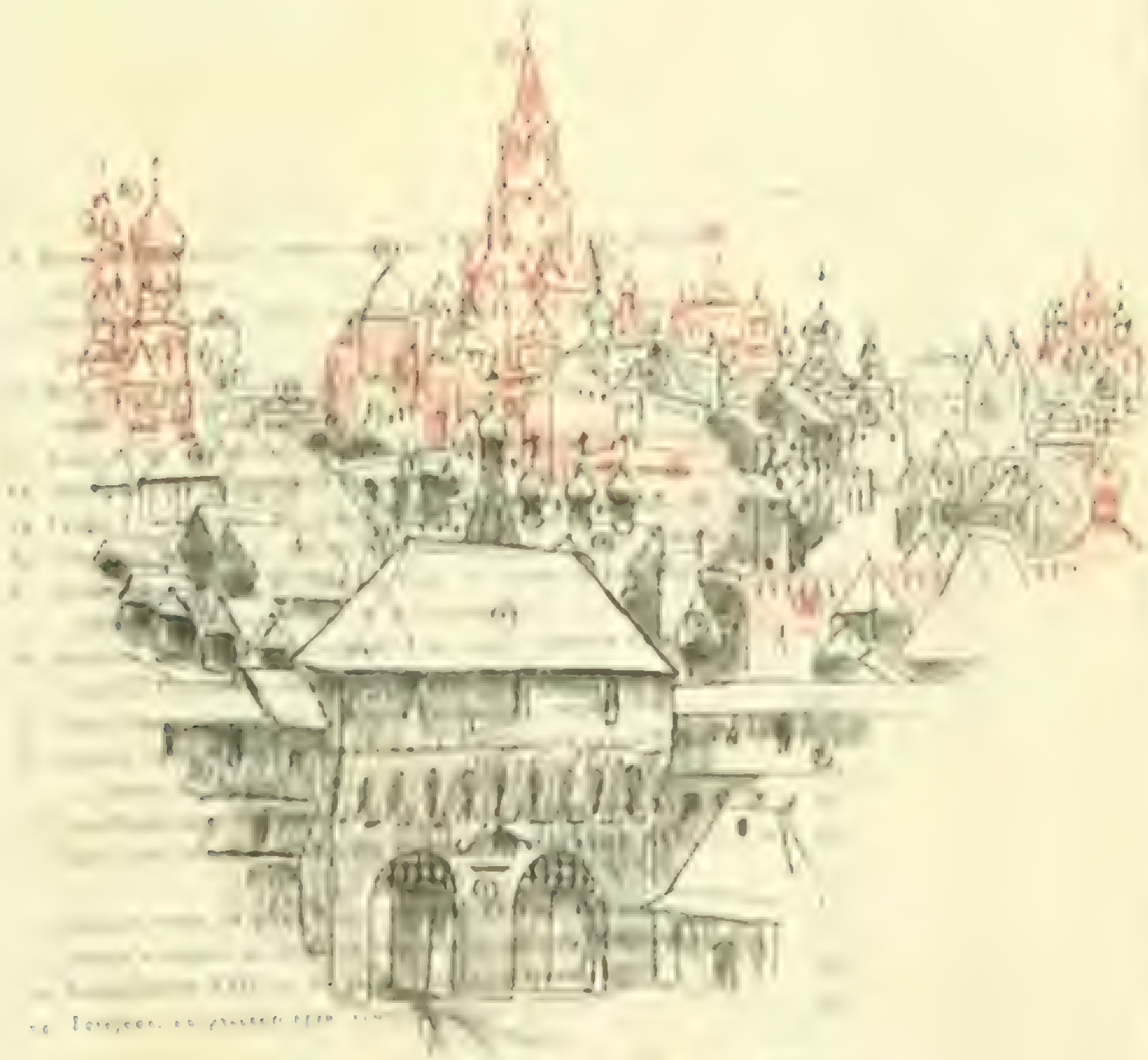
1. Спасскія или Троицкія ворота.
2. Сполошная башня.
3. Никольскія ворота.
4. Константино-Еленинская башня.
5. Застрѣлка.
6. Верхняя Кремлевская стѣна.
7. Вознесенскія мѣдныя ворота.
8. Церковь Константина и Елены.
9. Соборъ Чуда Архистратига Михаила.
10. Соборъ Василія Блаженнаго.

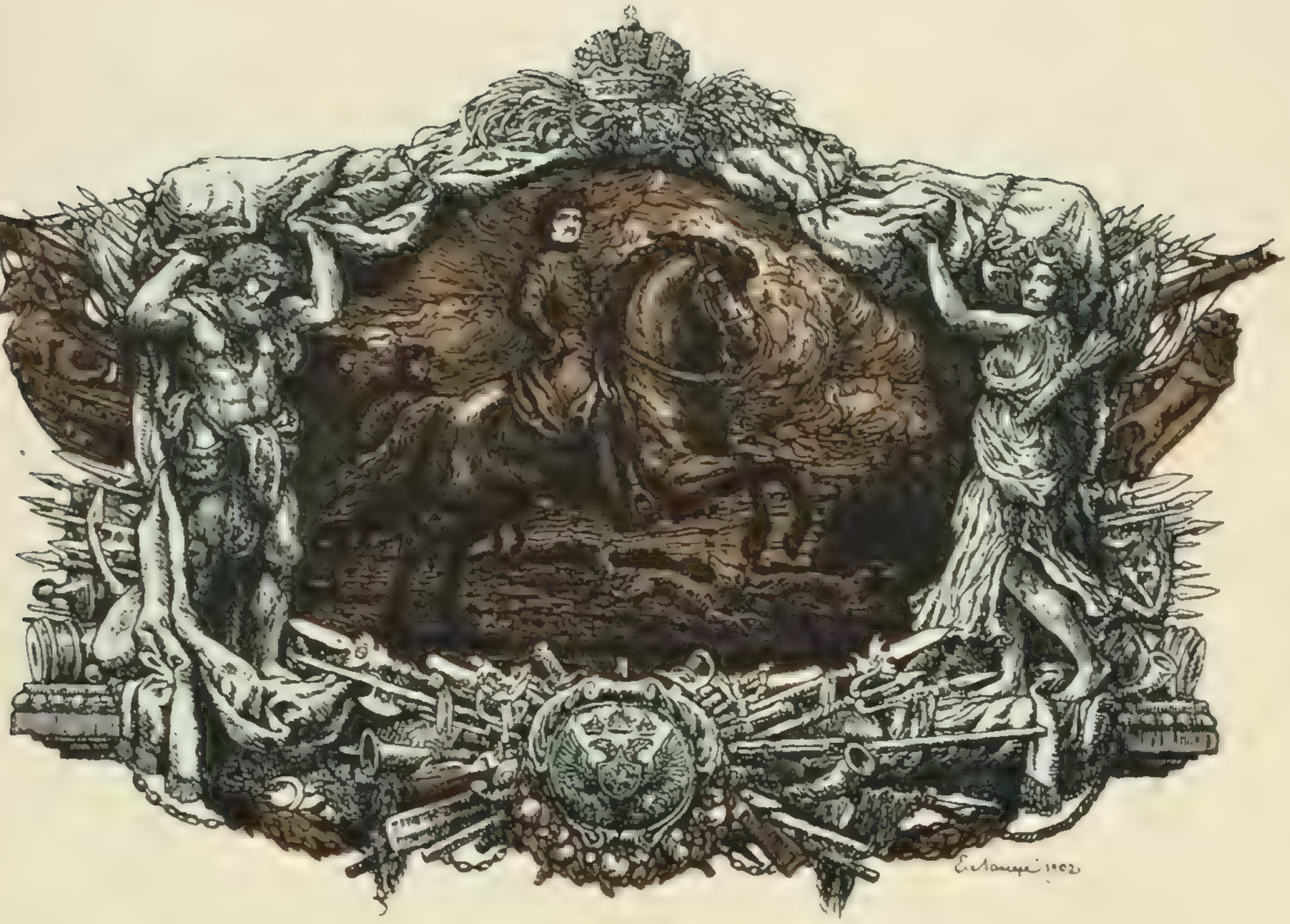
Съ мѣрными цифрами.

1. Водяныя ворота.
2. [illegible]
3. [illegible]
4. [illegible]
5. [illegible]
6. [illegible]
7. [illegible]
8. Спасскій мостъ.
9. Никольскій мостъ.
10. Ровъ [illegible] стѣнами.
11. Церковь [illegible] на Красной площади.
12. Стѣны Китай-города.
13. Карпъ-[illegible]
14. Дворъ [illegible]
15. Дворъ Морозовъ.
16. Дворъ Сицкаго.
17. Дворъ Мо[illegible]
18. Дворъ [illegible]
19. Церковь [illegible]
20. Церковь [illegible]
21. [illegible]
22. Церковь [illegible]

[illegible]

[illegible]





Глава I.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ и Императоръ Петръ Великій.

Смерть тишайшаго Царя Алексѣя Михаиловича положила конецъ блестящему періоду развитія царской охоты. Настало время крайняго ея упадка, продолжавшееся въ теченіе полувѣка, съ. 1676 по 1726 годъ.

Молодой Царь, Ѳеодоръ Алексѣевичъ, не унаслѣдовалъ отъ своего отца и тѣни его любви къ «соколиной потѣхѣ». Человѣкъ болѣзненный, крайне слабаго сложенія, онъ не былъ рожденъ для подвижной жизни охотника и, получивъ хорошее образованіе подъ руководствомъ Симеона Полоцкаго, наполнялъ свои

досуги писаніемъ виршъ и чтеніемъ русскихъ и польскихъ книгъ. Въ теченіе своего недолгаго шестилѣтняго царствованія Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ кажется, ни разу не принималъ участія въ охотѣ.

Упадокъ учрежденій царской охоты, обусловленный нерасположеніемъ къ ней Государя, замѣчается съ перваго же года новаго царствованія. Въ Апрѣлѣ 1676 г., черезъ два мѣсяца послѣ смерти своего отца, Царь Ѳеодоръ приказалъ отдать на храненіе въ Оружейную палату все платье сокольниковъ и птичьи уборы [1]). Изъ приказа Тайныхъ Дѣлъ [2]), состоявшаго въ ближайшемъ вѣдѣніи Государя, управленіе птичьей охотой, какъ не интересующее новаго Царя, передается въ приказъ Большого дворца, управлявшійся на общемъ основаніи однимъ изъ бояръ. Смерть стольника Аѳанасія Ивановича Матюшкина, завѣдывавшаго царской «соколиной потѣхой», любимца Царя Алексѣя Михаиловича, унесла послѣдняго старателя этого дѣла, и управленіе охотой поручено было новому лицу, ловчему Василію Ивановичу Философову, не оставившему послѣ себя никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ своей дѣятельности [3]). Штаты царской охоты сокращаются; нѣсколько сокольниковъ переводятся съ Семеновскаго потѣшнаго двора на другія должности. Царскіе охотники не дорожатъ болѣе своей службой, высоко цѣнившейся при Царѣ Алексѣѣ: въ 1681 году одинъ изъ нихъ, птичій стрѣлокъ, Мишка Звѣревъ, билъ челомъ Государю о переводѣ его въ Оружейную палату, на должность самопальнаго, и Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ не замедлилъ исполнить его ходатайство [4]).

Царская охота падаетъ, но не уничтожается совершенно. Она была нужна, какъ привычная принадлежность стариннаго обряда московской придворной жизни и какъ одно изъ средствъ для поддержанія добрыхъ отношеній къ восточнымъ государямъ. Соколы и кречеты попрежнему посылаются въ подарокъ восточнымъ шахамъ и ханамъ, которые очень цѣнили московскихъ охотничьихъ птицъ. Такъ, въ 1679 г. съ послами, отправленными къ персидскому шаху, посланы были въ даръ ему одиннадцать кречетовъ и соколъ со всѣмъ нарядомъ

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ,
1676—1682 гг.

и съ колокольцами изъ Серебряной палаты; для ухода за птицами посольство сопровождали два кречетника и три сокольника. Незадолго

передъ тѣмъ девять птицъ послано было бухарскому хану. Но эти птицы не всѣ дошли по назначенію. Одинъ изъ мелкихъ азіатскихъ хановъ, Юргенскій Атавша-Богадырь ханъ, черезъ владѣнія котораго слѣдовали царскіе кречетники съ птицами, перехватилъ двухъ кречетовъ и затѣмъ, опасаясь гнѣва Московскаго Царя, прислалъ ему въ 1677 г. слѣдующую грамоту: «Великому государю храброму, высокопрестольному и сѣверныхъ странъ и земель великому князю, бѣлому царю любительное поздравленіе. Послали вы къ бухарскому Абдулъ-Азисъ-Богадырь хану девять птицъ съ кречетниками: а онъ, бухарскій ханъ, мнѣ вмѣсто отца, и я изъ тѣхъ птицъ оставилъ у себя двѣ птицы, и о томъ я бухарскому хану писалъ, а у меня съ нимъ розни нѣтъ: учинилъ то, надѣючись на него, а достальныя птицы до бухарскаго хана дошли въ цѣлости. И впредь вашего величества какія дѣла будутъ въ сей странѣ, и я буду совершать по достоинству; а буде кречетники учнутъ говорить о тѣхъ птицахъ, которыхъ я взялъ, и вамъ ихъ рѣчамъ вѣрить не велѣть, а у меня съ бухарскимъ ханомъ въ тѣхъ птицахъ отнюдь ссоры не будетъ. Потомъ умножи Богъ благоденствія вашего» [5]).

Упадокъ царской охоты продолжается и еще болѣе усиливается въ царствованіе Петра Великаго. Наслѣдственная въ родѣ Романовыхъ любовь къ «полевымъ утѣхамъ» была ему совершенно чужда. Въ ранней юности Петръ увлекся мореплаваніемъ; на всю жизнь морское дѣло сдѣлалось его всепоглощающей страстью и не оставляло мѣста въ его душѣ увлеченію охотой. Подобно тому, какъ отецъ его, Царь Алексѣй Михаиловичъ, былъ истымъ охотникомъ, превосходившимъ всѣхъ своихъ любимыхъ сокольниковъ и кречетниковъ любовью къ вольной соколиной потѣхѣ на раздольныхъ московскихъ лугахъ, такъ Петръ былъ истымъ морякомъ, любившимъ больше всего быстрый бѣгъ судна подъ парусами, тревоги непогоды въ открытомъ морѣ, бесѣды съ моряками, голландскими шкиперами и новыми русскими капитанами. Какъ Алексѣй Михаиловичъ не только любилъ

Императоръ Петръ I,
съ грав. Я. Хубракенъ, по портрету К. Моръ.

охоту, но и зналъ во всѣхъ подробностяхъ дѣло ухода за птицами и всѣ порядки сокольяго двора, такъ Петръ, Piter-baas (baas—корабельный мастеръ), какъ онъ себя называлъ, соперничалъ съ лучшими голландскими мастерами въ умѣньи построить и оснастить корабль и успѣшно исполнялъ обязанности шкипера, проводя иностранныя суда по фарватеру Невы въ новорожденный «Санкт-питерсбурхъ».

Когда въ 1692 году двадцатилѣтній Петръ строилъ на Переяславской верфи свой первый корабль, онъ такъ увлекся этимъ дѣломъ, что Л. К. Нарышкинъ и князь Б. А. Голицынъ долгое время никакъ не могли его уговорить на одинъ день оставить верфь и пріѣхать въ Москву, для торжественной аудіенціи чрезвычайному послу персидскаго шаха. Впослѣдствіи, въ горячее время реформъ, великій преобразователь, великій учитель своего народа, создавалъ новую армію, строилъ фабрики и заводы, переводилъ книги, вырабатывалъ регламенты сената, коллегій, губерній, вездѣ вникая во всѣ подробности дѣла, но ничѣмъ онъ не занимался съ такою любовью, какъ сооруженіемъ новаго флота. Второй тостъ на всѣхъ пирахъ онъ провозглашалъ «за здоровье семейства Ивана Михайловича» (Головина, адмирала), то-есть русскаго флота, и однажды обѣщалъ шуту заплатить 100.000 руб., если когда-нибудь забудетъ провозгласить эту здравицу. Спускъ каждаго новаго судна радовалъ Петра неисказанно. Въ Петербургѣ онъ постоянно слѣдилъ за работами на верфи, встрѣчалъ новыя иностранныя суда, приходившія въ портъ, весьма часто плавалъ въ морѣ или по Невѣ, въ сопровожденіи огромной флотиліи лодокъ. Будучи однажды зимою въ Москвѣ (въ январѣ 1722 г.), Петръ, чтобы возмѣстить недостатокъ моря, устроилъ большой морской маскарадъ; во главѣ длинной процессіи изъ лодокъ и буеровъ онъ ѣхалъ на большомъ кораблѣ на полозьяхъ и искусно маневрировалъ парусами, смотря по направленію вѣтра.

Развлеченія мореходства замѣняли для Петра вполнѣ развлеченія охоты. Такъ именно онъ самъ опредѣлилъ свое отношеніе къ охотѣ

въ разговорѣ съ гановерской курфюрстиной Софіей во время своего перваго путешествія за границу въ 1697 г. На вопросъ курфюрстины: любитъ ли онъ охоту?—Петръ отвѣчалъ: «Отецъ мой былъ страстный охотникъ, но я не чувствую къ этой забавѣ никакой склонности, зато очень люблю мореходство и фейерверки» [6]).

Судя по разсказамъ перваго историка-лѣтописца петровскаго царствованія, Крекшина, и автора извѣстныхъ «Дѣяній Петра Великаго», Голикова, Петръ I въ молодости не только «не чувствовалъ никакой склонности» къ охотѣ, но и былъ принципіальнымъ противникомъ охоты, какъ пустой и недостойной забавы. По словамъ Голикова, Петръ однажды въ ранней юности остроумно насмѣялся надъ боярами, любителями охоты. Когда нѣсколько бояръ начали выхвалять предъ нимъ псовую и птичью охоты, какъ благородныя забавы, прося его посѣтить ихъ. Петръ назначилъ день и мѣсто для псовой охоты. Выѣхавъ затѣмъ въ поле, онъ объявилъ боярамъ, что желаетъ имѣть дѣло только съ ними, а не съ псарями-холопами. Псари должны были удалиться, передавъ собакъ господамъ. Господа же тотчасъ «привели псовъ въ разстройку»; напуганныя собаками лошади занесли далеко въ поле своихъ сѣдоковъ; нѣкоторыхъ сбили съ сѣдла; другихъ же собаки, путаясь въ сворахъ, стащили съ лошадей. Когда на другой день Государь пригласилъ бояръ,—тѣхъ, которые не лежали въ постели послѣ псовой охоты, — участвовать въ соколиной охотѣ, то они рѣшительно отказались, помня полученный урокъ. Тогда юный Петръ сказалъ имъ слѣдующее: «Аще свѣтлая слава есть въ оружіи, то почто же мя ко псовой охотѣ отъ дѣлъ царскихъ отвлекаете и отъ славы къ безславію приводите? Азъ Царь есмь и подобаетъ ми быти воину, а охота оная прилежитъ псарямъ и холопамъ» [7]).

Разсказываютъ также, что когда Петръ въ 1684—1687 гг. устраивалъ, при помощи Франца Лефорта, свои потѣшные полки, то онъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Царемъ Іоанномъ, зашелъ однажды на сокольничій дворъ и пожелалъ узнать, сколько всего здѣсь со-

держалось охотниковъ. Ему сказали, что охотниковъ здѣсь до 300 человѣкъ. Тогда Петръ, обратясь къ своему брату и указывая на собравшихся, замѣтилъ: «Какое число людей безъ пользы содержится, и не лучше ли бы излишнюю охоту уничтожить, а расходы и людей употребить въ пользу государственную»? и вслѣдъ затѣмъ, съ согласія Іоанна Алексѣевича, записалъ всѣхъ молодыхъ сокольниковъ въ потѣшные [8]).

Впослѣдствіи, уже въ зрѣломъ возрастѣ Петръ, находясь однажды въ Польшѣ, также очень презрительно отозвался объ охотѣ въ томъ смыслѣ, что его, человѣка, занятого дѣломъ, войною, не можетъ интересовать эта забава. Извѣстный токарь Петра Великаго, Андрей Нартовъ, говоритъ въ своихъ запискахъ: «Государю предлагаема была для забавы въ одно время въ Польшѣ отъ магнатовъ охота за звѣрями, на что онъ отвѣчалъ имъ, благодарствуя: «Довольно охоты той, чтобы гоняться за шведами». Мы имѣемъ, однако, цѣлый рядъ извѣстій объ охотахъ, въ которыхъ Петръ принималъ личное участіе [9]). «Гоняясь за шведами», онъ иногда находилъ время и для того, чтобы «гоняться» за лосями, оленями и кабанами. Повидимому, Петръ не жаловалъ охоты только въ молодости, пока еще мало знакомъ былъ съ западно-европейской жизнью и поэтому видѣлъ въ охотѣ спеціально-московскую, азіатско-русскую забаву; быть-можетъ, онъ пренебрежительно относился къ охотѣ главнымъ образомъ потому, что ее любили московскіе бояре, представители отжившаго стараго склада русской жизни.

Но въ первое же свое заграничное путешествіе 1697—1698 гг. Петръ долженъ былъ убѣдиться, что любовь къ охотѣ столь же распространена на западѣ, какъ и на востокѣ, что у каждаго владѣтельнаго князя и у каждаго барона были свои егеря и свои звѣринцы. Гановерская курфюрстина, какъ упомянуто выше, при первомъ же свиданіи съ Петромъ поинтересовалась узнать, любитъ ли онъ охоту. Бранденбургскій курфюрстъ (впослѣдствіи, съ 1701 г. прус-

Императрица Екатерина I,
съ грав. Я. Хубракенъ.

скій король) Фридрихъ I, устраивая въ честь великаго московскаго посольства торжественные обѣды, блистательные фейерверки, бои дикихъ быковъ съ медвѣдями, не преминулъ устроить для него и большую звѣровую охоту въ окрестностяхъ Фишгаузенскаго замка. Въ ставкѣ курфюрста, кромѣ великихъ пословъ, былъ и «дворянинъ Петръ Михайловъ», какъ называлъ себя Петръ I во время этого путешествія. Охотники выгнали большое число оленей. Петръ вмѣстѣ съ курфюрстомъ застрѣлилъ до 70 оленей; на раненыхъ звѣрей напускали собакъ. Музыканты при этомъ играли на трубахъ и громко били въ литавры. «Заключена была сія забава», какъ выражается Голиковъ, «великолѣпнымъ столомъ и многими въ саду замка потѣхами и веселіемъ» [10]).

Впослѣдствіи Петръ несомнѣнно уже не видѣлъ въ развлеченіяхъ охотой «безславія» и хотя не очень часто, но все же не разъ принималъ въ нихъ участіе. Въ 1709 г., находясь въ Сумахъ, онъ приказалъ князю Ромодановскому выслать туда изъ Москвы «немедленно пять кречетовъ съ охотниками» для птичьей охоты. Въ 1714 г., плывя по Балтійскому морю, Петръ высадился на одномъ изъ Аландскихъ острововъ и здѣсь участвовалъ въ звѣровой охотѣ, на которой застрѣлилъ одного лося и шесть зайцевъ [11]).

Въ послѣднія десять лѣтъ своей жизни Петръ охотился чаще, чѣмъ прежде. За время большого заграничнаго путешествія Государя въ 1716 и 1717 гг. мы имѣемъ извѣстія о пяти его охотахъ. Какъ замѣчено въ походномъ журналѣ Царя, Его Величество, находясь въ Мекленбургскомъ герцогствѣ, въ гор. Шверинѣ, «ѣздилъ съ герцухомъ на охоту и застрѣлилъ оленя». Пріѣхавъ изъ Шверина въ Краковъ въ Ноябрѣ 1716 г., онъ и здѣсь «былъ на охотѣ, стрѣлялъ оленей и дву кабановъ». Въ Апрѣлѣ 1717 г. Его Величество въ бытность въ гор. Кале «билъ на егерствѣ зайцевъ». Находясь въ Парижѣ въ Маѣ того же года, Петръ совершилъ поѣздку въ Фонтенебло, въ сопровожденіи генералъ-адмирала графа Тулузскаго, и

здѣсь полтора часа охотился въ имѣніи графа за оленями [12]). Проѣзжая въ окрестностяхъ Дрездена въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1717 г., Петръ встрѣтилъ на Остервизе нѣсколько оленей; онъ убилъ одного оленя о двѣнадцати вѣтвяхъ и подстрѣлилъ другого; второй звѣрь ушелъ, но егеря догнали его, убили и принесли въ домъ, гдѣ остановился Петръ, и Государь былъ «этому очень радъ» [13]). По возвращеніи изъ-за границы Петръ иногда охотился въ окрестностяхъ Петербурга. Такъ, напримѣръ, въ Августѣ 1720 г. онъ ѣздилъ на птичью охоту съ соколами въ село Красное, вмѣстѣ съ княземъ-кесаремъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Ромодановскимъ. Въ 1723 г. вытребована была изъ Москвы въ Петербургъ для Гобавляли зрѣлища травли звѣрей и шутовскіе маскарады съ участіемъ звѣрей. Любопытная травля звѣрей устроена была, между прочимъ, въ присутствіи Петра въ домѣ великаго адмирала Апраксина по случаю пріѣзда въ Россію голштинскаго герцога, жениха Царевны Анны Петровны. «Левъ долженъ былъ», разсказываетъ Бергхольцъ, «бороться съ огромнымъ медвѣдемъ; оба звѣря были крѣпко притянуты другъ къ другу веревками. Всѣ ожидали, что левъ легко побѣдитъ медвѣдя. Оказалось наоборотъ: левъ совершенно оробѣлъ, и его едва успѣли спасти, оттащивъ отъ него медвѣдя» [15]).

Генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ (галлерея Гатчинскаго дворца).

Петръ Великій въ это время не пренебрегалъ охотой, но онъ никогда ею особенно не увлекался. Не говоря уже о мореплаваніи и кораблестроеніи, его, повидимому, больше развлекали и за-

Маскарады устраивались довольно часто. Такъ, напримѣръ, въ 1720 г., подъ наблюденіемъ самого Петра, устроенъ былъ большой маскарадъ, съ участіемъ звѣрей, на шутовскомъ торжествѣ свадьбы «князя-папы» Петра Ивановича Бутурлина. Въ однихъ мемуарахъ петровскаго времени разсказывается объ этомъ маскарадѣ такъ: «Ѣздили поѣзды цугами на медвѣдяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на звѣряхъ ѣздятъ, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили» [16]). Въ большомъ морскомъ маскарадѣ, устроенномъ въ Январѣ 1722 г. въ Москвѣ (упомянутомъ выше), также участвовали звѣри. Лодка, въ которой сидѣлъ князь-кесарь И. Ѳ. Ромодановскій, въ мантіи, подбитой горностаями, была украшена медвѣжьими чучелами, а неподалеку отъ него слѣдовали сани, запряженныя шестернею домашнихъ медвѣдей, которыми правилъ человѣкъ, искусно зашитый въ медвѣжью шкуру [17]).

Свѣдѣній объ охотахъ наслѣдовавшей Петру Великому Императрицы Екатерины I сохранилось очень немного. Мы знаемъ только, что для ея охотъ два раза высылались въ Петербургъ изъ Москвы кречетники съ ловчими птицами. 25 Апрѣля 1725 г., по приказанію Императрицы, охотникамъ Семеновскаго потѣшнаго двора велѣно было поспѣшить въ Петербургъ: «ѣхать наскоро, днемь и ночью» [18]). Въ слѣдующемъ году, къ 15 Мая вытребованы были изъ Москвы 12 человѣкъ лучшихъ кречетниковъ съ соколами, кречетами и ястребами, для слѣдованія «въ походѣ за Ея Императорскимъ Величествомъ».

Завѣдываніе учрежденіями царской охоты при Петрѣ Великомъ находилось въ рукахъ извѣстнаго князя-кесаря Ѳеодора Юрьевича Ромодановскаго [19]) и затѣмъ его сына Ивана Ѳеодоровича. Князь Ѳ. Ю. Ромодановскій былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей первой половины петровскаго царствованія. Въ смутное время правленія царевны Софьи князья Ромодановскіе заявили себя сторонниками

юнаго Петра, и одинъ изъ нихъ былъ убитъ мятежными стрѣльцами. Въ 1682 году князь Ѳ. Ю. Ромодановскій, раньше состоявшій въ чинѣ стольника, былъ пожалованъ въ спальники ко двору Царя Петра Алексѣевича. Во время большихъ потѣшныхъ походовъ 1690—1691 гг. князь Ромодановскій начальствовалъ одной арміей, въ званіи генералиссимуса, при чемъ Петръ, въ чинѣ ротмистра, состоялъ подъ его начальствомъ. Противной арміей начальствовалъ И. И. Бутурлинъ, и резиденціей его, замѣтимъ между прочимъ, былъ «соколій дворъ на Семеновскомъ полѣ». Во время морскихъ маневровъ на Переяславскомъ озерѣ Ромодановскій состоялъ адмираломъ. Когда Петръ отъ «младенческаго игранія» этого времени перешелъ къ дѣлу, князь Ѳеодоръ Юрьевичъ сталъ однимъ изъ виднѣйшихъ членовъ новаго правительства. «Сей князь»—читаемъ въ недавно открытой «Исторіи» кн. Б. И. Куракина—«былъ характеру партикулярнаго; собою видомъ—какъ монстра; нравомъ—злой тиранъ; превеликой нежелатель добра никому; пьянъ по вся дни; но его величеству вѣрной такъ былъ, какъ никто другой». И «того ради» Царь Петръ Алексѣевичъ ему «во всѣхъ деликатныхъ дѣлахъ повѣрилъ и вручилъ ему все свое государство». Въ 1695—1696 гг. Петръ поручилъ Ромодановскому вновь учрежденный Преображенскій приказъ, въ которомъ сосредоточены дѣла по государственнымъ преступленіямъ, по обвиненіямъ въ «государевомъ словѣ и дѣлѣ». Грозному князю Ѳеодору Юрьевичу Петръ нѣсколько разъ ввѣрялъ власть правителя государства, когда надолго покидалъ столицу во время азовскихъ походовъ, заграничнаго путешествія 1697-1698 гг. и въ первые годы шведской войны. Князь Ромодановскій, «Пресбургскій король», «князь-кесарь» официально былъ только начальникомъ Преображенскаго приказа; на дѣлѣ же въ отсутствіе государя онъ стоялъ во главѣ правительства: «всѣ бояре и судьи» должны были «прилежать до него и къ нему съѣзжаться и совѣтовать, когда онъ похочетъ». Петръ твердо вѣрилъ въ преданность князя Ромодановскаго и считалъ его жестокость

необходимой, чтобы остановить и устрашить недовольныхъ нововведеніями. «Прошу васъ», писалъ Петръ ему, «быть крѣпкимъ, а кромѣ сего ничѣмъ сей огнь угасить не можно». Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, говоритъ Костомаровъ, былъ «ужасомъ для всѣхъ разбойниковъ, какъ и для всѣхъ нарушителей царской воли».... Этотъ человѣкъ соединялъ въ себѣ насмѣшливость съ мрачною кровожадностью. Участникъ петровскихъ оргій, неизмѣнный членъ сумасброднѣйшаго собора, представлявшій изъ себя шутовское званіе князя-кесаря, онъ держалъ у себя выученнаго медвѣдя, который подавалъ приходившему въ гости большую чарку крѣпкой перцовки и, въ случаѣ отказа пить, хваталъ гостя за платье, срывалъ съ него парикъ или платье. Шутникъ большой былъ Ѳеодоръ Юрьевичъ! *)... Но, если кто попадался серіозному суду Ѳеодора Юрьевича, тотъ заранѣе долженъ былъ почитать себя погибшимъ. Ромодановскій подвергалъ обвиняемыхъ самымъ безжалостнымъ пыткамъ и приговаривалъ преступника къ мучительнымъ казнямъ: кромѣ обыкновеннаго повѣшенія, онъ вѣшалъ ихъ за ребра и сожигалъ. Его одно имя наводило трепетъ; самъ Петръ называлъ его «звѣремъ», и князь-кесарь, не скрывая своей жестокости, говорилъ, что «всегда омывается въ крови».

Въ Преображенскій приказъ тотчасъ же послѣ его образованія въ 1695-1696 гг. переданъ былъ изъ приказа «Большого Дворца»

---

*) Ученыхъ медвѣдей послѣ смерти Ѳ. Ю. Ромодановскаго, Ихъ Царскія Величества вытребовали къ себѣ въ Петербургъ. «Алексѣй Васильевичъ — государь»! писалъ къ кабинетъ-секретарю Макарову оберъ-фискалъ Нестеровъ, «по письму вашему къ ближнему стольнику кн. И. Ѳ. Ромодановскому о присылкѣ медвѣдей съ учителями ихъ.... два медвѣдя съ учителями ихъ, двумя человѣками, которые обрѣтались въ Москвѣ при дворѣ Его Сіятельства, отправлены съ Мельгуновымъ 8-го февраля, а на ихъ кормъ и на подводы прогоны даны изъ Преображенскаго приказу, а другихъ такихъ ученыхъ медвѣдей и учителей медвѣжьихъ, по сказкамъ учителей изъ мясныхъ рядовъ, старостъ и тѣхъ рядовъ купеческихъ людей, въ Москвѣ нѣтъ. А Его Сіятельство кн. Иванъ Ѳедоровичъ отъ Москвы отлучился на Олонецъ къ водамъ. 1720 г.». (Кабинет. дѣлъ въ Государств. Арх., т. II, кн. XLVII, стр. 398). Сообщ. И. Н. Божеряновъ.

Семеновскій потѣшный дворъ, со всѣми находившимися въ немъ птицами, звѣрями и служителями охоты. Съ этого времени царская охота въ продолженіе 34 лѣтъ состоитъ въ вѣдѣніи Преображенскаго приказа. Кровавые розыски и частыя возліянія въ честь «Ивашки Хмѣльницкаго», по званію почетнаго члена петровскаго «всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора», не оставляли Ромодановскому времени для занятія другими дѣлами. Онъ любилъ охоту, но обращалъ мало вниманія на порученныя ему учрежденія царской охоты, зная, что Петръ ими не интересуется.

Одними изъ немногихъ памятниковъ дѣятельности кн. Ромодановскаго по управленію царской охотой были изданные по его иниціативѣ въ 1701 и 1703 гг. указы о воспрещеніи частнымъ лицамъ охоты въ окрестностяхъ Москвы *). Указы эти, между прочимъ, интересны тѣмъ, что они свидѣтельствуютъ о сильномъ распространеніи занятій охотою среди дворянъ и всякихъ чиновъ людей въ разсматриваемое время. По существу своему они не были новостью; въ нихъ новы только нѣкоторыя подробности. Охота въ окрестностяхъ

Князь Ѳеодоръ Юрьевичъ Ромодановскій (галлерея Гатчинскаго дворца).

*) Распоряженія кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго, касавшіяся сокольихъ помытчиковъ и устройства звѣринцевъ, будутъ изложены ниже, въ соотвѣтствующихъ главахъ V и VI.

Москвы воспрещена была еще при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ. Въ началѣ царствованія Петра, 8 Мая 1686 г., вновь былъ объявленъ «стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцамъ и всякихъ чиновъ людямъ» старый указъ, подтверждавшійся «неоднажды», чтобы они «около Москвы въ ближнихъ мѣстахъ съ людьми своими по полямъ и въ нихъ со псовою охотою не ѣздили и изъ пищалей ни по какимъ птицамъ не стрѣляли и людей своихъ для того же не посылали». Князь Ромодановскій въ 1701—1703 гг. обратилъ особенное вниманіе на птичьи охоты въ окрестностяхъ села Измайлова и принялъ новыя строгія мѣры къ охранѣ царскихъ охотничьихъ угодій. «Нынѣ вѣдомо великому государю учинилось», сказано въ указѣ 18 Апрѣля 1703 г., «что на тѣхъ Измайловскихъ лугахъ по рѣкамъ и по прудамъ и по озеркамъ ѣздятъ всякихъ чиновъ люди со птицами и съ пищальми, птицъ ловятъ и изъ пищалей по нимъ стрѣляютъ». Въ виду этого, управитель села Измайлова, стольнику и воеводѣ М. В. Афросимову приказано было установить строгій надзоръ въ измайловскихъ охотничьихъ угодьяхъ: самому въ нихъ «ѣздить почасту и мужиковъ и крестьянъ посылать человѣкъ по 10 и больше непрестанно», и «тѣхъ людей, которые въ тѣхъ мѣстахъ явятся со птицами и съ пищальми, ловить»; у высшихъ чиновъ «имать людей, а нижнихъ чиновъ—самихъ, и присылать тѣхъ людей, которые изловлены будутъ, со птицами и съ пищальми къ Москвѣ въ Преображенскій приказъ безъ молчанія». За недозволенную охоту въ Измайловѣ назначены были высокія пени и наказанія; съ высшихъ чиновъ взыскивалось по 100 рублей за всякаго ихъ человѣка, уличеннаго въ браконьерствѣ; нижнихъ же чиновъ людямъ грозило «наказаніе жестокое безо всякія пощады» и «ссылка въ Азовъ съ женами и дѣтьми на вѣчное житье». Этимъ же указомъ крестьянамъ села Измайлова и окрестныхъ деревень строго воспрещено было продавать кому-либо пойманныхъ ими кречетовъ, челиговъ кречетьихъ, соколовъ и ястребовъ и велѣно было приносить ихъ на Семеновскій потѣшный дворъ.

Князь Б. И. Куракинъ въ упомянутой выше «Гисторіи» говоритъ, что царская соколиная охота въ это время сохранялась будто бы только для забавы самого ея начальника, кн. Ромодановскаго: «Оной имѣлъ власть къ своей собственной забавѣ всю Его Величества охоту соколью содержать на коштѣ дворцовомъ; и какъ въ лугахъ коломенскихъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ заказъ былъ тою охотою никому не ѣздить. Сіе токмо чинить для его одного». Это извѣстіе интересно для насъ только тѣмъ, что оно свидѣтельствуетъ о любви кн. Ромодановскаго къ соколиной охотѣ. Но царская соколиная охота несомнѣнно сохранялась не для кн. Ромодановскаго, а главнымъ образомъ потому, что охотничьи птицы были необходимы для подарковъ иностраннымъ государямъ.

Князь Ѳ. Ю. Ромодановскій умеръ 17 Сентября 1717 г., и ему наслѣдовалъ въ должности начальника Преображенскаго приказа, какъ и въ званіи князя-кесаря, сынъ его, кн. Иванъ Ѳеодоровичъ.

Петръ опредѣлилъ на эту должность кн. И. Ѳ. Ромодановскаго собственноручной запиской 21 Февраля 1718 г. Послѣ смерти Петра кн. И. Ѳ. Ромодановскій получилъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и назначенъ былъ 8 Мая 1727 г. Московскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ 1729 г., 28 Марта Преображенскій приказъ былъ уничтоженъ, и кн. Ромодановскій одновременно съ увольненіемъ отъ должности начальника этого приказа оставилъ и должность генералъ-губернатора. По восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Ромодановскій 4 Марта 1730 г. былъ сдѣланъ сенаторомъ въ числѣ другихъ заслуженнѣйшихъ сановниковъ, но черезъ нѣсколько дней, 30 Марта, скончался; вмѣстѣ съ нимъ пресѣкся старинный родъ князей Ромодановскихъ-Стародубскихъ.

Вмѣстѣ съ розыскными дѣлами И. Ѳ. Ромодановскій такъ же, какъ его отецъ, завѣдывалъ и царской охотой. Судя по разсказу Бергхольца, онъ любилъ охотиться и съ соколами, и съ гончими, и съ борзыми. Царская охота, однако, при немъ, такъ же, какъ при

его отцѣ, остается въ прежнемъ положеніи упадка. Число сокольниковъ и псовыхъ охотниковъ за время царствованія Петра Великаго постепенно все уменьшается. Въ 1684 г. на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ было до 300 человѣкъ сокольниковъ и другихъ чиновъ царской охоты. Въ 1695 г., ко времени перехода охоты въ Преображенскій приказъ ихъ было уже только 50 человѣкъ. Эта сильная убыль произошла между прочимъ оттого, что Петръ зачислилъ множество охотниковъ въ свои потѣшные полки. Въ 1712 г. кн. О. Ю. Ромодановскій приказалъ дьяку Василію Нестерову произвести смотръ охотникамъ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, чтобъ исключить изъ списковъ престарѣлыхъ и неспособныхъ къ службѣ и отправить ихъ на покой въ монастыри и богадѣльни [20]). По сыску Нестерова уволено было отъ службы изъ числа 42-хъ—одиннадцать человѣкъ охотниковъ и въ томъ числѣ «начальный сокольникъ» Данило Рамѣйковъ. Послѣ этого на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ въ теченіе ряда лѣтъ, до 1727 г., было не болѣе 30 человѣкъ охотниковъ;—ничтожное число въ сравненіи со штатомъ 1684 г.—въ 300 человѣкъ.

Тѣмъ не менѣе, навыки и преданія царской соколиной потѣхи, ея лучшихъ временъ, свято сохранялись въ небольшомъ кружкѣ сокольниковъ Семеновскаго двора. Русскіе соколы и кречеты попрежнему славились за границей. Когда князь И. Ѳ. Ромодановскій пригласилъ въ 1722 г. Голштинскаго герцога и его свиту на соколиную охоту за утками, то она произвела большое впечатлѣніе на голштинцевъ. Камеръ-юнкеръ герцога Бергхольцъ хвалитъ въ своемъ дневникѣ «прекрасныхъ и рѣдкихъ соколовъ князя Ромодановскаго» и богатую добычу этой охоты *). Псовая же

*) «У князя много прекрасныхъ и рѣдкихъ соколовъ, и онъ немало тратится на нихъ», пишетъ Бергхольцъ. Повидимому, онъ здѣсь впалъ въ ошибку, принявъ царскую охоту за собственность кн. Ромодановскаго. Этотъ послѣдній едва ли тратилъ свои деньги на соколовъ, имѣя въ полномъ своемъ распоряженіи царскую охоту и къ тому же такъ мало заботясь о ея развитіи.

охота не понравилась Бергхольцу. Хотя въ гончихъ и борзыхъ недостатка не было,—ихъ было болѣе 130,—но, говоритъ Бергхольцъ, охота «шла неудачно и не могла выдержать никакого сравненія съ нѣмецкою охотою» или съ видѣнною передъ тѣмъ соколиною.

Широкія преобразованія Петра Великаго не коснулись учрежденій царской охоты. Однако, не находя желанія и времени для реформы ихъ, онъ не счелъ нужнымъ и уничтожить ихъ совершенно, какъ многія другія учрежденія Московскаго времени. Охотничьи птицы попрежнему были нужны для посылокъ въ даръ восточнымъ, а отчасти и европейскимъ государямъ [21]); поэтому нельзя было «дать абшидъ» всѣмъ сокольникамъ, умѣвшимъобучатьптицъ и ухаживать за ними, и необходимо было сохранить старыя царскія кречетни въ Москвѣ для птицъ, которыя по заведенному порядку ловились въ опредѣленныхъ мѣстахъ привычными къ этому дѣлу помытчиками. Въ 1720 г., приказывая казанскому губернатору Салтыкову наблюдать за ловлей кречетовъ въ низовыхъ (поволжскихъ) городахъ, Петръ замѣтилъ, что птицы эти ему очень нужны, потому что онѣ «высылаются въ окрестныя государства непрестанно». Сохранился цѣлый рядъ извѣстій о такихъ «непристанныхъ посылкахъ» птицъ въ подарокъ иностраннымъ государямъ; при Петрѣ Великомъ онѣ производились, если не чащѣ, то во всякомъ случаѣ не рѣже, чѣмъ при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ.

Царская потѣха на вечеринкѣ, съ гравюры Бартлетъ.

Князь Б. И. Куракинъ (галлерея Гатчинскаго дворца).

Больше всего посылали птицъ персидскому шаху, турецкому султану и «цесарскому величеству» въ Австрію. Въ Турцію посылались кречеты въ 1701, 1712, 1721 гг. по 10—12 птицъ [22]). Въ этомъ послѣднемъ году отправлено было также 6 кречетовъ «Горскому Шамхалу Алдигирею» въ награду «за его службу». Въ 1720 г. персидскому шаху послано было, кромѣ охотничьихъ птицъ (кречетовъ, челиговъ кречетьихъ, ястребовъ бѣлыхъ), также нѣсколько павлиновъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ, черныхъ индѣйскихъ куръ, 2 бѣлыхъ медвѣдя и 2 черныхъ медвѣдя, ученыхъ, съ поводильщикомъ, живые соболи, нѣсколько «лошадей нѣмецкихъ большихъ» и пр. Въ 1709 г. много дикихъ охотничьихъ птицъ подарено было австрійскому императору, какъ видно изъ слѣдующаго письма Петра къ кн. Ромодановскому: «Sire. Въ сихъ дняхъ писалъ братъ нашъ цесарское величество, дабы Ваше Величество изволилъ прислать къ нему новой ловли дикихъ (необученыхъ) птицъ: кречетовъ, соколовъ, челиговъ и прочихъ; для чего прислалъ своего сокольника, котораго посылаемъ съ симъ письмомъ [и], которому изволь дать на волю выбрать птицъ выше писанныхъ, сколько какихъ сыскать возможно. Piter» [23]).

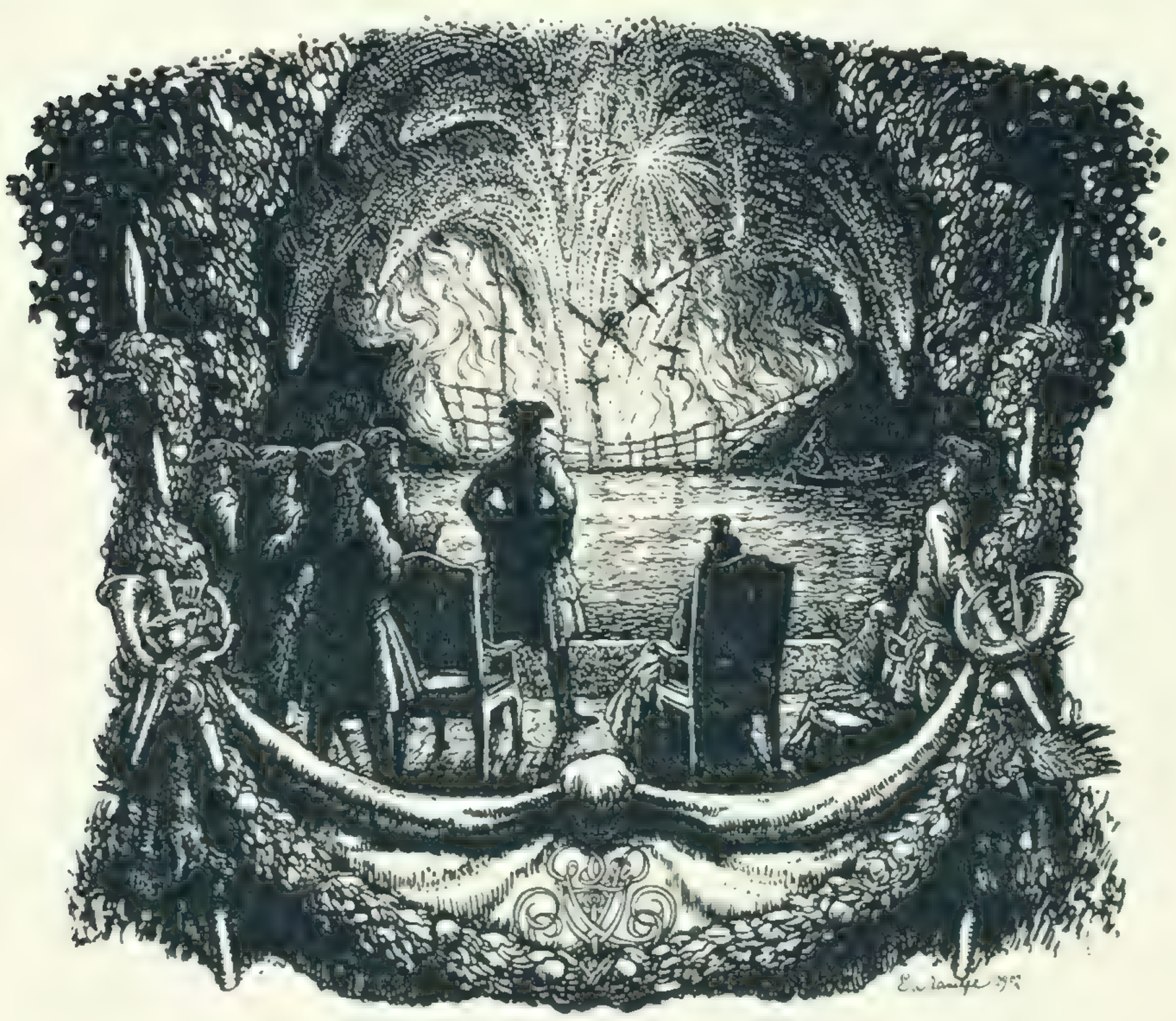
Послѣ Петра Великаго старый обычай посылки ловчихъ птицъ въ даръ иностраннымъ государямъ постепенно выходитъ изъ употребленія. При Императрицахъ Аннѣ Іоанновнѣ и Елисаветѣ Петровнѣ соколы и кречеты еще посылались отъ поры до времени съ нашими чрезвычайными послами въ Турцію, Персію, а также на западъ, къ

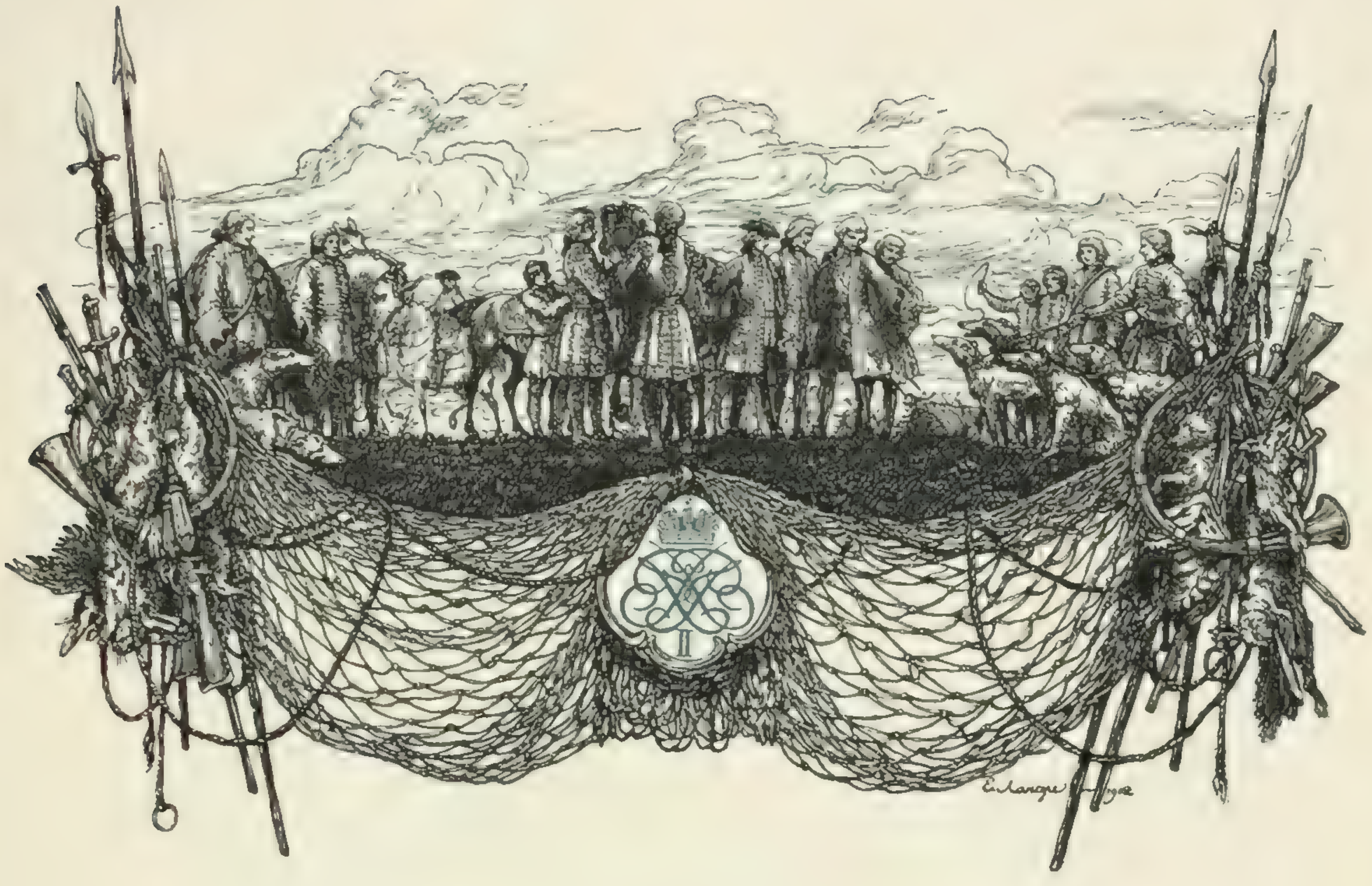
римскому императору; но къ началу царствованія Екатерины Великой такія посылки птицъ совершенно прекратились. Въ Австрію нѣсколько кречетовъ и другихъ птицъ отправлено было, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ послѣдній разъ—въ 1738 году. Въ 1740 г. послано было персид-

Парадный обѣдъ по случаю брака Петра I съ Екатериной Алексѣевной 1712 года, съ гравюры А. Зубова.

скому шаху три кречета и два сокола и турецкому султану 14 кречетовъ, 23 сокола, 6 ястребовъ, нѣсколько челиговъ кречетыхъ и ястребыхъ. Наконецъ, въ Апрѣлѣ 1745 г. отправлено было къ персидскому шаху съ чрезвычайнымъ посломъ кн. Голицынымъ 24 кречета, 12 соколовъ, 12 челиговъ кречетыхъ при 24 кречетникахъ

въ новыхъ богатыхъ охотничьихъ нарядахъ. Отъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Елисаветы Петровны мы имѣемъ свѣдѣнія лишь о выдачѣ въ 1758 году турецкому посланнику двухъ соколовъ, по его собственной просьбѣ [24]).





Глава II.

Императоръ Петръ II и Императрица Анна Іоанновна. Организація Императорской охоты.

Красивый юноша, развитой не по лѣтамъ, высокаго роста, статный и сильный, съ задумчивымъ выраженіемъ лица, живого, вспыльчиваго нрава — таковъ, по описанію современниковъ, былъ Императоръ Петръ II [25]), сынъ несчастнаго Царевича Алексѣя Петровича, преждевременно скончавшійся, на пятнадцатомъ году жизни, 19 Января 1730 г. Почти все свое краткое царствованіе—неполные три года — онъ провелъ въ охотничьихъ поѣздкахъ, безпрерывно слѣдовавшихъ одна за

другою. Наслѣдственная любовь къ охотѣ проявилась въ Петрѣ II съ чрезвычайной силой и развилась, благодаря преступному попустительству воспитателей, въ болѣзненную страсть [26]).

Юный Императоръ увлекся охотой въ первый же годъ своего царствованія, когда ему было только 11 $^1/_2$ лѣтъ. Въ первые же дни по вступленіи его на престолъ свѣтлѣйшій князь А. Д. Меншиковъ, въ Маѣ 1727 г., приказалъ спѣшно «въ самой скорости» доставить въ Петербургъ изъ Москвы часть находившейся тамъ царской птичьей и псовой охоты [27]). Составляя расписаніе учебныхъ занятій Государя, Верховный Тайный Совѣтъ уступилъ его влеченію къ охотѣ и назначилъ для занятій охотой три дня въ недѣлю. Вотъ это любопытное «начертаніе ученья», подписанное Петромъ II и сохранившееся въ подлинникѣ въ государственномъ архивѣ: «Въ понедѣльникъ пополудни, отъ 2-го до 3-го часа учиться, а потомъ солдатъ учить; пополудни *вторникъ и четверъ съ собаки въ поль;* пополудни въ среду солдатъ обучать; *пополудни въ пятницу съ птицами ъздить;* пополудни въ субботу музыкою и танцованіемъ; пополудни въ воскресенье въ лѣтній домъ и въ тамошніе огороды» [28]).

Свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, въ первые четыре мѣсяца царствованія Петра II управлявшій самовластно всѣми дѣлами государства, поручилъ воспитаніе Государя вице-канцлеру барону Андрею Ивановичу Остерману. Меншиковъ видѣлъ въ немъ своего союзника.... и ошибся. Баронъ Остерманъ, умный, ловкій и крайне двуличный дипломатъ школы XVIII вѣка, воспользовался страстью Петра къ охотѣ, чтобы отдалить его отъ вліянія Меншикова и подготовить паденіе этого могущественнаго временщика. Онъ не принялъ мѣръ, чтобы остановить въ самомъ началѣ развитіе въ Петрѣ II страсти къ охотѣ, и не устранилъ пагубнаго сближенія его съ князьями Долгорукими. Напротивъ того, Остерманъ тайно потворствовалъ охотничьимъ экскурсіямъ Петра, чтобы закрѣпить за собою его расположеніе, самъ участвовалъ въ нихъ и въ свое оправданіе писалъ Меншикову, что

Императоръ Петръ II,
съ гравюры С. Вортмана 1729 г., по портрету, писанному П. Люддень.

онъ поступаетъ такъ будто бы только для того, чтобы «не вдругъ очень на него налегать»[29]).

Все лѣто 1727 г. Петръ II провелъ въ Петергофѣ, постоянно охотясь въ его окрестностяхъ. По нѣскольку дней сряду онъ не возвращался въ Петергофскій дворецъ, охотясь то въ Стрѣльнѣ, то въ Ропшѣ, въ веселой компаніи князей Долгорукихъ и своей тетки. красавицы Цесаревны Елисаветы Петровны[30]).

За это лѣто князья Долгорукіе и тайно дѣйствовавшій въ союзѣ съ ними баронъ Остерманъ успѣли совершенно возстановить Петра противъ Меншикова и вдохнули въ него смѣлость разомъ свергнуть вліяніе свѣтлѣйшаго князя. 7 Сентября Петръ, проведя весь предшествовавшій день на охотѣ въ Стрѣльнѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ, но остановился не въ домѣ Меншикова на Васильевскомъ островѣ, гдѣ жилъ раньше, а въ лѣтнемъ дворцѣ, который былъ наскоро отдѣланъ, и куда наканунѣ перевезли его вещи изъ Меншиковскаго дома. Гвардіи посланъ былъ приказъ, чтобъ она слушалась приказаній только самого Императора. На слѣдующій день, 8 Сентября 1727 г. Меншиковъ былъ арестованъ и чрезъ два дня высланъ изъ Петербурга, сначала въ Раненбургъ, а затѣмъ въ Березовъ[31]).

Послѣ удаленія Меншикова Остерманъ, сознавая отвѣтственность. лежавшую на немъ, какъ на воспитателѣ Государя, пытался вразумить его, склонить къ серіознымъ занятіямъ. Но было уже поздно: увѣщанія не дѣйствовали; Петръ слишкомъ привыкъ къ праздности. къ веселой, разгульной жизни. «Однажды», читаемъ у Соловьева. «Остерманъ обратился къ Петру съ просьбою уволить его отъ должности воспитателя, ибо иначе ему придется отдать строгій отчетъ: у Петра сердце не успѣло очерствѣть, онъ былъ очень привязанъ къ Остерману: со слезами на глазахъ онъ умолялъ его остаться; но къ вечеру не преодолѣлъ искушенія и по обычаю пробѣгалъ всю ночь по городу». Вторая попытка увѣщанія была еще менѣе удачной. Петръ бросилъ такой взглядъ на своего воспитателя. что тотъ забо-

лѣлъ отъ испуга. Послѣ этого Остерманъ уже не дѣлалъ Петру безполезныхъ наставленій и предоставилъ его всецѣло князьямъ Долгорукимъ.

Изъ этихъ сблизившихся съ Государемъ князей Долгорукихъ старшій, князь Алексѣй Григорьевичъ, по единогласнымъ отзывамъ современниковъ, не отличался ни умомъ, ни образованіемъ. Его сынъ, молодой оберъ-камергеръ, Иванъ Алексѣевичъ, котораго особенно полюбилъ Петръ, былъ добросердечный, но легкомысленный и безнравственный человѣкъ. Сатирикъ Кантемиръ мѣтко выразился, что онъ былъ съ младенчества «на ловлѣ воспитанъ съ псарями». Князь М. М. Щербатовъ въ своемъ извѣстномъ разсужденіи «О поврежденіи нравовъ въ Россіи» характеризуетъ его слѣдующимъ образомъ: «Князь Ив. Алекс. Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь и всѣми страстями, къ каковымъ подвержены младые люди, не имѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обладаемъ... Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и можно сказать, что честь женская не болѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ турокъ во взятомъ городѣ». Князья Долгорукіе заботились единственно о томъ, чтобы закрѣпить за собою расположеніе Петра и потворствовали его страсти къ охотѣ и дурнымъ наклонностямъ, «создавая свое благополучіе на псовыхъ охотахъ», какъ про нихъ говорили [32]).

16 Января 1728 г., Петръ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву [33]): въ его охотничьей компаніи давно уже расхваливали удобныя для охоты, обильныя дичью и звѣремъ окрестности Москвы. Въ Петербургѣ всѣ говорили, что Государь сюда болѣе не вернется. Испанскій посолъ при русскомъ дворѣ герцогъ де-Лирія писалъ въ это время: «Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей, а страстно любитъ псовую охоту. Здѣсь, въ Петербургѣ, негдѣ охотиться, въ Москвѣ же очень удобно, почему никто не сомнѣвается, что, разъ переѣхавъ въ Москву,

онъ едва ли возвратится сюда»[34]). Эти предположенія оказались пророческими: послѣдніе два года своей жизни Петръ провелъ въ Москвѣ, не возвращаясь на скучные берега Финскаго залива.

Путешествіе въ Москву было для Петра веселой охотничьей поѣздкой. На пути онъ нѣсколько разъ останавливался для охоты. Отъѣхавъ 40 верстъ отъ Петербурга, Петръ охотился въ вотчинѣ князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, мѣстность которой, какъ писали тогда въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, «натурою и разными художествы зѣло украшена и ко всѣмъ веселіямъ весьма угодна». Въ дорогѣ Петръ заболѣлъ корью и пролежалъ больной двѣ недѣли. Только что оправившись отъ болѣзни, онъ снова выѣзжаетъ на охоту. Москва его вовсе не интересуетъ, хотя онъ ѣдетъ въ нее впервые. Не доѣзжая пяти верстъ до московской заставы, Петръ останавливается въ селѣ Всесвятскомъ для охоты, и въ Москвѣ нѣсколько дней (до 6 Февраля 1728 г.) напрасно ждутъ его перваго торжественнаго въѣзда въ первопрестольную столицу[35]).

Поселившись въ Москвѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ прекрасными охотничьими угодьями, Петръ окончательно оставилъ всякія болѣе серіозныя занятія и всецѣло отдался своей страсти къ охотѣ. Увлекаясь травлей лисицъ, волковъ, зайцевъ, Петръ любилъ охотничьи поѣздки съ княземъ Иваномъ Долгорукимъ также потому, что онѣ сопровождались обыкновенно веселыми попойками и любовными похожденіями. Цѣлые дни съ ранняго утра до поздняго вечера Петръ II проводитъ подъ открытымъ небомъ, ночуя часто въ шатрахъ, разбитыхъ на опушкѣ лѣса. Чаще же всего послѣ охотничьихъ разъѣздовъ онъ со всею свитою отправлялся на ночь въ принадлежавшее Долгорукимъ село Горенки, гдѣ его встрѣчала радушная хозяйка, княгиня и хорошенькая княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукая. Здѣсь за стаканами шампанскаго и стараго венгерскаго вина, которое всегда въ большомъ количествѣ возили за царскимъ охотничьимъ поѣздомъ, начиналась веселая бесѣда. Всѣ хвалили отвагу и удаль

юнаго Царя, восхищались его ловкостью, намѣчали планы новыхъ охотничьихъ поѣздокъ.

Въ современныхъ мемуарахъ мы встрѣчаемъ длинный рядъ извѣстій объ охотничьихъ поѣздкахъ Государя: «Царь каждый день ѣздитъ на охоту», «Царь все еще на охотѣ», «Царь еще не воротился съ охоты» и т. п. Официальная газета то и дѣло сообщаетъ: «Его Величество на ловляхъ забавляться изволитъ». Иностранные посланники пишутъ въ своихъ депешахъ о все увеличивающейся страсти Царя къ охотѣ, о получаемыхъ ими въ подарокъ отъ Государя трофеяхъ его охотъ [36]).

Баронъ А. И. Остерманъ, съ грав. Грачова.

Петръ не могъ уже говорить ни о чемъ, какъ только о собакахъ, лошадяхъ и объ охотахъ. Самыми цѣнными подарками для него были собаки и ружья. Герцогиня курляндская, будущая русская Императрица, Анна Іоанновна, желая сдѣлать пріятный подарокъ своему царственному племяннику, усердно разыскиваетъ для него рѣдкихъ собакъ въ Курляндіи. «Доношу Вашему Высочеству», пишетъ она Великой Княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, «что нѣсколько собакъ сыскано, какъ для Его Величества, такъ и для Вашего Высочества... И прошу Ваше Высочество донести Государю братцу о собакахъ, что сысканы, и еще буду стараться». Любовь Петра II къ собакамъ была до того велика, что онъ однажды чуть было не пожертвовалъ своею жизнью, желая спасти свою любимую собаку, которую «волкъ не умѣлъ отличить и схватилъ за уши» [37]). Герцогъ де-Лирія въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «Я представилъ Царю двѣ борзыя собаки, коихъ нарочно выписалъ изъ Англіи, и Его Величество былъ

такъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоцѣнность»[38]). Петръ II также очень любилъ ружья. Герцогъ де-Лирія догадался поднести ему рѣдкое ружье работы Діега Нскюбеля. За это Императоръ удостоилъ его рѣдкой чести приглашенія на обѣдъ; въ другой разъ Петръ подарилъ ему застрѣленныхъ оленя и кабана, тогда какъ другимъ посламъ подарилъ только по оленю, и, наконецъ, оказалъ герцогу совершенно исключительное вниманіе, пригласивъ его съ собою на охоту, куда Петръ ѣздилъ всегда въ замкнутомъ кружкѣ своихъ любимцевъ [39]).

Первое время по переѣздѣ въ Москву, съ 9 Февраля до начала Марта 1728 г., Петръ жилъ въ городѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ, постоянно выѣзжая на охоту въ окрестности [40]); москвичи видѣли Государя только тогда, когда онъ садился въ сани, или же мчался по улицамъ столицы въ одно изъ подмосковныхъ селъ. Исчезалъ и появлялся онъ всегда неожиданно, покидая или возвращаясь въ Москву то раннимъ утромъ, то поздней ночью. 11 Марта Петръ со своею сестрою, Натальей Алексѣевною, переѣхалъ въ село Лефортово и отсюда совершилъ рядъ охотничьихъ поѣздокъ въ другія подмосковныя села [41]). Кромѣ князей Долгорукихъ, юному Государю обыкновенно при этомъ сопутствовала цесаревна Елисавета Петровна, къ которой онъ питалъ страстную любовь. Когда охоты въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы наскучили Петру, онъ предпринялъ въ Апрѣлѣ 1728 г. отдаленную охотничью поѣздку за 90 верстъ отъ столицы. Возвращеніе въ Москву изъ этой поѣздки замедлилось до половины Мая; герцогиня курляндская Анна Іоанновна, собираясь отправиться къ себѣ въ Митаву, долгое время тщетно ожидала въ Москвѣ своего царственнаго племянника и «предпочла сама отправиться искать его, чтобы въ послѣдній разъ поцѣловать Его Величество». 20 Мая Петръ вернулся въ Москву, но только на два дня, и снова уѣхалъ на охоту. Такимъ же образомъ, въ безпрерывныхъ охотничьихъ поѣздкахъ онъ провелъ лѣто и осень 1728 года [42]).

Предположеніе устроить маневры, чтобы привлечь вниманіе Государя къ военному дѣлу, почему-то не осуществилось, и онъ продолжалъ жить попрежнему исключительно интересами охоты. Возвращеніе Государя въ Москву въ Октябрѣ мѣсяцѣ нѣсколько разъ откладывалось. 28 Октября герцогъ де-Лирія писалъ: «Надѣемся, что Царь скоро вернется въ городъ: къ этому его должна побудить наступившая дурная погода; вотъ уже три дня идетъ снѣгъ и морозитъ, хотя и не особенно сильно: не сомнѣваюсь, что онъ пріѣдетъ по крайней мѣрѣ въ воскресенье, потому что въ понедѣльникъ графъ Вратиславскій (австрійскій посолъ) предполагаетъ устроить празднество въ честь Императора». Графъ Вратиславскій, однако, долженъ былъ отложить этотъ торжественный пріемъ, потому что Государь не вернулся въ назначенный срокъ: дурная погода не останавливала его охотъ [43]).

Княжна М. А. Меншикова, съ грав. А. Зубова.

Петръ пріѣхалъ въ Москву только въ половинѣ Ноября, узнавъ, что его любимая сестра, Наталья Алексѣевна, опасно больна. Великая Княжна, сопутствуя всюду брату, простудилась, вѣроятно, на одной изъ охотъ, а подъ вліяніемъ нездороваго помѣщенія въ Кремлевскомъ дворцѣ, гдѣ Великая Княжна прожила Февраль и первую половину Марта 1728 года, у нея развилась чахотка. Наталья Алексѣевна не любила князя Ивана Долгорукаго, сознавая его вредное вліяніе на Петра. Она одна, казалось, могла удержать брата, нѣжно ее любившаго, отъ недостойныхъ увлеченій. Но обстоятельства благопріятствовали Долгорукимъ: 22 Ноября 1728 г. Наталья Алексѣевна скончалась. Сообщаютъ, что передъ смертью она просила брата раз-

статься со своимъ любимцемъ, и что, желая утѣшить умирающую, Государь обѣщалъ исполнить ея желаніе. Но онъ не имѣлъ силъ остановиться [44]). Безпрерывныя охоты и переѣзды изъ одного подмосковнаго села въ другое не прекратились, и князья Долгорукіе сохранили расположеніе Петра. «Князь Иванъ теперь въ милости больше, чѣмъ когда-либо», писалъ англійскій резидентъ Рондо.

Въ старыхъ дѣлахъ архива министерства Императорскаго Двора мы нашли слѣдующія свѣдѣнія о безпрерывныхъ поѣздкахъ Петра, связанныхъ съ охотами, въ теченіе Января 1729 года: 3 Января Государь переѣхалъ изъ Лефортова въ село Измайлово; 5 Января онъ провелъ въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ, осматривая тамъ Императорскую охоту. Съ 8-го по 19-е Петръ проживалъ попеременно то въ Измайловскомъ дворцѣ, то въ Лефортовскомъ, посѣщая весьма часто Семеновскій потѣшный дворъ. 19 Января онъ былъ въ Москвѣ; 25-го числа мы встрѣчаемъ Государя въ Хотунской волости; 28-го—въ Измайловѣ; 30-го—въ селѣ Лефортовѣ [45]).

Хотя Государь такимъ образомъ и находился постоянно не въ Москвѣ, а въ ея окрестностяхъ, князья Долгорукіе все-таки чувствовали себя не совсѣмъ спокойно. Они хорошо знали, какъ враждебно настроена противъ нихъ большая часть общества и опасались, чтобы кто-либо, снискавъ довѣріе Петра, не отстранилъ ихъ отъ престола; они ревниво оберегали Государя отъ постороннихъ внушеній, окружили его тѣснымъ замкнутымъ кругомъ своихъ единомышленниковъ, слѣдили не только за рѣчами, но и за жестами всѣхъ, кто съ нимъ разговаривалъ.

Графу Вратиславскому съ большимъ трудомъ удалось проникнуть въ тѣсный кружокъ кн. Долгорукихъ, но его попытка остановить Петра отъ недостойныхъ увлеченій, благодаря ихъ энергичному противодѣйствію, не увѣнчалась успѣхомъ. Чтобы оградить Петра отъ подобныхъ попытокъ, кн. Долгорукимъ было нужно, чтобы онъ находился какъ можно дальше отъ столицы. Въ концѣ Января 1729 г.

они внушили Петру мысль предпринять отдаленный охотничій походъ верстъ за 50 отъ Москвы на нѣсколько недѣль. Назначенъ уже былъ день отъѣзда, но поѣздку неожиданно пришлось отложить на нѣкоторое время. Враги Долгорукихъ, не имѣя сами силъ бороться съ ихъ вліяніемъ, прибѣгли къ содѣйствію иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ.

Иностранные послы давно уже свѣтовали, что при постоянныхъ отлучкахъ Царя они не могутъ вести никакихъ дѣлъ и напрасно живутъ въ Москвѣ. Заслышавъ о новомъ продолжительномъ охотничьемъ походѣ Государя, послы рѣшились протестовать. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ испанскій посолъ герцогъ де-Лирія въ донесеніи 3 Февраля 1729 г.: «Мы уже нѣсколько разъ разсуждали съ графомъ Вратиславскимъ (посломъ) о частыхъ отлучкахъ Царя. Наконецъ, стало извѣстно, что Царь отправится за пятьдесятъ миль для охоты на три или на четыре мѣсяца. Принимая во вниманіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ не только вредно и неприлично намъ (иностраннымъ посламъ) оставаться такое долгое врѣмя безъ дѣла, безъ возможности съ кѣмъ-либо сноситься о дѣлахъ, такъ какъ съ его величествомъ отправляется и большая часть его министровъ, мы рѣшили (и сдѣлали это на прошлой недѣлѣ) переговорить объ этомъ съ великимъ канцлеромъ барономъ Остерманомъ и другими членами Верховнаго Совѣта.—Мы обратили ихъ вниманіе на всѣ неудобства и упущенія, которыя могутъ быть слѣдствіемъ такого долгаго отсутствія Царя, и заявили, что мы будемъ вынуждены представить нашимъ государямъ о безполезности пребыванія нашего въ этой столицѣ, гдѣ нѣтъ Царя и нѣтъ лица, назначеннаго Его Величествомъ для выслушанія насъ всякій разъ, какъ мы получаемъ какое-нибудь приказаніе отъ нашихъ дворовъ. Результатомъ этого представленія было то, что Царь не только еще не отправился, какъ это было уже рѣшено, но онъ не выѣдетъ изъ Москвы еще въ продолженіе слѣдующихъ четырехъ недѣль. Хотя это рѣшеніе и не было намъ

сообщено официально, мы однакоже достовѣрно знаемъ о немъ отъ самихъ министровъ; впрочемъ, предлогомъ, по которому отложенъ выѣздъ Царя изъ Москвы, выставляютъ то, что его Царское Величество прежде отъѣзда хочетъ отпраздновать годовщину своей коронаціи, которая будетъ 7 Марта (нов. ст.). Я частнымъ образомъ также говорилъ съ фаворитомъ, княземъ Долгорукимъ, и третьяго дня онъ меня увѣрялъ, что его Государь ни въ какомъ случаѣ не поѣдетъ далеко на охоту и будетъ развлекаться ею только въ окрестностяхъ города, на разстояніи восьми или десяти миль »[46]). Такимъ образомъ, благодаря вмѣшательству иностранныхъ пословъ, Государь остался въ Москвѣ на четыре недѣли, но и за это время онъ успѣлъ побывать и въ селѣ Измайловскомъ, и въ селѣ Коломенскомъ. Вслѣдъ затѣмъ 1 Марта Петръ отправился въ далекую охотничью поѣздку съ намѣреніемъ объѣхать родовыя земли Долгорукихъ [47]).

Князь И. А. Долгоруковъ, съ грав., изданн. П. Бекетовымъ.

Фавориты торжествовали: враждебная имъ партія сложила оружіе [48]). Про князей Долгорукихъ говорили, что, устраивая облавы на волковъ, они въ то же время устроили облаву на самого юнаго монарха, съ цѣлью женить его на одной изъ княженъ Долгорукихъ — Екатеринѣ Алексѣевнѣ — и такимъ образомъ разъ навсегда «ногою твердой» стать у трона. Дѣйствительно, съ этого времени, съ 6 Марта 1729 года, двѣ дочери князя Алексѣя Григорьевича Долгорукаго всюду неотлучно сопровождали Государя. А самъ князь вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Иваномъ настойчивѣе прежняго увлекали Царя въ охотничьи поѣздки, съ цѣлью отстранить отъ него всѣхъ, кто не сочувствовалъ ихъ планамъ [49]).

Выѣхавъ изъ Москвы 1 Марта 1729 г., Петръ вернулся только 24-го, и всѣ эти три недѣли охотился почти ежедневно, преимущественно на медвѣдей [50]), не обращая вниманія на суровую погоду; при этомъ довольно долгое время онъ провелъ въ вотчинѣ князей Долгорукихъ Хотунской волости. По возвращеніи въ Москву, Петръ остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ, но стѣны Кремля ему казались душными и черезъ пять дней, 30 Марта, онъ переѣзжаетъ въ село Лефортово [51]).

13 Мая 1729 г. Государь, въ сопровожденіи семейства Долгорукихъ, отправился въ новый отдаленный охотничій походъ къ Ростову и Ярославлю, за 130 верстъ отъ столицы. Ненастная погода не остановила его поѣздки. Проливные дожди и сильные холода заставили вскорѣ вернуться въ столицу сановниковъ, которые, пользуясь продолжительнымъ отсутствіемъ Царя, расположились было на отдыхъ въ своихъ подмосковныхъ дачахъ; между тѣмъ Императоръ какъ разъ въ это время охотился въ окрестностяхъ села Климентова, не обращая вниманія на непогоду. И только высоко поднявшіеся хлѣба, а также ожидаемый вскорѣ пріѣздъ турецкаго посла побудили его поспѣшить въ Москву къ 11 Іюня. На обратномъ пути изъ Ростова Государь былъ въ Троицкомъ монастырѣ и оттуда заѣхалъ въ Александровскую слободу, вотчину Великой Княжны Елисаветы Петровны, жившей здѣсь съ осени предшествовавшаго года уединенно, въ удаленіи отъ Двора [52]).

Вернувшись изъ Ростовскаго похода, Государь, увлеченный прелестью загородной жизни, остановился въ лагерѣ, расположенномъ въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Москвы. Въ столицѣ онъ показался только 29 Іюня, въ день своихъ именинъ, и пробылъ тамъ, кажется, не болѣе однѣхъ сутокъ. По крайней мѣрѣ 1 Іюля онъ былъ уже въ селѣ Коломенскомъ, которое было избрано имъ своей резиденціей на это лѣто. Въ теченіе Іюля и Августа Императоръ дѣлалъ частые выѣзды на охоту изъ Коломенскаго въ окрестности, заѣзжая иногда

верстъ за шестьдесятъ и болѣе, несмотря на то, что лѣто 1729 года выдалось такое же ненастное, какъ и конецъ весны: по сообщенію одного современника, въ теченіе цѣлыхъ семи недѣль не проходило ни одного дня, чтобы не было бури съ громомъ и молніею [53]).

Въ началѣ осени, 7 Сентября 1729 г., былъ предпринятъ самый отдаленный и самый продолжительный охотничій походъ къ городу Тулѣ. Въ этой поѣздкѣ, кромѣ семейства Долгорукихъ, Петра сопровождалъ въ качествѣ дежурнаго камергера князь Семенъ Дмитріевичъ Голицынъ, который сразу сумѣлъ пріобрѣсть довѣріе Государя; ихъ сближеніе внушало опасенія князьямъ Долгорукимъ; они не замедлили приложить всѣ старанія, чтобы удалить князя Голицына, и скоро достигли назначенія его нашимъ посломъ въ Берлинъ [54]).

Тульскій «охотничій походъ» Петра выдается, изъ длиннаго ряда его поѣздокъ этого рода, громаднымъ количествомъ затравленнаго звѣря и дичи. Въ теченіе одного только мѣсяца, съ 7 Сентября по 16 Октября, было затравлено 4000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 рысей, убито 3 медвѣдя и многое множество иной дичи. Одинъ изъ современниковъ сообщаетъ, что псарня Государя состояла въ то время изъ 200 гончихъ и 420 борзыхъ собакъ. Во время этой поѣздки Государь два раза подвергался смертельной опасности. Однажды огромный медвѣдь такъ близко подошелъ къ нему, что если бы случившійся тутъ охотникъ во́-время не далъ выстрѣла, медвѣдь бросился бы на Царя [55]).

Поѣздка въ Тулу съ непрерывными охотами длилась два мѣсяца. Петръ вернулся въ Москву только къ зимѣ, 9 Ноября. Повидимому, онъ за это время вполнѣ пресытился охотою. По свидѣтельству одного изъ современныхъ источниковъ, Петръ при въѣздѣ въ Москву роздалъ желающимъ бо́льшую часть своихъ собакъ и рѣзко бранилъ свою любимую забаву. Сидя однажды за столомъ, онъ, по словамъ Лефорта, на льстивыя рѣчи придворныхъ, прославлявшихъ истребленіе четырехъ тысячъ зайцевъ, громко отвѣтилъ: «Это похвально, но я

захватилъ еще лучшую добычу, ибо привезъ четырехъ двуногихъ собакъ» [56]).

Постоянные спутники Петра въ его охотахъ, князья Долгорукіе, сохранили, однако, его расположеніе. Во время поѣздки въ Тулу Петръ далъ согласіе на бракъ съ княжной Екатериною Алексѣевною Долгорукой, не зная о ея любви къ графу Милезимо, секретарю австрійскаго посольства. Тотчасъ же по возвращеніи въ Москву, 19 Ноября 1729 г. Петръ II объявилъ объ этомъ въ собраніи Верховнаго Тайнаго Совѣта. 30 Ноября было отпраздновано обрученіе, и съ этого времени высоконаречённые женихъ и невѣста были неразлучны, проводя постоянно время вмѣстѣ или въ Лефортовскомъ дворцѣ, или въ Головинскомъ, гдѣ жилъ кн. Алексѣй Долгорукій съ дочерью [57]).

Княжна Е. А. Долорукова, невѣста Петра II, съ гр., изд. П. Бекетовымъ.

Отдохнувши отъ Тульскихъ охотъ, Петръ со второй половины Дек. снова начинаетъ охотиться въ окрестностяхъ Москвы и между прочимъ нѣсколько разъ охотится на медвѣдей. Новый 1730 годъ Петръ II встрѣтилъ совершенно здоровымъ. 2 Января онъ предпринялъ свою послѣднюю охотничью поѣздку за пятнадцать верстъ отъ города и вернулся въ Москву только наканунѣ Крещенія [58]).

6 Января было роковымъ для юнаго Императора. Въ этотъ день Государь, стоя на запяткахъ саней своей невѣсты, выѣхалъ большимъ поѣздомъ на водосвятіе. На дворѣ стоялъ жестокій морозъ. Несмотря на это, Петръ, во время церковной службы на Іордани, пробылъ съ непокрытою головою и сильно простудился. 17 Января врачи констатировали у него натуральную оспу. Вскорѣ ему стало

легче; оспа начала высыпать наружу; но частью отъ «неразумѣнія» врачей, частью отъ собственной неосторожности больного, выразившейся въ томъ, что онъ, не вполнѣ оправившись, сѣлъ у открытаго окна,—болѣзнь снова осложнилась, сыпь скрылась, послѣдовало полное ухудшеніе, и въ ночь съ 18 на 19 Января 1730 года, въ половинѣ второго часа утра, Императоръ Петръ II Алексѣевичъ скончался, 14-ти лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ съ нѣсколькими днями отъ роду [59]).

Незадолго до своей кончины, Петръ II обнаружилъ способность къ музыкѣ: въ Январѣ 1730 года графъ Вратиславскій доносилъ, что Петръ полюбилъ музыку и что онъ въ послѣднее время прилежно упражняется на віолончели; послѣ немногихъ уроковъ Петръ выучился играть два минуэта.

Увлеченіе Петра II охотою не отразилось на положеніи центральнаго управленія царской птичьей охоты — Семеновскаго потѣшнаго двора. Во главѣ этого учрежденія до 1729 г. попрежнему стоялъ петровскій «князь-кесарь», Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій. Число охотниковъ на Семеновскомъ дворѣ не увеличилось; въ 1729 году здѣсь числилось 11 сокольниковъ, 7 ястребниковъ, всего же, считая подъячаго, клобучечника, звѣровщика и сторожей — 24 человѣка. Часть кречетниковъ такъ же, какъ раньше, проживала въ провинціи, въ своихъ помѣстьяхъ, съ обязательствомъ являться въ Москву въ указанное время. По списку 1729 г. кречетниковъ въ разныхъ городахъ находилось 23 человѣка. Правительство строго слѣдило за тѣмъ, чтобы эти помѣщики кречетники, такъ же, какъ всѣ помѣщики дворяне, «не укрывались отъ своихъ службъ». Такъ, когда одинъ изъ кречетниковъ, Тихонъ Петровъ, въ 1728 г. просилъ отпустить его на время на родину потому, что, какъ онъ писалъ, «волею Божьею въ ноши сгорѣлъ домишко мой весь безъ остатку, и оттого разорился я въ конецъ», то князь Ромодановскій далъ ему отпускъ, съ обязательствомъ явиться въ Преображенскій приказъ «на указной срокъ неотложно», и пригрозилъ, что «ежели, онъ на тотъ срокъ не явится,

за то учинено ему будетъ жестокое наказаніе, и движимое и недвижимое его имѣніе взято будетъ на Его Императорское Величество».

Охотники Семеновскаго потѣшнаго двора не участвовали, какъ кажется, въ охотничьихъ поѣздкахъ Петра II. Они занимались своимъ дѣломъ, обученіемъ («выноскою») ловчихъ птицъ, доставлявшихся изъ провинціи, и тѣшили Государя «птичьей потѣхой» только тогда, когда онъ посѣщалъ Семеновскій дворъ.

Для Петра II, тотчасъ же по вступленіи его на престолъ, организована была совершенно новая охота, псовая и птичья. Въ 1729 г. эта охота состояла изъ 114 человѣкъ; изъ нихъ половина принадлежала къ псовой и половина къ птичьей охотѣ. Въ псовой охотѣ было пять егерей русскихъ и два курляндскихъ, затѣмъ доѣзжачій и два волторниста—всѣ съ болѣе крупными окладами жалованья отъ 80 до 120 рублей въ годъ—и, кромѣ того, рядовыхъ охотниковъ—31 человѣкъ съ маленькимъ жалованьемъ по 12 р. въ годъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ одинъ татарскій князь Степанъ Енкуватовъ. Во главѣ птичьей охоты стоялъ статейщикъ кречетникъ; въ составъ ея входили 14 кречетниковъ, 15 сокольниковъ и столько же ястребниковъ, затѣмъ «орловщикъ», помытчикъ и проч. На жалованье этимъ охотникамъ шло въ годъ 2559 р. (не считая отпускавшагося имъ провіанта), въ то время какъ на охотниковъ Семеновскаго двора расходовалось въ годъ жалованья только 150 рублей.

Въ исторіи учрежденій императорской охоты царствованіе Петра II замѣчательно тѣмъ, что при немъ явилась первая, заимствованная съ запада, охотничья должность *егермейстера*. Этой должностью дополняется длинный рядъ заимствованныхъ Петромъ Великимъ иностранныхъ должностей: герольдмейстера, рекетмейстера, комисара, камерира, рентмейстера (казначея), полицеймейстера и проч. и проч. Должность егермейстера упоминается впервые въ извѣстныхъ намъ архивныхъ источникахъ въ 1728 г.; занималъ ее въ это время полковникъ Михаилъ Селивановъ[60]), стоявшій во главѣ описанной выше

собственной охоты Императора. Общее же управленіе охотой, съ уничтоженіемъ Преображенскаго приказа, въ 1729 г. перешло въ непосредственное вѣдѣніе Верховнаго Тайнаго Совѣта; многія распоряженія по охотѣ въ это время исходили отъ члена этого Совѣта, барона Остермана.

Образованіемъ собственной охоты Петра II съ новой должностью егермейстера во главѣ положено было начало развитію Императорской охоты XVIII вѣка, на новыхъ основаніяхъ, съ преобладаніемъ охоты псовой, въ противоположность XVII вѣку, когда на первомъ мѣстѣ стояла охота соколиная. Вслѣдъ затѣмъ, въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны новая императорская охота впервые получаетъ правильную организацію, съ изданіемъ перваго яхтъ-штата. Но прежде чѣмъ перейти къ описанію этой организаціи, мы охарактеризуемъ личное отношеніе Анны Іоанновны къ охотѣ и опишемъ ея развлеченія охотничьяго характера.

Въ бытность герцогиней курляндской, Анна Іоанновна, насколько намъ извѣстно, вовсе не занималась охотой. Она не могла завести придворной охоты, приличной ея положенію герцогини, вслѣдствіе крайней ограниченности средствъ, отпускавшихся на содержаніе ея Двора. Петръ Великій, распоряжавшійся дѣлами Курляндіи, приказалъ выдавать герцогинѣ изъ курляндскихъ доходовъ лишь «столько, безъ чего прожить нельзя». По вступленіи же на русскій престолъ, получивъ въ свое распоряженіе богатую охоту Императора Петра II, Анна Іоанновна тотчасъ же заинтересовалась ружейной охотой и въ теченіе своего десятилѣтняго царствованія развлекалась ею довольно часто; заботясь о блескѣ своего Двора, она внимательно слѣдила также и за устройствомъ и развитіемъ учрежденій придворной охоты [61]).

Въ первый же годъ своего царствованія, 25 Мая 1730 г., ровно черезъ три мѣсяца послѣ принятія ею самодержавія, Императрица переѣхала изъ Москвы въ подмосковное село Измайлово, «для препровожденія тамъ лѣтняго времени». Ея фаворитъ Биронъ, котораго такъ опасались члены Верховнаго Тайнаго Совѣта, уже прибылъ изъ Курляндіи. Вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе этого лѣта Анна Іоанновна охотилась въ Измайловскомъ звѣринцѣ, и въ его окрестностяхъ била изъ ружья зайцевъ, оленей и тетеревовъ. Для охоты Императрицы въ окрестные поля и лѣса выпускались изъ звѣринца различные звѣри. Въ это же лѣто, возвращаясь изъ поѣздки въ Троице-Сергіеву лавру, Анна Іоанновна посѣтила Великую Княжну Елисавету Петровну въ Селѣ Царицынскомъ и провела здѣсь нѣкоторое время въ ея охотничьемъ домѣ [62]).

Въ Январѣ 1732 г. Императрица переѣхала на постоянное жительство изъ Москвы въ Петербургъ, рѣшивъ въ его пользу важный вопросъ, столь интересовавшій современниковъ, быть или не быть столицей новому городу, созданному Петромъ Великимъ на топкихъ берегахъ Финскаго залива [63]). Живя въ Петербургѣ, Анна Іоанновна также охотилась довольно часто и особенно въ послѣдніе годы своей жизни. Иногда, какъ сообщалось въ офиціальной газетѣ того времени, С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, Императрица «изволила для лѣтняго времени охотою забавляться на Петровскомъ острову», на которомъ тогда не было другихъ строеній, кромѣ небольшого деревяннаго дворца, построеннаго Петромъ I и сохранившагося до нашихъ дней. Любимымъ мѣстомъ охотъ Анны Іоанновны были окрестности Петергофа, въ которомъ она каждый годъ проводила часть лѣта, отъ начала или середины Іюля до второй половины Августа [64]).

Здѣсь она нерѣдко развлекалась различными видами охоты. Однимъ изъ любимѣйшихъ была гоньба оленей гончими собаками, подъ выстрѣлами охотниковъ, между двумя рядами полотенъ, разставленныхъ на большомъ пространствѣ. Полотна разставлялись

Императрица Анна Іоанновна,
съ гравюры И. Соколова.

обыкновенно въ Нижнемъ Петергофскомъ саду и требовались въ такомъ количествѣ, что для храненія ихъ выстроенъ былъ отдѣльный цейхгаузъ [65]). Однажды, во время такой охоты олень перескочилъ изгородь и сталъ уходить Нижнимъ садомъ; Государыня, преслѣдуя его на лошади, стрѣляла по немъ нѣсколько разъ, и только въ Монплезирскомъ саду раненый олень былъ окруженъ охотниками. Двѣ пули, случайно ударившіяся въ стѣну китайской галлереи голландскаго домика во время преслѣдованія оленя, видны и до настоящаго времени.

Кромѣ такой «гоньбы оленей», нерѣдко практиковался особый способъ охоты, называвшійся *«парфорсъ-яхтъ»* или просто «парфорсъ». По этому способу, на звѣрей всякаго рода: дикихъ козъ, кабановъ, оленей, лосей и зайцевъ, устраивалась облава, а общество охотниковъ стрѣляло ихъ и травило собаками. На такую охоту общество выѣзжало въ особыхъ экипажахъ, называвшихся «яхтъ-вагенъ» и имѣло при себѣ цѣлую команду «парфорсъ-егерей и пикеровъ».

Практиковалась также полевая охота на зайцевъ и лисицъ и охота «по англійскому обычаю». Въ чемъ именно состоялъ послѣдній способъ охотъ—неизвѣстно. Мы нашли лишь въ документахъ указанія, что для этой охоты были наняты англійскіе пикеры и что одинъ изъ нихъ, Вильсонъ, поступая на службу въ придворную охоту, требовалъ себѣ въ услуженіе двухъ человѣкъ, обѣщая обучить ихъ за это «быть охотниками по англійскому обычаю» [66]).

Одно время охоты при Дворѣ происходили такъ часто, что лошади пикеровъ въ лѣтнее время не выпускались на луга на полножный кормъ, находясь постоянно въ стойлахъ, чтобы по первому требованію быть готовымъ для выѣзда. Командовавшій придворными охотами полковникъ фонъ-Трескау въ Іюлѣ 1740 года требуетъ отъ петербургской дворцовой конторы присылки корма лошадямъ прямо въ стойла, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что лошадей «для корму въ луга отсылать никакъ невозможно для того, что оныя употре-

бляются всегда для ѣзды при травлѣ звѣрей въ присутствіи Ея Императорскаго Величества».

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1740 годъ напечатано было слѣдующее любопытное извѣстіе, свидѣтельствующее о томъ, какъ сильно въ это время, въ послѣдній годъ своей жизни, Императрица увлекалась охотою: «Съ 10 Іюля по 26 Августа Ея Величество, для особливаго своего удовольствія какъ парфорсъ-яхтою, такъ и собственноручно слѣдующихъ птицъ застрѣлить изволила: 9 оленей (съ 24, 18 и 14 отростками на рогахъ), 16 дикихъ козъ, 4 кабана, одного волка, 374 зайца, 68 дикихъ утокъ и 16 большихъ морскихъ птицъ»; всего 488 штукъ въ теченіе полутора мѣсяца [67]).

Помимо ружейной охоты, Анна Іоанновна очень часто развлекалась зрѣлищемъ травли звѣрей; ни до нея, ни послѣ, всевозможныя травли звѣрей не практиковались въ такихъ широкихъ размѣрахъ. Травили преимущественно медвѣдей и волковъ, рѣже—оленей и кабановъ. Мѣстомъ травли звѣрей бывалъ обыкновенно дворъ Зимняго дворца; иногда эти травли происходили и въ Лѣтнемъ саду, гдѣ тогда помѣщались нѣкоторыя изъ учрежденій Императорской охоты. Травля заканчивалась тѣмъ, что измученнаго звѣря или снова уводили въ звѣринецъ, или же пристрѣливали тутъ же на мѣстѣ; по большей части это дѣлала сама Императрица, а иногда кто-нибудь изъ ея приближенныхъ.

Въ теченіе Февраля 1737 года Анна Іоанновна *ежедневно* по часу передъ полуднемъ любовалась медвѣжьей и волчьей травлей изъ Зимняго дворца [68]). Запасъ медвѣдей, сдѣланный оберъ-егермейстеромъ Волынскимъ, совершенно истощился. 15 Февраля 1737 года онъ доносилъ Правительствующему Сенату, что въ распоряженіи Императорской охоты нѣтъ болѣе медвѣдей, «потребныхъ для травли ко двору Ея Императорскаго Величества, понеже здѣсь которые медвѣди были, изъ тѣхъ нѣсколько затравлено», а оставшіеся измучены до того, что ихъ и «травить уже не можно». По представленію Волын-

ского, Сенатъ разослалъ указы въ Москву, Новгородъ и Псковъ, съ предписаніемъ купить тамъ зимою 15 медвѣдей и 20 меделянскихъ собакъ и прислать ихъ въ Петербургъ ко псовой Ея Величества охотѣ. Съ волками, предназначенными для травли, дѣло обстояло лучше: Императорская охота не терпѣла въ нихъ такого недостатка, какъ въ медвѣдяхъ. Для ловли волковъ за Ямскою Смоленскою слободою, въ 12-ти верстахъ отъ Петербурга, по именному указу Императрицы, былъ выстроенъ особый дворъ [69]). Можно судить по всему этому, въ какихъ широкихъ размѣрахъ тогда практиковались кровавыя звѣриныя травли и насколько еще грубы были нравы высшаго русскаго общества первой половины XVIII вѣка.

Анна Іоанновна, какъ мы видѣли, охотилась довольно часто и любила охоту. Но она не цѣнила ее такъ, какъ всякій истый охотникъ, любящій сильныя ощущенія охоты, напряженную борьбу съ препятствіями, испытанія силъ, или же увлекающійся ея поэтическими сторонами общенія съ природой. Анна Іоанновна любила охоту, но она столь же, если не больше, любила травли звѣрей, шутовскіе маскарады, кривлянья шутовъ и шутихъ и особенно стрѣльбу въ цѣль. Охота была для нея пустымъ развлеченіемъ, забавой отъ скуки, средствомъ весело и незамѣтно провести время.

Личность Анны Іоанновны весьма различно изображается нашими историками. Костомаровъ, съ обычною своей рѣзкостью красокъ, изображаетъ ее въ весьма непривлекательномъ видѣ: «Возведенная на степень такого могущества, какого никогда себѣ не ожидала, она (Анна Іоанновна) оказалась вовсе неподготовленною ни обстоятельствами, ни воспитаніемъ къ своему великому поприщу. На престолѣ она представляла собою образецъ русской барыни стариннаго покроя, какихъ въ то время можно было встрѣчать повсюду на Руси. Лѣнивая, неряшливая, съ неповоротливымъ умомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надменная, чванная, злобная, не прощающая другимъ ни малѣйшаго шага, который почему-либо былъ ей противенъ — Анна Ивановна не развила

въ себѣ ни способности, ни привычки заниматься дѣломъ и особенно мыслить, что было такъ необходимо въ ея санѣ. Однообразіе ея повседневной жизни нарушали только забавы, которыя вымышляли прислужники: но забавы тѣ были такого рода, что не требовали ни большой изобрѣтательности, ни изящества... Анна Ивановна любила наряды и, слѣдуя вкусу Бирона, предпочитала яркія краски; въ будни одѣвалась въ длинное широкое одѣяніе небесно-голубого или зеленаго цвѣта, а голова у нея была повязана краснымъ платкомъ, такимъ способомъ, какимъ обыкновенно повязывались мѣщанки».

Аллегорическое изображеніе казни князей А. Г. и И. А. Долгоруковыхъ, съ нѣмецк. народной картины того времени (собр. П. Я. Дашкова).

Характеристика личности Анны Іоанновны въ изображеніи Костомарова соотвѣтствуетъ слѣдующему враждебно пристрастному описанію внѣшности Императрицы, сдѣланному ея современницей, Наталіей Борисовной Шереметевой, невѣстой (и впослѣдствіи женой) князя И. А. Долгорукова: *«Престрашнаго была взору; отвратное лице имѣла;* такъ была велика, что когда между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше и чрезвычайно толста».

Совершенно иной портретъ Анны Іоанновны дастъ безпристрастный современникъ, камеръ-юнкеръ Бергхольцъ, на котораго она незадолго передъ тѣмъ, въ бытность герцогиней, произвела наружностью и осанкой вполнѣ благопріятное впечатлѣніе: «Герцогиня», пишетъ голштинскій камеръ-юнкеръ, *«женщина живая и пріятная, хорошо сложена, недурна собою и держитъ себя такъ, что чувствуешь къ ней почтеніе»*. И, какъ бы въ соотвѣтствіи съ этимъ именно описаніемъ внѣшности Анны Іоанновны, Соловьевъ дастъ болѣе благопріятную характе-

ристику ея личности. Склонность Анны Іоанновны къ пустымъ забавамъ нашъ знаменитый историкъ объясняетъ не однимъ только недостаткомъ образованія, но и тяжелыми обстоятельствами ея жизни: «Раннее и бездѣтное вдовство въ странѣ слабой (Курляндіи), за вліяніе надъ которой спорили три сильныхъ сосѣда, сдѣлало изъ Анны игрушку политическихъ отношеній и соображеній; она стала невѣстою всѣхъ бѣдныхъ принцевъ, желавшихъ получить Курляндію въ приданое... Чаша униженія была выпита до дна, а натура была жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію». Сдѣлавшись Императрицей, Анна Іоанновна не довѣряла русской знати и потому приблизила къ себѣ и возвысила иностранцевъ. «Но возвышеніемъ иностранцевъ и особенно одного изъ нихъ, который въ глазахъ народа не имѣлъ никакого права на возвышеніе, оскорблялись русскіе: Анна при своемъ умѣ, котораго у нея никто никогда не отнималъ, не могла не сознавать этого и потому не могла быть покойна. Чтобы успокоиться, забыться, среди постоянно тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, для натуры, неспособной уходить во внутренній міръ души и оттуда вызвать успокоеніе, для натуры, недоступной, не приготовленной образованіемъ къ высшимъ средствамъ возстановленія падающихъ силъ духа, — для такой натуры оставалось одно средство: внѣшнее развлеченіе, празднества, окруженіе себя существами, которыя бы постоянно развлекали, гнали бы далеко докучную мысль и тяжелое чувство».

Кромѣ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни — слѣдуетъ прибавить — въ этомъ случаѣ вліяла и полная неподготовленность Анны Іоанновны къ ея великому поприщу, какъ вѣрно замѣтилъ Костомаровъ. Не надо забывать, что Анна Іоанновна вступила на престолъ въ зрѣломъ возрастѣ, 37 лѣтъ. Все время до этого она жила въ Курляндіи, среди чуждаго и неблагожелательнаго общества. У нея былъ сильный, гордый характеръ, былъ умъ, природное остроуміе. Но она получила плохое образованіе и, живя бѣдно и уединенно, на чужбинѣ, не

В. И. Суриковъ. Императрица Анна Іоанновна въ Петергофскомъ «Темиль» стрѣляетъ оленей.

встрѣтила людей, которые могли бы благотворно повліять на ея развитіе. Она была герцогиней Курляндіи только по имени и лишена была возможности найти пищу своему уму и расширить свой кругозоръ въ занятіяхъ дѣлами управленія герцогствомъ. Долгое время терпѣвъ недостатокъ въ средствахъ, Анна Іоанновна, ставъ Императрицей, естественно обрадовалась возможности не отказывать себѣ болѣе ни въ чемъ и поспѣшила придать необычную пышность своему двору, которой удивлялись иностранцы, и предалась развлеченіямъ всякаго рода. Учреждено было множество новыхъ придворныхъ должностей; явилась итальянская опера, балетъ, нѣмецкая труппа, два оркестра музыки; построенъ новый трехъ-этажный каменный дворецъ; начались безпрерывные торжественные пріемы, празднества, балы, маскарады, спектакли, иллюминаціи, фейерверки.

Одно время Императрица пристрастилась къ картамъ и, по свидѣтельству Миниха, сына знаменитаго фельдмаршала Миниха, большую часть дня проводила за картами. На придворныхъ вечерахъ играли въ азартныя игры, фараонъ или квинтичъ, и нерѣдко въ одну ставку проигрывали до 20.000 рублей. Сама Императрица держала банкъ, и ставить могли лишь тѣ, кого она называла. Выигравшій тотчасъ же получалъ деньги, а съ проигравшаго Императрица никогда не требовала уплаты.

Анна Іоанновна очень любила шутовъ и шутихъ; ихъ состояло при дворѣ множество; среди нихъ были карлицы, калмычки, персіянки, арабки; Императрица просиживала цѣлые часы, слушая ихъ пошлую болтовню и смотря на ихъ глупыя кривлянья. Положеніе царскаго шута было своего рода придворною должностью; кромѣ извѣстнаго Балакирева и двухъ иностранцевъ (португальскаго еврея Лякоста и итальянскаго скрипача Педрилло), придворными шутами состояли три представителя русскихъ знатныхъ фамилій: князья М. А. Голицынъ, Н. Ѳ. Волконскій и А. П. Апраксинъ. На князя Никиту Волконскаго возложенъ былъ уходъ за любимой комнатной собачкой

Герцогъ Э. І. Бирон,
съ гравюры И. Соколова.

Императрицы «Цытринкой»; онъ долженъ былъ между прочимъ ежедневно въ особой вѣдомости расписываться въ полученіи для Цытринки по кружкѣ молочныхъ сливокъ [70]). Князь Голицынъ былъ сдѣланъ шутомъ въ наказаніе за то, что, будучи въ Римѣ, перешелъ въ католичество. Императрица жестоко насмѣялась надъ нимъ, шумно отпраздновавъ въ знаменитомъ «Ледяномъ домѣ» женитьбу его на придворной шутихѣ калмычкѣ [71]).

Свадьба эта, устроенная оберъегермейстеромъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ, доставила не мало заботъ Императорской охотѣ. По свидѣтельству Нащокина, женихъ съ невѣстою сидѣли въ большой клѣткѣ, поставленной на слонѣ, а свадебный поѣздъ, состоявшій изъ представителей чуть ли не всѣхъ разнообразныхъ національностей, населявшихъ въ то время обширную Россію, слѣдовалъ за новобрачными на оленяхъ, собакахъ, свиньяхъ и другихъ животныхъ, съ принадлежащею каждому роду «музыкалією и разными игрушками».

Самымъ любимымъ развлеченіемъ Анны Іоанновны была ружейная стрѣльба. Она могла цѣлыми часами забавляться стрѣльбою въ цѣль и достигла въ этомъ упражненіи совершенства. Не понимая лучшихъ сторонъ охоты, Анна Іоанновна любила ее, лишь какъ упражненіе въ стрѣльбѣ изъ ружья. Поэтому она съ еще большимъ удовольствіемъ, чѣмъ охотой, занималась стрѣльбою въ мишень въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ для этого была приспособлена особая галлерея.

Въ комнатахъ Императрицы всегда стояли заряженныя ружья, и она изъ оконъ дворца стрѣляла въ пролетавшихъ мимо ласточекъ, воронъ, сорокъ и тому подобныхъ птицъ. Если же птицы не летѣли къ окнамъ дворца Императрицы, тогда дворцовый садъ наполнялся птицами изъ «менажеріи», откуда ихъ выпускали въ громадномъ количествѣ. Заряжаніе ружей лежало на обязанности нѣкоего оберъ-егеря Бёма [72]). Анна Іоанновна занималась стрѣльбою не только изъ ружья, но и изъ лука. Биронъ принималъ на себя всѣ хлопоты по устройству этой забавы [73]). Во время своего пребыванія въ Петергофѣ она ежедневно, послѣ обѣда, занималась стрѣльбою или въ мишень, или по птицамъ [74]).

Въ петергофскомъ звѣринцѣ для нея разбивался особый наметъ, изъ котораго она стрѣляла въ мимо пробѣгавшихъ зайцевъ, кабановъ, ланей, тунгузскихъ и нѣмецкихъ оленей. Иногда она помѣщалась въ красивой бесѣдкѣ, выстроенной на терассѣ близъ моря и называвшейся Темплемъ, и стрѣляла изъ оконъ бесѣдки въ звѣрей, нарочно выгонявшихся на поляну, окруженную высокимъ палисадникомъ. «И сею забавою», говоритъ Минихъ сынъ, «вовсе неприличною женскому полу, она почти до кончины своей занималась» [75]). Анна Іоанновна настолько увлекалась стрѣльбой, что забавлялась ею также во время переѣздовъ изъ одного мѣста въ другое. Какъ сообщалось въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, Императрица на обратномъ пути изъ Петергофа въ Петербургъ «изволила въ Стрѣльной мызѣ стрѣляньемъ по птицамъ и въ цѣль забавляться» [70]).

Въ виду такого сильнаго увлеченія ружейною стрѣльбою Анну Іоанновну, конечно, должно было въ значительной степени интересовать и самое приготовленіе ружей, что лежало тогда на обязанности канцеляріи егермейстерскихъ дѣлъ. Ружья для Императрицы дѣлались частью на Сестрорѣцкомъ заводѣ, частью на Петербургскомъ оружейномъ дворѣ, гдѣ между прочимъ заготовлялись ружья и для всей царской охоты. Лично для Императрицы ружья дѣлались съ

золотой насѣчкой. Особенно богато отдѣлывался новый штуцеръ въ Октябрѣ 1740 г.: на него пошло цѣлыхъ восемь червонныхъ. Хотя ружья, какъ мы видѣли, заготовлялись въ Россіи, однако, кремни для нихъ покупались за границей; русскіе мастера не умѣли ихъ хорошо обдѣлывать. На ряду съ этимъ и порохъ выписывался изъ «города Гданска» (Данцига). Въ 1736 г., по личному распоряженію Анны Іоанновны, шесть французскихъ ружей выписаны были для нея изъ Парижа. Она сама писала объ этомъ барону Андрею Ивановичу Остерману: «Андрей Ивановичъ, понеже нынѣ князь Антонъ Кантемиръ въ Парижѣ обрѣтается, того ради отпишите къ нему, чтобъ онъ, какъ скоро возможно, прислалъ сюда для насъ шесть французскихъ фузей самой лучшей работы и отъ лучшаго мастера» [77]).

* *
*

Въ первые два года царствованія Анны Іоанновны, во время пребыванія ея въ Москвѣ, управленіе императорской охотой находилось въ рукахъ одного изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ Императрицы, *графа Семена Андреевича Салтыкова,* родственника ея по матери, Царицѣ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, урожденной Салтыковой. Графъ С. А. Салтыковъ въ тревожные февральскіе дни 1730 года заявилъ себя рѣшительнымъ сторонникомъ самодержавія, и 25 Февраля, видя волненіе среди шляхетства, Императрица ввѣрила ему начальство надъ гвардіей. Вслѣдъ за отмѣной въ тотъ же день ограничительныхъ пунктовъ Анна Іоанновна осыпала милостями Салтыкова, дала ему чинъ генерала, 6 Марта 1730 г. назначила оберъ-гофмейстеромъ и ввѣрила ему начальство надъ московскою дворцовою канцеляріей. Въ этой послѣдней должности графъ Семенъ Андреевичъ завѣдывалъ и дворцовой охотой. Когда дворъ въ Январѣ 1732 г. переѣхалъ въ Петербургъ, графъ Салтыковъ назначенъ былъ главнокомандующимъ старой столицы, съ порученіемъ наблюдать за всѣми административными учрежденіями Москвы и присутствовать въ московской сенат-

ской конторѣ. Онъ состоялъ главнокомандующимъ до 1739 г. и, по всей вѣроятности, все это время завѣдывалъ и оставшейся въ Москвѣ частью учрежденій императорской охоты. Ближайшимъ его помощникомъ по этому дѣлу до 1733 года былъ упомянутый выше, первый по времени «егермейстеръ» Михаилъ Селивановъ.

Кто именно въ первые годы по переѣздѣ двора въ Петербургъ стоялъ во главѣ петербургской охоты, въ періодъ перваго ея устройства, намъ, къ сожалѣнію, не удалось выяснить ни по печатнымъ источникамъ, ни по неизданнымъ дѣламъ архивовъ.

Княгиня Н. Б. Долорукова, рожд. гр. Шереметева, съ гр. А. Апанасьева.

Въ 1736 г. учреждена была впервые особая высшая должность по управленію Императорской охотой, должность *оберъ-егермейстера*. Она ввѣрена была извѣстному кабинетъ-министру *Артемію Петровичу Волынскому*, столь трагически окончившему свою жизнь на плахѣ въ 1740 г.

Этотъ кабинетъ-министръ и первый оберъ-егермейстеръ является однимъ изъ интереснѣйшихъ, характерныхъ дѣятелей нашей исторіи первой половины XVIII вѣка. Пройдя служебную лѣстницу съ низшихъ ступеней, Волынскій вездѣ сумѣлъ обнаружить свои недюжинныя дарованія и былъ замѣченъ, какъ дѣльный работникъ, такимъ знатокомъ людей, какъ Петръ Великій. Начавши службу простымъ солдатомъ петровской гвардіи, онъ, двадцати шести лѣтъ отъ роду, въ 1715 году былъ отправленъ Петромъ I съ отвѣтственнымъ порученіемъ въ Персію, въ качествѣ чрезвычайнаго посланника, а черезъ три года назначенъ былъ, въ званіи генералъ-адъютанта, астраханскимъ губернаторомъ. Съ 1725 г. по 1732 г. Волынскій былъ губернаторомъ въ Казани. Крупное столкновеніе съ казанскимъ

архіепископомъ Сильвестромъ было причиной удаленія его изъ Казани.

Благодаря покровительству своего родственника, гр. С. А. Салтыкова, Волынскій былъ сдѣланъ въ 1732 г. помощникомъ оберъ-шталмейстера, а въ 1734 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ генералъ-адъютантомъ Императрицы; затѣмъ, снискавъ расположеніе могущественнаго Бирона, былъ назначенъ 27 Января 1736 г. оберъ-егермейстеромъ и, наконецъ, 3 Апрѣля 1738 г. достигъ высшаго поста кабинетъ-министра.

Волынскій былъ умный, способный и очень образованный для своего времени человѣкъ. Онъ любилъ чтеніе серіозныхъ книгъ, хорошо владѣлъ перомъ и, сдѣлавшись кабинетъ-министромъ, много поработалъ надъ составленіемъ широкихъ проектовъ государственныхъ преобразованій. Въ домѣ Волынскаго собирался тѣсный кружокъ образованныхъ и преданныхъ ему людей, въ которомъ читались и обсуждались его проекты. Въ своемъ главномъ трудѣ «Генеральномъ разсужденіи о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ» онъ обсуждаетъ всѣ важнѣйшіе вопросы внутренняго управленія того времени, систематически раздѣливъ «Генеральное разсужденіе» на 6 частей: 1) Объ укрѣпленіи границъ и объ арміи, 2) О церковныхъ чинахъ, 3) О шляхетствѣ, 4) О купечествѣ, 5) О правосудіи, 6) Объ экономіи. Здѣсь между прочимъ онъ настойчиво требуетъ распространенія просвѣщенія между духовенствомъ и между шляхетствомъ, рекомендуя средство, испытанное Петромъ Великимъ: посылку молодыхъ дворянъ для обученья за границу. Благодаря этому, у насъ будутъ «свои природные министры», говоритъ онъ, намекая на нѣмцевъ—Бирона, Остермана, Миниха—заправлявшихъ всѣми дѣлами въ царствованіе Анны Іоанновны.

Образованность Волынскаго не отразилась на его характерѣ, не смягчила его крайне пылкаго и необузданнаго нрава. Въ грубомъ XVIII вѣкѣ такіе люди доходили до непонятной для насъ жестокости, до вопіющаго поруганія человѣческаго достоинства въ столкновеніяхъ

съ лицами, ниже стоящими. Во время приготовленій къ потѣшной свадьбѣ въ Ледяномъ домѣ, Волынскій по пустому поводу избилъ академика Третьяковскаго, которому поручено было сочинить стихи къ предстоявшему торжеству. Когда Третьяковскій поѣхалъ жаловаться Бирону, Волынскій, встрѣтившись съ нимъ въ пріемной курляндскаго герцога, тутъ же ударилъ его по щекѣ, вытолкалъ изъ комнаты, приказалъ отвести подъ караулъ и здѣсь велѣлъ дать ему 70 и затѣмъ еще 30 ударовъ палкою по спинѣ.

Мы мало знаемъ объ административныхъ мѣропріятіяхъ Волынскаго въ Казани и Астрахани, но за то имѣемъ множество свѣдѣній о его жестокихъ и часто собственноручныхъ расправахъ съ мѣстными обывателями и представителями мѣстной администраціи, знаемъ множество жалобъ со стороны духовенства и разныхъ лицъ на его мздоимство и безчинства всякаго рода. Авторъ «Генеральнаго разсужденія», краснорѣчиво писавшій о водворенiи правосудія, на практикѣ презиралъ права лицъ, возводилъ въ законъ собственный произволъ и въ порывѣ гнѣва жестоко расправлялся съ оскорбившими его или чѣмъ-нибудь провинившимися предъ нимъ людьми. Прибывъ въ Астрахань губернаторомъ въ началѣ 1719 г., Волынскій на первыхъ же порахъ проявилъ свой необузданный нравъ, избивъ до полусмерти коменданта гор. Петровска, Ивинскаго. Тотчасъ же у него пошли нелады изъ-за пустяковъ съ епископомъ Іоакимомъ, и ссора затѣмъ разгорѣлась въ непримиримую вражду. Въ Казани Волынскій открыто враждовалъ съ архіереемъ Сильвестромъ. Мстя Сильвестру, онъ велѣлъ отстегать прутьями дьякона и

Артемій Петровичъ Волынскій, съ лит. П. Борель, по портр. того времени.

двоихъ церковниковъ; по его приказанію избитъ былъ до полусмерти архіерейскій домовый иконописецъ; за секретаремъ духовнаго приказа губернаторъ гонялся съ обнаженною шпагою и тотъ едва ушелъ; архіерейскаго секретаря Волынскій самъ билъ и дралъ за волосы, потомъ велѣлъ солдатамъ бить его палками и топтунами и оставилъ «едва жива».

Достигнувъ высшей цѣли своихъ честолюбивыхъ стремленій, должности кабинетъ-министра, Волынскій вскорѣ, не разсчитавъ своихъ силъ, вступилъ въ борьбу съ нѣмцами, Биромомъ и Остерманомъ, державшими власть въ своихъ рукахъ. Не ограничившись разработкой широкихъ проектовъ «о поправленіи внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», Волынскій оставилъ записку, въ которой изобразилъ въ черномъ свѣтѣ барона Остермана и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, приближенныхъ Императрицы. Записка не понравилась Аннѣ Іоанновнѣ; она сказала автору: «Ты подаешь мнѣ письмо съ совѣтами, какъ будто молодыхъ лѣтъ Государю». Биронъ не замедлилъ воспользоваться этимъ, чтобы добиться назначенія суда надъ Волынскимъ.

Въ Апрѣлѣ 1740 г., пробывъ кабинетъ-министромъ ровно два года, Волынскій былъ устраненъ отъ всѣхъ должностей, а 27 Іюня того же года совершена была надъ нимъ и четырьмя его друзьями жестокая казнь на Сытномъ рынкѣ, что на Петербургской сторонѣ, противъ крѣпости. Волынскому передъ казнью, въ тюрьмѣ отрѣзали языкъ: истекающаго кровью его повели на казнь; наложили повязку, чтобы остановить кровь, но кровь хлынула въ горло и Волынскій сталъ лишаться чувствъ; двое служителей вташили его подъ руки на эшафотъ; здѣсь, послѣ чтенія указа, ему отсѣкли руку и затѣмъ голову. Императрица смягчила отрубленіемъ головы наказаніе, къ которому Волынскій былъ приговоренъ судомъ: посаженіе на колъ.

Столь трагически окончившаяся для Волынскаго борьба съ Биромомъ производитъ на первый взглядъ впечатлѣніе неосторожной, мелкой интриги. Борьба эта, однако, имѣла важное историческое

значеніе. Въ мрачную эпоху «Бироновщины», съ ужасами ея «слова и дѣла», во время господства нѣмца временщика, презиравшаго русскихъ людей, Волынскій явился первымъ выразителемъ пробуждавшагося русскаго самосознанія. Слова Волынскаго о необходимости имѣть въ Россіи «своихъ природныхъ министровъ» не были только личнымъ намёкомъ на Бирона, но и являлись напоминаніемъ національнаго завѣта Великаго Петра. Ознакомившись съ дѣломъ Волынскаго, Императрица Екатерина II писала: «Сыну моему и всѣмъ моимъ потомкамъ совѣтую и поставляю читать сіе Волынскаго дѣло отъ начала до конца, дабы они видѣли и себя остерегали отъ такого беззаконнаго примѣра въ производствѣ дѣлъ... Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако, не измѣнникъ, но, напротивъ того, *добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества*. Итакъ, смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ».

Однимъ изъ поводовъ къ назначенію Волынскаго оберъ-егермейстеромъ и къ связанному съ этимъ его дальнѣйшему возвышенію послужила его любовь къ охотѣ. Волынскій увлекался охотой со всею страстностью, присущей его натурѣ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, онъ не стѣснялся попирать чужія права, и объ его увлеченіяхъ охотой мы узнаемъ изъ многочисленныхъ жалобъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ его охотничьихъ экскурсій. Волынскій пользовался иногда охотою, какъ средствомъ мстить своему врагу, архіерею Сильвестру. Послѣдній жаловался Синоду, быть-можетъ, нѣсколько преувеличивая, что губернаторъ и лѣтомъ и зимою ѣздитъ по полямъ и сѣнным покосамъ со псовою охотою «многолюдствомъ», «топочетъ» лошадьми и собаками посѣянный яровой и озимый хлѣбъ, архіерейскій и монастырскій, ночуетъ въ монастырскихъ деревняхъ, минуя помѣщичьи и другія вотчины, беретъ «съ боемъ и неволею со крестьянъ нашихъ и монастырскихъ сѣна и овса для коней, а людямъ—всякую живность и хлѣбъ, сколько похотятъ», причиняя тѣмъ самымъ «напрасно не-

сносную обиду намъ и крестьянамъ». Сильвестръ жаловался также, что губернаторъ помѣстилъ на подгородномъ дворѣ Спасо-Казанскаго монастыря (такъ наз. «Подсѣкѣ») до двухсотъ собакъ и пятнадцать псарей, кормилъ послѣднихъ монастырскимъ хлѣбомъ и кашею, «а въ иное время псари привозили на ту Подсѣку собакамъ мертвыхъ лошадей, коровъ и всякое стерво; отчего на томъ дворѣ... овцы и прочая скотина вымерла». Власти обители, «усмотрѣвъ оную причину», просили неоднократно губернатора удалить съ Подсѣки и собакъ, и псарей. Но губернаторъ не только не уважилъ законныхъ просьбъ монастыря, но, призвавъ къ себѣ въ канцелярію «тоя обителей властей», приказалъ имъ отстроить снова на томъ дворѣ сломанную баню для помѣщенія собакъ.

У Волынскаго было много охотничьихъ собакъ: датскихъ, гончихъ и преимущественно борзыхъ разныхъ породъ: курляндскихъ брудастыхъ, «хортыхъ польскихъ», «арлекиновъ чистопсовыхъ» и др. Онъ подбиралъ ихъ съ любовью завзятаго охотника и очень о нихъ заботился. Въ любопытной перепискѣ съ гр. С. А. Салтыковымъ, который также былъ страстнымъ охотникомъ, Волынскій (въ 1734 г.) подробно обсуждаетъ достоинства своихъ и чужихъ собакъ, сообщаетъ о рѣдкой англійской борзой, которую ему привезъ въ подарокъ какой-то «англійскій дворянинъ», восхищается борзымъ кобелемъ, принадлежавшимъ польскому послу графу Завишѣ: «Столько великъ, что въ наклонѣ аршинъ три вершка, и столько хорошъ, что я, хотя уже не одну тысячу въ жизнь мою видѣлъ собакъ, только истинно такой безпорочной отъ роду мало видалъ... мнѣ безмѣрно будетъ жаль, если оная собака, не оставя здѣсь плода, увезена будетъ, за которую онъ подлинно одному шляхтичу заплатилъ всего больше, какъ 400 ефимковъ». Черезъ два года послѣ назначенія оберъ-егермейстеромъ, въ Февралѣ 1738 года Волынскій перевелъ своихъ собакъ въ числѣ 64-хъ (изъ нихъ 39 борзыхъ) на «псаренный» дворъ Императорской охоты въ селѣ Измайловѣ. Онъ говорилъ, что передастъ

ихъ «въ охоту Ея Величества для заводу», и въ то же время, чтобы лучше ихъ уберечь, приказалъ ходить за ними собственнымъ своимъ охотникамъ. Въ Январѣ 1739 г. Волынскій писалъ объ этомъ Московскому статейничему слѣдующее: «Хотя въ посланномъ нынѣ отъ меня къ Вамъ ордерѣ и написано, чтобы изъ собственной моей псовой охоты нѣсколько борзыхъ и гончихъ собакъ, которыя помѣчены въ реестрѣ, отданы точно въ охоту Ея Императорскаго Величества на заводъ, однакожъ, прикажите за ними ходить собственнымъ моимъ охотникамъ, и прошу за ними надсматривать, чтобы оныя собственныя мои собаки были въ добромъ призрѣніи и надлежащей чистотѣ— чтобы отъ нихъ размножены были щенята и выкармливаемы были»... Когда Волынскаго постигла опала, то московскіе охотники, содержавшіе его собакъ на Измайловскомъ дворѣ, очень встревожились. Немедленно началось строгое разслѣдованіе этихъ «непорядковъ». Выяснилось, что хотя охотники Волынскаго, ходившіе за его собаками въ Измайловѣ, и жили «на своемъ коштѣ», но собственныя собаки оберъ-егермейстера все же содержались на казенный счетъ. Указомъ Императрицы по этому дѣлу было опредѣлено: «Эти непорядки причесть ему, Волынскому, къ винѣ»; но такъ какъ опальный оберъ-егермейстеръ былъ «за его злодѣйственныя государственныя вины казненъ, и движимое и недвижимое его имѣніе отписано на Ея Императорское Величество», то взысканіе пало на лицъ, исполнявшихъ его незаконныя приказанія, и за прокормъ собственныхъ собакъ Волынскаго съ нихъ приказано было взыскать 1489 рублей [78]).

Послѣ Волынскаго до назначенія оберъ-егермейстеромъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго никто не носилъ этого званія. Въ 1740 г. короткое время, около двухъ мѣсяцевъ, съ Апрѣля по Іюнь, дѣлами придворной охоты завѣдывалъ совѣтникъ дворцовой конторы *князь Иванъ Васильевичъ Одоевскій* [79]), впослѣдствіи (1740—1744) президентъ вотчинной коллегіи и сенаторъ. А 19 Іюня того же года, слѣдовательно еще во время слѣдствія по дѣлу Волынскаго,

изустнымъ указомъ самой Императрицы завѣдываніе Императорскою охотою было поручено «командиру охоты», полковнику второго Московскаго полка *фонъ-Трескау* [80]). О своемъ назначеніи Трескау донесъ 9 Сентября 1740 года кабинету: «Ея Императорское Величество Іюня 19-го дня сего 1740 года Высочайшимъ изустнымъ указомъ соизволила мнѣ всемилостивѣйше повелѣть придворныя всѣ охоты содержать въ своей командѣ и за то правленіе, сверхъ полковаго жалованья, получать въ годъ награжденіе по тысячѣ рублевъ. И по силѣ онаго... указа, пока охоты въ командѣ моей состоять будутъ, означенное жалованье имѣю я получать вѣдомства своего изъ Егермейстерской Канцеляріи, о чемъ Высочайшему Кабинету Ея Императорскаго Величества симъ всенижайше доношу въ извѣстіе».

Казнь А. П. Волынскаго, съ рисунка Борель.

Полковникъ фонъ-Трескау былъ иностранецъ, только что прибывшій въ Россію, всего вѣроятнѣе изъ Курляндіи,—одна изъ креатуръ Бирона. Новый начальникъ охоты настолько мало зналъ русскій языкъ, что не умѣлъ даже подписываться по-русски на дѣловыхъ бумагахъ. При немъ, спеціально «для переводу», состоялъ прапорщикъ Карлъ Мейбовъ. Управлялъ охотою фонъ-Трескау короткое время, не больше двухъ лѣтъ.

Первый оберъ-егермейстеръ, Артемій Петровичъ Волынскій, руководствовался въ своей дѣятельности по управленію охотою резолюціями кабинета. Онъ, однако, уже положилъ первое начало будущей оберъ-егермейстерской канцеляріи, поручивъ дѣлопроизводство по управленію охотой отдѣльной своей личной канцеляріи, называвшейся «оберъ-егермейстерскія дѣла». Послѣ Волынскаго «оберъ-егермейстер-

скія дѣла» перешли въ завѣдываніе дворцовой конторы и составили въ ней особое отдѣленіе подъ тѣмъ же названіемъ. Все усложнявшееся и увеличивавшееся хозяйство Императорской охоты между тѣмъ настоятельно требовало образованія особаго учрежденія для завѣдыванія имъ. При преемникѣ Волынскаго, «командирѣ» придворной охоты, полковникѣ фонъ-Трескау, образована была *сермейстерская канцелярія* съ особой финансовой смѣтой. Но эта канцелярія оказалась недолговѣчной и была вскорѣ упразднена, вѣроятно, въ тѣхъ видахъ, чтобы сократить возможно болѣе расходы на придворную охоту.

Всѣми, какъ важными, такъ и мелкими, дѣлами по управленію Императорской охотой попрежнему сталъ вѣдать Императорскій кабинетъ. По примѣру Волынскаго, полковникъ Трескау началъ осаждать кабинетъ всевозможными представленіями по всѣмъ дѣламъ, не исключая и самыхъ маловажныхъ. Подобный порядокъ былъ признанъ неудобнымъ, и 6 Марта 1741 года кабинетъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ обращалъ вниманіе Императрицы на полковника Трескау, который своими донесеніями кабинету «о всякихъ дѣлахъ, между тѣмъ и о самыхъ малѣйшихъ, чинитъ въ кабинетныхъ дѣлахъ помѣшательство и излишнее затрудненіе», и просилъ отдать «того полковника Трескау со всею его командою и егерскими дѣлами» въ вѣдѣніе придворной или дворцовой конторы. Ходатайство кабинета было уважено, и ближайшее попеченіе о дѣлахъ Императорской охоты было поручено придворной конторѣ.

Императорская охота за время управленія фонъ-Трескау впервые получила точную организацію, съ изданіемъ перваго яхтъ-штата 1740 года. Честь разработки этого, важнаго въ исторіи охоты, законодательнаго памятника, должна принадлежать, повидимому, однако, не полковнику Трескау, а первому оберъ-егермейстеру, Волынскому, гораздо болѣе подготовленному для этого дѣла. Волынскій былъ отрѣшенъ отъ должностей кабинетъ-министра и оберъ-егермейстера въ Апрѣлѣ 1740 г.: утвержденіе же перваго яхтъ-штата

Надгробный памятникъ А. П. Волынскаю, Еропкина, Хрущова на кладбищѣ церкви св. Самсонія (на Выборской сторонѣ г. С.-Петербурга).

послѣдовало черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этого, 22 Сентября. Изъ одного архивнаго дѣла, которое мы разскажемъ ниже, видно, что Волынскій еще въ 1739 г. ставилъ на очередь вопросъ изданія яхтъ-штата. По всей вѣроятности, онъ же разработалъ проектъ яхтъ-штата и только не успѣлъ представить его на утвержденіе Императрицы, а полковникъ Трескау воспользовался въ значительной мѣрѣ трудомъ своего предшественника.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разсмотрѣнію этого перваго яхтъ-штата 1740 г. и изданнаго вслѣдъ за нимъ втораго 28 Января 1741 г., мы опишемъ первые шаги устройства петербургской псовой охоты и составъ ея въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія.

Первыя свѣдѣнія о личномъ составѣ петербургской Императорской охоты относятся къ 1733 году. Какъ разъ въ это время изъ Москвы переведены были нѣкоторые изъ чиновъ московской псовой охоты съ тѣмъ, чтобы пополнить личный составъ петербургской псовой охоты, которая, хотя и существовала раньше, но въ малыхъ размѣрахъ и безъ правильной организаціи. Упомянутые охотники были вызваны изъ Москвы настолько спѣшно, что имъ не было времени переселиться въ Петербургъ со своими семьями.

Личный составъ вновь организованной псовой охоты былъ таковъ же, какъ и составъ собственной охоты Петра II, разсмотрѣнный выше, съ тою лишь разницею, что въ спискѣ чиновъ 1733 года мы впервые встрѣчаемся съ должностью *оберъ-егеря*, которую

занималъ нѣкій Осипъ Меврель (вѣроятно, Мервиль). Эта охота, организованная вначалѣ въ составѣ 20 человѣкъ, довольно быстро разрослась, особенно къ концу тридцатыхъ годовъ этого столѣтія. Въ теченіе двухъ лѣтъ, съ Мая 1737 г. по Май 1739 г. число охотниковъ непрерывно увеличивалось съ каждымъ мѣсяцемъ, и возросло съ 26 до 43 человѣкъ. Зная о любви Анны Іоанновны къ охотѣ, Императорскій кабинетъ не останавливалъ такого быстраго увеличенія числа чиновъ охоты; на запросъ дворцовой конторы, производить ли ей «впредь на прибавочныхъ служителей отпускъ хлѣбнаго жалованья»? — кабинетъ-министры предписали удовлетворять всѣ требованія оберъ-егермейстера по сему предмету.

Рядомъ съ ростомъ численнаго состава замѣчается въ псовой охотѣ появленіе и новыхъ должностей. Въ документахъ 1737 года мы встрѣчаемся, напримѣръ, съ должностью *яхтъ-юнкера*. Когда именно она появилась, мы не знаемъ, но въ 1737 году, «обрѣтающемуся при охотахъ Ея Величества *яхтъ-юнкеру* Николавіусу» повелѣно было «отъ службы отказать и дать надлежащій абшидъ» изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ [81]).

Ко второй половинѣ тридцатыхъ годовъ восемнадцатаго вѣка относится возникновеніе и новыхъ отдѣльныхъ охотъ въ окрестностяхъ Петербурга. Отъ 1738 года мы имѣемъ первыя свѣдѣнія о личномъ составѣ петергофской охоты. Надъ этой охотою начальствовалъ форштмейстеръ І. А. Газъ, служившій по контракту, заключенному съ нимъ за границею 29 Января 1838 года полномочнымъ министромъ въ Дрезденѣ Кейзерлингомъ. Подъ начальствомъ Газа находились парфорсъ-егеря и звѣровщики [82]).

Соотвѣтственно увеличенію личнаго состава Императорской охоты въ царствованіе Анны Іоанновны значительно растутъ и расходы на его содержаніе. Такъ въ 1734 году на содержаніе всѣхъ охотъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, израсходовано было около 2184 рублей (не считая хлѣбнаго жалованья московскимъ охотни-

камъ). Къ концу же десятилѣтія расходы на содержаніе однѣхъ только Петербургскихъ и Петергофскихъ охотъ выросли болѣе чѣмъ въ три раза сравнительно съ прежними расходами на всю охоту въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1738 году они равнялись 7384 рублямъ, а еще годъ спустя 8302 рублямъ, при чемъ послѣдняя сумма распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: 4302 рубля шли на жалованье чинамъ охоты, 1500 рублей на шитье мундировъ и 2500 рублей на канцелярскіе и мелочные расходы.

Такое крупное увеличеніе расходовъ на содержаніе Императорской охоты объясняется не только умноженіемъ числа охотниковъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ описываемое время въ личномъ составѣ охоты появилось много иностранцевъ, нанятыхъ за границей за большое вознагражденіе, а также тѣмъ, что жалованье командировъ и начальныхъ людей возросло во много разъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Содержаніе рядового охотника стоило недорого: денежное и хлѣбное вознагражденіе его въ среднемъ не превышало 27 рублей 44 копѣекъ въ годъ; между тѣмъ высшіе чины псовой охоты получали отъ 80 до 300 рублей жалованья въ годъ. Оберъ-егерь, напримѣръ, въ годъ организаціи Петербургской псовой охоты получалъ 300 рублей, егеря-французы отъ 108 рублей до 240 рублей и доѣзжачій (иностранецъ) до 80 рублей годового жалованья. Все увеличивающаяся съ каждымъ годомъ сумма расходовъ падаетъ отчасти на жалованье вновь поступавшимъ рядовымъ охотникамъ, число которыхъ растетъ изъ года въ годъ, а главнымъ образомъ на жалованье иностранцамъ, которыхъ отыскиваютъ за границей, и, по заключеніи контракта, зачисляютъ на службу въ качествѣ форштмейстеровъ, яхтъ-юнкеровъ, оберъ-егерей, егерей и доѣзжачихъ.

Въ финансовомъ отношеніи, также какъ въ административномъ, Императорская охота въ это время не представляла еще самостоятельнаго учрежденія и въ дѣлѣ снабженія деньгами и припасами,

Рундальцевъ. Костюмированное утро Императрицы Анны Іоанновны, офортъ съ картины проф. живописи В. И. Якоби.

необходимымы для содержанія служебнаго персонала, зависѣла отъ другихъ учрежденій. Послѣ уничтоженія Преображенскаго приказа денежное жалованье нѣкоторое время выдавалось изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Затѣмъ продовольствіе на содержаніе придворныхъ охотъ отпускалось изъ главной дворцовой канцеляріи. Въ 1735 году, по указу Императрицы Анны Іоанновны, на содержаніе охоты опредѣлены были доходы съ Хотунской волости — бывшей вотчины князя Алексѣя Долгорукова. Эта волость, приписанная ко дворцу, была отдана въ особое вѣдѣніе генералъ-директора дворцовыхъ волостей барона Розена. Но не прошло двухъ лѣтъ, какъ придворная охота снова оказалась совершенно необезпеченной въ денежномъ отношеніи. Въ 1736 году Хотунская волость была взята отъ директора дворцовыхъ волостей и передана въ полное вѣдѣніе таінаго доменъ- и финансъ-совѣтника фонъ Фиринга [83]), который затѣмъ категорически отказался выдать изъ доходовъ волости хотя бы одинъ рубль на содержаніе охоты. Придворная охота, вслѣдствіе этихъ недоразумѣній, едва не осталась на 1739 годъ вовсе безъ продовольствія. Оберъ-егермейстеръ Волынскій, чтобы не заморить звѣрей и птицъ съ голода, рѣшился на крайнюю мѣру и приказалъ отпустить продовольствіе изъ суммъ подвѣдомственной ему конюшенной канцеляріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Волынскій представилъ по этому дѣлу докладъ Императрицѣ и, кабинетъ, разсмотрѣвъ его, приказалъ снабжать охоту припасами изъ ближнихъ дворцовыхъ волостей, а деньгами — изъ дворцовой канцеляріи, «*до утвержденія яхтъ-штата*».

Волынскій въ это время уже разрабатывалъ проектъ яхтъ-штата. Только-что разсказанный случай лишній разъ указалъ на необходимость твердо установить особымъ закономъ какъ численность личнаго состава Императорской охоты, такъ и сумму расходовъ на ея содержаніе. Вопросъ объ изданіи яхтъ-штата назрѣлъ окончательно и требовалъ немедленнаго рѣшенія. Постоянное появленіе «прибавочныхъ служителей» охоты, число которыхъ, только за одну майскую

треть 1739 года, возросло съ 36 до 43 человѣкъ, требовало случайныхъ и неожиданныхъ расходовъ и часто ставило учрежденія, отпускавшія средства на содержаніе охоты, въ затруднительное положеніе. Кабинетъ-министры обратили вниманіе на чрезмѣрное увеличеніе числа охотниковъ и сопряженныхъ съ этимъ расходовъ и нашли нужнымъ при составленіи яхтъ-штата сократить личный составъ придворной охоты, чтобы уменьшить затраты на нее.

Несмотря на это, изданіе яхтъ-штата въ дѣлѣ развитія охотничьихъ учрежденій имѣло весьма важное значеніе. Съ 22 Сентября 1740 года, когда былъ утвержденъ и подписанъ Анною Іоанновною первый яхтъ-штатъ, Императорская охота вступила на новый болѣе твердый путь, который къ концу XVIII столѣтія привелъ къ образованію отдѣльнаго оберъ-егермейстерскаго вѣдомства. Время до изданія яхтъ-штата является какъ бы переходной ступенью: старыя формы постепенно смѣняются новыми, слагаются новые элементы будущей организаціи; съ изданія же яхтъ-штата Императорская охота принимаетъ вполнѣ опредѣленную организацію и вступаетъ на путь дальнѣйшаго правильнаго развитія.

Первый яхтъ-штатъ 1740 г. узаконилъ, во-первыхъ, существованіе отдѣльныхъ охотничьихъ учрежденій [54]), во-вторыхъ—количество, права и преимущества личнаго персонала этихъ учрежденій, въ-третьихъ, обезпечилъ правильный отпускъ опредѣленной суммы на содержаніе всей охоты и, въ-четвертыхъ, точно опредѣлилъ, гдѣ и въ какомъ количествѣ должны были содержаться звѣри, птицы, собаки и лошади и сколько надлежало отпускать имъ разнаго провіанта и фуражу. Яхтъ-штатомъ впервые были узаконены охотничьи учрежденія обѣихъ столицъ и ихъ ближайшихъ окрестностей. Изъ охотничьихъ учрежденій Петербурга и его окрестностей въ штатѣ значатся: а) егерская команда, б) псовая охота, в) звѣровая охота, помѣщавшаяся на слоновомъ и звѣровомъ дворахъ и въ маломъ звѣринцѣ, г) петергофскіе Большой и Малый звѣринцы. Въ Москвѣ

Правительница Анна Леопольдовна
(галерея Гатчинскаго дворца).

попрежнему сосредоточивалась птичья охота и въ незначительныхъ размѣрахъ звѣровая, помѣщавшаяся въ Измайловскомъ звѣринцѣ; сохранившіеся остатки Московской псовой охоты яхтъ-штатомъ 1740 г. были уничтожены.

Изъ числа означенныхъ охотничьихъ учрежденій *сѣрская команда* была во всѣхъ отношеніяхъ новымъ явленіемъ; она возникла подъ вліяніемъ знакомства съ охотничьими учрежденіями западно-европейскихъ дворовъ. Дѣйствительно, ни въ охотахъ Царя Алексѣя Михайловича, ни въ охотахъ его ближайшихъ преемниковъ мы не встрѣчаемся съ такими чинами, какъ «оберъ-егерь», «егерь» и «пикеръ». Только около 1729 года въ росписи охотъ Петра II мы впервые въ составѣ охотъ видимъ *сѣря*, а еще позднѣе, уже въ петербургской псовой охотѣ, въ 1733 году, встрѣчаемся съ названіемъ *оберъ-сѣрь*. Появленіе этихъ чиновъ съ иностранными названіями совпадаетъ какъ разъ со вступленіемъ на службу въ Императорскую охоту иностранцевъ по происхожденію. Должности оберъ-егеря, егеря и пикера замѣщались преимущественно иностранцами, какъ людьми, болѣе знакомыми съ новыми пріемами охоты. По первому яхтъ-штату егерская команда составила самостоятельный отдѣлъ Императорской охоты; она тогда состояла изъ «командира охоты», оберъ-егеря, двухъ егерей Императрицы, одного егеря принцессы Мекленбургской Анны Леопольдовны и шести пикеровъ: двухъ англійскихъ, двухъ французскихъ и двухъ съ нѣмецкими фамиліями, вѣроятно, курляндцевъ. Впрочемъ, англійскіе и французскіе пикеры были включены въ штатъ временно: первыхъ велѣно было отпустить «по окончаніи ихъ капитуляціи», а вторыхъ весною 1741 года [85]).

Размѣры псовой охоты первымъ яхтъ-штатомъ были сведены до возможнаго сокращенія. Изъ 43 человѣкъ, «обрѣтающихся при псовой охотѣ», къ половинѣ 1739 года осталось всего восемь человѣкъ: четыре охотника, два наварщика и два конюха. Звѣровая охота тоже не изобиловала служебнымъ персоналомъ. Въ ней по штату

значилось: одинъ смотритель Малаго звѣринца и 13 человѣкъ на слоновомъ и звѣровомъ дворахъ, въ томъ числѣ: одинъ слоновщикъ—персъ, восемь звѣровщиковъ, одинъ ружейный подмастерье, одинъ рисовальный подмастерье и замочный отдѣльщикъ и двое учениковъ оружейнаго дѣла. Въ Петергофскихъ звѣринцахъ состояло всего шесть человѣкъ: форштмейстеръ, смотритель Малаго звѣринца и четыре звѣровщика, на одного изъ которыхъ были возложены обязанности цейхтъ-кнехта. Кромѣ того, при Петербургскихъ охотахъ для веденія приходо-расходной части состоялъ комиссаръ, для веденія письменныхъ дѣлъ—писарь. Такимъ образомъ при петербургскихъ и петергофскихъ охотничьихъ учрежденіяхъ по первому яхтъ-штату состояло всего 41 человѣкъ.

Въ Москвѣ весь служебный персоналъ Императорскихъ охотъ состоялъ изъ 21 человѣка, изъ которыхъ 14 человѣкъ приходилось на птичью охоту и 7 человѣкъ на звѣровую. Любопытно, что въ составѣ птичьей охоты было «нѣсколько человѣкъ старыхъ охотниковъ, служившихъ еще при Великомъ Государѣ Алексѣѣ Михаловичѣ»: одинъ статейщикъ, которому поручена была команда надъ всею птичьею охотою, три кречетника, шесть сокольниковъ, два помытчика (кромѣ того, два сокольника «изъ отставленныхъ нынѣ», вмѣсто конюховъ). Звѣровая московская охота по обыкновенію состояла изъ форштмейстера, пяти звѣровщиковъ и писаря, который предназначался, впрочемъ, не только для звѣринца, но и для другихъ охотничьихъ учрежденій Москвы.

Въ общемъ личный составъ всей Императорской охоты въ Москвѣ и Петербургѣ съ окрестностями первымъ яхтъ-штатомъ былъ опредѣленъ въ 62 человѣка; онъ былъ сокращенъ очень сильно, *почти втрое*, въ сравненіи съ 1739 годомъ, когда въ Императорской охотѣ числилось 175 человѣкъ.

Соотвѣтственно такому сокращенію служебнаго персонала Императорской охоты, сильно уменьшились и расходы на ея содержаніе.

До изданія штата въ 1740 году на содержаніе однѣхъ петербургскихъ охотъ денежнаго жалованья было выдано 8190 рублей, не считая провіанта; по штату же 1740 г. на содержаніе *всѣхъ Императорскихъ охотъ* было положено 4680 рублей денежнаго жалованья. Кромѣ того, назначено было хлѣбнаго жалованья (муки, крупы, овса и пр.) на сумму 591 р. Въ итогѣ, по разсматриваемому штату, на содержаніе служебнаго персонала всего было положено около 5271 рубля, изъ коихъ 4363 рубля были ассигнованы на содержаніе петербургскихъ охотъ и 908 рублей на содержаніе московскихъ охотъ.

Значительная часть суммы, положенной на содержаніе петербургскихъ охотъ, около 2760 рублей, распредѣлена была на жалованье чинамъ егерской команды (изъ 11 человѣкъ); «командиръ» получалъ 1000 р. въ годъ, оберъ-егерь 300 р. въ годъ, егеря—отъ 80 до 100 р., одинъ англійскій пикеръ получалъ 360 р., французскіе егеря до 200 и курляндскіе по 120 р. На содержаніе чиновъ московскихъ охотъ расходовалось гораздо меньше, чѣмъ петербургскихъ, потому что тамъ не было дорого стоившихъ иностранныхъ егерей. Одинъ только форштмейстеръ Измайловскаго звѣринца получалъ довольно крупный окладъ въ 300 р.; «начальный человѣкъ» птичьей охоты—статейщикъ получалъ только 60 рублей, кромѣ хлѣбнаго жалованья.

Яхтъ-штатъ 1740 г. впервые опредѣлилъ также порядокъ веденія приходо-расходной части Императорской охоты. Предписано было «для денегъ имѣть сундукъ съ двумя замками и двумя печатями: одинъ замокъ и печать полковника фонъ-Трескау, а другой замокъ и печать опредѣленнаго къ тому коммисара, и деньги на жалованье и на всѣ расходы въ настоящихъ нуждахъ выдавать по приказамъ полковника, а книги приходныя и расходныя содержать за шнуромъ и печатью его же, полковника». Приходъ и расходъ по московской охотѣ велѣно было «содержать форштмейстеру или статейщику, который изъ нихъ способнѣе будетъ, обще съ тѣмъ писаремъ, который опредѣленъ будетъ при звѣринцѣ, а рапортовать имъ всегда какъ о

приходѣ и расходѣ, такъ и о всемъ прочемъ содержаніи, къ полковнику фонъ-Трескау».

При изданіи перваго яхтъ-штата правительство стремилось сократить возможно больше расходы на придворную охоту, чрезмѣрно возросшіе, и зашло въ этомъ отношеніи слишкомъ далеко. Полное несоотвѣтствіе его дѣйствительнымъ потребностямъ Царской охоты обнаружилось тотчасъ же послѣ его утвержденія — «аппробаціи». Яхтъ-штатъ былъ утвержденъ Анной Іоанновной 22 Сентября 1740 г., за четыре недѣли до ея кончины. Спустя четыре мѣсяца, 28 Января 1741 года, въ правленіе Анны Леопольдовны былъ изданъ новый яхтъ-штатъ [86]). Хотя этого второго яхтъ-штата полностью мы не нашли, но нѣкоторыя, имѣющіяся у насъ свѣдѣнія позволяютъ заключать, что онъ, не измѣнивши размѣровъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья каждаго чина охоты въ отдѣльности, значительно повысилъ общую сумму ассигнованій на содержаніе всей охоты. Изъ именного указа, даннаго на имя полковника фонъ-Трескау одновременно съ утвержденіемъ новаго штата 1741 г., мы узнаемъ, что по этому штату на содержаніе всей Императорской охоты было ассигновано 18.871 рубль. При чемъ на содержаніе петербургскихъ и петергофскихъ охотъ положено было отпускать 14.067 рублей, а на московскія охоты—4804 рубля *).

Сдѣланная въ 1740 г., при изданіи перваго яхтъ-штата, попытка сократить расходъ на Императорскую охоту, такимъ образомъ, оказалась совершенно неудачной. Новый яхтъ-штатъ 1741 г. увеличилъ смѣту на содержаніе охоты болѣе, чѣмъ въ три раза.

* *
*

*) Сумма, предназначавшаяся на содержаніе петербургскихъ и петергофскихъ охотъ распредѣлялась такъ: 7102 рубля шли на жалованье, на мундиръ и прочіе мелкіе расходы служебнаго персонала и 6965 рублей—частью на хлѣбное жалованье, частью же на корма и лѣкарства звѣрямъ и въ частности слону. Деньги и провіантъ выдавались изъ дворцовой канцеляріи и штатсъ-конторы.

Въ заключеніе этой главы мы разсмотримъ указы о запрещеніи охоты частнымъ лицамъ въ окрестностяхъ столицъ и другія мѣропріятія оберъ-егермейстерскаго вѣдомства, направленныя къ сохраненію и размноженію дичи подъ Петербургомъ въ царствованіе Анны Іоанновны.

Увлеченіе охотой Петра II побудило правительство послѣ переѣзда Государя въ Москву поскорѣе напомнить обывателямъ подмосковныхъ селеній старые указы о воспрещеніи охоты, «подтверждавшіеся неоднажды» до первыхъ лѣтъ царствованія Петра Великаго, но съ того времени уже полузабытые. Въ 1728 г. указомъ Его Величества въ Московскомъ уѣздѣ, на разстояніи 30 верстъ отъ Москвы запрещено было ѣздить какъ съ псовой, такъ и съ птичьей охотой [87]).

Царствованіе Анны Іоанновны отличается особеннымъ обиліемъ запретительныхъ указовъ объ охотахъ подъ Москвою и подъ Петербургомъ. Немедленно послѣ пріѣзда Императрицы въ Москву «накрѣпко» было указано, въ Апрѣлѣ 1730 г., чтобы «подъ Москвою какъ сами помѣщики, такъ и люди ихъ и крестьяне со псовою и птичьею охотами не ѣздили и звѣрей, зайцевъ и лисицъ и прочихъ, окромѣ волковъ, медвѣдей, не травили и тенетами и ничѣмъ не ловили и не стрѣляли» [88]). Разрѣшено было ловить и стрѣлять только волковъ и медвѣдей, такъ какъ ихъ въ то время водилось еще много въ окрестностяхъ столицы, и чрезмѣрное размноженіе этихъ хищниковъ, вслѣдствіе воспрещенія охоты, могло грозить опасностью жителямъ Москвы. Запретный раіонъ былъ нѣсколько уменьшенъ—до 20 верстъ; нарушителей указа велѣно было «штрафовать, не чиня никакого послабленія». Любопытный документъ, дошедшій до насъ: «Инструкція Воеводамъ»—данная Императоромъ Петромъ I, предписывающая послѣднимъ надзирать, чтобы «Государевы звѣроловства, гдѣ заказано, были хранимы», и чтобы «хищныхъ и вредительныхъ звѣрей, во всякой возможности истреблять»—знакомитъ насъ впервые объ истребленіи хищниковъ [89]).

Биронъ, герцогъ Курляндскій
(галлерея Гатчинскаго дворца).

Штрафы, установленные этимъ указомъ, явились недостаточной угрозой для браконьеровъ: не взирая на указъ, «многіе тому явились преступники». Въ виду этого, весной слѣдующаго же 1731 года для такихъ преступниковъ установлены были строгія наказанія. Указомъ 25 Мая 1731 г. было «наикрѣпчайше подтверждено», дабы какого кто званія ни былъ «отнюдь не дерзалъ» охотиться на разстояніи 20 верстъ отъ Москвы «подъ опасеніемъ за то *неизмѣннаго жестокаго истязанія*». Обывателямъ велѣно было доносить о всѣхъ случаяхъ недозволенной охоты оберъ-егерю Осипу Мевреlю (Мервилю) и доносителямъ обѣщано выдавать по два рубля. Кромѣ того, велѣно было «ягерямъ» (егерямъ), «ежели кого наѣдутъ, таковыхъ брать за караулъ, а *собакъ всѣхъ перестрѣлять*». Крестьянамъ и другимъ «подлымъ людямъ» (т.-е. людямъ низшаго званія), которые «множественнымъ числомъ стрѣляютъ, тенетами и другими инструментами всякую дичину выводятъ», угрожали тѣлеснымъ наказаніемъ и ссылкой. Этотъ строгій указъ не пресѣкъ браконьерства: въ 1738 г. Анна Іоанновна узнала, что «около Москвы съ охотами весьма многолюдно ѣздятъ и зайцевъ по 70 и по 100 на день травятъ». Поэтому Императрица приказала въ Маѣ 1738 г. вновь «наикрѣпчайше» воспретить охоту въ окрестностяхъ Москвы и на этотъ разъ значительно расширила запретный раіонъ съ 20 верстъ до 50 верстъ [90]).

Начало воспрещеніямъ охоты подъ Петербургомъ положено было еще Петромъ Великимъ, который, указомъ 22 Апрѣля 1714 г., воспретилъ стрѣлять или бить лосей во всей Петербургской губерніи, подъ опасеніемъ «большого штрафа и жестокаго наказанія»; желающимъ при этомъ предлагалось ловить лосей живыми и чрезъ комендантовъ направлять ихъ въ Петербургскую канцелярію, которая за каждаго живого лося должна была выдавать по 5 рублей [91]). Въ первый годъ царствованія страстнаго охотника Петра II, указомъ 18 Іюня 1727 г., воспрещена была птичья и звѣровая охота на Аптекарскомъ острову: «никому съ ружьемъ и съ собаками не ходить и

птицъ и звѣрей изъ ружья не стрѣлять, и съ собаками не травить, и никакими инструментами не ловить». Затѣмъ, въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, 18 Сентября 1732 г. воспрещена была какъ на Аптекарскомъ, такъ и на всѣхъ другихъ островахъ и вообще поблизости отъ Петербурга охота на зайцевъ «подъ опасеніемъ денежнаго штрафа» [92]). Въ 1735 г., особымъ указомъ строжайше запрещено было ловить и стрѣлять «дичину» въ окрестностяхъ Царскаго Села [93]).

Что касается окрестностей Петербурга, то здѣсь, однако, недостаточно было строжайше воспрещать охоту частнымъ лицамъ; необходимо было принимать и другія мѣры для сохраненія и размноженія дичи въ мѣстахъ царскихъ охотъ. Въ 1736 г., 18 Ноября Анна Іоанновна приказала оберъ-егермейстеру Волынскому озаботиться разведеніемъ куропатокъ около Екатерингофа и Петергофа, и для этого велѣла «привезти живыхъ куропатокъ изъ Малороссіи и изъ другихъ мѣстъ нѣсколько сотъ паръ и впредь оныхъ по вся годы привозить паръ по двѣсти». Велѣно было привезти также и живыхъ зайцевъ до 500 штукъ «и впредь по вся годы привозить ста по два».

Во исполненіе повелѣнія Анны Іоанновны Сенатъ не замедлилъ 3 Января 1737 г. разослать указы въ Новгородскую губернію (въ города: Ладогу, Олонецъ, Кексгольмъ и Псковскую провинцію), опредѣливъ плату за каждаго зайца не выше 10 копѣекъ съ доставкой изъ Новгородской губерніи и 20-ти изъ Московской [94]). Указы были опубликованы съ барабаннымъ боемъ, но охотниковъ ловить зайцевъ нашлось немного. Въ Псковѣ «по тѣмъ публикаціямъ къ ловлѣ русаковъ и зайцевъ охотниковъ никого не явилось» *). Въ виду

*) По собраннымъ Псковскою провинціальною канцеляріею свѣдѣніямъ, оказалось, что у мѣстныхъ крестьянъ «для ловли зайцевъ тенета, саженей по 10, 15 и 18, имѣются безъ крюковъ, которыми они ловятъ зайцевъ въ зимнее время около лѣсовъ близъ деревень своихъ по снѣговымъ порошамъ, сыскивая тѣхъ зайцевъ по слѣдамъ; а въ лѣтнее де и въ осеннее время зайцевъ они не ловятъ; а русаковъ въ тѣхъ

этого Сенатъ впослѣдствіи нашелъ нужнымъ, для болѣе успѣшной ловли зайцевъ, командировать въ провинціи охотниковъ съ тенетами изъ Петербурга [95]). Чтобы исполнить волю Императрицы, Новгородскій вице-губернаторъ, самъ, съ полицеймейстеромъ и охотниками, однажды отправился на ловлю зайцевъ тенетами и послалъ 20 штукъ ихъ въ Петербургъ съ нарочнымъ [96]).

Одновременно съ распоряженіемъ о разведеніи зайцевъ подъ Петербургомъ, Сенатъ въ Январѣ 1737 г. строго воспретилъ стрѣлять, ловить и травить зайцевъ въ окрестностяхъ Петербурга и Петергофа на 100 верстъ кругомъ. Тогда же запрещено было «партикулярнымъ людямъ» стрѣлять и ловить сѣрыхъ куропатокъ на разстояніи 200 верстъ отъ Петербурга, а всѣхъ другихъ птицъ въ 100 верстахъ отъ столицы. Оберъ-егермейстеръ Волынскій, однако, въ Маѣ мѣсяцѣ того же 1737 г. замѣтилъ, что, «невзирая на оное запрещеніе, партикулярные люди и нынѣ всякихъ родовъ птицъ не только въ дальнихъ мѣстахъ, но и около самаго Петербурга стрѣляютъ и ловятъ сѣтками и силками и битыхъ птицъ продаютъ въ Петербургѣ на рынкѣ, а нѣкоторые тѣмъ отговариваются, что будто публикаціи о нестрѣляніи и неловленіи птицъ не слыхали». Въ виду этого, Волынскій просилъ Сенатъ вновь опубликовать съ барабаннымъ боемъ указъ о запрещеніи птичьей охоты, подъ жестокимъ штрафомъ, въ Петербургскомъ и Дерптскомъ дистриктахъ (уѣздахъ) и въ Ингерманландіи. Теперь, однако, рѣчь шла уже не о безусловномъ воспрещеніи птичьей охоты частнымъ лицамъ, а о воспрещеніи ея лишь на лѣтніе мѣсяцы: Май, Іюнь и Іюль. Волынскій въ этомъ случаѣ слѣдовалъ примѣру «Европы», какъ выразился онъ въ своемъ докладѣ Сенату: «Понеже съ Маія мѣсяца птицы сидятъ на гнѣздахъ и выводятъ дѣтей,

---

мѣстахъ никогда не бываетъ... Имѣющимися у нихъ тенетами ловятъ зайцевъ, связывая тѣ тенета одни съ другими, по пяти и больше, и загоняютъ тѣхъ зайцевъ изъ лѣсу въ тенета людьми». Псковская канцелярія просила прислать въ Псковъ потребныя тенета съ крюками и человѣка, опытнаго въ ловлѣ зайцевъ.

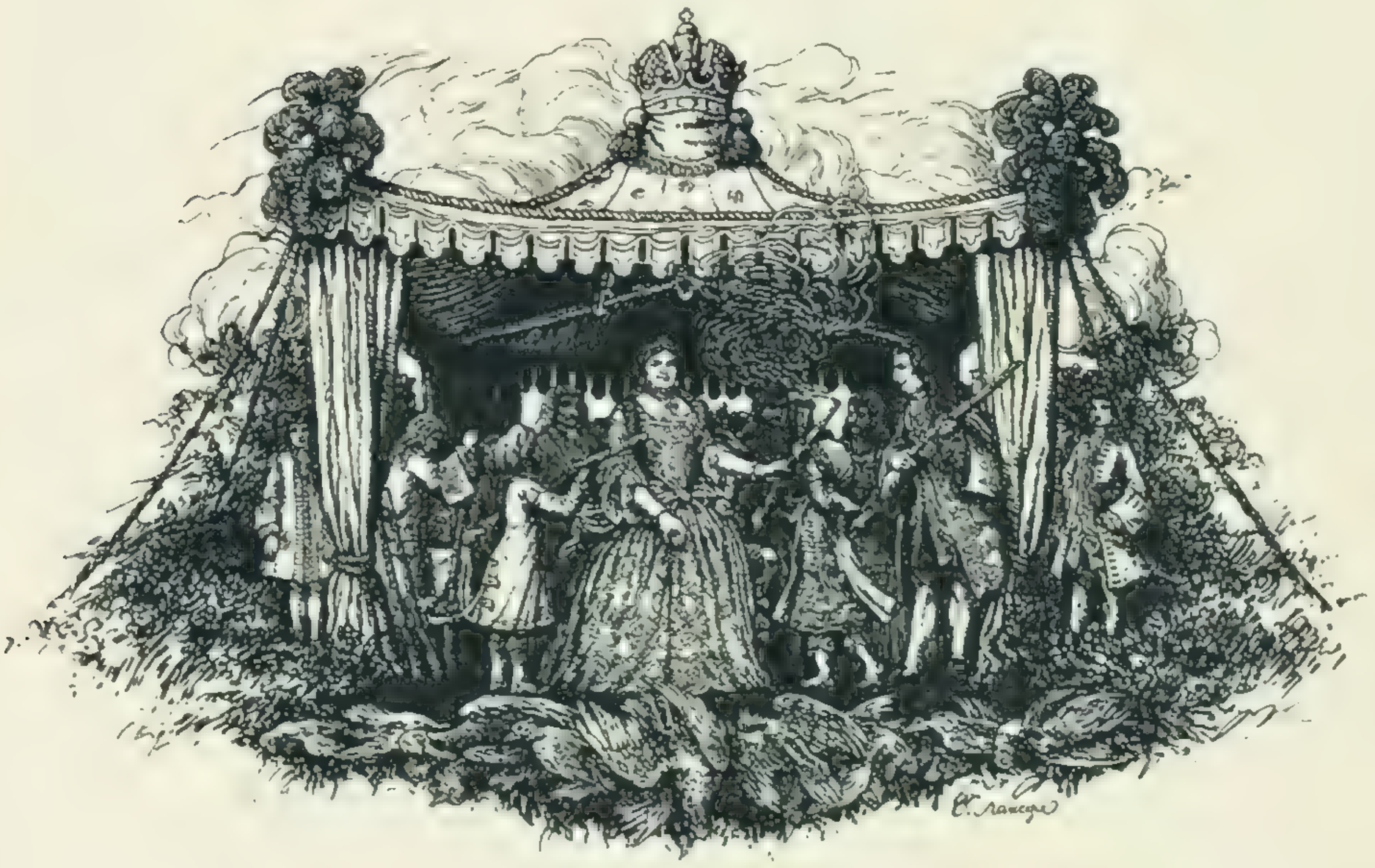
а для того обыкновенно во всѣхъ въ Европѣ христіанскихъ государствахъ всѣ охоты и ловли, и стрѣльба, наипаче о птицахъ, кромѣ птоядныхъ (хищныхъ, ѣдящихъ птахъ, пташекъ) и вредительныхъ, Маія съ 1 по Августъ мѣсяцъ запрещается; ибо, когда изъ старыхъ одна птица изъ гнѣзда убита или поймана будетъ, тогда уже и приплодъ того гнѣзда безполезно весь пропадетъ». Одновременно съ этимъ, по представленію Волынскаго, въ Маѣ 1737 года воспрещена была ловля зайцевъ пустоличью около Петербурга, а также въ Московской и Новгородской губерніяхъ [97]).

Наконецъ, въ томъ же 1737 году, столь богатомъ указами по части сохраненія дичи разнаго рода, строго воспрещено было въ Петербургской и Новгородской губерніяхъ ловить и стрѣлять лосей [98]). Обывателямъ велѣно было, какъ только они найдутъ гдѣ-нибудь лосей, немедленно сообщать объ этомъ въ Петербургъ; придворные егеря должны были тотчасъ же ѣхать въ тѣ мѣста, гдѣ замѣчены лоси; за каждаго «объявленнаго лося» назначена была денежная награда. Вслѣдъ затѣмъ охота на лосей воспрещена была по всей имперіи [99]).

Черезъ три года, въ 1740 году, вновь изданъ былъ рядъ указовъ о воспрещеніи охоты частнымъ лицамъ; всѣ прежнія строгія предписанія оказались недѣйствительными, какъ это признано было въ именномъ указѣ 28 Іюня 1740 г.: «Хотя напредъ сего неоднократными указами публиковано, чтобъ въ Ингерманландіи звѣрей и птицъ партикулярные люди не ловили и не стрѣляли, но по тому не исполняется [100]); и не только въ Ингерманландіи, но и въ ближайшихъ мѣстахъ къ Санктъ-Петербургу и около Петергофа всегда лосей и зайцевъ и птицъ ловятъ и стрѣляютъ, особливо и *выпущенныя* по нашему указу нарочно около Петергофа и Краснаго Села *куропатки перестрѣляны*». Оставалось одно средство, чтобы уберечь дичь, усилить наказанія за браконьерство. Рѣшено было крестьянъ, уличенныхъ въ недозволенной охотѣ на 30 верстъ отъ Петербурга, Петергофа и

Краснаго Села, ссылать *«въ каторжную работу безъ всякаго милосердія»*. Помѣщичьи приказчики должны были наблюдать, чтобы крестьяне не занимались охотой, и «за несмотрѣніе» имъ грозилъ «жестокій штрафъ» [101]).

Любопытный указъ, отъ 21 Іюля 1740 года, заключаетъ въ себѣ распоряженіе Правительствующаго Сената отобрать билеты и мѣдныя бляхи на право охоты, выданные разнымъ лицамъ Волынскимъ въ бытность его оберъ-егермейстеромъ [102]).



Глава III.

Императрицы Елисавета Петровна и Екатерина II Алексѣевна. Развитіе учрежденій Императорской охоты.

Учрежденія Императорской охоты, послѣ предшествовавшаго полувѣкового упадка заново организованныя въ царствованіе Анны Іоанновны по европейскому образцу, быстро развиваются въ томъ же направленіи въ послѣдующія царствованія. Придворная охота, развиваясь, обособляется — по общему закону развитія государственныхъ и общественныхъ учрежденій — и выдѣляется въ самостоятельное егермейстерское

вѣдомство. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны является новый самостоятельный органъ высшаго управленія Императорской охотой — Оберъ-егермейстерская канцелярія; затѣмъ, въ царствованіе Екатерины Великой Оберъ-егермейстерскій корпусъ, обособляясь отъ другихъ высшихъ учрежденій, становится въ непосредственное подчиненіе верховной власти.

Это развитіе Императорской охоты въ теченіе второй половины XVIII вѣка поддерживалось неослабнымъ интересомъ къ охотѣ Императрицъ Елисаветы Петровны и Екатерины II. Охота была однимъ изъ любимыхъ развлеченій Великой Екатерины. Императрица же Елисавета не только любила охоту, но и страстно ею увлекалась.

Елисавета Петровна заинтересовалась охотою еще въ своей молодости, 18—19 лѣтъ, подъ вліяніемъ своего царственнаго племянника, юнаго Петра II. Какъ мы уже упоминали, въ 1727—1728 гг. она постоянно сопутствовала Петру II въ его непрерывныхъ охотничьихъ поѣздкахъ. Когда съ осени 1728 г. Елисавета Петровна, замѣтивъ нерасположеніе къ ней Петра, поселилась подъ Москвою, въ отдаленіи отъ двора, она уже не оставляла охоты, которую успѣла полюбить и часто развлекалась ею, въ тѣсномъ кружкѣ приближенныхъ.

Цесаревна Елисавета въ это время проживала сначала въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ, теперь уже вошедшемъ въ черту города Москвы, затѣмъ въ Александровской слободѣ, памятной по жизни въ ней Царя Ивана Грознаго [103]). Эту слободу Цесаревна особенно полюбила за окружающія ее красивыя охотничьи угодья и приказала построить себѣ здѣсь два деревянныхъ дворца на каменномъ фундаментѣ: лѣтній и зимній. Живя здѣсь уединенно, Елисавета Петровна нерѣдко развлекалась тѣмъ, что собирала сельскихъ дѣвушекъ, заставляла ихъ пѣть пѣсни, водить хороводы и сама принимала въ нихъ участіе со своими фрейлинами; зимою же вмѣстѣ съ дѣвушками каталась на салазкахъ. Въ пригородномъ селѣ Кургахинѣ,

Императрица Елисавета Петровна,
съ офорта Чемесова 1761 г., по портрету, писанному Л. Токэ.

гдѣ былъ большой лѣсъ, для нея иногда травили волковъ. Большую же часть времени Елисавета посвящала охотѣ.

Во всемъ блескѣ молодости, стройная красавица съ выразительными голубыми глазами, роскошными, каштановаго цвѣта, волосами, Цесаревна часто выѣзжала верхомъ, въ мужскомъ платьѣ, на соколиную охоту въ тѣ самыя мѣста, гдѣ нѣкогда тѣшились ею Цари Михаилъ Ѳеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ. Постояннымъ спутникомъ ея былъ Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, наиболѣе близкій ей въ то время человѣкъ, и придворный врачъ Лестокъ, какъ говорили, влюбленный въ прекрасную Цесаревну. Елисавета Петровна занималась также ружейною охотою на птицъ; но болѣе всего любила псовую охоту на зайцевъ. Въ этой охотѣ, кромѣ названныхъ лицъ, ей сопутствовалъ всегда служитель В. И. Чулковъ, уроженецъ Александровской слободы и страстный псовый охотникъ. Изъ слободы Александровской ея охотничьи выѣзды чаще всего направлялись по Юрьевской дорогѣ въ Опольщину. Около села Андреевскаго, въ 17-ти верстахъ отъ слободы, указываютъ мѣсто хоромъ и охотничьяго двора, которые были выстроены на случай пріѣзда Елисаветы Петровны въ эти мѣста на охоту; подобные же станы-хоромы встрѣчались и въ другихъ окрестныхъ селахъ; а подъ дворцовымъ селомъ Ивановскимъ (Холудневымъ тожъ) въ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ — царскими мѣстами и доселѣ сохранилась память объ охотничьихъ походахъ молодой Цесаревны. Въ первые годы царствованія Анны Іоанновны Цесаревна Елисавета жила въ отдаленіи отъ двора, но затѣмъ, по волѣ Императрицы, должна была разстаться временно со своей любимой подмосковной вотчиной и переѣхала въ Петербургъ; здѣсь она неоднократно участвовала въ охотахъ Императрицы Анны Іоанновны и, не довольствуясь этимъ, организовала свою собственную охоту въ Царскомъ Селѣ [104]).

Длинный рядъ охотъ, въ которыхъ Елисавета Петровна принимала участіе, уже облеченная самодержавною властью Императрицы, открывается въ Москвѣ, куда Государыня переѣхала въ Январѣ 1742 г.

А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере. Пріѣздъ Императрицы Елисаветы Петровны рано утромъ съ тетеревиныхъ токовъ въ «Монбеліръ» г. Царскаго Села

для коронаціи. Вслѣдъ за дворомъ, отправившимся изъ Петербурга въ Москву, послѣдовала и Императорская охота въ полномъ своемъ составѣ; для перевозки ея было нанято 80 ямскихъ подводъ и истрачено до 250 рублей,—сумма очень крупная по тому времени [105]).

Особенно часто Императрица Елисавета охотилась въ теченіе осени и зимы 1742 года. 9 Октября этого года англійскій резидентъ при русскомъ дворѣ сообщалъ своему правительству: «Императрица чрезвычайно пристрастилась къ охотѣ: министры рѣдко находятъ случаи докладывать ей серьезныя дѣла». Въ это время Елисавета Петровна часто охотилась на тетеревовъ, изъ шалашей съ чучелами, въ Петровской рощѣ и въ окрестностяхъ Измайловскаго звѣринца. Сюда, «въ вновь поставленные за звѣринцемъ шалаши для стрѣлянія тетеревей», приглашенъ былъ 9 Октября высокій гость Государыни, князь Гессенъ-Гомбургскій. Императрица занималась также и звѣровой охотой и для этой цѣли, между прочимъ, совершила поѣздку въ подмосковное помѣстье барановъ Строгановыхъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ, въ теченіе зимы 1742—1743 г., для охоты Ея Величества «обыскивали» медвѣдей и другихъ звѣрей сыновья тѣхъ самыхъ крестьянъ (Ивана Иванова и Авдѣя Игнатьева), которымъ такое же порученіе дано было при Петрѣ II [106]).

Елисавета Петровна съ большимъ удовольствіемъ охотилась въ окрестностяхъ первопрестольной столицы не только за это время, но и впослѣдствіи всякій разъ, когда она посѣщала Москву. А живала она въ ней иногда по цѣлому году и за свое царствованіе посѣтила ее, кромѣ 1742 и 1743 гг., еще три раза: въ 1744, 1749 и 1752—1754 годахъ, при чемъ всегда въ этихъ случаяхъ вслѣдъ за дворомъ отправлялась въ Москву и значительная часть Императорской охоты [107]).

Въ бытность свою въ Москвѣ въ Маѣ 1744 года Императрица подарила графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, который былъ назначенъ оберъ-егермейстеромъ тотчасъ же по вступленіи ея на

престолъ, село Перово съ деревнями Тетерки и Тимохово. Окрестности этихъ селеній сдѣлались любимымъ мѣстомъ охотъ Императрицы; особенно часто посѣщала она село Перово. Сюда нерѣдко вмѣстѣ съ нею пріѣзжали наслѣдникъ престола, великій князь Петръ Оеодоровичъ, и великая княгиня Екатерина Алексѣевна; здѣсь устраивались и соколиная, и псовая охоты, на которыя нерѣдко приглашались иностранные министры и знатныя особы изъ русскихъ.

Въ томъ же 1744 году, во время пребыванія двора въ Москвѣ, Императрица совершила охотничью поѣздку въ село Люберцы. Изъ Москвы она выѣхала въ 10 часовъ утра черезъ Головинскій садъ; въ Люберцы, отстоявшіе отъ Москвы въ 15 верстахъ, прибыла въ половинѣ 12-го; здѣсь, отдохнувши отъ дороги, въ половинѣ 7-го вечера Императрица выѣхала на охоту верхомъ съ соколами и вернулась съ охоты въ исходѣ 9-го часа, а на слѣдующій день отправилась изъ Люберецъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь. Тамъ, встрѣченная въ воротахъ обители игуменомъ съ братіею, она отстояла литургію, осмотрѣла достопримѣчательности и обѣдала на лугу въ палаткахъ. На обратномъ пути изъ монастыря въ Москву Елисавета Петровна снова развлекалась охотою съ соколами. Мы описали такъ подробно эту поѣздку потому, что она невольно напоминаетъ намъ то старое время, когда «охотникъ достовѣрный», Царь Алексѣй Михайловичъ, также заканчивалъ поѣздки въ монастыри, любимою своей соколиной потѣхой [108]).

Весь 1749 годъ Императрица снова провела въ Москвѣ. И въ этотъ разъ она весною гостила довольно долгое время въ Перовѣ у А. Г. Разумовскаго, забавляясь вначалѣ охотою чуть ли не каждый день; только воспаленіе въ боку прекратило ея охотничьи выѣзды: она слегла въ постель, а когда оправилась, предприняла путешествіе пѣшкомъ въ Троицкую лавру [109]).

Предпослѣднее путешествіе въ Москву было предпринято Елисаветою Петровною въ Декабрѣ 1752 г. Предполагалось, что это пре-

бываніе ея въ Москвѣ будетъ сопровождаться многочисленными охотами, и графъ Алексѣй Разумовскій заблаговременно еще въ Октябрѣ 1752 года озаботился заготовленіемъ фуръ для перевозки псовой охоты, чтобы «не могло произойти въ цѣнѣ излишней передачи». Вслѣдъ затѣмъ, въ Ноябрѣ, онъ отдалъ приказъ слѣдовать въ Москву егермейстеру, канцеляріи со служителями, оберъ-егерю, егерямъ, егерскимъ ученикамъ и прочимъ чинамъ Императорской охоты, взявъ всѣхъ годныхъ собакъ, негодныхъ же, «дабы на нихъ казеннаго корму напрасно не происходило», приказалъ раздать желающимъ [110]). Въ то же время и въ Москвѣ дѣятельно готовились къ предстоящимъ охотамъ Императрицы: московская псовая охота устраивала пробные выѣзды въ поле. Приготовленія не оказались напрасными: въ это посѣщеніе старой столицы Елисавета Петровна съ особымъ увлеченіемъ занималась охотою и главнымъ образомъ псовой. И на этотъ разъ главной ареной ея охотничьихъ выѣздовъ было село Перово. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она побывала и въ другихъ подмосковныхъ селахъ: Братовщинѣ, Черневѣ, Алешинѣ, Коньковѣ. Въ Алешинѣ, имѣніи генерала Ал. Бор. Бутурлина, куда Императрица пріѣхала послѣ псовой охоты въ окрестностяхъ села Братовщины, для нея было приготовлено вечернее кушанье и сожженъ былъ блестящій фейерверкъ [111]).

Императрица Елисавета Петровна,
съ грав. И. Ридингеръ.

Императрица Елисавета Петровна любила маскарады, театры и русскія простонародныя увеселенія. Съ Гавриличемъ *) зимою она катывалась на конькахъ по льду прудовъ въ Красномъ Селѣ и въ Измайловѣ, лѣтомъ, наряженная въ великолѣпный сарафанъ и кокошникъ, ходила съ придворными въ хороводахъ, сама пѣвала съ дѣвушками хороводныя, а въ Святки — святочныя пѣсни. При ней, сказывали старожилы, жили припѣваючи. Мужской нарядъ Императрицѣ такъ же шелъ, какъ женскій, она прекрасна была и въ сарафанѣ, и въ гвардейскомъ мундирѣ, и въ охотничьемъ платьѣ, и въ пышномъ робронѣ съ бочками и фижмами. Одѣтая въ великолѣпный мундиръ на одномъ маскарадѣ, она подошла къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (Екатеринѣ II), которая, остановивъ на ней свои глаза съ особеннымъ участіемъ, сказала ей: — «Къ счастію женщинъ, что Вы, Государыня, не мужчина». — «Еслибъ я была мужчиной», отвѣчала Императрица, «то тебѣ бы первой отдала яблоко». При этомъ словѣ Великая Княгиня поцѣловала у ней руку, а Государыня обняла ее съ материнскою нѣжностью **).

Послѣдней охотой Императрицы въ окрестностяхъ Москвы была псовая охота въ Перовскихъ рощахъ въ началѣ Мая 1754 года. На эту охоту были приглашены: цесарскій посолъ, всѣ «чужестранные министры и знатныя россійскія особы обоего пола». Съ этого отъѣзжаго поля вся блестящая кавалькада направилась въ Кусково, имѣніе графа Шереметева, гдѣ высокимъ гостямъ было предложено вечернее кушанье, во время котораго «представлена была изрядная иллюминація» [112]).

Хотя Елисавета Петровна и часто навѣщала Москву и по долгу въ ней оставалась, но постоянной ея резиденціей былъ Петербургъ, за которымъ Анна Іоанновна окончательно утвердила значеніе столицы.

---

*) Стремянный Императрицы.

**) Отъ одного стараго придворнаго, умершаго въ 1815 г. лѣтъ ста отъ рожденія. Сообщено С. Н. Шубинскимъ.

Живя здѣсь, Елисавета Петровна развлекалась охотою такъ же часто, какъ и въ Москвѣ [113]). Въ окрестностяхъ Петербурга у нея былъ цѣлый рядъ излюбленныхъ мѣстъ охоты, и здѣсь она чаще всего посѣщала мызу графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Гостилицы, подобно тому, какъ въ Москвѣ она больше всего любила село Перово, принадлежавшее тому же Разумовскому. Кромѣ Гостилицъ, Елисавета Петровна любила навѣщать и другія петербургскія дачи графа А. Г. Разумовскаго — Мурзинку, Славянку и Приморскій дворъ. Радушный хозяинъ устраивалъ въ честь своей высокой гостьи пышныя празднества и великолѣпные выѣзды на охоту. Громъ пушекъ и музыки встрѣчалъ Императрицу при въѣздѣ и провожалъ при выѣздѣ изъ Гостилицъ; блестящія иллюминаціи освѣщали здѣсь ея вечерній столъ. Гостилицы удостоивались Высочайшаго посѣщенія и раннею весною, и позднею осенью, и лѣтомъ, и зимою. Здѣсь производились и псовыя, и соколиныя охоты и охоты на тетеревовъ съ чучелами. На псовыя и соколиныя охоты Императрица чаще всего выѣзжала послѣ обѣденнаго кушанья и возвращалась къ вечернему. Во время же охотъ на тетеревовъ изъ шалашей, которыя производились обыкновенно осенью и зимою, Елисавета Петровна вставала часто въ пять или шесть часовъ утра и тѣшилась охотою до полудня [114]).

Въ Гостилицахъ Государыня иногда жила по недѣлѣ, а иногда дня по три. Опишемъ, для примѣра, болѣе подробно, слѣдуя «походному журналу», одну изъ поѣздокъ Елисаветы Петровны въ Гостилицы, въ Іюлѣ 1745 г., характеризующую ея отношенія къ графу А. Г. Разумовскому. Императрица выѣхала изъ Петергофа, гдѣ она проводила лѣто, 8 Іюля со всею свитою въ каретахъ. Проѣхавъ 23 версты по дорогѣ въ Гостилицы, она остановилась въ Ропшѣ, здѣсь обѣдала и подъ вечеръ тронулась въ дальнѣйшій путь. Отъ Ропши до Гостилицъ — 15 верстъ, и Императрица прибыла сюда въ девятомъ часу вечера. Въ Гостилицахъ она остановилась въ домѣ гр. Разумовскаго, здѣсь ужинала и ночевала. Во время ужина, при каждомъ тостѣ

стрѣляли изъ пушекъ. Слѣдующій день Императрица провела въ домѣ Разумовскаго, обѣдала на открытомъ воздухѣ въ большой палаткѣ, и затѣмъ, вечеромъ, въ исходѣ седьмого часа «изволила шествіе имѣть верхомъ, въ мужскомъ полевомъ платьѣ, на охоту въ поле съ кавалерами, а оттолѣ паки въ Гостилицы изволила возвратиться въ 11-мъ часу въ исходѣ и по прибытіи въ ставкѣ изволила кушать вечернее кушанье». На слѣдующій день, 10-го числа, отслушавъ литургію, въ полковой церкви Астраханскаго полка, отобѣдавъ на той же мызѣ при пушечной пальбѣ, съ 4-хъ часовъ до 8-ми охотилась съ соколами. 11-е Іюля Елисавета Петровна также провела въ Гостилицахъ, не выѣзжая на охоту; 12-го же числа послѣ полудня выѣхала въ Петергофъ и на обратномъ пути опять останавливалась въ Ропшѣ на пять часовъ, для отдыха и для обѣда [115]).

Вмѣстѣ съ Императрицей въ Гостилицы нерѣдко ѣздилъ великій князь Петръ Ѳеодоровичъ съ супругою Екатериной Алексѣевной [116]). Одно изъ посѣщеній Гостилицъ осталось навсегда памятнымъ Екатеринѣ. Разумовскій отвелъ ей и великому князю очень понравившійся имъ деревянный двухъэтажный домикъ, стоявшій на пригоркѣ у катальной горы. Ночью къ великому князю пріѣхалъ изъ Ораніенбаума курьеръ, сержантъ гвардіи Левашевъ. Найдя всѣхъ спящими, Левашевъ присѣлъ возлѣ указаннаго домика. Вдругъ онъ слышитъ сильный трескъ и, вскочивъ на ноги, видитъ, что зданіе, занимаемое высокими гостями, начинаетъ рушиться. Немедля Левашевъ бросился въ домъ, выломалъ двери спальной, которая была расположена въ верхнемъ этажѣ. Великій князь въ шлафрокѣ выскочилъ на дворъ, а Екатерина Алексѣевна бросилась въ смежную комнату къ своей фрейлинѣ Крузе. Но едва она успѣла переступить порогъ, какъ домъ затрясся, и великая княгиня вмѣстѣ съ фрейлиной упала. Левашевъ, не потерявшись, схватилъ Екатерину Алексѣевну на руки, но выйти не могъ, такъ какъ лѣстница уже разрушилась. Великую княгиню пришлось передавать черезъ развалины съ рукъ на руки сбѣжавшимся

на крики людямъ. Оказалось, что разрушившимся зданіемъ убито было три человѣка, находившихся въ нижнемъ этажѣ, и 16 работниковъ, спавшихъ въ подвалѣ. Причиною катастрофы было то обстоятельство, что домикъ въ это время передѣлывался. Въ нижнемъ этажѣ, вмѣсто столбовъ, было поставлено 12 временныхъ бревенчатыхъ стоекъ. Архитекторъ, завѣдывавшій работою, уѣхалъ въ Малороссію передъ пріѣздомъ высокихъ гостей и, уѣзжая, приказалъ не дотрогиваться до стоекъ. Несмотря на этотъ наказъ, управитель Гостилицкой мызы, узнавши, что домикъ займутъ Ихъ Высочества, велѣлъ вынести подпорки, безобразившія сѣни. «Я отдѣлалась», разсказываетъ Екатерина въ своихъ мемуарахъ, «нѣсколькими синяками и страшнымъ испугомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были до того напуганы, что въ продолженіе слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ каждая громко захлопнутая дверь заставляла насъ вздрагивать... Оберъ-егермейстеръ (Разумовскій) плакалъ, былъ въ отчаяніи и говорилъ даже, что съ горя застрѣлится. Но, видно, ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ» [117]).

Къ 1748 г. относится слѣдующій разсказъ Екатерины II: «Великій Князь, (Петръ Ѳеодоровичъ) началъ дрессировать собакъ. Онъ велѣлъ привести изъ деревни около восьми или девяти собакъ и помѣстилъ ихъ въ деревянномъ чуланѣ, отдѣлявшемъ альковъ моей спальни отъ большихъ сѣней, которыя были позади нашихъ комнатъ. Поэтому въ нашей спальнѣ сквозь досчатую стѣну алькова была постоянная вонь. На мои жалобы онъ отвѣчалъ, что нѣтъ возможности устроить иначе. Онъ держалъ собакъ безъ позволенія и, чтобы не выдать тайны, я терпѣливо сносила эту вонь».

«Подъ предлогомъ увеселеній Великаго Князя (Петра Ѳеодоровича) Чоглоковъ выпросилъ у оберъ-егермейстера двѣ собачьи стаи, одну, состоявшую изъ русскихъ собакъ съ русскими егерями, другую—изъ французскихъ и нѣмецкихъ собакъ. За сею послѣднею ходили старый егермейстеръ — французъ, мальчикъ — курляндецъ и одинъ

нѣмецъ. Чоглоковъ взялъ на себя завѣдываніе русскою сворой, а Его Императорское Высочество принялъ начальство надъ иностранною, до которой Чоглоковъ уже не долженъ былъ касаться. Оба они до мельчайшихъ подробностей занимались каждый своею частью. Такимъ образомъ Его Императорское Высочество постоянно ходилъ въ свою собачню, либо къ нему являлись егеря докладывать о благосостояніи стаи, о происшествіяхъ и нуждахъ. Короче и начисто сказать, онъ съякшался съ этими людьми, пилъ и бражничалъ съ ними на охотѣ и почти не разлучался съ ними» *).

Лѣтомъ Елисавета Петровна большею частью жила въ Петергофѣ и нерѣдко «забавлялась охотою» въ окрестныхъ лѣсахъ. Здѣсь въ Августѣ 1748 г. на одной изъ охотъ Императрицы убитъ былъ «одинъ медвѣдь чрезвычайной величины, потому что его кожа была безъ четверти 4-хъ аршинъ; также и одинъ лось, вышиною отъ копытъ до спины въ 2 аршина 6 вершковъ» [118]). Изъ Петергофа Елисавета Петровна часто выѣзжала въ окрестности: въ Царское село, Красное село, Ораніенбаумъ, для псовой или птичьей охоты [119]). До насъ дошло подробное описаніе одной изъ псовыхъ охотъ, бывшей близъ села Краснаго 30 Сентября 1751 года. Въ этотъ день наслѣдникъ престола прибылъ изъ Петербурга въ Красное село около 10 часовъ утра вмѣстѣ съ германскимъ посломъ Претлахомъ и въ сопровожденіи блестящей свиты, одѣтой въ богатые полевые кафтаны; ихъ встрѣтили въ Красномъ селѣ придворные кавалеры, тоже одѣтые въ охотничье платье, которое состояло изъ суконныхъ черкесскихъ кафтановъ бирюзоваго цвѣта и алыхъ камзоловъ, обшитыхъ золотымъ газомъ. Самый выѣздъ на охоту начался въ 12-мъ часу дня. Сначала прошла въ поле охота Императрицы; ея охотники были въ алыхъ суконныхъ черкесскихъ кафтанахъ и въ зеленыхъ камзолахъ съ золотыми позументами; шли они въ извѣстномъ порядкѣ, сообразно своему

---

*) Сообщено И. Н. Божеряновымъ.

чину и, проходя мимо дворца, по обычаю «звали въ рога». Въ концѣ кортежа ѣхалъ егермейстеръ Хитровъ съ собственными собаками; за нимъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи, шла лягавая охота со своимъ форштмейстеромъ во главѣ. Потомъ въ каретахъ проѣхалъ въ поле великій князь съ германскимъ посломъ и своею свитою и остановился на Сборномъ пунктѣ. Въ 12-мъ часу изъ внутреннихъ покоевъ показа-

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій
(галлерея Гатчинскаго дворца).

лась Государыня, также одѣтая въ богатый охотничій кафтанъ. Ко времени ея выхода на столѣ уже было приготовлено кушанье. Наскоро закусивши, стоя, вмѣстѣ съ придворными, она сѣла въ карету и отправилась къ тому мѣсту, гдѣ ее ожидалъ наслѣдникъ. Подали лошадей, «зазвали» въ рога, и охота началась. Великолѣпіе и блескъ костюмовъ, стоимость которыхъ исчисляли въ 20.000 рублей, живописная

холмистая мѣстность, звуки роговъ, голоса гончихъ отчетливо раздававшіеся въ свѣжемъ осеннемъ воздухѣ, стройный порядокъ, въ которомъ совершалась охота—все это, выражаясь высокимъ слогомъ того времени, «удивленія достойный видъ производило». Охота продолжалась до 6-го часа вечера. Лагерь, въ который должны были съѣхаться всѣ участники охоты, былъ расположенъ въ двухъ верстахъ отъ села Краснаго, около бумажной мельницы, вѣроятно, на мѣстѣ теперешняго желѣзнодорожнаго вокзала, гдѣ до сихъ поръ сохранились развалины весьма старой постройки. Подъ богатою палаткою былъ приготовленъ столъ со многими «деликатными» кушаньями изъ трехъ перемѣнъ на 35 персонъ; третье блюдо—дессертъ—представляло охоту; во время стола играли въ трубы и волторны и били въ литавры. Въ Петербургъ Императрица вернулась только ночью, въ исходѣ 3-го часа [120]).

Монбежъ (Mon bijou) въ Царскомъ Сель, XVIII ст., съ гравюры М. Махаева.

При Елисаветѣ Петровнѣ получилъ широкое распространеніе особый видъ птичьей охоты, не разъ уже упомянутый выше, охоты на тетеревовъ изъ шалашей съ чучелами. Шалаши или будки обыкновенно дѣлались деревянные съ окнами; внутри ихъ помѣщалась печка; стѣны, потолокъ и полъ обивались войлокомъ и выбѣленною холстиною. Снаружи шалашъ убирали ельникомъ и прикрѣпляли на двухъ брусьяхъ, игравшихъ роль полозьевъ; при посредствѣ этихъ полозьевъ, шалашъ легко можно было перевозить съ одного мѣста на другое. Охота на тетеревовъ съ чучелами производилась обыкновенно позднею осенью и зимой. Общество располагалось въ нѣсколькихъ будкахъ, и загонщики осторожно подгоняли къ нимъ тетеревовъ. Загонщики, есте-

ственно, прилагали всѣ старанія, чтобы подогнать какъ можно больше птицъ подъ выстрѣлы Императрицы; но она этого не любила и всегда награждала или деньгами или виномъ тѣхъ загонщиковъ, которые подгоняли тетеревовъ равномѣрно ко всѣмъ шалашамъ, не обижая другихъ охотниковъ и охотницъ. Елисавета Петровна настолько увлекалась охотой этого рода, что, вставъ часовъ въ пять или шесть утра, нерѣдко посвящала ей часовъ по шести подрядъ, а однажды провела въ полѣ даже двѣнадцать часовъ. Въ Ноябрѣ 1748 г. Императрица, въ сопровожденіи Великаго Князя Петра Ѳеодоровича и его супруги, четыре дня подъ рядъ выѣзжала въ окрестности Царскаго Села «для забавы стрѣляніемъ птицъ къ постановленнымъ чучеламъ» [121]).

Будки или шалаши для тетеревиной охоты имѣлись какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Въ Москвѣ они помѣщались въ Перовѣ, въ Липовой и Орѣховой рощахъ, а также и въ Измайловскомъ звѣринцѣ. На эти сооруженія въ то время, когда дворъ находился въ Петербургѣ, никто не обращалъ вниманія, такъ что они, подверженныя всѣмъ случайностямъ стихіи, разрушались до тѣхъ поръ, пока не получалось предписанія починить ихъ «безъ всякаго продолженія» [122]). Въ окрестностяхъ Петербурга будки были поставлены, во-первыхъ, за Вологодскою Ямскою заставой (куда еще въ первые годы царствованія Елисаветы часть ихъ была перенесена изъ Купчинской рощи); затѣмъ—по дорогѣ отъ «Горѣлаго кабачка» на дворцовую деревню Койерово, находившуюся гдѣ-то въ окрестностяхъ Пулкова, а также—по Петергофскому тракту [123]). Будки имѣлись и въ другихъ мѣстахъ подъ Петербургомъ: въ селахъ Царскомъ и Красномъ, въ Ропшѣ и въ Гостилицахъ. Интересъ къ этому виду птичьей охоты Елисавета Петровна сохранила до послѣднихъ дней жизни. Въ Ноябрѣ 1760 года она лично приказала «произвести скорую починку всѣхъ шалашей», расположенныхъ въ окрестностяхъ Петербурга [124]).

У Императрицы Елисаветы Петровны былъ любимый стремянный, Гаврилычъ, человѣкъ ей преданный, простой и прямодушный, кото-

рый говорилъ ей правду безъ обиняковъ; она слушала его милостиво *). Однажды, ѣхавъ верхомъ подлѣ ея кареты, онъ вынулъ изъ кармана березовую тавлинку понюхать табаку. Императрица, увидѣвъ это, сказала ему: «Не стыдно ли тебѣ, Гаврилычъ, нюхать изъ такой гадкой табакерки; ты вѣдь царскій стремянный». — «Да гдѣ же мнѣ, Матушка, взять хорошей? не красть же стать», отвѣчалъ Гаврилычъ. — «Добро, я тебѣ пожалую золотую табакерку», промолвила Императрица. Послѣ того прошло нѣсколько мѣсяцевъ, Гаврилычъ не получалъ обѣщанной табакерки. Случилось ему быть при Дворѣ, какъ близкому человѣку къ Государынѣ, среди вельможъ, у которыхъ зашелъ разговоръ о справедливости; разумѣется, дворскіе люди говорили, что правда свѣтлѣе солнца. Гаврилычъ слушалъ ихъ рѣчи и, наконецъ, не утерпя, сказалъ: «Ужъ куда вамъ толковать о правдѣ, когда и сама Царица не всегда-то говоритъ правду». Тогда еще не уничтожено было роковое «слово и дѣло»; хотя его и не закричали, но услужливые перемигнулись другъ съ другомъ и тихомолкомъ передали Императрицѣ дерзкія рѣчи стремянаго. Добрая и милостивая Государыня, призвавъ къ себѣ Гаврилыча, ласково спросила его: «Какъ я слышу, будто ты меня называешь несправедливою, да скажи, пожалуй, въ чемъ я передъ тобою несправедлива»? — «Какъ въ чемъ», возразилъ смѣло Гаврилычъ, «обѣщала, Матушка, золотую табакерку, да и до сихъ поръ не сдержала слова». — «А! виновата, забыла». И съ сими словами она пошла въ спальню свою и вынесла оттуда ему серебряную вызолоченную табакерку. Гаврилычъ взялъ ее и, посмотрѣвъ, сказалъ: «Все-таки несправедлива: обѣщала золотую, а даришь серебряную». — «Ну, подай же мнѣ ее, я принесу тебѣ настоящую золотую», сказала, засмѣявшись, Императрица. — «Нѣтъ, Матушка, пусть же эта

---

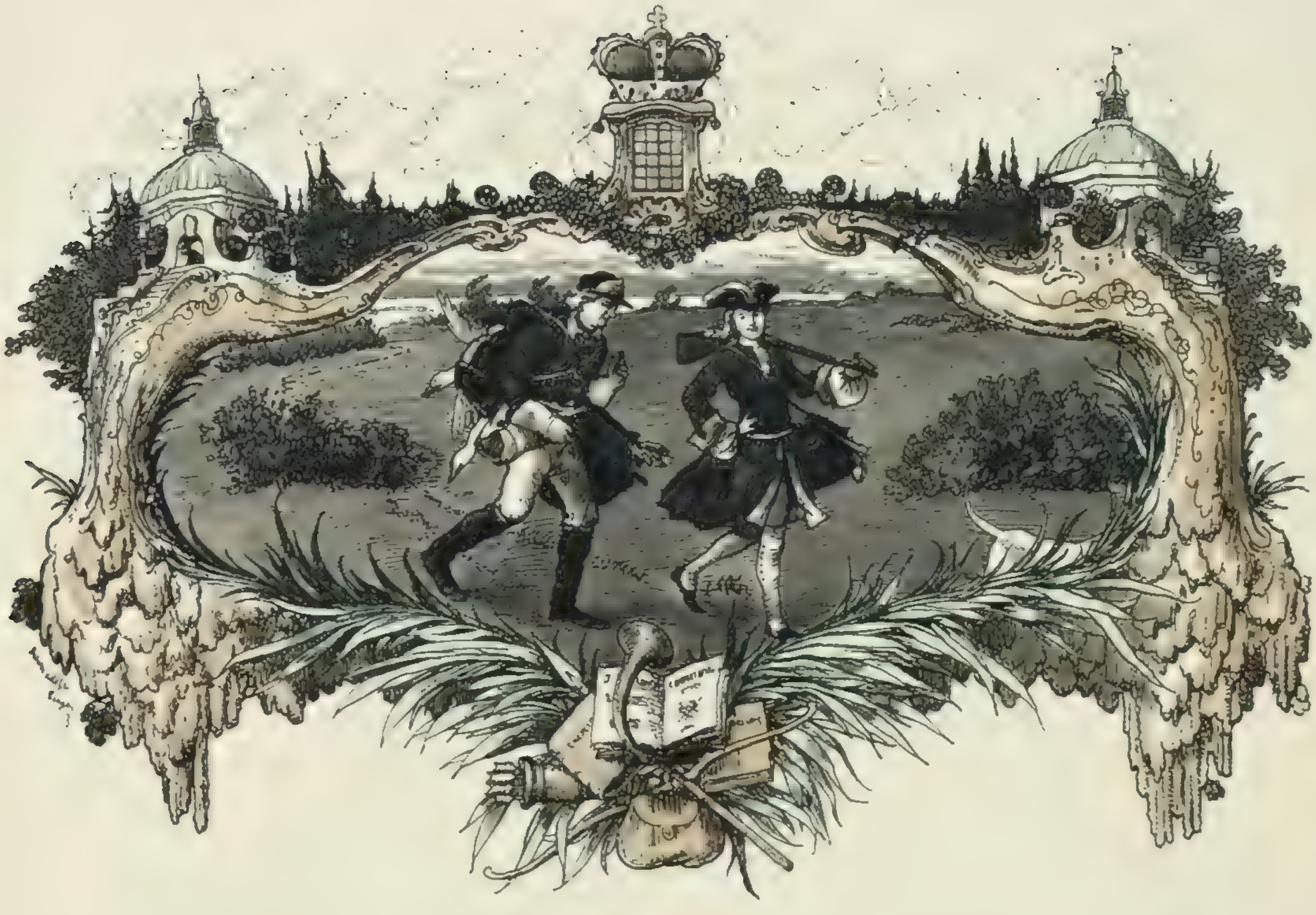
*) Слышалъ отъ его племянника, П. М. И., умершаго въ 1832 г., около девяноста лѣтъ. Сообщено С. Н. Шубинскимъ.

Л. О. Пастернакъ. Торжественная встрѣча Императрицы Елисаветы Петровны гр. А. Г. Разумовскимъ въ Гостилицахъ въ Іюлѣ 1745 г.

останется у меня будничною, а пожалуй-ка мнѣ за вину свою праздничную», промолвилъ Гаврилычъ. Какъ сказано, такъ было и сдѣлано.

Къ концу же своего царствованія Елисавета заинтересовалась также и стрѣльбою въ цѣль; въ Іюлѣ 1757 года она приказала возобновить въ Петергофскомъ Монплезирѣ мѣста, гдѣ ставились цѣли, и затѣмъ велѣла выбрать четыре штуцера и двѣнадцать пистолетовъ лучшихъ мастеровъ, испробовать ихъ порохомъ и привести въ совершенно исправный видъ, чтобы можно было «изъ оныхъ стрѣлять безъ малѣйшаго затрудненія» [125]).

Для полноты описанія Высочайшихъ охотъ въ царствованіе Елисаветы Петровны намъ придется еще упомянуть объ охотахъ герцога Курляндскаго, Саксонскаго принца Карла, который въ 1758 г. получилъ Курляндскій престолъ, благодаря русской поддержкѣ, и въ 1759 г. пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы поблагодарить Императрицу. Герцогъ Карлъ главнымъ образомъ занимался садкою зайцевъ въ полѣ, за Московскою Ямскою заставой и на лугу, противъ Лѣтняго сада. Вмѣстѣ съ гетманомъ малороссійскимъ, гр. Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, онъ посѣтилъ и слоновый дворъ, гдѣ въ это время какъ разъ пускали купаться въ прудъ слона и бѣлаго медвѣдя. Наконецъ, 10 Іюля онъ навѣстилъ Гостилицы. Здѣсь герцогъ со всею своею свитою и въ сопровожденіи любезнаго хозяина прежде всего отправился на прудъ, гдѣ неводомъ ловили рыбу, оттуда всѣ пошли на качели, а затѣмъ поѣхали кататься на гору, при чемъ забавлялись стрѣльбою въ мишень изъ штуцеровъ, пистолетовъ и изъ луковъ. Послѣ стола, во время котораго играли волторнисты графа, снова отправились на гору и на карусели; остальная часть дня прошла за картами, а къ вечеру Разумовскій устроилъ для герцога «осаживаніе» зайцевъ [126]).



Говоря объ охотахъ Елисаветы Петровны, мы упоминали уже объ участіи въ нихъ Великой Княгини Екатерины Алексѣевны впослѣдствіи Императрицы Екатерины II. Въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ Екатерина II сообщаетъ слѣдующее объ охотахъ, производившихся въ Ораніенбаумѣ, гдѣ она обыкновенно жила лѣтомъ: «Въ Ораніенбаумѣ мы каждый Божій день ѣздили на охоту. Случалось иногда до тринадцати разъ въ день садиться на лошадь... Сказать по правдѣ, я была очень равнодушна къ охотѣ, но страстно любила верховую ѣзду, и чѣмъ больше было въ ней опасности, тѣмъ она была милѣе мнѣ; если случалось, что лошадь убѣгала, я бросалась за нею и

приводила ее назадъ». Екатерина въ этомъ случаѣ, говоря о своемъ равнодушіи къ охотѣ, имѣетъ въ виду только псовую охоту, которую она и впослѣдствіи не особенно любила. Но охотою на птицъ Екатерина увлекалась уже и въ это время, въ своей молодости. Живя въ Ораніенбаумѣ лѣтомъ 1748 г., она каждый день развлекалась охотою на утокъ. «Поутру я вставала часа въ три», разсказываетъ Екатерина въ упомянутыхъ мемуарахъ, «и безъ прислуги одѣвалась съ ногъ до головы въ мужское платье. Мой старый егерь дожидался меня, чтобы идти на морской берегъ къ рыбачьей лодкѣ. Пѣшкомъ, съ ружьемъ на плечѣ, мы пробирались садомъ и, взявъ съ собою лягавую собаку, садились въ лодку, которою правилъ рыбакъ. Я стрѣляла утокъ въ тростникѣ на берегу моря, по обѣимъ сторонамъ тамошняго канала, который на двѣ версты уходитъ въ море. Часто мы огибали каналъ, и иногда сильный вѣтеръ уносилъ нашу лодку въ открытое море» [127]).

Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Императрица Екатерина пристрастилась къ охотѣ на птицъ съ соколами [128]). Екатерина II мало извѣстна съ единственно занимающей насъ здѣсь стороны — развлеченій охотою; но, внимательно прослѣдивъ за ея времяпровожденіемъ изо дня въ день, мы можемъ сказать, что она была большой любительницей старинной русской «соколиной потѣхи», и въ первое десятилѣтіе своего царствованія посвящала ей довольно много времени [129]). Екатерина II никогда не увлекалась этою потѣхою такъ сильно, какъ нѣкогда Царь Алексѣй Михайловичъ, не слѣдила, какъ онъ, за всѣми распорядками сокольяго двора и даже не принимала въ охотахъ непосредственнаго участія; за то ей доставляло большое удовольствіе смотрѣть со стороны на соколиныя ставки, и она готова была любоваться ими цѣлыми часами.

Въ молодости Екатерина любила быстрое движеніе, напряженіе физическихъ силъ и увлекалась, какъ отмѣчено выше, верховой ѣздой на рѣзвыхъ лошадяхъ, особенно когда она была сопряжена съ опас-

ностью. Но въ разсматриваемое время 1765—1769 г. она приближалась къ сорока годамъ жизни и стала менѣе подвижной. Соколиная охота увлекала ее только, какъ красивое зрѣлище. По той же причинѣ нравились ей, хотя и гораздо меньше, тяга вальдшнеповъ и вошедшая въ моду при Елисаветѣ охота съ чучелами на тетеревовъ. Другіе же виды охоты, какъ, напримѣръ, псовая, которая требуетъ большого напряженія силъ, большой подвижности, мало привлекали къ себѣ Императрицу, и если она принимала въ нихъ участіе, то лишь съ цѣлью доставить удовольствіе своимъ любимцамъ, между которыми были страстные псовые охотники. При этомъ Екатерина иногда не прочь была пошутить надъ страстнымъ увлеченіемъ охотой, какъ это видно, напримѣръ, изъ слѣдующихъ словъ ея письма къ Н. И. Панину: «Вашъ братъ (Петръ Панинъ) со своими достойными спутниками по охотѣ предается ей въ такой степени что, если они не будутъ имѣть подагры (ревматизма?), то по крайней мѣрѣ ничѣмъ не пренебрегли, чтобы схватить ее. Вчера они вязли въ болотахъ въ продолженіе восьми часовъ, а сегодня опять вернулись туда» [130]).

По пріѣздѣ въ Москву, въ 1763 году Императрица Екатерина II посѣщала Измайловскій звѣринецъ, Тюхалеву рощу и другія окрестности столицы, гдѣ она занималась и соколиною и егерскою охотою. Здѣсь-то собственно Императрица и заинтересовалась соколиной охотой и затѣмъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, уже большую часть своихъ охотничьихъ выѣздовъ посвящала этой забавѣ [131]).

Выѣзжая за городъ на прогулку съ соколами, Императрица обыкновенно направлялась или къ такъ называемому «Красному кабачку», или мимо Вологодской Ямской къ Средней рогаткѣ, или же отъ Московской Ямской, мимо деревни Волковой, за Невскій монастырь, а отсюда полемъ къ Смоленской Ямской слободѣ. Чаще всего Екатерина въ это время развлекалась соколиной охотою въ окрестностяхъ Царскаго села, гдѣ она проводила обыкновенно бо́льшую часть лѣта [132]). Живя въ Царскомъ селѣ, Императрица очень часто послѣ стола,

Императоръ Петръ III
(галлерея Гатчинскаго дворца).

13

около пяти или шести часовъ пополудни, совершала прогулки въ экипажѣ: въ каретѣ, таратайкѣ или въ одноколкѣ — по направленію къ селу Кузьмину, а иногда и дальше къ Пулкову, въ сопровожденіи сокольниковъ. Иногда же она выѣзжала на охоту верхомъ или въ охотничьемъ кафтанѣ, или въ мундирѣ одного изъ гвардейскихъ полковъ [133]); но это случалось рѣдко; обыкновенно Екатерина довольствовалась тѣмъ, что любовалась изъ экипажа соколиными ставками, не принимая въ охотѣ непосредственнаго участія. Такія прогулки Императрицы особенно часто сопровождались соколиной охотой лѣтомъ 1766 года [134]). Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ за это время одна за другой слѣдуютъ однообразныя замѣтки: «Послѣ стола Ея Величество, для прогуливанія, изволила имѣть выходъ въ одноколкѣ до Пулкова, и въ проѣздъ для увеселенія продолжалась соколья охота»; или: «Пополудни въ четвертомъ часу Ея Величество изволила имѣть выходъ въ таратайкахъ по полямъ съ сокольею охотою» [135]); или: «Ея Императорское Величество въ пятомъ часу изволила имѣть выходъ верховою ѣздою въ мундирѣ конной гвардіи для прогуливанія до Пулковскаго села, а оттуда возвратилась во дворецъ (въ Царскомъ селѣ) въ таратайкахъ, и въ проѣздъ какъ туда, такъ и обратно продолжалась для увеселенія соколья охота» [136]). Такія отмѣтки за лѣто 1766 г. мы встрѣчаемъ подъ 21 и 22, 29 и 30 Іюлемъ, 3, 9, 11, 13, 18, 19, 22 Августомъ. По переѣздѣ изъ Царскаго села въ Петербургъ, Екатерина отсюда часто катается за городъ и при этомъ также любуется сокольей охотой. Такіе выѣзды, какъ слишкомъ обыкновенные, камеръ-фурьеры не всегда отмѣчали аккуратно, и есть основаніе предполагать, что Государыня въ это время почти каждый день, если только погода была благопріятная, выѣзжала въ поле съ сокольниками. Съ соколиными выѣздами соединялись и другія развлеченія: пріѣхавъ въ Пулково, Императрица нерѣдко гуляла пѣшкомъ по Англійскому саду, разбитому на Пулковской горѣ. Одинъ разъ, возвращаясь съ соколиной охоты, возлѣ Гатчинской мызы, которая

тогда принадлежала Григорію Орлову, она заѣхала въ деревню Колпано, отсюда прошла пѣшкомъ къ Колпанскому озеру, расположенному въ верстѣ отъ упомянутой деревни, и каталась по озеру въ ботѣ съ распущенными парусами [137]).

Изъ другихъ охотъ этого времени мы укажемъ на «тягу вальдшнеповъ» и охоту на тетеревовъ съ чучелами [138]). Первый родъ охоты, какъ болѣе поэтическій, одно время очень интересовалъ Екатерину II. Весною, въ Маѣ мѣсяцѣ, она нерѣдко въ началѣ восьмого часа вечера уѣзжала изъ Царскосельскаго дворца часа на два или на три въ лѣсъ, расположенный въ двухъ верстахъ отъ Царскаго села, и тамъ съ избранной компаніей наслаждалась тягой вальдшнеповъ [139]). Выѣзды на тетеревовъ, какъ и при Елисаветѣ Петровнѣ, совершались осенью—въ Октябрѣ и Ноябрѣ, а зимою—въ Декабрѣ мѣсяцѣ. Въ первые года царствованія, Екатерина, случалось, цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, проводила въ стрѣльбѣ по тетеревамъ изъ шалашей въ окрестностяхъ Царскаго села [140]). Особенно любила она ѣздить въ шалаши, расположенные около дачи графа Сиверса, въ 12-ти верстахъ отъ Петербурга; здѣсь охотничьи развлеченія Государыни иногда разнообразились игрою въ карты [141]).

Весною 1767 года Екатериною было предпринято путешествіе въ «низовые города» на Волгу. Оно сопровождалось многочисленными охотами, но, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ описанія ни одной изъ этихъ охотъ; мы знаемъ только, что, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему еще въ концѣ 1766 г., оберъ-егермейстерской канцеляріи предписано было отправить какъ въ Москву, такъ и въ Ярославль охотничью команду: въ Москву—по примѣру прежнихъ лѣтъ, а въ Ярославль—шесть охотниковъ съ гончими собаками, четыре егеря, поручика съ соколами и при немъ восемь человѣкъ сокольниковъ. Особое большое судно должно было быть заготовлено для помѣщенія людей и скота съ фуражемъ, и вся охота въ указанномъ составѣ должна была слѣдовать за Императрицею до Казани [142]).

Въ Іюнѣ 1767 года Государыня вернулась въ Москву, ко времени открытія знаменитой комиссіи изъ депутатовъ отъ всѣхъ сословій для составленія новаго уложенія. Во время пребыванія въ Москвѣ, съ Іюля по Сентябрь 1767 г., Екатерина еще чаще развлекалась сокольей охотой, чѣмъ въ Петербургѣ въ предшествовавшемъ году. Если принять во вниманіе только однѣ записи камеръ-фурьерскихъ журналовъ, которыя, какъ мы уже замѣтили, не всегда велись аккуратно, и тогда можно насчитать: 32 выѣзда съ соколиною охотою, 3 — со псовою и 2 — на тетеревовъ съ чучелами [163]); всего 37 охотничьихъ выѣздовъ за 4 мѣсяца (съ 18 Іюня по 15 Октября). Въ теченіе Сентября Императрица выѣзжала въ поле съ сокольей охотою 10 разъ. 30 Сентября она выѣхала послѣ обѣда верхомъ, въ мундирѣ гвардіи Коннаго полка, въ село Коломенское, къ рощѣ со псовою охотою, но на возвратномъ пути на лугу не упустила заняться и своей любимой охотой соколиной.

Живя сначала въ городѣ, въ Головинскомъ дворцѣ, затѣмъ въ селѣ Коломенскомъ, Екатерина постоянно выѣзжаетъ кататься въ окрестности, большею частью въ «таратайкахъ», послѣ обѣда, въ пятомъ часу, и во время этой прогулки развлекается сокольей потѣхой. И здѣсь также, какъ въ Петербургѣ, она обыкновенно только со стороны любуется охотою «въ проѣздъ для прогуливанья». Такимъ прогулкамъ Екатерина посвящала обыкновенно короткое время, часа два или три; рѣдко, рѣдко, когда Государыня увлечется настолько, что пробудетъ на охотѣ часовъ пять или шесть. Охотничьи выѣзды ея направлялись во всѣ окрестности Москвы. Государыня побывала съ соколиною охотою и въ Люберцахъ, гдѣ она, между прочимъ, посѣтила усадьбу нѣкоего Лихарева, и въ Покровскомъ, и въ Хорошевѣ, и въ Измайловѣ, однимъ словомъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, за которыми издревле упрочилась слава отличныхъ охотничьихъ угодій. За то же время она пѣшкомъ совершила путешествіе и въ Троицко-Сергіеву лавру, а во время этого путешествія, начиная отъ

Императрица Екатерина II
(галлерея Гатчинскаго дворца).

Москвы и до села Братовщина, а затѣмъ и на обратномъ пути Императрицу сопровождали сокольники. Въ началѣ Октября Екатерина приняла участіе и въ нѣсколькихъ псовыхъ охотахъ, изъ которыхъ одна была устроена Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ его помѣстьѣ—селѣ Островѣ, находившемся въ пятнадцати верстахъ отъ села Коломенскаго. Въ половинѣ Октября Екатерина II уже изъ Головинскаго дворца въ Москвѣ ѣздила на тетеревовъ съ чучелами въ село Измайловское [144]).

Съ переѣздомъ изъ Москвы въ Петербургъ, Императрица съ 1768—1770 г. лѣтомъ жила въ Петергофѣ и въ эти годы также часто, прогуливаясь въ экипажѣ, развлекалась красивымъ зрѣлищемъ соколиныхъ ставокъ [145]). Лѣтомъ 1770 года она чуть ли не каждый день выѣзжаетъ на соколиную охоту. Выѣзды чаще всего направлялись къ мызѣ Стрѣльнѣ или къ Ораніенбауму, при чемъ въ Стрѣльнѣ Екатерина иногда останавливалась на нѣсколько часовъ для прогулки по садамъ, или для вечерняго кушанья [146]). Изъ отдѣльныхъ охотничьихъ эпизодовъ этого времени отмѣтимъ посѣщеніе ею мызы Левендаль, принадлежавшей шталмейстеру Л. А. Нарышкину и находившейся по Петергофской дорогѣ, въ двадцати верстахъ отъ Петербурга. Нарышкинъ устроилъ въ честь своей высокой гостьи блестящій праздникъ съ травлею зайцевъ. «С.-Петербургскія Вѣдомости» того времени помѣстили подробный отчетъ объ этомъ празднествѣ. Приведемъ изъ него любопытное описаніе самой травли: «Ея Императорское Величество изволила пойти въ рощу маленькою дорожкою, въ которой густота деревьевъ и сплетенныя вѣтви, также въ подражаніе натуры сдѣланные по сторонамъ овраги, представляли глубокую пустыню, изъ которой выходя, видима была высокая и дикая гора, обросшая мохомъ и большими деревьями и едва имѣющая маленькія тропинки для всхода на крутизну оной; изъ-за горы слышенъ былъ голосъ музыки и пѣнія. Ея Императорское Величество лишь только изволила сѣсть у подошвы этой горы на сдѣланное канапе изъ дерну на подобіе горки,

какъ вдругъ весь бывшій на горѣ лѣсъ и дичь превратились въ прекрасный кустарникъ, между коимъ показались просторныя дорожки, и вверху горы виденъ былъ великолѣпный храмъ Діаны, котораго столбы были украшены гирляндами и фестонами. Въ этомъ храмѣ стояла статуя Діанина. По всей горѣ расположена была роговая музыка (придворной егерской команды), которую составляли болѣе пятидесяти человѣкъ; звукъ оной принудилъ укрывающихся въ горѣ зайцевъ бѣжать въ лѣсъ, за коими тотчасъ приготовленныя къ тому собаки бросились» [147]). Затѣйливое сооруженіе изобрѣтательнаго Льва Александровича Нарышкина имѣло такой успѣхъ, что нѣсколько позже, для торжественнаго пріема въ Царскомъ селѣ принца Генриха Прусскаго, оберъ-егермейстеръ С. К. Нарышкинъ также счелъ необходимымъ устроить гору съ храмомъ Діаны наверху. Новая «Діанина гора» была сооружена, подъ наблюденіемъ фонъ Польмана, противъ Царскосельскаго звѣринца, у ручья, въ лѣсу и обошлась въ 4000 р. На празднествахъ въ честь принца Генриха Діанина гора была вся иллюминована, и на вершинѣ ея играла роговая охотничья музыка. Императрица приказала сохранить эту гору въ томъ видѣ, въ какомъ ее показывали высокому гостю; надзоръ за ней возложенъ былъ на управителя Царскаго села, ген.-м. Кашкина [148]).

Блестящія празднества какъ въ самомъ Петербургѣ, такъ и въ его окрестностяхъ были устроены также еще лѣтомъ 1773 года, по случаю пребыванія въ Россіи ландграфини Гессенъ-Дармштадтской съ тремя дочерьми, изъ которыхъ средняя, Вильгельмина, нареченная при св. крещеніи великой княжной Наталіей Алексѣевной, въ томъ же 1773 году, 29 Сентября, сдѣлалась супругою наслѣдника престола Павла Петровича (скончалась 15 Апрѣля 1776 г.). Въ ряду этихъ торжествъ видное мѣсто заняли многочисленные охотничьи выѣзды въ окрестности Петергофа и Царскаго села. Императрица нѣсколько разъ показывала высокимъ гостямъ незнакомое имъ зрѣлище русской соколиной охоты [149]).

Въ 1775 году Екатерина въ третій разъ отправилась въ Москву, для того, чтобы здѣсь, въ древней столицѣ Россіи, торжественно отпраздновать заключеніе Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, которымъ счастливо и выгодно закончилась первая въ ея царствованіе война съ турками. Это «мирное торжество» сопровождалось многочисленными увеселеніями, устроенными какъ для народа, такъ и для высшихъ классовъ общества. Народныя увеселенія, изъ которыхъ самое блистательное было устроено 19 Іюня на Дѣвичьемъ полѣ, находились въ распоряженіи дворцоваго вѣдомства, а увеселенія высшаго общества совершались по предначертаніямъ самой Императрицы. Въ числѣ придворныхъ увеселеній далеко не послѣднее мѣсто занимало отъѣзжее поле [150]). Къ этимъ увеселеніямъ оберъ-егермейстерское вѣдомство начало готовиться заблаговременно, чтобы «споспѣшествовать наилучшему на поляхъ увеселенію Ея Императорскаго Величества». Прежде всего большія старанія были приложены къ тому, чтобы заранѣе запастись къ лѣтнему времени 1775 года возможно бо́льшимъ количествомъ ловчихъ птицъ, «ибо въ птицахъ нынѣ состоитъ противъ прошлыхъ лѣтъ большая надобность». Вслѣдствіе этого сокольимъ помытчикамъ ближайшихъ къ Москвѣ мѣстностей строго приказано было, чтобы они, «ни мало не мѣшкавъ, всѣ поголовно вышли на помцы и старались оныхъ птицъ помкнуть какъ возможно съ большимъ удовольствіемъ», а пойманныхъ птицъ тотчасъ доставили на «Семеновскій потѣшный дворъ». Эти предписанія исполнялись довольно успѣшно: одни только ярославскіе помытчики доставили 113 кречетовъ, соколовъ и ястребовъ. Кромѣ того, ими же принесенъ былъ въ подарокъ Императрицѣ отъ князя Дундукова цвѣтной балабанъ — птица въ высшей степени рѣдкая. За недостаткомъ надежнаго «ястреболовца», московская оберъ-егермейстерская контора не надѣялась достать ястреба обычнымъ путемъ отъ помытчиковъ и распорядилась купить ястреба у «вольнаго человѣка». Ловчихъ птицъ достали; надо было ихъ «справить къ Высочайшему увеселенію». Оберъ-егермейстеръ

С. К. Нарышкинъ принялъ всѣ мѣры для скорѣйшаго вынашиванія соколовъ; онъ приказалъ окосить озера въ селѣ Коломенскомъ, Тюхаляхъ и др., «дабы во время выѣздовъ съ соколами не было никакого помѣшательства», и разсыпать около озеръ овесъ и «свѣчный шкваръ»

Отецъ Императрицы Екатерины II,
Христіанъ-Августъ Принцъ Анальтъ Цербскій
(галлерея Гатчинскаю дворца).

для прикармливанія дикихъ утокъ, въ видахъ бо́льшаго успѣха охотъ Императрицы [151]).

Одновременно съ этими приготовленіями къ соколиной охотѣ велись приготовленія и къ охотѣ на тетеревовъ, «загономъ, на

чучелы». Въ Тюхаляхъ, около озеръ, и въ «пристойныхъ мѣстахъ» приказали вырубить излишніе кусты и поставить два сухихъ дерева, чтобы такимъ образомъ расчистить и приготовить мѣстность для охоты. Во всѣхъ окрестностяхъ Москвы устраивались, починялись и возобновлялись шалаши. Наконецъ, озаботились и исправленіемъ дорогъ въ окрестностяхъ столицы. Оказалось, что всѣ подмосковныя дороги «Коширка, Коломенка, Володимірка, Стромынка, Троицкая, Дмитровка и С.-Петербургская до того были изрыты колеями, что по нимъ не только въ каретѣ, но и верхомъ проѣхать «никакъ не можно». Главностатейшичій московской птичьей охоты требовалъ постройки и исправленія мостовъ по этимъ дорогамъ [152]).

Обстоятельныхъ свѣдѣній объ охотахъ Екатерины II въ третій пріѣздъ ея въ Москву не сохранилось, и мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ воспользовалась она всѣми указанными выше широкими приготовленіями оберъ-егермейстера. Извѣстно лишь, что Императрица посѣтила Измайловскій звѣринецъ и нѣсколько разъ выѣзжала съ соколами въ окрестности столицы. Сохранилось тоже указаніе на одинъ оригинальный видъ охоты — травлю зайцевъ маленькими англійскими собаками, которою Екатерина II иногда развлекалась въ это время, возвращаясь въ Москву или село Коломенское съ соколиной потѣхи. За это же время Государыня еще разъ навѣстила Л. А. Нарышкина въ его подмосковной вотчинѣ—селѣ Знаменскомъ. Здѣсь въ честь высокой гостьи было устроено пышное торжество. Во время обѣда при каждомъ тостѣ стрѣляли изъ пушекъ; игралъ оркестръ изъ духовыхъ инструментовъ, кларнетовъ и волторнъ, какъ кажется, оберъ-егермейстерскаго вѣдомства, а вблизи дома, въ саду, въ разныхъ мѣстахъ играли на рогахъ придворные егеря. Послѣ обѣда Екатерина вышла на крыльцо и отсюда любовалась на псовую охоту, которая была пущена по полю за Москвою-рѣкою на оленей и зайцевъ. Между тѣмъ въ самомъ Знаменскомъ, какъ и въ сосѣдней деревнѣ Мазиловой устроены были различныя увеселенія для мѣстныхъ

Л. О. Пастернакъ. Выѣздъ Императрицы Екатерины II, 30 Сентября 1767 года, въ село Коломенское, верхомъ, въ мундирѣ Конной гвардіи, на охоту.

крестьянъ; по Москвѣ-рѣкѣ, противъ дома Нарышкина, крестьяне ѣздили на лодкахъ съ распущенными флагами, а за рѣкою, въ полѣ водили хороводы. Послѣ прогулки въ рощѣ и на берегу рѣки, Императрица, засвидѣтельствовавъ свое удовольствіе радушному хозяину, при пушечной пальбѣ и колокольномъ звонѣ, отбыла въ Москву [153]).

Послѣ этой поѣздки въ Москву въ послѣднія два десятилѣтія своего царствованія Екатерина II все менѣе и менѣе интересовалась охотою. Случается, что камеръ-фурьерскіе журналы отмѣчаютъ всего два-три выѣзда ея на охоту въ теченіе цѣлаго года, а иногда въ нихъ не попадается ни одного указанія и года за два подъ рядъ [154]). Въ другихъ источникахъ также мы почти вовсе не находимъ свѣдѣній объ охотахъ Императрицы. Въ началѣ Августа 1789 г. Екатерина еще собралась рано утромъ на птичью охоту, и при этомъ замѣтила своему секретарю Храповицкому: «Je ne suis pas paresseuse», но это была уже одна изъ послѣднихъ рѣдкихъ поѣздокъ ея на охоту. Въ послѣдній разъ она развлекалась охотой 14-го Августа 1791 года. Влѣво отъ Пулковской дороги была устроена травля зайцевъ. Императрица выѣхала съ небольшою свитою въ десятомъ часу утра и пробыла на этой охотѣ больше часа [155]).

Изъ другихъ развлеченій Екатерины II, имѣющихъ связь съ охотою, укажемъ на многочисленныя посѣщенія звѣринцевъ въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ; но большая часть этихъ посѣщеній не сопровождалась охотою, а имѣла цѣлью лишь осмотръ находящихся тамъ звѣрей и птицъ.

Отмѣтимъ также особую любовь Екатерины II къ собакамъ. За комнатными собаками ея ходили особые егеря, которые считались состоящими при собственныхъ дѣлахъ Ея Величества и освобождались отъ подчиненія прямому своему начальству. Екатерина сильно привязывалась къ своимъ собакамъ и была однажды очень огорчена смертью маленькой левретки «Земиры»; она разсказала объ этомъ графу Сегюру и прибавила, что желала бы имѣть для нея эпитафію. «Я отвѣ-

чалъ ей», пишетъ графъ Сегюръ, «не могу воспѣть «Земиру», не зная ея происхожденія, свойствъ и недостатковъ». — «Я полагаю», отвѣтила Екатерина, «что вамъ достаточно будетъ знать, что она родилась отъ двухъ англійскихъ собакъ Тома и Леди, что она имѣла множество достоинствъ и только иногда бывала немножко зла». Этого мнѣ было довольно, и я исполнилъ желаніе Императрицы, написавъ слѣдующіе стихи, которые она чрезвычайно расхвалила:

Epitaphe de Zémire.

Ici mourut Zémir, et les grâces en deuil
Doivent jeter des fleurs sur son cercueil.
Comme Tom, son aïeul, comme Lady, sa mère,
Constante dans ses goûts, à la course légère,
Son seul défaut était un peu d'humeur;
Mais ce défaut venait d'un si bon cœur!
Quand on aime, on craint tout! Zémire aimait tant celle,
Que tout le monde aime comme elle!
Voulez-vous qu'on vive en repos,
Ayant cent peuples pour rivaux?
Les dieux, témoins de sa tendresse,
Doivent à sa fidélité
Le don de l'immortalité
Pour qu'elle fût toujours auprès de sa maîtresse *).

*) Здѣсь покоится «Земира», и Граціи, облеченныя трауромъ, должны осыпать цвѣтами ея гробницу. Какъ «Томъ», ея предокъ, какъ «Леди», ея мать, постоянная въ своихъ вкусахъ, легкая на бѣгу, она имѣла единственный недостатокъ: была нѣсколько зла; но недостатокъ этотъ происходилъ отъ добраго сердца. Когда любятъ, боятся всего. «Земира» такъ любила ту, которую всѣ любятъ такъ же, какъ она. Можно ли жить спокойно, когда съ вами соперничаютъ сто народовъ? Боги свидѣтели ея нѣжности, должны даровать ей за вѣрность безсмертіе, чтобы она всегда могла быть у ногъ своей госпожи.

Эти стихи Императрица велѣла вырѣзать на камнѣ, который былъ поставленъ въ Царскосельскомъ саду. Надпись эта и теперь еще видна, хотя не ясно, на каменной плитѣ за пирамидальнымъ мавзолеемъ [156]).

Другой своей собакѣ Екатерина написала эпитафію собственноручно:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ
Дюшесса Андерсонъ,
Которою укушенъ
Искусный Рожерсонъ» *).

* *
*

Описавъ охоты Императрицъ Елисаветы и Екатерины II, мы перейдемъ къ біографіямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ егермейстерскаго вѣдомства съ воцаренія Елисаветы Петровны до конца XVIII вѣка и затѣмъ къ изображенію быстраго развитія учрежденій Императорской охоты за этотъ періодъ времени.

Въ теченіе царствованія Елисаветы Петровны, за исключеніемъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ, управленіе придворною охотою находилось въ рукахъ оберъ-егермейстера *графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго* [157]), съ которымъ мы уже не разъ встрѣчались при описаніи охотъ Императрицы Елисаветы. Въ жизни своей А. Г. Разумовскій испыталъ одно изъ удивительныхъ сказочныхъ превращеній, которыхъ такъ много было въ XVIII вѣкѣ, когда людьми, приближавшимися къ трону, распоряжалась случайность. «Случайные люди» нашего XVIII вѣка изъ ничтожества возносились на высшую степень могущества, власти, богатства и затѣмъ игрою случая нерѣдко кончали жизнь въ тяжкихъ страданіяхъ въ заточеніи, ссылкѣ или на эша-

---

*) Лейбъ-медикъ Императрицы.

фотѣ. Разумовскій составляетъ рѣдкое исключеніе: счастливая звѣзда не оставляла его всю жизнь.

Онъ былъ сынъ простого малороссійскаго казака села Лемеши близъ г. Козельца (Черниговской губерніи), прозваннаго Розумомъ

Мать Императрицы Екатерины II,
Принцесса Іоанна-Елисавета Анальтъ Цербская
(галлерея Гатчинскаго дворца).

за его любимую поговорку: «Що то за голова, що то за Розумъ». Въ дѣтствѣ онъ былъ пастухомъ, затѣмъ жилъ на попеченіи дьячка сосѣдняго села Чемеры, гдѣ выучился грамотѣ и по праздникамъ пѣлъ на клиросѣ. Въ Январѣ 1731 г., черезъ село Чемеры проѣзжалъ

полковникъ Вишневскій, возвращавшійся въ Петербургъ изъ-за границы. Онъ зашелъ въ церковь, плѣнился голосомъ и наружностью Алексѣя Розума, которому шелъ въ то время 22-й годъ (родился 17 Марта 1709 г.), и, съ согласія матери, увезъ его съ собою. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Вишневскій представилъ молодого красавца малоросса оберъ-гофмаршалу графу Рейнгольду Левенвольду, который помѣстилъ его въ придворный хоръ, состоявшій въ большинствѣ изъ пѣвчихъ малороссовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого Цесаревна Елисавета Петровна, присутствуя однажды на богослуженіи въ придворной церкви, обратила вниманіе на голосъ Розума и потребовала, чтобы онъ былъ ей представленъ по окончаніи литургіи. Молодая цесаревна увидѣла красавца юношу, высокаго, стройнаго, нѣсколько смуглаго, съ чудными темными глазами и черными дугообразными бровями. Красота его поразила Елисавету Петровну еще болѣе, чѣмъ голосъ, и, по просьбѣ Великой Княжны, молодой пѣвчій былъ переведенъ въ ея собственный придворный хоръ.

Въ это время Алексѣя Никифоровича Шубина, любимца Елисаветы Петровны, уже не было при ея дворѣ. Въ 1731 году его сослали въ Камчатку за неосторожныя слова о томъ, что Анна Іоанновна, вступивъ на престолъ, нарушила права дочери Петра Великаго, Елисаветы. Великая Княжна долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, но затѣмъ молодой Розумъ, названный при переходѣ къ ея двору Разумовскимъ, занялъ въ ея сердцѣ мѣсто ссыльнаго Шубина. Голосъ его вскорѣ спалъ, онъ былъ переименованъ придворнымъ бандуристомъ; вскорѣ Цесаревна поручила ему управленіе однимъ изъ своихъ имѣній, а затѣмъ и всѣмъ своимъ небольшимъ дворомъ. Въ правленіе Анны Леопольдовны Разумовскій получилъ званіе камеръ-юнкера. Въ день восшествія на престолъ Елисаветы онъ былъ пожалованъ званіемъ дѣйствительнаго камергера и чинами генералъ-лейтенанта и поручика лейбъ-компаніи. Немедленно отправленъ былъ въ Малороссію офицеръ за семействомъ новаго камергера; онъ съ трудомъ нашелъ

«госпожу Разумовскую» въ лицѣ «Розумихи-вдовы», содержавшей корчму въ селѣ Лемешахъ.

25 Апрѣля 1742 г. на торжествѣ коронованія Елисаветы Разумовскій несъ шлейфъ Государыни. Въ этотъ день онъ былъ произведенъ въ оберъ-егермейстеры и получилъ знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, не въ очередь, помимо Александровской ленты. Въ Іюлѣ и Августѣ ему пожаловано было нѣсколько селъ изъ собственныхъ имѣній Императрицы подъ Москвой и нѣсколько вотчинъ въ Малороссіи.

Вслѣдъ затѣмъ А. Г. Разумовскій достигъ высшей степени вліянія. Онъ занималъ во дворцѣ комнаты, смежныя съ апартаментами Государыни, и когда чувствовалъ себя нездоровымъ, то принималъ до 12 человѣкъ за разъ въ своихъ покояхъ, запросто, въ парчевомъ шлафрокѣ. Въ своихъ увеселеніяхъ дворъ руководствовался вкусами Алексѣя Григорьевича. Благодаря его любви къ музыкѣ заведена была дорого стоившая постоянная итальянская опера; все малороссійское было при дворѣ въ модѣ; украинскіе пѣвчіе пѣли на сценѣ вмѣстѣ съ итальянцами; на придворныхъ пирахъ появились украинскія блюда. Милости Императрицы лились рѣкою на Разумовскаго. Въ 1744 г., въ Маѣ мѣсяцѣ, находясь въ Москвѣ, Елисавета Петровна подарила ему село Перово и деревни Тетерки и Тимохово, затѣмъ нѣсколько слободъ и селъ въ Малороссіи и семь бывшихъ гетманскихъ мельницъ подъ Батуринымъ. 16 Мая того же года, черезъ представительство нашего посланника въ Дрезденѣ, гр. Кейзерлинга, А. Г. Разумовскому пожаловано было графское достоинство Римской имперіи; а черезъ мѣсяцъ, 15 Іюня, ему, вмѣстѣ съ братомъ Кирилломъ, даровано было и русское графское достоинство. Желая доставить удовольствіе Алексѣю Григорьевичу, съ любовью вспоминавшему о своей прекрасной родинѣ, Императрица сама рѣшилась вмѣстѣ съ нимъ посѣтить Кіевъ. Во время путешествія въ Малороссію въ 1744 г. Елисавета Петровна нѣсколько дней провела въ Козельцѣ и здѣсь ближе познакомилась съ семействомъ Разумовскаго; особенно пришлась по сердцу Императрицѣ его сестра,

Анна Закревская. Въ 1745 г., по смерти принца Гессенъ-Гомбургскаго, Разумовскій назначенъ былъ капитанъ-поручикомъ лейбъ-компаніи и начальникомъ этой любимой вѣрной гвардіи Императрицы.

На высотѣ власти и вліянія графъ А. Г. Разумовскій остался вѣренъ самому себѣ: онъ былъ все тѣмъ же, какъ и раньше, добродушнымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ и насмѣшливымъ, типичнымъ малороссомъ. Онъ чувствовалъ недостатокъ своего образованія и старался дополнить его общеніемъ съ образованнѣйшими людьми того времени: онъ приблизилъ къ себѣ Ивана Перфильевича Елагина, Григорія Николаевича Теплова, В. Е. Одадурова, извѣстныхъ впослѣдствіи статсъ-секретарей Екатерины II. Онъ почти вовсе не вмѣшивался въ государственныя дѣла, отчасти сознавая свою неподготовленность, отчасти по лѣни, свойственной ему, какъ истому малороссу. Его интересовали только дѣла Малороссіи и дѣла духовенства; гр. Алексѣй Григорьевичъ, какъ замѣчаетъ современникъ, «пріятствомъ съ духовными лицами обходился и въ ихъ особливыхъ надобностяхъ всегда предстателемъ былъ».

Екатерина II говоритъ въ своихъ мемуарахъ, что она не знаетъ другого временщика, котораго бы всѣ такъ любили. Всегда добродушный, благожелательный, А. Г. Разумовскій измѣнялъ себѣ только подъ вліяніемъ вина; онъ «весьма неспокоенъ бывалъ пьяный», и въ такія минуты приближенные очень опасались вспышекъ его гнѣва: гр. П. И. Шуваловъ не одинъ разъ, по его приказанію, былъ высѣченъ батожьемъ.

Охота была любимымъ развлеченіемъ Разумовскаго; онъ отдавался ей съ увлеченіемъ завзятаго охотника. О его участіи въ частыхъ охотахъ Императрицы мы говорили раньше. Замѣтимъ здѣсь, что Разумовскій нерѣдко охотился и одинъ, въ компаніи своихъ друзей [158]). Въ дневникѣ генеральнаго хорунжаго Ханенко, пріѣзжавшаго ко двору съ депутатами отъ Малороссіи, для представленія ходатайствъ Императрицѣ чрезъ графа Разумовскаго, встрѣчается множество замѣтокъ

такого рода за 1748—1749 гг.: «Весь день графъ былъ на охотѣ, а мы дважды ѣздили во дворецъ, но его не получили», «графъ Разумовскій изъ рана ѣздилъ на охоту»; «пріѣхали во дворецъ, гдѣ графа не застали, отъѣхалъ на охоту въ 5-мъ часу по полночи, а Государыня изволила отъѣхать кушать на Воробьевы горы». 23 Сентября 1749 г. Разумовскій отправился въ отъѣзжее поле вмѣстѣ съ малороссійскими депутатами и два дня травилъ съ ними зайцевъ, а послѣ обѣда стрѣлялъ голубей. Компанія ночевала въ деревнѣ Протасово; сюда пріѣхалъ одинъ старикъ помѣщикъ, большой любитель охоты, М. Г. Собакинъ, со своей псовою охотой; Разумовскій съ нимъ еще два дня провелъ въ травлѣ зайцевъ, ночевалъ въ кибиткахъ около деревни; даже жестокая стужа, бывшая 27 Сентября, не охладила его охотничьяго увлеченія.

Борзая Императрицы Екатерины II, съ гравюры К. Ротъ 1767 года, по портрету, писанн. И. Гроотъ.

Въ эту осень 1749 года Разумовскій такъ долго охотился одинъ, со своей компаніей охотниковъ, въ отдаленіи отъ Елисаветы Петровны, потому, что его отношенія къ Императрицѣ въ этомъ году нѣсколько измѣнились. Елисавета Петровна приблизила къ себѣ молодого офицера Ивана Ивановича Шувалова; Шуваловъ былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, а по переѣздѣ двора въ Петербургъ получилъ помѣщеніе во дворцѣ. Одно время вниманіемъ Императрицы пользовался молодой адъютантъ Разумовскаго, только что вышедшій изъ корпуса, Н. А. Бекетовъ *), но друзьямъ Шувалова скоро удалось удалить его отъ двора. По-

*) Никита Афанасьевичъ Бекетовъ впослѣдствіи былъ Астраханскимъ губернаторомъ (умеръ въ 1794 г.).

ложеніе графа Алексѣя Григорьевича среди этихъ интригъ, для людей, не посвященныхъ во всѣ тайны придворной жизни, казалось неизмѣнившимся. Государыня наружно относилась къ нему попрежнему, навѣщала его въ Гостилицахъ и осыпала наградами. Братъ Разумовскаго, Кириллъ Григорьевичъ, получившій хорошее образованіе за границей, былъ сдѣланъ малороссійскимъ гетманомъ и президентомъ Академіи Наукъ. Въ 1756 г. Государыня подарила Алексѣю Григорьевичу построенный по ея приказанію въ 1744—1748 гг. графомъ Растрелли Аничковскій дворецъ *). Елисавета Петровна любила посѣщать Аничковскій домъ, часто ѣзила туда къ обѣднѣ и ежегодно праздновала тамъ именины графа Алексѣя Григорьевича. Въ 1756 г., въ день тезоименитства Императрицы, 5 Сентября, Разумовскій былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы. Преданіе гласитъ, что онъ нѣсколько разъ отказывался отъ этого званія, и, когда указъ былъ подписанъ, сказалъ Елисаветѣ Петровнѣ: «Государыня, ты можешь назвать меня фельдмаршаломъ, но никогда не сдѣлаешь изъ меня даже порядочнаго полковника».....

Оставивъ службу по воцареніи Петра III, гр. А. Г. Разумовскій жилъ затѣмъ довольно уединенно, свято чтя память Императрицы Елисаветы. Онъ рѣдко посѣщалъ дворъ, но любилъ, когда у него собиралось высшее петербургское общество. Императрица Екатерина относилась всегда къ графу Разумовскому съ исключительнымъ вниманіемъ. Въ 1764 г. она три дня провела въ его имѣніи Гостилицахъ, которое такъ любила Елисавета; нерѣдко она запросто навѣщала его утромъ. Графъ А. Г. Разумовскій скончался 7 Іюля 1771 г., въ Петербургѣ, въ Аничковскомъ дворцѣ.

---

*) Дворецъ этотъ въ то время стоялъ на открытомъ мѣстѣ: онъ былъ въ три этажа и имѣлъ совершенно простой фасадъ. На улицу выходилъ на сводахъ висячій садъ, вдоль всего зданія. Большой дворцовый садъ простирался до Садовой улицы. Въ саду находилось каменное зданіе въ одинъ этажъ, въ которомъ помѣщена была картинная галлерея графа.

Управленіе дѣлами Императорской охоты гр. Алексѣй Григорьевичъ оставилъ задолго до своей смерти, еще при жизни Императрицы Елисаветы, въ 1757 году. 7 Мая 1757 г. оберъ-егермейстеромъ назначенъ былъ С. К. Нарышкинъ.

Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ [159]) родился 5 Апрѣля 1710 г. Въ царствованіе Анны Іоанновны онъ бѣжалъ во Францію вслѣдствіе какихъ-то «гоненій добрыхъ соотечественниковъ» и проживалъ тамъ подъ фамиліей Тенкина. По восшествіи на престолъ Елисаветы Петровны Нарышкинъ тотчасъ же былъ пожалованъ званіемъ дѣйствительнаго камергера и 31 Декабря 1741 г., 31 года отъ роду, назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ при англійскомъ дворѣ. Въ Лондонѣ онъ велъ важные переговоры о заключеніи союзнаго трактата съ Англіей (11 Декабря 1742 г.) и вскорѣ по окончаніи ихъ, пробывъ посланникомъ только полтора года, былъ отозванъ изъ Англіи 20 Іюня 1743 г., при чемъ получилъ 7000 р. на возвращеніе въ Россію. С. К. Нарышкинъ больше уже не возвращался къ дипломатической службѣ. Въ 1744 г. ему поручено было встрѣтить въ Ригѣ герцогиню Іоанну-Елизавету Ангальтъ-Цербтскую, ѣхавшую въ Россію вмѣстѣ со своею дочерью Софіей-Августой-Фредерикой, будущею императрицей Екатериной. Любезность Нарышкина произвела очень хорошее впечатлѣніе на герцогиню, которая называетъ его въ своихъ запискахъ «le chambellan *prince* Narichkine».

Долгіе годы, проведенные Нарышкинымъ за границей, не прошли для него безслѣдно; онъ научился во Франціи свѣтской любезности, изяществу манеръ и вкусовъ и, благодаря этому, сталъ желаннымъ гостемъ при дворѣ Императрицы Елисаветы. Онъ зналъ всѣ «должныя учтивства» и «комплементы»; «довольно жилъ въ Парижѣ, чтобъ знать надлежащія пріукрашенія госпожамъ»—какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ—умѣлъ выбрать въ подарокъ опушку или «шитыя платья, которыя всѣ укрыты блестками, такъ что при свѣчѣ или солнцѣ сіяютъ, какъ алмазы, узорами презрядными»;

умѣлъ обратить на себя общее вниманіе, явившись на придворный праздникъ въ заграничной каретѣ, сіяющей зеркалами и позолотой. Хотя при дворѣ въ то время царила роскошь, удивлявшая даже парижанъ, но Нарышкину удалось пріобрѣсти въ высшемъ обществѣ славу перваго щеголя. 5 Декабря 1744 г. Нарышкинъ пожалованъ былъ званіемъ гофмаршала Высочайшаго двора и чиномъ генералъ-

Левъ Александровичъ Нарышкинъ.

лейтенанта. Затѣмъ, 7 Мая 1757 г., какъ мы сказали, онъ назначенъ былъ на почетную должность оберъ-егермейстера, которую передъ тѣмъ занималъ первый придворный сановникъ, гр. А. Г. Разумовскій; одновременно съ этимъ ему пожалованъ былъ «рангъ дѣйствительнаго полнаго генерала». Но графъ Разумовскій, въ это время еще сохранялъ прежнее свое значеніе, и Нарышкину велѣно было «состоять

въ командѣ у генералъ-фельдмаршала гр. Разумовскаго». Только послѣ смерти Елисаветы Петровны, когда Разумовскій устранился отъ дѣлъ, Нарышкинъ началъ вполнѣ самостоятельно управлять дѣлами Императорской охоты и завѣдывалъ ею до самой смерти, послѣдовавшей послѣ тяжкой болѣзни 27 Ноября 1775 года.

За 18-лѣтнее управленіе егермейстерскимъ вѣдомствомъ, съ 1757 по 1775 г., С. К. Нарышкинъ сдѣлалъ очень много для организаціи широко разросшихся учрежденій Императорской охоты. Послѣ изданія первыхъ яхтъ-штатовъ 1740 и 1741 гг. Императорская охота, какъ мы укажемъ ниже подробнѣе, безостановочно увеличивалась въ своемъ составѣ; оберъ-егермейстеръ Разумовскій не былъ стѣсненъ разъ навсегда установленнымъ штатомъ; дворцовая контора, по приказанію Елисаветы Петровны, обязана была безпрекословно и немедленно выдавать деньги по требованію оберъ-егермейстера. Екатерина II не удѣляла такого исключительнаго вниманія охотѣ, и оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ долженъ былъ выработать новый яхтъ-штатъ,—установить законныя рамки для учрежденій своего вѣдомства. Не ограничившись разработкой яхтъ-штата 1773 г., С. К. Нарышкинъ обратилъ серіозное вниманіе на всѣ стороны управленія егерскимъ корпусомъ, какъ видно изъ множества обстоятельныхъ докладовъ его Екатеринѣ, о которыхъ мы будемъ говорить вслѣдъ за симъ. Для подготовки егерей и лѣсничихъ, Нарышкинъ организовалъ обученіе «яхтъ-пажей» и много хлопоталъ объ устройствѣ особой школы для дѣтей служителей охоты. Онъ образовалъ, далѣе, прекрасный егерскій хоръ изъ роговыхъ инструментовъ. Наконецъ, прилагалъ большія старанія, хотя и малоуспѣшно, къ поддержанію стариннаго промысла «помыканія» охотничьихъ птицъ, соколовъ и кречетовъ, для соколиной охоты, любимаго развлеченія Екатерины Великой.

Какъ гр. А. Г. Разумовскій, такъ и С. К. Нарышкинъ, нося званіе оберъ-егермейстера, фактически управляли Императорскою охотою, какъ высшіе ея начальники, но одновременно съ ними мы встрѣ-

чаемъ и вторую должность оберъ-егермейстера, которую занималъ голштинецъ *Бредаль* [160]). Бредаль, пріѣхавшій въ Россію въ свитѣ великаго князя Петра Ѳеодоровича, уже съ 1742 года состоялъ при немъ оберъ-егермейстеромъ, съ жалованьемъ въ 1500 руб., и затѣмъ получилъ въ свое завѣдываніе собственную охоту великаго князя, организованную вскорѣ послѣ его прибытія въ Россію. Съ Бредалемъ мы встрѣчаемся и позднѣе, именно—въ 1761 году, когда онъ, будучи оберъ-егермейстеромъ, носилъ также званіе «голштинскаго генерала», и въ 1762 году, когда мы видимъ его въ числѣ приглашенныхъ «къ торжеству рожденія Его Величества». Но, насколько мы знаемъ, Бредаль ни ранѣе, ни въ короткое царствованіе Петра III не завѣдывалъ Императорскою охотою.

По смерти генералъ-аншефа С. К. Нарышкина, должность оберъ-егермейстера оставалась вакантною въ теченіе трехъ лѣтъ, до середины 1778 года. Дѣлами охоты за этотъ періодъ времени управлялъ егермейстеръ, дѣйствительный камергеръ Вилимъ Романовичъ (Рейнгольдъ-Вильгельмъ) *фонъ Польманъ* [161]). Ходатайствуя о возведеніи Польмана въ званіе егермейстера въ 1768 году, Нарышкинъ отмѣтилъ его «склонность къ охотѣ» и «знаніе въ звѣроловныхъ обрядахъ», которое «чинитъ его многополезнымъ быть въ корпусѣ оберъ-егермейстерства». Польманъ, однако, извѣстенъ болѣе, какъ главноуправляющій Царскосельскими государевыми вотчинами и какъ лицо, на которое нерѣдко возлагались важныя довѣрительныя порученія.

Съ середины 1778 года до конца описываемой эпохи, въ теченіе 23 лѣтъ, Императорскою охотою завѣдывалъ *князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ*, сначала въ званіи егермейстера, а съ 1782 года — въ званіи оберъ-егермейстера [162]). Князь П. А. Голицынъ, родившійся 6-го Апрѣля 1731 года, еще мальчикомъ 11 лѣтъ, по обычаю того времени, зачисленъ былъ солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ. Въ 1748 г. онъ произведенъ былъ послѣдовательно въ капралы, фурьеры и каптенармусы и затѣмъ дослужился въ 1771 г. до чина

генералъ-поручика. Пожалованный въ 1767 г. званіемъ камергера, онъ 28 Іюня 1778 г. назначается егермейстеромъ и дѣлается отвѣтственнымъ начальникомъ всей Императорской охоты. Вслѣдъ затѣмъ, 28 Іюня 1782 года, кн. Голицынъ возведенъ былъ въ званіе оберъ-егермейстера. На своемъ новомъ посту Голицынъ вполнѣ оправдалъ довѣріе Императрицы Екатерины II: въ исторіи охоты онъ долженъ быть отмѣченъ, какъ прекрасный хозяинъ и администраторъ; Екатерина отличила его дѣятельность пожалованіемъ орденовъ св. Александра Невскаго (въ 1782 г.) и св. Андрея Первозваннаго (въ 1793 г.). Въ должности оберъ-егермейстера кн. П. А. Голицынъ остается и по смерти Екатерины II; при Павлѣ Петровичѣ онъ получаетъ въ награду двѣ тысячи душъ крестьянъ и назначается 2 Декабря 1797 г. сенаторомъ. Незадолго до воцаренія Александра I кн. Голицынъ, 16 Февраля 1801 г., оставилъ службу и черезъ девять лѣтъ, 4 Мая 1810 г., скончался на 80-мъ году отъ роду.

Ближайшими помощниками главныхъ начальниковъ Императорской охоты были лица, занимавшія должности *егермейстера и унтеръ-егермейстера.*

Должность егермейстера, какъ мы уже замѣтили раньше, возникла въ 1729 году. Права и обязанности ея вначалѣ были очень неопредѣленны; первый егермейстеръ только «состоялъ» при гофмаршалѣ Салтыковѣ. Позднѣе, при Разумовскомъ, егермейстеры становятся ближайшими распорядителями по дѣламъ охоты, замѣняя во многихъ случаяхъ оберъ-егермейстеровъ. При Екатеринѣ II егермейстеры одно время, какъ только что было указано, были главными начальниками охоты. Егермейстеры въ большинствѣ случаевъ назначались изъ офицеровъ гвардіи и при этомъ получали чинъ бригадира или полковника: одинъ былъ изъ флигель-адъютантовъ и одинъ, фонъ Польманъ, носилъ придворное званіе дѣйствительнаго камергера. По штату 1773 года егермейстеры состояли въ рангѣ генералъ-поручика, съ жалованьемъ въ 2531 р. Должность *унтеръ-егермейстера* возникла.

вѣроятно, въ 1754 году; по крайней мѣрѣ первый, извѣстный намъ, унтеръ-егермейстеръ Иванъ Сумароковъ былъ назначенъ на эту должность 13 Мая 1754 года, съ производствомъ изъ драгунскихъ поручиковъ въ премьеръ-маіоры (отставленъ въ Іюнѣ 1762 г.). Унтеръ-егермейстеры, какъ и егермейстеры, назначались въ большинствѣ случаевъ изъ офицеровъ гвардіи. Въ 1756 году, въ силу

Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ
(галлерея Гатчинскаго дворца).

Высочайшаго повелѣнія, имъ опредѣлено было жалованье наравнѣ съ унтеръ-шталмейстерами; по штату же 1773 года унтеръ-егермейстеры считались по службѣ въ рангѣ бригадира съ годовымъ окладомъ въ 1271 рубль.

При Императрицѣ Елисаветѣ, въ теченіе почти всего ея царствованія, егермейстеромъ былъ Петръ Никитичъ *Хитрово* [168]) (или Хитровъ), назначенный на эту должность 5 Мая 1742 г. изъ флигель-

адъютантовъ генералъ-фельдмаршала князя Трубецкого. Въ Октябрѣ 1746 г. онъ произведенъ былъ въ генералъ-маіоры, «съ полнымъ по тому чину жалованьемъ, съ деньщикомъ и съ раціоны»; 4 Декабря 1748 г. Елисавета Петровна пожаловала ему крупную по тому времени награду въ 2000 р. изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ на содержаніе охоты, а затѣмъ чинъ тайнаго совѣтника. Хитрово или «Хитровъ», какъ писали тогда его фамилію, вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ Маѣ 1759 г., послѣ того, какъ на должность егермейстера назначенъ былъ 13 Января 1759 г. Василій Ивановичъ *Разумовскій*, служившій раньше полковникомъ Малороссійскаго Гадицкаго полка.

Императоръ Петръ III назначилъ егермейстеромъ 12 Марта 1762 г. гессенскаго выходца, полковника *Фридриха Мальтица* [164]). Но Мальтицъ оказался совершенно непригоднымъ для службы въ придворной охотѣ, потому что по «своей постоянной неизлѣчимой болѣзни» находился «всегда въ постели неподвижно»; поэтому Екатерина, по докладу С. К. Нарышкина, въ 1765 г. дала ему отставку, пожаловавъ за долгую службу въ Россіи (съ 1739 г.) пенсіонъ и 1000 р. на оплату долговъ. Послѣ Мальтица при Екатеринѣ II егермейстеромъ состоялъ съ 1768 до 1778 г., какъ сказано выше, Вилимъ фонъ Польманъ и съ 1778 до 1782 г. кн. П. А. Голицынъ. Одновременно съ Польманомъ въ 70-хъ годахъ числился егермейстеромъ бригадиръ Алексѣй *Дубянскій* [165]), который 4 Іюля 1762 г. назначенъ былъ унтеръ-егермейстеромъ изъ секундъ-ротмистровъ лейбъ-гвардіи коннаго полка и вслѣдъ затѣмъ, за дѣятельное участіе въ переворотѣ 28 Іюня 1762 г. получилъ отъ Екатерины въ награду 600 душъ крестьянъ. При назначеніи егермейстеромъ кн. П. А. Голицына, въ помощники ему по управленію охотой данъ былъ Алексѣй Яковлевичъ *Потемкинъ* [166]) (род. въ 1741 г., † въ 1810 г.). Въ слѣдующемъ году А. Я. Потемкинъ былъ осчастливленъ вниманіемъ Императрицы, крестившей его сына, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ.

Въ 1793 г., 1 Января онъ былъ награжденъ чиномъ генералъ-маіора, но до самой смерти Екатерины все оставался унтеръ-егермейстеромъ, не получая повышенія. Императоръ Павелъ Петровичъ въ первый же мѣсяцъ своего царствованія назначилъ Потемкина, 21 Ноября 1796 г., егермейстеромъ и пожаловалъ ему при своей коронаціи 500 душъ крестьянъ. Въ томъ же Ноябрѣ 1796 г. назначенъ былъ унтеръ-егермейстеромъ Михаилъ Николаевичъ *Аксаковъ* [167]), который съ 1783 г. служилъ при егермейстерскомъ корпусѣ (съ 1785—1788 г. онъ завѣдывалъ рустъ-камерою Ея Величества), а впослѣдствіи, съ 7 Января 1799 г., былъ ярославскимъ губернаторомъ, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, а при Александрѣ I сенаторомъ (умеръ въ 1818 г.).

Дѣлопроизводство по управленію Императорской охотой въ разсматриваемомъ періодѣ сосредоточено было въ особомъ учрежденіи, *оберъ-егермейстерской канцеляріи,* которая образована была въ самомъ началѣ царствованія Елисаветы Петровны въ 1744-1745 г. До этого времени, какъ указано выше, всѣ дѣла Императорской охоты состояли въ вѣдѣніи сначала Сената, затѣмъ кабинета. Возникшая было при командирѣ придворной охоты, полковникѣ Трескау, «Егермейстерская канцелярія» была вскорѣ упразднена и дѣла ея переданы были въ 1741 г. въ вѣдѣніе дворцовой конторы *). Но въ первые же годы царствованія Елисаветы Петровны, развитіе Императорской охоты не замедлило привести къ образованію самостоятельнаго учрежденія для управленія ея дѣлами. Въ 1743 г. Правительствующимъ Сенатомъ, только что возстановленнымъ въ прежнемъ своемъ значеніи, «сочинена была для лучшаго въ дѣлахъ попеченія и распорядковъ Оберъ-Егермейстерская канцелярія». Этой канцеляріи, однако, первоначально ввѣрено было лишь завѣдываніе московскими охотами; петербургскія же охоты до 1745 г. попрежнему оставались въ вѣдѣніи придворной или дворцовой конторы. Находившаяся сначала въ Москвѣ, оберъ-

*) См. выше, стр. 61.

егермейстерская канцелярія въ концѣ 1744 г. переведена была въ Петербургъ; для непосредственнаго же управленія московскими охотами въ Москвѣ образована была подчиненная канцеляріи оберъ-егермейстерская контора *) [168]).

Около 1745 года, съ уничтоженіемъ отдѣленія придворной конторы, «Оберъ-Егермейстерскія дѣла», оберъ-егермейстерская канцелярія стала во главѣ управленія какъ московскими, такъ и петербургскими охотами. Вначалѣ она была вполнѣ подчинена Сенату; но власть ея и права быстро увеличились съ теченіемъ времени. Выходя постепенно изъ-подъ опеки Сената и обращаясь къ его посредничеству только по общимъ вопросамъ, оберъ-егермейстерская канцелярія становилась все болѣе и болѣе самостоятельнымъ учрежденіемъ. Съ конца царствованія Елисаветы Петровны, эта канцелярія уже не только самостоятельно сносилась «промеморіями» со всѣми центральными управленіями, но и объявляла провинціальнымъ учрежденіямъ Высочайшія повелѣнія по дѣламъ охоты. Наконецъ, въ 1773 году ей предоставлены были права наравнѣ съ прочими коллегіями. Оберъ-егермейстерское вѣдомство мало-по-малу совершенно обособилось, и оберъ-егермейстерская канцелярія, вмѣстѣ со своимъ начальникомъ—оберъ-егермейстеромъ, стала во главѣ отдѣльнаго самостоятельнаго *Оберъ-Егермейстерскаго корпуса*. Это названіе впервые встрѣчается въ современныхъ документахъ подъ 1762 годомъ, въ царствованіе Петра III. Высшее управленіе охоты такимъ образомъ стало по отношенію къ верховной власти на ряду съ прочими высшими государственными учрежденіями Россіи [169]).

По отношенію къ петербургскимъ охотамъ оберъ-егермейстерская канцелярія приняла характеръ учрежденія и распорядительнаго и

*) При частыхъ переѣздахъ Двора изъ Петербурга въ Москву, оберъ-егермейстерская канцелярія переѣзжала въ Москву, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими правительственными учрежденіями; въ Петербургѣ же, взамѣнъ ея, временно дѣйствовала оберъ-егермейстерская контора.

В. А. Сѣровъ. Императрица Екатерина II въ одноколкѣ, сопутствуемая Мамоновымъ, Потемкинымъ и Нарышкинымъ, на соколиной охотѣ.

исполнительнаго, по отношенію же къ московскимъ — только распорядительнаго. Московскими охотами управляла московская оберъ-егермейстерская контора, подчиненная петербургской канцеляріи. Во главѣ конторы стоялъ такъ называемый «присутствующій». Съ 1750 до 1762 г. должность «присутствующаго» занималъ Герасимъ Ивановичъ *Ларіоновъ* [170]), который передъ тѣмъ долгое время служилъ въ московской птичьей охотѣ кречетникомъ, а въ 1743 г. назначенъ былъ статейничимъ. Имѣя въ своихъ рукахъ, по должности статейничаго, завѣдываніе птичьей охотой, а также охотой псовой и Измайловскимъ звѣринцемъ, и соединяя съ этимъ управленіе оберъ-егермейстерской конторой, по званію «присутствующаго», Герасимъ Ларіоновъ являлся начальникомъ всѣхъ московскихъ учрежденій Императорской охоты. Въ 1762 г., онъ вышелъ въ отставку, такъ какъ не могъ болѣе «править своей должности за старостію лѣтъ и за невидѣніемъ глазами». Должность «присутствовавшаго въ конторѣ» и вмѣстѣ главнаго начальника московскихъ охотъ послѣ него, до Февраля 1785 г., занималъ бригадиръ Алексѣй Ивановичъ *Булаковъ* [171]), который передъ тѣмъ нѣкоторое время состоялъ унтеръ-егермейстеромъ. Ближайшее завѣдываніе московскими охотами въ это время (съ 1762 года) находилось въ рукахъ статейничаго Ивана Ѳедоровича *Рыкунова* [172]), искуснаго въ дѣлѣ «красной сокольей потѣхи». «За вѣрную службу и добропорядочные поступки» онъ награжденъ былъ сначала чиномъ капитана, а потомъ маіора, и, наконецъ, въ 1773 г. сдѣланъ былъ главностатейничимъ. Въ 1783 г. на должность главностатейничаго назначенъ былъ главный помощникъ Рыкунова, статейничій *Яковъ Ларіоновъ,* который также завѣдывалъ не только птичьей, но и псовой охотой, какъ и Измайловскимъ звѣринцемъ. Въ Декабрѣ 1790 г. Ларіоновъ былъ уволенъ «за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ», и должность главностатейничаго осталась вакантной. Птичьей охотой завѣдывалъ статейничій *Дмитрій Рыкуновъ,* который отличался вообще необузданнымъ нравомъ и почти вовсе не признавалъ власти конторы. У него

нерѣдко выходили крупныя столкновенія съ подчиненными ему сокольниками *), какъ и съ непосредственнымъ его начальствомъ. Контора жаловалась оберъ-егермейстеру, что непокорный статейничій самовольно рѣшаетъ дѣла, подлежащія ея вѣдѣнію, заставляетъ дежурить въ своей квартирѣ офицеровъ, даетъ предписаніе командѣ въ «неподлежащихъ и къ обидѣ ея клонящихся терминахъ». Оберъ-егермейстеръ почему-то не рѣшался уволить Рыкунова отъ должности, несмотря на его болѣзнь, и прибѣгъ къ полумѣрѣ, а именно, оставивъ за нимъ должность статейничаго, поручилъ завѣдываніе птичьей охотой двумъ комиссарамъ; но Рыкуновъ и послѣ этого не переставалъ производить «безпорядокъ въ командѣ» [173]).

Въ непосредственномъ подчиненіи разсмотрѣнныхъ учрежденій, петербургской оберъ-егермейстерской канцеляріи и московской конторы, находился многочисленный и разнообразный служебный персоналъ.

Въ предшествовавшей главѣ мы познакомились съ попыткой Анны Іоанновны сократить личный составъ Императорской охоты. Попытка эта не удалась, и сокращенный яхтъ-штатъ 1740 г. тотчасъ же по смерти Анны Іоанновны былъ замѣненъ, въ правленіе Анны Леопольдовны, другимъ, менѣе экономнымъ. По вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны, ея страстное увлеченіе охотою повело къ дальнѣйшему значительному увеличенію личнаго состава придворныхъ охотъ. Въ Февралѣ 1742 г. Императрица приказала содержать въ силѣ, «до будущаго Ея Величества» разсмотрѣнія, «яхтъ-штатъ, учиненный въ прошломъ 1741 году, Января 28 дня, за подписаніемъ принцессы Мекленбургской» (Анны Леопольдовны). Но вслѣдъ затѣмъ,

*) Сокольникъ Шахматовъ, однажды, какъ жаловался Д. Рыкуновъ начальству, забывъ «приличную его званію послушность и сохраненіе респекта къ своимъ командирамъ», позволилъ себѣ, «всякую благопристойность презря», обозвать его «чихирникомъ». За эту и другія продерзости оберъ-егермейстерская канцелярія предписала посадить сокольника «на хлѣбъ и на воду въ дневальную свѣтлицу, дабы впредь никто не отваживался командировъ своихъ поносить ругательными словами» [175]).

помимо всякаго особаго «разсмотрѣнія», въ первые же мѣсяцы 1742 года личный составъ придворныхъ охотъ былъ увеличенъ болѣе, чѣмъ вдвое [174]).

Императоръ Петръ III на охотѣ, съ грав. І. Е. Ридингера.

Прежде всего Императрица рѣшила пополнить или, вѣрнѣе, заново организовать псовую охоту, которая въ предыдущихъ штатахъ была весьма ограничена. По обыкновенію, на этотъ разъ прибѣгли къ конфискаціи частныхъ охотъ. Елисавета Петровна отправила въ Москву къ оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову своего ловчаго Лаврентія Никитича *Стромилова* [167]), съ приказаніемъ, чтобы графъ Салтыковъ, «взявъ изъ деревень графа Михаила Головкина охоты птичью и псовую и съ охотниками», отдалъ ихъ въ смотрѣніе Стромилову. Самому же Стромилову повелѣвалось набрать «въ прибавку» еще охотниковъ «добрыхъ, сколько сыщетъ»; графъ Салтыковъ долженъ былъ оказывать Стромилову при комплектованіи охоты «всяческое содѣйствіе», и выдавать изъ дворцовой канцеляріи «какъ оному ловчему», такъ и всѣмъ набраннымъ охотникамъ платье и пищу или жалованье въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ оно выдавалось петербургскимъ охотникамъ.

Въ началѣ 1742 года псовая охота была уже Стромиловымъ скомплектована; въ ея составъ, кромѣ охоты графа Головкина и «добрыхъ» охотниковъ, набранныхъ на сторонѣ, вошли, вѣроятно,

и чины охоты бывшей великой княжны изъ Александровской слободы: такъ что личный составъ ея простирался въ то время до 39 человѣкъ, на которыхъ ассигновано было денежнаго жалованья около 750 рублей и хлѣбнаго — въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. Во главѣ этой охоты стоялъ ловчій (Стромиловъ); при охотѣ былъ свой комиссаръ и писарь; охотниковъ было 14 человѣкъ, выжлятниковъ—12, наварщиковъ—7, корытничихъ—2 и 1 стремянной охотникъ. Въ слѣдующемъ 1743 году Стромиловъ съ частью этой псовой охоты прибылъ, по указу Императрицы, въ Петербургъ. Въ 1746 году, эта охота состояла уже только изъ 25 человѣкъ; позднѣе она, вѣроятно, растворилась въ общемъ составѣ Императорскихъ охотъ; завѣдывавшій ею ловчій Стромиловъ вышелъ въ отставку по болѣзни, съ награжденіемъ «рангомъ секундъ-маіорскимъ», 24 Апрѣля 1749 года.

Кромѣ охоты, подчиненной ловчему Стромилову, въ Москвѣ въ 1742 г. организована была и другая псовая охота. Ея составными частями были: 1) «дворъ Ея Величества борзыхъ собакъ», 2) «стаи русскихъ гончихъ собакъ» и 3) «аглицкая стая гончихъ». При «дворѣ борзыхъ собакъ» состояло всего 9 человѣкъ: стремянной егерь, стремянной охотникъ, 4 охотника и 3 выжлятника. При стаяхъ русскихъ гончихъ собакъ состояло: 2 корытничихъ, 22 охотника и 17 выжлятниковъ, всего 41 человѣкъ. Въ составѣ «аглицкой стаи гончихъ» находимъ 10 человѣкъ: 1 корытничаго, 2 охотниковъ и 7 выжлятниковъ. Кромѣ того, въ собственной Ея Величества Александровской слободѣ находилась псовая охота, состоявшая изъ 11 человѣкъ и предназначавшаяся «для выкормки и насски» (наѣздки) гончихъ молодыхъ собакъ. Подобный характеръ эта охота сохранила за весь разсматриваемый періодъ, поставляя уже вполнѣ обученныхъ собакъ въ Императорскую охоту. Въ Петербургѣ вся псовая охота въ то время состояла только изъ 10 человѣкъ: 1 стремяннаго охотника, 2 охотниковъ, 3 выжлятниковъ, 2 наварщиковъ и 2 конюховъ. Кромѣ того, въ Ораніенбаумѣ было 4 охотника.

Увеличеніе личнаго состава Императорскихъ охотъ коснулось не одной только псовой охоты. Въ томъ же 1742 году при *звѣровыхъ* охотахъ въ Петербургѣ состояло 28 человѣкъ: 1 слоновщикъ, 17 звѣровщиковъ изъ индѣйцевъ и 10 звѣровщиковъ различныхъ національностей: персовъ, армянъ, грековъ, итальянцевъ и русскихъ, т.-е., сравнительно съ первымъ яхтъ-штатомъ, число чиновъ при этихъ охотахъ за два года увеличилось почти въ два раза. Личный составъ московской птичьей охоты, сравнительно со штатомъ 1740 года, увеличился также болѣе, чѣмъ въ два раза (до 32 человѣкъ — въ 1755 году).

Вслѣдствіе такого сильнаго увеличенія личнаго состава Императорскихъ охотъ, нормы содержанія, установленныя штатомъ 1741 года, оказались совершенно недостаточными. Особенно ярко сказалось это, когда упомянутая нами вновь возникшая охота Стромилова переѣхала въ Петербургъ; здѣсь чинамъ ея тотчасъ же была прекращена выдача содержанія. Оберъ-егермейстерская канцелярія была поставлена въ затруднительное положеніе: она не считала возможнымъ содержать прибывшую охоту за счетъ своей штатной суммы, а спеціальной ассигновки на нее не было. Оберъ-егермейстеръ Разумовскій представилъ Сенату подробный докладъ, въ которомъ указывалъ на невозможность содержать охоту на сумму, опредѣленную по штату 1741 года, и просилъ объ ассигнованіи на охоту новыхъ суммъ. По этому докладу Императрица повелѣла 23 Февраля 1743 года, чтобы царская охота содержалась, не стѣсняясь нормами штата, и чтобы московская главная дворцовая канцелярія, какъ и петербургская контора, впредь до утвержденія новаго штата, выдавали деньги по требованіямъ оберъ-егермейстерской канцеляріи *«безъ всякой отговорки и остановки»*.

Дѣятельность Императорской охоты въ царствованіе Елисаветы Петровны развивалась настолько быстро, что никакъ не могла уложиться въ рамки штатовъ, постоянно переростая ихъ. Въ 50-хъ годахъ въ охотникахъ снова явился недостатокъ. Прежде всего «умаленіе

служителей» обнаружилось въ Москвѣ при птичьей и псовой охотахъ. Для устраненія этого недостатка рѣшили воспользоваться заштатными (закомплектными) чинами. Въ Можайскій уѣздъ былъ посланъ приказъ выслать въ Москву «закомплектныхъ» кречетниковъ, Тихона и Якова Петровыхъ, «за карауломъ и на ихъ коштѣ въ немедленномъ времени»; былъ также выписанъ и «закомплектный» кречетникъ Анисимъ Петровъ изъ села Горокъ Переяславскаго уѣзда [177]).

Въ 1758 году, 6 Сентября, «при парадномъ выводѣ слоновъ», которыхъ показывали прибывшему тогда въ Петербургъ польскому принцу, Императрица Елисавета Петровна обратила вниманіе на недостаточное число принимавшихъ участіе въ церемоніи чиновъ оберъ-егермейстерскаго вѣдомства и строжайшимъ образомъ приказала принять мѣры для устраненія на будущее время подобнаго недостатка въ наличномъ составѣ придворной охоты. Замѣчаніе Императрицы было принято къ свѣдѣнію: въ слѣдующее десятилѣтіе мы уже не встрѣчаемся съ указаніями на недостатокъ чиновъ въ Императорской охотѣ.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (галлерея Гатчинскаго дворца).

Любовь Императрицы Екатерины II къ охотѣ соколиной ясно отразилась на личномъ составѣ охоты, какъ это видно изъ сравненія штатовъ 1761 и 1766 гг. Въ то время, какъ численность чиновъ псовыхъ и звѣровыхъ охотъ въ 1766 г. значительно понизилась, личный составъ птичьей охоты замѣтно увеличился: съ 39 человѣкъ (въ 1761 г.) до 49 человѣкъ (въ 1766 г.). Вся организація птичьей охоты въ спискѣ 1766 г. представлена значительно полнѣе и разработаннѣе. Здѣсь мы встрѣчаемся, во-первыхъ,

съ должностью помощника статейничаго, во-вторыхъ — съ учениками клобучечнаго и колоколечнаго дѣла.

Въ 1762 году явился въ Императорской охотѣ новый разрядъ охотниковъ—*трюфельные егеря*. 10 Января 1762 года Императоръ Петръ III приказалъ выписать изъ-за границы «достойныхъ трюфельныхъ егерей съ собаками». Исполненіе этого порученія было возложено на сенатора графа Паула Антонія Лябія, который и пріискалъ въ Италіи одного такого егеря съ тремя собаками, заключивъ съ нимъ контрактъ на 2 года. По контракту «трюфельному егерю» положено было въ годъ жалованья 450 рублей, на мундиръ сорокъ рублей, да за собакъ дано было 100 рублей, «ибо», писалъ графъ Лябія, «достойнаго егеря и собакъ, дешевле оной цѣны сыскать не могъ». «Трюфельный егерь» изъ итальянцевъ былъ причисленъ къ птичьей охотѣ и въ Сентябрѣ того же 1762 года былъ посланъ съ кречетниками изъ Москвы въ Казанскую губернію для отыскиванія трюфелей.

Въ томъ же 1762 году, по распоряженію Императора Петра III Ѳеодоровича, въ составъ Императорскихъ охотъ вошла *Ораніенбаумская охота*. Первыя свѣдѣнія объ этой охотѣ относятся къ 1742 году. Въ 1756 году ораніенбаумскій замокъ, при которомъ она находилась, въ незначительномъ составѣ егерей и собакъ, былъ подаренъ Императрицей Елисаветой Петровной наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу. Въ 1756 году личный составъ ораніенбаумской охоты значительно измѣнился: въ немъ появилось много голштинцевъ. Въ началѣ 1762 года ораніенбаумская охота состояла изъ 41 человѣка; на жалованье имъ шло въ годъ 4005 р.; во главѣ ея стоялъ оберъ-ферштеръ—лѣсничій высшаго званія, знакомый съ егерскимъ дѣломъ, голштинецъ Александръ Домъ, получавшій довольно крупный окладъ въ 628 р. По своему составу ораніенбаумская охота представляла соединеніе егерской команды со псовой охотой. Ея чины были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: 2 бюксенъ-шпаніера, оберъ-егерь (голштинецъ), 2 стремянныхъ егеря, одинъ—голштинецъ, другой—русскій, егерь (русскій),

стремянной охотникъ (русскій), 6 егерскихъ учениковъ, 6 охотниковъ, пикеръ (голштинецъ), 3 пикерскихъ ученика, 12 наварщиковъ и у «ружейнаго дѣла» 5 человѣкъ: ружейный мастеръ, ружейный подмастерье, ложенный ученикъ, 2 ружейныхъ ученика. Чтобы освободить мѣсто для голштинскихъ егерей, нѣсколько русскихъ охотниковъ были зачислены въ части голштинскихъ войскъ, которыя, съ разрѣшенія Императрицы, были выписаны изъ Голштиніи. Эти охотники, Афанасій Вороновъ съ товарищами, жаловались впослѣдствіи въ челобитной, что они въ 1756 году были взяты изъ ораніенбаумской псовой охоты и «неволею» зачислены въ голштинскую службу. Тотчасъ же послѣ переворота 28 Іюня 1762 г. эти «невольные голштинцы» были арестованы и долгое время томились сначала въ Петропавловской крѣпости и затѣмъ подъ арестомъ въ оберъ-егермейстерской канцеляріи. Въ то же время голштинскіе егеря ораніенбаумской охоты были уволены «за ненадобностію въ отечество», и едва ли не первымъ уволенъ былъ завѣдывавшій этою охотою оберъ-ферштеръ Домъ [178]).

Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, еще при Петрѣ III получившій въ свое вѣдѣніе ораніенбаумскую охоту, 20 Августа 1762 г. представилъ Императрицѣ Екатеринѣ докладъ: кому именно изъ ораніенбаумскихъ служителей и по какимъ окладамъ слѣдуетъ производить денежное и хлѣбное жалованье. Этотъ докладъ былъ «аппробованъ» и подписанъ собственною рукою Императрицы, но Сенатъ, разсылая, куда надлежитъ, указы «о произвожденіи жалованья охотникамъ», почему-то относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ «возъимѣлъ сумнительство» и не «учинилъ имъ никакого удовольствія». Нѣсколько ораніенбаумскихъ егерей, вслѣдствіе такого «сумнительства» Сената, не получали жалованья почти въ теченіе года. Имъ ничего не оставалось, какъ обратиться къ милосердію самой Императрицы. Выбравъ удобный случай, когда Екатерина II съ «егерною охотою» находилась въ окрестностяхъ Воскресенскаго (Новаго Іерусалима) монастыря, нѣсколько егерей обратились съ жалобой къ Императрицѣ, что они около года не получаютъ

слѣдуемаго имъ содержанія, испытывая крайнюю нужду. Императрица поручила разслѣдовать это дѣло своему секретарю. Не присутствовавшій на охотѣ оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, узнавши объ этомъ, поспѣшилъ представить Императрицѣ свои оправданія въ томъ, что бѣдственное положеніе, въ которомъ оказались чины ораніенбаумской охоты, произошло не по его винѣ, и выразилъ желаніе, чтобы Сенатъ отъ себя сдѣлалъ представленіе Императрицѣ по этому дѣлу. «А если мнѣ представлять о томъ», пишетъ Нарышкинъ, «то Правительствующій Сенатъ можетъ почесть оное въ жалобу, а паче не въ мою должность» [179]).

Съ переходомъ ораніенбаумской охоты въ общій составъ Императорскихъ охотъ, служебный персоналъ послѣднихъ, и безъ того уже значительно численно возросшій въ послѣдніе годы царствованія Елисаветы Петровны, сразу несоразмѣрно увеличился. Теперь также, какъ и предъ изданіемъ перваго яхтъ-штата 1740 года, явилось множество случайныхъ и непредвидѣнныхъ смѣтою расходовъ и въ результатѣ получилась «великая и очень превосходная сумма» затратъ. Необходимо было упорядочить это дѣло и точно опредѣлить бюджетъ Императорской охоты. «По довольномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, происходящихъ въ оберъ-егермейстерскомъ вѣдомствѣ», Нарышкинъ въ 1773 году выработалъ проектъ новаго яхтъ-штата, въ которомъ, по словамъ докладчика, «все излишнее было отставлено, а положено только необходимое, съ немалымъ уменьшеніемъ противъ прежняго». Обширный докладъ Нарышкина объ утвержденіи яхтъ-штата, вмѣстѣ съ двумя записками объ устройствѣ новыхъ зданій для оберъ-егермейстерскаго вѣдомства и объ опредѣленіи къ Императорской охотѣ яхтъ-пажей, былъ переданъ Екатериной на заключеніе генерала графа Чернышева и генералъ-прокурора князя Вяземскаго. Эти лица представили Императрицѣ длинную записку, въ которой, не касаясь существа вопроса объ организаціи учрежденій Императорской охоты между прочимъ, вы-

Императрица Екатерина II въ Преображенскомъ мундирѣ, съ карт. В. Эриксена 1762 г. (Императорскій Эрмитажъ).

сказались, что все испрашиваемое оберъ-егермейстеромъ «опредѣлено соразмѣрно надобности, безъ излишества». 26 Іюня 1773 года *новый яхтъ-штатъ* былъ «конфирмованъ» Императрицею [180]).

Этотъ яхтъ-штатъ представляетъ собою весьма любопытный памятникъ исторіи Императорской охоты. Узаконяя и оформливая то, что уже существовало, яхтъ-штатъ 1773 г. показываетъ, какъ широко развилась Императорская охота, съ 30-хъ годовъ XVIII вѣка, когда въ окрестностяхъ С.-Петербурга впервые появились новыя охотничьи учрежденія; все то, что прежде при Аннѣ Іоанновнѣ существовало, такъ сказать, въ зародышѣ, теперь широко и полно развернулось. Нѣкоторыя отрасли управленія Императорскою охотою, которыя прежде находились въ завѣдываніи одного-двухъ лицъ, теперь разрослись въ цѣлыя учрежденія, въ составѣ которыхъ насчитываются уже десятки лицъ. Ростъ центральнаго управленія Императорской охоты отражаетъ на себѣ ея широкое развитіе и усложненіе дѣятельности. Что изъ себя представляли «письменныя дѣла» при царской охотѣ въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ семнадцатаго вѣка? Почти на все учрежденіе царской охоты полагался тогда одинъ подъячій, который легко справлялся съ небольшою перепискою, вызывавшеюся несложными потребностями тогдашнихъ охотничьихъ учрежденій. Въ штатѣ 1740 года мы уже

встрѣчаемъ двухъ писарей: одного при петербургскихъ охотахъ и другого при московскихъ. Чѣмъ сложнѣе и многообразнѣе становилась придворная охота, тѣмъ болѣе нуждалась она въ спеціальномъ отдѣлѣ, на обязанности котораго лежала бы вся «письменная» часть. Въ разсматриваемомъ яхтъ-штатѣ 1773 года мы уже насчитываемъ у «письменныхъ дѣлъ» 44 человѣка, которые вошли въ составъ отдѣльныхъ учрежденій: — петербургской канцеляріи и ея исполнительнаго органа — московской конторы. Первый оберъ-егермейстеръ Волынскій устроилъ маленькую безправную канцелярію, «оберъ-егермейстерскія дѣла», составившую затѣмъ одно изъ отдѣленій придворной конторы. Эта маленькая канцелярія, это «отдѣленіе» разрослось теперь въ цѣлую коллегію. Оберъ-егермейстерская канцелярія по штату 1773 г. уравнена была въ своихъ правахъ съ коллегіями, стала въ рядъ съ высшими центральными управленіями имперіи.

Составъ Императорской охоты по яхтъ-штату 1773 года, считая не только учрежденія, непосредственно вѣдавшія дѣла охоты, но и всѣ, такъ сказать, вспомогательныя учрежденія, представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1) петербургская канцелярія, 2) московская контора, 3) егерская команда, 4) рустъ-камера, 5) птичья охота (въ Москвѣ), 6) псовая охота въ С.-Петербургѣ и псовыя охоты Александровской слободы и Измайловскаго звѣринца, 7) звѣринцы: Петергофскій, Царскосельскій, Измайловскій (въ окрестностяхъ Москвы) и С.-Петербургскій звѣровый дворъ, 8) птичьи дворы: С.-Петербургскій и Астраханскій и 9) егерская музыка.

Во главѣ всѣхъ этихъ учрежденій, во главѣ всего «егермейстерскаго корпуса» стоялъ оберъ-егермейстеръ съ своими ближайшими помощниками, егермейстеромъ и унтеръ-егермейстеромъ. Въ непосредственномъ вѣдѣніи этихъ должностныхъ лицъ находилась петербургская канцелярія и ея московская контора. Организація названныхъ учрежденій была почти тождественна. Въ нихъ мы встрѣ-

чаемъ обычный штатъ канцеляріи того времени: «присутствующаго», члена *), совѣтника [181]), секретарей, протоколистовъ, регистраторовъ, канцеляристовъ, копіистовъ; кромѣ того, для завѣдыванія спеціально денежной казной: казначея въ петербургской канцеляріи и комиссара въ московской конторѣ; для вѣдѣнія приходо-расходной части, въ помощь къ этимъ лицамъ были опредѣлены подканцеляристы. Въ составъ петербургской канцеляріи, кромѣ того, входила еще счетная экспедиція, состоявшая изъ трехъ лицъ: бухгалтера, подканцеляриста и копіиста [182]).

Егерская команда, помѣщавшаяся въ Петербургѣ, состояла изъ 33-хъ человѣкъ: оберъ-егеря, стоявшаго во главѣ всей команды, 2 биксенъ-шпаніеровъ [183]), 10 егерей, 12 егерскихъ учениковъ и 8 птичниковъ, занятыхъ, вѣроятно, стрѣляньемъ дичи къ Высочайшему Двору. На обязанности биксенъ-шпаніеровъ лежалъ надзоръ за ружьями Императорской фамиліи; на ружейныхъ охотахъ они всегда находились близъ императрицъ, заряжая и подавая ружья **). Существовала также особая Рустъ-Камера, для ружейнаго и ложеннаго мастерства, гдѣ производилась заготовка новыхъ ружей для Императрицы и починка старыхъ [184]).

Въ организацію птичьей охоты, попрежнему находившейся въ Москвѣ, новый яхтъ-штатъ внесъ небольшія перемѣны. Во главѣ птичьей охоты, какъ мы уже замѣтили выше, теперь поставленъ былъ *главностатейничій*, съ двумя помощниками: статейничій старшій и статейничій младшій или просто статейщикъ; введенное было въ 1766 году дѣленіе птичьихъ охотниковъ на три статьи было отмѣнено, и возстановлены прежніе разряды кречетниковъ, сокольниковъ и ястребниковъ [185]). Численный составъ московской птичьей охоты

---

*) Первое извѣстіе о должности члена канцеляріи относится къ 1754 г., когда на эту должность назначенъ былъ капитанъ князь Александръ Черкасскій Меньшой.

**) Биксенъ-шпаніеры впервые упоминаются въ 1752 году.

опредѣленъ былъ въ 45 человѣкъ. Вся псовая охота, петербургская и московская, состояла изъ 86 человѣкъ, изъ которыхъ 63 человѣка приходились на долю петербургской охоты, а остальные на долю охотъ Александровской слободы и Измайловскаго звѣринца. Организація служебнаго персонала во всѣхъ звѣринцахъ была почти одинакова. Звѣринцами завѣдывали обыкновенно форштмейстеры, въ распоряженіи которыхъ находилось отъ двухъ до семи человѣкъ звѣровщиковъ. Отъ форштмейстера требовались знанія какъ охотника, такъ и лѣсничаго, и въ особенности умѣнье ухаживать за звѣрями. Царскосельскимъ звѣринцемъ завѣдывалъ одинъ изъ штатныхъ егерей. Приходо-расходная часть звѣринцевъ находилась въ вѣдѣніи комиссаровъ, при которыхъ, для веденія книгъ, состояли писаря. Впрочемъ, комиссары не только завѣдывали приходо-расходной частью отдѣльныхъ охотничьихъ учрежденій, но и стояли во главѣ самостоятельныхъ учрежденій, какъ-то: петербургскаго звѣрового и птичьихъ дворовъ, а также астраханскаго птичьяго двора; комиссарамъ были подчинены на звѣровомъ дворѣ звѣровщики, на птичьемъ — птичники и ученики птичниковъ.

Роговая музыка Императорской охоты, съ рис. Кольмана.

Въ яхтъ-штатѣ 1773 г. мы впервые встрѣчаемъ *егерскую музыку*, какъ отдѣльное, правильно устроенное учрежденіе [186]). Раньше, какъ, напр., въ спискѣ собственной охоты Петра II, упоминались только отдѣльные егерскіе музыканты-волторнисты. Теперь же егерская музыка — цѣлое учрежденіе, въ составѣ 51 человѣка, съ особымъ учителемъ музыки, «для поправленія» и для обученія музыкантовъ, съ особымъ мастеромъ, «для дѣланія къ охотамъ и къ музыкѣ роговъ, волторнъ и прочихъ принадлежностей». Егерскій

хоръ музыкантовъ въ документахъ впервые упоминается въ 1772 г. Образованіе его принадлежитъ иниціативѣ оберъ-егермейстера С. К. Нарышкина, большого любителя музыки. Нарышкинъ началъ обученіе дѣтей охотниковъ игрѣ на волторнѣ и рогахъ. Однако, рогами и волторнами не ограничивались инструменты егерскаго хора. Изъ инструментовъ того времени мы знаемъ: «рога мѣдные, скрыпицы, велiончели (віолончель), контръ-басы, дудки деревянныя, флейтреверсы и кларнеты». Кларнеты были съ двойными колѣнами и серебряными клапанами, а флейтреверсы или флаутъ-реверсы были о пяти колѣнахъ и тоже съ серебряными клапанами. Упомянемъ еще фаготы съ двойными колѣнами и съ футлярчиками; при каждомъ футлярчикѣ было по шести тростей, выписывавшихся изъ Парижа. Егерскій хоръ составляли 4 волторны, 3 кларнета, 2 флаутъ-реверса, 2 гобоя, 2 баса и 36 рожечниковъ. Въ 1772 году музыкантами завѣдывалъ егерь Шубертъ, а дирижеромъ былъ камеръ-музыкантъ Іоганнъ Морейна. Егерскій хоръ считался въ то время однимъ изъ лучшихъ; по крайней мѣрѣ, онъ игралъ не только на охотахъ, но и вообще на многихъ придворныхъ торжествахъ.

Во всѣхъ указанныхъ разнообразныхъ учрежденіяхъ Императорской охоты по штату 1773 года числилось всего 321 человѣкъ; на содержаніе ихъ ассигновалось въ годъ до 37.600 р. Кромѣ того, 30.600 р. положено было на содержаніе охотъ, т.-е. на кормы и лѣкарство звѣрямъ и птицамъ, на ремонтъ зданій, канцелярскіе расходы, покупку ружей и пороху и проч. Всего же на Императорскую охоту ассигновано въ годъ до 68.200 р. Если мы вспомнимъ скромныя цифры бюджета послѣднихъ лѣтъ царствованія Анны Іоанновны, то увидимъ, что Императорская охота развилась чрезвычайно сильно въ теченіе 33 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія перваго яхтъ-штата 1740 года. Число служителей съ 1740 по 1773 г. возросло болѣе, чѣмъ въ пять разъ: съ 62 человѣкъ до 321, а расходъ на содержаніе охоты съ 5.600 р. до 68.200 р.

А. К. Беггровъ. Путешествіе Императрицы Екатерины II въ «Низовые города» по р. Волгѣ весною 1767 г.

Одновременно съ проектомъ только что разсмотрѣннаго яхтъ-штата, оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, озабочиваясь улучшеніемъ личнаго состава охоты, представилъ Императрицѣ въ 1773 году докладъ объ опредѣленіи къ Императорской охотѣ *яхтъ-пажей*. «Отъ порядочно учрежденной охоты», писалъ Нарышкинъ, «не только увеселенія, но и дѣйствительной пользы ожидать можно», при условіи, если начальствующіе и ихъ подчиненные будутъ состоять изъ такихъ людей, которые въ совершенствѣ знаютъ какъ охоту, такъ и лѣсное дѣло. Отсутствіе «свѣдущихъ въ форштмейстерствѣ» людей изъ русскихъ, по мнѣнію Нарышкина, причиняетъ вредъ не только одной Императорской охотѣ, но и наноситъ громадный ущербъ вообще всему лѣсному хозяйству имперіи, такъ какъ отъ иностранцевъ лѣсничихъ, нанимаемыхъ за границей, пользы немного: эти люди успѣваютъ раньше состарѣться, чѣмъ обучиться русскому языку, а состарѣвшись, уѣзжаютъ въ свое отечество. Между тѣмъ обширные лѣса, принадлежащіе коронѣ, за неимѣніемъ знающихъ людей, истребляются и гибнутъ безъ всякой пользы. Въ виду этого Нарышкинъ предлагалъ ввести при оберъ-егермейстерскомъ вѣдомствѣ теоретическое и практическое обученіе форштмейстерству и охотѣ, набравъ для этой цѣли изъ дворянъ десять яхтъ-пажей не моложе 16-ти лѣтъ. Курсъ обученія долженъ продолжаться четыре года; успѣшно выдержавшихъ экзаменъ можно назначать на оберъ-офицерскія мѣста въ оберъ-егермейстерское вѣдомство. Подготовленные такимъ образомъ яхтъ-пажи будутъ въ состояніи не только опредѣлять знанія и пригодность выписываемыхъ изъ-за границы форштмейстеровъ и егерей, но и сами обучатъ форштмейстерству и охотѣ нѣкоторыхъ служителей оберъ-егермейстерскаго корпуса. За неимѣніемъ вакантныхъ мѣстъ въ оберъ-егермейстерскомъ вѣдомствѣ, яхтъ-пажи, прошедшіе полный курсъ, могутъ быть выпускаемы въ армейскіе полки съ правами, присвоенными пажамъ Ея Императорскаго Величества и рейтъ-пажамъ коннопеннаго вѣдомства.

Этотъ докладъ Нарышкина былъ утвержденъ Императрицей, и на содержаніе и обученіе яхтъ-пажей приказано было отпускать по 2000 рублей въ годъ. О дальнѣйшей судьбѣ яхтъ-пажей мы знаемъ только, что въ 1785 году Императрица приказала, чтобы они, для обученія, ходили въ Пажескій Ея Величества корпусъ, и что въ слѣдующемъ году послѣдовало распоряженіе—выпускать ихъ по окончаніи полнаго курса армейскими поручиками [187]).

Тотчасъ же послѣ утвержденія яхтъ-штата 1773 года крупный бюджетъ оберъ-егермейстерскаго корпуса былъ еще болѣе увеличенъ. «По особливымъ именнымъ Ея Императорскаго Величества указамъ» въ оберъ-егермейстерское вѣдомство опредѣлено было нѣсколько сверхштатныхъ чиновъ, съ довольно большими окладами жалованья, а именно: присутствовавшій въ московской оберъ-егермейстерской конторѣ бригадиръ Алексѣй Булгаковъ, коллежскій асессоръ Іоганнъ Бемъ, завѣдывавшій собственною Ея Величества оружейною палатою, и, между прочимъ, нѣсколько «пенсіонеровъ, бывшихъ при слонахъ, изъ азіатцевъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ служителей». На этихъ сверхштатныхъ чиновъ требовался сверхштатный расходъ до 2900 р. въ годъ. Въ то же время потребовалось 7000 р. на строеніе и ремонтъ зданій и, наконецъ, 2000 р. на яхтъ-пажей. Такимъ образомъ черезъ годъ послѣ изданія яхтъ-штата оберъ-егермейстеръ долженъ былъ просить о ежегодномъ отпускѣ еще 13.000 р. съ лишкомъ. «А безъ отпуску оной суммы», писалъ Нарышкинъ въ докладѣ своемъ Императрицѣ, «оберъ-егермейстерской канцеляріи пробыть не можно», такъ какъ служители за неполученіемъ жалованья претерпѣваютъ крайнюю нужду. Ходатайство Нарышкина было удовлетворено, и съ Августа 1774 года на Императорскую охоту стали отпускать 81.286 р. въ годъ. Надо полагать, этой суммы съ излишкомъ хватало тогда на всѣ потребности Императорской охоты; по крайней мѣрѣ, въ 1779 году явились даже остатки отъ разныхъ суммъ по оберъ-егермейстерскому корпусу, такъ

+ 1465 г.

Сыну моему и всемъ моимъ потомкамъ
Савютую и Наставляю читать
Сіе Волынскаго дѣлѣ отъ начала до
конца да бы они видели и себя осте-
регала отъ такого безъ законно-
го примера въ производства дѣлъ.
Имп: Анна своему Кабинетному
Министру Артемью Волынско-
му приказывала сочинить про-
ектъ о поправленіи внутрен-
ныхъ Гдрственныхъ дѣлъ, кото-
рой онъ и сочинилъ и ей подалъ
осталось ей полезное употребить
не полезное отставить изъ его
представленіи. Но на противъ
того его злодей и кому его про-
ектъ не по[illegible]лось изъ того со-
чиненія вытянули за волосъ
такъ сказать и взвели на
Волынского изменническій умыслъ
и будто онъ себя присвоивать
хотелъ власть Гдря, чего отнюдь
подѣлъ не доказано. Еще изъ сего
дѣло видно сколь мало положится
можна на пыточныхъ речей, ибо да

Собственноручная надпись Императрицы Екатерины II на сыскномъ дѣлѣ А. П. Волынскаго въ 1765 году (Государств. архивъ).

что преемникъ Нарышкина, оберъ-егермейстеръ князь П. А. Голицынъ, нашелъ возможнымъ нѣсколько увеличить жалованье чиновъ охоты.

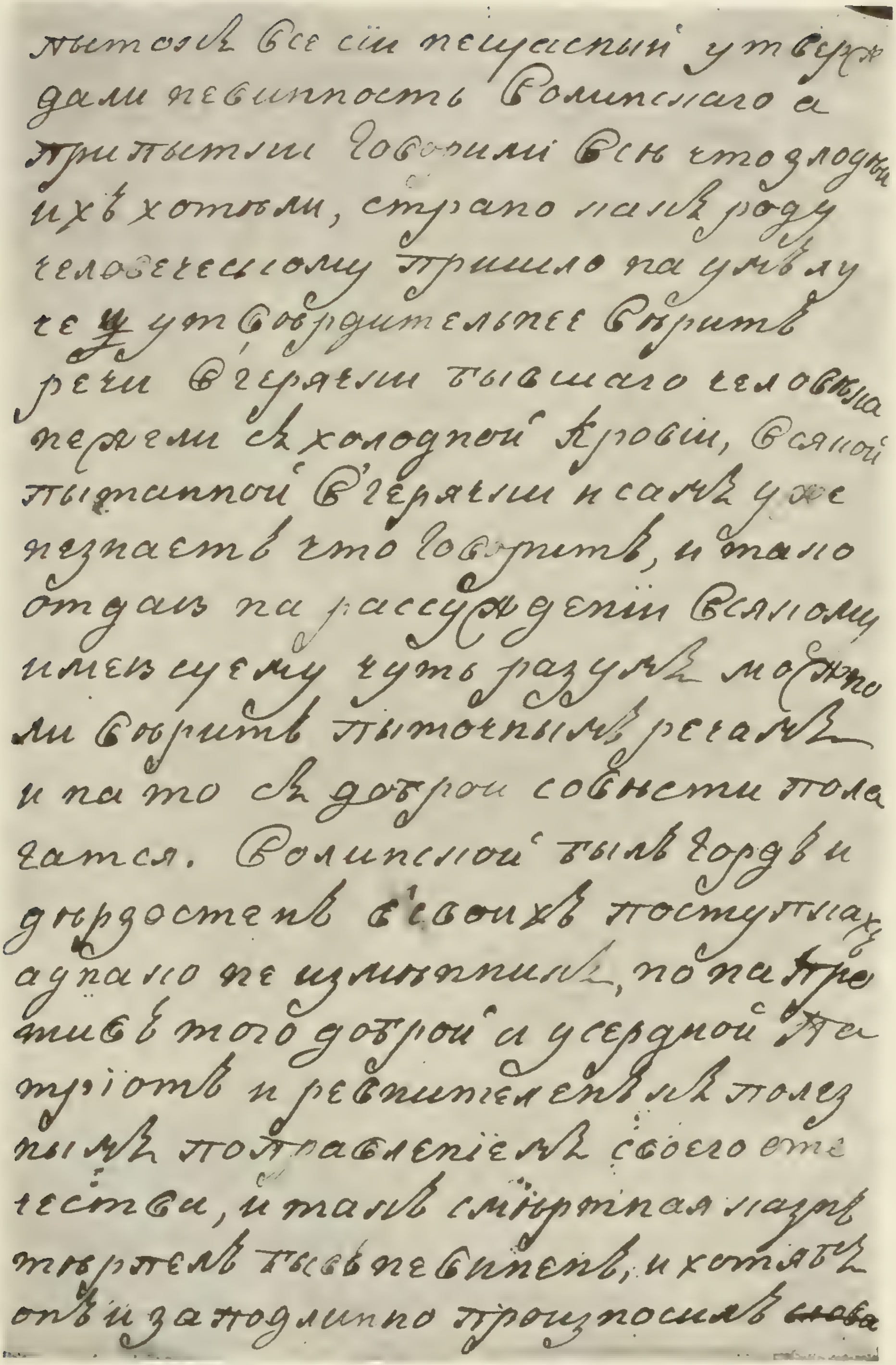
Яхтъ-штатъ 1773 г., обстоятельно регламентировавшій всѣ стороны придворной охоты, впервые обстоятельно опредѣлилъ также служебныя права и преимущества чиновъ егермейстерскаго вѣдомства. «Всѣмъ служителямъ охоты» даны были соотвѣтственно высокіе ранги, во вниманіе къ тому, что они, по роду своей службы, часто бываютъ «близки къ Высочайшимъ Особамъ». Оберъ-егерю присвоенъ былъ рангъ придворнаго конюшеннаго ясельничаго, а главностатейничему московской птичьей охоты—рангъ придворнаго конюшеннаго оберъ-берейтора; старшему же статейничему — придворнаго конюшеннаго берейтора. Форштмейстеры, биксенъ-шпаніеры и младшій статейничій птичьей охоты состояли въ чинѣ поручика. Этимъ же чиномъ награждались и лица, занимавшія должности стремянныхъ Ея Величества и Его Высочества, «за ихъ долговременную и безпорочную службу» и вслѣдствіе того обстоятельства, что они также близки къ Высочайшимъ особамъ, «какъ бюксенъ-шпаніеры съ ружьями, а они на полѣ при стремѣ». По отношенію къ кречетникамъ и сокольникамъ штатомъ было установлено, чтобы по выслугѣ семи лѣтъ они получали чинъ прапорщика. До выслуги же означеннаго срока они должны были считаться въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ. Сокольники и кречетники большею частью были изъ дворянъ, и указомъ 1773 г. было опредѣлено, что только дворяне могутъ служить въ Императорской птичьей охотѣ, и всѣхъ сокольниковъ не дворянъ предписано было отставить отъ службы [155]). Чиновники С.-Петербургской оберъ-егермейстерской канцеляріи и ея московской конторы: секретари, протоколистъ, регистраторъ и проч. были приравнены къ служащимъ въ коллегіяхъ въ тѣхъ же должностяхъ. Всѣ комиссары, завѣдывавшіе хозяйственной частью отдѣльныхъ учрежденій Императорской охоты, сравнены были въ рангахъ съ придворными конюшенными комиссарами, состоявшими «при богатой ливреѣ».

Указомъ 6 Мая 1771 г. всѣ чины оберъ-егермейстерскаго вѣдомства, вмѣстѣ со всѣми дворцовыми служителями, получили привилегію свободы отъ тѣлесныхъ наказаній. Въ указѣ Императрицы Екатерины II сказано было слѣдующее: «Хотя Мы, съ начала Нашего царствованія, уже воспретили, чтобы никто при дворѣ Нашемъ изъ ливрейныхъ Нашихъ служителей, какого бы званія ни былъ, никѣмъ и ничѣмъ битъ не былъ, но нынѣ увѣдомились Мы, къ немалому удивленію Нашему, что, несмотря на сіе повелѣніе Наше, воля Наша не исполняется, и паки при дворѣ Нашемъ возобновилась злая привычка ливрейныхъ служителей бить. Мы имѣемъ въ омерзеніи всѣ суровости, отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя; чрезъ сіе накрѣпко воспрещаемъ, подъ опасеніемъ Нашего гнѣва, всѣмъ, до кого надлежитъ, ливрейныхъ Нашихъ служителей, какого бы званія при дворѣ Нашемъ не находились, отнюдь *никоіда* и *ничьмъ* не бить». Далѣе, въ указѣ предписывалось «злую привычку бить» и всѣ «суровости, отъ невѣжества рожденныя», замѣнить мѣрами, болѣе гуманными. На провинившагося, напр., въ пьянствѣ, нерадѣніи по службѣ и непослушаніи, рекомендовалось сначала подѣйствовать кротостью, затѣмъ подвергнуть аресту, а при недѣйствительности этой мѣры—сажать на двое сутокъ на хлѣбъ и воду. Когда такимъ образомъ исчерпывалась вся система исправительныхъ мѣръ, предписывалось снять съ виновнаго при его товарищахъ ливрею и, объяснивъ ему, почему это дѣлается, уволить его со службы, или же отослать въ военныя команды, «смотря по винѣ и состоянію». Служителей же, уличенныхъ въ воровствѣ и другихъ преступленіяхъ, предписано было, «снявъ ливрею», предавать суду. Въ томъ же указѣ Екатерина II требовала, чтобы господа командиры съ правосуднымъ безпристрастіемъ награждали служителей безпорочнаго поведенія, по ихъ заслугамъ, «несмотря ни на какія постороннія ходатайства и происки» [189]).

Высоко цѣня дѣятельность нѣкоторыхъ чиновъ Императорской охоты, вѣнценосные охотники отличали ихъ щедрыми наградами или

пособіями, въ случаѣ какихъ-либо несчастій. Императрица Елисавета Петровна, благодаря своимъ частымъ охотамъ, лично хорошо знала многихъ егерей и жаловала имъ награды, не въ примѣръ прочимъ чинамъ. Когда нѣсколько егерей пострадали отъ пожара, Елисавета Петровна приказала выдать оберъ-егерю пятьсотъ рублей, егерямъ—по триста и егерскимъ ученикамъ—по двѣсти рублей [190]). Во время празднованія «мирнаго торжества» въ 1775 году, устроеннаго по случаю заключенія мира съ Турціей, Екатерина Великая пожаловала для раздачи чинамъ Императорской птичьей охоты тысячу голландскихъ червонцевъ, составлявшихъ тогда сумму въ 2500 рублей. Раздавая эти деньги, оберъ-егермейстерская канцелярія строго отдѣлила «радивыхъ отъ нерадивыхъ», постаравшись выяснить, «кто изъ чиновъ по той птичьей охотѣ должность свою рачительно исправлятъ и кто, по какимъ ни есть встрѣчающимся обстоятельствамъ, оной должности не можетъ съ такимъ успѣхомъ и тщательнымъ поревнованіемъ, какъ первые, управлять». Любопытно, что при этомъ канцелярія предписала главностатейничему выдать всѣ деньги на руки только лицамъ «добраго состоянія», т.-е. тѣмъ, относительно которыхъ главностатейничій могъ быть вполнѣ увѣренъ, что они, по случаю продолжающагося «мирнаго торжества», не пустятъ пожалованныхъ денегъ на вѣтеръ; остальнымъ же велѣно было выдать только часть денегъ, для самыхъ необходимыхъ нуждъ, отложивъ полную раздачу до окончанія торжества [191]).

Когда «за дряхлостью лѣтъ» или за полною «инвалидностью», чины охоты выходили въ отставку, ихъ нерѣдко награждали пенсіономъ въ размѣрѣ жалованья, или же имъ поручали болѣе легкое дѣло, съ сохраненіемъ прежнихъ окладовъ. Такъ, въ 1765 году оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ, донося Екатеринѣ, что на звѣровомъ дворѣ пала «послѣдняя слониха» изъ приведенныхъ въ 1741 году въ Россію отъ шаха персидскаго 13 слоновъ, и что поэтому пресѣкся отпускъ суммы «на слоновую команду», ходатайствовалъ предъ Императрицею наградить четырнадцать человѣкъ слоновщиковъ, оставшихся нынѣ безъ дѣла,



Продолженіе собственноручной надписи Императрицы Екатерины II на сыскномъ дѣлѣ А. П. Волынскаго въ 1765 году (Государств. архивъ).

хотя бы половиннымъ противъ оклада ихъ жалованьемъ, указывая, что большая часть тѣхъ слоновщиковъ — люди престарѣлые, получившіе за время своего ухода за слонами серіозныя увѣчья, и что, слѣдовательно, они, если лишатся получаемаго ими жалованья, останутся совсѣмъ безъ пропитанія, тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ за принятіемъ въ Россіи православной вѣры не можетъ возвратиться къ себѣ на родину. Екатерина II вошла въ положеніе слоновщиковъ «изъ азіатской націи» и на докладѣ Нарышкина написала: «Симъ престарѣлымъ, какъ денежное, такъ и хлѣбное жалованье, и дрова, и мундиры производить по смерть по прежнимъ окладамъ сполна».

Нѣсколько ранѣе, въ 1762 году, тотъ же Нарышкинъ, ходатайствуя предъ Екатериною объ увольненіи отъ службы въ царской охотѣ различныхъ престарѣлыхъ охотниковъ, просилъ троихъ егерей, изъ которыхъ первые два числились на службѣ съ 1737 года, а третій съ 1743 года, опредѣлить за старостью лѣтъ къ другимъ дѣламъ, «наградивъ рангомъ порутческимъ», а престарѣлому петергофскому форштмейстеру Газу, которому тогда было 70 лѣтъ, дать отставку съ пенсіономъ. Кромѣ того, Нарышкинъ просилъ дать оберъ-егерю Бему за его свыше 26-лѣтнюю безпорочную службу слѣдующій рангъ. Относительно престарѣлыхъ егерей, Императрица положила слѣдующую резолюцію: «Употребитъ оныхъ в обер-ягерместерской ведомствы (sic), дабы они имѣли чѣмъ жить, а объ рангахъ указъ послѣ будетъ, когда штатъ весь въ порядкѣ придетъ». Относительно же Газа и Бема Императрица поставила на видъ Нарышкину неполноту его доклада: «Не ведую жалованья—одного, да чина—другова» (sic) [192]).

Опредѣленной пенсіи за выслугу лѣтъ установлено не было; награжденіе пенсіономъ при отставкѣ являлось дѣломъ милости или особаго «за долговременную и безпорочную службу» пожалованія, на которое могло разсчитывать лишь незначительное меньшинство. Поэтому со стороны нѣкоторыхъ чиновъ оберъ-егермейстерскаго вѣдомства слышались жалобы на полную безвыходность ихъ положенія

при отставкѣ. Такъ, въ 1769 году дворяне—чины московской птичьей охоты, въ прошеніи на имя Императрицы, жалуясь вообще, что имъ приходится долговременно «со всякимъ раченіемъ» служить въ птичьей охотѣ и не видѣть никакого поощренія своей тяжелой службѣ, особенно печаловались, что и по долговременной своей службѣ, выходя въ отставку, они не получаютъ никакого награжденія и пропитанія [193]). Между тѣмъ служба въ царской охотѣ настолько ихъ изнуряетъ, что послѣ отставки они ни на какую другую работу уже неспособны—«за слабостію нашею и отъ убіенія отъ верховой ѣзды лошальми», какъ объяснено въ челобитной. Поэтому чины московской птичьей охоты, между прочимъ, просили или награждать ихъ при отставкахъ пенсіономъ, или же заблаговременно выпускать изъ службы въ царской охотѣ въ другія военныя и гражданскія службы «съ награжденіемъ чиномъ». Эта челобитная не была оставлена безъ вниманія; въ слѣдующемъ же 1770 году именными Ея Величества указами повелѣвалось «давать пропитаніе въ дворцовыхъ волостяхъ нѣкоторымъ изъ уволенныхъ за старостію со службы въ Императорской охотѣ». Кромѣ того, по яхтъ-штату 1773 года, ассигнована была особая сумма въ 800 рублей на пенсіоны, которые положено было давать по смерть «служащимъ безъ всякаго порока». При оберъ-егермейстерѣ князѣ Голицынѣ нерѣдко отчислялись на пенсію остатки штатныхъ суммъ [194]).

Мѣста престарѣлыхъ, «выбылыхъ» охотниковъ, по Высочайшему повелѣнію, замѣщались по преимуществу сыновьями служителей оберъ-егермейстерскаго корпуса. «Дабы тѣмъ малолѣтнимъ способнѣе было заступить мѣста отцовъ своихъ»,—оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ устроилъ при оберъ-егермейстерскомъ корпусѣ школу для дѣтей охотниковъ. Школа была разсчитана на 18 человѣкъ; въ ней предполагалось обучать дѣтей «фершерству, егерству, на рогахъ и волторнахъ игранію». Въ 1765 году Нарышкинъ просилъ Екатерину II часть суммы, которая раньше отпускалась «на слоновую команду», ассигновать на содержаніе вновь открытой школы. Свои предположенія объ

устройствѣ школы Нарышкинъ изложилъ въ томъ же докладѣ, уже упомянутомъ нами, въ которомъ онъ ходатайствовалъ о пенсіи слоновщикамъ. Въ своей резолюціи на этомъ докладѣ Екатерина II разрѣшила вопросъ о пенсіи, но почему-то не сказала ни слова объ отпускѣ денегъ на школу для дѣтей охотниковъ. Тогда Нарышкинъ, 8 Декабря того же года, обратился къ секретарю Императрицы съ просьбою вновь представить Государынѣ его докладъ. Тщетно ожидая отвѣта, Нарышкинъ 16 Января слѣдующаго года снова обратился съ письмомъ къ секретарю Екатерины II, указывая, что отсутствіе резолюціи касательно организованной имъ школы лишаетъ оберъ-егермейстерское вѣдомство возможности содержать школьниковъ. Къ этому Нарышкинъ прибавлялъ, что школа, помимо всякихъ другихъ соображеній, нужна для оберъ-егермейстерскаго корпуса уже по одному тому, что она не позволитъ малолѣтнимъ разбрестись по другимъ командамъ. На содержаніе школы, кромѣ хлѣба и дровъ, оберъ-егермейстеръ просилъ отпускать по 735 рублей въ годъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, чѣмъ кончились эти старанія Нарышкина и не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ егермейстерской школы, его любимаго дѣтища[195]).

Какъ и въ предыдущую эпоху, чины оберъ-егермейстерскаго корпуса нерѣдко принимали участіе въ различныхъ торжественныхъ процессіяхъ, устраивавшихся при дворѣ[196]). Кромѣ того, сохранились свѣдѣнія объ участіи егерей въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ шведовъ[197]). 22 Марта 1789 года Высочайшимъ повелѣніемъ оберъ-егермейстеру князю Голицыну предписывалось отправить егерей на флотиліи въ Ладонежское озеро, снабдивъ ихъ ружьями изъ рустъ-камеры, порохомъ и свинцомъ для пуль и картечи. Съ командою приказано было отправить офицера, бывавшаго въ походахъ. Князь Голицынъ пріискалъ для этой экспедиціи отставного секундъ-маіора Толмачева, «человѣка весьма достойнаго», который находился при егерской командѣ въ походѣ еще во время турецкой войны и былъ въ сраженіяхъ подъ Журжею и въ другихъ

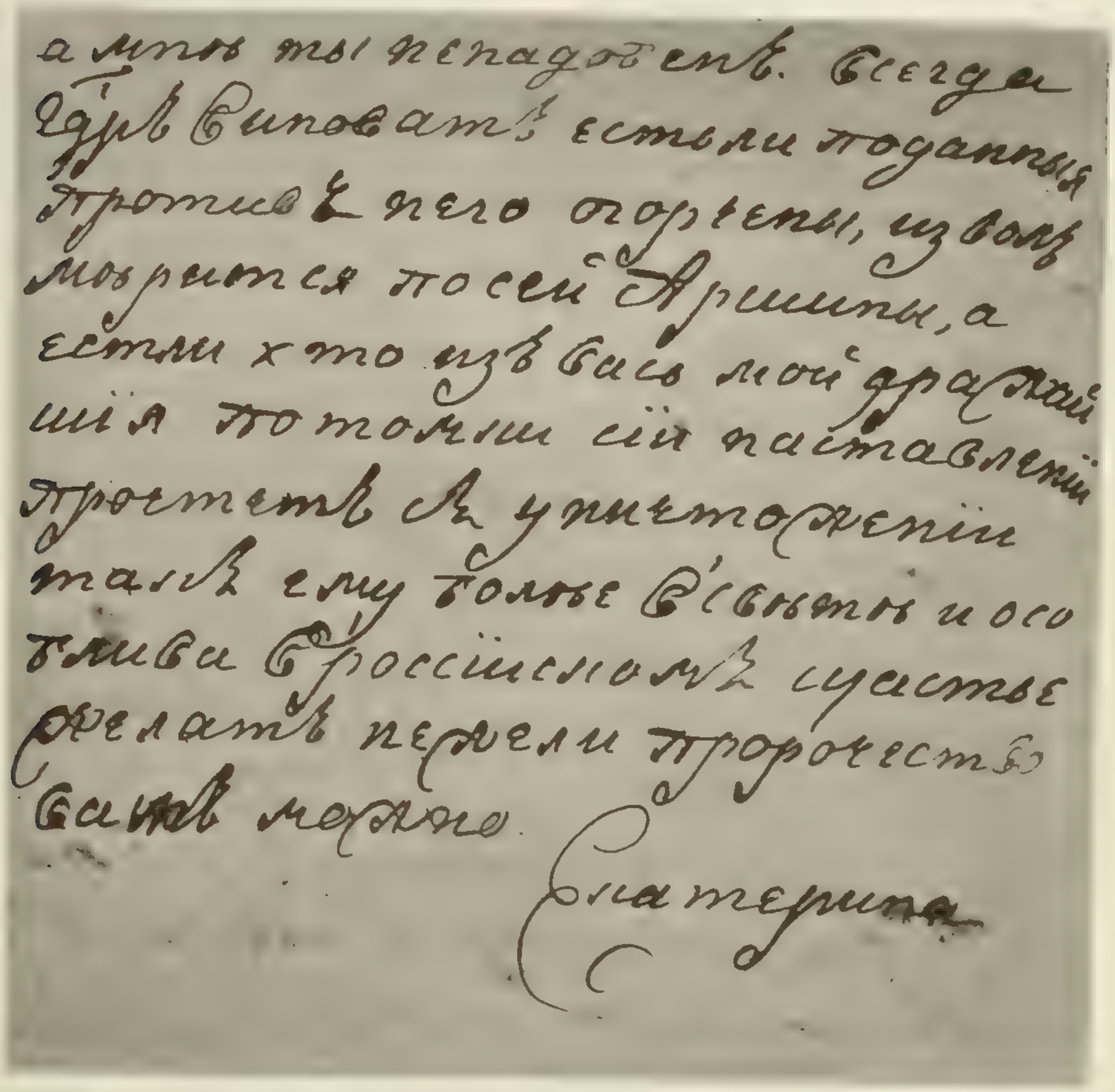
тѣ слова в парѣканіи Особѣ Имп.
Анны о которыхъ в дѣлѣ упомяну=
то, тобъ она бывъ Гдрня целаму=
драя имѣла случаѣ показать
сколь должно уничтожить по
добныя малости которыя у ней
не отнимали ни на вершка вели
чества и не убавили ни в чемъ
ея персональныя качества, вся
кой Гдрь имѣетъ неисчисленныя
кротнія способы к удержаніи
в почтеніе свой поданныя; Есть
либъ Волынской примнос былъ
и ябъ усматрѣла его способность
в дѣлахъ Государственныхъ и не
которое не почтеніе камнѣ, ябъ
старалась всякими, для него неогор
чительными способами его при
вѣсти на путь истинной, а есть
либъ я увидѣла что онъ не спо
собенъ къ дѣламъ, ябъ ему сказа
ла или дала розумѣть не огорчая
ее его, быть щастливъ и доволенъ

Продолженіе собственноручной надписи Императрицы Екатерины II на сыскномъ дѣлѣ А. П. Волынскаго въ 1765 году (Государств. архивъ).

мѣстахъ. Въ экспедицію отправлено было 30 егерей, «знающихъ въ стрѣльбѣ»; каждому егерю было выдано по ружью и пистолету. Въ Маѣ слѣдующаго 1790 года изъ оберъ-егермейстерскаго вѣдомства снова были затребованы служители на гребной флотъ, предназначавшійся для военныхъ дѣйствій «противъ Шведа»[198]). На этотъ разъ поспѣшно снаряжены были не только егеря, но и вообще люди всякаго званія и чина, согласно требованію: «чѣмъ больше, тѣмъ лучше, лишь бы не престарѣлыхъ»,—и на другой же день, подъ командой того же маіора Толмачева, отправлены были въ Выборгъ. За скорое доставленіе людей «въ столь нужное время» оберъ-егермейстеръ князь Голицынъ удостоился благодарности Императрицы.

Свѣдѣнія о форменной одеждѣ егерей отъ разсматриваемаго времени, къ сожалѣнію, сохранились въ весьма ограниченномъ количествѣ. Во второмъ томѣ нашего изслѣдованія, говоря объ одеждѣ чиновъ царской охоты, мы имѣли случай замѣтить, что древняя Россія не знала профессіональныхъ костюмовъ и что таковые появились только со времени Петра Великаго. Въ царствованіе Петра русскіе, по почину великаго Царя, переодѣваются въ западно-европейское платье; рядомъ съ этимъ съ запада заимствуется обычай спеціальнаго обмундированія чиновъ государственной службы. Различныя вѣдомства, одно за другимъ, вслѣдъ за военнымъ и морскимъ, присваиваютъ своимъ служащимъ особые мундиры. Егермейстерское вѣдомство послѣдовало общему примѣру; заимствовавъ иностранныя наименованія для чиновъ охоты, оно заимствовало для нихъ также и спеціальное обмундированіе по западно-европейскому образцу. Когда именно чины Императорской охоты были одѣты въ западно-европейскіе мундиры—неизвѣстно, какъ неизвѣстно и то, какова была первоначальная форма ихъ обмундированія. Опредѣленныя указанія на платье чиновъ царской охоты мы находимъ впервые въ росписи собственной охоты Петра II; здѣсь упоминаются парадные мундиры изъ зеленаго сукна со стамедным подбоемъ и ординарные—изъ сермяжнаго сукна, для полевой осенней

ѣзды. Начиная съ 1741 года, встрѣчаются отрывочныя указанія на обмундированіе того или другого чина охоты. По этимъ даннымъ, однако, трудно возстановить полную картину обмундированія чиновъ



Окончаніе собственноручной надписи Императрицы Екатерины II на сыскномъ дѣлѣ А. П. Волынскаго въ 1765 году (Государств. архивъ).

оберъ-егермейстерскаго вѣдомства, особенно въ ея историческомъ развитіи, и мы ограничимся только немногими замѣчаніями [199]).

Составными частями охотничьяго обмундированія въ это время были кафтаны, сюртуки, мундиры, камзолы, шапки или шляпы, картузы,

кушаки, перчатки или рукавицы и проч. Кафтаны употреблялись разныхъ цвѣтовъ: такъ въ 1741 году егеря и пикеры носили кафтанъ *зеленаго* цвѣта; впослѣдствіи употреблялись также парадные кафтаны *алаго сукна;* въ 1751 году въ нихъ были одѣты стремянные охотники, а въ 1772 году—чины птичьей охоты, отправленной въ Яссы съ посломъ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ [200]). По штату 1773 года «охотной» командѣ полагались кафтаны краснаго цвѣта. По борту, подолу и по швамъ кафтанъ обшивался позументомъ. Сукно на кафтаны употреблялось иногда очень высокаго качества (въ 5 р. аршинъ—цѣна по тому времени очень дорогая).

Сюртуки предназначались для повседневнаго ношенія и дѣлались изъ сермяжнаго сукна; отъ 1766 года сохранилось упоминаніе о «дождевыхъ» зеленыхъ сюртукахъ для выжлятниковъ. *Мундиръ* въ большинствѣ случаевъ представляетъ парадный или выѣздной костюмъ, хотя встрѣчается упоминаніе и объ ординарныхъ мундирахъ, приготовленныхъ изъ сермяжнаго сукна. Преобладающій цвѣтъ мундира—зеленый; иногда мундиръ отдѣлывался золотымъ позументомъ. Особенно парадные мундиры изъ зеленаго сукна были приготовлены въ 1743 году для егерей къ празднику св. Пасхи и въ 1766 году для выжлятниковъ, наварщиковъ и охотниковъ московской охоты, а также для чиновъ Императорской птичьей охоты, отправленной въ Яссы; здѣсь мы встрѣчаемъ богатые мундиры и ординарческіе мундиры съ широкимъ позументомъ и палевыми штанами.

Камзолъ надѣвался подъ кафтанъ, сюртукъ или мундиръ. Камзолы были или зеленаго цвѣта или же различныхъ оттѣнковъ: желтаго, палеваго и лоснаго. Особенно богатые камзолы изготовлены были стремяннымъ охотникамъ для полевыхъ выѣздовъ въ 1751 году. Эти камзолы были зеленаго сукна, подбитые зеленымъ атласомъ и украшенные богатыми золотыми кистями различной длины. Въ штатѣ 1773 года упоминаются камзолы лоснаго (для егерской команды) и желтаго (для охотниковъ) цвѣта, выложенные по борту и по швамъ

въ три узкихъ позумента, изъ которыхъ одинъ—золотой шелъ по срединѣ и два серебряныхъ по бокамъ. Чинамъ птичьей охоты, имѣвшимъ рангъ прапорщика, приказывалось обшить камзолы узенькимъ позументомъ и, отобравъ отъ нихъ казенныя пуговицы съ гербами, нашить на кафтаны и камзолы ординарныя пуговицы, «какъ всѣ оберъ-офицеры ходятъ». Низшимъ чинамъ охоты выдавались шапки, кушаки, рукавицы. Впрочемъ, шапки теплыя съ сурковой опушкой и краснымъ верхомъ носили въ 1762 году и пикеры, а такая же шапка, но только съ зеленымъ верхомъ, полагалась трюфельному егерю. Кромѣ того, упоминаются «ясскіе богатые картузы» изъ зеленаго бархата, украшенные различными позументами и кисточками, и шляпы съ золотымъ позументомъ и лентами, а также шапки чиновъ птичьей охоты — «черныя, плисовыя съ золочеными гербами», «штучками» и разными плюмажами, бѣлыми шелковыми, бѣлыми гарусными, «бѣлыми перяными съ бантами зеленой ленты».

Въ качествѣ зимняго костюма встрѣчаемъ шубу. Но, вообще говоря, выдача шубъ чинамъ оберъ-егермейстерскаго вѣдомства — явленіе рѣдкое. Мы нашли только одно упоминаніе объ этой одеждѣ: въ 1762 году полагались волчьи шубы, крытыя зеленою матеріею (камлотомъ), пикерамъ и трюфельному егерю. Наконецъ, намъ остается еще упомянуть объ одномъ костюмѣ—эпанчѣ, которая въ 1746 году для чиновъ московской птичьей охоты была изготовлена изъ англійскаго зеленаго сукна и отдѣлана байкой и нѣмецкимъ гарусомъ.

Изъ другихъ принадлежностей обмундированія и снаряженія должно упомянуть кортики, портупеи, ружья, мѣдные гербы и перевязи. У «Ясскихъ охотниковъ» упоминаются кортики съ золочеными эфесами и позументныя перевязи и портупеи; чинамъ птичьей охоты—прапорщикамъ предписывалось на парадныхъ выѣздахъ на охоту имѣть «парадные кортики» съ зелеными костяными эфесами [201]).

Сѣдла и вальтрапы для Императорской охоты изготовлялись конюшеннымъ вѣдомствомъ, а гербы, перевязи, портупеи и проч. работалъ

«придворный живописецъ Дювилли» [202]). Перевязи и портупеи его работы дѣлались изъ кожи и сукна и украшались «орлами, вензелями и штучками», или на перевязи и портупеи шли «вычеканенныя штучки или звенышки, а именно состоящія въ блесточкахъ маленькихъ, въ орлахъ и именахъ Ея Императорскаго Величества» [203]). На перевязи и портупеѣ прикрѣплялись, сверхъ того, «два орла большіе, изъ которыхъ одинъ будетъ на лопасти портупейной, а другой—гдѣ сойдутся два конца перевязи». Послѣдніе орлы позолочены и посеребрены «самымъ лучшимъ золотомъ и серебромъ», потому что «чеканить такихъ большихъ орловъ не можно». Портупеи имѣли «мѣдные замки» съ пришитой лосиной кожей для вкладыванія въ нихъ кортиковъ.

Въ 1775 году Петербургская псовая охота имѣла: смычки для гончихъ собакъ желѣзные, слесарной работы; сумки кожаныя съ дублеными ремнями и глухими пряжками «для клажи шкваръ и прикормки во время наѣздки собакъ»; арапники, у псовыхъ охотниковъ, сдѣланные по образцу, указанному оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ, «который бы исправно хлопалъ», выдавались охотникамъ съ вычетомъ ихъ стоимости изъ ихъ жалованья. Вальтрапы были суконные зеленые съ узкимъ золотымъ позументомъ; сѣдла кожаныя англійскія; узды ременныя; тулумбасы или «политавры» мѣдныя; рогатины разборныя (Госуд. арх., оп. 72, д. №№ 48, 39, 53) [204]).

Глава IV.

Охоты частныхъ лицъ въ XVIII вѣкѣ.

Когда Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, послѣ тягостныхъ первыхъ пяти лѣтъ своего царствованія, нашелъ возможность позаботиться о возобновленіи Царской псовой охоты, разрушенной смутнымъ временемъ, то онъ прежде всего, какъ мы говорили во II томѣ, послалъ въ сѣверные уѣзды охотниковъ и конныхъ псарей, съ порученіемъ брать у всякихъ чиновъ людей собакъ борзыхъ, гончихъ и меделянскихъ. Царская охота была возстановлена при помощи частныхъ охотъ, боярскихъ и дворянскихъ. То же самое повторилось спустя болѣе ста лѣтъ. По вступленіи на престолъ страстнаго охотника Петра II,

Царская псовая охота, пришедшая въ крайній упадокъ за предшествовавшія царствованія, была заново организована путемъ конфискаціи и покупки лучшихъ собакъ у частныхъ лицъ. Въ частныхъ охотахъ дворянства-«шляхетства» этого времени нашлось для Государя много рѣзвыхъ борзыхъ и гончихъ, много искусныхъ псарей и доѣзжачихъ. Охоты частныхъ лицъ и впослѣдствіи не разъ питали Императорскую охоту. Такъ, напримѣръ, ядромъ псовой охоты, образованной для Императрицы Елисаветы Петровны, послужила охота графа Головкина.

Русская псовая охота самостоятельно развилась, со всѣми своими особыми пріемами, еще въ Московской Руси XVI и XVII столѣтій, лѣса и поля которой изобиловали дичью и звѣремъ. Иностранцамъ, впервые знакомившимся съ русской охотой, она не нравилась. Такъ, рижскій нѣмецъ Фонлессинъ, посѣтившій Россію въ 1639 г., усмотрѣлъ въ русскихъ охотахъ «бездѣльные порядки»; голштинецъ Бергхольцъ писалъ, что псовая охота, показанная ему княземъ Ромодановскимъ, «не можетъ выдержать никакого сравненія съ нѣмецкой». Но эти иностранцы не понимали и не цѣнили самобытнаго своеобразія русской охоты, потому что смотрѣли на нее съ предвзятой точки зрѣнія западно-европейскихъ охотниковъ, увлекавшихся охотой парфорсной и не знавшихъ другой. Они считали «бездѣльными» — непривычные для нихъ, своеобразные и строго выработанные пріемы. Подробныхъ свѣдѣній о псовыхъ охотахъ московскаго времени, къ сожалѣнію, не сохранилось. Мы обстоятельно знакомимся съ русской псовой охотой впервые по даннымъ второй половины XVIII вѣка, и тотчасъ же убѣждаемся, что всѣ ея пріемы и навыки представляютъ собою наслѣдіе глубокой старины. Мы встрѣчаемъ въ ней выработанное искусство, рядъ твердо установившихся пріемовъ, и живую чисто-русскую охотничью рѣчь. Иностранное вліяніе, отразившееся на Императорской охотѣ, почти вовсе не коснулось частныхъ псовыхъ охотъ, сохранившихъ старые русскіе порядки.

Самокишъ...

Объ извѣстнѣйшихъ охотникахъ начала XVIII столѣтія, князьяхъ Ромодановскихъ, князьяхъ Долгорукихъ и Волынскомъ, мы говорили уже въ предшествовавшихъ главахъ. Князья *Долгорукіе*, Алексѣй Григорьевичъ и его сынъ Иванъ Алексѣевичъ, любимцы Петра II, пользуясь охотой, какъ средствомъ для личнаго возвышенія, въ то же время сами искренно, до самозабвенія увлекались ею. Въ царствованіе Петра II Биронъ, заискивавшій передъ княземъ Иваномъ, не нашелъ для него лучшаго подарка, какъ хорошую курляндскую собаку. Послѣ смерти Петра II князья Долгорукіе поспѣшили взять себѣ изъ устроенной ими для Государя измайловской охоты 109 собакъ. Когда затѣмъ, подвергшись внезапной опалѣ, они отправились всею семьею въ далекую ссылку, то постоянно охотились въ дорогѣ. «Маленькая у насъ утѣха была — псовая охота», разсказываетъ княгиня Наталья Борисовна Долгорукая, урожденная Шереметева. «Свекоръ (князь Алексѣй Григорьевичъ) превели-

кой охотникъ былъ; гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо, верхами сядутъ и поѣдутъ, пустятъ гончихъ».

Такимъ же «превеликимъ охотникомъ» былъ и первый оберъ-егермейстеръ Артемій Петровичъ *Волынскій*. Онъ увлекся охотою и сталъ большимъ знатокомъ по этой части, много раньше своего приближенія ко двору Императрицы, еще когда служилъ губернаторомъ въ далекой Казани. Назначенный оберъ-егермейстеромъ, Волынскій оказался вполнѣ подготовленнымъ для управленія Императорской охотой. Его собственныя собаки пригодились для улучшенія псарни Царской охоты. Волынскій, конечно, не былъ одинокимъ любителемъ охотничьей потѣхи; несомнѣнно, и въ Казани, и въ Астрахани онъ нашелъ себѣ товарищей, хорошо знающихъ дѣло. Въ Москвѣ же и въ Петербургѣ онъ могъ встрѣтить многихъ любителей охоты среди высшаго дворянства. Изъ писемъ Волынскаго къ родственнику его, главнокомандующему Москвы, графу Семену Андреевичу Салтыкову, видно, что Волынскій хорошо зналъ его собакъ и псарей и знакомъ былъ съ лицами, составлявшими охотничій кружокъ вліятельнаго графа Салтыкова. Мы коснулись уже раньше этой переписки, но считаемъ не лишнимъ привести здѣсь изъ нея нѣсколько выдержекъ, живо рисующихъ намъ, какъ сильно интересовался охотою этотъ кружокъ охотниковъ. Когда Волынскій въ 1734 году уѣхалъ въ Петербургъ, Салтыковъ взялъ къ себѣ одну изъ его собакъ, оставшихся въ Москвѣ. Волынскій писалъ ему по этому поводу слѣдующее: «Что же, милостивой государь, изволите писать, что суку мою чюбаропѣгую, брудастую, до пріѣзда моего изволили взять къ себѣ, я въ томъ, конечно, не спорщикъ, только милости прошу, чтобы она поближе была отъ васъ, а не у Еврейскова на рукахъ; я и о томъ, Милостивой государь, дивлюсь, что такому безпутному охотнику изволили отдать рыскать черныхъ брудастыхъ собакъ, которыхъ я къ

А. Степановъ. Напускъ гончихъ.

вашему высокографскому сіятельству прислалъ; лучше было пожаловать Сенкѣ или другому кому, такому жъ охотнику». Въ другомъ письмѣ Волынскій спрашиваетъ графа Семена Андреевича о своихъ собакахъ «Татаркѣ» и «Алегрѣ», «повеселили-ль они его хотя нѣсколько», и Салтыковъ не замедлилъ отвѣтить на его вопросы: «Государь мой Артемій Петровичъ. Вашего превосходительства, государя моего, письмо изъ Петербурга отъ 12 Октября — сего Ноября 2 числа я получилъ, за которое благодарствую и впредь прошу тѣмъ же меня не оставить, что охотно всегда видѣть. Что же изволите писать о брудастой чюбаропѣгой сукѣ, какъ она, будучи у меня, скакала, также и о Татаркѣ, на что вамъ доношу, оная чюбаропѣгая сука у меня скакала не рѣзво, и многократно видѣлъ, скачетъ не лихо, а Татарки еще и по сіе время не видалъ, и хотя за мной скакала, только видѣть не случалось. Москва, Ноября 4 дня 1734 г.».

Изъ числа лицъ, раздѣлявшихъ эти охотничьи интересы Волынскаго и графа Салтыкова, составлявшихъ ихъ дружескій охотничій кружокъ, мы знаемъ нѣсколькихъ, а именно: сенатора и тайнаго совѣтника Ѳедора Васильевича *Наумова*, который въ 1727 г. былъ министромъ при малороссійскомъ гетманѣ Апостолѣ, а впослѣдствіи (съ 1737 г.) петербургскимъ вице-губернаторомъ; затѣмъ графа *Панина*, Алексѣя Ивановича, бывшаго одно время смоленскимъ губернаторомъ, а въ 1734 — 1740 гг. президентомъ ревизіонной коллегіи, и Степана Андреевича *Колычева*, который при Петрѣ Великомъ служилъ вице-губернаторомъ въ Воронежѣ, а впослѣдствіи, между прочимъ, ревизовалъ всѣ счеты по Императорскому двору. О Ѳедорѣ Наумовѣ извѣстно, что онъ, находясь въ Симбирскѣ въ 1733 г. для сооруженія закамской оборонительной линіи, прислалъ оттуда въ подарокъ своему патрону, графу С. А. Салтыкову, борзую, «пребезпримѣрно рѣзвую», по кличкѣ «Перла». А. И. Панинъ въ 1733 году состоялъ товарищемъ завѣдывавшаго московской се-

натской конторой Салтыкова и въ это время часто ѣздилъ вмѣстѣ съ нимъ на охоту и мѣнялся собаками.

Среди высшаго общества въ царствованіе Анны Іоанновны любовь къ псовой охотѣ была широко распространена. Въ виду крайней отрывочности и случайности свѣдѣній, мы не въ состояніи дать полной картины дворянскихъ охотъ за это время, но все же, кромѣ описаннаго охотничьяго кружка графа С. А. Салтыкова, можемъ назвать еще нѣсколько лицъ, любившихъ забавы отъѣзжаго поля. Грозный начальникъ Тайной канцеляріи или канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ (учрежденной въ 1731 г., взамѣнъ только-что уничтоженнаго Преображенскаго приказа), генералъ-аншефъ Андрей Ивановичъ *Ушаковъ,* славился своими охотами подъ Москвою. Очень хорошая охота имѣлась у *графа Головкина,* Михаила Гавриловича, сына петровскаго канцлера. При Аннѣ Іоанновнѣ гр. М. Г. Головкинъ былъ сенаторомъ и главнымъ директоромъ монетной канцеляріи (съ 1731 г.), а въ недолгое время правленія Анны Леопольдовны состоялъ вице-канцлеромъ и кабинетъ-министромъ и пользовался исключительнымъ довѣріемъ правительницы. Женившись на княжнѣ Ромодановской, гр. Головкинъ послѣ смерти кн. Ив. Оед. Ромодановскаго наслѣдовалъ въ числѣ прочаго имущества и его богатую псовую охоту. По воцареніи Елисаветы Петровны гр. Головкинъ былъ сосланъ вмѣстѣ съ Остерманомъ, Минихомъ и Левенвольдомъ; охота его была конфискована и послужила, какъ мы говорили, ядромъ новой псовой охоты, устроенной для Императрицы ловчимъ Стромиловымъ. Большимъ любителемъ охоты былъ также князь Алексѣй Дмитріевичъ *Голицынъ,* дѣйств. статск. совѣтникъ, съ 1730 г. по 1738 г. состоявшій главнымъ судьею московскаго суднаго приказа.

Примѣръ Императрицы Елисаветы Петровны и графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, страстно любившихъ псовую охоту, могъ только усилить интересъ къ ней въ высшемъ обществѣ. Не

менѣе широко, чѣмъ въ высшемъ обществѣ, распространена была любовь къ охотѣ среди провинціальнаго мелкопомѣстнаго дворянства. Въ подмосковныхъ помѣстьяхъ и въ отдаленной провинціальной глуши встрѣчалось одинаково много помѣщиковъ, искусныхъ охотниковъ, имѣвшихъ хорошихъ борзыхъ и гончихъ. Нѣсколько любопытныхъ указаній на этотъ счетъ даютъ извлеченныя нами изъ архивовъ дѣла о браконьерствѣ за 1740–1760 гг., вызванныя указами о воспрещеніи охоты всякаго рода въ окрестностяхъ Петербурга и Москвы [205]).

Генералъ-фельдмаршалъ гр. И. В. Гудовичъ.

Указы о воспрещеніи охоты, изданные при Аннѣ Іоанновнѣ (разсмотрѣнные нами выше, во II главѣ), были подтверждены въ первый же мѣсяцъ по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны. 1 Декабря 1741 г., «въ возобновленіе прежде выданныхъ указовъ», велѣно было объявить о запрещеніи охоты подъ Петербургомъ и 19 Декабря — подъ Москвою на 100 верстъ кругомъ [206]). Черезъ годъ, указомъ 11 Декабря 1742 г. запретный для охоты раіонъ подъ Москвою былъ уменьшенъ со 100 до 50 верстъ [207]), и при этомъ вновь было объявлено съ барабаннымъ боемъ строгое воспрещеніе: «Около Москвы во всѣ стороны, разстояніемъ на 50 верстъ, со псовою охотою и тенетами никому не ѣздить и какъ звѣрей, такъ и птицъ не травить, и не ловить, и не стрѣлять, и никакими

вымыслы не ловить же» *). Охота на зайцевъ впослѣдствіи, въ 1752 г., воспрещена была также въ провинціяхъ: Переяславской, Юрьево-Польской и Суздальской и въ Шуйскомъ уѣздѣ тогдашней Московской губерніи, т.-е. въ нынѣшней Владимірской губерніи, съ прилегающими къ ней частями губерній Ярославской и Костромской [209]). Капраламъ и ефрейторамъ московскаго драгунскаго «шквадрона» вмѣнено было въ обязанность преслѣдовать браконьеровъ. Драгуны объѣзжали окрестности Москвы и очень часто ловили и приводили въ московскую егермейстерскую канцелярію охотниковъ съ ружьями, собаками и лошадьми, на судъ и расправу [210]). Но драгунскіе караулы оказывались недостаточными и не пресѣкали браконьерства. Время отъ времени обнаруживалось, «что не токмо въ запретительныхъ мѣстахъ (на 50 верстъ), но и въ самой близости Москвы, а именно въ Перовскихъ Строгановскихъ рощахъ и около села Коломенскаго и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ, не страшась Ея Императорскаго Величества указовъ, нѣкоторые презрители, какъ со псовою охотою ѣздятъ, такъ и птицъ всячески ловятъ и стрѣляютъ» [211]).

На ряду съ крестьянами, ловившими зайцевъ и стрѣлявшими утокъ въ недозволенныхъ мѣстахъ, «презрителями указовъ» весьма часто оказывались подмосковные дворяне-помѣщики средней руки. Сыновья служившаго въ петербургской полицмейстерской канцеляріи князя Никиты Петровича Щербатова, Павелъ и Андрей, въ 1745 году два раза были застигнуты на мѣстѣ преступленія. Вотчина ихъ, село Салтыково, находилась въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ 50 верстахъ отъ Москвы, на границѣ запретнаго раіона, но, увлекаясь охотой, они нерѣдко переступали черезъ эту границу и направлялись къ Москвѣ,

---

*) Кромѣ этихъ указовъ, въ царствованіе Елисаветы Петровны изданъ былъ еще въ 1749 г. указъ о воспрещеніи охоты въ окрестностяхъ селъ Краснаго и Царскаго, на 30 верстъ [208]). Запретный раіонъ въ окрестностяхъ Москвы былъ значительно уменьшенъ тотчасъ же по вступленіи на престолъ Екатерины II, — до 15-ти верстъ (указъ 12 Іюля 1763 г.).

въ тѣ мѣста, гдѣ легко можно было встрѣтить объѣздчиковъ драгунъ и царскихъ охотниковъ. Одинъ разъ драгуны настигли молодыхъ князей и арестовали бывшихъ съ ними псарей и доѣзжачихъ, но князьямъ удалось легко откупиться отъ этихъ блюстителей порядка; получивъ пять рублей, драгуны отпустили всѣхъ пойманныхъ охотниковъ. Въ другой разъ молодые князья наткнулись на корытничаго псовой охоты Ея Величества, Извольскаго, который обучалъ гончихъ. Извольскій захватилъ изъ ихъ охоты: «охотниковъ 3 человѣкъ и при нихъ 9 собакъ борзыхъ, 5 гончихъ, 3 лошади съ сѣдлами; у оныхъ же охотниковъ 2 рога мѣдные, 3 ножа охотничьи». Онъ оказался болѣе строгимъ исполнителемъ своихъ обязанностей, чѣмъ драгуны, или же, быть-можетъ, не сошелся въ цѣнѣ выкупа,—и представилъ пойманныхъ браконьеровъ съ поличнымъ въ оберъ-егермейстерскую контору въ Москвѣ. Задержанные охотники утверждали на допросѣ, что они со своими господами охотились внѣ запретныхъ мѣстъ, возлѣ рѣчки Гнилуши, въ 52 верстахъ отъ Москвы; въ запретныя же мѣста, у села Шубина, попали, будто бы, противъ своей воли, ловя убѣжавшихъ собакъ. Лишь только они «пустили псовую охоту для пріему зайцевъ» по рѣчкѣ Гнилушѣ, какъ «послышалась гоньба по зайцамъ» въ противоположной сторонѣ, и тогда «ихъ собаки отъ оной рѣчки Гнилуши на оную гоньбу сдались»; они поскакали догонять собакъ, убѣжавшихъ въ запретныя мѣста, и тутъ то ихъ и «взяли государевы охотники». «А въ тѣхъ де мѣстахъ, гдѣ набѣжали охоту Ея Императорскаго Величества, они со псовою охотою не ѣздили, и собакъ не пущали, и звѣрей никакихъ не травили; а утекли оныя собаки на вышеозначенную охоту на крикъ сами». Оберъ-егермейстерская контора не повѣрила этому разсказу и конфисковала собакъ, рога и ножи, лошадей же отдала обратно владѣльцамъ. Лучшія изъ захваченныхъ собакъ въ числѣ 10-ти были переданы въ Императорскую охоту: 6 борзыхъ, въ томъ числѣ 1 чубарая англійская, и 4 гончихъ: выжлецы черный, каурый и 2 багряныхъ [212]).

Въ этомъ случаѣ охотники князей Щербатовыхъ счастливо избѣгли наказанія, установленнаго за браконьерство. Пострадали только ихъ господа, лишившіеся хорошихъ охотничьихъ собакъ. Но браконьерамъ-псарямъ нерѣдко приходилось жестоко платиться за нарушеніе закона; имъ полагалось наказаніе плетьми. Въ Сентябрѣ 1748 г. объѣздчики драгуны поймали въ лѣсныхъ дачахъ графа Ѳедора Алексѣевича Апраксина, въ 35 верстахъ отъ Москвы, псаря, жившаго въ вотчинѣ графа для присмотра и корма собакъ, которыхъ на его попеченіи было 30 штукъ. Псарь охотился съ двумя борзыми и гончей и настигнутъ былъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда «звалъ въ рогъ». На допросѣ онъ говорилъ, что «никакихъ звѣрей онъ съ собаками не ловилъ», а трубилъ въ рогъ, чтобы поймать убѣжавшихъ собакъ; ввѣренные его попеченію псы прогрызли въ сараѣ дыру и убѣжали; онъ погнался за ними въ лѣсъ и сталъ ихъ скликать: «И по трубѣ тѣ собаки къ нему изъ лѣсу прибѣжали, съ которыми онъ и пойманъ объѣзжими драгунами». Губернская канцелярія, разбиравшая дѣло, не приняла этихъ оправданій и постановила: «за ту его продерзость, на страхъ другимъ, учинить ему наказанье: бить плетьми, и по учиненіи наказанія освободить съ роспискою» [213]).

Еще строже наказаны были дворовые люди помѣщика сержанта Ханенева, которыхъ драгуны задержали между рѣчками Серпуховкой и Каширкой со псовой охотой, съ четырьмя борзыми и двумя смычками гончихъ (въ 1749 г.). Эти охотники также заявили, что и не думали охотиться, а трубили въ рогъ, чтобы поймать убѣжавшихъ со двора собакъ. Такъ какъ они никакъ не хотѣли сознаться въ своей винѣ, то губернская канцелярія рѣшила покарать ихъ *«за несмотрѣніе»*, что собаки со двора сорвались и побѣжали полемъ въ рощу» и «на страхъ другимъ, учинить имъ наказанье: *бить плетьми нещадно»* [214]).

Въ 1752 г. драгуны, между прочимъ, въ 45 верстахъ отъ Москвы по Серпуховской дорогѣ «наѣхали» на псовую охоту гвардіи капрала

Ивана Еропкина и артиллеріи штыкъ-юнкера Александра Чебышева; съ ними было 7 человѣкъ егерей, 8 лошадей, 17 гончихъ, 13 борзыхъ. Лошади и собаки были конфискованы и «записаны на приходъ» въ московскую Императорскую охоту; кромѣ того, съ каждаго охотника взыскали по 10 рублей штрафныхъ денегъ. Въ томъ же 1752 г. задержана была «въ неуказныхъ мѣстахъ» псовая охота князя Сергѣя Яковлевича Львова—три охотника на лошадяхъ и 18 собакъ [215]).

Капралы и ефрейторы драгунскаго «шквадрона» часто задерживали крестьянъ, ловившихъ зайцевъ тенетами или стрѣлявшихъ утокъ на пруду. Крестьяне обыкновенно оправдывались невѣдѣніемъ указа;

«на страхъ другимъ» ихъ нещадно били плетьми или батожьемъ [216]). Однажды объѣздчики въ извѣстномъ уѣздѣ привели на расправу въ егермейстерскую контору «незнаемо какого человѣка», который выстрѣлилъ въ лѣсу изъ только что купленнаго «карманнаго пистолета», для его «апробаціи» [217]). Въ другой разъ задержали лѣсника, который, объѣзжая лѣсъ, принадлежавшій его господину, помѣщику Неронову, поймалъ на дорогѣ тетеревиную чучелу [218]). Перечислять далѣе случаи браконьерствъ крестьянъ не будемъ [219]), насъ интересуютъ теперь только факты задержанія браконьеровъ-помѣщиковъ и ихъ охотниковъ. Разсказанные выше случаи этого рода даютъ, хотя и въ отрывочныхъ и случайныхъ чертахъ, но все же яркую картину широкаго распространенія среди подмосковныхъ дворянъ-помѣщиковъ псовыхъ охотъ, правильно организованныхъ, съ хорошими охотничьими собаками. Замѣтимъ здѣсь, что болѣе вліятельные и богатые помѣщики охотились нерѣдко въ запретномъ раіонѣ, откупаясь взятками отъ драгунскаго надзора или же доставая себѣ спеціальное разрѣшеніе. Такое разрѣшеніе ѣздить со псовою охотою за 35 верстъ отъ Москвы получилъ въ 1743 г. отъ Императрицы Елисаветы камергеръ князь Андрей Федоровичъ Вяземскій: ему, однако, дозволено было охотиться никакъ не ближе 35 верстъ отъ Москвы и притомъ одному съ дворовыми людьми охотниками, безъ гостей [220]).

Помѣщиковъ любителей охоты было довольно много въ то время не только въ ближайшемъ подмосковномъ раіонѣ, но и въ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ Москвы «провинціяхъ и уѣздахъ», на которые дѣлились тогдашнія губерніи [221]). Такъ, напримѣръ, мы имѣемъ любопытное извѣстіе, указывающее на распространеніе охоты въ суздальской провинціи. Въ 1754 г. суздальская провинціальная канцелярія доложила сенату, что, несмотря на послѣдовавшее въ 1752 г. запрещеніе травить зайцевъ, въ канцелярію постоянно поступаютъ жалобы отъ мѣстныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, «что *многое число охотниковъ со псовою охотою,* за онымъ запретительнымъ Ея Импе-

раторскаго Величества указомъ, ѣздятъ въ постороннія разныхъ господъ дачи и хлѣбъ поминаютъ, и за запрещеніе многихъ крестьянъ бьютъ» [222]). Любопытный изустный указъ Петра III дошелъ до насъ, отъ 27 Февраля 1762 г., разрѣшающій дворцовымъ егерямъ стрѣлять воронъ [223]).

Борьба съ браконьерствомъ въ запретныхъ мѣстахъ подъ Москвою и Петербургомъ продолжается въ царствованіе Екатерины Великой [224]). Оберъ-егермейстеръ С. К. Нарышкинъ, много сдѣлавшій, какъ мы видѣли, для упорядоченія всѣхъ сторонъ ввѣреннаго ему управленія, пытался поставить на новыхъ основаніяхъ охрану запретныхъ раіоновъ. «Въ чужихъ государствахъ, какъ извѣстно»—писалъ онъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1769 г.—«около городовъ всѣ поля и лѣса наполнены разныхъ родовъ дичью, а здѣсь, напротивъ того, что ближе къ столицѣ, то дичи меньше»; обыватели истребляютъ дичь и «чинятъ то похищеніе, не взирая на строгіе запретительные именные и Правительствующаго Сената указы, публикованные въ прошедшихъ годахъ». Эти замѣчанія объ истребленіи дичи, несмотря на строгія и строжайшія воспрещенія, мы встрѣчали уже не разъ и въ указахъ Анны Іоанновны, и въ указахъ Елисаветы Петровны. Для «пресѣченія такого зла» Нарышкинъ предлагалъ всѣхъ тѣхъ, кто будетъ пойманъ «въ произвожденіи охоты борзыми собаками, фузеями и какими бы ни было орудіями въ запретительныхъ мѣстахъ»: около Петербурга, Петергофа, селъ Царскаго и Краснаго и Кипенской мызы,—неимущихъ сдавать въ солдаты, въ наказаніе «за такое самовольство», а съ зажиточныхъ брать рекрутовъ, «ибо въ нѣмецкихъ странахъ и вяще сего наказываются таковые преступники, яко то каторгою и прочимъ». Вмѣстѣ съ этимъ оберъ-егермейстеръ предлагалъ установить продажу билетовъ на право охоты въ запретныхъ мѣстахъ, взимая 40 рублей «за каждую фузею съ одною лягавою», какъ и за каждую свору борзыхъ. Деньги, выручаемыя отъ продажи билетовъ, Нарышкинъ предлагалъ употребить на разведеніе зайцевъ и сѣрыхъ куропатокъ въ окрестностяхъ Петер-

бурга и на постройку «жилищъ для заставныхъ объѣзжателей, по подобію чужестранныхъ» (сторожевыхъ будокъ). Докладъ Нарышкина былъ утвержденъ въ Маѣ 1769 г. надписью Императрицы: «быть по сему» [225]). Плата за билеты на право охоты (40 рублей) оказалась слишкомъ высокой; несмотря на частыя публикаціи въ газетахъ о продажѣ билетовъ въ оберъ-егермейстерской канцеляріи, лишъ, желавшихъ покупать ихъ, не нашлось [226]), поэтому преемникъ Нарышкина, кн. П. А. Голицынъ, понизилъ въ 1779 г. плату за билеты до 10 рублей [227]).

Заботясь объ охраненіи дичи въ запретныхъ мѣстахъ, Нарышкинъ счелъ необходимымъ принять мѣры для охраненія дичи вообще, по всей Россіи, отъ чрезмѣрнаго истребленія ее какъ охотниками-любителями, такъ и въ особенности охотниками-промышленниками. Въ этомъ дѣлѣ онъ послѣдовалъ примѣру оберъ-егермейстера А. П. Волынскаго, по иниціативѣ котораго изданъ былъ въ 1737 г., какъ мы говорили, указъ о воспрещеніи охоты въ Петербургской губерніи на лѣтніе мѣсяцы. Эта мѣра, по докладу Нарышкина, была распространена на все государство. 17 Іюля 1763 г. объявлено было во всенародное извѣстіе: «Марта съ 1-го числа до Петрова дни (29 Іюня) никому и нигдѣ во всемъ государствѣ звѣрей и птицъ (кромѣ хищныхъ...) какъ тенетами, цѣвками, петлями, кляпцами и никакими тому подобными инструментами и ямами не ловить, такъ и съ собаками не ѣздить» *). Исполненіе этого указа «во всемъ государствѣ», во всѣхъ, столь различныхъ по климатическимъ условіямъ, мѣстностяхъ имперіи оказалось невозможнымъ; указъ оказался совершенно нецѣлесообразнымъ для Сибири и для Архангельскаго края. Оберъ-егермейстеръ упустилъ изъ виду, что «многіе сибирскіе народы», какъ поспѣшилъ

---

*) Въ царствованіе Екатерины оберъ-егермейстерское вѣдомство заботилось также объ охраненіи лосей; 9 Марта 1773 г. объявлено было высочайшее повелѣніе: «лосей нигдѣ, ни въ какое время и никому отнюдь не стрѣлять, ничѣмъ не убивать и не ловить» [229]).

указать сибирскій губернаторъ, «не имѣютъ иного пропитанія, какъ только весеннимъ временемъ налетѣвшихъ въ безчисленномъ множествѣ всякихъ птицъ и по заливнымъ островамъ звѣрей бьютъ и тѣмъ на цѣлый годъ пропитаніе себѣ заготовляютъ». Архангельскія власти также указывали, что большая часть мѣстныхъ жителей «хлѣба не сѣютъ, а питаются промыслами»—охотой на птицъ и звѣрей въ весеннее время. Въ виду этого указами 1764 и 1765 гг. жителямъ Сибири и крайняго сѣвера Россіи разрѣшено было попрежнему производить ловлю и стрѣляніе птицъ и звѣрей въ удобное для нихъ время, въ теченіе круглаго года, невозбранно [228]).

Въ блестящей плеядѣ дѣятелей славнаго Екатерининскаго царствованія было много страстныхъ любителей охоты. Назовемъ прежде всего извѣстнаго князя Григорія Григорьевича *Орлова*, игравшаго видную роль въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины. Не довольствуясь участіемъ въ сокольихъ охотахъ Императрицы, князь Григорій Григорьевичъ *) нерѣдко охотился со своими друзьями въ окрестностяхъ Петербурга. Получивъ въ подарокъ отъ Императрицы Гатчину, онъ устроилъ здѣсь прекрасный звѣринецъ [230]).

Извѣстный генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ *Паниnъ*, отличившійся взятіемъ Бендеръ въ первую турецкую войну и особенно усмиреніемъ пугачевскаго бунта, былъ страстнымъ охотникомъ. Онъ готовъ былъ цѣлыми днями «вязнуть въ болотахъ» по словамъ Екатерины **). Въ 1776 г. графъ П. И. Панинъ писалъ одному изъ своихъ пріятелей о своей страсти къ псовой охотѣ: «Два года уже стараюсь я собрать себѣ достаточную свору все сѣрыхъ борзыхъ собакъ; но за бывшимъ въ нихъ моромъ не дошелъ больше, какъ имѣю къ веснѣ только трехъ кобелей сей шерсти». Узнавъ, что у

---

*) Княжескій титулъ Орловъ получилъ впослѣдствіи, въ Октябрѣ 1772 г., послѣ удаленія отъ двора. Онъ жилъ затѣмъ въ Ревелѣ, женился на славившейся своей красотой Е. Н. Зиновьевой и умеръ вскорѣ послѣ ея смерти, 13 Апрѣля 1783 г.

**) См. письмо Екатерины, глава III, стр. 98.

одного изъ помѣщиковъ Поволжья есть рѣзвая сѣрая борзая, онъ проситъ достать ему эту собаку, при чемъ выражаетъ надежду, что помѣщикъ не откажетъ въ этой услугѣ во вниманіе къ его заслугамъ по усмиренію пугачевскаго бунта: «Какъ низовые наши собратья за послѣднее мое на оборонѣ ихъ служеніе почти всѣ изъявили и казались быть желательными при удобныхъ случаяхъ вспомоществовать и мнѣ въ моихъ отъ нихъ выгодахъ».

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій (галлерея Гатчинскаго дворца).

Такимъ же завзятымъ охотникомъ былъ графъ Петръ Васильевичъ *Завадовскій*, одинъ изъ фаворитовъ Императрицы (въ 1776—1778 гг.), бывшій послѣ удаленія отъ двора директоромъ заемнаго (ассигнаціоннаго) банка, а въ царствованіе Александра I министромъ народнаго просвѣщенія († въ 1812 г.). Получивъ въ 1778 г. приказаніе отправиться «въ безсрочный вояжъ», Завадовскій удалился изъ Петербурга въ свое помѣстье близъ Могилева, и здѣсь отдался своей страстн къ охотѣ. «Вмѣсто того, чтобы хозяйство разбивать» — писалъ онъ отсюда графу Воронцову въ Февралѣ 1780 г. — «я съ утра до вечера въ лѣсу живу на охотѣ и забываю всѣ выгоды, которыя васъ держатъ въ столицѣ». Въ Маѣ этого же года, во время путешествія Екатерины на югъ Россіи, другъ Завадовскаго, А. А. Безбородко (впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь канцлеръ), спѣшилъ особымъ письмомъ напомнить ему о времени пріѣзда Императрицы въ Могилевъ, вблизи котораго жилъ Завадовскій, «чтобъ онъ не прозѣвалъ нашего пріѣзда, гоняя зайцевъ». Позднѣе, въ 1785 г.,

Завадовскій такъ характеризовалъ свое времяпрепровожденіе: «Живу между своей семьей и посреди псовой охоты». Онъ нерѣдко отлучался на охоты на недѣлю и на двѣ, отъѣзжалъ отъ своего помѣстья на многіе десятки верстъ, чтобы—какъ онъ говорилъ—«прекрасной Діанѣ послѣдовать въ лѣсахъ» [231]).

Въ ряду извѣстныхъ охотниковъ временъ Екатерины слѣдуетъ назвать и двухъ ея оберъ-егермейстеровъ: С. К. Нарышкина и князя П. А. Голицына, которые не были только охотниками ex officio, но искренно увлекались охотой, затѣмъ князя Александра Михайловича Голицына (вице-канцлеръ при Петрѣ III и оберъ-камергеръ при Екатеринѣ II, умеръ въ 1807 г.). Въ 1790 г. графъ К. Г. Разумовскій писалъ о князѣ Александрѣ Михайловичѣ, что онъ «себя, лошадей, зайцевъ, людей и собакъ безпокоитъ у Шереметева въ Кускові». Владѣлецъ Кускова, графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, оберъ-камергеръ, въ 1781 г. получилъ отъ Императрицы разрѣшеніе охотиться въ запретномъ районѣ окрестностей Москвы. Такое же разрѣшеніе дано было въ 1795 г. графу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину, генералъ-фельдмаршалу, начальствовавшему арміей въ войну со Швеціей 1789—1790 г. (умеръ въ 1804 г.).

Въ Екатерининское время славился своей охотой также Иванъ Васильевичъ *Гудовичъ*, одинъ изъ нашихъ кавказскихъ героевъ. Въ 1785—1786 гг. Гудовичъ былъ генералъ-губернаторомъ Рязанской и Тамбовской губерній, затѣмъ, послѣ успѣшныхъ дѣйствій на Кавказѣ во вторую турецкую войну, назначенъ былъ кавказскимъ генералъ-губернаторомъ; впослѣдствіи Павелъ I возвелъ его въ графское достоинство; Александръ I за покореніе Текинскаго ханства и за побѣду подъ Арпачаемъ даровалъ ему чинъ генералъ-фельдмаршала (вышелъ въ отставку въ 1812 г. и умеръ въ 1820 г.). Когда въ 1790 г. графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій чрезъ своего сына, графа Андрея, бывшаго нашимъ посланникомъ въ Неаполѣ, узналъ о желаніи неаполитанскаго короля Фердинанда IV имѣть

свору русскихъ собакъ и рѣшилъ выслать ихъ королю въ подарокъ отъ себя и своего сына, то, прежде всего, обратился за содѣйствіемъ къ Гудовичу. Самъ графъ Кириллъ Григорьевичъ былъ совершенно несвѣдущъ въ охотничьемъ дѣлѣ: собственная его охота находилась въ Батуринѣ, и онъ не надѣялся найти въ ней ни собакъ, ни охотниковъ для отсылки въ Неаполь; о своихъ охотникахъ онъ писалъ сыну, что изъ нихъ «одинъ пьяный, да полъпьяный»; «въ какомъ бы они костюмѣ въ Неаполѣ не предстали, пьянство все помрачитъ». Графъ Разумовскій поспѣшилъ обратиться съ просьбою о выборѣ гончихъ къ Гудовичу. «Теперь», писалъ Разумовскій изъ Москвы въ Петербургъ къ сыну (въ Январѣ 1790 г.), «буду писать о борзыхъ, которыя, безъ сомнѣнія, у него (Гудовича) лучшія, и льщу себя надеждою, что онъ, можетъ-быть, пару и удѣлитъ, хотя онъ, послѣ жены и дѣтей, сихъ животныхъ любитъ паче другихъ». Гудовичъ не замедлилъ выбрать лучшихъ собакъ для подарка неаполитанскому королю. 28 Января 1790 г. Разумовскій писалъ своему сыну, прилагая копію письма Гудовича: «Изъ онаго ты увидишь, что онъ, яко охотникъ, понялъ яснѣе, нежели въ письмѣ твоемъ написано было, т.-е., что собаки должны быть борзыя, а не гончія, коихъ онъ ни во что вмѣняетъ. По письму его сіи животныя вскорѣ сюда присланы будутъ, съ которыми обходиться у меня въ домѣ никто не знаетъ, ибо моя охота вся въ Батуринѣ». Это «собачье посольство», какъ выразился графъ Разумовскій, доставило ему много хлопотъ. Онъ хотѣлъ одно время устроить дѣло такъ, чтобы собаки были посланы королю Фердинанду въ даръ отъ Императрицы; но это его предположеніе не осуществилось. Затѣмъ Разумовскій опасался, что его собаки и охотники не достигнутъ благополучно Италіи: «Мнѣ приходитъ на мысль», писалъ онъ, «не лучше ли сію экспедицію оставить до удобнѣйшаго времени, ибо теперь вездѣ воюютъ, вездѣ бунтуютъ, скоты наши могутъ, хотя неповинные и къ неповинному царю грядущіе, могутъ, говорю, тою или другою шайкою схвачены быть и

лишить насъ сего предмета». Тѣмъ не менѣе въ Маѣ 1790 г. флигель-адъютантъ Разумовскаго, Степанъ Васильевичъ Денисовъ, отбылъ изъ Москвы съ «собачьимъ посольствомъ» изъ 8 борзыхъ и двухъ охотниковъ, въ концѣ того же года благополучно достигъ Неаполя и передалъ собакъ по назначенію.

Графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій (галлерея Гатчинскаго дворца).

О широкомъ развитіи интереса къ охотѣ во второй половинѣ XVIII вѣка свидѣтельствуетъ спеціальная охотничья литература этого времени. Въ «Экономическомъ Магазинѣ» 80-хъ годовъ печатается рядъ статей и замѣтокъ по части охоты, большею частью писавшихся провинціальными любителями-охотниками. Вятскій корреспондентъ журнала сообщаетъ испытанныя имъ средства лѣченія гончихъ, потерявшихъ чутье, указывая, какъ вредно кормить собакъ саломъ, которое «не только отнимаетъ чутье, но и самую паратую (рѣзвую) собаку дѣлаетъ пѣшею», и какъ вреденъ для нихъ деготь, которымъ иногда «завистники въ съѣзжихъ поляхъ» мажутъ ноздри лучшихъ собакъ своихъ соперниковъ. Другой охотникъ рекомендуетъ способъ, какъ отучить гончую собаку отъ дурной привычки гоняться за курами: для этого, говоритъ онъ, «надлежитъ ущемить хвостъ ея крѣпко въ деревянную колодочку и привязавъ оную къ нему такъ, чтобы не отпалъ, а къ другому концу колодочки привязать курицу и дать собакѣ съ нею бѣгать, и при томъ сѣчь ее хорошенько плетью». Нѣкто М. Д. сообщаетъ замѣтки о двухъ способахъ ловить волковъ и о двухъ способахъ ловить медвѣдей, не подвергая ни себя, ни собакъ опасности. Въ томъ же «Экономическомъ Магазинѣ» находимъ.

между прочимъ, сообщенія о борзыхъ и о меделянскихъ собакахъ; въ «Магазинѣ натуральной исторіи, физики и химіи или новомъ собраніи матерій, принадлежащихъ къ симъ тремъ наукамъ» за 1789 г.— о ловлѣ и выращиваніи ловчихъ птицъ.

Въ 1779 г. тульскій помѣщикъ, В. А. Левшинъ, секретарь вольнаго экономическаго общества, даровитый и разносторонній писатель, для навстрѣчу общему интересу, издастъ краткое руководство по охотѣ «Совершенный егерь». Вслѣдъ затѣмъ, въ 1785 г., появляется въ свѣтъ новое сочиненіе по части охоты: «Псовый охотникъ, изданный любителемъ псовой охоты Г. Б.».

Многія главы послѣдней книги «Псовый охотникъ» сохраняютъ вполнѣ свое значеніе до настоящаго времени и могутъ служить прекраснымъ руководствомъ для современныхъ охотниковъ. Книга эта даетъ намъ любопытнѣйшую живую картину лучшихъ псовыхъ охотъ XVIII вѣка, показывая, какъ высоко стояло искусство русской псовой охоты среди провинціальнаго дворянства того времени. Въ книгѣ любителя Г. Б. псовая охота—цѣлая наука, съ множествомъ строго выработанныхъ правилъ, съ подробной, точной, исключительно русской терминологіей. Авторъ не переводилъ съ иностраннаго и не сочинялъ своихъ наставленій, онъ, такъ сказать, писалъ съ натуры; повидимому, онъ самъ имѣлъ образцово устроенную охоту; во всякомъ случаѣ былъ страстнымъ охотникомъ, знатокомъ своего дѣла и, составляя свой учебникъ охоты, только привелъ въ систему всѣ, установившіеся издавна, пріемы русскихъ охотниковъ.

Въ книгѣ этой находимъ интересныя разсужденія «о свойствахъ псоваго охотника и о разномъ онаго названіи и должности; о должности охотниковъ во время полевой ѣзды»; объ обученіи собакъ: «высворка борзыхъ и наѣздка гончихъ»; затѣмъ «о узнаніи гончихъ собакъ мастеровъ во время гоньбы оными звѣря, какъ которая добываетъ его», и равнымъ образомъ «о узнаніи по статьямъ борзыхъ». Идеальному охотнику авторъ предъявляетъ требованія, удовлетворить

которыя очень не легко. «Псовой охотникъ», такъ начинаетъ авторъ книгу, «долженъ быть слѣдующихъ свойствъ, а именно: вѣренъ, трезвъ, хорошихъ поступковъ, трудолюбивъ, вѣжливъ, опрятенъ, остороженъ, примѣчателенъ, чутокъ, не горячъ, разсудителенъ, проворенъ, хитръ, нестрашливъ, несонливъ и ласковъ», и, конечно, долженъ знать въ совершенствѣ во всѣхъ деталяхъ все охотничье дѣло. Должностей въ псовой охотѣ — шесть: ловчій, стремянный, доѣзжачій, выжлятникъ, псарь, корытничій. *Ловчій* — главный начальникъ всей охоты; онъ наблюдаетъ «за всѣмъ поведеніемъ охотниковъ», каждый день поутру докладываетъ господину о состояніи всей охоты и отвѣчаетъ за ея исправность. Должность *стремяннаго* «состоитъ въ смотрѣніи за борзыми собаками»; онъ сѣдлаетъ господину лошадь для полевой ѣзды, принявъ ее отъ «конюшаго», и на охотѣ не долженъ отъѣзжать отъ своего господина. *Доѣзжачій* смотритъ за гончими, чтобъ всегда были въ чистотѣ, и наѣзжаетъ ихъ, «чтобъ были послушливы, позывисты на рогъ и стойко бъ гоняли». *Выжлятниковъ* должно быть въ охотѣ «непремѣнно» двое; они помогаютъ доѣзжачему въ смотрѣніи за гончими. *Псарей* также должно быть двое для смотрѣнія за борзыми собаками и для обученія ихъ: «къ себѣ присворить и высворить, чтобы были вѣжливы». *Корытничій* завѣдуетъ кормомъ для собакъ, хранитъ муку, шкваръ (высушенная конина), котлы, корыта. Кромѣ того, долженъ быть при охотѣ еще *сырейщикъ*, который приготовляетъ мясо для собакъ, покупаетъ на убой лошадей. «Есть еще въ охотѣ просто называемые *охотники*, которые могутъ быть изъ лакеевъ и прочихъ, служащихъ при господинѣ, людей» и которые ѣздятъ на поле «единственно для умноженія его свиты».

Въ главѣ «о должности охотниковъ во время полевой ѣзды» во всѣхъ подробностяхъ устанавливается строгій обрядъ выѣзда на охоту и дѣйствій охотниковъ въ полѣ: «Пріѣхавши къ намѣреннымъ островамъ» (т.-е. выбраннымъ заранѣе мѣстамъ охоты) «и не доѣзжая

острова саженъ за сорокъ или ближе, какъ мѣсто позволитъ, стать ловчему со всѣми охотниками и построиться рядомъ въ одинъ человѣкъ, потомъ доѣзжачему отъѣхать съ выжлецами и выжлятниками впередъ саженъ десять, остановиться и, отрѣша гончихъ съ смычковъ, сѣсть на лошадей и, поѣхавъ всѣмъ охотникамъ въ островъ, понуждать гончихъ къ добычѣ звѣря чиновнымъ охотничьимъ гарканьемъ; и чтобъ человѣкъ отъ человѣка не болѣе саженяхъ въ двадцати равнялся и равняться же чинно, выслушивая одинъ другого, не выѣзжая впередъ и не оставаясь позади, и чтобъ балмошный и непорядочный крикъ ни отъ кого не происходилъ, что накрѣпко смотрѣть надлежитъ ловчему».

На охотѣ всѣ должны дѣйствовать согласно, «чинно», «чиновно», по выработанному порядку. «Прежде напуска гончихъ надлежитъ заѣхать нѣкоторымъ охотникамъ впередъ и по обѣимъ сторонамъ острова стать по крыламъ», и прилежно смотрѣть, чтобы не пропустить какого-либо звѣря «внезапно вытекшаго изъ острова, отъ натечки гончихъ». Во время гоньбы звѣря «охотникамъ другъ отъ друга мѣстъ не перехватывать, а всякому стоять на своемъ мѣстѣ подъ островомъ, оступя оной въ равномъ порядкѣ. Межъ себя порожнихъ мѣстъ, гдѣ признается лазъ, звѣря не оставлять, чтобы всякой звѣрь между стоящими не пролѣзъ и не пробереженъ былъ лѣностію и отъ несмотрѣнія охотника». Охотники съ борзыми собаками «всѣ должны быть подъ гоньбою и переѣздъ звѣря дѣлать искусно и осторожно; притомъ должны наблюдать, чтобы было мѣсто чистое, не илистое и не каменистое, ибо въ такихъ мѣстахъ борзыя убиваются до смерти». Ловчій во время охоты надсматриваетъ, чтобы охотники «равнялись порядочно и не лѣниво порскали, крѣпкихъ мѣстъ, поймовъ, густыхъ травъ и чистыхъ лѣсныхъ порослей не проѣзжали», въ которыхъ можно найти звѣря, и, «не изыскивая дорогъ и тропъ, не взирая на чащу лѣсную и завалы, вездѣ заѣзжая, понуждали бы собакъ къ исканію звѣря». Если въ выбранномъ для

охоты «острову» «отъ множества звѣрей гончія врозь разобьются и станутъ гонять на разныя стаи», то доѣзжачій съ выжлятниками соединяютъ стаи собакъ, не позволяя «гонять врозь». «Отдирчивую» (т.-е. отбившуюся отъ стаи) «собаку немедленно должно выжлятнику, поймавъ, наказать арапникомъ и подпускать къ стаѣ» и смотрѣть чтобъ и впредь «не отдиралась», стараясь отучить ее отъ этой повадки.

Ловчій долженъ знать, какъ кричать, спуская гончихъ со смычковъ,—различнымъ образомъ, смотря по времени года. Съ начала весны надо *рышить,* крича: «Ну, полѣзъ, полѣзъ, эхъ, стеки, довались»! Съ половины Мая—*паркать,* присоединяя къ этимъ словамъ возгласы: «О, го, го, ай, ту, ту, ай, эхъ». Наконецъ, осенью—*порскать,* усиливая крики, и хлопать арапникомъ «для того, что звѣрь осенью лежитъ крѣпко, а особливо заяцъ», и порскать до тѣхъ поръ, пока гончія зачнутъ гонять». Авторъ подробно перечисляетъ всѣ разно-

образные сигнальные возгласы травли *), указываетъ, какъ слѣдуетъ «называть гончихъ на пролазъ звѣря, до тѣхъ поръ, какъ подвалятся», какъ стоять осторожно, ожидая звѣря, «съ молчаніемъ и прилежнымъ смотрѣніемъ, чтобы не проберечь и не отпужать» и во-время «указать собакамъ, усвиснувъ», какъ закричать умѣреннымъ голосомъ: «Ухъ, ухъ, эхъ, милая, не упусти»! когда собаки «намѣрются къ угонкѣ»,— а когда затравятъ звѣря, «отозваться громко симъ образомъ: О, го, го, го, хлыстъ, дошелъ, дошелъ», для извѣстія охотникамъ; ежели заяцъ — одинъ разъ, а красный звѣрь, то-есть лисица или волкъ,— три раза» и проч. и проч.

Замѣчательную наблюдательность, тонкое знаніе охотничьихъ качествъ гончихъ и борзыхъ собакъ обнаруживаетъ авторъ «Псоваго охотника» въ своихъ разсужденіяхъ, какъ какая собака добываетъ звѣря и какъ узнать гончихъ собакъ «мастеровъ». Множествомъ мѣткихъ выразительныхъ словъ обозначаетъ онъ движенія гончей въ полазѣ и гоньбѣ, различныя положенія убѣгающаго звѣря, показывая, какъ хорошо использовали наши охотники богатство и гибкость русскаго языка въ примѣненіи къ охотѣ. «Мастеръ», «паратый» (рѣзвый) выжлецъ «гоняетъ верхнимъ чутьемъ, поднявъ чутье вверхъ»: еще будучи на смычкѣ, онъ издали по вѣтру чуетъ звѣря, и какъ спустятъ со смычка, то онъ прямо направляется туда, гдѣ лежитъ звѣрь, и, «толкнувъ съ логова, взрячь помчитъ»; «такой мастеръ никогда не сорвется и не пролѣзетъ мимо звѣря». Звѣрь можетъ «удалѣть», «отбыть» отъ собаки, воспользовавшись быстро текущей рѣкой, «круто отстать» отъ нея въ бураки, «увалиться на камень» въ каменистыхъ мѣстахъ, но у мастера гонца это случается рѣдко.

---

*) Съ половины Мая, говоритъ онъ, надо *гаркать* слѣдующими возгласами: «Ну, полѣзъ, полѣзъ, о, го, о, о, го, го, ай, ту, ту, ту, ай. Эхъ, стеки, кричуй»! «Осенью *порскать,* то-есть, спустя гончихъ съ смычковъ, кричать: Эхъ, стеки, у, ру, ру, ру, ру, ай, а, го, о, о, го, го, ай, а, ту, ту, ту, ту, ай, ну, довались, эхъ! милая, стеки! ту жировалъ, ту бѣжалъ, ну толкони! ухъ, ухъ, эхъ, вскочи, побѣги»!

Гончая, которая гоняетъ не верхнимъ чутьемъ, а «припавъ къ слѣду, гдѣ бѣжалъ звѣрь», тоже должна быть «почтена за мастера». Если звѣрь, «удалѣвъ отъ ней, круто отсядетъ или увалится, а она будетъ обымать полазами кругомъ и немедленно отсѣлаго справитъ, удалѣлаго и упалаго дойдетъ; а наипаче ежели звѣрь побѣжитъ бойною дорогою, въ сухое время и отъ вѣтра пылью слѣдъ заноситъ, къ тому жъ далеко скинется на пашню сухую,—не взирая на сіе, она его словитъ и, разчуявъ, немедленно взрячь его заловитъ и назадъ его въ пяту или на кругъ къ охотникамъ поставитъ». Иная гончая добываетъ звѣря даже тогда, когда онъ за полчаса или четверть часа пролѣзетъ чрезъ пашенные или скошенные луга, или черезъ дорогу, по которой послѣ него прогонятъ стадо; но такая собака должна быть признана рѣдкимъ гонцомъ-мастеромъ, также какъ та, которая не упускаетъ звѣря даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ побѣжитъ низкими мокрыми мѣстами и кочками, перепрыгивая съ кочки на кочку.

Въ «Псовомъ охотникѣ» далѣе весьма интересны практическія наставленія «о высворкѣ борзыхъ и о наѣздкѣ гончихъ собакъ», какъ высворивать гончихъ, «сперва къ себѣ прикормивъ, чтобы были ласковы», какъ наѣзжать гончихъ, пріучая ихъ къ рогу, «чтобы позывисты на рогъ были» и проч., затѣмъ наставленія, какъ содержать собакъ, борзыхъ и гончихъ отдѣльно въ «крѣпкихъ, мшонныхъ стаяхъ» (закутахъ), чѣмъ и какъ ихъ кормить. Авторъ совѣтуетъ беречь собакъ и больше шести часовъ подрядъ съ ними не ѣздить, «чтобы безмѣрною ѣздою и долговременныхъ борзыхъ рыскомъ и гончихъ гоньбою не обезсилить и не стомить». А «съ стомившимися собаками», замѣчаетъ авторъ, «ѣздить не совѣтую да, думаю, и всякой охотникъ не захочетъ себя, вмѣсто утѣшенія, въ скуку приводить, по пословицѣ: *съ мертвымъ соколомъ мало утьхи птицъ травить*». Отмѣтимъ еще обстоятельное описаніе статей охотничьихъ собакъ, «о узнаніи по статьямъ борзыхъ и гончихъ», а также главу о «порошахъ и осокахъ, какъ разныхъ звѣрей объѣзжать и обметывать тенетами».

Охотничьи книги въ извѣстной степени отражали дѣйствительность. Среди помѣщиковъ этого времени было много искусныхъ псовыхъ охотниковъ, для которыхъ многія наставленія автора «Псоваго охотника» являлись излишними, было много удалыхъ наѣздниковъ, мастеровъ ловчихъ и лихихъ доѣзжачихъ, было много отлично слаженныхъ стай гончихъ, много рѣзвыхъ и цѣпкихъ борзыхъ. Развитіе частныхъ охотъ во второй половинѣ XVIII вѣка находилось въ связи съ общимъ развитіемъ жизни провинціальнаго дворянскаго общества, которое было вызвано отчасти извѣстнымъ манифестомъ Петра III о вольности дворянства, 18 Февраля 1762 года. Дворяне широко воспользовались предоставленною имъ свободою: тотчасъ всѣ дороги изъ Петербурга и Москвы, по свидѣтельству современниковъ, покрылись каретами и возками дворянъ, которые оставили службу и спѣшили по своимъ домамъ. Прежде большая часть дворянъ возвращалась въ свои помѣстья только въ старости, отбывъ долгую подневольную службу; теперь въ провинціи явилось много дворянъ-помѣщиковъ во цвѣтѣ лѣтъ. Приволье патріархальной помѣщичьей жизни давало имъ много досуга; многіе изъ нихъ, разъ заинтересовавшись охотой, увлекались ею и становились страстными охотниками. Дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ лѣсныхъ дебрей въ то время было неизмѣримо больше, чѣмъ теперь, и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь о нихъ нѣтъ и помину. Охота сохраняла еще старинное значеніе борьбы съ хищнымъ звѣремъ, «обижавшимъ человѣка»; помѣщикъ-охотникъ видѣлъ въ волкахъ и медвѣдяхъ сильныхъ враговъ; онъ смотрѣлъ на себя, какъ на защитника своей округи отъ вредныхъ хищниковъ и тѣмъ легче увлекался звѣровой охотой, чѣмъ больше она представляла опасности.

Объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ провинціальныхъ охотниковъ любителей этого времени, князѣ Гавріилѣ Федоровичѣ Баратинскомъ, мы имѣемъ превосходный разсказъ, записанный со словъ

жены его, княгини Ф. Ф. Барятинской *). Этотъ разсказъ такъ живо рисуетъ любопытный сильный характеръ стараго князя охотника, даетъ такую яркую картину провинціальной помѣщичьей жизни, объясняя развитіе всепоглощающей страсти къ охотѣ, что мы не можемъ не привести его здѣсь съ небольшимъ пропускомъ.

«Покойный мой князь Гаврила Федоровичъ»—разсказывала княгиня Ф. Ф. Барятинская—«былъ человѣкъ серіозный: рѣдко шутилъ, еще рѣже смѣялся и лишняго слова не говаривалъ. Смолоду служилъ онъ въ военной и, видно, привыкъ командовать. Если что обдумаетъ и прикажетъ, тому быть непремѣнно; однакожъ былъ не самонравенъ и не сердитъ, и что ему ни говорили, все, бывало, выслушаетъ терпѣливо. Лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ жили мы вмѣстѣ, не поссорившись ни разу; да я и не видывала, чтобы съ кѣмъ онъ ссорился, или за что-нибудь выходилъ изъ себя. Людей и крестьянъ никогда не наказывалъ и наказывать не приказывалъ, кромѣ за кражу лѣса. Если же кто сдѣлаетъ дурно, что прикажутъ, то велитъ передѣлать и передѣлывать до тѣхъ поръ, пока не выйдетъ хорошо, хотя годъ продѣлаютъ, нужды нѣтъ, а ужъ онъ поставитъ на своемъ. За одно на меня, въ первые годы въ замужествѣ, бывалъ въ недовольствіи: поѣдетъ въ отъѣзжее поле на недѣлю или больше, мнѣ станетъ скучненько, да и за него страхъ возьметъ, мало ли что слу-

Выѣздъ Императора Петра II изъ с. Измайлова на охоту, съ грав. И. Зубова.

*) Авторъ описанной выше книги «Псовый охотникъ», къ сожалѣнію, неизвѣстенъ; онъ издалъ ее подъ иниціалами Г. Б. Позволимъ себѣ высказать догадку, не былъ ли этотъ любитель *Г. Б.—Гавріиломъ Барятинскимъ*?

читься можетъ! Я погрущу иногда и поплачу и, какъ возвратится, начну ему выговаривать, а онъ, мой сердечный, и понадуется—слова не скажетъ. Послѣ ужъ я привыкла, да и дѣла прибавилось: стали рожаться дѣтки, такъ я его и не тревожила. Бывало, въ угоду ему, и сама рѣчь заведу объ охотѣ, а ему и любо: «Вотъ—говоритъ—Феня, и ты полевать собираешься. У него только и было двѣ охоты: къ лѣсу да къ полеванью съ собаками. Лѣсъ берегъ онъ, какъ глазъ: никто не смѣй срубить прутика, а до собакъ такой охотникъ, что и Боже сохрани. Любилъ и хорошихъ лошадей, только не хвастался ими, не то, что собаками, и на показъ сосѣдямъ выводить не приказывалъ. У насъ ихъ было очень много, всѣ свои, съ Плавицкаго завода, все пѣгія да бѣлыя; если же приведутъ другой какой шерсти, то всѣхъ раздаритъ; продавать не любилъ: «что, де, я за барышникъ». Правду сказать и не для чего было: съ 2500 десятинъ получали мы тысячъ 12; все было свое, денегъ куча — дѣвать некуда. Кой-когда еще посылали въ Серпейскъ бѣднымъ роднымъ на помощь; да въ Кострому, либо въ Курляндію за борзыми собаками, о которыхъ писали старые пріятели, что ужъ очень хороши: да тутъ не велика была трата. Ловчій Моисей возилъ ихъ мало, сказывая, что тамошнія собаки больно грузны и противъ нашихъ ничего не стоятъ. Одинъ разъ только угодилъ онъ покойному князю: привезъ какую-то большую собаку, отца «Звѣрева» (собаки «Звѣрь»: это былъ извѣстный въ свое время всѣмъ старымъ охотникамъ «Ридъ-канъ», выписанный Курляндскимъ помѣщикомъ Блюмомъ изъ Ирландіи и присланный имъ въ подарокъ князю въ 1779 г.—собака необыкновенной величины, силы, рѣзвости и красоты), да и та у насъ прожила не больше двухъ лѣтъ: убилась за лисицею. Князь хоть и тужилъ, да не очень, говорилъ: Дѣти остались лучше. Въ самомъ дѣлѣ, «Звѣрь» отъ этой собаки вышелъ такой хорошій, что охотники издалека пріѣзжали смотрѣть на него, да и писали изъ Петербурга, чтобы его непремѣнно прислать туда къ графу З. (Завадовскому?) или В., право,

сказать не умѣю. Мой покойный князь говорилъ, что лучше этой собаки въ цѣломъ свѣтѣ родиться не можетъ, а онъ очень былъ знающъ; жалѣлъ очень, что она досталась ему подъ старость. «Кабы смолоду»—говорилъ онъ—«всѣхъ волковъ въ цѣломъ намѣстничествѣ перетравилъ бы въ одну ночь». Я было сначала и порадовалась, что такъ говорилъ онъ,—думала про себя, что вѣрно больше на охоту ѣздить не хочетъ: подъ семьдесятъ лѣтъ пора успокоиться; не тутъ-то было: чуть прослышитъ, гдѣ волки есть, давай коня да «Звѣря», самъ на свору—и ужъ всегда почти притащутъ за нимъ какого-нибудь монстра, а я тому будто радуюсь: что съ нимъ будешь дѣлать! Одинъ разъ князь очень напугалъ насъ удальствомъ своимъ, такъ что дочери Машѣ сдѣлалось даже дурно. Вотъ какъ это случилось: пріѣхали къ намъ гостить племянники, князь Михайло да князь Дмитрій на Покровъ день. Всякій годъ въ это время заѣзжали они къ намъ въ Жуково съ Лебедянской ярмарки. Приговорятъ, бывало, съ собою знакомыхъ сосѣдей да приведутъ борзыхъ собакъ. Тутъ и начнутся у нихъ полеванья, а послѣ разговоры да споры объ охотѣ, а мой князь на молодежь и радуется; только ужъ никому хвастнуть не дастъ, тотчасъ остановитъ: красныхъ словъ покойникъ не любилъ. Вотъ однажды какъ-то было ему не по себѣ, цѣлый вечеръ сидѣлъ насупившись, не пошелъ за столъ къ ужину и ужъ хотѣлъ опочивать, какъ вдругъ нелегкая принесла псаря Никиту да охотника Самсонку Портного: «въ Яхонтовскомъ лѣсу волки порѣзали у мужиковъ поросятъ и сдались въ Требунскій». Вотъ у моего князя куда и немочь дѣвалась: «Позвать Моисея! Позвать Петрушку Горячева! Послать на село за Филькой Кизильдѣевымъ»! Вотъ и собрались охотники. Ловчему Моисею князь приказалъ до разсвѣта быть съ гончими у Требунскаго лѣсу, да стоять смирно и гончихъ держать на смычкахъ, чтобы ни одна не вякнула, покамѣстъ не пришлетъ стремяннаго съ приказомъ бросать ихъ въ островъ; а Горячева съ Кизильдѣевымъ послать въ заѣздъ отъ Донковскаго тракта и на-

казать не болтать громко дорогой, а пуще не горланить пѣсенъ, чтобъ не взбудить звѣря. А мы, де, съ компаніею заѣдемъ отъ Кудрявшинскихъ и станемъ на перелазѣ. Съ тѣмъ людей отпустилъ; остальное, де, смекнутъ сами. Всю эту ночь мой сердечный глазъ съ глазомъ не смыкалъ и только часа на три поуспокоился; всталъ съ пѣтуховъ и всю компанію перебудилъ. Пора, де, полъ островъ; а

линейка у балкона ужъ съ часъ дожидалась; только что глотнули по чашкѣ чаю, да и отправились. Ужъ я рада была, что хотя въ экипажѣ подъ островъ поѣхали и этакую даль не вздумалось ѣхать верхомъ: верстъ съ десять будетъ».

Разсказъ княгини дополняетъ кн. Д. А. Барятинскій, участвовавшій въ этой охотѣ стараго князя Гаврилы Федоровича:

«Мы подъѣхали», говоритъ онъ, «къ острову на самомъ разсвѣтѣ. Дядя Г. Ф. пересѣлъ съ линейки на своего «Толкача» и разослалъ всѣхъ насъ по перелазамъ, приказавъ не терять другъ друга изъ вида и стоять смирно, и если бы даже вскочилъ изъ-подъ ногъ заяцъ или лисица, то отнюдь не атукать и не люлюкать. Стремяннаго отправилъ къ ловчему съ приказомъ бросать гончихъ, а самъ остался одинъ у куста и съ однимъ «Звѣремъ», другія собаки увязались за стремяннымъ. Вотъ мы всѣ стали по мѣстамъ своимъ, далече отъ дяди, такъ что онъ едва былъ намъ виденъ; бросили гончихъ; черезъ минуту они закипѣли по зрячему и повели назадъ, но вдругъ смолкли, какъ будто сгоняли зайца. Впрочемъ, намъ гоньбу и слышать было трудно: Требунскій лѣсъ былъ тогда не то, что теперь, а настоящій боръ, дебрь непроходимая; нынче однодворцы весь вырубили, одни кусты остались. Вотъ мы ждемъ да подождемъ: гоньбы не слышно, и ни одинъ охотникъ не трогается съ мѣста. Я посматриваю; вдругъ вижу А. Я. Кошкинъ, который стоялъ у меня влѣвѣ, охотника черезъ два, опрометью бросился къ острову и замахалъ картузомъ. Красный звѣрь! подумалъ я и притаился къ кусту, разсчитывая, что Антонъ Яковлевичъ нетерпѣливъ и въ поле звѣря не выпуститъ, такъ онъ будетъ искать другого лаза и навѣрно побѣжитъ на меня или на дядюшку. Такъ и случилось: матерый волкъ изъ опушки бросился на Кошкина, но этотъ, не выждавъ, заулюлюкалъ и покатилъ прямо за нимъ въ опушку, да и наткнулся глазомъ на сукъ. Подумаешь, что дѣластъ охота! Глазъ завязалъ платкомъ и все поле проѣздилъ, какъ ни въ чемъ не бывало; а сколько разъ дядя уговаривалъ его, чтобы унялся.

«Вѣдь ты, братецъ, не доѣзжачій»! толковалъ онъ. Между тѣмъ, какъ я берегъ звѣря да посматривалъ на охотниковъ, гончія стали слышнѣе къ сторонѣ ляди, и вотъ онъ вдругъ понесся къ Малинкамъ, забирая вправо, а передъ нимъ машетъ «Звѣрь». «Недаромъ»—подумалъ я—«старичекъ нашъ хватилъ на перерѣзъ: волкъ пошелъ въ чистое, надобно за нимъ»; я замахалъ картузомъ Михею съ Кизилдѣевымъ, и всѣ мы, одинъ за другимъ, поскакали за лядюшкой; а его чуть-чуть видно, и онъ все забираетъ вправо. Версты три или больше по немъ скакали; лошадь у меня попритупѣла, и охотники меня обскакали, однакожъ я держался за ними не очень вдалекѣ. Странно показалось мнѣ, что лядюшка гонитъ шибко, а волка не видно; да старичекъ-то посмышленѣе былъ насъ: онъ смекнулъ, что сѣрый будетъ пробираться лощинкою, и самъ поровнялъ къ вершинѣ. Такъ и вышло: скоро изъ лощины показался волкъ да преогромный, а за нимъ, саженяхъ во ста, несется «Звѣрь» и все усиливаетъ помаленьку; а лядюшка скачетъ и поминутно погоняетъ «Толкача» арапникомъ. Вотъ мы давай улюлюкать и показывать собакамъ; на ту пору, какъ нарочно, ни одна не воззрится и отъ стремени не отрыскиваетъ, а только прыгаетъ. Глядимъ, «Звѣрь» ужъ и не очень далеко отъ сѣраго, но думаемъ: нѣтъ этотъ гость не по нашей трапезѣ. Гдѣ одной собакѣ остановить въ угонъ такого выходца! Однакоже, «Звѣрь» все ближе и ближе къ волку, да какъ вдругъ изловчится, хвать его за гачи, и оба на дыбы!... а дядюшка тутъ какъ тутъ—съ Толкача долой и прямо къ волку. Мы спустились въ овражекъ и только что выбрались, глядь, «Звѣрь» виситъ у него на горлѣ. Прежде всѣхъ подскакалъ Кизилдѣевъ и вынимаетъ ножъ, а старикъ проговорить отъ усталости не можетъ и только машетъ головою, чтобъ не трогалъ, а просто струнилъ. Тутъ подоспѣли я и Михей и сострунили волка, лядю же Г. Ф., кажется, сняли съ него почти безъ памяти, а руки насилу развели: такъ на ушахъ у волка и застряли. Тутъ же послали ему плащъ; долго лежалъ; насилу отдохнулъ.—Вскорѣ получили письмо изъ Петер-

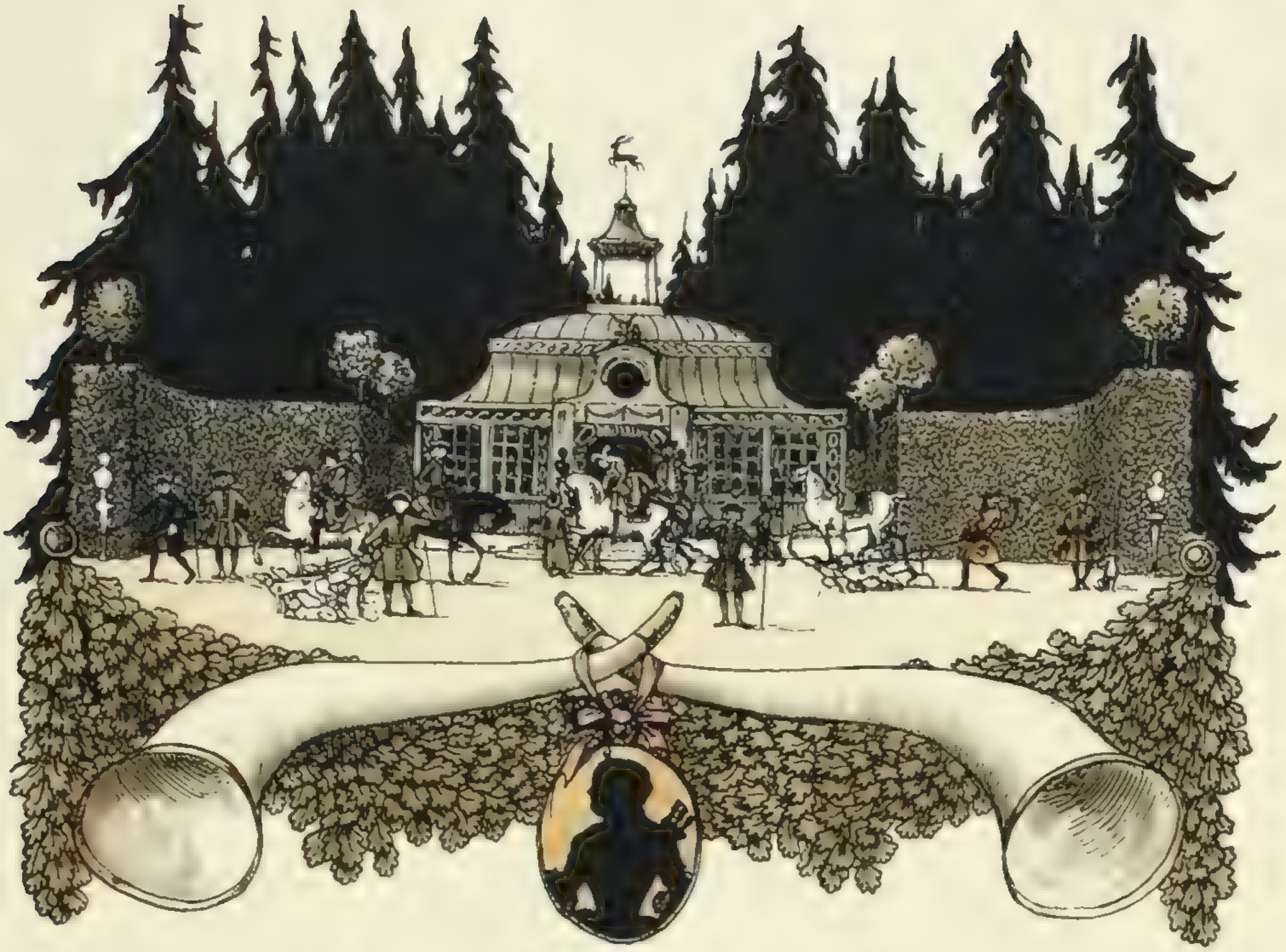
А. Степановъ. Травля волка.

бурга, чтобъ прислать туда «Звѣря». Обѣщали открыть великую протекцію по дѣлу съ Н. и для князя Михаилы Гавриловича открыть дорогу; но дядя не хотѣлъ о томъ и слышать, да и по кончинѣ его тетушка не хотѣла разстаться съ фаворитомъ покойнаго. Послали туда двухъ дѣтей его: одинъ очень былъ похожъ на отца, такой же большой, глаза на выкатѣ, щипецъ сухой, ребро длинное, такой же сѣрый и также окликомъ «Звѣрь». Словомъ, собака была—чудо! однако жъ, дѣло-то (спорное) проиграно».

Князь Д. М. Голицынъ, съ грав. И. Тардіе, по портрету Друэ.

Среди русскаго дворянства XVIII вѣка наиболѣе распространена была охота псовая, стоявшая въ тѣсной преемственной связи съ боярскими псовыми охотами московскаго времени. Во второй половинѣ этого вѣка довольно широкое распространеніе получила также ружейная охота на дичь. Объ этомъ свидѣтельствуетъ упомянутая нами выше книга В. А. Левшина, «Совершенный егерь», 1779 г., въ которой изложены были нѣмныя наставленія для ружейныхъ охотниковъ. Описывая различныя породы лягавыхъ собакъ, испанскихъ, голстинскихъ, «брусъ-барты или бордастыхъ», нѣмецкихъ пуделей, англійскихъ, французскихъ, Левшинъ замѣчаетъ о «россійскихъ ищейныхъ», что они, «какъ надобно думать, выродки отъ лягавыхъ, но ихъ въ дрессировку развѣ по крайней нуждѣ употребляютъ, а, впрочемъ, дѣло ихъ—искать ястребомъ перепелокъ и коростелей, а къ болоту неспо-

собны». Авторъ, затѣмъ, обстоятельно разсуждаетъ объ обученіи лягавыхъ собакъ, «о *трессированіи съ парфорсомъ,* то-есть объ ученіи съ приневоливаніемъ лягавыхъ собакъ», во время обученія на собаку надѣвается «парфорсный ошейникъ» съ острыми спицами; всякій разъ, какъ собака не слушается приказаній, ее дергаютъ за привязь, и ошейникъ колетъ ей шею. Авторъ совѣтуетъ каждому охотнику самому «трессировать» своихъ собакъ, указывая на недостатокъ и дороговизну хорошо обученныхъ лягавыхъ собакъ: «добрую или порядочно вытрессированную собаку достать скоро не можно; къ тому-жъ такая собака въ рукахъ не того, кто ее училъ, рѣдко должность свою порядочно исполняетъ и недешево покупается».



Глава V.

Звѣринцы и охотничьи дворы.

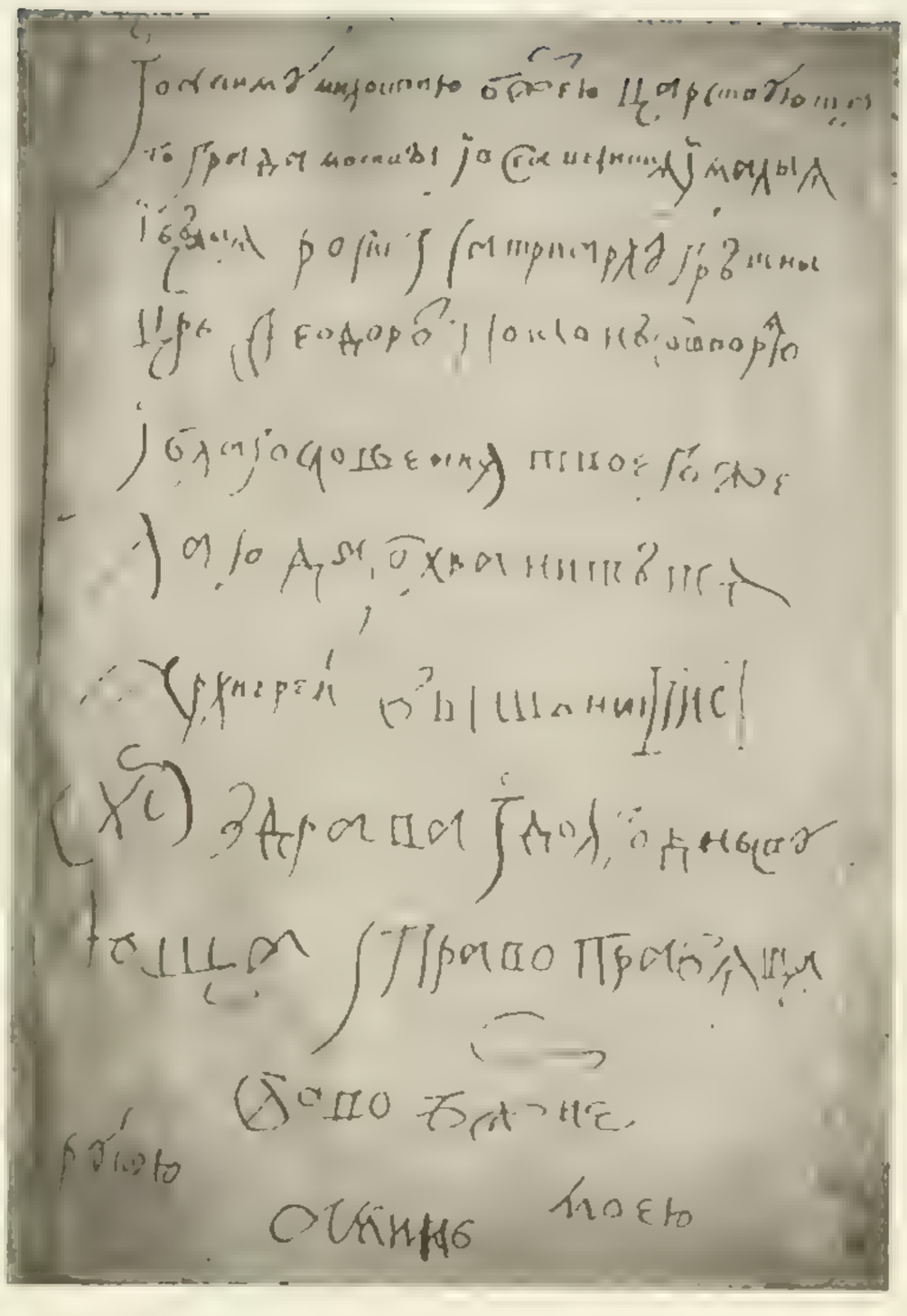
I. Петербургъ.

о II и III главахъ мы описали развитіе учрежденій Императорской охоты въ существенныхъ его чертахъ въ теченіе XVIII столѣтія; начавъ съ перваго образованія новыхъ псовыхъ охотъ, прослѣдили быстрое увеличеніе личнаго состава егерскихъ командъ, отмѣтили появленіе охотниковъ различныхъ спеціальностей, неизвѣстныхъ ранѣе въ Россіи, обрисовали организацію упра-

вленія оберъ-егермейстерскаго вѣдомства и проч. Теперь мы коснемся нѣкоторыхъ подробностей, менѣе важныхъ, но любопытныхъ и необходимыхъ для полноты картины развитія придворной охоты за разсматриваемое время, а именно сообщимъ свѣдѣнія объ устройствѣ охотничьихъ дворовъ и звѣринцевъ въ Петербургѣ, Москвѣ и ихъ окрестностяхъ: въ Петергофѣ, Гатчинѣ, Царскомъ Селѣ, и подъ Москвою: на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, въ селѣ Измайловѣ и въ Александровской слободѣ. На ряду съ псарными дворами и звѣринцами или звѣровыми дворами, въ которыхъ содержались звѣри и птицы, предназначавшіеся для придворныхъ охотъ, мы опишемъ звѣринцы-зоологическіе сады, съ коллекціями рѣдкихъ звѣрей и птицъ, которые также входили въ составъ учрежденій Императорской охоты того времени.

Начало устройству такихъ звѣринцевъ-зоологическихъ садовъ въ Петербургѣ положено было Петромъ Великимъ. Петръ очень интересовался всякими рѣдкостями, «раритетами», какъ тогда говорили, диковинными звѣрями и птицами, уродами—«монстрами», древностями, археологическими находками, сознавая научное и общеобразовательное значеніе естественно-историческихъ, какъ и археологическихъ коллекцій. Устраивая кунсткамеру, приказывая доставлять отовсюду диковинки, монстры, рождающіеся «какъ въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣрской и въ птичьей», Петръ старался разсѣять суевѣрныя понятія «невѣждъ», думавшихъ, «что такіе уроды родятся отъ дѣйства дьявольскаго черезъ вѣдовство и порчу». Одновременно съ изданіемъ указа о собраніи рѣдкостей, Петръ I сдѣлалъ нѣсколько распоряженій о привозѣ въ Петербургъ изъ различныхъ мѣстъ птицъ и звѣрей рѣдкихъ породъ. Въ Астрахани велѣно было (въ 1718 г.) ловить и присылать въ Петербургъ рѣдкихъ птицъ и звѣрьковъ, затѣмъ (въ 1720 г.) купить въ горахъ и выслать въ Петербургъ бобровъ и барсовъ, выдравъ у нихъ когти и вытравивъ зубы «спиртомъ витріольнымъ» (купоросным масломъ?) или крѣпкою водкою.

Гетманъ Скоропадскій долженъ былъ прислать изъ Малороссіи «дикихъ козъ и другихъ звѣрьковъ и птицъ»; голландскій резидентъ Брантъ—«разныхъ птицъ для звѣринца», вмѣстѣ съ разными травами для ботаническаго сада [232]).



Письмо Царя Ѳеодора Алексѣевича патріарху Іоакиму (см. Примѣчанія, стр. 283, письмо № 5).

Подробныхъ свѣдѣній о звѣринцѣ, устроенномъ Петромъ Великимъ, къ сожалѣнію, не сохранилось. Мы имѣемъ только отъ 1721 года краткое описаніе находившагося въ Лѣтнемъ саду звѣринца или, вѣрнѣе, птичника, такъ какъ различныхъ птицъ рѣдкихъ породъ здѣсь было гораздо больше, чѣмъ звѣрей. Лѣтній садъ въ то время имѣлъ продолговатую форму. Съ восточной стороны его находился Лѣтній дворецъ, съ южной — оранжерея, съ западной — большой лугъ (Царицынъ) и съ сѣверной — рѣка Нева. На берегу Невы, почти у самой воды, стояли три крытыя галлереи и отъ средней галлереи шла широкая аллея съ фонтанами. На этой аллеѣ была устроена площадка со статуей и большимъ фонтаномъ; около нихъ находился прудъ, съ бесѣдкой посрединѣ, на которомъ свободно плавали рѣдкіе гуси и утки, совершенно ручные. Тутъ же устроенъ былъ птичникъ и звѣринецъ. Птицъ было очень много; Бергхольцъ называетъ орловъ, черныхъ аистовъ, журавлей; нѣкоторыя изъ нихъ гуляли на свободѣ, другія помѣщались въ клѣткахъ. Въ особомъ домикѣ было множество

прекрасныхъ рѣдкихъ голубей. Большая, сплетенная изъ стальной проволоки клѣтка, съ круглымъ верхомъ, наполнена была всякаго рода маленькими птицами, которыя летали въ ней цѣлыми группами, садясь на посаженныя внутри ея деревца. Звѣрей было немного. Бергхольцъ обратилъ вниманіе на дикобраза: «очень большого ежа, имѣющаго множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до 11 дюймовъ длиною», затѣмъ на синюю лисицу и соболей [233]).

Близъ Лѣтняго сада съ описаннымъ звѣринцемъ, въ одномъ изъ домиковъ, стоявшихъ на Царицыномъ лугу, помѣщались при Петрѣ Великомъ слоны [234]), присылавшіеся ему въ даръ отъ персидскаго шаха. Первый слонъ былъ доставленъ изъ Персіи вскорѣ послѣ основанія Петербурга; когда этотъ слонъ, поражавшій всѣхъ своей величиною, палъ, то персидскій шахъ прислалъ въ Петербургъ, въ 1723 г., другого слона, котораго помѣстили въ томъ же домикѣ, гдѣ находился первый. Бергхольцъ видѣлъ обоихъ этихъ слоновъ и говоритъ, что присланный въ 1723 г. былъ гораздо меньше перваго, котораго онъ осматривалъ въ 1713 г., но зато былъ очень хорошо прирученъ, бралъ хлѣбъ изъ рукъ и «охотно игралъ съ приставленными къ нему людьми, поднимая ихъ хоботомъ высоко отъ земли» [235]).

Звѣринецъ, устроенный Петромъ Великимъ, живо интересовалъ современное общество и не заглохъ послѣ его смерти. Императрица Екатерина I неоднократно осматривала диковинныхъ звѣрей и птицъ. Такъ, по записямъ камеръ-фурьерскаго журнала, 29 Іюля 1725 г. она, вмѣстѣ съ герцогомъ Голштинскимъ, смотрѣла слона, который былъ выведенъ на лугъ противъ Лѣтняго сада [236]); 30 Сентября 1726 г. «изволила смотрѣть тюленя большого, котораго привезли изъ Невскаго монастыря» [237]). Какъ при Екатеринѣ I, такъ и въ послѣдующія царствованія звѣринецъ постоянно, хотя и безъ системы, пополнялся различными птицами и звѣрями, привозившимися съ окраинъ Россіи и изъ-за границы.

А. Г. Рябушкинъ. Петръ Великій перевозитъ въ ботикѣ черезъ р. Неву Императрицу Екатерину Алексѣевну, кн. Меншикова, адмирала Головина, канцлера Головкина и Макарова.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, большой любительницы охоты и травли звѣрей, возникло въ Петербургѣ нѣсколько звѣринцевъ, звѣровыхъ и охотничьихъ дворовъ, на которыхъ, кромѣ коллекцій рѣдкихъ звѣрей и птицъ [238]), содержались также звѣри, предназначавшіеся для ружейныхъ охотъ Императрицы [239]), наконецъ, собаки вновь устроенной при дворѣ псовой охоты. Объ этихъ звѣринцахъ и охотничьихъ дворахъ мы имѣемъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія, относящіяся къ послѣднимъ годамъ царствованія Анны Іоанновны и къ царствованію Іоанна Антоновича.

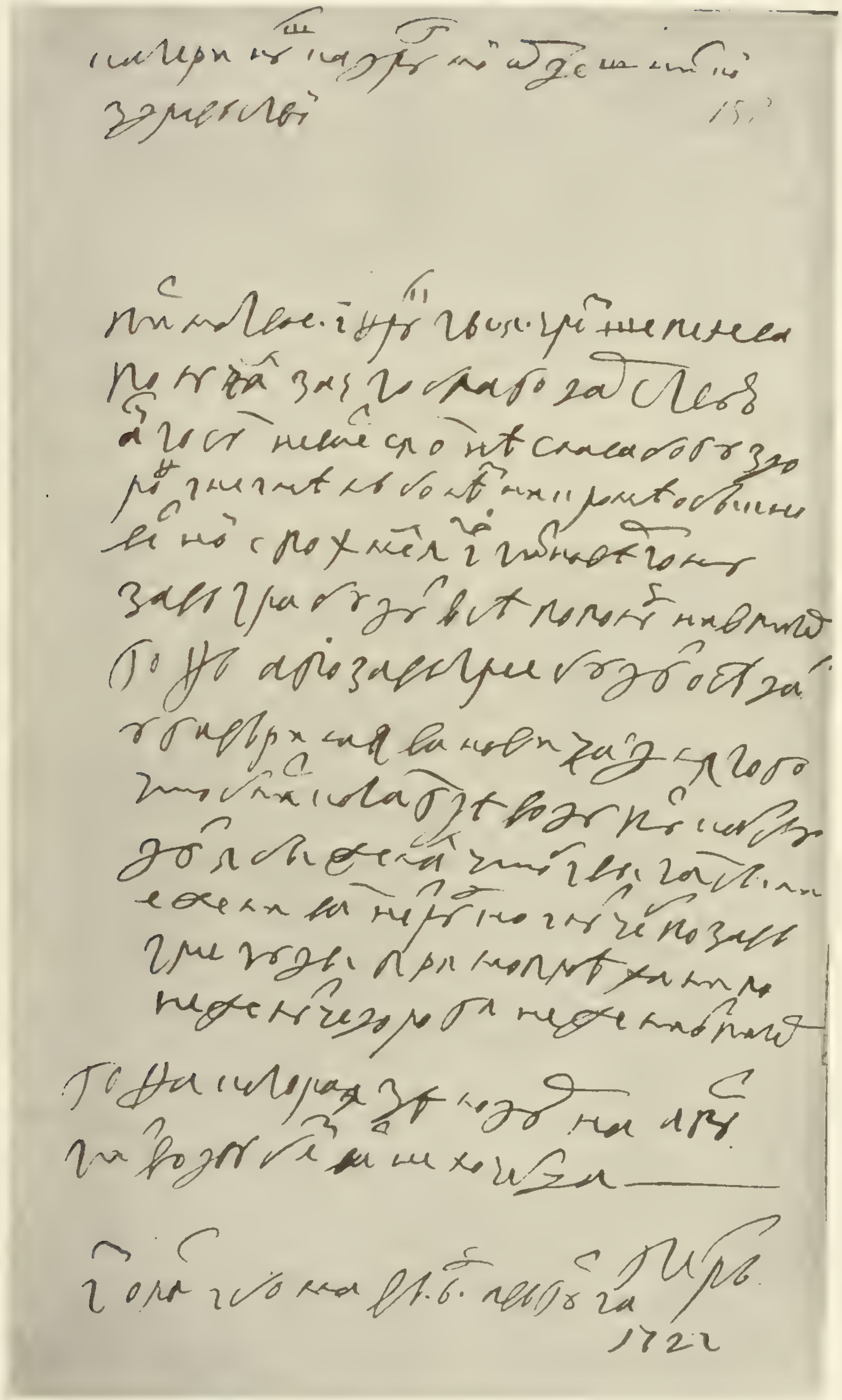
Главный *Звѣровой дворъ* помѣщался въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится домъ Военнаго Министра [240]), Инженерный замокъ и Михайловскій манежъ. Онъ занималъ обширное пространство, обнесенное вокругъ высокимъ деревяннымъ заборомъ; одною стороною, гдѣ были главныя ворота, примыкалъ къ каналу, черезъ который перекинутъ былъ мостъ. На дворѣ устроенъ былъ рядъ «покоевъ» для звѣрей; въ Апрѣлѣ 1741 г. покои были передѣланы, при чемъ подъ стѣны былъ подведенъ каменный плитный фундаментъ «для лучшей звѣрямъ теплоты». Въ одномъ изъ покоевъ помѣщались двѣ львицы, каждая въ особой «свѣтлицѣ»; одна львица доставлена была еще до 1737 г., другая—въ 1739 г. изъ Англіи; въ клѣткѣ вмѣстѣ съ нею жила маленькая собачка [241]). Въ 1741 г. клѣтка была передѣлана: подъ ящикъ были поддѣланы валы, «чтобы можно было, для содержанія оной львицы лѣтнимъ временемъ на дворъ оный ящикъ изъ покоя вывозить». Въ другомъ покоѣ содержались два леопарда, «бабра», какъ ихъ тогда называли. Одинъ «старый бабръ» давно уже находился въ Петербургѣ, другой доставленъ былъ въ 1740 г. хивинскимъ посломъ [242]). Въ остальныхъ двухъ покояхъ помѣщены были рысь, чернобурая лисица и три мартышки. Въ особомъ «острогѣ», огороженномъ тыномъ, съ пятью дверями и двумя окнами съ желѣзными рѣшетками, содержались 4 бѣлыхъ медвѣдя [243]). Внутри острога былъ вырытъ прудъ, обложенный по берегамъ досками и имѣвшій четыре

спуска къ водѣ. По сторонамъ пруда были выстроены небольшіе амбары, въ которыхъ собственно и помѣщались бѣлые медвѣди, по одному въ каждомъ [244]). Близъ звѣрового двора устроенъ былъ *Ауроксовъ дворъ,* въ которомъ содержались дикіе быки или ауроксы. Находившіеся здѣсь ауроксы пали около 1735 г. [245]); прусскій король въ 1739 г. прислалъ въ подарокъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ 8 ауроксовъ, но и эти также очень скоро всѣ «померли» [246]). Въ Сентябрѣ 1741 г. на опустѣвшемъ дворѣ была отведена квартира оберъ-егерю Бему, а черезъ мѣсяцъ послѣ этого здѣсь были помѣщены голландскія коровы [247]).

Отдѣльно отъ звѣрового двора былъ расположенъ на берегу рѣки Фонтанки, на лугу, противъ Лѣтняго дворца *Малый звѣринецъ,* въ которомъ содержались американскіе олени. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Малый звѣринецъ занималъ весьма большое пространство, обнесенное деревянною оградою съ нѣсколькими воротами. Въ 1738 г. здѣсь находилось восемь «индійскихъ оленей» [248]); въ 1740 г. къ нимъ присоединены были десять «малыхъ индійскихъ оленей» («малой американской дичины»), привезенныхъ въ томъ же году изъ Англіи. Яхтъ-штатомъ 28 Января 1741 г. положено было содержать при охотахъ 20 американскихъ оленей, и къ концу этого года число ихъ уменьшилось съ 30 до 22 [249]). Кромѣ этихъ оленей, въ Маломъ звѣринцѣ содержались въ 1739—1740 гг. также двѣ «иностранныя малыя дикія козы».

Малый звѣринецъ порученъ былъ особому смотрителю, должность котораго въ 1738 году занималъ егерь Качманъ, а въ 1741 году егерскій ученикъ Коевъ.

Слоны такъ же, какъ американскіе олени, содержались совершенно отдѣльно отъ общаго звѣринца—звѣрового двора, въ особомъ *Слоновомъ дворѣ* [250]), находившемся на берегу рѣки Фонтанки, между Симеоновскимъ мостомъ (который тогда устроенъ былъ нѣсколько выше по теченію рѣки, чѣмъ теперь) и «прешпективной улицей»



Письмо Императора Петра I къ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ
(см. Примѣчанія, стр. 283, письмо № 6).

(Невскимъ проспектомъ). Слоновый дворъ занималъ большое пространство; протяженіе его по проспекту равнялось 45 саженямъ; на берегу Фонтанки устроена была «слоновая площадка» для прогулки слоновъ. Въ 1737—1740 гг. на слоновомъ дворѣ содержался только одинъ слонъ, приведенный изъ Персіи въ 1737 году [251]). Вслѣдъ затѣмъ, въ 1741 г., здѣсь помѣщено было 14 слоновъ, которыхъ прислалъ Шахъ-Надиръ или Кули-Ханъ персидскій. Слоны эти составляли только часть богатыхъ даровъ персидскаго шаха, который послѣ покоренія Индіи искалъ дружбы русскаго правительства, имѣя въ виду войну съ Турціей; кромѣ 14 слоновъ онъ прислалъ 2 Октября 1741 г. 30 верблюдовъ и много драгоцѣнностей изъ сокровищницъ Индійской столицы Дели [252]). Въ ожиданіи прибытія слоновъ канцелярія оберъ-егермейстерскихъ дѣлъ поспѣшила построить для нихъ «амбаръ» на слоновомъ дворѣ. Сначала думали помѣстить ихъ на Лиговкѣ, но вода этой рѣчки оказалась «известковатой и твердость въ себѣ имѣющей», и спеціалистъ Асатіи, «слоновый учитель», призналъ ее вредной для купанья слоновъ. На слоновомъ дворѣ построили три высокихъ, свѣтлыхъ амбара, съ топками наружу, такъ какъ, по заявленію Асатія, «слоны противнаго воздуха терпѣть не могутъ». Особая теплая храмина приготовлена была для слона и слонихи, «обыкшихъ въ одномъ мѣстѣ быть». На постройку двухъ только амбаровъ затрачено было 5000 рублей. Кромѣ того, сочли необходимымъ исправить дороги и мосты въ Петербургѣ и окрестностяхъ по пути слѣдованія слоновъ, «дабы имъ не могло быть какого повреждения». Мосты: Аничковскій, близъ Зимняго дворца, чрезъ Мойку противъ Мошкова переулка и другіе найдены были въ «немалой ветхости», до такой степени, что настилка на нихъ «во многихъ мѣстахъ пробивалась». Среди этихъ приготовленій забыли сдѣлать распоряженіе объ отпускѣ корма для слоновъ. Командиръ придворной охоты, полковникъ Трескау, оказался въ крайне затруднительномъ положеніи и только черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія персид-

ского посольства добился отъ дворцовой конторы отпуска кормовыхъ припасовъ. Вскорѣ обнаружился и еще одинъ крупный недосмотръ; привязи и запоры у амбаровъ, въ которыхъ помѣщены были слоны, оказались недостаточно крѣпкими. 16 Октября слоны, «осердясь о самкахъ», начали буйствовать, сорвались съ привязей, разломали двери и ушли. Два изъ нихъ вскорѣ были пойманы, а третій «пошелъ черезъ садъ, изломалъ деревянную изгородь, прошелъ на Васильевскій островъ и тамъ изломалъ Сенатъ и Чухонскую деревню». Но здѣсь бѣглецъ, наведшій панику на весь городъ, былъ пойманъ и возворенъ на мѣсто. Слоновщикъ Ага-Садыкъ настоятельно просилъ выдать ему для привязи слоновъ толстыя желѣзныя цѣпи и кольца. Просьбу его еще не успѣли удовлетворить, какъ на слѣдующее же утро четыре слона снова сорвались съ привязи, ушли, сломавши ворота, и «много бѣды надѣлали въ городѣ» [253]). Вслѣдъ затѣмъ слоновый дворъ едва не сгорѣлъ со всѣми слонами отъ небрежности истопниковъ, и вслѣдствіе этого для надзора за слоновщиками назначенъ былъ особый комиссаръ, которому дана была строгая инструкція [254]).

Звѣрей рѣдкихъ породъ было много, но не было благоустроеннаго звѣринца [255]). Зоологическія коллекціи размѣщены были въ отдѣльныхъ дворахъ: звѣровомъ, ауроксовомъ, слоновомъ [256]), маломъ звѣринцѣ, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстахъ отъ Невы вверхъ по Фонтанкѣ, на большомъ пространствѣ.

Кромѣ звѣрей, размѣщенныхъ въ указанныхъ дворахъ, въ придворной охотѣ имѣлось еще нѣсколько черныхъ медвѣдей; они также помѣщены были совершенно особо, въ *медвѣжьихъ дворахъ* за Невою, около Охты. Сначала, въ 1738 году, черные медвѣди содержались въ мясныхъ рядахъ, куда они были отданы на прокормъ отъ Императорской охоты [257]). Случилось, что одинъ медвѣдь, сорвавшись съ цѣпи, загрызъ до смерти малолѣтнюю дѣвочку. Тогда, по приказанію Анны Іоанновны, для помѣщенія медвѣдей были устроены особые дворы, огороженные палисадниками, около Охты, въ отдаленіи отъ города [258]).

Среди этихъ медвѣдей нѣсколько было ученыхъ. Такіе медвѣди въ то время встрѣчались во многихъ частныхъ домахъ. Однажды Императрица Елисавета Петровна, заѣхавъ въ Александро-Невскую лавру, увидѣла у архіепископа Ѳеодосія ученаго медвѣжонка, обученнаго приказнымъ келейникомъ монастыря.

Разнаго рода птицы [259]) содержались отчасти въ Лѣтнемъ саду, а главнымъ образомъ въ Первомъ дворцовомъ саду, гдѣ устроены были для нихъ большія клѣтки, называвшіяся *менажеріей* (ménagerie). Въ этой менажеріи содержалось большое количество различныхъ маленькихъ птицъ: соловьи, журавлики, зябліки, подорожники, снигири, овсянки, реполовы, дубоноски, иры, чижи и чечетки. Болѣе крупныя птицы, страусы и др., а также звѣри, помѣщались въ саду, въ особыхъ «покояхъ» [260]). Ловчихъ птицъ: соколовъ, кречетовъ и ястребовъ здѣсь не было. Въ мѣста, гдѣ содержались птицы, публика не допускалась. Для ловли птицъ канцелярія отъ строеній, завѣдывавшая менажеріей, посылала въ провинцію особыхъ охотниковъ. Въ томъ же Первомъ дворцовомъ саду содержалась, подъ надзоромъ егеря, дичь, предназначавшаяся для охотъ Императрицы, тетерева и куропатки; въ 1740 году здѣсь было 14 паръ тетеревей и до 110 паръ сѣрыхъ куропатокъ *) [261]).

Придворная псовая охота, устроенная, какъ мы указали выше, въ 1733 году, помѣщалась первоначально въ такъ называвшемся старомъ псарномъ дворѣ [262]). Въ 1740 году ее перевели, по Высо-

*) Кромѣ Лѣтняго и Перваго дворцоваго сада, въ Петербургѣ въ то время было еще нѣсколько дворцовыхъ садовъ: Второй, Третій и Итальянскій. Во Второмъ дворцовомъ саду были устроены особыя приспособленія для стрѣльбы: шатры, полы, круги и цѣли. Въ Третьемъ саду было разбито множество цвѣточныхъ клумбъ и разведено много плодовыхъ растеній. Итальянскій же садъ, расположенный на Литейной улицѣ, служилъ главнымъ образомъ для прогулокъ въ экипажѣ; въ немъ было много ягодныхъ растеній, цвѣтовъ и «дынные фрукты». Въ 1739 году возникалъ вопросъ объ устройствѣ въ Петербургѣ при царскихъ охотахъ особаго парка—«яхтъ-гартена». Состоялся даже по этому поводу Именной указъ Императрицы Анны Іоанновны, но онъ почему-то не былъ приведенъ въ исполненіе.

чайшему повелѣнію, въ загородный дворъ оберъ-егермейстера Волынскаго, взятый въ казну послѣ его казни и получившій затѣмъ названіе *Егерскаго двора*. Дворъ этотъ стоялъ на рѣкѣ Фонтанкѣ у Обухова моста и состоялъ изъ 15 жилыхъ барскихъ покоевъ и 10 людскихъ. Всѣ эти покои были передѣланы сообразно ихъ новому назначенію и къ нимъ пристроено было 12 новыхъ покоевъ и двѣ большія «свѣтлицы въ 10 срубъ» [263]). Для собакъ устроили особые, огороженные досками, дворы; здѣсь же построили кузницу для изготовленія ружей ко двору Ея Величества. 3 Сентября 1740 г. вся псовая охота, въ составѣ 195 собакъ и 63 служителей, была уже на дворѣ Волынскаго, хотя перестройки не были окончены; сооруженіе новыхъ помѣщеній и приспособленіе старыхъ затянулось до Мая 1741 года.

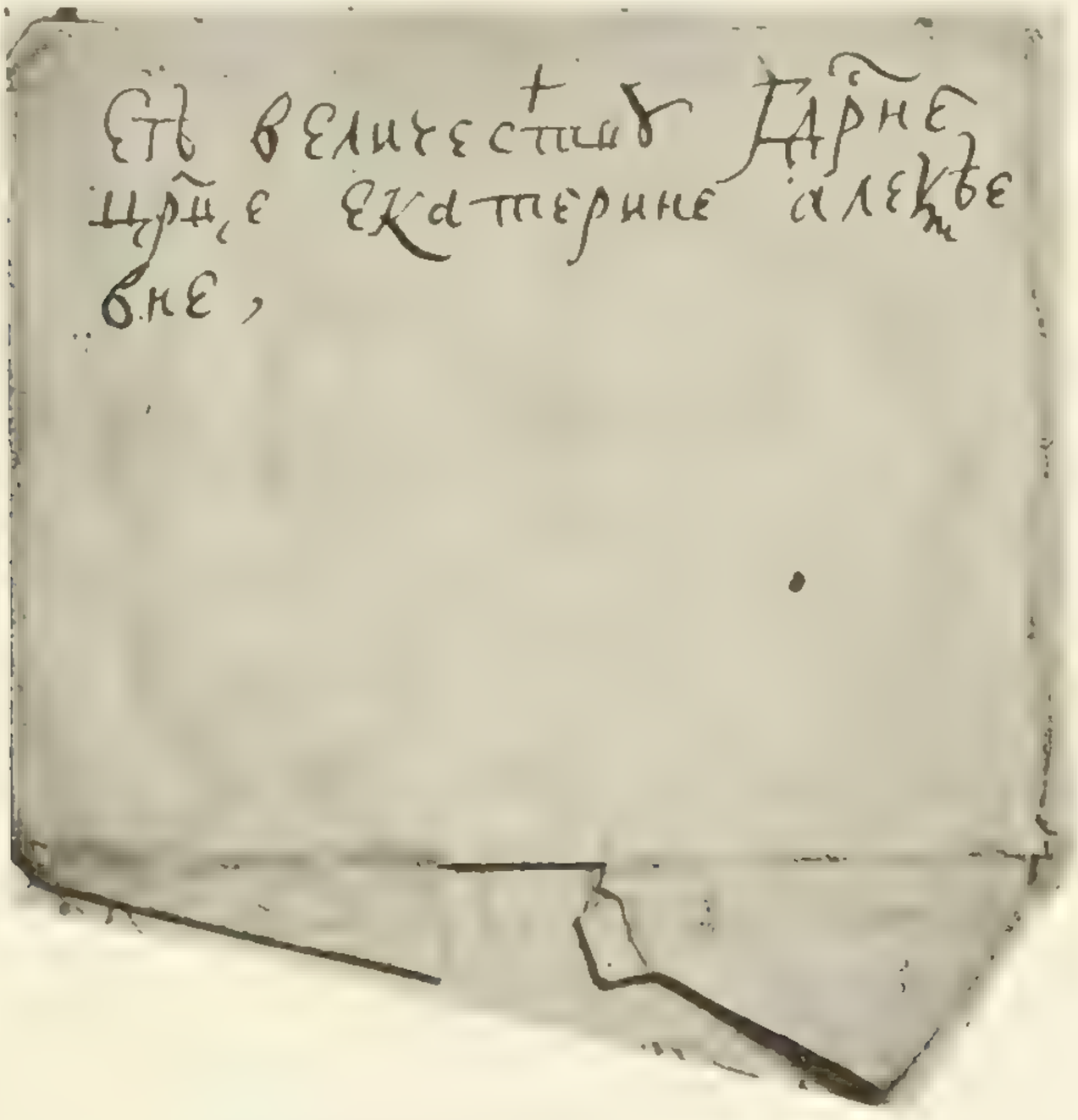
Придворную охоту въ это время составляли: собственная охота Ея Величества, своры собакъ правительницы Анны Леопольдовны и ея супруга и своры, конфискованныя у Артемія Петровича Волынскаго и у бывшаго регента Бирона [264]). При собакахъ правительницы Анны Леопольдовны состоялъ придворный егерь Пфицманъ, а при собакахъ ея мужа—егерь Муліи. Въ Сентябрѣ 1740 года всѣхъ собакъ при петербургской псовой охотѣ Ея Величества числилось 185; изъ нихъ: для травли оленей—60, для травли зайцевъ—60, борзыхъ—19, русскихъ различныхъ родовъ—15, большихъ меделянскихъ—21, такселей—6, датскихъ—2 и трюфельныхъ—2 и 52 охотничьи лошади. Штатомъ 22 Сентября 1740 года число собакъ было сокращено до 138; именно положено было содержать: для травли оленей—60, для травли зайцевъ—60, борзыхъ—12, большихъ меделянскихъ—4 и «для труфли» [265]) — 2-хъ. Лошадей было положено имѣть 20 *). Почти

*) Любопытно, что въ 1788 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе отъ 13 Августа о передачѣ изъ С.-Петербургской псовой охоты 45 лошадей во вновь вербовавшійся лейбъ-гусарскій полкъ; лошади выбирались ротмистромъ Томичемъ, и за нихъ оберъ-егермейстерской канцеляріи приказано было выдать по 30 руб. за лошадь.

такое же количество собакъ, именно 124 штуки, имѣлось въ охотѣ принцессы Анны Леопольдовны и ея супруга. Послѣдующія свѣдѣнія о числѣ собакъ относятся къ 1773 году, когда по штату положено было имѣть при псовой охотѣ: 30 борзыхъ, 100 гончихъ (составившихъ двѣ стаи), 12 мордашекъ, 4 духовыхъ и 2 легавыхъ собаки, всего 148 [266]). Въ 1773 году легавыя собаки имѣлись также въ егерской охотѣ; биксенъ-шпаніеры и егеря обязаны были содержать каждый по двѣ собаки, а егерскіе ученики—по одной; всѣхъ же собакъ при егерской охотѣ состояло около 44-хъ. Судя по вышеприведеннымъ спискамъ, преобладающими породами среди собакъ придворной охоты были: борзыя, гончія, меделянскія, датскія, легавыя, таксы или «таксели», бассеты, хорты и русскія [267]). Особенно замѣчательны были такъ называемые «биклесы» или малыя гончія, выписанныя Анною Іоанновною изъ-за границы. Всѣ перечисленныя породы собакъ предназначались или для травли звѣрей — медвѣдей, волковъ, кабановъ, оленей, лисицъ, зайцевъ и т. п., или для ружейной охоты за дичью, или же, наконецъ, для пріисканія трюфелей. Въ большомъ количествѣ собаки пріобрѣтались за границей—во Франціи и Англіи. Напримѣръ, въ 1740 году русскій посолъ при французскомъ дворѣ князь Кантемиръ купилъ для Императрицы 34 пары собакъ изъ породы бассетовъ (коротконогихъ), заплативъ за нихъ 1100 рублей; доставка этихъ собакъ въ Петербургъ обошлась въ 281 рубль. Вмѣстѣ съ собаками для ухода за ними въ Петербургъ прибыли французскіе пикеры, Жанъ Дюбуа и Люисъ Жое [268]). Въ томъ же году посланникомъ княземъ Щербатовымъ пріобрѣтено было въ Англіи, чрезъ посредство англійскаго охотника Смита (бывшаго на службѣ при охотѣ перваго министра Роберта Вальполя), 63 пары разныхъ породъ собакъ—гончихъ, биклесовъ, борзыхъ и хортовъ; собаки эти, съ доставкой въ Россію, обошлись въ 481 ф. стерл., до 2240 р. по тогдашнему курсу [269]).

О состояніи описанныхъ выше звѣринцевъ въ царствованія Елисаветы Петровны и Екатерины II мы имѣемъ только немногія отры-

вочныя свѣдѣнія. Коллекціи звѣрей въ это время пополнялись еще болѣе случайно, чѣмъ раньше, и онѣ не увеличивались, а уменьшались [270]). О нѣкоторыхъ отдѣлахъ звѣринца, какъ, напр., объ «ауроксовомъ дворѣ» съ дикими быками или о «маломъ звѣринцѣ» съ американскими оленями, вовсе не встрѣчается свѣдѣній въ источникахъ второй половины XVIII вѣка. На звѣровомъ дворѣ въ 1773 г. содер-


Єтъ величествꙋ Гдрне
црце Екатерине алекѣе
вне,

Надпись Императора Петра I на конвертѣ.

жались только 2 барса, 1 каракула, 4 соболя и 4 лисицы, 3 рыси, 1 волкъ и 1 песецъ [271]). Львовъ и леопардовъ уже не было. Для птицъ, содержавшихся въ менажеріи перваго Дворцоваго сада и отчасти въ Лѣтнемъ саду, устроенъ былъ при Екатеринѣ II птичій дворъ [272]) близъ Итальянскаго сада, на Лиговскомъ каналѣ; вмѣстѣ съ птицами сюда были перемѣщены и нѣкоторые звѣри, содержавшіеся въ названныхъ двухъ садахъ. Въ 1773 г. этотъ птичій дворъ, изъятъ былъ

изъ вѣдѣнія канцеляріи отъ строеній и переданъ «по приличности» въ оберъ-егермейстерское вѣдомство [273]). Слоновый дворъ при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1744 г., былъ переведенъ съ Фонтанки на «Невскую перспективу», къ урочищу «Неньки» [274]). Къ началу царствованія Екатерины II, слоновъ здѣсь оставалось немного, и въ 1765 г., по заявленію оберъ-егермейстера, изъ числа 14 слоновъ, присланныхъ изъ Персіи въ 1741 г., «пала послѣдняя слониха» *). «Престарѣлые азіатскіе служители»—слоновщики были отставлены отъ службы, и опустѣвшій слоновый дворъ рѣшено было уничтожить: строенія, находившіяся на этомъ дворѣ, Императрица Екатерина приказала въ 1763 году перенести на егерскій дворъ (бывшій Волынскаго), что на Фонтанкѣ, у Обухова моста.

Повелѣвъ представить планы и смѣты работъ по переноскѣ этихъ строеній, Императрица вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтила, что указанный егерскій дворъ «для всего егерскаго корпуса весьма доволенъ быть можетъ». Оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы возбудить вопросъ о сосредоточеніи въ одномъ мѣстѣ всѣхъ звѣровыхъ и охотничьихъ дворовъ Петербурга и о постройкѣ для нихъ новыхъ зданій. Онъ не замедлилъ представить Императрицѣ проектъ обширнаго каменнаго зданія, съ красивымъ фасадомъ, которое предполагалъ построить на берегу рѣки Фонтанки и по Царскосельской «прешпективной» улицѣ. Рядомъ съ этимъ домомъ предполагалось, въ видахъ экономіи, построить нѣсколько деревянныхъ зданій «на каменныхъ жилыхъ погребахъ». Вся эта постройка по смѣтѣ была исчислена въ 95.000 рублей слишкомъ. Не разсчитывая, что проектъ каменнаго зданія, въ виду его дороговизны, будетъ утвержденъ Императрицей, Нарышкинъ одновременно представилъ другой проектъ постройки для Императорской охоты болѣе простыхъ деревянныхъ зданій, внѣ черты города, за семинаріей Невскаго монастыря, по

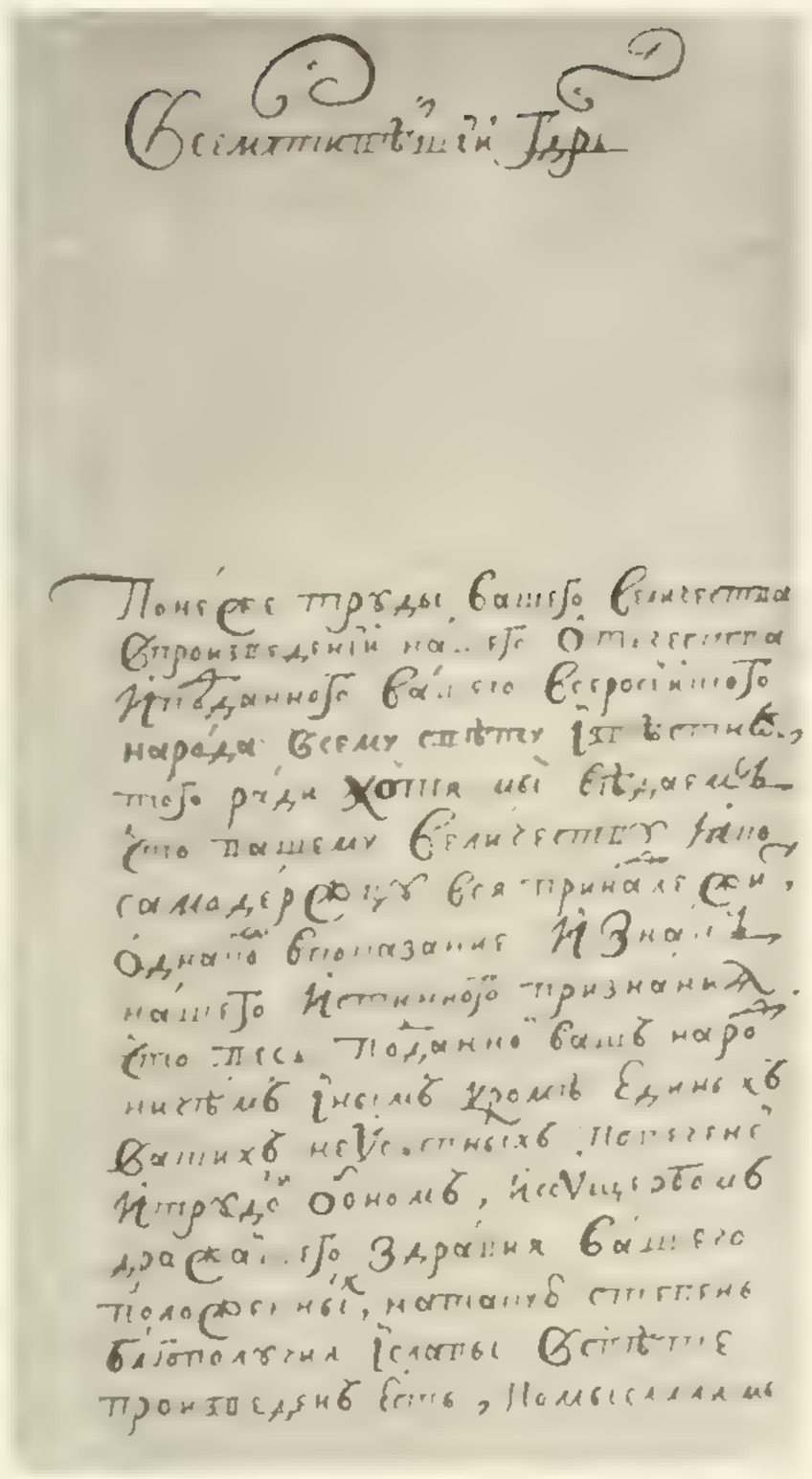
*) См. выше, стр. 146.

берегу Невы, на пустомъ болотистомъ мѣстѣ. Вся постройка за Невскимъ монастыремъ должна была состоять изъ шести отдѣльныхъ дворовъ. На первыхъ двухъ дворахъ предполагалось выстроить: церковь, домъ для канцеляріи, лазаретъ, связь для церковнослужителей, два покоя для школьниковъ. Третій дворъ предназначался для помѣщенія звѣровой охоты и ея служебнаго персонала. Здѣсь наше вниманіе останавливаетъ желѣзный тынъ, предназначавшійся «для выпуску на воздухъ звѣрей». На четвертомъ дворѣ предполагалось возвести рядъ помѣщеній для птичьей охоты, временно проживавшей въ Петербургѣ, а также помѣщеніе для служителей, состоявшихъ при различныхъ мастерскихъ (рисовальной, ружейной, ложеннаго дѣла и проч.). Пятый дворъ предназначался для егерской команды и шестой—для псовой охоты. Кромѣ постройки различныхъ покоевъ и службъ, на этихъ дворахъ предполагалось вырыть нѣсколько прудовъ [275]). Ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ проектовъ не былъ утвержденъ Императрицей, и С. К. Нарышкину пришлось ограничиться ремонтомъ крайне обветшавшихъ старыхъ зданій оберъ-егермейстерскаго вѣдомства, на что въ 1769 году ему ассигновали 3000 р. [276]).

Вопросъ о сооруженіи новыхъ зданій и о соединеніи всѣхъ охотничьихъ учрежденій Петербурга въ одномъ мѣстѣ вновь былъ возбужденъ, спустя слишкомъ десять лѣтъ, при оберъ-егермейстерѣ князѣ П. А. Голицынѣ. Петербургскія учрежденія Императорской охоты въ это время были расположены въ четырехъ мѣстахъ: подлѣ Обухова моста, на «Невской перспективѣ», близъ Преображенскаго полка и въ такъ называемомъ Итальянскомъ домѣ, гдѣ помѣщалась Рустъ-Камера. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ постройки, кромѣ Рустъ-Камеры, были деревянныя и всѣ были «въ крайней ветхости»; на починку ихъ ежегодно употреблялась «знатная» сумма. Слѣдуя мысли своего предшественника С. К. Нарышкина, оберъ-егермейстеръ кн. Голицынъ проектировалъ постройку новаго общаго каменнаго зданія для всѣхъ учрежденій своего вѣдомства. Но онъ не просилъ на это

никакихъ спеціальныхъ ассигнованій. Князь Голицынъ предполагалъ строить новое зданіе по частямъ, на остатки отъ обычныхъ штатныхъ суммъ, обѣщая «со всеусердною тщательностью» откладывать на постройку ежегодно по 10.000 р.; за предшествовавшіе годы ему удалось уже скопить 35.000 р. остатковъ. Князь Голицынъ замѣчательно экономно, «съ хозяйственнымъ попеченіемъ» велъ дѣла своего вѣдомства; онъ установилъ правильные покосы травъ въ звѣринцахъ, тщательный сборъ бурелома лѣса, который до него пропадалъ почти даромъ; съ другой стороны, уменьшилъ цѣны на провіантъ и фуражъ и расходы по перестройкѣ служительскихъ квартиръ и звѣринцевъ. Проектъ расчетливаго оберъ-егермейстера внушилъ полное довѣріе Императрицѣ, и 14 Апрѣля 1780 г. она повелѣла приступить къ постройкѣ новыхъ зданій для Императорской охоты. Составленіе плановъ и фасадовъ новаго зданія Императрица приказала поручить выписанному изъ Италіи архитектору Тромбару. Послѣ этого, однако, прошло еще шесть лѣтъ, прежде чѣмъ кн. Голицынъ могъ приступить къ осуществленію своего проекта. Архитекторъ Тромбаръ составилъ планъ одноэтажнаго зданія: Екатерина нашла болѣе «экономичнымъ» построить зданіе въ два этажа, а затѣмъ въ три. Сначала она рѣшила помѣстить его на Нескахъ, затѣмъ признала болѣе удобнымъ отвести для строенія охоты мѣсто по Царскосельской дорогѣ, за городскимъ валомъ. Дворцовая канцелярія затруднилась выдать оберъ-егермейстеру его сбереженія изъ остатковъ отъ смѣтныхъ суммъ, вѣроятно, потому, что истратила ихъ на другія надобности. Только послѣ особаго повелѣнія Императрицы дворцовая канцелярія уплатила свой долгъ оберъ-егермейстерскому вѣдомству, превышавшій въ 1783 году 100.000 рублей. Подрядчики, приглашенные на торги, запросили «необычайную цѣну» въ 500.000 р., и кн. Голицыну съ большимъ трудомъ удалось понизить ее до 360.000. Только къ началу 1785 г. всѣ эти затрудненія были устранены; 5 Февраля 1785 г. новый проектъ трехъэтажнаго зданія былъ утвер-

жденъ Императрицей, и въ Мартѣ слѣдующаго года работы были начаты. Часть зданія была сооружена черезъ два года, но весь планъ выполненъ былъ только въ концѣ царствованія Императора Александра I [277]).



Подлинный актъ титула «отца отечества Императора Всероссійскаго Петра Великаго», преподнесенный Императору Петру I Сенатомъ въ 1721 г.

Мы перейдемъ теперь къ описанію звѣринцевъ и охотничьихъ учрежденій всякаго рода, существовавшихъ въ окрестностяхъ Петербурга: въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ, Гатчинѣ и друг., въ связи съ нѣкоторыми данными изъ общей исторіи этихъ мѣстностей.

Петергофъ. Петергофъ былъ любимѣйшей лѣтней резиденціей Петра Великаго; начало устройству его положено было вскорѣ послѣ основанія Петербурга. Около 1709 г. здѣсь устроена была гавань, и выстроенъ небольшой домъ для Государя на берегу моря. Сооруженіе большого дворца начато было, по приказанію Петра, въ 1711 г. французскимъ архитекторомъ Леблономъ или «Леблондомъ». Впослѣдствіи Петръ самъ наблюдалъ за постройкой дворца, за устройствомъ «плезирныхъ» садовъ и фонтановъ. Въ 1721 г., какъ видно изъ дневника Бергхольца, Петергофъ былъ уже благоустроеннымъ загороднымъ мѣстомъ, съ двухъэтажнымъ дворцомъ, маленькимъ домикомъ въ голландскомъ стилѣ «Монплезиромъ» и бесѣдкой Марли, которую Петръ называлъ «Mon bijou», съ большими садами, верхнимъ и нижнимъ.

съ фонтанами и каскадомъ. Работы по украшенію садовъ въ это время еще не были закончены [278]); многіе проектированные Петромъ I фонтаны и постройки исполнены были уже послѣ его смерти.

Въ верхнемъ Петергофскомъ саду при Петрѣ Великомъ начато было еще до 1721 г. сооруженіе обширнаго звѣринца. Послѣ смерти Петра работы по сооруженію этого звѣринца были прекращены, и онъ оставался неоконченнымъ до первыхъ лѣтъ царствованія Анны Іоанновны. Петергофскій звѣринецъ, окончательно устроенный въ 1731—1736 гг. и получившій затѣмъ названіе Стараго, занялъ обширное пространство до шести квадратныхъ верстъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположенъ паркъ «Александрія» [279]). Для ружейной стрѣльбы Императрицы въ звѣринцѣ была построена красивая бесѣдка, называвшаяся «Темплемъ».

Въ Старомъ звѣринцѣ больше всего было оленей разныхъ породъ. Въ Декабрѣ 1737 г. Императрица приказала привезти сюда изъ Москвы (изъ Измайловскаго звѣринца) «нѣмецкихъ оленей и мараловъ (сибирскихъ оленей) по 50 звѣрей, кабановъ рослыхъ до 15 и такихъ, которые тамъ для заводу быть не годны» [280]). Въ Іюлѣ 1737 г. въ Петергофскій звѣринецъ переведенъ былъ изъ Петербурга слонъ. Кромѣ того, здѣсь содержались ауроксы, зубры («изюбры») [281]), дикія козы и въ началѣ царствованія Анны Іоанновны — тигры и буйволы. Здѣсь же было большое количество зайцевъ, содержавшихся для придворныхъ охотъ; зайцы нерѣдко подрывались подъ ограду звѣринца и убѣгали. Узнавъ объ этомъ, Анна Іоанновна приказала весною 1738 г. вдоль всей городьбы вбить колья на полтора аршина въ землю, оставивъ $^1/_2$ аршина наружу [282]). Кромѣ указанныхъ звѣрей, въ Старомъ звѣринцѣ содержались также и птицы, индѣйскія куры и сѣрыя куропатки, которыя также, какъ и зайцы, предназначались для охотъ самой Императрицы [283]).

Въ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны отдѣльно отъ «стараго звѣринца» устроены были небольшіе звѣринцы — *кабаній*,

заячій и *малый*. Въ кабаньемъ звѣринцѣ сдѣланъ былъ для кабановъ большой сарай въ 12 саженъ длины, 5 саженъ ширины и 1 сажень высоты, съ 4 хлѣвами и лавками по стѣнамъ. Въ заячьемъ звѣринцѣ, кромѣ зайцевъ, помѣщались въ 1740 г. также кабаны и дикія козы, и здѣсь же построены были 4 сарая для выписанныхъ въ 1741 г. изъ Москвы оленей, кабановъ и козъ [284]). Въ Маломъ звѣринцѣ содержались фазаны подъ присмотромъ фазанъ-егеря. Климатъ Петергофа, впрочемъ, вскорѣ былъ признанъ для фазановъ неблагопріятнымъ и въ 1740 г. ихъ перевели въ Царскосельскій и другіе звѣринцы.

Въ 1740 г. въ Петергофскихъ звѣринцахъ находилось всего 80 головъ звѣрей, въ томъ числѣ 25 оленей нѣмецкихъ, 30 мараловъ (сибирскихъ оленей), 24 кабана и одинъ лось. Въ этомъ же году въ Петергофъ перевели съ Петербургскаго звѣрового двора 21 американскихъ оленя, такъ какъ яхтъ-штатомъ 1740 г. опредѣлено было содержать въ Петергофѣ всѣхъ американскихъ оленей «сколько есть и впредь будетъ» [285]). Вторымъ яхтъ-штатомъ 1741 г. установлена была норма для числа звѣрей въ Петергофѣ,—110 штукъ (72 оленя, 35 кабановъ, лось и 2 дикихъ козы). Однако, въ Апрѣлѣ того же года наличное число оленей превышало штатное—на пятнадцать штукъ. Различныя породы оленей—бѣлые, малые, американскіе, нѣмецкіе и сибирскіе, помѣщались главнымъ образомъ въ старомъ звѣринцѣ. Бѣлые олени употреблялись для «парфорсъ-яхта» и доставлялись изъ Олонца.

Въ половинѣ 1741 года Старый звѣринецъ оказалось необходимымъ расширить и исправить, такъ какъ онъ, по словамъ форштмейстера Газа, былъ «весьма ветхъ» и внушалъ опасеніе, какъ бы отъ «погоды городьба вѣтромъ не обвалилась, и звѣри не ушли». Канцелярія отъ строеній затребовала отъ Петергофской конторы планъ и смѣту на работы по починкѣ и переустройству звѣринца; но были ли произведены эти работы—мы не знаемъ [286]).

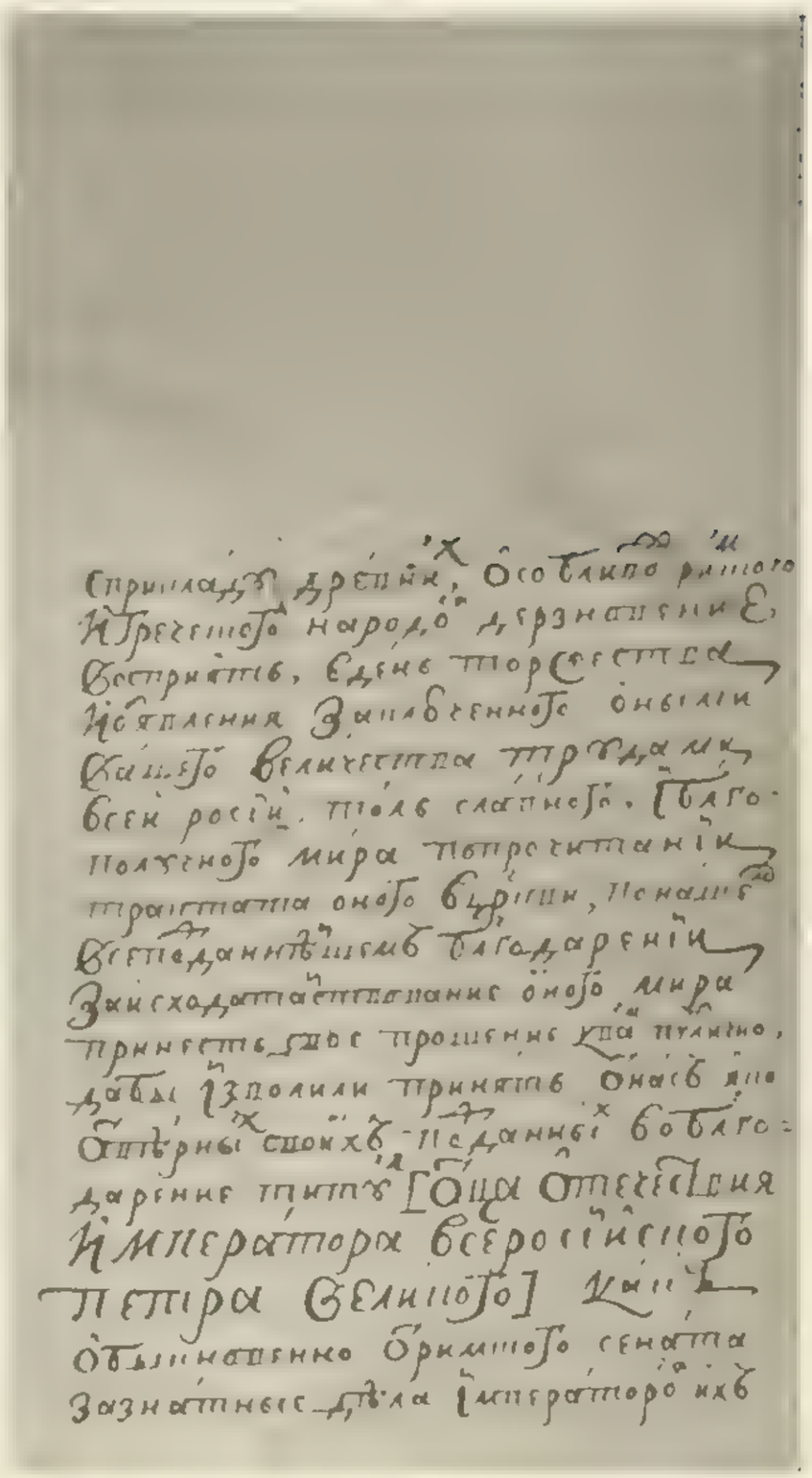
Около этого же времени было приказано «въ старомъ звѣринцѣ въ низу стоящемъ лѣсѣ верхи сравнять противъ нижняго сада, чтобъ изъ звѣриныхъ палатъ до стрѣльны весь берегъ видно было». Въ Петергофскихъ «приморскихъ» прудахъ были насажены стерляди и карпіи, «но эту рыбу ловили и поѣдали какіе-то звѣри». Императрица Анна Іоанновна, когда ей было объ этомъ доложено, велѣла выписать изъ-за границы инструменты для ловли этихъ звѣрей. Инструменты были выписаны названіемъ *теллеръ-эйзенъ* изъ «Дрѣзена». При Петергофскихъ садахъ содержался постоянный караулъ изъ солдатъ, въ томъ числѣ при звѣринцѣ у двоихъ воротъ по 3 человѣка и въ Новомъ заячьемъ звѣринцѣ 3 человѣка.

Въ 1757 году Императрица Елисавета Петровна приказала возобновить въ Петергофѣ мѣста, гдѣ ставятся цѣли, которыя были въ Монплезирѣ, почему велѣно было прислать изъ Оружейной, по выбору присутствующаго при оберъ-егермейстерской канцеляріи, четыре штуцера и дюжину пистолетовъ лучшихъ мастеровъ, осмотрѣвъ и испробовавъ ихъ порохомъ, «чтобъ было возможно Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ стрѣлять безъ малѣйшаго затрудненія» [287]).

Въ первые годы царствованія Екатерины Великой, всѣ Петергофскія дворцовыя учрежденія, въ томъ числѣ и учрежденія придворной охоты, были въ крайне запущенномъ состояніи. Вотъ что объ этомъ писала Императрица 8 Іюня 1768 года графу Панину: «Только безъ сердца видѣть не можно, какъ все злѣсь запущено, хотя съ 1762 года я на то выдала 180.000 рублей, а старый хрычъ, вмѣсто того, чтобы Петергофъ чинить, чортъ знаетъ, что изъ тѣхъ денегъ дѣлалъ» [288]). Вѣроятно, такое плачевное состояніе Петергофа было одною изъ причинъ того, что Екатерина II его не любила. «Я сегодня», писала она г-жѣ Бьелке въ 1772 г., «оставила мое любезное, мое прелестное Царское село и отправилась въ отвратительный, ненавистный Петергофъ, котораго я терпѣть не могу, чтобы праздновать тамъ день моего восшествія на престолъ и день св. Павла. Послѣ этихъ словъ

А. Г. Рябушкинъ. Императрица Анна Іоанновна въ Петергофскомъ звѣринцѣ на охотѣ; при ней герцогъ Бирон̀ъ и Оберъ-Егермейстеръ Волынскій.

Вы, можетъ-быть, захотите знать, откуда я Вамъ пишу? Милостивая государыня, я, какъ школьникъ, выбрала дальнюю дорогу, отправляясь изъ рая въ адъ: я заѣхала въ охотничій домъ, гдѣ ночую эту ночь, а завтра буду въ Петергофѣ» [289]). Къ концу царствованія Екатерины II внѣшній видъ Петергофа нѣсколько улучшился. Въ 1772 г. здѣсь производились большія работы по возобновленію при дворныхъ учрежденій, въ томъ числѣ и учрежденій царской охоты [290]). Такъ, между прочимъ, въ этомъ году чинилась изгородь Большого звѣринца, состоявшая изъ досокъ и кольевъ, при чемъ было поставлено около 1000 звеньевъ изгороди. Нѣсколько позднѣе, въ Іюнѣ 1780 г., въ Старомъ звѣринцѣ начали разбивать Англійскій садъ [291]); тогда же здѣсь построили небольшой домикъ «на видъ крестьянскаго жилища», въ которомъ Императрица Екатерина II нерѣдко обѣдала.



Продолженіе подлиннаго акта титула «отца отечества Императора Всероссійскаго Петра Великаго», преподнесеннаго Императору Петру I Сенатомъ въ 1721 г.

Царское Село. На мѣстѣ Царскаго села во времена шведскаго владычества находилась небольшая финская деревня—Саарская мыза, Saarimojs, т.-е. мыза, стоящая на возвышенности (слово Saari значитъ возвышенность). По именному указу Петра I 31 Мая 1708 г., Сарская мыза была «приписана къ комнатѣ Ея Царскаго Величества», вмѣстѣ съ окружными деревнями и мызами (въ числѣ коихъ была мыза

Пурколовская, названная впослѣдствіи Пулковымъ). Это дало основаніе называть Сарскую мызу по созвучію Царской. Въ 1724 г. здѣсь построили церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и иногда называли Сарскую мызу селомъ Благовѣщенскимъ, но это названіе не привилось, и съ 1725 г. въ офиціальной перепискѣ утвердилось наименованіе Царскаго села [292]). Въ началѣ 1728 года Царское село, со всѣми приписанными къ нему мызами и деревнями, согласно завѣщанію Петра I, поступило по именному указу Петра II въ полное владѣніе Великой Княжны Елисаветы Петровны [293]). Царское село въ это время и до конца XVIII вѣка было окружено дремучими болотистыми лѣсами, въ которыхъ водилось много оленей и медвѣдей. Въ 1772 году въ окрестностяхъ его появилось столько медвѣдей, что жителямъ сосѣднихъ деревень, чтобы поощрить ихъ къ истребленію медвѣдей, обѣщано было выдавать по три рубля за каждаго убитаго звѣря [294]).

Возникновеніе охотничьихъ учрежденій въ Царскомъ селѣ относится къ началу XVIII столѣтія. Еще въ 1710 году, при составленіи плановъ на устройство въ Царскомъ селѣ различныхъ учрежденій дворцоваго вѣдомства, было, между прочимъ, назначено и мѣсто для звѣринца. При межеваніи въ 1711 году Пурколовской мызы показаны, кромѣ дворца и другихъ строеній придворнаго вѣдомства, птичьи дворы и строенія охотъ: псовой, соколиной и кречетьей, которыя помѣщались на особомъ дворѣ. Строенія эти состояли изъ двухъ свѣтлицъ съ кирпичными сѣнями и печами, одной житницы, одной конюшни для охотничьихъ лошадей и двухъ каретныхъ сараевъ. Весь дворъ былъ огороженъ палисадникомъ. Въ такомъ видѣ находились эти строенія 11 Мая 1719 года, когда владѣтельница Пулковской мызы угощала здѣсь «въ первый разъ обѣденнымъ столомъ великаго своего супруга Государя Петра I, услаждавшаго свое зрѣніе изъ оконъ дворца и изъ саду на любезный сердцу его Петербургъ возрастающій» [295]). Къ устройству звѣринца въ Царскомъ селѣ присту-

пили не ранѣе 1718 года. Въ этомъ году выбранное для него мѣсто противъ каменныхъ дворцовыхъ палатъ, на разстояніи отъ нихъ къ западу въ 234 сажени, огорожено было палисадомъ, и кругомъ былъ вырытъ ровъ, шириною съ откосами въ 2 сажени и глубиною въ $2^1/_2$ аршина. Въ окружности звѣринецъ имѣлъ до четырехъ верстъ; на самой серединѣ его былъ сооруженъ большой каменный погребъ. Земля, насыпанная на этотъ погребъ, образовала высокій холмъ, на которомъ поставили большую рѣшетчатую галлерею; на мѣстѣ этой галлереи впослѣдствіи былъ сооруженъ знаменитый Монбежъ (Mon bijou). Отъ галлереи, по направленію къ дворцу, была прорублена въ лѣсу широкая просѣка, превращенная впослѣдствіи въ липовую аллею. На серединѣ этой просѣки были вырыты по бокамъ его два пруда, каждый окружностью въ 94 сажени, предназначавшіеся для разведенія рыбы. Кромѣ этой главной просѣки, отъ галлереи проведено было еще семь просѣкъ—аллей, во всѣ стороны звѣринца. Въ концахъ просѣкъ, названныхъ «блезирами» (plaisirs), около палисадника были поставлены шесть амбаровъ, куда загоняли звѣрей на ночь, и изба для звѣровщиковъ. Черезъ двадцать лѣтъ послѣ устройства этого звѣринца, въ 1739 году, была сооружена вокругъ него новая деревянная изгородь [296]), затѣмъ, въ 1741 году здѣсь построены были четыре амбара, въ томъ числѣ и амбаръ съ избою для караульщиковъ звѣринца [297]).

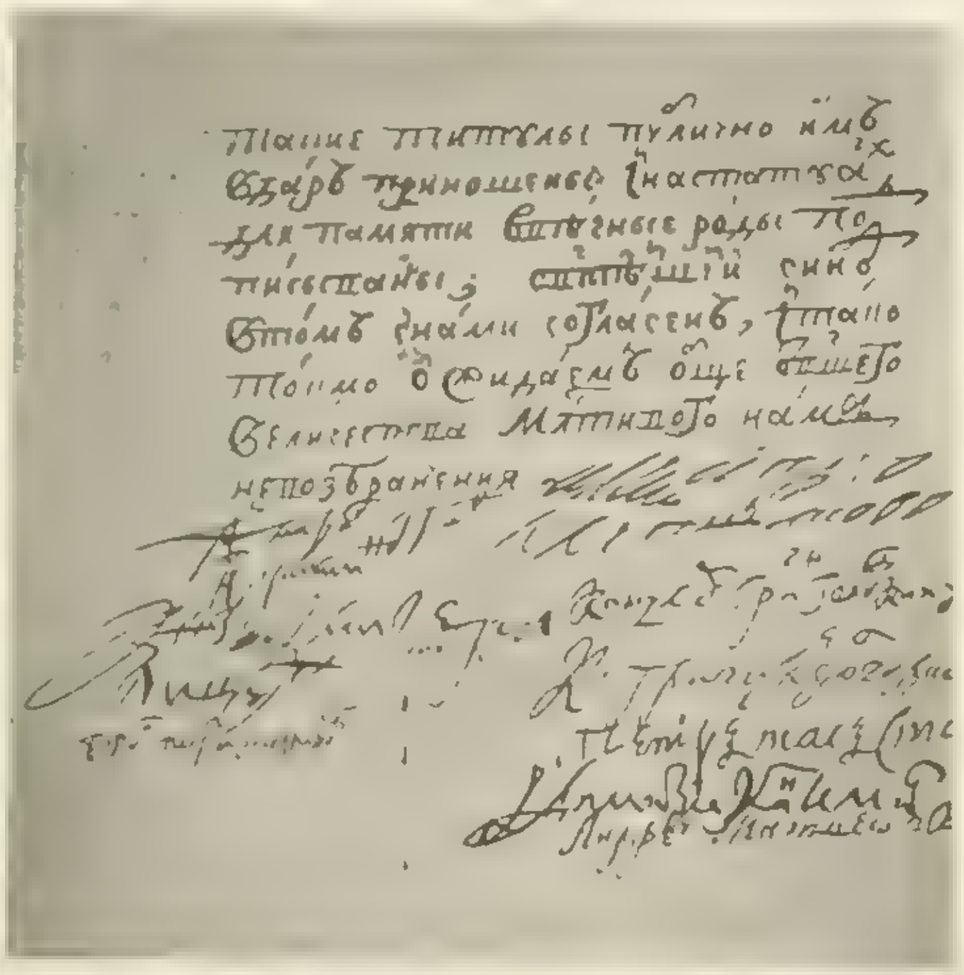
Въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны на мѣстѣ упомянутой выше галлереи было выстроено четырехбашенное зданіе «ягдкамера», названное Монбежемъ (Mon bijou) [298]). Залъ и верхніе павильоны этого зданія были въ 1748—1750 гг. расписаны изображеніями животныхъ и украшены картинами изъ охотничьей жизни, кисти художника *Іоанна Фридриха Грота* (Grooth), небезызвѣстнаго въ исторіи русской живописи. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, портретистомъ, рано умершимъ, Гротъ, сынъ штутгартскаго придворнаго живописца, прибылъ въ Петербургъ въ 1743 г. и занимался сначала

реставраціей картинъ. Въ Декабрѣ 1748 года, онъ былъ принятъ на русскую службу съ большимъ жалованьемъ (1600 руб., кромѣ квартирныхъ денегъ) «для убору въ Царскомъ селѣ ягдкамеры (Монбежа) живописною работою и новыми картинами». Ему поручено было на шпалерахъ и плафонахъ «писать всякаго званія и всякихъ родовъ птицъ и звѣрей», а также написать картины, «болѣе до охоты касающіяся». Гротъ написалъ для Монбежа до 54 картинъ на охотничьи сюжеты, какъ, напримѣръ: 1) «Вечерняя заря; подлѣ большого дуба двѣ застрѣленныхъ утки и другія мелкія птицы, которыхъ стережетъ охотничья собака»; 2) «Ровное поле съ большимъ орломъ, теребящимъ тетерева»; 3) «Въ темномъ лѣсу кабанъ, гонимый тремя собаками, изъ коихъ у одной брюхо клыками распорото»; 4) «Высокій холмъ, съ бѣлымъ медвѣдемъ, на кого нападаютъ двѣ собаки» и т. п. [299]). На куполѣ зданія художникъ написалъ «соковыми красками различныхъ звѣрей и птицъ по лѣсамъ, перелѣскамъ, болотамъ и при озерахъ». Охотничьи картины Грота, исполненныя съ большимъ искусствомъ, очень понравились увлекавшейся охотой Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ *). Довольный успѣхомъ своихъ работъ, Гротъ остался въ Россіи; при Елисаветѣ Петровнѣ онъ носилъ званіе придворнаго живописца; высшая знать нерѣдко посѣщала его мастерскую, чтобы полюбоваться новыми произведеніями его кисти. Въ 1765 г. онъ поступилъ, съ званіемъ академика, въ новоучрежденную академію художествъ преподавателемъ живописи животныхъ и имѣлъ много извѣстныхъ впослѣдствіи учениковъ. Состоя съ 1774 г. почетнымъ вольнымъ общникомъ академіи, Гротъ умеръ въ Петербургѣ въ 1800 г., 83-хъ лѣтъ отъ роду. Картины, украшавшія Монбежъ, въ 1765 г.

*) Одинъ изъ посѣтившихъ Царское село иностранцевъ, нѣкій Дугласъ, оставилъ слѣдующее описаніе Монбежа: По срединѣ парка (звѣринца) расположено маленькое зданіе, окруженное рвомъ, полнымъ водою, черезъ который перекинутъ разводный мостъ, на концѣ котораго имѣется полукруглая лѣстница, ведущая въ маленькую комнату, сообщающуюся съ большой восьмиугольной залой, украшенной картинами, изображающими различныхъ звѣрей и написанными г. Гротомъ [301]).

переданы были въ академію художествъ, гдѣ до начала XIX столѣтія составляли особую Гротовскую галлерею; теперь въ академическомъ музеѣ имѣется только одна картина изъ этой коллекціи—«Битая дичь»; нѣсколько произведеній Грота сохранилось въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ охотничьемъ домикѣ въ с. Ящеры и у частныхъ владѣльцевъ.

Императрица Елисавета Петровна очень интересовалась благоустройствомъ Царскосельскаго звѣринца [300]); въ Маѣ 1750 года она приказала возвести вокругъ звѣринца, вмѣсто деревяннаго палисадника, каменную стѣну; черезъ годъ же, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, по ея приказанію начата была постройка на трехъ углахъ звѣринца каменныхъ бастіоновъ. Сооруженіе ихъ продолжалось до 1755 года [302]); на восточныхъ бастіонахъ лѣтомъ этого года были устроены два павильона или люстгауза [303]). 7 Сентября 1754 г., въ Царское село были приглашены Императрицею Елисаветою Петровною чужестранные министры и другія знатныя «обоего пола персоны». Въ описаніи пребыванія этихъ лицъ въ названномъ пунктѣ, между прочимъ, читаемъ, что они, «сѣвъ въ три линеи, поѣхали садомъ къ звѣринцу и тамъ, бывъ долго, смотрѣли Гротовыя картины, которыя весьма хвалили; а между тѣмъ подогнаны были изъ звѣринца олени сибирскіе и сего рода звѣрей и ихъ крику министры особливо удивлялись». Показывали при Елисаветѣ Петровнѣ Царскосельскій звѣринецъ и его знаменитый Монбежъ съ картинами Грота и другимъ знатнымъ иностранцамъ.



Окончаніе подлиннаго акта титула «отца отечества Императора Всероссійскаго Петра Великаго», преподнесеннаго Императору Петру I Сенатомъ въ 1721 г.

Такъ, 24 Августа 1758 года «возили на гору въ звѣринецъ» турецкаго посланника, а 3 Іюня 1759 года осматривалъ звѣринецъ герцогъ Курляндскій. Впослѣдствіи, въ царствованіе Екатерины II, на одномъ изъ бастіоновъ звѣринца, сѣверовосточномъ, была поставлена вся царскосельская артиллерія [304]). Нѣсколько раньше, въ 1764 году, черезъ весь звѣринецъ, мимо Пулковской горы была проложена дорога, по которой Екатерина Великая часто выѣзжала на прогулку съ птичьею охотою [305]).

Въ Царскосельскомъ звѣринцѣ содержались преимущественно олени, а также другіе звѣри: лоси, кабаны, дикія козы, зайцы. О числѣ ихъ сохранилось очень мало свѣдѣній. Въ 1723 году здѣсь числилось 74 оленя и 3 лося; въ теченіе лѣта 1741 года сюда было пущено: 3 лося, 4 сибирскихъ оленя и 2 нѣмецкихъ, 2 дикихъ козы, 2 дикихъ кабана, 2 дикихъ свиньи и 30 зайцевъ [306]). По штату 1773 года, при Царскосельскомъ звѣринцѣ положено было содержать только 40 оленей-мараловъ, а всѣхъ остальныхъ звѣрей велѣно было продать [307]). Въ описываемомъ звѣринцѣ содержались также и птицы [308]). Въ архивныхъ дѣлахъ 1747 года упоминается, построенный на берегу большого пруда, новый птичій деревянный дворъ, въ которомъ приказано было содержать павлиновъ, лебедей и другихъ рѣдкихъ птицъ [309]). Въ 1774 году въ звѣринцѣ построены были два каменныхъ птичьихъ корпуса, длиною въ 7 и шириною въ 6 саженъ; въ эти зданія птицы помѣщались только на зиму; лѣтомъ же онѣ жили въ саду, гдѣ для нихъ на особыхъ дворикахъ устроены были чуланы. Среди пернатаго населенія этихъ двориковъ мы встрѣчаемъ: павлиновъ различныхъ породъ и цвѣтовъ, журавлей, цесарокъ, лебедей и различныхъ гусей: арзамасскихъ, американскихъ, канадскихъ, гренландскихъ; казарокъ, утокъ и куръ различныхъ породъ [310]). Въ началѣ 1779 года въ Царское село были доставлены изъ Англіи фазаны [311]), которыхъ привезъ «церковникъ» Базилевичъ [312]), оставленный затѣмъ на службѣ въ Царскомъ селѣ, для присмотра за этими птицами.

Въ 30-хъ годахъ при Царскосельскомъ звѣринцѣ помѣщалась собственная псовая охота Великой Княжны Елисаветы Петровны, находившаяся въ вѣдѣніи управителя села Царскаго, мундшенка Андрея Удалова. Эта охота состояла въ 1741 году изъ: 26 борзыхъ, половыхъ, половопѣгихъ, черныхъ, сѣрыхъ, брудастыхъ, 46 гончихъ (23 французскихъ и англійскихъ, 7 «приводныхъ» и 16 домашнихъ гончихъ собакъ), 6 «нщсѣйныхъ» собакъ (вѣроятно, легавыхъ) [313]).

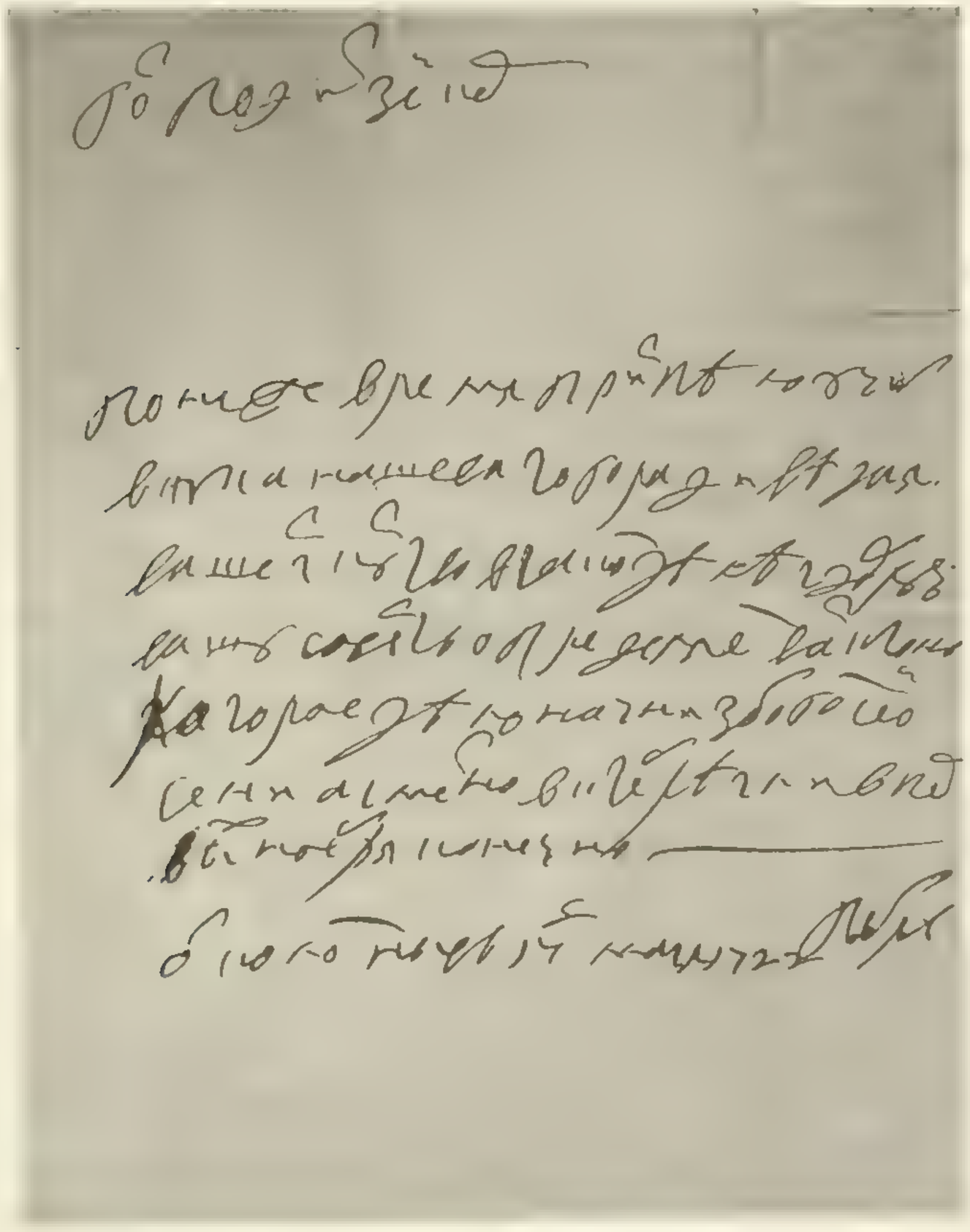
Въ 1742 году въ Царскомъ селѣ временно пребывала часть Императорской птичьей охоты, вѣроятно, вызванная съ Семеновскаго потѣшнаго двора на охотничій сезонъ, при чемъ завѣдываніе ею было поручено охотнику Дмитрію Яковлеву.

Кромѣ описаннаго звѣринца, въ пяти верстахъ къ востоку отъ поселеній нынѣшнихъ Ижорскихъ колонистовъ, былъ расположенъ особаго устройства звѣринецъ для лов ли«забѣглыхъ оленей». Сторожа, приставленные къ этому звѣринцу, замѣтивъ приблизившихся къ нему дикихъ оленей, поспѣшно разбирали прясла изгороди звѣринца въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, при помощи крестьянъ сосѣднихъ деревень окружали оленей, затѣмъ мало по малу сокращая кругъ, заставляли ихъ самихъ забѣжать въ звѣринецъ, черезъ разобранныя прясла. Забѣжавшихъ оленей ловили и доставляли въ Царскосельскій звѣринецъ. Практиковался и другой способъ ловли оленей. Въ звѣринцѣ имѣлись заповѣдныя березовыя рощи; мохъ, покрывавшій старыя березы этихъ рощъ, составлялъ приманку для оленей. Для той же цѣли служили оставлявшіеся въ звѣринцѣ на зиму стога сѣна. Сторожа разбирали изгородь звѣринца, а сами прятались въ укромныхъ мѣстахъ. Какъ только олени входили въ звѣринецъ на приманку сѣна и мха, изгородь поспѣшно забиралась—и добыча была въ рукахъ [314]). Въ царствованіе Екатерины II ловля оленей этими способами постепенно приходила въ упадокъ, и въ Ноябрѣ 1791 года звѣринецъ для забѣглыхъ оленей былъ предоставленъ Ижорскимъ колонистамъ полъ сѣнные покосы [315]).

Екатерингофъ. Объ основаніи Екатерингофа мы знаемъ, что въ 1711 году близъ Калинкинской деревни, на томъ мѣстѣ, гдѣ русскіе 6 Мая 1703 года одержали побѣду надъ шведами, Петръ Великій велѣлъ построить деревянный дворецъ, названный имъ въ честь своей супруги Екатерингофомъ [316]). Въ скоромъ времени около Екатерингофскаго дворца былъ разбитъ прекрасный паркъ, а въ немъ устроенъ небольшой звѣринецъ [317]).

Оберъ-егермейстеръ Артеміи Петровичъ Волынскій составилъ въ 1737 году широкій планъ устройства въ Екатерингофѣ новаго большого звѣринца съ яхтъ-гартеномъ, а также сооруженія въ немъ зданій для различныхъ частей Императорской охоты. Звѣринецъ долженъ былъ занять обширное пространство въ 33 версты окружности; одна ограда его, частью изъ досокъ и частью изъ жердей, должна была обойтись въ 8450 р. Вѣроятно, этотъ звѣринецъ долженъ былъ, по мысли Волынскаго, замѣнить всѣ другіе многочисленные звѣринцы и звѣровые дворы, находившіеся въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Здѣсь же проектировано было построить: покои со службами для Императрицы на случай пребыванія ея въ звѣринцѣ; покои со службами для придворныхъ кавалеровъ; особый конюшенный дворъ съ разнообразными помѣщеніями какъ для служащихъ, такъ и для лошадей; различныя бесѣдки и галлереи, напримѣръ, «Діанинъ Темпель» — каменная бесѣдка съ куполомъ, крытымъ желѣзомъ; наконецъ, зданія для помѣщенія егермейстерской канцеляріи, покои для егерей охотниковъ, дворы для собакъ и конюшни для охотничьихъ лошадей. Стоимость устройства звѣринца и этихъ зданій исчислена была въ 100.780 рублей. Весною 1737 г. работы уже были начаты, мѣстами были сдѣланы просѣки и возведена часть изгороди. Но вскорѣ затѣмъ постройки были остановлены, и грандіозный планъ Волынскаго былъ преданъ забвенію. Старый Екатерингофскій звѣринецъ мало-по-малу разрушался; сохранилось слѣдующее краткое, но яркое описаніе его печальнаго состоянія въ 1740 г.: «огороженъ кольемъ, городьба

развалилась и погнила, въ немъ одинъ амбаръ да изба съ сѣньми ветхая». Въ слѣдующемъ году звѣринецъ этотъ былъ окончательно заброшенъ, и содержавшіеся въ немъ звѣри: олени, лоси и лани были переведены въ Петергофъ [318]).



Письмо Императора Петра I Зейкеръ
(см. Примѣчанія, стр. 283, письмо № 7).

Гатчина. Въ писцовыхъ книгахъ Вотской пятины 1499 года значится между прочими Великокняжескими имѣніями «село Хотчино надъ озеркомъ Хотчиномъ». Названіе деревень, приписанныхъ къ этому селу, соотвѣтствуетъ современнымъ названіямъ деревень, окружающихъ

Гатчину, и это даетъ основаніе утверждать, что село Хотчино находилось какъ разъ тамъ, гдѣ теперь расположена Гатчина [319]). Именнымъ указомъ 31 Мая 1708 года мыза Гатчина была подарена Государемъ Петромъ I-мъ Великой Княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, а послѣ ея кончины, послѣдовавшей въ 1716 г., была присоединена къ дворцовымъ дачамъ [320]). Затѣмъ, по приказанію князя А. Д. Меншикова, мыза Гатчинская съ деревнями и мельницами, которыя были расположены на рѣкѣ Ижорѣ, была отдана во владѣніе «архіатеру» Ивану Блюментросту. Когда Блюментростъ былъ уволенъ отъ службы, то Гатчинское имѣнье въ 1732 г. у него было отобрано и приписано къ владѣніямъ Дворцовой канцеляріи. Послѣ этого Гатчина еще два раза переходила въ частныя руки и снова возвращалась въ дворцовое вѣдомство. Въ 1734 году Императрица Анна Іоанновна пожаловала Гатчину тайному совѣтнику князю Куракину, но послѣ его смерти Гатчина была куплена у наслѣдниковъ и снова поступила въ дворцовое вѣдомство [321]). Екатерина II по восшествіи на престолъ подарила Гатчину князю Григорію Григорьевичу Орлову [322]), а послѣ его смерти купила ее у братьевъ Орлова и 6 Августа 1783 г. отдала во владѣніе наслѣднику престола Павлу Петровичу.

Гатчинскій звѣринецъ устроенъ былъ княземъ Г. Г. Орловымъ: здѣсь при князѣ Орловѣ содержались, между прочимъ, фазаны и американскіе олени, которыхъ ему подарила Императрица Екатерина 15 Марта 1771 г. [323]). По проекту князя Орлова, звѣринецъ этотъ долженъ былъ занять очень большую площадь земли, но кн. Орловъ не успѣлъ вполнѣ осуществить свой планъ. Сохранилось слѣдующее краткое описаніе этого звѣринца, относящееся къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины, когда Гатчина находилась во владѣніи Великаго Князя Павла Петровича: «Звѣринецъ очень обширенъ, хотя онъ и не занимаетъ всего того пространства, которое ему предназначалось прежнимъ владѣльцемъ, княземъ Орловымъ. Нѣсколько романтическихъ домиковъ для лѣсничихъ, много пріятныхъ мѣстъ для прогулокъ,

звѣздообразныя аллеи и цвѣточныя клумбы составляютъ его прелесть. Одна изъ этихъ аллей направляется къ самой высокой изъ Дудергофскихъ горъ, на вершинѣ которой виднѣется кирка. Въ звѣринцѣ содержится много краснаго звѣря» [324]).

Ораніенбаумъ, представлявшій изъ себя вначалѣ бѣдную деревушку, былъ подаренъ Петромъ I князю А. Д. Меншикову. Въ 1714 году Меншиковъ построилъ себѣ въ Ораніенбаумѣ загородный домъ и усадьбу. Отобранный въ казну послѣ паденія временщика, Ораніенбаумъ былъ въ 1743 году подаренъ Императрицею Елисаветою Петровною наслѣднику престола, Великому Князю Петру Ѳеодоровичу [325]). Великій Князь завелъ здѣсь, какъ мы уже упоминали раньше, егерскую и псовую охоту и приступилъ къ устройству звѣринца [326]). Въ этомъ звѣринцѣ содержались дикія свиньи и американскіе олени. Послѣдній разъ Ораніенбаумскій звѣринецъ въ документахъ упоминается въ 1773 году. Кромѣ звѣринца, въ Ораніенбаумѣ имѣлась оружейная камера, переданная въ 1768 году въ оберъ-егермейстерское вѣдомство и переведенная послѣ этого въ Петербургъ, въ Итальянскій домъ [327]).

Въ **Дудергофѣ** охотничьи учрежденія появляются въ концѣ XVIII вѣка. Въ Маѣ 1770 года Императрица Екатерина II приказала построить при Дудергофской горѣ «фазанарію». До 1778 года Дудергофская «фазанарія», состоявшая въ завѣдываніи особаго фазанъ-егеря, числилась въ вѣдомствѣ Краснаго села, въ 1781 году была причислена къ Царскосельскому дворцовому вѣдомству, а въ 1796 году снова перешла въ прежнее Красносельское дворцовое управленіе. По даннымъ 1778 года въ этомъ заведеніи содержалось 159 фазановъ [328]).

Въ **Красномъ селѣ** въ 1764 г., по приказанію Императрицы Екатерины, устроенъ былъ сокольничій дворъ, со всѣми необходимыми помѣщеніями для птицъ и служителей, для «непремѣннаго», т.-е. постояннаго содержанія въ немъ птичьей охоты. Въ этомъ дворѣ помѣщены были ловчія птицы, кречеты и челиги кречетьи, которые

были привезены въ 1763 г. «изъ Дацкой земли отъ Дацкаго короля». Птицъ велѣно было принять въ оберъ-егермейстерское вѣдомство и «довольствовать ихъ, яко прочую охоту, по надлежащему и по показанію прибывшаго при оныхъ птицахъ королевскаго фалкъ-егеря». На этомъ же дворѣ останавливались, надо полагать, и сокольники съ ловчими птицами, прибывавшіе въ Петербургъ изъ Москвы съ Семеновскаго потѣшнаго двора на лѣтнее время, для охотъ Императрицы Екатерины [329]).

II. Москва.

Семеновскій потѣшный дворъ. Первое мѣсто среди московскихъ охотничьихъ учрежденій принадлежало старому Семеновскому потѣшному двору — средоточію царской птичьей охоты. Излюбленная московскими царями красная соколья потѣха въ придворной жизни XVIII вѣка отступила, какъ мы видѣли, на второй планъ передъ охотами псовой и ружейной; но она не была совершенно забыта. О ней вспоминали всякій разъ, когда приходилось отправлять пословъ къ кому-либо изъ восточныхъ государей. При посѣщеніи Москвы, императрицы всегда развлекались красивыми соколиными ставками. Сокольниковъ съ соколами и кречетами часто также требовали въ Петербургъ ко двору; Екатерина Великая предпочитала соколиную охоту всѣмъ другимъ и въ первые годы царствованія, какъ мы указывали, постоянно развлекалась выѣздами въ поле съ ловчими птицами.

Въ концѣ XVII столѣтія на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ имѣлись царскія хоромы, повидимому, нерѣдко служившія мѣстопребываніемъ царской семьи. Въ Іюнѣ 1687 года на обивку дверей и оконъ этихъ хоромъ было затрачено 18 аршинъ дорогого англійскаго краснаго сукна, а въ Августѣ того же года въ тѣ же хоромы было отпущено съ казеннаго двора 20 иконъ. Въ теченіе всего XVIII вѣка на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ сохранялся въ общихъ чертахъ

жизненный распорядокъ, установившійся въ царствованіе Алексѣя Михаиловича [330]). Изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалось трудное искусство обученія дикихъ хищныхъ птицъ, которыя нелегко свыкались съ неволей. Такъ же, какъ въ старое московское время, сокольники и кречетники Семеновскаго двора свидѣтельствовали [331]) и испытывали птицъ, доставлявшихся помытчиками съ Волги и съ сѣвера, осторожно приручали ихъ, «выдерживали и вынашивали». Дѣятельность Семеновскаго двора, однако, сильно сократилась въ XVIII столѣтіи, вмѣстѣ съ упадкомъ значенія сокольей охоты [332]).

Головинскій дворецъ въ Нѣмецкой слободѣ г. Москвы. (Собраніе П. Я. Дашкова).

Громадное количество ловчихъ птицъ, достигавшее при Алексѣѣ Михаиловичѣ до 3000 штукъ, черезъ двадцать лѣтъ послѣ его смерти, къ 1696 г., понизилось до ничтожной сравнительно цифры — 49 птицъ, на кормъ которыхъ ежедневно расходовалось по 36 к. 1½ деньги. За все послѣдующее время на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ находилось обыкновенно не болѣе 100 соколовъ и кречетовъ; только въ царствованіе Петра Великаго число ихъ три раза нѣсколько превышало цифру 100. Наличное количество ловчихъ птицъ на Семеновской царской кречетнѣ постоянно сильно измѣнялось въ предѣлахъ отъ двухъ десятковъ до сотни, въ зависимости отъ отправки обученныхъ соколовъ въ Петербургъ или за границу и отъ успѣшности улова дикихъ птицъ помытчиками [333]). Такъ, напримѣръ, въ Іюнѣ 1740 года всего насчитывалось 70 птицъ, въ томъ числѣ: 25 кречетовъ, 12 челиговъ кречетьихъ, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребьихъ и одинъ балабанъ; черезъ два же мѣсяца, въ Сен-

тябрѣ того же года, птицъ было уже только 30 штукъ: 7 кречетовъ, 2 челига кречетьихъ, 15 соколовъ и 6 ястребовъ *) [334]). Въ виду такой неустойчивости численнаго состава кречетни, ни въ одномъ изъ яхтъ-штатовъ для него не было установлено постоянной нормы. Первымъ яхтъ-штатомъ велѣно было содержать на потѣшномъ дворѣ соколовъ и кречетовъ столько, «сколько ихъ есть и впредь будетъ», и яхтъ-штатомъ 1773 года—«сколько оныхъ въ которомъ году помкнуто и принесено будетъ, безъ недостатка» [335]).

Незадолго до изданія этого послѣдняго яхтъ-штата, а именно въ 1771 г. Оберъ-Егермейстерская канцелярія, не ограничивая численности кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, постановила держать при охотѣ только 6 соколовъ и 2 ястребовъ. Но яхтъ-штатъ 1773 г. не подтвердилъ этого постановленія, которое на практикѣ оказалось неудобоисполнимымъ: въ случаѣ недостаточнаго улова кречетовъ, ихъ неизбѣжно приходилось замѣнять соколами и ястребами [336]).

Неволя гибельно дѣйствовала на ловчихъ птицъ; онѣ очень скоро хирѣли, теряли силы и свои охотничьи способности. Кромѣ непривычки къ подневольной жизни, на нихъ вредно вліяла также перемѣна климата. Черезъ два, три года, при наилучшемъ уходѣ, соколы и кречеты становились непригодными для выѣздовъ въ поле, оказывались «къ держанію неспособными». Поэтому главная команда оберъ-егермейстерскаго вѣдомства строго слѣдила за тѣмъ, «дабы негодныя птицы на корму не состояли», и своевременно были удаляемы изъ охоты [337]). Кромѣ ежемѣсячныхъ вѣдомостей наличнымъ птицамъ, статейничій обязанъ былъ подавать особые рапорты о каждой вновь принятой, «выбылой» или «упалой» птицы. Негодныхъ птицъ или продавали

*) Другой примѣръ: въ Январѣ 1726 года на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ числилось 19 птицъ, въ томъ числѣ два кречета, два челига кречетьихъ и 15 соколовъ; въ Февралѣ того же года число птицъ сразу возрастаетъ до 59, при чемъ вся прибыль приходится на долю кречетовъ и ихъ челиговъ, общее число которыхъ достигло тогда 44.

за недорогую цѣну частнымъ лицамъ, или же, когда покупателей не находилось, отпускали на волю [338]). Такія птицы, естественно, оцѣнивались очень низко; въ 1782 году, напримѣръ, за девять птицъ со стороны покупателей предложено было только 4 р. 10 к., такъ что Оберъ-Егермейстерская контора предпочла выпустить этихъ птицъ на свободу [339]).

Обученіе ловчихъ птицъ, ихъ «выноска и справка» производились какъ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, такъ и на спеціально приспособленномъ для этого Тюхальскомъ потѣшномъ дворѣ, который стоялъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Тюхалева роща, т.-е. за Симоновымъ монастыремъ, близъ деревни Кожуховки [340]). Здѣсь ежегодно въ лѣтнее время проживало нѣсколько кречетниковъ, сокольниковъ и ястребниковъ, занимавшихся «справкою» птицъ; на случай дождя и жары были построены изъ хвороста плетеные сараи, покрытые соломой. Для обученія ловчихъ птицъ на Семеновскій и Тюхальскій потѣшные дворы изъ дворцовыхъ и другихъ подмосковныхъ волостей доставлялись попрежнему «коршаки, осорьи и воронки».

Кормили ловчихъ птицъ или говяжьимъ мясомъ, или мясомъ голубей, воронъ и галокъ, при чемъ на кормъ кречетамъ шли вороны, а на кормъ соколамъ голуби и галки [341]). Голубиной повинности—главнаго источника для корма птицъ при Алексѣѣ Михаиловичѣ—въ описываемое время уже не существовало. По свѣдѣніямъ, относящимся къ 1724 году, голуби, вороны и галки ловились въ подмосковныхъ дворцовыхъ, архіерейскихъ и монастырскихъ волостяхъ сокольниками и ястребниками, которые посылались «на три дороги, по два человѣка на дорогу». Крестьяне обязаны были отводить сокольникамъ постоялые дворы, «а какъ станутъ тѣхъ птицъ ловить и воронники вновь ставить и старые починивать, и въ томъ... чинить имъ... вспоможеніе, давать работныхъ людей, сколько человѣкъ пристойно, и ихъ, сокольниковъ и ястребниковъ, поить, кормить и государевымъ лошадямъ, которыя съ ними будутъ, давать кормъ, сѣно

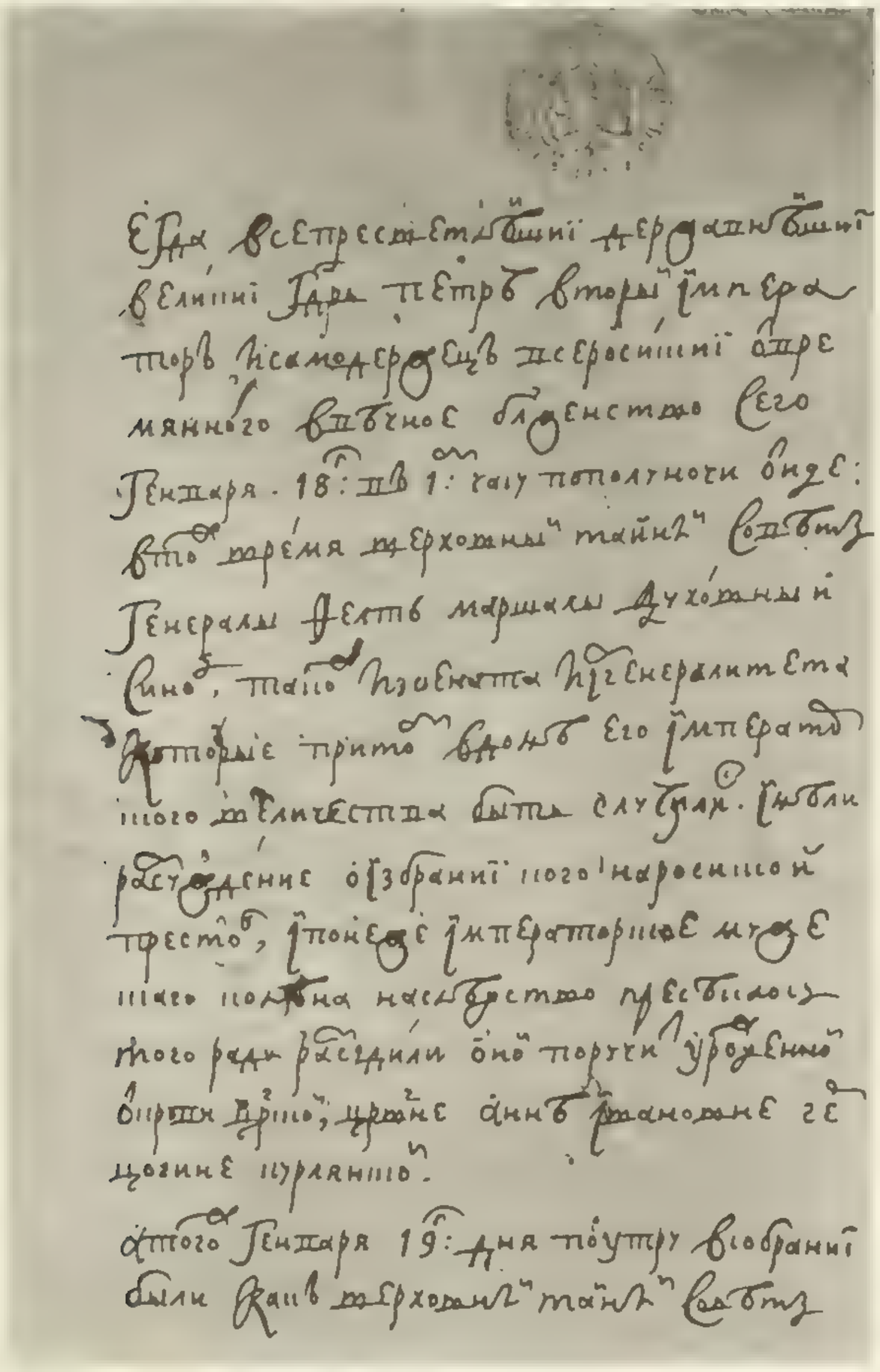
и овесъ, чѣмъ имъ быть сытымъ, и на прокормку воронкамъ давать мясища» [342]). Въ позднѣйшее время голуби на кормъ ловчимъ птицамъ добывались инымъ путемъ, а именно, покупались отъ крестьянъ. Имѣются свѣдѣнія, что въ 1745 г. статейничему Савватію Ларіонову выдано было за четыре мѣсяца (Январь—Апрѣль) 100 р. «на покупку мяса говяжья и голубей» [343]). На подстилку ловчимъ птицамъ употреблялась ржаная солома, которой по штату 1741 года положено было доставить 83 воза [344]). Въ лѣтнее время ловчихъ птицъ, привыкшихъ къ суровому климату сѣверныхъ странъ, обливали обыкновенно холодною водою [345]).

Ловчія птицы содержались на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ въ такъ называвшихся «птичьихъ покояхъ» [346]): зимою—въ теплыхъ «свѣтлицахъ» [347]), лѣтомъ—въ «птичьихъ амбарахъ», въ которыхъ онѣ сидѣли на шестахъ, обитыхъ ровнымъ холстомъ. Днемъ на птицъ надѣвали клобучки, но, несмотря на это, онѣ сидѣли въ свѣтлицахъ очень безпокойно, постоянно пугались, что вредно отражалось на ихъ здоровьи. Въ виду этого Оберъ-Егермейстерская канцелярія въ 1775 г. сдѣлала опытъ держать птицъ зимою не въ свѣтлицахъ, а въ особо устроенныхъ темныхъ «выходахъ», полагая, что птицы, находясь «въ темномъ мѣстѣ», будутъ сидѣть спокойнѣе и, благодаря этому, дольше сохранятъ свои охотничьи способности, «проживутъ въ командѣ года два-три и добывать будутъ хорошо». О дальнѣйшей судьбѣ названныхъ «выходовъ» свѣдѣній не сохранилось [348]).

Птицы, предназначавшіяся для «выноски» и корма ловчихъ птицъ—голуби, вороны и проч.,—содержались въ голубятняхъ и въ амбарахъ, называвшихся «воронниками» [349]). Кромѣ всѣхъ этихъ птичниковъ разнаго рода, на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ было много разнообразныхъ службъ: сараевъ, «магазейновъ», конюшенъ для сокольничьихъ лошадей *).

*) Мы имѣемъ любопытныя свѣдѣнія отъ 1786 года о пріобрѣтеніи верховыхъ лошадей яловой и сѣрой масти отъ 20 до 25 рублей за лошадь [350]).

Всѣ эти постройки очень рѣдко ремонтировались и съ теченіемъ времени пришли въ крайнюю ветхость. Въ 1773 году оберъ-егер-



Подлинный актъ Верховнаго Тайнаго Совѣта объ избраніи Анны Іоанновны Императрицею Всероссійской 19 Января 1730 года.

мейстеръ Нарышкинъ, на ремонтъ построекъ Семеновскаго двора, какъ и Измайловскаго звѣринца, испрашивалъ крупную сумму до 22.000 рублей [351]). Рѣшено было возобновлять эти зданія постепенно,

ассигнуя ежегодно 2000 рублей на починку и перестройку всѣхъ помѣщеній московскихъ охотъ, кромѣ Измайловскаго звѣринца [352]).

Мы не имѣемъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить, насколько хорошо велось хозяйство Семеновскаго двора, но отдѣльные, извѣстные намъ, факты рисуютъ это хозяйство далеко не въ блестящемъ видѣ. Ветхость «птичьихъ покоевъ» не могла не оказывать вреднаго вліянія на здоровье ловчихъ птицъ [353]). Иногда же, какъ въ 1757 году, случалось, что эти ветхіе покои не отапливались по нѣскольку дней, въ самое холодное время—въ Декабрѣ мѣсяцѣ, за недостаткомъ дровъ. Кормъ, предназначавшійся для птицъ, замерзалъ; «птицы пришли въ великое несостояніе», такъ что двѣ изъ нихъ «отъ нетопленія свѣтлицъ свалились» [354]). Оберъ-Егермейстерская контора, опасаясь, какъ бы птицы «за неотопленіемъ покоевъ не могли прійти въ наивящшее несостояніе и упадокъ», опредѣлила отпустить на Семеновскій дворъ двѣ сажени дровъ, негодныхъ, оставшихся отъ раздачи служителямъ, и предписала при этомъ употреблять эти дрова «въ расходѣ подлежаще, безъ излишества» [355]).

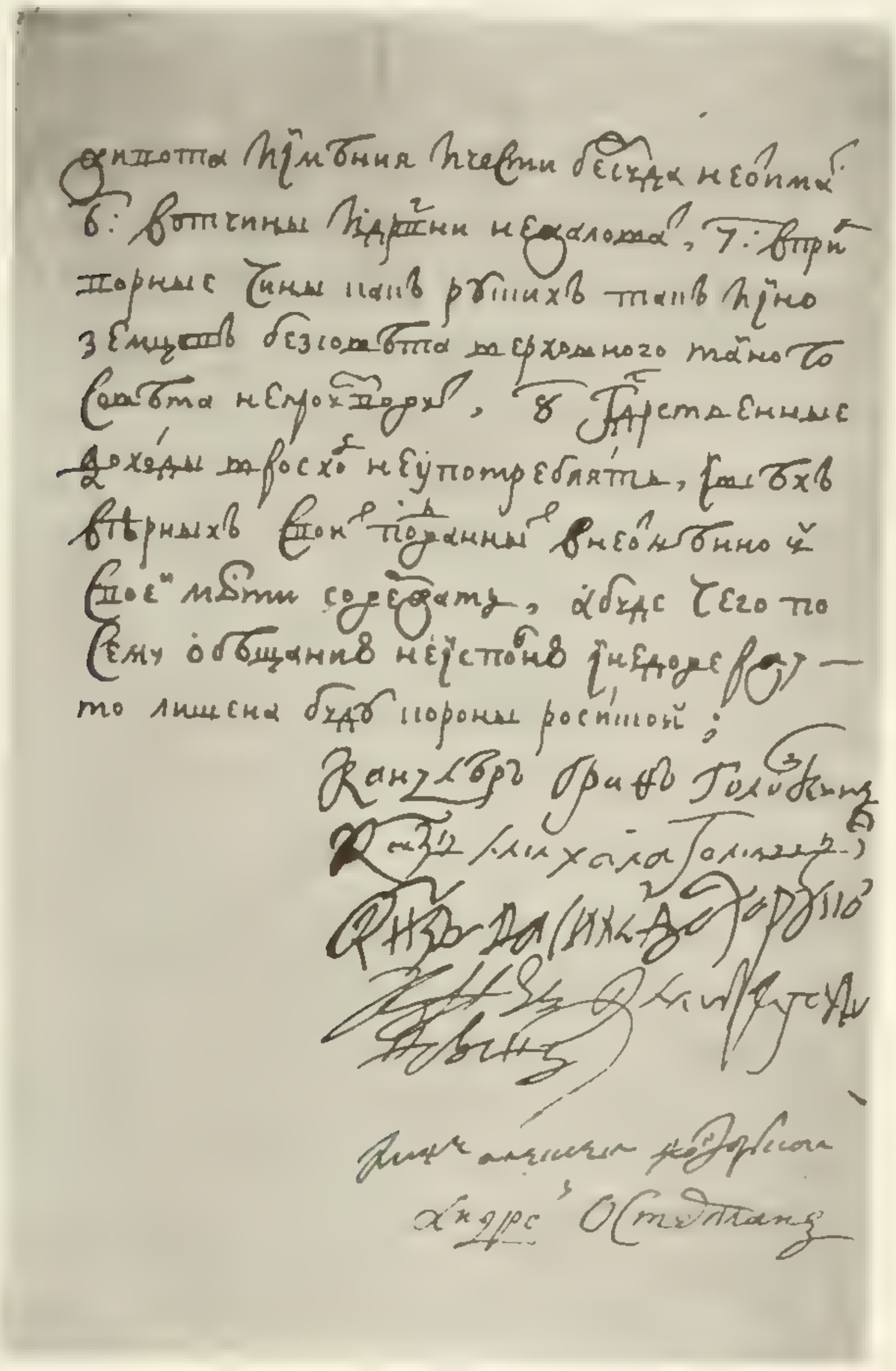
Къ Семеновскому потѣшному двору принадлежала Сокольничья слобода [356]), въ которой жили кречетники, сокольники, ястребники, нѣсколько помытчиковъ и звѣровщиковъ, вмѣстѣ со своимъ начальствомъ. Кромѣ этихъ чиновъ птичьей охоты, на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ впослѣдствіи проживали еще чины учрежденной въ 1745 году Оберъ-Егермейстерской конторы: канцеляристы, подканцеляристы, копіисты и другіе. Они помѣщались въ особыхъ зданіяхъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «служительскихъ покоевъ». Сокольничья слобода въ XVIII вѣкѣ сохраняла устройство и распорядокъ, которые въ московское время имѣли всякія казенныя слободы: стрѣлецкія, пушкарскія, дворцовыя, ямскія, кузнецкія и т. п. Она представляла отдѣльное поселеніе, выстроенное по опредѣленному плану, съ соблюденіемъ «должныхъ разрывовъ» между домами, на случай пожара [357]). Служительскіе покои, возникшіе позднѣе, напротивъ того,

К. В. Лебедевъ. Вечеръ на Измайловскомъ Потѣшномъ дворѣ г. Москвы въ началѣ XVIII столѣтія.

были уже устроены по новому и были размѣщены безъ всякаго плана въ разныхъ мѣстахъ Семеновскаго потѣшнаго двора. Подъ каждый отдѣльный дворъ въ Сокольничьей слободѣ отведенъ былъ опредѣленный участокъ усадебной земли въ 33 сажени «длиннику» и отъ 7 до 7½ саженъ «поперечнику». На такомъ участкѣ строился домъ со всѣми надворными службами, въ родѣ погребовъ, «напогребищъ» и сараевъ; за домомъ обыкновенно разбивался садъ или огородъ [358]). Въ описи «хоромнаго и дворового строенія» одного изъ жителей слободы упоминается, напримѣръ, горница на жиломъ подклѣтѣ, съ изразцовыми печами, створчатыя крашеныя ворота съ калиткою, влѣво отъ которыхъ, при входѣ во дворъ, помѣщались «напогребища» и огородъ съ яблонными и вишневыми деревьями и съ крашеною бесѣдкою по срединѣ. Дворы въ Сокольничьей слободѣ съ принадлежащею къ нимъ усадебной землею не составляли полной собственности проживавшихъ въ нихъ чиновъ птичьей охоты, такъ какъ послѣдніе не могли ихъ отчуждать. Старинные порядки сохранялись здѣсь до конца XVIII вѣка [359]); въ актахъ 80-хъ и 90-хъ гг. встрѣчаются указанія, что чинамъ сокольей слободы воспрещалось продавать свои дома частнымъ лицамъ, владѣть болѣе, чѣмъ однимъ, отведеннымъ каждому изъ нихъ, дворомъ, какъ и отдавать въ наемъ свои жилища; правительство заявляло, что въ отношеніи къ дворамъ сокольей слободы «частное лицо не только покупщикомъ, но и жильцомъ почитать не можно» [360]). Правила эти нерѣдко нарушались; такъ, напримѣръ, въ 1794 году Оберъ-Егермейстерская контора писала статсѣкретарю Рыкунову, что въ Сокольничьей слободѣ «подъ укрывательствомъ частныхъ командировъ» живутъ два человѣка своими домами на казенной землѣ. На присутствіе «жильцовъ» въ домахъ чиновъ птичьей охоты главная команда смотрѣла довольно снисходительно и требовала только, чтобы сокольники не пускали къ себѣ людей безпаспортныхъ и чтобы они имѣли за своими жильцами строгій присмотръ [361]).

Сокольникамъ, кречетникамъ и ястребникамъ, оставленнымъ на старомъ ихъ мѣстѣ жительства въ Москвѣ, на описанномъ выше Семеновскомъ дворѣ, очень часто приходилось на лѣто переѣзжать въ Петербургъ, съ ловчими птицами, для охотъ въ присутствіи Высочайшаго двора. Въ первый разъ часть московской птичьей охоты была вытребована въ новую столицу на время охотничьяго сезона въ 1723 г., по приказанію Петра Великаго [362]). Съ этого времени птичья охота постоянно отправлялась на лѣто въ Петербургъ, въ среднемъ—года черезъ два, черезъ три [363]), а съ 1763 года, по повелѣнію Екатерины II—ежегодно [364]). По окончаніи охотничьяго сезона сокольники съ птицами обыкновенно возвращались обратно въ Москву. Перевозка ловчихъ птицъ изъ одной столицы въ другую производилась съ большими предосторожностями, чтобы птицы не погибли въ дорогѣ. Для отправки въ Петербургъ выбирали самыхъ лучшихъ ловчихъ птицъ и «съ крайнимъ стараніемъ» «выдерживали» ихъ «по установленнымъ обрядамъ». Во главѣ транспортовъ ставили кого-либо изъ высшихъ начальниковъ птичьей охоты. Такъ, въ 1725 году сокольники и кречетники съ птицами были отправлены въ Петербургъ подъ надзоромъ сержанта лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Романа Мельгунова, завѣдывавшаго тогда Семеновскимъ потѣшнымъ дворомъ [365]). Позднѣе, приблизительно съ 1743 года, транспорты съ ловчими птицами отправлялись подъ начальствомъ статейничихъ. Кромѣ кречетниковъ, сокольниковъ, ястребниковъ, съ птицами отправлялось всегда нѣсколько сторожей и помытчиковъ. Во второй половинѣ XVIII столѣтія птицы перевозились въ особо приспособленныхъ для этого роспускахъ, покрытыхъ парусиною и обитыхъ кожею [366]), по 3–4 птицы въ каждой такой повозкѣ. Служители ѣхали или верхами на лошадяхъ, которыя въ извѣстномъ числѣ всегда отправлялись въ Петербургъ вмѣстѣ съ птицами, или же въ кибиткахъ. Для защиты птицъ отъ зноя и дождя, въ дорогу брали полотняныя палатки. Лицу, стоявшему во главѣ транспорта, давали подробную инструкцію, въ которой точно

опредѣлялись не только взаимоотношенія начальника и подчиненной ему команды, но и всѣ мельчайшія хозяйственныя подробности. Такъ,



Окончаніе подлиннаго акта Верховнаго Тайнаго Совѣта объ избраніи Анны Іоанновны Императрицею Всероссійской 19 Января 1730 года.

статейничему Рыкунову въ 1791 году предписано было строго слѣдить, чтобы на мазаніе колесъ въ пути «дехтю излишне отнюдь употреблено не было» [367]).

Переѣздъ въ Петербургъ стоилъ каждый разъ довольно дорого, если принять во вниманіе тогдашнюю цѣнность денегъ и общій бюджетъ придворной охоты, а именно отъ 100 до 150 рублей въ 1743—1746 гг. [368]). Въ концѣ же столѣтія онъ обходился еще дороже; въ 1791 году статейничему было выдано на путевые расходы 450 рублей. Сокольникамъ приказывали всегда ѣхать съ птицами «въ самой скорости» «днемъ и ночью», чтобы не измучить птицъ длинною дорогою и доставить ихъ въ Петербургъ вполнѣ здоровыми [369]). Скорые переѣзды изъ Москвы въ Петербургъ въ то время были не особенно затруднительны: Манштейнъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что въ «свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ бы почта была устроена лучше и дешевле, чѣмъ между этими двумя столицами. Обыкновенно вездѣ даютъ на водку ямщикамъ, чтобы заставить ихъ скорѣе ѣхать, а между Петербургомъ и Москвою, напротивъ, надобно давать на водку, чтобы тише ѣхали».

Въ дорогѣ надзоръ за птицами усиливался. Если какая-либо птица въ дорогѣ «прислабѣетъ», то статейничій долженъ былъ не стѣсняться въ денежныхъ затратахъ на пріобрѣтеніе для нея самаго свѣжаго корма. Кормили птицъ преимущественно живыми голубями или свѣжимъ мясомъ; въ обозѣ всегда слѣдовало большое количество голубей, которые перевозились въ корзинкахъ, «въ крошняхъ о дву жильяхъ». На всякій случай иногда брался «тайникъ»—снарядъ для ловли птицъ; кромѣ того, въ числѣ служителей съ транспортомъ отправлялся, какъ мы уже замѣтили, и помытчикъ.

Въ 1772 году часть Императорской птичьей охоты была отправлена съ Семеновскаго потѣшнаго двора въ первую армію, въ городъ Яссы, къ князю Григорію Григорьевичу Орлову. Въ Маѣ 1772 года князь Орловъ, по пути къ первой арміи, заѣхалъ въ Москву и самъ осмотрѣлъ птичью охоту [370]): выбрано было восемь лучшихъ птицъ изъ кречетовъ, челиговъ кречетыхъ и соколовъ. Эти птицы были отправлены въ Яссы подъ надзоромъ кречетника Сергѣя Ларіонова,

которому была дана обстоятельнѣйшая инструкція. Транспортъ долженъ былъ, согласно инструкціи, передвигаться по дорогѣ въ тѣ часы, когда не будетъ ни жару, ни вѣтра большого; птицъ велѣно было «отъ всякихъ предопасныхъ случаевъ крайне беречь, чтобъ онымъ не только упадка, ниже какого повреждения или заломки въ крыльяхъ и хвостахъ перьевъ послѣдовать не могло»; имѣть при нихъ и днемъ и ночью «твердый караулъ»; смотрѣть, чтобы при остановкахъ отводились имъ хорошія помѣщенія, не говоря уже о томъ, чтобы кормъ доставлялся всегда свѣжій и «съ довольствіемъ». Чтобы птицы во время дороги не утратили пріобрѣтенныхъ ими во время «справки» охотничьихъ навыковъ, инструкція рекомендовала «перевабливать» ихъ и даже—если выпадетъ «способное» время—давать имъ «пущеное». Для только что названныхъ охотничьихъ упражненій съ птицами приказано было взять «тайникъ» для «покрыванія» дикихъ птицъ, необходимыхъ при этихъ упражненіяхъ, и купить дорогою «добыточнаго», т.-е. хорошаго и ученаго ястреба. Ларіоновъ съ честью выполнилъ свою задачу и получилъ благодарность отъ князя Г. Г. Орлова.

Въ 1716 году на Семеновскій потѣшный дворъ были присланы изъ Архангельска съ промышленникомъ Иваномъ Митрофановымъ два звѣря — бѣлые медвѣди—на продовольствіе которыхъ въ пути было выдано Митрофанову по гривнѣ на день для покупки ржаного хлѣба. Для медвѣдей этихъ были устроены въ Семеновскомъ особые срубы, а кормили ихъ тамъ бѣлымъ хлѣбомъ, тратя на это по алтыну двѣ деньги на день. Въ 1718 году, повидимому, на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ содержались борзыя и другія собаки. По крайней мѣрѣ, въ современной описи имѣвшихся тамъ вещей, между прочимъ, упоминаются: «свора, ошейникъ лента золота съ серебромъ, подложена бархатомъ, ворворы обнизаны жемчугомъ; снуру 5 аршинъ; тотъ снуръ и кисть золото съ серебромъ»; а также «пять ошейниковъ меделянскихъ собакъ, бархатные на кожѣ, пряшки и наконечники скружыва мѣдные».

Въ 1720 году на Семеновскій потѣшный дворъ понадобилось зачѣмъ-то, вѣроятно, для отправленія въ какое-нибудь иноземное государство, 15 паръ кречетьихъ и 30 паръ сокольихъ колокольцовъ.

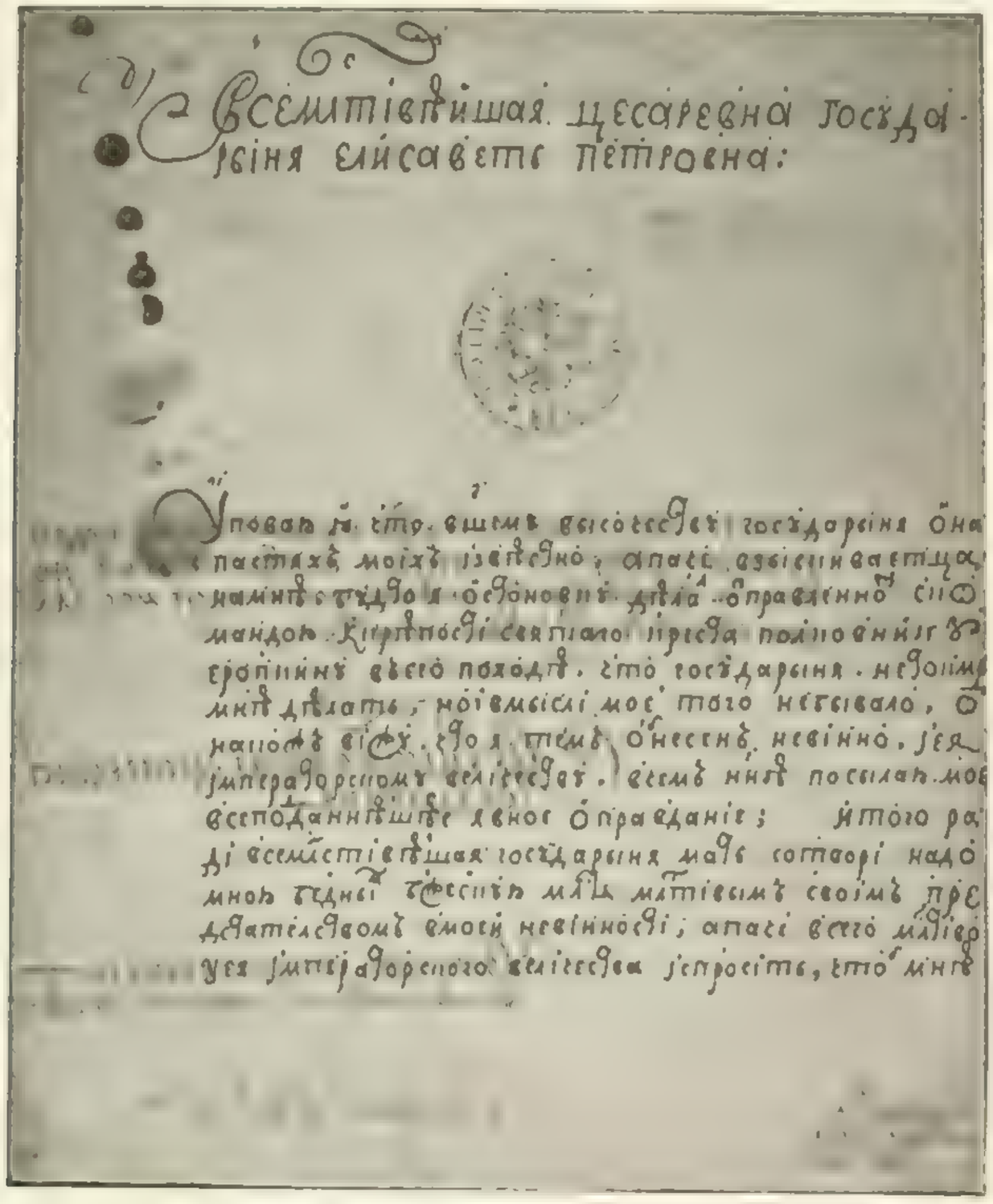
Въ 1723 году на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ содержались, между прочимъ, медвѣдь, 2 рыси, 2 орла, да филинъ, которымъ сырейщики и живодеры поставляли мясо даромъ до Августа мѣсяца. Въ Августѣ они отъ такой поставки отказались, почему мясо стали покупать, тратя на прокормъ помянутыхъ звѣрей и птицъ по 5 алтынъ въ недѣлю [371]).

Описанный нами Семеновскій потѣшный дворъ являлся за весь XVIII вѣкъ почти единственнымъ центромъ царской птичьей охоты; звѣровая же и псовая охоты размѣщены были подъ Москвою, въ селѣ Измайловскомъ и въ Александровской слободѣ. Наше вниманіе прежде всего останавливается на Измайловскомъ звѣринцѣ, устроенномъ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Исторія этого звѣринца тѣсно связана съ исторіей московской псовой охоты XVIII столѣтія [372]).

Измайловскій звѣринецъ. Село Измайлово, старинная вотчина рода Романовыхъ, лежало въ двухъ верстахъ отъ Преображенской и Семеновской заставъ, между дорогами «Остромынкою» и знаменитой «Володимеркой». Во второмъ томѣ нашего изслѣдованія было указано, что во второй половинѣ XVII вѣка окрестности села Измайлова были однимъ изъ любимѣйшихъ мѣстъ царской охоты, а въ самомъ Измайловѣ находился тогда дворецъ и прекрасно устроенный царскій хуторъ, съ садами и рощами—предметъ постоянныхъ и неусыпныхъ заботъ рачительнаго хозяина Царя Алексѣя Михаиловича. Къ западной сторонѣ дворца, окруженнаго рощей изъ высокихъ деревьевъ, примыкалъ звѣринецъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось выяснить, когда былъ устроенъ этотъ звѣринецъ, и какіе звѣри въ немъ содержались въ царствованіе Тишайшаго царя. Да и отъ послѣдующаго времени до 1727 года—этого глухого періода исторіи царской охоты—тоже не

сохранилось никакихъ данныхъ, которыя могли бы пролить хотя слабый свѣтъ на судьбу этого учрежденія.

Съ воцареніемъ одного изъ страстнѣйшихъ охотниковъ, Императора Петра II, сразу, какъ мы видѣли, оживилась дѣятельность всей царской охоты: и птичьей, и звѣровой, а въ особенности псовой;



Всемилостивѣйшая цесаревна государыня Елисавета Петровна:

Уповаю я, что вашему высочеству государыня она
пастяхъ моихъ извѣстно, а паче взыскиваетца
на мнѣ, будто я остановку дѣла оправленно ско-
мандою, к крѣпости святаго креста полковнику
Еропкину въ его походѣ, что государыня не токмо
мнѣ дѣлать, но и вмыслѣ мое того не бывало, о
наскоръ вижу, что я тѣмъ обнесенъ невинно, и ея
императорскому величеству, всемъ нынѣ посылаю мое
всеподданнѣйшее явное оправданіе; и того ра-
ди всемилостивѣйшая государыня мать сотвори надо
мною бедным божескую милость милостивымъ своимъ пре-
дстательствомъ в моей невинности; а паче всего милостиво
у ея императорского величества испросить, что мнѣ

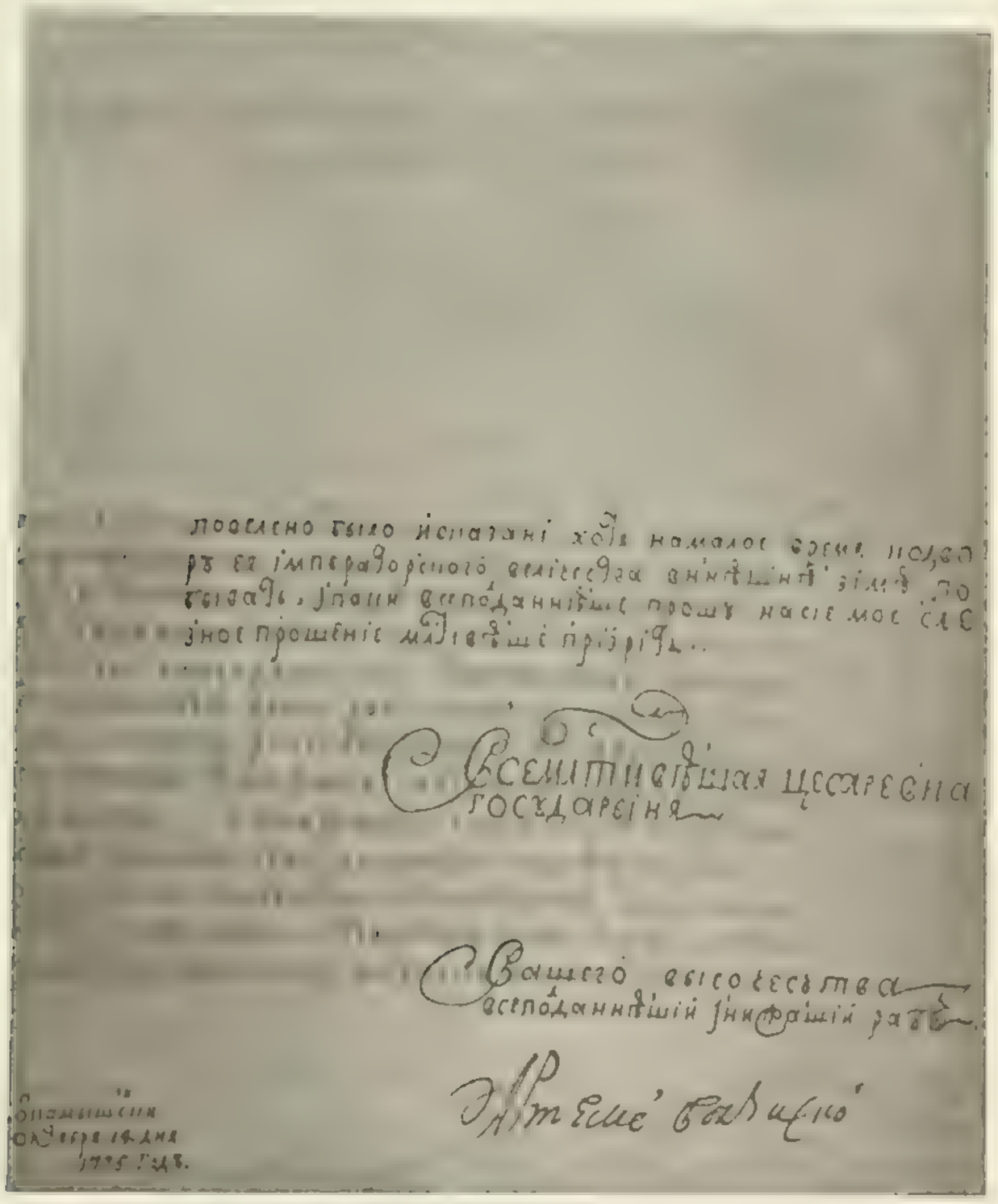
Письмо А. П. Волынскаго
Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

вмѣстѣ съ нею ожилъ и Измайловскій звѣринецъ. Съ переѣздомъ молодого Императора въ Москву въ Измайловскомъ звѣринцѣ помѣщены были птицы, собаки и почти весь служебный персоналъ птичьей и псовой охотъ [373]). Со смертію Петра II значеніе этого звѣринца умалилось, и въ немъ уже болѣе не наступало прежней жизни.

Измайловскій звѣринецъ въ XVIII вѣкѣ состоялъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ частей: собственно звѣринца, звѣрового двора и псарнаго или охотнаго двора. Звѣринцевъ, въ собственномъ смыслѣ слова, было нѣсколько: прежде всего—Старый звѣринецъ, устроенный еще въ XVII вѣкѣ, у западной стороны дворца, затѣмъ—Новый, основанный въ 1730 году Императрицею Анною Іоанновною, которая во время пребыванія своего въ Москвѣ нерѣдко бывала здѣсь и вмѣстѣ со своимъ любимцемъ Бирономъ забавлялась стрѣльбою въ звѣрей [374]). Оба эти звѣринца, Старый и Новый, ходили подъ общимъ названіемъ Большого, въ противоположность устроенному около 1730 года Малому звѣринцу [375]). Впослѣдствіи всѣ отдѣльные измайловскіе звѣринцы назывались иначе, по породамъ содержавшихся въ нихъ звѣрей. Въ 1740 году мы встрѣчаемъ въ селѣ Измайловѣ звѣринцы: *заячій, лосиный* [376]) и *кабаній;* изъ нихъ заячій звѣринецъ, какъ видно изъ данныхъ 1750 года, раздѣлялся на Старый и Новый. Въ 1740 году всѣ эти звѣринцы занимали большое пространство, обнесенное кругомъ высокимъ тыномъ, мѣстами до 6 аршинъ вышины. Ограда заячьяго звѣринца, въ которомъ, кромѣ зайцевъ, содержались также дикія козы, устроена была особенно тщательно: онъ былъ «весьма крѣпостію загороженъ и крѣпокъ». Въ лосиномъ звѣринцѣ, кромѣ лосей, которыхъ было очень немного, помѣщались иногда «саженые» зайцы. Въ кабаньемъ звѣринцѣ «для размноженія кабановъ» были выстроены четыре омшаника. Въ 1732 г. въ особыхъ покояхъ, стѣны которыхъ были обиты желѣзными листами, содержались дикобразы и бобры. Къ 1752 году относится упоминаніе о лисятникѣ, въ которомъ содержались лисицы и куницы.

Значительное расширеніе звѣринца было произведено въ 1748—1750 гг. Въ Іюлѣ 1744 года оберъ-егермейстеръ графъ Разумовскій представилъ докладъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, въ которомъ указывалъ, что вслѣдствіе размноженія звѣрей, въ особенности оленей, звѣринецъ оказался «обширностію не весьма доволенъ» и что близъ

него имѣются праздныя мѣста, которыя для «пригорожденія способны». Елисавета Петровна разрѣшила пригородить указанныя мѣста къ звѣринцу «для лутшаго удовольствія звѣрямъ» [377]). Свѣдѣній о размѣрахъ звѣринцевъ не сохранилось; нѣкоторое понятіе объ обширности ихъ даетъ извѣстный намъ фактъ, что въ 1750 году на



Окончаніе письма А. П. Волынскаю Цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

починку изгороди кабаньяго, лосинаго и заячьяго звѣринцевъ ушло 50.000 кольевъ [378]).

Послѣ 1750 г. строенія звѣринца долгое время не ремонтировались и крайне обветшали. Когда, въ 1774 г., по случаю пріѣзда въ Москву Высочайшаго двора, оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ отдалъ

приказъ купить 400 зайцевъ и посадить ихъ въ звѣринецъ въ такое мѣсто, «откуда бы они разбѣжаться не могли», то такого мѣста не нашлось: заячьи звѣринцы оказались настолько ветхи, что «зайцовъ и русаковъ во оные сажать никакъ не можно». Всѣ вообще постройки Измайловскаго звѣринца оказались въ такомъ же полуразрушенномъ видѣ, какъ и строенія Семеновскаго потѣшнаго двора. Оберъ-егермейстеръ писалъ въ 1774 г. слѣдующее: «Необходима починка Семеновскаго и Измайловскаго дворовъ съ звѣринцемъ, дабы при пріѣздѣ туда не поморить собакъ и лошадей въ тамошнихъ строеніяхъ, кои походятъ болѣе на развалины, нежели на обиталища, бывъ столь времени безъ починки, паче же людямъ вреда отъ того не нанесть»... [379]). Въ различныхъ мѣстахъ Измайловскаго звѣринца были разбиты сады: Колышинскій, Просянскій и другіе [380]). Императрица Елисавета Петровна съ племянникомъ своимъ, Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ, и Великой Княгиней Екатериною Алексѣевною нерѣдко охотилась въ Колышинскомъ саду и останавливалась тамъ на ночь въ бесѣдкѣ. Въ Просянскомъ саду былъ вырытъ большой прудъ, извѣстный подъ именемъ Лебедевой плотины; здѣсь водилась царская птица — лебеди. Въ звѣринцѣ былъ еще прудъ, называвшійся «Краснымъ»; черезъ него былъ перекинутъ «проѣзжій» мостъ. Въ 1739 году, по проекту оберъ-егермейстера Волынскаго, была произведена перепланировка всего Измайловскаго звѣринца: въ немъ были прорублены «проспекты», и звѣри были размѣщены въ болѣе удобномъ порядкѣ, согласно новому плану [381]).

На *Звѣровомъ дворѣ*, составлявшемъ особый отдѣлъ всего Измайловскаго звѣринца, проживали звѣровщики и помѣщались хозяйственныя постройки, имѣвшія то или другое отношеніе къ звѣровой охотѣ. На *Псарномъ* или *Охотномъ* дворѣ помѣщалась псовая охота. Эта часть Измайловскаго звѣринца въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, въ свою очередь, раздѣлялась на нѣсколько «дворовъ». Въ документѣ 1791 года сохранились указанія на существованіе по крайней мѣрѣ

Всемилостивѣйшей Гдрк батюшка дядюшка

Поздравляю батюшка мої вшему величеству
снаступающим тожеством рождения Гдрни
моєї дарагої матушки тетушки і желаю
ѿ всего моего сердца вшему величеству много
таких тожеств воздрави пожеланию вшего
величества пропровадит купно скеїє величеством
Гдрнею моєю матушкаю тетушкаю і с Гдрнеми
моїми сестрицами

Присем вшего імператорского
величества
племянница

Ізмитавкі. 23.
Марта 1723 году

Всемилостивѣйшему Гдрю
дядюшке Петру великому
імператорю все росискому

Анна

Письмо Герцогини Курляндской Анны Іоанновны Императору Петру I.

пяти псарныхъ дворовъ. На псарныхъ дворахъ были выстроены для собакъ особые денники съ полавочниками внутри и навѣсы, подъ которыми задавался собакамъ кормъ. Здѣсь же помѣщались избы съ сѣнями для охотниковъ и другіе служительскіе покои. Для помѣщенія и выкормки щенятъ въ 1757 году Оберъ-Егермейстерская канцелярія предписала устроить внѣ Измайловскаго звѣринца, однако, въ недалекомъ отъ него разстояніи, бревенчатый, рубленый со мхомъ, амбаръ и два жилыхъ покоя съ сѣнями и со всѣми принадлежностями для помѣщенія пикеровъ, которымъ поручалось выкармливать щенятъ; все это строеніе предписано было огородить общимъ заборомъ. Такой же точно дворикъ и для той же цѣли предписано было выстроить недалеко отъ звѣринца и въ 1775 году.

Въ 1775 году, во время пребыванія въ Москвѣ Императорскаго двора, «комнатныя борзыя собаки Его Высочества» Цесаревича Павла Петровича содержались въ Измайловскомъ дворцѣ, въ комнатѣ, расположенной рядомъ съ квартирой оберъ-ферштера Андреаса Тона. На прокормъ этихъ собакъ отпускалось ежедневно по 2 фунта свѣжей говядины, да варилась имъ кашица гречневая, на которую шло ежемѣсячно по одному четверику крупъ.

Въ это же время предписывалось для выкормки борзыхъ щенятъ своръ Ея Величества и Его Высочества сдѣлать у Измайловскаго дворца небольшой дворикъ, огородивъ его заборомъ, сооруженнымъ изъ столбовъ, забранныхъ досками, и «внутри дворика поставить къ тому же забору два денника бревенчаты мшеные», размѣрами въ длину и ширину по $2^1/_2$ сажени, «покрыты въ два теса съ прокладкою драни», съ потолками и полами досчатыми, съ «полавошниками досчатыми» внутри зданій, въ которые должны были вести двери на желѣзныхъ петляхъ, а для запиранія послѣднихъ «цѣпи желѣзныя съ пробоями». Въ заборѣ приказывалось устроить «двои створчатыя ворота» на желѣзныхъ петляхъ, для запора которыхъ изготовить «щеколды желѣзныя» [332]).

Псовая охота при Измайловскомъ звѣринцѣ была устроена заново въ 1728 году для юнаго Императора Петра II стараніями его фаворитовъ, князей Долгорукихъ. Собаки частью взяты были изъ конфискованныхъ частныхъ охотъ, частью куплены въ Россіи и выписаны изъ-за границы [383]). Въ началѣ 1730 года псовая охота Измайловскаго звѣринца состояла изъ 241 собаки. Въ ней было 50 борзыхъ, 50 французскихъ гончихъ, 128 гончихъ русскихъ, 4 кровавыхъ гончихъ (bloodhond или гончая Святого Губерта) и 9 такселей. Кромѣ того, при охотѣ числилось до 224 лошадей [384]). Вскорѣ послѣ смерти Петра II эта охота значительно сократилась, она была расхищена тѣми же приближенными молодого Государя, которые при его жизни такъ усердно ее пополняли. Князья Долгорукіе забрали себѣ всѣхъ лучшихъ собакъ; одинъ князь Алексѣй Долгорукій взялъ себѣ 6 борзыхъ, 8 французскихъ и 50 русскихъ гончихъ, а всѣ князья Долгоругіе присвоили 106 собакъ. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти Петра II, въ Мартѣ 1730 г., въ псовой охотѣ Измайловскаго звѣринца осталось только 70 собакъ. Заодно съ собаками были расхищены и охотничьи лошади: изъ 224-хъ лошадей къ Марту 1730 г. осталось ихъ только 174. Императрица Анна Іоанновна тотчасъ же по воцареніи роздала изъ измайловской охоты частнымъ лицамъ еще 80 лошадей, 4 кровавыхъ собаки и 6 такселей; такъ что въ охотѣ оставалось только 60 собакъ и 94 лошади [385]).

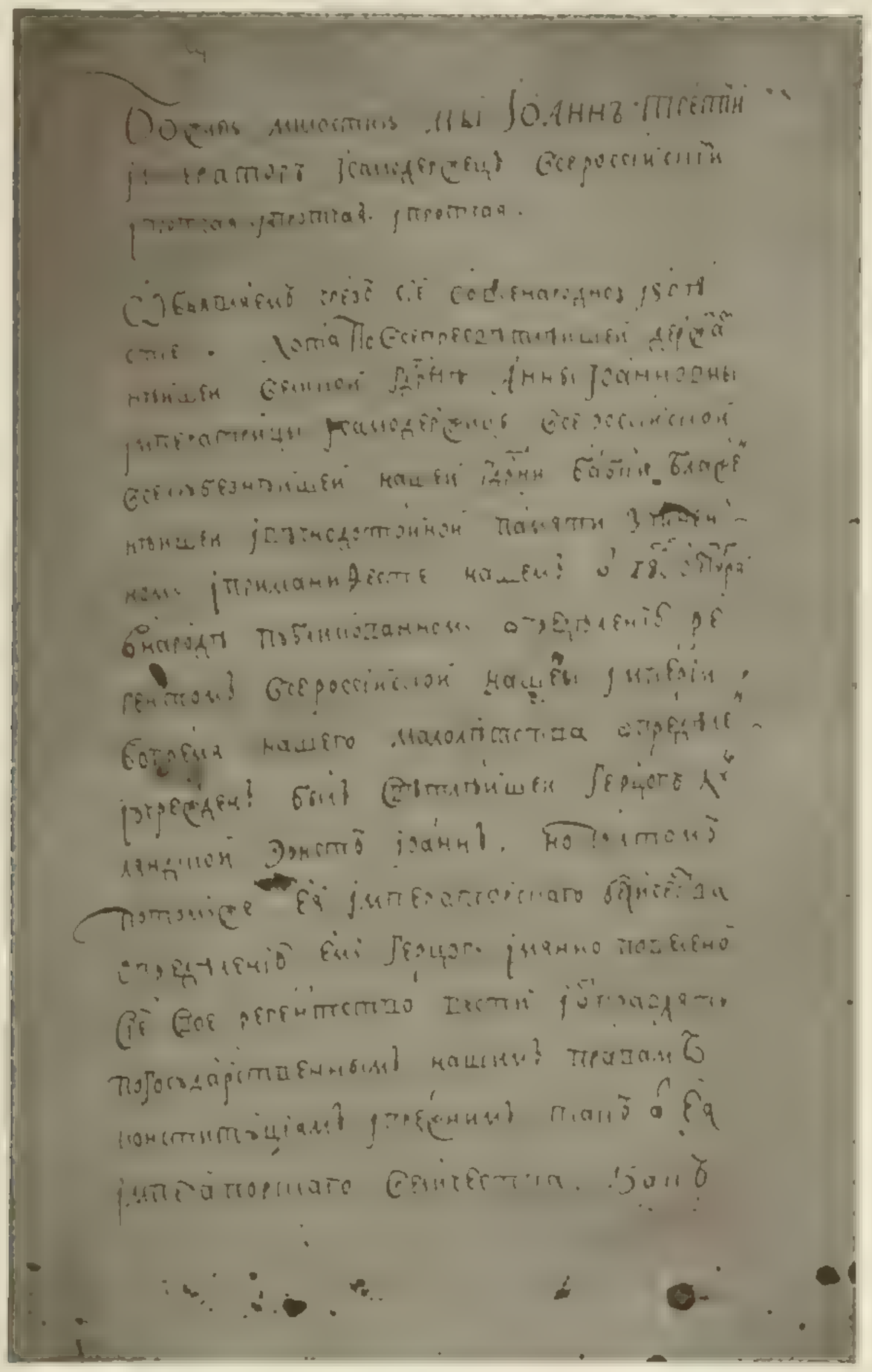
Однако, въ послѣдующіе годы царствованія Анны Іоанновны численный составъ псовой охоты Измайловскаго звѣринца снова сталъ увеличиваться и пополняться новыми породами собакъ. Такъ, въ 1740 году въ охотѣ передъ ея упраздненіемъ числилось уже до 156 собакъ, причемъ, кромѣ 68 борзыхъ и 44 гончихъ, здѣсь находилось 8 легавыхъ, одна лошья сука, 18 меделянскихъ и 17 датскихъ собакъ.

Кромѣ того, въ томъ же 1740 году, здѣсь содержались отписанныя въ казну собаки князя Алексѣя Голицына, генерала Карла

Бирона и Артемія Волынскаго. Сохранилась любопытная подробная опись всѣмъ собакамъ, находившимся въ 1739 г. въ Измайловскомъ звѣринцѣ, со свѣдѣніями не только о ихъ породахъ, но и о ростѣ, объ окрасѣ и кличкахъ. Изъ этой описи видно, что въ 1739 году псовая охота Измайловскаго звѣринца, со включеніемъ содержавшихся здѣсь же собственныхъ собакъ оберъ-егермейстера Волынскаго, состояла изъ собакъ борзыхъ, гончихъ, меделянскихъ, датскихъ, лошьихъ и другихъ. Борзыя собаки были ростомъ въ наклонѣ: старые кобели отъ 3 четвертей $3\frac{1}{2}$ вершковъ до 1 аршина $1\frac{1}{2}$ вершка, а суки старыя—отъ 3 четвертей $1\frac{1}{2}$ вершка до 3 четвертей $3\frac{1}{2}$ вершковъ; приплодные 1738 года—отъ 2 четвертей 1 вершка до 3 четвертей $1\frac{1}{2}$ вершка. Гончія были нѣсколько ниже: старые выжлецы имѣли въ наклонѣ отъ 2 четвертей $2\frac{1}{2}$ вершковъ до 3 четвертей $\frac{1}{2}$ вершка; приплодные 1738 года выжлецы—отъ 2 четвертей $2\frac{1}{2}$ вершковъ до 3 четвертей. Меделянскія и датскія собаки по росту подходили къ борзымъ: старые кобели имѣли отъ 1 аршина до 1 аршина $1\frac{1}{2}$ вершка въ наклонѣ; старыя суки—отъ 3 четвертей 2 вершковъ до 3 четвертей $3\frac{1}{2}$ вершковъ и даже до одного аршина. Что касается лошьихъ собакъ и польскихъ, то ростомъ въ наклонѣ онѣ были: кобели отъ 1 аршина $\frac{1}{2}$ вершка до 1 аршина $2\frac{1}{2}$ вершка, а суки—отъ 3 четвертей 2 вершковъ до 1 аршина $\frac{1}{2}$ вершка [386]).

Между борзыми преобладали слѣдующіе окрасы: половые, краснополовые, половопѣгіе, бурматопѣгіе, муропѣгіе, чернопѣгіе, голубопѣгіе, черные съ загривиною, чубарые съ загривиною, бѣлые, чернощекіе; между гончими—черные съ загривиною, чернокрасные, чернопѣгіе, сѣропѣгіе, бѣлоподпалые, красноподпалые, багряные, темнобагряные, багрянопѣгіе, черно-бѣлоподпалые, багряно-бѣлоподпалые и проч.; между меделянскими: половые, темнокрасные, краснополовые, чубаропѣгіе, половые съ мурыжиною, половые съ загривиною и т. п.; между датскими собаками встрѣчались преимущественно цвѣта красные и красные съ мурыжиною и рѣже—половые и половые съ мурыжиною.

Не безынтересны клички собакъ того времени, сохранившіяся въ помянутой описи: Екторъ, Галтъ-Вестъ, Визирь, Касань, Злодѣй,



Манифестъ 18 Октября 1740 г. Императора Іоанна III быть регентомъ Герцогу Курляндскому Бирону, подписанный высшимъ духовенствомъ и сановниками.

Лиходѣй, Нахалъ, Змѣй, Камасъ, Балмасъ, Свистунъ, Журило, Крутила, Говоръ, Соловей, Воронъ, Скворецъ, Грачъ, Ратманъ, Реутъ и

т. п.; Скосырка, Зельма, Остуда, Раніана, Славка, Лезетка, Бралья, Кама, Славна, Ароа, Палишка, Ронта, Доборка, Звонишка, Дубровка, Росиха, Журиха, Затейка и т. д.

Яхтъ-штатомъ 22-го Сентября 1740 года псовая охота при Измайловскомъ звѣринцѣ была упразднена; въ яхтъ-штатѣ было сказано: «Псовую охоту всю, что есть въ Москвѣ, раздать и людей всѣхъ распустить». Часть собакъ была отдана генералъ-аншефу Ушакову, часть—князю Куракину и «прочимъ господамъ». Тогдашній начальникъ Царской охоты фонъ-Трескау предлагалъ камергеру графу Алексѣю Григорьевичу Строганову взять изъ имѣющихся въ Москвѣ собакъ, сколько ему угодно, или всѣхъ. Собакъ Карла Бирона предположено было передать въ вѣдомство дворцовой конюшенной канцеляріи, но эта канцелярія отвѣтила, что ей «собакъ содержать негдѣ и некѣмъ и довольствовать будетъ нечѣмъ», такъ что собаки Бирона остались, какъ кажется, въ Измайловскомъ звѣринцѣ [387]). Черезъ два года здѣсь вновь явилось много собакъ изъ конфискованныхъ охотъ частныхъ лицъ, въ томъ числѣ и изъ охоты графа Михаила Головкина. Часть охоты Головкина 1742 года была переведена въ Петербургъ одновременно съ переводомъ туда же оберъ-егермейстерской канцеляріи [388]). Въ 1745 г. въ Измайловскій звѣринецъ поступило 10 гончихъ собакъ, 5 выжлецовъ и 5 выжловокъ, принадлежавшихъ брату тогдашняго егермейстера Хитрова [389]). Псовая охота Измайловскаго звѣринца и въ послѣдующее время постоянно пополнялась собаками изъ частныхъ охотъ [390]). Здѣсь иногда скоплялось чрезмѣрное количество собакъ [391]); въ 1750 г. борзыхъ было такъ много, что не хватало охотниковъ для ухода за ними: пришлось возвратить собакъ назадъ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ онѣ поступили. Несмотря на это, въ 1761 году въ охотѣ все-таки числилось 152 собаки [392]); впрочемъ, въ слѣдующемъ году это число понизилось до 98. Лучшія собаки Измайловскаго звѣринца, также какъ Александровской слободы, время отъ времени отправлялись въ Петербургъ [393]); псовыя

охоты названныхъ учрежденій служили главнымъ образомъ для пополненія петербургской Императорской охоты [394]). Это ихъ назначеніе было закрѣплено яхтъ-штатомъ 1773 г. «Для лучшаго умноженія псовой охоты въ Петербургѣ яхтъ-штатъ предписалъ держать въ обѣихъ названныхъ охотахъ опредѣленное количество «заводныхъ» собакъ: борзыхъ: кобелей—2, сукъ—6, отъ нихъ щенятъ—12; гончихъ: старыхъ выжлецовъ—6, сукъ—20, отъ нихъ щенятъ—100.

Продовольствіе собакъ такъ же, какъ и звѣрей Измайловскаго звѣринца и птицъ Семеновскаго потѣшнаго двора лежало на обязанности живодеровъ, мясныхъ торговцевъ, которые за безденежную поставку мяса и корма освобождались отъ многихъ повинностей и службъ. Около 1767 года сырейщики и птичники, по указу Правительствующаго Сената, были навсегда уволены отъ поставки мяса и корма для псовой и птичьей охотъ Ея Величествомъ и причислены къ Московскому купечеству со всѣми правами послѣдняго.

Въ числѣ многихъ другихъ подробностей до насъ дошли отъ 1770 года свѣдѣнія о медикаментахъ, употреблявшихся для собакъ и звѣрей; мы приводимъ ихъ въ примѣчаніяхъ, чтобы не утомить вниманія читателя [395]).

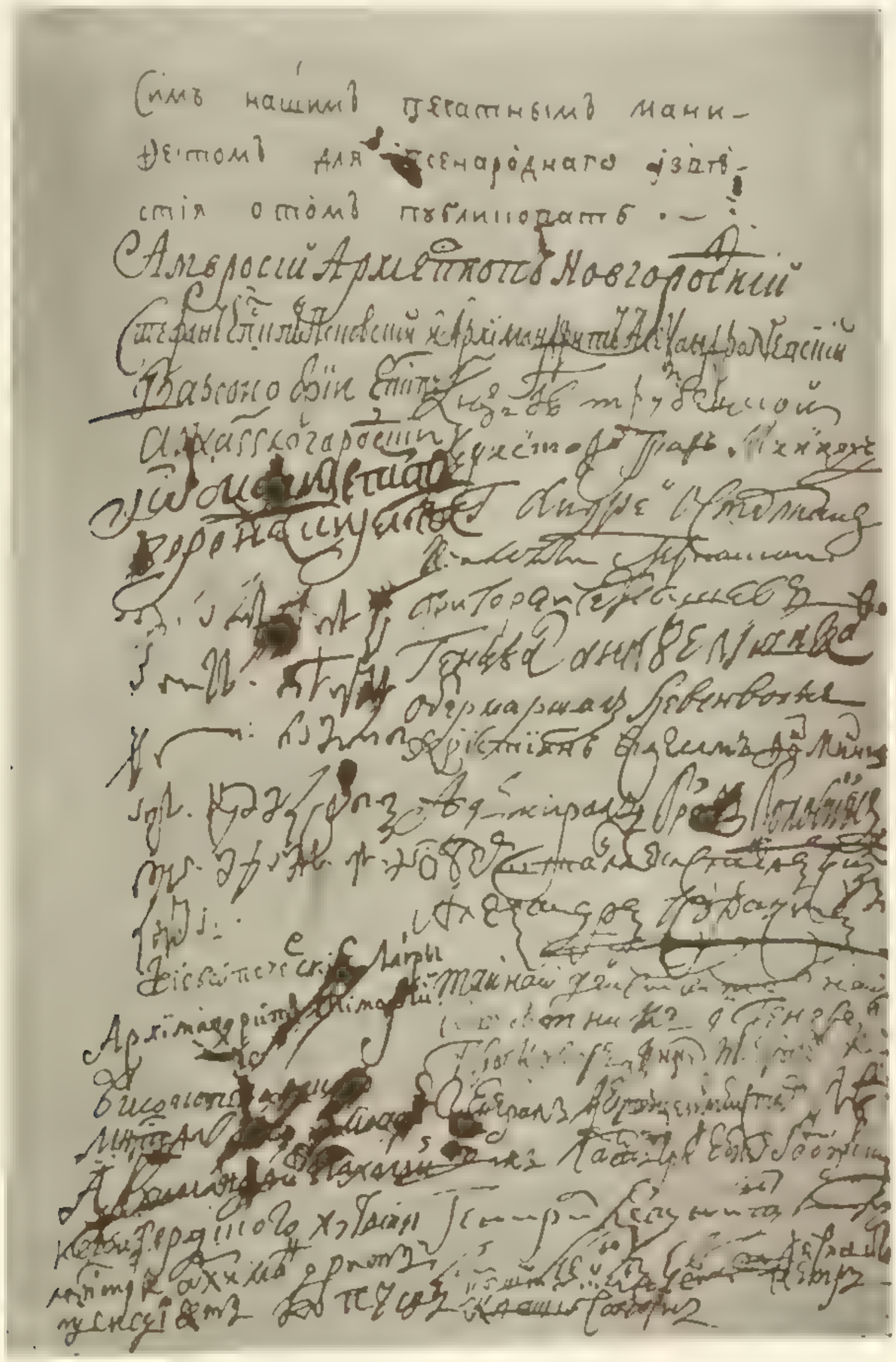
Описавъ псовую охоту Измайловскаго звѣринца, мы перейдемъ къ собраннымъ нами свѣдѣніямъ о содержавшихся здѣсь звѣряхъ. Въ составъ такъ называемой звѣровой охоты этого звѣринца въ разное время входили слѣдующія животныя: бобры, волки сибирскіе и черные, дикобразы [396]), зайцы русаки и бѣляки, изюбры (родъ оленя), кабаны, козы дикія и русскія, лисы («бурый лисенокъ»), лоси, медвѣди [397]), олени: американскіе, сибирскіе, олонецкіе, нѣмецкіе, маралы, сайгаки, обезьяна, сурокъ, соболь, куница, туръ (кавказскій горный козель), верблюды. Нѣкоторыя изъ этихъ животныхъ, какъ, напримѣръ: олени, кабаны, козы, зайцы и лоси, содержались здѣсь постоянно, всѣ же прочіе звѣри представляли собою въ охотѣ, такъ сказать, явленіе случайное [398]). Общее число звѣрей не превышало 1099 штукъ

(въ 1741 г.) и не спускалось ниже 123 (въ 1730 г.). Въ штатѣ 1773 г. сдѣлана была попытка установить норму для числа звѣрей въ Измайловскомъ звѣринцѣ, а именно: положено было содержать 100 кабановъ и 320 оленей (200 нѣмецкихъ и сибирскихъ мараловъ и 120 американскихъ) [399]). Замѣтимъ здѣсь, что американскіе олени въ первый разъ въ документахъ упоминаются въ 1762 году. За все описываемое время больше всего въ Измайловскомъ звѣринцѣ содержалось зайцевъ и оленей. Въ 1740 году зайцевъ, напримѣръ, насчитывалось 722 штуки изъ 1087 (общаго числа звѣрей), а въ слѣдующемъ году ихъ было 622 изъ 1099; оленей въ тѣ же годы было: 176—въ 1740 г., 257—въ 1741 г. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ число оленей возросло до 544 при общемъ числѣ звѣрей въ 668 штукъ [400]). Изъ числа оленей, рождавшихся въ звѣринцѣ, весьма немногіе доживали до двухлѣтняго возраста; молодые олени весьма часто шли на царскую кухню для Высочайшаго двора. Слѣдующее мѣсто по количеству занимаютъ кабаны (число ихъ, начиная съ 1740 года, не спускалось ниже сотни), а за ними—козы (отъ 16 до 63 штукъ). Прочіе звѣри содержались въ очень незначительномъ количествѣ отъ одного до семи штукъ [401]).

Олени, зайцы и кабаны Измайловскаго звѣринца весьма часто посылались въ Петербургъ для пополненія тамошнихъ звѣринцевъ, также какъ собаки, отправлявшіяся для комплектованія петербургскихъ охотъ. Такъ, напримѣръ, въ 1740 г. отправлена была въ Петербургъ большая партія звѣрей, изъ 20 оленей нѣмецкихъ, 4 сибирскихъ, 40 кабановъ, 16 дикихъ козъ, 26 зайцевъ и 12 сѣрыхъ куропатокъ. Сохранились любопытныя свѣдѣнія о перевозкѣ этихъ звѣрей. Оленей везли въ ящикахъ, длиною «въ два звѣря», шириною и вышиною «по препорціи тѣхъ звѣрей, дабы звѣри въ ящикахъ не могли поворачиваться» [402]). Ящики были съ перегородкою внутри; такимъ образомъ на одной подводѣ можно было везти двухъ оленей. Вести оленей на веревкахъ, какъ это дѣлалось раньше, было воспрещено, «понеже

Андреевъ. Ледяной домъ, офортъ съ картины проф. живописи В. И. Якоби.

и прежде сего отправлены были на веревкахъ, и многіе изъ нихъ померли». Свиней, дикихъ козъ и зайцевъ, по примѣру прежнихъ



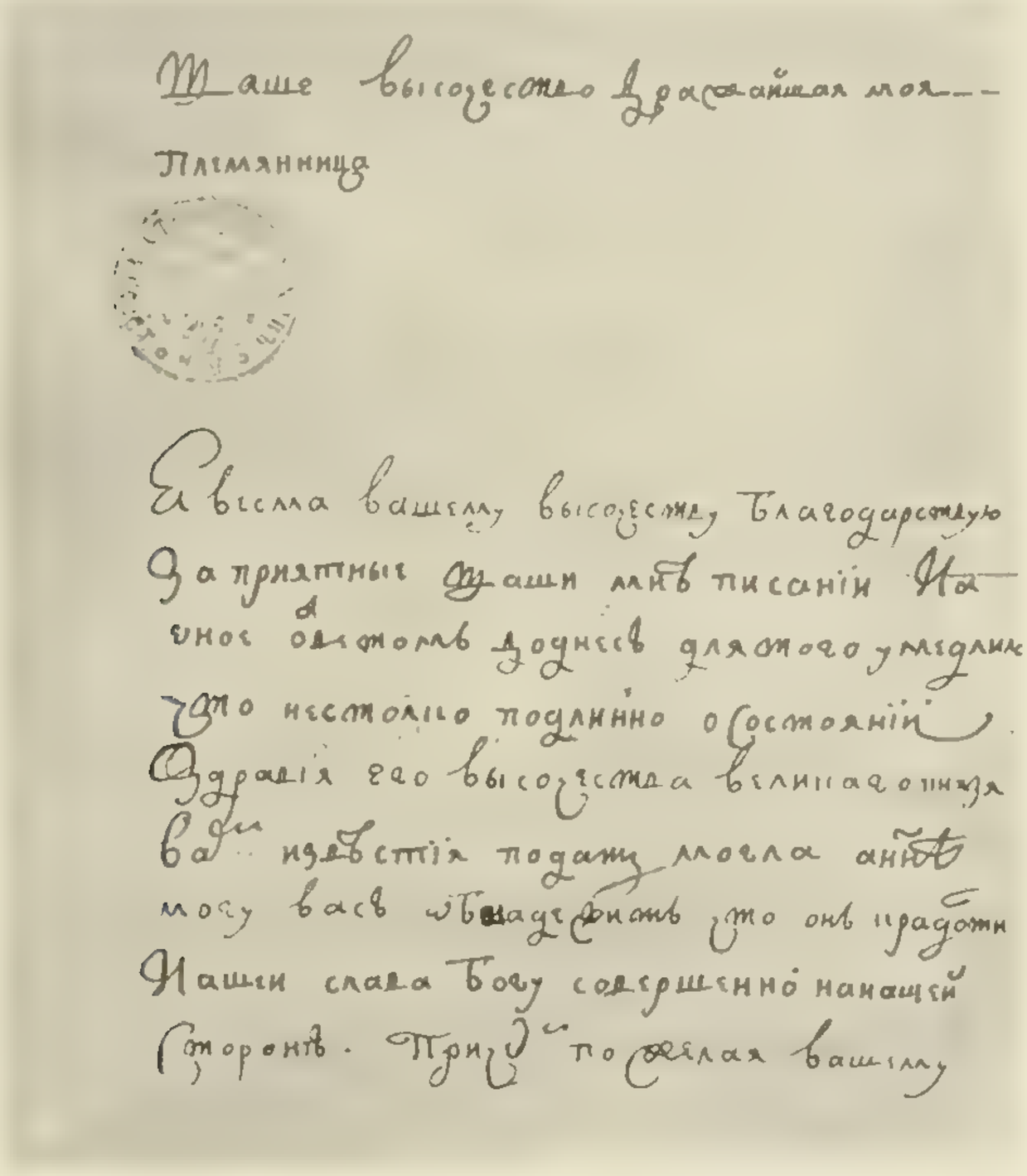
Окончаніе Манифеста 18 Октября 1740 г. Императора Іоанна III быть регентомъ Герцогу Курляндскому Бирону, подписанный высшимъ духовенствомъ и сановниками.

лѣтъ, везли тоже въ ящикахъ, съ особою осмотрительностью. Съ звѣрями отправлено было «два добрыхъ и надежныхъ» звѣровщика и два конюха. Весь поѣздъ состоялъ изъ 63 ямскихъ подводъ подъ

конвоемъ десяти солдатъ московскаго гарнизона при капралѣ и офицерѣ. Несмотря на всѣ принятыя мѣры предосторожности, часть звѣрей и птицъ (5 козъ, 6 зайцевъ и 3 куропатки) пала въ пути. Зайцевъ отправляли обыкновенно въ Петербургъ, для пополненія тамошнихъ звѣринцевъ, партіями отъ 50 до 100 штукъ, притомъ только тѣхъ, которые пробыли въ Измайловскомъ звѣринцѣ опредѣленный промежутокъ времени. Отправлялась отсюда въ Петербургъ также и битая дичь для Высочайшаго стола [403], [448]).

Рѣдкихъ животныхъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ было немного, такъ какъ они обыкновенно пересылались въ Петербургъ. Въ 1738 году здѣсь содержался обратившій на себя вниманіе оберъ-егермейстера Волынскаго «бѣлый кабанъ, передъ прочими рослый, у котораго рыло черное и на спинѣ щетины черные-жъ» [404]). Въ 1746 году при охотѣ содержались «двѣ дикія коровы съ лошадиными хвостами». Позднѣе, въ 1775 году, въ Измайловскій звѣринецъ поступила такъ называвшаяся «китайская скотина»: буйволы, ишаки (ослы) и козы [405]). Для этой скотины велѣно было сдѣлать «въ удобномъ мѣстѣ конюшню мшеную и низкую, чтобы была тепла»; форштмейстеру звѣринца, Зандену, подтверждалось накрѣпко, «чтобъ китайскую скотину весьма берегъ и добивался отъ нея приплоду», «ибо оная скотина столь рѣдка, что никогда изъ Китая въ Москву не была приваживана»; для припуску къ буйволамъ предписано было купить одну или двѣ «комолыхъ и смирныхъ» коровы. Кромѣ вышеперечисленныхъ животныхъ, при Измайловскомъ звѣринцѣ, на птичьемъ дворѣ содержались лебеди, павлины, китайскіе гуси, англійскія куры, утки и куропатки. Животныя въ звѣровую охоту доставлялись и изъ разныхъ мѣстъ государства: лоси — изъ Казанской губерніи [406]), дикія козы, сайгаки и куропатки — изъ Царицына (въ 1739 г.). Въ началѣ 1742 года полковникъ фонъ-Трескау просилъ Императрицу Елисавету повелѣть, чтобы въ Измайловскій звѣринецъ было доставлено: 1) 500 зайцевъ изъ Украйны и столько же изъ Новгородской губерніи; 2) до 100 паръ

куропатокъ изъ ближайшихъ къ звѣринцу мѣстъ, и 3) нѣкоторое количество «оленей бѣлыхъ, которые привозятся изъ Олонца». Въ 1746 году были доставлены изъ Енисейска четыре лисицы. Зайцы русаки доставлялись главнымъ образомъ изъ Скопина и Богородицка, а бѣляки—изъ Всегодачской волости [407]). Въ концѣ 1745 года, для



Ваше высочество Дражайшая моя
Племянница

Я весма вашему высочеству Благодарствую
За приятные Ваши мнѣ писанiи На
иное отвѣтомъ доднесь для того умедлил
что нестолько подлинно о состоянiи
Здравiя его высочества великаго князя
ваш извѣстiя подать могла аннѣ
могу васъ обнадежить что онъ крадоти
Нашей слава Богу совершенно на нашей
сторонѣ. Прижу пожелая вашему

Письмо Императрицы Елисаветы, Великой Княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

пополненiя Измайловскаго звѣринца, отправлены были на ловлю зайцевъ въ Гуслицкую волость двое охотниковъ псовой охоты [408]). По ихъ требованiю волость ежедневно наряжала изъ крестьянъ «кричанъ и тенетчиковъ»—пѣшихъ отъ 84 до 150 человѣкъ и «для возки тенетъ съ лошадьми» по 33 человѣка. Всего тогда было поймано 182 зайца.

Такія же ловли были устроены одновременно и въ другихъ волостяхъ [409]).

Въ извѣстныхъ запискахъ А. Т. Болотова сохранилось обстоятельное описаніе практиковавшихся въ то время пріемовъ ловли зайцевъ. Охотники выбираютъ—пишетъ Болотовъ—такую часть лѣса, въ которой надѣются найти довольное число звѣрей, окидываютъ ее съ одной стороны множествомъ тенетъ, расположенныхъ полукругомъ или дугою; потомъ главный ловчій набираетъ возможно большее число людей и ребятишекъ съ трещетками и ставитъ ихъ на незанятой тенетами окраинѣ лѣса, такъ чтобы всѣ люди вмѣстѣ съ тенетами составили одинъ обширный кругъ. Безъ шуму, «съ превеликимъ молчаніемъ» становятся люди на свои мѣста, при чемъ каждому дается ловчимъ наставленіе, въ какую сторону идти. Другой ловчій разстанавливаетъ самихъ охотниковъ недалеко отъ тенетъ, внутри охваченнаго круга, на разстояніи двадцати саженъ другъ отъ друга, лицомъ въ сторону тенетъ; при этомъ для охотниковъ выбираютъ такія мѣста, чтобы каждый изъ нихъ сзади былъ прикрытъ какимъ-нибудь кустарникомъ или деревомъ. Послѣ этого отдаются наставленія—стоять тихо и смирно и отнюдь не шумѣть, увидѣвъ звѣря, не кричать до тѣхъ поръ, пока онъ не пробѣжитъ мимо и не будетъ находиться между охотникомъ и тенетами. Но вотъ всѣ необходимыя приготовленія сдѣланы; главный ловчій подаетъ сигналъ. Всѣ разставленные съ трещетками поднимаютъ «превеликій крикъ и вопль» и, выпугивая звѣрей изъ всѣхъ кустовъ и трущобъ, начинаютъ мало-по-малу подвигаться въ сторону тенетъ, постепенно уменьшая кругъ. Звѣри, преслѣдуемые крикомъ и шумомъ трещетокъ, естественно бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ нѣтъ крика, не предполагая, конечно, что тамъ ихъ ожидаютъ тенета и самые ловцы. Но лишь только зайцы попадутъ въ пространство между тенетами и охотниками, послѣдніе на нихъ «ахаютъ и кричатъ» и тѣмъ ихъ такъ перепугиваютъ, что звѣри безъ памяти бросаются прямо въ тенета и запутываются

въ нихъ. Охотники берутъ ихъ изъ тенетъ живьемъ, или прикалываютъ.

Во главѣ всѣхъ учрежденій Измайловскаго звѣринца стоялъ обыкновенно форштмейстеръ; при Аннѣ Іоанновнѣ эту должность занималъ иностранецъ Мильхертъ [410]), а съ 1745 г.—Іоаннъ Гофманъ. Ближайшее завѣдываніе псовой охотой этого звѣринца поручалось обыкновенно оберъ-егерю; въ 30-хъ годахъ этой охотой завѣдывалъ оберъ-егерь Мервиль или Меврель, упоминавшійся уже нами въ предшествовавшихъ главахъ, въ началѣ 40-хъ годовъ—подпоручикъ Вердеревскій. Для охраны звѣринца посредствомъ карауловъ и объѣздовъ при форштмейстерѣ состояло пять солдатъ [411]); форштмейстеръ Мильхертъ указывалъ, что это число солдатъ крайне недостаточно для охраны всего звѣринца, раскинувшагося на большомъ пространствѣ. Впослѣдствіи, около 1750 года, въ распоряженіе форштмейстера, для содержанія карауловъ при Измайловскомъ звѣринцѣ назначенъ былъ капралъ Московскаго драгунскаго «шквадрона», съ подчиненною ему командою [412]). Несмотря на усиленную охрану, случаи покражъ изъ Измайловскаго звѣринца были довольно часты. Такъ, напр., въ 1752 году совершены были двѣ дерзкихъ покражи звѣрей и вещей изъ звѣринца среди бѣла дня. Воры, вынувъ нѣсколько жердей въ изгороди Новаго заячьяго звѣринца, проникли къ Старому заячьему звѣринцу, гдѣ содержались тогда лисицы, здѣсь также вытащили колья изъ ограды и подошли къ лисятникамъ, разломали у нихъ замки и двери и украли одну черносѣрую лисицу, куницу, да желѣзное коромысло отъ вѣсовъ (вѣсомъ въ 3 пуда 16½ футовъ) и вернулись тѣмъ же путемъ, никѣмъ не замѣченные, даже дневальнымъ звѣровщикомъ [413]). Во второй разъ воры обокрали шалашъ у Петровскихъ воротъ звѣринца, но были пойманы форштмейстеромъ.

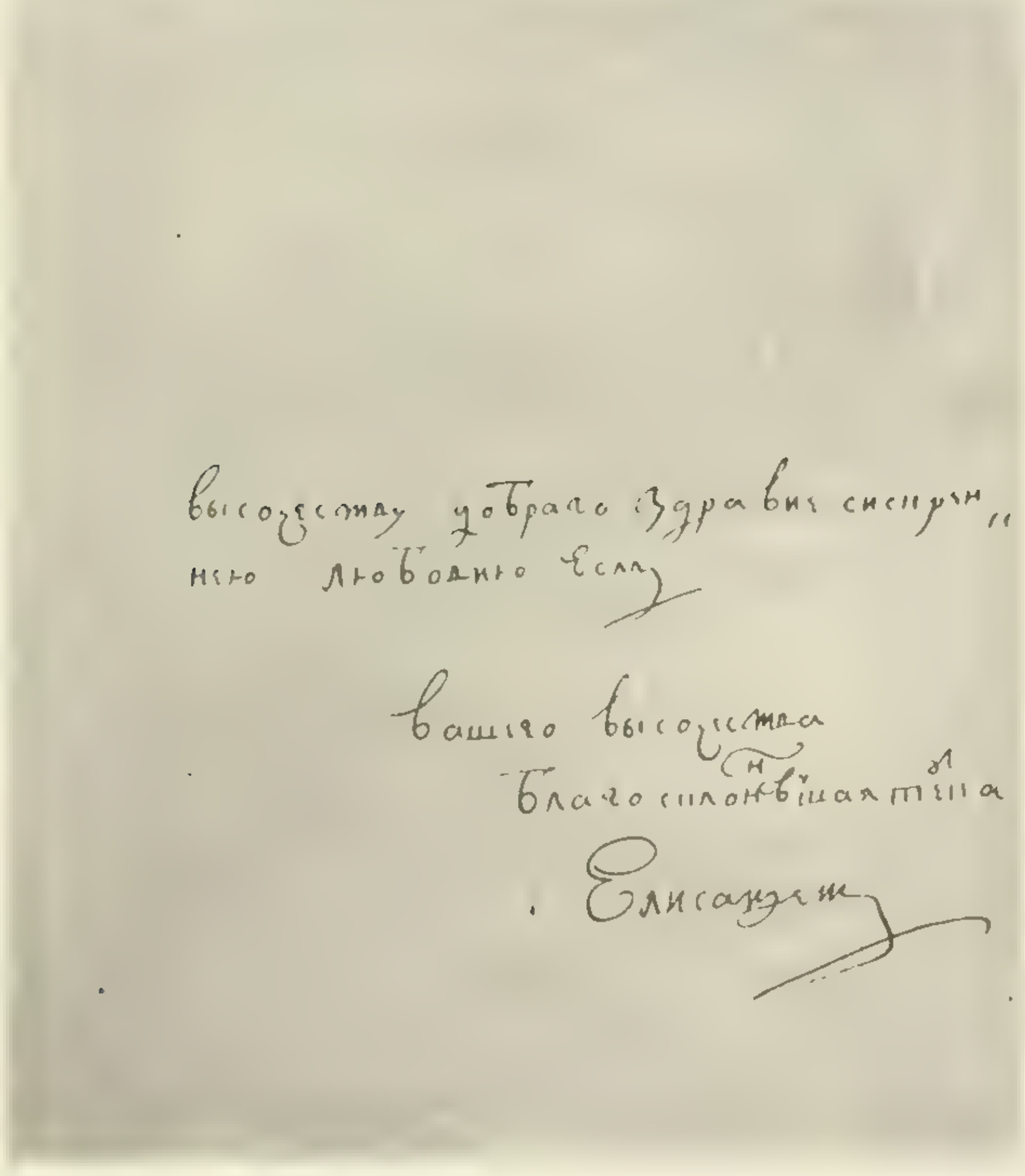
Александровская слобода. Послѣ Измайловскаго звѣринца наибольшій интересъ представляютъ охотничьи учрежденія *Александровской слободы*. Эта извѣстная Александровская слобода—въ которой нѣкогда

жилъ Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, окруженный толпою опричниковъ, смиренно, въ монашескомъ одѣяніи, молясь Богу и между церковными службами пытая и казня строптивыхъ бояръ и князей— теперь разрослась въ небольшой городокъ, уѣздный городъ Александровъ Владимірской губерніи. Въ началѣ XVIII вѣка именнымъ указомъ Петра Великаго Александровская слобода была приписана «къ комнатѣ Ея Царскаго Величества». Послѣ смерти Императрицы Екатерины I она поступила во владѣніе Великой Княжны Елисаветы Петровны, которая не замедлила завести здѣсь охоту. За дворцомъ былъ устроенъ охотный домъ съ сокольней и «немалой» псарней [414]). Этотъ дворъ, расположенный на окраинѣ слободы, по рѣкѣ Сѣрой, и до сихъ поръ сохранилъ за собою названіе Охотнаго. Въ шести верстахъ отъ Александровской слободы, въ деревнѣ Курганихѣ, принадлежавшей во времена Елисаветы Петровны любимцу Цесаревны, ея казначею, Алексѣю Яковлевичу Шубину, имѣлась другая псарная, около «Волчьей рощи», въ которой Великая Княжна нерѣдко травила волковъ. Здѣсь, на такъ называемой Костяной Сѣчѣ и въ настоящее время попадается много старыхъ костей, вѣроятно, остатковъ отъ волчьихъ притравъ.

Съ восшествіемъ Елисаветы Петровны на престолъ, ея охота слилась съ царскою охотою, при чемъ птичья, повидимому, была пріобщена къ охотѣ Семеновскаго потѣшнаго двора, а псовая—частью была переведена въ Петербургъ, частью причислена къ псовой охотѣ Измайловскаго звѣринца, частью же оставлена въ Александровской слободѣ. Во все послѣдующее время до конца столѣтія, псовая охота Александровской слободы служила питомникомъ охоты петербургской. Во главѣ ея стоялъ пикеръ, т.-е. доѣзжачій. Въ охотѣ содержались главнымъ образомъ гончія собаки: англійскія, русскія, а съ 1766 года также французскія. Въ 1761 году здѣсь было 23 англійскихъ и 73 русскихъ гончихъ; почти всѣ эти собаки были молодыя или щенята; изъ этого видно, что псовая охота Александровской слободы

въ то время содержалась исключительно для выкормки гончихъ щенятъ и для «наѣздки» молодыхъ собакъ [415]).

Изъ другихъ охотничьихъ учрежденій, расположенныхъ въ окрестностяхъ Москвы, укажемъ на *Преображенскій потѣшный дворъ*, который не слѣдуетъ смѣшивать съ Преображенскимъ потѣшнымъ городкомъ.



Окончаніе письма Императрицы Елисаветы, Великой Княгини Екатерины Алексѣевны.

Около 1681 года на этомъ дворѣ имѣлся особый птичій дворъ, гдѣ, кромѣ птицъ, содержались три лани. Нѣсколько позднѣе, въ 1688 и 1690 гг. мы встрѣчаемся съ указаніями на существованіе въ селѣ Преображенскомъ Лебяжьяго двора и Лосиной рощи, представлявшихъ, повидимому, составныя части Преображенскаго потѣшнаго двора.

Около находившагося здѣсь дворца, въ которомъ останавливался Петръ Великій, расположенъ былъ, какъ видно изъ дневника Берхольца, обширный салъ съ прекраснымъ прудомъ, гдѣ содержались рѣдкія утки, лебеди, журавли и другія птицы. Вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Петра I Преображенскій потѣшный дворъ со всѣми своими учрежденіями былъ упраздненъ [416]).

Въ заключеніе упомянемъ, что нѣкоторыя части царской охоты были расположены и въ другихъ подмосковныхъ селахъ. Въ селѣ Коломенскомъ, напримѣръ, имѣлся *потѣшный дворъ,* окруженный девятью заповѣдными рощами [417]); въ селѣ Хорошевѣ—*волчій потѣшный дворъ* съ заповѣдною сосновою рощею; въ селѣ Воздвиженскомъ—*лебяжій дворъ* и *дворъ лебедчиковъ.* Въ селѣ Пахринѣ проживало нѣсколько сокольниковъ. Въ одной изъ любимыхъ резиденцій Императрицы Екатерины II, селѣ Царицынѣ, называвшемся раньше селомъ *Черная грязь,* былъ построенъ дворецъ и разбитъ обширный садъ съ прудомъ, на островкахъ котораго въ 1775 году разводили фазановъ [418]).

III. Снабженіе звѣринцевъ звѣрями и птицами.

Звѣри и птицы для только-что описанныхъ нами звѣринцевъ и звѣровыхъ дворовъ доставлялись отчасти изъ-за границы, а главнымъ образомъ съ различныхъ окраинъ Россіи. Въ началѣ этой главы мы коснулись уже распоряженій Петра Великаго о доставкѣ звѣрей и птицъ для первыхъ, устроенныхъ имъ, звѣринцевъ и птичниковъ въ Петербургѣ и Петергофѣ. Здѣсь мы сообщимъ нѣкоторыя подробности объ организованной Петромъ I доставкѣ рѣдкихъ птицъ и звѣрей изъ Астрахани и изложимъ собранныя нами свѣдѣнія о снабженіи звѣринцевъ звѣрями и птицами за послѣдующія царствованія до конца XVIII вѣка.

Приказавъ Астраханскому губернатору въ Мартѣ 1718 г. выслать въ Петербургъ рѣдкихъ птицъ, «зайчиковъ и прочихъ звѣрьковъ,

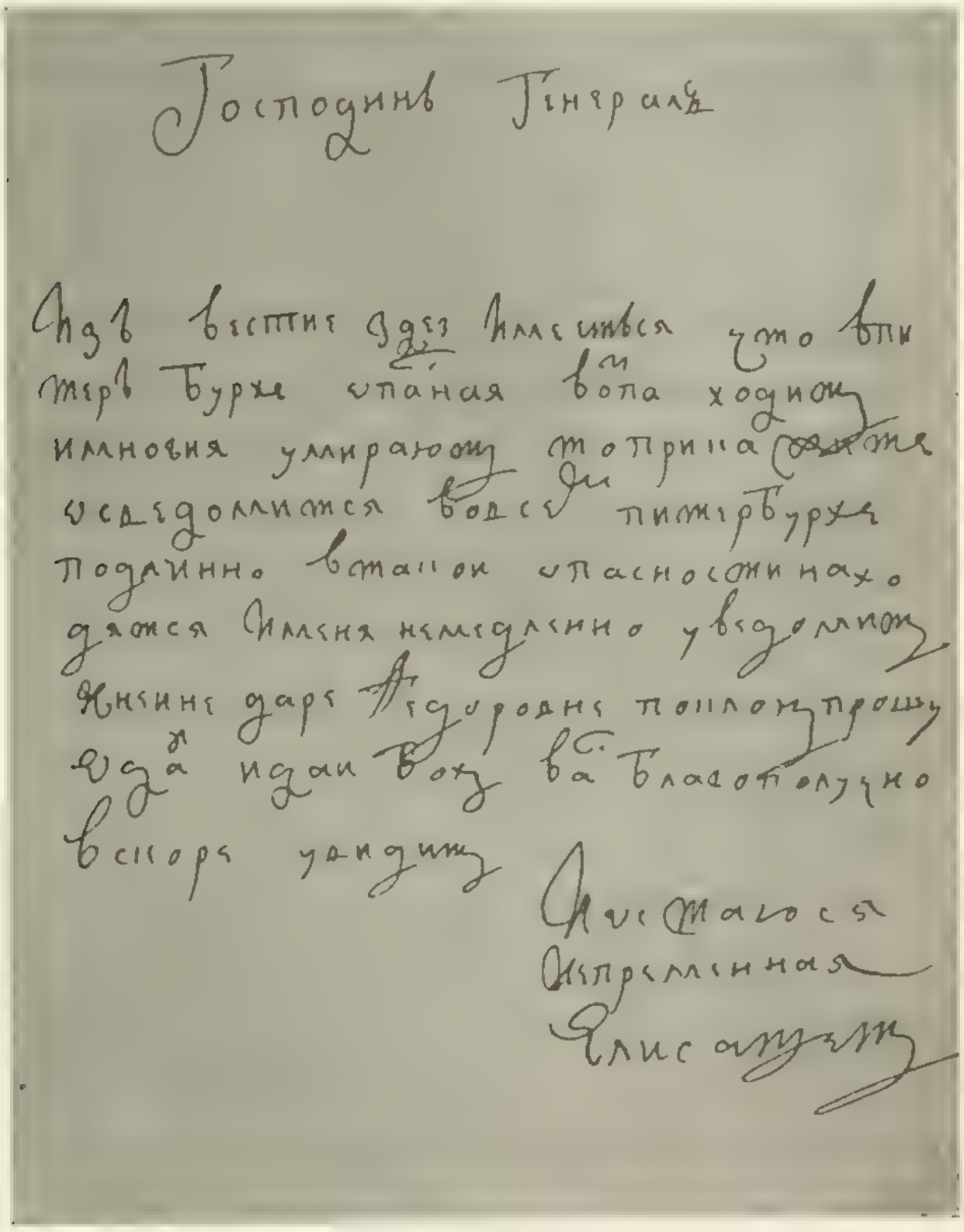
какихъ около Москвы и на украйнѣ нѣтъ», Петръ I послалъ ему примѣрную роспись птицъ, водящихся въ Астраханской губерніи и на Кавказѣ. Въ росписи этой были указаны: «гуси красные, которые ловятся на Эмбѣ-рѣкѣ», «чапуры (цапли) красныя и бѣлыя», «утки красныя и пѣгія, пѣтушки дикіе (фазаны), журавлики персидскіе и горскіе», «кваки»—водящіяся около Астрахани птицы изъ породы цапель, «колпи»—бѣлыя птицы величиною съ цаплю, «каравайки»—приморскія птицы съ длиннымъ шилообразнымъ загнутымъ клювомъ, и другія («казарки, неклейки, стерхи»). Съ указомъ въ Астрахань былъ посланъ солдатъ гвардіи Татариновъ (а по другимъ источникамъ—каптенармусъ государева полка Савва Гавердовскій), которому предписано было между прочимъ выстроить въ Астрахани на удобномъ мѣстѣ дворъ для птицъ [419]). На этомъ дворѣ, для помѣщенія зимою «гусей, которые ловятся на Эмбѣ-рѣкѣ», и другихъ нѣжныхъ птицъ, велѣно было выстроить большой мшеный амбаръ съ печью и выкопать по срединѣ его небольшой прудокъ, устроивши по краямъ прудка со всѣхъ сторонъ сходни, чтобы гусямъ «можно было въ воду сходить и выходить». Для различныхъ птицъ должны были быть выстроены лѣтніе и зимніе «покои», сообразно привычкамъ и наклонностямъ каждой породы—«какъ которыя любятъ», а также особыя помѣщенія для зайчиковъ и другихъ звѣрьковъ.

Фазановъ, «тамошнимъ реченіемъ именуемыхъ косыми пѣтушками», ловили «близъ Каспійскаго моря въ камышахъ», около устья рѣки Волги и подлѣ рѣки Терека, около «Гребенскихъ казачьихъ городковъ». Журавлики малые, именуемые терскими, съ двумя бѣлыми хохлами по сторонамъ головы, съ сизымъ опереніемъ передней половины шеи и зоба, ловились тоже около Гребенскихъ казачьихъ городковъ и Кизлярской крѣпости, откуда они доставлялись моремъ въ Астрахань. Около самой Астрахани, Чернаго Яра и Царицына ловили сѣрыхъ куропатокъ. Птицы, пойманныя лѣтомъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи, отсылались въ Петербургъ или Москву только

на слѣдующую весну. Осень и зиму ихъ содержали въ Астраханскомъ птичьемъ дворѣ, чтобы отучить пойманныхъ птицъ отъ корма, которымъ онѣ питались на свободѣ, и постепенно пріучить къ корму, которымъ имъ предстояло питаться въ менажеріяхъ и звѣринцахъ. Для этого птицъ сначала кормили рыбою и мясомъ, мелконскрошенными и смѣшанными съ гречневой или овсяной крупой, а потомъ мало-по-малу ихъ пріучали къ одной крупѣ. Привыкнувъ къ хлѣбному корму, птица становилась смирнѣе и ручнѣе. Астраханскій птичій дворъ, устроенный по указаніямъ Петра I, существовалъ долгое время послѣ него, во все царствованіе Анны Іоанновны [420]). Ежегодно отсюда отправляли въ Петербургъ большое количество птицъ. Въ Апрѣлѣ 1721 г. отправлено было разомъ 470 штукъ разныхъ птицъ на стругахъ. Въ послѣдующее время птицъ посылали меньше, но все же за пять лѣтъ, съ 1737—1741 г., ихъ отправили до 1000 штукъ (отъ 135 до 249 въ годъ).

Отправка птицъ изъ Астрахани производилась раннею весною, тотчасъ же по вскрытіи рѣкъ, «ни мало не мѣшкавъ». Ихъ отправляли водою на стругахъ, «съ надлежащими покои, кормами и присмотромъ». Для гусей и другихъ «нѣжныхъ» птицъ въ серединѣ струга устраивался водоемъ, въ которомъ птицы могли плавать во время дороги. Помостъ на кормѣ и носовой части струговъ усыпали пескомъ, для отдыха гусей по выходѣ изъ воды. Въ случаѣ ненастья или вообще дурной погоды, птицъ загоняли въ особые покои на кормѣ и носу. Въ пути предписывалось идти «со всякимъ поспѣшеніемъ и легкостью», не имѣя на тѣхъ судахъ, кромѣ птицъ и корму ихъ, «ни малаго числа ни своей, ни сторонней клади». Губернаторы, воеводы и коменданты поволжскихъ городовъ обязаны были «въ мѣстахъ опасныхъ» непремѣнно давать конвой птичьему транспорту, лоцмановъ (вѣроятно, для охраны отъ волжскихъ разбойниковъ) и, въ случаѣ надобности, «ежели отъ шторма судно повредится—новые струги». Несмотря на большія предосторожности, значительная часть птицъ не

выносила тягостей дальняго пути и погибала въ дорогѣ [421]). Изъ 951 птицы, отправленной изъ Астрахани за 1737—1741 гг., въ Петербургъ прибыло меньше половины—442 штуки; 509 пало во время перевозки. Птичій транспортъ 1739 г. былъ особенно несчастливъ:



Письмо Императрицы Елисаветы неизвѣстному (см. Примѣчанія, стр. 284, письмо № 8).

изъ 212 птицъ достигло Петербурга только 54; 74,5% погибло въ пути. Птицы нѣжныхъ породъ, какъ, напр., красные гуси, особенно страдали отъ перевозки: въ 1738 и 1739 гг. всѣ красные гуси, отправленные изъ Астрахани, пали въ дорогѣ; въ 1741 г. изъ 36 гусей въ Петербургъ доставлено было только 5 штукъ [422]).

Вмѣстѣ съ птицами изъ Астрахани привозили въ столичные звѣринцы различныхъ звѣрьковъ, которыхъ также передъ отправкой приручали и пріучали къ хлѣбному корму на Астраханскомъ птичьемъ дворѣ. Черезъ Астрахань же доставлялись различныя птицы изъ Персіи, напримѣръ: персидскія разноцвѣтныя красноногія и красноносыя куропатки и гилянскія курочки темно-васильковаго оперенія, на высокихъ ногахъ съ рудожелтыми носами и ногами и длинными пальцами. Птицы эти покупались около Дербента и Тарковъ за довольно дешевыя цѣны (по 20, 30 копѣекъ за штуку).

Особенно въ большомъ количествѣ требовались въ петербургскіе звѣринцы *сѣрыя куропатки*. Кромѣ Астраханской губерніи, гдѣ онѣ держались преимущественно около Астрахани, Чернаго Яра и Царицына, ихъ доставляли изъ Воронежской губерніи (около «Битюцкихъ дворцовыхъ волостей», на Дону), изъ Сѣвской и Рязанской провинцій, а также изъ Малороссіи и съ средняго Поволжья [423]). Сѣрыхъ куропатокъ ловили живыми и, пріучивъ къ хлѣбному корму, отправляли по нѣскольку сотъ паръ «по вся годы» въ Петербургъ [424]) изъ Астрахани водою, а изъ прочихъ мѣстъ въ зимнее время на саняхъ—въ крошняхъ или коробахъ, размѣстивши паръ по пяти въ каждый коробъ или крошню. Въ Кіевской губерніи около Переволочни и запорожскихъ казаковъ пріобрѣтались журавлики, похожіе на терскихъ и отличающіеся отъ нихъ только красноватымъ опереніемъ передней половины шеи и зобовъ. Въ 1753 году, по указу Императрицы Елисаветы Петровны, велѣно было наловить въ Переяславской провинціи 25 паръ *турухтановъ* и отправить ихъ въ Москву. Для ловли этихъ птицъ послали въ Переяславль 8 человѣкъ сокольихъ помытчиковъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны, въ Маѣ 1737 г. сдѣлано было распоряженіе доставить 50 *соловьевъ* изъ Москвы и 50 изъ Новгорода и Пскова и впредь изъ тѣхъ мѣстъ привозить ихъ «повсягодно за добрымъ призрѣніемъ»; въ то же время «партикулярнымъ людямъ» воспрещено было продавать кому-либо соловьевъ и велѣно было всѣхъ пойманныхъ

соловьевъ приносить въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію, гдѣ за нихъ выдавали установленную плату. На это повелѣніе первымъ откликнулся московскій Охотный рядъ, который со своимъ выборнымъ «купеческимъ третьей гильдіи человѣкомъ», Семеновымъ, прислалъ ко двору партію соловьевъ, закупленныхъ по пяти копѣекъ за штуку [425]). Въ слѣдующемъ 1738 г. запрещена была ловля соловьевъ въ окрестностяхъ Петербурга и во всей Ингерманландіи [426]). Но вслѣдъ за тѣмъ, въ 1740 году сенатскимъ указомъ вовсе была отмѣнена доставка ко двору соловьевъ.

Отъ времени до времени птицы рѣдкихъ породъ выписывались изъ-за границы. Согласно повелѣнію Петра Великаго, о которомъ мы уже упоминали, голландскій резидентъ Брантъ выслалъ въ Петербургъ «заморскихъ птичекъ и звѣрьковъ разныхъ породъ», но они привезены были изъ Голландіи уже послѣ кончины Петра, 7 Іюня 1725 г., птичникомъ Симономъ Шталемъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны (въ Маѣ 1737 г.) доставлена была, между прочимъ, изъ Англіи «великая птица страусъ или строфокамилъ» и вмѣстѣ съ другими заморскими птицами отдана въ менажерію [427]). При Елисаветѣ Петровнѣ изъ Голландіи (изъ городовъ Амстердама, Ротердама и Лейдена) доставлялись въ Петербургъ птицы параклитки, сѣрые попугаи, канарейки и китайскіе фазаны. Въ 1760 г. графъ Головкинъ, полномочный посолъ въ Голландіи, купилъ для петербургскаго двора сѣраго попугая и нѣсколько параклитокъ [428]).

Въ неменьшемъ количествѣ, чѣмъ птицы, доставлялись въ Императорскую охоту также звѣри разныхъ породъ, преимущественно съ дальнихъ окраинъ Россіи. Изъ Астраханской губерніи присылались: олени, подобные нѣмецкимъ, селтени, сайгаки, дикія козы, дикія кошки и кабаны, водившіеся въ степи отъ Царицынской линіи до Астрахани, а также въ окрестностяхъ рѣки Терека, близъ Гребенскихъ казачьихъ городковъ, затѣмъ штейнбоки (дикіе быки) изъ Кабарды. Здѣсь же, въ Кабардѣ, водилась другая порода дикихъ быковъ, такъ называемыхъ

идосовъ, извѣстныхъ на мѣстномъ нарѣчіи подъ именемъ «домбаевъ». Въ царствованіе Анны Іоанновны приказано было, «всячески стараясь», не жалѣя денегъ, пріобрѣтать этихъ животныхъ и присылать въ Петербургъ.

Со средняго Поволжья и изъ провинціи Казанской, Симбирской и сосѣдней съ ней Пензенской, а также изъ Малороссіи и Слободской украины, доставляли дикихъ козъ, сайгаковъ и кабановъ. Около же Донскихъ казачьихъ городковъ и вообще во всей Воронежской губерніи, кромѣ только-что перечисленныхъ звѣрей, встрѣчались зубры или дикіе быки, лоси, олени, подобные нѣмецкимъ, и дикія кошки (нѣсколько другой породы, чѣмъ астраханскія). Для ловли этихъ звѣрей въ Воронежской губерніи были опредѣлены особые охотники, «звѣриные ловцы», жители Битюцкаго и Павловскаго уѣздовъ, въ числѣ 77 человѣкъ. Отъ начала царствованія Анны Іоанновны сохранились свѣдѣнія о тяжеломъ экономическомъ положеніи этихъ охотниковъ. Отъ безпрестанной ловли звѣрей многіе изъ нихъ обезлошадѣли; промыселъ давалъ скудный заработокъ; за неплатежъ подушныхъ денегъ женъ ихъ сажали подъ караулъ. Воронежская губернская канцелярія возбудила въ 1732 году передъ сенатомъ ходатайство о выключеніи этихъ «звѣриныхъ ловцовъ» изъ подушнаго оклада. Сенатъ же, вмѣсто того, предписалъ давать имъ «за уловныхъ дикихъ звѣрей» деньги, съ такимъ расчетомъ: за оленей и лосей старыхъ—по 2 рубля, а за молодыхъ—по 1 рублю, за кабановъ и за дикихъ козъ, за старыхъ—по 1 рублю, а за молодыхъ—по 50 копѣекъ за каждаго звѣря [429]).

Въ Прикаспійскихъ степяхъ, между рѣками Волгою и Дономъ, ниже Царицынской линіи, и по другую сторону Волги, между рѣками Яикомъ и Эмбой, а также въ Башкирскихъ степяхъ и близъ рѣки Днѣпра, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ находились хутора запорожскихъ казаковъ, ловились въ описываемое время еще и *дикія лошади*. Этихъ лошадей донскіе, яицкіе и запорожскіе казаки, а также калмыки и башкиры, обыкновенно, охотясь, убивали, а «малыхъ» жеребятъ ловили

Императрица Екатерина II.
Гравюра В. Дикинсона 1773 года.

и выкармливали потомъ подъ кобылами въ теченіе года. Годовиковъ же или двухгодовалыхъ жеребятъ пріучали къ сѣну, вмѣстѣ съ другими дворовыми лошадьми, и когда жеребята окончательно привыкали къ сѣну, ихъ бережно отправляли въ Москву или въ Петербургъ.

Изъ-подъ Москвы въ звѣринцы и звѣровые дворы Петербурга доставлялись лисицы и волки [430]). Наконецъ, изъ С.-Петербургской, Новгородской, Смоленской и Казанской губерній къ Высочайшему двору доставлялись *лоси*. Этихъ животныхъ ловили молодыми телятами и выкармливали въ домахъ, подпуская подъ коровъ или подъ козъ, и, прокормивши такимъ образомъ годъ или полтора, пріучали къ дворовому корму. Также поступали со всѣми помянутыми выше звѣрями; правительство предписывало ловить ихъ «малышами» и, только пріучивъ къ «дворовому корму» и сдѣлавъ болѣе или менѣе смирными и ручными, черезъ годъ или два отправлять къ Высочайшему двору. Для выкормки и предварительнаго приученія звѣрей, сенатскими указами повелѣвалось выбирать удобное при текучей водѣ мѣсто на травянистомъ лугу, загородить это мѣсто заборомъ, сдѣлать внутри перегородки для звѣрей и избу для звѣровщиковъ—короче говоря,—устроить небольшой звѣринецъ. Такіе звѣринцы были построены въ Казани, Царицынѣ и Астрахани. Въ звѣровщики къ этимъ звѣринцамъ опредѣляли отставныхъ солдатъ «людей добрыхъ и прилежныхъ». Казанскимъ звѣровщикамъ жалованье положено было «вполы» противъ солдатъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ, а Царицынскимъ—такое же, какое полагалось казакамъ; расходы по содержанію этихъ звѣринцевъ были отнесены на счетъ мѣстныхъ губернскихъ канцелярій.

Наиболѣе разнообразные звѣри и животныя доставлялись изъ *Сибири*, гдѣ въ описываемое время водились: «маралы» или большіе олени; олени обыкновенные; «бабры» или леопарды; «ирбиси»—звѣри, похожіе на барсовъ (королевскіе тигры?); барсы или «тигеры»; росомахи; бѣлые, черные и желтые волки; черныя лисицы; бободи или дикіе быки съ большими хвостами, подобными лошадинымъ; маленькія

козочки, пестрыя, о пяти копытахъ на каждой ногѣ; бѣлые соболи и дикія лошади, «добротою подобныя кубанскимъ или черкесскимъ лошадямъ». Нѣкоторые изъ этихъ звѣрей, напримѣръ: маралы, боболи и лошади водились въ Сибирскихъ степяхъ; другіе—бабры, барсы и ирбисы — въ Иркутской и Якутской провинціяхъ, а также близъ Селенгинска и Китайской границы; остальные въ различныхъ мѣстностяхъ Сибири [431]).

Свѣдѣнія о ловлѣ поименованныхъ звѣрей въ Сибири, какъ и въ другихъ мѣстахъ, относятся главнымъ образомъ къ царствованію Анны Іоанновны [432]). Въ 1732 году сибирскіе воеводы, Плещеевъ и Бутурлинъ, во исполненіе Высочайшаго повелѣнія, командировали въ сибирскіе города посыльныхъ, съ указами отправить немедленно въ удобныя для лову мараловъ мѣста «нарочитыхъ промышленниковъ». Въ послѣдующіе годы въ Сибирскую губернію неоднократно посылались указы, подобные вышеприведенному, съ наставленіями: ловить звѣрей молодыми (кромѣ козочекъ, которыхъ позволялось ловить и старыми) и, пріучивши къ дворовому корму, направлять въ столицы черезъ городъ Тобольскъ. Ловля нѣкоторыхъ звѣрей—бобровъ, барсовъ и ирбисей—въ 30-хъ годахъ, по проекту оберъ-егермейстера Волынскаго, поручена была сибирскимъ инородцамъ, которымъ приказано было примѣчать, гдѣ водятся вышеупомянутые звѣри, и старыхъ изъ нихъ убивать, а дѣтенышей ловить и привозить въ ближайшіе города [433]). За такую службу инородцамъ или выдавалась особая плата, или же пойманные звѣри зачитывались имъ въ ясакъ. Доставка звѣрей изъ Сибири, при тогдашнемъ бездорожьѣ, естественно была сопряжена съ большими затрудненіями. Къ тому же между мѣстными охотниками не было искусныхъ звѣровщиковъ, которые умѣли бы ухаживать за звѣрями въ дорогѣ. Такъ, въ Ноябрѣ 1738 года Иркутская провинціальная канцелярія доносила Сенату, что хотя въ «Нерчинскомъ и Иркутскомъ вѣдомствѣ» и встрѣчаются степныя лошади «чигитан» (джигитан) и маленькія козочки «кабарги», а также большіе олени-

маралы, «токмо такихъ людей, чтобъ могли звѣрей пропитать и не поморить, въ Иркутской провинціи не имѣется». По требованію прибывшихъ въ Иркутскую провинцію съ научными цѣлями профессоровъ Академіи Наукъ, пойманы были живыми двѣ степныя лошади-джигитаи и нѣсколько маленькихъ кабаргъ, но по дорогѣ въ Иркутскъ всѣ эти животныя, «за неимѣніемъ въ Иркутской провинціи искусныхъ звѣровщиковъ», померли. Академики должны были мертвыхъ животныхъ «описывать живописцами», т.-е. срисовывать.

Несмотря на множество распоряженій о доставкѣ звѣрей и птицъ изъ различныхъ мѣстностей, количество присылавшихся птицъ и звѣрей оказывалось недостаточнымъ для многочисленныхъ петербургскихъ и московскихъ менажерій и звѣринцевъ. Оберъ-егермейстеръ Волынскій, съ замѣчательной энергіей дѣйствовавшій по всѣмъ отраслямъ управленія Императорской охоты, испросилъ у Анны Іоанновны въ Маѣ 1738 г. разрѣшеніе разослать во всѣ мѣста, гдѣ водились нужныя животныя и птицы, указы о скорѣйшемъ ихъ «ловленіи» и присылкѣ въ Петербургъ [434]). На эти указы изъ провинціальныхъ учрежденій долго не получалось никакихъ отвѣтовъ. Тогда, по предложенію Волынскаго, Сенатъ въ 1739 году послалъ во всѣ мѣста «наикрѣпчайшіе подтвердительные указы съ нарочными курьерами», чтобы, по Высочайшему повелѣнію, «неотложное исполненіе съ надлежащимъ радѣніемъ чинено было». На этотъ разъ губернскія и провинціальныя канцеляріи прислали свои объясненія; всѣ почти одинаково сообщали, что требуемыхъ звѣрей и птицъ въ данной мѣстности не встрѣчается, или что ихъ очень трудно ловить [435]). 6 Сентября 1739 г. Псковская провинціальная канцелярія доносила Императорскому кабинету, что хотя ею и «чинены при барабанномъ боѣ публикаціи» и посланы въ разныя мѣста указы о ловлѣ звѣрей, однако, до сихъ поръ по тѣмъ публикаціямъ никакихъ извѣстій не получено [436]). Изъ Саратова писали въ Мартѣ 1740 г., что, во исполненіе указа о присылкѣ звѣрей, посланъ былъ саратовскій дворянинъ Алексѣй Поповъ съ звѣриными

2

Указъ нашему сенату

Получа сіе немедленно Пра=
слашу нашего Полковника
Воронежскаго Полку Семена
Маслова обратно въ вверху=
тившій къ Петергофу кор=
пусъ, о которомъ здесь
увѣдомленосъ Ему онъ
Сенатъ позванъ въ
Петергофъ.

Екатерина.

въ два часа съ
Полуночи отъ
Красного Кабачка

Указъ Императрицы Екатерины II Сенату, данный Ею на пути слѣдованія съ войскомъ въ Петергофъ 29 Іюня 1762 года.

юртовщиками на низъ рѣки Волги, въ немалое отъ Саратова разстояніе», но они, несмотря на «ревностное попеченіе и стараніе», куропатокъ и козъ не только не наловили, «но и къ усмотрѣнію ихъ никакого способа не сыскали, понеже снѣга весьма глубокіе и рыхлые, и не токмо на лошадяхъ за оными ѣздить, но и пѣшкомъ и на лыжахъ ходить никакъ невозможно» [437]). Оло нецкая воеводская канцелярія донесла (12 Февраля 1740 года), что требуемыхъ ко двору звѣрей и птицъ въ Олонецкомъ уѣздѣ «не изыскано» [438]). Только Терское казачье войско удовлетворило отчасти требованію правительства, прислави 115 фазановъ, наловленныхъ въ 1739 году около Гребенскихъ казачьихъ городковъ, сообщивъ, однако, въ то же время, что въ мѣстахъ по Тереку другихъ птицъ и звѣрей, указанныхъ Сенатомъ, нѣтъ, и покупкою достать ихъ невозможно. Такимъ образомъ, старанія Волынскаго дали весьма незначительные результаты [439]).

Въ 1740 г. дальнѣйшая ловля птицъ и звѣрей была прекращена: указомъ 26 Іюня 1740 г. велѣно было выслать ко двору всѣхъ закупленныхъ и пойманныхъ звѣрей и птицъ, а впредь таковыхъ не ловить, не закупать и ко двору не присылать. Въ Астрахани тогда были возвращены въ полки всѣ люди мѣстнаго гарнизона, которые до того занимались ловлею птицъ и звѣрей, а люди, состоявшіе на птичьемъ дворѣ, были опредѣлены къ другимъ занятіямъ, престарѣлые же уволены въ отставку. Морскія суда, приспособленныя спеціально для ловли и перевозки птицъ, оставлены были безъ присмотра и скоро пришли въ совершенную негодность; строенія, въ которыхъ содержались пойманные звѣри и птицы, «за непоправленіемъ пришли въ неудобность [440]).

Однако, чрезъ четыре года правительство снова потребовало отовсюду присылки птицъ и звѣрей. Въ Маѣ 1744 года Оберъ-Егермейстерская канцелярія, страннымъ образомъ забывъ объ упомянутомъ выше указѣ 26 Іюня 1740 г., потребовала отъ губернаторовъ и воевод объясненій, на какомъ основаніи они прекратили доставку звѣрей и

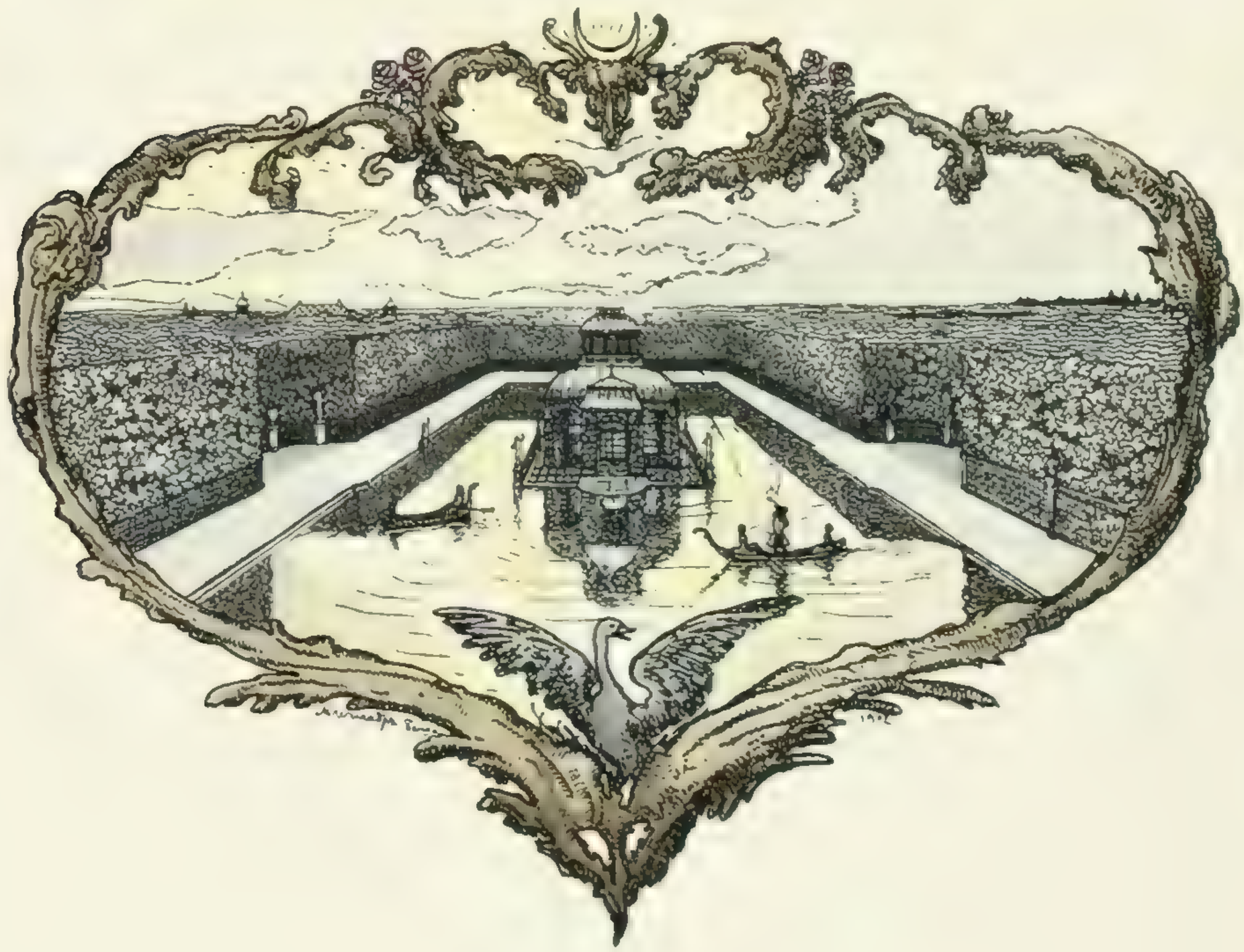
птицъ, и приказала присылать ихъ въ Петербургъ по силѣ прежнихъ указовъ [441]). Свѣдѣній о томъ, въ какомъ порядкѣ и на какихъ основаніяхъ производилась доставка дичи въ послѣдующее время во второй половинѣ XVIII вѣка, къ сожалѣнію, мы не нашли [442]).

Кромѣ звѣрей и птицъ рѣдкихъ породъ [443]), въ звѣринцы доставляли также иногда разныхъ «куріозныхъ» птицъ, отличавшихся какой-нибудь аномаліей въ окраскѣ или строеніи тѣла. При Петрѣ Великомъ и Аннѣ Іоанновнѣ, всеобщій интересъ возбуждали извѣстія о появлявшихся то тамъ, то здѣсь бѣлыхъ воронахъ или галкахъ. Въ Мартѣ 1719 года Петръ Великій приказалъ московскому губернатору послать въ Переяславль-Залѣсскій къ ландрату Кривцову лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдата «для своего государева дѣла», съ порученіемъ достать отъ ландрата «птицу бѣлую ворону, которая у него въ поимкѣ есть» [444]). Нѣсколько позднѣе, въ началѣ 1725 года на Семеновскій потѣшный дворъ была доставлена другая бѣлая ворона. У этой вороны оказались перья двухъ цвѣтовъ: на головѣ и подъ зобомъ «свѣтло-глинчатыя, на спинѣ и хлупѣ—«бѣлыя съ проглиностью»; кромѣ того, носъ противъ обыкновенія былъ покрытъ мелкими перышками. Эта диковинная птица была усмотрѣна и поймана двумя служителями Семеновскаго потѣшнаго двора въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на что предварительно было испрошено дозволеніе у начальника Царской охоты, князя Ивана Федоровича Ромодановскаго [445]). Въ концѣ 30-хъ годовъ Императрица Анна Іоанновна приказала доставить изъ Глухова отъ князя Барятинскаго бѣлую галку; за этой галкой былъ посланъ царскій егерь. Около того же времени оберъ-егермейстеръ Волынскій писалъ въ Москву графу Салтыкову о поимкѣ другой бѣлой галки, которую видѣли въ Твери—«токмо той галки въ Твери и уѣздѣ не сыскали» [446]).

Императрица Елисавета Петровна однажды очень заинтересовалась переданнымъ ей разсказомъ голландскаго шкипера (Класа Кемпеса) о «зеленой мартышкѣ, толь малой, что она совсѣмъ входитъ въ ши-

дѣйскій орѣхъ», которую этотъ шкиперъ видѣлъ въ Амстердамѣ. Въ Октябрѣ 1745 года Императрица послала приказаніе нашему послу въ Голландіи, графу Головкину, непремѣнно «безъ замедленія» купить эту диковинную мартышку. Головкинъ съ нѣкоторыми затрудненіями купилъ ее и прислалъ въ Петербургъ съ нарочнымъ курьеромъ, сержантомъ гвардіи Валуевымъ. Не знаемъ, оправдала ли эта мартышка ожиданія и была ли она дѣйствительно такъ мала, что могла помѣститься въ скорлупѣ индѣйскаго орѣха [447]).

Въ заключеніе главы надо сказать, что къ Высочайшему двору въ теченіе всего XVIII столѣтія была доставляема битая дичь какъ егерями, посылаемыми нарочно для этого отъ Императорской охоты, такъ и вѣдомствами и людьми, по указанію отъ Высочайшаго двора [448]).



Глава VI.

Кречетьи и сокольи помытчики.

Соколиная «красная» потѣха со смертью Царя Алексѣя Михаиловича теряетъ свое значеніе и никогда уже болѣе не возрождается во всемъ томъ блескѣ, какимъ она отличалась во дни царя-«охотника достовѣрнаго». Тѣмъ не менѣе, она, какъ мы видѣли, продолжаетъ существовать и въ концѣ XVII и на всемъ протяженіи XVIII вѣка, сохраняя и даже совершенствуя свою организацію, несмотря на то, что почти всѣ преемники царя

Алексѣя Михаиловича мало интересовались этимъ видомъ охоты, исключая Екатерины II, которая очень любила зрѣлище соколиныхъ охотъ, хотя и не принимала въ нихъ дѣятельнаго участія.

Ловчія птицы въ XVIII вѣкѣ доставлялись попрежнему помытчиками, составлявшими тогда особое привилегированное сословіе, размѣщенное въ различныхъ частяхъ государства. Птицы лучшей породы—кречеты и челиги кречетьи, также какъ въ XVII вѣкѣ, присылались главнымъ образомъ съ сѣвера Двинскими помытчиками, а также съ Поволжья — изъ восточной и юго-восточной Европейской Россіи (Казанскими, Симбирскими, Чебоксарскими, Козьмодемьянскими и Кокшайскими помытчиками). Соколы и ястребы доставлялись съ сѣвера Вологодскими и Бѣлоозерскими помытчиками, а изъ центральныхъ мѣстъ—помытчиками Переяславль-Залѣсскими, Ярославскими, Ростовскими, Суздальскими и Коломенскими.

Во второмъ томѣ нашего изслѣдованія мы видѣли, что привозъ кречетовъ въ эпоху Царя Алексѣя Михаиловича совершался еще Сибирскими помытчиками; отъ описываемаго же періода объ этихъ помытчикахъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Повидимому, со смертью Царя Алексѣя Михаиловича окончилась и ихъ дѣятельность по доставкѣ птицъ въ царскую кречетню. Когда въ 1733 году графъ Салтыковъ, стоявшій тогда во главѣ Императорской охоты, просилъ Сенатъ послать въ Сибирскую губернію указъ о привозѣ цвѣтныхъ кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, то Сенатъ отказалъ ему, сославшись на то, что въ Преображенскій приказъ не было доставлено изъ Сибири за все время завѣдыванія его Царскою охотою ни одного кречета [449]). Кромѣ перечисленныхъ нами помытчиковъ, ловлею птицъ занимались еще, такъ называемые комплектные помытчики, числившіеся въ штатѣ Императорской охоты и проживавшіе своими дворами въ Москвѣ.

Имѣющіяся у насъ свѣдѣнія объ общемъ числѣ всѣхъ помытчиковъ въ XVIII вѣкѣ относятся къ 1729 и 1744 гг. Мы нашли двѣ вѣдомости наличнаго количества помытчиковъ, составленныя по

требованію Сената. По вѣдомости 1729 года помытчиковъ значится 124 двора; по вѣдомости 1744 г.—868 человѣкъ. По различнымъ мѣстностямъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Вологодскихъ помытчиковъ въ 1744 г. было 333 человѣка [450]) (Комельской волости—207 и Сямеженской—126), Бѣлоозерскихъ—148, Двинскихъ—66, Ростовскихъ—64, Переяславль-Залѣсскихъ—63, Юхотскихъ—столько же, 63, въ Казанской губерніи—98 душъ, въ Суздалѣ—29 и въ Коломнѣ—4. За другіе годы мы располагаемъ лишь отрывочными свѣдѣніями о числѣ помытчиковъ отдѣльныхъ мѣстностей. Изъ сравненія этихъ свѣдѣній съ вышеприведенными видно, что число помытчиковъ къ концу столѣтія увеличилось, но очень незначительно. Такъ, напримѣръ, въ Казанской губерніи помытчиковъ было въ 1744 г.—98 человѣкъ, а въ 1800 г.—102; Юхотскихъ помытчиковъ въ 1744 г. числилось 63 человѣка, а въ 1782 г.—92.

Бѣлокрапчатый кречетъ съ острова Исландіи.

На всѣхъ помытчикахъ лежало обязательство доставлять въ Москву на Семеновскій потѣшный дворъ опредѣленное количество ловчихъ птицъ. Нормы этого оброка въ большинствѣ случаевъ были для каждой отдѣльной группы помытчиковъ одинаковы и равнялись двѣнадцати соколамъ дикомытямъ въ годъ (шесть вешнихъ и шесть осеннихъ). По вѣдомости 1729 г. одни только Суздальскіе помытчики

составляли исключеніе и обязаны были приносить меньше другихъ, а именно по 4 сокола въ годъ. Эта обязательная норма приноса 12 соколовъ въ годъ, повидимому, установилась только въ началѣ XVIII столѣтія. До этого же времени количество обязательнаго приноса птицъ опредѣлялось различно. По писцовымъ книгамъ 1676 г., напримѣръ, Переяславль-Залѣсскіе помытчики обязаны были доставлять на Семеновскій потѣшный дворъ ежегодно, съ каждаго двора «по соколу дикомыти, да по ястребу гнѣздному» [451]). Сохранились также свѣдѣнія, что на Юхотскихъ помытчиковъ въ концѣ XVII вѣка былъ положенъ окладъ—4 сокола въ годъ [452]). Двинскіе помытчики еще и въ началѣ описываемаго періода совсѣмъ не были «положены въ окладъ» и должны были доставлять все, что «въ уловѣ будетъ». Они обыкновенно привозили отъ 50 до 100 и даже болѣе ловчихъ птицъ въ годъ. Подобная неопредѣленность показалась почему-то неудобной, и въ 1723 году въ Преображенскомъ приказѣ былъ поднятъ вопросъ: нельзя ли установить для Двинскихъ помытчиковъ опредѣленный окладъ ловчей повинности [453]). При ближайшемъ ознакомленіи съ условіями дѣятельности этихъ помытчиковъ, Приказъ пришелъ къ убѣжденію, что «онымъ кречетымъ помытчикамъ окладу исправлять не мочно» въ виду того, что для ловли птицъ имъ приходится иногда бывать въ Швеціи и «въ Дацкой землѣ». Однако, черезъ восемь лѣтъ вопросъ объ установленіи опредѣленнаго оклада для Двинскихъ помытчиковъ былъ поднятъ снова, и сенатскимъ указомъ отъ 25 Іюня 1731 г. была установлена для нихъ норма—приносить по 20 кречетовъ и 30 челиговъ кречетыхъ въ годъ [454]). Къ концу XVIII столѣтія размѣры птичьяго оброка для нѣкоторыхъ помытчиковъ были, вѣроятно, нѣсколько измѣнены [455]). Извѣстно, напримѣръ, что около 1782 г. Юхотскіе помытчики доставляли въ Императорскую охоту съ каждыхъ 5 душъ по одному соколу, да съ каждыхъ 15 душъ по одному кречету [456]).

На уловный промыселъ помытчики обыкновенно отправлялись артелями, подъ командою своихъ старостъ, съ наступленіемъ теплаго

К. В. Лебедевъ. Привозъ и сдача подсокольничему соколовъ на Семеновскомъ Потѣшномъ дворѣ г. Москвы холмогорскими сокольими помытчиками въ концѣ XVII столѣтія.

времени. Переяславль-Залѣсскіе помытчики «въ полевомъ сидѣніи» бывали съ Благовѣщенія по Петровъ день (съ 25 Марта по 29 Іюня) и съ Ильина дня до Покрова (съ 20 Іюля по 1 Октября). Вѣроятно, въ эти же сроки производилась ловля птицъ и другими сокольими помытчиками центральныхъ областей. Поволжскіе кречетьи помытчики на уловномъ промыслѣ бывали въ Сентябрѣ, Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ; Двинскіе же помытчики—съ Петрова дня до зимняго Николы (6 Декабря). Въ центральныхъ и восточныхъ областяхъ ловъ птицъ производился въ угодьяхъ не только казенныхъ, но и помѣщичьихъ и монастырскихъ. Помытчики уходили обыкновенно въ самые отдаленные отъ своихъ деревень уѣзды, верстъ на 100 и на 200. Во время ловли птицъ на монастырскихъ и помѣщичьихъ угодьяхъ дѣло, конечно, не обходилось безъ столкновенія между помытчиками и вотчинниками, несмотря на строгія предписанія Оберъ-Егермейстерской канцеляріи и Сената, чтобы помытчикамъ въ уловѣ птицъ никто не смѣлъ «чинить никакого помѣшательства» [457]).

Ловля птицъ Поволжскими помытчиками производилась по луговой и нагорной сторонѣ Волги, а, начиная съ 1769 года, Казанскіе помытчики командировались въ Оренбургскую губернію и другія восточныя области, расположенныя между Волгой и Ураломъ. Отъ мѣстныхъ инородцевъ, враждебно настроенныхъ противъ русскихъ людей, помытчикамъ иногда приходилось испытывать не мало затрудненій въ своемъ промыслѣ. Одинъ злополучный Чебоксарскій помытчикъ, Иванъ Кликуновъ, побывалъ въ плѣну и у башкировъ и у «государственнаго злодѣя» Пугачева. Осенью 1773 г. артель помытчиковъ, къ которой принадлежалъ Кликуновъ, «помыкала» птицъ въ Исецкой провинціи и затѣмъ, по приказанію Исецкой провинціальной канцеляріи, отправилась съ пойманными птицами въ Казань. На пути въ Казань лошади очень изнурились, и поэтому староста артели долженъ былъ оставить одного изъ помытчиковъ, Кликунова, вмѣстѣ съ его птицами въ башкирской деревнѣ Кильдіаръ. Кликуновъ настойчиво требовалъ у

башкиръ подводы, чтобы везти далѣе птицъ. Башкиры же не только не исполнили его требованія, но, воспользовавшись тѣмъ, что онъ остался одинъ въ глухой деревнѣ, ограбили его и связали. «Взяли меня въ свои тиранскія руки»—писалъ впослѣдствіи Кликуновъ—«и били немилостиво, и разграбили у меня денегъ и прочаго экипажу не малое число, и содержали меня связаннаго три дня»; затѣмъ онъ, по приказанію сотника деревни Кильдіара «развязанъ былъ и ходилъ два дня за карауломъ, изъ-подъ котораго бѣжалъ и вышелъ въ Станкинскій заводъ, явясь того завода прикащику Степану Моисееву». Отсюда Кликуновъ пробрался назадъ къ воеводѣ Исецкой провинціи и разсказалъ ему о своихъ злоключеніяхъ. Воевода приказалъ Кликунову провести зиму въ селѣ Кундровинскомъ. Здѣсь-то злополучный помытчикъ былъ снова полоненъ и на этотъ разъ уже полковникомъ «государственнаго злодѣя» Пугачева, Грязновымъ. По словамъ Кликунова, 10 Декабря 1774 года, въ ночное время Грязновъ «съ злодѣйской толпою» пріѣхалъ нечаянно въ село Кундровинское, взялъ Кликунова «въ полонъ» и даже хотѣлъ лишить его «живота», но почему-то раздумалъ и не повѣсилъ, ограничившись тѣмъ, что отдалъ его подъ караулъ. Въ плѣну у Грязнова помытчикъ пробылъ четыре мѣсяца; затѣмъ ему удалось освободиться «изъ оной злодѣйской толпы» и пробраться въ Челябу, гдѣ онъ жилъ «подъ скрытіемъ у казака Ефимова» до прибытія секундъ-маіора Владимірскаго полка Гагарина, явившагося туда со своей командой усмирять бунтовщиковъ. Поступивъ въ команду Гагарина, Кликуновъ прослужилъ у него до полнаго усмиренія бунта, и затѣмъ снова принялся за свой уловный промыселъ [458]).

Двинскіе кречетьи помытчики не терпѣли такихъ «обидъ и разореній» отъ населяющихъ сѣверъ мирныхъ лопарей и самоѣдовъ, но зато должны были вести тяжелую борьбу съ суровою сѣверной природой. Много нужно было отваги и ловкости, а главное закаленной энергіи, чтобы съ успѣхомъ вести и безъ того трудный промыселъ ловли кречетовъ въ мѣстности, круглый годъ обвѣваемой холоднымъ

дыханіемъ угрюмаго Ледовитаго океана. На уловный промыселъ Двинскіе помытчики отправлялись на двухъ прочныхъ судахъ. Одно судно шло къ Мурманскому берегу въ становища Гаврилово, Харлово и Пасово и на острова Кильдинъ и Семь острововъ, гдѣ въ то время ловчія птицы водились въ большомъ количествѣ. Второе судно направлялось на Зимній и Терскій берегъ. Какъ постройка судовъ, такъ и пріобрѣтеніе необходимыхъ принадлежностей для промысла, а также заготовка хлѣбныхъ запасовъ на все время лова, производилась въ началѣ XVIII вѣка на счетъ казны. Покупка морскихъ судовъ и полное снаряженіе ихъ всѣмъ, необходимымъ для промысла, стоили до 400 рублей, а на прокормъ каждаго помытчика закупалось въ Архангельскѣ по 15 пудовъ хлѣба. На всѣ эти надобности помытчики издревле получали изъ Архангельской земской избы по 7 рублей на человѣка. Въ началѣ XVIII столѣтія размѣръ «подмоги» помытчикамъ на ловлю и перевозку птицъ былъ уменьшенъ: на постройку судовъ и заготовку припасовъ стали выдавать, вмѣсто 7 рублей, только 5 рублей на человѣка. Новая мѣра привела къ тому, что многіе изъ Двинскихъ помытчиковъ стали

Бѣлый соколъ
съ Ледовитаго океана.

уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, вслѣдствіе чего и уловъ кречетовъ становился изъ года въ годъ все меньше и меньше. Тогда Петръ Великій, нуждавшійся, какъ мы видѣли, въ охотничьихъ птицахъ для непрестанной посылки ихъ въ иностранныя государства,— приказалъ въ 1719 г. выдавать помытчикамъ все то, что они получали издревле, «безъ убавки». Затѣмъ, когда въ Маѣ 1724 года помытчики жаловались, что имъ не выдаютъ положенныхъ денегъ на строеніе морскихъ судовъ и на хлѣбные запасы, несмотря на то, что время къ отправкѣ на промыселъ уже приспѣло, то Архангельскому вице-губернатору Ладыженскому былъ посланъ Высочайшій указъ немедленно снарядить помытчиковъ въ путь на кречетій промыселъ [459]).

Въ 1731 году способъ вознагражденія Двинскихъ помытчиковъ за уловъ и приносъ къ охотѣ кречетовъ былъ существенно измѣненъ. Сенатъ нашелъ болѣе удобнымъ, чтобы побудить помытчиковъ «ревностнѣе промышлять птицъ», выдавать имъ, вмѣсто прежняго жалованья и подмоги, деньги особо за каждую доставленную птицу: за кречетовъ цвѣтныхъ была опредѣлена плата въ 6 рублей, а за простыхъ—въ 5 рублей; за челиговъ цвѣтныхъ—4 рубля, а за простыхъ—3 рубля. Строить и снаряжать суда помытчики должны были теперь за свой счетъ: чтобы помочь имъ въ этомъ, рѣшено было, однако, выдавать имъ часть платы за птицъ впередъ [460]).

Такое измѣненіе въ порядкѣ вознагражденія помытчиковъ за уловъ кречетовъ не представляло для нихъ особыхъ выгодъ. Счастье могло измѣнить имъ, пойманныхъ птицъ могло оказаться мало, и они должны были терпѣть нужду и лишенія, тогда какъ при прежней системѣ вознагражденія они не подвергались подобнаго рода случайностямъ и спокойно шли на промыселъ, будучи увѣрены, что и въ случаѣ неудачнаго улова у нихъ есть вѣрный кусокъ хлѣба. Немудрено поэтому, что они черезъ оберъ-егермейстера Артемія Петровича Волынскаго ходатайствовали въ 1736 году о возстановленіи хотя бы отчасти прежней системы вознагражденія. Волынскій сдѣлалъ попытку

согласить старую и новую системы вознагражденія помытчиковъ и въ своемъ представленіи Сенату предложилъ: снаряженіе судовъ и путевыхъ санеи, кормъ птицъ и прогонныя деньги отнести на счетъ казны, какъ это и прежде было, а, вмѣсто жалованья, назначить впредь вознагражденіе за каждую доставленную птицу въ половинномъ размѣрѣ противъ прежняго. Сенатъ, однако, не одобрилъ предложенія Волынскаго, и положеніе помытчиковъ въ этомъ отношеніи нисколько не измѣнилось, если не считать того, что имъ разрѣшено было птицъ, оказавшихся лишними сверхъ оклада, продавать «кому похотятъ».

Ловля кречетовъ и соколовъ, а также доставка пойманныхъ птицъ въ Москву въ описываемую эпоху производились тѣми же способами и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ XVII вѣкѣ. Поэтому, чтобы не повторяться, мы здѣсь отмѣтимъ лишь нѣкоторыя частныя измѣненія, происшедшія за описываемое время въ порядкѣ привоза и сдачи ловчихъ птицъ въ Императорскую охоту. Чебоксарскимъ помытчикамъ одно время велѣно было сдавать пойманныхъ кречетовъ и соколовъ не въ Москвѣ, какъ то было прежде, а въ гор. Казани и въ Свіяжскѣ. Должно быть, однако, мѣстныя власти сильно притѣсняли помытчиковъ при сдачѣ птицъ: они или не выдавали имъ положеннаго за приносъ птицъ жалованья, или долго заставляли ихъ держать пойманныхъ птицъ при себѣ, вводя ихъ черезъ это въ лишніе расходы; какъ бы то ни было, но помытчики просили Императрицу Екатерину I, чтобы она повелѣла имъ самимъ привозить кречетовъ и соколовъ попрежнему «къ Москвѣ въ Преображенскій приказъ» [461]).

Пріемъ привезенныхъ въ Москву ловчихъ птицъ производился обыкновенно дневальными сокольниками или кречетниками на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ. Около же 1740 г. помытчикамъ почему-то предписано было славать птицъ въ Правительствующій Сенатъ. Это предписаніе оказалось для помытчиковъ крайне стѣснительнымъ: при частыхъ въ то время перекочевкахъ высшихъ правительственныхъ учрежденій изъ одной столицы въ другую, помытчикамъ приходилось

сидѣть въ Москвѣ, ожидая возвращенія Сената изъ Петербурга, и держать все время птицъ на своихъ квартирахъ, гдѣ «къ содержанію оныхъ удобныхъ мѣстъ не имѣется»; приходилось, слѣдовательно, много тратить денегъ какъ на кормъ птицамъ, такъ и на свое содержаніе, а главное быть въ постоянномъ страхѣ, что неудобство помѣщеній погубитъ птицъ. Это заставило Двинскихъ кречетыхъ помытчиковъ обратиться въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію съ просьбой объ отмѣнѣ этого неудобнаго для нихъ правила, и ходатайство ихъ было уважено Сенатомъ [462]).

При пріемѣ птицъ тщательно осматривали: въ настоящемъ ли онѣ тѣлѣ? нѣтъ ли заломовъ перьевъ въ хвостѣ и крыльяхъ? Здоровыхъ птицъ зачисляли на «довольствіе», а больныхъ совсѣмъ не принимали, чтобы казеннаго корму на нихъ не тратить. Если больныхъ птицъ и съ заломами оказывалось очень много, помытчикамъ чинили жестокое наказаніе: ихъ «за слабое смотрѣніе и нерадѣніе нещадно били батожьемъ», съ обѣщаніемъ и впредь поступать съ ними «безъ всякаго упущенія», если будутъ повторяться случаи привоза больныхъ птицъ [463]). За недоставленныхъ по окладу птицъ съ помытчиковъ обыкновенно удерживали по 3 рубля за птицу, а въ позднѣйшее время—10 рублей. Если приносъ птицъ былъ значительно ниже оклада, то помытчиковъ опять-таки нещадно били батожьемъ. Чтобы избѣгнуть этой кары помытчики готовы были объяснять недостаточный уловъ птицъ вмѣшательствомъ въ ихъ промыселъ сверхъестественныхъ явленій. Такъ, Кокшайскій помытчикъ Емельяновъ съ товарищами въ 1775 г. доносилъ Оберъ-Егермейстерской конторѣ, что, несмотря на «всеусердное стараніе къ поимкѣ птицъ», они все же ничего не поймали, «понеже въ самое то время, когда бываетъ ловъ птицамъ, отъ воли Божіей былъ мракъ» [464]). За птицъ, умершихъ въ дорогѣ, съ помытчиковъ удерживали половину платы, положенной за живую птицу. Кромѣ того, подозрѣвая, что причиной гибели птицъ былъ или плохой и недостаточный кормъ во время дороги, или недосмотръ со стороны помытчиковъ, ихъ всегда

подвергали строгому допросу, почему у нихъ оказались «упалыя» птицы. Когда въ 1726 году Двинскіе помытчики, отправленные изъ Архангельска съ 52 ловчими птицами (23 кречета и 29 челиговъ кречетыхъ), размѣщенными въ 17 саняхъ съ окутами, доставили въ Москву только 40 птицъ, а саней 13, то въ Преображенскомъ приказѣ помытчиковъ допрашивали подъ страхомъ смерти, отчего умерло у нихъ въ дорогѣ 12 птицъ, и куда они дѣли четверо саней. Ватащики отвѣчали, что «оныя птицы померли отъ большихъ морозовъ, а не отъ безкормицы ихъ помытчиковъ, а по тѣмъ умершимъ птицамъ, что которая птица въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ умерла, тому при помытчикахъ письменной записки не имѣется и нынѣ нѣтъ, для того въ прошедшихъ годахъ дѣды и отцы ихъ отъ города въ Москву съ такими же птицами присыланы, и у нихъ въ дорогѣ многія птицы помирали-жъ и въ которыхъ мѣсяцахъ и числахъ и отчего, у нихъ помытчиковъ ..... допросовъ не бывало; что какихъ живыхъ и мертвыхъ у нихъ въ приносѣ будетъ, то число и примутъ, и въ томъ пріемѣ давались имъ изъ Преображенскаго приказу за судейскими руками отписки». Относительно утерянныхъ саней помытчики отвѣчали, что «ѣдучи отъ города (Архангельска) до Вологды по землѣ, а снѣгу не было, и у тѣхъ саней полозья и вязья изломались, и тѣ ломанныя сани и съ окутки по дорогѣ разбросали и покидали» [405]).

Иногда такимъ объясненіямъ не вѣрили и, объясняя смерть птицы нерадѣніемъ помытчиковъ, ихъ за это били батожьемъ. Каждая «упалая птица» для помытчика была сущимъ несчастіемъ. У помытчиковъ Бѣлозерскаго уѣзда въ 1750 г. изъ 13 птицъ, привезенныхъ въ Москву, одна умерла въ дорогѣ; они такъ испугались отвѣта за эту «упавшую» птицу, что рѣшились самовольно уѣхать изъ Москвы въ свои деревни, не дождавшись пріема птицъ [406]). Конечно, они были снова вытребованы въ Москву, и съ ними поступили, вѣроятно, «безъ упущенія».

Положеніе помытчиковъ за разсматриваемое время становится болѣе труднымъ; высшая власть предъявляетъ къ нимъ все болѣе и

болѣе строгія требованія; мѣстныя же власти нерѣдко крайне стѣсняютъ ихъ дѣятельность, не выдавая имъ установленнаго жалованья. Въ 1736 году Двинскіе помытчики жаловались оберъ-егермейстеру, что, вмѣсто причитавшихся имъ 346 руб. (за 72 птицы живыхъ и 10 упалыхъ), въ Архангельскѣ имъ выдали только 188 рублей 50 коп. Да раньше еще въ 1734 г. имъ было недодано за привозъ птицъ 20 руб., и отъ этой недодачи «пришли они въ самое убожество». Оберъ-егермейстеръ Волынскій сочувственно отнесся къ ходатайству помытчиковъ и, по его представленію, Сенатъ выдалъ помытчикамъ всѣ недоданныя деньги полностью [467]). Казанская губернская канцелярія также, какъ Архангельская, въ 1734—1750 гг. неправильно выдавала помытчикамъ лишь половину причитающихся денегъ, «да и за тою половинною выдачею», по словамъ помытчиковъ, имъ приходилось ходить мѣсяца по два и больше [468]).

Но самый существенный ущербъ благосостоянію помытчиковъ былъ нанесенъ постепеннымъ сокращеніемъ ихъ древнихъ правъ и привилегій. Попытки ограничить права помытчиковъ замѣчаются, какъ

мы видѣли, еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Но при Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ расцвѣтъ соколиной охоты снова поднялъ нарушенныя было права помытчиковъ: они снова почувствовали себя господами положенія. Въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка до 1723 года, никакихъ ограниченій въ области правъ и преимуществъ помытчиковъ сдѣлано не было; напротивъ того, эти права и преимущества даже подтверждались Высочайшими указами. Такъ, въ 1700 году дана была жалованная грамота Переяславль-Залѣсскимъ помытчикамъ, которою подтверждались ихъ древнія привилегіи, а именно: а) право на свободную торговлю, б) свобода отъ податей и повинностей, кромѣ доставки птицъ, а также в) изъятіе изъ вѣдѣнія общегосударственнаго суда, кромѣ дѣлъ уголовныхъ, съ подчиненіемъ въ судебномъ отношеніи Преображенскому приказу. Отмѣтимъ также Высочайшій указъ 1714 года, которымъ повелѣвалось Архангельскому губернскому начальству не брать съ Вологодскихъ помытчиковъ никакихъ новоокладныхъ поборовъ и выключить ихъ изъ табельнаго оклада.

Но вотъ 9 Января 1723 года издается указъ, въ силу котораго помытчики и дѣти ихъ зачисляются въ подушный окладъ наравнѣ съ прочими крестьянами [469]). Опубликованіе этого указа было какъ бы поворотнымъ пунктомъ въ исторіи помытчиковъ. Съ этого момента началось постепенное ограниченіе ихъ правъ, возникло стремленіе сравнять ихъ въ правовомъ и въ другихъ отношеніяхъ съ обыкновенными «черносошными» крестьянами, стремленіе, окрѣпшее впослѣдствіи и закончившееся полнымъ упраздненіемъ сословія помытчиковъ въ 1827 году. Не прошло года со дня обнародованія упомянутаго указа, какъ помытчики настолько уже почувствовали всѣ невыгодныя для нихъ послѣдствія отъ включенія ихъ въ подушный окладъ, что одновременно изъ разныхъ мѣстъ послышались ихъ жалобы на свое тяжелое положеніе. Двинскіе помытчики въ 1721—1724 годахъ жаловались Преображенскому приказу, что Архангельскій вице-губернаторъ Лоды-

женскій беретъ съ нихъ подати наравнѣ съ черносошными крестьянами, учиняетъ среди нихъ рекрутскіе наборы, а за неисполненіе своихъ требованій бьетъ на правежѣ и въ тюрьму сажаетъ. Въ томъ же 1724 году поступаютъ челобитья отъ Переяславль-Залѣсскихъ и Вологодскихъ помытчиковъ. Переяславль-Залѣсскіе помытчики въ своей челобитной писали: «нынѣ внесли ихъ въ перечневыя книги для обложенія восьмигривенными деньгами, наравнѣ съ прочими мѣстными тягловыми жителями, ... требуютъ отъ нихъ рекрутъ, ... въ день бьютъ на правежъ, а къ ночи сажаютъ въ тюрьму, и отъ того де караульнаго задержанія и правежу сокольѣ ловлѣ учинилась остановка, и въ полевомъ сидѣньи и для сокольи ловли сидѣть стало некому» [470]). Вологодскіе помытчики жаловались, что Архангелогородскій губернаторъ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ прислалъ переписчиковъ, «которые въ ихъ деревняхъ переписали всѣхъ отъ мала до велика и нужныхъ (т.-е. больныхъ)» и, приравнявши ихъ къ дворцовымъ пашеннымъ крестьянамъ, положилъ на нихъ тягло и всякія подати. А вице-губернаторъ Курбатовъ, къ довершенію всего, требуетъ отъ нихъ денежныхъ поборовъ за прежніе года, держитъ за карауломъ, «бьетъ на правежѣ и мучаетъ ежедневно безъ пощады» [471]). Жалобы послышались и съ Волги. Въ 1726 году Чебоксарскій помытчикъ Алаторцевъ писалъ въ своей челобитной Императрицѣ Екатеринѣ I, что земскіе комиссары берутъ съ него и съ его дѣтей подушный окладъ и всякіе разные поборы и съ торгу спрашиваютъ десятой деньги, а бурмистры сажаютъ дѣтей его въ земскую избу и держатъ ихъ тамъ «въ чепи и желѣзахъ».

Помытчики никакъ не хотѣли подчиняться новому закону, нарушавшему ихъ исконныя привилегіи; на взысканіе подушной подати они смотрѣли, какъ на злоупотребленіе. Мѣстныя же власти въ этомъ случаѣ были только точными исполнителями указа 9 Января 1723 г.: помытчики, зачисленные въ подушный окладъ, обязаны были нести всѣ государственныя и общественныя повинности. Поэтому жалобы

К. В. Лебедевъ. «Выноска и справка» соколовъ на Семеновскомъ Потѣшномъ дворѣ г. Москвы кречетниками и сокольниками.

и всѣ холатайства какъ самихъ помытчиковъ, такъ и ихъ непосредственнаго начальства оставлялись правительствомъ безъ всякихъ послѣдствій. Волей-неволей приходилось помытчикамъ мириться съ новыми порядками, со страшной для нихъ «подушной». Между тѣмъ новые порядки отразились гибельнымъ образомъ на ихъ экономическомъ положеніи, а черезъ это и на самомъ уловномъ промыслѣ. «Сокольѣ ловли учинилась остановка, для соколья ловли сидѣть стало некому», пишутъ Переяславльскіе помытчики въ упомянутой уже нами челобитной.

«Братья соколы помытчики всѣ отъ правежу подушныхъ денегъ и отъ хлѣбнаго недорода разбрелись въ міръ, кормятся и доднесь въ мірѣ, а положенныхъ на нихъ соколовъ ловить некому», отвѣчалъ въ Декабрѣ 1726 года допрошенный въ Преображенскомъ приказѣ помытчикъ Чаранской округи Ѳедоровъ, который «за умаленіемъ въ ловлѣ соколовъ дикомытей» принесъ въ Москву сокола молодика [472]).

Прошло съ небольшимъ двадцать лѣтъ со дня включенія помытчиковъ въ подушный окладъ. За это время прежде привилегированное

сословіе совѣмъ разорилось. Мрачными красками рисуютъ свое экономическое положеніе Вологодскіе помытчики въ челобитной 1744 года, поданной ими въ Правительствующій Сенатъ. По переписи 1724 года въ подушный окладъ ихъ зачислено было 197 душъ; изъ этого числа къ 1744 году осталось только 73 души. Изъ остальныхъ же—кто померъ, кто взятъ въ солдаты, другіе же пришли въ совершенную старость и оскудѣніе, и нищету, и въ службу негодны, наконецъ, многіе, «покиня домы свои, разбрелись врозь». Оставшіеся же 73 человѣка должны были платить подушныя деньги, поставлять рекрутъ какъ за себя, такъ и за умершихъ, бѣжавшихъ и престарѣлыхъ. Это привело помытчиковъ «въ самую нищету и оскудѣніе», межъ тѣмъ какъ соколовъ съ нихъ требуютъ попрежнему и въ прежнемъ количествѣ. При такомъ бѣдственномъ положеніи, никакія строгія требованія и предписанія не достигали цѣли, и приносъ птицъ съ каждымъ годомъ все уменьшался и уменьшался. Правительство пришло, наконецъ, къ убѣжденію, что необходимо, хотя немного, облегчить участь помытчиковъ [473]). Первымъ шагомъ на этомъ пути было исключеніе изъ подушнаго оклада тѣхъ Двинскихъ помытчиковъ, которые не имѣли земли [474]). Затѣмъ, въ 1732 году велѣно было не взыскивать съ Переяславльскихъ помытчиковъ никакихъ сборовъ, кромѣ подушной подати [475]). Наконецъ, съ 1739 года послѣдовалъ рядъ частныхъ постановленій, коими помытчикамъ разрѣшено было замѣнить поставку рекрутъ денежными взносами. Сенатскимъ указомъ 30 Апрѣля 1739 г. опредѣлено было «рекрутъ натурою не брать, а брать, какъ съ малопомѣстныхъ по указамъ велѣно, въ складку деньгами, дабы отъ того оныхъ (т.-е. помытчиковъ) не умалялось, а ловлѣ птицъ остановки не было» [476]). Такія же постановленія состоялись 11 Февраля 1740 г., 16 Іюня 1743 г. и 28 Ноября 1744 г. по отношенію къ Переяславль-Залѣсскимъ, Двинскимъ и Вологодскимъ помытчикамъ. Всѣ эти частныя постановленія завершились Сенатскимъ указомъ 17 Ноября 1748 г., которымъ всѣ помытчики освобождались

отъ натуральной рекрутской повинности, съ замѣною ея—денежною. Указъ этотъ былъ вызванъ крайнимъ разоренiемъ помытчиковъ: въ Ноябрѣ 1748 года Оберъ-Егермейстерская канцелярiя вошла въ Сенатъ съ представленiемъ, въ которомъ указывала, что во время рекрутскаго набора 1747 года, съ помытчиковъ брались рекруты съ немалымъ для нихъ изнуренiемъ, отчего нѣкоторые изъ нихъ пришли въ крайнее разоренiе и нищету. Сообразно съ этимъ, Сенатъ мотивировалъ свое постановленiе слѣдующимъ образомъ: «хотя .... рекрутскiе наборы чинятся со всѣхъ положенныхъ въ подушный окладъ, но понеже оные помытчики, сверхъ того подушнаго окладу, ко двору Ея Императорскаго Величества, по прежнимъ ихъ грамотамъ, ловя птицъ, ставить и въ Москву привозить должны, къ тому жъ находятся они въ разныхъ мѣстахъ и число душъ не великое: и того ради .... со всѣхъ тѣхъ сокольихъ помытчиковъ въ предбудущiе наборы рекрутъ натурой не брать, а когда рекрутскiе наборы будутъ, тогда ихъ, приписывая къ прочимъ государственнымъ, дворцовымъ, монастырскимъ или помѣщиковымъ крестьянамъ, въ складку брать деньгами, почему съ души при тѣхъ рекрутскихъ наборахъ указами опредѣлено будетъ».

Нѣсколько раньше этого, въ 1747 году, былъ поставленъ и разрѣшенъ вопросъ о томъ, въ чьемъ вѣдѣнiи должны находиться кречетьи и сокольи помытчики. Какъ извѣстно, «судомъ и расправою» помытчиковъ издревле вѣдалъ сначала самъ царь чрезъ своего сокольничаго, а впослѣдствiи Преображенскiй приказъ [477]). Это право помытчиковъ было неоднократно подтверждаемо въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка. Въ 1732 году у нѣкоторыхъ помытчиковъ (Ростовскихъ) эта привилегiя была отнята, и ихъ велѣно было вѣдать «судомъ и расправою», на общемъ основанiи, «воеводской канцелярiи» [478]). Но затѣмъ Сенатъ, послѣ этого случайнаго отступленiя, возстановилъ старое правило, опредѣливъ въ 1747 году, что всѣ помытчики состоятъ въ непосредственномъ вѣдѣнiи Оберъ-Егермейстерской канцелярiи и, слѣдовательно, безъ ея вѣдома не могутъ быть привлекаемы

къ судебной отвѣтственности[479]). Оберъ-Егермейстерская канцелярія заступила въ этомъ отношеніи мѣсто Семеновскаго потѣшнаго двора, который одинъ только ранѣе могъ «вѣдать» помытчиковъ «судомъ и расправою»[480]). Древняя привилегія помытчиковъ была вновь подтверждена указомъ 1775 года, по поводу столкновенія Бѣлозерскихъ помытчиковъ съ помѣщикомъ Головинымъ. Дѣло обстояло такъ: въ началѣ 1775 г., получивъ приказаніе изъ Москвы, «ни мало не мѣшкавъ, всѣмъ поголовно выйти на помцы и стараться оныхъ птицъ помкнуть, какъ возможно, съ наибольшимъ удовольствіемъ», Бѣлозерскіе помытчики, староста Алексѣевъ съ товарищами, собрались въ Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь и отсюда отправились въ казенный черный лѣсъ, съ цѣлью нарубить въ немъ сухого лѣса на истопки и строевого на амбары «подъ уловныя птицы», на столбы и «къ помцамъ». Нарубивши лѣсу «потребное число», они поѣхали на промыселъ, но когда они поравнялись съ другимъ казеннымъ лѣсомъ, называвшимся «Бѣлый мохъ»,—«не знаемо какимъ образомъ» вышли изъ лѣсу на лыжахъ и ползкомъ на колѣняхъ крестьяне деревни Дитятева, вотчины господъ Головиныхъ, напали на нихъ съ топорами и дубинами, отбили у нихъ лѣсъ и шесть лошадей, а съ нѣкоторыхъ помытчиковъ даже сняли шубы и платье. Подобный грабежъ, произведенный крестьянами помѣщиковъ Головиныхъ, «учинилъ во всемъ остановку». Вслѣдъ затѣмъ помѣщикъ Головинъ подалъ въ Бѣлоозерскую провинціальную канцелярію исковую челобитную, въ которой обвинялъ помытчиковъ въ порубкѣ лѣса въ его дачахъ безъ разрѣшенія владѣльца. Бѣлозерская провинціальная канцелярія вызвала помытчиковъ въ судъ, но они заявили, что на судъ идти «они опасны и не смѣютъ» безъ разрѣшенія Оберъ-Егермейстерской канцеляріи, въ вѣдомствѣ коей они состоятъ. Въ концѣ концовъ дѣло перешло въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію, которая оправдала помытчиковъ и именемъ Ея Величества объявила провинціальной канцеляріи, что она никоимъ образомъ не имѣла права принудить помытчиковъ къ формальному суду—безъ

требованія «отъ команды» (т.-е. отъ начальства)—въ силу жалованныхъ грамотъ, «коими повелѣно ихъ, помытчиковъ, во всякихъ исцовыхъ дѣлахъ судомъ и расправою, кромѣ Семеновскаго потѣшнаго двора, отнюдь не вѣдать», и такъ какъ «помытчики состоятъ въ точномъ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской канцеляріи»,—«тѣмъ паче что нынѣ наступило время къ помыканію птицъ» [481]).

Весьма тяжкимъ лишеніемъ для помытчиковъ было запрещеніе заниматься торговлею и промыслами [482]). Съ начала XVIII вѣка помытчикамъ воспрещалось заниматься посторонними дѣлами хотя бы и въ свободное отъ ловли птицъ время. Для наблюденія за тѣмъ, чтобы это правило неуклонно исполнялось, посылались даже въ мѣста жительства помытчиковъ изъ Москвы особые кречетники. Между тѣмъ нѣкоторые помытчики, какъ, напримѣръ, Переяславль-Залѣсскіе и Чебоксарскіе, не надѣленные ни землею, ни другими какими-либо угодьями, не могли существовать безъ постороннихъ занятій и въ промежуткѣ между «полевыми сидѣніями» занимались рукодѣльемъ и торговлею въ рядахъ, наравнѣ съ посадскими людьми, такъ что для нихъ вопросъ о правѣ торговли являлся вопросомъ существованія. По жалованной грамотѣ 1700 г. Переяславль-Залѣсскимъ помытчикамъ разрѣшалось заниматься торговлею и промыслами, и это право ихъ подтверждалось впослѣдствіи неоднократно. Мѣстный Переяславль-Залѣсскій магистратъ тѣмъ не менѣе не позволялъ имъ торговать, прибѣгая иногда даже къ насилію: запечатывалъ лавки и даже не позволялъ брать оттуда непроданный товаръ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Переяславль-Залѣсскій магистратъ стоялъ на почвѣ общаго закона: по регламенту Петра I, право торговли предоставлено было только лицамъ, записавшимся въ купечество; крестьянству же разрѣшался только мѣстный торгъ, въ ничтожныхъ размѣрахъ. Приравнивая помытчиковъ къ крестьянамъ, магистратъ отказывался признать ихъ торговую привилегію, обезпеченную жалованными грамотами. Эта точка зрѣнія Переяславльскаго магистрата была усвоена

впослѣдствіи Сенатомъ. Въ 1760 г. въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію поступила челобитная отъ Переяславль-Залѣсскаго помытчика Андрея Боженова «съ товарищи», въ которой снова говорилось о незаконныхъ притѣсненіяхъ помытчиковъ со стороны Переяславль-Залѣсскаго магистрата и купечества. Въ своемъ рѣшеніи по этому дѣлу Сенатъ, принявши во вниманіе всѣ жалованныя грамоты, дарованныя въ разное время Переяславль-Залѣсскимъ помытчикамъ, сталъ, однако, на сторону закона общаго, изложеннаго въ регламентѣ Петра Великаго, и постановилъ, что помытчики могутъ производить только такой торгъ, какой по регламенту разрѣшенъ былъ всему крестьянству. Желающимъ при этомъ предоставлено было право переходить въ купечество, но съ непремѣннымъ обязательствомъ продолжать наслѣдственный промыселъ—помыканія ловчихъ птицъ [483]).

Помытчики издревле были освобождены отъ несенія городовой и полицейской службы, а также отъ постойной повинности, которая для обывателей селъ и городовъ составляла порой непосильное бремя.

Упомянутыя привилегіи подтверждались неоднократно и въ XVIII вѣкѣ: мѣстныя же провинціальныя власти, несмотря на это, нерѣдко ихъ нарушали, особенно съ тѣхъ поръ, какъ помытчики включены были въ подушный окладъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, помытчики упорно отстаивали свои права: изъ разныхъ мѣстъ явились жалобы на новыя притѣсненія со стороны провинціальныхъ и губернскихъ властей. Комплектные помытчики, Блазновы, въ Декабрѣ 1758 года жаловались Оберъ-Егермейстерской канцеляріи, что Московская полицеймейстерская канцелярія требуетъ отъ нихъ «всякихъ полицейскихъ исправленій» и на дворы постой «многолюдственно» ставитъ, къ тому же какъ разъ въ то время, когда помытчики уходятъ изъ Москвы на уловный промыселъ, такъ что имъ приходится для отбытія полицейской службы нанимать за себя посторонних людей. Оберъ-Егермейстерская канцелярія не замедлила охранить помытчиковъ отъ такихъ незаконныхъ требованій московскихъ властей, имѣя въ виду, «чтобы помытчики въ приносѣ птицъ были всегда исправны и въ томъ бы никакой отговорки Оберъ-Егермейстерской конторѣ представлять не могли» [484]). Въ слѣдующемъ 1760 году подобная же жалоба была принесена въ Сенатъ Переяславль-Залѣсскими помытчиками, и Сенатъ, разсмотрѣвши дѣло, также освободилъ помытчиковъ отъ постоевъ и отъ несенія городовой службы. Недоразумѣнія на этой почвѣ возникали и потомъ между помытчиками и мѣстными полицейскими и городскими властями, но они всегда разрѣшались высшими учрежденіями въ пользу помытчиковъ [485]). Такъ обстояло дѣло только до 1786 года, когда именнымъ Высочайшимъ указомъ Ярославскому и Вологодскому генералъ-губернатору Мельгунову было опредѣлено, что сокольи помытчики, если они записаны въ мѣщанское сословіе и «упражняются въ мѣщанскихъ промыслахъ, то и тягости сего званія нести обязаны, на основаніи городового положенія», т.-е. не должны уклоняться отъ исправленія полицейскихъ должностей въ городахъ, по мѣсту жительства [486]).

Общественное положеніе помытчиковъ въ XVIII вѣкѣ значительно ухудшилось въ сравненіи съ предшествовавшимъ столѣтіемъ; мѣстныя власти, предупреждая соотвѣтствующія законодательныя постановленія, нарушали древнія ихъ преимущества, нѣкоторые же воеводы, не довольствуясь этимъ, незаконно пользовались помытчиками для личныхъ услугъ. Такъ, Чебоксарскій воевода Шахмометовъ не только употреблялъ ихъ для занятія карауловъ при мѣстной тюрьмѣ и воеводской канцеляріи, не только назначалъ ихъ «въ посылки по разбойническимъ и всякимъ дѣламъ», но и пользовался ими въ качествѣ домовой прислуги, заставляя дежурить при своемъ домѣ, а также бралъ ихъ для гребли на судахъ, когда ему случалось ѣхать въ Казань. Исполненіе всѣхъ этихъ повинностей отнимало у помытчиковъ мѣсяца по два и часто совпадало съ тѣмъ временемъ, когда наступало время отправляться на уловный промыселъ [487]). Въ результатѣ являлось «убожество и скудость» помытчиковъ и недостаточный уловъ птицъ. Условія дѣятельности помытчиковъ, начиная съ того времени, какъ они включены были въ подушный окладъ, постепенно ухудшались, а параллельно съ этимъ годъ отъ году падалъ и самый уловный промыселъ [488]).

Большая часть помытчиковъ, какъ мы видѣли, вела упорную борьбу съ мѣстными властями, отстаивая свои древнія преимущества, постепенно отмѣнявшіяся. Помытчики же, жившіе въ Юхотской волости Ярославской губерніи, въ теченіе всего XVIII вѣка, кромѣ того, упорно боролись съ приказными людьми мѣстныхъ вотчинниковъ графовъ Шереметевыхъ [489]). Почти цѣлое столѣтіе они вели извѣстный въ свое время процессъ съ наслѣдниками графа Бориса Петровича Шереметева. Юхотская волость Ярославскаго уѣзда, отъ которой получили свое наименованіе эти помытчики, составляла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій вотчину князей Милославскихъ. По смерти послѣдняго отпрыска этого рода она поступила въ число дворцовыхъ волостей. Въ волости этой имѣлось въ числѣ прочихъ село Новое, къ погосту котораго—Клементовскому—была приписана

А. Н. Бенуа и Е. Е. Лансере. Зимній поѣздъ Императрицы Екатерины II съ Ея ближними сановниками.

деревня Павлова, на рѣчкѣ Коѣ съ пустошью Ратьково. Въ Январѣ 1632 года жители этой деревни, Ивашка да Трофимка Сысоевы, били челомъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу, чтобы онъ пожаловалъ ихъ въ сокольи помытчики. Челобитная была уважена, а деревня Павлова была «для государевой сокольи ловли обѣлена». Въ 1681 году въ деревнѣ Павловѣ уже было девять дворовъ сокольихъ помытчиковъ, да въ Ратьковѣ—два двора. Въ 1706 году, 26 Августа, Петръ Великій во время воиннаго похода въ Кіевъ пожаловалъ «большого полку генералъ-фельдмаршала», графа Бориса Петровича Шереметева, «за многія его вѣрныя службы», владѣніемъ въ Юхотской волости. Владѣніе это состояло изъ четырехъ селъ, въ томъ числѣ и села Новаго съ деревнями, съ 1800 крестьянскихъ дворовъ, и было передано графу Шереметеву «со всѣмъ, какъ во дворѣ было». Въ указѣ Петра I о дворахъ помытчиковъ ничего не говорилось. Это обстоятельство и послужило завязкой сложнаго и запутаннаго процесса, который даже черезъ столѣтіе все-таки не былъ разрѣшенъ окончательно, а, скорѣе, потонулъ въ морѣ исписанной по поводу его бумаги. Дѣло въ томъ, что помытчики ни за что не хотѣли стать на ряду съ черносошными крестьянами, отказавшись навсегда отъ своего званія, которое, сравнительно съ прочими «подлыми» людьми, было привилегированнымъ. Съ другой стороны, и наслѣдники Шереметева никакъ не хотѣли поступиться тѣмъ, что принадлежало имъ по точному смыслу указовъ. Процессъ этотъ не обошелся, конечно, безъ трагическихъ положеній для болѣе слабой стороны—помытчиковъ. Управители и намѣстники Юхотской волости, исполняя волю своихъ господъ, нерѣдко въ своемъ усердіи позабывали мѣру и правомочія своей власти и жестоко карали упрямыхъ помытчиковъ, не хотѣвшихъ исполнять ихъ требованій. «Державнѣйшій Царь, Государь Милостивый!» пишутъ Юхотскіе помытчики въ челобитной Петру I въ 1716 году, «приказный человѣкъ графа Шереметева, Иванъ Костровъ разорилъ насъ до конца: изъ деревень нашу братью, сокольихъ помытчиковъ... вывезъ въ иныя

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ (галлерея Гатчинскаго дворца).

вотчины, домы наши запечаталъ, также и хлѣбъ, и всякую рухлядишку. И нынѣ у насъ соколья ловля стала, и помыкать соколовъ на тебя, Великаго Государя, некому». Намъ нѣтъ нужды слѣдить за всѣми перепитіями этого процесса. Скажемъ только одно, что, несмотря на неоднократные Высочайшіе указы, въ которыхъ точно и опредѣленно подтверждалось, что Юхотскіе помытчики отданы графу Шереметеву, они какъ-то сумѣли сохранить за собой свое обособленное званіе, отстоять свои права [490]).

Уловный промыселъ постепенно палалъ въ теченіе XVIII вѣка. Оберъ-Егермейстерское вѣдомство должно было прилагать большія старанія, чтобы птичья охота находилась въ наилучшемъ порядкѣ и, особенно, чтобы въ ловчихъ птицахъ не было недостатка. Съ этою цѣлью оно не только шлетъ строгіе указы помытчикамъ и «учиняетъ» жестокое наказаніе тѣмъ изъ нихъ, которые оказывались неисправными въ приносѣ положеннаго на нихъ птичьяго оброка, но и возлагаетъ отвѣтственность за правильность поступленія ловчихъ птицъ въ царскую кречетню на воеводскія и губернскія канцеляріи, предписывая послѣднимъ слѣдить, чтобы помытчики помыкали птицъ «со всякимъ радѣніемъ, безлѣностно и съ наибольшимъ удовольствіемъ» [491]). Особенно грозные указы посылались въ Казанскую губернію, помытчики которой не всегда исправно исполняли свои обязанности. Оберъ-Егермейстерская канцелярія въ 1750 году рекомендовала Казанской губернской канцеляріи не стѣсняться въ выборѣ средствъ для поощренія помытчиковъ; такъ, наводя справки, есть ли у

Козьмодемьянскихъ помытчиковъ въ уловѣ птицы, она между прочимъ писала: «Буде же, паче чаянія, у оныхъ помытчиковъ птицъ въ уловѣ не имѣется, учинить имъ за то наказаніе, бить батожьемъ нещадно и накрѣпко подтвердить, чтобы птицъ помыкали по вся годы въ надлежащее удобное время бездоимочно; а ежели оною Казанскою губерніею усмотрѣно будетъ, что помытчики въ уловѣ тѣхъ птицъ, конечно, слабо и нерадительно поступаютъ, и съ котораго двора или отъ которой семьи кого на уловѣ птицъ въ удобное время не будетъ, за то ихъ штрафовать по указамъ безъ упущенія» [492]). Не ограничиваясь строгими предписаніями провинціальнымъ учрежденіямъ, Оберъ-Егермейстерское вѣдомство, кромѣ того, командировало въ мѣста ловли птицъ особыхъ нарочныхъ изъ своихъ чиновъ, для понужденія помытчиковъ «къ непремѣнному пріобрѣтенію» ловчихъ птицъ. Такъ какъ въ царствованіе Екатерины II оказался большой недостатокъ въ лучшихъ породахъ кречетовъ—въ бѣлыхъ и бѣлокрапчатыхъ, то и помытчикамъ, и тѣмъ нарочнымъ, которые посылались къ нимъ, приказывалось стараться «помкнуть» именно этихъ птицъ; помытчикамъ даже обѣщаны были денежныя награды сверхъ положенной платы, если они доставятъ въ Императорскую охоту кречетовъ и челиговъ названныхъ породъ [493]).

Съ этою же цѣлью была организована ловля птицъ на крайнемъ сѣверѣ, около Пустозерскаго острога, въ устьѣ рѣки Печоры. Въ Февралѣ 1766 года три солдата Архангелогородскаго гарнизона, братья Мезенцовы, разсказали одному царскому сокольнику Микулину, что около Пустозерскаго острога, въ приморскихъ мѣстахъ встрѣчается много бѣлыхъ и бѣлокрапчатыхъ кречетовъ и челиговъ, и вызвались показать мѣста, гдѣ водятся птицы. При этомъ они просили, чтобы ихъ перевели изъ Архангельскаго гарнизона въ команду при Пустозерской Воеводской канцеляріи и чтобы вмѣстѣ съ ними послали въ Пустозерскъ опытныхъ помытчиковъ. Оберъ-Егермейстерская канцелярія весьма охотно приняла это предложеніе.

Братья Мезенцовы и съ ними еще три солдата Олховы были немедленно переведены въ Пустозерскій гарнизонъ; туда же отправили кречетниковъ и двухъ помытчиковъ со всѣми принадлежностями для лова птицъ. Кречетникъ Григорій Перовъ долженъ былъ объявить солдатамъ, что если они въ ловлѣ птицъ окажутъ должное усердіе, то Оберъ-Егермейстерская канцелярія наградитъ ихъ деньгами сверхъ положенной платы за каждую пойманную птицу. Въ Пустозерскую воеводскую канцелярію былъ посланъ указъ съ требованіемъ, чтобы вышеназваннымъ солдатамъ въ помыканіи птицъ отъ мѣстныхъ жителей никакого «помѣшательства» не было. Эти солдаты-помытчики впослѣдствіи довольно успѣшно ловили птицъ въ приморскихъ мѣстахъ на Печорѣ; и въ 1774 г. между прочимъ отправили въ Москву три рѣдкихъ «бѣлокрапчатыхъ» кречета [494]).

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кречетовъ ловили издревле, ихъ становилось все меньше и меньше; не доставало не только бѣлыхъ и бѣлокрапчатыхъ, но и простыхъ кречетовъ. Уловный промыселъ съ каждымъ годомъ становился все труднѣе и труднѣе, вслѣдствіе переселенія ловчихъ птицъ на крайній сѣверъ. Надо было, чтобы найти птицъ, идти дальше къ берегамъ Ледовитаго океана. Почти одновременно съ устройствомъ ловли кречетовъ въ Пустозерскѣ, Оберъ-Егермейстерская канцелярія распорядилась отправкою помытчиковъ на Мурманъ. Въ Февралѣ 1765 года, послали двѣ ватаги помытчиковъ «къ пріобрѣтенію кречетовъ и челиговъ кречетыхъ лучшихъ породъ», одну на «Мурманскій островъ», въ самое «дальнѣйшее поморское мѣсто», т.-е. къ Колѣ, а другую — на зимній берегъ.

Частнымъ лицамъ какъ русскаго происхожденія, такъ и иностранцамъ поимка ловчихъ птицъ на сѣверѣ Европейской Россіи воспрещалась безусловно [495]) и только въ видѣ исключенія въ 1741 году была дозволена голландскимъ и римско-цесарскимъ подданнымъ для ихъ дворовъ, въ видѣ «особливаго онымъ дворамъ

угожденія» *) [496]). Но любопытно, что въ то время, какъ профессіональные помытчики все менѣе успѣшно добывали ловчихъ птицъ, лицамъ, не имѣвшимъ права ловли птицъ, промыселъ помытчиковъ представлялся выгоднымъ и заманчивымъ. Выгорѣцкіе раскольники, Аммосъ Вилютинъ и Алексѣй Киселевъ «съ товарищи», во время своихъ отдаленныхъ поѣздокъ по сѣверу часто встрѣчали цвѣтныхъ кречетовъ и челиговъ кречетыхъ; въ 1776 году они просили Оберъ-Егермейстерскую канцелярію разрѣшить имъ ловить птицъ въ разныхъ мѣстахъ, на сѣверѣ, а особенно на Каниномъ носу, по р. Печорѣ, на берегахъ Карскаго моря, у устья р. Оби и на Датскомъ островѣ «Грумантѣ». Они обѣщали привозить поїманныхъ птицъ въ Архангельскъ, а оттуда, если дадутъ имъ казенныя подводы, то и въ Москву. Оберъ-Егермейстерская канцелярія тотчасъ же воспользовалась предложеніемъ выгорѣцкихъ раскольниковъ и разрѣшила имъ въ видѣ опыта производить ловлю птицъ въ названныхъ мѣстахъ въ теченіе одного года, намѣреваясь потомъ, въ случаѣ удачнаго улова, сохранить за ними это право навсегда, а за ревностное и добровольное усердіе наградить ихъ деньгами. Вологодскихъ же помытчиковъ предполагалось обложить денежнымъ оброкомъ на томъ основаніи, что они, не доставляя положеннаго на нихъ количества птицъ, сами выпросили себѣ льготу—не посылать ихъ за птицами въ море. О дальнѣйшей судьбѣ уловнаго промысла выгорѣцкихъ раскольниковъ свѣдѣній до насъ не дошло; вѣроятно, по своей малоуспѣшности онъ скоро прекратился. Хотя со стороны, промыселъ помытчиковъ и казался заманчивымъ, но онъ долженъ былъ быть очень труднымъ

*) Римско-цесарскіе и голландскіе сокольники были посланы въ Архангельскую провинцію, въ Кольскій уѣздъ для ловли бѣлыхъ соколовъ; къ нимъ въ помощь были посланы русскіе помытчики, по одному помытчику на каждаго иностраннаго охотника, при чемъ помытчикамъ было между прочимъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность слѣдить, чтобы иностранные сокольники ничего, кромѣ бѣлыхъ соколовъ, не ловили и въ «неприличныя» дѣла не мѣшались.

для лицъ, не привыкшихъ къ этому дѣлу, требовавшему большой снаровки и ловкости [407]).

Небезъинтересно будетъ отмѣтить въ числѣ разныхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи помытчиковъ въ теченіе XVIII столѣтія, что Оберъ - Егермейстерское вѣдомство сдѣлало попытку возложить на нихъ обязанность ловли, кромѣ соколовъ и кречетовъ, также и другихъ птицъ. Въ Февралѣ 1770 года Оберъ - Егермейстерская контора предписала, на основаніи Высочайшаго указа, Ростовскимъ сокольимъ помытчикамъ, чтобы они, сверхъ ловчихъ птицъ, помкнули бы еще и четырехъ филиновъ; то же предписаніе получили и комплектные Московскіе помытчики [408]).

Въ своихъ заботахъ о поднятіи промысла ловли охотничьихъ птицъ, оберъ-егермейстеръ Нарышкинъ считалъ необходимымъ не только сохранить за помытчиками издревле присвоенныя имъ права и преимущества, но и установить для нихъ нѣкоторыя новыя льготы. Задача эта была трудно достижимой потому, что постепенное ограниченіе и полное уничтоженіе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ помытчиковъ совершились на почвѣ общегосударственнаго законодательства. Въ 1773 году Нарышкинъ, представляя Императрицѣ проектъ новаго яхтъ-штата, просилъ, оставивъ помытчиковъ попрежнему въ подушномъ окладѣ, разрѣшить имъ заниматься торговлею, или кто «чѣмъ похочетъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ освободить помытчиковъ отъ денежной рекрутской повинности на 20 лѣтъ. И этихъ незначительныхъ улучшеній положенія помытчиковъ Нарышкинъ предполагалъ достигнуть путемъ сокращенія ихъ наличнаго состава. Но со всѣми этими предложеніями Екатерина II не согласилась и на докладѣ Нарышкина положила такую резолюцію: «О сокольихъ помытчикахъ остаться впредь до разсмотрѣнія на прежнемъ основаніи» [499]).

Такимъ образомъ попытка оберъ-егермейстера возстановить отчасти привилегированное положеніе помытчиковъ не увѣнчалась успѣхомъ: общее законодательство, начиная съ 1723 г., постепенно и неуклонно все болѣе и болѣе ограничиваетъ ихъ права и преимущества. Правительствующій Сенатъ еще въ 1763 году предполагалъ сравнять помытчиковъ съ государственными крестьянами въ отношеніи податной повинности. Хотя на этотъ разъ Екатерина II и не утвердила предложеній Сената, но вскорѣ затѣмъ, въ 1782 году, вопросъ объ отмѣнѣ особыхъ правъ сокольихъ и кречетьихъ помытчиковъ былъ снова поставленъ на очередь.

Предписавъ мѣстнымъ властямъ доставить обстоятельныя свѣдѣнія о положеніи помытчиковъ, Сенатъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ провинціальнымъ казеннымъ палатамъ высказаться по вопросу объ ихъ особыхъ правахъ. Въ отвѣтахъ казенныхъ палатъ сказалось

то враждебное отношеніе мѣстныхъ властей къ привилегіямъ помытчиковъ, которое красною нитью проходитъ чрезъ все XVIII столѣтіе. Одна изъ палатъ, Ярославская, прямо заявила, что старую систему снабженія Императорской охоты ловчими птицами нужно оставить, организовавъ это дѣло на совершенно новыхъ основаніяхъ, а именно предоставить всѣмъ желающимъ, «охочимъ людямъ», ловить птицъ и доставлять ихъ Егермейстерскому вѣдомству за особую плату. Ярославская казенная палата считала наиболѣе цѣлесообразнымъ «соколовъ и другого рода птицъ доставать отъ охочихъ людей, коихъ уповательно сыскать можно довольное число, за повольную цѣну». Казенныя палаты другихъ губерній (Новгородской, Владимірской, Казанской) находили удобнымъ сохранить старый порядокъ помыканія кречетовъ и оставить помытчиковъ въ вѣдѣніи Оберъ-Егермейстерской канцеляріи, но настаивали на томъ, чтобы помытчики обязаны были платить всѣ подати и пошлины. Сенатъ же усвоилъ себѣ точку зрѣнія Ярославской палаты и готовъ былъ замѣнить всѣхъ помытчиковъ «охочими людьми». Въ 1783 г. Сенатъ предложилъ Оберъ-Егермейстерской канцеляріи обсудить вопросъ: нельзя ли «потребное число птицъ» для охоты доставать покупкою у частныхъ лицъ, а помытчиковъ перечислить въ равный податной окладъ съ прочими государственными крестьянами [500]).

Оберъ-Егермейстерская канцелярія, идя наперекоръ общему стремленію провинціальныхъ властей и Сената, еще разъ попыталась отстоять права помытчиковъ. Въ своемъ представленіи Сенату 1784 года оберъ-егермейстеръ настаивалъ на томъ, что состоящихъ въ ея вѣдомствѣ сокольихъ и кречетьихъ помытчиковъ, кромѣ нѣкоторыхъ излишнихъ, необходимо оставить *навсегда на прежнемъ основаніи* «для помыканія къ охотѣ Ея Величества потребныхъ птицъ», что же касается «излишнихъ» помытчиковъ (указанныхъ въ штатѣ 1773 г.), то они могутъ быть окончательно исключены изъ Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства лишь при томъ условіи, чтобы оставшіеся помыт-

Быстренинъ. Послѣднее засѣданіе въ Кабинетѣ Министровъ Оберъ-Гермейстера А. П. Волынскаго, офортъ съ картины проф. живописи Б. И. Якоби.

чики пользовались всѣми правами и преимуществами, присвоенными ихъ званію, на основаніи прежнихъ узаконеній, какъ наградой за то, что они не получаютъ ни прогоновъ, ни кормовыхъ денегъ, а доставляютъ птицъ на своемъ коштѣ. Сенатъ не взялъ на себя отвѣтственности рѣшить вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи помытчиковъ собственною властью и постановилъ всю переписку объ этомъ— и приведенныя донесенія казенныхъ палатъ и представленіе обергермейстера — ничего не предрѣшая, повергнуть на Высочайшее воззрѣніе [501]). Императрица Екатерина II до времени оставила вопросъ открытымъ. Уничтоженіе стариннаго «чина» помытчиковъ было отсрочено, но не надолго.

Съ кончиною Екатерины Великой соколиная охота, на время было возстановившаяся въ ея царствованіе, навсегда замираетъ, дѣлаясь достояніемъ исторіи, которая бережно сохраняетъ память о всѣхъ какъ великихъ, такъ и малыхъ явленіяхъ жизни былыхъ поколѣній. Въ 1800 году именнымъ указомъ Императора Павла I вельно было «состоящихъ по разнымъ губерніямъ сокольихъ помытчиковъ», исключая кречетыхъ помытчиковъ Казанской губерніи, «обратить въ дворповые крестьяне, обложа податьми и подчинивъ въ вѣдомство Казенныхъ палатъ, наравнѣ съ прочими казенными поселянами, и коимъ не достаетъ земли, тѣхъ снабдить оною; кречетыхъ же помытчиковъ Казанской губерніи оставить на прежнемъ основаніи». Наконецъ, въ царствованіе Императора Николая I и эти послѣдніе помытчики были исключены изъ придворнаго вѣдомства. Именной указъ 19 Августа 1827 года гласилъ: «Придворнаго егермейстерскаго вѣдомства кречетыхъ помытчиковъ, состоящихъ въ разныхъ городахъ и уѣздахъ Казанской губерніи въ числѣ 106 душъ по седьмой ревизіи, повелѣваемъ исключить изъ придворнаго вѣдомства и тѣхъ изъ нихъ, кои живутъ въ городахъ и занимаются торговлею, приписать къ тамошнему купечеству или мѣщанству для платежа податей, сообразно съ ихъ состояніемъ и промыслами, а прочихъ обратить въ казенныхъ

крестьянъ, обложа ихъ податями и снабдивъ ихъ землею, наравнѣ съ прочими казенными поселянами».

Такъ прекратилось существованіе сословія помытчиковъ, сохранявшихъ въ теченіе пяти столѣтій преимущества, дарованныя издревлѣ великими князьями Московской Руси и подробно разсмотрѣнныя въ I и II томахъ нашего изслѣдованія. Пять вѣковъ преимущества ихъ поддерживались, не ради прихотей великихъ князей, царей и императоровъ, а ради той несомнѣнной государственной пользы, сознательно ощущаемой правителями Земли Русской до Екатерины II включительно. Конецъ XVIII столѣтія, можно сказать, былъ рубежемъ, когда главарь помытчиковъ—«Охота Государева»—слагаетъ съ себя государственныя обязанности и замыкается въ кругъ болѣе тѣсный—исключительно «Потѣхи Государевой».

В. Шварцъ. «Гусляръ».

Ты поведай нам правду истинную,
про былое, да про славное о земной Руси.

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1]) Въ первый же годъ своего царствованія, въ апрѣлѣ 1676 года, Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ отдать въ Оружейную палату съ Семеновскаго потѣшнаго двора все платье сокольниковъ и птичьи уборы (Общ. Арх. Мин. Двора, столб. 249—7184 г.), а сами сокольники и прочіе охотники остались почти безъ дѣла и «содержались безъ пользы», такъ же, какъ и въ началѣ слѣдующаго царствованія.

[2]) При Алексѣѣ Михаиловичѣ царскія охоты вѣдались двумя органами: птичья охота состояла въ вѣдѣніи приказа «Тайныхъ Дѣлъ», псовая и звѣровая—въ вѣдѣніи Конюшеннаго приказа. Порядокъ этотъ былъ измѣненъ, вѣроятно, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, и все учрежденіе царской охоты перешло въ вѣдомство приказа «Большаго Дворца».

Въ 1695 году Семеновскій потѣшный дворъ, бывшій до этого года въ вѣдѣніи приказа «Большаго Дворца», поступилъ «со всѣмъ учрежденіемъ, что на немъ имѣлось какихъ птицъ и звѣрей, также весь дворъ служителей» въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа и подъ начальство ближняго стольника князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 25).

Преображенскій приказъ вѣдалъ, повидимому, царскою охотою до самаго конца своего существованія, то-есть до Страстной пятницы 1729 года. Апрѣля 4 числа этого года названный приказъ былъ уничтоженъ, а дѣла его были раздѣлены между Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Сенатомъ. (Соловьевъ, т. XIX, ст. 169).

Въ то же время, съ учрежденіемъ въ 1711 году Сената, который явился центральнымъ и притомъ непосредственнымъ, безъ промежуточныхъ инстанцій, органомъ по отношенію мѣстныхъ организованныхъ еще въ 1708 году губернскихъ установленій (Градовскій, Начала госуд. права, т. II, стр. 251), нѣкоторыя дѣла царской охоты, требовавшія предписаній губернаторамъ, напримѣръ, дѣла, касавшіяся помытчиковъ кречетьихъ и сокольихъ или доставки ко двору различной дичи, восходили на усмотрѣніе и рѣшеніе Сената.

Съ уничтоженіемъ Преображенскаго приказа, органа, который спеціально вѣдалъ бы царскою охотою, повидимому, не существовало вплоть до 1742 года.

Вначалѣ дѣла охоты вѣдались Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ (Госуд. Арх., разр. XIV, № 25), а засимъ, кажется, Оберъ-Гофмейстерскою частью. По крайней мѣрѣ мы знаемъ доподлинно, что въ 1732 и 1733 годахъ дѣлами охоты завѣдывалъ оберъ-гофмейстеръ графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ (Общ. Арх. Мин. Двора, опись 6, дѣло № 325), при которомъ состоялъ егермейстеръ Михаилъ Селивановъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., книга Сената № 4—1068). Отношеніе же Сената къ учрежденію царской охоты оставалось прежнее.

Такъ, повидимому, продолжалось до учрежденія должности оберъ-егермейстера.

[3]) Подъ 8 октября 1676 года въ «Дворцовыхъ Разрядахъ» значится, что въ этотъ день приказано было «къ Великому Государю быти въ походѣ въ село Покровское Московскому Ловчему Василію Иванову сыну Философову». (Дворц. разр., т. IV, стр. 10).

«Званіе Ловчаго»—читаемъ у Глѣба Успенскаго—«при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ сначала потеряло свое значеніе, а при Петрѣ Великомъ было вовсе упразднено» (ч. II, отд. I).

Объ охотахъ Царя Ѳеодора Алексѣевича мы не нашли нигдѣ никакихъ указаній.

[4]) 2 мая 1676 года Ѳеодоръ Алексѣевичъ приказалъ «Мишку да Семку Суминыхъ и Гришку Брязгина, которые были въ Семеновскомъ, на потѣшномъ дворѣ въ сокольникахъ, отослать въ

Оружейную палату, и быть имъ тамъ, кто въ который чинъ пригодится». (Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 275—7184 г.), а въ маѣ 1681 года птичій стрѣлокъ Мишка Звѣревъ подалъ Царю, уваженную Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ, челобитную о зачисленіи его въ ту же палату въ самопальные. (Тамъ же, столб. 345—7189 г.).

Въ томъ же году послѣдовало измѣненіе въ обмундированіи чиновъ царской охоты: Ѳеодоръ Алексѣевичъ издалъ указъ, касавшійся охотниковъ такъ же, какъ и всѣхъ прочихъ подданныхъ, дабы впредь, вмѣсто длинныхъ охабней или однорядокъ, носились короткіе кафтаны. (Соловьевъ, XIV, стр. 277).

[5]) Акты Малиновскаго (портф. VI, № 91).

[6]) Голиковъ, т. I, стр. 365; Соловьевъ, т. XIV, стр. 254; Костомаровъ, т. II, стр. 555.

[7]) Голиковъ, т. I, стр. 176.

Подъ 1710 годомъ тотъ же Голиковъ повѣствуетъ, что во время пребыванія Петра Великаго въ Москвѣ, Царь былъ приглашенъ однимъ помѣщикомъ дворяниномъ въ подмосковную его деревню «на охоту, пріуготовленную имъ для забавы Его Величества, и на травлю медвѣжью. Но какъ Государь не любилъ сей охоты и никогда въ оной не упражнялся, то и отвѣтствовалъ ему: «Упражняйтесь вы въ звѣриной травлѣ, сколько вамъ угодно; это не моя забава; и безъ звѣрей у меня есть съ кѣмъ сражаться: внѣ отечества съ дерзкимъ непріятелемъ, а внутри укрощать моихъ грубыхъ и неугомонныхъ подданныхъ». (Голиковъ, т. IV, стр. 112).

[8]) Дѣянія Петра Вел., томъ I, стр. 182.

Въ 1684 году на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ состояло около 300 человѣкъ сокольниковъ и прочихъ охотниковъ, большая часть которыхъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, была зачислена въ томъ году юнымъ Петромъ Алексѣевичемъ въ потѣшные. (Голиковъ, I, стр. 182).

Однако возможно предположить, что зачисленные въ потѣшные сокольники и охотники нѣкоторое время продолжали проживать на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, сохраняя свои охотничьи наименованія. На мысль эту наводитъ запись расходной книги 1690 года, гласящая о покупкѣ въ январѣ мѣсяцѣ сокольникомъ Афанасіемъ Протасовымъ двухъ бочекъ ружейныхъ кремней. (Сборн. архивн. бум. о Петрѣ Вел., т. I, стр. 105). Можно сказать съ увѣренностью, что для потребностей охоты такого количества кремней не понадобилось бы; для Петровскихъ же потѣхъ съ потѣшными—весьма вѣроятно.

Отъ 1695 года сохранился именной списокъ всѣхъ чиновъ охоты, состоявшей при Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, съ обозначеніемъ получаемаго этими чинами жалованья. По этому списку комплектныхъ чиновъ той охоты состояло 50 человѣкъ, въ томъ числѣ: а) начальныхъ сокольниковъ двое, съ окладомъ годоваго жалованья по 15 р. каждому; б) рядовыхъ сокольниковъ 29 человѣкъ, съ окладами отъ 12 до 4 рублей; в) ястребниковъ 9 человѣкъ, съ окладомъ отъ 9 до 4 рублей; г) подъячій одинъ, съ окладомъ въ 5 р.; д) клобучечникъ одинъ, съ окладомъ въ 5 р.; е) повара два, съ окладами по 3 руб. каждому; ж) хлѣбникъ одинъ, съ окладомъ въ 3 р.; з) сторожей трое, въ ихъ числѣ одинъ ларевникъ, съ окладами отъ 3 до 2 р.; и) звѣровщиковъ двое, съ окладами въ 12 и 10 р. Кромѣ денежнаго жалованья, названнымъ чинамъ отпускалось: а) всѣмъ 31 человѣку сокольникамъ—313 четвертей ржи и 168 четвертей овса; б) 9 ястребникамъ—101 четверть ржи и 60 четвертей безъ полуосмины овса, и в) остальнымъ чинамъ—ржи 65 четвертей съ осминою и четверикомъ и овса столько же. Всего же на содержаніе 50 человѣкъ выходило ежегодно около 341 р. денегъ, 479 четвертей ржи и 293 четвертей овса. Сокольники, ястребники и подъячій получали еще и другіе продукты натурою, соотвѣтственно какъ служебному, такъ и семейному ихъ положенію. Изъ перечисленныхъ сокольниковъ было двое начальныхъ, 13 человѣкъ женатыхъ и 16 холостыхъ. Начальные получали по 7 пудовъ свиного мяса, да по 12 пудовъ соли въ годъ на человѣка. Женатые сокольники, 13 человѣкъ, да ястребники, 9 человѣкъ, получали по 5 пудовъ свиного мяса да по 5 пудовъ соли. Трое холостыхъ сокольниковъ получали, вмѣсто продуктовъ, натурою, по деньгѣ на день и на человѣка. Остальные холостые сокольники, 13 человѣкъ, да подъячій получали по чаркѣ вина на день, да изъ того же числа холостыхъ: а) 5 сокольниковъ и подъячій, вмѣсто квасу, по получетверику, да 8 сокольниковъ, вмѣсто квасу же, по одной четверти четверика солоду ржанаго въ мѣсяцъ; б) 7 сокольниковъ по полузвена рыбы въ день и по пуду соли въ мѣсяцъ, да трое сокольниковъ по четверти звена рыбы въ день и по полуторѣ гривенки соли въ мѣсяцъ; в) 5 сокольниковъ по четверику снятковъ сухихъ въ мѣсяцъ, да 5 сокольниковъ по осминѣ такихъ же снятковъ въ мѣсяцъ же; г) 9 сокольниковъ по полуосминѣ муки ржаной и по получетверику крупъ овсяныхъ въ мѣсяцъ. При этомъ надо замѣтить, что въ то время вино и квасъ отпускались изъ Сытнаго дворца, мясо, рыба и соль изъ Кормоваго дворца, мука и крупа изъ Хлѣбнаго дворца. Что же касается до денежнаго жалованья, то, дабы не повторяться, замѣтимъ, что таковое, по имѣющимся свѣдѣніямъ, выдавалось съ 1695 по 1729 годъ изъ Преображенскаго приказа, а, съ уничтоженіемъ въ послѣднемъ году названнаго приказа, нѣкоторое, непродолжительное время изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, а засимъ изъ Дворцовой Канцеляріи и

другихъ учрежденій. Въ тотъ же промежутокъ времени Преображенскій приказъ выдѣлялъ изъ своихъ доходовъ также средства, потребныя на различныя надобности по охотѣ, какъ-то на корма содержимымъ при охотахъ звѣрямъ и птицамъ и на изготовленіе клобучковъ, колокольцовъ и т. п. Хлѣбное же жалованье выдавалось изъ Дворцовой Канцеляріи Приказа Большаго Дворца по росписямъ, доставляемымъ приказомъ Преображенскимъ.

Кромѣ вышепомянутаго числа чиновъ охоты къ тому же Семеновскому потѣшному двору въ 1695 году было „ребятъ взято птицъ держать“ 6 человѣкъ, а въ окладъ имъ положено только хлѣбное жалованье, по 5 четвертей ржи и по стольку же овса на годъ. (Сборн. арх. бум. о Петрѣ Вел., т. II, стр. 333; Госуд. Арх., разр. XIV, № 25; Общ. Арх. Мин. Дв., приходорасх. кн. Сем. пот. двора, оп. 75, дд. №№ 15, 139, 166; оп. 72, д. № 19).

Въ томъ же году числилось «въ разныхъ городахъ кречетниковъ 23 человѣка, которые верстаны помѣсными и денежными оклады и служатъ съ помѣстей своихъ, а жалованье имъ не опредѣлено». Эти кречетники разбивались, по усмотрѣнію начальника птичьей охоты, на извѣстныя очереди, и одна изъ такихъ очередей проживала опредѣленное время въ Москвѣ. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 25.

9. Въ 1687 году, декабря 31 числа, изъ Приказа Большаго Дворца было отпущено 8 алтынъ 2 деньги на покупку лошадинаго мясища для прикормки волковъ въ рощахъ села Преображенскаго, тогдашней любимой резиденціи Петра Алексѣевича. (Сборн. архивн. бум. о Петрѣ Вел., т. I, стр. 351).

Въ современныхъ документахъ весьма часто упоминается, что во время походовъ юнаго Царя по окрестностямъ Москвы въ концѣ XVII столѣтія отпускались изъ Оружейной палаты большіе запасы дроби «для потѣшной стрѣльбы». (Тамъ же).

10. Въ 1697 году, какъ извѣстно, Царь Петръ Алексѣевичъ предпринялъ заграничное путешествіе инкогнито, въ рядахъ Русскаго посольства, въ которомъ полномочными послами были: Генералъ и Адмиралъ Францъ Яковлевичъ Лефортъ, Воинскій Генералъ-Комиссаръ и Намѣстникъ Сибирскій боярин Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ и Болховской Губернаторъ, думный дворянинъ Прокофій Богдановичъ Возницынъ.

Петръ I въ костюмѣ члена «великаго посольства», съ оффорта И. Оттенса.

25 мая этого года, въ Королевцѣ (Королевецъ-Кенигсбергъ) послы присутствовали при звѣровой потѣхѣ, устроенной спеціально для вѣнценоснаго путешественника. «Курфирстъ»—свидѣтельствуетъ Голиковъ—«пригласилъ пословъ и ихъ свиту на звѣриную охоту въ звѣринецъ, со стѣнъ котораго, на коихъ были устроены перила, смотрѣли на сраженіе медвѣдей съ дикими быками. Сіи послѣдніе оказались побѣдителями. Были также выпускаемы и другіе на драку звѣри. Все сіе время на стѣнахъ били въ литавры и играли на трубахъ». (Голиковъ, т. I, стр. 334; Туманскій, т. III, стр. 22 и 36; Юрналъ Петра Вел. 7205 года, стр. 12).

Въ серединѣ іюля того же 1697 года «званы послы и дворяне посольства въ Курфиршевскій замокъ Фишгаузенъ, отстоящій отъ Пилавы въ полутора миляхъ, позабавиться звѣриною охотою; и для сего присланы отъ Его Свѣтлости четыре богатыя кареты и немалое число верховыхъ лошадей съ комнатнымъ дворяниномъ его, Принцемъ или Фонъ-Принценомъ, куды послы того же часу и поѣхали. Послы и свита приняты были Его Свѣтлостью съ великою честію. Въ звѣринцѣ помянутаго замка смотрѣли они съ Курфирстомъ на звѣриную гоньбу. Охотники сперва выгнали передъ ставку Курфирстову великое число лосей. Курфирстъ и одинъ Русскій Дворянинъ («который былъ самъ Монархъ») застрѣлили изъ оныхъ до семидесяти, а на раненыхъ напускали собакъ. Все сіе происходило при играніи на трубахъ и битьѣ въ литавры. Заключена сія забава великолѣпнымъ столомъ и многими въ саду замка потѣхами и веселіемъ». (Голиковъ, т. I, стр. 347).

11) Въ ноябрѣ 1705 года, по требованію Царя, князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій выслалъ Его Величеству въ Гродну. для какой-то надобности живаго бѣлаго медвѣдя, о полученіи котораго Государь извѣщалъ князя письмомъ отъ 25 ноября. (Русск. Архивъ 1865 года, стр. 641).

29 января 1709 года Государь писалъ изъ Сумъ тому же князю Ромодановскому:

«Sere. По полученіи сего изволь прислать сюды пять кречетовъ немедленно съ охотниками, которые бъ ихъ въ пути берегли, а здѣсь, пріѣхавъ, явились господину Головину. Piter». (Тамъ же, стр. 659).

11 августа 1714 года, Петръ Великій, плавая по Балтійскому морю, высадился на одномъ изъ острововъ близъ Аланты, гдѣ и была устроена звѣровая охота. На этой охотѣ Царь съ приближенными взяли одного лося и шесть зайцевъ. (Юрналъ 1714 года, стр. 123).

12) Во время заграничнаго путешествія Петра Алексѣевича въ 1716—1717 годахъ, въ бытность Государя въ Меклембургѣ въ Шверинѣ, 14 мая 1716 года «Его Величество ѣздилъ съ Герцухомъ на охоту и застрѣлилъ оленя». (Юрналъ 1716 года, стр. 76).

2 іюня того же года, у Пирмонта, «Его Величество послѣ питья воды ѣздилъ верхомъ и кушалъ дома, и по кушанью стрѣлялъ изъ ружья въ цѣль, и стрѣляли Графиня Липы и Графъ». Стрѣльбою же въ цѣль Государь занимался 4, 8 и 9 чиселъ того же мѣсяца. (Тамъ же, стр. 78 и 79).

10 ноября 1716 года «Ихъ Величество поѣхали изъ Шхверина; пріѣхали въ Кракъ; и былъ на охотѣ, стрѣлялъ оленей и дву кабановъ». (Тамъ же, стр. 99).

17 апрѣля 1717 года «Его Величество въ Кале . . . . билъ на ягерствѣ зайцевъ». (Юрналъ 1717 года, стр. 12).

По поводу этой охоты 18—29 апрѣля того же года нѣкій де Либуа доносилъ изъ Кале французскому Регенту, Герцогу Орлеанскому: «Вчера Царь присутствовалъ при небольшой охотѣ и былъ очень веселъ и привѣтливъ; онъ не обладаетъ граціей, но видно, что въ такія минуты онъ старается нравиться». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XXXIV, стр. 178).

19 мая 1717 года, въ бытность свою въ Парижѣ, «послѣ обѣда у герцога д'Антенъ, Петръ, въ сопровожденіи Генералъ-Адмирала графа Тулузскаго, отправился въ Фонтенебло, гдѣ, на другой день послѣ прибытія, полтора часа охотился за оленями на конѣ графа Тулузскаго, послѣ чего онъ обѣдалъ въ павиліонѣ на островѣ». (Русск. Арх. 1865 года, стр. 686; Костомаровъ, т. II, стр. 715).

13) 15 іюля 1717 года Петръ Алексѣевичъ, у Ахена, на горѣ, отстоящей отъ города въ полуверстѣ, «изволилъ стрѣлять изъ самопаловъ стрѣлами и Министрамъ своимъ приказалъ стрѣлять же въ мишень, коя была поставлена на горѣ; и въ пятьдесятъ разъ, или больше малымъ чѣмъ, дважды билъ Его Величество въ ту мишень въ середину и поверхъ въ третіе по середи того бревна, на чемъ та мишень утверждена». (Юрналъ 1717 года, стр. 25).

11—22 сентября 1717 года Главный Сокольничій Фицтумъ доносилъ Императору Августу II изъ Дрездена: «21 числа я отвезъ его (Петра Великаго) на Остервизе, гдѣ онъ встрѣтилъ нѣсколько оленей; тамъ Его Величество убилъ оленя о двѣнадцати вѣтвяхъ и подстрѣлилъ еще другаго звѣря, но такъ какъ онъ ушелъ отъ Государя, то охотники убили и принесли его въ домъ Его Царскаго Величества, чему онъ былъ очень радъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XX, стр. 43).

14) 11 августа 1720 года «Ихъ Величество ѣздили за охотой съ птицами, съ собаками». (Юрналъ 1720 года, стр. 32).

Въ этотъ же день С.-Петербургскій Полицеймейстеръ Антонъ Мануиловичъ Девіеръ доносилъ князю Александру Даниловичу Меншикову: «При семъ доношу, что вчерашняго числа Ихъ Величество изволили путь воспріять въ Красное Село съ Князь-Кесаремъ (Иваномъ Ѳедоровичемъ Ромодановскимъ) для птичной охоты соколами къ ловлѣ и оттуда черезъ четыре дня возвратится». (Русск. Арх. 1865 года, стр. 1246).

6 іюня 1722 года «послѣ полудня Его Величество ѣздилъ въ городъ Казань и былъ у вицъ-губернатора Кудрявцева и у дворянина Есипова, гдѣ травили медвѣдя собаками». (Юрналъ 1722 г., стр. 39).

Въ 1723 году, для Высочайшихъ охотъ, была вытребована изъ Москвы въ С.-Петербургъ часть Царской птичьей охоты. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 51).

21 февраля 1724 года Государь Императоръ Петръ Великій, собственноручнымъ своимъ письмомъ на имя бригадира и С.-Петербургскаго полицеймейстера Девіера, предписалъ:

«При отъѣздѣ Дѣтей Нашихъ въ Москву отправить тудажъ собакъ». (Арх. Прав. Сената, кн. XXII, л. 25).

15) 17 сентября 1721 года Царь и Герцогъ Голштинскій (женихъ Великой Княжны Анны Петровны), въ домѣ великаго адмирала Апраксина, «съ галлереи смотрѣли на травлю льва съ огромнымъ медвѣдемъ, которые оба были крѣпко связаны и притянуты другъ къ другу веревками. Всѣ думали, что медвѣдю прійдется плохо; но вышло иначе: левъ оказался трусливымъ и почти вовсе не защищался, такъ что, если бы медвѣдя во время не оттащили, онъ непремѣнно одолѣлъ бы его и задушилъ. Травля продолжалась не долго, потому что Царю не хотѣлось потерять льва». (Дневн. Берхгольца, т. I, стр. 179).

16) 7 февраля 1720 года Государь съ приближенными ѣздили на быкахъ, на собакахъ, на медвѣдѣ и на козлахъ». (Юрналъ 1720 г., стр. 6).

По этому поводу читаемъ, между прочимъ, въ запискахъ Нащокина: «ѣздили поѣзды цугами на медвѣдяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться, смотря на куріозные уборы, и что на звѣряхъ ѣздятъ, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили».

Это шутовское торжество, при участіи въ немъ дикихъ звѣрей, выдрессированныхъ Придворною охотою, было устроено по причинѣ свадьбы Князя-Папы Петра Ивановича Бутурлина. (Нащокинъ, стр. 9).

[17]) Въ январѣ 1722 года въ Москвѣ былъ устроенъ грандіозный маскарадъ, въ которомъ принимали участіе дикіе звѣри. 30-го числа этого мѣсяца Государь съ приближенными отбылъ изъ Москвы въ село Всесвятское, расположенное тогда за Тверскою заставою, влѣво отъ С.-Петербургскаго шоссе, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы. 31-го числа, въ девятомъ часу утра, шутовской поѣздъ тронулся изъ Всесвятскаго въ Москву. Въ описаніи этого поѣзда, между прочимъ, находимъ, что Князь-Кесарь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, въ мантіи, подбитой горностаемъ, сидѣлъ въ небольшой лодкѣ, украшенной спереди и сзади медвѣжьими чучелами. Неподалеку отъ Ромодановскаго везли «сани, запряженныя шестернею одинакихъ медвѣдей, которыми правилъ человѣкъ, весь зашитый въ медвѣжью шкуру и чрезвычайно похожій на настоящаго медвѣдя». Были тутъ и сибирскія санки, запряженныя 10 собаками. Весь поѣздъ состоялъ изъ 25 женскихъ и 36 мужскихъ саней. (Берхгольцъ, т. II, стр. 66—77).

Н. М. Зотовъ,
съ грав., изд. П. Бекетовымъ.

Еще 3 января того года «одинъ шведскій офицеръ разсказывалъ герцогу, что встрѣтилъ вчера на улицѣ сани, запряженныя шестью медвѣдями, которыхъ, вѣроятно, готовятъ къ предстоящему маскараду». (Тамъ же, стр. 19).

[18]) 25 апрѣля 1725 года, Императрица приказала вытребовать съ Семеновскаго потѣшнаго двора въ С.-Петербургъ часть птичьей охоты, и приказаніе это носило характеръ экстренности, такъ какъ охотѣ предписывалось «ѣхать наскоро, днемъ и ночью». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 51).

18 апрѣля 1726 года князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій писалъ изъ С.-Петербурга въ Москву секретарю Преображенскаго приказа Казаринову, что «по указу Ея Императорскаго Величества повелѣно прислать сюда къ предбудущему маія къ 15 числу птицъ кречетов, соколовъ и ястребовъ» . . . . . «по неже онымъ быть въ походѣ за Ея Императорскимъ Величествомъ».

Предписывалось выбрать лучшихъ кречетниковъ 12 человѣкъ и приказать имъ ежедневно практиковать предназначенныхъ къ отправленію птицъ въ полевой ѣздѣ, впредь до дня отправленія охоты изъ Москвы, о назначеніи котораго Ромодановскій собирался сообщить своевременно.

[19]) Съ переходомъ въ 1695 году царской охоты въ вѣдѣніе Преображенскаго приказа, главнымъ начальникомъ этой охоты и лицомъ, самолично отдававшимъ по охотѣ различныя приказанія, является страшный начальникъ названнаго приказа, ближній стольникъ, «кесарь всешутѣйшаго, всепьянѣйшаго и сумазброднѣйшаго собора», князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 25 и Переписка Петра Великаго съ Ѳ. Ю. Ромодановскимъ, Русск. Арх. 1865 г., стр. 639).

Ромодановскій съ любовью занимался своимъ адскимъ дѣломъ, и его Преображенскій приказъ у Русскаго народа носилъ прозвище «бѣдности». (Костомаровъ, Истор. въ жизнеопис., т. II, стр. 638).

Князь Ѳедоръ Юрьевичъ завѣдывалъ царскою охотою вплоть до смерти своей, послѣдовавшей въ началѣ 1717 года.

Какъ на этомъ поприщѣ, такъ и по должности начальника Преображенскаго приказа и по званію князь-кесаря, ему наслѣдовалъ сынъ его, князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій. (Костомаровъ, т. II, стр. 672 и рукописи Общ. Арх. Мин. Двора).

Князь Иванъ Ѳедоровичъ завѣдывалъ охотою еще и въ 1728 году, будучи уже дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 204), завѣдывалъ ею, вѣроятно, и вплоть до уничтоженія (въ 1729 году) Преображенскаго приказа, а можетъ-быть и до своей смерти, послѣдовавшей 15 марта 1730 года. (С.-Петерб. Вѣдом. 1730 года, № 24).

Князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій былъ страстный охотникъ, и за время его управленія царскими охотами, послѣдними пользовался болѣе ихъ начальникъ, чѣмъ Царь. Въ его время охота Семеновскаго потѣшнаго двора, состоявшая тогда, надо полагать, не только изъ птичьей, но и изъ псовой охоты, находилась въ полномъ распоряженіи князя Ивана Ѳедоровича. Въ дневникѣ Берхгольца, — камеръ-юнкера герцога Карла-Фердинанда Голштинскаго, жениха, а впослѣдствіи мужа великой княжны Анны Петровны, — который пробылъ въ Россіи съ 1721 по 1725 годъ, читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «1722 года, августа 30, въ 7 часовъ утра, его королевское высочество съ тайнымъ совѣтникомъ Бассевичемъ и нѣкоторыми изъ насъ поѣхалъ верхомъ къ охотничему дому князя Ромодановскаго, гдѣ еще до обѣда началась соколиная охота за утками, которая была чрезвычайно забавна. У князя множество прекрасныхъ и рѣдкихъ соколовъ, и онъ не мало тратится на нихъ. Утокъ тамъ было очень много, а потому добыча наша вышла довольно значительная. Мы отправились потомъ въ самый охотничій домъ, гдѣ обѣдали и ужасно пили. Нашъ почтенный господинъ Плато подвергся здѣсь въ первый разъ полному опьяненію, хотя и очень крѣпокъ; но хозяинъ, Ягужинскій и другіе русскіе господа хотѣли его испытать и потому сильно принуждали пить. Послѣ обѣда принялись за обыкновенную охоту, но, несмотря на то, что у князя Ромодановскаго тамъ болѣе 130 гончихъ и борзыхъ собакъ, она шла какъ-то неудачно и не могла выдерживать никакого сравненія съ нѣмецкою охотою или бывшею до обѣда соколиною; впрочемъ, она и продолжалась недолго, тѣмъ болѣе, что какъ прислуга, такъ и сами знатные господа охотники были порядочно навеселѣ. Съ полковникомъ Плато чуть не случилось большой бѣды: упалъ онъ съ лошади и съ трудомъ высвободился изъ стремянъ, потому что сѣдло, не крѣпко пристегнутое, съѣхало вмѣстѣ съ нимъ. Къ счастію онъ ничего не повредилъ себѣ. По окончаніи и этой охоты было роспито еще нѣсколько бокаловъ, и затѣмъ всѣ разъѣхались по домамъ». (Берхгольцъ, Дневникъ, т. II, стр. 164).

«Къ чести князя Ивана Ѳедоровича сказать надобно, что никогда ни прежде, ни послѣ него Тайная Канцелярія не руководствовалась такою кротостью; при немъ мало было работы въ застѣнкѣ; рѣдко прибѣгали къ розыскамъ и пыткамъ». (Арсеньевъ, стр. 71).

Изъ ближайшихъ помощниковъ Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, по его дѣятельности, какъ начальника царской охоты, мы знаемъ двухъ: капитана Михаила Смѣткова, начальствовавшаго въ 1721 году Московскою птичьею охотою, и сержанта лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Романа Мельгунова, завѣдывавшаго Семеновскимъ потѣшнымъ дворомъ въ 1726 и 1727 годахъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 39, д. № 349 и др.).

Слѣдуетъ замѣтить, что оба Ромодановскіе завѣдывали царскою охотою не какъ спеціальные ея начальники, а какъ начальники Преображенскаго приказа.

[20]) 18 апрѣля 1712 года «по указу Великаго Государя и по приказу стольника князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго» чинамъ царской охоты на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ былъ произведенъ смотръ дьякомъ Василіемъ Нестеровымъ, столь извѣстнымъ по дѣятельности его въ Преображенскомъ приказѣ.

Во время смотра оказалось налицо 42 человѣка охотниковъ, въ томъ числѣ одинъ начальный сокольникъ, 25 сокольниковъ рядовыхъ, 9 ястребниковъ, 5 сторожей, 1 помытчикъ *) и 1 звѣровщикъ.

Повидимому, смотръ этотъ былъ произведенъ съ цѣлью увольненія со службы престарѣлыхъ охотниковъ, съ рекомендаціей послѣднимъ отправиться на покой въ монастыри или богадѣльни.

Въ донесеніи Нестерова, между прочимъ, читаемъ:

«Начальный, 70 лѣтъ, Рамила Рамѣйковъ — постричься и въ Богадѣльню не хочетъ».

«Сокольники: 60 лѣтъ, Михайло Суминъ — бьетъ челомъ, чтобъ за многую его работу, что онъ работаетъ 40 лѣтъ, написать его въ слуги въ Дѣвичь монастырь; Василій Рудаковъ, хромъ, нога ниже колѣна переломлена — бьетъ челомъ, чтобы его отставить, а чтобъ на его мѣсто быть сыну его Михайлу; Никита Чикинъ — бьетъ челомъ, чтобъ за сердечною болѣзнію на полѣ ему не быть; Василій Алферьевъ, лѣвымъ глазомъ ничего не видитъ и глухъ — бьетъ челомъ, чтобъ отставить, а на его мѣсто быть племяннику Ивану Феклину Евдокимову сыну».

«Ястребники: 65 лѣтъ, Михайло Коноплевъ — бьетъ челомъ, чтобъ его постричь для многой его работы, что онъ работаетъ больше 40 лѣтъ, въ который нибудь монастырь, безовкладно; Аристъ Коноплевъ — бьетъ челомъ, чтобъ также постричь безовкладно, а сыну бы его быть брата его роднаго на Михайлово мѣсто Коноплева и окладъ учинить ему тотъ же, что былъ Михайлу».

«Сторожъ, 70 лѣтъ, Федоръ Васильевъ — бьетъ челомъ, чтобъ за многую его работу, для его старости, постричь въ монастырь безовкладно». (Сборн. архивн. бум. о Петрѣ Вел., т. II, стр. 335 и Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. № 15).

---

*) Помытчикъ при птичьей охотѣ предназначался, главнымъ образомъ, а можетъ-быть и исключительно для ловли воронокъ и другихъ птицъ, долженствовавшихъ служить для обученія вынашиваемыхъ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ ловчихъ птицъ.

Повидимому, всѣ престарѣлые охотники были уволены, но вмѣсто нихъ не опредѣлили никого. По крайней мѣрѣ въ сохранившемся спискѣ чиновъ царской охоты Семеновскаго потѣшнаго двора за 1714 годъ нѣтъ ни поименованныхъ выше престарѣлыхъ и убогихъ, ни выставленныхъ послѣдними кандидатовъ. По этому списку значится сокольниковъ 18, ястребниковъ 7, звѣровщиковъ 1, сторожей 4 и клобучечникъ 1. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 39, д. № 190).

Въ 1722 году изъ Преображенскаго приказа были затребованы къ Герольдмейстерскимъ дѣламъ подробные списки чиновъ царской охоты, съ обозначеніемъ возраста, семейнаго и имущественнаго положенія и продолжительности службы каждаго чина. Для какой цѣли было отдано такое распоряженіе, извѣстное намъ по Сенатскому указу 4 мая того года, мы не знаемъ. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 3993).

Въ спискѣ чиновъ охоты, состоявшихъ при Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ въ 1727 году, значится: а) 13 сокольниковъ, съ окладами денежнаго жалованья отъ 10 до 5 руб. и хлѣбнаго: ржи отъ 10 до 5 четвертей и овса по 5 четвертей; б) одинъ подъячій, съ окладомъ 5 р., ржи 10 и овса 5 четвертей; в) 8 ястребниковъ, съ окладами отъ 7 до 4 р., ржи 10 и овса 5 четвертей; г) одинъ звѣровщикъ, съ окладомъ 10 р., ржи 6 и овса 6 четвертей; д) 3 сторожа, съ окладомъ 3 р., ржи 6 и овса 5 четвертей; е) одинъ клобучечникъ, съ окладомъ 5 р., ржи 9, овса 5 четвертей; ж) одинъ мастеръ колоколечный—безъ оклада. Всего на этихъ чиновъ ежегодно расходовалось 167 рублей денегъ, 223 четверти ржи и 141 четверть овса. Хотя количество сокольниковъ въ означенномъ году меньше, чѣмъ было ихъ въ 1714 году, однако замѣтно желаніе поддерживать охоту, такъ какъ въ этомъ году впервые, въ теченіе описываемаго періода времени, замѣчаемъ быстрое замѣщеніе убылыхъ охотниковъ новыми. Такъ, вмѣсто Якова Маслова, который «за старость и за дряхлость, и за очною болѣзнью отъ соколиныя службы отставленъ», принятъ новый сокольникъ Михайло Ѳедоровъ сынъ Шамаевъ, а вмѣсто умершаго Дмитрія Андреева «опредѣленъ сынъ его Петръ Андреевъ, и окладъ отца его справленъ ему, Петру». (Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 75, д. № 166).

Количество личнаго персонала царской охоты Семеновскаго потѣшнаго двора, а равно и расходъ на нихъ остались совершенно тѣ же и въ слѣдующемъ 1728 году съ замѣною лишь нѣкоторыхъ лицъ новыми. (Тамъ же, оп. 75, д. № 182).

Отъ 1727 года сохранилось весьма любопытное дѣло, свидѣтельствующее о мѣрахъ, принимавшихся по отношенію кречетниковъ, которые уклонялись отъ своихъ обязанностей. Въ январѣ этого года посланъ былъ указъ Ея Императорскаго Величества въ Ростовскую Воеводскую Канцелярію, коимъ повелѣвалось кречетника Ростовскаго помѣщика Афанасія Кузьмина сына Кушникова «сыскать въ городѣ Ростовѣ и выслать его въ Москву въ Семеновское на потѣшный дворъ за карауломъ, скованна, для держанія птицъ, для того, что оный Кушниковъ съ своею братьею кречетниками на томъ потѣшномъ дворѣ не служитъ и птицъ не держитъ съ 724 года и отъ той службы бѣгаетъ и укрывается; а по имяннымъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти прежнихъ Великихъ Государей (указамъ) издревле сокольникамъ, кречетникамъ и прочимъ потѣшнаго двора служителямъ велѣно служить на ономъ потѣшномъ дворѣ у держанья птицъ кречетовъ, соколовъ и прочихъ и обучать тѣ птицы, какъ въ томъ регулы состоятъ, а по обученіи такія птицы посылаются съ ними; изъ кречетниковъ и изъ сокольниковъ, во окрестныя государства въ дарѣхъ, а въ иные чины онымъ чинамъ и дѣтямъ ихъ, самимъ собою, выходить, и никакимъ командирамъ къ дѣламъ ихъ ни къ какимъ выбирать и писать—никому не повелѣно. А буде онъ, Кушниковъ, отъ Ростовскихъ посыльныхъ въ дому своемъ укроется или гдѣ будетъ въ отлучкѣ или у какого дѣла, и посланнымъ велѣно взять изъ дому его жену или лучшихъ людей и крестьянъ человѣкъ 3 или 4 и привесть въ Ростовъ на его подводахъ и коштѣ и держать скованными за карауломъ, покамѣстъ онъ, Кушниковъ, въ Москвѣ на потѣшный дворъ не явится». Не получая до апрѣля мѣсяца никакого отвѣта отъ Воеводской Канцеляріи, Преображенскій приказъ 13-го числа этого мѣсяца направилъ въ Ростовъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка солдата Кузьму Ржевитинова съ приказаніемъ взять отъ Воеводской Канцеляріи «подъячаго и солдатъ, сколько человѣкъ пристойно, и съ тѣми людьми ѣхать въ Ростовскій уѣздъ въ вотчину помянутаго кречетника Афанасія Кушникова, въ домъ его, гдѣ онъ живетъ, и, не доѣзжая дому его, взять въ понятые изъ стороннихъ вотчинъ сколько человѣкъ пристойно, и при тѣхъ людяхъ взять того Кушникова и, заковавъ и взявъ за нимъ провожатыхъ Ростовскихъ служилыхъ людей, сколько человѣкъ пристойно, привесть въ Преображенскій приказъ и объявить его, Кушникова, скованна при своемъ доѣздѣ Его Сіятельству Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Кавалеру Князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому. А буде оный посланный солдатъ оного Кушникова въ дому не изъѣздитъ, а онъ, Кушниковъ, будетъ въ отлучкѣ или у какого дѣла, и посланному солдату велѣно взять изъ дому его жену его, Кушникова, и потому жъ привесть въ Преображенскій приказъ. А буде и жена того Кушникова укроется, велѣно тому посланному солдату взять изъ дому его и изъ деревень его лучшихъ людей и крестьянъ, человѣкъ 3 или 4, и, оковавъ, потому жъ привесть за Ростовскими провожатыми въ Преображенскій приказъ на его, Кушникова, подводахъ и коштъ». Однако ранѣе прибытія Рже-

витинова въ Ростовъ, Кушниковъ самъ явился въ Воеводскую Канцелярію и объявилъ тамъ, что «въ прошломъ 725 году выбранъ онъ, Кушниковъ, по указу и выданному плакату въ той провинціи всѣмъ шляхетствомъ, въ томъ числѣ и его братьею кречетниками на Ярославскій пѣхотный полкъ съ кречетникомъ Яковымъ Ярцевымъ: онъ, Кушниковъ, для сбору подушныхъ денегъ въ земскіе комиссары, а помянутый Ярцовъ къ строенію полковаго штабнаго двора въ надзиратели, и держались на полковомъ дворѣ многое число подъ карауломъ, и во оное правленіе не вступали и о томъ де въ Преображенскій приказъ донесеніе отъ себя посылали, и по оному де посланному отъ себя доношенію изъ Преображенскаго приказу указу, о свободѣ своей оттого, не получали, и за такимъ принужденіемъ и за многодержаніемъ на ономъ полковомъ дворѣ онъ, Кушниковъ, во оное Правленіе въ прошломъ 726 году и вступилъ, и съ того де году былъ онъ, Кушниковъ, при томъ подушномъ сборѣ», при чемъ собралъ въ 1726 году 34.578 руб. 40 коп. и за январскую треть 1727 года 7000 рублей, которые и находятся за его печатью. Полковой же дворъ Ярославскаго пѣхотнаго полка, подтверждая въ общемъ заявленіе Кушникова, отозвался, что выслать послѣдняго въ Преображенскій приказъ «невозможно». Тѣмъ, кажется, и кончилось это дѣло. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 162).

Отъ 1728 года сохранился документъ, не лишенный извѣстнаго интереса: это просьба кречетника Тихона Петрова: «дабы Его Императорское Величество указомъ, а Вашего Сіятельства (князь Ромодановскій) милостивымъ разсмотрѣніемъ повелѣно было меня, нижайшаго, отпустить въ домишко мой», ибо «въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ послѣднихъ числѣхъ волею Божьею въ нощи сгорѣлъ домишко мой весь безъ остатку, и оттого разорился я въ конецъ». Петровъ просилъ отпустить его «марта до перваго числа предбудущаго 729 года». Петрова отпустили, но «съ подкрѣпленіемъ, чтобъ онъ въ Преображенскій приказъ явился на указаной срокъ неотложно, а

Потѣшный ботъ Императора Петра, хранится въ городѣ Астрахани. Изъ Альбома Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

ежели онъ на тотъ срокъ въ Преображенскій приказъ не явится, и за то учинено ему будетъ жестокое наказаніе, и движимое и недвижимое его имѣніе взято будетъ на Его Императорское Величество». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 639).

[21]) 11 марта 1679 года посланы были къ Персидскому Шаху съ посланниками, стольникомъ Степаномъ Чириковымъ и съ дьякомъ Иваномъ Казариновымъ одиннадцать кречетовъ да соколъ, и велѣно было «на тѣ птицы нарядъ дать изъ Оружейнаго приказу, изъ тѣхъ нарядовъ, которые въ тотъ приказъ отданы съ Потѣшнаго Двора» (Общ. Арх. Мин. Дв., столб. 334 — 7187 года) да отпустить колокольцы изъ Серебряной Палаты. (Тамъ же, столб. 335—7187 года). Съ птицами этими было отправлено двое кречетниковъ и трое сокольниковъ, Иванъ Волошениновъ и Лукьянъ Леонтьевъ съ товарищами. (Тамъ же, столб. 417 и 489—7187 года).

2 февраля 1684 года царскій посолъ въ Малороссіи Одинцовъ поднесъ въ Батуринѣ Гетману царское жалованье, состоящее, между прочимъ, изъ подарка двухъ кречетовъ. (Соловьевъ, XIV, стр. 18).

Въ апрѣлѣ 1685 года окольничій Неплюевъ привезъ, между прочимъ, Гетману Самойловичу «въ даръ для потѣхи морскаго медвѣдя». (Тамъ же, стр. 30).

Въ 1698 и 1709 гг. предписывалось Вологодскимъ помытчикамъ ловить возможно большее число птицъ «для нужныхъ посылокъ въ Цесарію и къ Шаху Персидскому, и къ Салтану Турецкому и въ иныя государства». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, 752, д. № 521).

[22]) Въ запискахъ Желябужскаго подъ 1691 годомъ, между прочимъ, читаемъ: «Въ томъ же году былъ посолъ Персидскій изъ Кизилбашъ, отъ Шаха Персидскаго, съ дарами и звѣрьми; а звѣрей съ нимъ прислано левъ да львица». (Желябужскій, стр. 23).

Въ 1712 году въ иностранную посылку, однако не знаемъ куда именно, были отправлены сокольники Григорій Шамаевъ и Дмитрій Андреевъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. № 15).

Въ 1715 году птицы были отправлены къ Персидскому Шаху съ кречетниками Даніиломъ Шубинымъ съ товарищами. При отправкѣ всѣмъ кречетникамъ добавили къ ихъ годовымъ окладамъ по 4 рубля. (Тамъ же, оп. 39, д. № 350).

Въ 1720 году въ Персію приказано было отправить 10 кречетовъ, 5 челиговъ кречетьихъ, 3 ястреба бѣлыхъ, 2 пары бѣлыхъ павлиновъ, 5 паръ павлиновъ цвѣтныхъ, 20 паръ куръ индѣйскихъ черныхъ и глинистыхъ, 2 бѣлыхъ медвѣдя, 2 медвѣдя черныхъ, ученыхъ, съ поводильщикомъ, 4 соболя живыхъ, 4 россомахи, 4 песца, 4 бобра, 20 горностаевъ, 30 бѣлокъ, лошадей нѣмецкихъ большихъ: кобылъ 8 и жеребцовъ 4, 5 паръ меделянскихъ собакъ. Ловчихъ птицъ и всѣхъ звѣрей велѣно было отправить съ Семеновскаго потѣшнаго двора, а павлиновъ купить въ Москвѣ, «а буде купить не сыщетъ, то взять въ неволю, заплатя за нихъ цѣну, что надлежитъ». Означенныя птицы и животныя отправлялись съ тогдашнимъ Астраханскимъ Губернаторомъ, впослѣдствіи Оберъ-Егермейстеромъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 4/634).

Интересно, что завѣдывавшій въ то время царскою охотою Князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, прочитавъ Сенатскій указъ объ отправленіи съ Семеновскаго потѣшнаго двора сказанныхъ птицъ и животныхъ, объявилъ Сенату, что «будетъ де онъ о тѣхъ птицахъ и звѣряхъ докладывать Царскому Величеству, а безъ докладу не отдастъ, и оныхъ указовъ не принялъ». (Тамъ же).

Въ томъ же 1720 году, въ іюлѣ мѣсяцѣ Казанскому Губернатору Салтыкову былъ посланъ указъ о ловлѣ кречетовъ въ низовыхъ городахъ. Въ указѣ этомъ Петръ Великій, между прочимъ, писалъ, что такія птицы высылаются изъ Семеновскаго села въ окрестныя государства «непрестанно». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 23).

Въ 1721 году въ Турцію было отправлено 12 кречетовъ (тамъ же, оп. 178, д. № 8), а въ маѣ того же года, по именному указу Петра Алексѣевича повелѣно было «отпустить къ Горскому Шахману Алдигирею, за его службу, съ присланнымъ отъ него Айдаромъ птицъ 6 кречетовъ и за ними кречетниковъ потребное число». (Тамъ же, оп. 39, д. № 350).

Въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія лица, служившія въ вѣдомствѣ царской охоты, освобождались отъ воинской повинности. Такъ, въ 1727 г. колоколешный мастеръ Московской птичьей охоты Иванъ Ивановъ былъ взятъ «въ Канцелярію господина Чернышова подъ караулъ» для записанія его въ солдаты. Однако, когда Ивановъ заявилъ о мѣстѣ своего служенія, и когда по справкѣ оказалось, что слова его вѣрны, — Иванова приказано было выпустить немедленно. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 130).

[23]) Русск. Арх., 1865 г., стр. 664.

[24]) 3 іюня 1738 года повелѣно было прислать изъ Москвы въ С.-Петербургъ нѣсколько кречетовъ и прочихъ птицъ при потребномъ количествѣ чиновъ царской птичьей охоты, для отправленія ихъ къ Римскому Императору. (Рукописи Имп. Ох.).

Въ 1740 году было отправлено къ Персидскому Шаху 3 кречета и 2 сокола и, вѣроятно, Турецкому Султану—14 кречетовъ, 7 челиговъ кречетьихъ, 23 сокола, 6 ястребовъ и одинъ челигъ ястребій. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 г., т. I, стр. 360 и Рукоп. Имп. Ох.).

Въ апрѣлѣ 1745 года приказано было отправить къ Персидскому Шаху 24 кречета, 12 челиговъ кречетьихъ и 12 соколовъ при 24 кречетникахъ и одномъ надсмотрщикѣ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. Птицы эти были отправлены съ посломъ, Дѣйствительнымъ Тайнымъ Совѣтникомъ Голицынымъ. Кречетникамъ выдали въ видѣ подъемныхъ денегъ годовые оклады; имъ же были заготовлены новые мундиры и епанчи изъ зеленаго сукна, кафтаны, камзолы, шляпы съ золотымъ позументомъ по бортамъ, охотничьи сѣдла съ уборами и перчатки лосинныя на правую руку для держанья птицъ. На птицъ были изготовлены «хорошіе» клобучки, обносцы и проч. На всѣ эти расходы изъ Статсъ-Конторы было отпущено 4000 р. (Рук. Имп. Ох.).

Въ августѣ 1758 года Государственная Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ увѣдомила Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, что «Турецкій де здѣсь находящійся посланникъ проситъ, чтобъ ему пожалованы были отъ Двора Ея Императорскаго Величества два сокола, почему оная Коллегія, не излишнимъ признавая помянутаго посланника въ сей его просьбѣ удовольствовать», просила Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію отпустить этихъ соколовъ въ С.-Петербургѣ, а при недостаткѣ таковыхъ птицъ въ этомъ городѣ, предписать Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ выдать ихъ въ Москвѣ обрѣтающемуся при посланникѣ Лейбъ-Гвардіи Капитану Чечерину. Такъ какъ въ С.-Петербургѣ соколовъ не было вовсе, то Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписала завѣдывающему Императорскою птичьею охотою въ Москвѣ, Капитану Герасиму Ларіонову, передать птицъ Чечерину или кому отъ него по прибытіи его въ Москву принять приказано будетъ безъ умедленія, а для того освѣдомиться, когда оной въ Москву прибудетъ въ самой скорости, выбравъ оныхъ (птицъ) изъ посредственныхъ, ибо лучшія потребны хранить для Высочайшихъ Ея Императорскаго Величества увеселеній. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 68, д. № 37).

Наконецъ, въ 1762 году, въ августѣ мѣсяцѣ, Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ всеподданнѣйше докладывалъ, между прочимъ, о томъ, что Комиссаръ птичьей охоты Саватій Ларіоновъ находился на службѣ съ 1742 года и «неоднократно имѣлся со птицами въ походахъ при посольствахъ въ Турцію и Персію». (Рукоп. Сборн. Им. Ук.)

[25]) 20 ноября — 1 декабря Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсгенду: «9 ноября Его Царское Величество возвратился сюда съ охоты въ полномъ здравіи. Онъ очень высокъ и силенъ для своихъ лѣтъ. Вчера Государь, собравъ Верховный Совѣтъ, объявилъ, что женится на старшей дочери князя Долгорукова, которой около 18 лѣтъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 110).

Герцогъ де-Лирія писалъ въ своихъ запискахъ: «Петръ II былъ высокаго роста, красивъ собою и сложенъ хорошо; на лицѣ его видна была задумчивость; сложеніе крѣпкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудновато сказать что-либо рѣшительное о характерѣ четырнадцатилѣтняго Государя, но можно было догадываться, что онъ былъ вспыльчивъ, рѣшителенъ и, можетъ-быть, жестокъ. Онъ не терпѣлъ вина, т.-е. не любилъ пить болѣе надлежащаго и былъ весьма щедръ, такъ что щедрость его походила на расточительность. Хотя съ приближенными къ нему онъ обходился ласково, однакоже не забывалъ своего высокаго сана и не вдавался слишкомъ въ короткія связи. Онъ быстро понималъ все, но былъ осмотрителенъ; любилъ народъ свой, но мало уважалъ другіе. Словомъ, онъ могъ бы быть современемъ великимъ Государемъ, если бы удалось ему поправить недостатокъ воспитанія, даннаго ему Долгорукими». (Записки Дюка де-Лирія, стр. 114).

А. С. Матвѣевъ,
съ гравюры И. Ческаго.

[26]) Петръ II вступилъ на престолъ 7 мая 1727 года, 11 лѣтъ 6 мѣсяцевъ и 23 дней отъ роду. Императрицею Екатериною I ему былъ назначенъ въ воспитатели и Оберъ-Гофмаршалы знаменитый Андрей Ивановичъ Остерманъ, въ помощь къ которому, по указанію князя Александра Даниловича Меншикова, опредѣлили князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, именовавъ послѣдняго вторымъ воспитателемъ императора и Гофмейстеромъ. (Арсеньевъ, стр. 135, 21, 27).

[27]) Въ 1729 году на Семеновскомъ потѣшномъ птичьей охоты Семеновскаго потѣшнаго двора не входили въ составъ той царской охоты, среди которой юный царь проводилъ почти всѣ дни своего пребыванія въ Москвѣ, охоты, проживавшей въ селѣ Измайловскомъ. Семеновскіе охотники, кажется, никогда не потѣшали этого Императора, а занимались лишь выноскою доставляемыхъ на потѣшный дворъ ловчихъ птицъ да сопровожденіемъ послѣднихъ въ чужіе края въ подарки иностраннымъ владѣтелямъ.

Въ началѣ января мѣсяца 1729 года собственная охота Петра II состояла изъ слѣдующихъ лицъ:

1) Егермейстера въ рангѣ Полковника, съ жалованьемъ въ 518 р. 55 коп. въ годъ.
2) 5 егерей русскихъ, изъ которыхъ одинъ получалъ 110 р., а остальные—по 90 р. въ годъ.
3) 2 волторнистовъ, получавшихъ по 90 р. въ годъ.
4) 2 Курляндскихъ егерей, съ жалованьемъ по 120 р. въ годъ каждому.
5) Доѣзжачаго, получавшаго 80 р. въ годъ.
6) 31 охотника (въ томъ числѣ одинъ княжескаго титула — Степанъ Енкуватовъ), коимъ полагалось въ годъ по 12 р., по 10 четвертей муки, по 1 четверти крупъ, по 6 пудовъ мяса, по пуду соли и по 2 мундира: одинъ изъ сукна зеленаго съ подбоемъ стамеднымъ, а другой изъ сермяжнаго сукна «для полевой осенней ѣзды».
7) 7 наварщиковъ, каждому 6 р., 10 четвертей муки, 1 четверть крупъ, 6 пудовъ мяса, пудъ соли да мундиръ сермяжнаго сукна.

Всего дворѣ состояло сокольниковъ 11, ястребниковъ 7, подъячій, клобучечникъ, звѣровщикъ и сторожей 3; на содержаніе этихъ 24 человѣкъ шло въ годъ 150 рублей денегъ, 200 четвертей ржи и 123 четверти овса. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 25).

Въ томъ же году въ разныхъ городахъ проживало 23 человѣка кречетниковъ, надѣленныхъ, вмѣсто жалованья, помѣстьями, «и тѣ кречетники, какъ прежде, живутъ въ Москвѣ съ перемѣною указное число по разсмотрѣнію командирскому и обрѣтаются въ селѣ Измайловѣ». (Тамъ же).

Приводя ниже свѣдѣнія о личномъ составѣ охоты Петра II, считаемъ нужнымъ выразить мнѣніе, что упомянутые выше чины птичьей охоты Семеновскаго потѣшнаго двора не входили въ составъ той царской охоты, среди которой юный царь проводилъ почти всѣ дни своего пребыванія въ Москвѣ, охоты, проживавшей въ селѣ Измайловскомъ. Семеновскіе охотники, кажется, никогда не потѣшали этого Императора, а занимались лишь выноскою доставляемыхъ на потѣшный дворъ ловчихъ птицъ да сопровожденіемъ послѣднихъ въ чужіе края въ подарки иностраннымъ владѣтелямъ.

8) 1 орловщика, съ жалованьемъ 15 р., 15 четвертей муки, 1 четверти крупъ, 6 пудовъ мяса, 1 пуда соли и мундиры, какъ охотникамъ.

9) Кречетника-статейщика, съ жалованьемъ 20 р., 15 четвертей муки, 2 четвертей крупъ, 8 пудовъ мяса, 6 пудовъ соли, 5 четвертей овса, 5 пудовъ рыбы.

10) 14 кречетниковъ, съ жалованьемъ по 10 р., по 10 четвертей муки, по 1 четверти крупъ, по 6 пудовъ мяса, по пуду соли да мундиры тѣ же, что и у охотниковъ.

11) 15 сокольниковъ, съ жалованьемъ какъ и кречетникамъ, только безъ крупы (?) и съ мундирами, какъ у охотниковъ.

12) 15 ястребниковъ, съ тѣмъ же жалованьемъ, какъ кречетникамъ.

13) Одинъ помытчикъ и одинъ сторожъ съ жалованьемъ каждому по 8 р., 10 четвертей муки, 1 четверти крупъ, 6 пудовъ мяса и 1 пуда соли да мундиръ сермяжнаго сукна.

14) Одного кузнеца, которому жалованья лишь на 2 р. больше предыдущихъ.

15) 6 конюховъ съ жалованьемъ по 6 р., 6 четвертей муки, 4 четверика крупъ, 3 пуда мяса и 1 пуду соли да по мундиру сѣраго сукна.

16) Коновала, съ жалованьемъ въ 100 руб.

17) 2 плотниковъ съ жалованьемъ, какъ конюхамъ.

18) 4 человѣкъ у верблюдовъ, съ жалованьемъ, какъ кречетникамъ.

19) Клобучечника и колоколечника, съ жалованьемъ по 5 р., 10 четвертей муки, 1 четверти крупъ, 6 пудовъ мяса, 1 пуда соли.

Всего же одного Егермейстера и 113 человѣкъ прочихъ служителей, а жалованья имъ въ годъ: денежнаго 2559 р. 55 к., хлѣбнаго—муки 998 четвертей, крупъ 99 четвертей, овса 5 четвертей; мяса 590 пудовъ; рыбы 5 пудовъ; соли 107 пудовъ.

Кромѣ того, охотникамъ, кречетникамъ, сокольникамъ и ястребникамъ отпускалось 12 солдатскихъ палатокъ. да имъ же и прочимъ служителямъ въ два года 91 сѣдло «съ войлоки и съ крышки, что на войлокахъ, съ уздами и со всемъ убором ременнымъ».

Впрочемъ, вмѣсто сѣделъ, выдавали деньгами, по 3 р. за сѣдло, въ годъ 273 р. (Роспись охоты Петра II; Русск. Арх., 1869 г., № 10, стр. 1665—1681).

Непосредственно по вступленіи на престолъ Императора Петра II, въ маѣ же мѣсяцѣ 1727 года, было предписано Московскому Генералъ-Губернатору князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому выслать изъ Москвы въ С.-Петербургъ, «въ самой скорости, на подводахъ», царскую птичью охоту. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 135).

[28]) Въ Государственномъ Архивѣ сохранилась записка, подписанная Петромъ II, относящаяся къ первымъ днямъ его царствованія, о распредѣленіи времени царственнаго отрока. Въ запискѣ этой читаемъ: «Въ понедѣльникъ по полудни, отъ 2 до 3 часа учиться, а потомъ солдатъ учить; по полудни вторникъ и четвергъ съ собаки въ полѣ; по полудни въ среду солдатъ обучать; по полудни въ пятницу съ птицами ѣздить; по полудни въ субботу музыкою и танцованіемъ; по полудни въ воскресенье въ лѣтній домъ и въ тамошніе огороды». (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 110).

Сохранилось и другое «начертаніе ученія Императора Петра II, сочиненное Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ», въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: вторникъ, отъ 4 до 5 часовъ дня «можно забавляться стрѣльбою въ мишень», отъ 5 до 6 часовъ—«немного отдыхать», отъ 6 до 7 часовъ—«одну забаву изъ прежнихъ продолжать»; среда, отъ 4 до 5 часовъ—«забавляться ловлею въ острову», отъ 5 до 6 часовъ—«можно покоиться», отъ 6 до 7 часовъ—«продолжать прежнюю забаву». (Арсеньевъ, стр. 139).

[29]) Съ первыхъ дней царствованія Петра II «Остерманъ потакалъ его празднолюбію, склонности ко всякимъ развлеченіямъ и особенно къ охотѣ, на которую молодой Государь ѣздилъ часто въ окрестности Петергофа». (Костомаровъ, т. II, стр. 861).

[30]) 10—21 іюня 1727 года Легаціонный Совѣтникъ Курфирста Саксонскаго и Короля Польскаго Іоаннъ Ле-Фортъ доносилъ своему двору изъ С.-Петербурга: «Кажется, что страсть царя къ охотѣ увеличивается все болѣе. Выдумываютъ разныя средства, чтобы отвлечь его отъ этого, но страсть зашла такъ далеко, что онъ не въ состояніи заниматься чѣмъ-либо другимъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 479).

Лѣто этого года молодой Императоръ провелъ въ Петергофѣ въ сообществѣ со своею красавицею теткою, Великою Княжною Елисаветою Петровною, охотно раздѣлявшею всѣ любимыя потѣхи царственнаго отрока. (Костомаровъ, т. II, стр. 861).

20 августа 1727 года Императоръ, бывшій въ этотъ день въ С.-Петербургѣ, отправился оттуда на ночевку въ Стрѣльну, а изъ Стрѣльны въ Ропшу, съ намѣреніемъ вернуться изъ этой поѣздки въ Петергофъ лишь на пятый день. Въ Стрѣльну Петръ Алексѣевичъ прибылъ въ девятомъ часу вечера, а на другой день, позавтракавъ, выѣхалъ, сопровождаемый всею Императорскою охотою. Устройствомъ этой охоты, повидимому, распоряжался Андрей Ивановичъ Остерманъ, который и сообщалъ объ изло-

женномъ въ Ораніенбаумъ князю Александру Даниловичу Меншикову. (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 133).

Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 138.

«XVIII вѣкъ», т. II, стр. 121 и др.

31) Къ этому времени относится охлажденіе Императора къ князю Меншикову, который слишкомъ уже настойчиво стремился быть полнымъ и безконтрольнымъ руководителемъ молодого Царя, лелѣя мысль выдать за Петра Алексѣевича свою дочку.

Ослабленіе вліянія Меншикова на Императора весьма рельефно выразилось 4 Сентября. Въ этотъ день князь прислалъ къ Императору, съ нарочнымъ, приглашеніе прибыть въ его загородное помѣстье Ораніенбаумъ на церемонію освященія новаго храма. Петръ, оскорбившись, что Меншиковъ не пріѣхалъ самъ пригласить его, отказался исполнить просьбу князя подъ предлогомъ нездоровья. Послѣ освященія церкви Меншиковъ пріѣхалъ въ Петергофъ; но Царь оказался на охотѣ. «Меншиковъ остался въ Петергофѣ, и на другой день, тщетно ожидавши возвращенія Государя съ охоты, рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Передъ отъѣздомъ своимъ онъ видѣлся съ Остерманомъ и грозно укорялъ его за небрежный надзоръ за Государемъ и за потворственное позволеніе ему отлучаться на охоту на столь продолжительное время». (Арсеньевъ, стр. 36; то же—Соловьевъ, т. XVIII, стр. 130 и Костомаровъ, т. II, стр. 861).

Современникъ событія, Манштейнъ, прибавляетъ къ этому, что Императоръ уѣхалъ на охоту не самъ, а «его увезли» (Манштейнъ, стр. 6), а Ле-Фортъ доносилъ своему двору, что, узнавъ о пріѣздѣ Меншикова въ Петергофъ, Государь поспѣшно уѣхалъ на охоту, при чемъ «сестра его (Великая Княжна Наталія Алексѣевна) выпрыгнула за нимъ изъ окна, не желая видѣть Меншикова». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 491).

6 сентября 1727 года Императоръ былъ на охотѣ въ окрестностяхъ Петергофа, ночевалъ въ Стрѣльнѣ и на другой день, въ четвергъ, 7-го числа прибылъ въ С.-Петербургъ въ Лѣтній дворецъ. (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 135).

Около 20 сентября 1727 года Ле-Фортъ доносилъ, между прочимъ, своему двору, что во вторникъ 19-го числа (старый стиль) Его Величество рано утромъ уже былъ на охотѣ, когда въ Петергофъ явился Меншиковъ. Послѣдній остался въ Петергофѣ и далъ балъ, «на которомъ Его Величество былъ недолго, жалуясь на усталость послѣ охоты».... «Въ среду Его Величество провелъ на охотѣ, на ночь пріѣхалъ въ мызу Стрѣльну». (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 493).

Къ ноябрю мѣсяцу 1727 года относится окончательное рѣшеніе молодого Царя избавиться отъ притязаній князя Меншикова относительно женитьбы Государя на дочери бывшаго временщика. Маньянъ писалъ по этому поводу, что Государь категорично и гласно заявилъ о своемъ нежеланіи даже думать о бракѣ. (Тамъ же, т. LXXV, стр. 133). Къ этому же времени относится и увлеченіе Императора своею постоянною спутницею на охотѣ, Великой Княжною Елисаветою Петровною.

32) Съ переѣздомъ Императора въ Москву онъ всецѣло подпадаетъ подъ вліяніе сплавившихъ князя Меншикова въ ссылку князей Долгорукихъ, князя Алексѣя Григорьевича — второго царскаго воспитателя,—и сына его, князя Ивана Алексѣевича, который вскорѣ пріобрѣлъ глубокую привязанность юнаго Царя и сталъ его фаворитомъ. Главнымъ средствомъ, при посредствѣ котораго князья Долгорукіе пріобрѣли огромное вліяніе на Императора, была охота. Князь Алексѣй Григорьевичъ «созидалъ свое благополучіе на псовыхъ охотахъ». (Русск. Арх., 1863 г., стр. 30). Фаворитъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, былъ, по словамъ Кантемира, «на ловлѣ съ младенчества воспитанъ съ псарями». (Соловьевъ, т. XIX, стр. 285).

Въ донесеніи чугуевскаго казака Кузьмина «о разныхъ дерзновенныхъ, непристойныхъ, возмутительныхъ, измѣнническихъ и воровскихъ дѣлахъ», гдѣ обвинялись разные люди въ поношеніи чести князей Долгорукихъ и самого Государя, между прочимъ, приводилось слышанное Кузьминымъ отъ нѣкоторыхъ лицъ выражаніе: «У князя Алексѣя Долгорукова много собакъ; Долгорукіе и Государя пріучили къ нимъ до того, что онъ самъ мѣшаетъ въ корытѣ собакамъ». (Арсеньевъ, стр. 146).

«Чтобы удалить Государя отъ докучливыхъ представленій Остермана и избавить его отъ неизбѣжныхъ встрѣчъ съ членами Верховнаго Совѣта и съ почетнѣйшими царедворцами, князь Алексѣй Григорьевичъ сталъ часто увозить его изъ Москвы и, забавляя его охотою въ лѣсныхъ дачахъ подмосковныхъ, продолжалъ отсутствіе изъ столицы на нѣсколько дней и нерѣдко на цѣлыя недѣли. Петръ II до такой степени пристрастился къ охотѣ, что, бѣгая или разъѣзжая по лѣсу съ ранняго утра до поздняго вечера, онъ часто проводилъ и ночи подъ открытымъ небомъ въ раскинутыхъ нарочно шатрахъ по опушкѣ лѣса; часъ обѣда и глубокая ночь были единственнымъ временемъ для его отдохновенія. По окончаніи охотничьихъ разъѣздовъ Императоръ со всею свитою своею пріѣзжалъ въ село Горенки, принадлежавшее князю Долгорукову и служившее обыкновеннымъ сборнымъ мѣстомъ всей охотничей компаніи, которая всегда состояла

только изъ родственниковъ и искреннихъ друзей Долгоруковской фамиліи; въ этомъ искренномъ кругу, за роскошнымъ и шумнымъ обѣдомъ, веселили Государя похвалами его ловкости и искусству въ стрѣльбѣ, перечисляли удачи и радовали новыми планами новыхъ поѣздокъ; о дѣлахъ государственныхъ, о высокихъ обязанностяхъ царственныхъ не было и помина; Императоръ, истощая физическія свои силы въ утомительныхъ прогулкахъ, не имѣлъ ни охоты, ни возможности развивать силы умственныя и усовершать свой разумъ ученіемъ и науками». (Арсеньевъ, стр. 102).

Кн. А. Д. Меншиковъ, съ гравюры И. Симонъ.

33) 23 числа Сентября же мѣсяца тотъ же Ле-Фортъ писалъ: «Такъ какъ Его Величество большой любитель охоты, онъ мнѣ подарилъ сегодня утромъ бедро лося, убитаго имъ недавно въ Петергофѣ». (Сборн. Русск. Ист. Общ., т. III, стр. 496).

Того же числа французскій повѣренный по дѣламъ при Русскомъ Дворѣ Маньянъ доносилъ своему Министерству: «Молодой Царь, еще не видѣвшій своей столицы Москвы, высказываетъ желаніе увидѣть ее; нужно думать, что зарождающаяся въ этомъ Государѣ страсть къ охотѣ заставитъ его найти пребываніе въ Москвѣ гораздо пріятнѣе и удобнѣе для охоты, чѣмъ жизнь въ Петербургѣ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 84).

Въ началѣ января 1728 года Императоръ предпринялъ путешествіе въ Новгородъ, вѣроятно, съ цѣлью поохотиться въ новыхъ мѣстахъ. 11 числа этого мѣсяца онъ пріѣхалъ въ Новгородъ и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ С.-Петербургъ. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1728 года, №№ 5 и 6).

16 января 1728 года Его Величество, «со всѣмъ Гофъ-штатомъ», предпринялъ путешествіе въ Москву. (Тамъ же, № 7).

22 февраля—4 марта 1728 года Ле-Фортъ доносилъ изъ Москвы своему Министерству: «Здѣсь было публиковано, кто станетъ поговаривать о возвращеніи Двора въ Петербургъ, будетъ битъ нещадно кнутомъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, стр. 302).

34) Въ запискахъ Испанскаго посла при Русскомъ Дворѣ, Герцога де-Лирія, читаемъ: «Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей, а страстно любитъ псовую охоту. Здѣсь въ Петербургѣ негдѣ охотиться; но въ Москвѣ очень можно, почему никто не сомнѣвается, что, переѣхавъ туда одинъ разъ, онъ едва ли возвратится сюда, и причины, для сего приводимыя, кажутся мнѣ не неосновательными». Къ тому же приближенные выхваляли Императору московскій климатъ и множество дичи въ окрестностяхъ первопрестольной столицы. (Записки де-Лирія, стр. 13).

По свидѣтельству Нащокина, молодого Императора приближенные люди почти безпрерывно увозили на охоту «и тако Государя отъ всѣхъ удалили, что не всегда было можно его видѣть, и Его Императорское Величество, со псовою охотою, того жъ (1727) году осень продолжать себя изволили въ С.-Петербургѣ въ угодныхъ мѣстахъ для оной псовой охоты». (Нащокинъ, стр. 30).

35) 17-го числа того же мѣсяца Государь прибылъ въ одну изъ вотчинъ князя Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго, отстоявшую отъ С.-Петербурга въ 40 верстахъ, «а понеже тамошнія мѣста натурою и разными художествы зѣло украшены и ко всѣмъ веселіямъ весьма угодны», то Императоръ, оставшись до 21-го числа, «тамо забавлялся». (Тамъ же, № 8).

Продолжая путешествіе, Петръ Алексѣевичъ простудился и заболѣлъ корью, будучи по-этому принужденъ на двѣ недѣли остановиться въ Твери. (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 150).

Отъ болѣзни этой Императоръ, благодаря крѣпкой своей натурѣ, поправился довольно скоро. 3 февраля онъ, повидимому, былъ уже совершенно здоровъ и, откладывая со дня на день свой торжественный въѣздъ въ Москву, «пять верстъ оттуда во Всесвяцкомъ по нынѣ забавляться изволитъ». (С.-Петербург. Вѣдом. 1728 года, № 10).

Торжественный въѣздъ Государя въ Москву состоялся 5 февраля. (Тамъ же, № 12). Манштейнъ этотъ день помѣчаетъ 15 февраля, то-есть по старому стилю 4 февраля. (Манштейнъ, стр. II).

25 февраля 1728 года отпраздновано было торжество коронаціи Императора. (С.-Петербург. Вѣдом. 1728 года, № 18).

[36]) 1—12 апрѣля того же года Герцогъ де-Лирія писалъ изъ Москвы въ Испанію маркизу Санта-Крусъ, что Царь каждый день ѣздитъ на охоту въ окрестности города. («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 63).

Около этого же времени Петръ Алексѣевичъ было заболѣлъ какою-то болѣзнью; но 8—19 апрѣля де-Лирія опять пишетъ тому же лицу, что Царь продолжаетъ каждый день ѣздить на охоты. (Тамъ же, стр. 64).

4—15 того же апрѣля Маньянъ доносилъ своему министерству: «Недѣлю тому назадъ здѣсь были въ нѣкоторомъ безпокойствѣ относительно здоровья молодого Царя, по причинѣ бывшаго у него приступа болѣзни, въ которомъ врачи думали сначала признать симптомы оспы, что заставило очень тщательно избѣгать того, чтобъ общество не узнало о положеніи этого Государя. Сегодня говорятъ, что это была лишь простуда, полученная Государемъ вслѣдствіе охоты въ дурную погоду». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 175).

Въ тотъ же день де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Теперь мы пользуемся хорошей погодой..... Царь все лѣто проведетъ въ развлеченіи охотой, для каковой цѣли приготовили различныя дачи, въ которыхъ онъ будетъ жить попеременно». («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 66).

23 апрѣля 1728 года Императоръ провелъ на охотѣ. (Тамъ же, стр. 70).

Въ Дневникѣ Малороссійскаго Генеральнаго Подскарбія Марковича подъ 25-мъ числомъ того же апрѣля мѣсяца читаемъ: «Его Величество изволилъ поѣхать въ околичныя мѣста съ охотою». (Марковичъ, т. I, стр. 277).

Въ концѣ того же апрѣля мѣсяца Императоръ охотился гдѣ-то въ окрестностяхъ Москвы, въ разстояніи 12 миль отъ города. Объ этой охотѣ Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Принцесса Елисавета сопровождаетъ Царя въ его охотѣ, оставивши здѣсь всѣхъ своихъ иностранныхъ слугъ и взявши съ собою только одну Русскую даму и двухъ Русскихъ служанокъ». («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 71).

29 апрѣля 1728 года въ С.-Петербургскія Вѣдомости сообщалось изъ Москвы: «Его Императорское Величество тридцать верстъ оттуда на ловляхъ забавляться изволитъ, откуда Его Величество вскорѣ паки назадъ въ Москву ожидается». (С.-Петерб. Вѣдом. 1728 года, № 37).

[37]) Собаки выписывались, между прочимъ, и изъ Курляндіи. Такъ въ 1728 году тогдашняя Герцогиня Курляндская Анна Іоанновна писала изъ Митавы къ любимой сестрѣ Императора Великой Княжнѣ Наталіи Алексѣевнѣ: «Доношу Вашему Высочеству, что нѣсколько собакъ сыскано какъ для Его Величества, такъ и для Вашего Высочества, а прежде августа послать невозможно: охотники сказываютъ, что испортить можно, ежели въ нынѣшнее время послать. И прошу Ваше Высочество донести Государю братцу о собакахъ, что сысканы, и еще буду стараться». (Соловьевъ, т. XIII, стр. 161).

18—29 ноября того же года Ле-Фортъ доносилъ своему двору: «Въ прошлую среду Остерманъ долженъ былъ сопровождать Царя на охоту»..... «Сегодня пополудни Царю захотѣлось верхомъ поохотиться за волкомъ, посаженнымъ въ саду. Волкъ не умѣлъ отличить любимой царской собаки, схватилъ ее за уши и такъ потрясъ, что Царь хотѣлъ спрыгнуть съ лошади и спасти свою собаку; но его удержали». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. III, стр. 509).

15 марта 1728 года Ле-Фортъ доносилъ своему Государю: «Князь Василій Долгорукій сказалъ, что Царю такъ много хвалили охоту Вашего Королевскаго Величества, что Царь, какъ самъ далъ замѣтить, былъ бы очень доволенъ получить въ подарокъ отъ Вашего Величества нѣсколько гончихъ собакъ и хотя одного, другого хорошаго охотника. Я обѣщалъ имъ объ этомъ доложить Вашему Величеству». (Тамъ же, стр. 304).

[38]) Подъ 14—25 октября того же года читаемъ въ запискахъ Герцога де-Лирія: «Я представилъ Царю двухъ борзыхъ собакъ, конхъ нарочно выписалъ изъ Англіи, и Его Величество былъ такъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоцѣнность. Въ тотъ же день онъ поѣхалъ опять за городъ, сказавъ, что воротится не прежде, какъ выпадетъ первый снѣгъ. (Записки Дюка де-Лирія, стр. 42).

[39]) Въ началѣ 1728 года Герцогъ де-Лирія писалъ въ Испанію: «Января 12 (новый стиль): разница со старымъ въ то время 11 дней), въ новый годъ по старому стилю, я поднесъ Царю очень хорошее ружье, работы Діега Искюбеля, которое ему очень понравилось, и когда я пріѣхалъ во дворецъ съ поздравленіемъ, то онъ приказалъ мнѣ остаться обѣдать съ нимъ: милость, каковой онъ не оказывалъ ни одному иностранному послу». (Записки де-Лирія, стр. 20).

1—12 марта Герцогъ де-Лирія писалъ изъ Москвы въ Испанію маркизу Санта-Крусъ, что въ этотъ день Императоръ Петръ II прислалъ ему застрѣленныхъ кабана и оленя. По оленю прислалъ Государь также всѣмъ иностраннымъ министрамъ, исключая Шведскаго. («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 56).

[40]) О первомъ времени пребыванія Петра Алексѣевича въ Москвѣ находимъ слѣдующее свидѣтельство историка его царствованія: «Государь являлся повсюду, и повсюду встрѣчаемъ

былъ со изъявленіями необыкновенныхъ искреннихъ восторговъ; красивая наружность, величественный станъ, здоровое тѣлосложеніе и умная физіогномія Императора радовали Русскихъ и казались имъ вѣрными залогами продолжительнаго и прочнаго счастья Россіи». (Арсеньевъ, стр. 100).

[41]) 11 Марта 1728 года Императоръ, жившій до того времени въ Кремлѣ, переѣхалъ вмѣстѣ со своею любимою сестрою, Великою Княжною Наталіей Алексѣевной, въ Лефортово. (С.-Петерб. Вѣдом., № 22 — 1728 года).

Одною изъ причинъ подобнаго переселенія было сильно разстроившееся къ тому времени здоровье Великой Княжны Наталіи Алексѣевны. По свидѣтельству Іоанна Ле-Форта обнаружившіеся тогда у сестры Императора признаки чахотки были не что иное, какъ «плодъ нездороваго помѣщенія въ Кремлѣ и прогулокъ, которыя она принуждена была предпринимать для доставленія удовольствія своему брату». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, стр. 310).

[42]) 2 мая 1728 года въ С.-Петербургскія Вѣдомости писали изъ Москвы: «Изволитъ Его Императорское Величество, Всемилостивѣйшій нашъ Государь, на ловляхъ девяносто верстъ отъ Москвы забавляться». (С.-Петерб. Вѣдом. 1728 года, № 38).

Подъ 6 мая того же года читаемъ въ Дневникѣ Марковича: «Его Величество изволилъ назадъ повернуться съ охоты своей въ Москву». (Марковичъ, т. I, стр. 278).

Вѣроятно, въ этотъ день Императоръ пріѣхалъ въ Москву на весьма непродолжительное время, не оповѣстивъ даже о своемъ возвращеніи, и снова уѣхалъ на охоту. По крайней мѣрѣ въ тотъ же день, 6—17 мая, Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь еще не возвращался съ охоты», а 13—24 мая: «Этотъ Монархъ еще не возвратился съ охоты, такъ что Герцогиня Курляндская (будущая Императрица Анна Іоанновна), уставъ ждать его, чтобы проститься съ нимъ, три дня тому назадъ сама отправилась искать его, чтобы послѣдній разъ поцѣловать Его Величество, и тотчасъ же возвратиться въ свою резиденцію, въ Митаву». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 72).

20—31 мая Герцогъ де-Лирія писалъ тому же лицу: «Царь воротился съ охоты дня на два и послѣ завтра уѣзжаетъ опять». (Тамъ же, стр. 74).

Въ письмѣ того же лица отъ 27 мая—7 іюня читаемъ: «Получено донесеніе о смерти Герцогини Голштинской, принцессы красивѣйшей въ Европѣ. Но это отнюдь не заставило Царя отложить поѣздку на охоту въ окрестности, хотя и безъ принцессы Елисаветы, которая осталась въ городѣ по случаю траура по сестрѣ». (Тамъ же, стр. 80).

3—14 іюня Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь еще не возвратился съ охоты, но надѣются, что воротится на этой недѣлѣ». (Тамъ же, стр. 81).

9 Іюня 1728 года Герцогъ де-Лирія получилъ приглашеніе пріѣхать къ Императору по мѣсту его нахожденія въ Подмосковныя мѣста. «Я очень былъ доволенъ симъ знакомъ милости», — пишетъ Испанскій посолъ, — «потому, что никому не давалось позволенія видѣть Его Величество, когда онъ занимался охотою съ избраннымъ обществомъ». (Записки Дюка де-Лирія, стр. 35).

10—21 іюня 1728 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Этотъ Монархъ еще не возвратился въ городъ, но надѣюсь, что возвратится на этихъ дняхъ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 83).

Подъ 16-мъ числомъ того же іюня мѣсяца читаемъ въ Дневникѣ Марковича: «Его Величество пріѣхалъ съ охоты въ Москву и кушалъ у посла Гишпанскаго». (Марковичъ, т. I, стр. 282).

Въ этотъ день Испанскій посолъ, Герцогъ де-Лирія, устроилъ праздникъ по случаю двойного бракосочетанія: Испанскаго наслѣднаго принца съ Португальской инфантой и Испанской инфанты съ принцемъ Бразильскимъ. На праздникѣ этомъ, кромѣ Императора, присутствовали Великія Княжны Наталія Алексѣевна и Елисавета Петровна, а также Герцогиня Меклембургская. («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 85).

О препровожденіи времени Императора во вторую половину іюня и въ теченіе іюля мѣсяцевъ 1728 года мы знаемъ немного: 9 іюля былъ устроенъ фейерверкъ у дворца Монаршаго. (Марковичъ, т. I, стр. 283), а 11 іюля Царь возвратился въ Москву съ охоты по случаю рожденія своей сестры (Великая Княжна Наталія Алексѣевна родилась 12 іюля 1714 года). (Записки Дюка де-Лирія, стр. 36).

30 іюля Императоръ ѣздилъ въ Новодѣвичій монастырь поздравить съ днемъ рожденія царицу Евдокію Ѳеодоровну. (Марковичъ, т. I, стр. 290).

5—16 августа 1728 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Чтобы ослабить въ Царѣ необузданную страсть, которую онъ имѣетъ къ охотѣ, и въ то же время дать ему нѣкоторое понятіе о томъ, что такое войско, думаютъ устроить маневры въ окрестностяхъ города, впрочемъ, этого еще не рѣшили. («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 103).

7-го того же августа состоявшій при Англійскомъ Консульствѣ Клавдій Рондо писалъ на родину, въ Англію, неизвѣстному лицу: «Теперь въ большомъ почетѣ Царевна Елисавета Петровна,

сестра покойной Герцогини Голштинской. Она очень красива и, кажется, любитъ все, что Государю по нраву: танцы и охоту. Охота—господствующая страсть Царя»; «о нѣкоторыхъ другихъ страстяхъ его упоминать неудобно». Пока Елисавета Петровна, повидимому, въ государственныя дѣла не мѣшается, вполнѣ отдаваясь веселію, всюду неотлучно слѣдуя за молодымъ Государемъ. Но особенно расположеніемъ Государя въ настоящее время пользуется князь Долгорукій, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати. Съ нимъ Государь проводитъ дни и ночи, онъ единственный участникъ всѣхъ очень частыхъ, разгульныхъ похожденій Императора». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 4).

12—23 августа 1728 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Завтра Царь пріѣдетъ съ охоты въ эту столицу», а 19—30 августа: «Царь все еще на охотѣ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 103 и 105).

27 того же августа Императоръ отправился на охоту за городъ, при чемъ ходили слухи, что вернется онъ въ Москву не ранѣе, какъ черезъ пять недѣль. (Записки Дюка де-Лирія, стр. 40).

2 сентября 1728 года Герцогъ де-Лирія имѣлъ разговоръ съ фаворитомъ, княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, о томъ, когда можно ожидать возвращенія Государя въ С.-Петербургъ. Фаворитъ сказалъ Испанскому послу, «что уже два раза говорилъ объ этомъ съ Его Царскимъ Величествомъ, что онъ надѣется, что зимою мы возвратимся туда, и что до того времени онъ не надѣется устроить этого, потому что пока еще можно охотиться здѣсь, нельзя сильно настаивать на этомъ; но какъ скоро охотиться будетъ нельзя, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы отправиться туда съ первымъ же снѣгомъ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 107).

Того же числа Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Черезъ нѣсколько дней Царь отправится въ ближайшія мѣстности на охоту недѣль на шесть и не возвратится сюда, пока не заставитъ его сдѣлать это дурная погода и недостатокъ дичи». (Тамъ же, стр. 108).

7 сентября 1728 года Марковичъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ: «Его Величество поѣхалъ на охоту» (Марковичъ, т. I, стр. 293), а 9—20 сентября Герцогъ де-Лирія писалъ: «Третьяго дня Царь уѣхалъ на охоту и не возвратится до 21 (10) октября, чтобы 23 (12) октября праздновать день своего рожденія». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 109).

11 сентября 1728 года Клавдій Рондо писалъ въ Англію къ лорду Таунсенду изъ С.-Петербурга: «Ходятъ слухи, будто Его Величество вскорѣ отправится на охоту къ Смоленску и пробудетъ тамъ мѣсяца два»; а 19 сентября: «Царь думаетъ исключительно о развлеченіяхъ и охотѣ, а сановники о томъ, какъ бы сгубить одинъ другаго». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 14 и 19).

19 же сентября въ С.-Петербургскія Вѣдомости писали изъ Москвы, что Императоръ проводитъ время внѣ города, «увеселяя себя послѣднимъ пріятнымъ осеннимъ воздухомъ». (С.-Петерб. Вѣдом. 1728 года, № 77).

23 сентября того же года Маньянъ доносилъ Французскому Министерству Иностранныхъ дѣлъ: «Холодность Царя къ Принцессѣ Елисаветѣ растетъ со дня на день. Этотъ Государь не пожелалъ, чтобы она отправилась съ нимъ въ село Измайлово, несмотря на ея сильныя просьбы». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 241).

30 сентября—11 октября 1728 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Я только что получилъ извѣстіе, что Царь возвратится въ городъ дня черезъ три или четыре». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 113).

6 октября Марковичъ помѣтилъ въ своемъ Дневникѣ, что Императоръ «недавно съ охоты пріѣхалъ». (Марковичъ, т. I, стр. 295).

7—18 октября 1728 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь, впрочемъ, опять уѣдетъ скоро въ деревню и воротится для празднованія дня своего рожденія 23 (12) октября». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 114).

[43]) 21 октября—1 ноября того же года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Этотъ Государь еще не воротился съ охоты и, говорятъ, не возвратится, пока погода не помѣшаетъ совершенно этому развлеченію». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 117).

28 октября—8 ноября тотъ же корреспондентъ писалъ тому же лицу: «Надѣемся, что Царь скоро вернется въ городъ, къ этому, вѣрно, его побудитъ наступившая дурная погода; вотъ уже три дня идетъ снѣгъ и морозитъ, хотя и не особенно сильно; не сомнѣваюсь, что онъ пріѣдетъ по крайней мѣрѣ въ воскресенье, потому что въ понедѣльникъ графъ Вратиславскій (Цезарскій посолъ) думаетъ дать свой праздникъ въ честь Императора». (Тамъ же, стр. 118).

Праздникъ, задуманный графомъ Вратиславскимъ, былъ однако отложенъ, потому что къ этому дню Императоръ съ охоты еще не вернулся. (Тамъ же, стр. 119).

[44]) 4—15 ноября 1728 года Герцогъ де-Лирія снова писалъ маркизу Санта-Крусъ: «О возвращеніи въ С.-Петербургъ не говорятъ; самъ Монархъ ни о чемъ болѣе не думаетъ, какъ объ охотѣ». (Тамъ же, стр. 120).

Около того же времени Клавдій Рондо писалъ къ лорду Таунсгенду: «Меня увѣряли, что будто любимецъ Царскій, молодой князь Долгорукій, впалъ въ немилость, и Государь уже нѣсколько дней не допускаетъ его къ себѣ. Разсказываютъ, будто Царевна Наталія Алексѣевна, страдающая чахоткой, нашла, съ помощію барона Остермана, возможность удалить этого молодаго человѣка. Царевна въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ представила брату дурныя послѣдствія, которыхъ слѣдуетъ ожидать и для него самаго, и для народа Русскаго, если онъ и впредь будетъ слѣдовать совѣтамъ молодаго Долгорукова, поддерживающаго и затѣвающаго всякаго рода развратъ. Она прибавила, что и больна отъ горя, которое испытываетъ, видя, какъ Его Величество, пренебрегая дѣломъ, отдается разгулу». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 25).

Бургомистръ г. Амстердама Витсенъ въ 1697 г. приноситъ въ даръ Петру I корабль, которому Петръ даетъ имя «Амстердамъ», съ гр. Маркусъ.

14—25 ноября того же года Ле-Фортъ доносилъ своему двору: «Царь только и участвуетъ въ разговорахъ о собакахъ, лошадяхъ, охотѣ; слушаетъ всякій вздоръ, хочетъ жить въ сельскомъ уединеніи; о чемъ-нибудь другомъ и знать не хочетъ». (Тамъ же, т. V, стр. 316).

22 ноября 1728 года, въ 8 часовъ пополудни, любимая сестра Императора Петра II, Великая Княжна Наталія Алексѣевна скончалась. (С.-Петерб. Вѣдом. 1728 года, № 96 и Марковичъ, стр. 299).

Вскорѣ послѣ смерти Великой Княжны Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсгенду: «Царевна Наталія Алексѣевна, сильный недругъ князя Долгорукова, скончавшаяся 22 (ст. ст.) ноября, чувствуя себя очень плохо, просила брата разстаться съ своимъ любимцемъ, и, желая утѣшить умирающую, Государь обѣщалъ исполнить ея желаніе; но со смертью Царевны онъ измѣнилъ слову и князь теперь въ милости больше, чѣмъ когда-нибудь». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 28).

24 ноября Императоръ снова переѣхалъ изъ Нѣмецкой слободы, изъ Лефортовскаго дворца, въ Кремль. (Марковичъ, ч. I, стр. 300).

[45]) О времяпрепровожденіи Императора Петра Алексѣевича въ теченіе декабря мѣсяца 1728 года свѣдѣній мы не нашли.

3 января 1729 года Петръ Алексѣевичъ, жившій въ послѣднее передъ этимъ числомъ время въ Лефортовскомъ дворцѣ, переѣхалъ на жительство въ Измайловскій дворецъ. Во время пребыванія Императора въ Измайловѣ туда постоянно требовалось крѣпкое Венгерское вино. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

5 января Императоръ провелъ въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ. (Тамъ же).

Съ 8-го по 19-ое числа того же мѣсяца Петръ Алексѣевичъ проживалъ попеременно, то въ Измайловскомъ дворцѣ, то въ Лефортовѣ, посѣщая въ то же время весьма часто Семеновскій потѣшный дворъ. (Тамъ же).

19 января Императоръ присутствовалъ при выносѣ тѣла Великой Княжны Наталіи Алексѣевны. (Тамъ же).

«По совершеніи печальной церемоніи погребенія Великой Княжны, Императоръ началъ, для разсѣянія грусти своей, уѣзжать каждодневно изъ Москвы и, въ сообществѣ князя Алексѣя Долгорукова и дежурнаго камергера, проводилъ остальное время зимы въ селѣ Измайловѣ въ дѣтскихъ забавахъ или совершенной праздности. Жители Москвы могли видѣть Государя ежедневно только тогда, когда онъ, окутанный въ шубу, выходилъ изъ теремовъ царскихъ и, сѣвъ въ сани, мчался въ обычный свой путь». (Арсеньевъ, стр. 105).

«Любившіе отечество»—свидѣтельствуетъ Герцогъ де-Лирія—«приходили въ отчаяніе, видя, что Государь каждый день, поутру, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ Подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгорукимъ, отцомъ фаворита, и дежурнымъ камергеромъ, и остается тамъ цѣлый день, забавляясь какъ ребенокъ и не занимаясь ничѣмъ, что нужно знать Великому Государю». (Записки Дюка де-Лирія, стр. 55).

23 января Императоръ Петръ Алексѣевичъ былъ въ Измайловѣ, 25-го числа—въ Хотунской волости, вѣроятно, на охотѣ; 28-го числа—въ Измайловѣ; 30-го числа—въ Лефортовѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

Къ январю же мѣсяцу 1729 года относится свидѣтельство Герцога де-Лирія о томъ, что когда враждебная князьямъ Долгорукимъ партія искала возможности настоять на возвращеніи Императора въ С.-Петербургъ, то отецъ фаворита, князь Алексѣй Долгорукій, «уговорилъ его ѣхать на охоту на нѣсколько недѣль за пятьдесятъ верстъ отъ Москвы, въ той увѣренности, что при возвращеніи въ Москву начнется уже оттепель, и дорога испортится такъ, что поѣздку должно будетъ отложить до будущей зимы; ибо онъ очень хорошо зналъ, что Царь не выѣдетъ изъ Москвы лѣтомъ, по причинѣ множества дичи въ окрестностяхъ сего города, чего нѣтъ въ Петербургѣ». (Записки Дюка де-Лирія, стр. 50).

[46]) Письмо Герцога де-Лирія маркизу Санто-Крусъ 3—14 февраля 1729 г. («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 156).

[47]) 12 февраля 1729 года Императоръ былъ въ селѣ Измайловѣ; 28-го числа этого мѣсяца въ селѣ Коломенскомъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

3—14 марта 1729 года Герцогъ де-Лирія писалъ въ Испанію: «Третьяго дня Царь уѣхалъ за пятнадцать миль отъ города на охоту, гдѣ пробудетъ недѣли четыре; онъ взялъ съ собою только людей, необходимыхъ для его службы, и оставилъ здѣсь все министерство». («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 161; то же С.-Петерб. Вѣд. 1729 года, № 19).

6 марта «пріѣхали къ Царю во время его охоты» обѣ дочери князя Алексѣя Долгорукаго. (Записки Дюка де-Лирія, стр. 61).

Въ тотъ же день Маньянъ доносилъ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ: «Несмотря на усилія, употреблявшіяся нѣкоторыми изъ Царскихъ министровъ съ цѣлью воспрепятствованія задуманной здѣшнимъ Государемъ поѣздки, онъ уѣхалъ въ прошлую субботу и вернется сюда лишь подъ конецъ поста, намѣреваясь объѣхать, охотясь, родовыя земли Долгорукихъ, что, по мнѣнію многихъ, все болѣе и болѣе доказываетъ преобладающее значеніе этого рода, тѣмъ болѣе что Царскій воспитатель и сынъ его почти одни сопровождаютъ Государя въ этомъ путешествіи». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 324).

[48]) Въ концѣ того же мѣсяца Императоръ забавлялся охотою у села Чашникова, гдѣ проживалъ тогда Александръ Львовичъ Нарышкинъ, большой врагъ всей семьи князей Долгорукихъ. Когда Нарышкину доложили, что у его села охотится Императоръ въ сообществѣ съ князьями Долгорукими, онъ отказался выйти навстрѣчу Царю, за что и былъ сосланъ въ дальнія свои деревни. (Арсеньевъ, стр. 109).

[49]) «У Императора»—писалъ современникъ, адъютантъ фельдмаршала Миниха, Манштейнъ—«была страсть къ охотѣ, но Алексѣй Долгорукій, отецъ любимца, вмѣсто того, чтобы дозволять ему предаваться ей умѣренно, напротивъ, заставлялъ его по цѣлому дню, а иногда и по нѣсколько дней сряду рыскать по полямъ, отчего молодой Государь сильно уставалъ и разгорячался. (Манштейнъ, стр. 11).

«Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій созидалъ свое благополучіе на псовыхъ охотахъ. Охоты эти, несмотря на тогдашнюю бездорожицу, производились за сотни верстъ отъ Москвы. Покойный А. С. Хомяковъ разсказывалъ, по преданію, что Петръ II охотился даже въ Чернскомъ уѣздѣ, и городу Черни дана была похвальная грамота, въ которой упоминалось о водившихся тамъ русакахъ. Вѣрно ли это преданіе—не знаемъ; но, живя зимою 1729 года довольно долгое время въ Тулѣ, Петръ II дѣйствительно могъ охотиться въ Чернскомъ уѣздѣ». (Русск. Арх. 1863 года, стр. 30).

По восшествіи на престолъ Императрицы Анны Іоанновны, въ числѣ обвиненій назначеннаго по Высочайшему повелѣнію суда надъ Долгорукими, указывалось, между прочимъ, на то обстоятельство, «что они отклоняли покойнаго Императора отъ изученія полезныхъ для него наукъ и обогащенія себя свѣдѣніями, необходимыми для управленія, что они разстроили его здоровье частыми поѣздками на охоту и тѣмъ были причиной его преждевременной кончины». (Манштейнъ, стр. 27).

[50]) 8 марта Императору въ походъ отправили три дюжины шампанскаго вина, которое было привезено для этого въ Москву изъ С.-Петербурга. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

10 марта 1729 года Маньянъ доносилъ французскому министерству: «Предполагаютъ, что Царь уѣдетъ на медвѣжью охоту верстъ за шестьдесятъ-восемьдесятъ отъ этой столицы». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 323).

Около этого времени велѣно было крестьянамъ Переяславскаго уѣзда, Ивану Иванову и Авдѣю и Максиму Игнатьевымъ, «къ охотѣ Его Императорскаго Величества обыскивать медвѣдей и другихъ звѣрей». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

17—28 марта Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Черезъ камергеровъ, которые мѣняются при Царѣ каждую недѣлю, мы знаемъ, что Царь здоровъ, но ведетъ безпокойную жизнь на охотѣ, на которую выѣзжаетъ каждый день, не обращая вниманія на погоду, которая еще довольно сурова». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 166).

51) Съ 15 по 20 марта 1729 года Императоръ пробылъ въ Хотунской волости. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

24 марта — 4 апрѣля Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь ссйчасъ воротился въ Москву; его ждали было позже, но онъ поспѣшилъ будто бы потому, что могли испортиться дороги». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 167).

25 марта Императоръ былъ въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ, а 27 числа того же мѣсяца въ селѣ Измайловѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

27 марта — 7 апрѣля Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсгенду: «Его Величество 24 марта прибылъ въ Москву изъ помѣстья князя Долгорукаго, расположеннаго отсюда приблизительно въ пятидесяти англійскихъ миляхъ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 40).

Въ Москвѣ Петръ Алексѣевичъ остановился въ Кремлевскомъ дворцѣ. (С.-Петерб. Вѣд. 1729 года, № 27).

30 марта Императоръ переѣхалъ въ Лефортово, гдѣ и провелъ Пасху. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

52) 7 — 18 апрѣля 1729 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Вчера Царь слегъ въ постель по причинѣ лихорадки; нынѣ онъ чувствуетъ себя лучше, и думаютъ, на слѣдующей недѣлѣ обычнымъ образомъ онъ выѣдетъ на охоту». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 167).

11 апрѣля Іоаннъ Ле-Фортъ доносилъ своему Двору: «Богъ знаетъ, что онъ (Императоръ Петръ II) любитъ; онъ становится ко всему апатиченъ, исключая охоты». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, стр. 324).

18 апрѣля Петръ Алексѣевичъ былъ въ селѣ Измайловѣ; 23 апрѣля — въ селѣ Воскресенскомъ; съ 24-го по 30-ое число того же мѣсяца проводилъ время въ селѣ Коломенскомъ и его окрестностяхъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

21 апрѣля — 2 мая Маньянъ доносилъ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ: «Чтобы именно удержать въ своей власти свое прежнее значеніе, лица изъ рода Долгорукихъ, овладѣвшія особой молодого Монарха, держатъ его вдали отъ столицы, поддерживая въ немъ страсть къ охотѣ, и, какъ говорятъ, Царь отправится теперь въ Ростовъ, за двѣсти верстъ отсюда, чтобы доставить себѣ любимое развлеченіе, и пробудетъ тамъ до конца іюня». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 339).

24 апрѣля — 5 мая 1729 года Датскій посланникъ Вестфаль доносилъ своему королю: «Юный Государь совершенно оправился отъ своей послѣдней болѣзни». (Тамъ же, т. XLVI, стр. 71).

25 апрѣля — 6 мая Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Его Царское Величество отправился на охоту въ окрестности и не возвратится въ городъ въ продолженіе трехъ недѣль» («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 174), а 28 апрѣля — 9 мая: «Царь находится въ двухъ миляхъ отсюда и, полагаютъ, что воротится въ городъ черезъ три дня. Впрочемъ, въ городѣ не останется долго, а отправится на охоту въ другія мѣста». (Тамъ же, стр. 176).

Того же 28 апрѣля — 9 мая Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсгенду: «Царь выѣхалъ отсюда прошлую пятницу въ небольшое, ему лично принадлежащее, село Коломенское, расположенное въ пяти миляхъ отъ Москвы; завтра же предполагалъ прослѣдовать дальше, въ Ростовъ, Ярославль и Вологду. Думаютъ, что онъ не возвратится до конца іюня. Единственная цѣль этой поѣздки — охота. Его Величеству сопутствуютъ очень немногія лица и притомъ никто изъ министровъ; за то съ нимъ ѣдетъ его любимецъ — Долгорукій, который состоитъ при немъ какъ бы главнымъ образомъ для развлеченія». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 43).

Того же 28 апрѣля — 9 мая 1729 года Маньянъ доносилъ своему министерству, что въ прошлую среду въ Нѣмецкой слободѣ, на окраинѣ Москвы, вспыхнулъ громадный пожаръ, привлекшій туда значительное число гвардейскихъ солдатъ, которые, однако, мало думали о томъ, чтобы тушить огонь, а занялись самымъ грубымъ и варварскимъ грабежемъ. «Царь, находившійся въ то время въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, замѣтивъ огонь, пріѣхалъ вскачь». Его присутствіе и личныя распоряженія во многомъ способствовали прекращенію грабежа. (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 324).

2 мая 1729 года Петръ Алексѣевичъ предпринялъ охотничій походъ къ селу Качалову; 4 мая — къ селу Волынскому; 6 мая возвратился въ Лефортовскій дворецъ, а 10 мая также, какъ и 13-го числа того же мѣсяца, ѣздилъ на охоту въ окрестности Москвы черезъ Киржацкій монастырь. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

12 — 23 мая того же года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Шесть дней тому назадъ Царь возвратился въ городъ съ охоты. Завтра Царь направляется опять на охоту къ городу Ростову и не возвратится въ столицу до дня св. Петра». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 178).

19 — 30-го числа того же мѣсяца тотъ же корреспондентъ писалъ: «Шесть дней тому назадъ Царь уѣхалъ на охоту. Съ нимъ поѣхали по прежнему жена и дочери князя Алексѣя Долгорукаго. Всѣ министры Верховнаго Совѣта и другихъ трибуналовъ воспользовались отсутствіемъ Его Царскаго Величества и отправились отдыхать на свои дачи». (Тамъ же).

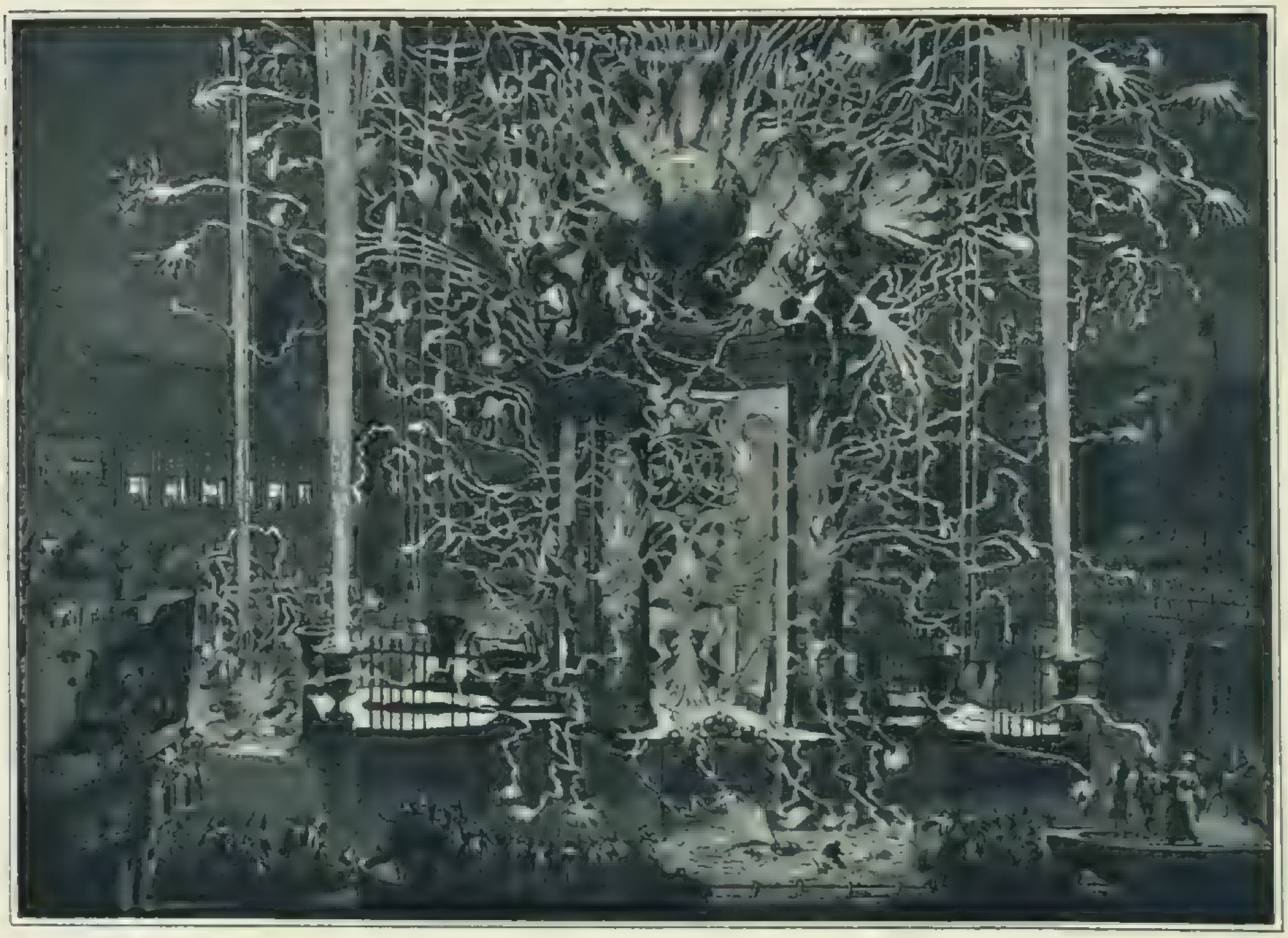
Около 20 мая того же года въ С.-Петербургскія Вѣдомости сообщалось, что Императоръ отправился отъ Москвы къ Ярославлю за 130 верстъ. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1729 года, № 42).

25 мая — 6 іюня Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Ждали, что Царь воротится въ столицу къ Троицѣ, но онъ не пріѣхалъ, несмотря на ужасные дожди и холодъ, испытываемый нами, который министровъ даже заставилъ бросить свои дачи». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 180).

Съ 24 по 31 число мая мѣсяца Императоръ Петръ II провелъ въ окрестностяхъ села Климентова. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

30 мая — 10 іюня Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсенду: «Царь отправился на охоту къ Ярославлю, по Архангельской дорогѣ, гдѣ пробудетъ недѣль пять-шесть». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 50).

4 іюня 1729 года Императоръ былъ въ Троицкомъ монастырѣ, откуда отправился въ Александровскую слободу. Въ этой слободѣ Петра Алексѣевича встрѣчала Августѣйшая хозяйка вотчины, Великая Княжна Елисавета Петровна. 10 Іюня Императоръ былъ въ селѣ Братовщинѣ, откуда въ тотъ же день прибылъ въ Лефортовскій дворецъ. 11 числа того же мѣсяца Царь былъ въ Измайловѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162 и С.-Петербургск. Вѣдом., № 48).



Фейерверкъ въ Амстердамъ на Амстелѣ въ честь Петра I въ 1694 году, съ голландск. грав. того времени.

53) 16 — 27 іюня Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь возвратился въ городъ 23-го (12) числа не по иной причинѣ, какъ потому, что довольно поднявшіеся хлѣба не дозволяютъ больше охотиться». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 182).

26 іюня — 7 іюля Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсенду: «Царь прибылъ сюда 22 (11) іюня, то-есть гораздо раньше, чѣмъ предполагалъ, вѣроятно, съ цѣлью быть въ Москвѣ къ пріѣзду Турецкаго посла, котораго ожидаютъ со дня на день».... «Царь со времени своего возвращенія изъ Ростова до того восхищенъ загородною жизнью, что теперь все время проводитъ

въ лагерѣ, расположенномъ въ миляхъ трехъ или четырехъ отсюда». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 53 и 54).

29 іюня, день своихъ именинъ, Императоръ провелъ въ Москвѣ, въ Кремлевскомъ дворцѣ. (Записки Дюка де-Лирія, стр. 62).

1 іюля 1729 года Петръ Алексѣевичъ былъ въ селѣ Коломенскомъ, 3 іюля въ Слободскомъ дворцѣ и время съ 7-го по 31-ое число того же мѣсяца проводилъ въ селѣ Коломенскомъ, часто выѣзжая на охоту въ окрестности. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

5 — 16 іюля Англійскій Консулъ Чардъ писалъ лорду Таунсгенду: «Вблизи Государя нѣтъ ни одного человѣка, способнаго внушить ему надлежащія необходимыя свѣдѣнія по государственному управленію; ни малѣйшая доля его досуговъ не посвящается совершенствованію въ познаніяхъ гражданской или военной дисциплины. Часы, свободные отъ верховой ѣзды, охоты, развлеченій, проходятъ въ слушаніи пустыхъ розсказней, что случилось съ такимъ-то и такимъ-то. Природа, правда, его не обидѣла, но и лучшая почва останется безплодною, если къ ея обработкѣ не приложить хотя нѣкотораго труда». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 56).

7 — 18 іюля того же года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь вчера уѣхалъ на охоту за двѣ мили отъ города и, говорятъ, скоро воротится». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 190).

С.-Петербургскія Вѣдомости сообщали, что Императоръ отправился 8 іюля 1729 года «для увеселенія въ монастырь св. Ерусалима», откуда не возвратился въ Москву еще и 17-го числа того же мѣсяца. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1729 года, № 59).

21 іюля — 1 августа Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Здѣшній Государь все развлекается охотой. Прошлые дни на охоту съ Царемъ былъ приглашенъ графъ Вратиславскій, третьяго дня онъ отправился туда съ посланникомъ Бланкенбурга, и воротились они вчера вечеромъ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 190).

24 іюля — 4 августа Маньянъ доносилъ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ, что графъ Вратиславъ уже давно и сильно стремился попасть на охоту къ Императору. «Этотъ Министръ, наконецъ, добился разрѣшенія сопутствовать Царю, но не могъ извлечь изъ этой поѣздки того, на что надѣялся, то-есть бесѣды съ Царемъ наединѣ, потому что этотъ Государь не пожелалъ говорить съ нимъ иначе, какъ въ присутствіи своихъ фаворитовъ и притомъ на русскомъ языкѣ». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. LXXV, стр. 364).

28 іюля — 8 августа Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь все наслаждается охотою, несмотря на непостояннѣйшее время, которое длится вотъ уже семь недѣль. Не проходитъ дня, чтобы не было бури съ громомъ и молніею». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 191).

2 августа 1729 года Императоръ былъ въ селѣ Гренки (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162), а 4-го числа того же мѣсяца отправился въ Коломну. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1729 года, № 64).

Въ этотъ же день, 4 — 15 августа, Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Три дня тому назадъ графъ Вратиславскій и посланникъ Бланкенбурга опять были приглашены на дачу, гдѣ находится Царь. Наслаждаясь цѣлый день охотою, уже ночью они возвратились въ городъ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 192).

6 августа Петръ Алексѣевичъ былъ въ селѣ Волынскомъ, а 8-го числа того же мѣсяца въ селѣ Коломенскомъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

11 — 22 августа Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Царь все еще наслаждается охотою, и говорятъ, что въ концѣ мѣсяца онъ поѣдетъ для этого за четыреста верстъ отъ этого города». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 192).

16 августа Императоръ былъ въ селѣ Волынскомъ, 18 августа въ селѣ Хотунѣ, 22 августа въ селѣ Измайловѣ, съ 23 по 31 августа въ селѣ Коломенскомъ и его окрестностяхъ (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162), откуда 30 августа пріѣзжалъ въ Москву на кавалерскій праздникъ ордена св. Александра Невскаго и гдѣ провелъ лишь часть дня, отправившись къ вечеру на охоту; 1 сентября онъ былъ снова на охотѣ со всѣми князьями Долгорукими (Записки Дюка де-Лирія, стр. 63); 3-го же сентября былъ въ Хотунѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

[54]) 8 — 19 сентября Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсгенду: «Его Царское Величество находится въ вожделѣнномъ здравіи. 7 сентября онъ выѣхалъ въ Хотимскъ (Хотьковъ), мѣсто, лежащее приблизительно въ восьмидесяти миляхъ отсюда по Украинской дорогѣ. Тамъ онъ думаетъ охотиться до 12 октября. (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XVI, стр. 95).

8 же сентября въ С.-Петербургскія Вѣдомости сообщалось, что Его Величество отправился въ «Каттуну», за 90 верстъ отъ Москвы. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1729 года, № 73).

Того же 8 — 19 сентября Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Третьяго дня Царь отправился на охоту въ «Sathuna» (?), за двадцать миль отсюда и проживетъ тамъ до 23 (12) октября, дня своего рожденія, по крайней мѣрѣ если снѣгъ не заставитъ его возвратиться скорѣе. («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 194).

На эту охоту съ Петромъ Алексѣевичемъ выѣхало только семейство князей Долгорукихъ и дежурный камергеръ (Арсеньевъ, ст. 112), и въ эту же поѣздку, продолжавшуюся до 9 ноября, Императоръ изъявилъ свое согласіе вступить въ бракъ съ дочерью князя Алексѣя Долгорукаго, княжною Екатериною Алексѣевною. (Тамъ же, стр. 113).

Съ 12 по 17 сентября 1729 года Петръ Алексѣевичъ пробылъ въ селѣ Хотунѣ, а 25-го числа того же мѣсяца былъ въ Серпуховѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

Во время этого отъѣзжаго поля Императора сопровождалъ, въ качествѣ дежурнаго камергера, князь Семенъ Дмитріевичъ Голицынъ, бывшій до сентября 1727 года посланникомъ въ Испаніи. Князь Голицынъ сразу заслужилъ полное къ себѣ довѣріе Государя, но сближеніе это сильно пришлось не по вкусу князьямъ Долгорукимъ, которые, приложивъ къ тому всѣ свои старанія, добились отправленія князя Голицына, въ сентябрѣ же мѣсяцѣ 1729 года, посломъ нашимъ въ Берлинъ. (Арсеньевъ, стр. 130).

[55]) 1 октября 1729 года Императоръ былъ въ Скопинѣ, 2 октября въ селѣ Лимоновѣ Александровскаго уѣзда, 8-го и 9-го чиселъ того же мѣсяца совершалъ походъ къ городу Тулѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

6—17 октября Ле-Фортъ доносилъ своему Двору: «Теперь Его Величество находится за 180 верстъ отсюда на охотѣ за куропатками. Думаютъ, что онъ отправился бы далѣе, если бы время благопріятствовало охотѣ; потому сомнѣваются будетъ ли онъ здѣсь на 23 (12) число, день его рожденія». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, стр. 330).

9 октября сообщалось изъ Москвы въ С.-Петербургскія Вѣдомости, что Его Величество находится за двѣсти верстъ отъ Москвы, вблизи города Тулы. (С.-Петербургскія Вѣдомости 1729 года, № 80).

13—24 октября Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ, что Императоръ не вернулся въ Москву ко дню своего рожденія и что причину подобнаго обстоятельства онъ, Герцогъ, видитъ въ томъ, что князь Алексѣй Долгорукій ревнуетъ его ко всѣмъ и стремится во что бы то ни стало женить Государя на одной изъ своихъ дочерей, для чего «таскаетъ послѣднихъ на всѣ охотничьи экскурсіи». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 197 и 198).

Въ тотъ же день, 13—24 октября, Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсгенду: «Его Величество до того увлекается охотою, что находится теперь въ 135 миляхъ отъ Москвы и не пріѣхалъ сюда ко дню своего рожденія, хотя его и ожидали. Это дало поводъ слуху», будто князья Долгорукіе устраиваютъ бракъ Царя на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 102).

16—27 октября Ле-Фортъ доносилъ своему Двору: «Съ тѣхъ поръ, какъ Его Величество уѣхалъ отсюда, считаютъ, что затравлено 4000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 рысей, 3 медвѣдя и множество дичи. Его свора состоитъ изъ 200 гончихъ собакъ и 420 борзыхъ. Не думаютъ, чтобы этотъ Монархъ скоро возвратился въ столицу». (Тамъ же, т. V, стр. 331).

17—28 ноября Ле-Фортъ доносилъ своему Двору: «Во время охоты Царь два раза подвергался опасности, угрожавшей жизни; однажды огромный медвѣдь такъ близко подошелъ къ нему, что, не случись бы тутъ охотника, выстрѣлившаго по немъ, онъ бы бросился на Царя». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, стр. 333).

[56]) 24 октября Императоръ былъ у города Коломны (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162), а изъ Коломны долженъ былъ направиться къ Москвѣ. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1729 года, № 89).

27 Октября—7 Ноября Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Ждутъ возвращенія Царя на слѣдующей недѣлѣ, къ чему его побудитъ начавшееся дурное время: вотъ уже четвертый день идетъ снѣгъ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 198).

28 октября Императоръ былъ въ Зарайскѣ, 30 октября въ селѣ Коломенскомъ, 7 ноября въ селѣ Гуслицахъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

9 ноября 1729 года Государь Петръ Алексѣевичъ, окончивъ свой продолжительный охотничій походъ, вернулся въ Москву. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1729 года, № 91; Сборн. Русск. Истор. Общ., т. V, стр. 332).

[57]) 10—21 ноября, Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Вчера Царь возвратился съ охоты». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 199).

20 ноября Императоръ былъ въ Головинскомъ дворцѣ, откуда скоро переѣхалъ во дворецъ слободской, гдѣ и жилъ въ теченіе декабря мѣсяца, уѣзжая по временамъ въ ближайшія окрестности Москвы. Такъ, 3 декабря онъ былъ въ селѣ Измайловѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 42, д. № 162).

30 ноября было отпраздновано обрученіе Царя съ княжною Екатериною Алексѣевной Долгорукой. Со дня обрученія высоконареченные были неразлучны, проводя время постоянно вмѣстѣ или въ Лефортовскомъ (слободскомъ) дворцѣ, гдѣ жилъ Императоръ, или въ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ князь Алексѣй Долгорукій съ дочерью. Это сближеніе молодого Царя съ невѣстою происходило, повидимому, совершенно безъ участія въ ловкой интригѣ куртизана-отца самой

высоконарѣченной невѣсты, питавшей въ это время нѣжныя чувства къ одному изъ кавалеровъ Цезарскаго посольства, къ графу Милезимо. (Арсеньевъ, стр. 128—130).

[58]) Во второй половинѣ декабря 1729 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «28 (17) декабря былъ день рожденія принцессы Елизаветы, и хотя Ея Высочество приглашала Царя провести этотъ день въ ея домѣ и обѣдать у нея, Его Царское Величество утромъ этого дня уѣхалъ на медвѣдей и возвратился въ городъ только на слѣдующій день». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 206).

29 декабря—9 января Клавдій Рондо писалъ лорду Таунсенду: «Его Царское Величество, пользуясь прекраснымъ здоровьемъ, почти ежедневно развлекается охотою». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XLVI, стр. 117).

5—16 января 1730 года Герцогъ де-Лирія писалъ маркизу Санта-Крусъ: «Здѣшній Государь здоровъ, и три дня тому назадъ онъ отправился за 15 миль отъ города на охоту, съ которой возвратился нынѣшнею ночью». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 210).

[59]) 6 января 1730 года, въ день Богоявленія Господня, Императоръ, «стоя на запяткахъ саней невѣсты своей, выѣхалъ большимъ поѣздомъ на водосвятіе». На дворѣ стоялъ жестокій

Празднество въ Вѣнѣ въ честь Великаго посольства 1698 года, съ оформа того времени.

морозъ, несмотря на который Государь Петръ Алексѣевичъ простоялъ все время церковной службы на Іордани съ непокрытой головой, отчего и подвергнулся чрезвычайно сильной простудѣ. 17 января врачи констатировали у Императора натуральную оспу. Вскорѣ болѣзнь облегчилась, оспа стала высыпать наружу, и дѣло было пошло на выздоровленіе, но «отъ неразумѣнія врачей, частью отъ его собственной неосторожности», выразившейся тѣмъ, что юный Государь открылъ окно и сѣлъ у него,—болѣзнь осложнилась, оспа снова скрылась, послѣдовало полное ухудшеніе, а затѣмъ, въ половинѣ второго часа утра, въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года, Императоръ Петръ II Алексѣевичъ отошелъ на вѣчный покой. (Арсеньевъ, стр. 131—134, Манштейнъ, стр. 17).

[60]) Въ послѣдующее время съ должностью исключительно охотничьяго характера мы встрѣчаемся въ первый разъ въ началѣ 1729 года. Должность эта была егермейстера, занималъ ее, въ чинѣ полковника, Михаилъ Селивановъ (Роспись царской ох. 1729 г., Русск. Арх. 1869 года, № 10, стр. 1679), остававшійся на той же должности и въ 1733 году. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 4—1068). Сколько времени Селивановъ былъ егермейстеромъ мы не знаемъ, но можемъ сказать утвердительно, что въ его время эта должность не была главною въ вѣдомствѣ придворныхъ охотъ, такъ какъ всѣ распоряженія по охотѣ въ царствованіе Императора Петра II исходили отъ знаменитаго Андрея Ивановича Остермана (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 133), а въ началѣ царствованія Анны Іоанновны дѣлами охоты завѣдывалъ Оберъ-Гофмаршалъ Семенъ

Андреевичъ Салтыковъ, при которомъ и «состоялъ» Селивановъ въ качествѣ егермейстера. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 325; Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 4—1068).

Вѣроятно, подобный порядокъ сохранялся до перваго извѣстнаго намъ оберъ-егермейстера Волынскаго.

[61]) Въ 1730 году количество личнаго состава царской охоты значительно уже сократилось, такъ какъ имѣлось налицо: 4 егеря, 2 волторниста, доѣзжачій, комиссаръ, писарь, 15 кречетниковъ, 9 сокольниковъ, 10 ястребниковъ, 2 помытчика, кузнецъ, 10 конюховъ, столяръ, плотникъ, клобучечникъ, колоколешникъ, «изъ охотниковъ, оставшихся у звѣрей» трое, звѣровщикъ; всего разныхъ чиновъ 64 человѣка, вмѣсто 114 человѣкъ, несмотря на то, что въ вышепоименованное число охотниковъ несомнѣнно вошли не только чины охоты Семеновскаго потѣшнаго двора, но и звѣровщики Измайловскаго звѣринца, которыхъ въ числѣ 114 человѣкъ чиновъ охоты Петра II, проживавшей въ Измайловскомъ, не значилось. Однако, къ списку охотниковъ 1730 года приписано: «да сверхъ вышеписаннаго числа французовъ 5, татаръ 6. Для объѣзду звѣринца и рощей стрѣлковъ 3; для объѣзду жъ заповѣдныхъ рощей солдатъ 9». (Письмо Забѣлина). На означенныхъ выше 64 человѣкъ расходовалось въ годъ денегъ 1575 р. 55 к., муки 568 четвертей, крупъ 55 четвер. 4 четверика, мяса 335 пудовъ, соли 65 пудовъ, да французамъ выдавалось ежедневно отъ 1 р. до 50 к. на человѣка, что составляло въ годъ около 1435 р. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 6).

Найденныя нами первыя свѣдѣнія о личномъ составѣ С.-Петербургской охоты относятся къ 1733 году. Въ этомъ же году впервые встрѣчаемся съ должностью оберъ-егеря, каковую должность занималъ въ это время Осипъ Меврель (Мервиль?).

Петербургскихъ охотниковъ было слѣдующее число: а) оберъ-егерь, съ жалованьемъ въ 300 р. въ годъ; б) французовъ (егерей?) 4 человѣка, съ жалованьемъ отъ 240 до 108 р. въ годъ; в) доѣзжачій, также иностранецъ, съ жалованьемъ 80 р. въ годъ; г) писарь, съ жалованьемъ 12 р. въ годъ; д) охотниковъ русскихъ 9 человѣкъ, съ жалованьемъ отъ 12 до 10 р.; е) наварщикъ, съ жалованьемъ въ 6 р.; ж) плотникъ, съ жалованьемъ въ 6 р.; з) 2 конюха, съ тѣмъ же жалованьемъ; всего 20 человѣкъ, которымъ уплачивалось въ годъ 1136 р. Сверхъ того русскимъ выдавалось, взамѣнъ половины слѣдуемаго имъ хлѣбнаго жалованья, 172 р. 80 к.; другая же половина хлѣбнаго жалованья выдавалась натурою ихъ женамъ, оставшимся въ Москвѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 597). Послѣднее обстоятельство заставляетъ предполагать одно изъ двухъ: или 1733 годъ надлежитъ считать годомъ организаціи С.-Петербургской псовой охоты, личный составъ которой былъ пополненъ главнымъ образомъ охотниками, переведенными изъ Москвы и притомъ переведенными настолько спѣшно, что имъ не было времени переселиться въ С.-Петербургъ со своими семействами, или въ 1733 году была вытребована Московская псовая охота изъ села Измайловскаго на извѣстный срокъ.

Отъ слѣдующаго 1734 г. сохранилось два именныхъ списка чиновъ царской охоты: одинъ—относящійся къ Московской птичьей охотѣ, а другой—неизвѣстно къ какому учрежденію, но, по сличеніи фамилій чиновъ, во всякомъ случаѣ не къ той охотѣ, которая была въ 1733 году въ С.-Петербургѣ. При птичьей охотѣ состояли слѣдующіе, съ жалованьемъ въ треть: а) статейщикъ — 6 р. 66⅔ к.; б) комиссаръ — 3 р. 33⅓ к.; в) 19 кречетниковъ — по 3 р. 33⅓ к.; г) 15 сокольниковъ — по 3 р. 33⅓ к.; д) 9 ястребниковъ — 3 р. 33⅓ к.; е) клобучечникъ — 1 р. 66⅔ к.; ж) 2 помытчика — по 2 р. 66⅔ к.; з) столяръ — 2 р.; и) 3 конюха — по 2 р. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 46, д. № 228).

Замѣтимъ кстати, что должность комиссара, впервые упоминаемая въ приведенномъ спискѣ, заключалась «въ завѣдываніи приходомъ и расходомъ какъ денежной казны, такъ и кормовыхъ для охоты припасовъ». (Бытъ Росс. Гос. 1740—1741 г., ч. I, стр. 306). Въ послѣдующіе годы комиссары стояли при каждомъ отдѣльномъ учрежденіи Императорской охоты.

Упомянутый выше второй неизвѣстный списокъ чиновъ охоты, во главѣ котораго стоитъ форштмейстеръ («форштмейстерство» — «знаніе лѣсохранительнаго разумножительнаго обряда» — 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14005) Финкъ, вѣроятно, относится къ Измайловскому звѣринцу, такъ какъ Іоакимъ Гендрикъ Финкъ былъ при этомъ звѣринцѣ егеремъ еще въ 1730 году (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 6) и такъ какъ звѣринцами въ послѣдующіе годы завѣдывали форштмейстеры. По списку этому въ 1734 году, кромѣ Финка, числились слѣдующіе чины, съ жалованьемъ въ треть: а) егерь—30 р.; б) 5 стрѣлковъ—по 3 р. 66⅔ к.; в) 4 звѣровщика—отъ 4 р. до 1 р.; г) кузнецъ — 3 р. 33⅓ к., и д) наварщикъ — 2 р. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 46, д. № 228).

[62]) 25 мая 1730 года, въ бытность свою въ Москвѣ, Императрица Анна Іоанновна переѣхала изъ этой столицы въ село Измайловское «для препровожденія тамо лѣтняго времени» (С.-Петербургск. Вѣдом. 1730 года, № 44), гдѣ, судя по нѣкоторымъ документамъ Московскихъ Архивовъ, нерѣдко занималась охотою въ тамошнемъ звѣринцѣ.

11 іюля того же года Ея Величество пошла на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру, при чемъ на возвратномъ пути изъ монастыря заѣзжала въ гости къ Великой Княжнѣ Елисаветѣ

Петровнѣ, проведя нѣкоторое время въ охотничьемъ ея домикѣ селѣ Царицынскомъ. (Тамъ же, №№ 55 и 57).

Въ теченіе этого лѣта Императрица весьма часто охотилась въ Измайловскомъ звѣринцѣ, вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Бирономъ, била изъ ружей зайцевъ, оленей и тетеревей. (Снегиревъ, стр. 13).

Изъ Измайлова Императрица вернулась въ тотъ годъ въ Москву 17 октября. (С.-Петербургск. Вѣдом., № 86).

25 Іюня 1731 года изъ Москвы сообщалось въ С.-Петербургскія Вѣдомости: «Сего дня изволила Ея Императорское Величество изъ Измайлова, забавлявшеся тамо нѣсколько времени ловлею, въ Высочайшемъ благополучіи сюда паки назадъ возвратиться». (Тамъ же, за 1731 годъ, № 53).

Въ бытность Императрицы въ Измайловѣ изъ тамошняго звѣринца выпускались для охоты Ея Величества въ окрестные поля и лѣса различные звѣри. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 311).

[63]) 8 января 1732 года Императрица со всѣмъ штатомъ отправилась изъ Москвы въ С.-Петербургъ, куда прибыла 15 числа того же мѣсяца. Часть лѣта, съ 15 іюля по 5 августа

Стрѣлецкій бунтъ 1696 г., съ рис. Савицкаго.

Анна Іоанновна провела въ Петергофѣ, «ежедневно въ пріятные дни» гуляя по садамъ и удѣляя, по всей вѣроятности, не мало времени охотѣ. (Времяпрепровожденіе въ Петергофѣ, С.-Петербургск. Вѣдом. 1732 года, №№ 4, 5, 57, 59 и 63).

[64]) Съ 21 іюля по 14 августа 1733 года Императрица Анна Іоанновна проживала въ Петергофѣ. (С.-Петерб. Вѣдом. 1833 г., №№ 59 и 66).

6 іюня 1734 года С.-Петербургскія Вѣдомости сообщали: «Вчера изволила Ея Императорское Величество, наша Всемилостивѣйшая Самодержица, для нынѣшняго лѣтняго времени на Петровскомъ острову охотою забавляться». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1734 г., № 45).

Въ Петергофѣ Императрица провела въ этомъ году время съ 15 іюля по 17 августа. (Тамъ же, №№ 56 и 66).

[65]) «Съ переѣздомъ Двора на лѣто въ Петергофъ, охота происходила въ его паркахъ. Здѣсь преимущественно занимались гоньбою оленей въ Нижнемъ саду. Для охоты въ саду разставлялись полотна, между коими гончими собаками и производилась гоньба оленей. Полотенъ заготовлялось такое количество, что для храненія ихъ потребовалось опредѣлить особаго охотника, носившаго званіе Цейхъ-кнехта»... «Былъ еще въ употребленіи способъ охоты, называв-

шійся «парфосъ-яхтъ» или «парфорсъ». Охота заключалась въ травлѣ цѣлымъ обществомъ охотниковъ разнаго рода звѣрей: дикихъ козъ, кабановъ, оленей, лосей и зайцевъ; для этой цѣли первоначально устраивалась облава, а затѣмъ производилась травля собаками и ружейная стрѣльба. Общество выѣзжало на такую охоту въ особыхъ экипажахъ, называвшихся «яхтъ-вагенъ», и имѣло при себѣ цѣлую команду парфорсъ-егерей и пикеровъ». (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 302).

66) «Въ то же время входило въ употребленіе охотиться съ собаками «по англійскому обычаю»... заимствованному отъ англичанъ пикеровъ. Одинъ изъ числа прибывшихъ, Вильсонъ, поступая на службу въ Придворную псовую охоту, требовалъ себѣ въ услуженіе двухъ человѣкъ, обѣщаясь за то обучать ихъ «быть охотниками по англійскому обычаю»; въ чемъ же именно заключался этотъ обычай—указаній въ документахъ нѣтъ. Въ производствахъ упоминаются еще охоты: «полевая», на зайцевъ, на лисицъ, травля волковъ и медвѣдей; но какимъ образомъ производились онѣ—свѣдѣній не находится». (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 303).

«Какъ часто производились при Дворѣ охоты, указаніемъ можетъ служить то обстоятельство, что лошади пикеровъ въ лѣтнее время не выпускались въ луга на подножный кормъ, но постоянно находились въ стойлахъ, чтобы по первому требованію быть готовыми для выѣзда. Командующій Придворными охотами, Полковникъ Трескау, 28 іюля 1740 года требовалъ отъ Петербургской Дворцовой Конторы присылки корма лошадямъ пикеровъ прямо въ стойла, потому что тѣхъ лошадей «для корму въ луга отсылать никакъ не возможно для того, что оныя употребляются всегда для ѣзды при травлѣ звѣрей въ присутствіи Ея Императорскаго Величества». (Тамъ же).

67) По исходѣ лѣта 1740 года С.-Петербургскія Вѣдомости сообщали: «Ея Императорское Величество, наша Всемилостивѣйшая Государыня, во время Высочайшаго своего присутствія въ Петергофѣ, для особливаго своего удовольствія, какъ парфосъ ягтою затравить, такъ и собственноручно слѣдующихъ звѣрей и птицъ застрѣлить изволила: девять оленей, у которыхъ по двадцать четыре, по восемнадцать по четырнадцати отростковъ на рогахъ было; шестнадцать дикихъ козъ; четыре кабана; одного волка; триста семьдесятъ четыре зайца; шестьдесятъ восемь дикихъ утокъ, и шестнадцать большихъ морскихъ птицъ». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1740 г., № 64).

68) 31 мая 1733 года С.-Петербургскія Вѣдомости сообщали: «Вчерашняго дня гуляла Ея Императорское Величество, наше Всемилостивѣйшая Самодержица, въ Лѣтнемъ саду и притомъ на бывшую во ономъ медвѣжью травлю смотрѣла». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1832 г., № 44).

21 февраля 1737 года въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ было напечатано слѣдующее:

«Понеже Ея Императорское Величество, наша Всемилостивѣйшая Государыня, до сего времени едва не ежедневно, по часу передъ полуднемъ, смотрѣніе въ Зимнемъ домѣ бывающей медвѣжьей и волчьей травли забавляться изволила, то и третьяго дня (19 февраля) на томъ же мѣстѣ, для собственнаго своего увеселенія, соизволила Ея Императорское Величество приказать великаго и двѣнадцать отростковъ на рогахъ имѣющаго оленя травить, который, наконецъ, отъ Ея Высочества Герцогини Принцессы Анны (Леопольдовны) изъ фузеи пулею застрѣленъ». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1737 года, № 15).

69) Въ ноябрѣ 1736 года, по именному Ея Императорскаго Величества указу, былъ сдѣланъ за Невскимъ монастыремъ и Ямскою Смоленскою слободою, въ лѣсу, въ 12-ти верстахъ отъ города С.-Петербурга «дворъ для ловленія волковъ». (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен., 9—1086).

15 февраля 1737 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій доносилъ Правительствующему Сенату, что «потребны ко Двору Ея Императорскаго Величества, для травли, медвѣди; но понеже здѣсь которые медвѣди были, изъ тѣхъ нѣсколько затравлено, а оставшіе отъ травли измучены, которыхъ и травить уже не можно, а сыскать здѣсь другихъ не у кого». — Волынскій испрашивалъ разрѣшенія послать указы въ Москву, Новгородъ и Псковскую провинцію, съ предписаніемъ купить тамъ зимою 15 медвѣдей и 20 меделянскихъ собакъ и прислать таковыхъ въ С.-Петербургъ ко псовой Ея Величества охотѣ.

Ходатайство Волынскаго Правительствующимъ Сенатомъ было уважено, и въ названныя мѣста былъ посланъ соотвѣтственный указъ 22 того же февраля. (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен., 7—1071).

12 марта 1737 года «изволила Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая наша Монархиня, въ Зимнемъ своемъ Императорскомъ домѣ забавляться травлею дикихъ звѣрей. При семъ случаѣ травили дикую свинью, которую, наконецъ, Ея Императорское Величество собственноручно застрѣлить соизволила». (С.-Петерб. Вѣдом. 1737 года, № 15).

Въ Петергофѣ въ этомъ году Анна Іоанновна провела время съ 14 іюля по 20 августа (тамъ же, №№ 56 и 68), откуда сообщалось:

25 іюля: «Передъ нѣсколькими днями изволила Ея Императорское Величество быть на охотѣ, гдѣ нѣсколько оленей убито. На прошлой недѣлѣ приказала Ея Императорское Величество при дворѣ учредить стрѣляніе птицъ, а награжденіе за оное состояло въ золотыхъ кольцахъ и алмазныхъ перстняхъ». (Тамъ же, № 59).

15 августа: «Въ понедѣльникъ, будучи на охотѣ, изволила Ея Императорское Величество изъ своихъ рукъ одного кабана и одного оленя о четырнадцати отросткахъ (сучки на рогахъ) застрѣлить». (Тамъ же, № 66).

26 апрѣля 1738 года «изволила Ея Императорское Величество, во Дворцѣ ходившаго молодого оленя и дикаго кабана собственноручно застрѣлить». (Тамъ же, за 1738 годъ, № 53).

Въ Петергофѣ въ этомъ году Императрица Анна Іоанновна провела время съ 13 іюля по 26 августа. (Тамъ же, №№ 56 и 69). Къ этому періоду времени изъ Москвы была вытребована часть Императорской птичьей охоты. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 4—2).

Свѣдѣній объ охотахъ Императрицы Анны Іоанновны въ теченіе 1739 года мы не имѣемъ. Въ этотъ годъ Государыня провела въ Петергофѣ время съ 17 іюля по 28 августа. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1739 года, №№ 57 и 70).

Въ 1740 году въ Петергофѣ Императрица провела время съ 10 іюня по 29 іюля. (С.-Петерб. Вѣдом. 1740 года, №№ 48 и 62).

[70]) Какъ большая охотница и любительница собакъ, Императрица Анна Іоанновна постоянно держала во дворцѣ комнатныхъ собакъ, въ числѣ которыхъ особенною ея любовью пользовалась собачка «Цытринка» или «Цетринка». Для ухода и кормленія, при этой собачкѣ, перешедшей послѣ смерти Императрицы къ Правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, состоялъ князь Никита Волконскій, ежедневно собственноручно расписывавшійся въ полученіи для «Цытринки» по кружкѣ сливокъ молочныхъ. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 218).

[71]) Знаменитая, устроенная оберъ-егермейстеромъ и кабинетъ-министромъ Артеміемъ Петровичемъ Волынскимъ потѣха — свадьба въ Ледяномъ домѣ придворнаго шута Квасника (князя Голицына, сдѣланнаго шутомъ за то, что, будучи въ Римѣ, князь сдѣлался ренегатомъ—принялъ латинскую вѣру) на придворной же дурѣ Буженинѣ; потѣха, сопровождавшаяся большимъ маскарадомъ, также доставила не мало заботъ Императорской охотѣ. «Женихъ съ невѣстою сидѣлъ въ сдѣланной нарочно клѣткѣ, поставленной на слонѣ, а прочей свадебной поѣздъ вышеписанныхъ народовъ (Вотяки, Мордва, Черемисы, Татары, Калмыки, Самоѣды), съ принадлежащею каждому роду музыкаліею и разными игрушками, слѣдовалъ на оленяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ». (Нащокинъ, стр. 65).

[72]) Отъ того же года сохранилось извѣстіе, что у Императрицы Анны Іоанновны было весьма много различнаго собственнаго охотничьяго оружія, заботы о сохраненіи котораго въ порядкѣ лежали на обязанности оберъ-егермейстера. Ближайшее же попеченіе объ оружіи было тогда возложено на оберъ-егеря Бема. Хранилось оружіе Императрицы въ домѣ покойнаго Цесаревича Алексѣя Петровича «въ мазанкахъ; а около оныхъ по обѣ стороны жилое строеніе и опасно, чтобъ отъ внезапнаго пожарнаго времени не учинилось оному ружью траты, понеже неоднократно уже загоралось; такожъ и мазанки оныя, въ которыхъ лежитъ ружье, весьма ветхи и во многихъ мѣстахъ подставлены уже въ нихъ подпоры; и тако небезопасно, чтобъ оныя мазанки не обломились». Поэтому оберъ-егермейстеръ Волынскій ходатайствовалъ о переносѣ оружія Императрицы или въ каменныя палаты Итальянскаго дома или объ отправкѣ его въ Москву, въ Оружейную палату.

Удовлетворено было первое ходатайство. (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен., 9—1086).

[73]) 4 іюля 1735 года, въ пятницу С.-Петербургскія Вѣдомости сообщали: «Въ среду и пятницу (вѣроятно, прошлой недѣли, то-есть 25 и 27 чиселъ іюля) изволила Ея Императорское Величество, Самодержавнѣйшая наша Монархиня стрѣляніемъ въ цѣль забавляться, которое отъ Его Высокографскаго Сіятельства Оберъ-Камергера фонъ-Бирона въ третьемъ саду учинено было». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1735 года, № 52).

[74]) 13 іюля 1736 года Императрица Анна Іоанновна отправилась на жительство въ Петергофъ (С.-Петербургск. Вѣдом. 1836 года, № 57), откуда сообщалось въ четвергъ 19 августа:

«Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая наша Монархиня, находится здѣсь со всѣмъ Придворнымъ статомъ и во всяко вожделѣнномъ благополучіи, и изволитъ всякій день послѣ обѣда въ мишень и по птицамъ налету стрѣлять. Въ прошедшій вторникъ (17 числа) пополудни забавлялась Ея Императорское Величество опять охотою и убила одного кабана». (Тамъ же, № 67).

«Того жъ дни (т.-е. 19 августа, въ четвергъ), пополудни забавлялась Ея Величество со всѣмъ Придворнымъ статомъ въ Петергофскомъ звѣринцѣ охотою и застрѣлила тамъ одного оленя съ шестью отраслями на рогахъ». (Тамъ же, № 68).

21 августа Анна Іоанновна вернулась изъ Петергофа въ С.-Петербургъ. (Тамъ же).

[75]) По свидѣтельству Миниха-сына «въ досужее время не имѣла она ни къ чему особой склонности. Въ первый годъ своего правленія играла она почти каждый день въ карты. Потомъ провожала цѣлые полдни, не вставая со стула, въ разговорахъ, или слушая крикъ шутовъ и дураковъ. Когда всѣ сіи каждодневно встрѣчающіяся упражненія ей наскучили, то возымѣла она охоту стрѣлять, въ чемъ пріобрѣла такое искусство, что безъ ошибки попадала въ цѣль и на-

лету птицу убивала. Сею охотою занималась она больше другихъ, такъ что въ ея комнатахъ стояли всегда заряженныя ружья, которыми, когда заблагоразсудится, стрѣляла изъ окна въ мимопролетающихъ ласточекъ, воронъ, сорокъ и тому подобныхъ. Въ Петергофѣ заложенъ былъ звѣринецъ, въ которомъ впущены привезенные изъ Нѣмецкой земли и Сибири зайцы и олени. Тутъ нерѣдко, сидя у окна, смотрѣла на охоту, и когда заяцъ или олень мимо пробѣжитъ, то сама стрѣляла въ него изъ ружья. Зимою во дворцѣ, въ концѣ галлереи, вставлена была черная доска съ цѣлью, въ которую при свѣчахъ упражнялась она попадать изъ винтовки». (Минихъ, стр. 95).

Въ другомъ мѣстѣ находимъ у того же автора, что Императрица Анна Іоанновна «сею забавою, вовсе неприличною женскому полу, почти до кончины своей занималась», что Государыня нерѣдко упражнялась также стрѣльбою въ мишень стрѣлами изъ лука, ночью, при освѣщеніи, что при Высочайшихъ охотахъ въ Петергофѣ, въ звѣринцѣ, на зайцевъ, кабановъ, ланей, тунгузскихъ и нѣмецкихъ оленей для Императрицы разбивался особый наметъ, изъ котораго она и стрѣляла по мимопробѣгающимъ звѣрямъ». (Тамъ же, стр. 165).

Изъ современныхъ архивныхъ документовъ усматривается, что Императрица Анна Іоанновна, «кромѣ частыхъ выѣздовъ на охоту, любила стрѣлять изъ ружья и лука изъ оконъ своего дворца, обращенныхъ въ садъ. Для сей цѣли изъ менажеріи выпускали въ сады большое количество птицъ, и, чтобы онѣ не переводились, именнымъ указомъ запрещено было частнымъ лицамъ охотиться въ окрестностяхъ С.-Петербурга и ловить ихъ какимъ бы то ни было образомъ. Приготовленіе ко Двору ружей лежало на обязанности Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ; они частію дѣлались на Сестрорѣцкихъ заводахъ.... частію на Петербургскомъ Оружейномъ дворѣ, гдѣ приготовлялись ружья для всякой царской охоты. Всѣ ружья для Императрицы сдѣланы были богато, съ золотою насѣчкою. Изъ указа отъ Егермейстерскихъ дѣлъ приходорасходчику Самарцову видно, что въ 1740 году, іюля 10 дня, велѣно ему выдать «купецкимъ людямъ» 36 рублей 71 ¼ копѣйку за червонцы, «взятые у нихъ ко Двору Ея Императорскаго Величества на насѣканіе на ружьяхъ золотомъ». Особенно богато отдѣлывался въ октябрѣ 1740 года новый штуцеръ, на который потребовалось 8 червонныхъ.... Хотя ружья были туземнаго производства, но кремни были покупные, — ихъ, вѣроятно, еще не умѣли обдѣлывать.... Порохъ для Императрицы выписывался изъ-за границы, изъ города Гданска.... Ружья для Императрицы заряжались Оберъ-егеремъ Бемомъ и при томъ особымъ образомъ: пули вкладывались въ гильзы, которыя «смазывались саломъ». (Заключеніе о «гильзахъ» выведено изъ фразы документа: «По требованію Оберъ-егеря Бема, къ заряжанію ружья Ея Императорскаго Величества на смазываніе пластырей «гильзы»; переводъ составителей труда: «въ которые обертываются пули» и т. д. Не можемъ не обратить вниманія на неудачное толкованіе слова «пластыря» — просаленной ветошки для обертыванія пули при дульно-зарядныхъ ружьяхъ — терминомъ «гильза»). (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 222 и 223).

[76]) 5 іюля того же года Императрица со всѣмъ Придворнымъ штатомъ переѣхала на жительство въ Петергофъ (С.-Петербургск. Вѣдом. 1735 года, № 54), откуда 20-го числа того же мѣсяца сообщалось: «Ея Величество для продолжающейся нынѣ пріятной погоды, иногда гуляніемъ, иногда стрѣляніемъ въ цѣль забавляться изволитъ». (Тамъ же, № 58).

Въ С.-Петербургъ возвратилась въ томъ году Императрица изъ Петергофа 9 августа, при чемъ «во время пути изволила въ Стрѣльной мызѣ стрѣляніемъ по птицѣ и въ цѣль забавляться». (Тамъ же, № 64).

[77]) 31 декабря этого года поднесъ Императрицѣ Генералъ-Лейтенантъ отъ Артиллеріи фонъ Геннинъ различные ружья и штуцера, изготовленные для Ея Величества на Сестрорѣцкомъ Оружейномъ заводѣ. (С.-Петербургск. Вѣдом. 1736 года, № 1; «XVIII вѣкъ», ч. III, стр. 156).

[78]) Первымъ извѣстнымъ намъ Оберъ-Егермейстеромъ является Артемій Петровичъ Волынскій, назначенный на эту должность въ январѣ 1736 года; но и при немъ не было еще учрежденія, которое спеціально вѣдало бы всѣми дѣлами царской охоты. Дѣла эти вершались либо Именными Высочайшими указами, либо Сенатскими постановленіями, до назначенія Волынскаго въ 1738 году Кабинетъ-Министромъ. Съ этого времени по многимъ дѣламъ царской охоты исходили резолюціи отъ Императорскаго Кабинета до отстраненія Волынскаго отъ всѣхъ, занимаемыхъ имъ, должностей. Императорскому же Кабинету Волынскій доносилъ и обо всѣхъ отданныхъ по охотѣ приказаніяхъ или сдѣланныхъ распоряженіяхъ во исполненіе изустныхъ указовъ Ея Императорскаго Величества (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен. 9—1086), и Императорскій же Кабинетъ сталъ рѣшать многія дѣла по царской охотѣ, подлежавшія раньше компетенціи Сената, значеніе и кругъ дѣятельности котораго въ это время сильно умалились, при чемъ и самое названіе его было передѣлано изъ «Правительствующаго» на «Высокій». (Градовскій, Нач. госуд. права, т. II, стр. 265). Однако, Сенатъ и въ это время не былъ совершенно чуждъ дѣламъ охоты, вершая главнымъ образомъ вопросы, касавшіеся кречетьихъ и сокольихъ помытчиковъ. (Госуд. Арх., ч. I, разр. XIV, № 57).

Въ то же время впервые встрѣчается учрежденіе, именовавшееся «Оберъ-Егермейстерскія Дѣла», которое при Волынскомъ представляло изъ себя, такъ сказать, личную канцелярію Оберъ-Егермейстера, а вскорѣ по отстраненіи Волынскаго отъ должности составило особое отдѣленіе Придворной Конторы.

Артемій Петровичъ Волынскій, родившійся въ 1689 году, начавшій службу солдатомъ Петровской гвардіи, бывшій въ 1715 году нашимъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Персіи, завѣдывавшій съ 1718 года, въ званіи Генералъ-адъютанта Петра I-го, Астраханскою губерніею, а съ 1725 года Казанскою, назначенный въ 1732 году помощникомъ Оберъ-Шталмейстера графа Левенвольда, произведенный 6 декабря 1734 года въ Генералъ-Лейтенанты и Генералъ-Адъютанты Императрицы Анны Іоанновны,—былъ возведенъ въ званіе Оберъ-Егермейстера 27 января 1736 года, въ день рожденія Императрицы, съ производствомъ въ Дѣйствительные Генералы. (Шишкинъ, ч. I, стр. 453, 468; ч. II, стр. 226).

Казнь стрѣльцовъ при Петрѣ I, съ грав. А. Артаріусъ.

«Бирономъ», говоритъ Соловьевъ, «былъ страстный охотникъ и поэтому отчасти провелъ Волынскаго въ Оберъ-Егермейстеры» (т. XX, стр. 425).

Поясняя мысль нашего историка, скажемъ, что и Волынскій былъ страстный охотникъ и не только страстный, но и знающій свое дѣло и преданный ему до чрезмѣрности.

Наиболѣе характерныя черты Волынскаго, какъ охотника, встрѣчаемъ въ жалобѣ, поданной въ самомъ началѣ царствованія Анны Іоанновны въ Синодъ Казанскимъ Архіепископомъ Сильвестромъ на Губернатора Волынскаго. (Соловьевъ, т. XVIII, стр. 295).

Въ жалобѣ этой, приводимой дословно въ статьѣ Шишкина «Артемій Петровичъ Волынскій», между прочимъ, говорится, что Губернаторъ, помѣстивъ на подгородномъ дворѣ Спасо-казанскаго монастыря «Подсѣкѣ» до двухсотъ собакъ и 15 псарей, кормилъ послѣднихъ монастырскимъ хлѣбомъ и кашею, «а въ иное время псари привозили на ту Подсѣку собакамъ мертвыхъ лошадей и коровъ и всякое стерво, отъ чего на томъ дворѣ будущія овцы и прочая скотина вымерли. И усмотря той же обители власти оную причину, просили Губернатора о свободѣ вышепоказанныхъ людей и собакъ съ двора того неоднократно, и въ тѣжъ числа призывалъ Губернаторъ къ себѣ въ Канцелярію тоя обители властей и съ великимъ уграживаніемъ приказалъ имъ на томъ дворѣ для помету щенятъ сукамъ выстроить сломанную баню» (ч. I, стр. 512). «Оный же Губернаторъ, лѣтомъ и зимою, со псовою охотою многолюдствомъ ѣздитъ по полямъ и сѣнымъ покосамъ и посѣянный яровой и озимой хлѣбъ нашъ и монастырской лошадьми и собаками, и людьми своими толочетъ необычно и, мимо помѣщичьихъ и другихъ вотчинъ, ночуетъ у насъ въ деревняхъ, и съ боемъ и неволею со крестьянъ нашихъ и монастырскихъ беруть конямъ сѣна и овса и про людей всякой живности и хлѣба, сколько похотятъ, и тѣмъ несносную намъ и крестьянамъ обиду чинятъ напрасно». (Тамъ же, стр. 514).

Въ своей исторіи о Русскомъ государствѣ Германъ, между прочимъ, отмѣчаетъ любимую забаву Волынскаго, состоявшую въ томъ, что людей, имѣвшихъ несчастіе почему-либо разсердить Артемія Петровича, раздѣвали до нага, обвѣшивали кусками сыраго мяса и натравливали на нихъ цѣлую стаю некормленныхъ и злыхъ охотничьихъ собакъ. (Тамъ же, стр. 482).

Указывая на страсть Императрицы Анны Іоанновны къ стрѣльбѣ и охотѣ, авторъ помянутой выше статьи о Волынскомъ говоритъ: «Понятно, что при такихъ наклонностяхъ и занятіяхъ Анны Іоанновны, человѣкъ, облеченный званіемъ Оберъ-Егермейстера, долженъ былъ находиться съ нею въ довольно близкихъ отношеніяхъ и пользоваться ея всемилостивѣйшимъ расположеніемъ, если, конечно, исполнялъ свою обязанность ревностно и съ любовью». Далѣе авторъ прибавляетъ, что на этомъ поприщѣ Волынскій «хлопоталъ и работалъ неусыпно и, повидимому, вполнѣ цѣлесообразно, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить нѣкоторое знакомство съ его оберъ-егермейстерскою дѣятельностью» (ч. II, стр. 230).

Пожалованный 3 апрѣля 1738 года «въ разсужденіе особливыхъ Его Превосходительства заслугъ» въ Кабинетъ-Министры (С.-Петербургск. Вѣдом. 1738 года, № 28), крупно повздорившій за-

тѣмъ съ Бирономъ, Артемій Петровичъ Волынскій былъ отстраненъ отъ всѣхъ его должностей въ апрѣлѣ 1740 года (Бытъ Госуд. Росс. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 304), а 27 іюня того же года Волынскаго казнили: ему отсѣкли сначала правую руку, а затѣмъ голову. (Шишкинъ, ч. IV, стр. 568). Какъ на помощника Волынскаго по дѣятельности его Оберъ-Егермейстера, слѣдуетъ указать на Капитанъ-Поручика Измайловскаго полка Рахманова. 13 мая 1737 года Императрица Анна Іоанновна «соизволила повелѣть надъ охотами Ея Императорскаго Величества, которыя здѣсь въ С.-Петербургѣ и въ Петергофскомъ звѣринцѣ, а именно надъ звѣриною и надъ псовою надзираніе имѣть», во время отлучекъ Волынскаго, «Гвардіи Измайловскаго полку Капитанъ-Поручику Гаврилѣ Рахманову и для того всѣхъ обрѣтающихся здѣсь при охотахъ Ея Величества, такожъ и канцелярскихъ служителей, поручить ему жъ, Капитанъ-Поручику Рахманову». (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен., 9—1086).

Къ 19 февраля 1742 года относится нижеслѣдующій любопытный указъ Императрицы Елисаветы Петровны, характеризирующій взглядъ Монархини на виновность Артемія Петровича Волынскаго.

«Указали Мы Артемья Волынскаго дѣтей Санктпетербургскій дворъ, состоящій на Фонтанкѣ (гдѣ содержится охота Наша), взять на Насъ, а имъ заплатить за оный дворъ изъ казны Нашей три тысячи рублевъ и повелѣваемъ Нашему Сенату учинить по сему Нашему указу. Елисаветъ». (Арх. Прав. Сен., кн. № 66—1742 г., л. 217).

Конечно, указъ этотъ, коимъ повелѣвалось дворъ Волынскаго «взять на Насъ», не можетъ породить сомнѣнія въ томъ отношеніи, что это имущество бывшаго Оберъ-Егермейстера не было конфисковано раньше, тѣмъ болѣе что въ указѣ же приводится въ скобкахъ, «гдѣ содержится Наша охота». Указомъ этимъ Императрица какъ бы желала отмѣтить свое мнѣніе о неправильности конфискаціи имущества, а слѣдовательно, о неправильности и всего суда надъ Волынскимъ. Елисавета Петровна не хотѣла даже упоминать въ указѣ о состоявшейся при Аннѣ Іоанновнѣ конфискаціи, дабы не возобновлять въ памяти вѣрноподданныхъ печальнаго событія.

[79]) Послѣ Волынскаго царскою охотою завѣдывалъ незначительное время князь Иванъ Одоевскій; по крайней мѣрѣ всѣ бумаги того времени по оберъ-егермейстерской части подписывались этимъ лицомъ. Однако, званія Оберъ-Егермейстера Одоевскій, кажется, не носилъ: (Подлинн. указъ Сената, № 3027—1773, рук., прин. Имп. ох.).

[80]) При преемникѣ Волынскаго, какъ завѣдывавшаго царскими охотами, полковникѣ Трескау появляется новое названіе органа царской охоты — «Егермейстерская Канцелярія», имѣвшая, повидимому, свою собственную финансовую смѣту, то-есть учрежденіе болѣе или менѣе самостоятельное, можетъ-быть, замѣнившее на короткій срокъ учрежденіе «Оберъ-Егермейстерскія Дѣла». (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен., 9—1086).

Трескау, «основываясь, вѣроятно, на томъ, что предшественникъ его, Кабинетъ-Министръ Волынскій, входилъ по нѣкоторымъ дѣламъ въ Императорскій Кабинетъ, сталъ по всѣмъ дѣламъ, не исключая и самыхъ маловажныхъ, относиться непосредственно въ Кабинетъ». (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 304).

Подобный порядокъ былъ признанъ Кабинетомъ ненормальнымъ, почему 6 марта 1741 года Кабинетъ вошелъ со слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ:

«При Дворѣ у Егермейстерскихъ Дѣлъ обрѣтается полковникъ Трескау, который особливо своею командою состоитъ и для того о всякихъ дѣлахъ и между тѣмъ о самыхъ малѣйшихъ, которыя до придворныхъ охотъ касаются, всегда прямо въ Кабинетъ представленія чинитъ, отъ чего въ Кабинетныхъ дѣлахъ помѣшательство и излишнее затрудненіе происходитъ. Того ради не соизволено ли будетъ того полковника Трескау со всѣми его Егерскими дѣлами въ полную команду поручить Придворной или Дворцовой Конторы, дабы онъ о всемъ, что до содержанія придворныхъ охотъ надлежитъ, резолюціи требовалъ отъ той конторы, а въ Кабинетъ уже не представлялъ». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8347).

Согласно Высочайшей резолюціи, Трескау съ его командою былъ подчиненъ Придворной Конторѣ. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 305).

Въ то же время, съ возстановленіемъ Императрицею Елисаветою Петровной Сената въ полномъ его первоначальномъ значеніи и съ отдачею въ распоряженіе этого органа внутренняго управленія (Градовскій, Нач. госуд. права, т. II, стр. 267), попеченіе Сената о дѣлахъ охоты становится ближайшимъ.

«Въ 1742 году отъ Правительствующаго Сената, для лучшаго въ дѣлахъ попеченія и распорядковъ, сочинена Оберъ-Егермейстерская Канцелярія». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. № 15).

Значеніе этого органа, ставшаго впослѣдствіи, со временъ Императрицы Екатерины II, **органомъ главнаго управленія царскими охотами, входившаго непосредственно со всеподданнѣйшими** докладами и подчиненнаго тогда лишь Сенату и то косвенно, представляется при началѣ его учрежденія, на основаніи данныхъ имѣющихся у насъ документовъ, нѣсколько неопредѣленнымъ.

Наиболѣе важныя данныя, могущія послужить для выясненія этого вопроса, суть слѣдующія:

Какъ было сказано выше, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія учреждена въ 1742 году.

Въ концѣ того же 1742 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе «какъ Оберъ-Егермейстеру, такъ и Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи» отправиться изъ Москвы въ С.-Петербургъ, о чемъ доносилось Сенату для надлежащихъ распоряженій касательно предоставленія потребныхъ для того средствъ. (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен., 9—1073).

Въ 1743 году Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была въ С.-Петербургѣ, а въ Москвѣ имѣлась Оберъ-Егермейстерская Контора. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 1).

Въ 1744 году въ С.-Петербургѣ была Оберъ-Егермейстерская Контора съ ограниченнымъ количествомъ личнаго персонала. (Рукописи, принадлежащ. Имп. охотѣ).

Въ томъ же 1744 году Императорскій дворъ находился въ Москвѣ. (Камеръ-фурьерск. журн. 1744 г.).

Въ началѣ 1745 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была очевидно въ Москвѣ, такъ какъ по своимъ дѣламъ дѣлала представленія не въ Сенатъ, отбывшій уже въ то время въ С.-Петербургъ, а въ Сенатскую Контору, оставленную въ Москвѣ. (Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, оп. 64, д. № 10).

Въ январѣ 1745 года было прислано изъ Казанской губерніи одиннадцать ловчихъ птицъ къ «Оберъ-Егермейстерскимъ Дѣламъ», откуда было писано, что, въ виду того обстоятельства, что птичья охота по Сенатскому указу состоитъ въ вѣдѣніи Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, уловныхъ птицъ слѣдуетъ направлять въ названную Канцелярію, а не къ «Оберъ-Егермейстерскимъ дѣламъ». Бумагу эту подписалъ Егермейстеръ Хитрово». (Тотъ же Арх., оп. 64, д. № 11).

Имѣются прямыя указанія на то обстоятельство, что съ 1738 по 1745 годъ С.-Петербургскія царскія охоты состояли въ вѣдѣніи «Оберъ-Егермейстерскихъ Дѣлъ». (Архивы: Моск. Мин. Юстиц., кн. Сен., 9—1086; Общ. Мин. Двора, оп. 64, д. № 11; Государств., разр. XIV, № 57).

Соболиная печать Сибирскаго Приказа 1706 г.

Далѣе 1745 года учрежденіе «Оберъ-Егермейстерскія Дѣла» не встрѣчается.

Въ 1746 году писались «указы Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ оставшую въ Москвѣ Контору». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 51, д. № 2614).

Въ 1750 году Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была въ С.-Петербургѣ, а Оберъ-Егермейстерская Контора въ Москвѣ. (Тотъ же Арх., оп. 43, д. № 4; оп. 52, д. 1758).

Въ 1752 году Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, вмѣстѣ съ С.-Петербургскою охотою, велѣно было отправиться въ Москву, оставивъ въ С.-Петербургѣ Оберъ-Егермейстерскую Контору. (Рукописи, принадлежащ. Имп. охотѣ).

15 декабря того же года Императрица Елисавета Петровна отбыла изъ С.-Петербурга въ Москву. (С.-Петерб. Вѣдомости 1752 г., № 101).

Въ 1757 и 1758 годахъ Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была въ С.-Петербургѣ, а ея Контора въ Москвѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. № 8 и оп. 14, д. № 175).

Въ царствованіе Елисаветы Петровны, при путешествіяхъ Императрицы изъ С.-Петербурга въ Москву, за Государыней слѣдовали въ Москву же и высшія правительственныя учрежденія. (С.-Петерб. Вѣдом. 1752 года, № 75).

Въ 1773 году Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была въ С.-Петербургѣ, а Оберъ-Егермейстерская Контора въ Москвѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 69, д. № 16).

Въ 1775 году въ Москвѣ находились и Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, и Оберъ-Егермейстерская Контора, а въ С.-Петербургѣ Оберъ-Егермейстерская Контора. Въ декабрѣ того же года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія переѣхала въ С.-Петербургъ. (Тотъ же Арх., оп. 72, д. № 25 и д. № 72 и оп. 73, д. № 4).

Указаній на одновременное нахожденіе въ С.-Петербургѣ и Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и Оберъ-Егермейстерской Конторы мы нигдѣ не нашли.

Въ томъ же 1775 году Императрица Екатерина Великая весьма часто охотилась въ окрестностяхъ Москвы. (Камеръ-фурьерск. журн. 1775 года).

Изъ приведенныхъ выше данныхъ можно прійти къ слѣдующему вѣроятному заключенію.

Въ 1742 году, распоряженіемъ Правительствующаго Сената, была организована въ Москвѣ Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, въ которой были сосредоточены всѣ дѣла, касавшіяся учре-

жденій царской охоты, расположенныхъ въ Москвѣ. Въ это время Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была всецѣло подчинена Сенату, и всѣ дѣла этой Канцеляріи, вызывавшія необходимость распоряженій по всѣмъ другимъ учрежденіямъ тогдашней государственной администраціи, представлялись на благоусмотрѣніе Сената для постановленія надлежащихъ указовъ. Собственно Оберъ-Егермейстерская Канцелярія была органомъ распорядительнымъ и въ ея непосредственномъ подчиненіи состояла Оберъ-Егермейстерская Контора, низшая инстанція, органъ исполнительный. Завѣдываніе Петербургскими охотами лежало попрежнему на обязанности Придворной Конторы, гдѣ было особое отдѣленіе, именовавшееся «Оберъ-Егермейстерскими Дѣлами» и находившееся подъ ближайшимъ завѣдываніемъ Егермейстера. Съ переводомъ въ концѣ 1742 года Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ С.-Петербургъ, въ Москвѣ былъ оставленъ подчиненный ей исполнительный органъ — Оберъ-Егермейстерская Контора, но Петербургскія охоты, находясь наравнѣ съ Московскими подъ общимъ начальствомъ Оберъ-Егермейстера, Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи подчинены не были, оставаясь въ вѣдѣніи Придворной Конторы. При путешествіяхъ Императорскаго двора изъ С.-Петербурга въ Москву Оберъ-Егермейстерская Канцелярія переѣзжала въ Москву также, выдѣляя только на это время изъ своего состава Контору, ограниченнаго количества личнаго персонала, при чемъ на обязанности С.-Петербургской Конторы лежало, можетъ-быть, лишь завѣдываніе имуществомъ и архивами Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. Около 1745 года отдѣленіе Придворной Конторы, носившее названіе «Оберъ-Егермейстерскія Дѣла», было упразднено. Петербургскія охоты были подчинены Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, и исполнительная по этимъ охотамъ дѣятельность перешла въ ту же Канцелярію, носившую съ того времени по отношенію охотъ Петербургскихъ характеръ органа и распорядительнаго, и исполнительнаго, а по отношенію охотъ Московскихъ органа только распорядительнаго. Съ того же времени, продолжая переѣзжать вмѣстѣ съ Императорскимъ дворомъ изъ С.-Петербурга въ Москву, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія оставляла въ С.-Петербургѣ Контору, организуемую при такихъ переѣздахъ на подобіе Конторы Московской и являвшуюся органомъ только исполнительнымъ. Принципъ подобнаго порядка переѣзда учрежденій изъ С.-Петербурга въ Москву былъ установленъ Елисаветою Петровною еще задолго до ея воцаренія. Будучи Великою Княжною и имѣя въ то время свое собственное Вотчинное Управленіе, называвшееся и Канцеляріей, Елисавета Петровна еще 4 марта 1729 года приказала, чтобы, во время ея присутствія въ Москвѣ, тамъ находилась Канцелярія, а въ С.-Петербургѣ оставалась Контора, во время же пребыванія въ С.-Петербургѣ—наоборотъ. (Яковкинъ, Кратк. Лѣт. о Царск. Селѣ, стр. 47).

Дѣятельность и права Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, какъ обще-государственнаго, административнаго учрежденія, постепенно расширялись, а самое учрежденіе становилось все болѣе и болѣе самостоятельнымъ, постепенно выходя изъ-подъ опеки Сената и обращаясь къ его посредничеству только по общимъ вопросамъ, подчиненнымъ исключительной компетенціи этого высшаго правительственнаго органа. Начиная съ конца царствованія Елисаветы Петровны, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія не только писала промеморіи, то-есть отношенія, во всевозможные центральные органы, но даже посылала непосредственно отъ себя по дѣламъ охоты указы Ея Величества въ постороннія провинціальныя учрежденія. Словомъ, съ этого времени организовалось совершенно отдѣльное Оберъ-Егермейстерское вѣдомство и Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, со своимъ начальникомъ — Оберъ-Егермейстеромъ, стояла во главѣ отдѣльнаго «Оберъ-Егермейстерскаго корпуса», каковое названіе впервые встрѣчается въ современныхъ документахъ подъ 1762 годомъ, въ царствованіе Императора Петра III-го.

Въ 1767 году упоминается должность «Главнаго Командира Оберъ-Егермейстерскаго Корпуса» Оберъ-Егермейстера тожъ (Рукоп. Сборн. Им. Ук.), а по штату 1773 года Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи были предоставлены права наравнѣ съ прочими коллегіями. (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 14.004).

Замѣтимъ кстати, что съ раздѣленіемъ въ 1763 году Сената на шесть департаментовъ, четыре С.-Петербургскихъ и два Московскихъ, представляемыя Оберъ-Егермейстерскою Канцеляріею въ Сенатъ дѣла по Императорской охотѣ вѣдались производствомъ въ 3-мъ департаментѣ, компетенціи коего подлежали всѣ вообще дѣла по спеціальнымъ управленіямъ. (Градовскій, Нач. Госуд. Права, т. II, стр. 271 и 1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 11.989).

Еще при жизни Волынскаго, въ періодъ производства надъ нимъ слѣдствія, завѣдываніе царскими охотами было поручено втораго Московскаго полка полковнику фонъ-Трескау.

9 сентября 1740 года, Трескау доносилъ Кабинету Ея Императорскаго Величества «Ея Императорское Величество іюня 19 дня сего 1740 года Высочайшимъ изустнымъ указомъ соизволила мнѣ Всемилостивѣйше повелѣть придворныя всѣ охоты содержать въ своей командѣ и за то правленіе, сверхъ полкового жалованья, получать въ годъ награжденіе по 1000 рублевъ. И по силѣ онаго Ея Императорскаго Величества именного изустнаго указа, пока охоты въ командѣ моей состоять будутъ, означенное жалованье имѣю я получать вѣдомства своего изъ Егермейстерской Канцеляріи, о чемъ Высочайшему Кабинету Ея Императорскаго Величества симъ всенижайше доношу во извѣстіе». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

Свѣдѣній о томъ, кто такой былъ полковникъ фонъ-Трескау, мы не нашли. Знаемъ только, что этотъ полковникъ русской службы былъ иностранецъ, можетъ-быть, Курляндецъ, креатура Бирона, настолько незнакомый съ русскимъ языкомъ, что не умѣлъ даже подписываться по-русски на дѣловыхъ бумагахъ. При Трескау состоялъ прапорщикъ Карлъ Мейбовъ, спеціально «для переводу». (Различн. рукоп. и Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 305).

Исторія охоты должна однако отмѣтить этого дѣятеля, какъ составителя перваго утвержденнаго въ законодательномъ порядкѣ штата личнаго персонала царской охоты.

[81]) Въ документахъ 1737 года впервые встрѣчаемъ должность яхтъ-юнкера. Однако должность эта существовала и ранѣе, такъ какъ въ этомъ году было уже повелѣно «обрѣтающемуся при охотахъ Ея Императорскаго Величества яхтъ-юнкеру Николавіусу отъ службы отказать и дать ему надлежащій абшидъ» изъ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сената 9—1086). Въ чемъ заключались обязанности этой должности, мы не знаемъ. Отмѣтимъ только любопытный фактъ полученія Николавіусомъ жалованія изъ Соляной Конторы. (Внутр. бытъ Р. Г., ч. I, стр. 310—311).

[82]) Въ 1738 году впервые встрѣчаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о личномъ составѣ Петергофской охоты. Начальствовалъ надъ этимъ личнымъ составомъ форштмейстеръ Іоганъ Адамъ Газъ, который служилъ по контракту, заключенному съ нимъ въ этомъ году 29 января за границею дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и полномочнымъ министромъ въ Дрезденѣ Кейзерлингомъ. Подъ вѣдѣніемъ форштмейстера состояли парфорсъ-егеря и звѣровщики, но сколько ихъ было въ это время, мы не знаемъ. (Бытъ Росс. госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 346).

Въ 1738 году на производство служителямъ С.-Петербургской и Петергофской охотъ жалованья, на шитье мундировъ, на расходы канцеляріи Оберъ-Егермейстера и на мелочныя по охотамъ надобности полагалось 7824 р. 31 к. Изъ этой суммы или, вѣрнѣе сказать, изъ части ея, причитавшейся чинамъ названныхъ охотъ въ жалованье, вычиталось «на госпиталь» 30 р. 15½ к. Средства эти отпускались Статсъ-Конторою, вѣрнѣе за счетъ Статсъ-Конторы — Канцеляріею Монетнаго Правленія. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сената 9—1086).

Въ слѣдующемъ 1739 году на ту же надобность отпускалось 8302 р., въ томъ числѣ 4302 р. для выдачи чинамъ С.-Петербургской и Петергофской охотъ жалованья, 1500 р. на шитье мундирной одежды и 2500 р. на канцелярскіе и мелочные расходы «Оберъ-Егермейстерскихъ Дѣлъ». (Тамъ же).

Въ іюнѣ этого года С.-Петербургская Дворцовая Контора вошла въ Императорскій Кабинетъ съ представленіемъ, въ которомъ указывала, что по Сенатскому указу 18 мая 1737 года велѣно было выдавать изъ этой Конторы хлѣбное жалованье на 26 человѣкъ, «обрѣтающихся при псовой охотѣ». Во исполненіе этого указа и по требованію Оберъ-Егермейстера, Конторою было выдано въ 1738 году за январьскую треть на 26 человѣкъ, за майскую на 32, за сентябрьскую на 34, а въ 1739 году за январьскую на 36 и за майскую на 43 человѣка. Контора просила отъ Кабинета указа «впредь на прибавочныхъ служителей хлѣбному жалованью отпускъ производить ли»? Императорскій Кабинетъ предписалъ Дворцовой Конторѣ требованія по сему предмету Оберъ-Егермейстера удовлетворять, (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 7828).

[83]) Относительно источника содержанія Московскихъ охотъ въ это время, находимъ въ сочиненіи «Внутренній бытъ Русскаго государства съ 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741 года, по документамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи», слѣдующія свѣдѣнія:

«До 1735 года на содержаніе здѣшнихъ придворныхъ охотъ продовольствіе отпускалось отъ Главной Дворцовой Канцеляріи. Въ этомъ году, по именному указу Императрицы Анны Іоанновны, поручена была генералъ-директору дворцовыхъ волостей барону фонъ-Розену въ особое вѣдѣніе приписанная къ Дворцу отъ князя Алексѣя Долгорукова Хотунская волость съ тѣмъ, чтобы доходы этой волости поступали на содержаніе охотъ и состоявшихъ при нихъ служителей. Въ слѣдующемъ 1736 году, по именному же указу, означенная волость взята отъ барона Розена и поручена въ полное вѣдѣніе тайному домену и финансъ совѣтнику фонъ-Фирингу, и съ того времени охоты получали содержаніе, попрежнему, отъ Дворцовой Канцеляріи. 15 декабря 1738 года Дворцовая Канцелярія обратилась къ означенному Фирингу съ требованіемъ отпуска денегъ на содержаніе охоты изъ доходовъ Хотунской волости, присовокупивъ при этомъ, что содержать охоты изъ своихъ средствъ она не будетъ. На это Фирингъ послалъ объясненіе, что «безъ именнаго Ея Императорскаго Величества указа изъ Хотунскихъ доходовъ на охоту ни одного рубля употребить не можетъ, понеже та Хотунская волость ему въ полное вѣдомство поручена для особливаго управленія, а охота въ оной волости ничѣмъ уже не касается», поэтому и предлагалъ Канцеляріи «довольствовать охоты изъ другихъ какихъ-либо доходовъ». Послѣ того Канцелярія, не входя въ дальнѣйшія пререканія съ Фирингомъ, увѣдомила смотрителя охотъ, что она съ 1739 года не будетъ уже отпускать содержанія на охоты, но что онъ таковое можетъ требовать самъ отъ Фиринга изъ доходовъ Хотунской волости. Когда смотрителемъ охоты доведено было объ этомъ обстоятельствѣ до свѣдѣнія Оберъ-Егермейстера Волынскаго,

не желая вступать въ новыя переписки съ Дворцовою Канцеляріею и Фирингомъ, въ мартѣ 1739 года представилъ докладъ Императрицѣ, въ которомъ привелъ вышеозначенную переписку и отказы упомянутыхъ управленій отпускать продовольствіе для охотъ, донося при этомъ, что, оставляя звѣрей и птицъ безъ корма, онъ рисковалъ ихъ поморить, почему и вынужденъ былъ дать ордеръ членамъ подвѣдомственной ему Конюшенной Канцеляріи объ отпускѣ къ охотамъ продовольствія на январь, февраль и мартъ текущаго года отъ этой канцеляріи; при семъ всеподданнѣйше просилъ впредь, до аппробаціи яхтъ-штата, птичью, звѣриную и псовую охоты довольствовать отъ Главной Дворцовой Канцеляріи, на жалованье же служителямъ при охотахъ, на ихъ мундиръ и на прочіе мелочные расходы деньги производить, на счетъ яхтъ-штата, изъ Конюшенной Канцеляріи.

На этотъ докладъ 6 мая того же года послѣдовала резолюція Кабинета: до аппробаціи яхтъ-штата охоты кормовыми и прочими припасами продовольствовать изъ ближнихъ дворцовыхъ волостей; зданія же въ звѣринцахъ, на Потѣшномъ и Охотномъ дворахъ исправлять и вновь строить, а также дрова отпускать отъ Дворцовой Канцеляріи». (Часть I, стр. 310—311).

[84]) 22 сентября 1740 года былъ утвержденъ Императрицею Анною Іоанновною первый яхтъ-штатъ. По яхтъ-штату было положено имѣть въ Императорской охотѣ слѣдующее количество чиновъ и со слѣдующимъ жалованьемъ: а) Командиръ охоты, въ чинѣ полковника—1000 р.; б) Оберъ-егерь—300 р.; в) 2 егеря Ея Величества—100 р. и 80 р.; г) егерь Ея Высочества принцессы Анны Леопольдовны—100 р.; д) 2 пикера англійскихъ—360 р. и 180 р.; е) 2 пикера французскихъ—по 200 р. (англійскіе и французскіе пикеры были введены въ штатъ временно: первыхъ велѣно было отпустить «по окончаніи ихъ капитуляціи», а вторыхъ будущею весною; ж) 2 пикера (фамиліи ихъ нѣмецкія, вѣроятно, Курляндцы)—по 120 р.; з) при псовой охотѣ: 1) 4 охотника—каждому 12 р., муки 10, крупъ 1 четверть; 2) 2 наварщика—каждому 8 р., муки 10 и крупъ 1 четверть; 3) 2 конюха—каждому 6 р., муки 6 четвертей, крупы 4 четверика; и при слоновомъ и звѣровомъ дворахъ: 1) слоновщикъ Персъ—182 р. 50 к.; 2) звѣровщиковъ 8—каждому отъ 40 до 30 р., муки отъ 10—6 четвертей, крупы 1 четверть; і) оружейный подмастерье—150 р.; к) рисовальный подмастерье и замочный отдѣльщикъ—60 р. и муки 6 четвертей; л) учениковъ оружейнаго дѣла двое—40 и 36 р. (раньше послѣднихъ было много и по штату повелѣвалось оставить въ охотѣ лучшихъ, а прочихъ отослать на Тульскіе заводы); м) въ Петергофскомъ звѣринцѣ: 1) форштмейстеръ—300 р.; 2) звѣровщиковъ четверо—каждому 20 р. и отъ 10—6 четвертей муки и 1 четверть крупъ (на одного изъ звѣровщиковъ были возложены обязанности цейтъ-кнехта, о которыхъ скажемъ ниже); 3) смотритель малаго звѣринца—12 р., муки 10 и крупъ 1 четверть (интересно, что на эту должность велѣно было назначить кого-либо изъ лучшихъ охотниковъ, оставшихся за штатомъ «вмѣсто фазанъ-егеря»); н) комиссаръ—100 р.; о) писарь—60 р.; п) смотритель малаго звѣринца въ С.-Петербургѣ—12 р.; муки 10 и крупъ 1 четверть. Всего въ С.-Петербургѣ и въ Петергофѣ чиновъ 41, а жалованья имъ 4118 р. 50 к., муки 178 и крупъ 21 четверть, а считая за хлѣбъ по табельнымъ цѣнамъ 245 р. 10 к., итого деньгами 4363 р. 60 к.

Тѣмъ же штатомъ предписывалось приходъ и расходъ содержать слѣдующимъ образомъ: «для денегъ имѣть сундукъ съ двумя замками и двумя печатьми, одинъ замокъ и печать Полковника фонъ-Трескау, а другой замокъ и печать же опредѣленнаго къ тому комисара, и деньги на жалованье и на всѣ расходы въ настоящихъ нуждахъ выдавать по приказамъ Полковника, а книги приходныя и расходныя содержать за шнуромъ и печатью его жъ Полковника».

Въ Москвѣ. «При птичьей охотѣ людей старыхъ, которые были Блаженныя и Вѣчнодостойныя памяти при Великомъ Государѣ Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ»: а) статейщикъ одинъ, «которому команду надъ всею птичьею охотою имѣть»—50 р., въ томъ числѣ за мясо, рыбу и соль 10 р., ржи 20, крупъ 2 и овса 10 четвертей; б) 3 кречетника—каждому 10 р. да за мясо и соль 3 р., ржи 10, овса 1 четверть; в) 6 сокольниковъ—то же что и кречетникамъ; г) 2 помытчика—каждому 8 р. да за мясо и за соль 3 р., ржи 10, крупы 1 четверть; д) «вмѣсто конюховъ опредѣлить изъ отставленныхъ нынѣ сокольниковъ двухъ»—каждому 6 р. да за мясо и соль 2 р., ржи 6 четвертей, крупы 4 четверика. При звѣриной охотѣ: а) форштмейстеръ 300 р.; б) 5 звѣровщиковъ—каждому отъ 6 до 5 р., ржи отъ 7½ до 5 четвертей и крупъ отъ 1 четверти до 6 четвериковъ. При звѣринцѣ и другихъ охотничьихъ дѣлахъ писарь; ему 30 р., ржи 6 и овса 6 четвертей. Всего въ Москвѣ чиновъ 21 и жалованья имъ 562 р., ржи 177, крупъ 17½ и овса 16 четвертей, а считая за хлѣбъ по табельной цѣнѣ 246 р. 45 к., итого деньгами 808 р. 45 коп.

Приходъ и расходъ по Московской охотѣ велѣно было «содержать форсъ-мейстеру или статейщику, который изъ нихъ способнѣе будетъ, обще съ тѣмъ писаремъ, который опредѣленъ будетъ при звѣринцѣ, а рапортовать имъ всегда какъ о приходѣ и расходѣ, такъ и о всемъ прочемъ содержаніи къ полковнику фонъ-Трескау». «А псовую охоту, все что есть въ Москвѣ, раздать и людей всѣхъ распустить».

Кромѣ того, въ штатѣ этомъ показано также сколько слѣдуетъ содержать при царскихъ охотахъ звѣрей, собакъ, птицъ и лошадей.

На содержаніе всей охоты было исчислено по штату 5584 р. 85 к. въ годъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сената 9—1086 и 1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 8251).

Приведеннымъ штатомъ отъ 22 сентября 1740 года количество чиновъ царской охоты было значительно сокращено противъ имѣвшагося на службѣ до этого времени, а расходъ на охоту сильно пониженъ. До изданія штата на службѣ состояло въ 1740 году всего 175 человѣкъ, по штату 62; до изданія штата чинамъ охоты выдавалось жалованья 8190 р. да, кромѣ того, муки 1149, крупъ 105 и овса 103 четверти, мяса 239 и соли 46 пудовъ, по штату всего 5172 р. 5 к. Оставшихся за штатомъ егерей, охотниковъ кречетниковъ, сокольниковъ и прочихъ чиновъ охоты было велѣно распустить. (Госуд. Арх., ч. I, р. XIV, № 57).

[85]) Отмѣтимъ, какъ интересные факты, что въ половинѣ XVIII столѣтія оберъ-егери назначались на должности именными указами, Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи давaемыми (Рукоп. Импер. ох.), а копіисты, то-есть писаря послѣдней канцеляріи—Сенатскими указами, изъ числа обучавшихся въ С.-Петербургской гар-

Первоначальный видъ С.-Петербурга, 1705 г., съ грав. Боденеръ.

низонной школѣ. (Подл. Сен. Ук., № 6327—1746 и др.; Рук. Имп. ох.).

[86]) Спустя четыре мѣсяца, штатъ 22 сентября 1740 года былъ нѣсколько, хотя и незначительно измѣненъ, а 28 января 1741 года утвержденъ новый штатъ. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 310).

Послѣдняго штата полностью мы не нашли и знаемъ только, что по этому штату полагались при Измайловскомъ звѣринцѣ слѣдующіе чины съ нижеуказаннымъ жалованьемъ: а) форштмейстеръ — 300 р.; б) 5 звѣровщиковъ — каждому 5 р., муки отъ 7 до 6 четвертей и крупъ отъ 1 четверти до 4 четвериковъ; в) писарь — 30 р., муки 6 четвертей, овса 6 четериковъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. № 3). Знаемъ также, что, согласно тому же штату, изъ числа 12 охотниковъ, опредѣленныхъ состоять при псовой охотѣ въ Петербургѣ, 8 человѣкъ назначены были состоять собственно для ловли и стрѣльбы дичи. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 301).

Одновременно съ воспослѣдованіемъ Высочайшаго повелѣнія на принятіе послѣдняго штата данъ былъ именной указъ Полковнику Трескау, въ коемъ говорилось: «Указали Мы: 1) На положенныхъ при дворѣ Нашемъ по яхтъ-штату служителей, здѣсь и въ Петергофѣ обрѣтающихся, на жалованье, на мундиръ и прочіе мелкіе расходы денегъ 7102 р. 44 к. отпускать изъ Штатсъ-Конторы. 2) Онымъ же служителямъ провіантъ и дрова натурою или за оные деньгами, такожъ на кормъ псовый и звѣриной охоты и на слона и на кормъ же и лекарство деньгами и что потребно натурою, всего по примѣрнымъ прошлаго 1732 года цѣнамъ до 6965 р. 23 к. или сколько понадобится производить отнынѣ изъ нашей Дворцовой Конторы. 3) Обрѣтающимся изъ того жъ штата въ Москвѣ служителямъ на жалованье и провіантъ и на кормъ птицъ и звѣрей, натурою и деньгами, всего полагая, напримѣръ, до 4803 р. 58 к., отпускать изъ Дворцовой Канцеляріи, и всѣ тѣ отпуски чинить какъ нынѣ, такъ и впредь, здѣсь по требованію твоему, а въ Москвѣ опредѣленныхъ служителей, о чемъ всѣмъ вѣдать и учинить по сему указу». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 8328).

Правительница Анна Леопольдовна и супругъ ея Антонъ Ульрихъ, Герцогъ Брауншвейгъ-Люнебургскій, повидимому, оба были большіе поклонники охоты. Мы уже видѣли, что у нихъ были собственныя своры собакъ, и что Анна Леопольдовна самолично отдавала приказанія по Императорской охотѣ. Однако мы не нашли свѣдѣній, когда, при какой обстановкѣ и гдѣ охотилась принцесса Мекленбургская въ періодъ своего правленія Россійскимъ государствомъ. Объ участіи же Анны Леопольдовны въ охотахъ Императрицы Анны Іоанновны мы уже говорили.

[87]) 8 мая 1686 года послѣдовалъ слѣдующій указъ, сказанный всякихъ чиновъ людямъ:

«Стольники, Стряпчіе и Дворяне Московскіе, и Жильцы, и всякихъ чиновъ люди».

«Великіе Государи указали: въ прошлыхъ годѣхъ, по указу отца ихъ Государева, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и Брата ихъ Государей, блаженныя жъ памяти Великаго

Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Ихъ, Государей, указъ сказанъ имъ неоднажды, чтобы они съ людьми своими около Москвы, въ ближнихъ мѣстахъ, по полямъ, по лѣсамъ, со псовою охотою и по рѣкамъ, и по озерамъ, и по прудамъ, и по заливамъ со птицами, отнюдь не ѣздили, и изъ пищалей не стрѣляли, и людямъ своимъ стрѣлять не велѣли».

«И нынѣ вѣдомо Имъ, Великимъ Государямъ, учинилось, что многіе изъ нихъ около Москвы, въ ближнихъ мѣстѣхъ, въ поляхъ и въ лѣсахъ со псовою охотою ѣздятъ, а по рѣкамъ и озерамъ, и въ лѣсахъ же по птицамъ изъ пищалей стрѣляютъ».

«И они бъ впредь о томъ Ихъ, Великихъ Государей, указъ вѣдали, и около Москвы, въ ближнихъ мѣстѣхъ съ людьми своими по полямъ и въ нихъ со псовою охотою не ѣздили, и изъ пищалей ни по какимъ птицамъ не стрѣляли, и людей своихъ для того же не посылали».

«А буде кто изъ нихъ впредь, за ихъ, Государевымъ, указомъ то учинитъ, и отъ Нихъ, Великихъ Государей, за то имъ быть въ опалѣ, а людямъ ихъ въ жестокомъ наказаніи безъ пощады». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 1188).

18 апрѣля 1703 года Царь Петръ Алексѣевичъ отправилъ слѣдующій указъ Управителю селомъ Измайловымъ, стольнику и воеводѣ Матвѣю Васильевичу Афросимову:

«Въ прошлыхъ годѣхъ, по указу блаженныя Памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, посланы были его, Великаго Государя, указы въ село Измайлово къ прежнимъ прикащикомъ, велѣно того села деревень сторожамъ и всѣмъ крестьянамъ учинить заказъ крѣпкій, чтобъ всякихъ чиновъ люди по лугамъ и по прудамъ, и по озерамъ со птицами и съ пищалями не ѣздили и птицъ никакихъ отнюдь не ловили и изъ пищалей по нихъ не стрѣляли; а въ прошломъ 1701 году посланъ его, Великаго Государя, указъ изъ Преображенскаго приказа къ прежнему прикащику, къ Ивану Головкину: велѣно всякихъ чиновъ людямъ учинить заказъ крѣпкой же, чтобъ въ Измайловскихъ лугахъ и по рѣкамъ, и по прудамъ, и по озеркамъ съ соколами и съ ястребами и съ пищалями отнюдь не ѣздили и птицъ никакихъ не ловили, и изъ пищалей по нихъ не стрѣляли, и людей своихъ для того не посылали».

«А будетъ на тѣхъ Измайловскихъ лугахъ и рѣкахъ, и на прудахъ, и на озерахъ кто съ пищалми и со птицами явятся, и тѣхъ людей велѣно ловить и присылать къ Москвѣ въ Преображенскій приказъ; а въ Преображенскомъ приказѣ имать на нихъ за то пени: вышнихъ чиновъ людей по 50 рублевъ на человѣка, да людемъ же ихъ велѣно чинить наказаніе безъ пощады».

«А нынѣ вѣдомо Великому Государю учинилось, что на тѣхъ Измайловскихъ лугахъ, по рѣкамъ и по прудамъ, и по озеркамъ ѣздятъ всякихъ чиновъ люди со птицами и съ пищалми, птицъ ловятъ и изъ пищалей по нихъ стрѣляютъ».

«И какъ къ тебѣ сей, ево, Великаго Государя, указъ прійдетъ, и ты бъ по прежнимъ и по сему ево, Великаго Государя, указу на тѣ вышеписанныя мѣста самъ ѣздилъ почасту и мужиковъ, и крестьянъ посылалъ человѣкъ по десять и болши непрестанно, и тѣхъ людей, которые въ тѣхъ мѣстахъ явятся со птицами и съ пищалми велѣлъ ловить: вышнихъ чиновъ у людей имать людей, а нижнихъ чиновъ самихъ, и присылать тѣхъ людей, которые изловлены будутъ, со птицами и пищалми къ Москвѣ въ Преображенскій приказъ безъ мотчанія. А въ Преображенскомъ приказѣ взято будетъ пени вышнихъ чиновъ на людяхъ по сту рублевъ на человѣкѣ, а нижнихъ чиновъ людемъ учинено будетъ наказаніе жестокое безо всякія пощады и, сосланы будутъ въ ссылку въ Азовъ съ женами и дѣтьми на вѣчное житье».

«А котораго мѣсяца и числа, и какихъ чиновъ люди, и кто имянны, и въ которыхъ мѣстѣхъ, и съ чѣмъ пойманы будутъ, о томъ къ Великому Государю писать и отписки велѣлъ подавать, и пойманныхъ людей объявлять въ Преображенскомъ приказѣ — ближній стольникъ князь Федоръ Юрьевичъ Ромодановскій».

«А которые того села Измайлова и приселковъ, и деревень крестьяне поймаютъ птицъ: кречетовъ, челиговъ кречетьихъ, соколовъ, ястребовъ и тѣхъ бы птицъ они отнюдь никому не продавали и безденежно не отдавали, а приносили тѣхъ птицъ и объявляли въ Семеновскомъ на Потѣшномъ дворѣ. А буде кто тѣхъ птицъ поймаетъ и кому продастъ, а въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ не объявитъ, и тѣмъ людемъ учинено будетъ жестокое наказаніе безо всякія пощады и сосланы будутъ въ ссылку въ Азовъ съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье. А однолично бъ тебѣ о всемъ чинить по вышеписанному Великаго Государя указу и того смотрѣть накрѣпко; а буде ты на тѣ вышеписанныя мѣста ѣздить самъ по часту не станешь и мужиковъ и крестьянъ непрестанно посылать не будешь, или посланные мужики и крестьяне, поймавъ кого на тѣхъ мѣстѣхъ со птицами и съ пищалми, для своихъ взятковъ отпустятъ, а послѣ про то будетъ вѣдомо, и за то тебѣ быть въ пенѣ и въ жестокомъ наказаньѣ, а посланнымъ мужикамъ и крестьянамъ быть въ смертной казни». (Портфейль Малиновскаго, № 24).

Распоряженія Государя Петра Великаго о запрещеніи охоты у села Измайлова и вообще въ окрестностяхъ Москвы, повидимому, не касались иностранцевъ, гостившихъ въ древней сто-

лицѣ. Извѣстный путешественникъ Корнилій де Бруинъ, во время своего пребыванія, въ царствованіе Петра I-го, въ Москвѣ, постоянно гулялъ съ ружьемъ позади своего дома, находившагося у Нѣмецкой слободы на рѣкѣ Яузѣ, убивая отъ времени до времени куликовъ на пруду или утокъ на Яузѣ. Однажды онъ убилъ пулей пролетавшаго надъ его садомъ журавля. (Чтенія при Моск. Унив. 1872 года, № 1, стр. 72).

[88]) 2 апрѣля 1730 года былъ опубликованъ Высочайшій указъ:

«Понеже въ прошломъ 1728 году, указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Втораго въ Московскомъ уѣздѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ 30 верстъ со псовою и птичьею охотою ѣздить запрещено; а нынѣ Ея Императорское Величество указала изъ того закона убавить 10 верстъ, а публиковать и накрѣпко указать въ Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ на всѣ стороны, разстояніемъ отъ Москвы только по 20 верстъ, чтобъ какъ сами помѣщики, такъ люди ихъ и крестьяне со псовою и птичьею охотами не ѣздили и звѣрей, зайцевъ и лисицъ и прочихъ, окромѣ волковъ и медвѣдей, не травили и тенетами и ничѣмъ не ловили и не стрѣляли; и того накрѣпко смотрѣть самимъ помѣщикамъ, которые живутъ въ домахъ своихъ, а гдѣ самихъ помѣщиковъ нѣтъ, то прикащикамъ ихъ и старостамъ».

«А буде кто въ противность сего Ея Императорскаго Величества указа дерзнетъ со псовою или птичьею охотою ѣздить и звѣрей, окромѣ волковъ и медвѣдей, отравливать или чѣмъ ловить и стрѣлять, тѣхъ, имая, приводить въ Губернскую Канцелярію и штрафовать, не чиня никакаго послабленія. А волковъ и медвѣдей стрѣлять и ловить позволяется». (1-ое Полн. Собр. Зак., 1, ст. 5526).

25 мая 1731 года Правительствующему Сенату былъ данъ слѣдующій именной Высочайшій указъ:

(Начало буквально заимствовано изъ указа 2 апрѣля 1730 года о запрещеніи охоты на 20 верстъ кругомъ Москвы). ...«Но нынѣ, не взирая на тотъ Нашъ указъ, многіе тому явилися преступники; чего ради симъ наикрѣпчайше подтверждаемъ и повелѣваемъ, дабы, какаго кто званія ни былъ, отнюдь не дерзалъ въ вышеозначенныхъ около Москвы двадцати верстахъ впредь то чинить, также и птицъ не стрѣляли — и тенетами, и другими никакими снастями не ловили, подъ опасеніемъ за то неотмѣннаго жестокаго истязанія; и для лучшаго о томъ извѣстія публиковать Нашими указами во всѣхъ селахъ и деревняхъ, чтобъ обыватели о томъ были свѣдомы; а гдѣ такіе явятся, всякъ бы о нихъ доносилъ Оберъ-Егеру Нашему Осипу Меврелю (Мервилю), которымъ доносителямъ давано будетъ за то каждому по два рубля, и чтобы о семъ Нашемъ ревностномъ повелѣніи, всякъ вѣдая, впредь невѣдѣніемъ не могъ отговариваться, указали Мы при Нашей охотѣ егерямъ Нашимъ, ежели каго наѣдутъ, таковыхъ брать за караулъ, а собакъ всѣхъ перестрѣлять; крестьяне же и другіе подлые люди, которые множественнымъ числомъ стрѣляютъ и тенетами, и другими инструментами всякую дичину выводятъ, тѣмъ запрещается подъ наказаніе на тѣлѣ и ссылкою; а на тѣхъ, чьи тѣ крестьяне или служители въ томъ явятся, будетъ взыскано съ штрафомъ». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 5760).

[89]) Полн. Собр. Зак., ст. 3294.

[90]) 6 мая 1738 года Императорскій Кабинетъ увѣдомлялъ Оберъ-Гофмейстера графа Салтыкова, что «Ея Императорское Величество, именнымъ своимъ указомъ, соизволила повелѣть къ Вамъ изъ Кабинета отписать, дабы въ Москвѣ публиковано и наикрѣпчайшимъ указомъ запрещено было, чтобъ никто, какъ знатные, такъ и прочіе партикулярные люди, ни съ какими охотами отъ Москвы ближе 50 верстъ не ѣздили и никтобъ зайцовъ и русаковъ не травили, и тенетами, и цѣвками, и протчими не ловили, и птицъ не стрѣляли, ибо, какъ Ея Императорскому Величеству извѣстно есть, что около Москвы съ охотами весьма многолюдно ѣздятъ и зайцовъ по 70 и по 100 на день травятъ». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 7575).

[91]) 22 апрѣля 1714 года Царь Петръ Алексѣевичъ приказалъ, дабы въ С.-Петербургской губерніи, въ городахъ и уѣздахъ, было запрещено всякихъ чиновъ людямъ стрѣлять или бить лосей. «А ловить ихъ, ежели кто захочетъ, живыхъ, и, ловя, приводить ихъ въ городы къ Оберъ-Комендантамъ и Комендантамъ. А имъ тѣхъ лосей, принимая у нихъ, кормить и въ С.-Петербургскую Канцелярію писать, понеже тѣмъ людямъ, кто ихъ поймаетъ, по отпискамъ ихъ дано будетъ изъ Его, Государевой, казны за всякаго лося по пяти рублевъ».

«А буде кто впредь, съ сего Его Царскаго Величества указа, лосей станетъ стрѣлять и бить, и о томъ, по чьему извѣту, сыщется допряма, и на такихъ противникахъ взятъ будетъ штрафъ большой, да имъ же учинено будетъ жестокое наказаніе». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 2799).

Въ первой половинѣ 1737 года было объявлено въ С.-Петербургѣ, въ Ингерманландіи, въ Кексгольмскомъ и Выборгскомъ уѣздахъ и въ Новгородской губерніи, чтобы «обыватели лосей никто сами не ловили и не стрѣляли, а присматривали бъ и объѣзжали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оные бываютъ, и ежели кто лосей объѣдутъ, то бъ, по всякой скорости пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, объявляли при дворѣ Ея Императорскаго Величества, съ которыми немедленно для ловли и стрѣлянія тѣхъ лосей посланы будутъ отъ двора Ея Императорскаго Величества егеры, а имъ,

обывателямъ, за объѣздъ и за объявленіе о лосяхъ давано будетъ въ награжденіе за каждаго лося: за стараго по 5 рублевъ, а за молодого по 3 рубля». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

[92]) 18 сентября 1732 года воспослѣдовалъ именной Высочайшій указъ, данный Генералъ-Полицеймейстеру Салтыкову, коимъ предписывалось «на Васильевскомъ и Аптекарскомъ, и на прочихъ островахъ, и въ близости С.-Петербурга зайцевъ никому безъ указу не стрѣлять и не травить, и никакими инструментами не ловить, подъ опасеніемъ жестокаго штрафа». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 6186).

18 іюля 1727 года воспослѣдовалъ нижеслѣдующій Высочайшій указъ:

«Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій и Великій Государь Петръ II, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій указалъ, по Именному Своему Императорскаго Величества указу, на Аптекарскомъ острову никому съ ружьемъ и съ собаками не ходить и птицъ и звѣрей изъ ружья не стрѣлять, и собаками не травить, и никакими инструменты не ловить, и для гулянья множествомъ не ходить, и кулашныхъ боевъ не чинить, и кабакамъ на немъ не быть. Сей Его Императорскаго Величества Именной указъ объявилъ Тайный Дѣйствительный Совѣтникъ и Кавалеръ Его Превосходительство Господинъ Остерманъ». (Арх. Прав. Сената, кн. XXV, л. 22).

[93]) 4 апрѣля 1735 года было строжайше запрещено ловить и стрѣлять дичину въ окрестностяхъ Царскаго Села. (Яковкинъ, Лѣтоп., ст. 284).

[94]) Докладъ Оберъ-Егермейстера Волынскаго, отъ 18 ноября 1736 года, о «заведеніи» зайцевъ въ окрестностяхъ Петергофа и С.-Петербурга разсматривался Правительствующимъ Сенатомъ 3 января 1737 года. Сенатъ «приказали: въ Новгородскую губернію, той губерніи въ города, въ Ладогу, въ Олонецъ, такожъ въ Кексгольмъ и во Псковскую провинцію, и въ Московскую губернію послать указы, велѣть публиковать, чтобы охотники нынѣшнею зимою въ Новгородской губерніи наловили живыхъ зайцевъ до 500, а именно: около Новгорода 200, около Ладоги 50, въ Олонецкомъ уѣздѣ 100, въ Кексгольмскомъ 50, во Псковской провинціи 100; а сколько гдѣ когда тѣхъ зайцевъ уловлено будетъ, онымъ охотникамъ объявлять воеводамъ, а имъ отсылать въ С.-Петербургъ немедленно и дорогою беречь, чтобы всѣ живы были довезены, и за тѣхъ зайцевъ тѣмъ охотникамъ платить деньги по разсмотрѣнію, а именно, чтобъ каждый заяцъ съ перевозкою до С.-Петербурга не выше 10 копеекъ стать могъ; а впредь тѣхъ зайцевъ по всѣ годы присылать въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, противъ вышеписаннаго жъ, а въ Московской губерніи охотникамъ же наловить русаковъ до 200, которыхъ объявлять имъ въ Москвѣ губернатору, а ему присылать въ С.-Петербургъ же въ генварѣ мѣсяцѣ и дорогою беречь, чтобъ довезены были всѣ живы, и впредь повсягодно по тому жъ числу ловя, присылать въ декабрѣ и генварѣ, и охотникамъ за нихъ платить деньги по разсмотрѣнію, чтобы до С.-Петербурга не выше каждый русакъ обойтися могъ, какъ по 20 коп.; а ежели сыщутся такіе охотники, что вышеписанныхъ зайцевъ и русаковъ пожелаютъ ставить въ С.-Петербургъ живыхъ, съ тѣми заключить контракты въ цѣнѣ безъ передачи, и на то всѣ деньги держать изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ. А около С.-Петербурга и Петергофа стрѣлять и ловить, и травить зайцевъ во стѣ верстахъ запретить, о чемъ публиковать въ С.-Петербургѣ изъ Полиціи, а въ Ингерманландіи изъ Каммеръ-Конторы, и о томъ послать указы. А буде по вышеписаннымъ цѣнамъ зайцовъ и русаковъ, съ расходы, достать будетъ не можно, то за оныхъ платить деньги по разсмотрѣнію Губернаторовъ и Воеводъ». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 7147).

[95]) Зайцевъ предписано было наловить охотникамъ Новгородской губерніи около Новгорода 200, около Ладоги 50, въ Олонецкомъ уѣздѣ 100, въ Кексгольмскомъ 50, въ Псковской провинціи 100. «А сколько гдѣ когда тѣхъ зайцевъ изловлено будетъ, оныхъ охотникамъ объявлять воеводамъ въ городѣхъ, а имъ отсылать въ С.-Петербургъ немедленно и дорогою беречь, чтобъ всѣ живы были довезены, и за тѣхъ зайцевъ тѣмъ охотникамъ платить деньги по разсмотрѣнію, а имянно: чтобъ каждый заяцъ и съ провозомъ до С.-Петербурга не выше 10 копѣекъ стать могъ, а впредь тѣхъ зайцевъ по вся годы присылать въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ противъ вышеписаннаго жъ». Московскимъ же охотникамъ приказывалось наловить до 200 русаковъ, а платить имъ съ разсчетомъ, чтобы каждый русакъ съ провозомъ въ С.-Петербургъ обходился не болѣе 20 копѣекъ. «А ежели сыщутся такіе охотники, что вышеписанныхъ зайцевъ и русаковъ пожелаютъ ставить въ С.-Петербургъ живыхъ, съ тѣми сочинить контракты, въ цѣнѣ безъ передачи». Расходъ на эту надобность предписывалось «чинить изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 0—1086).

[96]) Во вниманіе аналогичныхъ съ изложеннымъ ходатайствъ, поступавшихъ въ Правительствующій Сенатъ изъ другихъ мѣстностей, впослѣдствіи стали командировать въ провинціи охотниковъ съ тенетами изъ Императорской охоты, о чемъ мы уже упоминали, приводя свѣдѣнія, касающіяся Измайловскаго звѣринца.

Около того же времени Квашнинъ-Самаринъ всеподданнѣйше доносилъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, что «изловлено понынѣ около Новгорода и въ Старорусскомъ уѣздѣ 20 зайцовъ, для которой ловли ѣздилъ изъ насъ нижайшій (т.-е. онъ самъ Квашнинъ-Самаринъ) и вицегубернаторъ

да полицеймейстеръ Барыковъ съ охотники и съ тенетами, и оные зайцы отправляются въ С.-Петербургъ сего (не означено котораго) числа на суднѣ въ ящикахъ съ нарочитымъ прапорщикомъ Малюевымъ». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

[97]) 7 мая того же 1737 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій представлялъ Правительствующему Сенату слѣдующее:

«Хотя указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената запрещено подъ штрафомъ, чтобъ отъ С.-Петербурга партикулярнымъ людямъ не стрѣлять и не ловить птицъ, а имянно куропатокъ сѣрыхъ, разстояніемъ въ двухстахъ верстахъ, и чтобъ оныхъ, битыхъ, и въ продажѣ здѣсь не было, а прочихъ птицъ, употребляемыхъ въ пищу, не стрѣлять и не ловить во стѣ верстахъ, но токмо, не взирая на оное запрещеніе, партикулярные люди и нынѣ всякихъ родовъ птицъ не только въ дальнихъ мѣстахъ, но и около самаго С.-Петербурга стрѣляютъ и ловятъ сѣтками и силками, и битыхъ птицъ продаютъ въ С.-Петербургѣ на рынкѣ и носятъ по домамъ, что уже неоднократно присмотрѣно, а нѣкоторые тѣмъ отговариваются, что будто и публикаціи о нестрѣляніи и неловленіи и ловленіи птицъ не слыхали. А понеже съ маія мѣсяца птицы сидятъ на гнѣздахъ и выводятъ дѣтей, и для того обыкновенно во всѣхъ въ Европѣ христіанскихъ государствахъ всѣ охоты и ловы, и стрѣльба, наипаче о птицахъ, кромѣ птоядныхъ (хищныхъ, ѣдящихъ птахъ, пташекъ) и вредительныхъ, маія съ 1-го по августъ мѣсяцъ, запрещается, ибо когда изъ старыхъ одна птица изъ гнѣзда убита или поймана будетъ, тогда уже и приплодъ того гнѣзда безполезно весь пропадаетъ. Того ради, чтобъ указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената повелѣно было въ С.-Петербургъ и въ С.-Петрбургскомъ и Дерптскомъ дистриктахъ (уѣздахъ) и въ Ингерманландіи публиковать печатными указами и съ барабаннымъ боемъ подъ жестокимъ штрафомъ, чтобъ обыватели, опричь тѣхъ, кому повелѣно стрѣлять малыя птицы и даны имъ билеты, птицъ не стрѣляли и не ловили, а для лучшаго для того унятія и пресѣченія, повелѣно бъ было въ дистриктахъ при церквахъ и кирках выставить оные печатные листы и при томъ прикащикамъ и мызникамъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ таковыхъ презрителей указовъ, стрѣлковъ и ловителей, до того не допускали и впредь, и въ томъ чтобъ у прикащиковъ и у мызниковъ и у выборныхъ старостъ чтобъ повелѣно было взять подписки, дабы впредь невѣдѣніемъ никто отговариваться не могли. А въ С.-Петербургѣ ежели кто изъ тѣхъ запрещенныхъ птицъ въ законные мѣсяцы, въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ, продавать будутъ, оныхъ повелѣно бъ было отъ Полиціймейстерской Канцеляріи сотскимъ и десятскимъ ловить въ Полицеймейстерскую Канцелярію для учиненія штрафа, каковъ отъ Правительствующаго Сената какимъ людямъ опредѣлиться». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен., 7—1071).

Взятіе Петромъ I 7 мая 1703 г. въ устьѣ Невы двухъ шведскихъ судовъ «Геданъ» и «Астрильдъ», съ грав. Ростовцова.

Въ дополненіе къ этому Волынскій 12 мая доносилъ: «Во многихъ мѣстахъ обыватели ловятъ зайцевъ пустокличью тенетами, а понеже какъ здѣсь, около С.-Петербурга, такъ и въ Московской и Новогородской губерніяхъ, оную ловлю зайцевъ надлежитъ обывателямъ запретить,—того ради, чтобъ указомъ Ея Императорскаго Величества изъ Правительствующаго Сената повелѣно было въ С.-Петербургскомъ и Дерптскомъ дистриктахъ, и въ Ингерманландіи и въ Московской и въ Новгородской губерніяхъ и приписныхъ къ тѣмъ губерніямъ провинціяхъ и городѣхъ всѣмъ обывателямъ зайцевъ ловить пустокличью запретить и о томъ публиковать въ тѣхъ мѣстахъ указомъ». (Тамъ же).

Вышеприведенные доклады Оберъ-Егермейстера Волынскаго о пріобрѣтеніи куропатокъ и зайцевъ, о неловленіи зайцевъ и нестрѣляніи птицъ весною были заслушаны и уважены Правительствующимъ Сенатомъ въ томъ же 1737 году, 3 числа неизвѣстнаго мѣсяца. (Тамъ же).

[98]) (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

[99]) Около того же времени былъ опубликованъ указъ о запрещеніи охоты въ окрестностяхъ Москвы, а также слѣдующій интересный указъ о запрещеніи охоты на лосей на пространствѣ всей территоріи Россійскаго государства:

«Божіею Милостью, Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч. Хотя прежде сего публичными указами уже накрѣпко запрещено было, чтобъ никакихъ лосей въ Нашемъ Государствѣ не бить, но оные разведены и къ нашей диспозиціи, яко регалія, заповѣданы быть имѣютъ, дабы кожы оныхъ на всякій потребный мундиръ Нашей милиціи употребляемы быть могли; однакожъ къ немалому неудовольствію увѣдомленось, что такихъ звѣрей ежегодно какъ отъ помѣщиковъ маетностей (имѣній—польск.), такъ и отъ крестьянъ множество побито, отъ чего оные со временемъ почитай вовсе искоренятся, и кожи весьма въ дорогую цѣну придутъ, или болѣе оныхъ невозможно сыскать будетъ. Того ради сей Нашъ именной указъ всѣмъ и каждому подданнымъ и жителямъ въ Нашемъ Государствѣ и во всѣхъ принадлежащихъ къ тому Россійскихъ и Лифляндскихъ провинціяхъ состоялся, чтобы при публичныхъ и коронныхъ маетностяхъ и на границахъ оныхъ никто изъ помѣщиковъ, управителей и крестьянъ, или ктобъ они не были, не дерзалъ никогда за лосями ходить и бить, а въ приватныхъ и шляхетныхъ маетностяхъ оное на десять лѣтъ отъ сего числа, такожъ вовсе заповѣдуется и запрещается, дабы въ такое время, до Нашего соизволительнаго указа и опредѣленія и тамо лоси распложались и на потребное употребленіе кожи оныхъ сбережены были. Ежели же явится, что кто противно тому поступитъ, то помѣщикъ маетности за каждаго лося пятьюдесятью ефимками штрафованъ (будетъ) и такія деньги изъ его наличнаго имѣнія или, за недостаткомъ онаго, съ отягощеніемъ (отъ слово тягло, то-есть налогъ, повинность) крестьянъ въ его помѣстьѣ столько, сколько потребно, тотчасъ безъ всякой пощады взяты, а управители или другіе таковые служители, которые столько денегъ заплатить не могутъ, по препорціи того подъ жестокій арестъ или въ заточеніе посаждены, крестьяне же на публичную работу въ крѣпости, по состоянію обстоятельствъ, на нѣкоторое время посланы и содержаны будутъ; чего Наши опредѣленные командующіе управители въ каждомъ дистриктѣ и округѣ, такожъ и земскіе и экономическіе фискалы накрѣпко и прилежно предостерегать и смотрѣть должны, и тотъ, который о томъ донесетъ и объявитъ, что кто противно сему Нашему запрещенію поступитъ, третью часть изъ собираемыхъ за то штрафныхъ денегъ получить имѣетъ, а прочее въ церкви, школы или убогіе домы оныхъ дистриктовъ или округовъ употребится. И дабы никто невѣдѣніемъ отговариваться причины не имѣлъ, тобъ священники въ церквахъ съ канцелей (въ документѣ противъ этого слова на поляхъ написано: «съ катедръ») сей указъ ежегодно по четвертямъ года публиковали и читали, о содержаніи жъ онаго приказу ясно подтверждали, а помѣщики или управитель каждой маетности, что имъ о томъ объявлено, своеручно подписались». (Быть Росс. Госуд. въ 1740—1741 гг., ч. I, стр. 302).

[100]) 12 марта 1741 года Оберъ-Егерь Бемъ доносилъ къ Егермейстерскимъ дѣламъ: «Понеже въ прошломъ 1740 году, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества Анны Іоанновны, публиковано печатными указами, дабы въ Копорскомъ уѣздѣ, во всей Ингерманландіи, отъ Петербурга въ тридцати верстахъ, отъ Петергофа, Краснаго Села, Кипинской мызы въ тридцати-жъ верстахъ, звѣрей никакихъ ловить, такожъ и птицъ стрѣлять запрещено, которые Ея Императорскаго Величества указы въ мызахъ, въ показанныхъ верстахъ, и публикованы, чтобъ невѣдѣніемъ никто отговариваться не могъ; а нынѣ увѣдомился я, что, гдѣ обрѣтаются лоси въ дачахъ, обыватели и птицъ всякихъ стрѣляютъ, а именно: въ селѣ Колтышахъ, которое отстоитъ отъ Петербурга въ 15-ти верстахъ, и въ мызахъ: вѣдомства С.-Петербургской Гарнизонной Канцеляріи, что называется Комендантчина; вѣдомства Канцеляріи отъ строеній—въ селѣ Ижерѣ, что на рѣкѣ Невѣ, да по Московской дорогѣ, Ѳедоровскаго посада, въ деревнѣ Лисинѣ; вѣдомства Дворцовой Конторы въ деревнѣ Кайкушахъ; отъ чего по Двору Ея Императорскаго Величества въ ловлѣ тѣхъ лосей и птицъ чинится не малая остановка; и чтобъ отъ оныхъ дѣлъ (Егермейстерскихъ) о неловленіи и нестрѣлянію звѣрей и птицъ для подтвержденія взнесть, куда надлежитъ, доношеніе».

Вслѣдствіе этого отъ завѣдывавшаго въ то время придворными охотами Полковника фонъ-Трескау 18 марта того же года представлено было въ Придворную Контору, «чтобы повелѣно было о неловленіи и нестрѣлянію партикулярнымъ людямъ звѣрей и птицъ во всей Ингерманландіи и Выборгскомъ уѣздѣ и въ прочихъ заповѣдныхъ мѣстахъ публиковать еще Ея Императорскаго Величества указами». (Быть Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 303).

[101]) 28 іюня 1740 года послѣдовало нижеслѣдующее Высочайшее повелѣніе:

«Божію Милостію, Мы, Анна, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч. Объявляемъ во всенародное извѣстіе. Хотя напредъ сего неоднократными указами публиковано, чтобъ въ Ингерманландіи звѣрей и птицъ партикулярные люди не ловили и не стрѣляли, но по тому не исполняется, и не только во всей Ингерманландіи, но и въ ближайшихъ мѣстахъ къ Санктъ-Петербургу и около Петергофа всегда лосей, зайцевъ и птицъ ловятъ и стрѣляютъ, особливо и выпущенныя по Нашему указу нарочно около Петергофа и Краснаго Села куропатки перестрѣляны. Того ради указали Мы впредь лосей во всей Ингерманландіи и въ Выборгскомъ уѣздѣ, а прочихъ звѣрей и никакихъ птицъ около Петергофа, Санктъ-Петербурга, Кипенской мызы и Краснаго Села въ тридцати верстахъ, изъ партикулярныхъ людей отнюдь

никому не ловить и не стрѣлять, подъ жестокимъ наказаніемъ; особливо же того по деревнямъ и мызамъ за людьми и крестьянами накрѣпко смотрѣть прикащикамъ; а ежели кто изъ людей и крестьянъ въ преступленіи сего явится, то, чьибъ они ни были, безъ всякаго милосердія сосланы будутъ въ каторжную работу, а прикащики за несмотрѣніе жестоко штрафованы будутъ. И о томъ въ Санктъ-Петербургѣ и Ингерманландіи, во всѣхъ мызахъ и деревняхъ сей Нашъ Императорскаго Величества указъ публиковать, дабы всѣ были извѣстны и невѣдѣніемъ никто отговариваться не могъ». (Бытъ Росс. Госуд. въ 1740—1741 гг., ч. I, стр. 302).

[102]) 21 іюля 1740 года «Правительствующій Сенатъ, по доношенію Полковника фонъ Трескау, приказали: 1) о неловленіи и нестрѣляніи въ Ингерманландіи и прочихъ мѣстахъ звѣрей и птицъ поступать по публикованнымъ Ея Императорскаго Величества печатнымъ прошлаго іюня 28 числа указамъ непремѣнно, чего ради такой указъ, ежели къ Егермейстерскимъ дѣламъ прежде было не послано, для вѣдома нынѣ сообщить. 2) О данныхъ отъ Артемія Волынскаго разнымъ людямъ о ловлѣ и стрѣляніи звѣрей и птицъ билетахъ за его рукою и печатью и мѣдныхъ орловыхъ бляхахъ, кромѣ Дворцовыхъ егерей, изъ Полиціи публиковать, ежели кто оные у себя имѣетъ, чтобъ къ Егермейстерской Конторѣ объявили безъ всякія утайки; а ежели кто не объявитъ и съ онымъ станетъ звѣрей и птицъ ловить и стрѣлять, и пойманъ будетъ, или кто въ томъ послѣ на него донесетъ, онымъ будетъ учиненъ штрафъ по указу безъ всякаго упущенія. 3) Придворнымъ егерямъ, ежели гдѣ они на охотѣ поймаютъ какаго вольнаго человѣка: во взятьѣ оныхъ и приводѣ въ Вышепомянутую Контору, обывателямъ въ тѣхъ мѣстахъ чинить вспоможеніе безъ отрицанія; и о томъ тѣмъ егерямъ дать изъ Полиціи указъ съ прочетомъ». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 8179).

[103]) «Любимою потѣхою Цесаревны» — говоритъ Стромиловъ — «по примѣру царствующихъ особъ тогдашней Европы, а тѣмъ болѣе въ виду пристрастившагося къ ней царствующаго своего племянника, Петра II, была охота, во всѣхъ ея видахъ, ставшая, такъ сказать, современной модой. Ей то она и посвящала все свое время въ Слободѣ, будучи въ душѣ вполнѣ въ то время близкій къ Елисаветѣ Петровнѣ. «Шубинъ также былъ страстный охотникъ, и вотъ онъ, Цесаревна, неразлучный съ ней служитель В. И. Чулковъ, тоже уроженецъ изъ-подъ Слободы и также псовый охотникъ, наконецъ, пристрастившійся къ ружейной охотѣ и едва ли не влюбленный въ Цесаревну ея Лейбъ-Хирургъ Лестокъ, — вся эта компанія ревностно занималась охотою во всѣхъ ея видахъ»... (Тамъ же, стр. 22).

Россійскій гербъ въ началѣ XVIII ст., съ нѣмецк. гр. того времени.

«Полевала она около дворцоваго своего села Андреевскаго (въ 17 верстахъ отъ Слободы по Юрьевской дорогѣ), гдѣ и указываютъ на немъ мѣсто хоромъ, а близъ и любезный охотный дворъ для ея пріѣзда на охоту; память объ этомъ подъ-дворцовымъ селомъ Ивановскимъ (Холуденевымъ тожъ) доселѣ сохранилась въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ-угодій—Царскими мѣстами; все по пути переѣзжала она въ Опольщину, къ городу Юрьеву Польскому, на поле-гладь, гдѣ тѣшилась выпусками живыхъ или, какъ выражались тогда, саженныхъ зайцевъ, которыхъ и изволила осаживать борзыми, травя около него въ Монастырскомъ селѣ Кучкахъ и въ сельцахъ Шетневѣ и Маломъ Кузьминскомъ... Въ Кузьминскомъ народное преданіе сохраняетъ память о страстной охотницей до псовой охоты за зайцами. Статная красавица, она выѣзжала верхомъ въ мужскомъ платьѣ и на соколиную охоту»... (Чтенія въ Имп. Истор. Общ. при Моск. Унив., 1874 годъ, кн. I, стр. 21).

Занимаясь также стрѣльбою птицъ, Цесаревна все-таки «псовую охоту предпочитала выѣздамъ на шалаши или чучела, словомъ, птичьей или вообще такъ называемой егерской; около Слободы въ пригородныхъ селахъ, окруженныхъ густыми лѣсами, было гдѣ потѣшиться въ отъѣзжемъ полѣ; и отсутствуя изъ своей слободы, въ окрестныхъ ея селахъ и деревняхъ, она имѣла также въ нихъ свои станы (ставки) — хоромы для своего ночлега, а близъ нихъ и охотные дворы». (Тамъ же).

[104]) Непремѣннымъ участникомъ охотъ Цесаревны былъ казначей Великой Княжны, Алексѣй Яковлевичъ Шубинъ, человѣкъ

томъ родникѣ на ключѣ, гдѣ Цесаревна пила воду: мѣсто это доселѣ осѣняется иконою св. Елисаветы Мученицы». (Тамъ же, стр. 24).

[105]) Вскорѣ по вступленіи Императрицы Елисаветы Петровны на престолъ и по переѣздѣ Высочайшаго двора изъ С.-Петербурга въ Москву, въ январѣ 1742 года, послѣдовало приказаніе отправить для предстоящихъ Высочайшихъ охотъ въ Москву же и Петербургскую Императорскую охоту, которая выбыла безотлагательно, повидимому, въ полномъ ея составѣ, такъ какъ подъ служителей, собакъ и кормы для послѣднихъ было наряжено 80 ямскихъ подводъ, а самый переѣздъ охоты обошелся въ 250 рублей — сумму, по тому времени весьма солидную. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 57).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ, «для лучшаго умноженія въ С.-Петербургѣ псовой Ея Императорскаго Величества охоты къ осенней ѣздѣ», приказано было прислать изъ Москвы, сколько возможно больше, годныхъ гончихъ собакъ, конечно, неотмѣнно» выступивъ въ путь 2 августа. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 43, д. № 4).

[106]) Въ октябрѣ 1742 года Императрица охотилась на тетеревей изъ шалашей съ чучелами. Шалаши устраивались въ это время большею частью въ Перовской рощѣ, откуда одинъ шалашъ, по Высочайшему повелѣнію, былъ перенесенъ въ началѣ этого мѣсяца въ Измайловскій звѣринецъ (Рукоп. Импер. охоты). Въ послѣднемъ мѣстѣ охота, повидимому, была особенно хороша, такъ какъ сюда приглашались высокіе гости Императрицы. 8-го числа того мѣсяца «Его Свѣтлости князя Гессенъ Гомбургскаго генералъ-адъютантъ господинъ Малтицъ» объявилъ въ Измайловскомъ дворцѣ, «что по именному Ея Императорскаго Величества изустному указу завтрашняго числа пополуночи въ третьемъ часу изволитъ Его Свѣтлость быть во вновь поставленные за звѣринцемъ шелаши для осматриванія оныхъ и стрѣлянія тетеревей, и чтобъ для загонки оныхъ птицъ были наряжены люди». (Рукоп. Сборн. Именн. Указ.).

9 октября этого года Англійскій резидентъ при Русскомъ Дворѣ Wich доносилъ своему министерству: «Императрица чрезвычайно пристрастилась къ охотѣ; министры рѣдко находятъ случай представлять ей какія-нибудь серіозныя дѣла». (La cour de la Russie, стр. 109).

2 ноября 1742 года Елисавета Петровна приказала построенный въ Перовской рощѣ шалашъ для стрѣлянія тетеревей перенести на новое мѣсто, по указанію Оберъ-Егермейстера Разумовскаго. (Рукоп. Имп. ох.).

Въ томъ же 1742 году, «въ бытность свою въ Москвѣ, Императрица ѣздила на охоту въ Подмосковную бароновъ Строгоновыхъ и застрѣлила нѣсколько звѣрей». (Вейдемейеръ, т. II, стр. 122).

Зимою съ 1742 на 1743 годъ велѣно было крестьянамъ Переяславскаго уѣзда, Елисею и Степану Ивановымъ и Матвѣю Игнатьеву, «къ охотѣ Ея Императорскаго Величества обыскивать медвѣдей и другихъ звѣрей». Весьма интересно, что названные крестьяне были сыновьями: первые двое того Ивана Иванова, а послѣдній того Авдѣя Игнатьева, на которыхъ совершенно такая же задача была возложена (о чемъ мы говорили раньше) при Императорѣ Петрѣ II. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

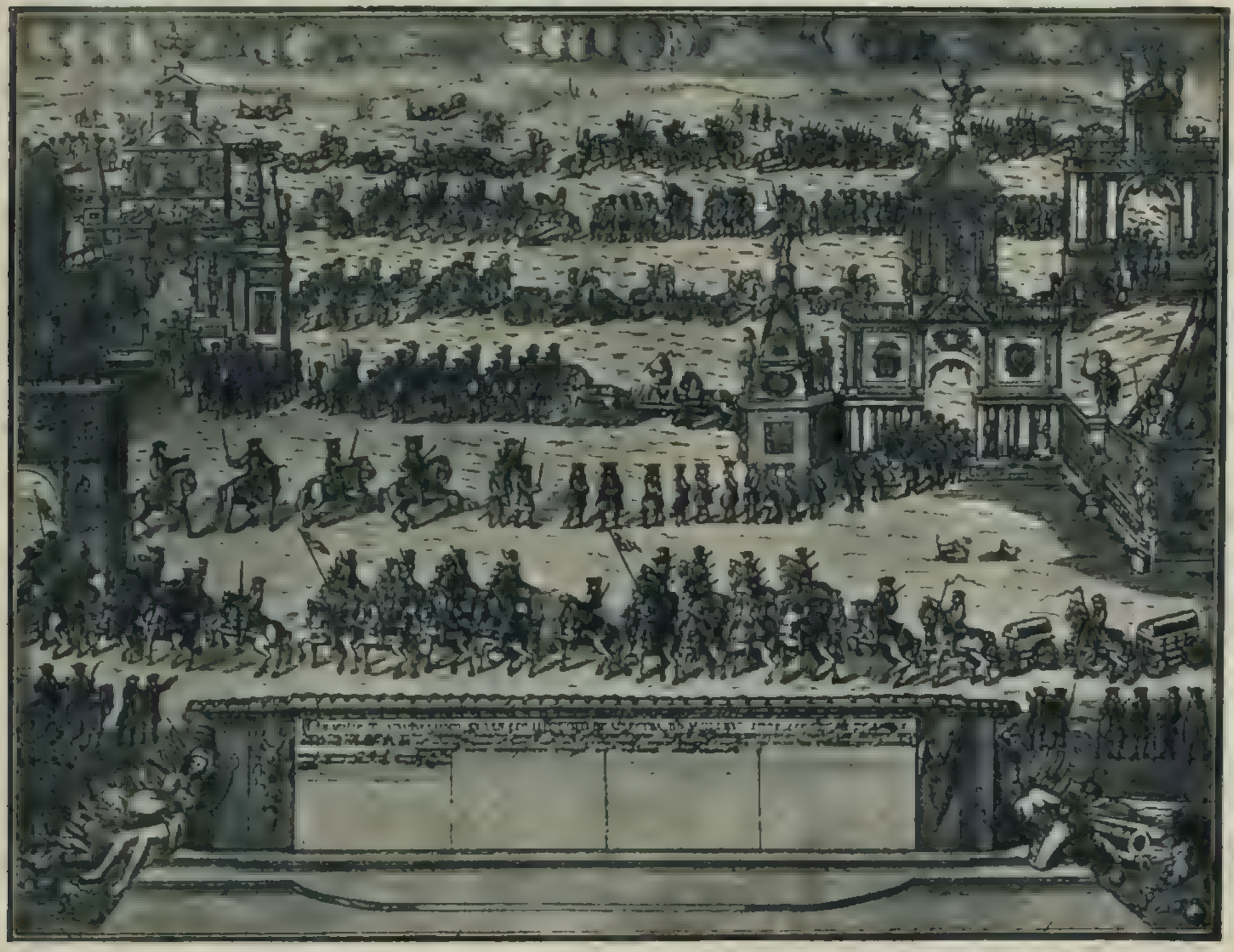
[107]) 21 января 1744 года Императрица Елисавета Петровна со всѣмъ придворнымъ штатомъ отправилась изъ С.-Петербурга въ Москву, не дождавшись пріѣзда въ С.-Петербургъ приглашенной ею принцессы Цербстской, впослѣдствіи Императрицы Екатерины II, которая прибыла въ этотъ городъ 3 февраля и тотчасъ же направилась съ матерью въ Москву, куда и прибыла 9-го числа того же мѣсяца. (Соловьевъ, т. XXI, стр. 305 и 324).

[108]) 12 мая 1744 года Императрица, въ бытность свою въ Москвѣ, подарила Оберъ-Егермейстеру графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому село Перово и деревни Тетерки и Тимохово. И эти вновь подаренныя Оберъ-Егермейстеру мѣста сдѣлались вскорѣ весьма частой ареной охотничьихъ похожденій Елисаветы Петровны. «Государыня любила посѣщать Перово и гостила тамъ иногда довольно долго. Туда привозила она впослѣдствіи и Великаго Князя и Великую Княгиню (Петра Ѳеодоровича и Екатерину Алексѣевну); тамъ Елисавета Петровна любила потѣшаться соколиною и псовою охотою, на которую приглашались часто чужестранные министры и нѣкоторые изъ знатныхъ обоего пола особъ»,

«Какъ любила Императрица гостить въ Перовѣ, такъ точно, во время пребыванія въ Петербургѣ, или его окрестностяхъ, часто навѣщала она Гостилицкую мызу; то Мурзинку, то Славянку, то Приморскій дворъ, подпетербургскія дачи старшаго Разумовскаго. Но особенно любила она Гостилицы. Сюда пріѣзжала она на нѣсколько дней лѣтомъ, позднею осенью и даже зимою. Здѣсь она охотилась верхомъ, то съ собаками, то съ соколами, въ мужскомъ платьѣ». («XVIII вѣкъ», ч. II, стр. 406 и 434).

19 іюня 1744 года, въ 10 часовъ утра, Елисавета Петровна, изъ Москвы, «съ небольшою свитою, изволила шествіе имѣть черезъ Головинскій садъ, и, выступая изъ сада, изволила сѣсть въ кареты и слѣдовать въ путь въ село Люберицы, которое отъ Москвы разстояніемъ въ пятнадцати верстахъ, куда изволила прибыть въ двѣнадцатомъ часу въ половинѣ, и по прибытіи

вступить въ ставки, поставленныя во дворцѣ». Затѣмъ «пополудни въ седьмомъ часу въ половинѣ, Ея Императорское Величество, съ придворными кавалеры, изъ оныхъ ставокъ изволила поѣхать верхомъ въ поля съ соколами, за охотою, а прибыть изволила во оныя жъ ставки пополудни жъ въ девятомъ часу въ исходѣ, гдѣ по прибытіи изволила кушать вечернее кушанье и ночевать». 20-го числа Императрица ѣздила изъ Люберицъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь, который отъ Люберицъ въ 7 верстахъ, куда вошла пѣшкомъ, встрѣченная въ воротахъ игуменомъ съ братьею. Отслушавъ въ монастырѣ литургію и молебенъ, посѣтивъ затѣмъ дворецъ у монастыря, Елисавета Петровна обѣдала на лугу въ ставкахъ, а въ седьмомъ часу вечера со всею свитою направилась въ Москву. «И будучи въ пути, изволила ѣздить съ соколами, за охотою;



Торжественный въѣздъ Петра I въ Москву послѣ Полтавской битвы, съ гр. П. Пикаръ. Собр. П. Я. Дашкова.

а въ Москву прибыть изволила къ Головинскому саду пополудни жъ въ одиннадцатомъ часу въ половинѣ». (Походн. Журн. 1744 года, стр. 18—20).

[109]) 22 мая 1749 года Императрица Елисавета Петровна въ бытность свою въ Москвѣ, «соизволила въ забавный домъ, называемый Перово, на нѣсколько дней отъѣхать». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1749 года, № 43).

Это пребываніе Императрицы въ гостяхъ у Оберъ-Егермейстера, вѣроятно, должно было быть посвящено главнымъ образомъ охотѣ, о чемъ, между прочимъ, можно догадываться и по свидѣтельству Генеральнаго Хорунжаго Ханенка, который, будучи также приглашеннымъ въ Перово, почелъ первѣйшею своею обязанностью купить для себя въ Москвѣ ружье. (Ханенко, стр. 425).

Въ началѣ этого пребыванія Елисаветы Петровны въ Перовѣ, охоты, дѣйствительно, происходили каждый день. Кромѣ Императрицы въ охотахъ этихъ принимали участіе Великій Князь

и Великая Княгиня, также приглашенные Разумовскимъ въ его помѣстье. Злобою дня былъ въ это время Чеглоковъ, мужъ Оберъ-Гофмейстерины. «Благодаря подаренной ему сучкѣ Цырцеѣ, онъ участвовалъ въ каждой охотѣ и сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ всей Перовской компаніи. Его увѣряли, что собака его не упускала ни одного зайца, и тщеславный Чеглоковъ былъ въ восторгѣ». («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 461).

Однако, въ это свое пребываніе въ Перовѣ Елисавета Петровна не могла долго наслаждаться охотою. Вскорѣ по пріѣздѣ, Императрица занемогла воспаленіемъ въ боку, а оправившись отъ этой болѣзни, предприняла путешествіе пѣшкомъ въ Троице-Сергіевскую лавру. (Вейдемейеръ, т. I, стр. 134).

Во время пребыванія Высочайшаго двора въ Москвѣ, въ теченіе 1749 года, съ Великимъ Княземъ Петромъ Ѳеодоровичемъ приключился на охотѣ слѣдующій знаменательный случай:

«Великій Князь любилъ охоту и часто занимался сею забавою въ окрестностяхъ Москвы. Въ сей столицѣ стоялъ Бутырскій полкъ, въ которомъ служилъ поручикъ Батуринъ, дурного поведенія, игрокъ, обремененный долгами, но человѣкъ предпріимчивый. Однажды, когда Великій Князь былъ на охотѣ, Батуринъ, увидя его отдалившагося отъ своей свиты, бросился къ ногамъ и сказалъ, что онъ клянется не признавать никого Государемъ, кромѣ его, и что онъ готовъ исполнить все, что ему Его Высочество прикажетъ». Великій Князь ускакалъ, а Батуринъ былъ препровожденъ въ Преображенское въ Тайную Канцелярію, гдѣ оказалось, что онъ питалъ намѣреніе покуситься на жизнь Императрицы. Приговоренный къ вѣчному заключенію въ Шлиссельбургской крѣпости, бѣжавшій оттуда, пойманный и сосланный затѣмъ въ Камчатку, совершившій побѣгъ и изъ этой ссылки, Батуринъ былъ убитъ туземцами на островѣ Формозѣ. (Вейдемейеръ, т. I, стр. 135).

[110]) Въ октябрѣ 1752 года Оберъ-Егермейстеръ графъ А. Г. Разумовскій писалъ Егермейстеру Хитрово:

«Доношеніемъ ко мнѣ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи представлено, что, по имянному Ея Императорскаго Величества изустному указу, повелѣно Ея Императорскаго Величества своры блюденныхъ борзыхъ сукъ нынѣ отправить для наилучшаго способу въ Москву, съ нарочнымъ, которые и отправляются въ одной фурѣ; а понеже Ея Императорское Величество соизволила намѣреніе воспріять въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ шествовать въ Москву и, какъ уповательно, что въ бытность въ Москвѣ имѣютъ быть походы, а для возки въ походахъ своры Ея Императорскаго Величества и подъ прочихъ собакъ потребно до шести фуръ сдѣлать вновь, и для избѣжанія казеннаго убытку заблаговременно потребовано, не повелѣно-ль будетъ оныя фуры нынѣ опредѣлить сдѣлать. И на оное Вашему Превосходительству симъ сообщаю, изволите, для показанныхъ мнѣ въ докладѣ резоновъ, противъ той фуры, которая нынѣ отправляется въ Москву, опредѣлить вновь шесть фуръ сдѣлать заблаговременно, дабы во время Высочайшаго Ея Императорскаго Величества прибытія въ Москву въ дѣланіи тѣхъ фуръ не могло произойти въ цѣнѣ излишней передачи; а платежъ подъ вышеобъявленныхъ собакъ ямскимъ подводамъ прогоновъ и на прочіе путевые расходы, что надлежитъ, безызлишеству, такожъ и на дѣло тѣхъ фуръ, деньги употребить изъ оставшей по яхтъ-штату за годовыми расходы суммъ, что объявя, пребываю Вашего Превосходительства всегдашній слуга Гр. Ал. Разумовскій». (Рукоп. Имп. ох.).

6 ноября того же года графъ А. Г. Разумовскій приказалъ слѣдовать въ Москву Егермейстеру, канцеляріи со служителями, Оберъ-Егерю Армакову со всѣми егерями и егерскими учениками и, для починки ружей Ея Величества, слесарному подмастерью и двумъ ложеннаго дѣла ученикамъ да псовой охоты корытничимъ, стремяннымъ охотникамъ и прочимъ служителямъ, взявъ съ собою всѣхъ годныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, а негодныхъ, «дабы на нихъ казеннаго корму напрасно не происходило», раздать желающимъ, донеся ему, Оберъ-Егермейстеру, какія собаки подлежатъ раздачѣ. (Рукоп. Имп. ох.).

Въ то же время готовилась къ предстоящимъ охотамъ Императрицы Елисаветы Петровны и Московская псовая охота, для чего, между прочимъ, были устраиваемы пробныя охоты въ окрестностяхъ Москвы. Въ одну изъ такихъ охотъ, происходившихъ въ Семеновской рощѣ, охотникъ Шолминъ нашелъ неизвѣстнаго человѣка, укрывавшагося въ ямѣ, заложенной сверху травою. По извлеченіи неизвѣстнаго изъ его убѣжища и по осмотрѣ его, онъ оказался пытанымъ, почему его и отправили въ Сыскной Приказъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

[111]) Въ 1753 году, во время своего пребыванія въ Москвѣ, Императрица Елисавета Петровна посѣщала потѣшный дворъ села Семеновскаго. (Журналъ Гофъ-Штабъ-Квартирмейстера 1753 года, стр. 21, 23 и др.).

11 іюля того же года, «поутру Ея Императорское Величество изволила слушать обѣдню въ Воскресенскомъ монастырѣ; а послѣ полудня изволила ѣздить на поле со псовою охотою». (Тамъ же, стр. 40).

14 іюля того же года, «поутру Ея Императорское Величество изволила слушать обѣдню въ Воскресенскомъ монастырѣ; а послѣ полудня изволила ѣздить на поле со псовою охотою». (Тамъ же, стр. 41).

18 іюля, въ «воскресеніе, Ея Императорское Величество поутру въ селѣ Черневѣ изволила слушать обѣдню, а послѣ обѣденнаго кушанья изволила ѣздить въ поле со псовою охотою». (Тамъ же).

Прибывъ 23 августа 1753 года, въ понедѣльникъ вечеромъ въ село Братовщино, на слѣдующій день, во вторникъ, «24-го числа, пополудни Ея Императорское Величество изволила забавляться на полѣ со псовой охотой, и того вечера вечернее кушанье изволила кушать въ селѣ Алешинѣ, отъ Братовщины пятнадцать верстъ, у Генералъ-Адъютанта и обоихъ Россійскихъ орденовъ Кавалера, господина Александра Борисовича Бутурлина, причемъ былъ зажженъ фейерверкъ и ракеты». (Тамъ же, стр. 45).

1 сентября того же года, въ среду, «пополудни Ея Императорское Величество соизволила въ селѣ Перовѣ веселиться со птичьею и псовою охотою, куда приглашены были нѣкоторыя знатныя особы обоего пола и всѣ чужестранные Министры; и того вечера всѣ, при столѣ Ея Императорскаго Величества, во ономъ селѣ Перовѣ, первыхъ трехъ классовъ, Статсъ-Дамы и чужестранные Министры кушали вечернее кушанье». (Тамъ же, стр. 51).

21 сентября 1753 года, во вторникъ, «послѣ обѣденнаго кушанья, Ея Императорское Величество съ нѣкоторыми придворными кавалерами и знатными особы изволила ѣздить со псовою охотою отъ Воробьевыхъ горъ полями; а вечернее кушанье изволила кушать отъ Москвы въ двѣнадцати верстахъ, въ Подмосковномъ селѣ Коньковѣ, у графа Михаила Ларіоновича Воронцова». (Тамъ же, стр. 56).

[112]) 9 мая 1754 года, «пополудни, Ея Императорское Величество и Его Императорское Высочество изволили имѣть выходъ; было съѣзжее поле въ Перовскихъ рощахъ; охота была псовая Гофмаршала и кавалера господина Нарышкина, гдѣ были Цесарскій Посолъ, и всѣ чужестранные Министры, и Россійскія перваго и втораго классовъ и нѣкоторыя знатныя обоего пола особы. А съ поля Ея Императорское Величество, и Его Императорское Высочество, и всѣ въ свитѣ, бывшіе на охотѣ, Россійскіе и чужестранные, у Камергера и Кавалера, Графа, господина Шереметева въ селѣ Кусковѣ, Ея Императорское Величество и Его Императорское Высочество и всѣ кушали вечернее кушанье, причемъ представлена была изрядная иллюминація». (Церемоніальный журналъ 1754 года, стр. 41).

19 того же мая, Императрица со всѣмъ придворнымъ штатомъ направилась изъ Москвы въ Село Царское, куда прибыла 25 числа того же мѣсяца. (С.-Петерб. Вѣд. 1754 года, №№ 41 и 42).

[113]) Въ мартѣ 1745 года, еще по снѣгу въ саняхъ, была перевезена изъ Москвы въ С.-Петербургъ часть Императорской псовой охоты, а вскорѣ и часть птичьей, но прибыла ли послѣдняя въ Петербургъ тогда же—не знаемъ, такъ какъ въ іюнѣ мѣсяцѣ снова въ Москву было отправлено требованіе выслать птичью охоту къ Высочайшему двору. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. № 14).

[114]) 14 апрѣля 1743 года приказано было выслать изъ Москвы въ С.-Петербургъ часть Императорской птичьей охоты «безъ всякаго продолженія». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 4—2).

10 мая 1743 года, во вторникъ, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, «Ея Императорское Величество, послѣ обѣденнаго кушанья, пополудни въ пятомъ часу, изволила быть для увеселенія въ имѣющемся тамо звѣринцѣ, гдѣ и кушать соизволила». (Походный журналъ 1743 года, стр. 29).

20 августа того же года Елисавета Петровна приказала Императорской псовой охотѣ выѣхать изъ С.-Петербурга въ дворцовыя села Сарское и Красное, а также въ Ропшу и состоять тамъ нѣкоторое время. (Рукоп. Имп. ох.).

Очевидно это распоряженіе предшествовало выѣзду Императрицы на охоту, что совершенно опредѣленно подтверждается слѣдующей депешей, помѣченной 27 числомъ того же мѣсяца, Французскаго резидента въ С.-Петербургѣ Дамона къ Французскому министру въ Стокгольмѣ: «Царица сегодня послѣ полудни изъ своихъ полевыхъ домовъ возвратилась, гдѣ она нѣсколько дней пробыла». (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 414).

7 октября 1743 года Императрица Елисавета Петровна подарила своему любимцу, Оберъ-Егермейстеру графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, Гостилицкую мызу. («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 402).

Въ новомъ своемъ имѣніи графъ Разумовскій весьма часто удостоивался посѣщеній своей высокой покровительницы и устраивалъ при такихъ случаяхъ блестящіе праздники, во время которыхъ охотничьи забавы играли далеко не послѣднюю роль. Приводя ниже всѣ описанія Гостилицкихъ охотъ, считаемъ нужнымъ упомянуть двумя словами и о времени каждой извѣстной намъ поѣздки Императрицы въ Гостилицы, при описаніи которой въ источникахъ объ охотѣ даже не упоминается, такъ какъ послѣднее обстоятельство, думаемъ, совершенно не доказываетъ, что охота не была одной изъ цѣлей поѣздки. Говоримъ это утвердительно вслѣдствіе того

обстоятельства, что, по сличеніи записей камеръ-фурьеровъ съ другими, безусловно достовѣрными документами, оказывается, что камеръ-фурьеры весьма и весьма часто не записывали въ свои рукописи, что тотъ или другой выѣздъ царствующихъ лицъ имѣлъ, между прочимъ, цѣлью и охоту.

7 октября 1743 года, въ пятницу, Елисавета Петровна отправилась изъ С.-Петербурга въ Красное Село, куда и прибыла въ шестомъ часу вечера. Въ субботу 8-го числа, «въ шестомъ часу пополуночи, изволила имѣть шествіе, для стрѣлянія птицъ, къ нарочно сдѣланнымъ для того шалашамъ, и тутъ изволила пробыть до шестаго часа пополудни, а потомъ возъимѣла шествіе въ село Царское, и изволила прибыть пополудни въ восьмомъ часу». 10 числа, въ понедѣльникъ Императрица, «пополуночи въ седьмомъ часу, изволила шествовать для стрѣлянія дикихъ птицъ въ шалаши и тамо пробыть до перваго часа пополудни». Въ этой охотничьей поѣздкѣ Царицу сопровождали «знатныя персоны», Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, Гофмаршалъ Дмитрій Шепелевъ, Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, Александръ Ивановичъ Шуваловъ, Антонъ Мануиловичъ Девіеръ, Шталмейстеръ Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, Андреянъ Никифоровичъ Елагинъ и Камеръ-юнкеры Лялинъ и Сиверсъ. Это охотничье общество конвоировала Лейбъ-Компанія. (Походный журн. 1743 года, стр. 38 и 39).

10 января 1744 года, «пополуночи въ восьмомъ часу, Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть на охоту, а прибыла въ третьемъ часу пополудни». (Походный журн. 1744 года, стр. 2).

11-го числа того же мѣсяца, «пополуночи въ восьмомъ часу Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть на охоту, а прибыла въ первомъ часу пополудни». (Тамъ же).

19 августа 1746 года Елисавета Петровна ѣздила изъ Петергофа въ Гостилицы, въ гости къ Оберъ-Егермейстеру. (Камеръ-фурьерскій журн. 1746 года, стр. 82).

Съ 29 сентября по 3 октября, а затѣмъ съ 1 по 5 декабря того же 1746 года Елисавета Петровна тостила у Оберъ-Егермейстера въ Гостилицахъ. (Тамъ же, стр. 93 и 119).

Съ 8 до 15 сентября Императрица проживала въ Гостилицахъ у Оберъ-Егермейстера Разумовскаго (Камеръ-фурьерск. журн. 1748 года, стр. 58), а 15 декабря того же 1748 года отправилась, со всѣмъ дворомъ, въ Москву. (С.-Петерб. Вѣд. 1748 г., № 101).

[115]) 8 іюля 1745 года, въ полдень, Императрица Елисавета Петровна, со всею своею свитою, выступила изъ Петергофа въ каретахъ на мызу Ропшу, отстоящую отъ Петергофа въ 23 верстахъ. Въ Ропшѣ Государыня обѣдала, а послѣ обѣда, подъ вечеръ тронулась въ дальнѣйшій путь въ Гостилицкую мызу, разстояніемъ отъ Ропши въ 15 верстахъ, куда и прибыла въ девятомъ часу вечера. Въ Гостилицахъ Императрица остановилась въ домѣ Оберъ-Егермейстера графа А. Г. Разумовскаго, гдѣ сначала ужинала, а затѣмъ и ночевала. Во время ужина, при тостахъ, предложенныхъ Императрицею и въ честь Императрицы, расположенная въ Гостилицахъ артиллерія палила изъ пушекъ. Проведя слѣдующее утро и первую половину дня въ Гостилицахъ, отобѣдавъ затѣмъ въ нарочно поставленной на чистомъ воздухѣ большой палаткѣ, «въ седьмомъ часу въ исходѣ Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть, верхомъ, въ мужскомъ полевомъ платьѣ, на охоту въ поле, съ кавалерами, а оттолѣ паки въ Гостилицы изволила возвратиться въ одиннадцатомъ часу въ исходѣ и, по прибытіи, въ ставкѣ изволила кушать вечернее кушанье». На слѣдующій день, 10-го числа, отслушавъ въ той же мызѣ, въ полковой Астраханскаго полка церкви литургію и отобѣдавъ при пушечной стрѣльбѣ «при здоровьяхъ» «пополудни въ четвертомъ часу Ея Императорское Величество соизволила шествіе имѣть, верхомъ, въ мужскомъ охотничьемъ платьѣ въ поле съ соколами, для птичьей охоты, а возвратиться въ домъ въ десятомъ часу въ началѣ». 11-ое число Елисавета Петровна также провела въ Гостилицахъ, но уже не выѣзжая на охоту, а 12 іюля, въ половинѣ перваго часа дня направилась въ каретахъ въ Ропшу, гдѣ посвятила отдыху около 4-хъ часовъ времени и обѣду часъ времени, а затѣмъ поѣхала въ Петергофъ, куда и прибыла въ двѣнадцатомъ часу ночью. (Походный журн. 1745 г., стр. 165—168).

3 сентября 1745 года, въ двѣнадцатомъ часу дня Елисавета Петровна снова направилась изъ Петергофа, черезъ мызу Ропшу, въ Гостилицкую мызу, «которая Его Сіятельства Оберъ-Егермейстера и кавалера, Рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго», куда прибыла уже въ третьемъ часу. Здѣсь Императрица провела и свое тезоименитство, 5 сентября, въ каковой день Оберъ-Егермейстеръ устроилъ пышный обѣдъ на 12 столахъ, при пушечной пальбѣ, играніи на трубахъ и битіи въ литавры, а вечеромъ противъ дома Разумовскаго была зажжена роскошная иллюминація. На другой день, 6-го числа, «пополудни въ первомъ часу, Ея Императорское Величество съ придворными кавалеры изволила шествіе имѣть, верхомъ, въ охотничьемъ платьѣ, въ поле за охотою, а оттолѣ возвратиться изволила въ пятомъ часу въ началѣ». Въ Петергофъ же Елисавета Петровна вернулась въ десятомъ часу вечера 8 сентября. (Тамъ же, стр. 173—177).

[116]) 2 декабря 1745 года, въ четвертомъ часу пополудни Императрица, Великій Князь Петръ Ѳеодоровичъ и Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна и Принцъ Августъ Голштинскій

отправились изъ С.-Петербурга, изъ Зимняго дворца въ Петергофъ, куда прибыли въ началѣ седьмого часа вечера. На слѣдующій день, 3-го числа, утромъ, въ 10 часовъ «Ея Императорское Величество, Его Императорское Высочество и Его Свѣтлость изволили шествовать за охотою на чучелы; а возвратиться изволили во второмъ часу въ половинѣ». На завтра, 4-го числа тѣ же лица, со свитою, направились, черезъ Рошшу, въ Гостилицы, при чемъ выѣхали изъ Петергофа въ десятомъ часу утра, а были на мѣстѣ въ исходѣ двѣнадцатаго часа. Высокихъ гостей Оберъ-Егермейстеръ встрѣтилъ въ своемъ помѣстьѣ пушечною пальбою. На слѣдующій день, 5-го числа, «послѣ обѣденнаго кушанья, пополудни во второмъ часу, Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества, и Его Свѣтлость Принцъ Августъ съ прочими персонами изволили шествовать, въ малыхъ санкахъ, на чучелы, а оттолѣ возвратились въ четвертомъ часу». Въ 8 ча-

Церемоніалъ встрѣчи слона въ г. С.-Петербургѣ, присланнаго персидскимъ шахомъ Петру I, гравюра того времени.

совъ утра 6-го числа, тѣ же лица снова отправились, тѣмъ же порядкомъ, бить на чучелахъ тетеревей, вернувшись въ Гостилицы въ 2 часа дня. На слѣдующій день, 7 декабря, предпринято было путешествіе изъ Гостилицъ, черезъ Красное Село, въ Царское Село, отстоящее отъ Гостилицъ въ 29 верстахъ, «и во время того шествія Ея Императорское Величество изволила заѣзжать въ мызу Рошшу на чучелы». 9 декабря, будучи въ Царскомъ Селѣ, «пополуночи въ девятомъ часу Ея Императорское Величество изволила шествовать на чучелы, а возвратиться изволила въ двѣнадцатомъ часу». На слѣдующій день, во вторникъ, 10 декабря, «пополуночи въ девятомъ часу Ея Императорское Величество изволила шествовать на чучелы, а возвратиться изволила въ первомъ часу въ началѣ, къ обѣденному кушанью». (Походный журн. 1745 года, стр. 179—182).

[117]) Съ 15 по 19 марта 1748 г. Императрица провела время въ Гостилицахъ (Кам.-фур. журн. 1748 года, стр. 22); 20 мая того же года направилась туда же, причемъ 22 мая къ ней

присоединились Ихъ Высочества Петръ Ѳеодоровичъ и Екатерина Алексѣевна. (Тамъ же, стр. 39). Это путешествіе чуть было не кончилось для послѣднихъ весьма плачевнымъ образомъ.

Послѣ пріѣзда въ Гостилицы, откушавъ поздній ужинъ, Великій Князь съ супругою направились въ особый домикъ, который они обыкновенно занимали, посѣщая охоты, устраиваемыя Оберъ-Егермейстеромъ. Ночью пріѣхалъ изъ Ораніенбаума къ Великому Князю курьеръ, сержантъ гвардіи Левашовъ, который, боясь обезпокоить Петра Ѳеодоровича, повидимому уже уснувшаго, присѣлъ у сказаннаго домика и вдругъ услышалъ чрезвычайно сильный трескъ. Вскочивъ на ноги и замѣтивъ, что зданіе, занимаемое высокими гостями, начинаетъ рушиться, Левашовъ бросился въ домъ и выломалъ запертыя двери спальной, расположенной въ верхнемъ этажѣ. Великій Князь, накинувъ шлафрокъ, выскочилъ на дворъ, а Екатерина Алексѣевна бросилась въ смежную комнату къ своей фрейлинѣ Крузъ; но едва успѣла она переступить порогъ, какъ домъ затрясся, и обѣ женщины, Великая Княгиня и ея фрейлина, упали. Левашовъ, не потерявшись, схватилъ Екатерину Алексѣевну на руки, но выйти со своею дорогою ношею не могъ, такъ какъ лѣстница уже разрушилась, и Великую Княгиню пришлось передавать черезъ развалины, съ рукъ на руки, нѣсколькимъ сбѣжавшимся на крики людямъ. Трое человѣкъ, находившихся въ нижнемъ этажѣ, и 16 работниковъ, спавшихъ вокругъ домика, были убиты.

Причиною этой катастрофы было то обстоятельство, что домикъ этотъ передѣлывался въ то время, и въ нижнемъ этажѣ, вмѣсто столбовъ, были поставлены 12 временныхъ бревенчатыхъ стоекъ. Завѣдывавшій работою архитекторъ, отлучившійся въ С.-Петербургъ передъ пріѣздомъ высокихъ гостей, хотя и наказывалъ строго на строго, чтобы не дотрогивались до названныхъ стоекъ, однако, управитель Гостилицкой мызы, узнавъ о томъ, что въ домикѣ этомъ будутъ помѣщены Ихъ Высочества, приказалъ, ради красоты, стойки эти вырубить прочь. (Вейдемейеръ, т. I, стр. 113 и др.).

Изъ Гостилицъ высокіе гости отбыли въ С.-Петербургъ 27 мая. (Кам.-фур. журн. 1748 года, стр. 40).

[118]) Проводя лѣто 1748 года въ Петергофѣ, Елисавета Петровна довольно часто охотилась въ его окрестностяхъ. 23 августа оттуда писали въ С.-Петербургскія Вѣдомости: «Ея Императорское Величество, наша Всемилостивѣйшая Государыня, съ нѣкотораго времени изволила забавляться охотою въ находящихся около Петергофа лѣсахъ, при чемъ побиты были разные дикіе звѣри и между ими одинъ медвѣдь чрезвычайной величины, потому что его кожа была безъ четверти четырехъ аршинъ. Также и одинъ лось, вышиною отъ копытъ до спины въ 2 аршина 6 вершковъ». (С.-Петербургск. Вѣдом. 1748 года, № 68).

[119]) 30 мая 1745 года «пополудни въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть въ Ранбомъ (Ораніенбаумъ), верхомъ, и оттолѣ возвратиться въ восьмомъ часу въ Петергофъ; а Ихъ Императорскія Высочества и Ихъ Свѣтлости изволили шествовать во звѣринецъ». (Походный журн. 1745 года, стр. 157).

29 іюля 1745 года, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, «пополудни въ шестомъ часу Ея Императорское Величество изволила шествіе имѣть, съ птичьею охотою, около звѣринца и скрозь звѣринца, откуда возвратиться во Дворецъ изволила пополудни же въ восьмомъ часу». (Тамъ же, стр. 171).

14 ноября 1745 года, въ среду, «пополудни въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество изволила шествовать изъ Зимняго Дворца, по Петергофской дорогѣ, на Головину дачу и въ другія мѣста, на чучелы для стрѣлянія птицъ; а возвратиться изволила въ Санктпетербургъ и прибыть въ Зимній Дворецъ на пятнадцатое число въ ночи». (Банкетный журн. 1745 года, стр. 122).

Іюнь мѣсяцъ 1746 года Императрица Елисавета Петровна провела въ Петергофѣ (С.-Петерб. Вѣдом. 1746 года, № 44), а іюль употребила на путешествіе въ Ревель. (Тамъ же, №№ 54, 60 и 61).

22 сентября 1746 года, «послѣ полудни, изволила Государыня отъѣхать въ Царское Село и другія мѣста на охоту». (Дневникъ Ханенка, стр. 285).

15 января 1750 года Императрица Елисавета Петровна отправилась послѣ обѣда изъ С.-Петербурга въ Петергофъ, откуда, откушавъ вечернее кушанье, прослѣдовала въ Гостилицкую мызу, гдѣ и оставалась до 18 января, послѣ чего уѣхала въ Царское Село. (Кам.-фур. журн. 1750 года, стр. 11). Въ Гостилицахъ же Елисавета Петровна пробыла съ 14 по 19 марта того же года, при чемъ 17-го числа, въ день именинъ графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, состоялся парадный банкетъ: «Въ продолженіе столовъ, обѣденнаго и вечерняго, происходила пушечная пальба, и въ покояхъ при тѣхъ столахъ играла Италіанская музыка, также противъ покоевъ зажжена была иллюминація». (Тамъ же, стр. 32).

23 іюня 1750 года «Ея Императорское Величество соизволила шествовать изъ Петергофа въ Царскую мызу, состоящую въ трехъ верстахъ, и тамъ имѣть обѣденное кушанье, и послѣ кушанья соизволила съ нѣкоторыми знатнѣйшими въ поле на охоту, а съ поля прибыть паки въ ту мызу, гдѣ имѣть вечернее кушанье, а послѣ кушанья шествовать въ Петергофъ». (Тамъ же, стр. 67).

26 іюня того же года «обѣденное кушанье Ея Императорское Величество соизволила кушать съ нѣкоторыми знатнѣйшими обоего пола особами въ саду, въ бесѣдкѣ, а послѣ обѣденнаго кушанья соизволила выходъ имѣть въ поле на охоту; а съ поля соизволила заѣхать въ Приморскую мызу и тамъ вечернее кушанье соизволила кушать, и послѣ кушанья въ Петергофъ изволила прибыть въ первомъ часу пополуночи». (Тамъ же, стр. 70).

30 того же іюня, въ шестомъ часу пополудни «Ея Императорское Величество изволила шествовать, верхомъ, въ поле на охоту, а съ поля паки въ Петергофъ прибыть въ одиннадцатомъ часу». (Тамъ же, стр. 75).

2 іюля того же года Императрица отправилась изъ Петергофа въ Гостилицы, гдѣ пробыла до 6-го числа и откуда поѣхала въ Царское Село. (Тамъ же, стр. 76).

Парадный объѣдъ по случаю брака Петра I съ Екатериной Алексѣевной 1712 г., съ гр. А. Зубова.

Эта «осенняя ѣзда» Ея Величества происходила въ Гостилицахъ, гдѣ Елисавета Петровна провела въ тотъ годъ время съ 11 по 17 сентября. (Кам.-фур. журн. 1750 года, стр. 105).

Проводя іюль мѣсяцъ 1754 года въ Петергофѣ, 21-го числа того мѣсяца, «поутру, Ея Императорское Величество изволила Высочайшій выходъ имѣть въ село Ропшу и тамъ изволила кушать обѣденное кушанье; а послѣ кушанья изволила ѣздить на поле, со псовою охотою, и къ вечернему кушанью паки въ Петергофъ прибыть изволила». (Церемоніальный журн. 1754 года, стр. 53).

22 ноября того же года «Ея Императорское Величество соизволила Высочайшее шествіе имѣть изъ Санктпетербурга на шалаши, отстоящіе по Петергофской дорогѣ, пополуночи въ пятомъ

часу, куда пріѣздомъ Высочайше удостоены были и чужестранные Министры, то-есть: господинъ Цесарскій Посолъ и господа Шведскій и Датскій Посланники. А оттуда прибыть соизволила, пополудни въ третьемъ часу, къ Среднимъ Рогаткамъ, къ обѣденному кушанью, гдѣ трактованы были какъ упоминаемые чужестранные Министры, такъ и Россійскія знатныя особы». (Тамъ же, стр. 97).

26 іюня 1755 года, будучи въ Петергофѣ, «Ея Величество изволила ѣздить въ поле на охоту». (Кам.-фур. журн. 1755 года, стр. 68).

21 августа того же года Иванъ Ивановичъ Шуваловъ писалъ изъ Царскаго Села графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову: «Внушить иностраннымъ, если они любопытствовать станутъ о присутствіи Ея Величества, что всемилостивѣйшая государыня изволила поѣхать на охоту того жъ утра и къ вечеру назадъ возвратиться изволитъ». (Арх. Кн. Воронцова, т. IV, стр. 273).

Очевидно, это предупрежденіе было послано относительно слѣдующаго дня. Дѣйствительно, 22 августа въ Царскомъ Селѣ «Ея Императорское Величество обѣденное кушанье изволила кушать во внутреннихъ Своихъ покояхъ. И послѣ обѣденнаго кушанья изволила поѣхать на поле со псовой охотой, а на Пулковской горѣ поставлены были шатры, куда Ея Императорское Величество съ охоты прибыть изволила, такожъ Англійскій Посолъ и Графъ Понятовскій приглашены были. И послѣ вечерняго кушанья Ея Императорское Величество изволила возвратиться въ Село Царское, а Посолъ отправленъ обратно въ Петербургъ». (Кам.-фур. журн. 1755 года, стр. 77).

[120]) 8 августа 1751 года, «пополудни въ четвертомъ часу, Ея Императорское Величество изъ Петергофа соизволила поѣхать въ Ропшу, и тутъ, уже поздно, изволила кушать обѣденное кушанье; и послѣ кушанья, тогожъ дня, изволила прибыть въ Гостилицкую мызу Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго и тутъ изволила веселиться на охотѣ и пробыть до 17 числа». (Журналъ Гофъ-Штабъ-Квартирмейстера 1751 года, стр. 75).

30 сентября 1751 года «Ея Императорское Величество изволила веселиться съ охотою въ селѣ Красномъ слѣдующимъ порядкомъ:

«Того дня, по утру, въ десятомъ часу, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь, изволилъ прибыть изъ Санктпетербурга въ село Красное, въ линеѣ, съ Посломъ Ихъ Римскихъ Императорскихъ Величествъ, господиномъ Бретлахомъ (Претлахомъ) и съ своими придворными кавалерами, всѣ въ богатомъ полевомъ платьѣ, и передъ покоями Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь, встрѣченъ всѣми придворными Кавалеры, которые тако жъ одѣты всѣ въ полевыхъ богатыхъ кафтанахъ. Потомъ, мимо дворца, пошла въ поля Ея Императорскаго Величества охота, преизрядно съ учрежденнымъ порядкомъ, по званіямъ охотничьихъ чиновъ всѣ охотники въ пребогато выкладенныхъ гасами охотничьихъ кафтанахъ, поверстаясь дворца, по обычаю, звали въ рога; во окончаніи охоты ѣхалъ Егермейстеръ, господинъ Хитровъ; за нимъ его охота; потомъ, вообдаль нѣсколько, шла лягавая охота съ своимъ Форштмейстеромъ; а верховыя лошади Ея Императорскаго Величества наперетъ въ поля отведены. Потомъ Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь, съ господиномъ посломъ и своими придворными Кавалерами, изо дворца, въ каретахъ, изволилъ поѣхать въ поля, гдѣ и ожидалъ Ея Императорскаго Величества прибытія.

«Ея Императорское Величество, въ одиннадцатомъ часу, изо внутреннихъ Своихъ покоевъ къ Кавалерамъ изволила выдти въ охотничьемъ кафтанѣ; тогда на столѣ поставлено было кушанье, и изволила съ Кавалерами, стоя, кушать. И сѣвъ въ кареты, слѣдовать изволила въ поля, и прибывъ, гдѣ Его Императорское Высочество ожидать изволилъ, тутъ Оберъ-Егермейстеръ распредѣлилъ охоту, гдѣ и господину Послу какъ отъ Императорской конюшни лошадей подали, такъ и отъ охоты охотники и собаки даны, а придворные Кавалеры, каждый, имѣли лошадей своихъ съ богатымъ экипажемъ, также охотниковъ и охоту свою, все въ богатомъ убранствѣ.

«Сѣвъ тогда верхами, имѣли черезъ весь день охотиться, а ночь принудила всѣхъ охотниковъ оставить поля и съѣзжаться отъ села Краснаго въ двухъ верстахъ, близъ бумажной мельницы (надо предполагать на мѣстѣ теперешняго желѣзнодорожнаго вокзала, около котораго имѣется мельница, теперь развалина, весьма старой постройки), въ поставленный Ея Императорскаго Величества лагерь; тогда, въ большой ставкѣ, Ея Императорское Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ и господиномъ Посломъ, и со всѣми Кавалерами, которые были на охотѣ, въ тридцати пяти персонахъ, изволили кушать. Столъ состоялъ въ трехъ перемѣнахъ; въ третьей, послѣдней перемѣнѣ представленъ былъ кондиторомъ Ея Императорскаго Величества великолѣпный десертъ, приличный тому веселію: представлялъ охоту. Въ продолженіи стола играли въ трубы, били въ литавры и, пока столъ продолжался, играли въ валторны.

«По окончаніи того стола, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь, и господинъ Посолъ, по принесеніи Ея Императорскому Величеству должнаго благодаренія, поѣхать изволили въ Петербургъ, а Ея Императорское Величество, изъ лагеря, въ село Красное». (Журналъ Гофъ-Штабъ-Квартирмейстера 1751 года, стр. 92—95).

4 октября того же года, появилось слѣдующее описаніе той же охоты въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ:

«Великолѣпіе, соединенное съ искуснымъ распоряженіемъ, которымъ Россійской Императорской Дворъ предъ другими столь превосходно сіяетъ, никогда въ прекраснѣйшемъ видѣ не оказывалось, какъ 30 числа прошедшаго мѣсяца, при учрежденной въ Красномъ Селѣ охотѣ.

«Ея Императорское Величество, Его Императорское Высочество, Государь Великій Князь, и нѣсколько Дамскихъ особъ, которыя, купно съ знатнѣйшими придворными Кавалерами, числомъ до тридцати персонъ, на оную приглашены были, прибыли туда всѣ въ одинакомъ платьѣ; а именно въ суконныхъ бирюзоваго цвѣта Черкесскихъ кафтанахъ и въ алыхъ камзолахъ, вездѣ золотымъ газомъ пребогато выкладенныхъ, при чемъ не было ни одного, кто бъ не имѣлъ на себѣ такого платья, кромѣ Его Превосходительства Римско-Императорскаго Генерала и Полномочнаго Посла, барона Претлаха, и графа Коллоредо, которыхъ Ея Императорское Величество также къ своей охотѣ звать повелѣла.

«Оная началась въ двѣнадцатомъ часу передъ полуднемъ, а въ исходѣ шестаго часу ввечеру окончилась.

«При прибытіи Ея Императорскаго Величества на сборное мѣсто, стояли тамъ, кромѣ свиты Ея Величества, въ два ряда, больше семидесяти егеровъ, въ Черкасскомъ же одинакомъ платьѣ, а именно въ алыхъ суконныхъ кафтанахъ и въ зеленыхъ камзолахъ, съ золотымъ позументомъ.

«Какъ скоро данъ былъ сигналъ трубленіемъ въ роги, то началась охота и съ совершеннѣйшимъ успѣхомъ продолжалась, при чемъ было больше трехсотъ гончихъ и борзыхъ собакъ.

«Вышепомянутое одинаковое платье высокихъ особъ, также и егерское, было столь великолѣпно и богато, что оно стоило больше 20.000 рублей, не считая того, что каждый кавалеръ имѣлъ при себѣ еще нѣсколько собственныхъ егеровъ и другихъ служителей, которые не меньше богато одѣты были; также не малаго числа заводныхъ лошадей съ богатымъ наборомъ. А понеже при томъ и самое положеніе мѣста, гдѣ охота происходила, для множества холмиковъ, чрезвычайно способно было, чтобъ такое съ наилучшимъ порядкомъ соединенное великолѣпіе зрѣнію совершенно представить, то по справедливости сказать можно, что все сіе удивленія достойный видъ производило.

«По возвращеніи съ охоты, приготовленъ былъ подъ пребогатою палаткою столъ со множествомъ деликатнаго кушанья, за которымъ Ея Императорское Величество со всѣми, высокую Ея Величества свиту составляющими персонами, при играніи на валторнахъ, причемъ по перемѣнамъ слышна была симфонія разныхъ другихъ инструментовъ, вечернее кушанье кушать, а потомъ, въ исходѣ третьяго часа пополуночи, въ Санктпетербургъ возвратиться соизволила.

«Какъ впрочемъ великолѣпіе, порядокъ и изрядное распоряженіе вездѣ при семъ увеселеніи являлось, то сіе не инако какъ общее удивленіе во всѣхъ присутствовавшихъ при томъ произвесть могло, и справедливо за наилучшее почтено, какое въ семъ родѣ представить возможно». (С.-Петерб. Вѣд. 1751 года, № 81).

[121]) 10 декабря 1754 года, въ субботу, «Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ изъ Санктпетербурга, по утру, въ восьмомъ часу, по Петергофской дорогѣ на шалаши, и оттолѣ возвратилась, пополудни въ четвертомъ, къ обѣденному кушанью; при ономъ выходѣ, кромѣ придворныхъ, никого не было». (Церемоніальный журн. 1754 года, стр. 109).

20 января 1756 года, «по утру, Ея Императорское Величество изволила выходъ имѣть въ шалаши, стоящіе близъ дачи графа Петра Ивановича Шувалова, куда взятъ былъ столовый приборъ, и во оныхъ шалашахъ изволила кушать обѣденное кушанье». (Кам.-фур. журн. 1756 года, стр. 7).

[122]) Отъ этого времени сохранилось извѣстіе, что въ Перовѣ, въ Липовой и Орѣховой рощахъ, «для стрѣлянія во время присутствія Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ тетеревей», имѣлись шалаши, въ которыхъ, однако, «отъ дождевые погоды, за худобою крышекъ, великая бываетъ течь и отъ той течи, показанные шалаши весьма гніютъ». Сооруженія эти, «чтобъ объявленнымъ шелашамъ и въ нихъ обоямъ не учинилось вреда», приказано было «покрыть вновь тесомъ, безъ продолженія». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

[123]) Въ маѣ 1746 года послѣдовало распоряженіе произвести починку дороги «отъ Горѣлаго кабачка» на дворцовую деревню Койерово, находившуюся гдѣ-то въ окрестностяхъ Села Пулкова. По дорогѣ этой имѣлась «охота Ея Императорскаго Величества для стрѣлянія птицъ», и на ней были поставлены «бутки», вѣроятно, для осенней стрѣльбы тетеревей на чучелахъ. (Рукоп. Подлинн. Указъ Сен. № 4513—1746 года).

[124]) 2 ноября 1760 года «Ея Императорское Величество, именнымъ изустнымъ указомъ повелѣть соизволила, чтобъ стоящіе внѣ Санкт-Петербурга шелаши, а напаче тѣ, въ которыхъ Ея Императорское Величество Всевысочайшее, для стрѣлянія изъ оныхъ, на чючелахъ, тетеревей, присутствіе имѣть соизволитъ, къ наступающему для той стрѣльбы времени конечно были въ готовности, ибо, какъ тому наступитъ время, то Ея Императорское Величество, для Всевысочайшей стрѣльбы, присутствіе во оныхъ шелашахъ имѣть соизволитъ вскорѣ, и для того о скорѣйшемъ въ тѣхъ шелашахъ и около оныхъ всѣхъ потребностей, и исправленіи, такожъ и объ

отпускѣ во оные шелаши потребныхъ обоевъ и прочихъ уборовъ, — соизволила-жъ повелѣть, откуда надлежитъ, требовать въ скорости». (Рукоп. Сборн. Им. Указ.).

Этотъ документъ, совершенно опредѣленно указывающій на то обстоятельство, что и въ послѣдніе года своего царствованія Императрица Елисавета Петровна не прекратила своихъ охотничьихъ поѣздокъ, еще разъ подтверждаетъ высказанное нами предположеніе, что современные Камеръ-фурьеры, Гофъ-Штабъ-Квартирмейстеры и т. под. далеко не аккуратно вносили въ свои журналы выѣзды Ея Величества на охоту: за послѣдніе три года царствованія Елисаветы Петровны не имѣется ни одной отмѣтки сказаннаго характера.

Въ концѣ ноября того же года Императрица, надо полагать, охотилась на тетеревей въ окрестностяхъ С.-Петербурга за Вологодскою Ямскою. 26 числа этого мѣсяца Оберъ-Егермейстеръ Разумовскій приказалъ немедленно перенести изъ имѣющихся въ Купчинской рощѣ шалашей для стрѣлянія тетеревей одинъ шалашъ за Вологодскую Ямскую и установить его тамъ на мѣстѣ, которое должно было быть указано егеремъ Исаемъ Армаковымъ. Въ этомъ перенесенномъ на новое мѣсто шалашѣ, 12 декабря, велѣно было передѣлать окна, по указанію того же егеря Армакова, о чемъ Оберъ-Егермейстерская Канцелярія увѣдомляла Канцелярію отъ строеній, на обязанности которой лежало устройство шалашей для Высочайшихъ охотъ на тетеревовъ. (Рукоп. Имп. ох.).

Кстати замѣтимъ, что при Елисаветѣ Петровнѣ шалаши для стрѣльбы тетеревей дѣлались деревянные, снаружи убирались ельникомъ, имѣли внутри печку, были обиты по стѣнамъ, потолку и полу войлокомъ и выбѣленною холстиною. Они дѣлались на двухъ брусьяхъ, игравшихъ роль полозьевъ, при посредствѣ которыхъ шалашъ можно было перевозить съ мѣста на мѣсто. Любя эту охоту, Императрица терпѣть не могла, когда всѣ старанія загонщиковъ тетеревей обращались къ тому, чтобы подогнать побольше птицъ только подъ выстрѣлы Ея Величества; Елисавета Петровна «всегда награждала или деньгами или винною порціею охотниковъ, которые тетеревовъ къ будкѣ ея подгоняли, не обижая другихъ охотниковъ и охотницъ въ ихъ будкахъ подгономъ сей дичи». (Яковкинъ, Исторія Села Царскаго, т. I, стр. 147).

[125]) 18 іюля 1757 года, въ пятницу, «Ея Императорское Величество изъ Петергофа, съ нѣкоторыми знатными особы, послѣ обѣденнаго стола, изволила ѣздить на дачу Его Сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго и тамъ стрѣляли въ мишень изъ ружья». (Кам.-фур. журн. 1757 года, стр. 57).

24 іюля Елисавета Петровна ѣздила въ Гостилицы, вернувшись въ Петергофъ въ тотъ же день. (Тамъ же, стр. 65).

2 августа того же года снова происходила на дачѣ графа А. Г. Разумовскаго ружейная стрѣльба въ цѣль, подобно тому, какъ 18 іюля. (Тамъ же, стр. 69).

Отъ 1757 года сохранилось извѣстіе, что находившаяся до того времени въ Зимнемъ дворцѣ и состоявшая подъ завѣдываніемъ оберъ-егеря Бема «оружейная» была переведена «въ собственный Дворецъ Ея Императорскаго Величества, что по каналу, противъ сада Лѣтняго Дворца». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 15).

[126]) Въ 1758 году, вѣроятно, предполагалось устройство въ окрестностяхъ С.-Петербурга большихъ придворныхъ псовыхъ охотъ, для которыхъ собакъ С.-Петербургской Императорской псовой охоты оказывалось недостаточно и таковыхъ предполагалось вытребовать изъ Москвы.

Въ первой половинѣ этого года изъ С.-Петербурга въ Москву были командированы для подготовленія собакъ къ Высочайшимъ охотамъ членъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи князь Черкасскій и Унтеръ-Егермейстеръ Сумароковъ.

Князю Черкасскому предписывалось «возымѣть свое стараніе собрать гончихъ собакъ, особо, третью стаю».

Собакъ князь выбралъ, и въ іюнѣ мѣсяцѣ онѣ уже находились «подъ его смотрѣніемъ» и, по указу Ея Величества, онъ началъ ихъ «около Москвы наѣзжать».

Однако, для послѣдней надобности Черкасскому понадобился отпускъ кормовъ для собакъ, фуража для лошадей «и для того развозки подводъ изъ села Измайлова», между тѣмъ какъ управитель названнаго села отказался выдать требуемое безъ соотвѣтственнаго указа Дворцовой Конторы.

Прося немедленно сдѣлать распоряженіе по этому предмету, князь Черкасскій вмѣстѣ съ тѣмъ доносилъ, что, по силѣ учиненныхъ ему затрудненій въ исполненіи возложеннаго на него порученія, если «Оберъ-Егермейстерская Канцелярія оныхъ гончихъ собакъ потребуетъ въ С.-Петербургъ, а оныя гончія собаки еще въ гоньбѣ неисправны имѣютъ быть, и въ томъ бы ему въ вину причтено не было».

Сумароковъ также долженъ былъ подготовлять для Высочайшихъ охотъ гончихъ собакъ, имѣя «ѣзду около Москвы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ бы въ близости дворцовыя волости, дабы можно имѣть способъ въ полученіи отъ оныхъ волостей на довольствіе казенныхъ лошадей фуражъ, а для собакъ овсяную муку, безъ завозу изъ Москвы», по какому предмету и были сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія по Дворцовому вѣдомству. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 14, д. № 175).

Высочайшія охоты этого года происходили, повидимому, около Гостилицъ въ концѣ іюля, куда Императрица Елисавета Петровна «отсутствіе имѣть соизволила со всѣми Статсъ-дамами и Кавалерами» въ пятомъ часу пополудни 25 іюля и откуда вернулась 29-го числа того же мѣсяца. (Походный Журн. 1758 года, стр. 110).

Отъ 1759 года сохранилось лишь извѣстіе, что Елисавета Петровна была 25 іюля въ Гостилицахъ (Кам.-фур. журн. 1759 года, стр. 132); зато имѣется довольно много свѣдѣній объ охотахъ высокаго гостя Императрицы, Герцога Курляндскаго, котораго Государыня довольно усердно забавляла всевозможными охотами, повидимому, не участвуя въ нихъ самолично, что можно объяснить, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ этому времени здоровье Елисаветы Петровны сильно пошатнулось: у нея стали появляться эпилептическіе припадки. (Вейдемейеръ, т. II, стр. 107).

Изъ охотъ Герцога Курляндскаго, устроенныхъ ему Императорскою охотою, по повелѣнію Ея Величества, въ бытность Герцога въ Россіи въ теченіе 1759 года, знаемъ о слѣдующихъ:

29 апрѣля, «по утру, въ десятомъ часу Его Королевское Высочество изволилъ имѣть выходъ, Двора Ея Императорскаго Величества съ Генералъ-Лейтенантомъ, Дѣйствительнымъ Камергеромъ и Кавалеромъ, Князь Петромъ Ивановичемъ Репнинымъ и своей свиты съ кавалерами, верхами, за Московскую Ямскую, въ поле, гдѣ изволилъ тѣшиться и стрѣлять изъ ружья, оттуда обратно въ квартиру прибылъ, по утру-жъ, въ двѣнадцатомъ часу. А для запаса позади ѣхали три кареты, заложенныя въ хомутахъ: въ первой восемь, во второй и третьей по шесть лошадей. И по пріѣздѣ немного спустя времени, привезены были отъ Оберъ-Егермейстера и Кавалера, господина Нарышкина, съ охотникомъ, живые зайцы, и Его Королевское Высочество изъ покоевъ изволилъ выдти на имѣющійся противъ оныхъ покоевъ лугъ и осажать борзою собакою». (Записки о пребываніи Герцога Курляндскаго въ Россіи, стр. 241).

Въѣздъ Петра I въ Амстердамъ 1717 г., съ оф. С. Фокке.

1 мая пополудни въ двѣнадцатомъ часу предъ покоями на лугу, что противъ Лѣтняго сада, Его Королевское Высочество изволилъ забавляться травлею двухъ зайцевъ своею собакою, передъ обѣдомъ двухъ саженныхъ зайцевъ и столько же 21-го числа. (Тамъ же, стр. 254 и 255).

18 мая, «пополудни въ первомъ часу, Его Королевское Высочество, противъ Дворца, на имѣющемся лугу, у Лѣтняго сада, затравилъ собственною борзою собакою саженнаго зайца». (Тамъ же, стр. 254).

19 мая Герцогъ затравилъ своею собакою, передъ обѣдомъ двухъ саженныхъ зайцевъ и столько же 21-го числа. (Тамъ же, стр. 254 и 255).

23 мая снова «сажали зайцевъ», при чемъ на садкахъ этихъ принимали активное участіе, кромѣ Герцога Курляндскаго, Цесарскій посолъ съ двумя кавалерами, Генералъ-Лейтенанты, Дѣйствительные Камергеры и Кавалеры: Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Петръ Борисовичъ Шереметьевъ, князь Куракинъ, князь Голицынъ, Гофмаршалъ баронъ Сиверсъ, Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ, Оберъ-Церемоніймейстеръ баронъ Лефортъ, Камеръ-Юнкеръ Бутурлинъ, Французскій Консулъ, Саксонскіе Кавалеры Илинштринъ, князь Черторижскій, Дорголицкій, Резиденъ Брасъ и Лифляндскій баронъ. (Тамъ же, стр. 257).

24 мая, послѣ обѣда, «Его Королевское Высочество имѣлъ выходъ, верхомъ, съ Оберъ-Егермейстеромъ и Кавалеромъ, господиномъ Нарышкинымъ, съ Шведскимъ посломъ и Генераломъ Ливеномъ, за Московскую Ямскую, гдѣ сажали зайцевъ». (Тамъ же, стр. 258).

9 іюня, «пополудни въ пятомъ часу, Его Высочество имѣлъ выходъ съ Малороссійскимъ Гетманомъ Графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ на Слоновый дворъ, гдѣ смотрѣли на слоновъ и бѣлыхъ медвѣдей, гдѣ, по приказу Оберъ-Егермейстера и Кавалера Семена Кирилловича Нарышкина, при томъ одного слона и одного медвѣдя пускали въ прудъ купаться». (Тамъ же, стр. 266).

10 іюля, «по утру, въ девятомъ часу, Его Королевское Высочество изъ Петергофа изволилъ поѣхать съ Кавалерами въ Гостилицкую мызу, куда пріѣхавъ, съ Оберъ-Егермейстеромъ и Кавалеромъ Графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ (который въ то время хотя еще и продолжалъ носить званіе Оберъ-Егермейстера, но лишь какъ званіе почетное, передавъ всѣ обязанности новому Оберъ-Егермейстеру Семену Кирилловичу Нарышкину) и съ прочими Кавалерами пошли на прудъ, гдѣ неводомъ ловили рыбу; а оттуда пошли на качели, на которыхъ и кача-

лись: послѣ-жь чего поѣхали на гору кататься, причемъ забавлялись стрѣльбою въ мишень изъ штуцеровъ, пистолетовъ и изъ луковъ стрѣлами. А пополудни во второмъ часу, паки возвратились въ покои, гдѣ кушали обѣденное кушанье, при которомъ играли на волторнахъ волторнисты Его Сіятельства; а послѣ стола поѣхали, въ линеяхъ, паки на гору, гдѣ по пріѣздѣ катались съ горы и на каруселяхъ, и стрѣляли изъ штуцеровъ, пистолетовъ и изъ луковъ, а потомъ забавлялись въ карты. А потомъ, по приказу Его Сіятельства графа Алексѣя Григорьевича, у горы сажали зайцевъ, и потомъ возвратились въ Петергофъ, пополуночи въ двѣнадцатомъ часу». (Тамъ же, стр. 286).

15 іюля въ Петергофѣ «послѣ стола, Его Королевское Высочество, съ Кавалерами, изволилъ поѣхать, въ каретахъ, на поле, за верхній звѣринецъ, гдѣ, пересѣвъ на верховыхъ лошадей, поѣхали за охотою и травили медвѣдей и зайцевъ; а по пріѣздѣ съ охоты были въ Монплезирѣ, гдѣ забавлялись въ карты. (Тамъ же, стр. 289).

[127]) Въ томъ же 1748 году, «Великая Княгиня Екатерина Алексѣевна, во время бытности своей, въ сіе лѣто, въ Ораніенбаумѣ, ходила на охоту. Она вставала въ три часа утра и одѣвалась, безъ прислуги, въ мужское платье; потомъ, въ сопровожденіи одного стараго егеря, съ ружьемъ на плечѣ, съ охотничею собакою, приходила къ берегу морскому и садилась съ ними въ яликъ, на которомъ дѣйствовалъ веслами рыбакъ. Въ тросникѣ, близъ берега, стрѣляя она въ дикихъ утокъ; часто объѣзжала длинный каналъ, въ концѣ котораго пристань; иногда въ яликѣ удалялась на довольное разстояніе въ море, когда оно волновалось. Часа черезъ два приходилъ къ ней Великій Князь. Тогда они садились на лошадей и долго вмѣстѣ прогуливались». (Вейдемейеръ, т. I, стр. 118).

[128]) Императрица Екатерина Великая «весьма соизволила жаловать птичью охоту для Всевысочайшаго своею оною охотою во время выѣздовъ на поля увеселенія» (Общ. Арх. Мин. Двора; оп. 70, д. № 46) и охотилась съ ловчими птицами чрезвычайно часто, какъ мы и увидимъ ниже. Но будучи страстною охотницею соколиною, Екатерина Алексѣевна была не прочь, отъ времени до времени позабавиться и другими охотами, можетъ быть устраиваемыми для доставленія удовольствія нѣкоторымъ изъ своихъ любимцевъ, въ числѣ которыхъ были такіе завзятые охотники, какъ графъ, а впослѣдствіи князь Григорій Григорьевичъ Орловъ и графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій.

У Екатерины Великой была особенная страсть къ собакамъ и голубямъ. (Сумароковъ, Русск. Арх. 1870 года, стр. 2079).

За собственными Ея Величества собаками, которыхъ Императрица держала у себя въ комнатахъ, ходили особые егеря Императорской охоты, считавшіеся въ такомъ случаѣ состоящими «при Собственныхъ Ея Величества дѣлахъ», и освобождавшіеся на время этой службы даже отъ подчиненія прямому своему начальству. (Рукоп. Имп. ох.).

[129]) По возвращеніи въ С.-Петербургъ, 9-го августа 1763 же года, «въ субботу, Ея Императорское Величество соизволила предпріять шествіе въ Стрѣльну мызу, что и совершить изволила сего-жъ числа, предъ полуднемъ въ одиннадцатомъ часу. По прибытіи-жъ въ оную мызу изволила кушать обѣденное кушанье съ находившимися въ свитѣ Ея Величества кавалерами и Фрейлинами въ одиннадцати персонахъ; а по окончаніи стола изволила быть съ сокольею охотою въ полѣ верховою ѣздою». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1763 года, стр. 172).

18 того же августа, подъ С.-Петербургомъ, «послѣ стола Ея Величество съ Его Высочествомъ изволили имѣть выходъ въ поле съ сокольею охотою, откуда изволили возвратиться пополудни въ десятомъ часу». (Тамъ же, стр. 177).

13 мая 1764 года, «въ четвертокъ, пополудни въ шестомъ часу Ея Императорское Величество изволила изъ села Царскаго отбыть и до села Краснаго изволила быть въ егерской охотѣ; въ село-жъ Красное прибыть соизволила того-жъ числа, пополудни въ десятомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 года, стр. 90).

Въ Красномъ Селѣ Императрица Екатерина Алексѣевна, надо полагать, охотилась съ ловчими птицами, такъ какъ къ веснѣ этого года, для Высочайшаго увеселенія, въ Красномъ Селѣ былъ устроенъ соколиный дворъ. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 19).

[130]) Въ началѣ августа 1765 года Императрица предприняла путешествіе въ Ладогу. Окружающія Императрицу лица занимались во время этого путешествія охотою довольно ревностнымъ образомъ, но сама Екатерина Алексѣевна, повидимому, въ этихъ охотахъ не участвовала. 6-го числа этого мѣсяца она писала къ Н. Панину: «Вашъ братъ, съ своими достойными спутниками по охотѣ, предается ей въ такой степени, что если они не будутъ имѣть подагры (ревматизма?), то по крайней мѣрѣ ничѣмъ не пренебрегли, чтобы схватить ее. Вчера они вязли въ болотахъ въ продолженіе восьми часовъ, а сегодня опять вернулись туда». (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. X, стр. 36).

[131]) Въ 1762 году, ожидая прибытія Высочайшаго Двора въ Москву, Оберъ-Егермейстерское Вѣдомство дѣлало распоряженія, чтобы въ Подмосковной Тюхалевой рощѣ дѣлались заго-

родки, въ которыя должно было пускать оленей, по два и по три «для Высочайшаго Ея Величества увеселенія». Въ ту же рощу и для той же цѣли напускались зайцы, которыхъ покупали въ Москвѣ, по 35 копѣекъ за штуку. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 36).

31 марта 1763 года, въ бытность свою въ Москвѣ, «въ понедѣльникъ, по утру въ одиннадцать часовъ, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ до звѣринца (въ Измайловскій звѣринецъ), откуда изволила возвратиться во Дворецъ пополудни въ первомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1769 года, стр. 55).

Апрѣля «22-го числа, во вторникъ, по утру въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество изволила быть въ егерной охотѣ, откуда изволила возвратиться передъ полуднемъ въ двѣнадцатомъ часу». (Тамъ же, стр. 67).

3 мая того же 1763 года, подъ Москвою, «въ субботу, по утру въ десятомъ часу, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ въ поле, съ егерною охотою; а по возвращеніи оттуда изволила кушать обѣденное кушанье съ находящимися въ свитѣ Ея Величества и вновь сего числа прибывшими кавалерами, дамами и Фрейлинами, въ двадцати персонахъ». (Тамъ же, стр. 76).

4 мая, въ воскресенье, послѣ обѣда, осмотрѣвъ «церковные всѣ къ окончанію приведенные и еще неоконченные придѣлы» церкви Воскресенія Христова у Воскресенскаго Новаго Іерусалима монастыря подъ Москвою, Екатерина Алексѣевна «изволила съ егерною охотою ѣхать въ поле, откуда изволила возвратиться, въ восьмомъ пополудни часу, и, за приуготовленнымъ въ галлереѣ столомъ, кушать вечернее кушанье въ двадцати двухъ персонахъ». (Тамъ же, стр. 78).

4 іюня того же 1763 года, въ бытность свою въ Москвѣ Императрица приказала отправить часть птичьей охоты въ С.-Петербургъ «за Ея Императорскимъ Величествомъ въ скорости». (Архангельск. Губ. Вѣдом. 1875 г., № 80).

12 того же іюня, «въ четвертокъ, въ пятомъ пополудни часу, изволила Ея Императорское Величество имѣть выходъ, верхомъ, въ поле съ сокольею охотою, откуда изволила возвратиться во дворецъ въ восьмомъ часу», въ девятомъ же отправилась уже на маскарадъ, устроенный генераломъ Иваномъ Ивановичемъ Юшковымъ, возвратившись во дворецъ лишь въ третьемъ часу пополуночи. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1763 года, стр. 114).

Охота эта происходила въ Тюхаляхъ, при чемъ «Ея Императорское Величество соизволила отозваться, что оная охота къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества увеселенію оказалась весьма угодна». (Архангельск. Губерн. Вѣдом. 1875 года, № 80).

[132]) 8 августа 1764 года, въ воскресенье, послѣ обѣденнаго кушанья Екатерина Великая «изволила имѣть, въ придворномъ штатѣ, выходъ, въ кафтанахъ, съ сокольею охотою, до Краснаго Кабачка, проѣзжая мимо Вологодской Ямской къ Средней Рукѣ, а оттуда къ Московской Ямской; а во дворецъ прибыть соизволила пополудни въ девятомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 года, стр. 133).

20 того же августа, въ пятницу, въ четвертомъ часу пополудни, въ бытность свою въ селѣ Царскомъ «Ея Императорское Величество изволила, имѣть выходъ, верхомъ, въ поле смотрѣть охоту, пущаніе соколовъ, проѣзжая полемъ до деревни Кузьминки, отъ которой возвратясь, изволила быть въ манежѣ». (Тамъ же, стр. 140).

На слѣдующій день, 17 мая 1766 года Императрица посѣтила Царскосельскій звѣринецъ. (Тамъ же, стр. 78).

22 іюня того же года, въ бытность свою въ Петергофѣ Екатерина Алексѣевна, съ приближенными лицами, ѣздила въ таратайкахъ въ тамошній звѣринецъ. (Тамъ же, стр. 123).

3 сентября того же 1766 года, въ воскресенье, въ бытность свою въ С.-Петербургѣ Ея Императорское Величество, «по окончаніи стола, изволила имѣть выходъ за деревню Волкову, въ поле, съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 189).

19 того же сентября, во вторникъ, также проживая въ то время въ С.-Петербургѣ, Екатерина Алексѣевна «послѣ стола изволила имѣть выходъ и проѣзжала за Московскую Ямскую и полемъ за Невскій монастырь; и въ проѣздъ, для увеселенія, пусканы были Его Сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Орлова соколы на утки». (Тамъ же, стр. 198).

24 іюля того же года, въ воскресенье, «пополудни въ шестомъ часу Ея Величество (въ бытность свою въ С.-Петербургѣ) соизволила проходить къ Его Императорскому Высочеству (Павлу Петровичу); потомъ соизволила, въ штатѣ Своемъ, имѣть выходъ, съ сокольею охотою, въ поле». (Тамъ же, стр. 263).

25 іюня 1772 года, переѣзжая изъ Царскаго Села въ Петергофъ, въ которомъ Она обыкновенно проводила день тезоименитства Наслѣдника престола,—Великаго Князя Павла Петровича,—29 іюня — Императрица Екатерина Алексѣевна нарочно избрала для своего путешествія не прямую, а кружную дорогу и, вѣроятно, охотилась во время этого пути; такъ какъ не только заѣзжала, но и ночевала въ одномъ изъ своихъ охотничьихъ домовъ. (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XIII, стр. 259).

26 іюля того же 1772 года, въ бытность свою въ Петергофѣ Императрица Екатерина Алексѣевна пробыла нѣкоторое время въ тамошнемъ звѣринцѣ, можетъ-быть, охотясь, а можетъ-быть осматривая происходившія тогда большія работы по капитальному возобновленію изгороди звѣринца. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1772 года, стр. 293 и С.-Петербургск. Вѣдом. того же года, № 73).

18 августа того же года, въ субботу, «по окончаніи стола, въ началѣ четвертаго часа Ея Императорское Величество и Его Императорское Высочество соизволили имѣть выходъ (изъ Царскосельскаго Дворца), верхомъ, въ поле, съ сокольею охотою». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1772 года, стр. 341).

20 того же августа, въ понедѣльникъ, «по окончаніи стола, въ исходѣ четвертаго часа, Ея Величество и Его Высочество съ кавалерами соизволили имѣть выходъ (изъ Царскосельскаго Дворца), верхомъ, по переспективѣ, за звѣринецъ до четырехъ верстъ, гдѣ и продолжалась псовая охота, и въ восьмомъ часу возвратились во Дворецъ». (Тамъ же, стр. 349).

25 того же августа, въ субботу, «по окончаніи стола, въ два часа пополудни Ея Императорское Величество, съ небольшою свитою, соизволила имѣть выходъ (изъ Царскосельскаго Дворца), верхомъ, для гулянія, въ поле до Пулкова, и продолжалась соколья охота, и въ пятомъ часу (изволила) возвратиться обратно во Дворецъ». (Тамъ же, стр. 356).

16 апрѣля слѣдующаго 1773 года, Императрица Екатерина Алексѣевна, въ седьмомъ часу вечера посѣтила Царскосельскій звѣринецъ. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1774 года, стр. 118).

2 іюля слѣдующаго 1774 года Императрица Екатерина Алексѣевна посѣтила Петергофскій звѣринецъ. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1774 года, стр. 348).

12 того же іюля, въ субботу, «въ пятомъ часу пополудни Ея Императорское Величество, со всею свитою, соизволила, въ фаэтонѣ и таратайкахъ, имѣть выходъ, для гулянія, отъ Петергофа верстъ шесть, къ Стрѣльнѣ; и въ продолженіе сего шествія продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 368).

17 того же іюля, въ четвергъ, «въ седьмомъ часу пополудни Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества, съ Фрейлинами и кавалерами, соизволила имѣть, для гулянія, выходъ до Стрѣльной мызы; сѣла Ея Величество съ Ея Высочествомъ, съ Статсъ-дамами двумя, въ таратайку, такожъ Фрейлины въ другія таратайки, а Его Высочество и кавалеры верхами; въ продолженіе шествія была соколья охота, и возвратились во Дворецъ (Петергофскій) въ девятомъ часу». (Тамъ же, стр. 380).

9 августа того же 1774 года, во время пребыванія Высочайшаго двора въ Царскомъ Селѣ, «пополудни, въ началѣ пятаго часа Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами и со всею свитою, соизволила имѣть выходъ, въ поле, съ сокольею охотою: Ея Величество, съ Ея Высочествомъ и съ нѣкоторыми кавалерами, въ большомъ фаэтонѣ, а Его Высочество, съ кавалерами, верхами, а прочія персоны въ таратайкахъ; и съ поля, чрезъ Кузьмино, проѣхали на Пулковскую гору и на оной соизволили гулять въ Англійскомъ саду». Съ охоты этой Императрица съ Августѣйшими дѣтьми и приближенными лицами возвратилась въ Царскосельскій дворецъ въ половинѣ восьмого часа вечера. (Тамъ же, стр. 451).

11 того же августа, въ понедѣльникъ, «пополудни въ пятомъ часу Ея Императорское Величество соизволила имѣть выходъ (изъ Царскосельскаго дворца), для гулянія, со всѣми въ свитѣ персонами, въ таратайкахъ, въ поле, съ сокольею охотою», при чемъ возвратилась во дворецъ въ половинѣ седьмого часа вечера. Чрезвычайно интереснымъ является тотъ фактъ, что въ этотъ день, въ то самое время, когда Императрица Екатерина Великая охотилась въ окрестностяхъ Царскаго Села со всею своею свитою, Великій Князь Павелъ Петровичъ съ Августѣйшею супругою также развлекался тою же потѣхою и также въ окрестностяхъ села Царскаго, но отдѣльно отъ Государыни, Павелъ Петровичъ съ супругою провелъ только на охотѣ несравненно больше времени, чѣмъ Императрица: онъ выѣхалъ изъ Царскаго Села еще утромъ и вернулся во дворецъ лишь вечеромъ, въ шестомъ часу. (Тамъ же, стр. 454).

19 того же августа, во вторникъ, «пополудни въ пятомъ часу Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами и со всѣми персонами, соизволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, въ поле, съ соколами». (Тамъ же, стр. 465).

133) 2 іюля 1765 года, въ субботу, Императрица Екатерина Алексѣевна «пополудни въ шестомъ часу, въ мундирѣ полка Конной Гвардіи, изволила имѣть выходъ, въ каретахъ, проѣзжая къ Московской Ямской, отъ оной, верхомъ, соизволила слѣдовать къ деревнѣ Волковой и полемъ за Невскій монастырь къ Смоленской Ямской; въ проѣздъ смотрѣть изволила пускаемыхъ на птицъ соколовъ; а отъ Смоленской Ямской, паки въ каретахъ, обратно шествовала въ Свой Императорской Дворецъ. И отъ живущихъ въ той Смоленской ямщиковъ подносима Ея Императорскому Величеству живая рыба, лось и сиги, которую соизволила приказать принять, а тѣхъ ямщиковъ всемилостивѣйше пожаловала деньгами. Во Дворецъ прибыла въ десятомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1765 года, стр. 119).

6 того же іюля, въ среду, изъ С.-Петербурга Императрица «пополудни въ пятомъ часу соизволила имѣть выходъ съ соколъею охотою въ поле, откуда по возвращеніи, соизволила кушать вечернее кушанье за ординарнымъ столомъ въ двѣнадцати персонахъ». (Тамъ же, стр. 122).

8 того же іюля, въ пятницу, Императрица, также въ бытность свою въ С.-Петербургѣ, «пополудни въ шестомъ часу, въ провожаніи кавалеровъ и Фрейлинъ, изволила пойти, верхомъ, въ поле, съ соколъею охотою, откуда изволила возвратиться во Дворецъ въ исходѣ десятаго часа». (Тамъ же, стр. 126).

23 августа того же 1765 года, во вторникъ, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, «пополудни въ пятомъ часу, съ придворными кавалерами, Ея Величество изволила имѣть выходъ, верхомъ, до Пулкова; въ проѣздъ изволила смотрѣть пускаемыхъ соколовъ на птицъ». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1765 года, стр. 160).

3 сентября того же года, въ субботу, также изъ Царскаго Села Императрица «послѣ стола имѣла выходъ, въ каретахъ, до Пулкова, и въ проѣздъ смотрѣть сокольей охоты» соизволила, возвратившись во дворецъ въ седьмомъ часу пополудни. (Тамъ же, стр. 169).

10 мая 1766 года, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ Императрица, съ дамами, фрейлинами и кавалерами своей свиты, отправилась въ шестомъ часу въ звѣринецъ, гдѣ и пробыла нѣкоторое время; но охотилась ли она тамъ, или нѣтъ — не знаемъ. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1766 года, стр. 72).

Лѣтній садъ, съ грав. А. Зубова 1717 г., собр. П. Я. Дашкова.

На слѣдующій день, 11 мая, въ четвергъ, передъ вечеромъ Императрица, «сѣвъ въ Императорскую Свою новосдѣланную одноколку, изволила проѣзжать отъ Села Царскаго, разстояніемъ въ двухъ верстахъ, въ лѣсъ для стрѣлянія птицъ», вернувшись съ этой охоты во дворецъ только къ ужину того же дня. (Тамъ же, стр. 73).

[134]) 25 того же іюля, въ воскресенье, «въ седьмомъ часу пополудни, со всею Своею свитою, соизволила Ея Величество имѣть выходъ (изъ Царскосельскаго дворца, гдѣ проживала въ это время), въ таратайкахъ, для прогуливанія, до Пулкова, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1770 года, стр. 167).

30 того же іюля, въ пятницу, «въ седьмомъ часу пополудни, со всею Своею свитою, соизволила Ея Величество имѣть выходъ (тоже изъ Царскосельскаго дворца), верхомъ, для прогуливанія, до Пулкова, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 169).

6 августа того же 1770 года, въ пятницу, «пополудни въ пятомъ часу Ея Величество соизволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для гулянія, до Пулкова, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 179).

10 того же августа, во вторникъ, «пополудни въ шестомъ часу, Ея Величество соизволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для гулянія, до Пулкова, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 182).

20 того же августа, въ пятницу, «пополудни въ началѣ седьмаго часа Ея Величество соизволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для гулянія, до Пулкова, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 189).

[135]) 30 іюля, 1766 года, въ воскресенье, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, «послѣ стола, Ея Величество изволила имѣть выходъ, въ одноколкѣ, до Пулкова и въ проѣздъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1766 г., стр. 161).

3 августа того же 1766 года, въ четвергъ, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, Екатерина Алексѣевна, «послѣ стола, для прогуливанія, изволила имѣть выходъ въ одноколкѣ, до Пулково и въ проѣздъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 164).

9 того же августа, въ среду, Императрица, «послѣ стола, для прогуливанія, изволила имѣть выходъ, въ одноколкѣ, за Пулково; въ шествіи-жъ, какъ туда, такъ и обратно, продолжалась, для увеселенія, соколья охота». (Тамъ же, стр. 169).

11 того же августа, въ пятницу, Екатерина Алексѣевна «пополудни въ четыре часа изволила имѣть выходъ, въ одноколкѣ, до Кузьмина и, для увеселенія, продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 170).

13 того же августа, въ воскресенье, въ бытность свою все тоже въ Царскомъ Селѣ, «пополудни въ пятомъ часу Ея Величество изволила имѣть выходъ, въ одноколкѣ, для прогуливанія, полемъ, къ Пулкову, и въ проѣздъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 171).

18 того же августа, въ пятницу, все еще оставаясь въ Царскомъ Селѣ «пополудни въ четвертомъ часу Ея Величество, черезъ покои, изволила со всѣми персонами проходить на горы и смотрѣть оттуда продолжаемой сокольей охоты». (Тамъ же, стр. 176).

19 того же августа, въ субботу, Императрица Екатерина Алексѣевна отправилась въ С.-Петербургъ «для аудіенціи чужестранныхъ Министрамъ». Ея Величество «изъ Царскаго Села изволила отбытіе имѣть въ одноколкѣ, въ которой слѣдовала за Пулково, провожаема всею Своею свитою, и въ проѣздъ до онаго мѣста продолжалась соколья охота; потомъ Ея Величество, вышедъ изъ одноколки, и изволила сѣсть въ карету и продолжала путешествіе съ малою свитою, а прочіе дамы, Фрейлины и кавалеры имѣли отъѣздъ въ Село Царское». (Тамъ же, стр. 177).

27 того же августа въ Царскомъ Селѣ въ воскресенье, послѣ стола, Ея Величество изволила имѣть выходъ, въ каретахъ, для прогуливанія, до Пулкова; въ шествіи-жъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 183).

[136]) 29 іюля 1766 года, въ субботу, во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ, «Ея Императорское Величество въ пятомъ часу изволила имѣть выходъ, верховою ѣздою, въ мундирѣ Конной Гвардіи, для прогуливанія, до Пулковскаго села, а оттуда возвратилась во Дворецъ, въ таратайкахъ, и въ проѣздъ, какъ туда, такъ и обратно, продолжалась, для увеселенія, соколья охота». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1766 года, стр. 161).

16 мая, во вторникъ, на мызѣ у Графа Григорія Григорьевича Орлова, въ Гатчинѣ Екатерина Алексѣевна, «по окончаніи стола, изволила одѣться въ мундиръ Гвардіи пѣхотнаго полка», послѣ чего, «въ провожаніи Своей свиты, изволила отправиться, верхомъ, съ егерною охотою, трактомъ къ Царскому Селу, и пробыть въ оной (то-есть въ охотѣ) изволила нѣсколько время, потомъ пересѣсть въ карету и продолжать путь въ Царское Село, куда прибыть соизволила того-жъ числа, пополудни въ девятомъ часу, въ вожделѣнномъ здравіи». (Тамъ же, стр. 77).

[137]) 21 іюля 1766 года, въ пятницу, «пополудни въ пятомъ часу» Императрица «соизволила предпріять отсутствіе, въ таратайкахъ, изъ села Краснаго къ Его Сіятельству Графу Григорію Григорьевичу Орлову, въ мызу Гатчино, и проѣзжала черезъ мызу Скворецы. Въ продолженіи того шествія до Гатчины, для увеселенія, продолжалась соколья охота; въ мызу-жъ Гатчино соизволила прибыть въ девять часовъ». (Тамъ же, стр. 155).

На слѣдующій день, 22 іюля, въ субботу съ мызы Гатчины Императрица, «пополудни въ пять часовъ, изволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для прогуливанія, отъ мызы до восьми верстъ, и въ проѣздъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота. По возвращеніи оттуда, мимо слѣдующей деревни Колпино, отъ которой въ одной верстѣ лежащее не малое озеро, называемое Колпинское, и отъ помянутой деревни до онаго озера идти изволила пѣшкомъ и на ономъ прогуливалась въ ботѣ съ распущенными парусами; потомъ, возвратясь обратно, и въ каретахъ шествовала къ мызѣ и прибыть соизволила въ девятомъ часу». (Тамъ же, стр. 156).

17 мая слѣдующаго 1771 года Императрица Екатерина Алексѣевна, будучи въ гостяхъ у графа Григорія Григорьевича Орлова въ его мызѣ Гатчинѣ, провела нѣкоторое время въ тамошнемъ звѣринцѣ, а 20 того же мая посѣтила звѣринецъ Царскосельскій. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1771 года, стр. 172 и 174).

[138]) 13 ноября 1764 года, въ субботу, «по утру въ восьмомъ часу, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ съ нѣкоторыми Двора Своего особами на чучелы, откуда соизволила возвратиться пополудни во второмъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 года, стр. 218).

28 ноября 1765 года, «въ понедѣльникъ, по утру въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество изволила имѣть отсутствіе изъ Санктпетербурга къ селу Красному для чучеловъ; куда обратно прибыть соизволила пополудни въ пятомъ часу». (Тамъ же, стр. 232).

29 іюля 1776 года, въ пятницу, проживая тогда въ Царскосельскомъ дворцѣ, «въ исходѣ пятаго часа пополудни Ея Императорское Величество изволила, въ фаэтонѣ, со всѣми персонами (обѣдавшими въ тотъ день въ Царскомъ Селѣ за Высочайшимъ столомъ), имѣть выходъ съ сокольею охотою за Пулковскую гору». Назадъ во дворецъ Императрица съ гостями вернулась въ семь часовъ вечера. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1776 года, стр. 444).

7 августа того же года, въ воскресенье, «пополудни въ пятомъ часу Ея Императорское Величество, со всѣми персонами, изволила имѣть выходъ, въ фаэтонѣ, за село Кузьмино съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 464).

18 ноября того же года, «въ пятницу, по утру въ восемь часовъ Ея Императорское Величество изволила шествовать, въ саняхъ, на чучелы, для стрѣлянія тетеревей, въ поставленную будку отъ села Царскаго двѣ съ половиною версты, гдѣ Ея Величество изволила застрѣлить пять тетеревей, откуда изволила возвратиться въ село Царское въ исходѣ двѣнадцатаго часа передъ полуднемъ». (Тамъ же, стр. 680).

25 того же ноября, «въ пятницу, по утру въ началѣ десятаго часа Ея Императорское Величество изволила шествовать, въ саняхъ, съ дежурными кавалерами, на чучелы, для стрѣлянія тетеревей, въ прежнюю-жъ будку, коя по Царскосельской дорогѣ, гдѣ Ея Величество изволила застрѣлить двѣ тетерки, откуда Ея Императорское Величество, по окончаніи стрѣльбы, въ послѣдней четверти одиннадцатаго часа изволила изъ села Царскаго отсутствовать и предпринять шествіе, въ каретахъ, прямо въ Санктпетербургъ». (Тамъ же, стр. 698).

2 декабря того же 1776 года, въ пятницу изъ С.-Петербурга «по утру въ семь часовъ Ея Императорское Величество изволила, съ малою свитою, шествіе имѣть на чучелы, кои по Петергофской дорогѣ, на дачу покойнаго Оберъ-маршала Графа Карла Ефимовича Сиверса, состоящую отъ Петербурга въ двѣнадцати верстахъ. Откуда, въ началѣ втораго часа пополудни, Ея Величество изволила прибыть во Дворецъ». (Тамъ же, стр. 725).

11 іюля слѣдующаго 1777 года, во вторникъ, во время пребыванія Императорскаго Двора въ Петергофѣ, «пополудни въ пять часовъ, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами, съ Фрейлинами, кавалерами, изволила имѣть выходъ, для гулянія, съ сокольею охотою, до Стрѣльной мызы. Ея Величество съ Ея Высочествомъ и съ прочими персонами, изволила сидѣть въ фаэтонѣ, подлѣ котораго Его Высочество ѣхалъ верхомъ. Въ исходѣ восьмаго часа изволили обратно прибыть во Дворецъ». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1777 года, стр. 561).

28 того же іюля, въ пятницу, во время пребыванія Императорскаго двора въ Царскомъ Селѣ, «пополудни, въ исходѣ пятаго часа, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами, съ Фрейлинами и кавалерами, изволила имѣть выходъ за село Кузьмино, и въ шествіи продолжалась соколиная охота. Ея Величество, съ Ея Высочествомъ и съ знатными особами изволила сидѣть въ большомъ фаэтонѣ, а Его Высочество подлѣ онаго ѣхалъ верхомъ. Прочія же персоны сидѣли въ таратайкахъ, а нѣкоторыя ѣхали верхомъ. Въ исходѣ шестаго часа изволили прибыть во дворецъ». (Тамъ же, стр. 628).

10 августа того же 1777 года, «въ четвертокъ, въ четвертомъ часу пополудни, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами, съ Фрейлинами и кавалерами, въ таратайкахъ, изволила имѣть выходъ (изъ Царскосельскаго дворца) за Пулково, съ сокольею охотою, откуда возвратилась въ восьмомъ часу». (Тамъ же, стр. 657).

19 того же августа, въ субботу, «Ихъ Императорскія Высочества, съ утра, съ седьмаго часу, даже до вечера до девятаго часа, изволили быть на охотѣ за Федоровскимъ посадомъ (близъ Царскаго Села, гдѣ въ это время проживалъ Павелъ Петровичъ съ супругою), и тамъ былъ обѣденный столъ въ ставкѣ». (Тамъ же, стр. 678).

26 того же августа, въ субботу, «Ихъ Императорскія Высочества изволили отбыть къ Красному селу, для псовой охоты, и возвратились въ село Сарское пополудни въ седьмомъ часу». Отмѣтимъ, какъ любопытный фактъ, что въ этотъ самый день, который Великій Князь Павелъ Петровичъ съ супругою Маріей Ѳедоровной провелъ въ отъѣзжемъ полѣ со псовою охотою, въ Царскомъ Селѣ служили панихиду по покойной первой супругѣ Наслѣдника престола, по Великой Княгинѣ Наталіи Алексѣевнѣ. (Тамъ же, стр. 695).

10 ноября того же 1766 года, въ пятницу, изъ города С.-Петербурга «пополуночи въ семь часовъ, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ на чучелы, откуда прибыть соизволила пополудни въ пятомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1771 года, стр. 236).

[139]) 8 мая 1770 года, въ субботу, проживая въ то время въ Царскомъ Селѣ, «въ вечеру, въ восьмомъ часу, соизволила Ея Величество имѣть выходъ по вновь построенной Гатчинской перспективѣ, до семи верстъ, для стрѣлянія птицъ, откуда соизволила возвратиться въ десятомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1770 года, стр. 93).

Замѣтимъ кстати, что приведенное и аналогичныя съ нимъ свидѣтельства Камеръ-фурьеровъ двора Императрицы Екатерины Великой о выѣздахъ Государыни, преимущественно въ окрестности села Царскаго, весною, въ маѣ мѣсяцѣ, «для стрѣлянія птицъ», о выѣздахъ, предпринимавшихся почти всегда въ началѣ восьмаго часа вечера и продолжавшихся не болѣе двухъ или двухъ съ половиною часовъ, заставляютъ догадываться, что это «стрѣляніе птицъ», было ничто иное, какъ стрѣлянія вальдшнеповъ на тягѣ, и что Екатерина Алексѣевна была большою любительницею этой поэтичной по обстановкѣ охоты, воспѣтой многими поэтами-охотниками.

[140]) 25 ноября 1766 года, во вторникъ, «по утру въ началѣ восьмаго часа, Ея Императорское Величество соизволила шествовать, въ саняхъ, съ малымъ числомъ кавалеровъ, на чучелы, въ новосдѣланную по Царскосельской дорогѣ, отъ Села Царскаго три версты, будку для стрѣ-

лянія тетеревей, откуда соизволила возвратиться во Дворецъ (Царскосельскій) въ первомъ часу пополудни». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1771 года, стр. 633).

[141]) 12 мая 1766 года, въ пятницу, «въ шестомъ пополудни часу, изволила проходить въ оперный домъ, смотрѣть представленной тамъ Французской комедіи; по окончаніи оной, возвратясь въ комнату, и изволила одѣться въ мундиръ Гвардіи сухопутныхъ полковъ и имѣть выходъ съ Ихъ Сіятельствами Графами Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ, Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ и Карломъ Ефимовичемъ Сиверсомъ подъ село Колпино, стрѣлять дупельшнеповъ (токъ), откуда изолила возвратиться пополуночи въ первомъ часу». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1766 года, стр. 74).

Маскарадное шествіе въ Москвѣ по случаю Нейштадскаго мира 1722 г.,
съ нѣмецк. грав. по рисунку Шарлеманъ.

2 сентября 1771 года, въ пятницу, проживая въ это время въ Царскомъ Селѣ, «пополудни въ четвертомъ часу Ея Величество соизволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, въ поле съ сокольею охотою». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1771 года, стр. 320).

13 декабря того же года, во вторникъ, проживая въ это время въ С.-Петербургѣ, «Ея Императорское Величество, по утру, въ исходѣ восьмаго часа, соизволила предпріять отсутствіе, для стрѣлянія птицъ, въ сдѣланный нарочно для онаго шалашъ, въ недальнемъ разстояніи отъ мызы Его Сіятельства Графа Карла Ефимовича Сиверса, куда и прибыть соизволила въ девять часовъ и продолженіе имѣть соизволила въ стрѣляніи до начала перваго часа пополудни; по семъ, тутъ же, въ шалашѣ, и обѣденное кушанье соизволила кушать; кушанье было холодное; а послѣ стола таковое-жъ стрѣляніе продолжала и въ исходѣ третьяго часа пополудни отправилась въ городъ и въ Свой Императорскій Дворецъ прибыла въ исходѣ четвертаго часа пополудни-жъ». (Тамъ же, стр. 437).

4 ноября 1774 года, во вторникъ, «по утру, въ началѣ седьмаго часа, Ея Императорское Величество соизволила предпріять шествіе, въ каретахъ, съ небольшою свитою, на чучелы, для стрѣлянія тетеревей, на дачу Его Сіятельства Графа Карла Ефимовича Сиверса, состоящую по

Петергофской дорогѣ, въ тринадцати верстахъ отъ Санктпетербурга, гдѣ и обѣденное кушанье соизволила кушать; оттуда Ея Императорское Величество возвратиться соизволила во Дворецъ (С.-Петербургскій) пополудни въ четвертомъ часу». (Тамъ же, стр. 599).

14 ноября 1777 года, «во вторникъ, по утру, въ семь часовъ, Ея Императорское Величество изволила предпріять шествіе, въ каретахъ, на чучелы, для стрѣлянія тетеревей, на дачу покойнаго графа Сиверса, что по Петергофской дорогѣ, въ разстояніи отъ Дворца (Зимняго) С.-Петербургскаго четырнадцати верстъ. Въ свитѣ находились слѣдующіе: 1) Фрейлина Екатерина Алексѣевна Сенявина, 2) Графъ Захарь Григорьевичъ Чернышевъ, 3) Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, 4) Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ, 5) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, 6) Вилимъ Романовичъ Польманъ (б. Егермейстеръ), 7) Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, (8 Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, 9) Василій Михайловичъ Ребиндеръ; Камергеры: 10) Князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій, 11) Степанъ Степановичъ Лопухинъ; Камеръ-Юнкеры: 12) Алексѣи Ѳедоровичъ Сабуровъ, 13) Матвѣй Григорьевичъ Спиридовъ, 14) Флигель-Адъютантъ Апраксинъ».

«На чучелы прибыть изволили въ половинѣ девятаго часа, и черезъ недолгое время, по прилетѣ тетеревей, Ея Величество изволила начать стрѣлять. Въ продолженіе сего, до перваго часа, изволила играть въ карты съ Графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышевымъ, съ Княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ и съ Семеномъ Гавриловичемъ Зоричемъ. Въ первомъ часу пополудни, Ея Императорское Величество изволила кушать обѣденное кушанье, со всѣми персонами, въ той же будкѣ. Послѣ стола, недолгое время, тожъ изволила стрѣлять».

«Всего застрѣлено тетеревей десять штукъ».

«Въ началѣ втораго часа, Ея Величество съ чучеловъ изволила отбыть, а въ Зимній Дворецъ прибыла въ исходѣ третьяго часа». (Тамъ же, стр. 903).

142) Такъ какъ въ началѣ 1767 года Императрицѣ, со всѣмъ ея придворнымъ штатомъ, предстояло путешествіе въ Москву, Казань и другіе «низовые города», то еще въ концѣ 1766 года послѣдовало Высочайшее Ея Величества повелѣніе о порядкѣ путешествія, предполагавшагося къ совершенію еще по зимнему пути, въ каковомъ повелѣніи, между прочимъ, значилось:

«Имѣетъ Ягерь-Мейстерская Канцелярія отправить какъ въ Москву, такъ и Ярославль свою команду: въ Москву по прежнему, а въ Ярославль охотниковъ съ гончими собаками двѣнадцать, охотниковъ съ борзыми собаками шесть, Ягерей четыре, Поручика съ соколами и при сокольникахъ восьми человѣкахъ. Для охоты имѣть въ готовности особое большое судно, на которомъ всѣ люди и скотъ съ фуражемъ помѣщены быть должны: и охота слѣдуетъ за Ея Величествомъ до Казани неотлучно». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 25).

143) По совершеніи помянутаго выше путешествія, сопровождавшагося, какъ то указываетъ приведенный документъ, охотами, никакого описанія которыхъ однако не имѣется, и вскорѣ послѣ возвращенія «изъ низовыхъ городовъ» въ Москву, 18 іюня 1767 года, въ понедѣльникъ, «пополудни въ четвертомъ часу, изволила Ея Величество имѣть выходъ въ Коломенскій Дворецъ, смотрѣть во ономъ покоевъ, а оттуда въ проѣздъ—забавляться сокольею охотою». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1767 года, стр. 232).

На слѣдующій день, 19 іюня, во вторникъ, Императрица, «пополудни въ четвертомъ часу, изволила имѣть выходъ въ село Измайлово и быть въ тамошнемъ Дворцѣ, и въ проѣздъ изволила забавляться съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 233).

Въ бытность же въ Москвѣ, 22 того же іюня, въ пятницу, Екатерина Алексѣевна, «пополудни въ пятомъ часу, изволила имѣть выходъ на Воробьевы горы и проѣзжать по близости къ онымъ стоящему лѣсу, и забавляться сокольею охотою, потомъ возвратиться въ Свой Императорскій Головинскій Дворецъ, пополудни-жъ девятаго часа». (Тамъ же, стр. 234).

На слѣдующій день, 23 іюня, въ субботу, Императрица ѣздила въ село Хорошево, гдѣ, между прочимъ, осматривала заводскихъ жеребцовъ; при возвращеніи изъ Хорошева въ Москву, Ея Величество «въ проѣздъ изволила забавляться сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 235).

25 того же іюня, въ понедѣльникъ, пополудни въ четвертомъ часу, Екатерина Алексѣевна «изволила въ придворномъ штатѣ имѣть выходъ въ лагерь Коннаго Карабинернаго полка, состоящій у Петровской (Перовской?) рощи, и смотрѣть воинской экзерциціи; и въ проѣздъ изволила забавляться сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 236).

27 того же іюня, въ среду, будучи въ этотъ день въ селѣ Покровскомъ, Императрица, «пополудни въ четвертомъ часу, изволила имѣть выходъ, для прогуливанія въ поле, гдѣ изволила забавляться сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 239).

30 того же іюня, въ субботу, Императрица, «пополудни въ пятомъ часу, въ придворномъ штатѣ, изволила имѣть выходъ въ Подмосковное Свое село Люберцы». Изъ села Люберцы Екатерина Алексѣевна ѣздила въ усадьбу дворянина Лихарева, расположенную въ шести верстахъ отъ названнаго села, а оттуда направилась обратно въ Москву. «И въ проѣздъ, въ оба пути, изволила забавляться сокольею охотою; а во Дворецъ прибыть изволила пополудни въ десятомъ часу». (Тамъ же, стр. 245).

1 іюля того же 1767 года, въ воскресенье, Императрица, «пополудни въ пятомъ часу, съ придворнымъ штатомъ, изволила имѣть выходъ за Коломенскій Дворецъ въ поле, для прогуливанія, и въ проѣздъ изволила забавляться сокольею охотою, откуда изволила возвратиться пополудни, въ исходѣ девятаго часа», въ ставку свою, которая была тогда устроена въ саду Головинскаго дворца. (Тамъ же, стр. 246).

На слѣдующій день, 2 іюля, въ понедѣльникъ, Екатерина Алексѣевна, «пополудни въ четвертомъ часу, изволила имѣть выходъ, для прогуливанія, въ поле (около Головинскаго дворца) и въ проѣздъ, въ оба пути, изволила забавляться сокольею охотою». (Тамъ же).

На слѣдующій день, 3 іюля, во вторникъ, «пополудни, въ половинѣ пятаго часа, въ препровожденіи Генералитета», Екатерина Алексѣевна «соизволила предпріять отсутствіе изъ Москвы въ Лавру Троицы Сергіеву, и до первой станціи, въ селѣ Братовщинѣ, въ проѣздъ продолжалась соколья охота; и въ оную станцію прибыть соизволила въ исходѣ девятаго часа, разстояніемъ отъ Москвы тридцать двѣ версты». (Тамъ же, стр. 247).

6 того же іюля, въ пятницу, при возвращеніи своемъ изъ Троицко-Сергіевской Лавры, Императрица, «въ седьмомъ часу пополудни, соизволила изъ села Братовщины имѣть отсутствіе, и въ шествіе продолжалась соколья охота. И въ одиннадцатомъ часу въ Свой Императорскій Головинскій Дворецъ прибыть изволила благополучно». (Тамъ же, стр. 255).

11 того же іюля, въ среду, «пополудни, въ исходѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество изъ Головинскаго Дворца изволила имѣть перешествіе въ новопостроенный въ селѣ Коломенскомъ Дворецъ; и отъ Дворца шествовать изволила верховою ѣздою, въ мундирѣ Гвардіи Коннаго полка, и, проѣзжая до вышепомянутаго села полями, забавлялась сокольею охотою. И въ исходѣ девятаго часа въ помянутый Коломенскій Дворецъ прибыть изволила благополучно». (Тамъ же, стр. 259).

13 того же іюля, въ пятницу, проживая тогда въ селѣ Коломенскомъ, Императрица, «въ шесть часовъ пополудни изволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для прогуливанія, къ прудамъ, называемымъ Цареборисовскіе, и изволила смотрѣть ловленной въ оныхъ прудахъ рыбы, и посмотрѣвъ, возвратилась обратно во Дворецъ. Въ шествіе-жъ, какъ туда, такъ и обратно, продолжалась соколья охота». (Тамъ же стр. 263).

16 того же іюля, въ понедѣльникъ, «въ шесть часовъ пополудни Ея Величество, со всею Своею свитою, изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго Дворца), въ таратайкахъ, для прогуливанья, полями; и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». Назадъ во дворецъ Императрица прибыла въ исходѣ девятаго часа. (Тамъ же, стр. 265).

19 того же іюля, въ четвергъ, Императрица ѣздила осматривать Конскіе заводы въ селѣ Пахринѣ, а возвращаясь изъ этого села въ село Коломенское охотилась, съ соколами. (Тамъ же, стр. 266).

22 того же іюля, въ воскресенье, Ея Величество, «пополудни въ седьмомъ часу, изволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для прогуливанія по полямъ съ сокольею охотою; обратно возвратилась въ девять часовъ. И во время Высочайшаго отбытія и прибытія, у подъѣзда большаго крыльца играла Егерской команды музыка въ рожки». (Тамъ же, стр. 269).

24 того же іюля, во вторникъ, Екатерина Алексѣевна, «въ седьмомъ часу пополудни, для прогуливанія, изволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 270).

14 августа того же 1767 года, во вторникъ, продолжая жить въ Коломенскомъ дворцѣ «Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ въ полѣ съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 283).

17 того же августа, въ пятницу, Императрица «пополудни въ шестомъ часу изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго дворца), верховою ѣздою, въ поле и тамъ забавляться съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 284).

На слѣдующій день, 18 августа, въ субботу, въ селѣ Коломенскомъ «обѣденное кушанье Ея Императорское Величество изволила кушать съ Статсъ-дамою, Фрейлинами, кавалерами и прибывшимъ изъ Москвы Генералитетомъ, въ девятнадцати персонахъ. По окончаніи стола Ея Величество съ вышеозначенными персонами изволила имѣть выходъ съ сокольею охотою въ поле». (Тамъ же, стр. 285).

22 того же августа, въ среду, Императрица «въ пятомъ часу пополудни изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго дворца) въ поле съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 287).

25 того же августа, въ субботу, «въ шестомъ часу пополудни Ея Величество изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго дворца), въ таратайкахъ, для прогуливанія, въ поле съ сокольею охотою». Обратно во дворецъ Императрица прибыла въ восьмомъ часу. (Тамъ же, стр. 288).

26 того же августа, въ воскресенье, «въ шестомъ часу пополудни, Ея Величество изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго дворца), въ таратайкахъ, для прогуливанья, въ поле съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 289).

1 сентября того же 1767 года, въ субботу, проживая уже не въ селѣ Коломенскомъ, а въ Москвѣ, въ Головинскомъ дворцѣ, Императрица, «пополудни въ пятомъ часу, изволила имѣть выходъ, для прогуливанія, въ поле съ сокольею охотою. (Тамъ же, стр. 293).

3 того же сентября, въ понедѣльникъ, «пополудни въ пятомъ часу, Ея Величество съ придворнымъ штатомъ соизволила имѣть отсутствіе въ село Коломенское. Въ шествіе, близъ Кожуховой деревни, на озеркахъ, продолжалась птичья охота Его Сіятельства Графа Ивана Григорьевича Орлова. А въ село Коломенское прибыть соизволили въ началѣ 8-го часа». (Тамъ же, стр. 294).

На слѣдующій день, 4 сентября, во вторникъ, «въ шесть часовъ пополудни, Ея Величество изволила имѣть выходъ, для прогуливанія, въ таратайкахъ, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота Его Сіятельства Графа Ивана Григорьевича Орлова. Обратно изволила возвратиться въ восьмомъ часу». (Тамъ же, стр. 295).

7 того же сентября, въ пятницу, «пополудни въ пятомъ часу, Ея Величество изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго дворца), въ таратайкахъ, для прогуливанія, въ поле и продол-

Маскарадное шествіе въ Москвѣ по случаю Нейштадскаго мира 1722 г., съ нѣмецк. гр. А. Шарлеманъ. Собр. П. Я. Дашкова.

жалась соколья охота Его Сіятельства Графа Ивана Григорьевича Орлова». Съ охоты Императрица вернулась во дворецъ въ началѣ восьмого часа. (Тамъ же, стр. 297).

144) На слѣдующій день, 8 сентября, въ субботу, въ девятомъ часу утра Екатерина Алексѣевна отправилась изъ села Коломенскаго въ село Островъ, принадлежавшее въ то время Графу Алексѣю Григорьевичу Орлову и отстоявшее отъ села Коломенскаго въ 15-ти верстахъ. По пріѣздѣ въ село Островъ, высокимъ гостямъ былъ предложенъ парадный обѣдъ, по окончаніи котораго «на полѣ продолжалась псовая охота». Въ обратный путь гости направились въ шестомъ часу вечера, при чемъ Императрица, предварительно, «засвидѣтельствовала хозяину Высочайшее Свое удовольствіе». Въ село Коломенское прибыли въ восьмомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 301).

12 того же сентября, въ среду, «пополудни въ шестомъ часу, Ея Величество изволила имѣть выходъ (изъ Коломенскаго дворца), въ таратайкахъ, для прогуливанія, въ поле; въ продолженіе была соколья охота». (Тамъ же, стр. 303).

15 того же сентября, въ субботу, Императрица Екатерина Алексѣевна «послѣ стола (происходившаго въ селѣ Коломенскомъ) изволила имѣть выходъ, для прогуливанія, въ поле, съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 304).

20 того же сентября, въ среду, проводя этотъ день въ городѣ Москвѣ, въ Головинскомъ дворцѣ, «по окончаніи стола Ея Величество имѣла выходъ, для прогуливанія, въ таратайкахъ, за

село Коломенское, съ сокольею охотою; оттуда возвратилась обратно въ седьмомъ часу пополудни». (Тамъ же, стр. 321).

29 того же сентября, въ субботу, продолжая проживать въ Москвѣ, въ Головинскомъ дворцѣ, Екатерина Алексѣевна, «по окончаніи стола, изволила имѣть выходъ, для прогуливанія, въ поле, съ сокольею охотою; обратно возвратилась въ седьмомъ часу». (Тамъ же, стр. 322).

На слѣдующій день, 30 того же сентября, въ воскресенье, прослушавъ обѣдню въ малой дворцовой церкви Московскаго Головинскаго дворца, Императрица Екатерина Алексѣевна отправилась, сопровождаемая своею свитою, въ каретахъ, въ село Коломенское. По прибытіи въ названное село и «по окончаніи стола, бывъ Ея Величество въ мундирѣ Гвардіи Коннаго полка, слѣдовала, верхомъ, для увеселенія къ рощѣ, что у села Коломенскаго, со псовою охотою, а оттуда по лугу съ сокольею охотою-жъ, и продолжала время до шестаго часа пополудни и возвратилась обратно въ Головинскій дворецъ». (Тамъ же, стр. 323).

8 октября того же 1767 года, въ понедѣльникъ, въ бытность свою въ Москвѣ, Императрица Екатерина Алексѣевна, «по окончаніи стола изволила имѣть выходъ, для прогуливанія, къ Первой рощѣ, гдѣ продолжалась псовая охота». Изъ поѣздки этой Государыня возвратилась въ Москву въ седьмомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 327).

13 того же октября, въ субботу, «по окончаніи стола Ея Величество изволила имѣть выходъ за село Измайлово, для стрѣлянія на чучелахъ птицъ»; назадъ въ Головинскій дворецъ Государыня возвратилась въ этотъ день въ шестомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 328).

15 того же октября, въ понедѣльникъ, все еще продолжая жить въ Московскомъ Головинскомъ дворцѣ, «по утру, въ седьмомъ часу, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ за село Измайлово на чучелы, откуда изволила возвратиться и прибыть во дворецъ пополудни въ четвертомъ часу». (Тамъ же, стр. 330).

[115]) По оставленіи Высочайшимъ дворомъ Москвы и по переѣздѣ въ С.-Петербургъ 23 мая 1768 года, въ пятницу, проживая въ это время въ Царскомъ Селѣ, въ девятомъ часу вечера «Ея Величество, съ малою свитою, изволила шествовать въ каретѣ въ поле, для стрѣлянія птицъ (надо полагать, это былъ выѣздъ на тягу вальдшнеповъ); оттуда возвратилась въ одиннадцатомъ часу» обратно въ Царскосельскій дворецъ. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1768 года, стр. 94).

23 іюня того же 1768 года, въ понедѣльникъ, Императрица Екатерина Алексѣевна, проживая въ это время въ Петергофѣ, посѣтила въ седьмомъ часу вечера тамошній звѣринецъ; однако, неизвѣстно, была ли цѣлью этого посѣщенія охота или просто осмотръ звѣринца. (Тамъ же, стр. 114).

4 іюля того же 1768 года, въ пятницу, продолжая жить въ Петергофѣ, Императрица опять посѣтила Петергофскій звѣринецъ, въ сопровожденіи свиты, при чемъ всѣ участвовавшіе въ этомъ выходѣ были верхами. (Тамъ же, стр. 126).

21 того же іюля, въ понедѣльникъ, Императрица Екатерина Алексѣевна, сопровождаемая малою свитою, предприняла путешествіе изъ Петергофа на мызу Гатчину, принадлежавшую въ то время графу Григорію Григорьевичу Орлову. На пути высокіе путешественники останавливались въ мызѣ Кипенской, также принадлежавшей тогда тому же графу Г. Г. Орлову, отстоявшей отъ Петергофа, по дорогѣ, въ 26 верстахъ, гдѣ во второмъ часу дня имъ предложенъ былъ обѣдъ. «Въ пятомъ часу пополудни, изъ помянутой мызы Кипени», Императрица «продолжала путь въ Гатчину, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота. И не доѣзжая мызы Гатчины верстъ трехъ, изволила Ея Величество идти въ новостроющійся звѣринецъ и смотрѣть привезенныхъ вновь фазановъ, откуда слѣдовать изволила, пѣшкомъ же къ новостроющемуся каменному дому; посмотрѣвъ онаго, оттуда проходила въ мызу. По прибытіи въ оную, въ девятомъ часу, разстояніемъ отъ Кипени въ двадцати четырехъ верстахъ, вечернее кушанье изволила кушать въ поставленной ставкѣ въ четырнадцати персонахъ». (Тамъ же, стр. 143).

29 того же іюля, во вторникъ, «въ шесть часовъ пополудни, Ея Величество соизволила, верховою ѣздою, для прогуливанія, шествовать (изъ Петергофа) до Стрѣльной мызы, и въ проѣздъ, для увеселенія, продолжалась соколья охота; отъ Стрѣльной мызы изволила возвратиться въ Петергофъ, въ каретахъ, и прибыть изволила въ девять часовъ». (Тамъ же, стр. 148).

9-го августа того же 1768 года, въ субботу, Императрица Екатерина Алексѣевна, проживая въ то время въ С.-Петербургѣ, «пополудни въ шестомъ часу изволила имѣть выходъ, въ каретахъ, въ поле, съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 157).

25 того же августа, въ понедѣльникъ, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, Ея Величество, «въ четвертомъ часу пополудни, изволила имѣть выходъ, въ таратайкахъ, для прогуливанія, до Пулкова, полемъ, съ сокольею охотою». Во дворецъ Царскосельскій Государыня вернулась въ этотъ день въ 7 часовъ вечера. (Тамъ же, стр. 167).

2 декабря того же 1768 года, во вторникъ, «по утру, въ началѣ восьмаго часа, Ея Императорское Величество соизволила съ малою свитою шествовать (изъ С.-Петербурга) для стрѣлянія

птицъ въ шалаши, которые пріуготовлены были близъ Средней Рогатки, и въ тѣхъ шалашахъ изволила имѣть обѣденный столъ; обратно во дворецъ прибыть соизволила пополудни въ пятомъ часу». (Тамъ же, стр. 241).

15 мая слѣдующаго 1769 года, въ пятницу, Императрица Екатерина II, проживая въ то время въ Царскомъ Селѣ, ѣздила оттуда въ гости къ графу Григорію Григорьевичу Орлову въ его мызу Гатчину, гдѣ пробыла нѣкоторое время въ новомъ звѣринцѣ. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1769 года, стр. 87).

[146]) 7 іюля того же года, во вторникъ, въ бытность свою въ Петергофѣ, «въ пять часовъ пополудни, Ея Величество имѣть соизволила верховой выходъ до мызы Стрѣлиной, и въ шествіи продолжалась соколья охота». Назадъ въ Петергофскій дворецъ Императрица вернулась въ каретахъ, въ тотъ же вечеръ. (Тамъ же, стр. 134).

На слѣдующій день, 8 іюля, въ среду, «пополудни въ шесть часовъ, Ея Величество, со всею Своею свитою, соизволила (изъ Петергофа) шествовать, верхомъ, въ Ораніенбаумъ, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота». Изъ Ораніенбаума Императрица съ приближенными лицами вернулась въ Петергофъ въ тотъ же вечеръ въ каретахъ. (Тамъ же, стр. 135).

Переѣхавъ вскорѣ изъ Петергофа въ Красное Село, 11 того же іюля, «въ субботу, по утру, въ восемь часовъ, Ея Императорское Величество изъ Села Краснаго соизволила предпріять отсутствіе въ мызу Гатчино, принадлежащую Его Сіятельству Графу Григорію Григорьевичу Орлову, и въ проѣздъ продолжалась соколья охота. По прибытіи въ оную мызу, Ея Величество соизволила нѣсколько времени съ кавалерами забавляться въ карты, по семъ кушать обѣденное кушанье съ прибывшими въ свитѣ своей въ четырнадцати персонахъ. А пополудни въ шестомъ часу, Ея Величество соизволила идти пѣшкомъ, для прогуливанія и проходить къ новостроющемуся каменному дому, а оттуда въ звѣринецъ смотрѣть находящихся въ ономъ фазановъ и другихъ птицъ; и осмотрѣвъ онаго, соизволила предпріять отсутствіе изъ мызы Гатчиной къ Селу-жъ Красному, и въ проѣздъ до онаго продолжалась соколья охота. По прибытіи въ Красное Село, вечернее кушанье Ея Императорское Величество кушать не соизволила, а кушали находящіяся въ свитѣ персоны. (Тамъ же, стр. 138).

На слѣдующій день, 12 іюля, въ воскресенье, «въ пять часовъ пополудни, Ея Императорское Величество соизволила имѣть отсутствіе изъ Села Краснаго въ Петергофъ, и въ шествіе до Петергофа, по способнымъ мѣстамъ, продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 139).

15 того же іюля, въ среду, Императрица Екатерина Алексѣевна, «пополудни въ седьмомъ часу, соизволила имѣть выходъ, въ каретахъ, для прогуливанія, въ мызу Стрѣльну, и въ проѣздъ продолжалась, для увеселенія, соколья охота». По прибытіи въ Стрѣльну, Государыня прогуливалась тамъ по саду, и дворцовый садовникъ той мызы удостоился поднесенія Ея Величеству разныхъ разводящихся тамъ цвѣтовъ и ягодъ. Изъ Стрѣльны Императрица отбыла обратно въ Петергофскій дворецъ въ девятомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 140).

21 того же іюля, во вторникъ, «пополудни въ шестомъ часу, Ея Величество изволила предпріять отсутствіе изъ Петергофа въ Санктпетербургъ, въ продолженіе шествія, до мѣстечка Ульянки, продолжалась соколья охота». Въ С.-Петербургъ Императрица прибыла въ исходѣ десятаго часа вечера. (Тамъ же, стр. 150).

24 того же іюля, въ пятницу, проживая въ то время въ С.-Петербургѣ, Императрица Екатерина Алексѣевна, «пополудни въ пятомъ часу, изволила имѣть, въ придворномъ Своемъ штатѣ, выходъ въ поле съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 152).

28 того же іюля, во вторникъ, «пополудни въ четвертомъ часу, Ея Величество соизволила имѣть выходъ, въ каретахъ, за Московскую Ямскую, а оттуда проѣзжала къ Вологодской Ямской, по лугамъ, съ сокольею охотою; обратно въ Лѣтній дворецъ прибыть соизволила въ исходѣ восьмаго часа». (Тамъ же, стр. 154).

22 августа того же 1769 года, въ субботу, проживая въ то время въ Царскомъ Селѣ, «пополудни въ шестомъ часу, Ея Величество соизволила имѣть выходъ, въ каретахъ, для прогуливанія, до Пулкова, съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 167).

26 того же августа, въ среду, Екатерина Алексѣевна, отслушавъ литургію въ придворной Царскосельской церкви Владимирской Богоматери, гдѣ въ тотъ день справлялся престольный праздникъ, поѣхала въ гости къ графу Мартыну Карловичу Скавронскому, въ его помѣстье-мызу Мозино, отстоявшую отъ Царскаго Села, по Гатчинской дорогѣ, въ 15 верстахъ. По пріѣздѣ въ названную мызу и по окончаніи предложеннаго высокимъ гостямъ обѣденнаго стола, во время котораго Императрица провозгласила тостъ за здоровье «хозяина и его фамиліи», Ея Величество «съ балкона, малое время, соизволила смотрѣть продолжающейся псовой охоты, которая была около того дома лежащаго лѣса». (Тамъ же, стр. 170).

13 іюля того же 1770 года, проживая въ то время въ Петергофѣ, «въ обыкновенное время пополудни, Ея Величество, свиты Своей съ кавалерами, соизволила имѣть выходъ верховою ѣздою, до Стрѣльной мызы, и въ проѣздъ до оной продолжалась соколья охота; по прибытіи въ озна-

ченную мызу, изволила тамъ пробыть съ полчаса времени, оттуда возвратиться обратно въ Петергофъ въ девять часовъ». (Тамъ же, стр. 155).

Это указаніе Камеръ-фурьера на то обстоятельство, что охотничій выходъ Ея Величества изъ Петергофа въ Стрѣльну состоялся въ тотъ день «въ обыкновенное время пополудни» совершенно опредѣленно констатируетъ, что если не постоянно въ періодъ своего пребыванія въ Петергофѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ теченіе жительства своего въ этомъ пунктѣ въ 1770 году, Императрица Екатерина Алексѣевна чуть ли не каждый день предпринимала свои охотничьи съ ловчими птицами поѣздки по направленію къ Стрѣльнѣ и что если свѣдѣнія о послѣднихъ являются въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ лишь повременными, то объясняется это исключительно тѣмъ, что камеръ-фурьеры не всегда отмѣчали подобные факты, именно какъ факты слишкомъ «обыкновенные».

[147]) 17 того же іюля, въ субботу, Императрица Екатерина Алексѣевна, сопутствуемая приближенными лицами, отправилась въ гости къ Шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину, въ принадлежавшую послѣднему мызу Левендаль, расположенную по Петергофской дорогѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Петергофа. Въ этотъ день Нарышкинъ устраивалъ блестящій праздникъ въ своемъ помѣстьѣ (Камеръ-фурьерскій журналъ 1768 года, стр. 159), о которомъ С.-Петербургскія Вѣдомости помѣстили на своихъ столбцахъ весьма подробный отчетъ. Воздерживаясь отъ полнаго приведенія современной корреспонденціи, приведемъ лишь слѣдующее изъ нея извлеченіе:

«Ея Императорское Величество изволила пойти въ рощу маленькою дорожкою, въ которой густота деревьевъ и сплетенныя вѣтви, также въ подражаніе натуры сдѣланные по сторонамъ овраги, представляли глубокую пустыню, изъ которой, выходя, видима была высокая и дикая гора, обросшая мхомъ и большими деревьями и едва имѣющая маленькія тропинки для всходу на крутизну оной; изъ-за горы слышенъ былъ голосъ музыки и пѣніе. Ея Императорское Величество лишь только изволила сѣсть у подошвы оной горы на сдѣланное канапе изъ дерну на подобіе горки, какъ вдругъ весь бывшій на горѣ лѣсъ и дичь превратилась въ прекрасный кустарникъ, между коимъ показались пространныя дорожки, а вверху горы виденъ былъ великолѣпный храмъ Діаны, котораго столбы украшены были гирляндами и фестонами. Во ономъ храмѣ стояла статуя Діанина. По всей горѣ расположена была роговая музыка (музыка эта была придворной егерской команды—Камеръ-фурьерскій журналъ 1770 г., стр. 159), которую составляли болѣе пятидесяти человѣкъ; звукъ оной принудилъ укрывающихся въ горѣ зайцевъ бѣжать въ лѣсъ, за коими тотчасъ приготовленныя къ тому собаки бросились». (С.-Петерб. Вѣд. 1770 года, № 59). Послѣ этой травли Императрица отправилась осматривать другія выдумки своего любимца, хитроумнаго Льва Александровича, всегда умѣвшаго угодить своей повелительницѣ.

[148]) Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1770 года былъ устроенъ въ Царскомъ Селѣ торжественный пріемъ принцу Генриху Прусскому. Въ ряду различныхъ увеселеній и зрѣлищъ, которыми забавляли Принца Генриха, «противъ Царскосельскаго звѣринца, по приказанію Егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина и подъ смотрѣніемъ Егермейстера фонъ-Польмана, у ручья, въ лѣсу, сооружена была гора Діанина съ храмомъ ея, вся иллюминованная, на коей слышна была роговая охотничья музыка». (Журн. пребыванія Генриха Прусскаго въ Россіи, стр. 53).

Эту гору съ Діанинымъ храмомъ, сооруженную, повидимому, на подобіе Діанинои горы, устроенной въ томъ же году Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ къ своему празднику въ Левендалѣ, а, можетъ-быть, гору, перевезенную изъ Левендаля въ Царское Село, обошедшуюся казнѣ слишкомъ въ 4.000 рублей, по Высочайшему повелѣнію велѣно было поддерживать въ томъ видѣ, въ которомъ она была показана Принцу Прусскому, съ возложеніемъ надзора за сооруженіемъ на управителя Селомъ Царскимъ генералъ-маіора Кашкина. (Рукоп. сборн. Им. Ук., № 50).

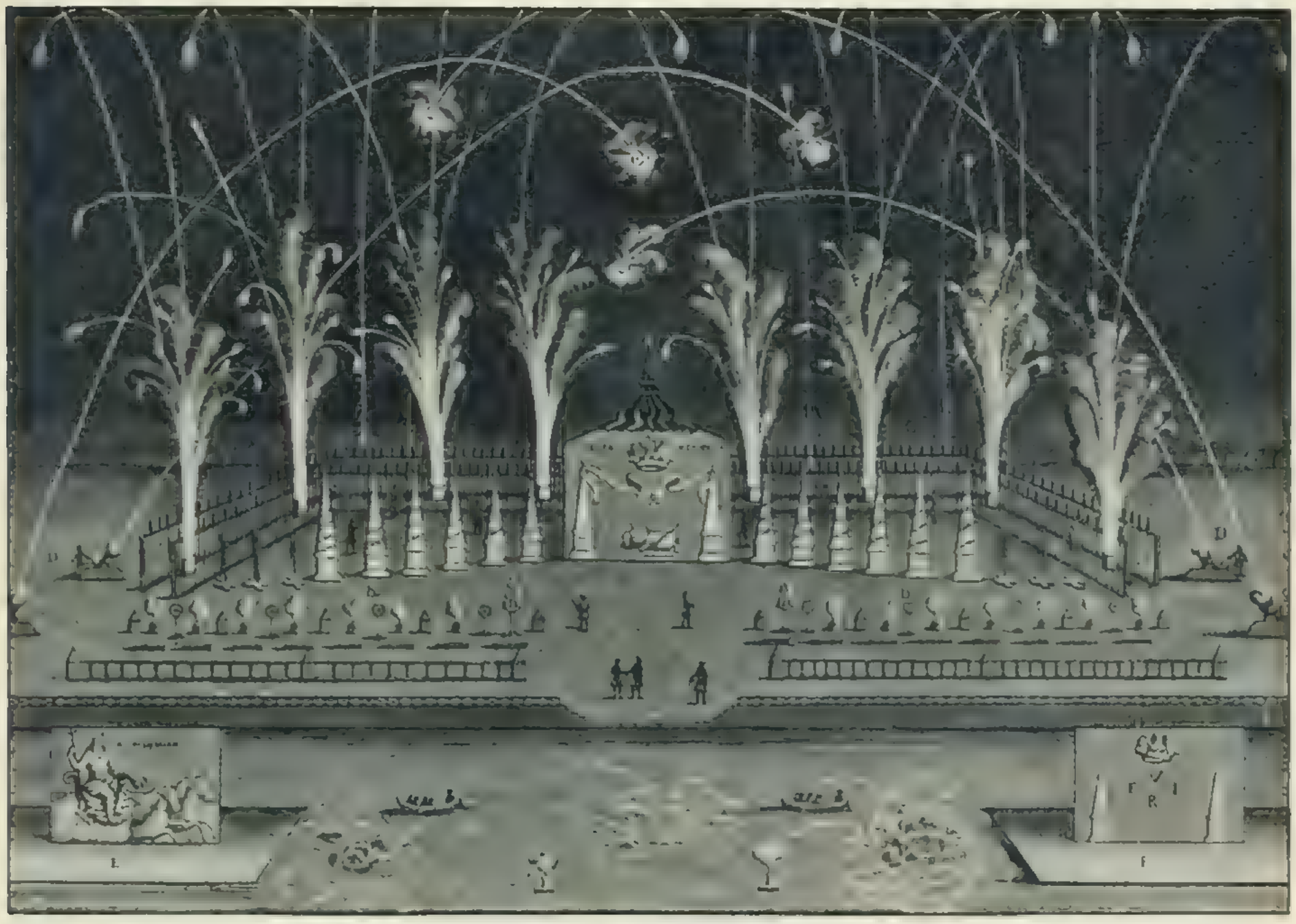
[149]) 9 іюля 1773 года, во вторникъ, проживая въ это время въ Петергофѣ, «пополудни въ пятомъ часу, Ея Императорское Величество съ Ландграфинею, съ Принцессами, съ Фрейлинами и кавалерами, сѣвъ Ея Величество съ Принцессами въ большой фаэтонъ, а прочія персоны въ таратайки, изволила имѣть выходъ отъ Петергофа верстъ до семи, для гулянія; въ продолженіе сего продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 424).

Считаемъ необходимымъ оговорить, что помянутыя высокія гостьи Императорскаго Двора были Ландграфиня Гессенъ-Дармштадтская съ дочерьми, Принцессами Амаліей, Вильгельминой и Луизой. Принцессы были выписаны въ Петербургъ самой Императрицей Екатериной Великой, озабоченной скорѣйшимъ вступленіемъ въ брачную жизнь Наслѣдника Престола Павла Петровича. Выборъ Наслѣдника палъ на Принцессу Вильгельмину, нарѣченную, по принятіи ею православной вѣры, Великою Княжною Наталіею Алексѣевною.

Этотъ первый бракъ Великаго Князя Павла Петровича съ Принцессою Гессенъ-Дармштадтскую состоялся въ томъ же 1773 году. Въ теченіе лѣта этого года высокимъ гостямъ устраивались всевозможныя празднества какъ въ самомъ городѣ С.-Петербургѣ, такъ и въ его окрестностяхъ, въ Петергофѣ, Царскомъ Селѣ и другихъ мѣстахъ. По нашей задачѣ мы приводимъ лишь имѣющіяся свѣдѣнія о поѣздкахъ Императрицы съ гостями, имѣвшихъ, между прочимъ, задачею производство охоты.

16 того же іюля, во вторникъ, «пополудни въ началѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество, съ Ландграфинею, съ двумя Принцессами, Амаліею и Луизою, съ Фрейлинами и кавалерами, соизволила, для гулянія, имѣть выходъ (изъ Петергофскаго Дворца въ окрестности Петергофа), въ таратайкахъ, верстъ до девяти; въ продолженіе сего была соколья охота». (Тамъ же, стр. 457).

27 іюля, въ субботу, въ три часа дня, Императрица Екатерина Алексѣевна предприняла поѣздку изъ Петергофа въ Царское Село, главнымъ образомъ въ видахъ осмотра приготовленій въ послѣднемъ пунктѣ къ пріему высокихъ гостей—Ландграфини Гессенъ-Дармштадтской съ дочерьми. До «путеваго экипажа» Императрицу провожали Великій Князь Павелъ Петровичъ, Ланд-



Фейерверкъ въ Москвѣ по случаю коронаціи Екатерины I 7 Мая 1724 г., съ русск. грав. того времени.

графиня и Принцессы, откуда Государыня поѣхала уже одна, въ сопровожденіи небольшой свиты. «По начатіи путешествія, до Стрѣльной мызы продолжалась соколья охота». (Тамъ же, стр. 506).

2 августа 1773 года, въ пятницу, «въ началѣ четвертаго часа пополудни, Ея Императорское Величество, въ длинномъ кафтанѣ (то-есть въ амазонскомъ платьѣ), соизволила проходить въ манежъ и оттуда предпріяла шествіе, верхомъ, въ поле, съ сокольею охотою; а за Ея Величествомъ послѣдовалъ и Его Императорское Высочество съ кавалерами, верхомъ же, а Ландграфиня съ Принцессами»—которыя къ этому времени также прибыли изъ Петергофа въ Царское Село—«такожъ Фрейлины, засѣдали въ таратайкахъ». Съ охоты этой все общество вернулось обратно въ Царскосельскій Дворецъ въ седьмомъ часу вечера. (Камеръ-фурьерск. журн. 1773 года, стр. 535).

5 августа того же 1773 года, въ понедѣльникъ, будучи въ Царскомъ Селѣ, Императрица Екатерина Алексѣевна, сопровождаемая Павломъ Петровичемъ, Ландграфинею Гессенъ-Дармштадтскою и Принцессами, «предпріяла шествіе, въ таратайкахъ, для гулянія, въ поле, съ сокольею охотою». (Тамъ же, стр. 550).

10 того же августа, въ субботу, «пополудни въ пять часовъ, Ея Императорское Величество съ Его Императорскимъ Высочествомъ, съ Ландграфинею, съ Принцессами и со всѣми прочими

персонами соизволила предпріять отсутствіе изъ Села Царскаго въ Санктпетербургъ, и до Пулковской горы шествовала въ фаэтонѣ, и продолжалась соколья охота, а отъ Пулковской горы въ каретахъ; и въ половинѣ восьмаго часа въ Зимній Каменный Дворецъ прибыть соизволила», (Тамъ же, стр. 575).

[150]) Въ началѣ 1775 года части С.-Петербургской егерской и псовой охотъ отправились въ Москву на время пребыванія тамъ Императорскаго двора.

Егерская охота, подъ начальствомъ оберъ-егеря Коева, въ составѣ 5 егерей, 7 егерскихъ учениковъ и 6 птичниковъ, отправилась въ Москву въ февралѣ мѣсяцѣ и прибыла на мѣсто 10 марта. Для охоты этой было отведено въ селѣ Измайловѣ: оберъ-егерю—покой, егерямъ—3 покоя, егерскимъ ученикамъ и птичникамъ—5 покоевъ и «для содержанія въ лѣтнее время стрѣляныхъ птицъ погребъ одинъ». (Госуд. Арх., оп. 72, дд. №№ 39 и 63).

Псовая охота была отправлена въ Москву двумя партіями: одна партія отправилась подъ начальствомъ корытничаго Семена Зотова, въ составѣ 11 охотниковъ, 4 доѣзжачихъ, 4 выжлятниковъ, 4 наварщиковъ, 4 конюховъ, коновала, 2 кузнечныхъ и двухъ фельдшерскихъ учениковъ. Съ нею же выѣхали лѣкарь и подлѣкарь. (Тотъ же Арх., оп. 72, д. № 53). Другая партія, подъ начальствомъ Оберъ-Ферштера Андреаса Тона была отправлена со сворами Ея Величества и Его Высочества, заключавшими въ себѣ 40 борзыхъ собакъ. Съ этою партіей поѣхало 6 охотниковъ, 1 доѣзжачій, 6 выжлятниковъ, 2 наварщика, 2 конюха и фельдшерскій ученикъ. Кромѣ собакъ, Андреасъ Тонъ долженъ былъ доставить въ Москву 24 охотничьихъ лошади. Ему было выдано 30 саней; «для покрышки собакъ, на девятеры сани, на каждыя, по 2 луба»; 9 лубьевъ запасныхъ; 48 веревокъ толстыхъ; 315 саженей веревокъ пеньковыхъ; 15 саженей бичевокъ; корыто досчатое; 9 четвертей овсяной муки; 3 четверти шкваръ; 172 рубля прогонныхъ денегъ; 72 рубля на фуражъ лошадямъ; 27 рублей на кормовыя деньги служителямъ, по 10 копѣекъ въ сутки на человѣка; 25 рублей на разные расходы. (Тотъ же Арх., оп. 72, д. № 21).

Затѣмъ надлежитъ припомнить, что въ началѣ того же 1775 года изъ С.-Петербурга были командированы въ Москву тамошнія Императорскія псовая и егерская охоты почти въ полномъ ихъ составѣ. (Тотъ же Арх., оп. 72, дд. №№ 39 и 63).

Всѣ перечисленныя выше распоряженія Оберъ-Егермейстерской канцеляріи, мелочныя, но серіозныя заботы различныхъ должностныхъ лицъ Императорской охоты объ организаціи наиболѣе соотвѣтственной арены будущихъ Высочайшихъ охотъ, заставляютъ предполагать, что имѣющіяся у насъ, нижеприводимыя свѣдѣнія объ охотахъ Императрицы Екатерины Великой въ 1775 году далеко не исчерпываютъ того, что происходило въ то время въ Москвѣ въ этомъ направленіи даже со стороны, такъ сказать, дневника времяпрепровожденія Императрицы.

13 мая 1775 года, въ бытность свою въ Москвѣ, Императрица Екатерина Алексѣевна, въ четвертомъ часу дня, направилась, со всею Своею свитою, изъ Москвы въ село Измайлово, гдѣ то время была сосредоточена вся прибывшая изъ С.-Петербурга Императорская охота и гдѣ содержались собственныя своры борзыхъ собакъ Ея Величества и Его Высочества. «По прибытіи въ звѣринецъ, Ея Величество изъ фаэтона соизволила выдти и слѣдовать, пѣшкомъ, черезъ весь звѣринецъ», въ подробностяхъ осмотрѣвъ который, покинула село Измайлово въ восьмомъ часу и направилась въ дальнѣйшій путь въ село Коломенское. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1775 года, стр. 291).

23 Іюня того же года, во вторникъ, проживая въ то время во дворцѣ села Коломенскаго, «пополудни въ седьмомъ часу, Ея Величество соизволила изъ внутреннихъ своихъ апартаментовъ прибыть въ кавалерскую комнату, куда и Ихъ Императорскія Высочества прибыли, и соизволила изъ той комнаты смотрѣть бывшей за Москвою рѣкою, на полѣ, заячьей маленькими собаками травли». (Тамъ же, стр. 393).

На слѣдующій день, 24 іюня, въ среду, «пополудни въ шестомъ часу, Ихъ Императорскія Высочества изволили прибыть въ апартаментъ Ея Императорскаго Величества, откуда Ея Величество съ Ихъ Высочествами, вышедъ въ кавалерскую комнату, соизволила предпріять, въ фаэтонѣ, шествіе на охоту съ соколами и кречетами, и, проѣзжая чрезъ Кожуховъ мостъ, въ правую сторону, по полю, а оттолѣ обратно, соизволила возвратиться къ селу Коломенскому и, не доѣзжая до онаго села, на полѣ-жъ, пущены были маленькія собаки на зайца, чѣмъ окончивъ охоту, прибыть соизволила во дворецъ (Коломенскій) и проходить въ Свои апартаменты». (Тамъ же, стр. 396).

29 іюля того же года, во время пребыванія своего въ селѣ Царицыномъ, расположенномъ въ недальнемъ отъ Москвы разстояніи, «въ середу, пополудни въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество съ Ихъ Императорскими Высочествами, такожъ съ Фрейлинами и кавалерами, соизволила поѣхать, для прогуливанія въ фаэтонѣ, до Коломенскаго села, и тутъ продолжалась соколья охота», откуда Императрица съ Ихъ Высочествами и свитою возвратилась обратно во дворецъ села Царицына въ девятомъ часу того же вечера. (Тамъ же, стр. 497).

9 августа того же 1775 года, въ воскресенье, продолжая въ то время проживать въ селѣ Царицыномъ, «въ вечеру, Ея Императорское Величество съ Ихъ Императорскими Высочествами,

такожъ съ Фрейлинами и кавалерами, соизволила ѣздить, въ фаэтонѣ, за Коломенское, по ту сторону Москвы-рѣки, къ озеркамъ, гдѣ продолжалась соколья охота на утокъ; откуда соизволила возвратиться въ Царицыно въ восьмомъ часу вечера». (Тамъ же, стр. 514).

18 того же августа, во вторникъ, Императрица Екатерина Алексѣевна имѣла выходъ къ расположеннымъ въ Царицынскомъ саду «островкамъ, гдѣ сидятъ фазаны». (Тамъ же, стр. 526).

[151]) Въ 1775 году, какъ мы уже не разъ имѣли случай упоминать выше, въ Москвѣ, въ присутствіи Императрицы, торжественно и продолжительное время праздновалось заключеніе выгоднаго для Россійскаго Государства мира съ Блистательною Портою. Это «мирное торжество» сопровождалось всевозможными увеселеніями, устраивавшимися какъ для простого народа, распоряженіемъ Дворцоваго вѣдомства, такъ и для высшихъ слоевъ тогдашняго общества, въ самыхъ Московскихъ дворцахъ, по предначертаніямъ Великой Императрицы. Въ числѣ собственно придворныхъ увеселеній занимало далеко не послѣднее мѣсто отъѣзжее поле.

Ожидая прибытія, по сказанному случаю, въ Москву Императорскаго Двора, Оберъ-Егермейстерское вѣдомство, въ полной увѣренности, что пребываніе Екатерины Алексѣевны въ этой столицѣ будетъ, между прочимъ, сопровождаться болѣе или менѣе частыми выѣздами Императрицы и приближенныхъ къ ней лицъ на охоту, прилагало заботливое стараніе къ подготовкѣ успѣшности подобныхъ выѣздовъ и дѣлало всевозможныя распоряженія, долженствовавшія споспѣшествовать «наилучшему на поляхъ увеселенію Ея Императорскаго Величества».

Какъ мы уже говорили въ отдѣлѣ о сокольихъ помытчикахъ, по предписаніямъ Оберъ-Егермейстерской канцеляріи, прилагалась масса стараній къ тому, чтобы запастись заранѣе, къ лѣтнему времени 1775 года, наивозможно большимъ числомъ ловчихъ птицъ, «ибо въ птицахъ нынѣ состоитъ противъ прошлыхъ лѣтъ большая надобность». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 7). Различнымъ сокольимъ помытчикамъ, мѣстностей не особенно отдаленныхъ, строго на строго приказывалось, чтобы они, «ни мало не мѣшкавъ, всѣ поголовно вышли на помцы и старались оныхъ птицъ помкнуть какъ возможно съ большимъ удовольствіемъ», а пойманныхъ птицъ «тотчасъ» приносили въ Семеновское на потѣшный дворъ. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 51). Грозныя эти предписанія исполнялись довольно аккуратно. Такъ, одни Ярославскіе помытчики принесли, разновременно, въ теченіе опредѣленнаго срока 113 экземпляровъ кречетовъ, соколовъ и ястребовъ, да ими же принесенъ въ подарокъ Императрицѣ отъ князя Дундукова рѣдкая птица—цвѣтной балобанъ. (Тамъ же, оп. 73, д. № 2). Не имѣя въ Московской Императорской птичьей охотѣ надежнаго «ястреба ловца» и не будучи убѣжденной въ возможности получить потребную птицу нормальнымъ путемъ, другими словами, не разсчитывая въ данномъ случаѣ на помытчиковъ, Московская Оберъ-Егермейстерская Контора распорядилась покупкою подобнаго ястреба у «вольнаго человѣка», ассигновавъ для этого потребную сумму. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 19). «Въ селѣ Коломенскомъ, на большомъ озерѣ, что къ Москвѣ-рѣкѣ», распоряженіемъ Оберъ-Егермейстерской конторы, была заготовлена для Ея Императорскаго Величества большая лодка, долженствовавшая къ пріѣзду Императрицы быть убранной надлежащимъ образомъ ельникомъ для маскировки судна. Въ лодкѣ этой, по заключенію свѣдущихъ охотниковъ, встрѣчалась полная необходимость для успѣшности охоты на водѣ по дикимъ уткамъ—«при напускѣ соколовъ на утокъ». (Тотъ же Арх., оп. 73, дд. №№ 50—2). Въ дворцовомъ имѣніи Тюхаляхъ, около расположенныхъ въ той мѣстности озеръ, «въ пристойныхъ мѣстахъ», приказывалось расчистить мѣстность, вырубить излишніе кусты, да поставить два сухихъ дерева, надо полагать, для охоты въ этомъ раіонѣ на тетеревей, загономъ, на чучелахъ. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 32). Озабочивалась Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, чтобы ко времени начала Высочайшихъ охотъ того года подъ Москвою не обнаружилось недостатка въ «ящикахъ, въ коихъ возятся на поля шапки, портупеи и чепраки» принимающаго въ охотахъ участіе личнаго персонала Императорской охоты. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 39). Устраивались, починялись и возобновлялись шалаши для стрѣлянія тетеревей и отдавались другія аналогичныя приказанія.

[152]) Относительно устройства шалашей считаемъ необходимымъ привести нѣкоторыя болѣе подробныя свѣдѣнія.

25 мая 1775 года Унтеръ-Егермейстеръ Дубянскій доносилъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи нижеслѣдующее:

«Поданнымъ ко мнѣ Оберъ-Егерь Алексѣй Коевъ доношеніемъ представляетъ: около Москвы имѣются шалаши для всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества увеселенія, стрѣляніемъ на чучелахъ тетеревей; два были въ Перовской рощѣ, кои въ прошломъ 1767 году, за ветхостью, сломаны, и изъ оныхъ построенъ шалашъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ отъ Дворцовой канцеляріи; а имѣющіеся два шалаша: одинъ въ Гирѣевскомъ, что подъ Владышнымъ, совсѣмъ ветхъ, въ прошломъ же 1767 году оный былъ подпертъ балками, а нынѣ какъ оный, такъ и въ Максинской рощѣ, совсѣмъ шалаши повалились, изъ которыхъ за ветхостью выбрать нечего. А вышепомянутый въ Измайловскомъ звѣринцѣ шалашъ, для переноски въ другое мѣсто, нѣсколько за ветхостью негоденъ. И для того надлежитъ заблаговременно построить шалашъ новый въ Максин-

ской рощѣ, противъ Царскосельскаго или Красно-Кабацкаго, что въ Санктпетербургѣ, шалашей, о чемъ Оберъ-Егермейстерской канцеляріи симъ представляю».

По полученіи этого представленія Унтеръ-Егермейстера Дубянскаго, Оберъ-Егермейстерская канцелярія «приказала къ Оберъ-Егерю Коеву и Форштмейстеру Зандену (Измайловскаго звѣринца) послать изъ канцеляріи ордеръ и велѣть, чтобы они, обще осмотря въ здѣшнемъ звѣринцѣ (опять-таки Измайловскомъ), сколько есть лѣсу сосноваго и еловаго срубленнаго, и можно ли употребить на постройку шалаша, и ежели недостаточно онаго, то сколько еще потребно въ добавокъ, или имѣетъ быть онаго и безъ прибавки достаточно, о томъ бы обо всемъ, по исполненіи вышеписаннаго, подали тотчасъ въ канцелярію репортъ, дабы сія канцелярія могла принять въ постройкѣ онаго шалаша надлежащія мѣры».

Вѣроятно, по послѣдовавшему по сему предмету донесенію Оберъ-Егеря Коева и Форштмейстера Измайловскаго звѣринца Зандена пригодныхъ для постройки шалаша лѣсныхъ матеріаловъ въ названномъ звѣринцѣ не оказалось, что явствуетъ изъ нижеприводимой «описи, какимъ образомъ надлежитъ построить въ Максинской рощѣ, для стрѣльбы, шалашъ».

«Построить оный изъ сосноваго лѣсу, внутри шириною восемь аршинъ, вышиною, отъ полу до потолку, три аршина десять вершковъ; вокругъ его шесть чулановъ съ переборками досчатыми, которые чуланы внутри имѣютъ быть шириною на трехъ аршинахъ, и какъ середина онаго шалаша, такъ и чуланы осьмистѣнные; оный шалашъ и чуланы покрыты тесомъ, съ прокладкою дранью въ два ряда. Во ономъ же шалашѣ, въ серединѣ, и въ чуланахъ, сдѣлать двѣ печи израсцовыя и одинъ очагъ. А коликое число во ономъ шалашѣ надлежитъ сдѣлать окошекъ, дверей и рундуковъ, о томъ показано отъ меня (надо полагать Унтеръ-Егермейстера Дубянскаго) быть имѣетъ при строеніи. А полъ сдѣлать досчатый и убить оный войлоками. Крыльцовъ ко оному шалашу, съ перильцами, три. Въ серединѣ шалаша сдѣлать потолокъ изъ тонкаго тесу и обить же войлоками какъ оный, такъ и вокругъ въ чуланахъ, и сверхъ оныхъ войлоковъ подбить холстомъ и подбѣлить. Внутри жъ онаго шалаша столярныхъ дверей четыре съ мѣдными замками и вокругъ какъ на полу, такъ и на потолкѣ вытянуть карнизъ; и все вышеписанное строеніе, по показанію моему, исправить подрядчику своими работными людьми изъ всѣхъ къ тому принадлежащихъ собственныхъ матеріаловъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 24).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года было приказано Оберъ-Егермейстерскою канцеляріею «имѣющійся въ Измайловскомъ звѣринцѣ, для увеселенія Ея Императорскаго Величества стрѣляніемъ на чучела тетеревей» шалашъ не передѣлывать заново, капитально, какъ то было предположено раньше, но ограничиться только одною починкою существующаго сооруженія, «чтобы не опасно въ немъ пребывать». Къ этому распоряженію прибавлялось довольно подробное и чрезвычайно интересное наставленіе о тѣхъ работахъ, какія, по мнѣнію Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и надлежало произвести при починкѣ шалаша. Предписывалось въ «шалашѣ стѣны, съ обѣихъ сторонъ, изнутри и снаружи, скрѣпить поставленными брусьями, а для укрѣпленія пропустить желѣзные болты, ибо внутри будетъ обито бумажками, а снаружи ухвоится ельникомъ, то и брусьевъ будетъ не видно, а крѣпость такъ будетъ надежна, хотя бы и новый былъ; также стѣны, полы, потолки, печи и окончины, и, однимъ словомъ, чтобы все было исправлено починкою; и тако сей съ новымъ будетъ разнствовать только въ томъ, что не будетъ такъ починенной пригожъ, какъ новый; но какъ въ Оберъ-Егермейстерской канцеляріи денегъ не имѣется, то она и стараться должна не о красотѣ онаго, но о твердости и теплотѣ». (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 4).

Изъ другихъ подготовительныхъ къ предстоявшимъ въ то время Высочайшимъ охотамъ распоряженій отмѣтимъ слѣдующія:

1 мая 1775 года Главностатейничій Московской Императорской птичьей охоты, Иванъ Рыкуновъ, доносилъ Оберъ-Егермейстерской канцеляріи:

«Какъ извѣстно Оберъ-Егермейстерской канцеляріи, что всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имѣется здѣсь, въ Москвѣ, присутствіе, и уповательно, что нынѣшняго лѣта, въ скоромъ времени, и со птичьею охотою на поля выходъ имѣть соизволитъ, а не инако какъ въ каретахъ и таратайкахъ. А какъ около Москвы по большимъ дорогамъ сдѣланы великіе каналы, такъ что не только черезъ ихъ въ каретѣ проѣхать, но и верхомъ никакъ не можно, мостовъ же черезъ тѣ каналы почти ничего не имѣется, а безъ оныхъ никакъ проѣзжать не можно жъ, того ради, по долгу моему, почитаю сіе за нужное, въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію представить, повелѣно бъ было отъ оной канцеляріи, для предписанной (т.-е. вышеписанной) необходимой надобности, въ Мосновскую губернскую канцелярію сообщить, благоволила бъ около тѣхъ дорогъ каналы, гдѣ всевысочайшее Ея Императорское Величество со птичьей охотой на поля выходы имѣть соизволитъ, а именно: по Коширкѣ, Коломенкѣ, Володимеркѣ, Страмынкѣ и Троицкой, Дмитровкѣ и Санктпетербургской, для свободнаго черезъ ихъ въ каретахъ и верхомъ проѣзду, подѣлать мосты, такожъ отъ Камеръ-Коллежскаго валу, на каждой дорогѣ, по пяти верстъ, подѣлать мосты жъ, на каждыхъ ста саженяхъ, а не далѣе, по показательству отправленнаго отъ меня, для

того исправленія дорогъ, отъ птичьей охоты оберъ-офицера, въ самоскорѣйшемъ времени, чтобы оныя исправлены были сего мая къ 16 числу». (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 11).

3 іюля того же года тотъ же Главностатейничій Рыкуновъ доносилъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи:

«Надлежитъ, для справки въ нынѣшнее лѣтнее время соколовъ къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества увеселенію, скосить около озеръ травы, отъ каждаго озера, вокругъ, по тридцать сажень, а имянно: внизъ по Москвѣ-рѣкѣ, въ деревнѣ Кулаковѣ, въ селѣ Слободкахъ, да въ селѣ Софійкѣ, гдѣ тамъ соколамъ справа быть имѣетъ, также около села Коломенскаго и въ Тюхаляхъ, гдѣ всевысочайше Ея Императорское Величество съ тѣми соколами на поля выходъ имѣть соизволитъ. А какъ тѣ луга состоятъ въ вѣдомствѣ Главной Дворцовой канцеляріи и Придворной Конюшенной канцеляріи да Коллегіи Экономіи, того ради Оберъ-Егермейстерской

Свадьба карликовъ въ царствованіе Петра I, съ гр. Н. Филипсъ.

канцеляріи симъ представляю, повелѣно бъ было, для вышеписанной надобности, о кошеніи въ предписанныхъ мѣстахъ въ лугахъ озеръ вышепомянутыя вѣдомства сообщить, которыя бъ озера непремѣнно окошены были сего іюля къ пятому на десять числу, дабы бъ во время съ тѣми соколами на поля выѣздовъ никакого помѣшательства не было. А по окошеніи около тѣхъ озеръ травы подтвердить, чтобы къ тѣмъ озерамъ близко скота не подгонять и праздношатающимъ людямъ не ходить, а особливо окола села Коломенскаго, въ лугахъ, черезъ что бъ утокъ съ тѣхъ озеръ не отпугивать». (Тотъ же Арх., д. № 31, оп. 73).

Для болѣе успѣшнаго вынашиванія соколовъ и для подготовленія ихъ къ серіозной задачѣ увеселенія Ея Императорскаго Величества въ полной мѣрѣ, тогдашній Оберъ-Егермейстеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ прибѣгалъ къ мѣрамъ, о которыхъ до сего времени указаній не имѣлось: «для пущанія соколамъ», подготовлявшимся къ участію въ Высочайшихъ охотахъ, пріобрѣтались живыя дикія утки. Такихъ утокъ, для означенной цѣли, было куплено 28 іюля, по приказанію Оберъ-Егермейстера, шесть штукъ. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. 38).

Высоколюбопытнымъ является также распоряженіе того же Оберъ-Егермейстера Нарышкина, воспослѣдовавшее 31 іюля, по силѣ коего изъ Императорской Московской псовой охоты было передано на Семеновскій потѣшный дворъ въ охоту птичью, «для разсыпки около Тюхальскихъ

озеръ и Коломенскихъ поль, шкварь свѣшныхъ семь четвертей и овса четыре четверти». Мѣрою этою, надо полагать, думали прикормить все тѣхъ же дикихъ утокъ—главный объектъ соколиной охоты Императрицы Екатерины Алексѣевны—на мѣстахъ, наиболѣе вѣроятныхъ Высочайшихъ на поля и на воды съ соколами выходовъ. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 40).

23 октября того же 1775 года состоялась Высочайшая охота, надо полагать, въ Максинской рощѣ, въ шалашѣ для стрѣльбы тетеревей, надъ сооруженіемъ котораго, какъ мы видѣли выше, столь потрудился Унтеръ-Егермейстеръ Дубянскій.

Къ участію въ этой охотѣ были приглашены слѣдующія приближенныя къ Императрицѣ лица: фрейлина Авдотья Андреевна Полянская, графъ Петръ Александровичъ Румянцевъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ, Оберъ-Шталмейстеръ Левъ Александровичъ Нарышкинъ, графъ Григорій Александровичъ Потемкинъ, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, Гофъ-Маршалъ Григорій Никитичъ Орловъ, Иванъ Михайловичъ Ребиндеръ, Камергеръ Иванъ Васильевичъ Обуховъ, Камеръ-Юнкеры Михаилъ Сергѣевичъ Потемкинъ и Петръ Васильевичъ Завадовскій и Флигель-Адъютантъ Бибиковъ.

Въ этотъ день, «въ пятницу, по утру, въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество, съ назначенными персонами, изволила предпріять шествіе на охоту, за городъ, для стрѣлянія тетеревей, въ Подмаксинскую рощу, состоящую отъ Москвы въ двѣнадцати верстахъ. По прибытіи туда, у шалаша, встрѣтилъ Ея Величество Унтеръ-Егермейстеръ Дубянскій и стрѣляніе началось съ восьмаго часа».

«Въ двѣнадцатомъ часу, предъ полуднемъ, Ея Величество съ находящимися въ свитѣ персонами изволила кушать обѣденное кушанье въ шалашѣ жъ, гдѣ пробывъ Ея Императорское Величество до четвертаго часа пополудни, изволила возвратиться обратно въ Москву и прибыть въ Пречистенскій дворецъ въ началѣ шестаго часа». (Тамъ же, стр. 690).

[153]) 3 сентября 1775 года, въ четвергъ, Екатерина Алексѣевна, съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и со всею обоего пола знатныхъ персонъ свитою, отправилась поутру въ гости къ своему Оберъ-Шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину, въ Подмосковную вотчину послѣдняго, село Знаменское, расположенное въ разстояніи 7 верстъ отъ Москвы. Здѣсь хозяинъ устроилъ для высокихъ и многочисленныхъ гостей парадный обѣдъ, во время котораго были произнесены многіе тосты, сопровождавшіеся пушечною пальбою. При столѣ играла музыка на кларнетахъ и валторнахъ, музыка кажется, Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства, а вблизи дома, въ саду, въ разныхъ мѣстахъ, играли на рогахъ придворные егеря. «По окончаніи стола, Ея Императорское Величество, со всѣми персонами, вышла изъ покоевъ на крыльцо, откуда смотрѣла псовой охоты, пущенной за Москвою-рѣкою на полѣ, на оленей и зайцевъ», привезенныхъ, надо полагать, спеціально для этой охоты въ окрестности села Знаменскаго изъ Измайловскаго звѣринца. Затѣмъ, совершивъ прогулку у Москвы-рѣки и въ близъ расположенной рощѣ, Императрица «засвидѣтельствовала гостепріимцамъ Высочайшее свое удовольствіе и, пожаловавъ къ рукѣ», при пушечной стрѣльбѣ и колокольномъ перезвонѣ отбыла въ Москву. Во время этого посѣщенія Императрицы Екатерины Алексѣевны вотчины Льва Александровича Нарышкина, какъ въ домѣ помѣщика, такъ и въ сосѣдней деревнѣ Мазиловой, устроены были различныя увеселенія для тамошнихъ крестьянъ: происходило плясаніе по-русски; пѣлись хоровыя русскія пѣсни; противъ дома Нарышкина, на Москвѣ-рѣкѣ ѣздили крестьяне на лодкахъ съ распущенными флагами, а за рѣкою на полѣ ходили хороводы. (Тамъ же, стр. 567).

[154]) Охотилась ли Императрица Екатерина Алексѣевна въ теченіе лѣта 1778 года—мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

20 октября этого года, «въ субботу, по утру, въ половинѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество изволила имѣть выходъ (изъ С.-Петербургскаго Зимняго дворца), съ малою свитою, на чучелы, за красный кабачекъ, въ лѣвую сторону отъ Петергофской дороги, для стрѣлянія тетеревей, сѣвъ Ея Величество въ одну карету съ графинею Прасковіею Александровною Брюссовою, и тамъ въ обыкновенное время изволила кушать обѣденное кушанье, а пополудни, въ половинѣ четвертаго часа, Ея Императорское Величество съ охоты прибыть изволила въ Зимній дворецъ. «Сего числа съ Ея Величествомъ, при охотѣ на чучелахъ, находились: 1) Графиня Прасковья Александровна Брюссова, 2) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, 3) Левъ Александровичъ Нарышкинъ, 4) Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, 5) Иванъ Ивановичъ Михельсонъ, 6) Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, 7) Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, 8) Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ (Егермейстеръ), 9) Ѳедоръ Матвѣевичъ Толстой, 10) Василій Ивановичъ Левашовъ, 11) Александръ Львовичъ Нарышкинъ, Алексѣй Яковлевичъ Потемкинъ». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1778 года, стр. 671).

28 февраля 1779 года Императрица Екатерина Алексѣевна ѣздила изъ С.-Петербурга въ Царское Село, но тамъ оставалась не долго и уже въ исходѣ второго часа дня направилась обратно въ С.-Петербургъ. «Въ шествіи жъ, прибывъ къ новой Пулковской деревнѣ, и изволила остановиться и смотрѣть охоту въ травлѣ зайцевъ; по смотрѣніи оной продолжала путь и при-

была во Дворецъ пополудни въ началѣ четвертаго часа». (Камеръ-фурьерск. журн. 1779 года, стр. 91).

16 іюля того же года, во вторникъ, въ бытность Императорскаго Двора въ Петергофѣ, «послѣ полудня, въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество соблаговолила предпріять шествіе, съ фрейлинами и кавалерами, въ фаэтонѣ и таратайкахъ, съ сокольею охотою, до Стрѣльной мызы, куда по прибытіи изволила шествовать въ нижній садъ и гуляя (гуляла) въ ономъ, потомъ изволила имѣть вечернее холодное кушанье, въ саду жъ, подъ деревомъ». Послѣ этого Императрица отправилась обратно въ Петергофскій дворецъ, куда и прибыла въ половинѣ десятаго часа вечера. (Тамъ же, стр. 324).

19 того же іюля, въ пятницу, «пополудни въ половинѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество съ Ихъ Императорскими Высочествами предпріять изволила шествіе, при свитѣ фрейлинъ и кавалеровъ, съ сокольею охотою, до Стрѣльной мызы, сѣвъ Ея Величество, съ Его Высочествомъ Великимъ Княземъ и прочими особами въ фаэтонъ, а Ихъ Высочества Государь Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня слѣдовать изволили верхомъ, доѣхавъ до Знаменской, отъ оной Его Высочество Великій Князь Александръ Павловичъ, въ своей каретѣ, возвратный путь предпріялъ къ Петергофу». Императрица же со всею остальною компаніею охотниковъ доѣхала до Стрѣльнинской мызы, гдѣ состоялся Высочайшій вечерній столъ, по окончаніи котораго Ея Величество направилась обратно въ Петергофскій дворецъ, куда и прибыла въ исходѣ девятаго часа вечера. (Тамъ же, стр. 328).

24 того же іюля, въ среду, въ пять часовъ пополудни Императрица Екатерина Алексѣевна направилась изъ Петергофа въ Царское Село; «во время жъ Высочайшаго шествія отъ Петергофа, черезъ 12 верстъ, благоволила имѣть соколью охоту». (Тамъ же, стр. 341).

27 того же іюля, въ субботу, «послѣ полудня въ шестомъ часу, соблаговолить изволила Ея Императорское Величество шествовать въ экипажахъ при свитѣ фрейлинъ и прочихъ персонъ, за Кузьмино съ сокольею охотою». Съ охоты этой Императрица возвратилась въ Царскосельскій дворецъ въ десятомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 348).

1 августа того же 1779 года, въ четвергъ, «въ исходѣ шестаго часа пополудни, Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества изволили со всѣми персонами шествовать для гулянія къ Пулковской горѣ, съ сокольею охотою. Ея Величество, сѣвъ въ открытую коляску, пригласила Графиню Брюссъ. Ихъ Высочества, подлѣ Ея Величества коляски, ѣхали верхомъ; такожъ нѣкоторые фрейлины и кавалеры верхомъ же ѣхали, а прочіе въ фаэтонѣ и таратайкахъ»; во дворецъ Царскосельскій Императрица со спутниками вернулась въ этотъ день въ исходѣ восьмого часа вечера. (Тамъ же, стр. 365).

4 того же августа, въ воскресенье, Императрица Екатерина Алексѣевна направилась изъ Царскаго Села въ С.-Петербургъ. «А какъ Ея Императорское Величество, во время шествія въ Санктъ-Петербургъ, Высочайше указать соизволила быть подъ Царскимъ Селомъ сокольей охотѣ, то для сего, Ея Величество при отбытіи соблаговолила посадить въ Свою коляску Его Высочество Государя Великаго Князя Александра Павловича, а слѣдовали съ охотою до выѣзда Кузьминской слободы лугомъ. Отъѣхавъ Ея Величество отъ села Царскаго близь двухъ верстъ, Его Высочество Государь Великій Князь съ Госпожею Генералъ-Маіоршею Бенкендорфъ, въ своемъ экипажѣ, возвращенъ въ Село Царское, а Ея Величество, оставя охоту, продолжала путь къ Санктъ-Петербургу». (Тамъ же, стр. 371).

13 того же августа, во вторникъ, послѣ обѣда, «въ шесть часовъ Ея Императорское Величество изволила, съ фрейлинами и кавалерами, имѣть выходъ, для гулянія, до Пулкова; въ продолженіе сего выхода продолжалась соколья охота, и обратно возвратилась въ Село Царское въ восемь часовъ». (Тамъ же, стр. 387).

17 того же августа, въ субботу, «въ исходѣ шестаго часа пополудни, изволила Ея Императорское Величество, свиты Своей съ фрейлинами и кавалерами, имѣть выходъ до Пулкова съ соколиною охотою». Назадъ возвратилась Императрица въ Царскосельскій дворецъ въ исходѣ восьмого часа вечера. (Тамъ же, стр. 393).

20 того же августа, во вторникъ, «въ шесть часовъ пополудни, Ея Императорское Величество изволила, съ фрейлинами и кавалерами, имѣть выходъ до Пулкова, съ сокольею охотою». Назадъ въ Царскосельскій дворецъ вернулась въ 7½ часовъ вечера. (Тамъ же, стр. 399).

24 іюля слѣдующаго 1780 года, въ пятницу, Императрица Екатерина Алексѣевна, направляясь изъ Петергофскаго дворца во дворецъ Царскосельскій, «шествовала изъ Петергофа черезъ Старый звѣринецъ, отъѣхавъ же отъ Петергофа не болѣе восьми верстъ, встрѣтили Ея Императорское Величество на пути господа Егермейстеръ Князь Голицынъ и Унтеръ-Егермейстеръ Потемкинъ, съ сокольею охотою, при которой изволила Ея Величество шествовать до шести верстъ къ Красному Селу, по семъ же Высочайше указать соизволила охотѣ возвратиться къ ихъ мѣсту, а потомъ благоволила продолжать путь до Краснаго Села». (Камеръ-фурьерскій журн. 1780 года, стр. 559)..

28 того же іюля, во вторникъ, «послѣ полудня, въ пятомъ часу, Ея Императорское Величество изволила, съ вышеписанными персонами (Императорской свиты, въ числѣ всего 19 человѣкъ), имѣть выходъ, въ фаэтонѣ и таратайкахъ, съ сокольею охотою, при чемъ быть изволилъ и Его Императорское Высочество Государь и Великій Князь Александръ Павловичъ, и отсутствовавъ Ея Величество въ фаэтонѣ, приглася во оный фрейлинъ, такожъ и господина дежурнаго Генералъ-Адъютанта и нѣкоторыхъ знатныхъ особъ, а Его Высочество, выѣхавъ прежде въ коляскѣ Ея Величества, а потомъ пересѣсть изволилъ въ фаэтонъ же, и шествуя Ея Императорское Величество при означенной охотѣ отъ Кузьмина нижними лугами и проѣхавъ на Пулковскую гору», тамъ гуляла въ Англійскомъ саду, а потомъ вернулась обратно въ Царскосельскій дворецъ въ девять часовъ вечера. (Тамъ же, стр. 569).

9 августа того же 1780 года, въ воскресенье, «послѣ полудня, въ исходѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество изволила съ Ихъ Императорскими Высочествами, такожъ съ обрѣтающимися въ свитѣ обоего пола персонами, имѣть шествіе въ фаэтонѣ, на охоту съ соколами». Въ Царскосельскій дворецъ Императрица вернулась съ этой охоты въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера. (Тамъ же, стр. 597).

20 іюля слѣдующаго 1781 года, во вторникъ, «пополудни въ пять часовъ, Ея Императорское Величество изволила шествовать съ Камеръ-Фрейлиною (Александрою Васильевною Энгельгардъ) и прочими въ свитѣ обрѣтающимися особами, въ экипажахъ, забавляться соколиною охотою, съ которою Ея Величество изволила слѣдовать отъ Царскаго Села къ Кузьминской деревнѣ и мимо оной, съ правой стороны, лугомъ, черезъ девять верстъ, до деревни Старой Пулковской, гдѣ соблаговолить изволила повелѣть Оберъ-Егермейстеру Князю Голицыну съ командою его кончить охоту». Назадъ въ Царскосельскій дворецъ Екатерина Алексѣевна возвратилась въ тотъ день въ исходѣ восьмого часа вечера. (Тамъ же, 1781 года, стр. 430).

2 августа того же года, въ понедѣльникъ, «пополудни, въ половинѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Цесаревичемъ, Государынею Великою Княгинею и съ находящимися въ свитѣ обоего пола персонами, изволила шествовать съ сокольею охотою подъ Кузьминскую слободу», откуда возвратилась въ Царское Село въ $7\frac{1}{2}$ часовъ вечера. (Тамъ же, стр. 467).

155) 23 августа 1782 года, во вторникъ, «послѣ полудня, въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество, съ дежурными фрейлинами и кавалерами и прочими персонами, изволила имѣть шествіе, въ экипажахъ, подъ Кузьмино, при сокольей охотѣ». Выходъ этотъ состоялся изъ Царскосельскаго дворца, гдѣ въ это время проживала Императрица. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1782 года, стр. 396).

25 того же августа, въ четвергъ, «послѣ полудня, въ шестомъ часу, имѣли прибытіе во внутреннія покои Ея Императорскаго Величества (въ Царскосельскомъ дворцѣ) Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья, а потомъ отбыли въ Нижній садъ, куда, въ седьмомъ часу, и Ея Величество изволила имѣть выходъ, съ свитою фрейлинъ и кавалеровъ, и протчихъ обоего пола персонъ, и проходя около большаго пруда и мимо горъ на лугъ, гдѣ тогда, по соизволенію Ея Императорскаго Величества, затравленъ былъ малыми аглицкими собаками заяцъ, а какъ сія охота кончилась, то Ея Величество» прибыла назадъ во дворецъ въ девятомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 399).

На слѣдующій день, 26 августа, въ пятницу, «послѣ полудня, въ половинѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Высочествами Великими Князьями и съ обрѣтающимися въ свитѣ, и протчими обоего пола персонами, изволила имѣть выходъ при сокольей охотѣ, въ фаэтонѣ и каретахъ, подъ Кузьмино», возвратившись съ этой охоты назадъ въ Царскосельскій дворецъ въ восьмомъ часу вечера. (Тамъ же, стр. 401).

15 іюля слѣдующаго 1783 года, въ субботу, въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, «послѣ полудня, въ половинѣ шестаго часа, Ея Императорское Величество съ вышеписанными въ свитѣ находящимися (Генералъ-Аншефъ Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Унтеръ-Егермейстеръ Алексѣй Яковлевичъ Потемкинъ) и прочими знатными персонами, благоволила имѣть выходъ, въ фаэтонѣ, подъ Царское Село къ селу Кузьмину, съ соколиною охотою. (Тамъ же, 1783 года, стр. 347).

23 августа того же года, въ среду, «послѣ полудня, въ пять часовъ, Ея Величество, съ находящимися въ свитѣ обоего пола персонами, изволила имѣть выходъ подъ село Кузьмино съ сокольею охотою, откуда возвратясь черезъ Пулково, благоволила въ восемь часовъ прибыть въ Царское Село». (Тамъ же, стр. 431).

25 того же августа, въ пятницу, «послѣ полудня, въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами Великими Князьями, въ провожаніи въ свитѣ находящихся обоего пола и прочихъ знатныхъ особъ, изволила выходъ имѣть, въ экипажахъ подъ село Кузьмино, съ сокольею охотою», возвратясь въ Царскосельскій дворецъ въ исходѣ восьмого часа вечера. (Тамъ же, стр. 433).

9 сентября того же 1783 года, въ субботу, «послѣ полудня, въ пять часовъ, Ея Императорское Величество съ вышеписанными (Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, Графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ и Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій) и прочими находящимися въ свитѣ придворными обоего пола особами, изволила имѣть выходъ, въ экипажахъ, съ сокольею охотою, при которой благоволила шествовать къ селу Кузьмину, откуда изволила возвратиться въ Царское Село около шести часовъ вечера. (Тамъ же, стр. 463).

Въ продолженіи 1784 и 1785 годовъ камеръ-фурьеры не занесли въ свои журналы ни одного Высочайшаго выхода на охоту. Нѣтъ свѣдѣній объ охотахъ Императрицы Екатерины Алексѣевны за этотъ періодъ времени и въ другихъ источникахъ.

4 августа 1786 года, во вторникъ, «послѣ полудня, около пяти часовъ, Ея Императорское Величество, съ находящимися въ свитѣ придворными обоего пола персонами, изволила предпріять

Свадьба шута Шанскаю, съ гр. А. Зубова.

Высочайшее шествіе, въ фаэтонѣ и таратайкахъ, съ охотою соколовъ и кречетовъ, и проѣзжая по Кузьминской дорогѣ до Пулкова, и забавляясь охотою, потомъ благоволила обратно прибыть въ село Царское». (Тамъ же, 1786 года, стр. 472).

11 того же августа, во вторникъ, «послѣ полудня, въ пять часовъ, Ея Императорское Величество, съ находящимися въ свитѣ обоего пола персонами, изволила выходъ имѣть, въ фаэтонѣ и въ таратайкахъ, съ сокольею охотою, съ которою проѣзжала отъ Царскаго Села лѣвою стороною, полемъ, до Новой Пулковой деревни; потомъ благоволила возвратиться чрезъ Кузьмино, и прибывъ къ Царскому Селу, и остановясь у сада, противъ инжерей (оранжерей?) изволила выдти изъ фаэтона и шествовать садомъ въ покои». (Тамъ же, стр. 486).

За 1787, 1788, 1789 и 1790 года въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ совершенно не имѣется свѣдѣній о Высочайшихъ охотахъ. Однако, надо полагать, что Императрица Екатерина Але-

ксѣевна, въ этотъ періодъ времени, не оставила совершенно полевой утѣхи. Подтверждается послѣднее соображеніе слѣдующимъ свидѣтельствомъ:

Въ дневникѣ Храповицкаго, подъ 2 августомъ 1789 года значится, что въ тотъ день состоялся Высочайшій выходъ съ птичьею охотою. Отправляясь на охоту рано утромъ, Императрица Екатерина Алексѣевна, обратившись къ автору дневника, своему личному секретарю, сказала: «Je ne suis pas paresseuse?». (Храповицкій, стр. 201).

8 августа 1791 года, въ пятницу, «по утру, въ восемь часовъ, Ея Императорское Величество, съ Ихъ Императорскими Высочествами Государями Великими Князьями, въ препровожденіи кавалеровъ, верхами, шествовать изволили въ Царскій звѣринецъ (въ Царскомъ Селѣ, гдѣ тогда пребывалъ Императорскій дворъ) и во ономъ забавлялись охотою, травить саженныхъ зайцевъ комнатными малыми аглицкими собаками (левретками?), потомъ, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра жъ, при играніи роговой музыки, изъ звѣринца Ея Величество и Ихъ Высочества благоволили возвратиться во Дворецъ». (Камеръ-фурьерскій журналъ 1791 года, стр. 531).

На слѣдующій день, 9 августа, въ субботу, «послѣ полудня, въ шестомъ часу, Ея Императорское Величество, въ препровожденіи вышеписанныхъ (А. С. Протасовой, графа Я. А. Брюса, графа А. С. Строгонова, князя Ѳ. С. Барятинскаго, А. Ю. Нелединскаго, Пл. А. Зубова, Вал. А. Зубова) и прочихъ, составляющихъ свиту придворныхъ обоего пола особъ, изволила выходъ имѣть, въ фаэтонѣ и таратайкахъ, съ сокольею охотою, подъ село Кузьмино». (Тамъ же, стр. 533).

14 того же августа, въ четвергъ, «по утру, въ десятомъ часу, Ея Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества Государи Великіе Князья, съ малою свитою, изволили выходъ имѣть на Пулковскую дорогу на охоту травить дикихъ зайцевъ, для чего мѣсто избрано было близь шалашей, имѣющихся отъ помянутой дороги въ лѣвой сторонѣ, и продолжая время на охотѣ до одиннадцати часовъ утра жъ, Ея Императорское Величество, а потомъ, вскорѣ, и Ихъ Императорскія Высочества изволили возвратиться въ Село Царское». (Тамъ же, стр. 541).

За 1792 и 1793 года свѣдѣній о Высочайшихъ охотахъ не имѣется ни въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ, ни въ другихъ источникахъ. Знаемъ только, что 8 іюля 1792 года Турчаниновъ писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицину, что Императрица Екатерина II приказала прислать въ Царское Село двухъ или трехъ егерей, лучшихъ стрѣлковъ Императорской охоты, съ порохомъ, пулями и дробью, вмѣнивъ имъ въ обязанность привести пожалованные Великимъ Княземъ ружья и пистолеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ было приказано поставить въ Царскосельскомъ звѣринцѣ цѣль, чтобы можно было заняться стрѣльбою въ субботу, въ 7 часовъ утра. (Сборн. Рукописныхъ Именн. Высоч. Указовъ, № 144).

31 іюля 1794 года, въ понедѣльникъ, «первой четверти девятаго часа утра, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья отбыли, съ составляющими Ихъ свиту кавалерами, на охоту и къ обѣденному столу въ село Красное, въ своихъ экипажахъ; потомъ, въ двѣнадцатомъ часу, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Алексѣевна отбыла съ графинею Екатериною Петровною Шуваловой и фрейлинами къ обѣденному же столу въ село Красное, въ своихъ экипажахъ». Назадъ въ Царское Село вернулись съ этой охоты въ тотъ же день, въ 8¾ часа вечера. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1794 года, стр. 567 и 569).

Эта была послѣдняя, извѣстная намъ охота особъ Императорскаго дома за періодъ описываемой эпохи.

[156]) Письма де-Линя, т. I, стр. 103.

[157]) «Императрица Елизавета» — свидѣтельствуетъ очевидецъ и участникъ переворота, Манштейнъ — «войдя на престолъ награждала помощниковъ по революціи и начала со своего любимца Разумовскаго..... возвела его въ должность Оберъ-Егермейстера, пожаловала ему графское достоинство и голубую ленту». (Манштейнъ, 242).

Дѣйствительный камергеръ, лейбъ-кампаніи поручикъ и кавалеръ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій пожалованъ въ Оберъ-Егермейстерство, соотвѣтственно его склонности, въ день коронаціи Императрицы Елисаветы Петровны 25 апрѣля 1742 года. (Соловьевъ, т. XXI, стр. 197).

Невысокаго происхожденія, не отличавшійся ни выдающимися способностями, ни обширнымъ образованіемъ, отмѣчаемый современниками, какъ человѣкъ глубоко честныхъ правилъ, замѣчательно ровнаго характера, добраго сердца и чуждый гордости, возведенный волею судьбы и Императрицы въ положеніе, совершенно исключительное, подобнымъ которому ни раньше, ни послѣ Разумовскаго не пользовался ни одинъ подданный Русской короны, графъ Алексѣй Григорьевичъ извѣстенъ въ исторіи Царской охоты главнымъ образомъ какъ устроитель различныхъ, подчасъ блестящихъ охотничьихъ поѣздокъ своей благодѣтельницы, игравшій при такихъ поѣздкахъ въ большинствѣ случаевъ не роль Оберъ-Егермейстера, а роль любезнаго хозяина, потѣшавшаго высокую гостью и приближенныхъ лицъ Императорской свиты.

Однако Разумовскій и самъ былъ въ душѣ ярый охотникъ и нерѣдко оставлялъ дворецъ и Императрицу для отъѣзжаго поля. Въ дневникѣ генеральнаго хорунжаго Ханенко, пріѣхавшаго въ С.-Петербургъ съ депутатами отъ Малороссіи съ различными ходатайствами и оставшагося

нѣсколько лѣтъ въ резиденціи Императорскаго двора, то въ С.-Петербургѣ, то въ Москвѣ, встрѣчаемъ между прочимъ слѣдующія къ тому подтвержденія: 1747 года, сентября 7: «Весь день графъ былъ на охотѣ, а мы дважды ездили въ дворецъ, но его не получили» (стр. 325). 1748 года сентября 1: «Весь день слотный былъ, однакожъ графъ Розумовскій ездилъ на охоту» (стр. 381). 1749 года апрѣля 25: «Графъ Розумовскій изъ-рана ездилъ на охоту» (стр. 419); мая 20: «Были во дворцѣ рано, но не застали графа Розумовскаго,—отъехалъ на охоту» (424); августа 28: «Пріездили во дворецъ, где графа Розумовскаго не застали: отъехалъ на охоту въ 5 часу по полночи, а государыня изволила отъехать кушать на Воробіевы горы» (444); сентября 23 Разумовскій съ Малороссами ѣздилъ на охоту за зайцами, ночевалъ въ деревнѣ Протасово, приписанной къ Троицко-Сергіевской лаврѣ; на другой день травили зайцевъ до обѣда, а послѣ обѣда стрѣляли голубей; 25-го пріѣхалъ въ Протасово «нѣкоторій старикъ помѣщикъ Михаилъ Григорьевичъ Собакинъ съ своею псовою охотою, изъ которимъ поехавъ графъ и мы, цѣлый день травили въ мѣстахъ разныхъ зайцевъ»; ночевали въ деревнѣ Пруссы, въ кибиткахъ; 26-го Разумовскій «отправилъ часть своей охоты съ охотниками въ Раево до Его Высочества Государя Великаго Князя»; 27-го Разумовскій поѣхалъ на охоту къ Собакину и вернулся оттуда въ Пруссы только вечеромъ, несмотря на «великій морозъ»; 28-го компанія вернулась въ Москву (450).

25 ноября 1745 года Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ пожалованъ Лейбъ-Компаніи Капитанъ-Лейтенантомъ (Ханенко, 261); 5 сентября 1748 года Лейбъ-гвардіи Коннаго полка Подполковникомъ. (С.-Петербургскія Вѣдом. 1748 г., № 72).

Въ ноябрѣ 1756 года мы видимъ «Его Высокорейхсграфское Сіятельство Оберъ-Егермейстера, Лейбъ-Компаніи Капитанъ-Поручика и Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку Подполковника, Генералъ-Аншефа, Дѣйствительнаго Камергера и разныхъ орденовъ кавалера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758) уже Генералъ-Фельдмаршаломъ (Кам.-фур. журн. 1756 г.), а въ слѣдующемъ 1757 году графъ А. Г. Разумовскій слагаетъ съ себя должность Оберъ-Егермейстера, которая переходитъ къ Нарышкину. (Тамъ же, 1757 года, стр. 38). По крайней мѣрѣ послѣ указаннаго срока графъ Алексѣй Григорьевичъ нигдѣ не именуется Оберъ-Егермейстеромъ.

Вовсе отъ службы графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ уволенъ въ 1762 году, въ царствованіе Императора Петра III. Современный официозный періодическій органъ печати, «Санктъ-Петербургскія Вѣдомости», оповѣстилъ публику объ отставкѣ графа А. Г. Разумовскаго слѣдующею знаменательною замѣткою:

«Его Императорское Величество, бывши всегда довольными Его Сіятельства Генералъ-Фельдмаршала и Кавалера Графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго усердіемъ собственно къ Его Величеству и ревностію къ отечеству, по всеподданнѣйшему его прошенію о вѣчномъ увольненіи отъ службы за слабымъ здоровьемъ и непрестанными болѣзнями, всемилостивѣйше соизволили быть ему уволеннымъ и вѣчно свободнымъ отъ всей Его Императорскаго Величества военной и гражданской службы съ тѣмъ, что какъ у двора Его Императорскаго Величества, такъ и гдѣ бы онъ жить не пожелалъ для своего здоровья, повелѣли ему отдавать по чину его должное почтеніе, обѣщая Его Императорское Величество сами сохранять къ нему непремѣнную Свою Императорскую милость и Высочайшее благоволеніе». (С.-Петерб. Вѣд. 1762 года, № 22).

Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что, по отзывамъ многихъ современниковъ, Императрица Екатерина II оказывала графу Алексѣю Григорьевичу исключительное вниманіе, всегда выходила встрѣчать его при посѣщеніи графомъ дворца, сама провожала гостя до дверей, нерѣдко сама подавала старику кресло и вообще относилась къ Разумовскому съ чисто родственною сердечностью.

[158]) Въ 1743 году, при отправленіи въ сентябрѣ мѣсяцѣ обратно въ Москву прибывшей на лѣто въ С.-Петербургъ съ Семеновскаго потѣшнаго двора части царской птичьей охоты, Оберъ-Егермейстеръ Разумовскій задержалъ въ С.-Петербургѣ всѣхъ «дербничковъ» и при нихъ потребное количество охотниковъ. Птицы эти помѣщены были, кажется, въ Пулковѣ. (Рукоп., прин. Имп. Ох.).

[159]) 7 мая 1757 года, «передъ обѣдомъ, Ея Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать изволила гофмаршала, Генералъ-Лейтенанта и Кавалера господина Нарышкина Оберъ-Егермейстеромъ». (Кам.-фур. журн. 1757 г., стр. 38).

Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ родился 5 апрѣля 1710 года и первую свою молодость, будучи камеръ-юнкеромъ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, провелъ за границею, проживая въ Парижѣ. Въ 1741 и 1742 годахъ Нарышкинъ былъ нашимъ посланникомъ въ Англіи, а вскорѣ по возвращеніи въ С.-Петербургъ былъ назначенъ Гофмейстеромъ сначала къ Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, а затѣмъ къ большому двору. (Русск. Арх. 1871 г., Родъ Нарышкиныхъ, стр. 1504 и 1505).

Первый щеголь своего времени и изобрѣтатель роговой музыки (тамъ же), введенной имъ въ штатъ придворной охоты, С. К. Нарышкинъ прилагалъ много стараній къ постановкѣ царской охоты на надлежащую почву, стремясь сдѣлать охоту одновременно и блестящей забавой и ра-

зумной хозяйственной отраслью. Насмотрѣвшись заграничныхъ порядковъ, Семенъ Кирилловичъ проводилъ ихъ и у насъ, не будучи однако фанатичнымъ западникомъ и подробно мотивируя каждое проектируемое мѣропріятіе. Опасаясь повторяться, не станемъ перечислять заслугъ С. К. Нарышкина по его дѣятельности Оберъ-Егермейстера. Свѣдѣнія объ этомъ будутъ изложены ниже.

27 ноября 1775 года «Генералъ-Аншевъ, Ея Императорскаго Величества Оберъ-Егермейстеръ Дѣйствительный Камергеръ и разныхъ орденовъ Кавалеръ Семенъ Кирилловичъ Нарышкинъ»,—«по тяжкой болѣзни своей»,—скончался. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 32 и Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57).

160) Одновременно съ Разумовскимъ и Нарышкинымъ встрѣчаемъ вторую должность Оберъ-Егермейстера, которую занималъ въ то время нѣкій Бредаль.

Въ 1742 году, письмомъ отъ 1 сентября Бестужевъ-Рюминъ просилъ Вице-Канцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова (который былъ женатъ на двоюродной сестрѣ Императрицы Елисаветы Петровны) опредѣлить сына его въ Шталмейстеры къ Петру Ѳеодоровичу, бывшему тогда еще только герцогомъ Голштинскимъ. Въ письмѣ этомъ между прочимъ говорится: «Хотя собственной (Петра Ѳеодоровича) полевой охоты и не имѣется, однакожъ есть Оберъ-Егермейстеръ иностранецъ Бредаль». (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 2).

Начиная съ 30 сентября 1742 года по 10 іюля 1747 года «Комнаты Его Императорскаго Высочества Оберъ-Егермейстеръ Бредаль» получалъ по 1500 рублей въ годъ отъ Придворной Конторы. (Кам.-фур. журн. 1748 года, Дополн., стр. 138).

Въ описаніи торжества по случаю мира со Швеціей, происходившаго въ Москвѣ въ іюлѣ 1744 года, между прочимъ упоминается, что Великаго Князя Петра Ѳеодоровича сопровождалъ верхомъ Оберъ-Егермейстеръ Его Высочества. (Банкетный журн. 1744 г., стр. 80).

Встрѣчаемъ Бредаля и въ 1761 году, но со званіемъ «Голштинскаго Генерала». (Церемоніальный журн. 1761 года, стр. 155).

Далѣе, въ 1762 году, отдѣльно отъ Оберъ-Егермейстера Нарышкина, видимъ въ спискѣ лицъ, приглашенныхъ въ февралѣ этого года въ Царское Село «къ торжеству рожденія Его Величества» Оберъ-Егермейстера Бредаля. (Тамъ же, 1762 года).

Не умѣя сказать положительно, завѣдывалъ ли Бредаль охотою Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, организованною вскорѣ по прибытіи Голштинскаго Принца въ Россію, въ Ораніенбаумъ, утверждаемъ, что Императорскою охотою Бредаль не завѣдывалъ никогда, даже въ царствованіе Петра III, когда Ораніенбаумская охота слилась съ царской, подъ начальство С. К. Нарышкина.

Сказанное, въ особенности непреложные факты, показывающіе, что Бредаль въ сентябрѣ 1742 и въ февралѣ 1762 годовъ, неся званіе Оберъ-Егермейстера, не вѣдалъ никакою охотою, заставляетъ насъ отмѣтить эту личность, какъ первую, носившую званіе Оберъ-Егермейстера, какъ званіе придворное, почетное, несоотвѣтствовавшее дѣятельности лица, имъ облеченнаго.

Со смерти Нарышкина до середины 1778 года Оберъ-Егермейстерская должность оставалась вакантною. Въ 1776 и 1777 годахъ въ придворныхъ штатахъ Ея Величества званія этого даже не значится. (Кам.-фур. журн. названн. года, Приложенія, стр. 5 и 35).

161) Послѣ кончины С. К. Нарышкина къ управленію Императорской охотой былъ призванъ Егермейстеръ, Дѣйствительный Камергеръ Вилимъ (Рейнгольдъ-Вильгельмъ) Романовичъ фонъ Польманъ, находившійся въ то время въ годовомъ отпуску, съ сохраненіемъ содержанія. (Рукоп. Сборн. Именн. Ук., № 64).

Польманъ былъ пожалованъ въ Егермейстеры 29 апрѣля 1768 года (Подл. Ук. Сен., №№ 3027—1773), а царскою охотою управлялъ единолично съ 1775 по 1778 годъ. (Кам.-фур. журн. Придворн. штаты).

На должность эту онъ былъ назначенъ по ходатайству Нарышкина, повергавшаго на Высочайшее благоусмотрѣніе то обстоятельство, что его «склонность къ охотѣ, а наипаче знаніе въ звѣроловныхъ обрядахъ, чинитъ его многополезнымъ быть въ корпусѣ Оберъ-Егермейстерства». (Рукоп. Сборн. Имп. Ук., № 22).

Однако, дѣятельность его по завѣдыванію учрежденіемъ Императорской охоты была довольно пассивна. Польманъ извѣстенъ болѣе какъ Главноуправляющій Царскосельскими государевыми вотчинами и какъ лицо, на которое нерѣдко возлагались порученія, связанныя съ особымъ довѣріемъ.

162) Съ 1778 года по конецъ описываемой эпохи Императорскою охотою завѣдывалъ Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ.

Родившійся 6 апрѣля 1731 года («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 345), зачисленный 16 октября 1742 года въ солдаты Измайловскаго полка, повышенный 1 января 1748 года въ капралы, 25 ноября того же года въ фурьеры, 18 декабря того же года въ каптенармусы, 2 іюня 1750 года въ сержанты, произведенный 20 сентября 1755 года въ прапорщики, 25 ноября 1758 года въ адъютанты, 25 декабря 1761 года въ поручики, 4 апрѣля 1762 года въ штабсъ-капитаны, 3 іюня того же года въ капитаны, 22 мая 1765 года въ секундъ-маіоры (Рукописи, принадл. Имп. ох.), пожалованный въ 1767 году въ камергеры и награжденный 26 января того же года Анненскою лентою («XVIII вѣкъ», т. II,

стр. 345), Генералъ Поручикъ Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ былъ назначенъ 28 іюня 1778 года Егермейстеромъ. (Кам.-фур. журн. 1778 года, стр. 382). Въ 1782 году, іюня 28 числа, Голицынъ получаетъ званіе Оберъ-Егермейстера (Рукоп., принадл. Имп. ох.), 24 ноября того же года Александровскую, а 2 сентября 1793 года Андреевскую ленты. («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 345).

Оберъ-Егермейстеръ Князь П. А. Голицынъ долженъ быть отмѣченъ исторіею охоты, какъ образцовый хозяинъ и вообще прекрасный администраторъ, какъ то явствуетъ изъ свѣдѣній, которыя мы приведемъ ниже.

Голицынъ оставался на должности Оберъ-Егермейстера и по смерти Екатерины Великой, послѣ вступленія на престолъ Павла Петровича, во время коронаціи котораго получилъ въ награду за службу свою 2000 душъ крестьянъ. (Чтенія въ Ист. Общ. при Моск. Унив., 1767 годъ, № 1, стр. 132).

[163]) 5 мая 1742 года вновь назначенному, въ помощь къ Оберъ-Егермейстеру, для ближайшаго завѣдыванія царскими охотами, Егермейстеру Петру Хитрово было приказано принять подъ свое вѣдѣніе команды, раньше находившіяся подъ начальствомъ Трескау, также какъ и команды Ловчаго Стромилова. (Рукоп. Сборн. Им. Из. Ук., принадл. Имп. ох.).

Изъ приведеннаго повелѣнія не слѣдуетъ однако выводить заключенія, что при Трескау часть царской охоты не была подчинена этому «Командиру охоты». До воцаренія Елисаветы Петровны Стромиловъ завѣдывалъ не частью царской охоты, а охотою Великой Княжны, о которой мы скажемъ нѣсколько словъ впослѣдствіи.

Ближайшими помощниками главныхъ начальниковъ Императорской охоты въ описываемое время были лица, занимавшія должности: 1) При Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ С.-Петербургѣ—Егермейстера, Унтеръ-Егермейстера, Члена Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, Совѣтника той же Канцеляріи и Присутствовавшаго въ ней; 2) При Московской Оберъ-Егермейстерской конторѣ — Присутствовавшаго въ ней и Главноостатейничаго.

Оперный Домъ въ С.-Петербургѣ въ царствованіе Петра I, съ гр. Кирсанова.

О времени, когда какія изъ указанныхъ должностей существовали, можно судить по нижеприводимымъ краткимъ хронологическимъ даннымъ, касающимся службы извѣстныхъ намъ лицъ, бывшихъ облеченными сказанными обязанностями.

Первый извѣстный намъ Егермейстеръ былъ Михаилъ Селивановъ, о которомъ мы уже говорили.

Петръ Никитичъ Хитрово назначенъ Егермейстеромъ 5 мая 1742 г. изъ флигель-адъютантовъ генералъ-фельдмаршала князя Трубецкаго. (Рукоп. Сборн. Имп. Ук., принадл. Имп. ох.). Въ 1744 году, будучи полковникомъ, по случаю бракосочетанія наслѣдника Престола, Великаго Князя Петра Ѳеодоровича, Хитрово просилъ, «дабы, ради нынѣшняго торжества, онъ не былъ оставленъ милостію Ея Величества противъ прочихъ своей братьи». («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 230). 1 октября 1746 года онъ былъ произведенъ въ Генералъ-Маіоры «съ полнымъ по тому чину жалованьемъ, съ деньщиками и раціоны». (С.-Петерб. Вѣд. 1746 года, № 85). 4 декабря 1748 года пожаловано ему Императрицею Елисаветою въ награду за службу 2000 рублей изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнованныхъ въ томъ году на содержаніе царской охоты. (Рукоп., принадл. Имп. ох.). Въ послѣдній разъ встрѣчаемся мы съ этимъ Егермейстеромъ въ 1754 году. (Тамъ же).

Въ іюнѣ 1752 года повелѣно было Статсъ-Конторѣ отпустить деньги, необходимыя на покупку для Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи пожарныхъ инструментовъ, а Военной Коллегіи опредѣлить къ Оберъ-Егермейстерскому вѣдомству для пожарной команды отставныхъ солдатъ, съ производствомъ послѣднимъ жалованья отъ Статсъ-Конторы. «А во время пожарныхъ случаевъ, отчего Боже сохрани, ѣздить генералу мажору Хитрову (Егермейстеру) самому, а въ небытность его той Канцеляріи секретарю». (Подл. Сенатскіе Ук. 5292, 1752 г., Рукоп. Имп. ох.).

[164]) 17 марта 1762 года былъ назначенъ Егермейстеромъ Полковникъ Фридрихъ Мальтицъ, остававшійся на этой должности по 1765 годъ. Объ увольненіи Мальтица ходатайствовалъ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ. Указывая на то обстоятельство, что Мальтицъ вступилъ въ Русскую службу еще въ 1739 году изъ Гессенскаго шляхетства и хотя занимаетъ должность Егермейстера съ 1762 года, но по своей постоянной неизлѣчимой болѣзни находится «всегда въ постелѣ неподвижно», Нарышкинъ просилъ назначить, вмѣсто него, Камергера Вилима Польмана, о которомъ мы уже говорили. На докладѣ Нарышкина Екатерина Великая положила резолюцію: «Мальтица отставить Штатскимъ Совѣтникомъ съ настоящимъ его жалованьемъ, вмѣсто пенсіона, по смерть

изъ Штатсъ-Конторы; а на уплату долговъ выдать ему тысячу рублевъ изъ Кабинета». (Рукоп. Сборн. Имп. Ук., № 22).

165) Унтеръ-Егермейстеръ Михаилъ Дубянскій. Пожалованный въ это званіе 4 іюня 1762 года изъ Лейбъ-Гвардіи коннаго полка секундъ-ротмистровъ (Рукоп. Сборн. Имп. Ук.), Дубянскій получилъ вмѣстѣ съ симъ и награду въ 600 душъ крестьянъ за дѣятельное участіе въ переворотѣ этого года. (С.-Петерб. Вѣд. 1762 года, № 64). Въ 1771 году онъ числился уже Егермейстеромъ въ рангѣ бригадирскомъ. (Рукоп. Сборн. Имп. Ук.).

166) 18 сентября 1778 года пожалованъ Унтеръ-Егермейстеромъ Алексѣй Яковлевичъ Потемкинъ. (Рукоп. Имп. ох.). Въ слѣдующемъ году мы видимъ его бригадиромъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда 19-го числа Императрица Екатерина Великая съ внукомъ своимъ Александромъ Павловичемъ крестила у него сына (Кам.-фур. журн. 1779 года, стр. 326 и Дополн., стр. 20), а 21 ноября 1796 года онъ былъ повышенъ въ званіе Егермейстера. Въ этомъ званіи онъ былъ и при Павлѣ Петровичѣ, получивъ во время коронаціи этого Государя подарокъ въ 500 душъ крестьянъ. (Чтенія въ Ист. Общ. при Моск. Унив., № 1, стр. 136).

1 января 1793 года Унтеръ-Егермейстеръ Алексѣй Потемкинъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ оставленіемъ въ должности. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, св. 466, реестръ 52, шкафъ 2, стр. 317).

167) 11 ноября 1796 года возведенъ въ Унтеръ-Егермейстеры Михаилъ Николаевичъ Аксаковъ. (Рукоп. Имп. ох.). Еще 2 іюня 1783 года онъ, будучи лейбъ-гренадерскаго полка капитаномъ, былъ причисленъ къ Оберъ-Егермейстерскому корпусу для надзора за постройкою новаго Егерскаго двора (Рукоп. Сборн. Имп. Ук., № 95), а въ 1785 и 1788 годахъ завѣдывалъ въ чинѣ надворнаго совѣтника Собственною Ея Императорскаго Величества рустъ-камерою. (Кам.-фур. журн. озн. год., Дополн., стр. 22 и 23).

168) Князь Александръ Черкасскій Меньшой 13 мая 1754 года, будучи капитаномъ, былъ назначенъ членомъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи съ чиномъ коллежскаго совѣтника и оставался на этой должности еще и въ 1758 году. (Рукоп. Имп. ох.).

Иванъ Вилкинъ занималъ въ чинѣ коллежскаго асессора должность Присутствовавшаго при Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи съ 1757 по 1762 годъ, а въ послѣднемъ году былъ назначенъ Совѣтникомъ той же Канцеляріи «за добропорядочную службу». (Рукоп. Сборн. Имп. Ук.).

Иванъ Одинцовъ былъ назначенъ въ 1762 году «за добропорядочную службу». Присутствующимъ въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи изъ секретарей той же Канцеляріи, причемъ на послѣдней должности пробылъ съ 1742 по 1762 годъ. (Тамъ же).

Моисей Рыкуновъ въ 1772 году назывался «Командиромъ Московской птичьей охоты», будучи поручикомъ; собственно онъ занималъ должность статейничаго. Въ птичьей охотѣ онъ прослужилъ съ 1738 года «безпорочно и возложенныя на него должности справлялъ по мѣрѣ силъ человѣческихъ и возможности съ довольно тщательною ревностью и усердіемъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. № 2 и Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57). Въ сентябрѣ 1781 года онъ былъ уволенъ въ отставку «за болѣзнію и по старости», «съ пожалованіемъ по неимуществу его пансіона» въ размѣрѣ годового жалованья, то-есть 280 руб. 36¼ коп. (Рукоп. Сборн. Имп. Ук., № 91).

Петръ Ивановичъ Ершовъ 11 февраля 1785 года былъ назначенъ Присутствующимъ при Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ съ чиномъ надворнаго совѣтника (тамъ же, № 115); былъ на этой должности и въ 1788 году. (Кам.-фур. 1788 года, Дополн., стр. 22).

Кромѣ указанныхъ должностныхъ лицъ какъ при Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, такъ и при ея Московской Конторѣ состояли секретари, канцеляристы и копіисты, а звѣринцами и различными частями охоты завѣдывали форштмейстеры, биксенъ-(правильнѣе бюксенъ) шпаніеры, оберъ-егеря, пикеры, комиссары *), приводить фамиліи и время служенія которыхъ считаемъ излишнимъ.

Въ теченіе 1751 и 1753 годовъ весьма многія распоряженія по Императорской охотѣ исходили отъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера барона Ивана Черкасова (Гос. Арх., разр. XIV, дд. №№ 133 и 155), а въ 1772 году отъ тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера Дмитрія Васильевича Волкова. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. № 2). Значенія этихъ лицъ въ Оберъ-Егермейстерскомъ вѣдомствѣ мы не знаемъ.

169) Манифестомъ отъ 15 декабря того же 1763 года было предписано дѣлами по Оберъ-Егермейстерской части вѣдать въ Третьемъ Департаментѣ Правительствующаго Сената. (I-е Полн. Собр. Зак., ст. 11989).

---

*) Форштмейстеры завѣдывали звѣринцами; отъ нихъ требовались познанія какъ лѣсничаго, такъ и охотника, въ послѣднемъ случаѣ главнымъ образомъ по уходу за звѣрями и различными охотничьими животными. Биксенъ-шпаніеръ—должностное лицо, обязанности коего главнымъ образомъ заключались въ надзорѣ за ружьями особъ Императорской фамиліи; кромѣ того, при ружейныхъ охотахъ они всегда находились близъ вѣнценосцевъ, заряжали и подавали имъ ружья. Оберъ-егерь старшее званіе охоты егерской, т.-е. подружейной съ легавыми собаками, облавной, на токахъ и чучелахъ. Пикеръ—слово французское; буквальный переводъ на русскій языкъ—доѣзжачій. Комиссары завѣдывали хозяйственною частью различныхъ частей придворныхъ охотъ.

170) Капитанъ Бутурлинъ завѣдывалъ Московскими птичьими и звѣровыми охотами въ 1738 году. (Арх. Мин. Юст. въ Москвѣ, кн. Сената 9—1086).

Герасимъ Ивановичъ Ларіоновъ «присутствовалъ» въ чинѣ капитана въ Московской Оберъ-Егермейстерской конторѣ въ 1750 году, завѣдывая вмѣстѣ съ тѣмъ птичьею охотою. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 43, д. № 4). Будучи кречетникомъ еще въ 1728 году, статейничимъ въ 1743 году, онъ былъ уволенъ отъ службы въ 1762 году. Объ его увольненіи ходатайствовалъ Нарышкинъ передъ Императоромъ Петромъ III въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ Москвѣ при птичьей Вашего Императорскаго Величества охотѣ находится капитанъ Герасимъ Ларіоновъ, который, за старостію его лѣтъ и за невидѣніемъ глазами, должности своей при той охотѣ править уже не можетъ, на мѣсто котораго, по усмотрѣнію моему, признаваю быть за способнаго находящагося въ моей командѣ при Петергофскомъ звѣринцѣ комисара Ивана Рыкунова, по склонности и знанію его, ко птичьей, ибо оный въ комисары опредѣленъ отъ той птичьей охоты изъ кречетниковъ по достоинству его и за добропорядочные проступки». Хотя докладъ этотъ и былъ утвержденъ Петромъ III, но такъ какъ Сенатъ не успѣлъ постановить по этому предмету соотвѣтственнаго указа въ царствованіе Петра Ѳеодоровича, то Оберъ-Егермейстеръ вошелъ по тому же поводу со всеподданнѣйшимъ докладомъ къ новой Императрицѣ. Екатерина II положила на докладѣ резолюцію: «Есть-ли деревень не имѣетъ, дать ему по смерть полное жалованье». (Рукоп. Сборн. Именн. Ук.).

Зимній Дворецъ 1717 г., съ гр. А. Зубова.

171) Вмѣсто Ивана Сумарокова Унтеръ-Егермейстеромъ «къ Россійской псовой охотѣ» былъ назначенъ въ іюнѣ 1762 г. полковникъ Алексѣй Ивановичъ Булгаковъ (Рукоп. Имп. ох.), въ шестидесятыхъ же годахъ XVIII столѣтія переведенный въ Москву «присутствовать» въ Оберъ-Егермейстерской конторѣ и начальствовавшій надъ Московскими царскими охотами уже въ 1766 г. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. № 51). Въ 1770 г. онъ былъ произведенъ въ бригадиры (Рук. Сборн. Им. Ук., № 49), а 11 февраля 1785 года Оберъ-Егермейстеръ Голицынъ представилъ Императрицѣ, что «Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Алексѣй Булгаковъ отъ правленія должности своей письменно отказался, по случаю приключившейся ему параличной болѣзни, которою руку и ногу ему повредило, и находится безъ движенія. Сей послѣдовавшій въ престарѣлыхъ лѣтахъ ударъ кажется опаснымъ и къ поправленію его безнадежнымъ». Поэтому, а также вслѣдствіе того обстоятельства, что «въ Московскую Контору по переводамъ Главной Дворцовой Канцеляріи изъ разныхъ мѣстъ всегда поступаетъ и нынѣ хранится немалая денежная казна и письменныя, производимыя по тамошнимъ командамъ, а особливо о сокольихъ помытчикахъ, состоящихъ въ разныхъ губерніяхъ, и прочія дѣла требуютъ всегдашняго присмотра и порядочнаго исправленія», князь Голицынъ просилъ объ увольненіи Булгакова и о назначеніи на его мѣсто Ершова. (Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57). Булгаковъ былъ уволенъ въ отставку съ сохраненіемъ по смерть положеннаго на службѣ содержанія. (Рукоп. Сборн. Именн. Ук., № 116).

172) Иванъ Ѳедоровичъ Рыкуновъ, состоящій при птичьей охотѣ съ 1745 года, былъ назначенъ въ 1762 году, вмѣсто Герасима Ларіонова, Присутствующимъ при Московской Оберъ-Егермейстерской конторѣ, завѣдывая, въ званіи Статейничаго, птичьею охотою. Въ этомъ же году, 21 августа, онъ былъ произведенъ въ капитаны, съ жалованьемъ по чину. Въ сентябрѣ 1770 года «за ревностную службу и добронорядочные поступки» его произвели въ маіоры. (Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57). Около того же времени онъ былъ сдѣланъ Главностатейничимъ. (Кам.-фур. журн. 1779 года, Дополн., стр. 20). Въ сентябрѣ 1781 года, во вниманіе того, что различными порученіями, а въ особенности покупкою лошадей, доставилъ казнѣ выгоды, былъ произведенъ въ подполковники. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 91). 26 августа 1783 года Генералъ-Маіоръ Александръ Дмитріевичъ Ланской сообщилъ Оберъ-Егермейстеру Голицыну, что Императрица, выслушавъ докладъ его, Ланскаго, о томъ, что Главностатейничій Подполковникъ Рыкуновъ, по слабости своего здоровья, не можетъ болѣе обрѣтаться при птичьей охотѣ, а по неимѣнію средствъ не можетъ выйти въ отставку, соизволила приказать наградить Рыкунова чиномъ и оставить его при Московской Оберъ-Егермейстерской конторѣ, какъ человѣка опытнаго, прослужившаго при птичьей охотѣ 38 лѣтъ, о чемъ Голицыну надлежало войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 99). По докладу объ этомъ Оберъ-Егермейстера, приведеніе въ исполненіе изложеннаго было предписано Высочайшимъ указомъ 5 сентября того же года (тамъ же,

№ 101), и Рыкуновъ пожалованъ въ чинъ VI класса, въ которомъ оставался при Оберъ-Егермейстерской конторѣ и въ 1788 году. (Кам.-фур. журн. 1788 года, Дополн., стр. 22).

173) Яковъ Ларіоновъ былъ назначенъ Главностатейничимъ послѣ Ивана Рыкунова, то-есть въ августѣ 1783 года. До того времени Ларіоновъ былъ статейничимъ птичьей охоты. По должности Главностатейничаго Ларіоновъ завѣдывалъ не только птичьею охотою, но и псовою и Измайловскимъ звѣринцемъ. Сенатскимъ указомъ 18 декабря 1790 года онъ былъ уволенъ, «за болѣзнями, отъ всѣхъ дѣлъ, съ награжденіемъ чина Коллежскаго Совѣтника», при чемъ ближайшимъ Егермейстерскимъ начальствомъ ему было разрѣшено остаться на жительствѣ въ казенномъ домѣ въ Сокольничей слободѣ, гдѣ онъ и прожилъ до конца 1792 года. По увольненіи Ларіонова, завѣдываніе собственно птичьею охотою перешло, до конца описываемой эпохи, къ статейничему Дмитрію Рыкунову. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 496, 164, 167 и 277).

Главностатейничій Яковъ Ларіоновъ завѣдывалъ не только птичьею, но и псовою охотами и Измайловскимъ звѣринцемъ, то-есть былъ ближайшимъ начальникомъ всѣхъ Московскихъ Придворныхъ охотъ, будучи въ то же самое время подчиненъ Московской Оберъ-Егермейстерской конторѣ, игравшей въ то время роль органа лишь распорядительнаго. Обстоятельство это усматривается изъ ордера его, отъ 15 января 1786 года, статейничему Дмитрію Рыкунову, въ которомъ Ларіоновъ, отъѣзжая въ разрѣшенный ему отпускъ, писалъ между прочимъ слѣдующее: «Рекомендую вашему благородію, при командѣ какъ надъ птичьею и надъ псовою охотою, такъ и надъ Измайловскимъ звѣринцемъ имѣть вамъ неослабное смотрѣніе, чтобъ какъ при оныхъ охотахъ и при звѣринцѣ всякаго званія служители были во всякомъ порядкѣ и каждый бы исправлялъ положенную на него должность безъ всякаго упущенія, также наблюдать вамъ крайне о сбереженіи имѣющихся при птичьей охотѣ птицъ, и смотрѣть, чтобъ довольствованы какъ оныя птицы, а при псовой охотѣ собаки кормами, такъ и казенныя лошади фуражемъ и были бъ во всякой чистотѣ и надлежащемъ порядкѣ. Сверхъ же сего изъ звѣринца ничего, какъ лѣсу, такъ и дровъ, окромя приказанныхъ отъ меня, ничего не выпускали бы, и о томъ всемъ частнымъ командирамъ подтвердить наистрожайше. А если жъ усмотрѣно вами будетъ отъ кого-либо какіе непорядки въ своей должности исправленія, о томъ имѣете (въ подлинникѣ «имѣется») вы меня при пріѣздѣ моемъ репортовать». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 496).

Любопытенъ указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы, данный статейничему Рыкунову 22 іюня 1794 года. Въ немъ между прочимъ читаемъ: «По требованію вашему сей майской трети на первые два мѣсяца всѣмъ птичей охоты чинамъ и служителямъ денежнаго жалованья, за неимѣніемъ въ Конторѣ денежной казны, положенной по штату и особымъ докладамъ, въ наличности, выдачѣ учинить нечего, о чемъ для вѣдома къ вамъ послать сей указъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1656, стр. 411).

9 ноября того же года Рыкунову былъ данъ Оберъ-Егермейстерскою Конторою слѣдующій указъ: «Въ ордерѣ отъ Его Сіятельства господина Оберъ-Егермейстера, Сенатора, Дѣйствительнаго Камергера, Лейбъ-Гвардіи маіора и разныхъ орденовъ кавалера, князь Петра Алексѣевича Голицына, отъ 26 минувшаго октября, написано, чтобъ Контора, яко присутственное и команду надъ вами имѣющее мѣсто, по слабости здоровья вашего, уже извѣстнаго» (слѣдуетъ замѣтить, что незадолго до этого Рыкунова постигъ параличъ, но обстоятельство это статейничій старался по возможности скрывать отъ своего начальства; сначала онъ рапортовался больнымъ лихорадкою, а затѣмъ подалъ прямо въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію рапортъ о выздоровленіи и вступилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ исправленіе обязанностей по своей должности, несмотря на неоднократныя и убѣдительныя указанія Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы, что ему слѣдовало бы устраниться отъ должности вовсе),—по которой вы управлять съ совершеннымъ успѣхомъ ничѣмъ не можете, имѣла не только надъ всѣми, въ Москвѣ находящимися, командами, но даже и надъ вами неослабное смотрѣніе, каковое она, по долгу своему, имѣть должна и оное отъ нее никогда отъемлемо не было, ибо за всякое по Московскимъ командамъ упущеніе отвѣтствуетъ Контора, почему и предоставить вамъ, обо всемъ, касающемся по птичей охотѣ, относиться Конторѣ, которой вы всегда подчинены. На запросъ же о должныхъ экономическому крестьянину деньгахъ немедленно отвѣтствовать, ибо въ случаѣ неудовлетворенія оного, означенныя деньги взысканы будутъ изъ вашего жалованья, да не только о лошадяхъ, но и прочихъ, по вѣдомству вашему, казенныхъ имуществахъ относилились бы вы Конторѣ, а оная имѣетъ, разсматривая представленія ваши, требовать резолюцій отъ Канцеляріи, ибо хотя и долженствовало не токмо за потерянную вами лошадь, но и за палую отъ изнуренія вашего взыскать съ васъ, но оное (не?) учинено единственно изъ снисхожденія, о чемъ вамъ и объявить, а при томъ объяснить вамъ и то, чтобъ вы въ виду имѣли собственное съ вами отъ начальства снисхожденіе, а потому и съ подкомандующими своими поступали равнымъ образомъ. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказали: съ прописаніемъ вышеписаннаго, къ вамъ послать сей указъ, въ которомъ написать, что, по силѣ упоминаемаго Его Сіятельства Господина Оберъ-Егермейстера ордера, Контора, яко присутственное и команду надъ вами имѣющее мѣсто, по слабости здоровья вашего,

по коемъ уже и Его Сіятельству извѣстно, что вы управлять совершенно съ успѣхомъ не можете, пріемлетъ не только за всѣми, въ Москвѣ находящими командами, но даже и надъ вами смотрѣніе на себя, почему и должны вы обо всемъ, касающемся по птичей охотѣ относиться Конторѣ въ требованіяхъ по командѣ письменно, а въ распоряженіяхъ каковыхъ-либо, важности не имѣющихъ, словесно, и ожидать отъ нее резолюціи, которой вы всегда подчинены и отъемлемы никогда не были; сами жъ собою сверхъ предписаній или словесныхъ приказаній отъ Конторы, ничего отнюдь не предпринимали. Такъ какъ вы, нынѣ даннымъ правящему статейщикову должность кречетнику Алексѣю Ларіонову приказамъ предписали многіе неподлежащіе и къ обидѣ всей командѣ клонящіеся термины, въ немалыхъ пунктахъ, и велѣли объявить оной всей командѣ съ подписками, чтобъ вамъ, безъ позволенія Конторы, чинить не слѣдовало, да и собственное ваше названіе, если бъ вы знали совершенно дѣлать, вамъ то запрещаетъ, потому что вы при птичей охотѣ не болѣе себя считать должны, какъ, по примѣру полковому, ротнымъ командиромъ, а въ ротѣ капитанъ ни къ какому офицеру, а паче къ помощнику своему письменныхъ приказовъ насылать, а кольми паче повелѣвать съ протчихъ офицеровъ и служителей подписки въ ихъ поведеніяхъ и во исполненіи должностей собирать ни какъ не можетъ, а приказываетъ на случай, и то за отсутствіемъ своимъ, почтительнымъ образомъ ордерами, потому что выше означенныя предписанія власть имѣетъ дѣлать одна только главная команда и по ней слѣдующее присутственное мѣсто, у котораго онъ состоитъ въ командѣ, а не ротный командиръ, обязанный самъ лично при должностяхъ быть, чистоту, поведеніе и все происходящее въ командѣ наблюдать и тѣмъ доказать, что не бумага, а онъ самъ собою служитъ и исполняетъ. По симъ обстоятельствамъ явно, и вы сами себя оказываете, что править ввѣренною вамъ командою не можете, почему и присвоенная вами власть, будто вы можете письменными повелѣніями и даже принадлежащими до Конторы просьбами, принимая на свое имя, управлять такъ, какъ вы съ коллежскимъ совѣтникомъ Нестеровымъ учинили (Нестеровъ подавалъ просьбу о взысканіи съ помытчика Андреева денегъ по векселю), нынѣ, по силѣ вышеписаннаго въ ордерѣ Его Сіятельства Конторѣ предписанія, вамъ наикрѣпчайше воспрещается, и впредь вамъ, безъ позволенія Конторы, самимъ собою отнюдь того не дѣлать, а управлять, по болѣзнямъ вашимъ, до разсмотрѣнія командою съ должнымъ порядкомъ и наблюденіемъ, слѣдуя вышеписанной милости отъ Его Сіятельства, сими словами сказанной, чтобы вы въ виду имѣли собственное съ вами отъ начальства снисхожденіе, а по оному и съ подкомандующими своими поступали равнымъ образомъ. Когда безъ сомнѣнія ожидаете вы отъ команды надлежащаго себѣ послушанія и почтенія, то, согласно тому, и сами Контору, яко начальствующее надъ собою мѣсто, будучи ей подчиненнымъ и чинами отъ нее далеко отстоящимъ, почитать непремѣнно должны, такъ какъ Контора своей главной командѣ по законамъ повинуется, черезъ что и можетъ слѣдовать во всемъ ожидаемой порядокъ. Воображеніе жъ свое неправильное, которое вы во всякомъ случаѣ толковали и внушали командѣ, что вы будто отъ Конторы не зависите, совсѣмъ бы оставили, да и въ женитьбѣ птичьей охоты чинамъ дозволенія безъ Конторы сами собой отнюдь не давали, потому что между ими, по дозволеніямъ вашимъ, есть такіе, которые женились на крѣпостныхъ дѣвкахъ, да и прочіе на какихъ женаты, Конторѣ не извѣстно, а сіе по всѣмъ командамъ объявленіе и требованіе дозволенія бываетъ, ибо если по отпускнымъ будутъ какія сомнѣнія, то принуждена будетъ команда, а паче Контора очищать или отвѣтствовать. Также Контора находитъ излишнимъ, что вы птичьей охоты служителей, кромѣ казенной свѣтлицы, употребляете при себѣ въ домѣ, по очередно, ординарцами, подъ видомъ дневальныхъ, коихъ и безъ того можете вы, въ случаѣ какой казенной надобности, посылать и употреблять, кого разсудите или по очереди, слѣдуя примѣру бывшаго предъ симъ при той птичьей охотѣ главностатейничаго, который нынѣ статскій совѣтникъ, господина Рыкунова, кой правилъ тою охотою не малое время, но таковыхъ дневальныхъ, каковы теперь у васъ имѣются, въ домѣ своемъ не имѣлъ, слѣдовательно, и вамъ имѣть тѣхъ дневальныхъ въ домѣ своемъ не должно». (Тамъ же, стр. 429—432).

20 апрѣля 1795 года Статейничему Рыкунову былъ данъ Московскою Оберъ-Егермейстерскою Конторою слѣдующій указъ: «По указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія въ сходствіе Его Сіятельства господина Оберъ-Егермейстера, Сенатора, дѣйствительнаго камергера, Лейбъ-Гвардіи маіора и разныхъ орденовъ кавалера, князя Петра Алексѣевича Голицына, въ письмѣ, писанномъ къ присутствующему сей Конторы господину статскому совѣтнику и кавалеру Рыкунову, повелѣнія, приказали: по слабости вашего здоровія, Его Сіятельству Господину Оберъ-Егермейстеру извѣстнаго, и Конторѣ видимаго и неподвижнаго, за птичьею охотою, какъ вы за выдержкою и справою оной, по силѣ Его Сіятельства прописаннаго въ письмѣ предписанія, чтобъ надлежащее служителями стараніе прилагаемо было, имѣть повелѣнное отъ Его Сіятельства смотрѣніе комисару Николаю Рыкунову и кречетникамъ Алексѣю Ларіонову и Николаю Юргеневу, какъ людямъ, въ знаніи означенной должности Его Сіятельству извѣстнымъ, коимъ, по вступленіи сего числа въ должность, наистрожайше подтвердить (и подтверждено), а особо комисару Рыкунову, яко старшему передъ ними офицеру, дабы они въ смотрѣніи за служителями

имѣли неослабную печность и стараніе, чтобы какъ кречета, такъ и соколы по надлежащему справлены были, а чтобъ всѣ птичьей охоты чины и служители имъ, Рыкунову, Ларіонову и Юргеневу были во всемъ по должности послушны, въ томъ обязать имъ и обязаны въ Конторѣ подпискою. А при томъ и вамъ (ежели вы силы свои находите соразмѣрны) того присмотру не возбранять, и чтобъ вы всѣ четыре человѣка присоединились къ единомысленному усердію, дабы отъ несогласія какого непорядка и упущенія произойти не могло». (Тамъ же, стр. 451).

6 іюня того же года статейничему Рыкунову дано конторою новое предписаніе: «Минувшаго маія, отъ 24 числа, въ ордерѣ отъ Его Сіятельства Оберъ-Егермейстера . . . . (весь титулъ) . . . . написано: письмомъ де Комисаръ Николай Рыкуновъ доносилъ Его Сіятельству, что за взятіе имъ для казенной надобности съ конюшни лошади, вы того конюха, который ему лошадь давалъ, содержали въ рогаткѣ, и не веля впредь давать ему лошади, ни въ чемъ слушаться, да и кречетникъ Алексѣй Ларіоновъ объявилъ ему, чтобъ служители его, Рыкунова, не слушались, а при томъ представлялъ и то, что вы, домашними своими посылками, казенныхъ лошадей повседневною ѣздою и постороннимъ людямъ многою дачею всѣхъ смучали, почему Конторѣ тѣмъ ордеромъ и рекомендуетъ означенное происшествіе ваше надлежащимъ образомъ изслѣдовать, по какому повелѣнію вы Комисару Рыкунову, какъ нынѣ управляющему справою птицъ офицеру, для казенной, по должности его, надобности лошади давать не велѣли, а еще вяще и служителямъ приказали его, Комисара, не слушаться, а сами вы не только домашними своими посылками, но и ссужая постороннимъ людямъ, казенныхъ лошадей всѣхъ смучили, при чемъ напомнить вамъ, что оставлены вы при птичьей охотѣ по собственной вашей просьбѣ, однакожъ не для разстройки команды, черезъ которую теряется порядокъ и наводится безпокойство, а единственно изъ одного снисхожденія, ибо, по болѣзни своей, вы править оною не можете, а для того и предоставлена Его Сіятельствомъ справа птицъ означенному Комисару Рыкунову, обще съ кречетниками Ларіоновымъ и Юргеневымъ, которымъ наистрожайше подтвердить, чтобъ они въ справѣ птицъ имѣли неослабное смотрѣніе, да и съ оною отправить ихъ въ Санктъ-Петербургъ, ибо никто, кромѣ ихъ, въ случаѣ неисправности, отвѣтствовать не долженъ, почему и птичьей охоты чинамъ и служителямъ объявить, чтобы они находились у нихъ по должности во всякомъ послушаніи, а сверхъ того вамъ объявить, что ежели впредь подобныя сему неустройства отъ васъ происходить будутъ, то Его Сіятельство принужденнымъ найдется, оставя снисхожденіе, котораго во множествѣ оказываемо вамъ Его Сіятельствомъ было, приступить къ настоящему отрѣшенію васъ отъ должности. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказали: хотя объ вышеписанномъ о всемъ показуемомъ и слѣдовало спросить васъ, но какъ Комисара Николая Рыкунова показаніе кречетникъ Алексѣй Ларіоновъ и три конюха письменно утвердили, то, за неподвижною вашею болѣзнію, дабы не могло вамъ отъ изобличенія приключиться дальнѣйшаго вреда, оное Контора оставляетъ, а только за нужное почитаетъ послать къ вамъ сей указъ и объявить, что вы, въ вышеписанномъ дѣлѣ, по обыкновенію своему, не соблюли должнаго порядка, не представили для разобранія Конторѣ, а поступили сами весьма неблагопристойно, будучи сами неподвижны и не входя ни мало ни въ какую казенную должность, показали могущество въ своемъ начальствѣ и тѣмъ надѣлали утружденіе Его Сіятельству и по командѣ безпорядокъ, что вамъ впредь чинить воспрещается, а предоставить, за совершеннымъ вашимъ изнеможеніемъ, попеченіе о должности Комисару Рыкунову и кречетникамъ Ларіонову и Юргеневу, коимъ, какъ находящимся по птичьей охотѣ опредѣленнымъ отъ Его Сіятельства при справѣ и одержкѣ птицъ, съ прописаніемъ вышеозначеннаго ордера для вѣдома и объявленія всей командѣ съ подписками, отъ Конторы указъ посланъ, а съ прописаніемъ произведеннаго слѣдствія и Его Сіятельству представлено рапортомъ». (Тамъ же, стр. 458).

П. И. Голиковъ, авторъ «Дѣяній Петра Великаго», съ грав. Н. Цетнеръ.

12 іюля того же 1795 года Московская Оберъ-Егермейстерская контора предписывала статейничему Рыкунову: «Поданнымъ въ Контору вы рапортомъ прописывали, увѣдомились де вы, что птичья охота, по справѣ птицъ, отправляется въ Санктъ-Петербургъ, въ числѣ двадцати человѣкъ, въ томъ числѣ правящій при птичьей охотѣ письменныя дѣла, по указу Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, кречетникъ Петръ Акутинъ; по отправѣ жъ той охоты въ Санктъ-Пе-

тербургъ останутся у васъ касающіяся по птичьей охотѣ письменныя дѣла, которыхъ исправлять будетъ не кому; кречетникъ же Петръ Акутинъ, нынѣшнее лѣто за неимѣніемъ при птичьей охотѣ птицъ, птицы не держалъ и исправлялъ по оной охотѣ письменныя дѣла, да у него жъ. Акутина, и мундира съ нижнимъ платьемъ не имѣется, и тѣмъ рапортомъ, представляя, просили, дабы благоволено было, для вышеписанной надобности, означеннаго кречетника Акутина оставить въ Москвѣ, при оныхъ же письменныхъ дѣлахъ, а вмѣсто его отправить изъ кречетниковъ Ивана Рыкунова, который у себя мундиръ, камзолъ и исподнее платье имѣетъ или кого оная Контора заблагоразсудитъ. А по справкѣ въ Конторѣ, поданнымъ во оную, вы, прошлаго 1794 года Генваря 25 числа, на указъ сей Конторы, рапортомъ, между протчаго, прописывали, къ исправленію по птичьей охотѣ у Комисара Николая Рыкунова, при записки въ книги прихода и расхода, писарской должности, съ своей стороны назначили сокольника Федора Рыкунова, который пишетъ порядочно и означенную у Комисара писарскую должность исправлять можетъ навсегда, то-есть записывать съ записныхъ самимъ комисаромъ на передъ въ черновую тетрадь статей на бѣло въ книги, такожъ и прочія дѣла переписывать съ черна на бѣло. Въ указѣ жъ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, насланномъ въ Контору сію минувшаго іюня отъ 2 числа, между протчаго, въ третьемъ пунктѣ написано, что принадлежитъ до осмьнадцати человѣкъ, у коихъ мундиры оказались въ годности, и что изъ нихъ есть престарѣлыхъ и негодныхъ людей, хотя у нихъ мундиры есть, но въ Петербургъ не отправлять, а командировать со птицами вмѣсто ихъ тѣхъ восемь человѣкъ, о коихъ Контора аттестуетъ, въ числѣ коихъ и вышеписанный Петръ Акутинъ въ Петербургъ отправленъ, при произведеніи коего изъ сокольниковъ въ кречетники, въ насланномъ изъ Канцеляріи въ Контору сію указѣ, чтобъ ему править писарскую должность не написано, да и быть у офицера офицеру жъ при письменныхъ дѣлахъ не прилично. Чтожъ касается до Ивана Рыкунова, то оный и безъ повелѣнія отъ Конторы взятъ въ Санктъ-Петербургъ, вмѣсто заболѣвшаго Федора Большева. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора Сія приказали: съ прописаніемъ вышеписаннаго къ вамъ послать сей указъ, въ коемъ написать, чтобъ вы, въ письменныхъ по птичьей охотѣ дѣлахъ исправлялися аттестованнымъ отъ васъ сокольникомъ Федоромъ Рыкуновымъ и представленія въ Контору присылали заблаговременно, а не такъ, какъ вышеозначенный рапортъ: присланъ вами 28 числа къ вечеру, по отправѣ птичьей охоты въ Канцелярію, съ пріобщеніемъ служителямъ именнаго реестра и рапорта, почему Конторѣ къ разсмотрѣнію учинить уже было не можно». (Тамъ же, стр. 460).

[174]) По вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны дѣйствовавшій раньше яхтъ-штатъ приказано было оставить въ силѣ. Сенатскимъ указомъ 22 февраля 1742 года Дворцовой конторѣ сообщалось, что, на основаніи Высочайшаго указа 18 дня того же мѣсяца, «яхтъ-штатъ, учиненный въ прошломъ 1741 году января 28 дня, за подписаніемъ принцессы Мекленбургской ..... Ея Императорское Величество повелѣваетъ содержать, до будущаго Ея Императорскаго Величества разсмотрѣнія, въ той же силѣ». (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 311).

Однако это Высочайшее повелѣніе было мертвой буквой. Съ самаго же начала 1742 года штатъ личнаго состава придворныхъ охотъ былъ увеличенъ болѣе чѣмъ вдвое. Прежде всего Императрица отправила въ Москву къ Оберъ-Гофмейстеру графу Салтыкову своего ловчаго Лаврентія Стромилова, съ повелѣніемъ приказать послѣднему, «взявъ изъ деревень графа Михаила Головкина охоты птичью и псовую и съ охотниками, отдать въ смотрѣніе и содержать оныя въ Москвѣ; и въ прибавку къ тѣмъ указали мы ему, Стромилову, набрать охотниковъ добрыхъ, сколько сыщетъ; и гдѣ онъ, Стромиловъ, оныхъ охотниковъ сыщетъ, то оныхъ велите взять и такожъ ему отдать, и какъ оному ловчему, такъ и охотникамъ платье и пищу или жалованье, противъ того какъ нашимъ охотникамъ, велите давать изъ Дворцовой Канцеляріи». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

Охотниковъ и другихъ чиновъ псовой охоты, набранныхъ Стромиловымъ вмѣстѣ, надо полагать, съ чинами охоты бывшей Великой Княжны въ Александровской Слободѣ, состояло въ началѣ же 1742 года слѣдующее число и получали они изъ Дворцовой канцеляріи слѣдующее жалованье: а) Ловчій—200 р., муки 30 четвертей, крупъ 4 четверти и соли 3 пуда; б) Комисаръ—100 р., муки 12 четвертей, крупъ 1 четверть; в) двое корытничихъ и одинъ стремянной охотникъ—каждому 30 р., муки 15 четвертей, крупъ 2 четверти, соли 1 пудъ; г) писарь—20 р., муки 6 четвертей, крупъ 1 четверть; д) 14 охотниковъ—каждому отъ 17 до 10 р., муки 10 четвертей, крупъ 1 четверть; е) 12 выжлятниковъ—каждому 10 р., муки 10 четвертей, крупъ 1 четверть; ж) 7 наварщиковъ—жалованье не обозначено. (Тамъ же).

Однако и этимъ количествомъ число чиновъ псовой охоты не ограничивалось. Отъ того же 1742 года сохранился именной списокъ чиновъ названной охоты въ разныхъ мѣстахъ, по сличеніи котораго съ предыдущимъ спискомъ оказывается, что въ ниже приводимый списокъ не вошло много лицъ, поименованныхъ въ первомъ, то-есть что и этотъ списокъ, по которому служителей псовыхъ охотъ уже насчитывается 101 человѣкъ, не полонъ. По списку этому значится:

Въ Москвѣ: 1) «При дворѣ Ея Императорскаго Величества борзыхъ собакъ»: а) стремянной егерь; б) стремянной охотникъ; в) 4 охотника; г) 3 выжлятника. 2) «При стаяхъ Русскихъ гончихъ собакъ»: а) 2 корытничихъ; б) 22 охотника; в) 17 выжлятниковъ. 3) «При Аглицкой стаѣ гончихъ собакъ»: а) корытничій; б) 2 охотника; в) 7 выжлятниковъ. 4) «При этихъ охотахъ»: а) копеистъ—«для исправленія письменныхъ дѣлъ»; б) пикерскихъ учениковъ 3 человѣка; в) 6 наварщиковъ; г) 6 конюховъ. Всего 76 человѣкъ.

«Въ собственной Ея Величества Александровской слободѣ для выкормки и наески (наѣздки) гончихъ молодыхъ собакъ»: а) пикеръ; б) охотникъ; в) 4 выжлятника; г) 5 наварщиковъ. Всего 11 человѣкъ.

Въ С.-Петербургѣ: а) стремянной охотникъ; б) 2 охотника; в) 3 выжлятника; г) 2 наварщика; д) 2 конюха. Всего 10 человѣкъ.

«При дворѣ Ея Императорскаго Величества при борзыхъ собакахъ въ Ораніенбаумѣ»: а) стремянной охотникъ; б) 3 охотника. Всего 4 охотника. (Общ. Арх. Мин. Дв., оп. 305, д. № 1).

Въ томъ же 1742 году при звѣровыхъ охотахъ въ С.-Петербургѣ состояли: слоновщикъ, 17 звѣровщиковъ изъ индѣйцевъ да 10 звѣровщиковъ различныхъ національностей: Персовъ, Армянъ, Грековъ, Италіанцевъ и Русскихъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 8—1552). Индѣйцы и тѣ Персіане, которые приняли православіе, получали въ треть до 20 р. (Госуд. Арх., р. XIV, № 57); остальные по 10 р., муки по 2 и крупъ по 1/3 четверти въ треть же. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 8—1552).

Въ то же время при С.-Петербургскихъ охотахъ содержалось 12 птичьихъ охотниковъ, имѣвшихъ собственныхъ легавыхъ собакъ, по 12 р., муки по 10 и крупъ по 1 четверти въ годъ. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 57).

Въ февралѣ того же 1742 года нашему полномочному министру въ Англіи князю Щербатову было приказано принанять кого-нибудь изъ хорошо знающихъ свое дѣло англійскихъ пикеровъ и заключить съ нимъ контрактъ. Щербатовъ заключилъ таковой съ нѣкоимъ Брауномъ, который по контракту долженъ былъ получать жалованья 180 р. въ годъ, да на путевые расходы 5 фунтовъ стерлинговъ, равныхъ тогда 22 р. 50 к. Однако Брауну въ Россіи не понравилось, и онъ, вскорѣ по пріѣздѣ, заявилъ желаніе вернуться на родину. Вмѣсто него, Щербатовъ выслалъ на тѣхъ же условіяхъ Вильяма Вильсона, который и остался при Императорской охотѣ. (Госуд. Арх., разр. XIV, № 57).

Въ 1742 же году Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ было доложено, что оставшіеся за штатомъ, «сочиненномъ» Трескау, кречетники и сокольники Московской птичьей охоты, все-таки пребываютъ при той охотѣ, не получая лишь никакого содержанія. Государыня приказала, впредь до выработки новаго штата, производить имъ жалованье наравнѣ съ ихъ штатными товарищами. (Рукописи Имп. ох.).

Въ 1743 году Ловчій Ея Величества Стромиловъ съ частью псовой охоты, взятой имъ изъ деревень графа Михаила Головкина, прибылъ по указу Императрицы въ С.-Петербургъ, гдѣ переѣхавшимъ чинамъ была прекращена выдача содержанія, такъ какъ Оберъ-Егермейстерская канцелярія не считала возможнымъ содержать прибылую охоту за счетъ своей штатной суммы. Это обстоятельство побудило Оберъ-Егермейстера Разумовскаго войти въ Сенатъ съ весьма подробнымъ донесеніемъ о положеніи дѣлъ по Императорской охотѣ и о невозможности содержать послѣднюю на опредѣленную по штату 28 января 1741 года сумму въ 6965 р. 23 к. и послужило мотивомъ Высочайшаго указа отъ 23 февраля того же года, коимъ повелѣвалось, чтобы царская охота содержалась, не стѣсняясь нормами штата, на средства: въ Москвѣ — Главной Дворцовой канцеляріи, а въ С.-Петербургѣ — ея Конторы, и чтобы эти учрежденія впредь до утвержденія новаго штата выдавали необходимыя деньги по требованіямъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи «безъ всякой отговорки и остановки». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сената 3 — 1429). Помянутое представленіе въ Сенатъ Оберъ-Егермейстера графа Разумовскаго, весьма пространное, не представляетъ собою ничего новаго, почему мы его и упускаемъ.

Въ спискѣ челобитенъ, поданномъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ въ 1744 году по случаю торжества бракосочетанія наслѣдника Русскаго престола, между прочимъ находимъ челобитную форштмейстера Измайловскаго звѣринца Мильхерта «объ отпускѣ его въ Нѣмецкіе края для свиданія съ родителями» и секретаря Оберъ-Егермейстерской канцеляріи Глаткова «о награжденіи рангомъ и объ опредѣленіи къ штатскимъ дѣламъ». («XVIII вѣкъ», т. II, стр. 231 и 233).

Съ 1745 года сохранился именной списокъ чиновъ Московской птичьей охоты, въ которомъ значатся: а) 1 статейничій; б) 13 кречетниковъ; в) 13 сокольниковъ; г) 2 помытчика; д) 3 конюха. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 13).

Въ документахъ того же года встрѣчаются указанія о расходованіи остатковъ отъ штатныхъ суммъ, положенныхъ на содержаніе придворныхъ охотъ, по усмотрѣнію Оберъ-Егермейстера. (Рукописи Имп. ох.). Подобное обстоятельство, въ связи съ вышеуказаннымъ значительнымъ увеличеніемъ личнаго состава охотъ Императрицы Елисаветы Петровны противъ штата 1741 года,

заставляетъ предполагать, что въ этотъ промежутокъ времени былъ составленъ новый яхтъ-штатъ. Послѣдняго однако мы не нашли.

[175]) Отъ 1784 года сохранился весьма любопытный документъ, прекрасно рисующій картину нравовъ, взаимныхъ отношеній и служебныхъ порядковъ, существовавшихъ въ то время среди чиновъ Московскихъ Придворныхъ охотъ. Документъ этотъ—нижеслѣдующій указъ Московской Оберъ-Егермейстерской конторы Главностатейничему Ларіонову, отъ 19 іюля: «Репортомъ вы Конторѣ сей представили: апрѣля 10 дня поданнымъ къ вамъ статейничій Дмитрій Рыкуновъ и статейщикъ Федоръ Коноплевъ репортомъ представляютъ, что состоящій въ командѣ вашей птичьей охоты сокольникъ Иванъ Николаевъ сынъ Шахмотовъ, отважась между разговоровъ и забывъ по званію его послушность и сохраненіе относительнаго респекта къ командирамъ; а потому и самую (въ подлинникѣ «самому») благопристойность презря, столь преступническія противъ законнаго долгу говорилъ поносныя и весьма укорительныя слова, въ защищеніе чего и просили васъ, о таковой ихъ обидѣ, куда надлежитъ, къ законному сужденію представить, а какія поносныя слова и при комъ именно тотъ сокольникъ Шахмотовъ говорилъ, о томъ точно въ поданномъ отъ нихъ, статейничаго и статейщика, репортѣ изъяснено, который для лучшаго разсмотрѣнія въ оригиналѣ при томъ репортѣ приложа, требовали, чтобъ по разсмотрѣніи онаго, съ виннымъ (т.-е. съ виновнымъ) учинить по законамъ, дабы и прочіе служители впредь нималѣйшихъ противу командировъ своихъ презрительныхъ и ругательныхъ словъ чинить не отваживались, а въ томъ поданномъ вамъ отъ означенныхъ статейничаго Дмитрія Рыкунова и статейщика Федора Коноплева репортѣ написано: минувшаго де апрѣля 6 числа вышеписанный сокольникъ Шахмотовъ, будучи въ домѣ, имѣющемся въ Сокольницкой слободѣ, у отца его отставного пенсіонера, охотника Николая Алексѣева сына Шахмотова, какъ при томъ отцѣ своемъ и при живущемъ по найму при птичей охотѣ прапорщикѣ Федорѣ Швыковскомъ и при случившемся у оного Швыковскаго отставномъ поднопоручикѣ Максимѣ Ивановѣ Островскомъ, отважась между разговоровъ и забывъ по званію его сокольническому послушность и сохраненіе относительнаго респекта къ командирамъ, а потому и самую благопристойность презря, столь преступническія противъ законнаго долгу говорилъ поносныя и весьма укорительныя на пожалованную имъ честь слова, называя изъ нихъ Рыкунова чихирникомъ, а Коноплева сукинымъ сыномъ да и мясниковымъ сыномъ же,

Старый Зимній Дворецъ, съ англійской гр. 18 ст.

прибавя къ тому еще недовольно въ пренебреженіе чести ихъ слѣдующія слова, что де и некого изъ нихъ почесть, въ чемъ во всемъ онъ, сокольникъ Шахмотовъ засвидѣтельствованъ отцемъ его и оными Швыковскимъ и пришельцемъ господиномъ подпоручикомъ Островскимъ, а потомъ при васъ собственнымъ сво(имъ) признаніемъ изобличился, испрашивая при васъ отъ нихъ на все прощеніе, то объ ономъ, по долгу присяги ихъ, и нашлись они въ защищеніе чести ихъ просить, куда надлежитъ, къ законному сужденію представить, включа при томъ: повелѣно бъ было спросить его, сокольника Шахмотова, точно ль изъ дворянъ, и чѣмъ то свое право доказать можетъ; а означенный сокольникъ, апрѣля 19 дня, письменно показалъ, что онъ противъ поданныхъ отъ васъ и статейничаго Рыкунова да статейщика Коноплева репортовъ въ поношеніи имъ, Шахмотовымъ, къ безчестію оныхъ Рыкунова и Коноплева укорительными словами, которыя въ представленной отъ нихъ просьбѣ означены, призналъ себя во всемъ виновнымъ, на что отъ тѣхъ же искателей, при всей командѣ служителей, и просилъ милостивое прощеніе; вторично жъ поданнымъ въ Контору сію репортомъ вышеупоминаемые статейничій Рыкуновъ и статейщикъ Коноплевъ представили, какого де къ безчестію ихъ онымъ сокольникомъ Шахмотовымъ словами его поносное укореніе при трехъ свидѣтеляхъ было произнесено, о томъ де ужъ и вамъ отъ нихъ во обстоятельствѣ представлено особымъ репортомъ, а потому и отъ васъ къ сужденію оного дѣла Конторѣ сей предложено; но какъ тотъ сокольникъ Шахмотовъ, собственнымъ его признаніемъ предъ командою птичей охоты служителей изобличась и раскаясь во всемъ ономъ предъ ними, что онъ то преступленіе по несовершеннымъ его лѣтамъ да и по сущей его глупости и неразумію учинилъ, и на все оное испрашивалъ отъ нихъ прощеніе, которое ему отъ нихъ и дано съ тѣмъ, что они на него болѣе не искатели, но дабы прочіе той охоты служители не могли въ подобныхъ сему поношеніяхъ найтись противъ командировъ, о томъ требовали, чтобъ благоволила сія Контора увѣдомить васъ письменно съ тѣмъ, чтобъ вы тѣмъ служителямъ съ найстрожайшимъ подтвер-

жденіемъ объявили съ подпискою. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Оберъ-Егермейстерская Контора приказали: какъ изъ вышеписанныхъ поданныхъ репортовъ оказалось, что сокольникъ Иванъ Шахмотовъ противъ командировъ своихъ, то-есть статейничаго и статейщика, въ поносныхъ имъ, Шахмотовымъ, произносимыхъ объ нихъ словахъ оказался виновнымъ, въ чемъ во всемъ самъ собою признался повиннымъ и просилъ у нихъ прощенія, кое и получилъ съ тѣмъ, что онъ тѣ поносныя слова объ тѣхъ командирахъ своихъ произносилъ по глупости своей и по несовершеннымъ своимъ лѣтамъ, однако, дабы другіе изъ подчиненныхъ предъ такъ дѣлать и командировъ своихъ ругательными словами поносить никто не отваживался, въ страхъ, того оного сокольника Шахмотова, при собраніи всѣхъ птичьей охоты служителей, вамъ штрафовать содержаніемъ въ дневальной свѣтлицѣ подъ карауломъ, на хлѣбѣ и водѣ, по вашему разсмотрѣнію, а сколько сутокъ тотъ Шахмотовъ подъ карауломъ продержанъ будетъ, о томъ вамъ подать въ Контору репортъ, по подачѣ коего тогда и Канцеляріи отрепортовано быть имѣетъ, о чемъ для исполненія вамъ симъ и предписывается, чтобъ объ ономъ объявлено было всѣмъ птичьей охоты служителямъ съ подписками, а по взятіи тѣ подписки представить въ Контору при репортѣ немедленно». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 76).

Дополненіемъ къ приведенному документу можетъ служить и слѣдующій, относящійся къ 15 марта 1785 года: «Благородный и почтенный господинъ статейничій Рыкуновъ. По дозволенію отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, имѣю я отъѣхать изъ Москвы, для собственныхъ моихъ нуждъ, дней на десять, для чего вашему благородію симъ рекомендую, въ небытность мою въ Москвѣ, имѣть вамъ неослабное смотрѣніе какъ птичьей охоты за служительми, такъ равно и за птицами и за казенными лошадьми, наблюдая при томъ, дабы всѣ служители находились во всякомъ порядкѣ и благопристойности, а птицамъ кормы и лошадямъ фуражъ производили по окладу сполна; состоящихъ же на конюшнѣ лошадей отнюдь въ ѣзду никому не давать, окромѣ опредѣленныхъ по указамъ, и наблюдать ежедневную чистоту въ конюшнѣ и птичьихъ анбарахъ. Если жъ кто изъ служителей въ какихъ-либо непристойныхъ поступкахъ находиться будетъ, таковымъ учинить вамъ штрафъ въ силу законовъ. По пріѣздѣ жъ моемъ, имѣете вы меня обо всемъ репортовать. Въ протчемъ пребуду вашего благородія всягдашній слуга Яковъ Ларіоновъ». (Тамъ же, стр. 493).

[176]) Лаврентій Никитичъ Стромиловъ носилъ званіе Ловчаго Ея Величества въ 1742—1743 гг. (тамъ же, кн. Сен. 3—1429 и Рукоп. Сборн. Им. Ук.) и послѣдующихъ годахъ, а 24 апрѣля 1749 года, согласно прошенію Стромилова, послѣдовалъ Высочайшій указъ Сенату: «двора Нашего псовой охоты Ловчаго Лаврентія Стромилова, за его болѣзнію, отъ службы отставить вовсе и отпустить въ домъ, и дать ему пашпортъ изъ Сената, а за долговременную его службу наградить рангомъ секундъ-маіорскимъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

[177]) Въ 1750 году въ Московскихъ птичьей и псовыхъ охотахъ сталъ обнаруживаться недостатокъ въ личномъ персоналѣ. Поэтому и «понеже имѣющіеся Можайскомъ уѣздѣ закомплектные кречетники Тихонъ и Яковъ Гавриловъ дѣти Петрова потребны нынѣ за умаленіемъ служителей, быть при птичьей охотѣ», приказано было таковыхъ «выслать въ Москву за карауломъ и на ихъ коштъ въ немедленномъ времени». Такой же закомплектный кречетникъ Акимъ Петровъ былъ выписанъ изъ села Горокъ Переяславль-Залѣсскаго уѣзда, однако, не за карауломъ, а лишь со взятіемъ у него реверса». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758). Далѣе «за недовольнымъ числомъ при оставшей здѣсь (въ Москвѣ) Ея Императорскаго Величества псовой охотѣ служителей», велѣно было сына охотника Шольмана Илью зачислить въ наварщики «и въ вѣрности службы Ея Императорскаго Величества привесть къ присягѣ». (Тамъ же).

Въ 1752 году въ Московской птичьей охотѣ числилось, кромѣ ея командира, носившаго капитанскій чинъ, и статейничаго, еще 15 кречетниковъ, 15 сокольниковъ и 3 ястребника. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, № 1760).

Къ 1 февраля 1761 года при Московскихъ охотахъ состояло:

1) При птичьей охотѣ: а) комисаръ; б) статейщикъ; в) кречетниковъ 13; г) сокольниковъ 13; д) ястребниковъ 4; е) помытчиковъ 2; ж) клобучечникъ; з) колоколешникъ; и) конюховъ 3. Всего 39 человѣкъ.

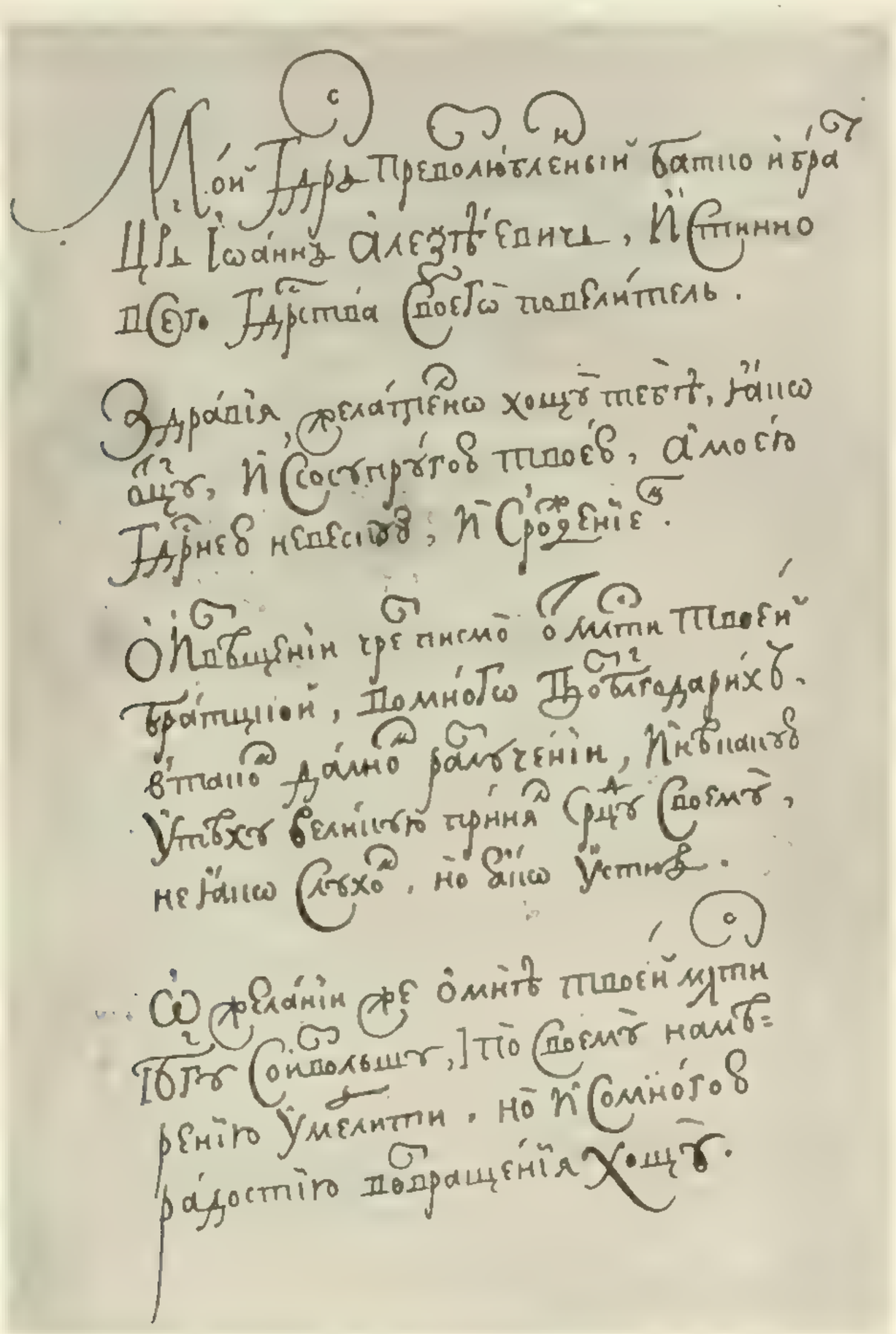
2) При Измайловскомъ звѣринцѣ: а) форштмейстеръ; б) звѣровщиковъ 8; в) для караулу и объѣзда звѣринца—капралъ 1, драгуновъ 5 человѣкъ. Всего 15 человѣкъ.

3) При псовой охотѣ: а) корытничихъ 2; б) охотниковъ 8; в) выжлятниковъ 4; г) наварщиковъ 5; д) конюховъ 2. Всего 21 человѣкъ.

4) При псовой же охотѣ Александровской слободы: а) пикеръ; б) охотникъ; в) выжлятниковъ 2; г) наварщиковъ 4. Всего 8 человѣкъ.

Отъ 1762 года сохранились документы, въ которыхъ указано наличное число чиновъ Московскихъ охотъ къ различнымъ срокамъ этого года. Такъ какъ числа эти почти не различаются отъ вышеприведенныхъ, соотвѣтствующихъ 1761 году, то мы ихъ не приводимъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 36).

178) 10 января 1762 года Императоръ Петръ III приказалъ выписать въ Россію изъ-за границы «трюфельныхъ егерей съ собаками, достойныхъ». (Рукоп. Имп. ох.). Исполненіе этого порученія было возложено на Сенатора графа Паула Антонія Лябія, который и пріискалъ въ Италіи потребнаго егеря съ тремя собаками для отыскиванія трюфелей и заключилъ съ нимъ контрактъ на два года. По контракту, этому егерю положено было жалованья 450 р. и на мундиръ 40 р. въ годъ, да за собакъ дано ему 100 р., ибо реченный графъ Лябій пишетъ, что онъ достойнаго егеря и собакъ дешевле оной цѣны сыскать не могъ». (Сборн. Им. Ук.).



Начало письма Царя Петра къ брату Царю Іоанну (см. конецъ Приложенія, письмо № 1).

Этотъ «трюфельный егерь» изъ Италіанцевъ былъ причисленъ къ Московской птичьей охотѣ и въ Сентябрѣ того же 1762 года былъ посланъ съ кречетниками изъ Москвы въ Казанскую губернію для отыскиванія трюфелей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 25).

Отъ того же 1762 года сохранились подробныя свѣдѣнія, касающіяся Ораніенбаумской охоты. Прежде приведенія этихъ свѣдѣній замѣтимъ, что Ораніенбаумская царская охота, повидимому, была отдана Императрицей Елисаветой Петровной наслѣднику престола Петру Ѳеодоро-

вичу около 1756 года, одновременно съ подаркомъ ему же Ораніенбаумскаго замка, съ какого времени ея личный составъ значительно измѣнился: были приняты на службу многіе голштинцы, а нѣкоторые охотники изъ русскихъ были зачислены на голштинскую службу, т.-е. въ части голштинскихъ войскъ, которыя, съ разрѣшенія Императрицы, были выписаны съ родины ихъ въ Ораніенбаумъ и въ средѣ которыхъ Цесаревичъ проводилъ большую часть своего времени. (Болотовъ, т. II, стр. 167).

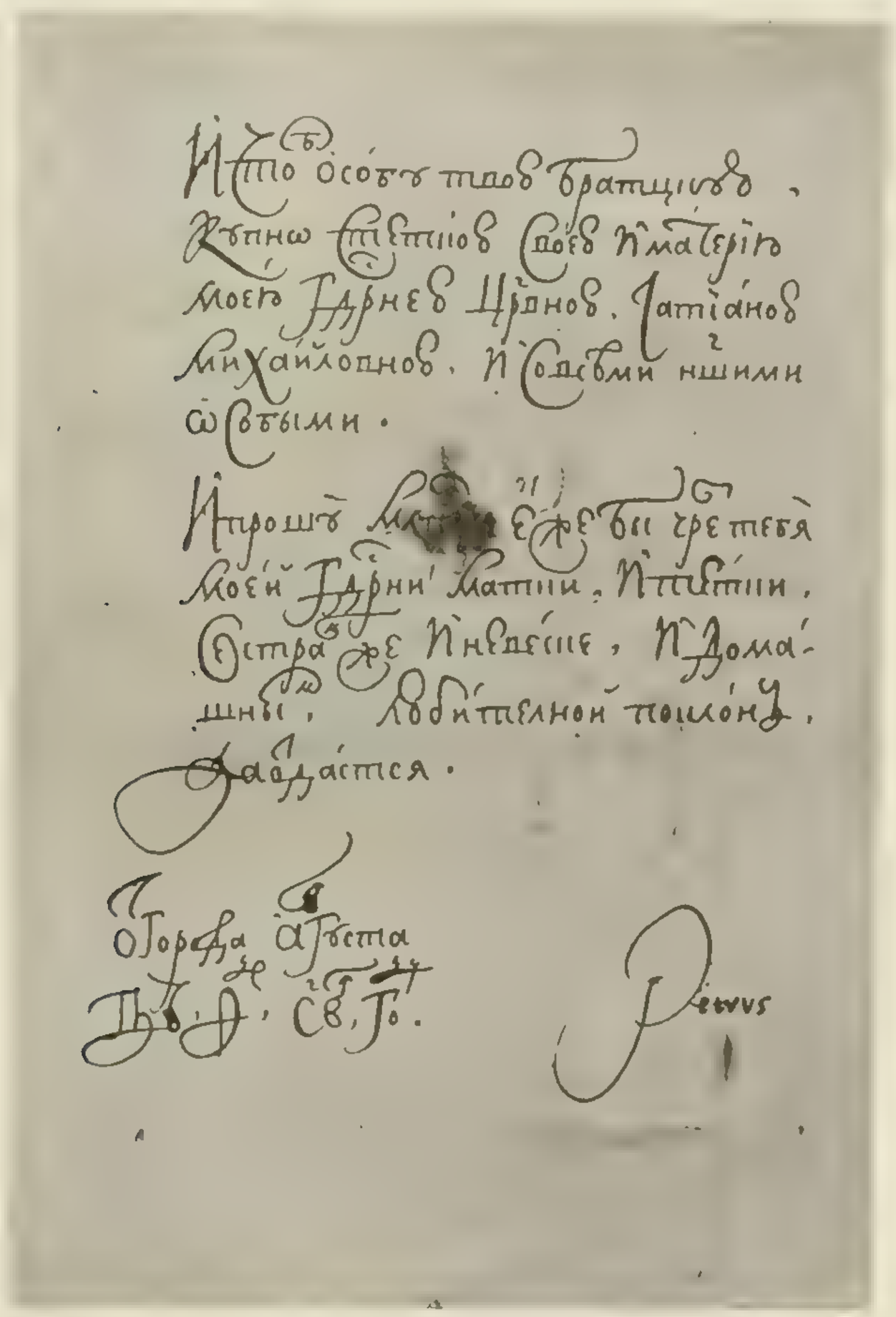
До воцаренія Петра III чины Ораніенбаумской охоты, не находившейся въ это время въ составѣ охоты Императорской, получали частью голштинское жалованье, частью русское, а съ воцареніемъ Петра III—только русское, въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Оберъ-Ферштеръ (лѣсничій высшаго званія, знакомый съ егерскимъ дѣломъ) Андреасъ Домъ получалъ жалованья 500 р. въ годъ; на покупку ежегодно мундира 100 р.; на покупку двухъ лошадей въ четыре года, на каждую лошадь по 35 р.; на сѣдло съ приборомъ, долженствовавшее служить ему 3 года—13 р.; на ковку лошадей, на каждую въ годъ 3 р. 50 к.; «на топленіе покоевъ дровъ плашныхъ трехъ-аршинной мѣры» въ годъ 12 саженей. Биксенъшпаніеры, одинъ русскій, другой голштинецъ, Оберъ-Егерь, голштинецъ, Стремянной Егерь, голштинецъ, получали каждый: жалованья по 200 р.; на мундиръ по 80 р. въ годъ; на 2 лошади, долженствовавшія служить каждому 5 лѣтъ, на каждую по 35 р.; на сѣдло съ приборомъ въ три года 10 р.; на ковку каждой лошади по 3 р. 50 к. въ годъ; дровъ по 9 саженей въ годъ. Стремянной Егерь, русскій, получалъ жалованья по 100 р., а остальное какъ и его сотоварищъ голштинецъ, только дровъ на 1 сажень меньше. Егерь; русскій, получалъ жалованья 80 р.; на мундиръ въ годъ 68 р.; на одну лошадь въ 4 года 25 р.; на сѣдло съ приборомъ въ 5 лѣтъ 5 р.; на ружье въ 5 лѣтъ 8 р.; на ковку лошади въ годъ 2 р.; дровъ въ годъ 80 саженей. Стремянной охотникъ, русскій, получалъ въ годъ 100 р.; муки 15 и крупъ 2 четверти; соли 1 пудъ; въ три года на сѣдло съ приборомъ 2 р. 45 к.; на ковку двухъ лошадей (объ отпускѣ денегъ на лошадей въ документѣ не упоминается: либо пропускъ, либо лошади отпускались ему натурою; послѣднее вѣрнѣе, такъ какъ врядъ ли ошибка такая могла вкрасться во всеподданнѣйшій докладъ, съ подлинника котораго мы дѣлаемъ выписки), на каждую въ годъ по 2 р.; на хомутъ съ приборомъ въ 3 года—2 р.; дровъ въ годъ 3 сажени. Егерскіе ученики, 6 человѣкъ, получали въ годъ каждый по 10 четвертей муки и по 1 четверти крупъ; на мундиръ по 15 р.; на сермяжный кафтанъ по 3 р. 50 к.; въ 4 года на лошадь по 20 р.; на сѣдло съ приборомъ въ 5 лѣтъ по 3 р. 50 к.; на ружье въ 5 лѣтъ по 8 р.; на ковку лошади въ годъ по 2 р.; дровъ въ годъ по 1 1/2 сажени. Охотники, 6 человѣкъ, получали въ годъ каждый муки по 10 и крупъ по 1 четверти; въ два года на мундиръ по 15 р. и на полевой кафтанъ по 8 р.; въ 3 года на шапку, кушакъ, штаны и шубу по 4 р.; на ковку 2-хъ лошадей (лошади натурою?) въ годъ по 4 р.; на сѣдло съ приборомъ въ 3 года по 2 р. 45 к.; на хомутъ съ приборомъ въ 3 года по 2 р.; дровъ въ годъ по 1 1/2 сажени. Пикеръ, голштинецъ, получалъ жалованья 220 р.; на мундиръ въ годъ 89 р.; на покупку въ 4 года двухъ лошадей, на каждую по 35 р.; на сѣдло съ приборомъ въ 3 года 12 руб.; на ковку лошадей въ годъ на каждую по 3 р. 50 к.; дровъ въ годъ 9 саженей. Пикерскіе ученики, 3 человѣка, имъ жалованья: одному 48, другому 38, третьему 36 р.; каждому по 10 четвертей муки и по 1 четверти крупъ; каждому на мундиръ въ годъ по 50 р.; на лошадь въ 4 года по 30 р.; на сѣдло съ приборомъ въ 3 года по 3 р. 50 к.; дровъ по 1 1/2 сажени. Ружейный мастеръ, иностранецъ, получалъ жалованія 200 р.; на мундиръ въ годъ 68 р.; дровъ въ годъ 6 саженей. Ружейный подмастерье, иностранецъ; жалованья ему 150 р.; на мундиръ 20 р.; дровъ 3 сажени. Ложенный ученикъ и два ружейныхъ ученика; жалованья имъ по 40 р.; муки по 6 и крупъ по 1 четверти; на мундиръ по 15 р.; на сермяжный кафтанъ по 3 р. 50 к.; дровъ по 1 1/2 сажени въ годъ. Наварщиковъ 12 человѣкъ; имъ въ годъ по 6 четвертей муки и по 1 четверти крупъ; по 10 руб. на мундиръ; по 2 р. на сермяжный кафтанъ; на шапку, кушакъ, штаны, шубу (вѣроятно, подобно охотникамъ на три года) по 4 р.; на сѣдло съ приборомъ въ 5 лѣтъ по 2 р. 45 к.; дровъ по 1 сажени въ годъ. (Рукоп. Сборн. Им. Ук.).

О случившихся зачисленіяхъ чиновъ Ораніенбаумской охоты въ голштинскія войска, пребывавшія при Петрѣ Ѳеодоровичѣ въ Ораніенбаумѣ, знаемъ по нижеслѣдующей, относящейся къ тому же году, весьма интересной челобитной Афанасія Воронова съ товарищами, въ числѣ пяти человѣкъ, поданной уже Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ:

«Зная Вашего Императорскаго Величества отеческое къ подданнымъ высокомилосердіе и неизрѣченное, отъ Бога данное до сирыхъ и находящихся въ бѣдности великодушіе и надѣясь на Ваше Императорское Величество милосердіе, смѣлость возымѣли мы, рабы Ваши, трудить Вашего Императорскаго Величества. Въ прошломъ 1756 году, взяты мы были изъ собственной Вашего Императорскаго Величества Раніенбаумской псовой охоты въ бывшую Его Императорскаго Величества въ службу голштинскую неволею, гдѣ и находились. А сего съ 1762 году іюня 29 числа были взяты мы изъ Раніенбаума подъ арестъ и содержались въ Московской Ямской слободѣ, но оттуда отосланы въ крѣпость Петра и Павла, гдѣ и содержались; но по именному Вашего Императорскаго Величества указу отосланы были въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію

и были въ той командѣ подъ арестомъ безъ опредѣленія въ нашу должность болѣе мѣсяца; а потомъ отосланы отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ Военную Коллегію, подъ арестомъ же, **для опредѣленія въ военную службу. А пропитанія намъ никакого, будучи подъ арестомъ, не** производилось, но и нынѣ питаемся мірскимъ подаяніемъ. Того ради Вашего Императорскаго Величества слезно просимъ, рабы Ваши, сдѣлать съ нами, бѣдными, высокомилосердую резелю-**цыю. А мы, именованные, желаемъ быть попрежнему въ Оберъ-Егермейстерскую команду въ**



Конецъ письма Царя Петра къ брату Царю Іоанну (см. конецъ Приложенія, письмо № 1).

охотникахъ, или изъ матерней Вашего Императорскаго Величества милости приказать дать намъ сепшедь (абшидъ—отставка). И о семъ нашемъ прошеніи милосердное и матернее разсмотрѣніе учинить какъ Ваше Императорское Величество указать соизволите». (Рукоп. Сб. Им. Ук., № 17).

По вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, нѣкоторые голштинцы Ораніенбаумской охоты были уволены «за ненадобностью въ отечество», и чуть ли не первымъ былъ уволенъ завѣдывавшій этою охотою Оберъ-ферштеръ Домъ. (Сб. Имп. Ук.). Самая же охота была пере-

дана въ вѣдѣніе Оберъ-Егермейстера Нарышкина, при чемъ чинамъ ея было оставлено то содержаніе, которое они получали раньше. (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

Надо между прочимъ замѣтить, что Ораніенбаумская охота слилась принципіально съ охотою Императорскою и поступила подъ начальство того же Оберъ-Егермейстера Нарышкина еще при Петрѣ III, который успѣлъ даже утвердить докладъ Нарышкина о порядкѣ присоединенія этой охоты къ царской. Однако эта утвержденная Императоромъ мѣра не была еще приведена въ исполненіе до переворота 1762 года, почему вопросъ о присоединеніи Ораніенбаумской охоты къ царской былъ возбужденъ по воцареніи Екатерины Алексѣевны сызнова. (Рук. Сб. Им. Ук.).

179) Отъ того же 1762 года сохранилось извѣстіе о назначеніи, кажется, въ первый разъ, на должность форштмейстера русскаго охотника. На эту должность былъ назначенъ въ Измайловскій звѣринецъ Саватій Ларіоновъ, прослужившій до 42 года при птичьей охотѣ и занимавшій въ послѣднее время должность комиссара. (Рук. Имп. ох.).

4 мая 1763 года Екатерина Великая, какъ увидимъ ниже, охотилась съ «егерною охотою» въ окрестностяхъ Воскресенскаго Новаго Іерусалима монастыря подъ Москвою. (Кам.-фур. журн. 1763 г., стр. 78). Вѣроятно, именно на этой охотѣ Императрица разговаривала съ егерями, изъ которыхъ нѣкоторые, раньше состоявшіе при Ораніенбаумской охотѣ, жаловались на неполученіе ими слѣдуемаго содержанія. Не присутствовавшій при охотѣ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ, узнавъ объ этомъ, писалъ вскорѣ секретарю Императрицы:

«Государь мой, Иванъ Перфильевичъ. Я сего числа увѣдомился, что, во время всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Воскресенскомъ монастырѣ присутствія, вступившіе въ 1762 году въ команду мою, бывшіе при Ораніенбаумской охотѣ служители просили, что они отъ долговременнаго неполученія ими жалованья и протчаго претерпѣваютъ (?) крайнюю нужду, на которую просьбу, яко бы, всевысочайшее повелѣніе вашему Превосходительству о разсмотрѣніи о томъ воспослѣдовало. Чего ради я вашему Превосходительству чрезъ сіе приношу, что въ прошломъ 1762 году, 20 числа въ августѣ мѣсяцѣ поднесенъ былъ Ея Императорскому Величеству отъ меня всеподданнѣйшій докладъ и при немъ расписаніе, кому именно тѣмъ Раніенбаумскимъ служителямъ и по какимъ окладамъ денежное жалованье и на протчее производить слѣдуетъ, и тотъ докладъ всевысочайше апробованъ и собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписанъ. съ котораго доклада и расписанія въ томъ же августѣ мѣсяцѣ поданы отъ меня точныя копіи въ Правительствующій Сенатъ, и отъ того Правительствующаго Сената о произвожденіи нѣкоторымъ написаннымъ въ томъ докладѣ чинамъ и нижнимъ служителямъ жалованья, куда надлежитъ, указы посланы, а протчимъ написаннымъ же въ приложенномъ при томъ докладѣ расписаніи вышеупомянутымъ Раніенбаумскимъ служителямъ никакого удовольствія еще не учинено; а для какихъ обстоятельствъ, о томъ и усмотрѣніе вашему превосходительству прилагаю при семъ точное извѣстіе (такого въ дѣлахъ не имѣется), по которымъ бы обстоятельствамъ, если Правительствующій Сенатъ имѣетъ какое въ томъ сумнительство онымъ служителямъ производить жалованіе, то бъ слѣдственно Ея Императорскому Величеству представить отъ себя, а если мнѣ представлять о томъ, въ чемъ же сумнительство состоитъ, то Правительствующій Сенатъ можетъ почесть оное въ жалобу, а паче не въ мою должность. Того ради ваше Превосходительство прошу при случаѣ о сихъ обстоятельствахъ Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше представить. И остаюсь, съ почтеніемъ, Вашимъ, Государя моего, послушнѣйшимъ слугою С. Нарышкинъ». (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

180) 26 числа 1773 года іюня мѣсяца Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ вошелъ одновременно съ тремя всеподданнѣйшими докладами: во-первыхъ, объ утвержденіи новаго яхтъ-штата, во-вторыхъ, объ отпускѣ суммъ, потребныхъ на сооруженіе зданій Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства и въ-третьихъ, объ опредѣленіи къ Императорской охотѣ яхтъ-нажей.

По высочайшему повелѣнію доклады эти были переданы на заключеніе генерала графа Чернышева и Генералъ-Прокурора князя Вяземскаго, которые представили Императрицѣ длинную записку, съ изложеніемъ своихъ мнѣній. (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

Такъ какъ мнѣнія означенныхъ лицъ касались главнымъ образомъ не устройства учрежденій охоты, или ея личнаго персонала, а оцѣнки предположенныхъ мѣропріятій по сравненію ихъ съ общепринятыми въ государствѣ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ порядками, такъ какъ Чернышевъ и Вяземскій не считали даже себя компетентными въ спеціально охотничемъ дѣлѣ, полагая, что испрашиваемое «опредѣлено соразмѣрно, конечно, надобности, безъ излишеству», наконецъ, такъ какъ замѣчанія этихъ лицъ въ общемъ были приняты къ руководству, — мы не станемъ приводить здѣсь пространной записки Чернышева и Вяземскаго, а ограничимся приведеніемъ свѣдѣній изъ окончательно составленныхъ докладовъ, удостоившихся высочайшаго утвержденія, и то лишь тѣхъ свѣдѣній, которыя непосредственно касаются нынѣ разсматриваемаго вопроса объ организаціи личнаго состава Императорской охоты того времени.

Касательно новаго штата въ докладѣ Нарышкина было оговорено, что, «по довольномъ разсмотрѣніи всѣхъ происходящихъ по Оберъ-Егермейстерскому корпусу обстоятельствъ, оказалось,

+

Государыне моей матушьшь Царице
Наталье Кирилловнъ Изволила ты писа
ть свакилье Сомоновы что я тебя
Государынъ опечалитъ что о приезде своем
не описал то что нынь помино описанемо гу
для того что да ждавъ карлей а каканъ
буду о то ни что не вьдае а ожидавъ
вскоре потому что больше трех недъ попу
щены и актерьдама а каковъ буду
и я скупя что на забе поеду то чадень
и ночь дао единомилости прошу чего для
Изволишь печализа обонъ Изволила
ты писа что преда ламеня в пбвъ
матери божией Иткова патри
ярь и мъ чи почто печалова тоя бо
моливами и престатесто не точиъ
я еди ноими ~~[illegible]~~ даже
благословения прошу Недостоный

Огорода а въ Гутавъ 14 Перушка

Письмо Царя Петра къ матери, Царицѣ Наталіи Кирилловнѣ (см. конецъ Приложенія, письмо №2).

какъ при жизни блаженной и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, такъ и въ 762 году, по соединеніи Ораніенбаумской псовой охоты и егерской команды со здѣшними, состояли всѣ охоты вообще, птичья, псовая и егерская команда, со служительми и лошадьми, весьма въ превосходномъ числѣ противъ нынѣшняго, на содержаніе чего происходила великая получаемая въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи изъ Кабинета Вашего Императорскаго Величества и изъ Штатсъ-Конторы, а особливо изъ Дворцовой Канцеляріи провіантомъ, кормами и фуражемъ, весьма превосходная сумма. А нынѣ въ представленномъ Вашему Императорскому Величеству сочиненномъ вновь штатѣ все излишнее отставлено, а положено только то, безъ чего обойтиться невозможно; почему и на содержаніе всего корпуса нынѣ сумма положена противъ прежде употребляемой съ немалымъ уменьшеніемъ».

По самому утвержденному штату установлено было имѣть слѣдующее количество чиновъ:

1. Оберъ-Егермейстеръ, ранга генералъ-аншефа, съ жалованьемъ 4188 р. 37 к.

2. Егермейстеръ, ранга генералъ-поручика, съ жалованьемъ 2531 р. 81¼ к.

3. Унтеръ-Егермейстеръ, ранга бригадирскаго, съ жалованьемъ 1271 р. 26 к.

4. Канцелярія: а) секретарь — 450 р.; б) протоколистъ — 300 р.; в) регистраторъ — 225 р.; г) трое канцеляристовъ — по 200 р. каждому; д) шесть копіистовъ — по 120 р. каждому; е) «при денежной казнѣ у прихода и расхода» казначей, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго при денежной казнѣ, съ жалованьемъ въ 300 р., и для записки прихода и расхода подканцеляристъ, съ жалованьемъ въ 150 р.; ж) при счетной экспедиціи: бухгалтеръ — 300 р., подканцеляристъ — 150 р. и копіистъ — 120 р.; з) сторожъ — 18 р.; и) изъ «отставныхъ для содержанія караула» капралъ — 20 р. и десять солдатъ — по 18 р. каждому; къ пожарнымъ инструментамъ двое солдатъ — по 18 р. каждому.

5. При Московской Конторѣ: а) секретарь — 375 р.; б) канцеляристъ — 150 р.; в) подканцеляристъ — 130 р.; г) двое копіистовъ — по 100 р. каждому; д) «при денежной казнѣ»: комиссаръ, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, остоящаго при богатой ливреѣ — 120 р. и подканцеляристъ — 130 р.; е) сторожъ — 18 р.; ж) изъ «отставныхъ для содержанія караула» капралъ — 20 р. и 4 солдата — по 18 р. каждому.

6. Лѣкарь, съ жалованьемъ 250 р.; на покупку двухъ лошадей въ четыре года по 20 р. на лошадь, то-есть въ годъ 10 р.; на фуражъ обѣимъ лошадямъ въ годъ 86 р. 40 к.; на дрова въ годъ 18 р.

7. Подлѣкарь, съ жалованьемъ 100 р.; на покупку въ четыре года одной лошади 20 р.; то-есть въ годъ 5 р.; на покупку въ три года одного сѣдла 3 р. или въ годъ 1 р.; на фуражъ 43 р. 20 к.; на дрова 6 р.

8. «Для бритья и убиранія волосъ у служителей, фершеловъ и волосоподвивателей да въ лазаретъ служитель», всего 7 человѣкъ, каждому жалованья по 20 р. и на дрова по 3 р. и всѣмъ вмѣстѣ на мундиры 13 р.

9. Егерская команда: а) Оберъ-егерь, ранга противъ придворнаго конюшеннаго ясельничаго, ему: жалованья — 400 р.; на покупку въ четыре года двухъ лошадей по 20 р. на лошадь или въ годъ 10 р.; на фуражъ 36 р. 40 к.; на ковку лошадей 3 р. 20 к.; на дрова 18 р.; б) «При собственныхъ Ея Императорскаго Величества и Его Императорскаго Высочества ружьяхъ Биксенъшпаніеровъ, ранга противъ форштмейстера» (т.-е. поручика) двое, каждому: жалованья 200 р.; на покупку двухъ лошадей въ четыре года по 35 р. на лошадь или въ годъ по 17 р. 50 к.; на покупку въ три года сѣдла съ приборомъ 10 р. или въ годъ 3 р. 33⅓ к.; на подковку лошадей 7 р.; на фуражъ 86 р. 40 к.; на дрова 18 р.; на содержаніе двухъ легавыхъ собакъ 15 р.; в) егерей десять человѣкъ, каждому: жалованья 100 р.; на богатые и ординарные мундиры 68 р. 54 к.; на покупку въ четыре года лошади 20 р. или въ годъ 5 р.; на покупку въ три года сѣдла съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; на покупку въ 5 лѣтъ ружья 8 р. или въ годъ 1 р. 60 к.; на подковку лошади 1 р. 60 к.; на дрова 6 р.; на фуражъ 43 р. 20 к.; на содержаніе двухъ легавыхъ собакъ 15 р.; г) егерскихъ учениковъ 12 человѣкъ и птичниковъ 8 человѣкъ, каждому: жалованья 18 р.; на покупку въ два года параднаго мундира 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на покупку ежегодно сермяжнаго мундира 3 р. 50 к.; на покупку въ четыре года лошади 20 р. или въ годъ 5 р.; на покупку въ три года сѣдла съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; на покупку въ 5 лѣтъ ружья 6 р. или въ годъ 1 р. 20 к.; на подковку лошади 1 р. 60 к.; на дрова 3 р.; за хлѣбное жалованье 28 р.; на фуражъ 43 р. 20 к.; на содержаніе одной легавой собаки 7 р. 50 к.

10. «При ружейномъ и ложенномъ мастерствѣ, у дѣла вновь Ея Императорскому Величеству съ обронною и прочею работою ружей, штуцеровъ и пистолетовъ, такожъ у починкѣ и чисткѣ ружей въ Рустъ-Камерѣ»: а) ружейный и рисовальный мастеръ — 200 р.; б) ложенный мастеръ — 200 р.; в) ружейныхъ, егерскихъ и прочихъ серебряныхъ и мѣдныхъ приборовъ и гербовъ литейный мастеръ — 150 р.; г) ружейный подмастерье и стволовый заварщикъ — 150 р.; д) ложенный подмастерье — 120 р.; е) обронщикъ — 50 р.; ж) ружейныхъ, ложенныхъ и отливальныхъ учениковъ 7 человѣкъ, каждому 36 р.

11. «Для дѣланія къ охотамъ Ея Императорскаго Величества и къ музыкѣ роговъ, волторнъ и прочихъ принадлежностей»: а) подмастерье—25 р.; б) учениковъ двое, каждому по 20 р.

Означеннымъ въ пунктахъ 10 и 11, кромѣ того: мастерамъ, 3 человѣкамъ, каждому на мундиръ 25 р. и на дрова 6 р.; стволовому заварщику, подмастерьямъ и оброщику, четыремъ человѣкамъ, каждому на мундиръ 10 р. и на дрова 3 р.; ученикамъ, девяти человѣкамъ, каждому на мундиръ 9 р. и на дрова 3 р.

12. Птичья охота: а) Главностатейничій, ранга противъ придворнаго конюшеннаго оберъ-берейтора, съ жалованьемъ въ 462 р. 54½ к.; б) статейничій (старшій), ранга противъ придворнаго конюшеннаго берейтора — 280 р. 36¼ к.; в) статейничій (младшій), ранга противъ форштмейстера — 178 р. 18 к.; г) комиссарь, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго при богатой ливреѣ — 120 р.; д) писарь — 60 р.; е) кречетниковъ, сокольниковъ и ястребниковъ тридцать человѣкъ, каждому: жалованья 40 р.; на шитье въ два года одного мундира и одного сюртука 40 р. или въ годъ 20 р.; на дѣланіе въ три года сѣдла съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; за хлѣбное жалованье 22 р. 50 к.; на дрова 3 р.; ж) двое клобучечниковъ и двое колоколечниковъ, каждому 8 р.; на шитье въ 2 года одного мундира и одного сюртука 22 р. или въ годъ 11 р.; за хлѣбное жалованье 22 р.; на дрова 3 р.; з) конюховъ четыре человѣка, каждому 8 р.; на шитье въ два года одного мундира и одного сермяжнаго кафтана 22 р. или въ годъ 11 р.; на сдѣланіе въ три года сѣдла съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; за хлѣбное жалованье 13 р. 25 к.; на дрова 3 р.; и) кузнецъ, онъ же коновалъ — 75 р. и на дрова 6 р.: к) кузнечный ученикъ 30 р.

Лошадей активнымъ чинамъ птичьей охоты полагалось отпускать натурою.

13. С.-Петербургская псовая охота: а) Ея Императорскаго Величества стремянной егерь, ему 400 р.; на богатый мундиръ 80 р.; на покупку двухъ лошадей въ годъ 20 р.; на одно въ три года сѣдло съ приборомъ 10 р. или въ годъ 3 р. 33⅓ к.; на подковку лошадей 7 р.; на дрова 18 р.; на фуражъ 86 р. 40 к.; б) Стремянной Его Императорскаго Высочества — 240 р.; на мундиръ 60 р.; на одно въ три года сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; на одинъ въ 3 года хомутъ съ приборомъ 2 р. или въ годъ 66⅔ к.; за хлѣбное жалованье 43 р. 60 к.; на дрова 6 р.; в) двое корытничихъ, каждому 45 р.; на одинъ мундиръ и одинъ сюртукъ въ два года 35 р. или въ годъ 17 р. 50 к.; на одно въ три года сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; на одинъ въ три года хомутъ съ приборомъ 2 р. или въ годъ 66⅔ к.; за хлѣбное жалованье 43 р. 90 к.; на дрова 6 р.; г) двадцать охотниковъ, съ жалованьемъ каждому 16 р.; шесть доѣзжачихъ, съ жалованьемъ каждому 15 р. и тринадцать выжлятниковъ, съ жалованьемъ каждому 12 р.; имъ, кромѣ жалованья, каждому: на одинъ мундиръ и одинъ сюртукъ въ два года 23 р. или въ годъ 11 р. 50 к.; въ три года на шапку, кушакъ, штаны и шубу 4 р. или въ годъ 1 р. 33⅓ к.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; въ три года на хомутъ съ приборомъ 2 р. или въ годъ 66⅔ к.; за хлѣбное жалованье 28 р.; на дрова 3 р.; д) наварщиковъ семь человѣкъ, каждому 8 р.; на одинъ мундиръ и на одинъ сермяжный кафтанъ въ два года 12 р. или въ годъ 6 р.; въ три года на шапку, кушакъ, штаны и шубу 4 р. или въ годъ 1 р. 33⅓ к.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; за хлѣбное жалованье 18 р.; на дрова 2 р.; е) конюховъ семь человѣкъ, каждому 6 р.; на мундиръ въ два года 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтанъ 3 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 16 р. 50 к.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; на дрова 2 р.; ж) комиссаръ, противъ ранга придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго у богатой ливреи, съ жалованьемъ 120 р.; з) писарь — 60 р.; и) магазейнъ-вахтеръ — 73 р.; к) кузнецъ, онъ же коновалъ — 150 р. и на дрова 6 р.; л) два кузнечныхъ ученика, каждому по 12 р.; на сермяжные кафтаны и шубы по 6 р.; за хлѣбное жалованье 18 р.

Всѣмъ чинамъ этой охоты, кромѣ стремяннаго егеря Ея Императорскаго Величества, лошади отпускались натурою.

14. Псовыя охоты Александровской слободы и Измайловскаго звѣринца: а) пикеръ, ему 120 р.; на мундиръ 68 р.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 6 р. или въ годъ 2 р.; на дрова 10 р.; б) пикерскій ученикъ 36 р.; въ два года на мундиръ и сюртукъ 23 р. или въ годъ 11 р. 50 к.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; за хлѣбное жалованье 22 р. 50 к.; на дрова 5 р.; в) корытничій — 45 р.; въ два года на мундиръ и сюртукъ 35 р. или въ годъ 17 р. 50 к.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; въ три года на хомутъ съ приборомъ 2 р. или въ годъ 66⅔ к.; за хлѣбное жалованье 35 р. 40 к.; на дрова 6 р.; г) пять охотниковъ, съ жалованьемъ каждому по 16 р. и шесть выжлятниковъ, съ жалованьемъ каждому по 12 р.; имъ, кромѣ жалованья, каждому: въ два года на мундиръ и сюртукъ 23 р. или въ годъ 11 р. 50 к.; въ три года на шапку, кушакъ, штаны и шубу 4 р. или въ годъ 1 р. 33⅓ к.; въ три года на сѣдло съ приборомъ 3 р. или въ годъ 1 р.; въ три года на хомутъ съ приборомъ 2 р. или въ годъ 66⅔ к.; за хлѣбное жалованье 22 р. 50 к.; на дрова 3 р.; д) пять наварщиковъ, каждому 8 р.; въ два года на мундиръ и сермяжный кафтанъ 12 р. или въ годъ 6 р.; въ три

года на шапку, кушакъ, штаны и шубу 4 р. или въ годъ 1 р. 33⅓ к.; въ три года на сѣдло съ прибором 3 р. или въ годъ 1 р.; на дрова 2 р.; за хлѣбное жалованье 14 р. 50 к.; е) два конюха, каждому 6 р.; на мундиръ въ два года 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтанъ 3 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 13 р. 25 к.; въ три года на сѣдло съ прибором 3 р. или въ годъ 1 р.; на дрова 2 р.; ж) комиссаръ, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго у богатой ливреи, съ жалованьемъ 120 р.; з) писарь — 60 р. Лошади, кому полагается — натурою.

15. Петергофскій звѣринецъ: а) форштмейстеръ, въ чинѣ поручика, съ жалованьемъ 300 р.; на мундиръ 68 р. 40 к.; на фуражъ для одной лошади 36 р. 60 к.; на дрова 6 р.; б) комиссаръ, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго у богатой ливреи, съ жалованьемъ 120 р.; в) писарь — 60 р.; г) семь звѣровщиковъ, каждому 25 р.; на мундиръ въ два года 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтанъ 3 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 18 р.; на дрова 3 р.

16. Царскосельскій звѣринецъ: а) за форштмейстера быть изъ штатныхъ егерю, съ полученіемъ егерскаго оклада; б) два звѣровщика, каждому 25 р.; въ два года на мундиръ 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтанъ 3 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 18 р.; на дрова 3 р.

17. Измайловскій звѣринецъ: а) форштмейстеръ, ранга поручика, съ жалованьемъ 300 р.; на мундиръ 68 р. 40 к.; на фуражъ для одной лошади 36 р. 60 к.; на дрова 6 р.; б) семь звѣровщиковъ, каждому 8 р.; въ два года на мундиръ 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтанъ 3 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 14 р. 50 к.; на дрова 3 р.

18. С.-Петербургскій звѣровый дворъ: а) комиссаръ, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго у богатой ливреи, съ жалованьемъ 120 р.; б) писарь — 60 р.; в) четыре звѣровщика, каждому 28 р.; въ два года на мундиръ 15 р. или въ годъ 7 р. 50 к.; на сермяжный кафтанъ 3 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 18 р.; на дрова 3 р.

19. Егерская музыка: а) подмастерье — 60 р.; въ два года на мундиръ 38 р. или въ годъ 19 р.; за хлѣбное жалованье 28 р.; на дрова 3 р.; б) четыре волторниста, съ жалованьемъ каждому по 46 р.; три кларнетчика, два флаутреверзиста, два гобоиста, два басовщика, съ жалованьемъ каждому по 31 р.; тридцать шесть рожечниковъ, съ жалованьемъ каждому по 26 р.; имъ, кромѣ жалованья, каждому: въ два года на мундиръ 23 р. или въ годъ 11 р. 50 к.; на шапку, кушакъ и шубу 1 р. 50 к.; за хлѣбное жалованье 28 р.; на дрова 3 р.; в) учитель музыки, съ жалованьемъ 420 р.

20. С.-Петербургскій птичій дворъ: а) комиссаръ, ранга противъ придворнаго конюшеннаго комиссара, состоящаго у богатой ливреи, съ жалованьемъ 120 р.; б) птичниковъ двое, съ жалованьемъ каждому по 42 р.; в) учениковъ двое, съ жалованьемъ каждому по 36 р.

21. Астраханскій птичій дворъ: а) комиссаръ — 100 р.; б) два птичника, каждому по 30 р.

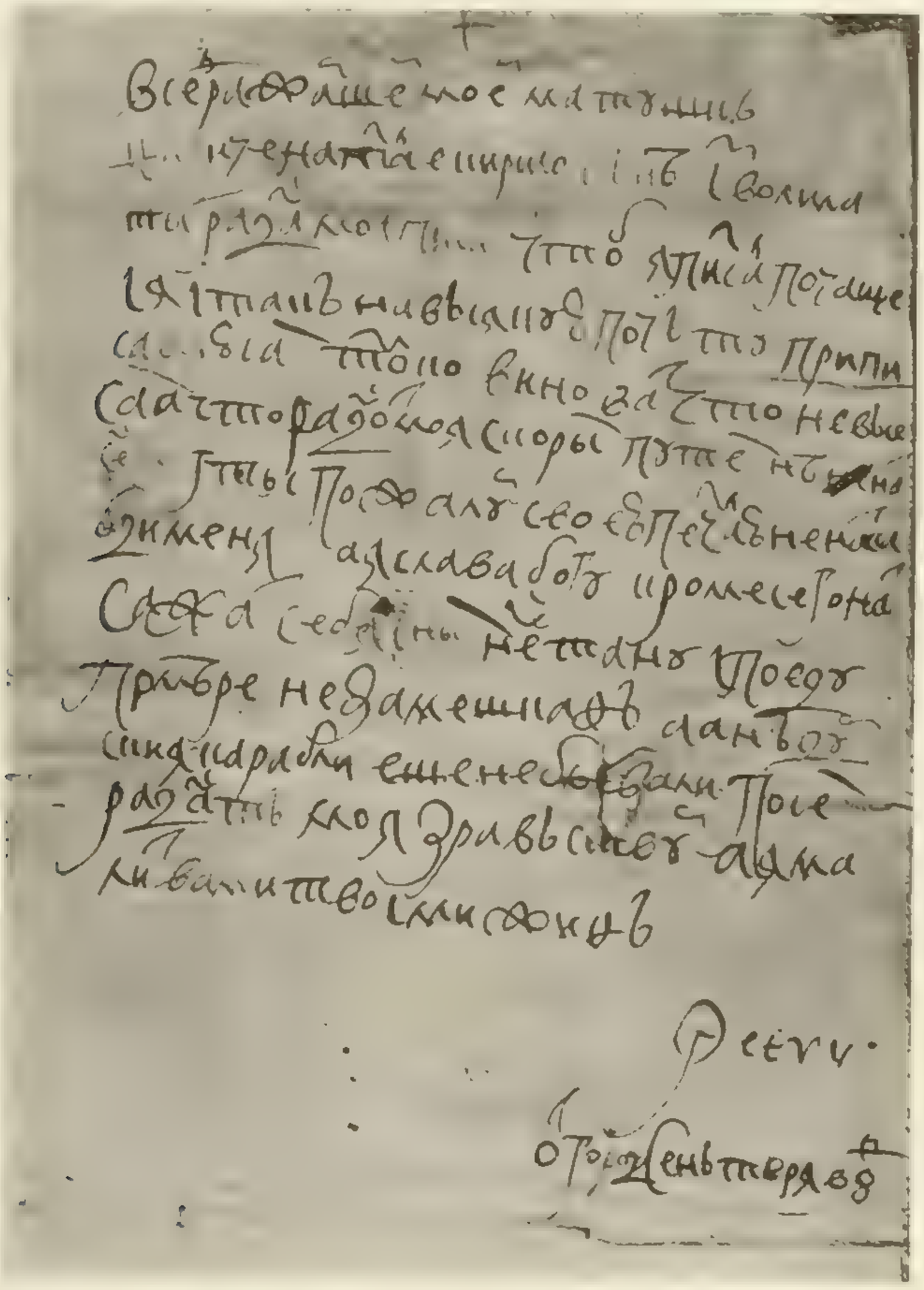
Штатъ, изъ котораго мы сдѣлали вышеприведенную выборку, сопровожденъ различными примѣчаніями и объясненіями, изъ коихъ изложимъ слѣдующія, заслуживающія вниманія по предмету, разбираемому въ настоящей главѣ.

1. На канцелярскіе и мелочные расходы Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, какъ-то на: бумагу, сургучъ, чернила, свѣчи, дрова, прогоны командируемымъ чинамъ вѣдомства охоты и т. п., было исчислено по штату 1000 р.

2. На дрова для лазарета Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства было исчислено 18 р., а для лѣченія служителей было повелѣно отпускать медикаменты изъ Главной аптеки, по требованіямъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и по рецептамъ той же Канцеляріи лѣкаря, за счетъ Статсъ-Конторы. Кромѣ того, на покупку для лазарета предметовъ, которые Главною аптекою не отпускались, было назначено 50 р. въ годъ.

3. На покупку для собственныхъ Ея Величества и Его Высочества ружей, полированнаго пороха, дроби и проч.; на покупку для стрѣлянія егерямъ, ученикамъ егерскимъ и птичникамъ къ столу Ея Величества дикихъ птицъ пороха же, дроби и кремней; на пріобрѣтеніе свинца для литья пуль; на постройку вновь и на починку шалашей для стрѣльбы тетеревей; на изготовленіе къ шалашамъ чучелъ; на сооруженіе для ловли живыхъ дикихъ птицъ тайниковъ и сѣтей; на различные егерскіе приборы, какъ-то на гербы, пуговицы съ гербами, на кортики съ мѣдными, позолоченными приборами, на лосинныя портупеи, на рожки пороховые и на мѣшечки для дроби, на патронташи и ягдташи; на покупку для содержавшихся для потребностей Высочайшаго стола живыхъ разныхъ родовъ птицъ кормовъ, во весь годъ; для платежа прогоновъ егерской команды служителямъ, посылаемымъ на Ильмень и Ладожское озера для ловли живыхъ куликовъ, турухтановъ и прочихъ птицъ; на покупку судовъ, въ которыхъ тѣ птицы привозятся въ С.-Петербургъ водою; на покупку кормовъ для тѣхъ же птицъ; на дрова, необходимыя для топленія амбаровъ, гдѣ тѣ птицы содержатся; на свѣчи для хожденія въ амбары въ ночное время, на солому и на прочія по егерской командѣ надобности — было исчислено по штату 1500 руб.

4. На расходы по изготовленію новыхъ ружей, роговъ, волторнъ и прочаго и на починку старыхъ вещей того же сорта; на покупку стали, желѣза, проволоки и мѣди къ оборонной работѣ; на покупку для изготовленія охотничихъ приборовъ мѣди, золота, серебра, буры, нашатыря, наждаку, олова, деревяннаго масла, березоваго угля; на покупку орѣховыхъ и березовыхъ деревьевъ для изготовленія ружейныхъ ложъ; на шомполы; на разныя ружейныя и ложенныя принадлежности и такіе же инструменты и т. п. — было назначено 400 р.



Письмо Царя Петра къ матери, Царицѣ Наталіи Кириловнѣ (см. конецъ Приложенія, письмо № 3).

5. На покупку различныхъ музыкальныхъ инструментовъ и на починку ихъ было положено 150 р.

6. «Оставшихся за штатомъ престарѣлыхъ и больныхъ нижнихъ служителей, такожъ ежели и впредь изъ тѣхъ нижнихъ служителей кто, за старостьми или за болѣзнями, службы Ея Императорскаго Величества нести будетъ не въ состояніи, а прожить собою нечѣмъ, таковыхъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи оставлять и давать пашпорты; служащимъ безъ всякаго порока

давать на пропитаніе по смерть ихъ пенсіонъ по разсмотрѣнію Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, на который ежегодно получать 800 рублей».

7. Егерской командѣ имѣть парадные мундиры «противъ сдѣланныхъ при отправленіи въ Фокшаны четырехъ мундировъ, то-есть кафтаны и обшлага зеленые, а камзолы и шляпы лосиннаго цвѣта, суконные жъ, съ выкладкою по борту и по швамъ въ три позумента узкихъ, съ двухъ сторонъ золотой, а по серединѣ серебряной».

8. По отношенію кречетниковъ и сокольниковъ, кои, всѣ безъ исключенія, были изъ дворянъ, штатомъ было установлено, дабы таковые, по выслугѣ семи лѣтъ, получали чинъ прапорщика. До выслуги же означеннаго срока кречетникамъ и сокольникамъ считаться въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ. Сокольниковъ- и кречетниковъ-прапорщиковъ, смотря по ихъ личнымъ способностямъ, долженствовало назначать биксенъ-шпаніерами, оберъ-ферштерами, оберъ-егерями и комиссарами.

9. Лицамъ, занимавшимъ тогда должности стремянныхъ Ея Величества и Его Высочества, имѣть чины наравнѣ съ форштмейстерами «за ихъ долговременную и безпорочную службу» и вслѣдствіе того обстоятельства, «что они также близки, какъ и биксенъ-шпаніеры съ ружьями, а они на полѣ при стремѣ».

10. Чинамъ птичьей охоты парадным мундиромъ имѣть кафтаны и обшлага зеленые, камзолы и штаны желтые суконные съ выкладкою по борту и по швамъ въ три позумента узкихъ, съ двухъ сторонъ золотые, а въ серединѣ серебряный.

11. «Охотной командѣ парадные мундиры имѣть противъ сдѣланныхъ имъ при отправленіи въ Фокшаны и мундировъ, которые хранятся при Канцеляріи, кафтаны краснаго, обшлага, камзолы и штаны желтаго цвѣта сукна, съ выкладкою по борту и по швамъ въ три позумента узкихъ, съ двухъ сторонъ золотой, а въ серединѣ серебряной».

12. «Вышеозначенные парадные мундиры дѣланы были какъ при отправленіи въ Фокшаны, такъ и при жизни блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны, мундиры, выложенные по швамъ, а по борту съ выкладкою широкимъ золотымъ позументомъ, а именно: егерямъ 8 да имъ же шляпы, перевязи, а охотникамъ картузы, сѣдла и чепраки, псовой охоты стремяннымъ 3, корытничимъ 2, да рядовымъ охотникамъ 50; птичей охоты начальному и служителямъ 30 человѣкамъ изъ особливо пожалованной суммы, и ежели когда Высочайше повелѣно будетъ дѣлать богатые мундиры, то Всемилостивѣйше повелѣно бъ было отпустить потребную на то сумму».

По разбираемому штату какъ на содержаніе личнаго персонала, такъ и на содержаніе охотничьихъ собакъ и другихъ животныхъ и на ремонтъ различныхъ построекъ Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства, то-есть на надобности, о которыхъ мы скажемъ ниже, было положено отпускать ежегодно общую сумму въ размѣрѣ 68.194 р. 55¼ коп. Сумму эту повелѣно было выдавать изъ Дворцовой Канцеляріи, «вмѣсто всѣхъ припасовъ», «раздѣляя ее на два срока».

Замѣтимъ кстати, что деньги, предназначенныя по штату къ выдачѣ чинамъ Императорской охоты, вмѣсто хлѣбнаго жалованья, выдавались на руки впередъ, прочее же содержаніе, такъ сказать, заслуживалось раньше. (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 14004; Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 57; Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 303, д. № 2; оп. 72, д. № 19; оп. 62, д. № 4).

[181]) Въ 1756 году, октября 4 дня, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выдачѣ Совѣтнику Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и Унтеръ-Егермейстеру жалованья изъ Статсъ-Конторы, примѣнительно къ положенному по Конюшенному штату 1733 года, какъ Совѣтнику и Унтеръ-Шталмейстеру. (Рук. Сборн. Им. Ук.).

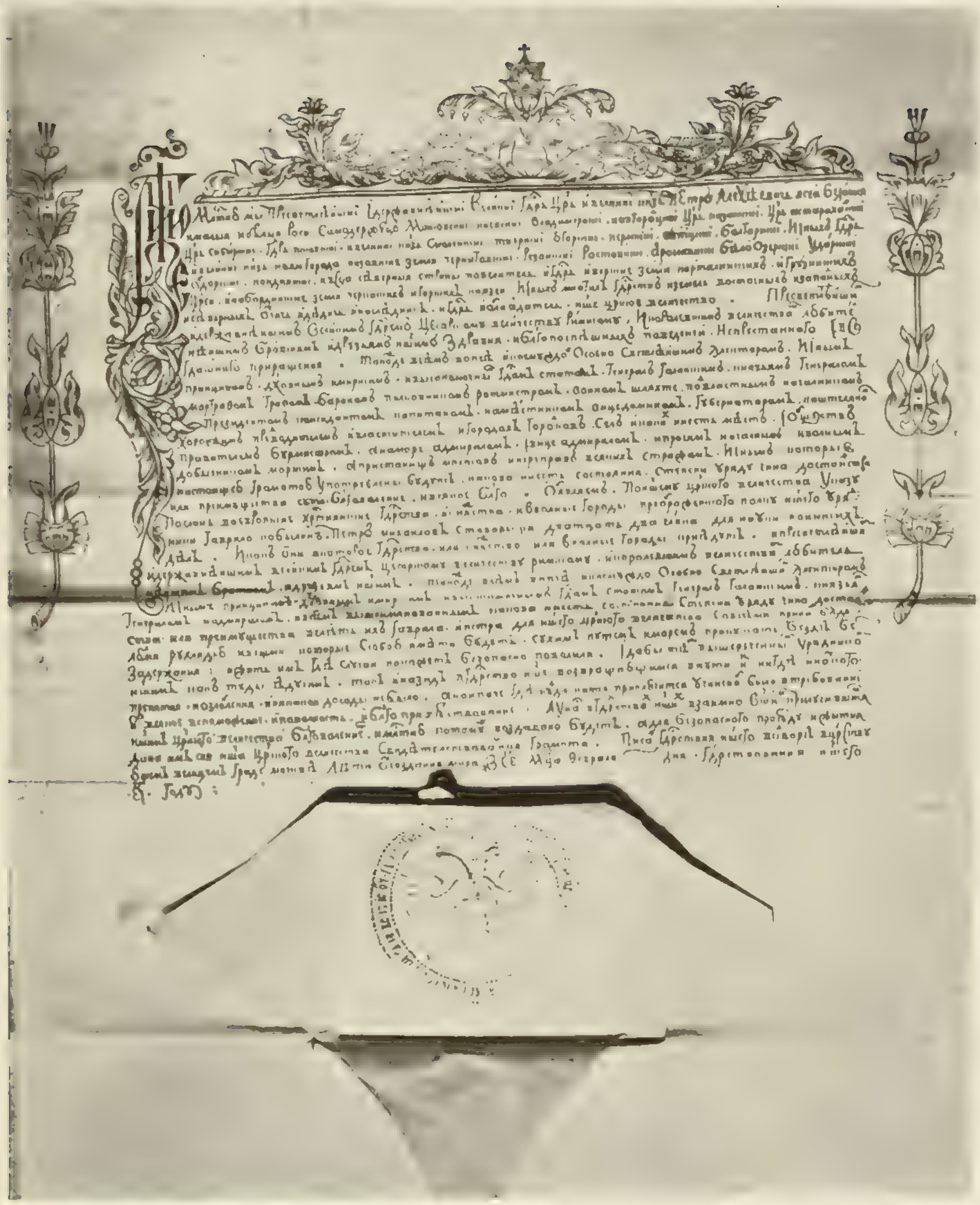
[182]) Изъ документовъ 1762 года между прочимъ усматривается, что въ этомъ году въ дѣлахъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи произошелъ большой непорядокъ: «состоявшій у прихода и расхода денежной казны регистраторъ Протопоповъ» похитилъ «не малую казенную сумму». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 64).

[183]) Въ 1752 году впервые упоминается должность «биксенъ-шпаніера», которую занималъ нѣкій Сиверсъ. (Рукоп. Сборн. Им. Ук.).

[184]) Къ 1793 году относится извѣстіе, что при Московскихъ охотахъ состоялъ вольнонаемный коновалъ, получавшій вознагражденіе весьма скромное; ему долженствовало уплатить всего 1 р. 50 к. за лѣченіе больныхъ лошадей и то только при томъ условіи, если всѣ лошади будутъ вылѣчены дѣйствительно. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 311).

[185]) Отъ 1766 года сохранились именные списки чиновъ Московскихъ охотъ. По этимъ спискамъ состояло:

I. При птичьей охотѣ: а) Статейничій, капитанъ Иванъ Рыкуновъ; б) у него помощникъ, въ рангѣ прапорщика; в) комиссаръ; г) 37 птичьихъ охотниковъ, раздѣленныхъ на статьи, а не по званіямъ кречетника, сокольника и ястребника, въ томъ числѣ 1-й статьи 13 человѣкъ, 2-й статьи 12 и 3-й статьи 12; д) колоколешникъ; е) колоколешный ученикъ; ж) клобучечникъ; з) клобучечный ученикъ; и) «опредѣленный въ ученики для чищенія ремней»; к) конюховъ 4 человѣка.



Пропускная свидѣтельствованная грамота, данная Гаврилу Кобылину и Петру Михайлову (Петръ Великій) съ товарищи 22 человѣка въ 1697 году, при отправкѣ ихъ за границу «для науки воинскихъ дѣлъ».

II. При Измайловскомъ звѣринцѣ: а) форштмейстеръ капитанъ Саватій Ларіоновъ; б) комиссаръ; в) егерь; г) писарь; д) звѣровщиковъ 8 человѣкъ.

III. При Московской псовой охотѣ: а) корытничій; б) 2 охотника; в) 4 выжлятника; г) 4 наварщика.

IV. При псовой охотѣ: Александровской слободы: а) корытничій; б) пикеръ; в) 2 доѣзжачихъ; г) 3 выжлятника; д) 3 наварщика; е) 4 престарѣлыхъ охотника; ж) 2 престарѣлыхъ выжлятника. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. № 31).

[186]) Въ 1772 году въ первый разъ упоминается въ документахъ егерская музыка. (Тамъ же, оп. 71, д. № 16).

Чтобы не возвращаться къ музыкантской командѣ Императорской охоты, скажемъ тутъ же, что, повидимому, организація хора егерей-музыкантовъ принадлежитъ иниціативѣ Оберъ-Егермейстера Нарышкина, который самъ былъ большой любитель музыки вообще, а роговой — его изобрѣтенія — въ особенности.

Выше, въ представленіи Нарышкина объ учрежденіи школы для обученія дѣтей царскихъ охотниковъ, мы уже видѣли, что Нарышкинъ стремился создать при охотѣ музыкантскіе хоры путемъ обученія охотничьихъ ребятъ игрѣ на волторнахъ и рогахъ. Неспособныхъ къ музыкѣ отстраняли отъ обученія, переводя на другія должности въ царской охотѣ. Такъ, въ маѣ 1772 года ученикъ Гаврило Павловъ «за непонятіемъ его играть на рогу, былъ опредѣленъ конюхомъ ко псовой охотѣ». (Тамъ же, оп. 71, д. № 16). Однако рогами и волторнами не ограничивались инструменты егерскаго хора. Изъ инструментовъ того времени мы знаемъ рога мѣдные и деревянные, волторны мѣдныя съ машинками, фаготы, скрыпицы, веліончели (віолончель), контеръ-басы, дудаки деревянные, флейтреверсы и кларнеты. Послѣдніе «съ двойными колѣнами и серебряными клапанами», а также флейтреверсы или флаутъ-реверсы о пяти колѣнахъ съ серебряными клапанами, да фаготы съ двойными колѣнами и съ футлярчиками, при каждомъ футлярчикѣ по 6 тростей, выписывались изъ Парижа черезъ французскаго купца Мишеля. Завѣдывалъ въ то время музыкою егерь Іоганнъ Шубертъ, а дирижеромъ въ ней былъ камеръ-музыкантъ Іоганнъ Морейша. (Тамъ же, оп. 72, дд. №№ 25 и 32).

Повидимому, егерская музыка считалась въ то время одной изъ лучшихъ и часто играла при различныхъ придворныхъ празднествахъ. Такъ, 26 апрѣля 1774 года играла она въ Эрмитажѣ при парадномъ обѣдѣ, на который были званы всѣ иностранные министры и прочіе высокіе гости (Кам.-фур. журн. 1774 года, стр. 187); 21 іюля 1775 года «роговая охотничья музыка» участвовала въ торжествѣ и увеселеніяхъ, происходившихъ въ Москвѣ на Ходынкѣ по случаю мира съ Турціею (Кам.-фур. журн. 1775 года, стр. 480); 1 сентября того же года, во время посѣщенія Императрицею Екатериною Алексѣевною Оберъ-Шенка Александра Александровича Нарышкина въ его подмосковной вотчинѣ Филяхъ, играли за обѣдомъ музыканты егерской команды на кларнетахъ, а при послѣобѣденной прогулкѣ въ рощѣ, тамъ, въ скрытыхъ мѣстахъ, слышались звуки роговой егерской музыки. (Тамъ же, стр. 560). Играла егерская музыка и 24 іюля 1777 года въ Царскомъ Селѣ во время торжества тезоименитства Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, вечеромъ, въ саду у Эрмитажа (Кам.-фур. журн. 1777 года, стр. 602), а въ сентябрѣ 1793 года та же музыка неднократно играла въ С.-Петербургѣ, въ Лѣтнемъ саду. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 145). Но чаще всего музыканты Императорской охоты услаждали слухъ Императрицы и высокихъ гостей на праздникахъ, носившихъ охотничій характеръ, устраиваемыхъ Оберъ-Шталмейстеромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ.

[187]) Одновременно съ докладомъ о новомъ яхтъ-штатѣ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ представлялъ Императрицѣ нижеслѣдующее:

«Отъ порядочно учрежденной охоты не только увеселенія, но и дѣйствительной пользы ожидать можно, и для того необходимо требуется, чтобы какъ начальствующіе, такъ и ихъ подчиненные состояли изъ такихъ людей, кои бъ совершенно были обучены охотѣ и форштмейстерскимъ дѣламъ. Въ Вашего Императорскаго Величества Имперіи обрѣтается множество обширныхъ лѣсовъ, высокой коронѣ принадлежащихъ, кои нынѣ, за неимѣніемъ искусныхъ въ форштмейстерскихъ дѣлахъ людей, крайне разоряются, а о разведеніи вновь лѣсовъ никакого попеченія не прилагается». Отъ выписываемыхъ для этой цѣли иностранцевъ, по мнѣнію Нарышкина, много пользы не получается, такъ какъ люди эти успѣваютъ состариться раньше, чѣмъ обучатся русскому языку, а состарившись, отъѣзжаютъ въ свое отечество. «Мы надѣемся въ семъ всеподданнѣйшемъ докладѣ Вашему Императорскому Величеству изъявить полезнѣйшее средство, черезъ которое впредь мѣста чины имѣющихъ въ Оберъ-Егермейстерскомъ корпусѣ заняты быть могутъ не только такими людьми, кои въ состояніи будутъ свидѣтельствовать выписываемыхъ егерскихъ и форштмейстерскихъ служителей, но какъ то и въ другихъ мѣстахъ употребительно, въ оном произведется еще ученіе охотѣ и форштмейстерскимъ дѣламъ, гдѣ они, обучившись, вмѣсто обыкновенныхъ вальдмейстеровъ, не имѣющихъ въ форштмейстерскихъ дѣлахъ ни малѣйшаго знанія, опредѣлиться могутъ форштмейстерами къ надзиранію надъ лѣсами, со вящшимъ

искусствомъ надъ прежними, какъ то донынѣ бывало». Для этой цѣли Нарышкинъ предполагалъ имѣть при Оберъ-Егермейстерскомъ вѣдомствѣ десять яхтъ-пажей, набранныхъ изъ дворянъ, не моложе 16 лѣтъ, обучать ихъ соотвѣтственнымъ наукамъ и практически, а по истеченіи четырехъ лѣтъ производить имъ экзаменъ и успѣшно выдержавшихъ испытаніе назначать на оберъ-офицерскія мѣста въ Оберъ-Егермейстерскомъ корпусѣ. Въ случаѣ неимѣнія вакантными послѣднихъ мѣстъ, прошедшихъ полный курсъ яхтъ-пажей выпускать въ армейскіе полки съ правами, присвоенными пажамъ двора Ея Императорскаго Величества и рентъ-пажамъ конюшеннаго вѣдомства. Однако въ армейскихъ полкахъ бывшіе яхтъ-пажи должны были служить только до открытія вакансій на вышеуказанныя мѣста въ Оберъ-Егермейстерскомъ вѣдомствѣ или вакансій на должности Оберъ-ферштеровъ или фортмейстеровъ въ коронныхъ лѣсахъ. На содержаніе и обученіе десяти яхтъ-пажей Оберъ-Егермейстеръ испрашивалъ ежегоднаго ассигнованія въ 2.000 рублей, на что и послѣдовало Высочайшее соизволеніе. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 58; 1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 14005).

9 апрѣля 1785 года Гофмаршалъ Григорій Никитичъ Орловъ писалъ князю П. А. Голицыну, что Императрица приказала, «дабы яхтъ-пажи ходили для обученія въ Пажескій Ея Величества корпусъ». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 119).

Въ 1786 году послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы яхтъ-пажи, по окончаніи ими полнаго курса наукъ, выпускались армейскими поручиками. (Тамъ же, № 121).

[188]) Къ 1779 году относится нижеслѣдующій указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы, данный 10 декабря Главностатейничему Рыкунову, относительно служебныхъ правъ чиновъ птичьей охоты: «По указу Ея Императорскаго Величества, сія Контора во исполненіе Его Сіятельства отъ арміи Генералъ-поручика, Егермейстера, Сенатора, Дѣйствительнаго Камергера, Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полку маіора и кавалера князь Петра Алексѣевича Голицына ордера, коимъ отъ него, на представленіе Конторы здѣшней, между прочимъ, предписано, «чтобы всѣмъ нынѣ состоящимъ при птичьей охотѣ не изъ дворянъ и по нихъ впередъ опредѣляемымъ ко оной же охотѣ не изъ дворянъ же служителямъ считаться ястребниками и быть безъ всякихъ чиновъ, потому что въ конфирмованномъ всему Оберъ-Егермейстерскому корпусу штатѣ именно указано о дворянахъ, чтобъ выслужившимъ семь лѣтъ быть въ чинахъ прапорщичьихъ, а кои служители меньше, тѣмъ быть въ чинахъ унтеръ-офицерскихъ, почему не изъ дворянъ служителямъ со оными равняться чинами невозможно». Приказали, съ прописаніемъ вышеписаннаго отъ Его Сіятельства предписанія вамъ дать симъ указомъ знать, съ тѣмъ чтобъ вы всѣхъ нынѣ находящихся въ командѣ вашей при птичьей охотѣ служителей, не имѣющихъ дворянскаго достоинства, изъ сокольничьяго названія исключили и навсегда въ спискахъ писали ихъ ястребниками; а и опредѣляющихся впредь ни подъ какимъ видомъ въ должность, противъ штатнаго узаконенія, сокольническую не вводили». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 37).

Весьма скоро послѣ утвержденія яхтъ-штата 1773 года послѣдовали различныя отъ него отступленія. «По особливымъ именнымъ Ея Императорскаго Величества указамъ» въ Оберъ-Егермейстерское вѣдомство были опредѣляемы чины сверхштатные, коимъ приказывалось производить жалованье до тѣхъ поръ, пока они будутъ въ состояніи отправлять порученныя имъ должности. Такими лицами явились присутствовавшій въ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ бригадиръ Алексѣй Булгаковъ, съ жалованьемъ въ 1271 р. 26 к., завѣдывавшій Собственною Ея Величества оружейною палатою коллежскій асессоръ Іоганнъ Бемъ, съ жалованьемъ 554 р. 40 к., лѣкарь Вейбрехтъ, хотя и занимавшій штатную должность, но получавшій жалованья вдвое противъ положеннаго, и другіе второстепенные чины, изъ числа которыхъ отмѣтимъ «пенсіонеровъ, бывшихъ при слонахъ, изъ азіатцевъ престарѣлыхъ и увѣчныхъ служителей». Не имѣя возможности содержать ихъ на штатныя суммы, Нарышкинъ просилъ, «дабы указомъ Ея Императорскаго Величества всевысочайше повелѣно было вышеписаннымъ чинамъ жалованье и прочее по прописаннымъ окладамъ производить до тѣхъ поръ, какъ они выбудутъ» изъ подлежащихъ мѣстъ, то-есть откуда они получали его раньше, до утвержденія яхтъ-штата 1773 года. (Гос. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57).

Хотя изложенное ходатайство, повидимому, и было уважено, однако въ слѣдующемъ 1774 году, февраля 7 дня послѣдовалъ именной высочайшій указъ Правительствующему Сенату, которымъ, между прочимъ, было повелѣно положенную по яхтъ-штату 1773 года сумму выдавать Оберъ-Егермейстерскому вѣдомству изъ Дворцовой Канцеляріи, «а изъ другихъ уже мѣстъ ни откуда никакихъ расчетовъ и отпусковъ не чинить». (Тамъ же).

Подобное повелѣніе, снова поставившее Оберъ-Егермейстера въ затруднительное положеніе относительно сверхштатныхъ чиновъ и сверхштатныхъ расходовъ, побудило его возобновить ходатайство по тому же предмету. Нарышкинъ просилъ о ежегодной выдачѣ въ началѣ года: 1) на содержаніе сверхштатныхъ чиновъ по 2897 р. 76 к. изъ Статсъ-Конторы и по 1193 р. 69½ к. изъ Дворцовой Канцеляріи. 2) На строеніе и починки помѣщеній по 7000 р. изъ Дворцовой

Канцеляріи. 3) На яхтъ-пажей 2000 р. изъ Статсъ-Конторы «или всю оную сумму изъ одного мѣста, откуда Ваше Императорское Величество повелѣть соизволите, а безъ отпуску оной суммы Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи пробыть не можно, безъ которой и нынѣ служители, за неполученіемъ жалованья, претерпѣваютъ крайнюю нужду». (Гос. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

Высочайшимъ указомъ 28 августа 1774 года было повелѣно Дворцовой Канцеляріи выдавать Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, сверхъ штатной суммы, на указанныя выше надобности, согласно ходатайству Нарышкина 13.091 р. 45¼ к., а всего отпускать на Императорскую охоту ежегодно 81.286 р. ½ к. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 19).

[189]) 6 мая 1771 года воспослѣдовалъ высочайшій указъ «о нештрафованіи чиновъ Егермейстерскаго вѣдомства тѣлесными наказаніями». Въ этомъ гуманномъ указѣ, относившемся до чиновъ царской охоты также, какъ и до прочихъ дворцовыхъ служителей, говорилось: «Хотя Мы съ начала Нашего царствованія уже воспретили, чтобы никто при дворѣ Нашемъ изъ ливрейныхъ Нашихъ служителей, какого бы званія ни былъ, никѣмъ и ничѣмъ битъ не былъ, но нынѣ увѣдомились Мы, къ немалому удивленію Нашему, что, «не смотря на сіе наше повелѣніе, воля Наша не исполняется, и паки при дворѣ Нашемъ возобновилась злая привычка ливрейныхъ служителей бить. Мы имѣемъ въ омерзеніи всѣ суровости, отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя; черезъ сіе накрѣпко воспрещаемъ, подъ опасеніемъ Нашего гнѣва, всѣмъ, до кого надлежитъ, ливрейныхъ Нашихъ служителей, какаго бы званія при дворѣ Нашемъ не находились, отнюдь никогда и ничѣмъ не бить. Если же кто изъ нихъ впадетъ въ большое преступленіе, какъ-то воровство и прочее, тѣхъ, снявъ ливрею, отослать къ Гражданскому Суду; пьяницъ же, нерадивыхъ или непослушныхъ стараться должно исправить. Первое — кротостью; если то не помогаетъ, второе — держаніемъ подъ арестомъ; третье наказаніе будетъ двусуточное сажаніе на хлѣбъ и воду. Потерявъ же надежду къ исправленію такого человѣка, должно, снявъ съ него ливрею при товарищахъ его и прочтя ему, за что оное чинится, и почему онъ не достоинъ ее носить, отпустить его отъ двора или отослать въ военныя команды, смотря по винѣ и состоянію его. Изъ точнаго исполненія сего Нашего указа послѣдуетъ, что, чувствуя милосердіе и человѣколюбіе Наше, каждый стараться будетъ исполнять должность свою съ наивящимъ усердіемъ и радѣніемъ. Господа же командиры съ правосуднымъ безпристрастіемъ не оставятъ, когда мѣсто опорожнится, производить и награждать по степенямъ обычнымъ при дворѣ Нашемъ тѣхъ, кои добры и безпорочнымъ поведеніемъ того достойнѣе окажутся, не смотря ни на какія постороннія ходатайствованія и происки, черезъ что порядокъ, Нами желаемый, въ домѣ Нашемъ утвердится и сохранится къ удовольствію Нашему. А дабы никто невѣдѣніемъ о семъ Нашемъ повелѣніи не отговаривался, то повелѣваемъ сіе въ помянутыхъ командахъ всѣмъ служителямъ объявить». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 61).

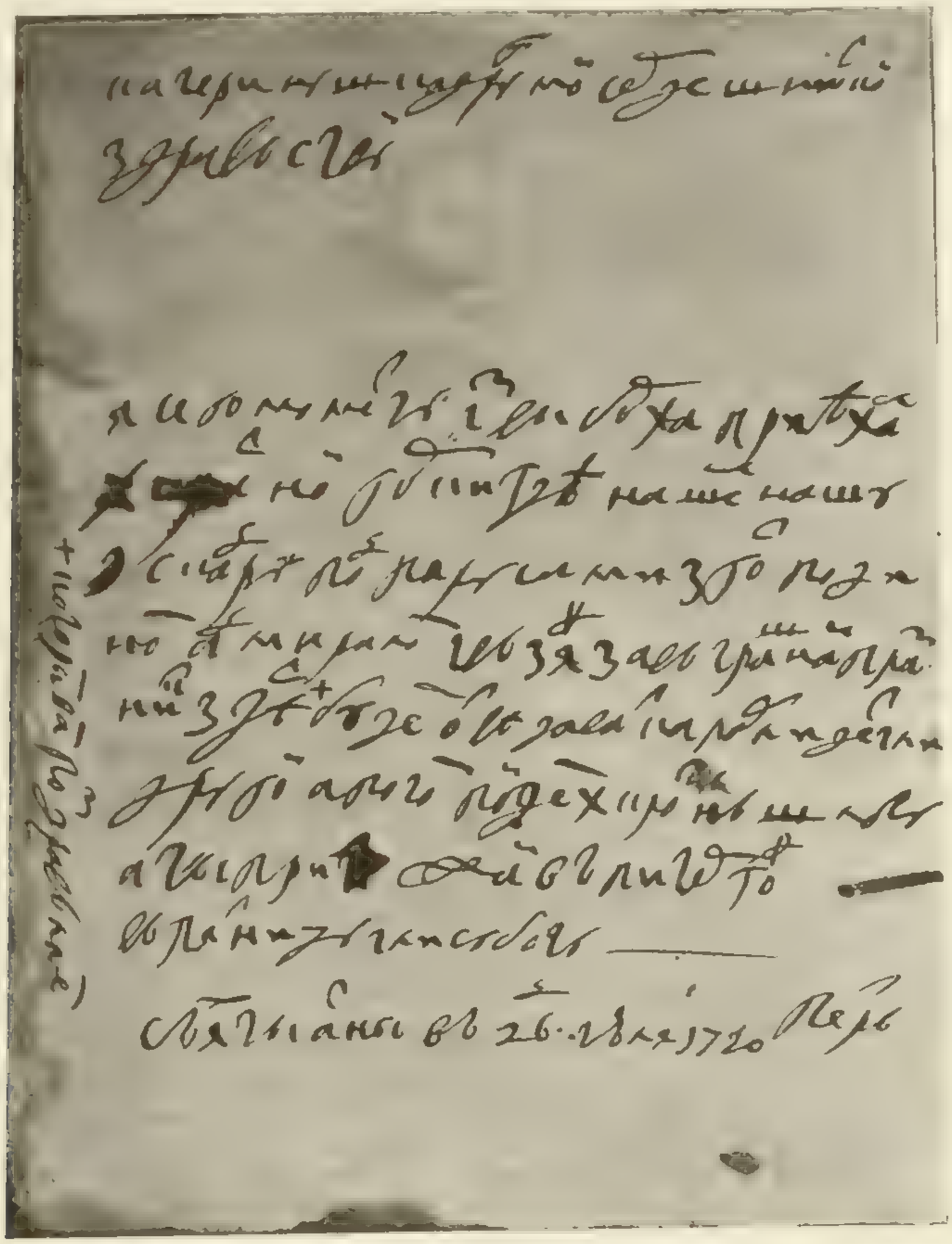
[190]) Въ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія чины Императорской охоты нерѣдко получали весьма значительныя награды. Такъ, въ 1749 году именнымъ указомъ Императрицы Елисаветы Петровны велѣно егерю Осипу Магарецкому, «который служилъ Намъ добропорядочно», выдать награду въ 300 рублей (Сборн. Им. Ук.; Рукоп. Имп. ох.), а около того же времени погорѣлымъ чинамъ охоты велѣно было выдать: оберъ-егерю 500 р., егерямъ по 300 р., егерскимъ ученикамъ по 200 р. (Госуд. Арх., ч. I, р. XIV, № 57).

19 іюля 1765 года сообщалось въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ: «Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, между прочими, непрестанно изливаемыми, щедротами, будучи весьма довольна Оберъ-Егермейстерскаго Корпуса птичьею охотою, соизволила передъ нѣсколькими днями пожаловать на оную тысячу червонныхъ». (С.-Петерб. Вѣд. 1765 года, № 57).

[191]) Во время «мирнаго торжества» 1775 года, то-есть торжества по случаю заключенія мира съ Турціею, о которомъ мы уже говорили выше, Екатерина Великая пожаловала для раздачи чинамъ Императорской птичьей охоты тысячу Голландскихъ червонцевъ, составлявшихъ тогда сумму въ 2500 рублей. Заслуживаетъ вниманія распредѣленіе этихъ денегъ, какъ по своеобразности, такъ и вслѣдствіе того, что изъ таковаго можно увидѣть наличное число чиновъ птичьей охоты въ 1775 году.

Главностатейничему Ивану Рыкунову было предписано доставить свѣдѣнія, кто изъ чиновъ «по той птичьей охотѣ должность свою рачительно исправляетъ и кто, по какимъ ни есть встрѣчающимся обстоятельствамъ, оной же должности не можетъ съ такимъ успѣхомъ и тщательнымъ поревнованіемъ, какъ первые, отправлять, дабы Канцелярія изъ того могла познать каждаго исправность по его должности, и, основываясь на ономъ, и всевысочайше пожалованную вышеупомянутую сумму раздать въ награжденіе, смотря по трудамъ и заслугамъ каждаго». Далѣе, разсмотрѣвъ представленіе по этому поводу Рыкунова, Канцелярія предназначила выдать: Главностатейничему 88 червонцевъ; статейничему Моисею Рыкунову 80 червонцевъ; статейщику Якову Ларіонову 72 червонца; кречетникамъ-прапорщикамъ, «радивымъ къ ихъ должности», 14 человѣкамъ, каждому по 28 червонцевъ; кречетникамъ-прапорщикамъ, «нерадивымъ», двумъ человѣкамъ, каждому по 18 червонцевъ, по 2 рубли, по 33 копейки; сокольникамъ унтеръ-офицерскаго

чина, «исправнымъ и рачительнымъ къ должности», 9 человѣкамъ, каждому по 16 червонцевъ, по 1 рублю; сокольникамъ того же чина, «нерадивымъ», четыремъ человѣкамъ, каждому по 11 червонцевъ, по 16½ копейки; одному клобучечнику 6 червонцевъ 1 рубль; четыремъ конюхамъ, каждому по 3 червонца, по 72 копейки; музыкантамъ, «радивымъ», 11 человѣкамъ, каждому по 5 червонцевъ; музыкантамъ, «нерадивымъ», и малолѣтнимъ по 2 червонца, по 1 рублю, по 66½ копейки. Кромѣ того, главностатейничему было предписано, что «какъ онъ о всѣхъ вышепрописанныхъ служителяхъ, кто какого состоянія, по должности своей долженъ быть свѣ-



Письмо Царя Петра къ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ (см. конецъ Приложенія, письмо № 4).

дущъ, то и объявленныя, слѣдуемыя по вышеписанному распредѣленію въ награжденіе деньги, ему, главностатейничему, тѣмъ, кои добраго состоянія, отдать всѣ нынѣ по рукамъ съ расписками, а невоздержаннымъ, въ разсужденіи продолжающагося нынѣ мирнаго торжества, дабы оные, по слабости ихъ, не употребили тщетно, оныхъ не отдавать до окончанія сего мирнаго торжества, развѣ кому для самыхъ необходимыхъ нуждъ, но и то не все, а по усмотрѣнію надобности дать изъ означеннаго числа по нѣкоторой части, а по окончаніи торжества раздать и онымъ, всякому по рукамъ, должное число; все сполна съ расписками же, и тѣ собранныя расписки представить въ Канцелярію при рапортѣ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 30).

[192]) Въ 1769 году Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ подалъ челобитную биксенъ-шпаніеръ Сиверсъ. Въ челобитной этой онъ указывалъ, что служилъ въ Россіи съ 1742 года, а на послѣдней должности съ 1752 года, и что въ настоящее время, за старостью, онъ не имѣетъ уже силъ продолжать службы, почему и ходатайствуетъ объ увольненіи его въ отставку «рангомъ, какимъ Ваше Императорское Величество пожаловать соизволите», съ выдачею ему нѣкоторой пенсіи на пропитаніе съ женою и пятью дѣтьми. Императрица приказала затребовать по челобитной заключенія Оберъ-Егермейстера, который отозвался, что Сиверсъ усмотрѣнъ имъ «въ должности своей противъ прошлыхъ лѣтъ неисправнымъ», почему и самъ Нарышкинъ ходатайствуетъ объ отставкѣ Сиверса. Разбиравшій это дѣло секретарь Императрицы Козьминъ, между прочимъ, увѣдомился, что Сиверсъ не получалъ никакого содержанія, начиная съ 1767 года. Козьминъ запросилъ объясненій по этому поводу у Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, которая отвѣтила, что Сиверсу не выдавалось жалованья за послѣдніе два года на основаніи того обстоятельства, что въ 1767 году онъ былъ отстраненъ, за полную неисправность, отъ должности, по приказанію «Главнаго командира Оберъ-Егермейстерскаго Корпуса». Въ концѣ концовъ челобитная Сиверса, послужившая мотивомъ весьма объемистой переписки, увѣнчалась приказаніемъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи дать Сиверсу абшидъ. (Рукоп. Имп. ох.).

[193]) Въ мартѣ 1769 года въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію поступило весьма характерное прошеніе дворянъ-чиновъ Московской птичьей охоты, которое и приводимъ дословно.

«Находимся мы, именованные, въ службѣ Ея Императорскаго Величества Оберъ-Егермейстерскаго корпуса при птичьей охотѣ, которую и продолжаемъ долговременно, со всякимъ раченіемъ, безъ всякаго куражу и награжденія и ни въ какія другія военныя и гражданскія службы не выпускаемся; а какъ нынѣ Россійское дворянство находится въ прочихъ Ея Императорскаго Величества службахъ со всякимъ куражемъ, и получаютъ себѣ достойные чины, такожъ и находящіеся при Оберъ-Егермейстерскомъ корпусѣ егерской команды егари жительство имѣютъ въ казенныхъ покояхъ и жалованья получаютъ противъ насъ со излишествомъ, а мы, именованные, при командѣ своей казенныхъ покоевъ не имѣемъ, а имѣемъ собственные свои дома, и изъ малополучаемаго нами жалованья содержать какъ домы, такъ и себя уже не въ состояніи и отъ того приходимъ въ крайнее убожество, да по долговременной нашей службѣ отставляемся мы вѣчно на свое пропитаніе, безъ всякаго награжденія и пропитанія, а въ прочія службы по отставкѣ изъ оной, за слабостію нашею такожъ и отъ убіенія отъ верховой ѣзды лошадьми итти не можемъ, — того ради Оберъ-Егермейстерскую Контору (которая переслала это прошеніе въ С.-Петербургъ, въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію) всепокорнѣйше просимъ, дабы соблаговолено было о вышеописанныхъ нашихъ изнеможенныхъ, куда надлежитъ, милостиво представить, дабы мы противъ прочаго Россійскаго дворянства не могли какъ отъ малополучаемаго нами жалованья лишиться домовъ своихъ и отъ того претерпѣвать во всемъ крайнія нужды, также и при отставкахъ нашихъ отъ службы на свое пропитаніе награждаемы бъ были, за долговременную и ревностную нашу службу, пенсіономъ или заблаговременно изъ оной выпускать насъ по дворянству, съ награжденіемъ чиновъ, въ прочія военныя или гражданскія службы, и о семъ нашемъ прошеніи учинить милостивое разсмотрѣніе». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. № 49).

Означенная челобитная принята была, вѣроятно, во вниманіе при проектированіи новаго яхтъ-штата 1773 года, о которомъ мы скажемъ ниже. Однако въ томъ же 1770 году нѣкоторымъ изъ уволенныхъ за старостью со службы по Императорской охотѣ чинамъ приказывалось именными Ея Императорскаго Величества указами «давать пропитаніе въ дворцовыхъ волостяхъ». (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

[194]) Къ 17 ноября 1793 года относится интересный указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы, данный статейничему Дмитрію Рыкунову, показывающій заботливость Егермейстерскаго Начальства о судьбѣ семействъ служащихъ въ вѣдомствѣ. Въ указѣ этомъ, между прочимъ, читаемъ: «Поданнымъ въ Контору бывшаго птичьей охоты кречетника Ивана Микулина жена его, вдова Пелагея Федорова, доношеніемъ прописывала: какъ де небезъизвѣстно оной Конторѣ, что означенный мужъ ѣе, въ минувшемъ октябрѣ мѣсяцѣ, волею Божьею умре, послѣ котораго осталась она съ малолѣтними двумя сыновьями и одною дочерью, и жительство имѣли со означеннымъ мужемъ ѣе въ Сокольничей слободѣ на казенной землѣ въ собственномъ ихъ домѣ, который домъ и пришелъ въ совершенную ветхость, и намѣреніе имѣетъ, для поправленія своего состоянія и прокормленія означенныхъ своихъ дѣтей продать желающимъ людямъ, но безъ позволенія оной Конторы того сама сдѣлать не можетъ и проситъ, дабы соблаговолено было вышеписанный собственный ихъ домъ желающимъ людямъ продать позволить. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказали: съ прописаніемъ вышеписаннаго къ вамъ послать сей указъ, коимъ и велѣть вышеписанной умершаго кречетника Ивана Микулина домъ женѣ его, вдовѣ Пелагеѣ Федоровой, при родственникахъ умершаго Микулина, за настоящую цѣну, въ пользу малолѣтнихъ дѣтей ихъ, продать дозволить и взятыя за оный деньги удержать вамъ у себя впредь до резолюціи и раздѣленія между дѣтей его, Микулина, съ пасынкомъ означенной

вдовы по указнымъ частямъ и при томъ отобрать вамъ обстоятельное извѣстіе, въ чьихъ рукахъ оный пасынокъ до возрасту своего или до опредѣленія на службу состоять будетъ, и Контору рапортовать». (Тамъ же, стр. 381).

Въ 1779 году Егермейстеръ Петръ Алексѣевичъ Голицынъ сообщилъ письменно Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи: «Ея Императорское Величество, бывъ въ Эрмитажѣ, и зачать соизволила со мною рѣчь о стремянномъ Андреѣ Тонѣ, равномѣрно комисарахъ, а сверхъ того проговаривать соизволила, чтобъ я старался по корпусу завести людей добрыхъ и не корыстолюбивыхъ; неспособныхъ же старался по другимъ мѣстамъ уволить. На сіе въ отвѣтъ отъ меня Ея Величеству представлено было, что такъ какъ по штату содержаніе положено служителямъ во многомъ недостаточно, въ разсужденіе чего и желающихъ пріохотить въ корпусъ не безъ труда возможно будетъ, да и находящихся въ корпусѣ служителей число тожъ имѣется достойныхъ, но службою себя содержать (не?) могутъ, а паче семьянистые, въ разсужденіе чего мною Ея Императорскому Величеству и представлено было, не благоугодно ль будетъ, чтобъ по разсмотрѣнію моему, какъ состоящимъ разнаго званія служителямъ въ корпусѣ, равномѣрно и тѣмъ, которые опредѣляться будутъ, дѣлать прибавокъ какъ въ денежномъ жалованіи, такъ и въ прочихъ окладахъ изъ остающихъ разныхъ суммъ по корпусу; и въ отвѣтъ мнѣ на сіе отъ Ея Величества сказано было сими словами, что отдаетъ на мою волю и благоразсмотрѣніе, но однако жъ съ тѣмъ приказаніемъ, чтобы на тотъ прибавокъ никогда бы не отважился особенной ни подъ какимъ видомъ суммы требовать». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 75).

Кстати замѣтимъ, что при Оберъ-Егермейстерѣ князѣ Голицынѣ на остатки отъ штатныхъ суммъ относились не только расходы, сопряженные съ увеличеніемъ нѣкоторымъ чинамъ Императорской охоты содержанія, но и расходы на выдачу пенсій увольняемымъ со службы и другіе болѣе крупные расходы, въ родѣ расходовъ на устройство въ Петербургѣ каменныхъ построекъ для всего Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства, о которыхъ скажемъ ниже. (Госуд. Арх., ч. II, № 57 и Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 91 и др.).

15 февраля 1783 года князь Григорій Григорьевичъ Орловъ препроводилъ князю Голицыну, по указу Императрицы, записку, коей предписывалось объявить всѣмъ чинамъ Императорской охоты, чтобы на будущее время они, подъ опасеніемъ наказанія по закону, отнюдь не осмѣливались продавать кому бы то ни было положеннаго имъ отъ дворца вина. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 92).

19 іюня того же года Генералъ-Фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну, что Императрица приказала уволить со службы въ царской охотѣ Оберъ-Егеря Функа, съ полнымъ окладомъ присвоеннаго ему по должности жалованья, и опредѣлить къ собственнымъ Ея Величества дѣламъ для надзору за Ея Величества ружьями и комнатными собаками, «выдавая на нихъ положенныя деньги, а въ протчемъ никому къ нему никакова дѣла не имѣть». (Тамъ же, № 96).

22 марта 1784 года «съ дежурства» (кажется, отъ графа Мусина Пушкина) былъ переданъ князю Петру Алексѣевичу Голицыну указъ Ея Величества представить Императрицѣ для неизвѣстной намъ надобности, «не откладывая», вѣдомость о находящихся въ С.-Петербургѣ подъ вѣдѣніемъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи зданіяхъ, чинахъ Императорской охоты, ихъ женахъ, дѣтяхъ, крѣпостныхъ и наемныхъ служителяхъ, лабазахъ, лавочкахъ и домахъ, а также живущихъ въ послѣднихъ постороннихъ людяхъ. (Тамъ же, № 108). Таковую же вѣдомость велѣно было представить въ Управу благочинія. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 110).

[195]) 11 ноября 1765 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ представилъ Императрицѣ слѣдующій весьма интересный докладъ:

«По именнымъ указамъ опредѣленный на слоновую команду отпускъ суммы нынѣ пресѣкся за выбылою послѣднею слонихою, которая пала прошедшаго сентября мѣсяца изъ приведенныхъ въ 1741 году въ Россію отъ Персидскаго шаха 13 слоновъ, а потому въ слоновщикахъ нужды нѣтъ, коихъ изъ азіатской націи за выбылыми нынѣ находится четырнадцать человѣкъ съ однимъ главнымъ слоновщикомъ; но ежели они совсѣмъ лишатся получаемаго нынѣ ими Вашего Императорскаго Величества жалованья, яко-то изъ нихъ нѣкоторые по большей части люди престарѣлые, а иные по увѣченіи отъ слоновъ болѣзненны, да еще и по бѣдности своей, не могутъ имѣть никакаго себѣ пропитанія и толь паче ниже возвратиться въ свое отечество за воспринятіемъ ими здѣсь православной вѣры. Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляю, не соизволите ль повелѣть именнымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, оныхъ слоновщиковъ, во уваженіе вышеописанныхъ обстоятельствъ, наградить всевысочайше въ пенсіонъ половиннымъ противъ окладовъ ихъ жалованьемъ или сколько Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволите. Что же касается до остающейся въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи отъ выбылыхъ слоновщиковъ суммы, то на оную опредѣлена школа для дѣтей, какъ выбылыхъ, такъ и наличныхъ слоновщиковъ, звѣровщиковъ и охотниковъ, всего осмьнадцать человѣкъ, для ученія фершерству, егерству и на рогахъ и волторнахъ игранію, почему они и на мѣста устарѣлыхъ охотниковъ и егарей употреблены быть могутъ. Еще жъ на оной

выбылой суммѣ содержится одинъ слоновщикъ изъ русскихъ, опредѣленный по его искусству для хожденія за оставшими на слоновомъ дворѣ звѣрями и при немъ пять человѣкъ звѣровщиковъ, коимъ всѣмъ производится денежное жалованье и на мундиръ отъ Статсъ-Конторы, а хлѣбное и дрова отъ Дворцовой Канцеляріи. Всемилостивѣйшая Государыня, всеподданнѣйше прошу, чтобъ какъ вышеписаннымъ пятнадцати человѣкамъ престарѣлымъ, такъ и двадцати четыремъ (т.-е. 18 человѣкамъ дѣтей, обучающимся въ школѣ, и 6 звѣровщикамъ), находящимся при своихъ должностяхъ, всевысочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было отпускать деньги и хлѣбъ изъ прежнихъ суммъ Штатсъ-Конторы и Дворцовой Канцеляріи, положеннымъ на слоновую команду, по обыкновеннымъ о нихъ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи сообщеніямъ».

На докладѣ этомъ Екатерина Великая начертала: «Симъ престарѣлымъ какъ денежное жалованье, такъ и хлѣбное, и дрова, и мундиры производить по смерть по прежнимъ окладамъ сполна». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 23).

Подобная резолюція не удовлетворила Оберъ-Егермейстера Нарышкина: въ ней ни слова не говорилось касательно его любимаго дѣтища — школы для дѣтей охотниковъ, созданной по его личной иниціативѣ. При письмѣ отъ 8 декабря того же года онъ возвратилъ свой докладъ, кажется, секретарю Императрицы, прося вновь поднести таковой Государынѣ и прибавляя къ этому: «Я старался не о новомъ чемъ, но о томъ же, что было отпускаемо въ бытность слоновъ, то-есть что прежде исходило на команду слоновую, то оное жъ и нынѣ имѣемъ въ роздачу употребляться». (Гос. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57).

Тщетно, вѣроятно, ожидая отвѣта на свое письмо до 16 января слѣдующаго 1766 года, Нарышкинъ въ это число снова обратился къ тому же лицу, указывая, что отсутствіе резолюціи касательно организованной имъ школы лишаетъ Оберъ-Егермейстерское вѣдомство возможности содержать школьниковъ. «А сему учрежденію необходимо быть при Оберъ-Егермейстерскомъ корпусѣ, дабы тѣмъ малолѣтнимъ способнѣе было заступить мѣста отцовъ своихъ, да и также чтобъ оные не разбрелись по другимъ командамъ за тѣмъ, что отцамъ, по неимуществу, содержать оныхъ до возрасту на иждевеніи своемъ невозможно, а за такимъ отбытіемъ оныхъ нечимъ комплектовать будетъ, ибо именнымъ указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно наполнять выбывшіе мѣста дѣтьми Оберъ-Егермейстерскаго корпуса служителей». Къ этому Нарышкинъ прибавлялъ, что на училище требуется въ годъ по 734 рубля 94 коп., кромѣ хлѣба и дровъ, да на оставшихся при слоновомъ дворѣ, согласно резолюціи Императрицы, 1139 р. 50 к., также кромѣ хлѣбнаго жалованья, и что за отпускомъ этихъ суммъ въ Статсъ-Конторѣ все-таки останется еще 557 р. 6 к. отъ суммы, предназначавшейся раньше на содержаніе слоновщиковъ. (Тамъ же).

Результатъ этого ходатайства намъ неизвѣстенъ.

[196]) Отъ 1773 года сохранилось извѣстіе объ участіи нѣкоторыхъ чиновъ царской охоты при торжественныхъ процессіяхъ. Такъ, при торжествѣ бракосочетанія наслѣдника престола Павла Петровича съ Великою Княжною Наталіею Алексѣевной (принцесса Гессенъ-Дармштадтская), при парадномъ шествіи въ Казанскій соборъ, у каретъ Оберъ-Егермейстера Нарышкина и Егермейстера Польмана шли не только по одному придворному лакею, какъ у каретъ всѣхъ остальныхъ высшихъ придворныхъ особъ, но еще и егеря, у кареты Оберъ-Егермейстера двое и у кареты Егермейстера одинъ. (Описаніе торжества. С.-Петерб., 1773 г.).

14 октября того же года графъ А. А. Безбородко писалъ Оберъ-Егермейстеру, что Императрица приказала безотлагательно прислать въ Адмиралтейскую Коллегію трехъ егерей «для употребленія ихъ въ нѣкоторую секретную экспедицію», при чемъ надлежало выдавать имъ въ теченіе этого времени все слѣдуемое содержаніе изъ Императорскаго Кабинета. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 119).

[197]) Въ запискахъ секретаря Екатерины Великой Храповицкаго подъ іюлемъ мѣсяцемъ 1788 года между прочимъ отмѣчено: «Хотятъ взять людей изъ Егермейстерскаго корпуса въ Лейбъ-гусары и, составя довольное число, послать противъ Шведа». (Зап., стр. 75).

Объ участіи чиновъ Императорской охоты въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ знаемъ слѣдующее:

22 марта 1789 года Турчаниновъ по высочайшему повелѣнію писалъ Оберъ-Егермейстеру Голицыну, чтобы егерей, отправляющихся на флотилію въ Ладожское озеро, снабдить ружьями, взявъ таковые изъ рустъ-камеры, а порохъ и свинецъ для пуль и картечи вытребовать изъ артиллерійскаго вѣдомства; чтобы съ командою былъ отправленъ офицеръ, бывалый въ походахъ и заслуженный, а если таковаго въ Оберъ-Егермейстерскомъ вѣдомствѣ не имѣется, то князю Голицыну надлежало для этого обратиться къ помощи Генералъ-Адъютанта Якова Александровича Брюса. Этому офицеру предполагалось подчинить не только егерей, но и всю флотилію экспедиціи. (Рукоп. Сборн. Имп. Ук., № 135). Для занятія таковой должности княземъ Голицынымъ былъ пріисканъ отставной секундъ-маіоръ Толмачевъ, «человѣкъ весьма достойный,

УКАЗЪ:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ВО ВСЕНАРОДНОЕ ИЗВѢСТІЕ.

ВСепресвѣтлѣйшій державнѣйшій, ПЕТРЪ Велікій, Імператоръ и Самодержецъ Всероссійскій, слушавъ о Титулахъ своихъ, Правительствующаго Сената доношенія, указалъ; въ Грамотахъ въ Иностранные, и внутрь Государствъ, такожде въ указѣхъ, въ челобитныхъ, въ отпискахъ, въ пріговорѣхъ, въ Паспортахъ, Титулъ Его Величества писать, и Колегіямъ вывѣску лапидно списывать Промеморіями, по нижеписанному изображенію.

1.

ВЪ ГРАМОТАХЪ ВЪ ІНОСТРАННЫЕ ГОСУДАРСТВА.

Божіею поспѣшествующею Милостію, Мы ПЕТРЪ Первый, Імператоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Московскій, Кіевскій, Владимерскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Государь Псковскій, и Великій Князь Смоленскій, Князь Эстлянскій, Лифлянскій, Корѣльскій, Тферскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгорскій, и иныхъ Государь, и Великій Князь Нова города Низовскіе земли, Черніговскій, Рязанскій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлоозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, и Всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Іверскія земли, Картальнскихъ, и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскіе земли, Черкасскихъ, и Горскихъ Князей, и иныхъ наслѣдный Государь, и обладатель.

2.

ВЪ ГРАМОТАХЪ ЖЕ, ВНУТРЬ ГОСУДАРСТВА.

Божіею милостію, Мы ПЕТРЪ Первый, Імператоръ и Самодержецъ Всероссійскій

3.

Въ указѣхъ изъ Сената въ Колегіи и губерніи, и изъ Колегіи въ губерніи.

Указъ Его Величества Імператора, и Самодержца Всероссійскаго, изъ Сената, [или изъ Колегіи].

4.

ВЪ ЧЕЛОБІТНЫХЪ, И ВЪ ОТПІСКАХЪ.

Всепресвѣтлѣйшій державнѣйшій Імператоръ, и Самодержецъ Всероссійскій, ПЕТРЪ Велікій, Отецъ Отечества, Гдрь Всемилостивѣйшій.

ВЪ СРЕДІНѢ ПЕРЕДЪ ПРОШЕНІЕМЪ.

Всемилостивѣйшій Гдрь, прошу Вашего Імператорского Величества.

В О КОНЧАНІИ.

Вашего Імператорского Величества, нижайшій рабъ, Імярекъ.

5.

ВЪ ПРІГОВОРѢХЪ.

По указу Его Імператорского Величества.

6.

ВЪ ПАШПОРТАХЪ.

По указу Его Величества ПЕТРА Великого, Імператора и Самодержца Всероссійскаго.

И пропхая, И пропхая, И пропхая.

7.

Изъ Колегіи въ Колегіи, въ памятяхъ писать.

ПРОМЕМОРІЯ.

Изъ Колегіи такой, въ Колегію такую, по тому дѣлу;

А во сколькихъ я такая та Колегія да благоволитъ учинить, то и то-

Печатано въ Санктпитербурхѣ въ Канцелярии Сената 1721. Января 11 дня. А въ Москвѣ напечатано Января 25 го.

Указъ Императора Петра I о присвоенномъ Ему титулѣ Его Императорскаго Величества Императора Всероссійскаго.

который находился при егерской командѣ въ походѣ въ Турецкой арміи и былъ въ сраженіяхъ подъ Журжею и другихъ мѣстахъ». (Тамъ же, № 136). Толмачевъ былъ опредѣленъ на службу съ жалованьемъ 300 р. въ годъ. (Тамъ же, № 137). Въ экспедицію было назначено 30 человѣкъ исправныхъ егерей, «знающихъ въ стрѣльбѣ», и имъ было выдано впередъ третное жалованье да сдѣлано на 1000 рублей одежды и амуниціи: епанчи, камзолы, нижняя одежда, картузы, патронташи, кортики «и прочая мелочь». Каждому егерю было выдано по ружью и по пистолету. (Тамъ же, № 138).

9 мая 1790 года Турчаниновъ снова писалъ Оберъ-Егермейстеру Князю Голицыну, что Императрица сказала: «Нельзя ли въ настоящемъ весьма важномъ случаѣ мѣсяца на два, по крайней мѣрѣ, на три» назначить изъ числа чиновъ Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства опредѣленное количество людей всякаго званія, чѣмъ больше, тѣмъ лучше, лишь бы не престарѣлыхъ, на гребной флотъ, предназначавшійся для дѣйствія противъ Шведа. (Тамъ же, № 140). Князь Голицынъ, повидимому, не замедлилъ выполнить волю Императрицы, такъ какъ на другой же день, 10 мая, Турчаниновъ снова писалъ ему, что «Ея Императорское Величество, принявъ съ матернимъ благоволѣніемъ подвигъ вашего сіятельства въ доставленіи людей въ столь нужное время», приказала на другой же день отправить ихъ въ Выборгъ, подъ командою маіора Толмачева. Къ этому Турчаниновъ присовокупилъ, что количество отряженныхъ Оберъ-Егермейстеромъ людей «почитается сверхъ прошлогоднихъ егерей, которыхъ тоже слѣдуетъ отправить въ Выборгъ». (Тамъ же, № 141).

[198]) 18 іюня 1790 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала главностатейничему Ларіонову: «Ордеромъ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, сего іюня отъ 10 числа, Конторѣ сей дано знать, что Канцеляріи желаніе ястребника Алексѣя Дмитріева къ продолженію (не въ смыслѣ «продолженія», какъ понимаемъ мы это выраженіе теперь, а въ смыслѣ «перемѣны» рода службы) воинской службы похваляетъ, и ежели продолжится война со Швеціей, то въ будущемъ 1791 году не оставитъ удовлетворить его просьбу, отправленіемъ съ прочими Оберъ-Егермейстерскаго Корпуса служителями противъ Шведовъ, для произведенія военныхъ дѣйствій, ибо ежегодно къ тому отъ той Канцеляріи служители отправляемы бываютъ, въ коихъ настоитъ нужда, гдѣ онъ свое желаніе и выполнить можетъ, а въ разсужденіе сей надобности увольнять его изъ вѣдомства сего Корпуса Канцелярія не намѣрена....». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 144).

[199]) Въ томъ же 1793 году служителямъ Придворной птичьей охоты выдавались казенныя перчатки «изъ лучшей лосиной кожи», заготовка которыхъ обходилась по 35 коп. за штуку. (Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, д. № 1658, стр. 344).

Въ это время «егери и пикеры имѣли особенный, присвоенный имъ мундиръ изъ зеленаго сукна, сверхъ котораго надѣвался суконный такого же цвѣта кафтанъ. Мундиры были парадные и ординарные; къ нимъ принадлежали приборы: мѣдные гербы, перевязи, портупеи, кортики и ружья». (Бытъ Росс. Госуд. 1740 — 1741 гг., ч. I, стр. 313).

Въ ноябрѣ 1741 года нѣсколько изъ придворныхъ охотниковъ, отправившись на лодкѣ вверхъ по Невѣ для стрѣльбы дичи про обиходъ двора, были занесены теченіемъ въ пороги рѣки, гдѣ нѣкоторые и потонули. (Тамъ же, стр. 302). Послѣ этого случая, во избѣжаніе потери вещей, Трескау отдалъ приказаніе содержать у Егермейстерскихъ Дѣлъ всѣ цѣнные приборы обмундированія, отобравъ ихъ отъ охотниковъ и оставивъ имъ лишь перевязи, портупеи и кортики. (Тамъ же, стр. 313).

Отъ того же времени имѣемъ свѣдѣнія, хотя и скудныя, объ обмундированіи охотниковъ Цесаревны Елисаветы Петровны. Имъ полагались шубы и кафтаны, при чемъ на каждый кафтанъ шло по 10 аршинъ сермяжнаго сукна, доставлявшагося изъ Кексгольмскихъ вотчинъ Великой Княжны, да прикладъ къ нему, то-есть крашенина, снурокъ, крючки и нитки, стоилъ 25 коп. (Царскосельск. Арх., д. № 9816, 1741 г.).

Въ 1745 году чинамъ птичьей охоты полагались мундиры: а) статейничему зеленый, цѣною въ 25 р., на одинъ годъ и сѣрый, сермяжнаго сукна, на годъ же; б) прочимъ чинамъ по зеленому, цѣною въ 15 р. 50 к., на два года и по сермяжному, цѣною въ 3 р. 50 к., на годъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, дд. №№ 13 и 14).

Въ августѣ 1746 года служителямъ птичьей охоты было сдѣлано 20 епанчей съ мѣдными пуговицами. На епанчи пошло 90 аршинъ англійскаго зеленаго сукна, на ихъ отдѣлку 40 золотниковъ нѣмецкаго галуна, 45 аршинъ зеленой байки, 120 аршинъ крашенины зеленой, 20 аршинъ клеенки и 10 пятинокъ зеленыхъ нитокъ. Матеріалы эти обошлись въ 80 р. 80 к. (Рукоп. Имп. ох., оп. 64, д. № 13).

Въ то же время сѣдла, вальтрапы и другія принадлежности конскаго убора заготовлялись для потребностей Императорской охоты Конюшеннымъ вѣдомствомъ. (Рук. Имп. ох.).

Въ документахъ 1751 года имѣются свѣдѣнія объ изготовленіи для стремянныхъ охотниковъ полевого платья — кафтановъ алаго и камзоловъ зеленаго сукна на подкладкѣ изъ зеленаго

атласа, «а къ нимъ богатыя золотыя кисти охотничьи, а именно: долгихъ три пары, на бока девять паръ шнурками золотыми». На кафтанахъ велѣно было положить позументъ, спереди по петлямъ и по подолу, а на камзолы «выкладку положить богатую, кисти и снуры». (Гос. Арх., разр. XIV, № 133, 1751 г.).

Платье это, повидимому, заготовлялось къ блестящей осенней охотѣ этого года, происходившей подъ Краснымъ Селомъ въ присутствіи всѣхъ представителей иностранныхъ державъ, о которой мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Отъ 1762 года сохранились нѣкоторыя данныя касательно обмундированія чиновъ Царской охоты. Наварщикамъ полагались сѣрые сермяжные кафтаны, на что имъ отпускалось по 3 р. 50 к. мѣдью въ годъ (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 17); пикеры носили зимою волчьи шубы, крытыя зеленою матеріею, да шапки теплыя съ опушками сурковыми и верхами красными (тамъ же, оп. 66, д. № 36); трюфельному егерю изъ Италіанцевъ полагалось на зиму: волчья шуба съ зеленою камлотовою покрышкою, цѣною 14 р.; сапоги, цѣною въ 1 р. 20 к.; шапка зеленая теплая въ 1 р. 20 к.; рукавицы замшевыя, теплыя въ 50 к.; чулки валяные въ 50 к. (Тамъ же, оп. 66, д. № 25).

Въ 1766 году выжлятники Московской псовой охоты одѣвались въ нарядные зеленые мундиры съ позументами и въ «дожжевые» зеленые сюртуки, а наварщики той же охоты также въ нарядные зеленые мундиры съ позументами и въ сермяжные кафтаны. У охотниковъ также былъ нарядный зеленый мундиръ съ позументами. (Тамъ же, оп. 70, д. № 37).

25 апрѣля 1773 года послѣдовало высочайшее повелѣніе «Оберъ-Егермейстерскаго корпуса главнокомандующимъ носить мундиры цвѣтомъ зеленые съ шитьемъ, всякому по своему чину, противъ военнаго штата». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 62).

12 іюня того же года Екатерина Великая отдала приказаніе купить для неизвѣстной намъ цѣли каждому служителю птичьей и псовой охотъ по двѣ лошади «въ самой крайней скорости», на каковую надобность, а равно на починку сѣделъ и приборовъ, повелѣла отпустить изъ Кабинета сумму въ 9700 рублей. (Тамъ же, № 56).

[200]) Въ 1772 году часть Императорской птичьей охоты была отправлена въ Яссы къ графу Григорію Григорьевичу Орлову. Служителямъ этой охоты было изготовлено богатое платье, а именно: «ливрея съ золотымъ позументомъ и кистьми, а именно кафтаны алые, камзолы и штаны палевые суконные, картузы зеленые бархатные, рубашки съ манжетами и галстуки черные волосяные и одного жъ калибру, а розни бъ никакой не было». На платье это пошло слѣдующее количество матеріаловъ:

1) На шитье девяти комплектовъ мундирной одежды: сукна алаго на кафтаны 27 аршинъ, стоимостью 148 р. 50 к.; на камзолы и штаны сукна палеваго $15^{3}/_{4}$ аршинъ, на 63 р.; стамеду палеваго на подкладку 45 аршинъ, на 22 р. 50 к.; пуговицъ кафтанныхъ на 11 р. 50 к. и камзольныхъ на 5 р. 75 к.; галуна широкаго 234 аршина, на 543 р. $66^{2}/_{3}$ к., средняго 118 аршинъ, на 170 р. $16^{1}/_{2}$ к. и узкаго 90 аршинъ, на 58 р. $66^{3}/_{4}$ к.; кистей 198, каждая вѣсомъ въ 10 золотниковъ, на 83 р. $33^{1}/_{4}$ к.; за шитье и прикладъ 72 р.

2) На мундиры были изготовлены сорочки, на которыя пошло 90 аршинъ полотна, на 3 р. 60 к., да за работу было уплачено, за всѣ сорочки 90 к.

3) На девять картузовъ пошло бархату зеленаго 9 аршинъ, на 38 р. 25 к.; позумента широкаго $24^{3}/_{4}$ аршина, на 44 р. $33^{1}/_{4}$ к.; снурка и галунчика на 17 р. $33^{1}/_{4}$ к.; девять кистей на 13 р. $16^{1}/_{2}$ к.; 27 золотыхъ пуговицъ на 1 р. 12 к.; за шитье шапокъ 15 р. 75 к.

4) На девять вальтраповъ пошло: 14 аршинъ алаго сукна, на 38 р. 50 к.; 54 аршина широкаго галуна, на 118 р. 75 к.; $13^{1}/_{2}$ аршинъ вощанки, на 1 р. $75^{1}/_{2}$ к.; 18 аршинъ тесемки на завязки, на 9 коп.; за шитье 7 р. 20 к.

5) Девять кортиковъ съ пряжками и портупеями лосинными обошлись 25 р. 65 к., да обшивка портупей широкимъ галуномъ, въ количествѣ 18 аршинъ, и узкимъ, котораго пошло 2 аршина, стоила съ матеріаломъ и работой 56 р. $58^{1}/_{4}$ к.

6) Девять сѣделъ съ приборами стоили 81 рубль.

7) Девять паръ сапоговъ обошлись 18 рублей.

8) $13^{1}/_{2}$ аршина лентъ зеленыхъ для привязыванія гербовъ — 1 руб. 62 коп.

9) За позолоту 9 гербовъ было уплачено 13 руб. 50 коп.

10) Девять паръ алыхъ перчатокъ, на обшивку которыхъ пошло $6^{3}/_{4}$ аршина широкаго и $13^{1}/_{2}$ аршина узкаго галуна, обошлись съ матеріаломъ и работой 32 р. $43^{1}/_{2}$ к. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. № 2).

Замѣтимъ между прочимъ, что чинамъ птичьей охоты приказывалось въ то время, чтобы «волосы бъ были всегда въ бумажкахъ, а во время бъ выѣздовъ были убраны и напудрены». (Тамъ же).

Вѣроятно, въ то же время была отправлена въ Яссы и часть псовой Императорской охоты. По крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ документахъ 1775 года упоминаются псовой охоты «Ясскіе

богатые мундиры», то-есть «кафтаны съ камзолами и штаны»; «шляпы съ позументомъ золотымъ и зелеными бантами»; «картузы плисовые, вышитые золотомъ»; «перевязи и портупеи позументныя»; «кортики съ золочеными эфесами»; «ординарческіе мундиры съ широкимъ позументомъ и палевыми штанами»; «охотничьи кортики съ мѣдными эфесами». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 53).

[201]) Къ 6 маю 1793 году относится слѣдующій указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову, касающійся порядковъ, практиковавшихся въ Придворныхъ охотахъ по части обмундированія личнаго персонала: «Въ указѣ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, минувшаго февраля отъ 11 числа, по протчемъ, написано, чтобъ сей Конторы господамъ Присутствующимъ, обще съ вами, у всѣхъ служителей птичьей охоты мундиры, сертуки и нижнее платье осмотрѣть, и ежели та ихъ одежда, къ выѣзду имъ со птицами на поле для Всевысочайшаго увеселенія, окажется во всемъ годною, то имъ принадлежащее каждому изъ положеннаго на тѣ мундиры и прочее двугодоваго оклада, только на одинъ нынѣшній годъ, что слѣдуетъ, деньги выдать. Буде же у кого изъ нихъ мундиры, камзолы и исподницы или сертуки окажутся во употребленіе къ выѣзду имъ не годны, то оные тѣмъ, что слѣдуетъ, построить подъ смотрѣніемъ вашимъ, на что и деньги вамъ отъ Конторы выдать съ тѣмъ, чтобъ вы, за употребленіемъ на ту постройку, остаточныя деньги каждому служителю, что причтется, роздали по рукамъ. А сего мая 3 числа изъ тѣхъ служителей съ нѣкоторыхъ одни только мундиры были къ осмотру въ Контору представлены, кои по осмотрѣ господами Присутствующими, обще съ вами, и оказались еще къ выѣздамъ на поля годны, а о камзолахъ и штанахъ, также и сертукахъ, вами объявлено, что всѣ изношены и къ выѣздамъ не способны, почему и надлежитъ оное все построить вновь. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказали: въ сходствіе вышеписаннаго Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, минувшаго февраля отъ 11 числа, въ указѣ предписанія и въ разсужденіи, что сертуковъ и къ мундирамъ камзоловъ и исподницъ построить, а съ нѣкоторыхъ за сдѣланныя отъ Канцеляріи шляпы съ приборами изъ выданныхъ на одинъ только нынѣшній 1793 годъ на мундиры денегъ, вычету учинить не изъ чего, для постройки птичьей охоты на всѣхъ служителей мундировъ, камзоловъ, штановъ и сертуковъ слѣдующія сего 793 года генваря съ 1 будущаго 795 года генваря по 1 число, и того на два года, положенныя по штату на тѣ мундиры и сертуки деньги....» (слѣдуетъ длинный перечень поименно, кому сколько полагается, и сколько съ кого слѣдуетъ вычесть за шляпы).... за удержаніемъ долга Канцеляріи и за выдачею статейщику Ларіонову мундирныхъ денегъ на руки, всего 1184 р. 87¼ коп. передать статейничему Рыкунову для производства заказа «заблаговременно, чтобъ остановки ни въ чемъ быть не могло. А при томъ, какъ вамъ изъ посланныхъ изъ Конторы указовъ извѣстно, которыхъ кречетниковъ и служителей въ Санктъ-Петербургъ со птичею охотою брать не велѣно или нѣкоторые и по вашему разсмотрѣнію здѣсь останутся, то на таковыхъ, по силѣ вышеписаннаго изъ Канцеляріи въ указѣ предписанія, употребить деньги на постройку самого нужнаго, изъ слѣдующихъ на одинъ нынѣшній 1793 годъ, а достальныя, принадлежащія на будущій 1794 годъ, все сполна представить обратно въ Контору при рапортѣ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 343 и 344).

24 того же мая статейничій Дмитрій Рыкуновъ получилъ указъ Оберъ-Егермейстерской Конторы, въ которомъ читаемъ: «По указу Ея Императорскаго Величества, въ Конторѣ сей, по рапорту вашему, опредѣлено къ вамъ послать сей указъ, въ коемъ написать, что постройка птичьей охоты служителямъ мундировъ и сертуковъ препоручена подъ смотрѣніе ваше указомъ, присланнымъ изъ Канцеляріи сего 793 года февраля отъ 11 числа, и деньги на оную постройку всѣ сполна, по полученіи сего мая 17 числа изъ Канцеляріи пересланной суммы, тогда жъ, по данному комисару Николаю Рыкунову изъ Конторы указу, выдать въ пріемъ вашъ велѣно. Слѣдовательно, что вамъ исполнить команда препоручаетъ, того подчиненный, кто бъ онъ ни былъ, оставить никакъ не можетъ, во что бъ и Контора по рапорту вашему, за насланными къ вамъ указами, входить и повторять Канцеляріею повелѣнное не обязана. Но находя въ томъ вашемъ рапортѣ въ постройкѣ тѣхъ сертуковъ и протчаго остановку и видя при томъ ваши приносимыя на подчиненныхъ такія жалобы, отъ которыхъ Контора, наблюдая присяжную должность и порядокъ учрежденный, опасается, чтобъ при нужнѣйшей нынѣ справѣ птичей охоты къ доставленію оной въ Санктъ-Петербургъ не послѣдовало разстройства и неисправности, за нужное находитъ всѣмъ птичей охоты чинамъ и служителямъ въ присутствіи Конторы объявить, чтобъ они всегда, а особливо нынѣ, въ нужныхъ случаяхъ, узаконенную подчиненность къ начальству своему соблюдали и должность, по содержанію присяги, исполняли въ точности. Естли жъ послѣдуетъ какая неисправность и упущеніе, то главная команда не оставитъ сего безъ взысканія, а вамъ предписывается, дабы вы, на полученную вами изъ Конторы сумму, птичей охоты служителей обмундировали, по силѣ насланнаго къ вамъ предъ симъ указу, по краткости къ отправкѣ времени, немедленно. Если жъ кречетникъ Юргеневъ или протчіе постройку вашу почитаютъ дорогою, то бъ они сами, по опробованнымъ вами образцамъ, сукно и протчее пред-

ставили и портнаго наняли, подъ смотрѣніемъ вашимъ, изъ чего и видна будетъ цѣна, та и другая, напослѣдокъ за напрасное нарѣканіе виновный обнаружится. Что касается до просимой вами на кречетника Юргенева сатисфакціи, объ оной на разсмотрѣніе представлено быть имѣетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи рапортомъ».

Изъ дальнѣйшей по этому поводу переписки усматривается, что кречетникъ Юргеневъ, обвинявшій Рыкунова въ дороговизнѣ постройки мундировъ, пользовавшійся, благодаря этому поддержкой со стороны всей команды птичей охоты, заинтересованной въ дешевизнѣ заготовки, такъ какъ остаточныя деньги должны были выдаваться на руки, не ограничился однѣми жалобами. Юргеневъ розыскалъ портного значительно болѣе дешеваго, чѣмъ предложенный Рыкуновымъ, представилъ объ этомъ на усмотрѣніе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, которая и поручила самую заготовку ему, Юргеневу.

Жалоба Рыкунова на обиду, нанесенную ему Юргеневымъ и заключавшуюся «въ говореніи при всѣхъ птичей охоты служителяхъ неучтивыхъ словъ», также не увѣнчалась «сатисфакціей», на которую разсчитывалъ статейничій. Оберъ-Егермейстерская Канцелярія нашла вполнѣ соотвѣтственнымъ ограничиться въ этомъ дѣлѣ уже послѣдовавшимъ распоряженіемъ ея Московской Конторы о призывѣ всѣхъ служителей птичей охоты въ послѣднюю и объ указаніи имъ необходимости быть почтительными со своимъ ближайшимъ начальствомъ.

Чтобы какъ-нибудь отомстить Юргеневу, Рыкуновъ, пользуясь правами начальника птичей охоты, отстранилъ названнаго кречетника отъ командировки съ охотою въ Петербургъ «для всевысочайшаго увеселенія». Но и эта отместка не выгорѣла: Юргеневъ былъ вытребованъ въ Петербургъ самимъ Оберъ-Егермейстеромъ княземъ Голицынымъ. Проигралъ одинъ лишь Рыкуновъ, который происками своими заслужилъ нерасположеніе какъ со стороны своихъ подчиненныхъ, такъ и со стороны своего начальства, прилагавшаго вскорѣ за симъ всевозможныя старанія выжить Рыкунова изъ охоты, какъ то мы и увидимъ изъ документовъ, приводимыхъ ниже не столько для повѣствованія о невзгодахъ, обрушившихся на статейничаго, сколько благодаря общему ихъ интересу въ дѣлѣ обрисовки порядковъ въ Московскихъ охотахъ. (Тамъ же, стр. 349, 353 и 358).

Боярская усадьба XVII ст. въ Интерлаидіи, съ голландской гр. того времени.

[202]) Отъ 1775 года сохранился документъ, свидѣтельствующій какъ о заботахъ тогдашняго Оберъ-Егермейстера Нарышкина объ обмундированіи ввѣренныхъ его командѣ чиновъ, такъ и о томъ обстоятельствѣ, что суммы, назначенныя по штату на шитье мундирной одежды, выдавались на руки только въ томъ случаѣ, когда одежда, заготовленная въ предшествовавшій срокъ, оказывалась вполнѣ исправною. Въ противномъ случаѣ, одежда заготовлялась распоряженіемъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. Документъ этотъ—слѣдующее, не лишенное интереса письмо Нарышкина къ присутствовавшему въ то время въ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ бригадиру Булгакову:

«Высокородный господинъ бригадиръ Булгаковъ. Какъ небезызвѣстно, что пришелъ двулѣтній срокъ выдачѣ деньгамъ на мундиры служителямъ птичьей охоты, а чаятельно, что у нихъ кафтаны и съ выкладкою хороши, но не безъ сумленія жъ, что камзолы, штаны и сюртуки у нихъ худы, и для того писано отъ меня къ господину Унтеръ-Егермейстеру, чтобъ онъ рѣченные мундиры съ камзолами и штанами и сюртуки у всѣхъ служителей птичьей охоты осмотрѣлъ и въ какой годности оные окажутся представилъ бы въ Канцелярію, по которому представленію, ежели подлинно кафтаны съ выкладкою еще хороши и впредь одинъ срокъ выносить могутъ, то онымъ служителямъ положенныя въ двухъ-лѣтній терминъ деньги на постройку мундировъ выдать изъ Канцеляріи и оныхъ кафтановъ нынѣ имъ не дѣлать, а камзолы такъ короткіе, какъ носятъ офицеры и прочіе военные люди; штаны и сюртуки, ежели, какъ чаятельно, худы, велѣть сдѣлать новые непремѣнно; кафтаны жъ подрѣзаны бъ были такъ, какъ всякій изъ нихъ станетъ на колѣни, то бъ подолъ ровенъ былъ съ поломъ, и не лежало бъ на полу оного ничего, а сюртуки были бъ длиннѣе кафтана только бъ на полтора вершка, а не больше; при томъ были бъ въ рукавахъ не узки, дабы свободнѣе вздѣвать на кафтанъ было можно, и шитья, имѣющагося на тѣхъ кафтанахъ, на воротникѣ и на обшлагахъ, не обшмыгивали; а не длиннѣе бъ были кафтаны и сюртуки для того, что будутъ чепраки хорошіе, дѣлающіеся здѣсь вновь для будущихъ на поля выѣздовъ, то дабы оные кафтанами и сюртуками закрываемы не были». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 18).

Чепракъ, о выставленіи на показъ котораго хлопоталъ Нарышкинъ, былъ въ то время «холщевый и по немъ написано свѣтлозеленой краской, а по ней полосы: одна золоченная, а другая серебряная; на заднихъ углахъ написаны два орла красками съ позолотою»; подкладка сермяжное сукно, а бока обшиты кожею. (Тамъ же, оп. 73, д. № 4).

Чинамъ птичьей охоты, удостоеннымъ ранга прапорщика, приказывалось обшить камзолы узенькимъ позументомъ и, отобравъ отъ нихъ казенныя пуговицы съ гербами, нашить на кафтаны и на камзолы «ординарныя пуговицы, какъ и прочіе всѣ оберъ-офицеры носятъ». (Тамъ же, оп. 73, д. № 18). Тѣмъ же прапорщикамъ при парадныхъ выѣздахъ на охоты предписывалось имѣть «парадные кортики съ зелеными костяными эфесами» (тамъ же, оп. 73, д. № 26) и «вальтрапы зеленаго сукна, обложенные золотымъ позументомъ». (Тамъ же, оп. 73, д. № 27).

Нѣкоторыя принадлежности обмундированія чиновъ птичьей царской охоты работалъ въ то время «придворный живописецъ Дювили». Перевязи и портупеи его работы дѣлались изъ кожи и сукна и украшались «орлами, вензелями и штучками» или, по другой редакціи, на перевязи и портупеи шли «вычеканенныя штучки или звенышки и именно состоящія въ блесточкахъ маленькихъ, въ орлахъ и именахъ Ея Императорскаго Величества». На перевязи и портупеѣ, «сверхъ того два орла большіе, изъ коихъ одинъ будетъ на лопасти портупейной, а другой, гдѣ сойдутся два конца перевязи». Послѣдніе орлы позолочены и посеребрены «самымъ лучшимъ золотомъ и серебромъ», потому что «чеканить такихъ большихъ орловъ не можно». У портупей имѣлись «мѣдные замки» и къ нимъ привѣшивались кортики, для вкладыванія коихъ пришивалась къ портупеи лосинная кожа или юфть. Придворному живописцу за перевязи и портупеи эти платили по 50 рублей за приборъ, несмотря на то, что «С.-Петербургскій цеховой золотнаго и мѣднаго дѣла мастеръ Вальтеръ» брался изготовить совершенно точно такіе же предметы за 28 р. (Тамъ же, оп. 73, д. № 4).

Упоминаются шапки чиновъ птичьей охоты «черныя плисовыя съ золочеными гербами и штучками». (Тамъ же, оп. 73, д. № 53). На шапкахъ разные плюмажи: «бѣлые шелковые», «бѣлые гарусные», «бѣлые перяные съ бантами зеленой ленты». «Для чищенія тѣхъ шапокъ, когда оныя въ выѣздахъ употребляться будутъ, щеточки небольшія». (Тамъ же, оп. 73, д. № 4).

[203]) Изъ указа Оберъ-Егермейстерской Конторы 13 марта 1791 года видно, что на постройку для потребностей Придворной птичьей охоты клобучковъ шли: «кожи яловошныя дубленныя красныя оленьи и сыромятныя», «сукно красное», «нитки красныя и бѣлыя», «верви шестириковыя». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 180).

5 мая 1793 года та же Контора дала статейничему Дмитрію Рыкунову слѣдующій указъ: «Поданнымъ въ Контору вы рапортомъ требовали, птичей охоты служителямъ, для воженія на поля голубей и воронокъ, полагая въ трехлѣтній терминъ, то-есть прошлаго 1792 генваря съ 1 будущаго 1795 году генваря по 1 число, каждому служителю по одному вабилу и четыре шалгача (?) сдѣлать, а кому именно, о томъ приложили при томъ рапортѣ реестръ. А по справкѣ въ Конторѣ: въ ордерѣ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, прошлаго 789 года маія отъ 10 числа, написано, рапортомъ де оная Контора, отъ 26 апрѣля, той Канцеляріи за извѣстіе доносила, что, по рапорту господина Надворнаго Совѣтника Ларіонова, выдано отъ сей Конторы птичей охоты служителямъ тридцати восьми человѣкамъ на постройку въ трехлѣтній терминъ шалгачей зеленыхъ суконныхъ и вабилъ деньги, каждому человѣку по одному рублю, а всего тридцать восемь рублей; но какъ Канцелярія у тѣхъ служителей, въ бытность ихъ со птицами въ Санктъ-Петербургѣ, во употребленіи оны шалгачи предвидитъ не у всѣхъ, почему и выдачу на оные денегъ почитаетъ за излишнее, чего для, по воспослѣдовавшей въ той Канцеляріи резолюціи, тѣмъ ордеромъ Конторѣ предписано, что какъ уже на тѣ шалгачи деньги тогда выданы, то и велѣть тѣмъ служителямъ все оное сдѣлать; впредь же на постройку тѣхъ суконныхъ шалгачей денегъ уже не выдавать, а могутъ оные, при справѣ птицъ, возить на поля голубей и воронокъ въ обыкновенныхъ мѣшкахъ. Въ Петербургѣ жъ, для таковой надобности, впредь построены будутъ два или три шалгача изъ казны. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказали: къ вамъ послать указъ, коимъ и велѣть птичей охоты служителямъ требуемыя вами тридцать девять вабилъ, пріискавъ мастера, подрядить сдѣлать, и за какую цѣну вами подряженъ будетъ подать рапортъ, при коемъ и того мастера представить въ Контору; требуемые жъ вами четыре шалгача Контора, за вышепрописаннымъ въ ордерѣ изъ Канцеляріи повелѣніемъ, постройки учинить не можетъ, а требовать вамъ при пріѣздѣ птичей охоты въ нынѣшнемъ году въ Санктъ-Петербургъ отъ Канцеляріи». (Тамъ же, стр. 342).

[204]) Государственн. Арх., оп. 72, д. № 53.

[205]) Вообще Высочайшіе указы, запрещавшіе производство охоты партикулярнымъ людямъ въ границахъ пятидесятиверстнаго въ кругъ Москвы раіона, соблюдались въ то время весьма плохо. Въ 1748 г. сентябрѣ мѣсяцѣ обнаружилось еще и слѣдующее обстоятельство:

Еще въ 1746 году, для охотъ Императрицы Елисаветы Петровны было выпущено изъ Измайловскаго звѣринца въ подмосковныя Тюхалевы и другія рощи нѣсколько сотъ зайцевъ,

«у которыхъ пороты были уши». Въ сентябрѣ 1748 года зайцы съ поротыми ушами стали попадаться въ продажѣ въ Охотномъ ряду. Это обстоятельство вызвало строжайшее приказаніе, чтобы продавцовъ, у которыхъ будутъ усмотрѣны подобные зайцы, ловили и приводили для слѣдствія и соотвѣтственныхъ распоряженій въ Оберъ-Егермейстерскую Контору. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 51, д. № 2750).

[206]) 1 декабря 1741 года «въ возобновленіе прежде выданныхъ отъ предковъ Нашихъ указовъ» вновь велѣно было публиковать о запрещеніи охоты въ окрестностяхъ С.-Петербурга (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 8477), а 19 тоже декабря воспрещено около Москвы «во всѣ стороны», разстояніемъ на 100 верстъ, ѣздить со псовою охотою, стрѣлять или ловить птицъ и звѣрей». (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 г., ст. 8485).

[207]) 11 декабря слѣдующаго 1742 года Оберъ-Егермейстеръ А. Г. Разумовскій докладывалъ Правительствующему Сенату, что «хотя де по Высочайшему Ея Императорскаго Величества Именному указу (отъ 19 декабря 1741 года) около Москвы во всѣ стороны, разстояніемъ на 100 верстъ, со псовою охотою ѣздить запрещено и какъ звѣрей, такъ и птицъ ловить и бить не велѣно, но нынѣ Ея Императорское Величество всемилостивѣйшимъ Именнымъ же изустнымъ указомъ соизволила повелѣть оный указъ отмѣнить съ такимъ изъясненіемъ, чтобы около Москвы во всѣ стороны, разстояніемъ на пятьдесятъ верстъ, со псовою охотою и тенетами никому не ѣздить и какъ звѣрей, такъ и птицъ не травить и не ловить, и не стрѣлять, и никакими вымыслы не ловить же, а далѣе пятидесяти верстъ» охота могла производиться во всѣхъ ея видахъ всѣми желающими. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 г., ст. 8678).

Планъ с. Коломенскаго, съ рис. конца XVIII ст.

[208]) 3 мая 1749 года послѣдовало, по Высочайшему повелѣнію, «строжайшее запрещеніе въ тридцати верстахъ вокругъ около селъ Царскаго и Краснаго ловить звѣрей и ходить на охоту съ ружьями или птицами всѣмъ постороннимъ». (Яковкинъ. Кратк. Лѣтоп. о селѣ Царск., стр. 295).

[209]) 26 марта 1752 года воспослѣдовалъ нижеслѣдующій Именной Высочайшій указъ, объявленный Сенату:

«Ея Императорское Величество указала: Московской губерніи въ Переяславской, Юрьевско-Подольской и Суздальской провинціяхъ и къ тѣмъ провинціямъ приписныхъ городахъ и въ Шуйскомъ уѣздѣ, какъ помѣщикамъ самимъ, такъ и ихъ прикащикамъ и крестьянамъ, такожъ дворцовыхъ и монастырскихъ волостей, селъ и деревень управителямъ, какъ въ своихъ, такъ и въ постороннихъ дачахъ, и никому проѣзжающимъ, ктобъ какого званія ни былъ, со псовою охотою ѣздить и зайцевъ тою охотою не токмо травить, но и тенетами ловить запретить. Того ради Правительствующій Сенатъ, по силѣ вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества указу, благоволитъ о такомъ запрещеніи ловли зайцевъ во оныя мѣста отправить указы». (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 9968).

[210]) Въ маѣ 1750 года Оберъ-Егермейстерская Контора усмотрѣла, что опредѣленныя для объѣзда окрестностей Москвы и для ловли браконьеровъ драгуны расквартированы весьма неудобно «за Преснею, не по близости къ командѣ и Семеновскому Потѣшному двору». Озабочиваясь главнымъ образомъ достиженіемъ наилучшихъ результатовъ въ дѣлѣ поимки нарушителей запретительныхъ объ охотѣ у Москвы указовъ, Оберъ-Егермейстерская Контора просила Московскую Полицеймейстерскую Канцелярію отвести драгунамъ новыя квартиры въ наиболѣе удобномъ для ихъ службы мѣстѣ, именно въ селѣ Красномъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

Въ сентябрѣ 1750 года снова были усмотрѣны случаи браконьерства. Такъ, драгунскій разъѣздъ, посланный отъ Москвы по С.-Петербургской дорогѣ, «наѣхалъ въ дачахъ барона господина Строгонова деревни Лепунихи крестьянина его, Ивана Семенова сына Кайдалова, да поручика Петра Михайлова сына Языкова, дворового человѣка Герасима Гелахтіонова сына Пешехонова съ ружьями», причемъ второй «близъ той деревни Лепунихи на прудѣ стрѣлялъ по уткамъ и при немъ явился застрѣленный рябецъ». Обоихъ, «для слѣдствія и учиненія по указамъ», отправили въ Московскую Губернскую Канцелярію.

211) Въ октябрѣ 1743 года «при Дворѣ Ея Императорскаго Величества извѣстно учинилось, что не токмо въ запретительныхъ мѣстахъ, но и въ самой близости Москвы, а именно въ Перовскихъ Строгановскихъ рощахъ и около села Коломенскаго, и въ прочихъ тому подобныхъ мѣстахъ, не страшась Ея Императорскаго Величества указовъ, нѣкоторые презрители какъ со псовою охотою, такъ и птицъ и звѣрей всячески ловятъ и стрѣляютъ».

За симъ, 3 декабря того же года, «посланные отъ Оберъ-Егермейстерской Конторы Московскаго драгунскаго шквадрона, ефрейторъ Бехматовъ съ товарыщи, во оную Контору объявили, при доношеніи, усмотрѣнныхъ ими, въ объѣздѣ, со псовою охотою, близъ села Треборева князь Николая Александрова сына Голицына охотниковъ трехъ человѣкъ, которые, оставя двухъ верховыхъ лошадей да борзую суку, бѣжали, и какъ оныхъ лошадей и суку повели съ собой, то показанный князь Голицынъ прислалъ къ нимъ казначея да одного конюха, чтобы они ѣхали къ нему въ домъ; а они того не послушали, взявъ конюха и вышеписанныхъ лошадей и собаку, объявили въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, которыя приняты».

Въ Конторѣ прежде всего допросили взятаго конюха.

Этотъ показалъ, что «декабря 3 числа господинъ его, показанный князь Голицынъ, взявъ его и псовой охоты борзыхъ 6 собакъ, поѣхалъ изъ Московскаго дому своего въ подмосковную свою вотчину село Богородское, а собаки съ нимъ взяты были для травли ль зайцевъ или для отсылки куда, про то онъ не извѣстенъ, понеже какъ доѣхалъ Донскаго монастыря деревни до Семеновской, которая стоитъ по Калужской дорогѣ, господинъ его послалъ впередъ въ село Богородское, для взятья саней, понеже у взятыхъ съ ними саней, на которыхъ сидѣли охотники, полосъ переломился; а господинъ его со псовою охотою и охотники, которые съ нимъ были, Степаномъ Овчуховымъ, Козьмой Петровымъ, Константиномъ Лавровымъ, поѣхали другою дорогою, которая лежала къ селу Трепареву; а безъ него зайцы и другіе звѣри травлены ль ими были, о томъ онъ неизвѣстенъ, понеже тогда былъ онъ въ селѣ Богородскомъ, въ домѣ господина своего. Точію, какъ увѣдомился господинъ его, что вышеозначенныхъ охотниковъ его объѣзжіе драгуны со охотою его ловили и борзую суку и дву верховыхъ лошадей взяли, послалъ съ нимъ дому своего казначея, Михаила Афанасьева, драгунъ просить къ себѣ, чтобъ они борзую суку и дву лошадей отдали обратно, за что ихъ хотѣлъ поить виномъ».

Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, на благоусмотрѣніе которой представлено было это дѣло, предписала своей Московской Конторѣ потребовать отъ Московской Губернской Канцеляріи допроса означенныхъ выше трехъ охотниковъ князя Голицына, для установленія того обстоятельства, охотился ли самъ князь Голицынъ, а если нѣтъ, то съ чьего разрѣшенія охотились его охотники.

При допросѣ въ Московской Губернской Канцеляріи охотникъ Степанъ Овчуховъ показалъ: «Дворовый де онъ человѣкъ помянутаго князя Голицына, а жительство имѣетъ въ Переславской господина своего вотчинѣ Резанскаго, въ селѣ Ромодановѣ, и хожденіе имѣлъ въ томъ селѣ за собаками. И тому назадъ будетъ дней съ десять пріѣхалъ онъ въ Москву, по приказу господина своего, и жилъ въ домѣ его за Арбатскіе вороты, въ приходѣ церкви Симіона Столпника. И сего де декабря 3 числа господинъ его, князь Голицынъ, поѣхалъ въ подмосковную свою вотчину, которая отстоитъ отъ Москвы верстъ съ десять, въ село Богородское, и взялъ съ собою казначея своего Михайла Афанасьева сына Потоцкаго да его, Степана, съ помянутыми людьми».... «А поѣхалъ въ помянутую вотчину для присмотру хлѣба, а при поѣздѣ приказалъ взять ему, Степану съ товарыщи, борзыхъ шесть собакъ для отсылки въ Серпуховскую свою вотчину, въ село Кулаково, чтобъ оныхъ собакъ кормить въ томъ селѣ Кулаковѣ. И по тому его приказанію тѣ собаки и взяты въ то село Богородское для отвозу въ оное село Кулаково, ибо отъ того села Богородскаго въ то село Кулаково ѣхать по близости, да по тракту обстоятъ тѣ села одному жъ».... «Собаки взяты не для травли зайцевъ.... и везены были въ саняхъ, на которыхъ ѣхалъ оный конюхъ и они, псари, а въ другихъ саняхъ сидѣлъ господинъ ихъ. И какъ доѣхали они Донскаго монастыря до деревни Семеновской, господинъ его, онаго конюха, на тѣхъ саняхъ, на которыхъ они сидѣли, на одной лошади послалъ въ показанную господина его вотчину, въ село Богородское, одного напередъ, безъ собакъ, ибо на которыхъ они саняхъ сидѣли, и у тѣхъ саней переломился полозъ и за тѣмъ на тѣхъ саняхъ ѣхать нельзя».... «Господинъ его съ оставшими людьми хотѣлъ дождаться на дорогѣ, ибо до онаго села разстояніемъ» осталось версты съ четыре.... «Господинъ его, подождавъ немного и видя, что вскорѣ другихъ саней дождаться не можно, на оставшихъ саняхъ, на которыхъ господинъ его сидѣлъ, съ ними и собаками поѣхали, для легкости лошадямъ, дорогою зимнею, которая стоитъ въ село его Богородское на село Трепарево, ибо та дорога проѣздомъ лутче».... «Какъ оный господинъ его, такъ и они, при немъ ѣхавши, по той дорогѣ зайцевъ и другихъ никакихъ звѣрей не травили, ибо господинъ его въ то село ѣхалъ хотя и съ собаками, токмо не для охоты, но подлинно для присмотру въ томъ селѣ хлѣба, ибо господинъ его, за бытіемъ въ службѣ въ этомъ селѣ долго не былъ. По пріѣзду въ то село того жъ числа, отобѣдавъ, приказалъ ему и показаннымъ

его товарищамъ тѣхъ собакъ отвести для прокорму въ показанное село Кулаково, а господинъ его, откушавши, легъ спать, а онъ, Степанъ, съ показанными людми на трехъ лошадяхъ верхами, взявъ изъ оныхъ четырехъ собакъ, въ томъ числѣ одна сука желтая, по приказу его, поѣхали въ то село».... «И какъ онъ, Степанъ, со оными своими товарыщи и съ показанными собаками будутъ отъ того села Богородскаго въ полуверстѣ, и въ то число наѣхали на нихъ объѣзжіе драгуны и хотѣли ихъ взять подъ караулъ, объявляя яко бы они ѣдутъ для ловли звѣрей, а они де, убоясь, изъ нихъ де одинъ, Константинъ, на верховой лошади отъ тѣхъ драгунъ уѣхалъ, а онъ, Степанъ, и Козьма, убоясь же, оставя верховыхъ дву лошадей и собаку, ушли, а оные драгуны ту собаку и лошадей взяли съ собой». По прибытіи въ Богородское охотники нашли тамъ своего господина, которому сказали о случившемся. Князь Голицынъ послалъ къ драгунамъ казначея своего сказать, что «какъ онъ, такъ и люди его съ охотою не ѣздили и нынѣ не ѣздятъ», а собакъ вели въ деревню Кулаково для выкормки. Но драгуны не вняли этому и представили лошадей и собаку въ Оберъ-Егермейстерскую Контору. Къ этому Степанъ добавилъ, что «въ томъ допросѣ сказалъ сущую правду и ничего не утаилъ, а буде сказалъ ложно, и за то указала бы Ея Императорское Величество учинить имъ, что указомъ повелѣно будетъ».

Козьма Петровъ сынъ Щегловъ и Константинъ Лавровъ сынъ Бушмаровъ — двое другихъ охотниковъ князя Голицына — почти слово въ слово подтвердили показаніе своего товарища. Чѣмъ кончилось это дѣло — не знаемъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., оп. 211, вязка 1678, д. № 32).

[212]) Въ октябрѣ 1745 года корытничій Московской псовой охоты Ея Величества, Иванъ Извольскій, доносилъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что 12 числа этого мѣсяца ѣздилъ онъ со псовою Ея Императорскаго Величества охотою, для обученія гончихъ молодыхъ собакъ, отъ Москвы въ 35 верстахъ, по Каширкѣ, за Пахрою, около дворцовой деревни Сельвачево. «И въ то время тутъ же ѣздили князь Николая Петровича Щербатова дѣти его со псовою охотою и охотниками. Я, именованный, поймалъ изъ ихъ охоты охотниковъ трехъ человѣкъ и при нихъ девять собакъ борзыхъ, пять гончихъ, три лошади съ сѣдлами; у оныхъ же охотниковъ два рога мѣдные, три ножа охотничьи, которые охотники и прежде были пойманы драгунами, въ іюлѣ мѣсяцѣ, и взявши съ нихъ оные драгуны пять рублевъ денегъ, и отпустили въ домъ свой. А нынѣ показанные охотники и съ собаками приведены мною, именованнымъ, въ Москву». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 211, д. № 127).

Оберъ-Егермейстерская Контора, выслушавъ это доношеніе, опредѣлила: «объявленныхъ приводныхъ людей и что при нихъ имѣется въ Оберъ-Егермейстерскую Контору принять и оныхъ людей порознь разспросить».

Одинъ изъ задержанныхъ охотниковъ, Василій Васильевъ сынъ Ленокъ, показалъ слѣдующее:

«Вотчина де господина его имѣется въ Коломенскомъ уѣздѣ, въ деревенскомъ стану, село Салтыково, по Коломенкѣ, отъ Москвы въ пятидесяти верстахъ. И сего де октября 12 дня объявленнаго помѣщика его, князь Николая Щербатова, дѣти, князь Павелъ да Андрей Щербатовы, взяли его для ѣзды со псовою охотою и ѣздили по ту сторону села Салтыкова, въ дачахъ генералъ-маіора Льва Васильевича Измайлова села Спасскаго. И того жъ числа пріѣхали они со псовою охотою, генералъ-фельдмаршала и кавалера князь Василья Владиміровича Долгорукова къ деревнѣ Пестовой, которая отстоитъ отъ Москвы разстояніемъ въ пятидесяти верстахъ и отъ той деревни въ дву верстахъ, близъ рѣчки Гнилуши, пустили они псовую охоту для пріему зайцевъ. И въ тожъ де время послышали они гоньбу съ собаками по зайцамъ отъ объявленной рѣчки Гнилуши въ пяти верстахъ, близъ села Шубина и ихъ собаки отъ оной рѣчки Гнилуши на оную гоньбу сдались, и онъ де, Ленокъ, съ прочими ихъ охотниками, за оною ихъ охотою для ловли собакъ скакали, чтобъ догнать. И какъ наскакали они на вышерѣченную охоту, какъ ихъ, такъ и псовую охоту Государевы охотники взяли. И въ тѣхъ де мѣстахъ, гдѣ набѣжали охоту Ея Императорскаго Величества, они со псовою охотою не ѣздили и собакъ не пущали, и звѣрей никакихъ не травили. А утекли оныя собаки на вышеозначенную охоту на крикъ сами. А напредъ сего онъ, Ленокъ, обще съ господами ево въ тѣхъ вышеозначеннаго села Спасскаго дачахъ за охотою отъ Москвы въ шестидесяти верстахъ ѣзживали и драгунами никогда поимываны не бывали».

Второй и третій изъ задержанныхъ охотниковъ, Василій Фирсовъ и Иванъ Головъ, показали почти буквально то же самое съ тѣмъ добавленіемъ, что ранѣе приведеннаго случая ѣздили они «обще съ господами ихъ, внизъ по вышеозначенной же рѣчкѣ Гнилуши за охотою въ дачахъ села Спасскаго, которое отъ Москвы разстояніемъ обстоитъ въ шестидесяти верстахъ; ѣзжали и въ нынѣшнее де лѣто, а въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ, не упомнятъ, разъѣзжихъ драгунъ отъ Москвы за пятьдесятъ верстъ наѣхали, и видя де тѣ драгуны, что они ѣздятъ съ охотою въ указныхъ верстахъ, отъ Москвы за пятьдесятъ верстъ, запрещенія имъ никакого не чинили и взятковъ съ нихъ никакихъ не брали. И какъ господа ихъ, такъ и они для пріему зайцевъ со псовою охотою въ неуказныхъ верстахъ не ѣзживали».

Въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ не нашлось свѣдѣній, въ какомъ именно разстояніи находятся означенныя выше мѣста отъ Москвы, но во всякомъ случаѣ было рѣшено, что охотиться тамъ князья Щербатовы не имѣли права, почему и было рѣшено трехъ отобранныхъ лошадей отдать владѣльцамъ, «а собакъ, описавъ, содержать при псовой охотѣ, рога и ножи при Конторѣ. Только объявленныя собаки въ охотѣ Ея Императорскаго Величества всѣ-ль быть годны, того не объявлено»..... «Велѣно тѣхъ собакъ разобрать и которыя изъ ихъ въ охотѣ Ея Императорскаго Величества дѣйствительно быть годны, оставить при той охотѣ до указу, а которые не годны, тѣхъ отдать въ домъ помянутаго князя Щербатова по описи съ роспискою, дабы на такихъ негодныхъ не могъ происходить казенный кормъ напрасно».

По разборѣ собакъ при Императорской псовой охотѣ было оставлено борзыхъ собакъ: два кобеля чернопѣгихъ, двѣ суки муругопѣгихъ, сука половопѣгая и сука чубарая англійская, да четыре гончихъ собаки: выжлецъ черный, выжлецъ каурый, да два выжлеца багряныхъ. (Тамъ же, оп. 51, д. № 2613).

[213]) 28 сентября 1748 года статейничій Императорской птичьей охоты Семеновскаго потѣшнаго двора Герасимъ Ларіоновъ вошелъ въ Московскую Губернскую Канцелярію со слѣдующимъ донесеніемъ:

«Сего сентября 18-го числа команды моей кречетникъ Михайла Іевлевъ сынъ Ларіоновъ и драгуны, будучи въ объѣздѣ по Можайской дорогѣ, разстояніемъ отъ Москвы въ тридцати пяти верстахъ, поймали въ лѣсныхъ дачахъ графа Федора Алексѣевича Апраксина, подъ деревнею Таганиково, ходящаго пѣшкомъ псаря его, Ивана Григорьева сына Вауштина, званнаго въ рогъ, при которомъ псарѣ взято означенный шейный охотничій рогъ, собакъ борзыхъ три, гончая одна, и вышеобъявленный рогъ, борзыя три собаки и одна гончая оставлены при псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ, а означеннаго псаря Вашутина «....для....» учиненія съ нимъ по указамъ въ Московскую Губернскую Канцелярію и объявляю при семъ доношеніе».

На допросѣ Вашутинъ показалъ, что онъ дворовый человѣкъ графа Апраксина, живетъ въ вотчинѣ послѣдняго, въ селѣ Успенскомъ, отстоящемъ отъ Москвы въ 30-ти верстахъ, гдѣ опредѣленъ для присмотра и корма борзыхъ и гончихъ собакъ, которыхъ на его попеченіи 30 штукъ. «Тому назадъ съ недѣлю, по утру, до обѣденнаго благовѣсту, пришелъ онъ къ сараю, гдѣ собаки, и увидѣлъ на дворѣ прогрызенную тѣми собаками дыру, и, войдя, увидѣлъ, что не достаетъ трехъ собакъ; взялъ рогъ, которымъ скликаютъ тѣхъ собакъ, побѣжалъ въ лѣсъ, который отъ села съ версту, и сталъ трубить въ рогъ. И по трубѣ тѣ собаки къ нему изъ лѣсу прибѣжали, съ которыми онъ и пойманъ объѣзжими драгунами. И звѣрей онъ никакихъ съ собаками не ловилъ, и онъ отъ господина своего, ни отъ приказщика, ни отъ кого приказаній не имѣлъ, чтобъ ловить тѣми собаками звѣрей, а приказано было ему только смотрѣть за собаками и кормить.

Губернская Канцелярія, найдя это объясненіе недостаточнымъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе того обстоятельства, что Вашутинъ не доказалъ явно и неопровержимо, будто ходилъ въ лѣсъ только для отысканія ввѣренныхъ его попеченію собакъ, убѣжавшихъ со псарни, рѣшила «за ту его продерзость, на страхъ другимъ, учинить ему наказаніе: бить плетьми; и по учиненію наказанія свободить съ распискою», увѣдомивъ о таковомъ своемъ рѣшеніи Оберъ-Егермейстерскую Контору. (Моск. Арх. Мин. Юст., оп. 211, свит. 1701, д. № 50).

[214]) 20 сентября 1749 года посланные Оберъ-Егермейстерскою Конторою, для наблюденія за соблюденіемъ указовъ, запрещавшихъ охоту въ окрестностяхъ Москвы, драгуны «промежъ Серпуховки и Коширки поймали со псовою охотою людей сержанта Семеновскаго полка Ханенева», двухъ человѣкъ, и привели ихъ въ названную контору вмѣстѣ съ четырьмя борзыми собаками и двумя смычками гончихъ, рогомъ мѣднымъ и охотничьимъ ножемъ.

Люди эти были отосланы въ Московскую Губернскую Канцелярію, гдѣ имъ произведенъ былъ допросъ.

Одинъ изъ задержанныхъ, Артемій Ильинъ, показалъ, что онъ дворовый человѣкъ Ханенева. «Тому назадъ будетъ мѣсяца съ два, и болѣе, господинъ его, оный Ханеневъ, послалъ его, Артемья, изъ Москвы, изъ дому своего, который обстоитъ въ Кудринѣ, въ приходѣ Покрова Богородицы, въ подмосковную свою вотчину, по Серпуховской дорогѣ, въ Московскій уѣздъ, въ сельцо Екимцево, которое отстоитъ отъ Москвы въ сорокѣ верстахъ, для присмотру въ посѣвѣ орженаго хлѣба, у котораго присмотру и былъ; и въ ту его въ томъ селѣ у того присмотру въ посѣвѣ хлѣба бытность, тому будетъ недѣли съ полторы, изъ Москвы, изъ онаго дому господина его, оный господинъ его съ человѣкомъ, Иваномъ Афанасьевымъ, прислалъ къ нему, Артемью, въ оное сельцо Екимцево для прокормленія не вѣсть чьихъ восемь собакъ гончихъ и борзыхъ, да рогъ мѣдный, да ножикъ, да нѣсколько шкваринъ свѣшныхъ для корму ими, при письмѣ; а въ письмѣ къ нему написано, чтобъ ихъ хранить и беречь, чтобъ не пропали, ибо тѣ собаки пріятельскія, а не господина его, а изъ того сельца съ ними за охотою отнюдь ему, Артемью, не велѣно. И по тому письму онъ, Артемій, принявъ тѣхъ собакъ на дворѣ господина своего

съ товарищемъ своимъ, дворовымъ же человѣкомъ, показанными шквариными, мѣшавъ со всякою мукою и рубя онымъ присланнымъ ножемъ, кормили. И тому будетъ нынѣ шестой день, въ бытность его, Артемья, на гумнѣ, при молотьбѣ хлѣба, оныя собаки съ двора онаго господина его сорвались и побѣжали полемъ въ рощу, которая отъ того сельца разстояніемъ сажень во стѣ. И какъ онъ, Артемій, увидѣлъ съ гумна, что тѣ собаки съ того двора сорвались и ушли въ рощу, то онъ, Артемій, побѣжалъ на дворъ оного господина своего и, прибѣжавъ, увидѣлъ товарища своего оного Осипа Егорова, что онъ спитъ, то, разбудя его и взявъ они рогъ, чѣмъ скликаютъ собакъ, побѣжали въ показанную рощу. И какъ оный Артемій съ онымъ товарищемъ прибѣжали къ рощѣ и стали тѣмъ рогомъ тѣхъ собакъ къ поимкѣ созывать, и въ то время наѣхали на нихъ объѣзжіе драгуны и съ тѣми собаками, и съ рогомъ, и съ ножемъ, который былъ на поясу у онаго товарища его, поймали и привели въ Семеновское, гдѣ имѣются Ея Императорскаго Величества въ содержаніи соколы, и содержались они оба трои сутки, а нынѣ приведены въ Московскую Губернскую Канцелярію. А онъ, Артемій, и товарищъ его, оный Осипъ, съ тѣми собаками изъ того сельца въ то число, и никогда, за охотою, конечно, не ходили и звѣрей и птицъ не ловили, а имѣлись тѣ собаки въ томъ сельцѣ, какъ выще значитъ, только для оного корму, а не для того, чтобъ съ тѣми собаками ѣздить за охотою. А что они тѣхъ собакъ изъ онаго, господина его, двора отъ неусмотрѣнія упустили и съ тѣми собаками онъ, Артемій, съ товарищемъ пойманы, и въ той ихъ винѣ вольна Ея Императорское Величество; а что со псовою охотою въ пятидесяти верстахъ ходить запрещено, указъ онъ, Артемій, слышалъ; и въ семъ допросѣ сказалъ сущую правду и ничего не утаилъ».

Осипъ Егоровъ далъ почти буквально такое же показаніе.

«Того ради указано объявленнымъ пойманнымъ объѣзжими драгунами сержанта Ханенева, людемъ, Артемью Ильину да Осипу Егорову, за несмотрѣніе ихъ, что собаки со двора помѣщика ихъ, показаннаго Ханенева, сорвались и побѣжали полемъ въ рощу, гдѣ они, и съ тѣми собаками, объѣзжими пойманы», по силѣ Высочайшихъ указовъ, «на страхъ другимъ, учинить имъ наказанье: бить плетьми нещадно и, по учиненіи наказанья, отдать ихъ въ домъ онаго Ханенева съ распискою, понеже они по допросамъ своимъ, кромѣ того, что о спускѣ со двора помѣщичья собакъ и о поимки ихъ, ни въ чемъ не винились и никакого на нихъ, чтобъ они со псовою охотою куда ѣздили, показательства не явилось». (Моск. Арх. Мин. Юст., оп. 211, св. 1707, д. № 122).

Способъ передвиженія на крайнемъ сѣверѣ Россіи, съ нѣмецк. грав. начала XVII ст.

215) Въ августѣ мѣсяцѣ того же 1752 года «объѣзжій около Москвы для поимки презрителей за капрала Симонъ Шишкинъ» представлялъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что 21 числа этого мѣсяца «имѣлся онъ съ драгуны въ разъѣздѣ промежъ Троицкой и Дмитровской дорогъ, и по той дорогѣ наѣхали въ неуказныхъ верстахъ, въ сорокѣ пяти, отставнаго маіора князя Сергія Яковлева сына Львова на охотниковъ его, Алексѣя Полякова, Никиту Нежданова да на Павла Иванова, которые ѣздили промежъ объявленныхъ Троицкой и Дмитровской дорогъ со псовою охотою, которыхъ охотниковъ, трехъ человѣкъ, и при нихъ борзыхъ четырнадцать да гончихъ четыре, итого восемьнадцать собакъ, да трехъ лошадей, и со всѣмъ къ нимъ приборомъ», взяли.

Препровожденные въ Оберъ-Егермейстерскую Контору охотники между прочимъ показали, что они ѣздили «Московскаго уѣзда подъ сельцомъ Пищалинымъ съ тою псовою охотою, за зайцами, которое отъ Москвы состоитъ въ 55 верстахъ, токмо они въ то время зайцовъ не поймали и, ѣздя подъ тѣмъ сельцомъ Пищалинымъ, стали было сбирать собакъ, и какъ тѣхъ собакъ собрали и хотѣли было ѣхать въ домъ господина своего въ показанное сельцо Пищалино, тогда на нихъ наѣхали объѣзжіе драгуны « . . . . . » и взяли подъ караулъ, и при нихъ показанныхъ собакъ и лошадей. А какъ оные драгуны его, Полякова, взяли со объявленными охотниками, тогда господъ ихъ, Львовыхъ, при нихъ не было. А публикованный указъ о запрещеніи, о неѣздѣ со псовою охотою, такожъ о неловленіи и нестрѣляніи какъ звѣрей, такъ и птицъ разстояніемъ отъ Москвы въ пятидесяти верстахъ, онъ, Поляковъ, и товарищи его слышали, а что они ѣздили за указными верстами, разстояніемъ отъ Москвы, какъ выше показано, въ 55 верстахъ, шлются на тамошнихъ окольныхъ обывателей».

Оберъ-Егермейстерская Контора приказала отправить и этихъ охотниковъ въ Московскую Губернскую Канцелярію съ тѣмъ, чтобы послѣдняя сообщила Конторѣ, что «со оными учинено будетъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

Въ сентябрѣ того же года драгунскій капралъ Михаилъ Соловьевъ доносилъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что, «будучи въ разъѣздѣ съ драгуны по Серпуховской дорогѣ, наѣхали Гвардіи капрала Ивана Еропкина и Артиллеріи штыкъ-юнкера Александра Чебышева въ неуказанныхъ отъ Москвы сорокѣ пяти верстахъ со псовою охотою, которую и взялъ, а именно: собакъ гончихъ 17, борзыхъ 13, роговъ мѣдныхъ 4, въ томъ числѣ 2 безъ муштуковъ, да охотниковъ 7 человѣкъ, лошадей 8».

Вся эта охота и 7 человѣкъ охотниковъ были доставлены въ Оберъ-Егермейстерскую Контору, однако, повидимому, Еропкинъ и Чебышевъ личному задержанію подвергнуты не были. Съ нихъ Московская Губернская Канцелярія взыскала «за неосторожную со псовою охотою отъ Москвы въ сорокѣ пяти верстахъ ѣзду штрафныя» деньги, по 10 рублей съ каждаго, каковыя деньги и препроводила въ Оберъ-Егермейстерскую Контору.

Между тѣмъ, 11 сентября, въ Оберъ-Егермейстерскую Контору поступило прошеніе служителя дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Сергѣя Александровича Голицына, Сергѣя Андреева, въ которомъ послѣдній «объявилъ, что со оною взятою псовою охотою онаго капрала Еропкина, одна лошадь, меринъ свѣтлосѣрый, грива въ правую сторону стрижена, съ сѣдломъ, взятая имъ, Еропкинымъ, у господина его на время, и просилъ, чтобы оную отдать въ домъ господина его, а приводной со оною псовою охотою, онаго Еропкина, человѣкъ его, Иванъ Улановъ, сказалъ что та лошадь подлинно взята господиномъ его, Еропкинымъ, у онаго статскаго дѣйствительнаго совѣтника на время».

Выслушавъ это прошеніе, Оберъ-Егермейстерская Контора разсудила: «Онаго капрала Еропкина и Штыкъ-юнкера Чебышева показанныхъ людей 7 человѣкъ отослать къ слѣдствію въ Московскую Губернскую Канцелярію при промеморіи, и что учинено будетъ, соблаговолено бы было прислать извѣстіе, а изъ приведенныхъ означенную одну лошадь отдать въ домъ статскаго дѣйствительнаго совѣтника князь Сергѣя Алексѣевича Голицына показанному человѣку его, Сергѣю Андрееву, съ распискою, а достальныя 7 лошадей отослать къ комисару Саватію Ларіонову, которому велѣть, описавъ въ лѣты, въ шерсть и въ примѣты, содержать при птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ съ прочими казенными лошадьми, записавъ въ приходъ, и содержать на казенномъ корму, а сѣдла отдать показанному Капралу Соловьеву съ драгуны для того, что оная псовая охота поймана имъ и у казенныхъ ихъ лошадей имѣющіяся сѣдла, отъ многой ихъ для поимки въ ловленіи оныхъ зайцовъ и птицъ презрителей ѣзды, имѣются въ ветхости, а собакъ и роги мѣдные велѣть принять кречетнику Федору Рыкунову ко псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ и собакъ содержать на корму съ прочими казенными собаки, а роги записать въ приходъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

216) 7 марта 1750 года драгуны «шквадрона капрала Бобкина» .....«наѣхали по дорогѣ на Воробьевыхъ горахъ» охотника дворцоваго села Воробьева, крестьянина Ивана Малдыкина, объявившаго, что ловилъ онъ векшу. Однако у Малдыкина оказались заячьи тенета и тайникъ. Этого преступника Высочайшаго указа, будущаго «колодника», отправили въ Московскую Губернскую Канцелярію для соотвѣтственнаго наказанія. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

Московскаго шквадрона драгунъ Василій Вострухинъ, «опредѣленный для разъѣзду у поимки около Москвы въ ловленіи звѣрей и въ стрѣляніи птицъ презрителей», наѣхалъ 2-го числа этого мѣсяца по Коширской дорогѣ охотника, дворового человѣка генерала и Кавалера господина Наумова, назвавшагося Михаиломъ Громовымъ, который на рѣкѣ Пахрѣ, близъ села Яму, убилъ двухъ утокъ. Громова вмѣстѣ съ его охотничими трофеями, въ видѣ двухъ застрѣленныхъ утокъ, доставили въ Оберъ-Егермейстерскую Контору. Въ Конторѣ этой Громова подвергнули допросу, причемъ «объявленный проводной показалъ, что онъ тѣхъ утокъ застрѣлилъ простотою своею, а о запретительномъ указѣ о неловленіи звѣрей и нестрѣляніи птицъ онъ слышалъ».

Само собою разумѣется, что подобная наивная отговорка Оберъ-Егермейстерскою Конторою во вниманіе принята не была, и Громова отправили въ Губернскую Канцелярію. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

Въ апрѣлѣ 1752 года Московскаго драгунскаго шквадрона капралъ Михаилъ Соловьевъ подалъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору рапортъ, которымъ доносилъ, что «по силѣ данной ему инструкціи, велѣно ѣздющимъ, ежели кто будетъ въ неуказныхъ верстахъ ловить и стрѣлять звѣрей и птицъ, ловя, приводить во оную Контору». Между тѣмъ «сего де апрѣля 12 числа былъ онъ, именованный, съ драгуны въ объѣздѣ по Калужской дорогѣ, и промежъ Каменки, отъ Москвы въ сорокѣ верстахъ, наѣхали въ лѣсныхъ угодьяхъ вотчины генералъ-маіора Александръ Тимофѣева сына Ржевскаго крестьянъ деревни Ярцева — Ивана Наумова, Мирона Захарова, Петра Никитина, Мирона Петрова, съ тенетами и съ однимъ зайцемъ, у которыхъ того зайца и тенеты взяли». Соловьевъ и драгуны «оныхъ пойманныхъ крестьянъ при томъ

рапортѣ и объявили, которые въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ въ допросѣ объявили: Первый: зовутъ его Иванъ Наумовъ сынъ Чикуновъ, крестьянинъ онъ онаго генералъ-маіора, Московскаго уѣзду, деревни Ярцевой, о указѣ о запрещеніи въ неловленіи и нестрѣляніи разстояніемъ отъ Москвы въ 50 верстахъ звѣрей и птицъ и зайцевъ онъ слышалъ, и въ Воскресный де день съ крестьянскими дѣтьми, имена которыхъ приведены выше, «для ловли» зайцовъ съ тенетами промежъ Калужской и Каменки, въ рощѣ князя Голицына, которая отстоитъ отъ деревни означеннаго господина его — Ярцовой — съ полверсты, а отъ Москвы въ 45 верстахъ, въ показанный Воскресный день ходили простотою и скудостью своею, а не по чьему приказу, и изловили только одного зайца, и въ то время, наѣхавъ, ихъ объѣзжіе драгуны поймали; а напрежъ сего какъ оный господинъ ихъ, такъ и онъ, и крестьяне, и никто другіе какъ зайцовъ, такъ и птицъ не ловили и не стрѣляли».

Остальные браконьеры показали то же, что и Чикуновъ.

Оберъ-Егермейстерская Контора разсудила: «Показанныхъ генералъ-маіора господина Ржевскаго крестьянъ, Ивана Чикунова съ товарыщи, за наступающею нынѣшнею лѣтнею крестьянскою работою, учиня имъ наказаніе, бивъ батожьемъ, чтобъ имъ впредь такъ дерзновенно чинить неповадно было, а другимъ въ страхъ, отдать, съ поставкою впредь (?), онаго генералъ-маіора господина Ржевскаго служителю съ распискою». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

Въ слѣдующемъ маѣ мѣсяцѣ тотъ же драгунскій капралъ Михаилъ Соловьевъ снова объявилъ въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что «имѣлся де онъ, именованный, въ разъѣздѣ съ драгуны по Боровской дорогѣ для поимки въ ловлѣ и въ стрѣляніи звѣрей и птицъ презрителей, по которой дорогѣ сегожъ мая 23 числа, отъ Москвы въ 40 верстахъ, близъ села Подосинокъ и деревни Вьюшковой, усмотрѣли, что незнаемо какой человѣкъ стрѣлялъ на прудѣ птицъ, котораго они со птицами рыболовами и поимали, и при томъ онъ сказался, что онъ генерала господина Тараканова и зовутъ его Алексѣемъ Ивановымъ».

Traineau de Kozkoi

Русскія сани начала XVII ст., съ франц. грав. того времени.

Доставленный въ Оберъ-Егермейстерскую Контору, этотъ Алексѣй Ивановъ сынъ Сироткинъ показалъ, что о запретительныхъ указахъ онъ ничего не зналъ, а «ходя съ ружьемъ и увидя на прудѣ, застрѣлилъ только одного рыболова простотою своею, а по другимъ ни по какимъ птицамъ какъ въ то время, такъ и напрежъ сего, и ни съ кѣмъ, и его де для стрѣлянія птицъ никто не посылалъ».

Сироткина «для изслѣдованія и для учиненія съ нимъ по указамъ» Оберъ-Егермейстерская Контора приказала отослать въ Московскую Губернскую Канцелярію. (Тамъ же).

Все тотъ же драгунскій капралъ Михаилъ Соловьевъ въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года донесъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что «іюня 13 дня былъ онъ, именованный, съ драгуны въ объѣздѣ, и близъ Москвы, между Симонова монастыря и Тюхалей, на полѣ, наѣхали Измайловскаго полку капитана Федора Васильева сына Ржевскаго дворовыхъ его людей, Савелья Иванова, Степана Гуцына, да Симонова монастыря крестьянина Федора Плотникова съ сѣтьми, и при нихъ два перепела, и они, драгуны, тѣхъ перепеловъ и сѣти у нихъ взяли».

На допросѣ Степанъ Гуцынъ показалъ, что «о запретительныхъ де указахъ о неловлѣ звѣрей, такъ птицъ и зайцевъ, онъ слышалъ, и сего де іюня 13 числа», съ товарищемъ Савеліемъ, «съ дѣтьми и съ самкою перепеловою близъ Симонова монастыря, какъ они пошли для ловли перепеловъ, объѣзжіе драгуны ихъ изловили; токмо они тѣхъ перепеловъ не ловили и для оной де перепеловъ ловли ходили впервые, а напрежде сего какъ птицъ, такъ и звѣрей не ловили и не стрѣляли, и кто бы птицъ и звѣрей ловилъ и стрѣлялъ, онъ не знаетъ».

Плотниковъ же показалъ, что 13 іюня «объѣзжіе драгуны его, какъ онъ ходилъ для смотрѣнія въ полѣ своихъ кормовъ, взяли, якобы въ ловлѣ перепеловъ, токмо онъ, Плотниковъ, тѣхъ перепеловъ и птицъ, и звѣрей какъ въ то время, такъ и никогда не лавливалъ, и ктобъ ловилъ и стрѣлялъ не знаетъ, а взятая де при немъ перепеловая самка и сѣти онъ, того время какъ оные драгуны ловили въ оржаномъ полѣ перепеловыхъ охотниковъ, нашелъ, а чьи тѣ сѣти и перепелка не знаетъ».

Всѣхъ троихъ Оберъ-Егермейстерская Канцелярія приказала препроводить для слѣдствія въ Московскую Губернскую Канцелярію. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

[217]) Вскорѣ послѣ этого назначенные для окарауливанія Тюхальскаго Дворца солдаты, Семенъ Соколовъ и Алексѣй Куликовъ, доносили Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, что «августа 27 дня взяли они близъ онаго Тюхальскаго дворца незнаемо какого человѣка въ стрѣляніи птицъ: какъ оный выстрѣлилъ близъ Долгова озера, то они онаго человѣка, и при немъ двѣ карманные пистолеты, порохъ, такожъ и пули взяли».

Изловленный пистолетный стрѣлокъ, по приводѣ его въ Оберъ-Егермейстерскую Контору, между прочимъ показалъ, «что зовутъ его Пименомъ Петровымъ сыномъ Кустаровскимъ, Польской націи вольной человѣкъ, и августа 27 числа пошелъ онъ изъ Москвы въ Малый Ярославецъ. въ вотчину Титулярнаго Совѣтника Василья Петрова сына Казаринова, къ дочери своей, которая у онаго Казаринова въ вотчинѣ его живетъ въ служеніи, и, дошедъ въ полѣ до Тюхальскаго дворца, изъ имѣвшихся у него двухъ карманныхъ купленныя новыя пистолеты, вынявъ одну пистолету и зарядя оную для опробаціи, выстрѣлилъ, а потомъ, зарядя, и въ другой разъ стрѣлялъ же простотою своею, а не по птицамъ, а публикованный указъ о запрещеніи стрѣльбы и прочаго на пятидесятиверстномъ отъ Москвы разстояніи, «онъ, Кустаровскій, не слыхалъ, ибо онъ Польской націи, а къ тому допросу, упрямствомъ своимъ, руки не приложилъ».

Кустаровскаго отправили на расправу въ Московскую Губернскую Канцелярію. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

[218]) Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (май 1880 годъ, стр. 195) приводится любопытное извѣстіе, касающееся разсматриваемаго вопроса, заимствованное изъ бумагъ извѣстнаго археографа М. Д. Хмырова. Цитируемъ его дословно:

«Въ 1742 году, въ Москвѣ и по всему Московскому уѣзду, распубликовано было, по принятому обычаю, съ барабаннымъ боемъ Высочайшее повелѣніе, чтобъ никто не охотился въ окружности 50 верстъ около Москвы.

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда сошелъ снѣгъ, помѣщикъ Нероновъ въ своей подмосковной деревнѣ приказалъ дворовымъ объѣзжать лѣсъ, въ видахъ предупрежденія самовольныхъ порубокъ крестьянами. Одинъ изъ дворовыхъ, объѣзжая лѣсъ, нашелъ на дорогѣ чучелу тетеревиную и поднялъ ее. На выѣздѣ изъ лѣса онъ встрѣтился съ драгунами, которые посланы были отъ Егермейстерской Конторы для поимки нарушителей Высочайшаго повелѣнія.

— Попался, братъ — закричали дворовому драгуны — стрѣлялъ тетерева?

— Какое стрѣлялъ — отвѣчалъ дворовый — на дорогѣ нашелъ чучелу.

— А зачѣмъ въ лѣсъ попалъ?

— Баринъ велѣлъ досматривать.

— Невѣрно говоришь — отвѣчали драгуны и повели съ собою въ городъ и сдали въ Егермейстерской Канцеляріи дворовaго вмѣстѣ съ чучелою.

«Изъ Егермейстерской Канцеляріи его отправили на изслѣдованіе и сужденіе въ Московскую Губернскую Канцелярію. Тутъ прежде всего посадили его вмѣстѣ съ чучелой подъ караулъ, а на другой день послали подканцеляриста съ солдатами въ деревню Неронова, съ порученіемъ изслѣдовать и письменно донести: 1) точно ли ходилъ дворовый въ лѣсъ именно для осмотра лѣса? 2) не стрѣлялъ ли онъ птицъ? 3) не разставлялъ ли чучелъ тетеревиныхъ? 4) въ какомъ мѣсяцѣ и числѣ и изъ какого села ѣздилъ онъ для осмотра лѣса? 5) были ли при немъ въ то время чучелы? 6) не видѣлъ ли кто стрѣлянія имъ птицъ? 7) не видѣлъ ли кто его, когда онъ шелъ обратно изъ лѣса съ чучелами? 8) не ходилъ ли онъ въ другія лѣсныя дачи, не принадлежащія помѣщику, для стрѣлянія птицъ? 9) если ходилъ, то въ чьи дачи? 10) какъ далеки эти дачи отъ Москвы?

«И вся эта канцелярская суматоха была поднята изъ-за тетеревиной чучелы, найденной на дорогѣ въ лѣсу. Не мудрено, что народъ питалъ отвращеніе и страхъ ко всѣмъ канцеляристамъ, наѣзжавшимъ въ деревню съ такими плодовитыми вопросами, а пока на вопросы не отберутъ отвѣтовъ, подозрѣваемый долженъ былъ сидѣть подъ карауломъ.

«Помѣщикъ Нероновъ накормилъ, напоилъ подканцеляриста, далъ ему деньжонокъ и самъ же подканцеляристъ написалъ удовлетворительные въ пользу дворовaго отвѣты, котораго вслѣдъ за тѣмъ и выпустили».

[219]) Отъ первыхъ лѣтъ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны сохранился слѣдующій интересный, относящійся къ разбираемому вопросу документъ, на которомъ года не значится:

«Петергофскаго звѣринца форштмейстеръ Газъ въ той (Оберъ-Егермейстерской, оставленной въ С.-Петербургѣ по отбытіи въ Москву Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи) Конторѣ объявилъ, что по отсутствіи Ея Императорскаго Величества въ Москву имѣющіеся въ Петергофѣ у надзиранія работъ оберъ-офицеры, Капитанъ Лидерицъ и поручикъ Нарманъ, какъ въ саду, такъ и въ звѣринцѣ стрѣляютъ птицъ и за зайцами ходятъ, которымъ онъ, Газъ, запрещалъ многократно, чтобъ они, въ силу запретительныхъ Ея Императорскаго Величества указовъ, птицъ не стрѣляли и зайцевъ не ловили, токмо они въ томъ его не слушали, а сказали, что они командиры и стрѣлять птицъ будутъ».

«А минувшаго апрѣля 18 дня, будучи онъ, Газъ, съ однимъ звѣровщикомъ въ Стрѣлиной мызѣ, увидѣли, что показанные жъ оберъ-офицеры и съ ними той мызы подмастерье Гринберхъ, ходя съ ружьями, у той мызы стрѣляютъ птицъ, которыхъ онъ паки запрещалъ же, а при томъ хотѣлъ ихъ взять и привести, куда надлежитъ, по указу».

«И оные оберъ-офицеры и подмастерье его, Газа, и звѣровщика били ружейнымъ прикладомъ смертельно».

«А при томъ изъ нихъ Капитанъ Лидерицъ, взводя у ружья курокъ, говорилъ ему, Газу, ежели отъ нихъ не отойдетъ, то хотѣлъ его, Газа, застрѣлить и, опустя ружье, граживалъ, ежели онъ, Газъ, за ними ходить будетъ, впредь еще бить смертельно будетъ».

«А потомъ, взявъ его насильно съ собою къ объявленному подмастерью, бранили его непотребною бранью и называли каналью и шельмою и недобрымъ человѣкомъ, отъ которыхъ побоевъ лежалъ онъ, Газъ, боленъ».

«И потому онаго форштмейстера Газа объявленію отъ той Конторы объ изслѣдованіи въ стрѣляніи, въ противность запретительныхъ указовъ, и въ бою его, форштмейстера, и звѣровщика тѣми оберъ-офицерами Государственной Военной Коллегіи въ контору, а о садовомъ подмастерьѣ въ Канцелярію отъ строеній сообщено». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

Какъ взглянули на это дѣло оба сказанныя учрежденія, какой карѣ подвергнулись лица, безцеремонно браконьерствовавшія, прикрываясь своимъ служебнымъ положеніемъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ.

Въ ноябрѣ того же 1752 года драгунскій капралъ Михаилъ Соловьевъ доносилъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что «сего де ноября 7 числа имѣлся онъ съ драгуны въ разъѣздѣ для ловли презрителей, которые около Москвы ловятъ звѣрей и стрѣляютъ птицъ, и межъ Воскресенскаго монастыря и Звенигорода идущаго человѣка съ ружьемъ поймалъ, который сказался, что онъ человѣкъ вдовы княгини Прасковьи Черкасской, и зовутъ его Григорьемъ Борисовымъ, и при немъ взялъ ружье».

Браконьеръ былъ приведенъ въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, которая, допросивъ его, приговорила «оному придворному человѣку, Григорью Борисову, за самовольное его за охотою съ ружьемъ для птицъ стрѣлянія, учинить въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ наказанье плетьми нещадно, чтобы впредь какъ ему, такъ и прочимъ, вѣдая запретительные указы, чинить онаго было не повадно». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

[220]) Въ ордерѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи Московской ея Конторѣ, отъ 21 сентября 1784 года, между прочимъ, читаемъ:

«Его Сіятельства господина генералъ-аншефа, генералъ-адъютанта и разныхъ орденовъ кавалера и въ Москвѣ главнокомандующаго, графа Якова Александровича Брюса, собственнымъ егерямъ его дозволяется стрѣлять около Москвы птицъ во всякое время». (Общ. Арх. Мин. Двора, № 1658, стр. 82).

Лѣтомъ 1743 года Императрица Елисавета Петровна разрѣшила Камергеру князю Андрею Федотовичу Вяземскому «со псовою охотою и со своими охотниками ѣздить отъ Москвы за 35 верстъ», но никакъ не ближе этого разстоянія отъ города и при томъ безъ гостей. Наблюдавшимъ въ то время за выполненіемъ запретительныхъ объ охотѣ у Москвы указовъ, драгунскому капралу и ефрейторамъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ предписано принять къ руководству сказанное Высочайшее разрѣшеніе и слѣдить за тѣмъ, чтобы князь Вяземскій точно соблюдалъ поставленныя ему условія, при нарушеніи которыхъ охотниковъ приказывалось задерживать. (Рукоп. Имп. ох.).

11 октября 1781 года князь Григорій Александровичъ Потемкинъ писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну, что Императрица разрѣшила графу Петру Борисовичу Шереметеву выѣзжать на охоту съ собаками въ его деревняхъ подъ Москвою. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 86).

19 февраля 1795 года Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ увѣдомилъ Оберъ-Егермейстера князя Голицына, что Императрица разрѣшила ему, Мусинъ-Пушкину, «близъ Москвы, въ заповѣдныхъ мѣстахъ ѣздить съ собаками и стрѣлять, прося вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать соотвѣтственныя сему разрѣшенію распоряженія». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 146).

[221]) 16 декабря 1756 года Капитанъ Герасимъ Ларіоновъ вошелъ въ Московскую Оберъ-Егермейстерскую Контору съ представленіемъ, «чтобы въ Дворцовую Контору сообщить промеморію и требовать, дабы отъ оной соблаговолено было въ Хатунскую волость послать указъ, въ которомъ написать, чтобы около той Хатунской волости, въ дачахъ, запретить впущать посторонних охотниковъ какъ со псовою охотою, такъ и съ тенетами, дабы отнюдь никто живыхъ зайцевъ не обивалъ, понеже оные зайцы впредь подлежатъ быть къ увеселенію Ея Императорскаго Величества тою псовою охотою, для сажанія въ Измайловской звѣринецъ».

Оберъ-Егермейстерская Контора, признавъ ходатайство Капитана Ларіонова соотвѣтственнымъ обстоятельствамъ дѣла, постановила «во оную Дворцовую Контору сообщить промеморію и которую требовать, чтобъ оная Контора благоволила въ означенную Хатунскую волость, къ кому надлежитъ, подтвердить Ея Императорскаго Величества указомъ, дабы около той Хатунской

волости, въ дачахъ, со псовою охотою посторонніе люди не ѣздили и зайцевъ отнюдь не ловили, кромѣ псовой Ея Императорскаго Величества охоты охотниковъ, и въ томъ наикрѣпчайшее смотрѣніе чинено и поступано бъ было, какъ о томъ Ея Императорскаго Величества указы повелѣваютъ, и Дворцовая Контора да благоволитъ учинить о томъ по Ея Императорскаго Величества указу». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 14, д. № 169).

[222]) 15 сентября 1754 года Суздальская Провинціальная Канцелярія представляла въ Правительствующій Сенатъ, что, несмотря на воспослѣдовавшее запрещеніе ловить и травить зайцевъ въ названной провинціи, въ Канцелярію постоянно поступаютъ отъ помѣщичьихъ крестьянъ Суздальскаго уѣзда жалобы, «что многое число охотниковъ со псовою охотою, за онымъ запретительнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ, ѣздятъ въ постороннія разныхъ господъ дачи и хлѣбъ поминаютъ, и за запрещеніе многихъ крестьянъ бьютъ».

Суздальская Канцелярія испрашивала указаній Правительствующаго Сената, какъ должно ей поступать въ подобныхъ случаяхъ?

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ это представленіе, опредѣлилъ: «ежели кто и еще отъ того не удержится и пойманы и изобличены будутъ, съ тѣми поступлено будетъ яко съ преступниками указовъ, безъ упущенія», о чемъ и увѣдомилъ Суздальскую Провинціальную Канцелярію для соотвѣтственнаго распубликованія. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 10295).

Около того же времени «поданымъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору корытничій Степанъ Пановъ доношеніемъ представилъ: въ силу де посланнаго изъ Оберъ-Егермейстерской Конторы къ нему указу велѣно ему стаю молодыхъ гончихъ собакъ наѣзжать въ Юрьевскомъ и Суздальскомъ уѣздехъ и въ прочихъ мѣстахъ. И нынѣ имъ въ тѣ мѣста посланъ былъ охотникъ для осмотру заячьихъ набоевъ, токмо оный объявилъ, что въ тѣхъ мѣстахъ заячьихъ набоевъ не имѣется, а наѣхано де имъ заячьихъ довольно набоевъ во Володимерскомъ уѣздѣ въ Базлачевской волости и около деревни Липни и въ прочихъ мѣстахъ. А марта 5 числа въ тѣ мѣста отправлены отъ него кормы и фуражъ на наступающую весну для наѣздки въ томъ уѣздѣ въ тѣхъ и прочихъ мѣстахъ гончихъ молодыхъ собакъ, и требуетъ, дабы повелѣно было объ ономъ въ Володимерскую Провинціальную Канцелярію опредѣлить указомъ, въ которомъ написать, когда онъ въ тотъ уѣздъ прибудетъ съ охотою, чтобъ дать ему отъ оной провинціи послушной указъ для объявленія во оном уѣздѣ обывателямъ, гдѣ имѣть будетъ выѣзды, то въ тѣхъ мѣстахъ всякаго чина людямъ ему въ выѣздахъ запрещенія бъ никакого жъ не чинили и по требованію его какъ въ господскихъ и синодальныхъ, и экономическихъ вотчинахъ квартиры бъ даваны были безъ всякаго препятствія».

Русскія сани начала XVII ст., съ франц. грав. того времени.

По наведеніи соотвѣтственныхъ справокъ въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, оказалось, что по опредѣленію этой Конторы, состоявшемуся въ 1769 году, по ходатайству того же корытничаго Панова «въ бытность онаго Панова при наѣздкѣ гончихъ собакъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ да въ Юрьевскомъ Польскомъ и въ Суздальскомъ уѣздахъ», въ провинціальныя канцеляріи названныхъ мѣстъ «указы посланы, и требовано, чтобы отъ тѣхъ канцелярій означенному корытничему Панову даны были послушные указы въ томъ, что когда онъ, Пановъ, для наѣздки гончихъ собакъ въ означенныхъ уѣздахъ, гдѣ имѣть будетъ выѣзды, то бъ въ тѣхъ мѣстахъ всякаго чина людемъ ему, Панову, запрещенія никакого чинено не было и по требованію его квартиры даваны были».

Вслѣдствіе этого Оберъ-Егермейстерская Контора опредѣлила поступить такъ же и по настоящему ходатайству Панова. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. № 46).

[223]) 27 февраля 1762 года С.-Петербургскій Генералъ-Полицеймейстеръ Корфъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что «Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь, Императоръ Петръ Ѳедоровичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Именнымъ Своего Величества изустнымъ указомъ, указать соизволилъ: Дворцовымъ егерямъ воронъ и прочихъ птицъ въ С.-Петербургѣ стрѣлять позволить и въ томъ воспрещенія не чинить, и подъ караулъ тѣхъ егерей за стрѣляніе изъ ружья не брать». (Полн. Собр. Зак., ст. 11—11453).

[224]) 16 мая 1782 года Фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Петру Алексѣевичу Голицыну, что Императрица, «свѣдавъ, что Егерской команды ученики, разъѣзжая по Невѣ-рѣкѣ, стрѣляютъ птицъ, Высочайше указать соизво-

лила, чтобъ Ваше Сіятельство имъ сіе накрѣпко запретили, а ежели они впредь въ такой стрѣльбѣ найдены будутъ, то подвергнуть себя положенному по законамъ штрафу». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 90).

5 ноября 1784 года Императрица Екатерина Великая услышала ружейный выстрѣлъ на рѣкѣ Малой Невѣ и приказала дежурному Генералъ-Адъютанту тотчасъ же узнать, кто осмѣлился произвести подобный безпорядокъ. Отправившійся на мѣсто Генералъ-Адъютантъ увидѣлъ, что выстрѣлъ этотъ послѣдовалъ съ лодки, на которой сидѣли съ ружьями и въ зеленыхъ мундирахъ двое неизвѣстныхъ людей, очевидно, удравшихъ послѣ того, какъ замѣтили, что на нихъ было обращено вниманіе. Предполагая по обмундированію неизвѣстныхъ людей, что таковые были изъ Егерской команды, Императрица приказала Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну изслѣдовать это дѣло, а виновныхъ, за ихъ дерзость, съ коей они нарушили объявленный по сему предмету Высочайшій указъ, подвергнуть наказанію, подтвердивъ вмѣстѣ съ тѣмъ чинамъ Егерской Команды, «дабы отнюдь не осмѣливались чинить таковыхъ дерзновеній внутри столицы, а тѣмъ паче въ присутствіи Ея Величества». (Тамъ же, № 112).

[225]) 8 мая 1769 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ вошелъ къ Императрицѣ со слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ:

«Въ чужихъ Государствахъ, какъ извѣстно, что около городовъ всѣ поля и лѣса наполнены разныхъ родовъ дичью, а здѣсь напротивъ того, что ближе къ столицѣ, то дичи меньше потому, что обывателями тамъ оная истреблена, что едва-ль можно ее пріискать и для стола Вашего Императорскаго Величества, которые истребители чинятъ то похищеніе, не взирая на строгіе запретительные Именные и Правительствующаго Сената указы, публикованные въ прошедшихъ годахъ; и для пресѣченія такого зла не соизволите ли Ваше Императорское Величество повелѣть, всѣхъ тѣхъ, кои будутъ изыманы въ произвожденіи охоты борзыми собаками, фузеями и какими бы ни было орудіями, въ запретительныхъ мѣстахъ, то-есть: около С.-Петербурга, Петергофа, Царскаго и Краснаго селъ, тако жъ де и Кипенской мызы въ тридцати верстахъ во всѣ стороны, а въ Москвѣ отъ оной въ пятнадцати верстахъ, неимущихъ отсылать въ Военную Коллегію въ солдаты, а съ зажиточныхъ, съ каждаго, брать рекрута, въ наказаніе за ихъ такое самовольство; ибо въ нѣмецкихъ странахъ и вяще сего наказываются таковые преступники; яко-то каторгою и прочимъ. А для преумноженія дичи указать Всемилостивѣйше Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи за билеты брать деньги въ казну ежегодно съ саможелающихъ ѣздить за охотою въ тѣ запретительныя мѣста, за каждую фузею съ одною легавою собакою, такожъ за всякую свору борзыхъ собакъ 40 рублевъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ, кто возметъ на свое имя билетъ, никому другому онаго отнюдь не давалъ, на которую сумму всѣ потребныя мѣста будутъ наполнены зайцами и сѣрыми куропатками, да также на тѣ деньги и жилищи построятся въ пристойныхъ мѣстахъ для заставныхъ объѣзжателей, по подобію чужестранныхъ гегрейторовъ къ сохраненію той дичи, и о томъ Высочайше повелѣть Именнымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ Полицеймейстерскимъ и Губернскимъ Канцеляріямъ, чтобы оныя въ своей командѣ объявили съ подписками какъ городскимъ жителямъ, такъ и прикащикамъ и сторожамъ по всѣмъ деревнямъ и мызамъ, дабы никто не отважился истреблять никакого роду дичи какими бы то орудіями или средствами производимо оное губленіе ни было, подъ опасеніемъ вышеписаннаго штрафа — взятья въ солдаты».

На докладѣ этомъ Императрица Екатерина II положила собственноручную резолюцію: «Быть по сему». (Подл. докл. Сборн. Им. Ук., № 41).

[226]) Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ за 1772 и 1773 года нерѣдко печатались отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи публикаціи: «Желающіе брать билеты для произведенія въ запретительныхъ мѣстахъ охотъ съ фузеями и борзыми собаками, съ платежемъ какъ для стрѣльбы съ одною фузеею и легавою собакою, такъ и для ѣзды на поля со псовою охотою съ тремя борзыми собаками, за каждый билетъ по сорокъ рублевъ, приходили бъ въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, гдѣ оные и получать имѣютъ». (С.-Петерб. Вѣд. 1772 года, № 56 и 1773 года, № 54 и друг.).

По Яхтъ-штату 1773 года было положено «собираемую за даваемые для стрѣлянія изъ ружей и ѣзды со псовою охотою въ запретительныхъ мѣстахъ желающимъ людямъ билеты сумму, сколько оной въ каждомъ году будетъ въ приходѣ, имѣть Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи на покупку для выпуску около С.-Петербурга зайцевъ и куропатокъ; а ежели за тѣмъ что будетъ оставаться, то употреблять на касающіяся по Оберъ-Егермейстерскому корпусу надобности и числить оную сумму экономическою». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

[227]) № 18. 8 іюля 1787 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала Главностатейничему Якову Ларіонову: «Оберъ-Егермейстерская Контора, разсуждая, что присланные изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, для раздачи въ нынѣшнемъ лѣтѣ желающимъ людямъ производить охоты въ пятнадцати около Москвы верстахъ стрѣляніемъ дикихъ птицъ, стрѣлебные билеты имѣютъ быть розданы, коихъ по 7 день сего іюля и роздано самое малое

число и для того, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказала къ вамъ послать сей указъ, коимъ и велѣть, чтобы отъ васъ, для осмотру въ запретительныхъ около Москвы мѣстахъ, командированы были въ семъ іюлѣ мѣсяцѣ, въ объѣздѣ, ежедневно, отъ птичей охоты служители съ тѣмъ, чтобъ никто безъ билетовъ въ тѣхъ мѣстахъ птицъ не стрѣлялъ и съ охотами не ѣздилъ, и если отъ тѣхъ служителей ежедневно объѣздъ и смотрѣніе производимо будетъ, то уповательно, что и стрѣлебныхъ билетовъ желающимъ людямъ роздано будетъ болѣе». (Общ. Арх. М-ва Двора, д. № 1658, стр. 106).

Къ 13 іюля слѣдующаго 1788 года относится слѣдующій указъ той же Конторы статейщику птичьей охоты Коноплеву: «Ордеромъ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, сего іюля отъ 3 числа, Конторѣ сей велѣно, для осмотру, дабы около Москвы въ запретительныхъ верстахъ безъ билетовъ никто не стрѣлялъ и другихъ охотъ не производилъ, посылать изъ имѣющихся нынѣ въ Москвѣ, оставшихъ за отправою въ Санктъ-Петербургъ, птичей охоты служителей, верхами на казенныхъ той охоты лошадяхъ, по скольку человѣкъ — по разсмотрѣнію оной Конторы за нужно признано будетъ непремѣнно. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія приказали: для вышеписаннаго около Москвы въ запретительныхъ мѣстахъ объѣзду, взять изъ Измайловскаго звѣринца съ полеваго корму изъ лошадей птичей охоты четырехъ, о выпускѣ жъ тѣхъ лошадей изъ звѣринцу Секундъ-Маіору Торбѣеву и о производствѣ съ того числа онымъ овса изъ наличнаго, по положенному окладу, въ пріемъ вашъ, съ запискою въ расходъ и съ роспискою, къ комисару Николаю Рыкунову послать (и посланы) указы, а когда тѣ лошади съ полеваго корму взяты будутъ, то съ того числа вамъ, по очереди, наряжать для того объѣзду изъ служителей птичей охоты по четыре человѣка; лошадей же употреблять въ тотъ объѣздъ съ перемѣною, а служителей присылать въ Контору, которымъ дать отъ Конторы, для того, что они должны объѣздъ имѣть около Москвы въ разныхъ мѣстахъ, письменные, за казенною печатью, два приказа, съ подтвержденіемъ, чтобы они стрѣляющихъ безъ билетовъ и ѣздящихъ въ указныхъ верстахъ со псовою охотою брали и приводили въ Оберъ-Егермейстерскую Контору; данныхъ же имъ для того объѣзда казенныхъ лошадей велѣть имъ крайне беречь и по объѣздѣ, на другой день, являться имъ въ Контору и о исполненіи репортовать, при чемъ, для осмотру, казенныхъ лошадей представлять». (Тамъ же, стр. 112).

Въ томъ же году Оберъ-Егермейстеръ Князь Голицынъ всеподданнѣйше представлялъ Императрицѣ Екатеринѣ Великой, что установленный въ 1769 году сорокарублевый сборъ за билеты, дающіе право партикулярнымъ людямъ охотиться въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ, въ запрещенныхъ мѣстахъ, съ ружьемъ и со псовою охотою, представляется настолько значительнымъ, что желающихъ воспользоваться подобнымъ правомъ не оказывается. Поэтому князь Голицынъ ходатайствовалъ о пониженіи платы за сказанные билеты.

Императрица Екатерина II разрѣшила Оберъ-Егермейстеру понизить цѣну за билеты по его усмотрѣнію, послѣ чего князь Голицынъ и установилъ таковую въ размѣрѣ 10 рублей за билетъ. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 77).

[228]) 17 іюля 1763 года «объявлялось во всенародное извѣстіе» слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

«Ея Императорское Величество, Всемилостивѣйшая Государыня Высочайше повелѣть соизволила: Марта съ 1 числа до Петрова дни, никому и нигдѣ во всемъ Государствѣ звѣрей и птицъ (кромѣ хищныхъ: изъ звѣрей — медвѣдей, волковъ и лисицъ, а изъ птицъ — коршуновъ, ястребовъ, воронъ, галокъ, воробьевъ и другихъ тому подобныхъ), какъ тенетами, цѣвками, петлями, кляпцами и никакими тому подобными инструментами и ямами не ловить, такъ и съ собаками не ѣздить, и не стрѣлять, подъ штрафомъ по силѣ прежде опубликованныхъ указовъ, а съ Петрова дни хотя и на всякія позволить, однакожъ не ближе въ разстояніи отъ Москвы 15 верстъ, а въ 15 верстахъ никому и ни подъ какимъ видомъ, ни въ какое время, съ собаками для ловли звѣрей не ѣздить и тѣхъ звѣрей, такожъ и птицъ ничѣмъ не ловить и не стрѣлять безъ особаго на то указа. Чего ради о непремѣнномъ по оному исполненіи симъ и публикуется». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11876).

29 января 1764 года воспослѣдовалъ нижеслѣдующій Именной указъ, данный Сибирскому Губернатору Чичерину:

«Донесено Намъ отъ Нашего Генералъ-Фельдмаршала графа Салтыкова, что по причинѣ учиненнаго Нами запрещенія, о нестрѣляніи звѣрей и птицъ весною, многіе Сибирскіе народы, приходя къ вамъ, просятъ, что они не имѣютъ иного пропитанія, какъ только весеннимъ временемъ налетѣвшихъ въ безчисленномъ множествѣ всякихъ птицъ и по заливнымъ островамъ звѣрей бьютъ, а тѣмъ на цѣлый годъ пропитаніе себѣ заготовляютъ. Чего ради черезъ сіе Мы дозволяемъ, для показанныхъ резоновъ, въ Сибири и въ отдаленныхъ тамошнихъ мѣстахъ, во всякое время птицъ стрѣлять, а на заливныхъ островахъ звѣрей бить». (Тамъ же, ст. 12025).

Подобныя же исключенія изъ общаго правила дѣлались и для другихъ мѣстностей. Такъ, 5 марта 1765 года, усмотрѣвъ изъ доклада Архангельскаго Губернатора, что Пустозерскіе

крестьяне, «то жъ и Самоядцы, за неимѣніемъ у нихъ пашенной земли, на дневное себѣ пропитаніе всегда оленей дикихъ и зайцевъ, а изъ птицъ лебедей, гусей, утятъ, куропатокъ, тетеревей и прочихъ птицъ стрѣляли и ловили въ удобное вешнее время; при томъ же и обитающіе близъ города Архангельска, тожъ въ Кевролѣ, въ Мезени и въ Колѣ, и при морскихъ берегахъ жители, изъ коихъ большая часть и хлѣба не сѣютъ, а питаются промыслами, въ томъ числѣ и вышеписанными звѣрями и птицами».... «птицы же, яко то гуси, утки только единовременно въ году, въ маѣ и въ апрѣлѣ мѣсяцахъ, пролетомъ мимо показанныхъ мѣстъ бываютъ, а въ тѣхъ мѣстахъ не плодятся; а сверхъ того Великоустюжской провинціи Яренскаго уѣзда крестьяне для звѣриныхъ промысловъ отъ жилищъ своихъ отходятъ въ лѣса по пяти и по шести сотъ верстъ, съ 7 генваря, и бываютъ до половины апрѣля; а нынѣ марта съ 1-го возвращаются въ домы свои, черезъ что нѣкоторые и въ платежѣ подушныхъ денегъ показываютъ изнеможеніе» — усмотрѣвъ все изложенное, Императрица Екатерина II приказала ловлю и стрѣляніе птицъ производить тамошнимъ жителямъ въ удобное для нихъ время, въ теченіе круглаго года. (Тамъ же, ст. 12348).

23 апрѣля 1768 года Генералъ-Прокуроръ объявилъ Правительствующему Сенату Именной Высочайшій указъ: «Ея Императорское Величество повелѣть соизволила подтвердить, дабы въ вешнее время около Петербурга лосей не убивали». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 13104).

17 марта 1775 года былъ обнародованъ всемилостивѣйшій Ея Императорскаго Величества манифестъ о различныхъ льготахъ, даруемыхъ подданнымъ. «Всякъ видѣть можетъ», писала въ манифестѣ Великая Императрица, «колико есть материяя Наша къ вѣрноподданнымъ любовь, снисходящая даже до малыхъ подробностей, служащихъ къ народному облегченію; ибо Мы блаженство свое и увеселеніе поставляемъ единственно въ доставленіи подданнымъ Нашимъ мирнаго и всякимъ удовольствіемъ снабженнаго жительства».

Спальня Петра I въ Марли, въ Петергофѣ, съ англійской грав.

Пунктъ 29-й этого манифеста гласилъ: «Отрѣшаемъ сборъ или оброкъ съ звѣринныхъ и птичьихъ промысловъ и повелѣваемъ онаго впреть не сбирать и не платить». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14275).

По поводу приведеннаго пункта манифеста 17 марта 1775 года возникъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли устанавливаемое имъ правило примѣнить и по отношенію мѣры, проведенной Оберъ-Егермейстерскою Канцеляріею въ 1769 году, то-есть по отношенію платныхъ билетовъ, выдаваемыхъ на право охоты въ запретительныхъ мѣстахъ окрестностей С.-Петербурга и Москвы.

Оберъ-Егермейстерская Канцелярія высказалась, что подобное толкованіе Высочайшаго манифеста было бы совершенно неправильно. По мнѣнію Канцеляріи выдачу сказанныхъ билетовъ нельзя разсматривать, какъ оплату извѣстнаго промысла, во-первыхъ, такъ какъ охота по билетамъ у С.-Петербурга и Москвы есть «самовольное каждаго изъ партикулярныхъ людей желаніе производить охоты въ запретительныхъ законами мѣстахъ», а во-вторыхъ, такъ какъ на сумму, получаемую за означенные билеты было указано размножать дичь въ окрестностяхъ столицъ, на каковую надобность «особливой суммы не положено, но еще и велѣно, ежели будетъ какой отъ оной остатокъ, писать въ Оберъ-Егермейстерскомъ Корпусѣ тѣ деньги экономическою суммою». (Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, д. № 57).

[229]) Рукоп. Сборн. Им. Указ., № 76.

[230]) Что касается князя Григорія Григорьевича Орлова, то онъ постоянно, въ бытность свою въ Петербургѣ, охотился въ окрестностяхъ Царскаго Села, Краснаго Села, Кипенской мызы и Гатчины, основалъ въ послѣдней, какъ мы уже видѣли, первыя охотничьи учрежденія, и охота была для него настолько необходимымъ развлеченіемъ, что онъ испросилъ даже разрѣшенія Императрицы взять съ собою въ походъ подъ Фокшаны, часть птитьей и псовой Царскихъ охотъ, о чемъ мы уже говорили выше.

[231]) Считаемъ не лишнимъ привести справку, насколько послѣднее лицо, то-есть графъ Завадовскій, человѣкъ вполнѣ серіозный, былъ преданъ охотничьей страсти.

25 февраля 1780 года графъ Завадовскій писалъ графу Александру Романовичу Воронцову изъ своего имѣнія Ляличь: «Вмѣсто того, чтобъ хозяйство разбивать, я съ утра до вечера

въ лѣсу живу на охотѣ и забываю всѣ выгоды, которыя держутъ васъ въ столицѣ». (Арх. кн. Воронцова, т. XII, стр. 21).

12 мая того же года Александръ Андреевичъ Безбородко писалъ графу Роману Ларіоновичу Воронцову: «Мы ранѣе днемъ, а можетъ-быть и болѣе, поспѣшимъ въ Могилевъ (дѣло идетъ о путешествіи въ эти мѣста Императрицы), для того и пишу я къ Петру Васильевичу (графу Завадовскому, который въ то время жилъ въ своемъ помѣстьѣ у Могилева), чтобъ онъ не прозѣвалъ нашего пріѣзда, гоняя зайцевъ». (Тамъ же, т. XIII, стр. 16).

6 августа 1785 года графъ Завадовскій писалъ графу Семену Романовичу Воронцову изъ Екатеринодара: «Я живу между своею семьею и посреди псовой охоты». (Тамъ же, т. XII, стр. 31).

Завадовскій нерѣдко отлучался на охоты на десять и болѣе дней, отъѣзжая отъ своего помѣстья на многіе десятки верстъ (тамъ же, стр. 132 и др.), а выѣзды на охоту называлъ: «прекрасной Діанѣ послѣдовать въ лѣсахъ». (Тамъ же, т. XXIV, стр. 165).

[232]) 26 октября 1720 года послѣдовалъ именной Высочайшій указъ, данный Астраханскому Губернатору Волынскому (Артемію Петровичу, впослѣдствіи Оберъ-Егермейстеру), коимъ предписывалось ему посылать въ горы и другія мѣста «для бобровъ и для барсовъ, чтобы ихъ покупать молодыхъ и выбирать у нихъ когти, также и зубы вытравлять спиртомъ витріольнымъ (по франц. значитъ купоросъ; витріольный спиртъ, вѣроятно, купоросное масло, то-есть сѣрная кислота) или крѣпкою водкою, только беречь, чтобъ не мазать десны, и которые вылѣчатся, высылать въ С.-Петербургъ. Также присылать и прочихъ звѣрей, какъ олени, такъ и другихъ, которые курьезны». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 3668).

Въ 1722 году, во время похода Императора Петра Великаго на Дербентъ, сопровождавшія его лица нерѣдко подносили Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ различныхъ живыхъ и битыхъ птицъ и звѣрей, за что получали довольно цѣнные по тому времени подарки. Такъ, солдатъ Преображенскаго полка наградили подъ Дербентомъ 14 августа двумя рублями денегъ за зайчиковъ и перепелокъ; имъ же 20-го числа того же мѣсяца дано 19 алтынъ 4 деньги за зайчиковъ, перепеловъ и турухтановъ; 30 августа выданъ подпрапорщику Копорскаго полка Ильѣ Иконникову одинъ рубль за живого фазана; 1 сентября того же полка каптенармусу Володимирову дано 8 алтынъ 2 деньги за фазана же живого, и проч. Замѣтимъ кстати, что въ этотъ Персидскій походъ живыхъ фазановъ подносилось Императрицѣ чрезвычайно много, и что за эту птицу, за исключеніемъ перваго по времени поднесенія подпрапорщикомъ Иконниковымъ, всегда платилась одна и та же цѣна, то есть 8 алтынъ 2 деньги или 25 копѣекъ. (Сборн. арх. бум. о П. В., т. II, стр. 143 и многія друг.).

[233]) Отъ 1721 года сохранилось описаніе Лѣтняго сада и содержавшихся въ немъ птицъ и звѣрей. Изъ описанія этого, находящагося въ дневникѣ Берхгольца, заимствуемъ лишь относящіяся къ разбираемому нами предмету свѣдѣнія.

Въ то время Лѣтній садъ имѣлъ продолговатую форму; съ восточной его стороны находился Лѣтній дворецъ, съ южной оранжерея, съ западной большой лугъ и съ сѣверной рѣка Нева. Съ сѣверной стороны, у воды, находились три крытыя галлереи, а противъ средней галлереи, самой большой, простиралась широкая аллея съ фонтанами. На аллеѣ этой имѣлась площадка со статуей и большимъ фонтаномъ съ одной стороны и съ птичникомъ съ другой, «гдѣ» — какъ пишетъ Берхгольцъ,— «многія птицы частью свободно расхаживаютъ, частью заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. Тамъ есть орлы, черные аисты, журавли и многія другія рѣдкія птицы. Тутъ же содержатся, впрочемъ, и нѣкоторыя четвероногія животныя, какъ, напримѣръ, очень большой ежъ, имѣющій множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до одиннадцати дюймовъ длиною (дикобразъ?). Въ день празднованія Полтавскаго сраженія царь, показывая этого ежа Его Высочеству (герцогу Голштинскому), приказалъ вынуть нѣсколько такихъ иглъ, которыя уже слабо держались. Изъ нихъ одну я сберегъ для себя. Кромѣ того, тамъ есть еще синяя лисица, нѣсколько соболей и проч. Въ высокомъ домикѣ съ восточной стороны множество прекрасныхъ и рѣдкихъ голубей». Около статуи была бесѣдка, окруженная прудомъ и сообщающаяся съ берегомъ при посредствѣ ботика. «На водѣ плаваетъ здѣсь большое количество самыхъ рѣдкихъ гусей и утокъ, которые до того ручны, что позволяютъ кормить себя изъ рукъ. По берегу, вокругъ, разставлены маленькіе домики, гдѣ они, вѣроятно, запираются на ночь». . . . . «Далѣе отсюда, вправо, стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми групами летаютъ и садятся на посаженныя внутри ея деревца». (Дневн. Берхгольца, ч. I, стр. 92 и 93).

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ у Берхгольца: 27 іюня 1721 года «царь показывалъ герцогу садъ, птичникъ, въ которомъ было множество прекрасныхъ рѣдкихъ птицъ и красивый гротъ, несовсѣмъ еще отдѣланный». Не знаемъ однако, былъ ли это тотъ же Лѣтній садъ. (Тамъ же, стр. 70).

[234]) Первыя по времени С.-Петербургскія охотничьи учрежденія были звѣровые дворы. Таковыхъ въ самомъ началѣ XVIII столѣтія было два: одинъ звѣровый дворъ стоялъ противъ Троицкой пристани, а другой противъ Хамовой улицы, въ приходѣ церкви Симеона Богопріимца.

Въ первомъ содержался «первый слонъ съ протчими звѣрьми», а во второмъ «только малые звѣри и птицы». (Вас. Рубанъ, стр. 136).

Первый слонъ, присланный изъ Персіи вскорѣ послѣ закладки С.-Петербурга, содержался собственно въ одномъ изъ принадлежавшихъ лично Царю Петру I домиковъ съ тесовыми крышами, которые были разбросаны по нынѣшнему Царицыну лугу, усаженному въ то время деревьями въ нѣсколько аллей. Въ такой обстановкѣ находился этотъ слонъ, когда, 12 марта 1714 года, осматривалъ его Петръ Великій. (Юрналъ 1714 года, стр. 93). Вѣроятно, къ этому домику вскорѣ были сдѣланы пристройки, образовавшія вмѣстѣ съ домикомъ первый звѣровый дворъ, о которомъ упоминаетъ Рубанъ въ своемъ описаніи С.-Петербурга.

[235]) Въ дневникѣ Берхгольца подъ 30 октябремъ 1723 года, между прочимъ, читаемъ:

«Привели сюда (въ С.-Петербургъ) слона, присланнаго изъ Персіи, и мы знали, что его повели къ дому Императора, чтобы показать Императорской фамиліи. . . . . Слона привезли изъ Шлиссельбурга водою. Ему седьмой годъ и онъ далеко не такъ великъ, какъ тотъ, котораго я видѣлъ здѣсь въ 1713 году; у него даже не было еще обоихъ большихъ зубовъ». 31 октября, «по утру нѣкоторые изъ насъ ходили взглянуть на слона, котораго мы прежде не успѣли разсмотрѣть хорошенько. Онъ помѣщенъ въ домѣ, устроенномъ для прежняго слона, и тамъ прикованъ цѣпью за одну ногу, но очень смиренъ и ученъ. Хоботомъ своимъ онъ бралъ у насъ изъ рукъ бѣлый хлѣбъ и тутъ же съѣдалъ его. Также охотно игралъ съ приставленными къ нему людьми, изъ которыхъ одного нѣсколько разъ поднималъ хоботомъ высоко отъ земли. Животное это самецъ». (Берхгольцъ, т. III, стр. 247 и 248).

[236]) Юрналъ 1725 года, стр. 10.

Подъ 9 февралемъ 1725 года читаемъ въ дневникѣ Берхгольца:

«Его Королевское Высочество (герцогъ Голштинскій) получилъ отъ Императрицы въ подарокъ огромнаго кабана, двухъ прекрасныхъ козулей самцовъ и молодого оленя, которые присланы сюда изъ Кіева. Говорятъ, что и иностраннымъ министрамъ сдѣланы отчасти подобные же подарки, потому что сюда вдругъ прислано было довольно много вышеупомянутыхъ животныхъ, которыхъ здѣсь нѣтъ». (Дневн. Берхгольца, т. IV, стр. 122).

[237]) Камеръ-фур. журн. 1726 года, стр. 27.

[238]) Въ 1733 году въ вѣдѣніи С.-Петербургской Дворцовой Конторы «строенія домовъ и дворцовъ» имѣлись различныя птицы и животныя, какъ-то кулики; голуби: простые, грибастые, зобастые, трубастые; гуси сибирскіе; казарки; утки голландскія; крякуши. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 455).

[239]) Въ 1739 году при царскихъ охотахъ предположено было устроить въ С.-Петербургѣ особый паркъ подъ названіемъ «Яхтъ-гартенъ». Изъ промеморіи Канцеляріи отъ строеній въ С.-Петербургскую Дворцовую Контору, отъ 8 апрѣля 1741 года, видно, что, по Именному указу Императрицы Анны Іоанновны, послѣдовавшему 12 декабря 1739 года, повелѣно было, по апробованному плану, въ Петербургѣ, «позади Третьяго сада, на порожнемъ мѣстѣ, сдѣлать Яхтъ-гартенъ для гоньбы и стрѣлянія оленей, кабановъ и зайцевъ». Но это повелѣніе не было приведено въ исполненіе по самый 1741 годъ (ст. 302).

[240]) На планѣ города С.-Петербурга 1737 года, хранящемся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи, С.-Петербургскія охоты показаны размѣщенными въ трехъ особыхъ дворахъ:

1) звѣровый дворъ и псовая охота были расположены въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Михайловскій манежъ, домъ Военнаго Министра и Инженерный Замокъ;

2) слоновый дворъ былъ расположенъ, гдѣ стоятъ теперь зданія Главнаго Военно-Медицинскаго и Главнаго Казачьяго Управленій и противолежащіе дома до рѣки Фонтанки,

и 3) птичій дворъ находился на теперешнемъ мѣстѣ Екатерининскаго Института благородныхъ дѣвицъ и простирался отъ этого мѣста вплоть до Литейной улицы.

Въ то же время личному персоналу С.-Петербургскихъ охотъ квартиры отводились распоряженіемъ Полиціи.

18 марта 1737 года Оберъ-Егеймейстеръ Волынскій доносилъ Императорскому Кабинету: «Потребно въ С.-Петербургѣ обрѣтающемуся при Дворѣ Яхтъ-Юнкеру, Оберъ-Егерю, егерямъ и прочимъ при охотахъ служителямъ дать квартиры, и хотя отъ него въ Полицію промеморіи посланы, но по тѣмъ отведена квартира только одному оберъ-егерю, а Яхтъ-Юнкеру, егерямъ и прочимъ служителямъ квартиръ не дано, и за чѣмъ — на промеморію его письменно не отвѣтствовано; только Генералъ-Полицеймейстеръ словесно объявилъ, что онымъ служителямъ квартиръ ассигновать безъ указу изъ Кабинету не смѣютъ. Того ради проситъ, чтобъ повелѣно было означеннымъ служителямъ отъ Полиціи квартиры дать».

Императорскій Кабинетъ постановилъ ходатайство Оберъ-Егермейстера уважить. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7206).

Замѣтимъ, что вышеприведенный докладъ Волынскаго, между прочимъ, указываетъ на то обстоятельство, что въ періодъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны въ С.-Петербургѣ была

организована Егерская охота, то-есть охота ружейная, облавная и съ легавыми собаками, но что отдѣльнаго егерскаго двора въ то время еще не существовало.

241) Въ 1740 году на звѣровомъ дворѣ содержалось: 21 американскій олень, 2 индіанскихъ козы, 6 мараловъ, 2 львицы, при одной львицѣ молодая собака, 2 бобра (барса), рысь, куница, лисица чернобурая, 4 медвѣдя бѣлыхъ, 6 медвѣдей черныхъ, волкъ, 3 лисицы молодыхъ и 4 ястреба. (Тамъ же).

242) Въ 1738 году на звѣровомъ дворѣ содержалось львица, барсы и 5 бѣлыхъ медвѣдей, при которыхъ находилось трое звѣровщиковъ. (Рукоп. Сборн. Изустн. ук.).

243) «Звѣровый дворъ» находился на Хамовой улицѣ, въ приходѣ Симеона и Анны, и занималъ значительное пространство, обнесенное вокругъ деревяннымъ заборомъ, вышиною до 4-хъ футовъ. Стороною, гдѣ были ворота, онъ примыкалъ къ каналу, черезъ который былъ мостъ. Дворъ этотъ составляли слѣдующіе отдѣлы:

1) «Покой» — рядъ помѣщеній для разныхъ звѣрей. Въ апрѣлѣ 1741 года покои эти были передѣланы: подъ стѣны вокругъ подведенъ «для лучшей звѣрямъ теплоты» каменный, плитный фундаментъ; печи переложены, а въ нихъ вдѣланы, «на сводахъ чугунныя небольшія трубы»; для всхода на кровли на случай пожара, а также и для чистки трубъ, устроены лѣстницы, двѣ большія и десять малыхъ. Въ покояхъ помѣщались слѣдующіе звѣри: въ одномъ, въ особыхъ свѣтлицахъ, двѣ львицы, изъ которыхъ одна перевезена была въ Петербургъ еще до 1737 года (откуда неизвѣстно), а другая, съ маленькою собачкой, доставлена въ 1739 году изъ Англіи. Для послѣдней львицы въ 1741 г. сдѣланъ новый «ящикъ»-клѣтка въ 6 футовъ высоты и $2^1/_2$ сажени длины; подъ ящикъ поддѣланы валы, «чтобы можно было для содержанія оной львицы лѣтнимъ временемъ на дворъ оный ящикъ изъ покоя вывозить». На кормъ львицамъ отпускалась баранина: старой львицѣ по 22 фунта, а другой, вмѣстѣ съ собачкою, по 24 фунта на день. Въ другомъ покоѣ содержались два бобра: «старый», привезенный ко двору до 1740 года (откуда и когда именно — изъ документовъ не видно), и годовая самка, доставленная въ Петербургъ прибывшимъ въ 1740 году изъ Хивы посольствомъ. Объ этомъ послѣднемъ звѣрѣ въ бобромъ хивинецъ, Шафій Гадаевъ, объявилъ: на объявленнаго де бобра въ кормъ молоко требовалъ онъ на каждый день по ведру для того, что оный молодъ, и нынѣ ему минулъ только одинъ годъ и мѣсяцъ, и завсегда еще пьетъ молоко и къ водѣ не привыченъ; а старому бобру молока меньше дается потому, что оный временемъ пьетъ каждый день и воду». До 1741 года оба бобра содержались порознь, отдѣленные другъ отъ друга стѣною; въ концѣ же того года отдѣлявшая ихъ стѣна была снята «для того, что надлежитъ держать самца съ самкою». Старому бобру отпускалось въ кормъ баранины по 22 фунта въ день; съ конца же 1741 года стали отпускать и молодой самкѣ говядину, по 22 фунта ежедневно. Кромѣ мяса, оба бобра получали въ кормъ молока, по 8 кружекъ на обоихъ въ день «....». «Въ слѣдующемъ покоѣ, въ особыхъ «ящикахъ», съ дверцами на петляхъ, помѣщались: въ одномъ рысь, поступившая на звѣровый дворъ въ 1740 году, въ другомъ чернобурая лисица. На кормъ имъ отпускалось говядины въ день: первой по 3, второй по 2 фунта. Наконецъ, въ послѣднемъ покоѣ содержались три мартышки. Въ началѣ 1741 года мартышки эти находились на птичьемъ дворѣ; въ мартѣ предполагалось перевезти ихъ на слоновый или ауроксовъ дворъ, но предположеніе не состоялось, а въ концѣ того же года онѣ помѣщены на звѣровомъ дворѣ. Въ бытность мартышекъ на птичьемъ дворѣ на кормъ имъ отпускалось Канцеляріею отъ строеній (такъ какъ птичій дворъ находился въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи этой Канцеляріи) по 30 яблокъ, по 5 кружекъ свѣжаго молока въ день. Съ переводомъ ихъ на звѣровый дворъ въ отпускѣ кормовыхъ припасовъ документахъ находимъ слѣдующія, не лишенныя интереса подробности: прибывшіе въ Петербургъ для ухода за нимъ двое хивинцевъ потребовали немедленно отпустить: свѣчей, «желѣзную съ трубками доску», въ окна желѣзную рѣшетку и для пойла мѣдный тазъ, а на кормъ молока, по ведру въ день. Это послѣднее требованіе показалось Дворцовой Конторѣ преувеличеннымъ, вслѣдствіе чего она отнеслась въ Канцелярію Егермейстерскихъ дѣлъ съ запросомъ: почему на этого бобра требуется такое количество молока, когда старому отпускается менѣе? На этотъ запросъ Канцелярія отвѣчала, что «присланный изъ Хивы съ онымъ

«Тиранъ» и «Лизетта», собаки Петра I, съ гр. И. Клауберъ, съ рис. К. Мейера.

произошла остановка. Дворцовая Контора, руководствуясь тѣмъ, что яхтъ-штатомъ на содержаніе мартышекъ кормовъ не положено, отказалась отпускать ихъ изъ своихъ запасовъ. Объ этомъ обстоятельствѣ отъ Егермейстерскихъ дѣлъ представлено было Придворной Конторѣ. Между тѣмъ какъ происходила переписка по этому предмету, мартышки кормились на счетъ звѣровщиковъ. Наконецъ, Дворцовая Контора, получивъ разъясненіе Придворной Конторы, опредѣлила: впредь, до указа, производить кормъ мартышкамъ изъ своихъ запасовъ на томъ основаніи, что мартышки изъ вѣдомства Канцеляріи отъ строеній уже выбыли и, по мѣсту новаго пребыванія, состоять въ вѣдомствѣ Дворцовой Конторы; вмѣстѣ съ тѣмъ Контора положила уплатить звѣровщикамъ издержанныя ими на кормъ собственныя деньги. На мартышекъ отъ Дворцовой Конторы отпускались тѣ же кормовые припасы и въ томъ же количествѣ, какіе назначались прежде, съ прибавкою только хлѣбовъ папушниковъ или валенцовъ изъ куличной муки, двухкопѣечныхъ, по два въ день. Для ухода за мартышками состоялъ работникъ».

. . . . . 2) «Острогъ» — помѣщеніе для бѣлыхъ медвѣдей. Это было пространство, огороженное тыномъ, съ пятью дверями и двумя окнами съ желѣзными рѣшетками. Въ острогѣ находился прудъ, обложенный по берегамъ досками и имѣвшій четыре спуска. Медвѣди содержались въ амбарахъ, по одному въ каждомъ. Въ 1740 году медвѣдей состояло всего 4, изъ нихъ одинъ въ томъ же году застрѣленъ. Въ кормъ имъ отпускалось говяжье мясо и хлѣбы-басманы. По яхтъ-штату 28 января 1741 года положено на медвѣдей отпускать мясо отъ Канцеляріи отъ строеній, а хлѣбы отъ Дворцовой Конторы. Сначала на каждаго изъ нихъ отпускалось мяса по 10 фунтовъ въ сутки, но какъ такого количества оказалось «недовольно», то Канцеляріею отъ строеній, 19 января 1741 года, опредѣлено было отпускать наличнымъ тремъ медвѣдямъ въ добавокъ къ ихъ корму и тѣ 10 фунтовъ мяса, которые полагались на четвертаго медвѣдя (застрѣленнаго). О количествѣ же хлѣбовъ, отпускавшихся Дворцовой Конторою на каждаго медвѣдя въ сутки, изъ документовъ не видно; сохранилось лишь свѣдѣніе, что, по исчисленію Оберъ-егеря Бема, требовалось на кормъ тремъ медвѣдямъ въ 1742 г. хлѣбовъ-басмановъ 378 пуд. 4 ф.».

«Кромѣ вышеозначенныхъ животныхъ на звѣровомъ дворѣ содержался орелъ. Въ маѣ 1740 года онъ переведенъ былъ во дворецъ, а на его мѣсто помѣщена была чернобурая лисица. На кормъ орлу, въ бытность его на звѣровомъ дворѣ, отпускалось отъ Дворцовой Конторы говядины по 2 фунта въ день».

«Къ описанію животныхъ звѣроваго двора остается дополнить, что на всѣхъ выходило въ годъ соломы для подстилки 480 пудовъ».

6 человѣкъ звѣровщиковъ помѣщались на томъ же дворѣ въ шести отдѣльныхъ покояхъ (стр. 324 — 326).

[244]) Въ томъ же году содержавшіеся на звѣровомъ дворѣ, въ особыхъ чуланахъ, бѣлые медвѣди проломали въ мартѣ мѣсяцѣ крышу своего помѣщенія. Починку этого поврежденія, повидимому, не повлекшаго за собою никакихъ приключеній, производила Канцелярія отъ строеній. (Рукоп. Имп. ох.).

[245]) «Ауроксовъ дворъ находился недалеко отъ звѣроваго двора и въ немъ содержались ауроксы (дикіе быки). Именнымъ указомъ, даннымъ Канцеляріи отъ строеній 31 іюля 1739 года повелѣно ауроксовъ дворъ, для помѣщенія присланныхъ въ этомъ году Императрицѣ отъ короля Прусскаго восьми ауроксовъ, передѣлать слѣдующимъ образомъ: скотобойню сломать и освободившееся мѣсто вычистить и засыпать пескомъ; болото передъ скотобойнею заложить фашинникомъ и засыпать пескомъ; стойла внутри двора, «гдѣ прежніе ауроксы стаивали, починить».

«Въ половинѣ 1741 года на этомъ дворѣ ауроксовъ уже не было. По справкѣ Канцеляріи отъ строеній, въ сентябрѣ того года, оказалось, что «оные померли, а нынѣ на томъ дворѣ жительство никто не имѣетъ». Въ этомъ же мѣсяцѣ на ауроксовомъ дворѣ отведена была квартира Оберъ-егерю Бему, а въ октябрѣ того года помѣщены голландскія коровы». (Бытъ Росс. Госуд. 1740 — 1741 г., стр. 326).

[246]) Въ 1739 году на звѣровомъ дворѣ содержались львица и при ней маленькая собачка, присланная въ іюлѣ мѣсяцѣ изъ Англіи, а также восемь ауроксовъ, присланныхъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ августѣ мѣсяцѣ въ подарокъ отъ Прусскаго короля. Кромѣ того, тутъ же содержалось девять штукъ неизвѣстныхъ «малыхъ американскихъ дичикъ», двѣ малыя иностранныя дикія козы, персидскіе быкъ и корова, сибирскій быкъ «съ лошадинымъ хвостомъ» и орелъ. (Общ. арх. Мин. Двора, оп. 36, 1629, д. 46).

[247]) Въ «Бытѣ Россійскаго Государства въ 1740—1741 годахъ» отведено весьма значительное мѣсто описанію тогдашнихъ С.-Петербургскихъ охотъ, а въ особенности Слоноваго двора. Нѣкоторыя изъ приводимыхъ въ этомъ сочиненіи свѣдѣній намъ уже были приведены выше по первоисточникамъ, нѣкоторыя изъ свѣдѣній, по ихъ мелочности и, такъ сказать, исключительно хозяйственно-экономическому характеру, не представляютъ особаго интереса для исторіи охоты, почему мы и заимствуемъ изъ этого сочиненія только свѣдѣнія, отличающіяся нѣкоторой новизною или оригинальностью.

«Въ декабрѣ 1740 года Командующій охотами Полковникъ Трескау, опредѣливъ Бема (оберъ-егеря) смотрителемъ звѣроваго двора, отдалъ служащимъ при томъ дворѣ приказъ слѣдующаго содержанія:

«Приказано отъ меня на Звѣровомъ дворѣ, надъ звѣрями и надъ вами смотрѣніе имѣть Оберъ-егерю Бему. Того ради вамъ ему, оберъ-егерю, быть во всемъ послушными и всегда его ранортовать; а ежели-жъ вы въ чемъ ему не будете послушными или явитесь въ какихъ продерзостяхъ, и въ томъ будете жестоко штрафованы безъ всякихъ вашихъ отговорокъ». (Бытъ Россійскаго Государства, ч. I, стр. 312).

[248]) Въ октябрѣ 1738 года на Слоновый дворъ были доставлены для содержанія тамъ восемь присланныхъ къ Императорскому двору индѣйскихъ оленей, наблюденіе за которыми было поручено егерю Качману. Этимъ невиданнымъ еще въ С.-Петербургѣ оленямъ приказано было выдавать слѣдующій кормъ, каждому: въ мѣсяцъ: 15 пудовъ сѣна, 3 куля гороху, 10 фунтовъ соли; въ недѣлю: 16 кочней красной и столько же бѣлой капусты; въ день: 8 фунтовъ печенаго ситнаго французскаго хлѣба. На подстилку имъ шло 50 пудовъ соломы ежемѣсячно, а для осматриванія звѣрей зимою по ночамъ покупалась ежедневно копѣечная сальная свѣча. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36—1629, д. № 46).

Въ 1739 году для помянутыхъ выше индѣйскихъ оленей былъ устроенъ въ предѣлахъ города С.-Петербурга особый звѣринецъ, гдѣ приказано было произвести посѣвы гороха, ячменя и овса. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36 — 1629, д. № 46).

[249]) «Малый звѣринецъ предназначенъ былъ для американскихъ оленей. Находился онъ на лугу, противъ Лѣтняго дворца и занималъ весьма большое пространство, обнесенное деревянною оградою съ нѣсколькими воротами, запиравшимися желѣзными замками. О величинѣ площади звѣринца можно судить изъ того, что въ 1740 году на ней высѣяно было четверть ячменя, 2 четверти овса и 4 четверти ржи. Въ апрѣлѣ 1740 г. звѣринецъ предполагалось перенести на другое мѣсто; но было ли это приведено въ исполненіе, изъ документовъ не видно».

«Лизетта», лошадь Петра I, бывшая въ Полтавскомъ бою, съ гр. Н. Клауберъ, по рисунку К. Мейера.

«Число содержащихся въ Маломъ звѣринцѣ американскихъ оленей; но не смотря на это во весь 1741 годъ наличность ихъ превышала штатное положеніе: въ началѣ года состояло 30 оленей, въ іюлѣ 22 — 23, въ августѣ 22».

«Припасы, требовавшіеся къ содержанію оленей, отпускались отъ Дворцовой Конторы. До Яхтъ-штата 28 января 1741 года отпускъ ихъ производился въ слѣдующемъ количествѣ на каждаго оленя: сѣна по 6 пудовъ, бѣлаго гороха *) по три четверти, соли **) по 1¼ фунта въ мѣсяцъ; капусты бѣлой и синей, по два кочня каждой, въ недѣлю; ситнаго хлѣба по одному фунту въ сутки; свѣчь ***) на одну копѣйку въ день; кромѣ того, на подстилку соломы по 50 пудовъ на всѣхъ въ мѣсяцъ». (Внутр. Бытъ Росс. Госуд., стр. 343).

«Въ маломъ звѣринцѣ, кромѣ американскихъ оленей, въ 1739 — 1740 годахъ содержались двѣ «иностранныя малыя дикія козы». По представленію Оберъ-Егермейстера Волынскаго, Императорскій Кабинетъ 7 сентября 1739 года предписалъ Дворцовой Конторѣ на этихъ козъ

*) Въ 1739 году оберъ-егерь Бемъ представлялъ Оберъ-Егермейстеру Волынскому, что «въ лѣтнее время оленей горохомъ кормить не способно; они могутъ быть оттого жирны, а въ жары жрети; и чтобъ вмѣсто гороха употреблять овесъ, противъ того втрое», — на что и получилъ разрѣшеніе.

**) Соль употреблялась, между прочимъ, на «солонье глины».

***) Свѣчи требовались на осматриваніе «оленей въ зимнее время».

отпускать: «самаго лучшаго лиственнаго сѣна» 4 пуда, бѣлаго гороха 2 четверти, русскихъ бобовъ четверикъ, гречневой крупы полъ четверика въ мѣсяцъ; капусты бѣлой 8 кочней, красной 8 кочерыжекъ въ день; дровъ (длинныхъ) 6 саженъ на всю зиму. Въ началѣ 1741 года въ звѣринцѣ содержалась только одна коза «дикая», «иностранная», «индіанская»... (стр. 344).

[250]) На Слоновомъ дворѣ въ 1740 году содержалось, кромѣ слона, также 38 бѣлыхъ оленей, присланныхъ изъ Астрахани для историческаго маскарада, которые были почему-то признаны бывшимъ Оберъ-Егермейстеромъ Волынскимъ негодными для охоты и для звѣринцевъ, вслѣдствіе чего Дворцовой Конторѣ и было предложено принять этихъ оленей для употребленія, куда слѣдуетъ, въ пищу. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

[251]) 20 іюня 1737 года Гвардіи Капитанъ-поручикъ Рахмановъ доносилъ Императорскому Кабинету, что 28 мая того же года Императрица приказала «приведенному въ С.-Петербургъ слону быть подъ вѣдѣніемъ Оберъ-Егермейстера и Ея Императорскаго Величества Генералъ-Адъютанта господина Волынскаго, а въ небытность его надлежащее надзираніе надъ тѣмъ слономъ имѣть Лейбъ-Гвардіи Капитану поручику Гаврилѣ Рахманову. А понеже въ прошедшемъ 1736 году ноября 6 дня въ сообщенной изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества, за подписаніемъ сіятельныхъ господъ Кабинетныхъ Министровъ, къ нему, господину Оберъ-Егермейстеру, писана, чтобъ для содержанія того слона (пока оный изъ Москвы сюда приведенъ будетъ) заготовить здѣсь заблаговременно на кормъ принадлежащіе припасы, а что для него покупано въ бытность въ Астрахани и на дорогу до Москвы, о томъ пріобщенъ реестръ. А какіе припасы употребляемы были на кормъ прежде бывшимъ здѣсь слонамъ, чтобъ о томъ справиться и взять изъ тѣхъ мѣстъ, откуда на нихъ тѣ припасы покупаны или что изъ оныхъ въ натурѣ давано, извѣстіе». По этимъ извѣстіямъ оказалось, что прежде бывшимъ въ С.-Петербургѣ слонамъ припасы и лѣкарство частью покупались въ С.-Петербургѣ Акцизною камерою, частью доставлялись натурою изъ Астрахани. Начальникъ конвоя, сопровождавшаго слона, Коломенскаго полка капитанъ Свѣчинъ, при сдачѣ слона представилъ «остаточныхъ отъ расходовъ денегъ» 460 рублей, да нѣкоторое количество припасовъ, сарачинскаго пшена, сахару и проч., «а сколько какихъ припасовъ на кормъ онаго слона въ дачѣ отъ него, капитана, каждый день производжено было, о томъ оставленъ отъ него реестръ, по которому и нынѣ ему тотъ же кормъ производится, и чего изъ припасовъ отъ Капитана Свѣчина въ пріемѣ нѣтъ, а по реестру на кормъ или по требованіямъ звѣровщиковъ на лѣкарство оному слону выдать надлежитъ, тѣ припасы покупаются» на счетъ принятой отъ Свѣчина остаточной суммы. «А что прежнему слону на кормъ и на лѣкарство припасовъ производилось, оные съ припасами для нынѣшняго слона во многомъ несходственны, понеже какіе прежнему слону припасы на кормъ даваны, нынѣшнему того не производится. А звѣровщики Алексѣй Назарьевъ, Павелъ Петровъ, которые были при прежнемъ слонѣ, показали, что де тѣми припасами, которые даваны были прежнему слону нынѣшняго кормить, также и лѣкарства тѣ употреблять, которыми онъ не пользованъ, небезопасно, дабы не сдѣлалось ему отъ того какой болѣзни, а надлежитъ неотмѣнно какъ кормъ, такъ и лѣкарства давать ему все тѣжъ, что нынѣ ему производится и къ чему онъ обыкъ. И впредь де они, звѣровщики, содержать того слона и довольствовать кормомъ и куда надлежитъ ѣздить хотя и могутъ, токмо еще ко всѣмъ его слоновымъ обычаямъ привыкнуть не могли и ежели случится у него какая болѣзнь, то они въ пользованіе обстоятельно знать не могутъ и для того, чтобы оставить на нѣсколько время обрѣтающихся у того слона звѣровщиковъ Персіанъ Агасадыга и Горгильбе, а буде оные оставлены не будутъ, то хотя оставить Индѣйцовъ Гулэ и Дидара, которые нынѣ въ С.-Петербургѣ при Персидскомъ послѣ, понеже де оные съ тѣмъ слономъ изъ Индіи пришли и совершенно его слоновые обычаи знаютъ». Руководствуясь показаніями названныхъ звѣровщиковъ, Рахмановъ просилъ о назначеніи на содержаніе слона ежегодно по 2369 р. 51 к., объ отпускѣ, по мѣрѣ надобности, изъ Главной Аптеки потребныхъ лѣкарствъ, съ тѣмъ, чтобы «въ который годъ сколько забрано будетъ тѣхъ лѣкарствъ, платить деньги по прошествіи года, откуда Кабинетъ Ея Императорскаго Величества выдавать приказать соизволитъ», о приказаніи тѣ припасы, которые въ С.-Петербургѣ доставать нельзя, пріобрѣтать черезъ посредство Астраханской Губернской Канцеляріи, «а сколько потребно будетъ для варенья слону корму и для топленія зимнемъ временемъ на слоновомъ двору печей дровъ и одному звѣровщику хлѣбное жалованье», отпускать безденежно изъ Дворцовой Конторы. Также ходатайствовалъ Рахмановъ и объ оставленіи при слонѣ звѣровщиковъ Персіанъ.

Императорскій Кабинетъ, удовлетворивъ ходатайство Рахманова, предписалъ ему «расходъ держать съ осмотрѣніемъ, чтобъ лишняго ничего, требовано и на сторонѣ, куда не надлежитъ, употреблено не было, чего смотрѣть ему самому».

Весьма интересенъ составъ корма, полагавшагося слону. Ему ежедневно отпускалось: 30 фунтовъ сарачинскаго пшена, въ томъ числѣ 10 фунтовъ вмѣсто маиса, котораго въ продажѣ не имѣлось; 2 пуда пшеничной муки; 5 фунтовъ сахару; 8 фунтовъ масла коровьяго; 20 золотниковъ перцу; 20 золотниковъ имбирю; 20 золотниковъ «зардачю» (?); 4 золотника корицы;

4 золотника гвоздики; 4 золотника кардамону; 4 золотника мускатныхъ орѣховъ; 1 золотникъ шафрану; 5 фунтовъ соли; въ лѣтнее время по четверти бѣлаго винограднаго вина; въ зимнее время по четверти водки; въ лѣтнее время возъ травы; въ зимнее время по 5 пудовъ сѣна и тростнику. Кромѣ того, къ расходамъ по содержанію слона относилось: пріобрѣтеніе ежедневно по 10 сальныхъ свѣчей для караульщиковъ; покупка для изготовленія лѣкарствъ молока, сала козьяго и бараньяго и яицъ; пріобрѣтеніе красокъ для окрашиванія слона, вѣроятно, на случай парадныхъ выходовъ; наемъ двухъ служителей для возки слону воды и для рубки дровъ. На лѣкарство слону шли медикаменты: татуля, баладаръ, ралъ, неянъ, каладанъ, ангузе, слантъ, бекенфилъ, раванъ, зиніонъ, банкъ, седавъ, беденжилъ, ревень, цылибуха, бура. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36—1629, д. № 41).

По доношенію того же Рахманова, въ октябрѣ 1737 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о выдачѣ отъ Дворцовой Конторы, по требованію Рахманова, кормовъ, мяса и прочаго обрѣтающимся на звѣровомъ дворѣ звѣрямъ, въ числѣ коихъ находились львица и боберъ (барсъ).

Въ августѣ 1738 года было приказано заколотить пенькою стѣны слоноваго амбара, «чтобъ отъ наступающей стужи и холодныхъ вѣтровъ не учинилось слону поврежденія», чего сильно опасался надзиравшій за слономъ слоновщикъ Персіянинъ. (Рукоп. Сборн. Изустн. Указ.).

[252]) Въ 1741 году Шахъ-Надиръ или Кули-Ханъ Персидскій прислалъ въ С.-Петербургъ посольство съ цѣлью пріобрѣсти дружбу Русской короны, намѣреваясь, послѣ совершеннаго имъ покоренія Индіи, подчинить своей власти и Турцію. Посольство это вмѣстѣ со многими богатыми дарами, похищенными въ сокровищницахъ Индѣйской столицы Дели, привело въ С.-Петербургъ 14 слоновъ и 30 верблюдовъ. (Минихъ-сынъ, стр. 198 и Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. № 12).

[253]) Бытъ Росс. Госуд. 1740 — 1741 г., стр. 327, 332, 333, 335, 336, 338, 340, 341 и 342.

[254]) Отъ 1743 года сохранилось извѣстіе о томъ, что при Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи хранились получавшіеся со Слоноваго двора слоновые клыки и расходовались оттуда по мѣрѣ надобности. Эти хранившіеся клыки именовались «отпилками», что наводитъ на мысль, что содержимымъ во дворѣ слонамъ отпиливали часть бивней, вѣроятно, во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ. (Рукоп., принадл. Имп. ох.).

До мая мѣсяца 1745 года на Слоновомъ дворѣ, по концамъ слоновыхъ амбаровъ, были расположены служительскіе покои. Въ маѣ Императрица Елисавета Петровна, озабочиваясь принятіемъ на Слоновомъ дворѣ противопожарныхъ мѣръ, приказала названные покои разобрать и выстроить ихъ вновь, на разстояніи, покой отъ покоя, не менѣе трехъ саженъ, не сообщая одно зданіе съ другимъ и загородивъ простѣнки между зданіями (вѣроятно, по наружной, фасадной сторонѣ) заборомъ. (То же).

Въ сентябрѣ 1796 года въ С.-Петербургскую охоту былъ доставленъ отъ Бухарскаго хана слонъ, на содержаніе котораго было выдано «изъ остаточныхъ суммъ казначейства» денегъ 3489 руб. 31 коп. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 150).

9 ноября 1761 года воспослѣдовалъ нижеслѣдующій Высочайшій указъ о вознагражденіи Графа Шереметева за взятую у него подъ Слоновой дворъ землю.

«Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, соизволила указать, по поданному въ Главную Полицію отъ Генерала Аншефа, Генерала Адъютанта, Дѣйствительнаго Камергера и Кавалера Графа Шереметева прошенію, имѣющееся въ Литейной части порожнее его мѣсто принять въ Полицейское вѣдомство и за то, такожъ и оставленныя ко двору его порожнія мѣста и за занятую подъ Рождественскую слободку и слоновый дворъ землю доимочныхъ квадратныхъ денегъ не взыскивать и изъ доимки выключить для того, что взятая подъ слоновый дворъ и Рождественскую слободку земля употреблена для казенной пользы. А за прошлые годы квадратныя деньги взыскать только за имѣющуюся подъ состоящимъ его, Генералъ Аншефа, Генералъ-Адъютанта и Кавалера Графа Шереметева, по берегу рѣки Невы, дворомъ землю». (Арх. Прав. Сен., кн. LIII, л. 30).

[255]) «Изъ числа звѣрей Петербургской Придворной охоты нѣкоторые и преимущественно присылавшіеся изъ губерній (по куріозности) содержались въ дворцовыхъ садахъ, въ помѣщеніяхъ вѣдомства Канцеляріи отъ строеній. Въ маѣ 1741 года въ этихъ помѣщеніяхъ находились: 3 бѣлыхъ медвѣдя (которыхъ не должно смѣшивать съ помѣщавшимися на звѣровомъ дворѣ), 4 россомахи, 3 барсука, 4 лисицы, 5 соболей, 3 песца, дикая кошка и самуръ. Въ сентябрѣ этого года сюда же поступили присланные изъ Астрахани ко двору: 3 дикобраза, 2 кабана, барсукъ и олень. Въ началѣ октября 1741 года здѣсь содержались, кромѣ того, 2 сурка. Звѣри, по мѣсту нахожденія, состояли въ вѣдѣніи смотрителя дворцовыхъ садовъ и получали содержаніе отъ Канцеляріи отъ строеній. Объ устройствѣ самыхъ помѣщеній для животныхъ указаній не находится; о кормовомъ же содержаніи звѣрей встрѣчается свѣдѣніе, касающееся только тѣхъ изъ нихъ, которые содержались въ маѣ 1741 года. Кормъ состоялъ изъ говядины, отпускавшейся ежедневно: медвѣдямъ по 10 фунтовъ, россомахамъ по 2 фунта, барсукамъ по 2 фунта, лиси-

цамъ, соболямъ, песцамъ, дикой кошкѣ и самуру по 1 фунту. Кормовые припасы для звѣрей (и вмѣстѣ съ тѣмъ для птицъ, содержавшихся въ дворцовыхъ садахъ) Канцеляріею отъ строеній заготовлялись подрядомъ. Во весь 1740 годъ поставлено было для этой цѣли 661 пудъ 4 фунта говядины и 22 пуда 38 фунтовъ говяжьяго сердца, всего на 344 руб. 32 коп.». (Внутр. бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 г., стр. 346).

21 марта 1788 года на егерскій дворъ была доставлена бѣлая лисица, пойманная въ январѣ этого года въ 20 верстахъ отъ Суздаля въ мелочахъ Лопатинской волости. (Сборн. Им. Ук., Рукоп., № 130).

[256]) Въ 1736 году былъ построенъ на «Фонталкѣ-рѣкѣ», близъ Лѣтняго дворца, новый Слоновый дворъ для новоприсланнаго изъ Персіи слона. (Рубанъ, стр. 136).

Въ 1759 году въ С.-Петербургѣ на Слоновомъ дворѣ содержались слоны и бѣлые медвѣди, которыхъ нерѣдко показывали знатнымъ иностранцамъ, прибывавшимъ въ нашу столицу. (Зап. о пребыв. Герц. Курляндск., стр. 266).

[257]) Къ 1720 году относится извѣстіе о содержаніи при С.-Петербургскихъ дворцахъ бѣлыхъ медвѣдей. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. .4—654).

Выше мы приводили свѣдѣнія о содержаніи состоявшихъ при С.-Петербургскихъ охотахъ черныхъ медвѣдей при мясныхъ рядахъ. Въ дополненіе къ этому изъ цитируемаго сочиненія заимствуемъ слѣдующее:

«30 іюля 1741 года торговцы этихъ (мясныхъ) рядовъ, въ числѣ четырехъ человѣкъ, подали въ Придворную Контору прошеніе о возвратѣ имъ 2334 рублей 78 коп., издержанныхъ ими на содержаніе, съ апрѣля 1737 года по іюль 1741 года, «казенныхъ» медвѣдей (на кормъ ихъ, наемъ для нихъ двухъ работниковъ, покупку канатовъ и ошейниковъ) и объ увольненіи ихъ на будущее время отъ содержанія этихъ медвѣдей. Прошеніе передано было къ Егермейстерскимъ дѣламъ на заключеніе. Командующій охотами фонъ Трескау, разсмотрѣвъ это прошеніе», нашелъ, что «просителямъ удовольствія никакаго учинить невозможно». «Чѣмъ кончилось дѣло неизвѣстно». . . . . .

Охотничій выѣздъ временъ Петра I, съ нѣмецкаго оформа того времени.

[258]) 6 мая 1738 г. Оберъ-Егермейстеръ Волынскій вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ о томъ, что «изъ имѣющихся въ мясныхъ рядахъ черныхъ медвѣдей, которые отданы въ тѣ ряды на кормъ отъ охоты Ея Императорскаго Величества, одинъ медвѣдь, сорвавшись съ каната, заѣлъ до смерти малолѣтнюю дѣвку, и при томъ всеподданнѣйше представлялъ, что небезопасно отъ тѣхъ медвѣдей, дабы и впредь людямъ какаго поврежденія не было». Императрица Анна Іоанновна приказала: «Черныхъ медвѣдей всѣхъ изъ мясныхъ рядовъ вывесть и содержать оныхъ за Невскою рѣкою, близь слободы Охты, и какъ для оныхъ, такъ и для бѣлыхъ медвѣдей, огородить дворы палисадникомъ, а кормомъ черныхъ медвѣдей довольствовать попрежнему отъ мясныхъ рядовъ». (Рукоп. Сборн. Им. Изустн. Указ.).

[259]) Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія Императрица Елисавета Петровна, посѣтивъ однажды архіепископа Ѳеодосія въ Александро-Невской лаврѣ, увидѣла у Преосвященнаго молодого медвѣдя, обученнаго разнымъ штукамъ приказнымъ келейникомъ того монастыря, Ѳеодоромъ Карповымъ. Медвѣженокъ столь позабавилъ Государыню, что она пожелала имѣть такого же у себя и приказала выписать изъ Москвы двухъ медвѣжатъ, а по присылкѣ таковыхъ, отдать ихъ Карпову «для содержанія и обученія ходить на заднихъ лапахъ и прочее». На покупку корма медвѣжатамъ велѣно было выдавать, по мѣрѣ надобности, деньги изъ Монетной Канцеляріи. Однако размѣромъ отпускавшихся на эту надобность денегъ Карповъ, человѣкъ, повидимому, бѣдовый, остался недоволенъ, вслѣдствіе чего произошла цѣлая исторія, весьма интересная въ исторически-бытовомъ отношеніи.

Въ маѣ 1753 года Главный Судья Монетной Канцеляріи статскій совѣтникъ Шлаттеръ доносилъ Кабинетъ-Министру барону Черкасову, что «къ комисару Карпову въ Невскій монастырь

посланъ на кормъ медвѣденкамъ одинъ рубль, токмо какою учтивостью онъ оного принялъ, о томъ изъ приложенной при семъ сказѣ усмотрѣть изволите».

Въ сказкѣ этой было написано слѣдующее: «19 мая гвардіи отставной солдатъ Шестаковъ былъ посланъ Шлаттеромъ къ Карпову съ требованіемъ, чтобы послѣдній прибылъ въ Монетную Канцелярію для полученія, по указу, денегъ на кормъ медвѣжатамъ. Карповъ сказался больнымъ и исполнить требованіе Шлаттера отказался, почему 21 мая къ нему былъ посланъ съ тѣмъ же отставнымъ солдатомъ Шестаковымъ «рублевикъ съ портретомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Елизаветъ Петровны». «Карповъ тотъ рублевикъ у него, Шестакова, вырвавъ изъ рукъ, бросилъ на полъ, который и закатился за сундукъ, и при томъ же онъ, Карповъ, сказалъ: вели де онымъ рублевикомъ кто тебя послалъ подтереть (ж . . у), и вышеписаннаго статскаго совѣтника онъ же, Карповъ, при томъ бранилъ скверною бранью, и приказалъ же онъ, Карповъ, ему, господину статскому совѣтнику, сказать, чтобъ къ нему, Карпову, прислать, и либо и самъ онъ, статскій совѣтникъ, привезъ 500 рублевъ». Послѣ этого, не отдавъ Шестакову ни рублевика, ни расписки въ полученіи таковаго, Карповъ выслалъ посланнаго изъ своей квартиры вонъ «съ великимъ осерчаніемъ, браня скверною бранью и угражива я, ежели де хочешь цѣлъ быть, то поди вонъ, а скажи де, чтобъ прислано было . . . . 500 рублевъ немедленно».

Баронъ Черкасовъ приказалъ объявить С.-Петербургскому Архіепископу, чтобы онъ Карпова «унялъ, ежели не желаетъ видѣть, чтобъ отосланъ былъ въ Тайную Канцелярію, ибо оный Карповъ небитый въ покоѣ быть не можетъ».

Карпова уняли. Болѣе пререканій относительно размѣра денегъ, выдававшихся на кормъ медвѣжатамъ, онъ не заводилъ и началъ со стараніемъ обучать медвѣжатъ въ особенномъ, сшитомъ для нихъ платьѣ, ибо «безъ платья ихъ совершенно обучить никакъ, по ихъ обычности, невозможно». (Госуд. Арх., р. XIV, № 155 — 1753 года).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что медвѣдей въ прошломъ столѣтіи обучали всевозможнымъ, довольно замысловатымъ штукамъ. Такъ, въ № 52 С.-Петербургскихъ Вѣдомостей за 1771 годъ сообщалось «для извѣстія» слѣдующее: «Города Курмыша Нижегородской губерніи крестьяне привели въ здѣшній городъ двухъ большихъ медвѣдей, а особливо одного отмѣнной величины; которыхъ они искусствомъ своимъ сдѣлали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленію смотрителей, по ихъ приказанію, исполняютъ, а именно: 1) Вставши на дыбы, присутствующимъ въ землю кланяются и до тѣхъ поръ не встаютъ, пока имъ приказа не будетъ. 2) Показываютъ, какъ хмель вьется. 3) На заднихъ ногахъ танцуютъ. 4) Подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ. 5) Натягиваютъ и стрѣляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука. 6) Борются. 7) Вставши на задніе ноги и воткнувши между оныхъ палку, ѣздятъ такъ, какъ малые ребята. 8) Берутъ палку на плечо и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ. 9) Задними ногами перебрасываются черезъ цѣпъ. 10) Ходятъ какъ карлы и престарѣлые и какъ хромые ногу таскаютъ. 11) Какъ леженка безъ рукъ и безъ ногъ лежитъ и одну голову показываетъ. 12) Какъ сельскія дѣвки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ. 13) Какъ малые ребята горохъ крадутъ и ползаютъ, гдѣ сухо, на брюхѣ, а гдѣ мокро, на колѣняхъ, выкравши же валяются. 14) Показываютъ, какъ мать дѣтей родныхъ холитъ, и какъ мачиха пасынковъ убираетъ. 15) Какъ жена милаго мужа приголубливаетъ. 16) Порохъ изъ глаза вычищаютъ съ удивительною бережливостью. 17) Съ неменьшею осторожностью и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ. 18) Какъ теща зятя подчивала, блины пекла и угорѣвши повалилась. 19) Допускаютъ каждаго на себя садиться и ѣздить безъ малѣйшаго супротивленія. 20) Кто похочетъ подаютъ тотчасъ лапу. 21) Подаютъ шляпу хозяину и барабанъ, когда козой играетъ. 22) Кто поднесетъ пиво или вино, съ учтивостью принимаютъ и, выпивши, посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ вышепомянутыхъ дѣйствій сказываетъ замысловатыя и смѣшныя поговорки, которыя тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше сельской простоты въ себѣ заключаютъ. Не столько бы вещь сія была смотрѣнія достойна, ежели бъ сіи дикіе и въ протчемъ необуздаемые звѣри были лишены тѣхъ природныхъ своихъ орудій, какими они людямъ страхъ и вредъ наносятъ; напротиву того, не обрублены у нихъ лапы, также и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при такихъ случаяхъ бываетъ. Все вышепомянутое показано быть имѣетъ въ праздничные дни въ каруселномъ мѣстѣ, противу церкви Николая Чудотворца, по полудни въ шестомъ часу. Первыя мѣста по 25 коп., вторыя по 15 коп., а послѣднія по 5 коп. съ человѣка. Смотрители впускаемы будутъ за заплату наличныхъ денегъ».

9 іюня 1781 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала своей Московской Конторѣ: «Какъ де состоящіе на птичномъ дворѣ разныхъ родовъ голуби, кои въ лѣтнее время всегда содержались въ Лѣтнемъ Ея Императорскаго Величества саду въ клѣткахъ, нынѣ совсѣмъ перевелись, а имѣть ихъ въ томъ саду всегда надлежитъ, почему и велѣно, для рѣченной надобности и прилода, купить въ Москвѣ помянутыхъ голубей, а именно: трубастыхъ, грибастыхъ, лутышей и красныхъ всѣхъ родовъ десять паръ, ибо оныхъ, какъ уповательно, въ Москвѣ есть

довольное число, въ Санктъ-Петербургѣ жъ совсѣмъ ихъ не находится; по покупкѣ жъ ихъ прислать въ Санктъ-Петербургъ со птичьею охотою». (Тамъ же, стр. 49).

Въ С.-Петербургскихъ же садахъ содержались и живыя чайки, которыя ловились тутъ же: 5 августа 1740 года «для приманки птицъ чаекъ» было куплено въ одинъ изъ садовъ 50 штукъ живыхъ плотицъ. (Госуд. Арх., ч. I, разр. XIV, № 57).

[260]) Дворцовые сады находились въ это время подъ управленіемъ Италіанца Михеля Анжело Массе. Ихъ названія были Первый, Второй, Третій (которые были расположены гдѣ-то близъ берега рѣки Фонтанки, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи), Италіанскій, Новый огородъ, Лѣтній садъ. Въ Первомъ саду «содержались разнаго рода птицы, для чего здѣсь находилась большая птичья клѣтка»; въ ней помѣщались различныя мелкія птицы. Эта клѣтка съ птицами, вызывавшая особенное вниманіе и заботы Канцеляріи отъ строеній, состояла также подъ особымъ надзоромъ смотрителя или «за инспектора» дворцовыхъ садовъ и огородовъ Христіана Стерлиха, у котораго подъ рукою было нѣсколько птичниковъ. Таковъ, напримѣръ, былъ птичникъ Семенъ Алексѣевъ Башмаковъ. По требованію Канцеляріи отъ строеній, Стерлихъ въ ноябрѣ 1741 года донесъ ей объ этомъ птичникѣ: «оный птичникъ Башмаковъ обрѣтается у кормленія и содержанія въ чистотѣ разныхъ родовъ заморскихъ и россійскихъ птицъ при дворѣ Его Императорскаго Величества».

Ф. Я. Лефортъ, съ гравюры П. Шенкъ 1698 г.

Замѣтимъ кстати, что «птичники», состоявшіе при «Минажеріи», бывшей въ дворцовомъ саду, состояли въ вѣдомствѣ Канцеляріи отъ строеній, «птичники», бывшіе при птичьей охотѣ, находились въ вѣдомствѣ Егермейстерскихъ дѣлъ, и, наконецъ, «птичники», наблюдавшіе за птицами въ Императорскихъ комнатахъ, зависѣли отъ Дворцовой Конторы.

«До 1741 года при птицахъ и малыхъ звѣряхъ, здѣсь также находившихся, было 11 птичниковъ, но въ январѣ 1741 года, по требованію «за инспектора» Христіана Стерлиха, Канцелярія отъ строеній опредѣлила 19 января того же года, по причинѣ недостаточности ихъ, «къ кормленію и содержанію въ чистотѣ тѣхъ птицъ и малыхъ звѣрей», «въ прибавокъ къ имѣвшимся въ наличности 11 птичникамъ, еще 14 человѣкъ».

Жили птицы и звѣри въ особыхъ «покояхъ». Тутъ же состояли двѣ мартышки вѣдомства Егермейстерскихъ дѣлъ. Въ смотрѣніи особаго егеря Ягана Якова Коломбуса имѣлись въ томъ же Первомъ саду тетерева, куропатки, а также страусы, но послѣдніе въ 1741 году померли. «Для дѣннаго и ночнаго караула имѣлись при магазинахъ, у птицъ, у мелкихъ звѣрей и при матеріалахъ нѣсколько солдатъ до половины 1741 года, посмѣнно, изъ расположенныхъ въ С.-Петербургѣ полевыхъ полковъ; а съ того времени изъ баталіона Канцеляріи отъ строеній 4 солдата. Эти караульные, пока стояли на караулѣ у означенныхъ мѣстъ, состояли въ вѣдѣніи «за инспектора» Стерлиха, который, сверхъ того, употреблялъ ихъ для присмотра за птичниками при раздачѣ пищи птицамъ и мелкимъ звѣрямъ, чтобъ оную не расхищали, а также солдаты имѣли обязанность охранять на томъ дворѣ строенія отъ огня». (Внутр. Бытъ Росс. Госуд., стр. 147—149).

Въ мелкихъ птицахъ въ Первомъ саду имѣлись: соловьи, жаравлики, зяблики, подорожники, снигири, овсянки, реполовы, дубоноски, иры, чижи, чечетки. Птицы эти доставлялись въ клѣткахъ во дворцы и уже оттуда выпускались въ сады и огороды на волю. Въ документахъ, между прочимъ, значится, что «въ комнаты Ея Императорскаго Величества непрестанно требуются разнаго званія птицы». Канцелярія отъ строеній сама посылала охотниковъ для ловли птицъ, выдавая имъ на это особые билеты, при чемъ охотникамъ настрого запрещалось пойманныхъ птицъ про-

давать на сторону «подъ опасеніемъ штрафа съ великимъ наказаніемъ». (Тамъ же, стр. 150 и 151). Большія птичьи клѣтки, находившіяся въ саду, покрывались на зиму «отъ дождей и снѣговъ» особыми чехлами. (Тамъ же, стр. 152). Въ мѣста, гдѣ содержались птицы, публика не пускалась. (Тамъ же, стр. 154).

Во Второмъ саду имѣлись особыя приспособленія для стрѣльбы — «мѣста, гдѣ для стрѣльбы ставятся шатры, полы и для стрѣльбы круги и цѣли». (Тамъ же, стр. 159).

Въ остальныхъ садахъ не имѣлось ничего, носившаго охотничій характеръ. Въ Третьемъ саду имѣлось много цвѣтовъ, плодовыхъ растеній и овощей. Италіанскій садъ, на Литейной улицѣ, служилъ для прогулокъ въ экипажѣ, при чемъ въ немъ было много ягодныхъ растеній, цвѣтовъ и особые «дынные фрукты». (Тамъ же, стр. 162).

Для имѣвшихся въ то время въ С.-Петербургскихъ садахъ разныхъ родовъ птицъ было куплено съ 1 марта по 1 августа 1741 года 556 пудовъ 9½ фунтовъ свѣжей рыбы, по 77 коп. за пудъ; для соловьевъ каждый день, кромѣ муравьиныхъ яицъ, покупалось по 2 фунта «сердца говяжьяго»; а для имѣвшихся при дворцѣ 4-хъ орловъ покупали въ день 1½ фунта мяса говяжьяго. (Тамъ же, стр. 152).

[261]) Въ томъ же 1740 году въ одномъ изъ С.-Петербургскихъ садовъ, но въ какомъ именно, не знаемъ, «подъ смотрѣніемъ гегерейтора Колюмбаса» состояло, между прочимъ, 14 паръ живыхъ тетеревей и 110 паръ сѣрыхъ куропатокъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36—1629, д. № 46).

[262]) Къ 1727 году, къ началу царствованія Императора Петра II, относится и начало формированія С.-Петербургской Императорской псовой охоты. Въ маѣ этого года свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ писалъ въ Москву къ Генералъ-Губернатору князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, что «по указу Его Императорскаго Величества велѣно Ивана Петрова сына Толетова псовую охоту всю, да Юрья Ржевскаго собаку половопѣгую съ охотниками отправить въ С.-Петербургъ въ самой скорости на подводахъ, чтобъ дорогою не измучились, а котораго числа отправлены будутъ, о томъ увѣдомить». По этому приказанію было выслано 23 іюня того же года 21 борзая собака и 32 выжлеца при ловчемъ и десяти человѣкахъ псарей. (Тамъ же, оп. 75, № 137).

Образованная въ С.-Петербургѣ псовая охота, вмѣстѣ съ дворомъ Императора Петра II, переѣхала въ Москву, однако въ документахъ 1733 года снова встрѣчаемся съ С.-Петербургской Императорской псовой охотой. (Тамъ же, оп. 6, д. № 597).

Имѣется извѣстіе, что въ томъ же 1737 году при С.-Петербургской псовой охотѣ содержались медвѣди и меделянскія собаки. (Моск. Арх. Мин. Юст., д. № 7—1071).

[263]) Въ томъ же 1740 году іюля 3 числа было предписано «отписной Артемія Волынскаго загородный домъ по Фонтанкѣ рѣкѣ у Обухова моста опредѣлить для содержанія Императорской придворной псовой охоты и отдать въ вѣдомство Полковника фонъ-Трескау». (Тотъ же Арх., кн. Сен. 8—1072).

Въ это время въ домѣ Волынскаго имѣлось 15 жилыхъ барскихъ покоевъ и 10 людскихъ покоевъ, да велѣно было еще пристроить 12 покоевъ, да перенести сюда 10 срубовъ подъ псарный дворъ. (Тотъ же Арх., кн. Сен. 9—1086).

«До половины 1740 года псовая охота помѣщалась въ старомъ Псарномъ дворѣ (гдѣ находился этотъ дворъ въ Петербургѣ, изъ документовъ не видно); отсюда въ этомъ году предполагалось перевести псовую охоту на новое мѣсто, къ двору князя Борятинскаго, близъ рѣчки Фонтанки, для чего и куплено было 10 трехъаршинныхъ срубовъ. Но предположеніе это не было приведено въ исполненіе, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ томъ же году, объ отдачѣ подъ псовую охоту загороднаго двора А. П. Волынскаго, на той же рѣчкѣ Фонтанкѣ у Обухова моста». (Бытъ Росс. Госуд., ч. I, стр. 314).

«Вслѣдъ за принятіемъ двора Волынскаго подъ псовую охоту, въ немъ начались работы по приспособленію его для новаго назначенія. Прежде всего приступлено было къ устройству особыхъ огороженныхъ досками дворовъ для выпуска собакъ, на что потребовалось 300 бревенъ и 3000 досокъ. Затѣмъ начата постройка кузницы «для дѣла ко Двору Ея Императорскаго Величества ружей», на очагъ которой требовалось 7000 штукъ кирпича, желѣзные своды и, на прибавку на крышѣ тѣсницъ, 10000 гвоздей. Въ то же время приступлено было къ постройкѣ большихъ двухъ свѣтлицъ «въ десять срубовъ». Но уже въ самомъ началѣ, когда устройство помѣщеній для собакъ и служителей при нихъ лишь начиналось, Командующій охотами 25 августа далъ Комисару Егермейстерскихъ дѣлъ Коноплеву слѣдующій приказъ: «Понеже Старый Псарный дворъ, гдѣ содержится нынѣ псовая Ея Императорскаго Величества охота, будетъ ломаться сегодня, того ради тебѣ съ оною Псарнаго двора всѣхъ охотниковъ и псовую Ея Императорскаго Величества охоту и припасы, что есть, всѣ перевесть на отданный подъ псовую охоту Артемія Волынскаго дворъ сего же числа немедленно, чтобъ конечно все переведено было пополудни до втораго часу, также и служители всѣ выбрались сего числа, хотя бъ, до постройки покоевъ, въ одну или въ двѣ избы на ономъ же Волынскаго дворѣ». Изъ дѣлъ не видно, успѣлъ ли Ко-

ноплевъ въ одинъ день всю охоту и служителей перевести въ новый дворъ и какимъ образомъ; но уже 3 сентября Командующій охотами представилъ всеподданнѣйшій рапортъ Императрицѣ, которымъ доносилъ, что вся псовая охота, въ составѣ 195 собакъ и 63 служащихъ и служителей (не считая женщинъ и дѣтей) переведена уже на отданный подъ эту охоту дворъ Волынскаго. Между тѣмъ строеніе упомянутыхъ свѣтлицъ замедлилось, что крайне затрудняло людей, перебравшихся на новое мѣсто и помѣщенныхъ весьма тѣсно. Трескау нѣсколько разъ относился въ Канцелярію отъ строеній съ просьбою ускорить работы. Канцелярія отъ строеній, 1 сентября, извѣстила Егермейстерскія дѣла, что, по ея распоряженію, перевезены на дворъ Волынскаго съ прежняго назначеннаго подъ псовую охоту мѣста, что подлѣ двора князя Борятинскаго близъ рѣчки Фонтанки «десять срубовъ, въ томъ числѣ семь срубовъ во всѣхъ стѣнахъ по 8½ аршинъ, три сруба во всѣхъ же стѣнахъ по три сажени», при чемъ спрашивала, какъ строить тѣ свѣтлицы: съ сѣнями или безъ нихъ? На это Командующій охотами увѣдомилъ Канцелярію, что «тѣ срубы подлежатъ на томъ дворѣ построены быть жилыми покоями попарно; а между каждыхъ двухъ избъ чтобъ были сѣни мшенныя съ верхними потолками и полами, и на верхній потолокъ былабъ лѣстница; также и въ тѣхъ десяти избахъ надлежатъ же быть сдѣланы печи, и къ дверямъ какъ избнымъ, такъ и сѣннымъ крючья съ петлями и съ цѣпьми, и въ окна окончины, и покрыть тѣ покои гонтомъ». Несмотря на это работы подвигались весьма медленно. 13 сентября Командующій охотами снова обратился въ Канцелярію отъ строеній съ требованіемъ поспѣшить отстройкою какъ кузницы, такъ и свѣтлицъ, прибавляя, что въ противномъ случаѣ, онъ вынужденъ будетъ обратиться со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ къ Императрицѣ. Затѣмъ, 2 октября онъ писалъ въ Канцелярію о томъ, чтобы поспѣшить постройкою печей въ свѣтлицахъ, избахъ и собачьихъ амбарахъ «для нагрѣванія оныхъ, дабы за недѣланіемъ тѣхъ печей не учинилось собакамъ какаго вреда». При всѣхъ настояніяхъ Командующаго охотами, окончательная работа по исправленію дверей, оконъ, стойлъ въ конюшняхъ, мостовъ на дворѣ и прочаго тянулась до мая 1741 года. Въ началѣ этого года отдѣланы были одни лишь покои для егерей, пикеровъ и прочихъ служителей, состоящихъ при псовой охотѣ; въ мартѣ отстроены сараи для собакъ, а въ маѣ сдѣланы были къ окнамъ новыя рамы (по 16 стеколъ въ каждой) и исправились старыя». (Тамъ же, стр. 317).

[264]) «Придворную псовую охоту составляли охота собственно Его Величества и особыя охоты Правительницы Анны Леопольдовны и ея супруга, герцога Антона Ульриха. За неимѣніемъ въ документахъ свѣдѣній нельзя въ точности опредѣлить, сколько было собакъ Императорской псовой охоты до яхтъ-штатовъ 1740—1741 годовъ; нѣтъ сомнѣнія, что число ихъ было весьма значительно. Чтобы дать приблизительное понятіе о числѣ собакъ, бывшихъ въ 1740 году, достаточно привести, что въ это время къ наличнымъ присоединены были собаки, конфискованныя у Волынскаго и бывшаго регента Бирона и купленныя во Франціи и Англіи, всего 319 собакъ. Яхтъ-штатомъ 22 сентября 1740 года и 28 января 1741 года число собакъ псовой охоты было значительно сокращено: положено содержать только 138 собакъ, а именно 60 для травли оленей, 60 для травли зайцевъ, 12 борзыхъ, 4 большихъ меделянскихъ и 2 «для труфли» (вѣроятно, для исканія труфелей); оставшіяся же за излишествомъ собаки, по Высочайшему повелѣнію, розданы были разнымъ лицамъ. Объ этихъ излишнихъ собакахъ Командующій Придворными охотами Трескау, вслѣдъ за изданіемъ штата 28 января 1741 года, докладывалъ Императорскому Кабинету, что «при охотахъ Его Императорскаго Величества имѣется бывшаго регента собакъ гончихъ и борзыхъ 68, которые при оной охотѣ быть не потребны и оныхъ куда повелѣно будетъ раздать». На это 2 февраля 1741 года послѣдовала резолюція Правительницы Анны Леопольдовны, именемъ Его Величества: «раздать желающимъ». О числѣ охотничьихъ собакъ Правительницы и ея супруга въ документахъ указаній нѣтъ; упоминается только, что въ январѣ 1741 года у герцога Антона Ульриха были двѣ собаки. Впрочемъ, число собакъ той и другой охоты было равное, такъ какъ кормовые припасы отпускались на эти охоты поровну. При псовой охотѣ Правительницы состоялъ придворный егерь Пфицманъ, а при охотѣ ея супруга — особый, собственный Его Высочества егерь Мулій, на которыхъ лежала обязанность продовольствовать ввѣренныхъ имъ собакъ припасами, отпускавшимися, по ихъ требованіямъ, отъ Петербургской Дворцовой Конторы. (Не имѣвъ въ рукахъ подлинныхъ документовъ, послужившихъ составителямъ цитируемаго сочиненія основаніемъ для утвержденія, что, помимо собственно Императорской псовой охоты, во времена Правительницы Анны Леопольдовны существовали особыя псовыя охоты самой Правительницы и ея супруга, трудно безусловно опровергать подобное мнѣніе; однако считаемъ необходимымъ привести наше личное мнѣніе, что подобныхъ отдѣльныхъ псовыхъ охотъ никогда не существовало, и что составители помянутаго труда ошибочно приняли собственныя Ея и Его Высочествъ своры за отдѣльныя охоты). Составлявшія придворную псовую охоту собаки были различныхъ породъ: борзыя, гончія, меделянскія, датскія, легавыя, таксы или «таксели», бассеты, хорты и русскія. Особенно замѣчательны были собаки, выписанныя изъ-за границы въ 1740 году Императрицею Анною Іоанновною, а именно: малыя гончія, называвшіяся

«биклесы», весьма рѣдкія въ Англіи; борзыя самыя большія, употребляемыя для травли звѣрей; «хорты» или «тарсіерсы» — «для норъ лисичьихъ». Объ этихъ собакахъ Русскій посланникъ при Англійскомъ дворѣ князь Иванъ Щербатовъ увѣдомилъ 2 мая 1740 года Императорскій Кабинетъ, что отыскивалъ и выбиралъ ихъ въ Англіи славный тамъ охотникъ сэра Роберта Вальполя, — Смитъ, который «болѣе за одну честь, по рекомендаціи Шевалье Роберта Вальполя, служилъ и имѣлъ не малое затрудненіе въ пріискѣ, паче же малыхъ биклесовъ. (Замѣтимъ, что по-французски bigle прилагательное — косоглазый, a bigle существительное — гончая собака; вѣроятно, «биклесъ» — старая французская порода гончихъ собакъ. Затѣмъ «таксели» и «бассеты» или разновидности одной и той же породы или синонимы: basset — значитъ такса или барсучья собака. Что такое «тарсіерсы» — не знаемъ; tarse — значитъ пятка, tarsier — животное долгопятъ), которыхъ весьма рѣдко сыскать нынѣ въ Англіи». Говоря о породахъ собакъ псовой охоты, должно замѣтить, что здѣсь не было казенныхъ легавыхъ собакъ; придворные же стрѣлки имѣли собственныхъ легавыхъ, на кормъ которыхъ до яхтъ-штата 1741 года отпускалась казенная овсяная мука изъ оставшейся отъ корма псовой охоты; съ изданіемъ означеннаго штата отпускъ этотъ былъ прекращенъ, и стрѣлки обязаны были кормить собакъ на свой счетъ. Изъ мастей придворныхъ охотничьихъ собакъ въ документахъ упоминаются: половопѣгая и муругопѣгая.

Выѣздъ помѣщика на охоту, начало XVIII ст.

Есть указанія на слѣдующія клички собакъ: Отланъ, Скозырь, Трубей, Галфестъ. Назначеніе собакъ было разнообразно: травля (гоньба) медвѣдей, волковъ, кабановъ, оленей, лисицъ, зайцевъ; ружейная охота за дичью; пріисканіе трюфлей. Въ рапортѣ Командующаго надъ охотами Императорскому Кабинету, отъ 3 сентября 1740 г., сдѣлано слѣдующее перечисленіе собакъ (съ показаніемъ отчасти ихъ назначенія), переведенныхъ въ новое помѣщеніе псовой охоты — бывшій домъ Волынскаго: «къ травлѣ оленей 60, травлѣ зайцевъ 60, борзыхъ 23, русскихъ разныхъ породъ 21, меделянскихъ 3, большихъ меделянскихъ 18, датскихъ 2, такселей 6, для труфли 2». (Тамъ же, стр. 320).

Въ концѣ 1743 и въ началѣ 1744 годовъ въ С.-Петербургскую Придворную охоту поступили собаки и лошади, конфискованныя у Лопухина и Князя Путятина.

26 сентября 1743 года Комиссіи о Степанѣ Лопухинѣ и сообщникахъ его повелѣвалось:

«Повелѣваемъ Степана Лопухина лошадей и заводъ конскій, такожъ псовую охоту со обрѣтающимися при ней охотниками, всю, гдѣ бъ оная не была, въ домахъ его и въ деревняхъ, отдать все, а именно: цуковыхъ и стоялыхъ лошадей и конскій заводъ въ Нашу Собственную конюшню, Нашему Дѣйствительному Камергеру и лейбъ Кампаніи подпоручику Александру Шувалову, лошадей же разъѣзжихъ и псовую охоту съ охотниками въ Нашу Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, и хотя бъ что въ раздачѣ куда было лошадей или собакъ, то все собрать и отдать, какъ вышеписано, и изъ оныхъ охотниковъ, которые, по разсмотрѣнію той Егермейстерской Канцеляріи потребны будутъ, тѣхъ оставить при Нашей охотѣ, а кои затѣмъ излишніе останутся, о тѣхъ изъ оной Егермейстерской Канцеляріи сообщить въ вышеозначенную Коммисію, а о пріемѣ оныхъ какъ лошадей и заводовъ конскихъ, такъ и псовой охоты съ охотниками, въ тѣ мѣста указы Наши объявлены, и что чего куда отдано будетъ, о томъ подать Намъ вѣдомость. Елисаветъ».

19 февраля 1744 года той же Комиссіи сообщалось:

«Указали Мы, по докладу Нашего Оберъ-Егермейстера, изъ отписныхъ Князя Путятина разъѣзжихъ лошадей 23 отдать къ охотѣ Нашей да изъ отписныхъ же Степана Лопухина и прочихъ сообщниковъ его ружья и штуцеры годные отдать ко двору Нашему въ вѣдомство помянутаго Нашего Оберъ-Егермейстера и повелѣваемъ оной Коммисіи учинить по сему Нашему указу. Елисаветъ». (Арх. Прав. Сената, кн. 88—1743—4 гг., лл. 9 и 35).

[265]) Въ началѣ 1740 года въ С.-Петербургской псовой охотѣ состояло собакъ: 1) для травли оленей — 60; 2) для травли зайцевъ — 60; 3) борзыхъ — 19; 4) русскихъ разныхъ родовъ — 15; 5) большихъ меделянскихъ — 21; такселей — 6; 6) трюфельныхъ собакъ — 2; всего 185 собакъ и 52 охотничьи лошади (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086); но по яхтъ-штату 22 сентября того же года составъ С.-Петербургской псовой охоты былъ нѣсколько сокращенъ, а именно положено было имѣть собакъ: 1) для травли оленей—60; 2) для травли зайцевъ—60; 3) борзыхъ—12;

4) большихъ меделянскихъ—4; 5) «для труфли»—2; всего 138, на кормъ которыхъ полагалось ежегодно по 322 четверти овса. Лошадей же при псовой охотѣ было положено имѣть временно, до увольненія французскихъ и англійскихъ пикеровъ, 20, а послѣ ихъ увольненія, всего лишь 12. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8251).

Рукоп. Имп. ох.

[266]) «Кормъ придворныхъ собакъ состоялъ, смотря по породамъ, изъ овсяной муки, ситныхъ хлѣбовъ, молока, шкваръ, говядины. По штату 28 января 1741 года овсяной муки положено было на каждую собаку по 4 четверти въ годъ, а на всѣхъ 552 четверти; въ какомъ же размѣрѣ производился отпускъ остальныхъ кормовъ—изъ документовъ не видно, есть только свѣдѣніе объ отпускѣ припасовъ на собакъ вообще. Такъ, на кормъ Императорскихъ собакъ съ 1 мая 1741 года по 1 января 1742 года отпущено было по 8 фунтовъ говядины на каждый день; на собакъ Правительницы Анны Леопольдовны съ 1 февраля по 1 іюля 1741 года выдавалось ежедневно по 11 фунтовъ говядины и по 3 ситныхъ хлѣба; для кормленія же собакъ Антона-Ульриха, кромѣ ежедневнаго отпуска 11 фунтовъ говядины, выдавалось еще по 4 кружки молока. Отпускъ собакамъ овсяной муки, служившей имъ преимущественнымъ кормомъ, положенъ былъ яхтъ-штатомъ въ размѣрѣ, превышавшемъ даже дѣйствительную потребность. Такъ, во весь 1741 годъ израсходовано на псовую охоту овсяной муки всего 500 четвертей, на 52 четверти менѣе штатнаго положенія. Всѣ кормовые припасы собакамъ отпускаемы были Петербургскою Дворцовою Конторою. Въ расходной книгѣ этой Конторы за 1741 годъ означалось, по чьимъ именно требованіямъ производился отпускъ означенныхъ припасовъ, именно: Императорскимъ собакамъ—по требованіямъ оберъ-егеря Бема, на собакъ Правительницы—егеря Фицмана и на собакъ ея супруга—егеря Мулія».

«Помѣщенія собакъ приспособлены были для зимняго и лѣтняго жилья. Зимою онѣ помѣщались въ «собачьихъ амбарахъ» съ печами . . . . . въ лѣтнее время собаки помѣщались въ «собачьихъ сараяхъ». . . . . На подстилку въ помѣщеніяхъ для собакъ отпускалась Дворцовою Конторою солома, по 12 пудовъ на каждую недѣлю. Кромѣ вышеозначенныхъ помѣщеній, устроены были «для выпуска» каждой породы собакъ особые дворы. Небезинтересно упомянуть, что въ описываемое время на псарномъ же дворѣ содержались два орла; въ документахъ не находится объясненій, почему эти орлы были помѣщены здѣсь, а не на птичьемъ дворѣ. Больныя собаки пользовались необходимымъ уходомъ и лѣченіемъ; послѣднее производилось или простыми средствами—молокомъ и солью, или аптечными лѣкарствами. Въ документахъ находятся свѣдѣнія о медикаментахъ, употреблявшихся для лѣченія собакъ, выписанныхъ въ 1740 году изъ за границы (о которыхъ упомянуто выше). Такъ, 12 іюня 1741 года Командующій охотами сообщилъ въ Медицинскую Контору о присылкѣ изъ Главной Аптеки медикаментовъ для составленія лѣкарствъ вышеозначеннымъ собакамъ, по запискѣ пикера, англичанина Вильяма Вильсона, а именно: ревеню фунтъ, шафрана ½ фунта, квасцовъ 1½ фунта, цвѣта сѣры горючей 10 фунтовъ, этіотъ минералисъ ½ фунта, салфеи и размарина по горсти, купороса беленсъ унцъ, купороса римскаго 2 унца, яри 1½ унца, корня ялаппы 1½ унца, веницейскаго терпентина 1½ фунта, французской водки 8 фунтовъ, крѣпкой водки 2 унца, помаду 10 унцъ, халканту фунтъ, сиропа десцилацерфина 20 фунтовъ. Въ іюлѣ того же года въ разныя числа потребовано было такимъ же образомъ изъ Аптеки: камфарнаго спирта 2 фунта, масла мятнаго бутылка, масла деревяннаго 40 фунтовъ, ялаппнаго корня 2 фунта, смолы изъ того же корня 2 фунта».

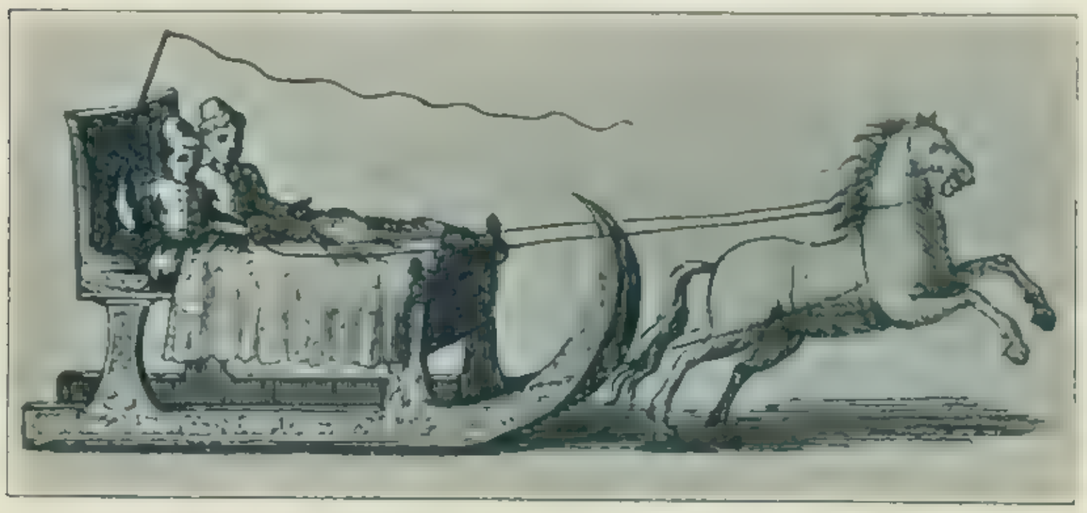
«Не менѣе прилагалось заботъ и попеченій о щенятахъ отъ собакъ псовой охоты. Самки съ своими дѣтьми помѣщались отдѣльно отъ прочихъ собакъ; для кормленія щенятъ, отнятыхъ отъ матерей, употреблялось коровье молоко, для чего содержались на псаренномъ дворѣ три коровы».

Въ 1770 году при С.-Петербургской псовой охотѣ содержалось шесть трюфельныхъ собакъ, находившихся подъ завѣдываніемъ егеря Гейзлера. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. № 25). Кромѣ того, имѣлись отъ этихъ собакъ и щенки, на выкормку которыхъ полагалось по 1½ копѣйки въ день на щенка для покупки имъ хлѣба и молока, съ тѣмъ, что, когда щенки подростутъ, этотъ кормъ долженъ былъ быть замѣненъ овсяною мукою, въ количествѣ 1½ четверти на щенка въ треть, и «свѣшными шкварами», по 1 четверику на щенка въ треть же. (Тотъ же Арх., оп. 74, д. № 38).

По штату 1773 года въ С.-Петербургской псовой охотѣ положено было имѣть: борзыхъ собакъ 30, гончихъ двѣ стаи, всего 100 гончихъ собакъ, мордашекъ 12 штукъ, духовыхъ собакъ 4 и легавыхъ 2. (Кромѣ того, легавыя собаки имѣлись въ егерской охотѣ, въ которой биксенъ-шпаніеры и егеря обязаны были содержать каждый по 2 легавыхъ собаки, а егерскіе ученики и птичники по одной легавой же собакѣ. Всего при егерской охотѣ состояло въ 1773 году легавыхъ собакъ 44 штуки). При этой псовой охотѣ содержалось «для выѣзда съ собаками въ поля» 53 лошади, да «для возки въ походы съ борзыми и гончими собаками, и съ богатою ливреею фуръ, съ кормами и другими надобностями роспусковъ и для служащихъ всякихъ разъѣздовъ» 14 лошадей.

[267]) Въ январѣ 1742 года Трескау вошелъ со слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ: «При здѣшней (С.-Петербургской) охотѣ имѣется гончихъ аглицкихъ собакъ только сто, а въ Москвѣ никакихъ не имѣется, которыя здѣшнихъ морозовъ не терпятъ, и, можетъ, что отъ великихъ морозовъ могутъ помереть и охраметь; а въ Курляндіи гончія лучше англійскихъ и французскихъ собакъ. И для того не соизволите-ли, Ваше Императорское Величество, изъ Курляндіи тѣхъ собакъ гончихъ, также и борзыхъ, и легавыхъ Курляндскихъ, взять сюда». (Гос. Арх., ч. I, раз. XIV, № 57).

[268]) «Въ 1740 году псовая охота пополнялась собаками, отписанными отъ Волынскаго, въ числѣ 57, отъ Бирона — 68 и купленными во Франціи и Англіи — 194. О собакахъ, купленныхъ за границею, имѣются слѣдующія довольно подробныя свѣдѣнія. Въ апрѣлѣ 1740 года для Императрицы куплены во Франціи русскимъ посломъ при тамошнемъ дворѣ, княземъ Кантемиромъ, 34 пары собакъ бассетовъ (коротконогихъ), въ томъ числѣ нѣсколько «ищущихъ труфли», за 1100 рублей; доставка ихъ въ Петербургъ (содержаніе и перевозка) обошлась въ 281 рубль 37 копеекъ. Деньги за этихъ собакъ уплачены были, по векселю, выданному княземъ Кантемиромъ во Франціи на имя Кабинетъ Министра графа Андрея Ивановича Остермана, изъ суммъ Императорскаго Кабинета. 1 августа 1740 года Кабинетъ, препровождая къ Егермейстерскимъ дѣламъ экстрактъ изъ письма князя Кантемира къ графу Остерману съ приложеніемъ счета издержкамъ, употребленнымъ на доставку тѣхъ собакъ въ Петербургъ, требовалъ возвращенія въ Кабинетъ означенныхъ денегъ изъ суммъ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ. Но какъ въ этой Канцеляріи свободныхъ на то денегъ не оказалось, то и послѣдовало Высочайшее повелѣніе о возвращеніи ихъ въ Кабинетъ изъ суммъ Статсъ-Конторы. Вмѣстѣ съ собаками прибыли въ Петербургъ, для ухода за ними, французскіе пикеры Жанъ Дюбуа и Люисъ Жое. Въ томъ же году въ Англіи куплено русскимъ посланникомъ княземъ Иваномъ Щербатовымъ, при посредствѣ англійскаго охотника Смита, бывшаго на службѣ при охотѣ у



Русскія сани, начала XVII ст., съ франц. гр. того времени.

перваго въ то время министра въ Англіи Роберта Вальполя, 63 пары разныхъ породъ собакъ: гончихъ биклесовъ, борзыхъ и хортовъ. Пріобрѣтеніе этихъ собакъ обошлось въ 481 фунтъ стерлинговъ, 17 шилинговъ и 5½ пенсовъ (по существовавшему тогда курсу 2234 р. 77 к.). Изъ этой суммы употреблено собственно на покупку собакъ 170 фунтовъ 18 шилинговъ, въ томъ числѣ за труды охотнику Смиту 26 фунтовъ; остальныя за тѣмъ деньги издержаны на доставку собакъ въ Петербургъ, содержаніе ихъ въ Англіи и въ пути, на жалованье состоявшимъ при нихъ охотникамъ и другіе мелочные расходы. Съ собаками прибыли изъ Англіи два охотника: пикеры Вильямъ Вильсонъ съ женою и Вильямъ Броунъ».

[269]) «Придворныя охотничьи собаки, по старости и хворости, какъ не способныя къ дѣлу, отчислялись отъ псовой охоты. Такъ въ 1740 году Командующій охотами далъ комисару ордеръ, чтобы «сбитыхъ со двора имѣющихся въ псовой охотѣ борзыхъ, гончихъ и меделянскихъ 17 собакъ, за старостью и хворостью, при псовой охотѣ не числить». Въ 1740—1741 годахъ бывали довольно часто пропажи придворныхъ охотничьихъ собакъ. О розыскѣ ихъ отъ Егермейстерскихъ дѣлъ сообщалось въ Главную Полицеймейстерскую Канцелярію и въ Лейбъ-Гвардейскіе полки. Это послѣднее сообщеніе дѣлалось вслѣдствіе обнаруженной кражи собакъ гвардейскими солдатами при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ ноябрѣ 1741 года, во время проѣзда пикера Вильсона съ гончими собаками мимо слободъ Семеновскаго полка, солдаты этого полка поймали и увели одну изъ гончихъ. По поводу этого случая Командующій охотами отнесся въ Канцелярію Семеновскаго полка промеморіей, въ которой, между прочимъ, писалъ: «а понеже изъ тѣхъ собакъ многія и прежде сего пропадали, того ради сею промеморіею требуется, дабы повелѣно было о сыскѣ оной собаки и прочихъ пропалыхъ и объявленіи къ Егерскимъ дѣламъ немедленно объявить въ полку приказомъ и запретить, чтобы никто впредь изъ тѣхъ собакъ, также и изъ борзыхъ не ловили, а ежели у кого явятся, то съ оными поступлено будетъ по указамъ». (Быть Росс. Госуд., стр. 319—322).

«Въ рапортѣ стремяннаго конюха Данилы Прянишникова, поданномъ въ Придворную Контору марта 9 дня 1741 года, написано, что по принятіи имъ въ 1739 году отъ бывшаго сѣдельнаго надзирателя Дмитрія Козловскаго сѣдельной казны, оказалось, что порохъ, который выданъ

былъ «для обстрѣливанія лошадей», весь израсходованъ въ томъ 1739 году конюхомъ иноземцемъ Василіемъ Ванишенкеромъ; вслѣдствіе того Пряничниковъ просилъ разрѣшенія купить 20 фунтовъ пороху, «ибо въ оном порохѣ имѣется весьма немалая нужда» (стр. 224).

[270]) «Въ октябрѣ 1739 года, по приказу Оберъ-Егермейстера Волынскаго, нѣсколько придворныхъ охотниковъ отправлены были въ Копорье для ловли волковъ и «для вспоможенія и кричанія» при этой ловлѣ; велѣно было нарядить крестьянъ дворцовыхъ Копорскихъ мызъ, по 20 человѣкъ въ каждый «осокъ». (Внутр. Бытъ Росс. Госуд., стр. 345).

[271]) На С.-Петербургскомъ звѣровомъ дворѣ положено было содержать звѣрей, «которые нынѣ состоятъ», а именно 2-хъ барсовъ, 1-го каракуля, 4-хъ соболей, 4-хъ черныхъ лисицъ, 3-хъ рысей, 1-го волка и 1-го песца, на покупку которымъ кормовъ, баранины, говядины, молока, меду, сырцу, кедровыхъ орѣховъ, полагалось въ годъ 800 рублей. Кромѣ того, «къ содержанію оныхъ звѣрей на покупку дровъ для топленія звѣриныхъ покоевъ, свѣчь сальныхъ, цѣпей желѣзныхъ и мѣдныхъ колецъ съ приборами, замковъ, ошейниковъ, на поеніе звѣрей разной посуды, соломы для подстилки подъ звѣрей и на прочіе при тѣхъ звѣряхъ необходимые расходы» отпускалось 70 рублей въ годъ.

3 марта 1783 года князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (Генералъ-Прокуроръ) препроводилъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну, для содержанія на охотномъ дворѣ, молодого барса, привезеннаго въ С.-Петербургъ Ташкентскимъ караваннымъ начальникомъ и пойманнаго въ Киргизской степи, у горъ Ала-Тау. (Сборн. Им. Ук., Рукоп., № 93).

[272]) Подъ 1784 годомъ упоминается особый С.-Петербургскій птичій дворъ, куда, по указу Ея Величества, 18 января этого года была прислана живая черная лисица (тамъ же, № 105), а 1 марта бѣлый песецъ, соболь, 2 куницы, рысь и дикая кошка. (Тамъ же, № 107).

[273]) По 1773 года штату повелѣно было «принять по приличности въ вѣдомство Оберъ-Егермейстерское состоящіе въ вѣдомствѣ Конторы строенія Ея Императорскаго Величества домовъ и садовъ разныхъ родовъ птицъ и звѣрей, которые въ лѣтнее (осеннее?), зимнее и вешнее времяна содержатся на птичномъ дворѣ, состоящемъ позади Италіанскаго сада, близъ Лиговскаго канала и съ служительми, въ 19 покояхъ, а въ лѣтнее время тѣ птицы въ сараяхъ на птичномъ дворикѣ и клѣткахъ при Лѣтнемъ Ея Императорскаго Величества дворцѣ; такожъ и въ Астрахани на птичномъ дворѣ птицъ и служителей», при чемъ на кормъ тѣмъ птицамъ и звѣрькамъ отпускалось ежегодно 2267 рублей 80½ коп. На починку же птичьихъ сараевъ, служительскихъ покоевъ и на покупку судовъ для привоза изъ Астрахани птицъ, и на прокормъ ихъ во время пути полагалось по 1000 рублей въ годъ. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

[274]) Опис. Петерб., Рубанъ, стр. 136.

[275]) Въ продолженіе 5 лѣтъ, съ 1756 по 1761 годъ, строенія бывшаго двора Волынскаго у Обухова моста, гдѣ помѣщалась псовая охота, и зданія Слоноваго двора перестраивались и ремонтировались распоряженіемъ Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства. Работы эти обошлись Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ 10.316 рублей 84 копѣйки, и такъ какъ онѣ относились собственно къ обязанности Канцеляріи отъ строеній, то означенная сумма и числилась долгое время въ долгу на послѣдней Канцеляріи. Однако долгъ этотъ съ Канцеляріи отъ строеній былъ сложенъ Императрицею Екатериною II, по докладу Бецкаго, въ 1771 году. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 52).

Къ 1761 году относится извѣстіе о томъ, что «въ Лѣтнемъ Старомъ Дворцѣ, въ первомъ огородѣ, всегда содержались и содержатся куріозныя птицы нѣжныхъ породъ» и что на Оберъ-Егерскомъ дворѣ содержатся птицы болѣе грубыя. (Арх. кн. Воронцова, т. II, ст. 576).

24 марта 1768 года воспослѣдовалъ нижеслѣдующій указъ Императрицы Екатерины II: «По поднесенному Намъ отъ Коммисіи о С.-Петербургскомъ строеніи плану конфирмовали Мы слоновый дворъ уничтожить, а строеніе надобное перенести въ предмѣстье, на егерскій дворъ, состоящій по Фонтанной рѣкѣ у Обухова моста, который и для всего Егерскаго корпуса весьма доволенъ быть можетъ. Вслѣдствіе чего оная (Оберъ-Егермейстерская) Канцелярія имѣетъ сдѣлать всему планы и смѣты немедленно. Намъ представить, чтобъ еще будущимъ лѣтомъ оную переноску начать можно было». (Рукоп. Сборн. Им. Указ., № 33).

20 іюля того же года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ вошелъ по этому со слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ:

«По именному Вашего Императорскаго Величества указу, повелѣно слоновый дворъ уничтожить, а строеніе надобное перенесть въ предмѣстіе на Охотный дворъ, состоящій на Фонтанной рѣкѣ у Обухова моста. Такожде Вашего Императорскаго Величества объявленъ имяной указъ отъ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи, чтобъ Егерской и Мастерской дворы (гдѣ они помѣщались раньше — не знаемъ) перенести-жъ также на оный Охотный дворъ. Вслѣдствіе чего Оберъ-Егермейстерская Канцелярія и помѣщенію тѣхъ слоноваго, егерскаго и мастерскаго дворовъ на оном Охотномъ двору у Обухова мосту сочиненъ планъ съ фасадою и смѣтою по примѣрнымъ цѣнамъ, и на всевысочайшее Вашего Императорскаго Величества разсмотрѣніе всеподданнѣйше прилагаю. Но какъ все строеніе, имѣющееся на оныхъ четырехъ дворахъ, пришло совсѣмъ въ

такую крайнюю ветхость, что нельзя перевозить и болѣе починивать, и для сего въ той смѣтѣ изображено о вновь строеніи, а именно: по берегу Фонтанки рѣки и въ заворотъ нѣсколько по Царскосельской прешпективной — все каменное, а протчее деревянное на каменныхъ жилыхъ погребахъ. А оное каменное строеніе назначено потому, что отъ Главной Полицеймейстерской Канцеляріи объявлено Высочайшее Вашего Императорскаго Величества, по докладу Коммисіи о С.-Петербургскомъ строеніи, повелѣніе, чтобъ въ предмѣстьѣ домы строить, въ набережной по Фонтанной рѣкѣ, каменные, а въ протчихъ улицахъ и деревянное, но на каменныхъ жилыхъ погребахъ такихъ, чтобъ впредь можно на нихъ достроить каменные же покои. Хотя въ рѣченной смѣтѣ и предъявляется важное число денегъ, но въ разсужденіи прочности такаго каменнаго строенія и великолѣпія, столь украшающаго городъ, мниться, что оная сумма не излишняя. Но со всѣмъ тѣмъ, ежели Ваше Императорское Величество всевысочайше не повелите такую сумму на оное зданіе отпустить, то я всепокорнѣйше и другой планъ при семъ прилагаю-жъ; но какъ сіе строеніе совсѣмъ будетъ деревянное и простое, слѣдовательно, непристойно оному быть въ городѣ, и для того изыскано мѣсто за Семинаріею Невскаго монастыря по берегу рѣки Невы, межъ жительства монастырскихъ служекъ и конюшенъ кирасирскихъ полковъ, на пустомъ болотномъ мѣстѣ, а пока то строеніе совсѣмъ отстроено не будетъ, то всевысочайше повелѣть какъ охоты Вашего Императорскаго Величества, такъ и служителей содержать на тѣхъ четырехъ дворахъ, гдѣ нынѣ живутъ. Когда же Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше соизволите апробовать первый планъ, то при начатіи того каменнаго строенія необходимо потребно будетъ вывесть Канцелярію съ большею частью служителей, на что повелѣть высочайше опредѣлить для найму дому потребную сумму».

Къ докладу этому приложенъ экстрактъ изъ смѣты на каменную постройку, исчисленную въ суммѣ 95.114 рублей $72^{1}/_{2}$ коп., и крайне для насъ интересная пояснительная записка къ проекту деревянныхъ зданій, которую и приводимъ полностью.

I Дворъ.

1) Строеніе для Канцеляріи съ принадлежностями и для содержанія богатой ливреи 8 покоевъ, церковь съ алтаремъ и трапезою. Для житья командира 6 покоевъ, для людей его 2 покоя и кухня да конюшня и сарай.

2) Сарай для пожарныхъ инструментовъ.

3) Сарай для смотрѣнія собакъ.

4) Прудъ.

II Дворъ.

5) Связь для священника съ причетниками: священнику 2 покоя и кухня, діакону 2 покоя, дьячкамъ и школьникамъ два покоя.

Нижеписанные покои для приказныхъ служителей: Ассесора Секретаря и протчихъ полагаются для того, что какъ Канцелярія состоять будетъ за городомъ, то имъ квартиръ въ городѣ за отдаленіемъ, имѣть не должно, а въ близости обывательскихъ дворовъ нѣтъ и нанимать имъ негдѣ, почему и дѣлаются казенные.

6) Связь для Ассесора: 4 покоя и кухня.

7) Связь для Секретаря: 3 покоя и кухня.

8) Связь протоколисту и регистратору: 4 покоя и кухня.

9) Связь приказнымъ служителямъ: 4 покоя и кухня.

10) Связь для комисара: 2 покоя и кухня, да писаря 1 покой.

11) Связь для лѣкаря: 3 покоя и кухня.

12) Связь для подлѣкаря съ учениками: подлѣкарю 2, а ученикамъ 1 покой и при нихъ кухня.

13) Связь для лазарета, а въ ономъ одна большая сала, а другой покой малинькой и одинъ покой для аптеки, и при нихъ баня.

14) Для оныхъ служителей погреба, конюшня на 15 лошадей съ сараями.

15) Прудъ.

16) Два двора дровянныхъ.

III Дворъ.

Для звѣрей и той охоты служителей.

17) Связь для льва и протчихъ звѣрей 5 покоевъ.

18) Съ одной стороны тынъ желѣзный для выпуску на воздухъ звѣрей.

19) Связь для жилья Главному слоновщику и звѣровщикамъ (кои находятся на милостивомъ пансіонѣ) и музыкантамъ; въ нихъ 24 покоя, въ томъ числѣ: для главнаго слоновщика

2 покоя и кухня; слоновщикамъ и звѣровщикамъ, 18 человѣкамъ, по двѣ семьи въ покой, 9 покоевъ; музыкантамъ, 48 человѣкамъ, по 6 человѣкъ въ покой, 8 покоевъ; для содержанія музыкальныхъ инструментовъ и для ученія музыки 1 большой покой; для мастеровъ, кои дѣлаютъ вновь и чинятъ рога, 1 покой да другой мастерской; при оныхъ покояхъ и кухня.

20) Для оныхъ конюшня на 6 лошадей и сарай.

21) Погребъ.

22) Прудъ.

IV Дворъ.

Для птичьей охоты, кречетовъ и челиговъ,—и служителей.

(Кои привозятся изъ Москвы и нынѣ пріискивается здѣсь имъ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи способное для выдержки оныхъ мѣсто).

23) Связь для птичьей охоты: 3 покоя.

24) Связь для капитана или поручика и прапорщика 5 покоевъ съ кухней.

25) Двѣ связи для сокольниковъ и кречетниковъ; коихъ бываетъ человѣкъ по 30, по 6 человѣкъ въ покой, 5 покоевъ и кухня.

26) Конюшня на 30 лошадей и при ней сарай.

27) Погребъ.

28) Прудъ.

29) Связь рисовальному мастеру съ подмастерьемъ: 3 покоя и кухня.

30) Связь—ружейная мастерская и для клажи инструментовъ: 2 покоя.

31) Связь—ложенная мастерская и для клажи инструментовъ: 2 покоя.

32) Связь ствольному заварщику, ружейнымъ и ложеннымъ ученикамъ: 4 покоя.

33) Связь ложенному мастеру съ подмастерьемъ: 3 покоя и кухня.

34) Литейному мастеру съ учениками 3 покоя.

35) Двѣ кузницы.

36) Двѣ связи: одна для коновала и кузнеца, въ ней 2 покоя и одна кухня, да для учениковъ, 4 человѣкъ, 1 покой. Подъ тѣмъ же № еще двѣ связи для клажи желѣза и уголья, и кузнечныхъ инструментовъ.

37) Прудъ.

38) Погребъ.

V Дворъ.

Для егерской команды.

39) Двѣ связи: одна находящемуся при Оружейной Палатѣ Коллежскому Ассесору, а другая оберъ-егеру, а въ каждой по 3 покоя и по 1 кухни.

40) Конюшня на 8 (стойлъ) для ассесорскихъ и оберъ-егерскихъ лошадей съ сараями.

41) Шесть связей: егерамъ, 8-ми, по 1 покою и 2-мъ по 1 кухнѣ, унтеръ-егерамъ, 3-мъ по 1 покою, а всѣмъ одна кухня; ученикамъ и птичникамъ, 19 человѣкамъ, по двѣ семьи въ покой, 10 покоевъ; всего 21 покой и 5 кухней.

42) Конюшня онымъ егерамъ, унтеръ-егерамъ, ученикамъ и птичникамъ для казенныхъ 30 лошадей.

43) Прудъ.

44) Прудъ и посреди онаго полатка для пороха.

45) Связь биксенъ-шпаніерамъ: 4 покоя и кухня.

46) Погребъ, конюшня на 4 стойла и сарай.

47) Дворъ для содержанія утокъ и прочаго.

48) При нихъ два пруда.

49) Дворъ для трухтановъ и куликовъ.

50) Сарай.

51) Для оныхъ птицъ въ зимнее время два покоя.

52) Одинъ погребъ для клажи пристрѣленныхъ дикихъ птицъ.

VI Дворъ.

Для псовой охоты.

53) Связь для стремянныхъ, одного егеря, а другаго охотника, каждому по 2 покоя и по 1 кухнѣ.

54) Связь для двухъ же стремянныхъ охотниковъ, каждому по 1 покою и 1 кухня.

55) Шесть связей: для корытничихъ, охотниковъ, доѣзжачихъ, выжлятниковъ, наварщиковъ и конюховъ, полагая корытничимъ, каждому, по одному покою, а охотникамъ и протчимъ, 51-му, по 3 семьи въ каждый покой и того 26 покоевъ.

56) Конюшня для стремянныхъ на 10 лошадей и при ней сарай.

57) Для разныхъ собакъ 6 дворовъ.

58) На оныхъ дворахъ 6 денниковъ.

59) Навѣсы.

60) Для дневальныхъ охотниковъ 2 покоя.

61) Наварня.

62) Бойня.

63) Навѣсъ для медвѣдей.

64) Магазейны для поклажи сѣна и овса и псовой охоты кормовъ и для охраненія разнаго званія тенятъ и охотничихъ приборовъ, такожъ фуръ, роспусковъ, саней и протчихъ принадлежностей.

65) Конюшня для казенныхъ 100 лошадей.

66) Караульня.

67) Конюшня теплая для заповѣтрившихъ лошадей, кои будутъ въ лѣченіи, на 10 стойлъ, и при ней сарай. (Госуд. Арх., р. XIV, № 57).

Повидимому, ни одинъ изъ представленныхъ Оберъ-Егермейстеромъ плановъ не удостоился Высочайшаго утвержденія, что побудило Оберъ-Егермейстера вновь обратиться въ іюнѣ 1769 года къ Императрицѣ съ ходатайствомъ, дабы, до утвержденія какого-либо проекта построекъ для всѣхъ С.-Петербургскихъ охотъ, была отпущена потребная сумма денегъ для производства необходимыхъ починокъ существующихъ въ С.-Петербургѣ зданій Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства и для замѣны части послѣднихъ новыми, «такъ какъ иначе осенью и зимою невозможно будетъ жить нижнимъ служителямъ».

Императрица приказала отпустить на сказанную потребность 3000 рублей. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 45).

[276]) Въ февралѣ 1773 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ, указывая на то обстоятельство, что въ штатъ внесена самая необходимая сумма; что по штату ничего не положено на ремонтъ зданій Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства; что сумма, употребленная на послѣднюю надобность въ предшествовавшіе года и числившаяся въ долгу на Канцеляріи отъ строеній, въ 1771 году прощена ей; что въ то время ощущалась настоятельная необходимость починить зданія на трехъ С.-Петербургскихъ охотничьихъ дворахъ, чего Канцелярія отъ строеній дѣлать не хочетъ; что въ Измайловскомъ звѣринцѣ и дворцѣ и въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ «однѣ вѣтхости», на приведеніе которыхъ въ сносное состояніе исчислено было по смѣтѣ 21.742 рубля 14 копѣекъ,— всеподданнѣйше просилъ объ указѣ на предметъ назначенія на ремонтъ сказанныхъ сооруженій: въ С.-Петербургѣ по 2000 рублей, въ Петергофѣ по 1000 рублей и въ Москвѣ по 4000 рублей въ годъ. Ходатайство это Императрицею уважено было, и деньги приказано было выдавать изъ Дворцовой Канцеляріи. (Рукоп. Имп. ох.).

5 ноября 1774 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ снова представлялъ Императрицѣ о необходимости усилить отпускъ денегъ на ремонтъ зданій и сооруженій Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. «Ежели бы», — докладывалъ, между прочимъ, Оберъ-Егермейстеръ,—«возвратила Контора отъ строеній долговую сумму, состоящую въ шестнадцати тысячахъ трехстахъ шестнадцати рубляхъ восьмидесяти четырехъ копѣйкахъ, то-бъ мы не осмѣлились трудить Ваше Императорское Величество о семъ. Но какъ изъ оной долговой суммы 10.316 рублей 84 коп. не повелѣно съ нее взыскивать, а оставшихъ 6000 рублей на поданной докладъ отъ 9 февраля прошлаго года совсѣмъ умолчено, то мы покорнѣйше и ожидаемъ всемилостивѣйшаго указа, откуда оный весь долгъ повелѣно будетъ возвратить въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію. А правосудіе Вашего Императорскаго Величества взыскиваетъ, чтобъ и партикулярные долги не пропадали, кольми паче о казенныхъ подлежитъ намъ пещися, чтобъ цѣлость капитала, ввѣреннаго намъ была всегда сохранна. Не представится странно, что такая сумма могла скопиться въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, когда извѣщено будетъ, что черезъ тогдашній кредитъ бывшаго Оберъ-Егермейстера графа Разумовскаго получались прямо изъ комнаты нѣкоторыя суммы. Сей анегдотъ или не всѣмъ извѣстное происшествіе весьма памятно нынѣшнему Оберъ-Егермейстеру, по неотлучному при Дворѣ его пребыванію». (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

[277]) 5 апрѣля 1780 года Оберъ-Егермейстеръ князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ вновь возбудилъ вопросъ о постройкѣ общаго помѣщенія для всѣхъ С.-Петербургскихъ охотъ. «Какъ команда, принадлежащая къ Егермейстерской Канцеляріи, имѣетъ»,—докладывалъ князь Голицынъ Императрицѣ,—«свои построенія на четырехъ разныхъ мѣстахъ: Первое — подлѣ Обухова мосту, Второе — на Невской перспективѣ, Третье — близъ Преображенскаго полку, Четвертое — рустъ-

камера въ называемомъ Италіанскомъ домѣ; за исключеніемъ же рустъ-камеры прочее строеніе все деревянное и большею частью въ крайней ветхости, на содержаніе котораго и вновь, по згнилости, на построеніе употребляется ежегодно знатная сумма, то какъ ко отвращенію столь ежегоднаго напраснаго убытка, такъ и къ соблюденію лучшаго порядка соединеніемъ всей команды въ одномъ мѣстѣ, я и осмѣливаюсь Вашему Императорскому Величеству представить послѣдующее:

«Для егерской всей команды построить каменное зданіе на томъ мѣстѣ, гдѣ Вашему Императорскому Величеству будетъ благоугодно; но удобнѣе бы было, чтобъ не въ дальнемъ разстояніи отъ воды, на которое строеніе нѣтъ надобности ассигновать ни откудова суммы, ибо хозяйственнымъ моимъ попеченіемъ, со времени меня опредѣленія, въ годъ и десять мѣсяцевъ, имѣю уже за всѣми расходами экономической суммы всей на вся до 35.000 рублей. Да напредъ таковою же моею всеусерднѣйшею тщательностью увѣрить осмѣливаюсь Ваше Императорское Величество, что до 10.000 рублей ежегодно экономическихъ денегъ всегда на построеніе каменное употребить могу. Къ составленію же сей камеру въ ея чистотѣ и доносимой мною суммы не уменьшилъ я ничего положеннаго по штатамъ, какъ въ числѣ людей, такъ и протчимъ положенномъ содержать; но, насупротивъ, прибавилъ заведеніемъ лазарета для больныхъ, здѣсь и въ Москвѣ словесныхъ школъ и собралъ по онымъ дѣтей Егермейстерскаго корпуса, чего до моего вступленія никогда не бывало; для соколиной и псовой охотъ лошади мною покуплены по большей части вновѣ, равно какъ и протчія разныя принадлежности, касающіяся до Егермейстерскаго корпуса, исправлены тожъ. Все-жъ ввѣренные мнѣ люди получаютъ свое жалованье, платье, аммуницію безъ всякаго уменьшенія, а тѣмъ меньше продолженія по времени, въ чемъ есть-ли соизволите Ваше Императорское Величество соблаговолить черезъ посторонняго каждаго моего подкомандующаго допросить, равно какъ и рустъ-шлюпки, какъ и другихъ излишнихъ чужестранныхъ людей, занявъ ихъ мѣста выборомъ достойнѣйшихъ изъ команды, нужныхъ, но несравненно съ уменьшительнымъ жалованіемъ. Да и прочіе мелкіе расходы отъ похищенія предохранилъ, что вообще и составило примѣчательную сумму.

Гербъ Царства Сибирскаго,
съ нѣмецк. гр. начала XVIII ст.

«При пріемѣ мною въ командованіе Оберъ-Егермейстерскаго корпуса отъ бывшаго господина Егермейстера Польмана, получилъ я наличными деньгами 18.000 рублей, о чемъ тогда Вашему Императорскому Величеству общими отъ насъ рапортами донесено и было. Но черезъ самое короткое время вступленія моего оказалось, что многіе въ командѣ чины не были за прошедшее время удовольствованы жалованьемъ, мундирами и аммуничными деньгами, а подрядчики не заплачены за доставленный провіантъ и фуражъ, которое всей суммы и составило до 10.000 рублей, что Ваше Императорское Величество если соблаговолите къ удостовѣренію повелѣть освидѣтельствовать въ Канцеляріи въ книгахъ и именныхъ спискахъ, каковая кому за прошедшее время въ командованіе господина Польмана выдача въ бытность мою сдѣлана была, то за симъ исключеніемъ и съ тѣми, которыя господинъ Польманъ при вступленіи своемъ нашелъ экономическихъ въ Канцеляріи, получилъ я всѣхъ отъ него въ наличности только съ 8.000 р.

«Буде же Вашему Императорскому Величеству благоугодно есть мое всеподданнѣйшее представленіе принять и повелѣть строить каменное Егерскому всему корпусу зданіе, то въ такомъ

случаѣ предлагаю, чтобы оканчивать его частями, ибо, тѣмъ самымъ посредствомъ, въ оконченное можно будетъ вводить команды и опрастывать то построеніе деревянное, въ которомъ теперь они есть; слѣдственно уменьшаться будетъ расходъ на содержаніе теперешнихъ ихъ квартиръ и строеніе, почти ежегодное, новыхъ деревянныхъ связей. А тѣмъ самымъ прибавляться будетъ и сумма на построеніе каменное. Но, всемилостивѣйшая Государыня, какъ я не имѣю никакаго архитектора, который бы таковому строенію могъ сдѣлать планъ и фасаду, то пріемлю токмо на себя, когда воля Вашего Величества будетъ, представить описаніе, что покоевъ есть нужно, какъ для команды, такъ и помѣщенія птицъ и звѣрей разныхъ. На что и буду ожидать Вашего Императорскаго Величества повелѣнія». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 81).

14 апрѣля того же года послѣдовало Высочайшее повелѣніе приступить къ сказанной постройкѣ, расположивъ таковую на Пескахъ и отнеся потребный на эту надобность расходъ на остаточныя деньги отъ штатной суммы. (Тамъ же, № 81).

Объ этомъ повелѣніи увѣдомлялъ Оберъ-Егермейстера князя Голицына генералъ-маіоръ Александръ Андреевичъ Безбородко, письмомъ отъ 18 апрѣля, сообщая, между прочимъ, что Императрица собственно выразила мнѣніе, что постройка должна быть возведена или на Пескахъ, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ внѣ города, а не внутри его, «ибо содержаніе тамъ собакъ и другихъ звѣрей могло бы быть для жителей безпокойно, а иногда и небезвредно». Для составленія плановъ и фасадовъ Екатерина Великая приказала назначить выписаннаго изъ Италіи архитектора Тромбара. (Тамъ же, № 82).

14 мая 1781 года Безбородко писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну, что Императрица приказала мѣсто для новыхъ построекъ Егермейстерскаго корпуса найти ему, Оберъ-Егермейстеру, совмѣстно съ С.-Петербургскимъ губернаторомъ и Оберъ-Полицеймейстеромъ, тамъ ли, гдѣ слоновые дворы были, или по Царскосельской дорогѣ, гдѣ бы и вода была. Избранное мѣсто предписывалось въ подробности осмотрѣть съ архитекторомъ и приступить къ составленію плана. Относительно фасадовъ къ зданіямъ, которые, повидимому, были представлены Императрицѣ ранѣе, Безбородко писалъ, что Ея Величеству хотя послѣдніе и показались хорошими, но Государынѣ не нравится, что зданіе проектировано одноэтажнымъ, такъ какъ экономичнѣе было бы построить зданіе въ два этажа, расположивъ его четыреугольникомъ и оставляя внутри дворы. (Рукоп. Имп. Ох.).

По письму этому князь Голицынъ докладывалъ 12 іюня того же года Императрицѣ, что, по осмотрѣ, удобнѣйшее мѣсто оказалось по Царскосельской дорогѣ за вновь строящимся городскимъ земляным валомъ, «на которомъ есть пески и по близости вода, и бывшій при томъ архитекторъ Тромбаръ сіе мѣсто къ помѣщенію на немъ, по даннымъ отъ меня программамъ, двухъэтажнаго каменнаго зданія призналъ способнымъ». Къ этому князь Голицынъ присовокуплялъ, что ежели Императрица пожелаетъ, чтобы постройка производилась подъ его, Оберъ-Егермейстера, наблюденіемъ, то онъ всеподданнѣйше проситъ приказать:

1) «Пріискать нѣкоторое число людей для присмотру за матеріалами и строеніями, ибо состоящіе въ Оберъ-Егермейстерскомъ корпусѣ чины и служители обязаны всѣ должностями по ихъ званіямъ, и о таковыхъ пріисканныхъ мною людяхъ, сколько ихъ необходимо будетъ потребно, въ разсужденіе какъ они состоять имѣютъ сверхъ штата, поднести Вашему Императорскому Величеству для всевысочайшей апробаціи всеподданнѣйшій докладъ».

2) «Нынѣшняго текущаго года зимою начать заготовленіе потребныхъ матеріаловъ, а будущаго 1782 года весною вступить въ производство строенія».

3) «На то строеніе деньги употреблять имѣющіяся въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, остаточныя за всѣми годовыми расходы и черезъ трехгодичную мою въ Егермейстерахъ бытность экономіею пріобрѣтенныя, которыхъ будущаго 1782 года генваря къ 1-му числу, ежели Главная Дворцовая Канцелярія считающіяся на ней въ недоимкѣ безостановочно отпуститъ, имѣетъ быть болѣе шестидесятъ или и до семидесятъ тысячъ рублей». (Госуд. Арх., ч. II, раз. XIV, № 57).

Въ августѣ того же года Оберъ-Егермейстеръ Князь Голицынъ представлялъ, между прочимъ, Императрицѣ, что 11 числа того мѣсяца, «въ полученномъ мною отъ Его Превосходительства господина Генералъ-маіора Александра Андреевича Безбородка письмѣ объявлено, что Ваше Императорское Величество, всевысочайше апробовавъ планъ егерскаго дома, архитекторомъ Тромбарою сочиненный, указали оный доставить ко мнѣ для исполненія, располагая строеніе сіе по срокамъ и по мѣрѣ надежды на экономическую и остаточную въ департаментѣ моемъ сумму, въ чемъ неусыпное и всевозможное стараніе прилагать буду и съ крайнимъ моимъ раченіемъ монаршую Вашего Императорскаго Величества волю исполнять долженъ. Строеніе же сіе, угодно Вашему Императорскому Величеству, чтобы было производимо подъ смотрѣніемъ архитектора Тромбары, а въ протчемъ смотрителя за онымъ и всею экономіею съ потребными людьми изъ команды моей выбрать и опредѣлить мнѣ предоставлено». Докладывая о томъ, что имъ уже сдѣланы распоряженія о назначеніи на работы торга, что въ его командѣ не имѣется свободныхъ отъ должностей лицъ, что архитекторъ Тромбаръ «за незнаніемъ имъ Россійскаго языка и съ здѣшними

мастеровыми людьми обращенія, проситъ о назначеніи къ нему архитекторскаго помощника», князь Голицынъ ходатайствовалъ объ опредѣленіи къ работамъ изъ четырехъ гвардейскихъ полковъ по 3 человѣка отъ полка по его, князя Голицына, выбору, съ сохраненіемъ ими содержанія отъ своихъ частей и о назначеніи въ помощь Тромбару одного архитекторскаго помощника изъ Полицеймейстерскаго вѣдомства, «коихъ тамъ состоитъ немалое число».

Кромѣ того, князь Голицынъ просилъ о сержантѣ Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка Михаилѣ Аксаковѣ, «дабы онъ былъ выпущенъ отъ арміи Капитаномъ («выпущенъ» — современный терминъ перевода изъ Гвардіи въ армію) и опредѣленъ къ строенію, въ разсужденіе такъ какъ онъ безъ малаго уже шесть лѣтъ въ сержантскомъ чинѣ, человѣкъ состоянія и поведенія весьма хорошаго и къ сей должности весьма нахожу способнымъ и нѣсколько лѣтъ мною знаемъ, надѣясь отъ него вспомоществованія себѣ немалаго, за котораго отвѣчаю равно какъ за себя». Жалованье Аксакову Голицынъ полагалъ выдавать изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, не требуя ниоткуда. (Госуд. Арх.; ч. II, раз. XIV, № 57).

30 мая 1782 года Оберъ-Егермейстеръ вошелъ по тому же дѣлу со слѣдующимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ:

«Съ полученіемъ мною августа отъ 11 числа прошлаго 1781 года отъ Вашего Императорскаго Величества апробованнаго плана о построеніи для всего Оберъ-Егермейстерскаго корпуса вновь каменнаго зданія и церкви, съ вызванными черезъ публикацію подрядчиками производились въ Канцеляріи многіе торги и медлительность состояла въ разсужденіе, что съ начала цѣна объявлена ими была 500.000 рублей, да для такаго необычайнаго зданія число явившихся подрядчиковъ съ начала состояло невеликое, а и явившіеся разсматривали немалое время планъ и кондиціи и нынѣ кончили тѣмъ, что за то строеніе изо всѣхъ ихъ матеріаловъ съ работными людьми и инструментами послѣднюю цѣну возьмутъ 370.000 рублей. Но я, по всеподданнѣйшему долгу моему, стараясь о приращеніи интереса Вашего Императорскаго Величества, по окончаніи ихъ торговъ увѣщевалъ подрядчиковъ неоднократно объ уступкѣ цѣны, и на послѣдокъ явившіеся вновь объявили послѣднее свое требованіе 360.000 рублей, а менѣе оной цѣны никто не беретъ и отъ торговъ отказались. Опредѣленный же отъ Вашего Императорскаго Величества къ тому строенію архитекторъ Тромбаръ, по объявленію ему отъ меня оной цѣны, увѣряетъ, что онъ ту требуемую подрядчиками цѣну поставляетъ весьма за умѣренную, въ разсужденіе великости зданія, котораго одна только длина простирается на сто на семьдесятъ саженъ. Но ежели-бъ на все означенное построеніе полная сумма была въ Канцеляріи въ наличности, то-бъ я могъ надѣяться еще о знатной уступкѣ, о чемъ и подрядчики при торгахъ объявили, что могли-бъ снести не малую сбавку, ибо они, воображая себѣ видимыя кондиціи, что остаточною ежегодно въ Канцеляріи небольшею суммою едва въ 15 лѣтъ то строеніе окончать они могутъ-ли и такой дальной терминъ устрашаетъ подрядчика потому: что годъ отъ году какъ матеріалы, такъ и каменщики становятся дороже, то и никакое нынѣшнее его исчисленіе вѣрно быть не можетъ, и черезъ то показываютъ они опасность, дабы не прійти имъ въ разорѣніе.

«Вашему Императорскому Величеству въ прошломъ 1781 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, всеподданнѣйшимъ отъ меня докладомъ представлено было о суммѣ остаточной въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи за годовыми расходы, и моею экономіей пріобрѣтенной, ежели оную Главная Дворцовая Канцелярія бездоимочно отпуститъ, то простираться можетъ до 70.000 рублевъ, которую Ваше Императорское Величество всевысочайше повелѣли употребить на новое строеніе и впредь остающуюся на тожъ употреблять; но Дворцовая Канцелярія, увѣдавъ о такомъ великомъ у меня остаткѣ, не зная съ какого умысла, начала довольствовать отпусками прочія мѣста, а ко мнѣ въ Канцелярію съ того самого времени и по нынѣ ничего не отпускаютъ, и чрезъ сіе удержаніе считается на ней въ недоимкѣ 93.873 руб. 10¼ коп. Да съ 1 числа іюля сего года слѣдуетъ съ нее получить полугодовой суммы 40.643 руб. ¼ коп., а всей составитъ 134.516 руб. 10½ коп. Напредъ же сего та Дворцовая Канцелярія такихъ великихъ удержаній не дѣлала, а хотя и оставляла за собою въ недоимкѣ сумму, но не болѣе какъ 10.000 рублей. Ежели-жъ Дворцовая Канцелярія воображаетъ о великости остатка у меня суммы отъ выбылыхъ чиновъ и, можетъ статься, размышляетъ, чтобъ сію сумму удержать у себя, то, напротивъ сего, видитъ она въ штатѣ Егермейстерскаго корпуса нискость провіанту и фуражамъ цѣнъ, и знаетъ нынѣшнюю противъ того во всемъ дороговизну, на что въ добавокъ къ тому штатному положенію, по исчисленію моему, съ 1774 по 1782 годъ, не требуя ниоткуда особливыхъ денегъ, прибавлено изъ остаточной суммы до 50.000 рублевъ. Въ штатѣ-жъ точно сказано: что есть-ли противу штатнаго положенія провіанту и фуражамъ цѣны будутъ превосходнѣе, о томъ повелѣно докладывать. Я-жъ о скорѣйшемъ отпускѣ недоимочной суммы въ ту Канцелярію многократными писалъ промеморіями, токмо въ отвѣтъ письменно получалъ разныя отговорки и обнадеживанія; а напослѣдокъ и то, чтобъ я согласился получить деньги изъ разныхъ намѣстничествъ и изъ Московской Дворцовой Конторы, на что я по самой необходимости и крайнему въ деньгахъ недостатку и согласился, посылая въ Тверское и Новгородское намѣстничествы справки, есть-ли тамъ дворцовая

сумма. Но изъ перваго отвѣчаемо: что хотя дворцовые доходы тамъ и были, токмо Дворцовою Канцеляріею разъассигнованы въ другія мѣста. Равнымъ образомъ на посланный въ Московскую Контору указъ отвѣтствовано, что тамъ денегъ ничего нѣтъ. И черезъ такіе поступки Главная Дворцовая Канцелярія до того довела, что Егермейстерскаго корпуса служители, не получая за прошедшую треть жалованья, претерпѣваютъ крайнюю нужду и съ начала нынѣшняго года состоятъ безъ мундировъ, ружей и лошадей, да и подрядчики, поставляющіе для людей провіантъ, а лошадямъ, звѣрямъ, собакамъ и птицамъ кормы, за неполученіемъ за прошедшую треть за таковые припасы платежа, впредь ставить отказываются, и оттого служители, по бѣдности ихъ, терпятъ нужду. При томъ же и деревянное строеніе на разныхъ дворахъ, въ коемъ служители жительство имѣютъ, весьма обветшало, которое, также и Петергофскіе звѣринцы, требуютъ немалаго въ нынѣшнее удобное время поправленія; но остается все сіе, за неотпускомъ денегъ, безъ исправленія, а повелѣнное отъ Вашего Императорскаго Величества новое каменное строеніе, не получа отъ Дворцовой Канцеляріи всей вышеписанной долговой суммы, и начинать невозможно. Когда же вся та сумма сполна отпущена будетъ, то за удовольствованіемъ служителей жалованьемъ и протчими окладами и за всѣми видимыми и необходимыми расходами, въ будущій 1783 годъ останется на первый случай до 90.000 руб. А впредь ежегодно тысячъ до пятнадцати оставаться можетъ.

Симоновъ монастырь, съ гр. Бликланда (начала XVIII ст.).

«Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше представляю на всевысочайшую апробацію вышеписанную состоявшуюся съ торговъ за новое каменное строеніе послѣднюю цѣну 360.000 руб. И ежели Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ указать мнѣ оное за сію сумму строить, то дабы неупустить нынѣшняго удобнаго времени, такожъ и подрядчиковъ, которые при торгахъ просили о скорѣйшемъ заключеніи съ ними контракта, дабы они, зная вѣрное положеніе, и матеріалы заготовлять стали, а по продолженіи времени ихъ къ той цѣнѣ принудить будетъ невозможно, черезъ что послѣдуетъ вновь переторжка къ дальнѣйшему продолженію, да и новая цѣна, въ разсужденіе дороговизны, съ превосходствомъ противу нынѣшней можетъ послѣдовать, то и повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, Дворцовой Канцеляріи всю долговую на ней сумму и съ слѣдующею съ іюля мѣсяца 134.516 руб. 10½ к. въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію въ непродолжительномъ времени отпустить и впредь наблюдать ей въ отпускахъ тѣхъ суммъ положенные термины, не чиня удержаній, и не доводить Егермейстерскій корпусъ до такаго крайняго состоянія, въ какомъ оный, за неимѣніемъ въ наличности ничего денегъ, нынѣ находится и великія нужды претерпѣваетъ. Я-жъ не излишней какой суммы изъ Дворцовой Канцеляріи требую, а собственно положенной по штату. Другаго-жъ средства, Всемилостивѣйшая Государыня, вырученіемъ означенной недоимочной суммы не нахожу и по крайней моей необходимости принужденъ уже себя нашелъ просить отъ Вашего Императорскаго Величества помощи, опасаясь при томъ, чтобъ за сіе въ такомъ случаѣ и себѣ не навлечь отъ Васъ гнѣва.

«А какъ отъ Вашего Императорскаго Величества на сіе всеподданнѣйшее мое прошеніе воспослѣдуетъ всемилостивѣйшая резолюція, то и утруждать Ваше Императорское Величество не примину и о людяхъ, къ помянутому строенію надобныхъ, которые мною уже и пріисканы, и необходимо при томъ быть нужны для надсматриванія за производствомъ въ прочности строенія и добротѣ употребляемыхъ матеріаловъ». (Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57).

Какъ видно изъ доклада Оберъ-Егермейстера князя Голицына отъ 30 мая 1783 года, резолюціи по приведенному представленію не послѣдовало, и ко времени составленія послѣдняго доклада за Дворцовою Канцеляріею, по уплатѣ ею части долга, все же числилось въ недоимкѣ

107.980 руб. 3 коп. «Къ скорѣйшему-жъ полученію изъ Дворцовой Канцеляріи сихъ денегъ нѣтъ никакой надежды, потому что она, имѣя у себя въ наличности вышесказанную большую сумму 450.000 руб., удѣлила изъ нихъ малое число, не заплатя всего числящагося на ней долгу. А впредь у нея вдругъ такой большой суммы въ сборѣ въ скорости быть не можетъ, черезъ что повелѣнное строеніе весьма продолжается». Князь Голицынъ докладывалъ, что если бы Императрица повелѣла причитающуюся Оберъ-Егермейстерскому вѣдомству сумму уплатить изъ какого-либо другого присутственнаго мѣста, то у него къ 1784 году получилось бы остаточной суммы до 100.000 рублей, на которую можно было бы съ успѣхомъ начать постройку, присовокупляя: «Не премину я самъ, чтобы успѣхъ и прочность соотвѣтствовали желанію, а къ смотрѣнію за прочностью матеріаловъ и строенія опредѣляется изъ команды моей находящійся въ Канцеляріи, назначенный и при другихъ должностяхъ, надворный совѣтникъ Петръ Ершовъ, человѣкъ весьма отмѣнно и прилежно рачительный и способный. Но по великости строенія невозможно будетъ мнѣ съ однимъ надворнымъ совѣтникомъ во всемъ производствѣ справиться, а другихъ чиновъ свободныхъ и способныхъ въ командѣ моей нѣтъ». Поэтому князь Голицынъ снова просилъ о назначеніи къ постройкѣ Михаила Аксакова, бывшаго сержанта Лейбъ-Гвардіи Измайловскаго полка, а въ то время капитана Лейбъ-Гренадерскаго полка, который состоялъ при немъ ординарцемъ, извѣстенъ ему за отмѣннаго служаку и съ успѣхомъ исполнялъ многія порученія его, Оберъ-Егермейстера, по Оберъ-Егермейстерской части. Назначеніе Аксакова къ присмотру за постройкою Голицынъ проектировалъ совмѣстить съ порученіемъ ему завѣдыванія рустъ-камерой, въ которой «хранятся собственныя Вашего Императорскаго Величества драгоцѣнныя ружья и прочія вещи во множественномъ числѣ», на мѣсто умершаго асессора Іоганна Бема, съ выдачею Аксакову жалованья, которое раньше получалъ Бемъ. (Госуд. Арх., ч. II, разр. XIV, № 57).

На слѣдующій же день, 31 мая, Императрица Екатерина II подписала указъ на имя Оберъ-Егермейстера Князя Голицына, слѣдующаго содержанія: «Позволяя Вамъ приступить къ строенію дома за городомъ, для помѣщенія всей Команды Вашей потребнаго, по апробованному отъ Насъ плану, повелѣваемъ надлежащую на оное строеніе сумму 360.000 руб. употреблять изъ остатковъ отъ расходовъ по вѣдомству Вашему. Впрочемъ, Главная Дворцовая Канцелярія, при настоящемъ умноженіи доходовъ, будетъ въ состояніи какъ должныя ею Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи по сіе время, такъ и впредь надлежащія деньги доставлять исправно, о чемъ отъ Насъ ей подтверждено». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 94).

2 іюня того же года Генералъ-Фельдмаршалъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Петру Алексѣевичу Голицыну, что Императрица разрѣшила: 1) уволить отъ военной службы Лейбъ-Гренадерскаго полка капитана Аксакова для опредѣленія его къ присмотру за производствомъ сказанной работы; 2) выбрать для той же цѣли изъ егерской команды надежныхъ людей; 3) пріискать вольнаго каменнаго мастера; 4) всѣмъ этимъ лицамъ выдавать содержаніе изъ суммы, опредѣленной на постройку. (Тамъ же, № 95).

Вскорѣ же послѣ этого Аксаковъ былъ назначенъ и на должность завѣдывающаго рустъ-камерой, съ переименованіемъ въ чинъ коллежскаго совѣтника. (Камеръ-фурьерскій журналъ 1785 и 1786 гг.; Дополн., стр. 22 и 23).

Въ теченіе 1783 года, повидимому, постройка новаго зданія для Оберъ-Егермейстерскаго корпуса не производилась. По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что въ апрѣлѣ 1784 года Императрица Екатерина II отмѣнила ранѣе состоявшееся повелѣніе о постройкѣ сказаннаго зданія двухъэтажнымъ и приказала вновь проектировать таковое трехъэтажнымъ, дабы самое зданіе уменьшилось по длинѣ и расходы на его возведеніе сократились. Новый проектъ предписано было составить прежнему архитектору Тромбару. (Тамъ же, № 109).

6 февраля 1785 года графъ Александръ Андреевичъ Безбородко писалъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну, что Ея Величество утвердила вновь поднесенный ей проектъ зданія для С.-Петербургскихъ охотъ и соизволила приказать привести таковой въ исполненіе, начиная съ болѣе необходимыхъ зданій и отложивъ постройку церкви напослѣдокъ. По Высочайшему же повелѣнію въ это время былъ назначенъ, однимъ изъ смотрителей за работами, отставной секундъ-маіоръ Николай Ермолаевъ, съ чиномъ Коллежскаго асессора и съ производствомъ ему жалованья по чину на счетъ остатковъ отъ штатныхъ суммъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. (Тамъ же, № 114).

Не производилась еще постройка помянутаго зданія и въ 1785 году; 9 марта 1786 года, графъ Безбородко, въ отвѣтъ на понятнаго содержанія письмо князя Голицына, писалъ, что Императрица не нашла необходимымъ издать новый указъ о приступѣ къ работамъ, такъ какъ подобный указъ воспослѣдовалъ уже, и приказала поставить Оберъ-Егермейстера въ извѣстность, что въ дѣлѣ построенія помянутаго зданія онъ воленъ поступать по своему усмотрѣнію, придерживаясь существующаго порядка построенія зданій подрядчымъ способомъ. Вмѣстѣ съ симъ, не желая стѣснять иниціативы Оберъ-Егермейстера, Екатерина Великая разрѣшила, въ случаѣ признанія болѣе выгоднымъ, не прибѣгать къ посредничеству подрядчиковъ, покупать потребные матеріалы и нанимать необходимыхъ рабочихъ распоряженіемъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи,

то-есть производить постройку хозяйственнымъ способомъ, при условіи непревышенія назначенной на постройку суммы и послѣдующаго затѣмъ представленія всѣхъ оправдательныхъ документовъ на ревизію въ Императорскій Кабинетъ. (Тамъ же, № 125).

Послѣ этого было приступлено къ работамъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно какимъ способомъ, и работы пошли весьма успѣшно, ибо въ сентябрѣ 1787 года князь Голицынъ доносилъ уже о возможности приступить въ недалекомъ будущемъ къ раздачѣ служащимъ въ Оберъ-Егермейстерскомъ вѣдомствѣ квартиръ въ новыхъ зданіяхъ. (Тамъ же, № 129).

26 сентября этого года «состоящій при собственныхъ Ея Величества дѣлахъ» Храповицкій увѣдомлялъ Оберъ-Егермейстера, что Императрица приказала прежде всего дать въ новыхъ зданіяхъ домъ съ садомъ Оберъ-егерю Функу, завѣдывавшему тогда собственными Ея Величества собачками. (Тамъ же, № 129).

Производившаяся по частямъ постройка новыхъ зданій для С.-Петербургскихъ охотъ не была закончена еще и къ 1790 году. Въ маѣ этого года Императрица поручила Турчанинову навести справку, сколько осталось еще строить, сколько издержано на работы денегъ, и какая сумма потребна на полное окончаніе работъ. (Тамъ же, № 139).

[278]) Петръ Великій чрезвычайно любилъ это загородное мѣсто и до 1723 года никто не смѣлъ пріѣзжать въ Петергофъ безъ особаго каждый разъ на то разрѣшенія Императора. (Пушкаревъ, т. IV, стр. 167).

«У Монплезира большой выложенный камнемъ прудъ, по которому плаваютъ лебеди и другія птицы и особенный домикъ для маленькихъ птицъ». (Бергхольцъ, ч. I, стр. 135 и 136).

[279]) Имѣющіяся у насъ первыя документальныя свѣдѣнія о Петергофскомъ звѣринцѣ относятся къ 1736 году. Въ началѣ сентября этого года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій просилъ Императорскій Кабинетъ повелѣть Дворцовой Канцеляріи попрежнему отпускать кормъ звѣрямъ, содержимымъ въ названномъ звѣринцѣ. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7053).

[280]) 15 декабря 1736 года «Ея Императорское Величество соизволила повелѣть нынѣшнею зимою изъ Москвы, изъ Измайловскаго звѣринца, взять въ С.-Петербургъ, въ Петергофскій звѣринецъ, нѣмецкихъ оленей и мараловъ по 50 звѣрей, кабановъ рослыхъ до 15 и такихъ, которые тамъ для заводу быть не годны». (Письмо Забѣлина).

Въ іюлѣ 1737 года Императрица Анна Іоанновна приказала отправить изъ С.-Петербурга въ Петергофскій звѣринецъ приведеннаго 12 числа этого мѣсяца изъ Персіи слона, котораго доставили въ С.-Петербургъ подъ конвоемъ солдатъ, при капитанѣ Свѣчинѣ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

Около этого времени въ Петергофѣ былъ устроенъ Новый Заячій звѣринецъ. Въ 1739 году форштмейстеръ Петергофскаго звѣринца Газъ требовалъ на зиму для 100 зайцевъ Новаго Заячьяго звѣринца овса по 4 четверти и капусты по 2000 кочней въ мѣсяцъ, да для 5 дикихъ козъ, охоты герцога Бирона, гороху и овса по 5 четвертей на тотъ же срокъ. Подобное чрезмѣрное требованіе Газа удовлетворено не было. Было рѣшено, что зайцамъ капусты выдавать не надлежитъ вовсе и что молоченный овесъ для нихъ «неспособенъ», а слѣдуетъ разметывать по звѣринцу сноповый немолоченный овесъ, каждый день по 10 сноповъ. На козъ же кормъ былъ отпущенъ, какъ испрашивалось. (Тамъ же).

[281]) Въ 1739 году въ Петергофскомъ звѣринцѣ содержались, въ числѣ другихъ звѣрей, также зубры (хотя это названіе и приводится прямо изъ документа, однако, мы не увѣрены, что тамъ въ дѣйствительности были зубры; какъ уже говорено было выше, скорѣе допустить, что это искаженное названіе изюбръ-олень). (Тамъ же).

13 іюня 1783 года въ Петергофскомъ звѣринцѣ «изъ комнаты Ея Императорскаго Величества» было получено 20 старыхъ олонецкихъ оленей. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 104).

Изъ птицъ въ это время въ Петергофскомъ звѣринцѣ содержались Индѣйскія куры и сѣрыя куропатки, при чемъ послѣднихъ было прислано въ 1739 году изъ Царицына отъ полковника Кольцова 75 штукъ. (Тамъ же). Кромѣ того, тамъ же, въ Маломъ звѣринцѣ, содержались до 1740 года фазаны, подъ присмотромъ особаго фазанъ-егеря (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086); но опыты акклиматизаціи этихъ нѣжныхъ птицъ въ Петергофѣ желаннымъ успѣхомъ тогда не увѣнчались, почему фазановъ начали мало-по-малу переводить въ другія мѣста. (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 576).

«Въ 1736 году при охотахъ въ Петергофѣ содержались ауроксы, «зубри», олени, кабаны, дикія козы. Въ описываемое время ауроксовъ и зубровъ уже не было. Яхтъ-штатомъ 28 января 1741 года положено содержать въ Петергофскихъ звѣринцахъ 110 животныхъ, а именно: 72 оленя, въ томъ числѣ 28 нѣмецкихъ и 44 сибирскихъ (мараловъ), 35 кабановъ, лося и 2 дикихъ козъ. На всѣхъ звѣрей въ Петергофѣ въ 1739 году было израсходовано: пшеницы 4 четверти, ржи 10 четвертей 2 четверика 6 гаранцевъ, ячменя 9 четвертей, овса 913 четвертей 5 четериковъ 4 гарнца, овсяныхъ сноповъ 4322, гречи 2 четверти, крупъ гречневыхъ 2 четверика, гороха 40 четвертей 2 четверика 6 гарнцевъ, чечевицы 4 четверика, русскихъ бобовъ 2 четверика,

капусты бѣлой и синей 1832 кочня, конопляна́го сѣмени 2 четверти, отрубей 62 четверти 3 четверика 2 гарнца, ситнаго хлѣба 64 пуда 2 фунта, хлѣбовъ басмановъ 1071, соли 14 пудовъ 21 фунтовъ, сѣна 8790 пудовъ, соломы на подстилку 152 воза, моха 20 возовъ. Всѣ означенные припасы отпускались Петербургскою Дворцовою Конторою изъ дворцовыхъ селеній».

282) 8 февраля 1738 года въ Петергофскій звѣринецъ было доставлено изъ имѣнія вдовы Фельдмаршала княгини Натальи Борисовны Голицыной 21 живой заяцъ. (Рукоп. Сборн. Изустн. Ук.).

Марта 24 того же года Императрица повелѣла въ Петергофскомъ звѣринцѣ, «около городьбы всего звѣринца, вокругъ, нынѣшнею весною побить въ землю колья, сколько возможно часто, одинъ подлѣ другаго кола, глубины на полтора аршина, а вверхъ земли на полъ аршина, дабы пущенные русаки зайцы подрываться подъ городьбу и подлазить изъ звѣринца не могли». (Тамъ же).

Въ теченіе этого года въ Петергофскомъ звѣринцѣ на прокормъ кабановъ выходило въ годъ 100 четвертей желудей, которые собирались и привозились въ звѣринецъ окрестными дворцовыми крестьянами. Фактъ этотъ интересенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что указываетъ на присутствіе во времена Императрицы Анны Іоанновны близъ Петергофа довольно обширныхъ дубовыхъ рощъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36—1629, д. № 46).

283) Въ «Бытѣ Россійскаго Государства 1740—1741 годахъ», кромѣ приведенныхъ, находимъ слѣдующія свѣдѣнія о Петергофскихъ охотахъ:

11 апрѣля 1741 года послѣдовалъ указъ Петергофской Конторы: «Понеже къ увеселенію Его Императорскаго Величества надлежитъ для ловли разныхъ родовъ мелкихъ птицъ опредѣлить знающаго человѣка, а на передъ сего къ той ловлѣ былъ опредѣленъ подпрапорщикъ Степанъ Елфимовъ, того ради, по указу Его Императорскаго Величества, Петергофская Контора приказали: для ловли птицъ мелкихъ: щеглятъ, чижей, зяблицъ, снигирей, чечетокъ и другихъ родовъ опредѣлить нынѣ вышеписаннаго подпрапорщика Елфимова, и для вспоможенія ему, Елфимову, требовать баталіона отъ строеній отъ полевыхъ дѣлъ знающаго къ той ловлѣ изъ солдатъ, который напредъ сего при той же ловли вообще съ нимъ, Елфимовымъ, имѣлся, а ему, подпрапорщику Елфимову, ловлю показанныхъ птицъ имѣть въ неослабности, не упущая нынѣшняго удобнаго времени, и коли на прокормъ оныхъ потребно сѣмя и прочаго, репортовать немедленно; а объ отпускѣ вышеписаннаго солдата къ полковымъ дѣламъ сообщить письменно». (Часть I, стр. 151).

Донской монастырь, съ гр. Бликланда (начала XVIII ст.).

284) Командующій придворными охотами полковникъ фонъ-Трескау, въ докладѣ своемъ, написанномъ 31 января 1741 года въ Кабинетъ, «о состояніи порученныхъ управленію его охотъ и о своихъ предположеніяхъ къ ихъ улучшенію», между прочимъ, писалъ: «въ Московскомъ звѣринцѣ есть кабановъ, оленей, козъ дикихъ довольно, которые всегда умножаются, и корму исходитъ довольно, а застарѣлые звѣри и помираютъ, а въ Петергофѣ оныхъ звѣрей не довольно; а по всенижайшему моему мнѣнію, надлежитъ изъ Москвы изъ тѣхъ звѣрей нѣсколько перевесть для стола Его Императорскаго Величества въ Петергофъ». На это 3 февраля 1741 года послѣдовалъ слѣдующій Высочайшій указъ Оберъ-Гофмейстеру графу Салтыкову въ Москву:

«Нашему генералу и Оберъ-Гофмейстеру Салтыкову. Въ Петергофскомъ Нашемъ звѣринцѣ оленей, кабановъ, козъ дикихъ и зайцевъ, за перестрѣляніемъ въ прошедшее лѣто, умалилось, а въ Москвѣ при Измайловскомъ звѣринцѣ оныхъ довольно; того ради помянутаго званія звѣрей имѣете отправить сюда съ добрымъ смотрѣніемъ, дабы въ пути помереть не могли, для стола Нашего, сколько вамъ разсудится, безъ излишества, дабы и на Москвѣ звѣринецъ пустъ не былъ».

Изъ частныхъ распоряженій по придворному вѣдомству видно, что нѣкоторые изъ помянутыхъ звѣрей отданы были на царскія кухни. Такъ, въ 1741 году изъ присланныхъ Оберъ-Гофмаршаломъ Левенвольдомъ въ звѣринецъ трехъ оленей, одинъ былъ, по приказу его, «отданъ во Дворецъ на кухню». Въ декабрѣ того же года Гофмаршалъ Шепелевъ далъ ордеръ къ Егермейстерскимъ дѣламъ о присылкѣ изъ Петергофскаго звѣринца во Дворецъ, на кухню, двухъ оленей и одного кабана. Что названные звѣри употреблены были для стола, подтвержденіе тому находимъ въ перечняхъ тѣхъ блюдъ, которыя приготовлялись въ описываемое время для парадныхъ столовъ при Дворѣ. Въ числѣ блюдъ однимъ изъ главныхъ была кабанья голова, вареная въ рейнвейнѣ, а между приправами къ кушанью употребляется тертый оленій рогъ. (Сколько намъ извѣстно, подъ приправою «тертый оленій рогъ» слыло вещество ничего общаго съ дѣйствительнымъ рогомъ живого оленя не имѣвшее; но что это за специя — объяснить не умѣемъ). (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 г., стр. 302).

[285]) По яхтъ-штату 22 сентября 1740 года въ Петергофскомъ звѣринцѣ велѣно было содержать американскихъ оленей и другихъ звѣрей, «сколько есть и впредь будетъ». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8251). Въ этомъ году въ звѣринцѣ имѣлось: оленей нѣмецкихъ старыхъ 21, оленей нѣмецкихъ молодыхъ, приплодныхъ 4, мараловъ сибирскихъ старыхъ 23, ихъ же приплодныхъ 7, кабановъ 24, лось одна. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086). Кромѣ того, кажется, въ этомъ же году были переведены сюда 21 американскій олень, состоявшіе раньше на С.-Петербургскомъ звѣровомъ дворѣ. Помянутая же выше лось была доставлена въ Петергофскій звѣринецъ изъ Ревеля 8 сентября 1740 года и на ея кормъ отпускалось въ мѣсяцъ овса четверть, въ недѣлю сѣна добраго 30 пудовъ да осиннаго хвороста два воза и каждый день по одному хлѣбу ржаному, вѣсомъ въ 20 фунтовъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 36—1629, д. № 46).

[286]) «Животныя помѣщались въ звѣринцахъ: Старомъ, Маломъ и въ Новыхъ Кабаньемъ и Заячьемъ».

«Старый звѣринецъ. Въ половинѣ 1741 года звѣринецъ предполагалось исправить и расширить. Въ іюнѣ этого года форштмейстеръ Газъ просилъ Канцелярію Егермейстерскихъ дѣлъ отнестись въ Канцелярію отъ строеній о присылкѣ 30 плотниковъ для починки Стараго звѣринца, «понеже (писалъ Газъ) звѣринецъ весьма ветхъ и опасно, чтобъ отъ погоды городьба вѣтромъ не обвалилась и звѣри не ушли» . . . . . (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., стр. 348).

«27 іюня Командующій охотами фонъ Трескау представилъ Придворной Конторѣ, что Старый звѣринецъ весьма малъ и противъ его обширности звѣрей нынѣ много, и опасность отъ того есть, когда маралы станутъ ходиться, чтобы отъ того не могли другъ друга повредить; того ради надлежитъ всеконечно оный звѣринецъ прибавить, которое мѣсто прошлаго года уже и означено, при томъ же и звѣрямъ больше прибавится корму, и ненадобно будетъ изъ рукъ имъ давать». Вмѣстѣ съ тѣмъ Трескау требовалъ исправленія городьбы звѣринца. Придворная Контора объ этомъ сообщила къ исполненію Канцеляріи отъ строеній, отъ которой 23 сентября 1741 года и послѣдовалъ указъ Петергофской Конторѣ о составленіи плана «какимъ образомъ звѣринца надлежитъ прибавить» и смѣты о количествѣ требовавшихся на это матеріаловъ и рабочихъ».

«По распоряженію Петергофской Конторы планъ и смѣта были составлены «архитектуры ученикомъ» Дмитріевымъ. Изъ смѣты видно, что «пригородка вокругъ (звѣринца) имѣетъ быть на 1484 саженяхъ» . . . . «Было-ли произведено предположенное увеличеніе звѣринца, изъ документовъ не видно».

«Къ тому же времени относится постройка въ Старомъ звѣринцѣ сарая для храненія кормовыхъ припасовъ звѣрямъ. 16 февраля 1741 года форштмейстеръ Газъ представлялъ Командующему охотами о необходимости для звѣринца такаго сарая, «дабы присылаемому всякому хлѣбу не было напрасной траты» . . . . . Въ концѣ сентября 1741 года работы по постройкѣ кормоваго амбара (изъ казенныхъ матеріаловъ) отданы съ торговъ . . . . . за 168 рублей. Стройка амбара шла медленно и была окончена только въ октябрѣ 1742 года». (Тамъ же, стр. 349).

«На землѣ звѣринца ежегодно призводился посѣвъ кормовыхъ растеній (на кормъ животнымъ). Для этой цѣли Дворцовою Конторою было отпущено: въ 1738 году — ячменя и овса по 8 четвертей, гороха 2 четверти, рѣпнаго сѣмени 6 фунтовъ; въ 1739 году — пшеницы 2 четверти, ячменя и ржи по 4 четверти, овса 8 четвертей, гороха 3 четверти; въ 1740 году — ячменя 2 четверти, ржи и овса по 6 четвертей; въ 1741 году — ячменя 6 четвертей, ржи 4 четверти, овса 8 четвертей. Въ Старомъ звѣринцѣ помѣщались слѣдующіе звѣри: олени: а) «бѣлые», въ числѣ 12, изъ которыхъ 9 поступили сюда изъ Екатерингофскаго звѣринца въ концѣ марта 1741 года; б) «малые», въ числѣ 10, присланные въ 1740 году изъ Англіи (въ сентябрѣ этого же года они переведены были въ Петербургскій Малый звѣринецъ); в) американскіе, числомъ 30 (содержались въ Старомъ звѣринцѣ до марта 1741 года, а затѣмъ переведены, вѣроятно, въ Петербургскій Малый звѣринецъ), и г) олени, включенные въ Яхтъ-штатъ 28 января 1741 года подъ названіемъ нѣмецкихъ и сибирскихъ. Въ апрѣлѣ 1741 года наличное число оленей превышало штатное: всѣхъ вообще было 87 особей. Кормъ оленей состоялъ изъ овса, сѣна, хлѣбовъ

Императрица Анна Іоанновна (современный портретъ; галлерея Гатчинскаго Дворца).

33

басмановъ и моха (мохъ доставлялся изъ Копорскихъ и Ямбургскихъ мызъ и Краснаго Села). О размѣрѣ кормоваго содержанія оленей находятся свѣдѣнія только относительно оленей бѣлыхъ и включенныхъ въ яхтъ-штатъ, а именно: на каждаго бѣлаго оленя отпускалось: овса по лопаткѣ и по хлѣбу басману въ день, сѣна по 2 пуда 8 фунтовъ въ мѣсяцъ и моха «неуровнительно»; для нѣмецкихъ и сибирскихъ оленей вообще заготовлялся въ 1741 году на весь слѣдующій годъ кормъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: на 73 старыхъ — овса 438 четвертей, сѣна 7592 пуда, для 14 молодыхъ (2 лѣтъ) — овса 56 четвертей, сѣна 896 пудовъ. Въ числѣ припасовъ, отпускавшихся оленямъ, упоминается соль, какъ лѣкарственное снадобье. 15 января 1741 года форштмейстеръ Газъ требовалъ отъ Егермейстерскихъ дѣлъ доставки въ Петергофскій звѣринецъ, въ лѣкарство оленямъ, 12 пудовъ соли, «понеже (замѣчалъ онъ) нынѣшнее вешнее время звѣри перемѣняютъ шерсть, и въ томъ имъ имѣется немалая тягость». Соль употреблялась разсыпанная по глинѣ въ ящикахъ, разставленныхъ въ звѣринцѣ».

«Лось, привезенный въ Петербургъ изъ Ревеля въ сентябрѣ 1740 года. Когда лось помѣщенъ былъ въ Петергофскомъ звѣринцѣ, и отъ Петербургской Дворцовой Конторы потребовали отпуска на него кормовыхъ припасовъ, то эта Контора, сдѣлавъ распоряженіе объ отпускѣ, обратилась въ Императорскій Кабинетъ за разъясненіемъ: слѣдуетъ-ли ей и впредь отпускать на лося продовольствіе? На это 3 декабря 1740 года послѣдовала резолюція Кабинета: «Понеже Дворцовая Контора объявляетъ, что еще въ 1736 году, по резолюціи Кабинета Его Императорскаго Величества, велѣно на имѣющихся въ Петергофскомъ звѣринцѣ звѣрей кормъ отпускать отъ той Конторы, то уже вновь о томъ представленіи чинить и указу требовать не надлежало, а должно по той прежней резолюціи поступать и какъ упоминаемаго лося, такъ и впредь какіе въ тотъ звѣринецъ другіе звѣри прибудутъ, кормомъ содержать противъ прочихъ таковыхъ же звѣрей, о чемъ оная Контора по прежнимъ отпускамъ подлинное извѣстіе у себя имѣетъ» . . . . (стр. 350).

«Индійская коза. Въ февралѣ 1741 года форштмейстеръ Газъ требовалъ на содержаніе ея, съ іюня этого года по январь 1742 года, слѣдующихъ припасовъ въ мѣсяцъ: ситнаго хлѣба по 60 фунтовъ, гороха по 2 четверика, русскихъ бобовъ по четверику, крупъ по 2 четверика, капусты бѣлой и синей по 240 кочней, сѣна (самаго лучшаго) по 8 пудовъ, соломы по 10 пудовъ, свѣчъ на 15 к.».

«Дикія козы въ 1741 году. Ихъ содержалось 26 штукъ. Въ февралѣ этого года форштмейстеръ Газъ требовалъ для дикихъ козъ на весь слѣдующій 1742 годъ: гороха, ржи и овса по 26 четвертей, сѣна «добраго лиственнаго» (на 8 зимнихъ мѣсяцевъ) 100 пудовъ».

«Новопостроенные звѣринцы: а) Кабаній звѣринецъ. Зимою 1741 — 1742 года въ этомъ звѣринцѣ построено было для кабановъ зимнее помѣщеніе. Оно состояло изъ сарая 12 саженъ длины, 5 саженъ ширины и одной сажени вышины (въ жильѣ) съ четырьмя хлѣвами и лавками вокругъ стѣнъ, потолкомъ, деревяннымъ поломъ, тремя дверьми и тесовой крышей. Постройка сарая произведена отъ Петергофской Конторы изъ казенныхъ матеріаловъ; работа была отдана съ торговъ подрядчику за 69 руб. Въ звѣринцѣ въ 1741 году содержалось 52 кабана. На весь слѣдующій 1742 годъ для кабановъ требовалось (въ 1741 году) 312 четвертей овса и 390 четвертей отрубей. б) Заячій звѣринецъ. Въ 1740 г. въ звѣринцѣ содержались зайцы, кабаны и дикія козы, но въ какомъ числѣ неизвѣстно. Къ осени этого года зайцевъ въ звѣринцѣ, «за перестрѣляніемъ, ничего не осталось». . . . . Въ апрѣлѣ 1741 года изъ Измайловскаго звѣринца доставлено: «оленей (самцовъ) нѣмецкихъ 20, сибирскихъ 4; кабановъ (самцовъ и самокъ) 40; дикихъ козъ 11; зайцевъ бѣлыхъ и русаковъ 20. Кромѣ того, павшихъ въ пути: дикихъ козъ 5 и зайцевъ 4. Для этихъ звѣрей (кромѣ зайцевъ) въ Заячьемъ звѣринцѣ, съ марта 1740 года, строились особыя помѣщенія . . . . . 4 сарая . . . . . 2 для оленей, 1 для кабановъ и 1 для дикихъ козъ . . . . . Въ то же время вокругъ Заячьяго звѣринца дѣлалась городьба, «чтобы кругъ звѣринца было крѣпко» (стр. 351).

«Малый звѣринецъ. До яхтъ-штата 28 января 1741 года надзоръ за звѣринцемъ имѣлъ особый егерь, съ званіемъ фазанъ-егеря, по штату же должность эта возложена была на одного изъ охотниковъ Петербургской псовой охоты. Какія именно животныя содержались въ Маломъ звѣринцѣ, прямыхъ указаній нѣтъ» . . . . .

«Въ мартѣ 1739 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій требовалъ отъ Петербургской Дворцовой Конторы присылки въ Петергофскій звѣринецъ (какой не сказано) сѣмянъ конопли для посѣва на кормъ фазанамъ. Въ августѣ 1740 года требовали въ Петергофскій звѣринецъ овесъ на кормъ 3 дикимъ гусямъ и 50 голубямъ. Въ октябрѣ того же года Дворцовою Конторою положено отпустить въ тотъ же звѣринецъ 2 четверти пшеницы на кормъ куропаткамъ» (стр. 352).

Въ январѣ 1742 года Полковникъ фонъ Трескау испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія на доставку въ Петергофскій звѣринецъ изъ Новгородской губерніи до 500 зайцевъ, такъ какъ этотъ звѣрь почти перевелся здѣсь, «понеже многіе въ прошедшихъ лѣтахъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Императорскимъ Величествомъ Анною Іоанновною перестрѣлены». Указывая

также на то обстоятельство, что столь же малое количество осталось въ звѣринцѣ и куропатокъ, Трескау просилъ о предписаніи Лифляндскому Губернатору приказать наловить и прислать въ Петергофъ этихъ птицъ до ста паръ, «или сколько Ваше Императорское Величество соизволите». Кромѣ того, Трескау доносилъ, что при Петергофскомъ звѣринцѣ «оленей бѣлыхъ, которые привозятся изъ Олонца для парфоршъ-яхтъ Вашего Императорскаго Величества, ничего не имѣется». (Госуд. Арх., ч. I, разр. XIV, № 57).

Въ 1739 году въ Петергофскомъ звѣринцѣ, въ числѣ другихъ звѣрей, содержались и американскіе олени, на кормъ которыхъ отпускался горохъ, единовременно до 100 и болѣе четвертей. (Общ. Арх. Мин. Двора; оп. 73, д. № 4).

[287]) Въ началѣ Іюля 1757 года Императрица Елисавета Петровна приказала «возобновить въ Петергофѣ мѣста, гдѣ ставятся цѣли». «Мѣста» эти были возобновлены въ Монплезирѣ, а по ихъ возобновленіи приказано было выбрать 4 штуцера и 12 пистолетовъ лучшихъ мастеровъ, испробовать ихъ порохомъ и привести въ совершенно исправный видъ, «чтобы было возможно Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ стрѣлять безъ малѣйшаго затрудненія». (Рукопись Имп. Ох.).

28 ноября 1759 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія писала Главной Дворцовой Канцеляріи, что Ея Величество «пристрѣленнаго американскаго оленя» изъ Петергофскаго звѣринца «при Высочайшемъ Ея Императорскаго Величества столѣ усмотрѣть съ гнѣвомъ соизволила, что оный весьма худъ и имянно соизволила Всевысочайше указать, чтобъ впредь отпускать оным безъ задержанія положенные кормы». Вслѣдствіе этого Оберъ-Егермейстерская Канцелярія просила Главную Дворцовую Канцелярію не задерживать отпускомъ положеннаго на звѣрей Петергофскаго звѣринца корма, «дабы впредь можно бъ было избѣгнуть отъ такаго Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества гнѣва». (Рукоп. Сборн. Им. Ук.).

[288]) Сборн. Русск. Истор. Общ., т. X, стр. 295.

[289]) Переводъ. Сборн. Русск. Истор. Общ., т. XIII, стр. 259.

[290]) С.-Петерб. Вѣд. 1772 года, № 73.

[291]) Камеръ-фурьерск. журн. 1780 года, стр. 514 и др.

[292]) Именнымъ указомъ Государя Петра I, воспослѣдовавшимъ 31 мая 1708 года, мыза Царская была приписана «къ Комнатѣ Ея Царскаго Величества» (Яковкинъ, Краткая Лѣтоп. о селѣ Царскомъ. Отечеств. Записки 1827 года, ч. XXX, стр. 33), вмѣстѣ съ приписанными къ ней деревнями и мызами, въ томъ числѣ съ мызой Пурколовской, также переименованной впослѣдствіи въ Пулковскую деревню. (Яковкинъ, Исторія Царскаго Села, ч. I, стр. 40).

[293]) Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 45.

[294]) 18 октября 1772 года, по докладу Егермейстера Вилима Романовича фонъ Польмана, управлявшаго въ то время Царскосельскою вотчинною частью, послѣдовало Высочайшее повелѣніе выдавать по три рубля въ награжденіе изъ Комнатной Ея Величества суммы за убіеніе каждаго медвѣдя изъ многихъ, тогда появившихся въ окрестностяхъ Села Царскаго. (Яковкинъ, Истор., т. III, стр. 199).

[295]) Яковкинъ, Истор., т. I, стр. 41.

[296]) Въ іюлѣ 1739 года производились работы по устройству новой деревянной изгороди вокругъ Царскосельскаго звѣринца. Для этого, «для лѣсной и плотничной работы», въ Царское Село наряжали крестьянъ изъ ближайшихъ дворцовыхъ волостей, принадлежавшихъ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, кромѣ однако тѣхъ волостей, которыя были расположены въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ Села Царскаго. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 285).

[297]) Въ 1718 году положено было начало постройки Царскосельскаго звѣринца, нынѣшняго парка, при чемъ площадь звѣринца была опредѣлена въ одну квадратную версту. (Яковкинъ. Лѣтоп., стр. 40).

Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, руководствуясь почти исключительно документами тогдашняго дворцоваго Царскосельскаго архива, составитель исторіи Села Царскаго, Яковкинъ, писалъ объ этомъ звѣринцѣ: «Мрачность лѣса, присоединеннаго нынѣ къ Новому саду, и отличная отъ садовой, болотистая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до нынѣ зыбучая и водянистая почва земли показываетъ и теперь его (звѣринца) положеніе, а оставшаяся при оранжереяхъ кирпичная стѣна — его огражденіе, вмѣсто первоначальнаго деревяннаго полисадника со рвомъ, шириною съ откосами въ двѣ сажени, глубиною въ $2^1/_3$ аршина. Его начали огорожать полисадникомъ въ 1718 году, и по огороженіи содержали лосей, оленей, мараловъ и кабановъ; пускали въ оный также и живыхъ зайцевъ для стрѣлянія, по приказанію, на употребленіе при столѣ. На самой серединѣ звѣринца построенъ былъ каменный большой погребъ, на который, навоженная телѣжками изъ выкопаннаго на рѣчкѣ Кіокѣ или Кузьминскомъ ручьѣ пруда, для сдѣланія плотины и на ней мельничнаго и житнаго амбаровъ, земля, окрѣпшись, составила гору. На ней поставлена была рѣшетчатая на столбахъ деревянная большая галлерея, гдѣ впослѣдствіе времени сооруженъ Монбежъ. Отъ оной галлереи ко дворцу сперва сдѣланъ былъ широкій сквозь лѣсъ просѣкъ,

превращенный потомъ въ прямую отъ дворца перспективную дорогу, по обѣимъ сторонамъ усаженную липами и обрытую досчатыми каналами. На самой серединѣ дороги сей, по обѣимъ ея сторонамъ, вырыты крестьянами два большихъ пруда, въ окружности каждый въ 94 сажени, а бока обдѣланы откосно топорными досками. Хотя и не было для нихъ проточной воды, но проникавшая съ поверхности болота и изъ внутренности земли содержалась въ нихъ отъ двухъ, а въ весеннее и дождливое время и на три слишкомъ аршина глубины. Въ пруды сіи садимы были окуни, лещи, язи, стерляди и караси, а въ мельничномъ звѣриночномъ прудѣ однѣ только щуки. Кромѣ сдѣланной ко дворцу прямой дороги отъ оной галлереи, прорублены еще были семь просѣковъ на всѣ стороны, на средины и углы звѣринца (названные тогда блезиры, plaisirs), коихъ остатки и донынѣ видны, хотя сначала и были засажены новыми деревьями. На концѣ просѣковъ къ полисаднику поставлено было шесть амбаровъ для загонянія звѣрей на ночь, а предъ дворцовой перспективой изба съ сѣнми для звѣровщиковъ и звѣриныхъ сторожей. Кромѣ воротъ, на перспективѣ противъ дворца были на всѣхъ трехъ сторонахъ, посединѣ, рѣшетчатыя, столярной работы, ворота съ прикалитками; но отворялись всегда одни только противудворцовыя для пріѣздовъ въ звѣринецъ и возовъ съ кормомъ для звѣрей. Гдѣ поставлена была находившаяся въ Царскомъ Селѣ малая артиллерія и производилась пушечная пальба, тому мѣста по архиву (то-есть по даннымъ документовъ архива) не показано до вступленія Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны на престолъ».

Иллюминація Петропавловской крѣпости въ царств. Анны Іоанновны, съ гр. Дункеръ.

19 сентября 1741 года Управителю Села Царскаго Удалову сообщалось о послѣдовавшемъ опредѣленіи Вотчинной Канцеляріи построить въ Царскомъ Селѣ, въ звѣринцѣ, четыре амбара для кабановъ, въ томъ числѣ амбаръ съ избою для карауль-щиковъ звѣринца. Сказанные амбары должны были быть выстроены по плану архитектора Земцова, который, кажется, состоялъ при Петергофской конторѣ. Работа по постройкѣ сараевъ предоставлена была съ торговъ крестьянину Рыканову на довольно оригинальныхъ условіяхъ. Этому подрядчику надлежало выдать за каждый амбаръ по 15 рублей денегъ, по 5 четвертей муки ржаной, по 2 четверти крупъ, по 3 пуда ветчины, по пуду масла постнаго, по пуду масла коровьяго, по ведру вина и по пуду соли. Амбары приказывалось строить изъ имѣвшагося въ Царскомъ Селѣ казеннаго, оставшагося отъ строенія сада и звѣринца лѣса, врывъ предварительно подъ амбары столбы, долженствовавшіе быть обожженными въ нижней ихъ части. Въ амбарахъ полагалось намостить мосты (полы), а въ избѣ досчатый полъ; устроить потребное количество оконъ, лавокъ и прочихъ принадлежностей и всѣ строенія «покрыть тесомъ самою доброю работою». Причитающіяся подрядчику деньги, а также и припасы Удалову предписывалось выдавать «по усмотрѣнію работы его безъ излишества, и за онымъ подрядчикомъ и за работными людьми въ томъ строеніи имѣть прилежное смотрѣніе», «чтобъ строено было во всякой исправности». (Царскосельск. Арх., д. № 986—1741 г.).

[298]) Въ началѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны въ Царскосельскомъ звѣринцѣ, на мѣстѣ прежняго каменнаго погреба, находившагося какъ разъ по серединѣ звѣринца, было выстроено четырехъ-башенное зданіе, зубчатое, названное Монбежъ. Въ зданіи этомъ, въ залѣ и верхнихъ павиліонахъ, на шпалерахъ и плафонахъ, предписано было въ 1747 году «писать всякаго званія и всякихъ родовъ птицъ и звѣрей» живописцу Гроту. (Яковкинъ, Исторія, т. II, стр. 9 и 93).

[299]) 15 декабря 1748 года воспослѣдовалъ Высочайшій указъ, данный на имя завѣдывающаго Царскосельскими постройками Полковника Григорьева, гласившій, между прочимъ, слѣдующее: «Для убору въ Нашемъ Царскомъ Селѣ Ягдкамеры (Монбежъ) живописною работою, новыми картинами и для другихъ такихъ исправленій, что Намъ потребно будетъ, принятъ въ службу Нашу живописецъ Іоганъ Фридрихъ Гротъ, съ жалованьемъ и квартирными деньгами изъ Соляной Конторы по 1,660 рублей. Того ради для пробы на первый годъ повелѣваемъ учинить:

1) Пристойнымъ образомъ за нимъ присматривать въ приложеніи его и работѣ, также и въ обученіи живописи данныхъ ему двухъ учениковъ.

2) Матеріаламъ, Гроту отпускаемымъ, имѣть исправную записку.

3) Написанныя имъ картины принимать вамъ, въ свое вѣдѣніе, для Монбежа.

4) Отрапортовать Намъ, сколько картинъ изготовлено будетъ въ годъ и во что каждая обойдется и съ жалованіемъ Грота».

Живописецъ Гротъ обязался службою сказаннаго характера сперва только на три года, по контракту. Картины долженъ былъ онъ писать, «болѣе до охоты касающіяся». Однако, оставался Гротъ на той же службѣ еще и въ 1762 году. Онъ же расписывалъ куполъ въ Монбежѣ «соковыми красками», «изобразивъ различныхъ звѣрей и птицъ по лѣсамъ, перелѣскамъ, болотамъ и при озерахъ».

Сравнивая между собою три, приводимыя Яковкинымъ въ его Исторіи Царскаго Села, описи Гротовскихъ картинъ, писанныхъ для помѣщенія въ Монбежѣ, оказывается, что этимъ художникомъ были для того избраны слѣдующія темы:

1) «Бѣлый заяцъ, на рогожѣ лежащій вмѣстѣ съ рябчиками и тетеревами, также фузея съ охотничьей сумкой».

2) «Урочище поля и два глухіе тетерева, голуби и другія мелкія птицы, на столѣ лежащіе».

3) «Вечерняя заря съ большимъ дубомъ; подлѣ него двѣ застрѣленныя утки и другія мелкія птицы, которыхъ стережетъ охотничья собака».

4) «Въ урочищѣ двѣ лисицы, изъ коихъ одна теребитъ курицу, а другая лежитъ вблизи».

5) «Вечерняя заря; у дерева лежатъ убитые тетерева, дикіе голуби и утки; на деревѣ висятъ: дикій гусь, ружье и охотничья сумка».

6) «Ровное поле съ большимъ орломъ, теребящимъ тетерева».

7) «Въ темномъ лѣсу кабанъ, гонимый тремя собаками, изъ коихъ у одной брюхо клыками распорото».

8) «Темный лѣсъ съ дубовыми и другими деревьями, болотнымъ мѣстомъ и тростникомъ, въ коемъ лисица гоняется за дикимъ гусемъ и его схватываетъ».

9) «Сводъ каменный со столомъ и тремя старыми досками, на коихъ лежатъ кулики, цапля и соколъ, у котораго на головѣ шишка (клобучекъ?)».

10) «Открытый воздухъ, въ коемъ соколъ убиваетъ цаплю».

11) «Прудъ съ тростникомъ и осокою, гдѣ плаваютъ разныя утки; позади кустарника стоящая собака за ними присматриваетъ; утки, услышавъ духъ ея, одна утятъ своихъ защищаетъ, другія же отчасти въ воду ныряютъ, отчасти улетаютъ».

12) «Двѣ дрохвы на птичьемъ дворѣ, изъ коихъ одна пьетъ изъ корыта».

13) «Такой же птичій дворъ съ чернымъ и бѣлымъ аистомъ и съ Персидскою синею куропаткою».

14) «Каменный сводъ со старымъ столомъ, на которомъ лежатъ: бѣлый заяцъ, дикія утки, куропатки, рябчикъ и разныя мелкія птицы, съ охотничьей сумкой и фузеей».

15) «Рѣка съ птицею бабой, проглатывающей большую щуку, которой часть къ хвосту еще видна».

16) «Густой лѣсъ съ рябчиками и бѣлою охотничьей собакою, дающей охотнику знать правой лапой».

17) «Часть поля съ рощею, лѣсомъ и бѣлою лисицей, поймавшей пѣтуха, и представлено, какъ онъ издыхаетъ».

18) «Поле съ большимъ орломъ, схватившимъ зайца, издыхающаго въ его когтяхъ».

19) «Урочище съ рощею, гдѣ волкъ терзаетъ овцу».

20) «Урочище съ павлиномъ, распустившимъ хвостъ свой, а пава клюетъ изъ корыта».

21) «Лебедь, при водѣ стоящій и обороняющійся отъ собаки».

22) «Урочище съ болотомъ и тростникомъ, гдѣ большой лебедь отъ двухъ собакъ защищается».

23) «Дикое поле и густой лѣсъ, съ разными сухими старыми деревьями и кустарниками, съ двумя рысями, изъ коихъ одна нападаетъ на звѣря («звѣрь», «лютый звѣрь» — на старомъ русскомъ языкѣ всегда означалъ волка), а другая, сидя на старомъ дубу, внизъ смотритъ».

24) «Каменная стѣна при луговомъ полѣ, гдѣ барсъ терзаетъ овцу».

25) «Отворенное окно, сквозь которое видны на рогожѣ сѣрый котъ, держащій въ роту снигиря; тутъ же голубь и другая птичка, на коихъ собака быстро смотритъ».

26) «Бѣлый, съ большими рогами, убитый олень, изъ роту коего кровь течетъ».

27) «Сухой дубъ, на коемъ левъ раздираетъ медвѣдя лапами, и изъ него кровь течетъ».

28) «Высокій холмъ съ бѣлымъ медвѣдемъ, на коего нападаютъ двѣ собаки».

29) «Большіе дубы и болото съ осокою и сухими плахами на подобіе моста; на дубу глухой тетеревъ, а внизу пестрая тетерька».

30) «Дубы съ холмомъ, болотнымъ мѣстомъ и осокою, гдѣ рысь достаетъ изъ западни лапою что-то такое».

31) «Два дерева и небольшой холмъ съ частымъ лѣсомъ, гдѣ на одномъ деревѣ сидитъ бѣлая сова, изъ дупла большаго дерева смотритъ на нее быстро птичка, а надъ нею дроздъ».

32) «Большой дубъ и болото съ осокой, гдѣ старый маралъ, съ большими рогами, на котораго пять собакъ нападаетъ».

33) «Окно съ разбитымъ стекломъ, сквозь которое видно на столѣ, какъ пестрая кошка теребитъ голубя, а собака злится».

34) «Два дерева, небольшой холмъ съ болотомъ и лѣсомъ, и изъ сухихъ кряжей мостъ, на коемъ ястребъ теребитъ голубя».

35) «Гора съ лѣсомъ, гдѣ лежитъ убитый черный кабанъ, и при немъ копье и рогъ охотничій».

36) «Большіе дубы и холмъ съ небольшимъ лѣсомъ, въ коемъ двѣ пестрыя тетерьки и сизый тетеревъ».

37) «Воздухъ и два сухія дерева съ лѣсомъ, гдѣ собака заѣдаетъ зайца».

38) «Два большія дерева и болото съ осокой, гдѣ два бобра: одинъ грызетъ кору, а другой злится на осоку, будто въ ней что видитъ».

39) «За строеніемъ воздухъ и лѣсъ, съ двумя пестрыми птицами, у коихъ носы красные, а на шеяхъ ожерелья перяныя сизыя; одна стоитъ надъ кадкою, другая на землѣ».

40) «При строеніи два журавля, одинъ сѣрый, другой сизый съ красною головою, межъ ними кадка съ водой».

41) «Сухой лѣсъ, холмъ, болото и изъ сухихъ кряжей мостъ, на коемъ черный волкъ теребитъ дикаго гуся».

42) «Лѣсъ и болото съ осокою, гдѣ пестрый большой котъ теребитъ Китайскую утку».

43) «Большія деревья съ мелкимъ лѣсомъ и болотомъ съ осокою, гдѣ бѣлая цапля глотаетъ лягушку, а другая смотритъ на сидящую на деревѣ бѣлку».

44) «Олень, обороняющійся отъ охотничьихъ собакъ неподалеку отъ лѣса».

45) «Огородъ съ большими индѣйскими пѣтухами».

Въ Монбежѣ нарисовано имъ же, Гротомъ, на куполѣ:

46) «Въ среднемъ плафонѣ воздухъ съ большимъ орломъ, схватывающимъ тетерева, а прочіе тетеревы улетаютъ».

47) «Большой соколъ, убивающій цаплю».

48) «Травля птицъ соколомъ».

49) «Соколъ, схватывающій голубя».

50) «Большой журавль».

51) «Большая сова, держащая въ когтяхъ бѣлаго сыча».

52) «Павлинъ съ разными птицами».

53) «Большой голубой журавль».

54) «Тетеревъ съ другими разными птицами». (Яковкинъ, Исторія, т. II, стр. 111 и 230).

300) Къ 1772 году относится извѣстіе о томъ, что при Царскосельскомъ звѣринцѣ имѣлись на службѣ особые птичникъ и его помощникъ, на обязанности которыхъ лежало ловить и содержать разныхъ родовъ дикихъ мелкихъ птицъ. Имъ полагалось жалованье съ провіантомъ: первому — 40 руб. 20 коп., а второму — 22 руб. 50 коп. (Тамъ же, т. III, стр. 198).

301) Арх. кн. Воронцова, т. XXXIII, стр. 91.

302) 18 мая 1750 года послѣдовало повелѣніе сдѣлать вокругъ Царскосельскаго звѣринца, вмѣсто деревяннаго палисадника, каменную стѣну. (Яковкинъ, Исторія, т. II, стр. 145).

22 іюня 1751 года было приказано вокругъ звѣринца Села Царскаго, «гдѣ нынѣ дѣлается, вмѣсто деревяннаго забора, каменная стѣна, на трехъ углахъ дѣлать бастіоны», а въ четвертомъ углу, къ Пулковской деревнѣ, построить каменную церковь (приказаніе о постройкѣ церкви въ исполненіе приведено не было). (Тамъ же, стр. 156).

Въ 1753 году подвозилась земля для устройства по тремъ угламъ Царскосельскаго звѣринца бастіоновъ. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 298).

Лѣтомъ 1754 года строились два восточные бастіона по угламъ того же звѣринца, а въ слѣдующемъ году на нихъ были устроены два павиліона или люстгауза. (Тамъ же, стр. 298).

303) Арх. кн. Воронцова, т. III, стр. 655; Кам.-фур. журн. 1758 года, стр. 120; Записки о пребыв., стр. 263.

304) Въ исходѣ ноября 1774 года на сѣверо-восточный бастіонъ Царскосельскаго звѣринца была поставлена вся Царскосельская артиллерія, причемъ самый бастіонъ былъ спеціально приспособленъ для этой цѣли. Съ того же времени, въ продолженіе всего царствованія Императрицы Екатерины Великой, артиллерія стояла на сказанномъ бастіонѣ, и съ него производилась пушечная пальба при Высочайшихъ въ Царское Село прибытіяхъ или оттуда отбытіяхъ, а также въ высокоторжественные дни. (Яковкинъ, Истор. Уст., т. III, стр. 136).

1 мая 1781 года, по Высочайшему повелѣнію, было запрещено пугать въ Царскосельскомъ саду находящихся тамъ птицъ, за нарушеніе каковаго правила устанавливался штрафъ, въ размѣрѣ одного рубля. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 427).

305) 8 сентября 1763 года Императрица Екатерина II, въ присутствіе свое въ Царскомъ Селѣ, разсматривала планъ и описаніе всѣмъ дачамъ Царскосельскимъ, лѣснымъ угодіямъ, моховымъ и болотнымъ мѣстамъ, «соизволила указать въ оныхъ дачахъ, для выѣздовъ къ увеселенію со псовою и птичными охотами, острова и просѣки дѣлать, шириною, какъ на планѣ назначено, по 250 саженъ, въ длину по верстѣ, а моховыя и болотныя мѣста обсушить, учиня водостоки каналами и приводя воды въ одно мѣсто, гдѣ бы могли быть пруды и въ нихъ имѣли бы пристанище дикія птицы; всему оному учиня особый планъ, представить на Высочайшее утвержденіе и благоусмотрѣніе». (Яковкинъ, Исторія, т. III, стр. 45).

По этому же поводу послѣдовало слѣдующее повелѣніе отъ 15 сентября 1764 года:

«По апробованному Нами въ прошломъ 763 году плану указали Мы въ Селѣ Царскомъ лѣсныя мѣста, раздѣля въ квадраты, длиною и шириною по 250 саженъ, оставлять изъ тѣхъ квадратовъ одинъ съ лѣсомъ, а другой, по вырубкѣ лѣсу, назначить подъ сѣнные покосы и, обсушивъ болота, сдѣлать сообразными для сѣнокоса. Но какъ въ натурѣ оказалось, что, за множествомъ площадистыхъ мѣсть, лѣсныхъ квадратовъ безъ посадки или посѣву лѣсу имѣть не можно, и что въ лѣсныхъ мѣстахъ квадратами на 250 саженъ весь лѣсъ вырубать убыточно и безполезно, то повелѣваемъ учинить слѣдующее:

1) Планъ сдѣлать, для лучшей вѣрности исчисленія десятинъ, квадратными верстами, и, гдѣ дровосѣкамъ или покосамъ быть, квадраты одинъ отъ другаго отдѣлить просѣками по 15 саженъ шириною; а въ которыхъ мѣстахъ оставлены будутъ острова для строеваго лѣсу, въ тѣхъ, только въ самыхъ большихъ островахъ, которые будутъ не менѣе 3 или 4 верстъ, просѣки рубить, а кои менѣе 2 верстъ, тѣ оставлять, для соблюденія лѣсу, безъ просѣковъ, и черезъ то можно будетъ видѣть состояніе и способность тѣхъ квадратовъ.

Фейерверкъ въ С.-Петербургѣ по случаю рожденія Анны Іоанновны, 1738 г., съ русск. гр. того времени.

2) Лѣсныя мѣста въ Царскосельскихъ дачахъ, въ разсужденіи недальняго разстоянія отъ Петербурга, почитаемъ Мы за нужныя; не меньше же въ томъ и крестьянская общая польза, чтобъ имѣть лѣсовъ довольно. А какъ они о томъ не жалѣютъ и по надлежащему не пользуются, но тратятъ лѣсъ безразсудно, рубятъ, жгутъ и продаютъ, и тѣмъ сами себя разоряютъ, не предвидя, что черезъ короткое время могутъ терпѣть великій недостатокъ и крайнюю бѣдность, то для отвращенія сего», послѣдующими шестью весьма пространными пунктами указа предписывалось принять къ руководству и исполненію рядъ мѣропріятій по отношенію лѣсоохраненія и различныхъ, связанныхъ съ этимъ, порядковъ, которые, какъ не имѣющіе прямого отношенія къ разбираемому нами вопросу, мы и не цитируемъ. (Яковкинъ, Исторія, т. III, стр. 50).

Въ томъ же 1764 году въ Царскосельскомъ звѣринцѣ проложена была дорога черезъ весь звѣринецъ, мимо Пулковской горы, на старую перспективную С.-Петербургскую дорогу. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 416). По этой дорогѣ, въ большинствѣ случаевъ, выѣзжала Императрица Екатерина Великая «къ увеселенію со птичьею охотою».

306) 8 января 1743 года было пригнано вдругъ въ Царскосельскій звѣринецъ отъ двоихъ Олонецкихъ крестьянъ 100 да отъ Оберъ-Егермейстера графа Разумовскаго 16 оленей. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 287).

27 марта 1752 года въ Царскосельскій звѣринецъ было принято отъ Мезенскаго уѣзда 100 оленей. Для присмотра за этими оленями и для кормленія ихъ были приставлены нарочно для этой цѣли выписанныя съ родины въ Царское Село пять семействъ самоѣдовъ, которымъ и было положено выдавать изъ казны жалованье, одежду и потребные съѣстные припасы. Въ обязанность этимъ Самоѣдамъ было также постановлено приготовлять въ теченіе лѣта на болотныхъ мѣстахъ и съ березъ мохъ и вѣники для корму звѣрямъ «по ночамъ», на каждаго звѣря

по 25 фунтовъ, что до того времени поставлялось съ подряду Красносельскими крестьянами. Сверхъ того, олени и другіе звѣри, находившіеся въ звѣринцѣ, получали ежедневно въ кормъ опредѣленное количество мѣсива, а въ зимнее время отпускалось для нихъ казенное сѣно. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 297 и его же Истор., т. II, стр. 80).

Въ теченіе лѣта того же 1741 года въ Царскосельскій звѣринецъ было пущено: зайцевъ 30 штукъ; лосей: быковъ 1 и коровъ 2; сибирскихъ, вывезенныхъ изъ Петергофа, оленей: самецъ одинъ и самокъ 3; нѣмецкихъ оленей: 1 самецъ и одна самка (которая очень скоро околѣла въ Новомъ звѣринцѣ); 2 дикихъ козы (обѣ также весьма скоро околѣли); дикихъ кабановъ 2; дикихъ свиней 2; поросятъ этихъ же животныхъ 7 штукъ. (Тамъ же).

307) По штату 1773 года въ Царскосельскомъ звѣринцѣ положено было содержать 40 мараловъ, на прокормъ которыхъ шло ежегодно 9 четвертей овса, 104 пуда сѣна и одна четверть съ 4 четвериками муки ржаной на каждаго звѣря помянутой породы. «Для развозки по звѣринцу кормовъ и прочихъ надобностей» содержалась при звѣринцѣ одна лошадь. «На починку во звѣринцѣ служительскихъ покоевъ и на покупку касающихся по тому звѣринцу разныхъ принадлежностей, то-есть саней, роспусковъ, хомутовъ, уздъ, веревокъ, соломы, дровъ», да на наемъ подводъ «для свозки во оный звѣринецъ изъ С.-Петербурга кормовъ зимнимъ и лѣтнимъ временемъ» отпускалось ежегодно 50 рублей. По тому же штату положено было всѣхъ звѣрей, которые окажутся въ Царскосельскомъ звѣринцѣ сверхъ числа, предусмотрѣннаго этимъ штатомъ, продать. (1-ое Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

308) 3 сентября 1723 года, указомъ Ея Величества Императрицы Екатерины Алексѣевны, предписывалось Гвардіи Капитанъ-лейтенанту Кошелеву вѣдать, между прочимъ, птицами и звѣрями Сарскаго села и Пулковской мызы. (Яковкинъ, стр. 87).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года въ Сарскосельскомъ звѣринцѣ числилось 74 оленя и 2 лося. (Тамъ же, стр. 158).

309) Въ 1747 году послѣдовало повелѣніе Императрицы Елисаветы Петровны, чтобы въ Царскомъ Селѣ, на новомъ птичьемъ дворѣ, что на берегу большого пруда, содержать только павлиновъ, лебедей и другихъ рѣдкихъ птицъ, переведя всѣхъ остальныхъ, ранѣе здѣсь находившихся, птицъ въ особый дворъ, расположенія котораго мы не знаемъ. (Яковкинъ, Исторія, т. II, стр. 94).

310) 29 января 1773 года приказано было построить въ Царскомъ Селѣ, по сторонамъ шлюпочнаго сарая, два каменные птичные корпуса. (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 421).

Корпуса эти были окончены постройкою въ слѣдующемъ 1774 году; они были одноэтажные, одинаковой архитектуры со шлюпочнымъ сараемъ, отстояли отъ послѣдняго на 10 саженей и имѣли каждый въ длину 7 и въ ширину 6 саженей. Въ нихъ жили птичники и птичницы, а зимою содержались всѣ птицы, выпускавшіяся на лѣто въ садъ, гдѣ на дворикахъ были для нихъ устроены особые деревянные чуланы.

Изъ птицъ въ это время содержались: различныхъ породъ и цвѣтовъ павлины, журавли, цесарки, лебеди, гуси: арзамасскіе, американскіе, канадскіе, гренландскіе, и казарки, утки и куры различныхъ странъ и породъ. (Яковкинъ, Истор., т. III, ст. 155).

311) Въ 1761 году Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ возбудилъ ходатайство объ отправленіи въ Царское Село доставленныхъ изъ Англіи фазановъ нижеслѣдующимъ чрезвычайно интереснымъ письмомъ, отъ 6 сентября, на имя Вице-Канцлера графа Михаила Ларіоновича Воронцова:

«Насилу дождался я» — писалъ Нарышкинъ — «отправленнаго корабля изъ Лондона, который еще, за противной погодой, изъ Кронштадта не пришелъ, а фазаны и лошади изъ Раненбоума сухимъ путемъ прибыли ко мнѣ на дворъ. Не изволите ли Ваше Сіятельство доложить Ея Императорскому Величеству, чтобъ я оныхъ фазановъ отправилъ въ Царское Село, для того, что онымъ быть тамъ гораздо способнѣе Петергофскаго, ибо отъ заморскаго сыраго воздуха въ Петергофѣ отнюдь онымъ вестись нельзя, какъ и Оберъ-егерь Бемъ увѣряетъ, что и прежде сего со всевозможнымъ стараніемъ въ Петергофѣ не могли фазановъ никакъ содержать; а эти новопривезенные гораздо нѣжнѣе и перьемъ отмѣннѣе потому, что они породы Китайской. Ежели жъ, паче чаянія, не будетъ соизволено, чтобъ оныхъ принесть въ Царское Село, то по крайней мѣрѣ было бы указано отдать оныхъ господину бригадиру Данберху, у котораго сады Ея Императорскаго Величества въ вѣдомствѣ; и въ Лѣтнемъ старомъ дворцѣ, въ Первомъ огородѣ всегда содержались и содержатся куріозныя птицы, а зимою есть для сохраненія оныхъ теплыя мѣста, такожде и учинены птичники; слѣдовательно, эти нѣжные фазаны могутъ лучше тамъ сбережены быть, чѣмъ на оберъ-егарьскомъ дворѣ, гдѣ есть мѣста только для содержанія дикихъ утокъ и гусей и тому подобныхъ грубыхъ птицъ». (Арх. кн. Воронцова, т. II, стр. 576).

312) Яковкинъ, Истор. Ц. С., т. III, стр. 213.

313) Въ началѣ 1741 года въ Царскомъ Селѣ содержалась псовая охота Великой Княжны Елисаветы Петровны, находившаяся въ то время подъ вѣдѣніемъ Управителя Селомъ Царскимъ, мундшенка Ея Высочества Андрея Удалова. Въ охотѣ этой числилось: 1) борзыхъ собакъ:

3 половые кобеля, 4 половопѣгіе кобеля, 2 суки бѣлыя, 1 сука половая, 1 кобель бѣлый брудастый, 1 кобель бѣлый, 1 кобель сѣрый, 1 кобель черный, 1 кобель сѣрый брудастый и 11 борзыхъ щенковъ; всего 26 борзыхъ собакъ; 2) гончихъ собакъ: французскихъ и англійскихъ 23, въ томъ числѣ 3 англійскихъ щенка; 7 «приводныхъ» и 16 домашнихъ гончихъ собакъ; всего 46 гончихъ; 3) «ищейныхъ» (вѣроятно, легавыхъ) собакъ 6 штукъ. На кормъ этимъ собакамъ шло въ мѣсяцъ 15 четвертей овсяной муки и одна четверть шкваринъ. Въ ту же охоту Великой Княжны отпускалось на мытье собакъ «мыло крѣпкое» да на лѣкарство больныхъ собакъ «деготь самый добрый, чистый». При этой же охотѣ содержалось и извѣстное количество охотничьихъ лошадей, но какое именно — въ документахъ не обозначено, причемъ на каждую лошадь полагалось въ мѣсяцъ фуража: сѣна 15 пудовъ и овса 1 четверть.

Замѣтимъ, между прочимъ, что псовая охота Великой Княжны Елисаветы Петровны содержалась въ Царскомъ Селѣ и ранѣе вышеуказаннаго времени, но въ оговоренномъ 1741 году составъ этой охоты былъ значительно увеличенъ. По крайней мѣрѣ Управитель Царскаго Села Андрей Удаловъ доносилъ 29 апрѣля этого года въ собственную Ея Высочества Вотчинную Канцелярію, что «имѣющіеся при псовой охотѣ охотники объявляютъ, что для навары, за умноженіемъ собакъ, имѣющійся желѣзный котелъ малъ, а надобно другой котелъ, желѣзный, большой, мѣрою ушатовъ въ шесть, купить». (Царскосельск. Арх., д. № 986 — 1741 г.).

Дворцовая набережная въ царствованіе Анны Іоанновны, съ гр. Елинера.

Отъ того же 1741 года сохранились слѣдующія извѣстія, касающіяся Царскосельскаго звѣринца.

1 февраля этого года послѣдовалъ указъ Великой Княжны Елисаветы Петровны, данный на имя Управителя Селомъ Царскимъ Андрея Удалова, которымъ предписывалось принять «на счетъ», то-есть, такъ сказать, внести въ живой инвентарь присланныхъ изъ Кексгольмскихъ Ея Высочества вотчинъ «уловныхъ во оныхъ вотчинахъ тенетами живыхъ здоровыхъ зайцевъ», всего 18 штукъ, посадить ихъ въ Царскосельскій звѣринецъ и довольствовать кормомъ: «ежели имѣется въ томъ селѣ Царскомъ расхожая капуста, давать въ кормъ, и за твоимъ (Удалова) бы присмотромъ имѣлись, чтобъ были въ корму довольны, и во всякомъ твоемъ присмотрѣ, а потрачены бъ не были». (Тотъ же Арх., д. № 983—1741 г.).

24 марта 1741 года въ Царскосельскій звѣринецъ были доставлены изъ тѣхъ же Кексгольмскихъ Ея Высочества вотчинъ еще семь живыхъ зайцевъ. (Тотъ же Арх., д. № 984—1741 г.).

4 апрѣля 1741 года Гофъ-Интендантъ Никита Вожжинскій писалъ Управляющему Царскимъ Селомъ Андрею Удалову:

«Ея Высочество благовѣрная Государыня Цесаревна Елисаветъ Петровна, имянымъ своего Высочества повелѣніемъ, указала, чтобъ отправить тебѣ, егерю Ѳедору Степанову, крестьянскихъ подводъ, сколько онъ, Степановъ, потребуетъ, для привозу изъ Петергофа звѣрей; да сдѣлать въ звѣринцѣ ящики, какіе онъ, Степановъ, покажетъ; да для держанія кабановъ изготовить пустой амбаръ; и тѣхъ привозныхъ звѣрей довольствовать кормомъ, чѣмъ пристойно со удовольствіемъ». (Тотъ же Арх., д. № 983—1741 г.).

Рукоп. Имп. ох.

[314]) «Кромѣ онаго звѣринца былъ еще особый звѣринецъ для забѣглыхъ оленей. Онъ расположенъ былъ верстахъ въ пяти къ востоку отъ нынѣшнихъ селеній Ижорскихъ колонистовъ и при поселеніи ихъ отданъ имъ подъ луга, коими они и нынѣ владѣютъ, удерживая воспоминаніе, что тутъ былъ звѣринецъ. По нынѣшнимъ временамъ покажется весьма удивительно, что въ самыхъ окрестностяхъ нынѣшняго села Царскаго ловили живыхъ и били лосей, оленей, и также, что поблизости его производилась забавная тетеревиная на чучелахъ охота изъ нарочно сдѣланныхъ деревянныхъ будокъ, снаружи убранныхъ ельникомъ, а внутри съ печкою, и обшитыхъ по стѣнамъ, потолку и полу войлокомъ и выбѣленною холстиною. Онѣ сдѣланы были на двухъ брусьяхъ, какъ на полозьяхъ, и перевозились съ мѣста на мѣсто, гдѣ болѣе находилось тетеревовъ.

Екатерина I, Петръ II и Царевна Елисаветъ, въ осеннее время, съ придворными дамами и кавалерами, иногда, при хорошей погодѣ и множествѣ присмотрѣнныхъ тетеревовъ, забавлялись сею охотою; а по расходамъ архивскимъ видно, что послѣдняя, при счастливой охотѣ, всегда награждала или деньгами или винными порціями охотниковъ, которые тетеревовъ къ будкѣ ея подгоняли, — не обижая другихъ охотниковъ и охотницъ и въ ихъ будкахъ подгономъ дичи. Но минутное онымъ удивленіе исчезнетъ, когда узнаемъ, что въ окрестностяхъ села Сарскаго строжайше запрещено было бить и безпокоить дичь, и стрѣлять во всякое время, кромѣ приставленныхъ къ сему промыслу четверыхъ крестьянъ Кузминскихъ и одного маймиста, которые, освобождены будучи отъ всякихъ работъ и податей казенныхъ и получая отъ казны ружья, порохъ и дробь или свинецъ, ежедневно снабдѣвали и въ Сарскомъ и въ Петербургѣ дворцовый столъ дичью. Другою, естественною причиною такого изобилія дичи и звѣрей неоспоримо служитъ множество окружавшихъ мызу Сарскую дремучихъ, непроходимыхъ, болотистыхъ лѣсовъ и растущихъ въ нихъ ягодъ для корму птицамъ; а находимый всегда на болотистыхъ березахъ мохъ, какъ лакомство, приманивалъ лосей и оленей. Съ постепеннымъ истребленіемъ лѣсовъ и осушеніемъ болотъ начали уменьшаться дичь и оные звѣри, такъ что нынѣ мало слышно о нихъ въ окрестностяхъ Села Царскаго. Къ звѣринцу для забѣглыхъ оленей приставляемы были на осень, зиму и весну особые сторожи, которые, узнавъ о приходѣ дикихъ оленей, съ помощью сосѣдственныхъ крестьянъ обходили ихъ кругомъ, оставляя только свободнымъ мѣсто для пробѣгу имъ въ звѣринецъ, и мало по малу сокращая кругъ свой, напирали и старались, чтобы они сами забѣжали въ звѣринецъ сквозь нарочно раскиданныя прясла, кои потомъ забирали, а переловя ихъ тамъ, переводили въ Сарскосельскій звѣринецъ. Также, поелику въ ономъ звѣринцѣ находились нарочно оставленныя заповѣдныя березовыя рощи, на деревахъ коихъ растущій мохъ составляетъ лакомую и существенную пищу съ находимымъ ими въ оставленныхъ лугахъ сѣномъ, то сторожи, замѣтивъ приходы оленей въ звѣринецъ за лакомою своею пищею и нарочно оставленными въ разныхъ мѣстахъ сѣнными стогами, прятались въ непримѣтныхъ мѣстахъ и, увидѣвъ входъ оленей въ звѣринецъ, немедленно появлялись и забирали попрежнему раскиданныя прясла; но гораздо надежнѣе сей ловли былъ пригонъ домашнихъ оленей изъ сѣверныхъ странъ Олонецкой провинціи . . . . . Для кормленія оленей и лосей Красносельскіе крестьяне подряжались ставить березоваго моху потребное количество по двадцати копѣекъ за пудъ, да съ Конюшеннаго двора доставлялось лучшаго сѣна по полу пуду на сутки. По приказаніямъ, для дворцоваго стола, охотники, застрѣливъ одного или двухъ оленей, пересылали черезъ приказчика въ Петербургскій дворецъ. Однако, многіе, по неизвѣстнымъ причинамъ, и сами собою издыхали и, какъ кажется, отъ худого качества пищи, о чемъ приказчику, а черезъ него и въ Вотчинную Канцелярію (которая вѣдала всѣми имѣніями и учрежденіями, принадлежавшими Елизаветъ Петровнѣ — Великой Княжнѣ) неоднократно отъ звѣровщиковъ приносимы были жалобы». (Яковкинъ, Исторія, т. I, стр. 144—150).

Замѣтимъ кстати, что объ оленяхъ, приводившихся въ то время въ звѣринцы изъ сѣверныхъ губерній Россійской державы, служившій на русской службѣ въ началѣ XVIII столѣтія Англичанинъ Капитанъ Джонъ Перри говоритъ, при описаніи нашего дальняго Сѣвера: «Страна изобилуетъ эта оленями, питающимися особаго рода мхомъ, который растетъ на землѣ и на деревьяхъ въ лѣсахъ; отъ этой пищи они очень жирѣютъ зимою. Эта особая порода оленей, которую Богъ и природа приспособила къ этой холодной странѣ, жителямъ которой они оказываютъ такія разностороннія услуги. Ростомъ своимъ эти олени немногимъ превышаютъ нашихъ оленей, но болѣе чѣмъ вдвое толще ихъ; съ соразмѣрной толщиною они соединяютъ силу ногъ, заканчивающихся толстымъ широкимъ плоскимъ копытомъ; это послѣднее до того широко, что ничѣмъ не задерживаетъ быстроты ихъ бѣга и даетъ имъ возможность бѣжать по поверхности рыхлаго снѣга, не проваливаясь въ него» . . . . . (Дж. Перри, стр. 43).

Во времена Елисаветы Петровны, Цесаревны, звѣровщики для Сарскосельскаго звѣринца избирались изъ крестьянъ села Сарскаго и приписныхъ къ этому селу деревень и обязывались кормить ввѣренныхъ имъ звѣрей звѣринца, точно руководствуясь въ этомъ дѣлѣ данными имъ наставленіями. (Яковкинъ, Исторія, т. I, стр. 75).

315) Яковкинъ, Лѣтоп., ст. 436.

316) Рубанъ, стр. 62.

317) Въ дневникѣ Бергхольца, подъ 1721 годомъ, встрѣчаемъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ звѣринцѣ:

«Есть тамъ . . . . . очень хорошенькій звѣринецъ, наполненный многими звѣрьми, которые необыкновенно ручны: двѣнадцатирогіе олени (конечно, рѣчь идетъ объ отросткахъ на рогахъ у оленей) подходили къ намъ на зовъ и позволяли себя гладить. Кромѣ большаго числа обыкновенныхъ оленей, мы насчитали тамъ съ дюжину ланей; потомъ смотрѣли на особомъ дворѣ двухъ старыхъ и двухъ молодыхъ лосей, довольно большихъ и ручныхъ. У старыхъ лосей шерсть черносѣрая, а у молодыхъ землянаго цвѣта. Съ виду они похожи на средняго роста

лошадей, но хвостъ имѣютъ, какъ простые олени, едва замѣтный. Ноги у нихъ высоки, и копыта сильно раздвоены; брюхо, сравнительно съ ростомъ, весьма не велико; уши очень длинныя, какъ у лошаковъ. Самецъ отличается отъ самки тѣмъ, что у него рога выше и крѣпче, но зато менѣе развѣтвлены, чѣмъ у самки». (Врядъ ли переводчикъ дневника Бергхольца правильно перевелъ названіе описываемаго животнаго; нѣтъ никакого сомнѣнья, что это не лось). (Бергхольцъ, ч. I, стр. 99).

[318]) 31 января 1729 года было повелѣно «ловить лосей въ дачахъ князя Меншикова и около Села Царскаго, въ Копорскомъ и Ямбургскомъ уѣздахъ, а весною стараться ловить и лосенниковъ, и отправлять ихъ въ Екатерингофскій звѣринецъ». (Яковкинъ, Лѣтоп., стр. 46).

Въ описи зданіямъ, находившимся въ 1741 году при Екатерингофскомъ дворцѣ, о звѣринцѣ сказано: «Огороженъ кольемъ, которая городьба развалилась и погнила; въ немъ одинъ амбаръ да изба съ сѣньми ветхая». Въ этомъ звѣринцѣ съ января по конецъ марта 1741 года содержались 90 оленей, поднесенныхъ Императору отъ Выгорѣцкихъ и Устюжскихъ жителей. Въ томъ же году положено было построить въ Екатерингофѣ на лугу новый звѣринецъ. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., стр. 345 и 346).

22 мая 1737 года Оберъ-Егермейстеръ Артемій Петровичъ Волынскій, въ представленіи своемъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества относительно необходимости переустройства Екатерингофскаго и Петергофскаго звѣринцевъ, указывалъ между прочимъ на необходимость передѣлки городьбы вокругъ Петергофскаго звѣринца для расширенія послѣдняго и для изоляціи кабановъ отъ прочихъ звѣрей. Самое представленіе Волынскаго мы приводимъ въ главѣ о Екатерингофскомъ звѣринцѣ, такъ какъ оно касается больше этого учрежденія, чѣмъ Петергофа. (Арх. Прав. Сената, кн. 48, 1737 г., л. 124).

Манежъ Анны Іоанновны, съ русск. грав. того времени.

Отъ 1737 года, а также и послѣдующаго сохранились нижеслѣдующіе крайне интересные документы, касающіеся Екатерингофскаго звѣринца.

22 мая 1737 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій вошелъ со слѣдующимъ представленіемъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества:

«Понеже нынѣ въ планѣ Екатерингофскаго вновь строющагося звѣринца, противъ прежде сочиненнаго плана, въ расположеніи преспективъ и пляцъ, для лучшей удобности, учинены нѣкоторыя перемѣны, для того что прежній планъ снятъ геодезистами неправильно, который потомъ морской академіи учитель капитанъ Салтановъ исправилъ, и для того этому мѣсту сочиненъ имъ, Салтановымъ, аккуратный вновь планъ, такожъ и Петергофскому звѣринцу сочиненъ планъ, по которому надлежитъ перенесть городьбу прежнюю, которая дѣлана плохо и ведена не по тому мѣсту, гдѣ надлежало, а при томъ надлежитъ оный Петергофскій звѣринецъ еще прибавить въ гору для умноженія звѣрей, которые туда, по Именному Ея Императорскаго Величества указу, изъ Москвы приведены, а для кабановъ надлежитъ отгородить особливо, понеже ихъ вмѣстѣ съ оленями содержать невозможно, такожъ отъ моря надлежитъ городьбу перенесть, дабы былъ около звѣринца проѣздъ въ Петергофъ, а не черезъ звѣринецъ. Токмо я, при отъѣздѣ моемъ, Ея Императорскому Величеству для Высочайшей апробаціи поднесть и обстоятельно всеподданнѣйше о томъ доносить, которому строенію гдѣ быть потребно, довольно времени не имѣлъ. Того ради всѣ оные планы, какъ генеральные онымъ обоимъ звѣринцамъ, такъ и сочиненные для внутреннихъ въ тѣхъ звѣринцахъ строеній, которые рисовалъ опредѣленный за архитектора Иванъ Бланкъ, оные всѣ планы и съ фасадами, такожъ и реестръ съ нумерами и литерами о строеніяхъ, какому гдѣ быть надлежитъ и какой гдѣ быть вокругъ городьбѣ, при семъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества посылаю.

«Того ради не соизволено-ль будетъ, до возвращенія моего, въ тѣхъ звѣринцахъ внутреннія всѣ строенія (кромѣ самыхъ нужныхъ для звѣрей покоевъ) отложить, а прорубать, гдѣ надлежитъ, только однѣ преспективы и расчистить пляцы, и вкругъ звѣринцевъ городить городьбу, а при томъ чтобъ повелѣно было указомъ Ея Императорскаго Величества запретить обывателямъ, по силѣ прежнихъ Ихъ Императорскихъ Величествъ указовъ, дабы въ тѣхъ мѣстахъ никто самовольно лѣсовъ не рубили, понеже оный капитанъ Салтановъ объявлялъ мнѣ, что въ тѣхъ мѣстахъ дворцовые крестьяне и прочіе не токмо рубятъ потребные лѣса, но и самыя прорубленныя преспективы и пляцы портятъ, а нынѣ я и самъ осмотрѣлъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ дѣлается Екатерингофскій звѣринецъ, зѣло много вновь лѣсовъ порублено уже нынѣшнею весною, и ежели не запрещено будетъ, то уже впредь Екатерингофскаго звѣринца уже строить будетъ невозможно.

«Того ради не повелѣно-ль будетъ опредѣлить для смотрѣнія и караулу къ онымъ мѣстамъ гварнизонныхъ солдатъ отъ десяти до пятнадцати человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько человѣкъ для объѣзду, чтобъ были съ лошадьми.

«И какая по сему моему доношенію въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества воспослѣдуетъ резолюція, о томъ чтобъ въ Канцелярію отъ строеній, такожъ и лейбъ-гвардіи капитану поручику Рахманову, которому въ небытность мою здѣсь охоты Ея Императорскаго Величества въ надзираніе поручены, такожъ и помянутому капитану Салтанову повелѣно было опредѣлить указомъ, дабы оные потому могли исполнять, а генеральные тѣмъ звѣринцамъ сочиненные планы не повелѣноль будетъ въ Канцелярію отъ строеній сообщить, кромѣ тѣхъ чертежей, которые о внутреннихъ тѣхъ звѣринцевъ строеніяхъ сочинены, дабы по тѣмъ генеральнымъ планамъ въ прорубаніи преспективъ и въ расчисткѣ пляцъ, и вкругъ звѣринцевъ въ работѣ городьбы нынѣшнее лѣто не упущено было».

На представленіи этомъ положена резолюція Кабинетъ-Министровъ Остермана и Князя Черкасскаго:

«Около звѣринца нынѣ преспективою прорубать и городьбу городить, а чтобъ въ томъ звѣринцѣ лѣсовъ никто рубить не дерзали, того смотрѣть здѣшнему вальдмейстеру».

Къ представленію Волынскаго приложенъ нижеслѣдующій любопытный реестръ, «какому гдѣ строенію быть въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ, ежели Ея Императорское Величество соизволитъ».

«№ 1. Планы и фасады караульнымъ избамъ и воротамъ въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ. Оныя строить брусчатыя; кровли крыть гонтомъ; на каменномъ фундаментѣ подъ литерами А и В.

«№ 2. Планы и фасады покоямъ для пришествія Ея Императорскаго Величества въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ.

«Исподній аппартаментъ весь имѣетъ быть каменный; въ немъ ледникъ подъ литерою А; по другую сторону погребъ для напитковъ подъ литерою В; между оными сѣни проходныя подъ литерою С; въ правой сторонѣ четыре покоя и одни сѣни, и лѣстница въ верхній аппартаментъ; столярная подъ литерою D; по лѣвую сторону два покоя и одна кухня съ очашкомъ; между оными сѣни и лѣстница въ верхній аппартаментъ; столярная подъ литерою Е; оный аппартаментъ весь сводами.

«Надъ тѣмъ каменнымъ аппартаментомъ покои деревянные числомъ двѣнадцать и двои внутреннія сѣни, а посреди покоевъ залъ и два крыльца съ площадками каменными подъ литерою F; оное строеніе имѣетъ быть брусчатое. Кровлю крыть гонтомъ, а съ лица убрать столярною, токарною и рѣзною работами со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ фасадъ показуетъ подъ литерою I; краскою красить кровлю красною, стѣны свѣтлою желтою, орнаменты бѣлою.

«№ 3. Планы и фасады кухни и придворнымъ кавалерамъ покои.

«Строить на каменномъ фундаментѣ брусчатою работою; кровлю крыть гонтомъ, а съ лица убрать столярнымъ украшеніемъ, какъ значитъ на фасадѣ.

«№ 4. Планъ и фасадъ бесѣдки въ саду въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ.

«Оное имѣетъ быть деревянное подъ литерою I.

«№ 10. Планъ и фасадъ Конюшенному двору въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ для содержанія во время пришествія Ея Императорскаго Величества въ звѣринцѣ и для приводныхъ въ Санктпетербургъ молодыхъ лошадей приплодныхъ изъ конюшенныхъ Ея Императорскаго Величества заводовъ.

«А въ томъ дворѣ строеніе: четыре конюшни мшенныя, рубленныя брусчатыя со внѣшнихъ и внутреннихъ сторонъ подъ литерою А; въ нихъ стойла досчатыя, лѣстницы и чуланы — какъ значитъ на чертежахъ.

«По бокамъ съ двухъ сторонъ два магазейна для поклажи сѣна и овса и прочихъ конюшенныхъ припасовъ и для постановленія каретъ подъ литерою В; въ нихъ полы, потолки, такъ же какъ въ конюшняхъ и при томъ въ одномъ магазейнѣ два анбара съ сусѣками; оные сараи не мшенные.

«На другихъ двухъ бокахъ двѣ связи, по четыре свѣтлицы, съ сѣнми и поварнями, брусчатыя, для надзирателей у звѣрей и лошадей и для конюховъ, подъ литерою С.

«Четыре водогрѣйни со чанами, забранныя досками въ столбы, подъ литерою D, и при тѣхъ водогрѣйняхъ нужники.

«Четыре колодезя со срубомъ; вкругъ оныхъ столбы и на нихъ кровли куполами, подъ литерою Е.

«Посреди двора бесѣдка восьмиугольная, досчатая, крытая куполою, съ окнами и окончиками, подъ литерою F.

«Все оное строеніе крыть гонтомъ.

«А вкругъ оного двора, между конюшень и сараевъ, и хоромъ, огородить въ столбы тесомъ и сдѣлать восемь разстворчатыхъ воротъ.

«№ 11. Планъ и фасадъ двора для оленей въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ.

«А въ немъ четыре сарая подъ литерою А, забранные бревнами въ столбы, мшенные въ стѣнахъ между бревенъ мохомъ; въ нихъ подволока досчатая; подлѣ внѣшнихъ стѣнъ ясли и надъ ними рѣшетки для закладыванія оленямъ сѣна. А посреди сараевъ по двои ясли для дачи овса. Прочіе четыре сарая, подъ литерою В, не мшенные и безъ подволоковъ, для клажи запаснаго сѣна; одинъ изъ нихъ для клажи овса и прочихъ припасовъ, подъ литерою С.

«Всѣ оные сараи крыть тесомъ или горбылями.

«Посрединѣ двора двѣ избы; сдѣлать трои сѣни и четыре чулана; въ среднихъ сѣняхъ лѣстница вверхъ; а надъ ними восьмиугольная лактерна (фонарь?) для караульныхъ часовыхъ ночнымъ временемъ для опасности отъ волковъ; оные въ серединѣ двора покои дѣлать какъ съ лица, такъ и изнутри брусяные и покрыть гонтомъ, подъ литерою Д.

«№ 12. Планъ и фасадъ двору для донелей (даніэлей) или данчершей, въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ.

«А въ немъ строеніе: по угламъ четыре сарая мшенные, рубленные, для данчершей, съ потолоками съ яслями и съ рѣшетками надъ яслями, подъ литерой А.

«По бокамъ два сарая, забранные въ столбы, для клажи сѣна; въ нихъ полъ; оные сараи подъ литерою В.

«На другихъ бокахъ: на одномъ четыре свѣтлицы для звѣровщиковъ съ поварнею и съ сѣнми; а противъ того, на другой сторонѣ, магазейнъ для овса и прочаго, съ поломъ и съ подволокою; оныя двѣ связи подъ литерою С.

«Въ серединѣ двора колодезь, огороженный столбами, съ рундукомъ, покрытый гонтомъ куполою, подъ литерою Д.

«Оное строеніе, свѣтлицы и противъ оныхъ магазейнъ покрыть гонтомъ, а сараи для данчершей и два анбара крыть горбылями; между оныхъ дворъ забрать пластинами крѣпкою работою и сдѣлать восемь воротъ.

«№ 13. Планъ и фасадъ свѣтлой галлереи въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ.

«Оное имѣетъ быть деревянное на каменномъ фундаментѣ, подъ литерою А.

«№ 14. Планъ и фасадъ Діанину-Темпелю или театру въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ.

«Оный весь имѣетъ быть каменный и лѣстницы ступенями каменныя жъ; а куполъ крыть желѣзными листами; фасадъ подъ литерою А, а планъ подъ литерою В; съ лица покрыть желтою и бѣлою, а куполъ красною красками.

«№ 15. Планъ и фасадъ бесѣдкамъ въ Екатерингофскомъ звѣринцѣ, которыя имѣютъ быть деревянныя на каменномъ фундаментѣ, подъ литерою В.

«№ 19. Планъ и фасадъ Егермейстерской Канцеляріи и покоевъ для егеровъ и охотниковъ, при томъ же сараи для собакъ и для лошадей конюшня.

«Егермейстерскую Канцелярію сдѣлать на каменныхъ погребахъ со сводами, а наверху четыре свѣтлицы брусчатыя, между которыми залъ и сѣни, подъ литерою А.

«Двѣ связи по угламъ въ передней линіи, брусчатыя жъ, на каменномъ фундаментѣ, подъ литерою В.

«По бокамъ четыре бревенчатые покоя, со внутри брусчатые, подъ литерою С, а между ними два колодезя, подъ литерою Е.

«По срединѣ линіи: на одной сторонѣ конюшня для охотничьихъ лошадей, а на другой сторонѣ два магазейна для охотничьихъ припасовъ и фуража, подъ литерою Д.

«Позади оной конюшни и сарая два двора, на двои разгорожены, въ нихъ по четыре сарая для собакъ, подъ литерою F.

«Позади линіи, вдоль двора, на одной сторонѣ поварня для собакъ и подлѣ оной, съ обѣихъ сторонъ, двѣ избы для наварщиковъ, а на другой сторонѣ анбаръ для клажи собачьихъ кормовъ, подъ литерою I.

«Означенное строеніе крыть гонтомъ, а городить переднюю линію брусчатыми, а внутри тесанными пластинами».

Подписалъ Артемій Волынскій.

«Роспись, какимъ образомъ быть городьбѣ около и внутри Екатерингофскаго звѣринца.

«Подъ литерою А, на двѣ тысячи сто тридцать сажень, городить жердями; длиною быть онымъ жердямъ по три сажени съ четвертью, въ отрубѣ до двухъ вершковъ; концы обжигая, и врыть въ землю рогатками на перекладныхъ брусьяхъ и на подставныхъ столбахъ.

«Подъ литерою В, отъ А до А жъ, на четырехъ тысячахъ ста пятидесяти саженяхъ, огородить досками, забирая въ столбы, вышиною въ двѣ сажени; столбы ставить, обожгавъ, въ землю, разстояніемъ столбъ отъ столба по полторы сажени, а между столбами сверху досокъ класть по одному, а снизу по три бревна; а подлѣ исподнихъ бревенъ бить часто въ землю колья, чтобъ волки не могли подрываться, глубиною по полтора аршина.

Подъ литерою С, въ трехъ тысячахъ двустахъ восьмидесяти саженяхъ, около яхтгартеновъ и заячьяго плаца, перегораживать такимъ же манеромъ и вышиною досками, какъ подъ литерою В описано.

«Подъ литерою Д, въ семи тысячахъ семи стахъ саженяхъ, между плацами, гдѣ водиться оленямъ, кабанамъ, донелямъ и птицамъ, огородить рѣшеткою въ полторы сажени; для одной рѣшетки употреблять жерди, ставя на брусья, которыхъ брусьевъ класть внизу по три, а вверху по одному или по два вѣнца между столбами; а оные столбы, обожгавъ, ставить по три сажени въ разстояніи столбъ отъ столба.

«Вкругъ сада огородить брусчатою рѣшеткою, пильными брусками и такимъ же образомъ класть брусья внизу и сверху.

«Во всемъ звѣринцѣ, какъ въ наружной городьбѣ, такъ и въ перегородкахъ, быть девяти воротамъ.

Подписалъ Артемій Волынскій.

«26 мая слѣдующаго 1738 года Александръ Нарышкинъ, завѣдывавшій въ то время Канцеляріею отъ строеній, вошелъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества со слѣдующимъ докладомъ:

«Въ нынѣшнемъ 1738 году, генваря 12 дня, поданнымъ въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества изъ Канцеляріи отъ строеній доношеніемъ, о строеніи при Екатерингофѣ звѣринца представлено, что по вѣдомости архитектора Земцова и за архитекторовъ Бланка и Давыдова показана вкругъ и внутри того звѣринца городьба и каменное и деревянное зданіе по присланнымъ, при указѣ, изъ Правительствующаго Сената планамъ, по примѣрнымъ цѣнамъ съ матеріалами и съ работою имѣетъ быть во сто тысячь въ семьсотъ восемьдесятъ одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ, въ томъ числѣ за одну городьбу вкругъ того звѣринца и за прорубку перспективныхъ дорогъ восемь тысячь четыреста сорокъ девять рублевъ тридцать пять копеекъ съ четвертью, а сверхъ того нѣкоторые перспекты, по показанію геодезіи прапорщиковъ, въ прошломъ 1737 году и прорублены, и восемьдесятъ одинъ рубль пятьдесятъ копеекъ, а за одну городьбу и за прорубку перспективныхъ дорогъ, за работу и за матеріалы, по примѣрнымъ цѣнамъ, восемь тысячь четыреста сорокъ девять рублевъ тридцать пять копеекъ съ четвертью, а подлинно де, какъ изъ того доношенія видно, о настоящей цѣнѣ не освидѣтельствовано, къ тому жъ весь вырубленный лѣсъ или проданъ, или въ городьбу употребленъ быть можетъ, которую цѣну изъ истины надлежитъ вычесть; того бъ ради все то прилежно пересмотрѣть и потомъ доложить.

А. И. Ушаковъ, съ гр. Н. Иванова, по портрету Я. Арцунова.

«И по силѣ оного приказанія, на посланные отъ Канцеляріи отъ строеній указы, марта 24 дня сего 1738 года, архитекторъ Земцовъ да за архитекторы Бланкъ и Давыдовъ, рапортомъ, показали, что въ томъ звѣринцѣ для осмотру они ѣздили и осматривали, сколько возможность допустила, понеже де всего видѣть аккуратно невозможно, какъ за частымъ лѣсомъ, такъ и за довольными снѣгами, а наипаче де къ тому ихъ осмотру объявилъ имъ Морской академіи учитель, капитанъ Салтановъ, что въ тѣхъ во всѣхъ мѣстахъ, какъ, по его усмотрѣнію, въ лѣтнее время, находится разныхъ сортовъ лѣсъ, а именно: 1) годный къ строенію сосновый и еловый, 2) заборный, 3) на жерди и колья, 4) фашинный, 5) дровяной разныхъ мѣръ, о которыхъ де пяти сортахъ, разсуждая токмо по плану, понеже де какъ вышеупомянуто, за частыми лѣсами и различно смѣшанными, къ тому жъ индѣ весьма часто, инде весьма рѣдко, и множество изъ тѣхъ проспектовъ не назначено, которые могутъ на рѣдкихъ или густыхъ мѣстахъ проходить, или на крупный, или на мелкій лѣсъ, или на пустошу, что де никакимъ образомъ аккуратно положить невозможно, токмо де цѣна полагается, напримѣръ, какъ нижеслѣдуетъ вырубленнаго лѣса въ пляцѣ и въ аллеяхъ, оставшихъ отъ прошлаго году, годнаго къ строенію и негоднаго, напримѣръ, на двѣсти

рублевъ, а подлежитъ де еще вырубить въ двадцати четырехъ пляцахъ разныхъ мѣръ и во всѣхъ аллеяхъ, въ которыхъ, по мнѣнію ихъ, найтиться можетъ, напримѣръ: 1) годнаго къ строенію сосноваго и еловаго на тысячу на сто рублевъ, 2) на городьбу годнаго на двѣ тысячи на двѣсти рублевъ, 3) жердей и колья на тысячу рублевъ, 4) фашинъ на тысячу на двѣсти рублевъ, 5) дровянаго всякаго, крупнаго и мелкаго, на двѣ тысячи рублевъ, и того на семь тысячь на семьсотъ рублевъ.

«И о вышеписанномъ Кабинету Ея Императорскаго Величества Канцелярія отъ строеній, симъ донося, всепокорно проситъ, Ея Императорскаго Величества Высочайшимъ указомъ, что повелѣно будетъ».

17 ноября того же года послѣдовала резолюція Кабинетъ-Министровъ Андрея Остермана и Артемія Волынскаго:

«По сему доношенію, что до строенія покоевъ и прочаго внутренняго въ звѣринцѣ строенія надлежитъ, то отставить до будущаго опредѣленія, а нынѣ токмо дѣлать городьбу кругомъ яхтъ-гартена и малаго при томъ для содержанія русаковъ и зайцевъ мѣста, которое на планѣ показано, и прорубать преспективы и расчистить дороги и вырубленный лѣсъ употреблять въ городьбу, а что къ тому въ добавокъ потребно лѣсовъ на городьбу, о томъ только положить исчисленіе, а годный на хоромное строеніе класть, отбирая, въ особое мѣсто, а на городьбу не употреблять, и оный яхтъ-гартенъ и для зайцевъ и русаковъ мѣсто дѣлать безъ всякаго отлагательства, а тою прорубку перспективъ надзирать обрѣтающемуся при Сенатѣ геодезіи подмастерью Рудакову, а городьбу и прочее опредѣленнымъ къ тому отъ Канцеляріи отъ строеній, обще съ нимъ же Рудаковымъ». (Арх. Прав. Сената, кн. 48—1737 г., лл. 124—129 и кн. 51—1738 г., лл. 465—467).

319) Кобеко, стр. 268.

320) Пушкаревъ, т. IV, стр. 149.

321) Кобеко, стр. 268.

Въ 1719 году, по письму Князя Александра Даниловича Меншикова въ С.-Петербургскую Губернскую Канцелярію, мыза Гатчинская съ деревнями и мельницами, которыя были расположены на рѣкѣ Ижорѣ, была отдана во владѣніе архитектору Ивану Блюментросу «того ради, что оный, по чину своему архитекторскому, тогда должность дѣйствительно исправлялъ». Но такъ какъ къ 1732 году Блюментросъ оказался уже отстраненнымъ отъ должности и уволеннымъ отъ службы, то указомъ 8 іюля этого года Гатчинское имѣніе было у него отобрано и вновь приписано къ владѣніямъ Дворцовой Канцеляріи.

Однако, отобраніе имѣнія, дарованнаго Блюментросу Петромъ Великимъ, произведенное въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны, было, повидимому, признано Правительницею Анною Леопольдовною неправильнымъ. Указомъ 30 ноября 1740 года Блюментросу хотя и не возвратили Гатчины, но вознаградили его, предоставленіемъ ему и женѣ его въ пожизненное владѣніе въ Ямбургскомъ уѣздѣ Хотынской мызы съ приписанными къ ней четырьмя деревнями и «со всѣми къ нимъ принадлежностьми». (Арх. Прав. Сената, кн. CXXXIV, л. 50, кн. № 36—1732 г., л. 24 и кн. № 41—1734 г., л. 56).

322) Екатерина II, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, подарила Гатчину графу Григорію Григорьевичу Орлову, а въ 1766 году было приступлено въ Гатчинѣ къ постройкѣ каменнаго дворца. Постройка эта производилась Архитекторомъ Ринальди, подъ руководствомъ Егермейстера фонъ-Польмана и была вполнѣ закончена только въ 1777 году. (Тамъ же, стр. 270).

323) Гатчинскія охотничьи учрежденія, хотя и не принадлежавшія въ то время къ Императорской охотѣ, но послужившія основаніемъ учрежденій Царскихъ, почему мы считаемъ необходимымъ привести о нихъ всѣ имѣющіяся свѣдѣнія, впервые упоминаются въ 1768 году. Въ теченіе лѣта этого года въ Гатчинской мызѣ началась постройка звѣринца и тогда же въ Гатчинѣ начали разводить фазановъ. (Кам.-фур. журн. 1768 г., стр. 143).

15 марта 1771 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе обрѣтающихся въ Ораніенбаумскомъ звѣринцѣ Американскихъ оленей отдать «Его Сіятельству Генералъ-Фельдцейхмейстеру, надъ фортификаціями генералъ-директору, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, Кавалергардскаго корпусу шефу, дѣйствительному камергеру, Лейбъ-Гвардіи Коннаго полку подполковнику, Канцеляріи опекунства иностранныхъ президенту, обоихъ Россійскихъ орденовъ и Святыя Анны Кавалеру, графу Григорію Григорьевичу Орлову для содержанія въ мызѣ, называемой Гатчинѣ». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 51).

Послѣ смерти князя Григорія Григорьевича Орлова, послѣдовавшей 13 апрѣля 1783 года (Кам.-фур. журн. 1783 г., Дополн., стр. 71) Екатерина Великая купила Гатчинскую мызу отъ братьевъ и наслѣдниковъ покойнаго, а указомъ отъ 6 августа того же года мызу эту съ домомъ, оружейною и проч., съ 20-ю приписными къ ней деревнями, съ мызами Старыя и Новыя Скворицы и со всѣми пустошами подарила Наслѣднику Павлу Петровичу. (Кобеко, стр. 267 и 270).

[324]) Въ концѣ царствованія Екатерины Великой Кампенгаузъ писалъ о Гатчинскомъ звѣринцѣ слѣдующее:

«Звѣринецъ очень обширенъ, хотя онъ и не занимаетъ всего того пространства, которое ему предназначалось прежнимъ владѣльцемъ, княземъ Орловымъ. Нѣсколько романтическихъ домиковъ для лѣсничихъ, много пріятныхъ мѣстъ для прогулокъ, звѣздообразныя аллеи и цвѣточныя клумбы составляютъ его прелесть. Одна изъ этихъ аллей направляется къ самой высокой изъ Дудергофскихъ горъ, на вершинѣ которой виднѣется кирка. Въ звѣринцѣ содержится много краснаго звѣря». (Кобеко, стр. 278).

[325]) Пушкаревъ, т. IV, стр. 108.

[326]) Хотя мы и не имѣемъ описанія ни одной охоты Императора Петра III, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что Петръ Ѳедоровичъ, имѣвшій, будучи еще Наслѣдникомъ престола, собственную свою охоту въ Ораніенбаумѣ, участвовавшій, какъ мы видѣли выше, во многихъ охотахъ Императрицы Елисаветы Петровны, былъ далеко не чуждъ охотничьей страсти. Подтвержденіемъ этому можетъ служить хотя бы то обстоятельство, что, во время Государственнаго переворота 1762 года, въ Петербургѣ былъ пущенъ дѣятелями революціи слухъ, «что Государь, будучи на охотѣ, упалъ съ лошади и убился до смерти». (Болотовъ, т. II, стр. 275).

[327]) Въ 1765 году въ звѣринцѣ этомъ содержались, въ числѣ другихъ звѣрей, дикія свиньи, которыхъ нерѣдко разсылали въ подарокъ различнымъ вельможамъ. Такъ, 13 іюня этого года было приказано отправить оттуда пару свиней дикихъ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, а другую пару тѣхъ же животныхъ Николаю Ивановичу Зиновьеву, а 27 сентября слѣдующаго 1766 года пара американскихъ дикихъ свиней была отправлена Якову Александровичу Брюсу. (Рукоп. Сборн. Им. Ук., №№ 28 и 29).

Въ Ораніенбаумѣ имѣлись Оружейная камера и Арсеналъ. Въ 1768 году, сентября 5 числа, Ораніенбаумская Оружейная была передана Оберъ-Егермейстерскому вѣдомству и переведена въ С.-Петербургъ въ Италіанскій домъ. (Тамъ же, № 36).

Въ 1771 году въ Ораніенбаумскомъ звѣринцѣ, въ числѣ другихъ звѣрей, содержались американскіе олени. (Тамъ же, № 51).

Ораніенбаумскій звѣринецъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1773 году. (С.-Петерб. Вѣдом. 1773 года, № 69).

[328]) 13 мая 1770 года Императрица Екатерина Великая приказала построить при Дудергофской горѣ «фазанарію». (Яковкинъ, Лѣтоп. о Селѣ Царскомъ, стр. 418).

Въ 1772 году «фазанарія» эта была подъ завѣдываніемъ особаго фазанъ-егеря, получавшаго въ годъ: жалованья 80 рублей и на мундиръ 68 рублей 54 коп. (Тамъ же, Истор., т. III, стр. 198).

Въ 1778 году въ Дудергофской «фазанаріѣ» содержалось 159 фазановъ (тамъ же, стр. 209); 25 февраля 1781 года это заведеніе было причислено къ Царскосельскому дворцовому вѣдомству (тамъ же, Лѣтоп., стр. 427), а въ 1796 году перешло въ вѣдомство «Краснаго Ея Величества Села», гдѣ состояло ранѣе 1778 года.

[329]) Въ ноябрѣ 1763 года Императрица «соизволила указать построить соколей дворъ въ Красномъ Селѣ отъ Канцеляріи отъ строеній къ будущей веснѣ, къ непремѣнному содержанію въ немъ птичьей охоты, для всегдашняго Ея Императорскаго Величества увеселенія, съ слѣдственными въ рѣченномъ дворѣ надобностями, яко-то: покои для птицъ и житья кречетникамъ и сокольникамъ да лошадямъ конюшни и прочее, тому подобное». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 19. Рукоп. Имп. ох.).

[330]) Общ. Арх. Мин. Двора, столбцы 707-й и 785-й—7195 г.

[331]) Отъ того же 1726 года сохранилось извѣстіе, что на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ имѣлись постоянно «дневальные сокольники», на обязанности которыхъ лежало, между прочимъ, принимать къ птичьей охотѣ привозимыхъ птицъ и смотрѣть, чтобы таковыя привозились въ цѣлости, безъ пороковъ и притомъ хорошей породы. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52—752, д. № 536).

[332]) Въ маѣ мѣсяцѣ 1750 года, въ числѣ доставленныхъ въ Семеновское на потѣшный дворъ Ростовскими сокольими помытчиками птицъ, встрѣчается «орелъ, называемой беркутъ»; однако, этого беркута было приказано «ко птичьей охотѣ не принимать и казеннаго корма на него не тратить». (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

[333]) Насколько около описываемаго времени мѣнялось количество ловчихъ птицъ, состоявшихъ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, усматривается хотя бы изъ сопостановленія слѣдующихъ данныхъ за 1726 годъ. Въ январѣ тамъ было 2 кречета, 2 челига кречетьихъ и 15 соколовъ, то-есть 19 птицъ, не считая ястребовъ, находившихся на дворахъ у ястребниковъ; въ слѣдующемъ же февралѣ мѣсяцѣ: 22 кречета, 22 челига кречетьихъ и 15 соколовъ, то-есть 59 птицъ, также не считая ястребовъ. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 78).

Въ маѣ 1728 года на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ содержалось 86 ловчихъ птицъ, въ томъ числѣ 33 кречета, 15 челиговъ кречетьихъ, 18 соколовъ, 17 ястребовъ и 3 ястребца

малыхъ, на кормъ которыхъ вышло въ мѣсяцъ 12 руб. 21 алт. ½ деньги. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 151). Для выноски этихъ птицъ доставлялись въ это время коршаки, осорьи и воронки изъ дворцовыхъ и другихъ подмосковныхъ волостей. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 190).

Въ то же время и на томъ же дворѣ содержались, между прочимъ, два черныхъ медвѣдя, подъ присмотромъ звѣровщика. Медвѣдей этихъ кормили молокомъ съ хлѣбомъ. (Тамъ же).

(Общ. Арх. Мин. Двора, Приход.-расходн. книги Сем. пот. дв.). Въ 1701 году въ Семеновскомъ содержалось 6 сокольничихъ лошадей, коимъ полагалось на зиму 42 четверти овса и 10½ копенъ сѣна. (Сборн. арх. бум. о Петрѣ Вел., т. II, стр. 181). Въ февралѣ 1707 года на потѣшномъ дворѣ перебывало 41 кречетъ, 42 челига кречетьихъ, 11 ястребовъ, 7 челиговъ ястребьихъ и 1 соколъ, и на прокормъ ихъ вышло 12 руб. 29 алтынъ 4 деньги, не считая тѣхъ птицъ, которыя находились у ближняго стольника князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго и на дворахъ нѣкоторыхъ ястребниковъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. № 18). Въ ноябрѣ 1710 года тамъ же было всего 5 кречетовъ, 1 челигъ кречетій и 21 соколъ. (Тамъ же).

[334]) Къ 1 іюля 1721 года въ Семеновскомъ состояло налицо: 3 кречета, 12 челиговъ кречетьихъ, 25 соколовъ, 1 челигъ соколій и 14 ястребовъ, а въ іюлѣ слѣдующаго года: 20 кречетовъ, 20 челиговъ кречетьихъ, 22 сокола, 4 челига сокольихъ, 2 ястреба, да у ястребниковъ на дворахъ 13 ястребовъ, всего 82 птицы. (Прих.-расх. кн. Сем. пот. дв.). Въ декабрѣ же 1723 года состояло: 36 кречетовъ, 19 челиговъ кречетьихъ, 40 соколовъ, 14 ястребовъ, всего 109 птицъ, а къ концу января 1724 года на 3 сокола меньше. (Сборн. арх. бум. о Петрѣ Вел., т. II, стр. 334).

Въ 1742 году птичья охота Семеновскаго потѣшнаго двора была увеличена такою же слившеюся съ нею охотою, отобранною, по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны, отъ графа Михаила Головкина. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен., 3—1429).

Въ 1750 году при птичьей охотѣ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ состояло 50 сокольничьихъ лошадей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

Къ 1 марта 1761 года въ Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ состояло: кречетовъ розмытей 5, кречетовъ молодиковъ 14, челиговъ кречетьихъ дикомытей 1, челиговъ кречетьихъ молодиковъ 12, соколовъ дикомытей 4, соколовъ вешняковъ 1, соколовъ осенчаковъ 5, ястребовъ дикомытей 2, ястребовъ розмытей 2, ястребовъ молодиковъ 2, челиговъ ястребьихъ дикомытей 4, челиговъ ястребьихъ молодиковъ 5, всего 57 птицъ, да 50 охотничьихъ казенныхъ лошадей. (Тотъ же Арх., оп. 66, д. № 4). Къ 1-му же марта слѣдующаго 1762 года тамъ же состояло 80 птицъ, при чемъ противу прошлаго года увеличилось, главнымъ образомъ, количество кречетовъ, которыхъ было: 8 дикомытей, 2 розмытей и 24 молодика, а также челиговъ кречетьихъ, которыхъ было 33 штуки. Лошадей къ тому же сроку числилось при птичьей охотѣ лишь 28 штукъ. Однако, въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года кречетникомъ Микулинымъ было пріобрѣтено для птичьей охоты 10 лошадей въ Москвѣ, на конной площадкѣ, по 20 р. за лошадь, да 10 лошадей въ Лебедянѣ, по 25 р. за лошадь. (Тотъ же Арх., оп. 66, д. № 36).

[335]) По штату 1773 года на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ въ птичьей охотѣ положено было «для увеселенія Ея Императорскаго Величества птицъ кречетовъ и соколовъ содержать, сколько оныхъ въ которомъ году помкнуто и принесено будетъ къ охотѣ безъ недостатка». Кромѣ того, повелѣвалось «при оной же охотѣ содержать лошадей, для выѣзда съ птицами въ поля, офицерамъ по двѣ, а служителямъ поручныхъ (т.-е. находящихся на рукахъ, на попеченіи самихъ охотниковъ) каждому по одной», всего 36 лошадей. «Для фуръ и въ запряжку подъ лѣтніе и зимніе ходы, которые отправляются съ парадною ливреею, палатками и прочими приборами въ разные походы», еще 20 лошадей. На пріобрѣтеніе этихъ лошадей полагалось ежегодно по 280 рублей, считая срокъ службы лошади въ 4 года, а ея стоимость въ 20 рублей, а на фуражъ и подковываніе лошадей исчислялось въ годъ 1550 рублей. На прочіе расходы по птичьей охотѣ, какъ-то: «на колокольцы зеленой мѣди, на пайку оныхъ серебра, на сукно, на шелкъ для шитья оныхъ (?), на должики ремней, на кожи яловичныя дупленыя, — для дѣланія клобучковъ, на верви для валки птицъ, на дѣланіе тайниковъ для помыканія птицъ, на шалгачи (?) льнянаго холста, на покупку въ кормъ птицамъ говяжьяго мяса и живыхъ голубей, на фуры съ приборомъ для возки въ походы на оныхъ богатой ливреи и прочихъ птичьихъ приборовъ, на роспуски, на хомуты, на сани, на веревки, на дрова для топленія въ зимнее время въ покояхъ печей, гдѣ содержатся птицы, на прогоны за привозныхъ изъ разныхъ губерній и городовъ помкнутыхъ птицъ въ Москву и въ С.-Петербургъ и на прочія необходимыя по той охотѣ потребности» полагалось ежегодно по 2000 рублей. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

[336]) 18 іюля 1793 года Оберъ-Егермейстеръ князь Голицынъ предписывалъ, «когда къ птичей охотѣ будутъ помыкаться дербники, то, по помкнутіи ихъ, подавать въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію репорты», для соотвѣтственныхъ распоряженій по назначенію для нихъ кормовыхъ денегъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 359).

[337]) 5 февраля 1793 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора направила статейничему Дмитрію Рыкунову указъ: «Въ ордерѣ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, минувшаго

генваря отъ 26 числа; написано: присланнымъ де въ ту Канцелярію оная Контора рапортомъ, о числѣ привезенныхъ кречетникомъ Николаемъ Юргеневымъ уловныхъ въ разныхъ городахъ помытчиками птицъ, доносила и требовала резолюціи, что изъ числа оныхъ повелѣно ль будетъ одну птицу, за случившемся ей въ дорогѣ въ глазу трудомъ, дабы на корму не состояла, выпустить на волю, на что, по воспослѣдовавшей въ той Канцеляріи резолюціи, тѣмъ ордеромъ Конторѣ предписано, чтобъ ту птицу, въ сходственность оной Конторы представленія, выпустить на волю». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 315).

20 октября 1795 года Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала статейничему Дмитрію Рыкунову: «Какъ по рѣшенному въ сей Конторѣ, бытности Комисара Петра Рыкунова 1793 года генварской, майской и сентябрской третей, о состоящихъ при птичей охотѣ птицахъ и лошадяхъ, щету, оказавшаяся въ птицахъ невѣрность, коя послѣдовала по неисправности подаваемыхъ отъ васъ о сваливших птицахъ особыхъ и мѣсячныхъ рапортовъ, въ коихъ показанъ, вмѣсто свалившагося сокола, кречетъ, то вамъ подтвердить симъ указомъ, дабы впредь вы какъ о вступившихъ, такъ и выбылыхъ птицахъ подавали въ Контору обстоятельные и вѣрные рапорты и со вниманіемъ бы разсматривали и различали кречета съ соколомъ». (Тамъ же, стр. 464).

Графъ Б. Х. Мюнихъ, съ оформа Е. Чемесова, по рисунку И. Девельи 1764 г.

338) Въ августѣ 1775 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ отдалъ приказаніе по соколиной охотѣ, «чтобъ изъ имѣющихся при птичьей охотѣ зарушныхъ птицъ кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, также и соколовъ, въ коихъ при той охотѣ надобности никакой не состоитъ и къ держанію неспособны, отдать Его Сіятельству графу Ивану Григорьевичу Орлову, сколько ему потребно; за тою отдачею достальныхъ побить, дабы тѣ негодныя птицы понапрасну на корму не состояли».

Орлову было отдано: кречетъ дикомыть, 6 кречетовъ молодиковъ, 7 челиговъ кречетьихъ молодиковъ, 9 соколовъ дикомытей, 5 челиговъ дикомытей соколовъ, 1 ястребъ дикомыть, всего 29 птицъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 44).

Въ видахъ тѣхъ же соображеній и по приказанію того же Нарышкина, 10 октября 1775 года было выпущено на волю четыре сокола. (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 68).

27 января 1782 года Главностатейничій Иванъ Рыкуновъ предписывалъ статейщику Дмитрію Рыкунову; «Рекомендую вашему благородію о состоящихъ при птичей охотѣ наличныхъ птицахъ, если когда изъ оныхъ случится какая упаль, о томъ вамъ, того жъ самаго числа, подавать ко мнѣ репорты, въ коихъ имянно прописывать, что такого-то роду свалилось птицъ столько-то, почему и отъ меня въ Контору репортовано быть имѣетъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 492).

6 іюля того же года та же Контора предписывала тому же лицу:

«Оставшихъ за отправою въ Санктъ-Петербургъ птицъ: кречетовъ размыть одну, молодика одного, челига кречетьяго размыть одну, соколовъ дикомытей двухъ, вешняка одного, и того шесть, продать вамъ, если болѣзнь ваша дозволитъ, самимъ или птичей охоты служителями, кому вы въ томъ повѣрите, подъ смотрѣніемъ вашимъ, настоящими цѣнами, по присяжной должности, когда дороже повелѣнной Канцеляріею пяти рублевой цѣны за каждую никто давать не будетъ, то хотя и по оной, и взятыя за нихъ деньги представить въ Контору при рапортѣ, съ показаніемъ, сколько тѣхъ птицъ и кому именно, и за какую цѣну продано будетъ; когда жъ вышеписанныя птицы не всѣ проданы будутъ, то достальныхъ, по негодности ихъ, за непокупкою и чтобъ оныя понапрасну болѣе на корму не состояли, выпустить на волю». (Тамъ же, стр. 415).

339) 30 іюня 1774 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала: «Имѣющихся на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, за отправою въ Санктъ-Петербургъ, излишнихъ птицъ кречетовъ и челиговъ да соколовъ и ихъ челиговъ же, по неимѣніи въ нихъ въ нынѣшнемъ году уже надобности и дабы на нихъ напрасно корму не происходило, продать желающимъ людямъ подъ смотрѣніемъ Конторы, да и въ предбудущіе годы, по выборѣ для справы, остальныхъ негодныхъ, ни мало не мѣшкавъ, продавать же. Ежели жъ, за продажею птицъ, имѣетъ что остаться или и всѣ проданы не будутъ, а останутся на лицо, то всѣхъ выпустить на волю».

Слѣдуетъ замѣтить, что на этотъ разъ въ Москвѣ не нашлось ни одного человѣка, который пожелалъ бы пріобрѣсти изъ придворной охоты ловчихъ птицъ. (Общ. Арх., д. 1658, стр. 29).

Въ іюлѣ того же года, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, получивъ донесеніе своей Московской Конторы «о проданныхъ изъ состоящихъ при птичьей охотѣ кречетахъ съ челигами да соколахъ, всего девяти птицъ, на четыре рубля десять копѣекъ», предписала: «на будущее время, равно ежели и нынѣ оставшія при охотѣ птицы есть, то ихъ не продавать, а которыя не годны, то таковыхъ выпускать на волю». (Тамъ же, стр. 65).

29 мая 1788 года Оберъ-Егермейстеръ князь Голицынъ далъ Главностатейничему Ларіонову ордеръ, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Имѣющихся при птичьей охотѣ кречетовъ и соколовъ съ ихъ челигами стараться вамъ выдержать и справить, какъ наивозможно, ранѣе; и потомъ объ отправѣ оной охоты въ Петербургъ представить Конторѣ немедленно, дабы возможно было прибыть оной въ Санктъ-Петербургъ по крайней мѣрѣ іюня къ 23 числу. Оставшихъ же, за отправленіемъ въ Санктъ-Петербургъ, соколовъ продать, каждаго не менѣе. . . (пробѣлъ). . . рублей, ежели уже болѣе сей цѣны никто давать не будетъ, и взятыя за нихъ деньги представлять въ Контору при рапортахъ. Какъ же Канцелярія статейщику Коноплеву быть въ Санктъ-Петербургъ надобности не предвидитъ, то и остаться ему въ Москвѣ при командѣ, а ежели, по вашему усмотрѣнію, должно ему быть при той птичьей охотѣ въ Санктъ-Петербургѣ, то можете вы объ отправѣ и его съ прочими представить Конторѣ, а оной ордеромъ предписано, что какъ скоро отъ васъ объ отправѣ той охоты рапортъ въ оную Контору поданъ будетъ, то, ни мало не медля, учинить оной отправу. А для справы птицъ велѣно Конторѣ взять отъ лѣкаря Тона имѣющуюся у него казенную лошадь и отдать ко птичьей охотѣ, и когда справа птицъ кончится, то и отдать оную ему, Тону, обратно». (Тамъ же, стр. 110).

340) Въ іюлѣ 1727 года Преображенскій Приказъ сообщилъ Приказу Большаго Дворца, что въ прошлыхъ годахъ, по указу Его Величества, «построенъ въ Тюхальскихъ лугахъ потѣшный дворъ (Тюхали, то-есть Тюхелева роща находится за Московскимъ Симоновымъ монастыремъ, близъ деревни Кожуховки), на которомъ въ лѣтнее время живутъ повсягодно кречетники и сокольники, и ястребники для справки птицъ соколовъ, кречетовъ, челиговъ, ястребовъ, и для того ихъ пріѣзду сдѣланы были плетеные сараи изъ хворосту и покрыты соломою, а дѣланы были тѣ сараи дворцоваго села Коломенскаго волостными крестьянами». Къ указанному сроку сараи эти весьма обветшали, погнили и повалились, почему сокольникамъ съ птицами отъ дождей и жаровъ укрыться было негдѣ. Преображенскій Приказъ просилъ о возстановленіи сараевъ въ ихъ прежнемъ видѣ, подкрѣпляя свою просьбу увѣдомленіемъ, что таковая основывается на указѣ Его Величества. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 20).

5 іюня 1794 года Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала статейничему Дмитрію Рыкунову: «Какъ изъ поданнаго вами, маія 31 дня, рапорта видимо, что во оном вы показуете, состоящемъ де при птичей охотѣ птицамъ уже нынѣ начато даваться пущоное, а потому съ 1 числа выѣзда на поля быть и не можетъ, а развѣ, по примѣру прошлогоднему, съ 9 числа сего іюня, и для того изъ состоящихъ при псовой охотѣ и при звѣринцѣ казенныхъ лошадей, отъ псовой десять и отъ звѣринца два, когда дѣйствительная справа птицамъ начнется и на поля выѣзды будутъ, давать безъ записки въ расходъ» . . . . . (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 408).

341) Въ указѣ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову, отъ 9 ноября 1790 года, между прочимъ, читаемъ: «На случай надобности, какъ для возки къ воронкамъ изъ Измайлова мясища и для ѣзды къ ловленію оныхъ, до полученія на представленіе отъ Конторы изъ Канцеляріи резолюціи, исправляться въ ѣздѣ имѣющеюся при птичьей охотѣ одною лошадью».

Вскорѣ было получено и предписаніе по сему предмету изъ Канцеляріи, коимъ приказывалось употреблять для вышеоговоренной надобности лошадь, содержавшуюся при Конторѣ для различныхъ разъѣздовъ, отнюдь не занимая этимъ дѣломъ лошадь, состоящую при птичьей охотѣ. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 158 и 160).

2 января 1791 года Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала статейничему Рыкунову: «Поставку для довольствія живыхъ воронокъ и вороновъ конскихъ сырейныхъ мясищъ купцамъ Петру Прохорову, Петру Петрову и ямщику Петру Шемитову, по взятому съ нихъ въ Конторѣ обязательству отдать, коимъ и велѣть тѣ мясища ставить по самую птицъ справу, сколько когда потребно будетъ, безъ всякой остановки, и возить оныя имъ, такожъ и оставшія отъ оныхъ

кости убирать на своихъ лошадяхъ и своими работными людьми; сколько жъ всѣхъ мясищъ забрано будетъ, о томъ подать вамъ въ Контору рапортъ, по которому и деньги, что слѣдовать будетъ, по постановленной ими въ контрактѣ цѣнѣ за каждое мясище, по семидесятъ копеекъ, выдать отъ расходу Конторы въ пріемъ тѣхъ поставщиковъ съ роспискою». (Тамъ же, стр. 163).

342) Изъ документовъ 1724 года, между прочимъ, усматривается, что для обученія и корма вынашиваемыхъ на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ ловчихъ птицъ служили: «воронки» — для кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, а галки и голуби — для соколовъ и челиговъ сокольихъ. Необходимыя для этого птицы ловились въ дворцовыхъ, патріаршихъ, архіерейскихъ и монастырскихъ волостяхъ, въ ближайшихъ къ Москвѣ уѣздахъ: въ Коломенскомъ, Серпуховскомъ, Боровскомъ, Дмитровскомъ, Переяславль-Залѣсскомъ, Юрьевецъ-Польскомъ, Суздальскомъ и Владимірскомъ, для каковой цѣли посылались сокольники и ястребники «на три дороги, по два человѣка въ дорогу». Посланнымъ приказывалось отводить крестьянскіе постоялые дворы, «а какъ станутъ тѣхъ птицъ ловить и воронники вновь ставить, и старые починивать, и въ томъ . . . . . крестьянамъ чинить имъ . . . . . вспоможеніе, давать работныхъ людей, сколько человѣкъ пристойно, и ихъ, сокольниковъ и ястребниковъ, поить и кормить, и государевымъ лошадямъ, которыя съ ними будутъ, давать кормъ, сѣно и овесъ, чѣмъ имъ быть сытымъ, и на прикормку воронкамъ давать мясища». Голубей приказывалось сокольникамъ ловить, гдѣ только «обыщутъ», а по мѣрѣ поимки какъ голубей, такъ и галокъ и воронокъ отправлять ихъ въ Семеновское на потѣшный дворъ на крестьянскихъ подводахъ. О точномъ соблюденіи приведенныхъ правилъ своевременно посылались къ «посольскимъ старцамъ», прикащикамъ, старостамъ и выборнымъ изъ крестьянъ послушные указы изъ оставшейся въ Москвѣ Сенатской конторы, а сокольникамъ предписывалось, съ ихъ стороны, не обижать крестьянъ и не требовать отъ нихъ ничего лишняго. (Сборн. арх. бум. о Петрѣ Вел., т. II, стр. 332).

Ловчія птицы попрежнему кормились говядиною и живыми голубями, на поставку которыхъ въ 1775 году были назначены торги. На торгахъ низшія цѣны были заявлены: за говядину безъ жира, жилъ и костей — 2 рубля 40 коп. за пудъ и за пару голубей — 14 копеекъ. Оберъ-Егермейстерская Канцелярія нашла подобныя цѣны непомѣрно высокими, почему и предписала покупать означенные продукты для птичьей охоты «по приторгованной цѣнѣ въ ряду». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 24).

343) Отъ 1745 года сохранилось извѣстіе, что въ этомъ году кречетнику Саватію Ларіонову было выдано «на покупку мяса говяжья и голубей» для прокорма ловчихъ птицъ потѣшнаго двора въ маѣ мѣсяцѣ 50 р., въ іюлѣ 50 р. и ноябрѣ 100 р. Кромѣ того, въ то же время на подстилку для ловчихъ птицъ пріобрѣталась ржаная солома. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9 — 1086). При птичьей охотѣ состояло весь годъ 41 сокольничья лошадь, кромѣ сентября мѣсяца, когда были отправлены въ С.-Петербургъ 16 лошадей, которыя, однако, вернулись обратно въ слѣдующемъ октябрѣ мѣсяцѣ. На прокормъ этихъ лошадей, кромѣ сѣна, полагалось по 1 четверти въ мѣсяцъ овса. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 14).

11 іюня 1745 года и 4 марта 1746 года статейничему Герасиму Ларіонову было выдано въ каждое число по 100 рублей «на отправленіе въ С.-Петербургъ со птичьею охотою». (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 14).

344) 18 января 1789 года та же Контора предписывала тому же лицу: «Въ поданномъ отъ васъ, сего генваря 17 числа, репортѣ написано, даннымъ де вамъ изъ сей Конторы, сего генваря отъ 2 числа, указомъ велѣно изъ Измайловскаго звѣринца въ Семеновскій потѣшный дворъ, въ кормъ казеннымъ лошадямъ возить сѣно, а какъ оное въ томъ звѣринцѣ отъ дорогъ стало въ дальнемъ разстояніи, то, за глубокостію снѣга, возить никакъ невозможно, о чемъ тѣмъ репортомъ въ Контору и репортовали. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества и по учиненной въ Конторѣ резолюціи, велѣно къ вамъ послать указъ, въ которомъ написать, какъ Конторѣ небезъизвѣстно, что то сѣно секундъ-маіоромъ господиномъ Тарбѣевымъ отпускается изъ укоснаго въ Измайловскомъ звѣринцѣ по выбору вашему, почему до нападенія глубокихъ снѣговъ слѣдовало, выбравъ оное въ дальнихъ мѣстахъ, на казенныхъ лошадяхъ и возить, а нынѣ, если по близости во звѣринцѣ въ скирдахъ и стогахъ стоящаго нѣтъ, а хотя и есть, да вами удостоено не будетъ, то тому всему, а наипаче за изнуреніе и когда, паче чаянія, при томъ и казенныхъ лошадей, не иной кто притчиною, какъ частный смотритель отвѣчать долженъ, почему нынѣ, проминая во первыхъ къ стогамъ порожжими дровняхъ лошадьми дорогу, то сѣно и возить непремѣнно слѣдуетъ, ибо Контора, за силою насланнаго изъ Канцеляріи о употребленіи въ кормъ лошадямъ изъ укоснаго во звѣринцѣ сѣна предписанія, ни къ какой перемѣнѣ приступить не можетъ, о чемъ симъ указомъ вамъ и предписывается». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 135).

345) Изъ документовъ 1775 года усматривается, что ловчія птицы содержались на потѣшномъ дворѣ въ особыхъ амбарахъ, и что птицъ этихъ въ лѣтнее время «прыскали» водою. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 60).

Къ 17 декабря 1792 года относится нижеслѣдующій, обрисовывающій хозяйственную часть Московскихъ охотъ, указъ Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову: «Закупку на продовольствіе въ будущемъ 1793 году состоящихъ въ Москвѣ подъ вѣдомствомъ оной Конторы служителей, охотъ и лошадей разныхъ припасовъ препоручить атестованнымъ отъ васъ кречетникамъ Ивану Рыкунову и Григорію Ларіонову, кои вамъ болѣе нежели Конторѣ извѣстны, и сколько когда потребно на ту покупку вышеписанныхъ припасовъ будетъ денегъ, оныя по подаваемымъ отъ васъ и помянутыхъ кречетниковъ репортамъ выдавать отъ расходу Конторы изъ наличной на счетъ положенной по штату суммы, записывая въ расходъ въ пріемъ тѣхъ кречетниковъ съ росписко̀ю. На записку жъ тѣхъ выдаваемыхъ имъ на покупку означенныхъ припасовъ денегъ въ приходъ и въ расходъ, имъ, Ларіонову и Рыкунову, дать отъ Конторы шнурованную, за скрѣпою и конторскою печатью, тетрадь при указѣ, пріобща при немъ и тѣмъ припасамъ, сколько ихъ на весь 793 годъ, по примѣру сего года сентябрской трети, потребно, за подписаніемъ присутствующихъ, реестръ, и предписать, чтобъ они наблюдали, сколько котораго мѣсяца и числа тѣхъ денегъ изъ Конторы принято ими будетъ, то бъ оныя записывали въ шнуровую тетрадь въ приходъ тѣхъ же чиселъ непремѣнно и изъ оныхъ въ Москвѣ у продавцевъ всѣ припасы, а собакамъ свѣшныя шквары и кабанамъ отруби, а звѣрямъ и сѣно, по назначеннымъ въ реестрѣ временамъ покупали со опробаціи въ цѣнахъ о добротѣ вашей, по настоящимъ цѣнамъ, безъ передачи, по присяжной должности. Но при томъ смотрѣть имъ, чтобъ всѣ тѣ припасы были не гнилые, безъ всякаго худаго запаха и въ пищу годные, при которой покупкѣ непремѣнно должно быть по часту и самимъ вамъ, а покупные безъ васъ всѣ тѣ припасы, напередъ, для опробаціи доброты, представлять имъ вамъ, а потомъ изъ оныхъ слѣдующіе отдавать коми-

Открытый манежъ герцога Бирона, съ русск. грав. того времени.

сарамъ . . . . . , коимъ оные принимать отъ продавцевъ безъ всякой остановки и класть въ удобныя мѣста, въ магазейны, и давать тѣмъ кречетникамъ, Ларіонову и Рыкунову, росписки, а тѣ припасы записывать въ приходъ и о числѣ ихъ и о годности тѣхъ припасовъ Контору еженедѣльно рапортовать. Что жъ слѣдовать будетъ по представленнымъ отъ продавцовъ роспискамъ и деньги имъ платить съ запискою въ шнуровую тетрадь въ расходъ съ роспѝсками. Для жъ вспоможенія имъ при той покупкѣ и письменнаго производства употреблять вамъ изъ служителей птичьей охоты, кого вы къ тому за способныхъ признать можете, коихъ вамъ и отпускать безостановочно. По покупкѣ жъ тѣхъ припасовъ, сколько когда, какихъ именно и по какимъ цѣнамъ куплено будетъ, о томъ имъ за извѣстіе, по прошествіи каждыхъ семи дней Конторѣ и Канцеляріи рапортовать. А по окончаніи всѣхъ тѣхъ припасовъ, на весь будущій 793 годъ покупки, о принятыхъ и издержанныхъ ими деньгахъ подать въ Контору рапортъ, при которомъ и записную онымъ тетрадь, съ засвидѣтельствованіемъ вашимъ такъ, какъ путевыя расходныя тетради (которыя выдавались при переѣздахъ птичей охоты изъ Москвы въ С.-Петербургъ и обратно) представляются, представить къ щету. На птицъ же говядину, по положенному окладу, на каждую въ сутки по полуфунту, и голубей, съ будущаго 1793 года, покупать вамъ, и по покупкѣ, у кого именно и сколько, и по какой цѣнѣ куплены будутъ, о томъ подавать вамъ рапорты, по коимъ и деньги на писанное число выдаваны быть имѣютъ отъ расходу Конторы въ пріемъ продавцовъ съ роспѝсками». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 299 и 300).

Представляетъ извѣстный интересъ указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову, отъ 14 января 1793 года, въ коемъ читаемъ: «Поданнымъ въ Контору вы рапортомъ прописывали: такъ де какъ нынѣ, на сей 793 годъ, на Московскія здѣшняго корпуса команды припасы покупаться уже начаты и на покупку оныхъ принимаются по-купщиками деньги отъ сей Конторы ассигнаціями, для размѣну которыхъ и посылаются въ банкъ птичей охоты служители, которые, за великою тѣснотою бываемыхъ въ томъ банкѣ людей, промѣниваютъ весьма мало, а нерѣдко приходятъ обратно и не размѣнявши, почему и въ расплатѣ съ продавцами за тѣ покупные припасы денегъ бываетъ великая нужда и остановка, а на большія ассигнаціи продажи продавцы не дѣлаютъ, для чего и благоволено бъ было въ Банковую Контору о свободномъ пропускѣ тѣхъ служителей сообщить. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Оберъ-Егермейстерская Контора приказали: съ прописаніемъ вышеписаннаго въ Московское Отдѣленіе Государственнаго Ассигнаціоннаго банка послать записку съ таковымъ

прошеніемъ, дабы отъ оного соблаговолено было, кому надлежитъ, приказать, чтобъ вѣдомства Оберъ-Егермейстерскаго корпуса птичей Ея Императорскаго Величества охоты ливрейныхъ служителей въ тотъ банкъ для промѣну ассигнацій на мѣдныя деньги впускать невозбранно, дабы отъ невпуску оныхъ и за неразмѣномъ ассигнацій не послѣдовало въ покупныхъ припасахъ остановки, а оттого и казенной Ея Императорскаго Величества охотѣ ущерба, почему ту записку для подачи въ тотъ банкъ черезъ посылаемыхъ служителей и отослать къ вамъ при указѣ, которая при семъ и посылается». (Тамъ же, стр. 308).

15 февраля 1793 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала тому статейничему Дмитрію Рыкунову: «Въ ордерѣ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, минувшаго генваря отъ 31 числа, написано, что де Канцелярія, изъ присланныхъ во оную Конторы сей рапортовъ, усмотрѣла, что выдается изъ оной кречетникамъ Григорью Ларіонову и Ивану Рыкунову, на покупку на нынѣшній 1793 годъ къ охотамъ разныхъ припасовъ денегъ по двѣ тысячи рублей, чего для, по воспослѣдовавшей въ той Канцеляріи резолюціи, тѣмъ ордеромъ Конторѣ велѣно, что если на упоминаемую покупку припасовъ объявленнымъ кречетникамъ Ларіонову и Рыкунову изъ сей Конторы выдается вдругъ сумма по вышеписанному числу, по двѣ тысячи рублей, то оная выдача происходитъ неосторожно, ибо тѣ деньги, подъ собственнымъ ихъ храненіемъ, при случаѣ пожарнаго, отъ чего Боже сохрани, бѣдствія, сгоритъ или отъ воровъ похищены будутъ, то отъ сего и можетъ послѣдовать казнѣ безвозвратный убытокъ; ибо, по некапитальному состоянію тѣхъ кречетниковъ, платить они толикаго числа не въ состояніи, и, въ предосторожность таковыхъ могущихъ быть несчастныхъ приключеній, тѣмъ ордеромъ сей Конторѣ и предписано, чтобъ впредь, по примѣру тому такъ, какъ тамъ въ Канцеляріи отъ казначейства выдача чиниться, выдавать тѣмъ закупщикамъ для задатку продавцамъ тѣхъ припасовъ по сту или по двѣсти рублей, а потомъ по цѣнамъ слѣдующія къ задаткамъ достальныя за покупные припасы (по пріемѣ ихъ отъ продавцевъ) деньги велѣть находящемуся у содержанія приходу и расходу денежной казны комисару выдавать онымъ продавцамъ самимъ по рукамъ, и сколько выдано имъ будетъ, то всѣ тѣ деньги, во избѣжаніе излишнихъ, въ запискѣ въ книгу всѣхъ продавцовыхъ имянъ, затрудненій, записывать въ расходъ въ пріемъ рѣченныхъ покупщиковъ, Ларіонова и Рыкунова, одною валовою статьею, въ выдачу имъ деньгами, и въ пріемѣ оныхъ брать съ нихъ въ книгѣ расписки, ибо сіе будетъ все равно, они ли закупщики заплатятъ продавцамъ по сторгованной ими цѣнѣ деньги или состоящій у приходу и расходу денежной казны комисаръ. Они жъ, Ларіоновъ и Рыкуновъ, въ своихъ книгахъ должны ту сумму денегъ, въ чемъ распишутся, записывать въ приходъ, и въ расходъ писать на имена тѣхъ самыхъ продавцовъ, у кого они тѣ припасы сторговали» . . . . . (Тамъ же, стр. 322).

5 апрѣля того же года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора писала, между прочимъ, статейничему Дмитрію Рыкунову: «По требованію вашему для чищенія у состоящихъ при птичьей охотѣ казенныхъ лошадей во ртахъ, къ скалыванію насосовъ и метанію крови, по силѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи 776 года марта 20 дня указа, пріискать комисару Петру Рыкунову вольнаго коновала, коему и велѣть тѣхъ лошадей перечистить и, кому слѣдуетъ, кинуть кровь, которое все и исправить подъ присмотромъ вашимъ, а по исправленіи онаго, сколько за то чищеніе и метаніе крови подлежать будетъ денегъ, оныя, по подачѣ о томъ отъ оного комисара Рыкунова рапорта, выданы быть имѣютъ отъ расходу Конторы въ пріемъ объявленнаго коновала, записавъ въ расходъ съ роспис憂». (Тамъ же, стр. 333).

Къ тому же апрѣлю мѣсяцу относится извѣстіе о слѣдующемъ наличномъ числѣ чиновъ птичьей Придворной охоты: кречетниковъ 19 человѣкъ, сокольниковъ 17 и ястребниковъ 2. (Тамъ же, стр. 335—337).

Къ 1766 году относится переписка, касающаяся порядка снабженія птичьей охоты фуражемъ. Заимствуемъ изъ послѣдней нижеслѣдующія, не лишенныя интереса обстоятельства, изложенныя въ указѣ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему птичьей охоты Рыкунову, помѣченномъ 15 февраля этого года.

Главная Дворцовая Канцелярія, на обязанности которой лежало въ то время снабженіе Московской Придворной охоты потребнымъ сѣномъ, обратилась въ мѣстную Оберъ-Егермейстерскую Контору съ отзывомъ, въ коемъ указывала, что при доставленіи сказаннаго продукта въ охоту постоянно происходятъ недоразумѣнія вслѣдствіе придирокъ пріемщиковъ Оберъ-Егермейстерскаго вѣдомства и что мѣръ къ устраненію подобныхъ случаевъ названнымъ вѣдомствомъ не принимается, несмотря на то, что пробы забракованнаго сѣна, доставленныя въ Канцелярію, неоднократно, признавались вполнѣ доброкачественными. Между тѣмъ, подобное отношеніе къ дѣлу пріемщиковъ отбиваетъ охоту у подрядчиковъ брать на себя поставки сѣна по выгоднымъ для казны цѣнамъ. Для устраненія такого непорядка, Главная Дворцовая Канцелярія просила, «дабы Оберъ-Егермейстерская Канцелярія благоволила вѣдомства своего пріемщиковъ отъ таковыхъ непорядочныхъ пріемовъ удержать и накрѣпко имъ подтвердить, чтобы впередъ привозимое сѣно . . . . . принимаемо было безостановочно и годное обратно съ двора ссылано не было, дабы за таковымъ

непріемомъ въ покупкѣ передачи и черезъ то бъ казнѣ Ея Императорскаго Величества напраснаго ущерба быть не могло».

Ближайшее Егермейстерское начальство возражало на это, что при браковкѣ сѣна пріемщики поступали «по присяжной своей должности», ибо браковалось сѣно дѣйствительно негодное, для «соблюденія Ея Императорскаго Величества интереса, яко то, во-первыхъ, дабы такимъ употребляемымъ въ кормъ негоднымъ сѣномъ казенныхъ лошадей, которыя какъ отъ осенней ѣзды, такъ и въ нынѣшнее зимнее время, будучи при загоняніи къ теплымъ шалашамъ тетеревей и частыхъ разъѣздовъ на осока, пришли въ самую либовость (?), не привесть тѣмъ въ упадокъ, а понеже оныя лошади покупаются лучшія и годныя къ полевой ѣздѣ недешевою цѣною, на которую покупку изъ казны происходитъ немалая сумма, они же, какъ покупаются въ калмыцкихъ улусахъ, и если ихъ кормить худымъ сѣномъ, то, по ихъ тамошней Калмыцкой породѣ, здѣсь изъ оныхъ лошадей совершенно можетъ послѣдовать знатной упадокъ и оттого казенному интересу напрасный и немалый ущербъ, паче же къ будущей веснѣ для полевыхъ съ охотою выѣздовъ во оныхъ лошадяхъ и крайній недостатокъ послѣдовать можетъ и для того къ будущимъ полевымъ выѣздамъ надлежитъ оныхъ приводить въ лучшее состояніе, а не въ либовость (?), но такимъ негоднымъ сѣномъ оправить будетъ никакъ невозможно. Что же касается до жалобъ отъ подрядчиковъ, во оныхъ истинность не состоитъ потому, когда они сѣно ставить подряжаются, то обыкновенно представляютъ сѣну достойныя пробы, да и цѣну заключаютъ не только настоящую, но еще и съ излишествомъ, а въ опредѣленныя мѣста привозятъ совсѣмъ и на пробу не похожее, ища и наблюдая въ томъ свои интересы, какъ и натурально состоитъ оной болѣе тѣмъ къ ихъ пользѣ; слѣдуя сему, и жалобы представляютъ, привозя въ кормъ негодное, одобряютъ свое сами, а на пріемщиковъ чинятъ нарѣканія и тѣмъ поставку оного продолжаютъ вымышленно съ тѣмъ, когда де кормовъ въ наличности не будетъ, тогда де принуждены будутъ, по самой въ томъ необходимости, принимать и негодное, что и случается, а черезъ то, они своими вымыслами пользуются, какъ о томъ и отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи Дворцовой Канцеляріи негодному ихъ привоза сѣну пробы и на нихъ истинныя жалобы въ прошлыхъ годахъ неоднократно, письменныя и словесныя, чрезъ посланныхъ, сообщаемы бывали; но токмо ихъ однѣ, неистинныя жалобы истинствуютъ, а Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и ея подчиненныхъ, яко то есть полковника и Унтеръ-Егермейстера, такожъ стремяннаго Егора Тона и прочихъ, коимъ поручены точные пріемы и присяжные люди, а при томъ и въ званіяхъ своихъ безпорочны, оныхъ жалобы отлагаются, кои во всемъ томъ поступаютъ, наблюдая присяжную должность и Высочайшаго Ея Императорскаго Величества интереса цѣлость».

Кромѣ изложеннаго, указывалось также на то обстоятельство, что въ 1762 году одинъ изъ подрядчиковъ, «поступая по своимъ обыкновеннымъ вымысламъ, непоставку сѣна продолжалъ сентября съ 1-го даже по половину ноября мѣсяца, отчего казенныя лошади полтретья мѣсяца были безъ сѣна, изъ которыхъ три и пало, а достальныя и къ объѣздамъ были въ крайнемъ несостояніи, и если бъ не заемнымъ сѣномъ питаемы были, то бъ по крайней мѣрѣ и всѣ не устояли; хотя жъ и началъ ставить съ половины ноября мѣсяца, но самое негодное и то по самому малому числу, которымъ на заемъ платить, ниже заморенныхъ поправить было невозможно, черезъ кои вымышленныя продолженія и по негодности сѣна и задержали работника его (на что въ особенности жаловалась Дворцовая Канцелярія) до поставки на треть сполна годнаго сѣна».

Озабочиваясь устраненіемъ на будущее время подобныхъ недоразумѣній и желая избѣгнуть значительной и безполезной по сему предмету переписки, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія просила Главную Дворцовую Канцелярію принять на будущее время за правило, чтобы для разрѣшенія споровъ, касающихся пріемки сѣна, Дворцовая Канцелярія требовала бы запечатанныя пробы не только по выбору изъ массы доставленнаго самихъ подрядчиковъ, какъ то обыкновенно практиковалось ранѣе, но также и по выбору чиновъ Егермейстерскаго вѣдомства, поставленныхъ своимъ начальствомъ къ пріемкѣ потребныхъ для Придворной охоты продуктовъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 16—19).

346) Въ «Бытъ Россійскаго Государства въ 1740—1741 годахъ» находятся слѣдующія свѣдѣнія, касающіяся разбираемаго нами вопроса: «Число птицъ на Потѣшномъ дворѣ въ 1740 году было незначительно. Такъ, къ 1 іюню этого года состояло ихъ всего 70, въ томъ числѣ 25 кречетовъ, 12 челиговъ кречетьихъ, 24 сокола, 4 ястреба, 4 челига ястребьихъ и балобанъ. Приблизительно тоже число птицъ содержалось и во весь этотъ годъ. Это не совсѣмъ вѣрно: въ сентябрѣ 1740 года было на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ всего 31 ловчая птица, въ томъ числѣ 7 кречетовъ, 2 челига кречетьихъ, балобанъ, 15 соколовъ, 3 ястреба и 3 ястребца малыхъ. Кромѣ того, тутъ же имѣлись журавль и 4 полевыхъ гуся. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086). Яхтъ-штатомъ 22 сентября 1740 года положено содержать на потѣшномъ дворѣ птицъ, «сколько ихъ есть и впредь будетъ»; штатомъ же 28 января 1741 года число ихъ было уже опредѣлено, а именно: 3 кречета, 2 челига кречетьихъ, 17 соколовъ, ястребъ розмыть,

балобанъ, журавль и 3 полевыхъ гуся. (Невѣрное толкованіе штата: означенное количество птицъ не было положено по штату, а въ штатъ было внесено наличное количество птицъ, иначе, одновременно съ утвержденіемъ штата слѣдовало бы сократить помытчиковъ по крайней мѣрѣ на 9/10 и уничтожить обычай отсылки ловчихъ птицъ въ иностранныя государства. Ни того, ни другого не было сдѣлано)» . . . . . «Птицы на потѣшномъ дворѣ помѣщались въ «птичьихъ покояхъ», въ числѣ которыхъ было 5 «свѣтлицъ» — зимнихъ птичниковъ. На кормъ птицъ въ 1740 году поставлялось отъ Главной Дворцовой Канцеляріи, черезъ подрядчиковъ, мясо говяжье. Ставилъ его купецъ Роговъ, по контракту, заключенному съ означенною Канцеляріею въ февралѣ 1740 года. Въ контрактѣ Роговъ обязывался въ теченіе 1740 года на кормъ «имѣющихся въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ казенныхъ птицъ изъ живья говяжье осѣшное мясо безъ костей ставить безостановочно по объявленной отъ него послѣдней цѣнѣ, 80 коп. пудъ» . . . . . «Яхтъ-штатомъ 28 января 1741 года на содержаніе птичьей охоты положено: говяжья мяса 221 пудъ 2½ ф., ржаной муки 2 четверти, овса 127 четвертей, сѣна 2268 пудовъ, соломы на подстилку 83 воза. Всѣ припасы, за исключеніемъ мясныхъ, отпускались Главною Дворцовою Канцеляріею» . . . . . «Сверхъ того, на мелочные расходы по содержанію птицъ отпускалось отъ Главной Дворцовой Канцеляріи, въ распоряженіе статейничаго, нѣкоторая сумма денегъ, въ какомъ размѣрѣ — не видно. Изъ этой суммы заготовлялись для птицъ клобучки, должики и обножи. Въ апрѣлѣ 1741 г. на изготовленіе этихъ предметовъ куплено: на клобучки — кожа яловичная (на 1 р. 30 к.), на должики — кожа сыромятная (на 1 р. 30 к.), на обножи — «оленина» (на 3 р. 50 к.), на подшивку обножей сукна ¼ аршина (на 35 к.). Изъ той же суммы покупались на кормъ птицъ голуби». (Ч. I, стр. 360 и 361).

В. К. Тредіаковскій,
съ грав. Колпашникова.

На Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ производились нѣкоторыя ремонтныя работы, какъ-то передѣлка печей и перестилка кровлей, причемъ работы эти отдавались съ торговъ. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 г., ч. I, стр. 41).

347) Въ сентябрьскихъ документахъ 1792 года упоминается о существованіи на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ «птичнаго теплаго амбара». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 278).

Къ тому же времени относится извѣстіе, что на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, въ амбарахъ, гдѣ содержались ловчія птицы, устанавливались особые шесты, которые обвивались ровнымъ холстомъ. Къ сожалѣнію, не имѣется свѣдѣній о томъ, для какой надобности служили эти столбы. (Тамъ же, стр. 341).

348) Въ сентябрѣ того же 1775 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія писала въ свою Московскую Контору: «Какъ небезъизвѣстно, что для лучшаго сбереженія соколовъ напредъ сего содержаны были всю зиму въ нарочно сдѣланныхъ выходахъ, гдѣ они проживали безъ каблуковъ (sic), потому что имъ, будучи въ тѣсномъ мѣстѣ, пужаться было нечего и сидѣть спокойнѣе, отчего они были долговѣчнѣе и проживали въ командѣ года по два и по три и добывали всегда хорошо, вмѣсто того, что нынѣ въ свѣтлицахъ болѣе одного года пробыть не могутъ». Руководствуясь этимъ Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала сдѣлать подобные «выходы» съ осени, на что и отпустила въ распоряженіе своей Конторы 25 рублей денегъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 52).

Въ февралѣ 1795 года Оберъ-Егермейстеръ князь Голицынъ приказалъ, между прочимъ, начальству Придворной птичьей охоты «привезенныхъ изъ Оренбурга семь кречетовъ крайне беречь». (Тамъ же, д. 1658, стр. 444).

349) 4 февраля того же 1791 года состоялось слѣдующее постановленіе Оберъ-Егермейстерской Конторы по рапорту статейничаго Рыкунова: «приказали: по требованію вашему, на сдѣланіе ко птичей охотѣ, для сажанія птицъ, стульевъ, изъ имѣющихся во звѣринцѣ буреломнаго и валежнаго лѣсу, одно дерево, по выбору того, кто отъ васъ присланъ будетъ, отпустить комисару Федору Панову, записавъ въ расходъ въ пріемъ, кому отъ васъ повелѣно

будетъ, съ роспискою, а какое оное дерево длиною и толщиною отпущено будетъ, подать въ Контору рапортъ, о чемъ комисару Федору Панову и вамъ дать указы, съ таковымъ вамъ предписаніемъ, чтобъ вы для сдѣланія стульевъ пріискали вольнаго плотника и, подъ присмотромъ своимъ, приказали оному сдѣлать, съ платою за оные не свыше преждеплатимой съ каждаго стула пяти копеешной цѣны». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 176).

[350]) 9 октября того же года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала статейничему Дмитрію Рыкунову: «Приведенныхъ двадцать восемь лошадей поставить на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ въ конюшню, на которыхъ, съ самаго ихъ вступленія, то-есть съ сентября 23 числа, по требованію вашему, для поправленія ихъ отъ худобы, такъ какъ онѣ, будучи въ дальнемъ проводѣ, отъ онаго нѣсколько и Конторою усмотрѣны худы, до отправленія ихъ въ Санктъ-Петербургъ производить, подъ смотрѣніемъ вашимъ, комисару Петру Рыкунову фуражъ, овесъ и сѣно по положенному на каждую лошадь окладу сполна». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 73).

Вышепоименованныя лошади были доставлены для птичей охоты съ Дона. (Тамъ же, стр. 74).

12 іюля 1784 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала, между прочимъ, статейничему Рыкунову: «На взятыхъ съ полеваго корму для выѣздовъ со птичьею охотою на поля двадцати семи лошадей, кои будутъ находиться въ селѣ Царскомъ, производить сего іюля съ 6 числа противъ протчихъ по окладамъ фуражъ до тѣхъ поръ, пока оныя при той охотѣ пробудутъ». (Тамъ же, стр. 80).

Указомъ 28 числа того же мѣсяца та же Контора предписывала статейничему Дмитрію Рыкунову пріискать вольнаго коновала, который взялся бы вылѣчить 15 лошадей птичей охоты, заболѣвшихъ въ то время паршею, при условіи, чтобы всѣ эти лошади непремѣнно выздоровѣли до наступленія лѣта, то-есть до времени выпуска лошадей на полевой подножный кормъ, ибо въ противномъ случаѣ та же болѣзнь могла бы привиться и ко вновь купленнымъ для охоты лошадямъ. Слѣдуетъ замѣтить, что помянутыя больныя лошади были присланы въ Москву изъ С.-Петербурга.

Пріисканный коновалъ призналъ прежде всего необходимымъ помѣстить больныхъ лошадей на вольномъ воздухѣ, для чего и велѣно было сдѣлать особую загородку изъ жердей. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 185 и 189).

Къ 12 мая того же года относится указъ Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову: «Для справы птичьей охоты, когда выѣзды на поля начнутся и состоять будетъ надобность, то тогда отъ псовой охоты Комисару Федору Панову и пикеру Павлу Извольскому шесть лошадей отдать ко птичьей охотѣ въ пріемъ вашъ, на которыхъ и положенный овесъ, со отдачи ихъ, производить отъ псовой охоты, записывая въ расходъ, въ пріемъ вашъ съ расписками. Когда жъ для справы птицъ конторскія двѣ лошади вами требованы будутъ, то оныхъ, на одно назначенное для той справы время, отдать и со отдачи овесъ да и повелѣнный Канцеляріею къ тому въ добавокъ къ окладному числу по одному гарнцу въ сутки, если потребенъ будетъ, по разсмотрѣнію вашему, производить съ протчими, записывая Комисару въ расходъ, въ пріемъ вашъ, съ расписками». (Тамъ же, стр. 271).

Къ октябрю того же года относится извѣстіе, что по возвращеніи изъ С.-Петербурга въ Москву птичьей и псовой охотъ негодныя «къ полевой ѣздѣ» лошади отбирались и продавались. (Тамъ же, стр. 370).

5 марта 1786 года Оберъ-Егермейстеръ князь Голицынъ предписывалъ статейничему Дмитрію Рыкунову: «Велѣно отправить васъ въ крѣпость Святаго Дмитрія для покупки къ охотамъ Ея Императорскаго Величества верховыхъ сорока лошадей, шерстми двадцать соловыхъ и двадцать же сѣрыхъ, ежели же возможно будетъ набрать, то купить всѣхъ соловыхъ, когда жъ не отыщите ихъ, то купить всѣхъ сѣрыхъ, цѣною отъ двадцати и въ двадцать пять рублей, а не дороже, и деньги взять въ Воронежской казенной палатѣ; для провода просить помощи генералъ-губернаторовъ и другихъ особъ людьми». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 95).

[351]) Въ февралѣ 1773 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ докладывалъ Императрицѣ Екатеринѣ II, что въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ служительскіе покои птичьей охоты, починкою которыхъ до того времени вѣдала Дворцовая Контора, находится въ весьма печальномъ состояніи, ибо «все строеніе доведено до такой крайней ветхости, какъ въ присланной изъ Главной Дворцовой Канцеляріи сего 773 года въ генварѣ мѣсяцѣ промеморіи показано, что на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ однѣ ветхости, и по смѣтамъ оказалось», что на починку этихъ зданій, а также на починку зданій при Измайловскомъ звѣринцѣ, требуется 21.742 рубля 14 коп.

[352]) Зданія эти возобновлялись постепенно, на каковую надобность имѣлось по штату 1773 года ежегодное спеціальное ассигнованіе въ размѣрѣ 2000 рублей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что на эти 2000 рублей должны были возобновляться помѣщенія всѣхъ Московскихъ охотъ, кромѣ Измайловскаго звѣринца. (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

Въ указѣ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову, отъ 10 ноября 1788 года, между прочимъ, читаемъ: «Къ исправленію на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, по поданной отъ васъ въ Контору, при репортѣ, описи, въ жиломъ и нежиломъ деревянномъ строеніи разныхъ починокъ, чрезъ посланныхъ команды вашей служителей, желающимъ людямъ повѣстили, чтобъ они къ торгамъ въ сію Контору явились немедленно». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 132).

30 января 1789 года Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала Рыкунову: «Имѣющіяся на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ ветхости, по представленію вашему, починкою исправить, по взятому въ Конторѣ письменному обязательству, экономическому крестьянину Потапу Бухонину, то-есть свѣтлицу, гдѣ содержутся птицы, всю изнутри паклею выконопатить и полъ въ оной починить; въ новой конюшнѣ двери створчатыя, у которыхъ одно полотно, по ветхости, сдѣлать изъ новыхъ досокъ и навѣсить на старыхъ петляхъ и крючьяхъ, и въ двадцати трехъ стойлахъ нѣкоторыя доски переколоны, то оныя, съ прибавкою новыхъ досокъ, передѣлать; рѣшетки, въ которыя задается сѣно, бруски переломались, вмѣсто оныхъ слѣдуетъ съ прибавкою новыхъ вставить; такожъ стойлы и полы во многихъ мѣстахъ, по гнилости, сдѣлать изъ собственныхъ своихъ матеріаловъ, подъ смотрѣніемъ вашимъ, и какъ оныя ветхости по надлежащему имъ исправлены будутъ, тогда подать вамъ въ Контору репортъ, по коему и договоренныя за то исправленіе деньги выданы быть имѣютъ отъ расходу Конторы въ пріемъ его, Бухонина, съ роспискою». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 136).

[353]) Въ январѣ 1727 года завѣдывавшій въ то время Семеновскимъ потѣшнымъ дворомъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка сержантъ Романъ Мельгуновъ доносилъ князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому: «Приказомъ Вашего Сіятельства повелѣно помытчику помыкать воронокъ для справки птицъ челиговъ кречетьихъ, а на потѣшномъ дворѣ анбары, въ которыхъ прежде сего воронки сидѣли, и у тѣхъ воронниковъ трои двери худы, — надобно вновь сдѣлать; также уловныхъ воронокъ, какъ будутъ въ уловѣ, чѣмъ кормить; и чтобъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было оное поставить и уловнымъ воронкамъ, которыя будутъ въ уловѣ, чѣмъ кормить, — опредѣлить указомъ». По справкѣ въ Преображенскомъ Приказѣ усмотрѣно, что въ 1726 году, по указу Ея Величества, въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ «всякое деревянное хоромное строеніе строено и починивано изъ доходовъ Преображенскаго Приказа. А какъ въ прошедшихъ годѣхъ бывали на томъ потѣшномъ дворѣ воронки и сидѣли въ воронникахъ, и тѣхъ воронокъ, по посланнымъ указамъ изъ Преображенскаго Приказу, изъ сырейнаго ряду сырейщики и живодеры изъ разныхъ слободъ кормили и на тотъ кормъ возили на потѣшный дворъ мясища. А въ прошлыхъ же годѣхъ, по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества, каковъ состоялся въ Московскомъ магистратѣ, онымъ живодерамъ, по присланнымъ указамъ изъ Преображенскаго Приказу, безъ указу Московскаго Магистрата, дѣлать не повелѣно, и потому указу тѣ мясищи и отрѣшены. А по осмотру на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ Преображенскаго Приказу цѣловальника Андрея Петрова у вороньихъ амбаровъ трои двери на пестахъ (на петляхъ?) всѣ изломаны и въ починку быть годны, да еще жъ двери сдѣлать вновь четвертыя». Резолюція неизвѣстна. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 154).

Въ указѣ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы, отъ 24 іюля 1780 года, между прочимъ, находимъ: «Состоящій на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, за голубятнею, бревенчатый сарай, въ которомъ находились разные казенные припасы и матеріалы, самою доброю и прочною работою исправить». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 43).

[354]) Въ декабрѣ 1757 года статейничій Александръ Ларіоновъ доносилъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что «при птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ въ Семеновскомъ Потѣшномъ Дворѣ содержатся въ теплыхъ свѣтлицахъ кречеты, челиги, соколы и другія птицы и на отопленіе тѣхъ казенныхъ покоевъ въ нынѣшній 1757 годъ по данному отъ него въ Оберъ-Егермейстерскую Контору доношенію требовано дровъ березовыхъ, которыхъ и по нынѣ не отпущено; а нынѣ топить тѣхъ казенныхъ свѣтлицъ нечѣмъ. Такожъ для птицъ приготовляется въ теплomъ покоѣ кормъ и кормятся птицы говядиною и голубями на рукахъ; а нынѣ оныхъ птицъ отъ нетопленія оныхъ покоевъ кормить на рукахъ невозможно, да и кормъ мерзнетъ, и нынѣ оныя птицы пришли въ великое несостояніе, и отъ нетопленія свѣтлицъ сего числа свалились двѣ птицы». Оберъ-Егермейстерская Контора, разсмотрѣвъ это дѣло и принимая во вниманіе, съ одной стороны, что Оберъ-Егермейстерская Канцелярія запретила трогать, безъ ея указа, имѣющійся въ Измайловскомъ звѣринцѣ «буреломный и валежный лѣсъ, кои въ дрова перерубленъ и въ стопы поставленъ», а съ другой стороны, что «во ономъ Семеновскомъ Потѣшномъ Дворѣ, гдѣ имѣются рѣченные кречета, челиги, соколы и другія птицы, безъ отопленія пробыть никакъ не можно, а паче предопасно, чтобы за нетопленіемъ тѣхъ покоевъ птицы не могли жъ прійти въ наивящее несостояніе и упадокъ» — опредѣлила: «Измайловскаго звѣринца къ комисару Михайлѣ Юрьеву послать указъ, по которому велѣть, чтобъ онъ, за

совершеннымъ въ томъ Семеновскомъ Потѣшномъ Дворѣ въ тѣхъ дровахъ недостаткахъ, изъ оставшихъ отъ раздачи служителямъ негодныхъ дровъ, изъ коихъ по указу Оберъ-Егермейстерской Канцелярiи велѣно отпускать для варенiя навары, отпустилъ и отдалъ въ пріемъ комисару Саватею Ларіонову только двѣ сажени, записавъ въ расходъ съ распискою, которыя ему, принявъ, записать въ приходъ и въ расходъ употреблять подлежаще, безъ излишества». О сдѣланномъ распоряженiи Контора постановила донести Оберъ-Егермейстерской Канцелярiи. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. № 26).

[355]) Къ 14 марта 1780 года относится указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы о починкѣ голландской печки «въ свѣтлицѣ, гдѣ птичьей охоты служители птицъ держутъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 38).

Къ февралю 1788 года относится извѣстiе, что на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ птичьи свѣтлицы отапливались дровами «изъ состоящихъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ нарубленныхъ фруктовыхъ деревъ». (Тамъ же, стр. 109).

[356]) 31 іюля 1785 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярiя предписывала своей Московской Конторѣ передать Московской Управѣ Благочинiя для отдачи Главнокомандующему въ Москвѣ Брюсу подъ выстройку «состоящую въ Москвѣ, внутри камеръ-коллегскаго валу, близъ Сокольничей слободы, впустѣ лежащую землю, подъ пашнею и подъ сѣнокосомъ не бывалую, въ коей по вѣдомству Оберъ-Егермейстерскаго корпусу никакой нужды не состоитъ, длиннику сто двѣ, поперешнику по обоимъ концамъ по тридцать по семи саженъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 92).

Шутъ И. Балакиревъ, съ русск. литографiи начала XIX ст.

[357]) 14 іюля 1791 г. Московская Оберъ-Егермейстерская Контора дала комисару птичьей охоты слѣдующiй указъ: «Поданнымъ въ Контору, сего іюля 7 числа, сокольникъ Филипъ Заправдинъ доношенiемъ прописывалъ, имѣетъ де онъ въ Сокольничей слободѣ съ прочими сокольниками собственный дворъ, а сего года въ маiѣ мѣсяцѣ кречетникъ Семенъ Шахмотовъ, имѣлъ ли отъ кого позволенiе или нѣтъ, ему неизвѣстно, началъ вновь перестраивать свой дворъ, а также и другую усадьбу, пустую, по сосѣдству его застроилъ, не оставляя между дворомъ разрыву, для опасенiя, отъ чего Боже сохрани, пожарнаго случая, хотя ему и отъ господина статейничаго Дмитрiя Рыкунова объ ономъ приказано было, о чемъ и просить приказать освидѣтельствовать и его удовольствовать. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сiя Приказали: съ прописанiемъ вышеписаннаго къ вамъ послать сей указъ, коимъ и велѣть вышеозначенную, учиненную кречетникомъ Семеномъ Шахмотовымъ имѣющагося подлѣ двора его другаго порожняго двора усадьбы застройку освидѣтельствовать и что окажется, о томъ, такожъ по чьему дозволенiю и какихъ ради обстоятельствъ онъ, Шахмотовъ, ту застройку сдѣлалъ, подать въ Контору обстоятельный рапортъ, и далѣе ему, Шахмотову, строенiе свое распространять и тѣмъ сокольнику Заправдину утѣсненiе чинить наикрѣпчайше запретить».

Вскорѣ послѣ этого указа кречетникъ Шахмотовъ донесъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что въ свое время ему было дано земли меньше, чѣмъ другимъ его сослуживцамъ, что новую постройку онъ произвелъ, взамѣнъ старой, мѣсто изъ-подъ которой осталось свободнымъ, что у новой постройки оставленъ переулокъ, и что все это сдѣлано имъ съ разрѣшенiя статейничаго птичьей охоты Рыкунова.

По разсмотрѣнiи этого донесенiя Контора приказала: «Разсмотрѣть на мѣстѣ по справедливости и обмѣря землю подъ строенiемъ и дворомъ кречетника Шахмотова и его сосѣдей, и если слѣдуетъ оному Шахмотову, то противъ прочихъ сдѣлать ему, отводомъ земли слѣдующаго числа, удовольствiе, дабы никто излишествомъ земли пользоваться, а другой отъ недостатка обиженнымъ быть не могли, и что учинено будетъ, Контору со обстоятельствомъ рапортовать». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 206 и 264).

Къ тому же 1791 году относится любопытное нижеприводимое свидѣтельство о произведенныхъ въ то время работахъ по Семеновскому потѣшному двору, дающее возможность составить себѣ нѣкоторое представленiе о томъ, изъ какихъ построекъ состояло тогда это учрежденiе.

«На Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, у господъ присутствующихъ сей (Оберъ-Егермейстерской) Конторы конюшню, мѣрою: длиною девяти саженъ двухъ аршинъ, шириною двухъ саженъ двухъ аршинъ, все разобрать, а снизу подвести подъ все два вѣнца изъ новыхъ бревенъ; въ стѣны, вмѣсто гнилыхъ бревенъ, положить новыя и внутри оной полъ бревенчатый, стойла, рѣшетки и ящики, по ветхости, все изъ новаго матеріала сдѣлать, а потомъ наслать старый, съ прибавкою новаго матеріала, верхъ досками; попрежнему перегородить; крышку покрыть противъ состоящей подлѣ оной овсяной магазейны, подъ одну крышку въ два теса новымъ, съ прокладываніемъ новой же драни. У Присутствующаго господина Ершова кухню, длиною девяти съ половиною аршинъ, шириною тожъ, всю вновь, со всѣми къ житью потребными принадлежностями, построить, и печь съ очагомъ, если оные отъ разборки избы повреждены и надобны будутъ, перекласть вновь съ прибавкою матеріалу. Въ связи, гдѣ протоколистъ Прохоръ Бахбородинъ жительство имѣетъ, въ первомъ покоѣ, длиною двѣнадцати аршинъ, шириною тожъ, полъ, съ прибавкою новыхъ досокъ, перебрать, да въ ономъ же покоѣ подъ перегородку снизу положить переводъ, за гнилостью стараго, новый; во второмъ, черезъ сѣни, длиною двѣнадцати аршинъ, шириною тожъ, полъ, да въ сѣняхъ и чуланахъ весь полъ же перебрать, съ прибавкою досокъ и бревенъ на переводы и съ одной стороны въ томъ же покоѣ потолокъ, гдѣ была труба, починить; въ четырехъ окнахъ переплеты, за гнилостью, съ прибавкою стеколъ, сдѣлать; нужникъ перебрать и отъ печи всю крышку перекрыть, съ прибавкою лубу и драни, и передъ оною связью маленькіе рундучки, съ прибавкою, починить. Противъ оной связи состоящій сарай, что была кузница, длиною осьми аршинъ, шириною тожъ, снизу подрубить, дверь сдѣлать и полъ наслать, крышку, съ прибавкою драни и лубу, перекрыть. У заднихъ къ рощѣ воротъ, полотна всѣ и пяльцы вновь; сдѣлать запоръ со скобами. Первый покой, гдѣ канцеляристъ Мухинъ живетъ, длиною двѣнадцати аршинъ, шириною тожъ, перебрать, съ прибавкою въ покоѣ двадцати, а въ сѣняхъ десяти бревенъ; потолокъ сдѣлать, съ прибавкою матеріалу; полъ весь вновь; матицу одну новую; въ окнахъ и дверяхъ косяки и одну дверь и окончины сдѣлать вновь; въ сѣняхъ полъ вновь; подволоку да въ сѣняхъ старый чуланъ перебрать, а другой и нужникъ выпускной сдѣлать; крышку покрыть по лубу дранью вновь. Второй покой, въ коемъ жительство имѣетъ канцеляристъ Сомовъ и для помѣщенія опредѣленныхъ для караулу двухъ охотниковъ, длиною двѣнадцати аршинъ, шириною тожъ, къ окнамъ ставней четыре и въ покоѣ дверь и одну оконницу сдѣлать вновь, да у двухъ ставней петли и крючья сдѣлать новые; матицы погнулись, подъ оныя подставить подставки съ перегородками досчатыми; полъ, съ прибавкою новыхъ досокъ, перебрать и оный покой выконопатить и въ сѣняхъ сдѣлать другой чуланъ, печь, если оная по разборкѣ полу повредится, и нужно будетъ, то перекласть, съ прибавкою матеріалу. Солдатскую связь, состоящую въ двухъ покояхъ, мѣрою: длиною одиннадцати саженъ одного аршина, шириною двѣнадцати аршинъ, изъ всего новаго матеріалу сдѣлать, кромѣ сѣней, а сѣни и чуланы старые перебрать; на оной крышу покрыть по лубу дранью или по лубу жъ въ одну тесницу въ желобья. На конюховскомъ покоѣ крышку покрыть, съ прибавкою лубу и драни. У господина присутствующаго Рыкунова крылешной рундукъ изъ новаго матеріалу сдѣлать вновь. Въ Сокольничьей слободѣ, у бывшаго Главностатейничаго господина Ларіонова, людскую избу, мѣрою: длиною осьми аршинъ, шириною семи аршинъ, сдѣлать вновь и въ оной печь, если по разборкѣ старой избы повреждена и нужно будетъ, перекласть, съ прибавкою матеріалу. Съ улицы рѣшетчатый заборъ, съ прибавкою новыхъ столбовъ, брусьевъ и рѣшетникъ сдѣлать». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 220 и 221).

[358]) Къ 1728 году относится нижеслѣдующій, весьма интересный документъ, могущій служить наглядным указаніемъ тогдашней обстановки жилья сокольниковъ въ Сокольничьей слободѣ въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ:

«1728 года, Маія въ 14-й день, по указу Его Императорскаго Величества и по инструкціи, велѣно мнѣ, Преображенскаго Приказа копіисту Михаилу Гридякину, взявъ изъ Преображенскаго Приказу солдатъ, что надлежитъ, и съ тѣми солдаты идти въ Семеновскую Сокольничью слободу и въ той слободѣ, при понятыхъ Семеновскаго потѣшнаго двора, умершаго звѣровщика Ильи Петрова сына Джулфинскаго дворовое его хоромное строеніе, которое у него имѣется въ той слободѣ, описать все имянно и что подъ тѣмъ дворомъ земли длиннику и поперечнику измѣрять; также той слободы жителей допросить по заповѣди святой Евангеліи, послѣ смерти вышеозначеннаго звѣровщика Ильи Джулфинскаго дѣти или кто ближнихъ его роду остались-ли и кто именно, и нынѣ въ какихъ чинахъ служатъ, и тѣмъ дворовымъ мѣстомъ не владѣетъ-ли кто, и, буде владѣетъ, тѣхъ владѣльцевъ допросить, почему они владѣютъ, и тѣ ихъ допросныя рѣчи, и тому дворовому хоромному строенію и землѣ опись подать въ Преображенскій Приказъ немедленно . . . . . А по осмотру на томъ дворѣ хоромнаго строенія, вшедъ на дворъ по правой сторонѣ у воротъ горница на жиломъ подклѣтѣ ветхая; въ той горницѣ печь израсчатая ветхая; въ подклѣтѣ печь израсчатая зеленая ветхая жъ; передъ тою горницею и подклѣтомъ сѣни; на сѣняхъ чердакъ ветхій. Вшедъ на дворъ по лѣвой сторонѣ, напогребища ветхая;

погреба нѣтъ; ворота большія створчатыя съ калиткою, крашенныя; мѣрою подъ тѣмъ дворомъ земли поперегъ, по воротамъ, семь сажень, въ заднемъ концѣ поперегъ семь сажень съ полусаженью, въ заднемъ концѣ и посреди огорода тожь число, длиннику въ огородѣ 33 сажени. Въ огородѣ бесѣдка крашенная; въ ней лавки вкругъ обшиты тесомъ; въ томъ огородѣ саду яблоней старыхъ 45, вишень 8». Спрошенные сокольники, «по Евангельской заповѣди Господней, еже ей ей вправду и подъ страхомъ смертныя казни» показали, что Джулфинскій умеръ 15 лѣтъ тому назадъ, что послѣ него ни жены, ни дѣтей не осталось, и что дворомъ его никто не владѣетъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 177).

[359]) Къ іюню мѣсяцу 1775 года относится приказаніе, дабы въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ содержались ночные караулы и чтобы въ то же время всѣ ворота этого двора были заперты изнутри. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 25).

6 іюня 1793 года Оберъ - Егермейстерская Контора предписывала Рыкунову: «Поданнымъ въ Контору вы рапортомъ прописывали: по присланному де къ вамъ изъ сей Конторы, съ приложеніемъ реестра, запросу, всѣмъ птичей охоты чинамъ и служителямъ по тому реестру отъ васъ неоднократно объявлено было, чтобы они, за небытіе въ 789 году у исповѣди, штрафныя деньги къ вамъ представили, которыхъ и по нынѣ еще никѣмъ не представлено, съ которыхъ и благоволено бъ было учинить тотъ вычетъ изъ получаемаго ими жалованья. И по указу Ея Императорскаго Величества, по учиненной въ той Конторѣ резолюціи, приказали: къ вамъ послать указъ, которымъ и предписать, что Контора не мало удивляется ослушанію подкомандующихъ вашихъ, такъ какъ отъ васъ въ поданномъ рапортѣ прописано, чтобъ вычеть за небытіе у исповѣди съ тѣхъ команды вашей чиновъ и служителей деньгамъ учинить Конторѣ изъ получаемаго ими жалованья; но то жалованье еще ими не заслужено, слѣдовательно и вычету учинить не изъ чего, а вы, имѣвъ у себя о томъ взысканіи повелѣніе, не малое время могли бъ служителей принудить къ исполненію. Почему, по полученію сего, тотчасъ вамъ исполненіе сдѣлать и тѣ деньги съ каждаго, съ кого слѣдуетъ, взыскавъ по реестру, или вычесть изъ мундирныхъ, принадлежащихъ въ выдачу тѣмъ служителямъ денегъ, представить въ Контору при рапортѣ немедленно». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 351).

Шутъ Лакостъ Анны Іоанновны, съ гр. Боэтіусъ.

Инструкція была направлена начальству птичьей охоты 8 октября 1774 года и гласила:

«По малоимѣнію положенныхъ здѣсь (въ Москвѣ) при Конторѣ военнослужащихъ, содержать оными одинъ только караулъ при построенной на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ каменной кладовой полаткѣ, а при Канцеляріи оной караулъ по ночамъ содержать состоящими при птичей охотѣ нижними служительми, якото конюхами, коблучешниками и колоколешникомъ, коихъ нынѣ имѣется: конюховъ четыре, коблучешниковъ два да колоколешникъ одинъ, да къ нимъ же присовокупляется опредѣленный отъ псовой охоты, для хожденія за больными лошадьми, конюхъ или охотникъ, и того оныхъ восемь человѣкъ, коимъ во оной Канцеляріи и быть каждую ночь по два человѣка, которые, смѣняючи одинъ другаго, могутъ стоять на часахъ, а прочихъ употреблять въ караулъ же на потѣшномъ дворѣ, для наблюденія магазиновъ и всего онаго двора въ порядкѣ, по одному со смѣною. А во дни, какъ онымъ служителямъ надобность зависитъ быть каждому при своей должности, то въ Канцеляріи могутъ быть одни солдаты на часахъ, тожъ со смѣною и для разсылокъ . . . . . И для того симъ подтверждается, чтобы тотъ караулъ, а особливо по ночамъ, былъ во всякомъ порядкѣ и твердости, часы били бы всѣ трое, не пропуская ни одного, и при томъ, чтобъ оные при потѣшномъ дворѣ на караульные часы свои стояли въ наилучшемъ порядкѣ и твердости, для того велѣть съ тѣхъ поръ, какъ полевая охота птичья кончится и по тѣ поры, какъ птицъ вына-

шивать птичей охоты служителямъ, состоящимъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ по очереди надсматривать за ними и обходить незапнымъ случаемъ дозоромъ, бравъ съ собою прочихъ остающихся не въ караулѣ нижнихъ служителей и подавать онымъ, дозорнымъ, каждаго утра въ Канцелярію репорты, что на ономъ потѣшномъ дворѣ какъ караульные стояли исправно, такъ и никакихъ худыхъ слѣдствій не примѣчено». (Тамъ же, стр. 31).

22 октября того же года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія уважила просьбы крестьянина Алексѣева построить на пустопорожнемъ мѣстѣ Сокольничьей слободы, на казенной землѣ, «харчевную лавочку», обязавъ его платить арендныя деньги, въ размѣрѣ 25 копѣекъ въ годъ за одну квадратную сажень, ибо «Сокольничья слобода отъ рынковъ состоитъ въ далекомъ разстояніи, почему и имѣютъ птичьей охоты служители, по неимуществу своему, для покупки харчу великія нужды». (Тамъ же, стр. 293).

360) Изъ документовъ того же года, между прочимъ, усматривается, что въ то время нерѣдко бывали случаи продажи чинами Придворной птичьей охоты ихъ домовъ въ Сокольничьей слободѣ частнымъ лицамъ. По поводу одного подобнаго случая Оберъ-Егермейстерская Контора затребовала отъ статейничаго Рыкунова объясненій и донесенія, съ чьего позволенія частное лицо пріобрѣло домъ сокольника, указывая, между прочимъ, на то обстоятельство, что, при отсутствіи такого разрѣшенія, это частное лицо «не только покупщикомъ дома, но и жильцомъ почитать не можно». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 347).

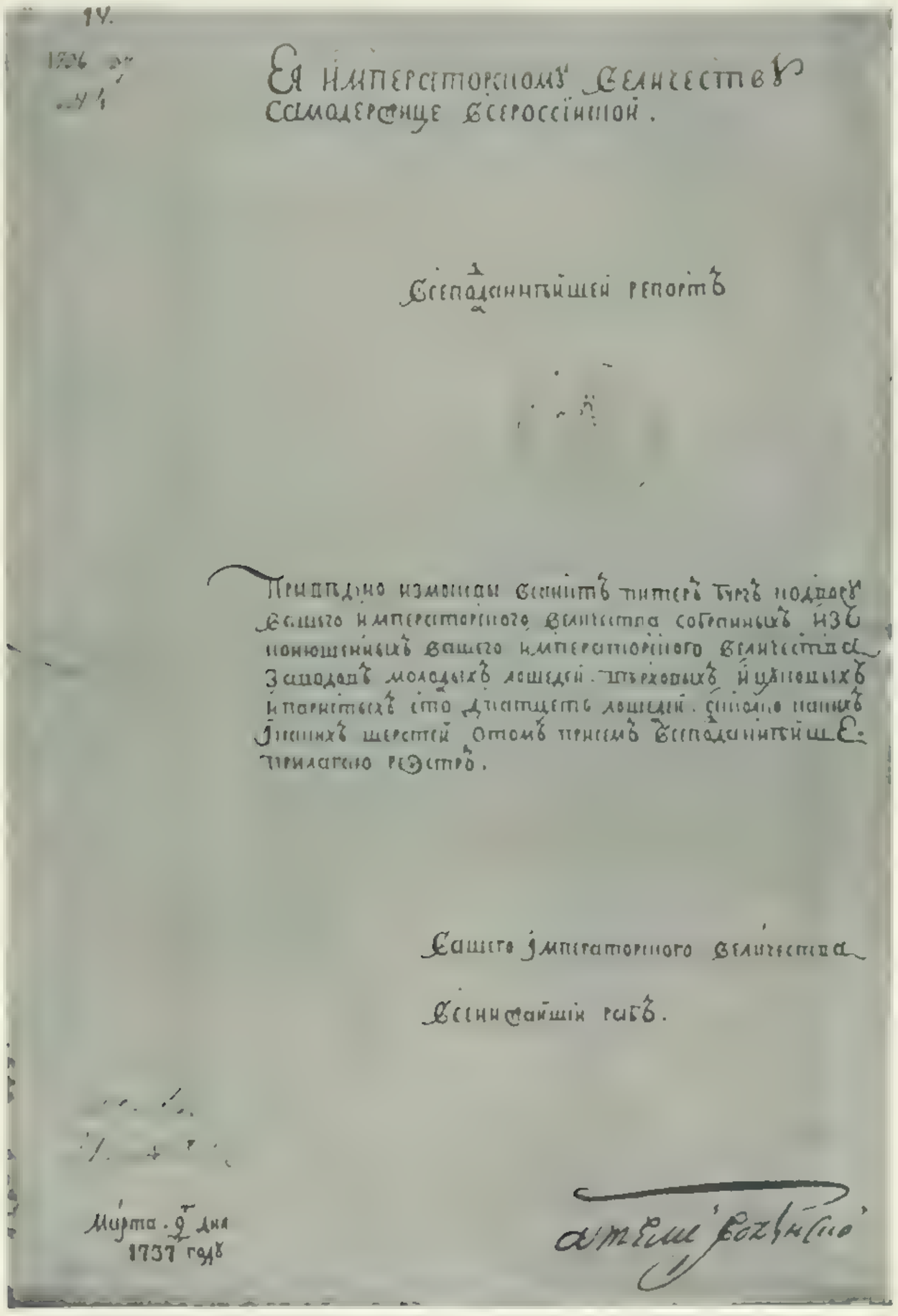
361) Въ ордерѣ 14 декабря 1781 года Главностатейничаго Ивана Рыкунова, данномъ статейщику Дмитрію Рыкунову, встрѣчаемъ любопытныя свѣдѣнія о порядкахъ внутренней жизни личнаго персонала птичьей охоты: «По учиненному въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, минувшаго ноября 30, опредѣленію и по данному мнѣ отъ оной Конторы сего декабря 3 числа указу, между протчимъ велѣно, о состояніи птичей охоты служителяхъ подавать мнѣ за своею рукою еженедѣльные репорты; но какъ вы съ тѣми служительми имѣете жительство въ одной слободѣ, гдѣ можете ихъ все поведеніе знать и видѣть ежедневно, то, въ такомъ разсужденіи, имѣть вамъ за ними наикрѣпчайшій присмотръ, чтобъ тѣ служители всегда находились при своихъ квартирахъ, а особливо въ ночное время, и безъ спроса вашего и господъ статейничьихъ никто никогда не отлучались; а особливо жъ вамъ накрѣпко того смотрѣть, чтобъ отъ нихъ въ кабакахъ пьянствъ, дракъ и непристойныхъ поступковъ отнюдь чинено не было, словомъ сказать, чтобъ всѣ дурные и непристойные поступки, отъ нихъ происходящіе, истребить и ни подъ какимъ видомъ не допускать. Буде же (въ подлинникѣ — «будеше») кто въ таковыхъ непорядкахъ, а паче въ кабакахъ пьянствахъ и дракахъ, тожь и въ карточной въ зернь (?) игрѣ окажется и вами усмотрѣнъ, или кого вамъ сказано будетъ, то тотчасъ таковаго брать подъ караулъ, окромѣ офицеровъ, а если и офицеры въ таковыхъ же въ непристойныхъ поступкахъ найдутся, то и о таковыхъ и въ тотъ же часъ меня репортовать, почему и отъ меня главной командѣ, для поступленія съ таковыми по всей строгости законовъ, репортовано жъ быть имѣетъ того жъ числа. О состояніи жъ всей команды, всѣ ль оные при квартирахъ своихъ находились благополучно, о томъ вамъ подавать ко мнѣ еженедѣльные репорты и во оныхъ дѣйствительно прописывать и тѣхъ если, кто, за симъ подтвержденіемъ, находился въ какихъ либо непристойныхъ поступкахъ; по подачѣ жъ и я не примину, въ силу Его Сіятельства отъ арміи генералъ-поручика, Ея Императорскаго Величества Егермейстера, Сенатора, дѣйствительнаго Камергера, Лейбъ Гвардіи маіора и Кавалера, князь Петра Алексѣевича Голицына повелѣнія, и даннаго мнѣ отъ Оберъ-Егермейстерской Конторы указа, репортовать же имѣю. А къ тому пришлыхъ безпашпортныхъ и не имѣющихъ у себя никакихъ видовъ отнюдь не держать, подъ опасеніемъ за оное неупустительнаго по законамъ штрафа, и чтобъ невѣдѣніемъ никто отговариваться не могъ, то сей ордеръ при собраніи всей команды и объявить имъ съ подписками, и взятыя съ нихъ подписки представить ко мнѣ при репортѣ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658 — стр. 499).

Дополненіе къ этому документу можетъ служить и слѣдующій, относящійся къ 3 марту 1782 года: «Благородный Господинъ статейщикъ Рыкуновъ. Какъ не оезъизвѣстно мнѣ, что въ Сокольничей слободѣ птичей охоты у нѣкоторыхъ служителей имѣются работницы и разнаго званія въ жильцахъ люди, на что и пашпорты имѣютъ и въ указанныхъ мѣстахъ записаны, а у нѣкоторыхъ хотя и есть, токмо не записаны были, того ради вашему благородію черезъ сіе рекомендую, чтобъ пришлыхъ и неимѣющихъ у себя никакихъ письменныхъ видовъ, отнюдь никому не держать, а если кто пожелаетъ въ работницы или въ жильцы къ себѣ пустить, то бъ принимали къ себѣ съ надлежащими пашпортами и въ надлежащихъ мѣстахъ съ запискою, о чемъ вамъ въ еженедѣльныхъ, подаваемыхъ птичьей охоты о служителяхъ рапортахъ прописывать, а именно, что пришлыхъ и безпашпортныхъ людей въ Сокольничьей слободѣ у служителей никого не имѣется. Главностатейничій Иванъ Рыкуновъ». (Тамъ же, стр. 490).

29 сентября 1783 года Главностатейничій Рыкуновъ предписывалъ своему однофамильцу статейщику: «Рекомендую вашему благородію всѣмъ живущимъ въ сокольническоѣ слободѣ птичьей охоты чинамъ и служителямъ извольте наистрожайше подтвердить, чтобъ оные ни подъ какимъ

видомъ не имѣли у себя каждый по два двора, а всякій имѣли бы по одному, въ которыхъ и жили бъ сами, а жильцовъ постороннихъ отнюдь не держали, для чего вамъ надъ ними и наблюдать». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 489).

16 августа 1794 года Оберъ-Егермейстерская Контора дала статейничему Дмитрію Рыкунову указъ: «По указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія, по поданному отъ васъ рапорту приказали: вамъ, смотрителю надъ птичьею охотою, о выпускаемыхъ въ Сокольничью слободу жильцахъ виды представлять въ Контору и за тѣми жильцами, дабы между ими безпорядковъ



Рапортъ А. П. Волынскаго Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 г. (Государств. Архивъ).

не происходилъ, неослабное смотрѣніе имѣть, по силѣ насланныхъ къ вамъ о томъ изъ Конторы указовъ, непремѣнно. А какъ въ представленномъ отъ васъ въ Контору, при рапортѣ, описаніи открылось, что въ Сокольничьей слободѣ живутъ посторонніе люди, конюшеннаго вѣдомства отставные служители, собственными домами, безъ дозволенія отъ Конторы, такожъ и о жильцѣ въ собственномъ вашемъ домѣ по нынѣ въ Контору объявленія было не подано, то, въ пресѣченіе таковыхъ-же впредь неисполненій, кромѣ васъ, какъ о впускаемыхъ въ Сокольничью слободу чинами и служителями въ домы ихъ жильцахъ, чтобъ оные впускаемы каждымъ были съ указными видами, явленными въ надлежащихъ мѣстахъ, а пришлыхъ и безпашпортныхъ отнюдь ни у кого бъ

въ жительствѣ ни одного человѣка не было, такъ и у всѣхъ-ли нынѣшнихъ жильцовъ виды явлены въ Конторѣ, въ томъ во всемъ надлежащее свидѣтельство, наблюденіе и смотрѣніе за всею слободою съ Конторской стороны имѣть караульному капралу Игнатью Шишкину, который и долженъ обо всемъ въ слободѣ случившимся Контору рапортовать, о чемъ ему дать (и дано) отъ Конторы надлежащее письменное, за подписаніемъ, наставленіе, а рапортамъ онаго капрала не приминутъ присутствующіе (въ Конторѣ) сами дѣлать во всемъ повѣрку, а вышеупоминаемыхъ же живущихъ до сего времени, подъ укрывательствомъ частныхъ командировъ, стороннихъ въ Сокольничьей слободѣ двухъ человѣкъ на казенной землѣ своими домами, безъ платежа поземельныхъ въ казну денегъ, въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію представить»..... (Тамъ же, стр. 418).

29 ноября того же 1783 года Главностатейничій Яковъ Ларіоновъ предписывалъ статейничему Дмитрію Рыкунову: «По силѣ даннаго изъ Оберъ-Егермейстерской Конторы, прошлаго 1781 года апрѣля отъ 16 числа, указа, велѣно всѣмъ птичьей охоты служителямъ наистрожайшее подтвержденіе и запрещеніе, со взятьемъ съ нихъ подписокъ, учинить (которое имъ и учинено), дабы ими въ заповѣдныхъ казенныхъ рощахъ, островахъ и просѣкахъ не только ни малѣйшей порубки чинимо, но ниже и какаго либо валежнику изъ нихъ брано отнюдь не было, подъ неупустительствомъ съ преступниками того, по силѣ указовъ, истязанія. А нынѣ усмотрѣно мною, что тѣ служители, не взирая на то наистрожайшее подтвержденіе и на данныя свои подписки, изъ вышеписанныхъ рощей и просѣковъ весьма много разнаго лѣса и сучковъ вывозятъ. Того ради вашему благородію симъ рекомендую, во первыхъ объявить какъ птичьей охоты разныхъ чиновъ служителямъ, такъ и всѣмъ постороннимъ, живущимъ въ Сокольничей слободѣ, съ наистрожайшимъ объ ономъ подтвержденіемъ, а потомъ за оными всѣми и имѣть вамъ надлежащее неослабное смотрѣніе, чтобъ никто никакого лѣсу и сучковъ изъ вышеписанныхъ рощей брать не отважился. Ежели жъ они и за симъ подтвержденіемъ упрямствомъ своимъ чинить будутъ, то таковыхъ брать вамъ подъ караулъ и представлять ко мнѣ при рапортѣ, почему и отъ меня того жъ часу представлены быть имѣютъ главной командѣ (подъ «главной командой» подразумѣвается обыкновенно мѣстная, то-есть Московская Оберъ-Егермейстерская Контора). Въ случаѣ жъ слабаго отъ васъ смотрѣнія надъ оными служителями и въ томъ отъ кого либо на нихъ, кромѣ васъ, доказано будетъ, то никто иной какъ вы за сіе имѣете отвѣтствовать». (Тамъ же, стр. 495).

Въ указѣ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову, отъ 19 марта 1791 года, между прочимъ, читаемъ: «Сего марта 19 числа, въ рапортѣ отъ 20-й (городской) части написано: по силѣ де насланнаго изъ Московской управы благочинія указа въ ту часть о учиненіи слѣдствія о порубкѣ ноября 9 сокольнической егермейстерской команды, неизвѣстно какаго чина, Николаемъ Дмитріевымъ, капраломъ Игнатьемъ Григорьевымъ въ числѣ четырехъ человѣкъ, въ Лосиномъ Погонномъ островѣ двухъ сосновыхъ деревъ, длиною не менѣе 30 аршинъ, и о увезеніи въ Москву, и потомъ остальное дерево, наложа на подводу, также увезли, и себя подъ стражу взять не дали, бивъ ружьями солдатъ и сторожей, а наконецъ и еще въ Преображенскихъ и Семеновскихъ рощахъ, близь Сокольнической заставы, лѣсовщики поймали сокольниковъ Ивана Иванова сына Рыкунова, съ двумя его людьми, съ рубленными въ казенномъ лѣсу двумя соснами, Василья Иванова сына Ларіонова съ двумя соснами, Николая Яковлева Юргенева съ братомъ и человѣкомъ съ двумя жъ соснами, Алексѣя Антропова и людей Терентья и Михайлу съ одною сосною, коими увезены; а взять ихъ не могли за многолюдствомъ, ибо оные учинили съ ними драку и бой, и тою жъ ночью въ 10 часу о срубкѣ находящимся при Егермейстерской Конторѣ капралѣ Игнатьѣ Григорьевѣ сосны, который уѣхалъ въ домъ свой, почему для того слѣдствія изъ оной части командируется 20 части прапорщикъ Саварской, то и благоволено бъ было потребныхъ къ сему слѣдствію и состоящихъ подъ вѣдѣніемъ сей Конторы людей отослать на то мѣсто, гдѣ та учинена порубка лѣса, по требованію прапорщика Саварскаго, и сего жъ марта 19 числа, по указу Ея Императорскаго Величества, по учиненной въ Конторѣ резолюціи, велѣно съ прописаніемъ вышеписаннаго, для надлежащаго по жительству вышеозначенныхъ всѣхъ чиновъ и людей въ Сокольничей слободѣ исполненія, къ вамъ послать указъ, о чемъ сей и посылается съ таковымъ предписаніемъ, что по тому слѣдствію окажется, о томъ въ Контору со обстоятельствомъ вамъ того жъ числа рапортовать».

Первою мѣрою полиціи были требованіе допустить ея чиновъ къ производству обыска въ Сокольничьей слободѣ. Однако, завѣдывающій послѣдней, статейничій Рыкуновъ, въ слободу полицейскихъ не пустилъ, отговариваясь неимѣніемъ на то разрѣшенія со стороны Егермейстерскаго начальства, коему только и подчиняются чины Придворныхъ охотъ. Полиція обратилась тогда въ Московскую Оберъ-Егермейстерскую Контору, которая и разрѣшила произвести обыскъ. Чѣмъ это дѣло кончилось, мы не знаемъ. (Тамъ же, стр. 181, 182 и 183).

10 апрѣля того же года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія дала нижеслѣдующій, подписанный Оберъ-Егермейстеромъ Голицынымъ, указъ статейничему Дмитрію Рыкунову: «Какъ сей Канцеляріи не безъизвѣстно, что при птичей охотѣ кречетовъ (и) ихъ челиговъ состоитъ довольное число да уповательно, что и соколы въ приносѣ отъ помытчиковъ быть имѣютъ, при

птичьей же охотѣ служителей къ выдержки всѣхъ тѣхъ птицъ недостаточно, того ради, по воспослѣдовавшей въ сей Канцеляріи резолюціи, и велѣно вамъ симъ предписать, чтобъ для выдержки тѣхъ птицъ употребить вамъ и пенсіонеровъ, которые при птичьей охотѣ напредъ сего въ службѣ находились и нынѣ въ Москвѣ налицо состоятъ; дабы въ такомъ случаѣ, когда при справѣ птицъ, которая отбудетъ или свалится, можно было другою готовою замѣнить, а для вѣдома вамъ сей ордеръ и въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ объявить».

Когда производились соотвѣтственныя этому приказу распоряженія, кречетники Иванъ Шахмотовъ Меньшой и Ефимъ Микулинъ объявили, что они, по своей старости и по имѣющейся нынѣ болѣзни, птицъ держать не въ силахъ, и просили, чтобъ ихъ «черезъ кого надлежитъ освидѣтельствовать». 5 мая лѣкарь Фридрихъ Тонъ нашелъ, что они больны дѣйствительно, лихорадкою, вслѣдствіе чего ихъ и освободили отъ указанной обязанности. (Тамъ же, стр. 191 и 194).

9 марта 1792 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала, между прочимъ, статейничему Рыкунову: «Въ ордерѣ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, сего марта отъ 1 числа, написано: въ присланномъ де въ ту Канцелярію сія Контора рапортѣ, прописывая таковой же поданный во оную отъ васъ, касательно до отлучки, безъ позволенія вашего птичей охоты сокольниковъ Алексѣя и Степана Коноплевыхъ и о дошедшей вамъ отъ постороннихъ людей въ обидѣ ими просьбѣ и что оные Коноплевы, по призывѣ, во оправданіе свое, противъ васъ неучтиво говорили и азартно кричали, чѣмъ вамъ сдѣлали обиду, а при томъ выговорили, что имѣется въ Сокольничей слободѣ на казенной землѣ построенный трактиръ, почему и приказано было за таковое ихъ самовольство и неучтивство дежурному офицеру, кречетнику Ивану Коноплеву, взять въ дневальную свѣтлицу и содержать до утра подъ карауломъ, но оные, ослушась вашего приказанія и того дежурнаго офицера, подъ карауль упрямствомъ своимъ не пошли, почему и представляла, что оные Коноплевы за таковое ихъ самовольство, а паче въ страхъ другимъ, дабы подобныхъ сему противъ командира поступковъ чинить не отважились, и заслуживаютъ штрафованія; по выправкѣ жъ въ той Канцеляріи съ законами, коими повелѣно воинскихъ въ сухопутномъ уставѣ 716, марта 30, въ 49 главѣ, въ морскомъ 720, Генваря 13, въ книгѣ I, главѣ I, кто изъ подчиненныхъ противъ своего вышняго какимъ-нибудь образомъ поступитъ таковой, по обстоятельству дѣлъ, наказанъ или смертію казненъ будетъ, сухопутнымъ 27, морскимъ 9 артикулѣ, буде офицеру или солдату въ Его Величества службѣ отъ начальника своего что управить повелѣно будетъ, а онъ того изъ лѣности или упрямства не учинитъ, о томъ нарочно изъ умыслу противиться будетъ или другому о непослушаніи совѣтовать подъ какимъ-нибудь претекстомъ будетъ, оной имѣетъ, хотя вышій или нижній, всемѣрно, живота лишенъ быть. А какъ изъ прописаннаго сокольниковъ Коноплевыхъ отвѣта Канцелярія усматриваетъ, что хотя они во всѣхъ на нихъ донесеніяхъ учинили запирательство, но, однако жъ, ихъ ослушаніе противъ своего командира весьма очевидно тѣмъ, что они, по приказанію вашему, въ дневальную свѣтлицу подъ стражу не пошли, а симъ и обнаружили свое неповиновеніе, ибо ежели бъ и въ самомъ дѣлѣ ни въ чемъ они были не виноваты, но послушаніе въ повелѣнномъ сдѣлать они бъ должны, а послѣ, со объясненіемъ своей невинности, могли бъ они приносить жалобу главной своей командѣ, но все сіе ими не исполнено, того ради, по воспослѣдовавшей въ той Канцеляріи резолюціи, тѣмъ ордеромъ конторѣ сей велѣно, чтобъ означенныхъ сокольниковъ Алексѣя и Степана Коноплевыхъ за вышеписанное ихъ противъ своего командира и дежурнаго офицера ослушаніе содержать въ Конторѣ на хлѣбѣ и водѣ недѣлю подъ стражею, дабы, смотря на то, прочіе таковыхъ и сему подобныхъ противъ командировъ своихъ поступокъ чинить никакъ не отваживались; ежели жъ они, Коноплевы, и впредь подобные вышепрописанному проступки повторять будутъ, то, смотря по винѣ преступленія, написаны будутъ въ нижніе по сему корпусу чины непремѣнно». (Тамъ же, стр. 272 и 273).

Шутовское свадебное шествіе въ Ледяной домъ на Невѣ, съ гр. Н. Наржо.

[362]) Въ 1723 году часть птичьей охоты была отправлена изъ Семеновскаго въ С.-Петербургъ къ князю Ивану Федоровичу Ромодановскому. Послано было: кречетъ, 6 челиговъ кречетьихъ, 2 сокола и 2 ястреба, а съ ними 4 кречетника, 5 сокольниковъ, 2 ястребника, сторожъ и помытчикъ, при 8 сокольничьихъ лошадяхъ. Всѣмъ названнымъ чинамъ были выданы годовые

оклады жалованья да кормовыя деньги на 4 недѣли, по алтыну въ день. Кормовыя же деньги и на 4 же недѣли были выданы на ловчихъ птицъ, по 2 деньги въ день на птицу, и на лошадей, по полтинѣ на лошадь и на недѣлю. Подъ посылаемыхъ было назначено 6 подводъ и на прогоны выдано 16 руб. 9 алтынъ 4 деньги. Кромѣ того, «въ запасъ» на кормъ птицъ было куплено 10 паръ голубей, по деньгѣ за голубя, для перевозки которыхъ пріобрѣтенъ коробъ лубяной. Для охраненія ловчихъ птицъ отъ дождя и солнечнаго зноя была запасена палатка полотняная безъ полъ. Начальство надъ посылаемой партіей было поручено нѣкоему капитану Кудрявцеву, которому было дано «въ приказъ», другими словами — въ пособіе, 5 рублей. На всѣ расходы по этой посылкѣ было издержано 49 руб. 16 алт. 4 деньги. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 51).

Въ октябрѣ 1723 года Преображенскій Приказъ послалъ промеморію въ Приказъ Большаго Дворца, сообщая о приказаніи Императора «Семеновскаго потѣшнаго двора сокольничьихъ сорокъ лошадей, въ томъ числѣ троихъ жеребятъ, содержать на корму съ осени до весны, въ дворцовомъ селѣ Коломенскомъ, въ теплыхъ покрытыхъ сараяхъ, и довольствовать фуражемъ, сѣномъ и овсомъ, каждую по указаному числу, и давать на подстилку солому, и опредѣлить сторожей, а для надсмотру тѣхъ лошадей и пріему указанаго фуража и сѣна, и овса опредѣленъ былъ сокольникъ Андрей Чекинъ». Однако, лошади были поставлены, по опредѣленію Приказа Большаго Дворца, въ село Измайловское, и велѣно было выдавать имъ лишь сѣно и солому, отчего, по донесенію Чекина, «захудали, а оправить нечѣмъ, а содержатся въ непокрытыхъ сараяхъ, отъ котораго безпокойства и корму недовольства пало двѣ лошади». Несмотря на подтвержденіе, въ серединѣ декабря мѣсяца Преображенскимъ приказомъ прежняго распоряженія, несмотря на то, что къ концу этого мѣсяца, отъ дурнаго содержанія, пало еще 2 лошади, оставшіяся въ живыхъ продолжались кормиться однимъ сѣномъ, причемъ Приказъ Большаго Дворца увѣдомилъ Приказъ Преображенскій, что не имѣетъ въ своемъ распоряженіи излишняго овса. Однако, 28 февраля 1724 года князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій приказалъ выдать этимъ лошадямъ на мартъ и апрѣль изъ Приказа Большаго Дворца овесъ, во что бы то ни стало, для того, «чтобъ тѣхъ лошадей къ веснѣ отправить, дабы кречетникамъ, сокольникамъ и ястребникамъ со птицами для обученія въ ловлѣ на тѣхъ лошадяхъ можно было ѣздить безъ остановки, понеже тѣ лошади безъ овса нынѣ весьма захудали». Приказаніе это, повидимому, было исполнено. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 78).

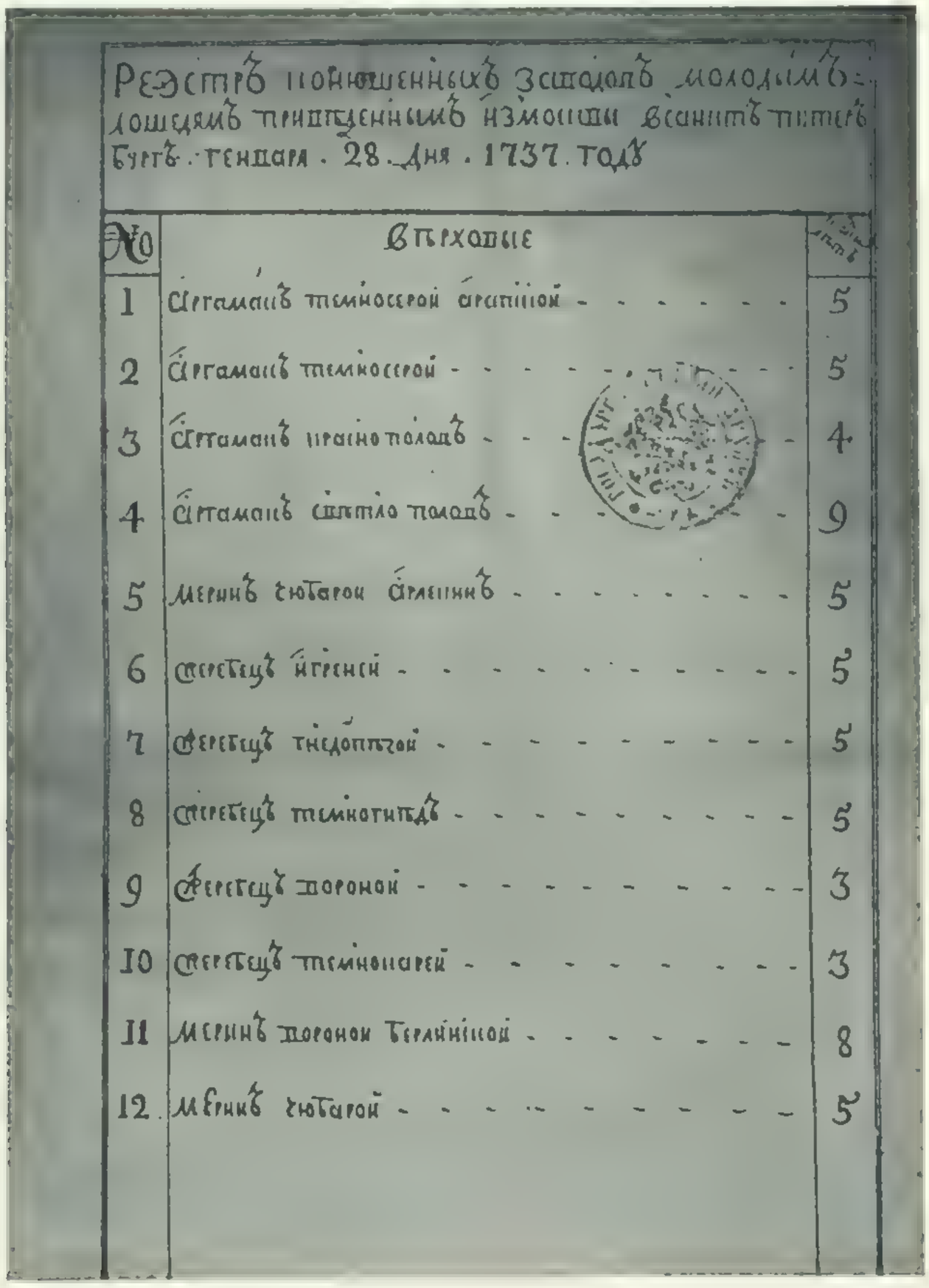
Въ 1738 году часть птичьей охоты была вытребована съ Семеновскаго Потѣшнаго двора въ С.-Петербургъ ко двору Ея Величества. (Тотъ же Арх., оп. 64, д. № 4—2).

12 іюня 1750 года, «по ордеру Его Высокорейхсграфскаго Сіятельства Оберъ-Егермейстера», было приказано «для увеселенія Ея Императорскаго Величества» прислать изъ Москвы въ С.-Петербургъ 2 пары кречетовъ, 4 пары челиговъ кречетьихъ и соколовъ, «учредя въ ган четырехъ, а по крайней мѣрѣ трехъ», ястребовъ и челиговъ ястребьихъ, «сколько можно». Птицы должны были быть доставлены статейничимъ, «чтобъ могли туда прибыть, конечно, къ удобному времени», а со статейничимъ должны были отправиться необходимые служители и помытчикъ «для помыканія дербниковъ», а также потребное число охотничьихъ лошадей. На расходы, долженствовавшіе производиться по нормамъ прошлыхъ годовъ, велѣно было истребовать надлежащую сумму отъ Дворцовой Конторы, «буде же, паче чаянія, за какими-либо препятствіями, отъ Дворцовой Конторы въ деньгахъ послѣдуетъ удержаніе, то, не чиня за оными остановки, велѣть деньги на то употребить Оберъ-Егермейстерской Конторѣ на счетъ той Дворцовой Конторы изъ наличной суммы и отправить тѣхъ птицъ и служителей безъ упущенія, не упуская нынѣшняго удобнаго времени. Ежели жъ ко оному отправленію подъ принадлежности въ прибавокъ къ казеннымъ лошадямъ будутъ потребны ямскія подводы, то и оными удовольствовать безъ излишества, истребовавъ отъ Ямской Конторы». Приведенный нами въ краткихъ выдержкахъ документъ — первый по времени, свидѣтельствующій о передвиженіи птичьей охоты изъ Москвы въ С.-Петербургъ собственными средствами: для этого послужили трое казенныхъ роспусковъ со всѣми приборами, въ томъ числѣ двое роспусковъ съ крышками, для перевезенія птицъ и принадлежностей и 24 казенныя птичьей охоты лошади, употребленныя, надо полагать, частью для запряжки, частью подъ верхъ сокольникамъ. Въ числѣ принадлежностей, подлежавшихъ отвозу въ С.-Петербургъ, отмѣтимъ: «на вабку и на помыканіе птицъ вервой сто саженъ». Однако, отправляемымъ была предоставлена еще одна ямская подвода, съ положеннымъ количествомъ прогонныхъ денегъ, да на путевые расходы дали имъ 100 руб. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

Въ 1723 году въ С.-Петербургъ была доставлена часть птичьей охоты съ Семеновскаго потѣшнаго двора, вѣроятно, только на время охотничьяго съ ловчими птицами сезона. Гдѣ эта охота помѣщалась, да и вообще гдѣ помѣщались ловчія птицы и сокольники во время своего пребыванія въ С.-Петербургѣ въ первую половину XVIII столѣтія, мы не знаемъ. Надо полагать, что они размѣщались даже не въ самомъ С.-Петербургѣ, а гдѣ-нибудь въ его окрестностяхъ, напримѣръ, въ Царскомъ и Красномъ Селахъ, гдѣ имѣлись сокольничьи дворы, о чемъ мы скажемъ ниже. Вмѣстѣ съ симъ, такъ какъ, говоря о Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, мы уже говорили

о времени отправки птичьей охоты изъ Москвы въ С.-Петербургъ, то въ настоящей главѣ о птичьей охотѣ мы упоминать не будемъ вовсе, еще разъ повторивъ, что собственно С.-Петербургской птичьей охоты никогда не было.

[363]) Въ маѣ мѣсяцѣ 1727 года, по указу Его Императорскаго Величества, князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ писалъ Московскому Генералъ-Губернатору князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, чтобы «изъ обрѣтающейся у Его Сіятельства охоты 4 соколовъ, 4 челиговъ кречетьихъ, да ястребовъ-дербниковъ 6 гнѣздъ, да малыхъ ястребовъ 6, которые бъ сидѣли года



Реэстръ поимянныхъ зешеловъ молодымъ лошедямъ принадленнымъ изъ конюшни всеяснѣйшаго Князя Генваря 28 дня 1737 года

№	Вприходе	
1	Сѣрыхъ яблоковой арапиной	5
2	Сѣрыхъ яблоковой	5
3	Сѣрыхъ прямо полодъ	4
4	Сѣрыхъ свѣтло полодъ	9
5	Мерин гнѣдой сѣрянинъ	5
6	Серебрец игренеи	5
7	Серебрец гнѣдопѣгой	5
8	Серебрец темногнѣдъ	5
9	Серебрец вороной	3
10	Серебрец темнобарей	3
11	Мерин вороной берейтской	8
12	Мерин гнѣдой	5

Списокъ придворнымъ лошадямъ, подписанный Оберъ-Егермейстеромъ Волынскимъ и представленный Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ.

по три и по четыре», отправить съ охотниками въ С.-Петербургъ «въ самой скорости на подводахъ, чтобъ дорогою не измучились». По распоряженію князя Ромодановскаго птицы эти, кромѣ дербниковъ, не оказавшихся въ наличности, и при томъ птицы самаго лучшаго качества, были отправлены съ Семеновскаго потѣшнаго двора при 14 сокольникахъ. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 135).

[364]) 4 іюня 1763 года Екатерина Великая, въ бытность свою въ Москвѣ, повелѣла указомъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи отправить часть птичьей охоты съ Семеновскаго потѣшнаго двора въ С.-Петербургъ «за Ея Императорскимъ Величествомъ въ скорости и впредь повсегодно отправлять». (Арханг. Губ. Вѣд., 1775 г., № 80).

15 Іюня того же года та же Контора предписывала, между прочимъ, статейщику Дмитрію Рыкунову: «За отправленіемъ Главностатейничаго господина Рыкунова со птичьею охотою и служительми въ Санктъ-Петербургъ, оставшимъ здѣсь въ Москвѣ той птичьей охоты служителямъ со птицами и письменными по оной охотѣ дѣлами находиться, такъ какъ оная въ бытность Главностатейничаго имѣлася подъ смотрѣніемъ вашимъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 39).

Въ указѣ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы отъ 19 числа того же мѣсяца Главностатейничему Рыкунову, между прочимъ, читаемъ: «Какъ уже ко отправленію въ Санктъ-Петербургъ для полевыхъ тамо выѣздовъ изъ выдержанныхъ птицъ требуется не болѣе двадцати восьми, а по репорту къ Іюню мѣсяцу состояло налицо девяносто одна, для чего и опредѣлено вамъ предписать и предписывается симъ, чтобъ вы, за отправою въ Санктъ-Петербургъ, оставшихся при птичей охотѣ разныхъ родовъ птицъ разобрали и по разобраніи подали въ Контору репортъ, показавъ въ немъ именно, сколько и какихъ именно птицъ слѣдуетъ для иногда случающихся надобностей въ запасѣ имѣть». (Тамъ же, стр. 40).

15 апрѣля 1792 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала статейничему Дмитрію Рыкунову: «По резолюціи сей Канцеляріи, посланнымъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору ордеромъ предписано, что какъ скоро состоящія при птичей охотѣ птицы выдержаны и справлены будутъ, то ей оныхъ, съ вами и за статейщика съ кречетникомъ Алексѣемъ Ларіоновымъ да съ пристойнымъ числомъ служителей, отправить въ Санктъ-Петербургъ. А вамъ симъ предписывается, чтобъ оныхъ птицъ постараться, какъ наивозможно лучше, выдержать и справить да и въ Санктъ-Петербургъ противъ прошлогодняго ранѣе доставить». (Тамъ же, стр. 262).

[365]) 25 апрѣля 1725 года, по указу Императрицы Екатерины I, изъ Семеновскаго былъ посланъ въ С.-Петербургъ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка сержантъ Романъ Мельгуновъ, завѣдывавшій въ то время потѣшнымъ дворомъ, а съ нимъ два кречета, 4 челига кречетьихъ и соколъ да «для управленія тѣхъ птицъ» 9 человѣкъ кречетниковъ и сокольниковъ. Посланнымъ было велѣно дать, распоряженіемъ Ямскаго приказа, 4 подводы и велѣно было сержанту «ѣхать наскоро, днемъ и ночью», и, пріѣхавъ въ С.-Петербургъ, явиться къ князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому. На кормъ птицамъ и сокольничьимъ лошадямъ были даны кормовыя деньги, «а ежели въ дорогѣ которая птица прислабѣетъ, и той птицѣ въ городѣхъ у земскихъ бургомистровъ, а въ селѣхъ и деревняхъ у прикащиковъ и у старостъ, и у крестьянъ имать голубей, гдѣ случатся, а платить за нихъ изъ кормовыхъ денегъ по Московской цѣнѣ, по 2 деньги за гнѣздо (за пару)». Подводы съ проводниками приказано было давать, безо всякаго оттягательства и мѣшкоты, имая за ямскія подводы деньги по указу, и чинить имъ всякое вспоможеніе, и отпускать ихъ безъ мѣшкоты, опасая себя за неисправленіе въ ономъ штрафа, какой указомъ Ея Величества Государыни Императрицы опредѣленъ будетъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 51).

[366]) Отъ 1770 года сохранилось извѣстіе, что роспуски, на которыхъ ловчіе птицы перевозились изъ Семеновскаго въ С.-Петербургъ, дѣлались крытыми, покрывались парусиною и обшивались кожею. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. № 51).

Къ 1780 году относится извѣстіе, что при отправленіи изъ Москвы въ С.-Петербургъ и при возвращеніи обратно Придворной птичьей охоты, птицъ перевозили на крытыхъ парусиною и простыхъ роспускахъ. Въ этомъ году первыхъ потребовалось семеро, а вторыхъ трое. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 45).

[367]) Къ 28 іюня 1791 года относится нижеслѣдующій интересный документъ:

«По указу Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Оберъ-Егермейстерской Конторы птичей Ея Императорскаго Величества охоты статейничему Дмитрію Рыкунову

ИНСТРУКЦІЯ.

«Во исполненіе учиненнаго въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ сего іюня 28 дня опредѣленія, отправлены вы въ Санктъ-Петербургъ, для Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ увесселенія, со птичею охотою, въ числѣ двадцати восьми птицъ и подъ командою вашею всѣ написанные въ рапортѣ чины, служители и птицы. А при томъ отпущено изъ наличю состоящихъ при той охотѣ роспусковъ, крытыхъ парусиною и обитыхъ кожею, подъ птицъ и служителей, семеро; простыхъ роспусковъ же съ кибитками двои да безъ кибитокъ однѣ; да покупныхъ отъ расходу Конторы топоровъ два, лагуновъ дехтярныхъ шесть, долото одно, напарье одно, цыновокъ двойныхъ большой руки двѣнадцать, веревокъ воровенныхъ (?) пеньковыхъ на тяжи сорокъ, да на увязку роспусковъ и на прочія въ пути надобности средней руки шестьдесятъ, и того сто саженъ, кое все и отдано въ пріемъ правящаго статейщикову должность кречетника Алексѣя Ларіонова, съ росписко̀ю. Для жъ съѣзду вашею съ командою отъ Московскаго Губернскаго Правленія истребовано ямскихъ лошадей въ семеро

крытые роспуски, въ каждые по двѣ, четырнадцать; въ казенные жъ простые роспуски для васъ двѣ, за статейщика кречетнику одну, подъ мундиры съ камзолами, штанами и голубей да клобучешника одну; да съ ямскими роспусками для поклажи служительскаго экипажа три, и того двадцать одну. А на платежъ за оныя указныхъ прогоновъ, только въ одинъ Санктъ-Петербургъ путь, на семьсотъ двадцать восемь верстъ, полагая на каждую ямскую подводу, противъ употребленія статейщикомъ Федоромъ Коноплевымъ въ 790 году, при таковомъ же проѣздѣ отъ Москвы до Санктъ-Петербурга и обратно оттуда, по пятнадцать рублей по пятьдесятъ по шести копеекъ, въ томъ числѣ на первую отъ Москвы и по Санктъ-Петербургской губерніи станціи по четыре копейки, а на прочія по двѣ копейки на версту на каждую лошадь, да на покупку въ пути, для употребленія въ кормъ птицамъ, живыхъ голубей и говядины и на прочіе неминуемые путевые расходы и на произвожденіе служителямъ порцій, полагая на восемь дней или сколько въ дорогѣ отъ Москвы до Санктъ-Петербурга пробыть можете, каждому въ день: кречетникамъ, сокольникамъ и ястребникамъ, противъ прошлогодней отправы, такожъ и клобучешнику, по десять копеекъ, всего четыреста пятьдесятъ рублей, выданы отъ расходу Конторы въ пріемъ предписаннаго жъ за статейщика Ларіонова съ росписко̀ю, которому въ данномъ указѣ предписано, дабы онъ тѣ деньги во-первыхъ записалъ въ приходъ въ данную отъ Конторы, при указѣ шнуровую тетрадь и, будучи въ пути, изъ тѣхъ денегъ на платежъ указныхъ прогоновъ, на покупку птицамъ кормовъ и на прочія неминуемо принадлежащія издержки въ расходъ употреблялъ, что необходимо слѣдуетъ и нужно, и безъ чего обойтиться будетъ невозможно, безъ всякаго излишества и напрасной траты, по присяжной должности, записывая въ ту шнуровую тетрадь съ расписками, а прогонныя деньги, какъ они указнаго положенія, показать въ расходѣ не по станціямъ, а, по силѣ насланнаго изъ Канцеляріи, сентября отъ 24 числа 783 года, въ Контору указа, одною валовою статьею, съ показаніемъ при томъ, сколько именно дорогою и будучи въ Санктъ-Петербургѣ изъ птицъ свалится и къ тому числу въ Санктъ-Петербургѣ помкнутыхъ вступитъ, какихъ родовъ и котораго точно числа, дабы, сходствуя съ предписаніемъ даннаго изъ Счетной Экспедиціи въ прошломъ 778 году генваря 25 извѣстія, при счетѣ въ произведенныхъ тѣмъ упалымъ и вступившимъ птицамъ кормахъ по его расходной тетради удобнѣе расчетъ учинить было можно. А какъ означенный за статейщика Ларіоновъ состоитъ у васъ въ точной командѣ, слѣдовательно, и помянутый въ пути расходъ долженъ быть держанъ и записыванъ подъ вашимъ присмотромъ, и, по силѣ насланнаго изъ Канцеляріи указа, подъ всѣми въ расходной тетради статьями вамъ дѣлать повѣрку и подписывать, а ежели гдѣ повѣрки и подписанія вашего не будетъ, то оныхъ и на счетъ ему не поставится. Также на мазаніе колесъ, чтобъ покупки въ пути дехтю излишне отнюдь употреблено не было, для чего иногда, паче чаянія, въ случаѣ того дехтю излишне употребленнаго, отъ главной команды смотрителю за стыдъ поставлено будетъ, а съ содержателя путеваго расхода то излишество и взыскано быть имѣетъ. А каковымъ порядкомъ вамъ, будучи въ пути, поступать, о томъ вамъ дана сія инструкція, по которой и чинить слѣдующее:

1) Съ вышеписанною птичьею охотою и служительми отправиться Вамъ изъ Москвы въ назначенное вами въ рапортѣ время, то-есть сего іюня 29 числа непремѣнно.

2) Будучи въ пути, за птицами и служительми, по должности вашей, имѣть вамъ надлежащее смотрѣніе, а въ береженіи и кормленіи птицъ и во всемъ, что до лучшаго порядка принадлежитъ, прилагать вамъ всевозможное стараніе, такъ какъ все оное состоитъ въ командѣ вашей и на вашемъ отчетѣ, а въ томъ проѣздѣ во взятьѣ ямскихъ подводъ поступать по силѣ даннаго бывшему Главностатейничему отъ Конторы маія 19 и прописаннаго во оном̀ъ Правительствующаго Сената того жъ маія отъ 8 числа указовъ во всемъ непремѣнно.

3) По прибытіи жъ въ Санктъ-Петербургъ явиться вамъ въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и о пріѣздѣ вашемъ, служителей и охоты, о денежной казнѣ и о привезенныхъ казенныхъ принадлежностяхъ подать въ ту Канцелярію рапортъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 501, 502 и 503).

Аналогичная и даже почти дословная инструкція была выдана Дмитрію Рыкунову Оберъ-Егермейстеромъ княземъ Голицынымъ 13 сентября того же года, при отправкѣ птичьей охоты изъ С.-Петербурга обратно въ Москву. (Тамъ же, стр. 509 и 510).

[368]) 14 апрѣля 1743 года было приказано часть птичьей охоты Семеновскаго потѣшнаго двора отправить со статейничимъ Ларіоновымъ въ С.-Петербургъ «безъ всякаго продолженія». Велѣно было выбрать лучшихъ кречетовъ и другихъ птицъ, назначить потребное количество кречетниковъ и прочихъ охотниковъ, давъ имъ ямскія подводы и все необходимое по примѣру прежнихъ лѣтъ. Для отправленія охотниковъ Московскимъ купцомъ Федотомъ Ерофеевымъ были изготовлены 14 новыхъ сѣделъ со всѣмъ приборомъ, по 4 р. 10 к. за сѣдло, а тамошнимъ же купцомъ Ѳедоромъ Ивановымъ были починены и снабжены веревками 6 имѣвшихся при птичьей охотѣ палатокъ, при чемъ за починку было уплачено по 1 р. отъ палатки. Кромѣ того, велѣно было купить «по настоящей цѣнѣ безъ передачи» «для ловленія въ дорогѣ разныхъ птицъ

тайникъ» и «для возки въ дорогѣ голубей, птицамъ на кормъ, о двужильяхъ одну крошню». На это путешествіе было отпущено изъ принятыхъ отъ Главной Дворцовой Канцеляріи денегъ 150 рублей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 4—2).

Къ 22 іюля 1771 года относится указъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, коимъ повелѣвалось: «Изъ содержащихся на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ, за отправленіемъ въ Санктъ-Петербургъ, птицъ выбрать самыхъ лучшихъ соколовъ и челиговъ сокольихъ шесть да ястребовъ двухъ, балобановъ двухъ же, которыхъ, также кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, всѣхъ и содержать при птичей охотѣ; а прочихъ соколовъ и ястребовъ, такожъ и ихъ челиговъ, дабы на оныхъ корму напрасно не употреблялось, пустить всѣхъ на волю, да и впредь приносимыхъ отъ помытчиковъ соколовъ и ястребовъ и ихъ челиговъ пускать на волю жъ и болѣ показаннаго числа соколовъ и ястребовъ при птичей охотѣ нынѣ не содержать, и при томъ наикрѣпчайше подтверждается, дабы за оными, оставшими птицами какъ вы (поручикъ Рыкуновъ), такъ и команды вашей служители имѣли наикрѣпчайшее смотрѣніе, чтобы изъ нихъ никакаго упадка послѣдовать не могло». (Тотъ же Арх., д. № 1658, стр. 26).

[369]) Въ іюнѣ того же года, при отправленіи птичьей охоты изъ Москвы въ С.-Петербургъ, въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію было переслано 60 выдѣланныхъ кожъ оленей изъ числа состоявшихъ звѣрей въ Измайловскомъ звѣринцѣ. (Тамъ же, стр. 356).

Замѣтимъ, между прочимъ, что послѣдовавшее приказаніе доставить въ кратчайшій срокъ часть птичьей охоты изъ Москвы въ С.-Петербургъ на ямскихъ подводахъ, въ то время, не трудно было исполнить. Современникъ описываемой эпохи, адъютантъ фельдмаршала Миниха — Манштейнъ, завѣряетъ, что «въ свѣтѣ нѣтъ страны, гдѣ бы почта была устроена лучше и дешевле, чѣмъ между этими двумя столицами. Обыкновенно вездѣ даютъ на водку ямщикамъ, чтобы заставить ихъ скорѣе ѣхать, а между Петербургомъ и Москвою, напротивъ, надобно давать на водку, чтобы тише ѣхали». (Манштейнъ, стр. 37).

[370]) 11 апрѣля 1772 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала своей Московской Конторѣ сдѣлать распоряженіе, чтобы «изъ привезенныхъ ко птичьей охотѣ изъ Оренбурга и изъ другихъ мѣстъ птицъ, выбравъ изъ оныхъ самыхъ лучшихъ, выдержать и справить по прежнимъ обрядамъ къ надлежащему времени», приложивъ къ тому «крайнее стараніе» и ожидать затѣмъ приказа объ отправленіи такихъ птицъ въ С.-Петербургъ. По этому распоряженію «было поднято и держать начато»: цвѣтной кречетъ, 3 кречета дикомыта, 6 кречетовъ молодиковъ, 1 челигъ кречетій дикомыть, 4 челига кречетьихъ молодика, 3 сокола вешняка, 1 соколъ дикомыть. Между тѣмъ въ маѣ того же года пріѣхавшій изъ С.-Петербурга въ Москву графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ потребовалъ, чтобы находящаяся въ Москвѣ птичья Ея Величества охота была ему представлена, а по осмотрѣ охоты графъ приказалъ, «чтобы изъ той птичьей охоты, кречетовъ, челиговъ и соколовъ, выбравъ лучшихъ 8 птицъ, въ томъ числѣ и цвѣтнаго кречета дикомыть, съ служителями той охоты 9 человѣками, отправить за Его Сіятельствомъ къ первой арміи въ городъ Яссы, на двухъ крытыхъ роспускахъ», назначивъ одного изъ служителей за старшаго и сшивъ служителямъ богатые мундиры, на каковой предметъ деньги будутъ выданы Сенаторомъ Дмитріемъ Васильевичемъ Волковымъ. Во исполненіе этого приказанія Оберъ-Егермейстерская Контора прежде всего озаботилась постройкою на отправляемыхъ чиновъ богатаго платья, давъ для этого подробнѣйшія инструкціи, упускаемыя нами по ихъ мелочности и малому значенію въ разбираемомъ предметѣ. Равнымъ образомъ не будемъ приводить здѣсь свѣдѣній и о томъ, что именно было заготовлено для сокольниковъ, такъ какъ свѣдѣнія о парадныхъ Ясскихъ мундирахъ уже были приведены нами въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только, что шитье мундировъ производилось подъ высшимъ руководствомъ самаго графа Григорія Григорьевича Орлова, который приказалъ представлять себѣ на одобреніе обращики матерій, фасоновъ и проч.

Завѣдываніе отправляемою командою было поручено кречетнику Сергѣю Ларіонову, которому было подтверждено, «чтобъ онъ тѣхъ служителей, по пріему въ команду, содержалъ строго, и чтобъ они въ должности своей были исправны и своевольства и непристойныхъ поступковъ никакихъ отнюдь не чинили и содержали себя одеждою и обувью чисто; чтобъ у всѣхъ были рубашки съ манжетами и галстуки черные волосяные и одного бъ калибру, а розни бъ никакой не было и волосы бъ были всегда въ бумажкахъ, а во время выѣздовъ были убраны и напудрены; и съ собою бъ изъ Москвы взяли они одни сѣдла и узды, а лошади имъ даны будутъ тамъ отъ Его Сіятельства. А если кто изъ тѣхъ служителей явится въ какихъ продерзостяхъ, оныхъ ему штрафовать по разсмотрѣнію своему, и кто чѣмъ и за что штрафованъ будетъ, о таковыхъ ему по возвращеніи репортовать въ Контору, да и тѣмъ служителямъ съ подпискою объявить, чтобы они у него, Ларіонова, были во всякомъ послушаніи и по приказаніямъ его исполняли бъ со всякимъ прилежаніемъ безотговорочно. А для того ихъ отправленія, чтобъ они могли обувью и бѣльемъ излишнее запастись, истребовать имъ на сію майскую треть денежное жалованіе въ пріемъ ихъ самихъ. Для свозу показанныхъ птицъ изъ имѣющихся при птичьей охотѣ казенныхъ роспусковъ двои, да изъ принятыхъ отъ Дворцовой Конторы для отправленія птичьей охоты въ

С.-Петербургъ роспусковъ подъ сѣдла и подъ служительскій экипажъ одни подъ богатые построенные мундиры одни оному Ларіонову и подъ денежную казну одни; на увязку онаго цыновокъ десять, веревокъ толстыхъ на тяжи и на пристяжи тридцать, тонкихъ семьдесятъ саженъ, оное все велѣть отпустить комисару Петру Ларіонову, записавъ въ расходъ съ распискою. А какъ оная птичья охота отправиться съ нимъ, Ларіоновымъ, еще не совсѣмъ справлена, и только птицы не ваблены, кою необходимо ему по пріѣзду въ городъ Яссы нѣсколько поправить, для чего ему, Ларіонову, къ помыканію воронокъ или какихъ дикихъ птицъ дать изъ имѣющихся при птичьей охотѣ одинъ со всѣми принадлежностями». Посланнымъ было приказано отпустить потребное количество ямскихъ подводъ; имъ были выданы кормовыя деньги, старшему по 15, остальнымъ 10 копеекъ въ день; на непредвидѣнные расходы Ларіонову была выдана особая сумма Сенаторомъ Волковымъ, въ размѣрѣ 500 рублей. По пріѣздѣ въ Яссы Ларіоновъ долженъ былъ явиться къ графу Орлову, а затѣмъ отдать отчетъ въ израсходованіи ввѣренныхъ ему суммъ состоящему при Его Сіятельствѣ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Капитану фонъ Нолькену, «у котораго и быть въ послушаніи». Кромѣ того, Ларіонову была дана подробнѣйшая и длиннѣйшая инструкція, такъ сказать, хозяйственнаго порядка, изъ которой мы заимствуемъ лишь общія черты.

Деньги велѣно записать въ данную отъ Конторы шнуровую за казенною печатью книгу. Отправиться велѣно 22 мая и ѣхать съ крайнимъ поспѣшеніемъ. Деньги расходовать «по при-

Выѣздъ Императрицы Елисаветы Петровны въ парадной каретѣ на Коронацію въ Москву, съ гр. И. Соколова.

сяжной должности» безъ излишества и «для крайней необходимой надобности», тотчасъ записывая расходъ въ книгу, пріобщая къ записямъ расписки получателей и доводя о расходахъ до свѣдѣнія мѣстныхъ властей, отъ которыхъ брать особые удостовѣрительные аттестаты. Предупреждалось, что безъ послѣднихъ расходы будутъ признаны Оберъ-Егермейстерскою Конторою неправильными. Богатую ливрею и птичьи уборы приказывалось хранить дорогою въ сундукахъ и представить въ Яссахъ его сіятельству. Птицъ велѣно было «отъ всякихъ предопасныхъ случаяхъ крайне беречь, чтобъ онымъ не только упадка, ниже какаго поврежденія или заломки въ крыльяхъ и хвостахъ перьевъ послѣдовать не могло». Передвигаться въ дорогѣ рекомендовалось въ тѣ часы, въ которые не будетъ жаровъ или вѣтра большаго, кормя птицъ свѣжимъ говяжьимъ мясомъ или живыми голубями «съ довольствіемъ». Во время пути птицъ «перевабливать», чтобъ не отвыкли, «а буде усмотришь способное время, то и пущонное давать, а для покрыванія дикихъ птицъ данъ тебѣ тайникъ». Приказано было стараться дорогою найти и купить «добыточнаго», то-есть ученаго и хорошаго ястреба. При птицахъ днемъ и ночью имѣть всегда «твердый караулъ» и смотрѣть, чтобы при остановкахъ имъ отводились соотвѣтственныя помѣщенія. «Будучи въ пути и на ночлегахъ, такожъ и въ бытность вашу въ городѣ Яссахъ поступать тебѣ по сей инструкціи порядочно, какъ доброму человѣку и вѣрному Ея Императорскаго Величества рабу должно. Слѣдить за тѣмъ, чтобы никому не было причинено никакихъ обидъ и чтобы безденежно ни отъ кого ничего не брать».

12 августа 1772 года помянутый выше капитанъ Христоферъ фонъ Нолькенъ писалъ въ Москву нѣкоему Алексѣю Ивановичу, вѣроятно, Булгакову, состоявшему въ то время при Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, изъ мѣстечка Голешти въ лагерь при Фокшанахъ слѣдующее:

«Милостивый государь мой Алексѣй Ивановичъ. Должность, которою я здѣсь обязанъ, не допускала меня полученныя мною отъ Васъ дружескія два письма отвѣтствовать. Теперь его

сіятельство графъ Григорій Григорьевичъ приказалъ отправить присланныхъ отъ Васъ сокольниковъ въ Москву, которымъ при отправленіи, по приказу его сіятельства, за всю майскую треть денежное жалованье выдано, такожъ къ оставшимъ за расходомъ у кречетника Ларіонова сту тридцати одному рублю тридцати шести копейкамъ денегъ еще семьдесятъ рублей отъ меня выдано и велѣно записать въ приходъ и употреблять, какъ изъ оставшихъ у него, Ларіонова, за расходомъ, такъ и изъ данныхъ отъ меня на прогоны, на порцію ему и служителямъ, равно и на путевые расходы съ запискою въ силу инструкціи. Что же принадлежитъ до кречетника Ларіонова и прочихъ охотниковъ, то его сіятельство поведеніемъ ихъ и птичьею охотою быть изволилъ доволенъ. Въ протчемъ прошу содержать меня въ прежней Вашей дружбѣ, а я съ моимъ почтеніемъ пребыть честь имѣю навсегда».

Прибывшій въ Москву кречетникъ Ларіоновъ, 16 сентября того же года, представилъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору требовавшіеся отъ него по инструкціи отчеты, въ общемъ мало интересные. Отмѣтимъ только то обстоятельство, что сдѣланная на сокольниковъ богатая ливрея была задержана графомъ Григорьемъ Григорьевичемъ Орловымъ у себя, а также что Ларіоновъ, между прочимъ, доносилъ: «Въ силу данной мнѣ отъ оной Конторы инструкціи велѣно брать о расходѣ отъ начальствующихъ письменные аттестаты; точію я, за скорою ѣздою и за неотысканіемъ таковыхъ, чтобъ могъ отъ кого получить аттестаты, а въ прочихъ мѣстахъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Молдавіи, съ нуждою находилъ и въ книгу распищиковъ, — за таковыми предписанными резоны я ни отъ каго аттестатовъ не имѣю». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 71, д. № 2).

371) Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. № 588.

Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 15.

372) Въ періодъ пребыванія Императора Петра II въ Москвѣ большая часть птичьей охоты состояла при Измайловскомъ звѣринцѣ, вмѣстѣ съ остальною охотою молодого царя, почему свѣдѣнія о ней мы и приведемъ въ своемъ мѣстѣ. Отъ временъ же первыхъ лѣтъ царствованія Императрицы Анны Іоанновны до насъ не дошло никакихъ заслуживающихъ какого бы то ни было вниманія документовъ, касающихся Семеновскаго потѣшнаго двора или Императорской птичьей охоты. Знаемъ только, что въ 1732 году птичья охота Семеновскаго потѣшнаго двора была увеличена присоединеніемъ къ ней такихъ же охотъ, взятыхъ изъ «отписныхъ» деревень князей Долгоруковыхъ въ Московскомъ уѣздѣ Горенки, Волынское и Хатунь. (Тотъ же Арх., оп. 6, д. № 325).

Въ томъ же январѣ мѣсяцѣ 1752 года опредѣленные для дозора за Тюхальскимъ дворцомъ солдаты, Куликовъ и Соколовъ, донесли Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что они «опредѣлены де для смотрѣнія онаго дворца и чтобы въ тѣхъ Тюхеляхъ, въ угодьяхъ, птицъ и звѣрей никто не били и не стрѣляли» . . . . . «Токмо имъ во оныхъ угодьяхъ, однимъ, наикрѣпчайшаго въ томъ смотрѣнія чинить невозможно, ибо въ прошломъ 1751 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, около родительской субботы, по первому зимнему пути, въ ночное время, пришедъ незнаемо какіе воровскіе люди къ караульной избѣ, выломя бревномъ у сѣней двери и у окна окончину со ставнемъ, вбѣжавъ, связали какъ ихъ, такъ и женъ ихъ руки, и завязавъ у нихъ глаза и бивъ ихъ, скарбъ ихъ солдатскій весь безъ остатку, побравъ съ собою, увезли».

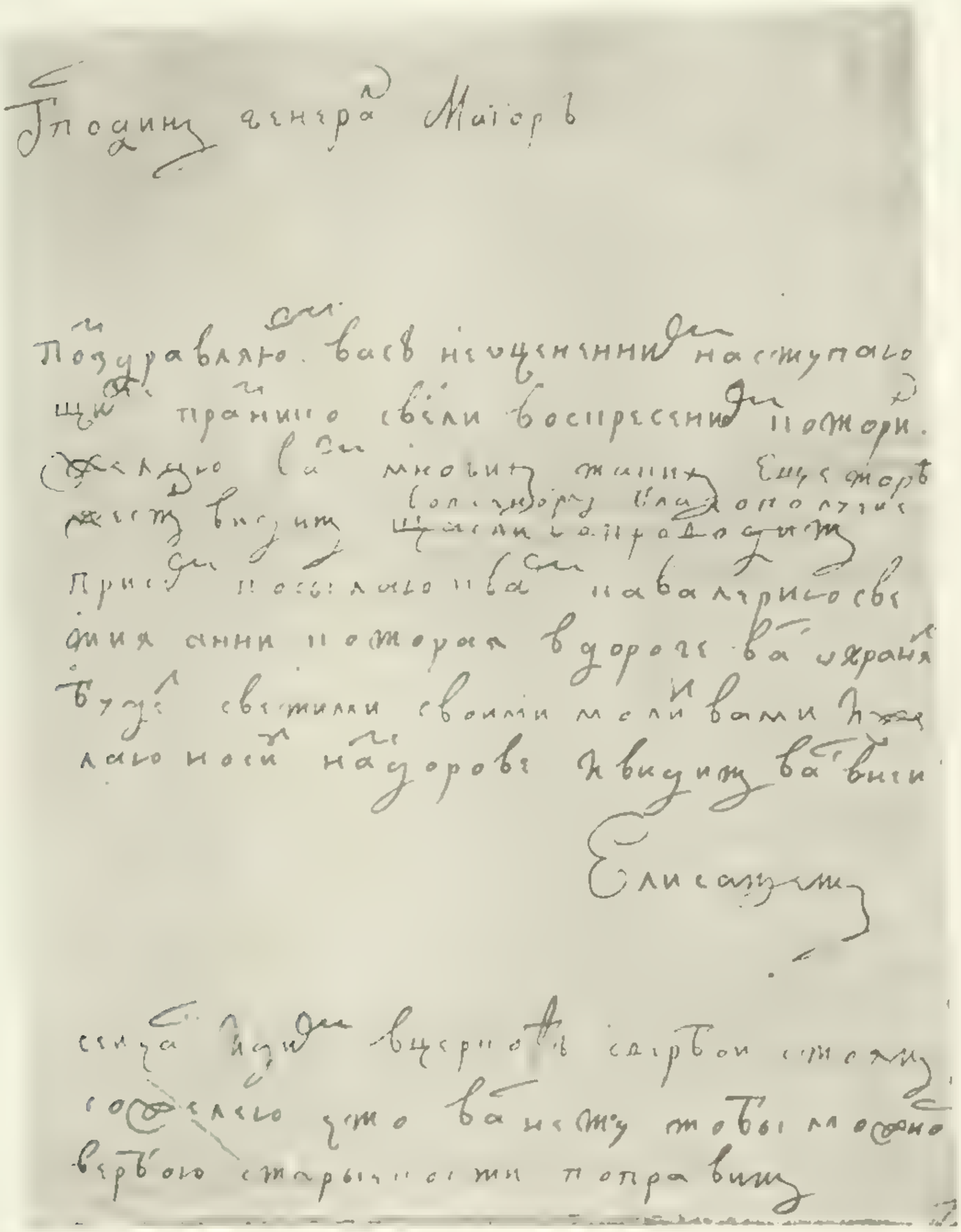
Куликовъ и Соколовъ просили, чтобы имъ въ помощь было назначено еще двое солдатъ.

Оберъ-Егермейстерская Контора опредѣлила просить объ удовлетвореніи ходатайства Тюхальскихъ караульщиковъ Главную Дворцовую Контору. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1760).

373) Въ «Воспоминаніи о подмосковномъ селѣ Измайловѣ, старинной вотчинѣ Романовыхъ» Снегиревъ, между прочимъ, говоритъ, что село это, расположенное между Остромынкою и Владимиркою, удалено на двѣ версты отъ Преображенской и Семеновской заставъ, кои замыкаютъ древнія Преображенское и Семеновское села (стр. 3). «Въ большомъ звѣринцѣ разведены были Колышинскій и Просянскій сады съ Просянскимъ прудомъ, который извѣстенъ также подъ названіемъ Лебедевской плотины, гдѣ водилась царская птица — лебеди» (стр. 11). «На птичьемъ дворѣ водились лебеди, павлины, Китайскіе гуси, Англійскія куры, утки» (стр. 12). Старый звѣринецъ былъ у западной стороны дворца; тамъ водились олени Сибирскіе, Американскіе, кабаны, дикобразы, ослы, лошаки, Китайскія коровы, кои переведены въ новый звѣринецъ, основанный въ 1730 году Императрицею Анною Іоанновною. Петръ II ѣзжалъ туда (sic) со псовою охотою, какою занимали его окружающіе, и проводилъ въ Измайловѣ масляницу. Любя ружейную стрѣльбу, по свидѣтельству Миниха, Анна Іоанновна туда выѣзжала съ Биромомъ на охоту, била изъ ружей зайцевъ, оленей, тетеревей. (Отмѣтимъ неудобную редакцію приведенной фразы: можно подумать, что Минихъ свидѣтельствуетъ объ охотахъ Анны Іоанновны въ звѣринцѣ; на самомъ дѣлѣ упоминаемыя охоты лишь догадка автора, хотя догадка и весьма вѣроятная; Минихъ-сынъ свидѣтельствуетъ лишь о любви Анны Іоанновны къ стрѣльбѣ изъ ружей, но не упоминаетъ объ ея охотахъ въ Измайловѣ; Минихъ-отецъ не упоминаетъ ни о томъ, ни о другомъ). Императрица Елисавета Петровна съ племянникомъ своимъ Петромъ Ѳедоровичемъ и племянницею Екатериною Алексѣевною охотилась въ Колышкинскомъ саду и ночевала тамъ въ бесѣдкѣ.

«Чужестранные посланники ѣзжали въ Измайловскій звѣринецъ съ Русскими вельможами тѣшиться охотою, для коей тамъ была охотничья команда» (стр. 13). «Въ Измайловскомъ звѣринцѣ до 1812 года водились разные звѣри; островской лѣсъ, тогда непроходимый, рощи и пруды его при Екатеринѣ II слыли заповѣдными» (стр. 33).

Въ дневникѣ Іоганна Георга Корба, посѣтившаго Москву въ 1698 году при посольствѣ Императора Леопольда I, въ описаніи Измайловскаго дворца, между прочимъ, читаемъ: «Замокъ окружаетъ роща, замѣчательная тѣмъ, что въ ней растутъ, хотя и рѣдко, но весьма высокія деревья». (Чтенія при Моск. Унив., № 1—1867 года, стр. 183).



Автографъ Императрицы Елисаветы неизвѣстному лицу.
(Объясненіе см. въ концѣ книги).

374) Къ 11 декабря 1732 года въ Измайловскомъ звѣринцѣ состояло: 3 лося, 69 старыхъ оленей, 19 «нынѣшнихъ» молодыхъ, 11 козъ старыхъ, 5 козъ молодыхъ, 24 кабана старыхъ, 9 кабановъ молодыхъ, 3 дикобраза, 3 бобра (барса) и одинъ сурокъ, всего 147 звѣрей. Въ это время или, вѣрнѣе сказать, въ теченіе весны того года, во время пребыванія Императрицы Анны Іоанновны въ Москвѣ (см. С.-Петербургскія Вѣдомости 1732 года, № 4), звѣри изъ звѣринца выпускались, повидимому, для Высочайшихъ охотъ, въ окрестные поля и лѣса. По крайней мѣрѣ въ концѣ года форштмейстеръ Измайловскаго звѣринца Финкъ доносилъ Оберъ-Гофмейстеру Салтыкову, что «въ нынѣшнемъ 732 году, маія 1 дня, выпущено съ двора лосей 4, а сего декабря

6 дня нашли одного застрѣленнаго; козъ выпущено 27 въ разныя числа». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 311).

[375]) Прежде приведенія свѣдѣній объ Измайловскомъ звѣринцѣ, считаемъ необходимымъ сказать, что, начиная со временъ царствованія Императора Петра II и до конца описываемой эпохи, при звѣринцѣ этомъ все время состояла Московская псовая охота. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 325; Моск. Арх. Мин. Юст., оп. 211, свит. 1692 и друг.). Руководствуясь этимъ, а также принимая во вниманіе, что со смерти Царя Алексѣя Михайловича и до восшествія на престолъ Императора Петра II царская псовая охота, повидимому, находилась въ полномъ упадкѣ, ниже мы приводимъ параллельно какъ свѣдѣнія, касающіяся Измайловскаго звѣринца, такъ и свѣдѣнія о Московской псовой охотѣ, не выдѣляя послѣднюю въ особый отдѣлъ.

Въ 1729 году всѣ кречетники Императорской птичьей охоты были переведены съ Семеновскаго потѣшнаго двора въ Измайлово (Госуд. Арх., р. XIV, № 25), а при Измайловскомъ дворцѣ содержалась и часть птичьей охоты. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 204).

Во время дальнихъ охотничьихъ поѣздокъ на лошадей и верблюдовъ, взятыхъ въ походъ, предписывалось требовать отъ Главной Дворцовой Канцеляріи, вмѣсто фуража, натурою, соотвѣтственныя деньги.

Для охотничьихъ «походовъ» имѣлось 8 «фурмановъ съ колесы окованными и съ кровлями, да къ нимъ по 4 шоры съ вожжами четверными, по четыре кантарей (?), ко всякому фурману до исходу (т.-е. срокъ службы имъ не опредѣлялся)»; птицамъ и собакамъ борзымъ и гончимъ «два намета большихъ простыхъ до исходу»; 50 саней «обшивни съ оглоблями», съ дугами, съ вожжами; 50 ременныхъ простыхъ хомутовъ «большой и средней рукъ до исходу»; 3 телѣги простыхъ съ колесами, «до исходу же».

«Къ охотѣ на дѣланіе роговъ мѣдныхъ и на пайку серебро, и на починку волчьихъ, и лисьихъ, и заячьихъ тенетъ веревокъ и нитокъ; на подковку охотничьихъ и фурманныхъ лошадей и на окованье фурмановъ и колесъ желѣза и уголья; птицамъ на клобучки, на обножи оленьи, на должики сыромятные, на рукавицы лосиныя кожи; на ушки къ клобучкамъ, на колокольцы птицамъ же мѣди и на пайку серебра; вервей вспоровыхъ (вѣроятно, сворovыхъ) и на обхожи; тулумбасы; на ловлю птицъ сѣти и на починку оныхъ сѣтей нитокъ; для починки шоръ кожъ яловичныхъ и сыромятныхъ; для всякихъ починокъ топоровъ и плотничной всякой инструментъ и на дѣланіе рогатинъ медвѣжьихъ желѣза и стали; на дѣланіе гончимъ собакамъ желѣзныхъ смычковъ и ремней сыромятныхъ кожъ; на покупку собакамъ котловъ мѣдныхъ и желѣзныхъ; для мазани фурмановъ дегтю и на лѣкарство больныхъ собакъ: на дѣланіе верблюжихъ двѣнадцати сѣделъ войлоковъ, холста, веревокъ; охотничьимъ лошадямъ на лѣкарство; на починку палатокъ» — на все это полагалось въ годъ 500 рублей. (Роспись ох. II. II. Русск. Арх. 1869 г., № 10, стр. 1675 — 1684).

[376]) Въ 1742 году часть большого Измайловскаго звѣринца носила названіе «Лосинаго звѣринца». 30 іюня этого года Императрица Елисавета Петровна приказала «въ Измайловскомъ большомъ звѣринцѣ Лосиный звѣринецъ огородить такимъ образомъ, чтобы не могли саженные зайцы изъ онаго выходить вонъ». (Сборн. Изустн. указ.; Рукоп. Имп. ох.).

Изъ частей большого Измайловскаго звѣринца упоминаются въ 1750 году отдѣльные звѣринцы: «Старый заячій», «Новый заячій», «Кабаній» и «Лосиный». Въ Кабаньемъ звѣринцѣ имѣлись крытые дранью «амшанники». Звѣринцы эти были огорожены, каждый отдѣльно, особою изгородью изъ кольевъ. Въ этомъ году изгороди оказались попорченными, почему было приказано исправить ихъ. Для послѣдней цѣли, такъ какъ главная порча изгороди выражалась загниваніемъ той части кольевъ, которою послѣдніе были врыты въ землю, рекомендовалось, вынувъ колья, обрубать ихъ снизу и, заострivъ здоровую часть, вновь всаживать въ землю. Подобный пріемъ не долженъ былъ особенно ухудшать изгороди, по отношенію ея первоначальнаго состоянія, такъ какъ послѣдняя состояла изъ кольевъ «трехъаршинной мѣры, въ отрубѣ 3 вершка». Однако на починку потребовались и новые колья, и таковыхъ было поставлено въ февралѣ мѣсяцѣ 50.000 штукъ, каковое число наглядно указываетъ на обширность звѣринца. Колья заготовлялись высланными изъ дворцовыхъ волостей и селъ крестьянами въ «Демянскихъ и Ревякинскихъ» лѣсахъ. Самая починка производилась, повидимому, осенью. Наблюдающимъ за этою работою былъ назначенъ подключникъ Измайловскаго дворца, нѣкій Годѣевъ. Форштмейстеръ звѣринца Гофманъ, въ виду наступленія зимняго времени, распустилъ рабочихъ. Между обоими этими лицами вышли вслѣдствіе этого крупныя препирательства, потребовавшія вмѣшательства Оберъ-Егермейстерской Конторы. Послѣдняя предписала Гофману «не чинить впредь такихъ непристойныхъ поступковъ», «опасая себя штрафа». (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

[377]) Въ іюлѣ 1744 года Оберъ-Егермейстеръ графъ Разумовскій докладывалъ Императрицѣ: «Усмотрено мною, всеподданнѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества рабомъ, по размноженію въ Измайловскомъ звѣринцѣ звѣрей, а паче оленей, а оный обширностью не весьма доволенъ, близъ котораго имѣются мѣста праздныя, которыя для пригороженія къ тому способны,

а паче для увеселенія Вашему Императорскому Величеству». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1). Елисавета Петровна приказала: «Для лучшаго удовольствія звѣрямъ пригородить удобныя мѣста, сколько надлежитъ». (Рукоп. Имп. ох.).

[378]) Въ февралѣ 1782 года, Московская Оберъ-Егермейстерская Контора, озабочиваясь приведеніемъ въ исправность Измайловскаго звѣринца, предписывала форштмейстеру послѣдняго фонъ Занденy: «Сколь же скоро вешнее время наступитъ и снѣгъ сойдетъ, то въ самой скорости по силѣ даннаго вамъ 19 генваря указу, около того Измайловскаго звѣринцу всю въ городьбѣ ветхость осмотрѣть и, учиня опись, со обстоятельствомъ въ Контору при репортѣ немедленно подать». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 56).

Къ тому же 1791 году относится свѣдѣніе о различныхъ работахъ, долженствовавшихъ быть произведенными по Измайловскому звѣринцу, перечень коимъ и приводимъ для обрисовки современнаго состоянія этого учрежденія:

«Въ Измайловскомъ дворцѣ, во второмъ псаренномъ дворѣ три денника подъ одною крышею, тесомъ крытою, съ полавошниками, мѣрою: длиною шесть сажень, шириною и съ наскомъ трехъ сажень, во оныхъ денникахъ мѣстами полы и полавошники, также и двери починкою исправить, а въ крышкѣ, за гнилостью обшивныхъ горбылей, по старому тесу новыми обшить еще горбылями. Особо состоящій одинъ большой денникъ съ полавошниками, длиною пяти саженъ дву аршинъ, шириною двухъ сажень двухъ аршинъ, на ономъ денникѣ, вмѣсто тесничной ветхой крышки, тесомъ ли или по лубу дранью вновь накрыть, что изъ онаго способнѣе будетъ, по показанію смотрителей, внутри жъ онаго въ полахъ и полавошникахъ косяки и двери починкою исправить. На дворѣ навѣсъ, подъ которымъ кормится охота, длиною осьми саженъ одного аршина, шириною шести аршинъ четырехъ вершковъ, подъ онымъ навѣсомъ мѣстами въ полу новыми досками починить. Во дворѣ створчатыя небольшія ворота и калитка, оныя ворота старыя починить и щеколду вновь прибить, а калитку вновь сдѣлать и навѣсить на петляхъ и крючьяхъ и со щеколдой желѣзныхъ. На пятомъ псаренномъ бывшемъ дворѣ изба съ сѣнми, длиною и шириною по осьми аршинъ по два вершка, сѣни длиною семи аршинъ, вышиною въ жилѣ трехъ аршинъ съ четвертью, оную избу съ сѣнями перенесть на третій псаренный дворъ, снизу подрубить, а сверху, вмѣсто сгнившихъ череповыхъ, также и въ стѣнахъ, старыхъ бревенъ, новыя положить, полы и потолки, съ прибавкою новыхъ досокъ, исправить, въ окнахъ косяки, оконницы вновь вставить, затворы на петляхъ и крючьяхъ желѣзныхъ съ болтами навѣсить, лавки новыя положить, печь кирпишную изъ стараго кирпича, съ прибавкою, вновь скласть, заслонъ желѣзный новый, двери въ избѣ, одну въ сѣняхъ, двѣ новыя сдѣлать, на петляхъ и крючьяхъ со скобами навѣсить, у сѣнной же одной щеколду прибить, крышку по лубу дранью, во всемъ вновь, накрыть. При Измайловскомъ звѣринцѣ связь деревянная, въ коей жительство имѣетъ форштмейстеръ фонъ Занденъ, чрезъ сѣни два покоя съ придѣлкомъ, длиною девяти саженъ одного аршина четырехъ вершковъ, шириною трехъ саженъ, во иныхъ двухъ покояхъ въ окнахъ рамы новыя сдѣлать, стекла старыя, съ прибавкою новыхъ, вставить, ставень новый на петляхъ и крючьяхъ съ болтомъ навѣсить, а къ другому одинъ болтъ прибить, крышку старую, гдѣ течь, переправить, прибойникомъ прибить. За оною связью погребъ, сарай и конюшня подъ одною крышею, длиною десяти саженъ одного аршина, шириною осьми аршинъ, подъ погребицей и конюшней, вмѣсто сгнившихъ старыхъ бревенъ, новыми подрубить; въ сараѣ столбовъ старыхъ, сгнившихъ семь, вмѣсто оныхъ, новые поставить, также связи и стропила переломившіяся перемѣнить; въ конюшнѣ полъ, ясли, рѣшетки, двери и косяки, съ прибавкою новаго къ тому матеріалу, ворота старыя переправить; крышку подъ погребомъ, сараемъ и конюшнею, къ старому лѣсу съ прибавкою новаго, а дранью всею новою, покрыть. Дворъ огороженъ въ столбы заборомъ

Гербъ г. С.-Петербурга временъ Елисаветы Петровны.

рѣшетчатымъ, въ коемъ ворота рѣшетчатыя жъ, створчатыя на петляхъ и крючьяхъ желѣзныхъ, такожъ дворъ, длиною двадцати саженъ одного аршина осьми вершковъ, въ другомъ концѣ семи саженъ одного аршина, за совершенною его ветхостью и гнилостью, весь вновь изъ новаго матеріала забрать и для въѣзду во дворъ ворота створчатыя новыя сдѣлать и навѣсить на петляхъ и крючьяхъ желѣзныхъ съ запоромъ. Для содержанія казенныхъ лошадей конюшня, длиною трехъ саженъ одного аршина осьми вершковъ, шириною девяти аршинъ, во оной конюшнѣ полъ бревенчатый, за гнилостью перебрать; стойлы, ясли и рѣшетки, съ прибавкою, исправить; дверь старую переправить и вколотить одну подставку съ петлею, передъ конюшнею примостокъ переправить; крышу надъ оной, къ старому лубу съ прибавкою новаго и новою дранью, съ принадлежащимъ къ тому матеріаломъ, покрыть. По правую сторону выѣзжихъ воротъ связь деревянная, черезъ сѣни два покоя, длиною девяти саженъ, шириною осьми аршинъ, оные два покоя и сѣни съ низу, вмѣсто гнилыхъ бревенъ, четыре ряда подрубить; полы перебрать, съ прибавкою новыхъ досокъ; переводы новые положить; оконницы, за гнилостью старыхъ, новыя рамы, съ прибавкою къ старымъ стекламъ, вставить; къ окнамъ ставни исправить и навѣсить на петляхъ и крючьяхъ желѣзныхъ; изъ оныхъ въ одномъ покоѣ потолокъ, съ прибавкою вмѣсто гнилыхъ досокъ, новыми перебрать; матицу переломившуюся перемѣнить; печи въ обоихъ покояхъ перебрать; двери въ покояхъ и сѣняхъ старыя переправить и навѣсить на петляхъ и крючьяхъ желѣзныхъ; рундуки вновь сдѣлать; крышку всю вновь, къ старому лубу съ прибавкою частію новаго, а дранью новою, съ принадлежащимъ къ тому еще новымъ матеріаломъ, покрыть. Внутри звѣринца, на большомъ оленьемъ дворѣ, два на столбахъ съ рѣшетками навѣса, съ подволоками досчатыми, подъ которыми кормятся олени, а на верхахъ полагается сѣно, изъ оныхъ первый навѣсъ, длиною осьмнадцати саженъ, шириною четырехъ саженъ одного аршина осьми вершковъ, второй навѣсъ, длиною осьмнадцати саженъ, шириною пяти саженъ, оные два навѣса разобравъ, покачнувшіеся столбы, связи и стропила по надлежащему поправить; вмѣсто сгнившихъ столбовъ, новые поставить; крышки, по старому лубу и къ старой драни съ прибавкою новаго, покрыть; крючья сгнившіе перемѣнить; желобъ и прибоины всѣ новые положить; стѣны жъ, по старому, въ столбы жердми, забрать; рѣшетки починить; подволоки старыми досками по прежнему наслать. На Американскомъ оленьемъ зимовомъ дворѣ, одинъ на столбахъ навѣсъ, подъ которымъ задаются оленямъ кормы, длиною двадцати саженъ, шириною десяти аршинъ, съ подволокою, насланною горбылями и бревешками, а въ стѣнахъ, обитыми тесницами, оный сарай разобравъ, связи и стропила поправить, а оказавшееся въ ветхости перемѣнить; вмѣсто сгнившихъ столбовъ, новые поставить, а старые покачнувшіеся поправить; подволоку, вмѣсто переломившихся горбылей съ прибавкою, по старому наслать; въ стѣнахъ же тесъ подбить съ небольшою прибавкою; крышку, по старому лубу, а дранью, по старой сверху новой, покрыть; желобья сгнившіе перемѣнить, пробойникомъ новымъ прибить; въ сараѣ рѣшетки починить. На кабаньемъ зимовомъ дворѣ рѣшетчатыя ворота ветхія починкою исправить». (Тамъ же, стр. 218 и 219).

[379]) Въ концѣ 1774 года Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ всеподданнѣйше испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія о назначеніи къ выдачѣ суммы, необходимой какъ на переѣздъ въ Москву, на время пребыванія тамъ Императорскаго двора, Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и частей С.-Петербургскихъ охотъ, такъ и на исправленіе различныхъ Московскихъ охотничьихъ учрежденій. Въ докладѣ этомъ, между прочимъ, читаемъ: «Необходима починка Семеновскаго и Измайловскаго дворовъ съ звѣринцемъ и шалашами. А дабы при пріѣздѣ туда не поморить собакъ и лошадей въ тамошнихъ строеніяхъ, кои походятъ болѣе на развалины, нежели на обиталища, бывъ столь времени безъ починки, паче же людямъ вреда отъ того не нанесть, то уже и подрядчики наняты, изъ тѣхъ ветхостей нѣсколько поправить, а на прочіе матеріалы пріуготовить нынѣшнимъ зимнимъ временемъ, на что оные подрядчики неотступно требуютъ денегъ». Докладъ этотъ заканчивался фразой: «Есть-ли сего милостиваго повелѣнія не послѣдуетъ, то Оберъ-Егермейстерской командѣ какъ нечѣмъ въ Москву отправиться, такъ и некуда будетъ туда пріѣхать». (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

5 октября 1783 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала: «Состоящія при Измайловскомъ звѣринцѣ звѣровщиковыя три избы осмотрѣть, не могутъ ли онѣ съ починкою быть годны для жительства служителямъ, и по осмотру, въ какой оныя избы состоятъ ветхости, подать со обстоятельствомъ репортъ». (Тамъ же, стр. 72).

[380]) Изъ указа Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи статейничему Дмитрію Рыкунову, отъ 17 ноября 1791 г., между прочимъ, усматривается, что Егермейстерское вѣдомство отдавало въ то время «на откупъ» покосы, имѣвшіеся въ Измайловскомъ звѣринцѣ, при условіи, что туда, со стороны названнаго вѣдомства, могли быть пускаемы «на полевой кормъ» какъ казенныя, такъ и принадлежащія частнымъ лицамъ лошади и чтобы лошади и скотъ, выпускаемый на тѣ же покосы самимъ арендаторомъ, были здоровы, подъ отвѣтственностью арендатора. (Тамъ же, стр. 235 и 249).

[381]) «Звѣри с. Измайлова содержались въ нѣсколькихъ звѣринцахъ, расположенныхъ на весьма обширномъ, обнесенномъ высокимъ тыномъ (мѣстами до шести аршинъ) пространствѣ.

носившемъ общее названіе Измайловскаго звѣринца. О размѣрѣ этого звѣринца въ документахъ не упоминается; находится только свѣдѣніе, что въ 1740 году къ нему прибавлено было еще 45 десятинъ луговой земли, принадлежавшей дворцовымъ крестьянамъ села Измайлова, въ урочищѣ Грачевникѣ и Лебедевскомъ лугу; впрочемъ въ слѣдующемъ году крестьянамъ снова разрѣшено косить взятые у нихъ луга, такъ какъ отведенные имъ взамѣнъ покосы (въ селѣ Коломенскомъ) оказались неудобными».

«Въ звѣринцѣ находился прудъ, называвшійся Краснымъ, черезъ который былъ «проѣзжій» мостъ. Въ описываемое время въ звѣринцѣ прорублены были проспекты, и звѣри размѣщены въ болѣе удобномъ порядкѣ, по плану, вновь составленному.

Въ Измайловскомъ звѣринцѣ помѣщались: звѣровый дворъ и звѣринцы: заячій, лосиный и кабаній. На звѣровомъ дворѣ, какъ выше сказано, помѣщались служащіе при охотѣ. На этомъ дворѣ въ 1740 году выстроены были два сарая. Въ заячьемъ звѣринцѣ содержались зайцы и дикія козы. Звѣринецъ этотъ былъ «весьма крѣпостію загороженъ и крѣпокъ». Въ 1740 году въ немъ построенъ для дикихъ козъ сарай, длиною 10 саженей, а въ вышину $2^1/_2$ аршина, съ крышей изъ драни. Лосиный звѣринецъ былъ довольно обширенъ: въ декабрѣ 1740 г. на горольбу вокругъ него велѣно было заготовить 13,000 кольевъ, длиною въ шесть аршинъ, а въ отрубѣ $1^1/_2$ вершка. Въ кабаньемъ звѣринцѣ въ томъ же году построены «для размноженія кабановъ» четыре омшанника».

[382]) Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, оп. 72, д. № 38.

Госуд. Арх., оп. 72, д. № 36.

[383]) Въ 1728 году при Измайловскомъ звѣринцѣ, несомнѣнно, состояла не только Императорская псовая охота, прибывшая изъ С.-Петербурга, но тамъ же содержалась и часть птичьей охоты, взятой съ Семеновскаго потѣшнаго двора. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 204).

Принцъ К. Де-Линь, съ грав. И. Мансфельдъ.

Вообще около этого времени псовая охота быстро возрождается частью путемъ конфискаціи охотъ частныхъ лицъ, частью покупкою и даже вывозкою собакъ, къ чему прилагали громадное стараніе князья Долгорукіе, Алексѣй и сынъ его Иванъ, послѣдній, находившійся тогда въ особенномъ фаворѣ у молодого Императора.

«Бирон, будучи въ Москвѣ, обѣщалъ»—говоритъ Соловьевъ — «князю Ивану Долгорукову сыскать для него собаку; по возвращеніи въ Митаву ничего больше не думалъ, какъ объ исполненіи своего обѣщанія и нашелъ собаку самой лучшей породы». (Соловьевъ, т. XIII, стр. 161).

Лѣтомъ 1740 года въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества поступили нижеслѣдующія два донесенія Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ о пріобрѣтеніи для С.-Петербургской Придворной охоты собакъ во Франціи и въ Англіи.

11 іюля Канцелярія доносила: «Сего іюня 16 дня въ указѣ Ея Императорскаго Величества изъ Высочайшаго Кабинета, за руками Сіятельныхъ Господъ Кабинетныхъ Министровъ, въ Канцелярію Егермейстерскихъ дѣлъ написано, что по полученнымъ изъ Англіи отъ Дѣйствительнаго Камергера и Полномочнаго Министра Князя Щербатова, при реляціи, счетамъ показано на покупку тамо для охоты Ея Императорскаго Величества гончихъ собакъ и на кормъ и прочее издержано тамошнею монетою четыреста восемьдесятъ одинъ фунтъ стерлиговъ семнадцать шиллинговъ и пять съ половиною пенинговъ, которые занялъ онъ у банкира и для расплаты со онымъ о присылкѣ себѣ просить, о чемъ изъ реляціи его экстрактъ, а счетъ оригинальный, присланный при томъ указѣ, и чтобъ такія деньги къ нему, Князю Щербатову, перевесть черезъ вексель изъ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ, дабы тамо на оныя у банкира, у котораго заняты, за неплатежъ процентовъ болѣе не умножить. А понеже означенныя издержанныя на покупку собакъ и на прочее деньги учинять Россійскою монетою около дву тысячь рублевъ, а нынѣ при Егермейстерскихъ дѣлахъ наличной денежной казны девяносто два рубли семьдесятъ три копейки, да на

содержаніе слона семьсотъ тридцать рублевъ восемьдесятъ пять копеекъ, которые отпускаются отъ Дворцовой Конторы и хотя, по резолюціи Кабинета Ея Императорскаго Величества, на принадлежащіе въ Канцелярію Егермейстерскихъ дѣлъ исчисленные точные расходы на нынѣшній 740 годъ денежной суммы, на счетъ ассигнованныхъ денегъ въ Конюшенную Канцелярію, восемь тысячъ триста тридцать девять рублевъ, въ томъ числѣ на произвожденіе обрѣтающимся при охотѣ служителямъ жалованья четыре тысячи девятьсотъ двадцать рублевъ, на ординарный и сермяжный мундиръ девятьсотъ девятнадцать рублевъ, канцелярской и къ охотамъ на мелочные расходы двѣ тысячи пятьсотъ рублевъ, повелѣно отпустить изъ Статсъ-Конторы, токмо, за неимѣніемъ здѣсь на монетномъ дворѣ денегъ, тою сумму еще не отпущено, а ассигновано переслать черезъ вексель изъ Москвы изъ оставшей въ Москвѣ Статсъ-Конторы, но хотя о томъ сего іюня 5 дня ассигнація въ Москву во оную контору и послана, токмо и понынѣ еще оной суммы не отпущено и извѣстія о томъ никакого не прислано, къ тому жъ хотя здѣсь при конюшенныхъ дѣлахъ конюшенной суммы тысяча четыреста тридцать пять рублевъ и есть, токмо оныхъ, по Именному Ея Императорскаго Величества указу, состоявшемуся октября 26 дня 1739 года, ни на какіе расходы, кромѣ конскихъ заводовъ, держать не повелѣно».

На донесеніе это 15 іюля послѣдовала резолюція Кабинетъ-Министровъ Андрея Остермана и князя Алексѣя Черкасскаго:

«Вышепоказанное требуемое число денегъ для переводу на платежъ за покупныя въ Англіи собаки въ Канцелярію Егермейстерскихъ дѣлъ отпустить изъ Статсъ-Конторы на счетъ отпускаемыхъ денегъ въ Конюшенную Канцелярію и о переводѣ тѣхъ денегъ означенной Егермейстерской Канцеляріи согласиться съ надежными иностранными купцами».

2) 5 августа Канцелярія Егермейстерскихъ дѣлъ доносила: «Сего августа 2 дня, указомъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества за подписаніемъ Сіятельныхъ Господъ Кабинетныхъ Министровъ повелѣно Егерской Канцеляріи за купленныя во Франціи Господиномъ Посломъ Княземъ Кантемиромъ и отправленныя въ С.-Петербургъ, по Именному Ея Императорскаго Величества указу, французскія собаки, которыя къ охотѣ Ея Императорскаго Величества Егерскою Канцеляріею уже приняты, по присланнымъ отъ оного Господина Посла Князя Кантемира счетамъ деньги тысячу сто рублевъ, когда отъ тамошняго купца данный ему вексель въ Егерской Канцеляріи объявленъ будетъ, заплатить немедленно, такожъ за провозъ оныхъ собакъ изъ Руана сюда, вмѣсто данныхъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества голландскому шкипору договоренныхъ денегъ двѣсти восемьдесятъ одинъ рубль тридцать семь копеекъ, для надлежащаго въ счетахъ порядку возвратить въ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества, а понеже нынѣ въ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ денежной казны на лицо, принятой отъ Дворцовой Конторы на содержаніе слона токмо съ семьсотъ рублевъ, а окромя оныхъ ничего нѣтъ, что же по резолюціи Кабинета Ея Императорскаго Величества повелѣно на принадлежащіе въ Канцелярію Егермейстерскихъ дѣлъ и къ охотамъ исчисленные расходы на нынѣшній 1740 годъ денежную сумму восемь тысячъ триста тридцать девять рублевъ отпустить изъ Статсъ-Конторы, оные приняты въ Москвѣ въ Конюшенную Канцелярію, а сюда еще не присланы, и затѣмъ на необходимые при охотахъ Ея Императорскаго Величества расходы забраны здѣсь болѣе шти сотъ рублевъ подъ образомъ займа отъ Конюшенныхъ дѣлъ и оные всѣ издержаны, которые изъ помянутой суммы надлежитъ къ Конюшеннымъ дѣламъ возвратить по прежнему, и тотъ ежели за вышеписанныхъ собакъ тысячу сто рублевъ заплатить да выданные изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества за провозъ тѣхъ собакъ голландскому шкипору двѣсти восемьдесятъ одинъ рубль тридцать семь копеекъ возвратить въ Кабинетъ отъ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ, то уже на всякіе мелочные при охотахъ расходы въ нынѣшнемъ 740 году будетъ недостатокъ и о томъ въ Высочайшій Кабинетъ Ея Императорскаго Величества симъ всенижайше доношу». Подписалъ фонъ-Трескау.

За неполученіемъ резолюціи Кабинета, Трескау, 8 сентября, снова вошелъ съ представленіемъ въ то же учрежденіе, излагая, что просилъ де онъ о томъ-то, «но не токмо по тому данному всенижайшему доношенію отъ Высочайшаго Кабинета Ея Императорскаго Величества резолюціи и по нынѣ не послѣдовало, а Аглицкій купецъ Вульфъ непрестанно тѣхъ денегъ по присланному къ нему векселю отъ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ проситъ, того ради вышеписанныя деньги тысячу сто рублевъ, за недостаткомъ въ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ, откуда повелѣно будетъ заплатить, также и выданные изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества за провозъ оныхъ же собакъ шкипору двѣсти восемьдесятъ одинъ рубль тридцать семь копеекъ возвратить, о томъ отъ Высочайшаго Кабинета Ея Императорскаго Величества требуется милостивой резолюціи».

Резолюція Кабинетъ-Министровъ Андрея Остермана, Князя Алексѣя Черкасскаго и Алексѣя Бестужева-Рюмина послѣдовала 12 сентября: «По вышеобъявленнымъ доношеніямъ за означенныхъ французскихъ собакъ, по присланному въ Егермейстерскую Канцелярію векселю, тысячу сто рублевъ, за неимѣніемъ въ той Канцеляріи денегъ, заплатить и выданные за провозъ оныхъ собакъ до С.-Петербурга голландскому шкипору изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества двѣсти восемьдесятъ одинъ рубль тридцать семь копеекъ возвратить въ Кабинетъ изъ Штатсъ-Конторы и сіе

той Конторѣ учинить по сношенію со оною Егермейстерскою Канцеляріею». (Арх. Правит. Сената, книга LXXXVII, л. 66 и кн. № 60—1740 года, л. 320).

[384]) Въ 1729 году при Измайловскомъ звѣринцѣ, повидимому, состояла вся, такъ сказать, активная часть соколиной охоты; въ Семеновскомъ же на потѣшномъ дворѣ оставались лишь ловчія птицы, еще не выношенныя, и сокольники, занимавшіеся ихъ выноскою.

Въ началѣ 1730 года при Измайловскомъ звѣринцѣ имѣлось: 1) ловчихъ птицъ: 44 кречета, 18 челиговъ кречетьихъ, 13 соколовъ, 1 челигъ соколій, 8 ястребовъ (въ томъ числѣ 3 бѣлыхъ), 2 балобана и 5 орловъ, всего 91 птица; 2) собакъ: борзыхъ 50, гончихъ французскихъ 50, гончихъ русскихъ 128, кровавыхъ (bloodhound или гончая святого Губерта) 4, таксель 9, всего 243 собаки; 3) въ звѣринцѣ звѣрей: лосей 3, оленей сѣрыхъ 44, оленей бѣлыхъ олонецкихъ 19, зубровъ 7, козъ 25, кабановъ 9, дикобразовъ 4, всего 111 звѣрей (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 6); 4) лошадей 224; 5) верблюдовъ 12.

На содержаніе этихъ охотъ выходило слѣдующее количество различныхъ продуктовъ:

Мяса птицамъ на день по пуду, а собакамъ по два пуда, причемъ во время «походовъ», то-есть дальнихъ охотничьихъ поѣздокъ, вмѣсто мяса, выдавались деньги на пріобрѣтеніе послѣдняго, «по московской цѣнѣ».

Овсяной муки борзымъ и гончимъ собакамъ, на 9 мѣсяцевъ, всего 2.000 четвертей.

Шкварины (негодные остатки по вытопкѣ сала) для собакъ на 9 мѣсяцевъ, всего 72 четверти.

Соли для кормленія борзыхъ и гончихъ собакъ 40 пудовъ въ годъ, да верблюдамъ 72 пуда въ годъ же.

Овса на фуражъ всѣмъ лошадямъ 1.568 четвертей на срокъ въ 7 мѣсяцевъ, и верблюдамъ 21 четверть на то же время.

Сѣна на фуражъ лошадямъ 35.280 пудовъ на 7 мѣсяцевъ, да верблюдамъ 1.890 пудовъ на то же время.

Оленямъ, сайгакамъ, зубрамъ и кабанамъ полагалась мука ржаная, ячмень и овесъ «по требованію, понеже оному хлѣбу числа положить не можно, потому что сколько звѣрей прибудетъ, вѣдѣнія о томъ не имѣется».

Лейбъ-медикъ Блюментростъ, 1-й президентъ Академіи Наукъ, съ литографіи П. Андреева по портр. съ натуры.

Въ то же время въ звѣринцѣ устраивались для олекнязей Долгорукихъ, что они забрали себѣ по смерти Императора Петра Алексѣевича всѣхъ лучшихъ собакъ царской охоты. (Записки, стр. 94).

Дѣйствительно, одинъ князь Алексѣй Долгорукій забралъ себѣ 6 борзыхъ собакъ, 8 французскихъ и 50 русскихъ гончихъ, а всѣ князья Долгорукіе присвоили 18 борзыхъ собакъ, 8 французскихъ и 80 русскихъ гончихъ.

Кромѣ того, князь Алексѣй Долгорукій взялъ себѣ 19 лучшихъ птицъ изъ Императорской птичьей охоты.

Не забыли о себѣ въ этомъ же отношеніи и другія приближенныя къ молодому, безвременно погибшему, Императору, лица, и стараніями ихъ къ марту мѣсяцу того же 1730 года въ псовой охотѣ при Измайловскомъ звѣринцѣ состояло лишь 3 борзыхъ собаки, 42 французскихъ и 12 русскихъ гончихъ, 4 кровавыхъ и 9 таксель, всего 70 собакъ да 174 лошади, вмѣсто 243 собакъ и 224 лошадей.

Однако и эта охота была вначалѣ нѣсколько уменьшена Императрицею Анною Іоанновною: 23 марта 1730 года «подлежало въ отдачу» 80 лошадей, 16 верблюдовъ, 4 кровавыхъ собаки и 6 таксель. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 6).

ней искусственные солончаки, для чего въ извѣстныхъ мѣстахъ разсыпалась глина, смѣшанная съ солью. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 311).

[385]) Императорская охота содержалась при Измайловскомъ звѣринцѣ въ такомъ размѣрѣ не долго и тотчасъ послѣ смерти Царя Петра II значительно сократилась.

Дюкъ де-Лирія, Испанскій посолъ, грандъ перваго класса и фельдмаршалъ, прибывшій въ Россію 7 ноября 1727 года, прожившій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ нѣсколько лѣтъ и оставившій чрезвычайно для насъ интересныя записки и другіе документы, о которыхъ намъ придется еще много говорить впослѣдствіи, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, разсказывая о различныхъ безобразіяхъ и безчинствахъ

Въ 1746 году для всѣхъ охотъ вообще, а въ особенности для псовыхъ, явилась потребность въ пріобрѣтеніи лошадей «исправныхъ», такъ какъ хотя до того времени въ Императорскую охоту и поставлялись лошади отъ Дворцовой Канцеляріи и изъ прочихъ мѣстъ, однако, по донесенію въ Правительствующій Сенатъ Оберъ-Егермейстера графа Разумовскаго, «весьма срослыя, изъ которыхъ нынѣ многія вовсе въ ѣзду негодныя». Руководствуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи имѣлась въ то время въ наличности «оставшая за годовыми расходами нѣкоторая сумма» и что по Именному Ея Величества указу употребленіе таковой «на приключающіеся сверхъ штата расходы» было предоставлено усмотрѣнію Оберъ-Егермейстера, графъ Разумовскій рѣшилъ купить нѣкоторое число лошадей въ низовыхъ городахъ: въ Пензѣ, Саратовѣ, Царицынѣ и въ Донскихъ городкахъ. Для этой цѣли онъ полагалъ отправить Комиссара Конюшенной Дворцовой Канцеляріи Алексѣя Попова, причемъ просилъ Правительствующій Сенатъ, «дабы Высочайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ повелѣно было объявленному комисару Попову для оной покупки, по требованіямъ его сумму, до 4,000 рублей, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оная способна будетъ, выдать на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и для оныхъ конвой и содержанія изгону до Москвы тѣхъ покупныхъ лошадей изъ тамошнихъ Донскихъ казаковъ или откуда заблагоразсудить Правительствующій Сенатъ изволитъ, сколько оный будетъ требовать, и чтобъ онъ былъ въ томъ удовольствованъ безъ всякихъ задержаній и продолжительствъ, о томъ изъ Правительствующаго Сената въ тѣ мѣста, кому надлежитъ, подтверждено было Ея Императорскаго Величества указами, а коликое число на ту покупку оный посланный въ тѣхъ мѣстахъ пріиметъ денегъ, оныя по сообщеннымъ оттуда счетамъ отданы будутъ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи безъ задержанія, куда Правительствующій Сенатъ повелитъ. Что же касается, въ пути будучи, тѣмъ лошадямъ безпрепятственный и свободный прогонъ и для того, какаго гдѣ тому вспоможенія требоваться будетъ, или ко удовольствію тѣхъ лошадей полевыхъ кормовъ въ городахъ или отъ обывателей по тому тракту, повелѣно бъ было дать ему отъ Правительствующаго Сената Ея Императорскаго Величества указъ».

Правительствующій Сенатъ просьбу Оберъ-Егермейстера уважилъ съ тою однако оговоркою, чтобы деньги на покупку лошадей выдавались Попову изъ суммъ Статсъ-Конторы въ указанныхъ лишь выше низовыхъ городахъ, «ибо въ Донскихъ городкахъ казенныхъ сборовъ нѣтъ». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 35—638).

Весною 1750 года въ псовую охоту при Измайловскомъ звѣринцѣ, находившуюся тогда почему-то подъ завѣдываніемъ сокольника Василія Петрова, были вытребованы «двѣ удойныя добрыя коровы» для выкормки щенятъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

21 октября 1792 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія разрѣшила предоставить подковываніе лошадей, состоящихъ при Измайловскомъ звѣринцѣ, частному кузнецу, по цѣнѣ, на собственномъ его желѣзѣ и углѣ: новая подкова 15 копеекъ, а старая 5 копеекъ, съ тѣмъ, «чтобы за конюхами накрѣпко смотрѣть, дабы та подковка лошадей производима была по самой настоящей въ томъ надобности и безъ приписки излишнихъ подковъ, а ковать только тѣхъ лошадей, кои въ ѣзду употребляются, ибо какъ въ нынѣшнее, такъ и въ зимнее времена на поля со птицами и собаками не ѣздятъ, слѣдовательно, лошади, на конюшнѣ будучи, и безъ перековки стоять могутъ, чѣмъ и соблюдена будетъ казна отъ излишнихъ издержекъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 292).

Заслуживаетъ интереса относящееся къ февралю мѣсяцу того же года ходатайство Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы передъ Канцеляріею о разрѣшеніи покупать для корма собакъ псовой охоты овсяную муку, ибо де въ городѣ Москвѣ и окрестностяхъ совершенно не имѣется мельницъ, на которыхъ было бы возможно перемолоть овесъ. Оберъ-Егермейстерская Канцелярія ходатайство это уважила, «ежели подлинно для молонья овса мельницъ по близости Москвы не состоитъ». (Тамъ же, стр. 316).

Къ тому же году относится извѣстіе, что собакамъ псовой охоты выдавалось въ кормъ мясо лишь съ начала зимы по 1 марта «или какъ простоитъ холодное время». (Тамъ же, стр. 290).

386) Въ числѣ документовъ, относящихся къ началу 1740 года, имѣется весьма интересное и обширное дѣло, касающееся вопроса о содержаніи при псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ въ селѣ Измайловѣ собственныхъ собакъ бывшаго Оберъ-Егермейстера Артемія Петровича Волынскаго. (А. М. Д. К., д. № 11, св. 616, реестръ № 60, шкафъ № 3).

Приводимъ лишь сущность этого вопроса и нѣкоторые особо интересные документы.

7 мая 1740 года Завѣдывавшій въ то время псовой охотою при Измайловскомъ Звѣринцѣ, подпоручикъ Петръ Вердеревскій, вошелъ въ Московскую Дворцовую Конюшенную Канцелярію съ представленіемъ, въ коемъ излагалъ, въ общихъ чертахъ, нижеслѣдующее:

Представленный ко псаренному Двору въ Измайловѣ кречетникъ Дмитрій Патрекѣевъ донесъ наканунѣ, 6 мая, ему, Вердеревскому, что при псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ имѣются собственныя бывшаго Оберъ-Егермейстера Волынскаго собаки, которыя были присланы къ охотѣ «для заводу» еще въ 1738 году, въ бытность завѣдывающимъ Московскими

Придворными охотами Капитана Бутурлина. Всего означенныхъ собакъ налицо 56, въ томъ числѣ борзыхъ 19, гончихъ 15 и лацкихъ 22. Кромѣ того, при той же охотѣ имѣется меделянскій кобель, присланный «для заводу же», по приказу Волынскаго, лично отданному имъ Бутурлину въ бытность Оберъ-Егермейстера въ Москвѣ. Собаки эти, со дня ихъ поступленія въ охоту и до подачи излагаемаго рапорта, находились на казенномъ корму, наравнѣ съ собаками охоты Ея Императорскаго Величества, а надзоръ за ними имѣли и имѣютъ два собственные Волынскаго человѣка, получавшіе содержаніе отъ своихъ господъ. О причисленіи сказанныхъ собакъ къ охотѣ Ея Императорскаго Величества отъ бывшихъ начальниковъ псовой охоты, Бутурлина и Ларіонова, никакихъ указовъ и ордеровъ къ Патрекѣеву не поступало, а получали ли названныя какія-либо по этому поводу распоряженія—Патрекѣеву неизвѣстно, почему собаки Волынскаго и не записаны на приходъ въ Придворную охоту и не показывались въ срочныхъ донесеніяхъ въ Конюшенную Канцелярію о состояніи охотъ Ея Императорскаго Величества. Признавая же такой порядокъ ненормальнымъ, Патрекѣевъ просилъ подпоручика Вердеревскаго указать ему, слѣдуетъ ли собакъ этихъ причислить къ казенной охотѣ и выдавать имъ казенный кормъ.

Съ своей стороны, подпоручикъ Вердеревскій не рѣшился «на то его, Патрекѣева, доношеніе собою резолюцію чинить» и просилъ о «скорорѣшительной» резолюціи Дворцовую Конюшенную Канцелярію.

Прежде нежели приводить дальнѣйшія по этому дѣлу свѣдѣнія, считаемъ необходимымъ напомнить, что Артемій Петровичъ Волынскій былъ отстраненъ отъ всѣхъ должностей, въ томъ числѣ и отъ должности Оберъ-Егермейстера, въ апрѣлѣ 1740 года. Вѣсть объ этомъ отрѣшеніи дошла до Москвы, по всей вѣроятности, въ началѣ мая, и тотчасъ же всѣ лица, находившіяся раньше подъ началомъ Волынскаго, забили тревогу, стремясь поскорѣе обѣлить себя въ области «непорядковъ», произведенныхъ по указу Волынскаго или изъ желанія услужить сильному прежде человѣку.

Обстоятельство это было причиною и тому, что рапортъ подпоручика Вердеревскаго произвелъ и въ Московской Дворцовой Конюшенной Канцеляріи нѣкоторый переполохъ, конечно, не потому, чтобы о содержаніи при казенной охотѣ собакъ Волынскаго Канцеляріи, отпускавшей въ охоту всѣ припасы и близко знакомой съ ея порядками, не было извѣстно, а просто изъ боязни отвѣтственности.

Тотчасъ же стали перебирать архивъ учрежденія и наводить всевозможныя справки съ цѣлью: 1) розыскать, не имѣется ли письменнаго приказа о содержаніи собакъ Волынскаго при Измайловской охотѣ и на казенномъ корму и 2) буде не имѣется, нельзя ли устранить Конюшенную Канцелярію отъ какой-либо отвѣтственности, отговорившись тѣмъ, что Канцеляріи никто и никогда о собакахъ Волынскаго не доносилъ, а самый фактъ ихъ содержанія при казенной охотѣ былъ посему ей неизвѣстенъ. Словомъ, дѣло повелось и Канцеляріею и остальными причастными къ нему лицами къ тому, чтобы сложить съ себя отвѣтственность за непорядки.

Прежде всего надлежало установить, когда и сколько собственныхъ Волынскаго собакъ поступило въ Измайловскую охоту.

Въ дѣлахъ самой Конюшенной Канцеляріи соотвѣтственныхъ свѣдѣній не нашли. Не отыскали и вообще никакихъ письменныхъ указаній на содержаніе собакъ Волынскаго при охотѣ Ея Императорскаго Величества. Лишь въ числѣ бумагъ, отобранныхъ отъ капитана Бутурлина по отрѣшеніи его отъ должности Завѣдывающаго Московскими Придворными охотами, отыскали документъ—ордеръ Волынскаго къ Бутурлину, въ которомъ, между прочимъ, упоминалось о необходимости пересмотра всѣхъ собакъ Измайловской псовой охоты и составленія имъ реестровъ, отдѣльно собакамъ Ея Величества и отдѣльно собственнымъ собакамъ Оберъ-Егермейстера.

Тогда затребовали необходимыя свѣдѣнія отъ капитана Бутурлина и статейничаго Ларіонова.

Бутурлинъ отозвался невѣдѣніемъ, ссылаясь на то, что ближайшій надзоръ за казенною псовою охотою лежалъ, при вступленіи его въ завѣдываніе всѣми Московскими охотами, сначала на стремянномъ конюхѣ Крюковѣ, а затѣмъ на кречетникѣ Дмитріѣ Патрекѣевѣ. Не больше свѣдѣній получила Канцелярія и отъ статейничаго Ларіонова, который указалъ, что о поступленіи собакъ Волынскаго въ Измайлово долженъ знать Патрекѣевъ.

Вызвали въ Конюшенную Канцелярію Патрекѣева, привели его къ присягѣ и стали допрашивать.

Патрекѣевъ показалъ, что собаки Волынскаго поступили въ Измайлово въ 1738 году, а въ которомъ мѣсяцѣ онъ не упомнитъ.

Тогда задались вопросомъ о томъ, какія учрежденія и лица вѣдали Измайловскою псовою охотою въ теченіе промежутка времени съ 1738 по 1740 годъ.

По различнымъ справкамъ и допросамъ, оказалось слѣдующее:

До назначенія Волынскаго всѣ придворныя охоты, звѣровыя, птичьи и псовыя, находились съ обрѣтающимися при тѣхъ охотахъ служителями подъ различными правленіями, и суммы на ихъ содержаніе и на жалованье личному составу выдавались изъ различныхъ мѣстъ. Съ назначеніемъ Волынскаго на должность Оберъ-Егермейстера завѣдываніе охотами объединилось въ его

лицѣ. Въ 1738 году Волынскій учредилъ должность завѣдывающаго всѣми Московскими придворными охотами и назначилъ на эту должность Капитана Бутурлина, коему вмѣстѣ съ тѣмъ было ввѣрено и управленіе всѣмъ Измайловскимъ звѣринцемъ и Хорошевскимъ казеннымъ конскимъ заводомъ; содержаніе же охотъ, въ смыслѣ отпуска потребныхъ денежныхъ суммъ и припасовъ, Волынскій возложилъ на подвѣдомственную ему Московскую Дворцовую Конюшенную Канцелярію.

Бутурлинъ прибылъ въ Москву къ 13 января 1738 года и тогда же вступилъ въ должность, до каковаго дня собственно псовая Ея Величества охота была въ единоличномъ вѣдѣніи стремяннаго конюха Крюкова, уволеннаго по пріѣздѣ Бутурлина въ годичный отпускъ по болѣзни. Ближайшимъ же помощникомъ Бутурлина по завѣдыванію Измайловскою псовою охотою былъ назначенъ 13 же января кречетникъ Патрекѣевъ.

4 іюля 1739 года Капитанъ Бутурлинъ былъ отрѣшенъ отъ должности Завѣдывающаго Московскими придворными охотами, Измайловскимъ звѣринцемъ и Хорошевскимъ конскимъ заводомъ, и всѣ эти учрежденія были поручены въ завѣдываніе Совѣтнику Московской Дворцовой Конюшенной Канцеляріи Наумову.

6 сентября того же года Наумовъ, по приказу Волынскаго, былъ отправленъ на ревизію конскихъ Ея Императорскаго Величества заводовъ въ конюшенные города и волости, а уѣзжая въ командировку, донесъ Московской Дворцовой Конюшенной Канцеляріи, дабы на время его отсутствія изъ Москвы названная Канцелярія благоволила имѣть «точное смотрѣніе и надлежащее исправленіе» за порученными ему звѣрями и птицами.

Гр. А. П. Бестужевъ-Рюминъ, съ гр. И. М. Бернигеродъ 1756 г. по портрету Г. Пренеръ.

Съ ревизіи Наумовъ вернулся только въ апрѣлѣ 1740 года.

Но Московская Дворцовая Конюшенная Канцелярія, въ лицѣ ея асессоровъ Петра Богданова и Василія Десятова, вѣдала псовою Ея Величества охотою не во весь періодъ отлучки Наумова. 4 февраля 1740 года начальникомъ Измайловской псовой охоты былъ назначенъ Волынскимъ подпоручикъ Вердеревскій, съ предоставленіемъ ему извѣстной самостоятельности.

Кромѣ указанныхъ лицъ, въ теченіе всего разсматриваемаго промежутка времени, былъ причастенъ къ Измайловской псовой охотѣ и статейничій Герасимъ Ларіоновъ, но въ документахъ не имѣется свѣдѣній о томъ, чтобы онъ занималъ при этой охотѣ какую-либо опредѣленную должность: вѣрнѣе онъ получалъ по псовой охотѣ, такъ сказать, приватныя порученія отъ Оберъ-Егермейстера, который лично зналъ статейничаго и относился къ нему съ довѣріемъ.

Изъ изложеннаго явствуетъ, что отвѣтственными лицами и учрежденіями въ области порядковъ въ Московской придворной псовой охотѣ можно было бы считать:

1) Московскую Дворцовую Конюшенную Канцелярію, какъ органъ, на обязанности котораго лежало выдавать на содержаніе охотъ денежныя суммы и припасы въ мѣрѣ дѣйствительной въ томъ необходимости.

2) Съ начала 1738 года до 13 января того же года—стремянной конюхъ Крюковъ, какъ единственный начальникъ этой охоты.

3) Съ 13 января 1738 года по 4 іюля 1739 года—капитанъ Бутурлинъ, какъ начальникъ Московскихъ придворныхъ охотъ.

4) Съ 4 іюля 1739 года по 6 сентября того же года—Совѣтникъ Московской Дворцовой Конюшенной Канцеляріи Наумовъ, какъ начальникъ Московскихъ придворныхъ охотъ.

5) Съ 6 сентября 1739 года по 4 февраля 1740 года—ассесоры той же Канцеляріи Богдановъ и Десятовъ, на попеченіи коихъ были возложены обязанности Наумова на время его отсутствія.

6) Съ 4 февраля 1740 года—подпоручикъ Вердеревскій, какъ начальникъ Измайловской псовой охоты;

и 7) Кромѣ указанныхъ лицъ, извѣстная доля отвѣтственности лежала и на ближайшемъ, хотя и не самостоятельномъ управителѣ Московскою псовою Ея Величества охотою—на кречетникѣ Патрекѣевѣ, а отчасти и на статейничемъ Герасимѣ Ларіоновѣ.

Дворцовая Конюшенная Канцелярія была далека отъ мысли о томъ, чтобы на нее можно было возложить какую-либо отвѣтственность за «непорядки» по псовой охотѣ. Констатировавъ по своимъ дѣламъ, что никто изъ начальства псовой охоты никогда не упоминалъ въ своихъ донесеніяхъ, касавшихся потребностей этой охоты, о наличности въ ней собакъ Волынскаго, и что вся ея роль исчерпывалась обязанностью удовлетворенія требованій ближайшихъ начальниковъ и надзирателей охоты, Конюшенная Канцелярія успокоилась и постановленіемъ 13 мая 1740 года опредѣлила:

«Къ капитану Бутурлину и къ статейничему Ларіонову послать указы и велѣть имъ прислать немедленно обстоятельные отвѣты, тѣ собственныя Оберъ-Егермейстера Волынскаго собаки по какимъ указамъ или ордерамъ при охотѣ Ея Императорскаго Величества содержались и кормами довольствованы, и для чего о томъ въ Конюшенную Канцелярію не рапортовано и въ приходъ не были записаны, а буде имѣть о томъ какіе указы, оные сообщить въ Конюшенную Канцелярію, оставя при себѣ точныя копіи».

16 мая Бутурлинъ представилъ въ Конюшенную Канцелярію весьма пространное, но вмѣстѣ съ тѣмъ крайне сбивчивое по редакціи объясненіе, сущность котораго, въ общихъ чертахъ, заключалась въ слѣдующемъ:

О времени, когда и при комъ собаки Волынскаго поступили въ Измайловскую охоту, ему, Бутурлину, неизвѣстно, ибо, съ одной стороны, съ опредѣленіемъ его къ Московскимъ охотамъ, ему были поручены «въ смотрѣніе» птичья, звѣриная и псовая охоты Ея Императорскаго Величества, но никакъ не частныя чьи-либо охоты; съ другой стороны, на него не было возложено ближайшее завѣдываніе псовою охотою Измайловскаго звѣринца. Одновременно съ назначеніемъ его, Бутурлина, было предписано, ордеромъ Волынскаго, принять псовую охоту отъ стремяннаго конюха Дмитрія Крюкова «по описямъ съ росписью» кречетнику Дмитрію Патрекѣеву, которому и вмѣнялось въ обязанность «репортовать о всемъ Бутурлина ежемѣсячно». Обязанность эту Патрекѣевъ исполнялъ аккуратно, но въ рапортахъ своихъ о собственныхъ Волынскаго собакахъ не упоминалъ никогда, каковое обстоятельство, по мнѣнію его, Бутурлина, совершенно исключало его причастность къ непорядкамъ по охотѣ. Недоумѣвая о причинахъ, побудившихъ Конюшенную Канцелярію требовать именно отъ него, Бутурлина, объясненій, почему о присутствіи въ Измайловской охотѣ собственныхъ бывшаго Оберъ-Егермейстера собакъ Конюшенная Канцелярія не была поставлена въ извѣстность, и указывая на то обстоятельство, что онъ, какъ завѣдывавшій Московскими придворными охотами, никогда Конюшенной Канцеляріи подчиненъ не былъ, что онъ былъ обязанъ рапортовать о состояніи охотъ, какъ то Канцеляріи небезъизвѣстно, лишь одному Волынскому и что «о тѣхъ собственныхъ собакахъ не только тою Канцелярію, но и Волынскаго не репортовалъ за неимѣніемъ указа», Бутурлинъ, не безъ язвительности замѣчалъ: «что тѣ собаки при Измайловѣ содержались и съ котораго времени кормомъ довольствованы, о томъ болѣе извѣстны Конюшенной Канцеляріи члены, ибо въ бытность мою охота Ея Императорскаго Величества псовая довольствовалась отпускаемымъ отъ Конюшенной Канцеляріи кормомъ, который и держалъ въ расходъ упомянутый Патрекѣевъ, а въ репортахъ объ издержаніи на Егермейстерскихъ собакъ кормовъ мнѣ не объявливалъ, и чѣмъ тѣ собаки довольствованы, о томъ я неизвѣстенъ, и хотя дѣйствительно казеннымъ кормомъ довольствовались—то было во власти оныхъ членовъ, ибо кормъ отъ собакъ отпускался отъ Конюшенной Канцеляріи, да сверхъ того для ѣзды съ тѣми собаками въ поле охотникамъ онаго Волынскаго и для отъѣзду съ дѣтьми его, Волынскаго, въ деревню Вороново съ тѣми жъ собаками даваны были отъ членовъ Конюшенной Канцеляріи и лошади неоднократно, при чемъ ѣздилъ и онъ, Патрекѣевъ, а съ чьего позволенія—не знаю; а изъ Воронова тѣхъ собакъ прислали въ Измайлово показанные члены, которыхъ (т.-е. собакъ), и при томъ охотниковъ онаго Волынскаго, вѣдали оные члены мимо меня, а я въ ту собственную охоту не вступалъ».

Правда, было къ нему, Бутурлину, приказаніе отъ Волынскаго, изложенное въ ордерѣ 27 декабря 1738 года, борзыхъ и гончихъ собакъ пересмотрѣть какъ Ея Императорскаго Величества охоты, такъ и охоты его, Волынскаго, учиня имъ роспись, каждой категоріи собакъ отдѣльно, и привезя эти росписи къ нему, Оберъ-Егермейстеру, въ Петербургъ, но въ бытность его, Бутурлина, въ Петербургѣ о зачисленіи тѣхъ собакъ въ охоту Ея Императорскаго Величества не только письменнаго опредѣленія, но и словеснаго приказа не было. По возвращеніи же изъ Петербурга онъ, Бутурлинъ, въ завѣдываніе Московскими Придворными охотами болѣе не вмѣшивался, а вступилъ въ эту должность Совѣтникъ Конюшенной Канцеляріи Наумовъ, который неоднократно ѣздилъ въ Измайлово, о содержаніи тамъ собакъ Волынскаго на прокормѣ ихъ казенными припасами зналъ прекрасно и никакихъ объ этомъ дѣлѣ справокъ отъ него, Бутурлина, своевременно не требовалъ.

Въ заключеніе Бутурлинъ требовалъ, чтобы ему была возвращена его собственная собака, меделянскій кобель, взятая отъ него Волынскимъ къ Измайловской охотѣ «для заводу» и до того времени, т.-е. до времени подачи Бутурлинымъ излагаемаго рапорта, находившаяся въ Измайловѣ.

Статейничій Герасимъ Ларіоновъ донесъ Конюшенной Канцеляріи, что вся его роль въ разсматриваемомъ дѣлѣ исчерпывалась исполненіемъ приказанія Волынскаго пересмотрѣть всѣхъ собакъ Измайловской охоты, въ томъ числѣ и собакъ самого Оберъ-Егермейстера, о записи которыхъ въ Придворную охоту ордера не было, о чемъ «подлинно свѣдомъ» и ближайшій надсмотрщикъ за охотою, кречетникъ Дмитрій Патрекѣевъ.

Донесеніе свое Ларіоновъ подкрѣпилъ нижеслѣдующими подлинными документами, приводимыми нами дословно.

1) Письмо Волынскаго отъ 23 декабря 1738 года изъ Петербурга.

«Господинъ Статейничей. По посланному нынѣ отъ меня ордеру къ господину Капитану Бутурлину, велѣно имѣющейся въ Москвѣ псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ привезть ко мнѣ для разсмотрѣнія обстоятельный реестръ. А понеже передъ тѣмъ временемъ, по ордеру жъ моему, велѣно ему, Бутурлину, ѣхать въ Петербургъ немедленно, и для того ежели онъ, Бутурлинъ, по тому ордеру изъ Москвы сюда отправился, то, по полученіи сего, осмотрѣть вамъ какъ Ея Императорскаго Величества охоты, такъ при томъ и особую роспись и моимъ собакамъ, ибо я тѣхъ моихъ собакъ отдалъ къ охотѣ Ея Императорскаго Величества, однакожь обоимъ порознь учинить реестры, сколько борзыхъ и гончихъ, старыхъ и молодыхъ, и какія оныя шерстьми и въ наклонѣ ростомъ, и которая сколькихъ осеней, и при томъ молодыхъ, приплоду прошлаго 1737 и нынѣшняго 1738 годовъ, порознь росписать: отъ какихъ сукъ которыя пометаны и въ которыхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ, и тѣ суки съ какими кобелями и выжлецами блюдены. И оный реестръ прислать сюда съ нарочнымъ кречетникомъ (выбравъ знающаго по псовой охотѣ) на почтовыхъ подводахъ и для того велѣть ему всѣхъ тѣхъ собакъ, о которыхъ сюда реестръ посланъ будетъ, пересмотрѣть самому, дабы онъ, будучи здѣсь, могъ и словесно о той псовой охотѣ обстоятельно сказать, а о дачѣ оному кречетнику двухъ почтовыхъ подводъ и на нихъ прогоновъ въ Конюшенную Канцелярію ордеръ отъ меня посланъ. Артемій Волынскій».

2) Письмо Волынскаго отъ 29 января 1739 года изъ Петербурга.

«Господинъ Статейничей. Посланъ нынѣ въ Москву человѣкъ мой, Василій Завидовскій, которому отъ меня приказано имѣющуюся въ Измайловѣ псовую Ея Императорскаго Величества охоту и моихъ собственныхъ борзыхъ и гончихъ собакъ, которыя отъ меня въ охоту Ея Императорскаго Величества отдаются, разобрать и изъ нихъ лучшихъ собакъ выбрать для отправленія сюда ко псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ въ С.-Петербургѣ, а нѣкоторыхъ оставить въ Москвѣ для заводу, а именно: охоты Ея Императорскаго Величества борзыхъ шестнадцать и съ молодыми щенятами, гончихъ старыхъ и молодыхъ щенятъ двадцать, лошьихъ (лосиныхъ) и меделянскихъ оставить на заводѣ всѣхъ, что есть, да изъ моихъ собакъ борзыхъ оставить на заводѣ семнадцать, а которыхъ, то именно на реестрѣ отмѣчено, да гончихъ, выбравъ лучшихъ три выжлеца и лучшихъ трехъ сукъ. А за тѣмъ выборомъ, какъ охоты Ея Императорскаго Величества, такъ и моихъ собакъ, которыя негодны для заводу, осенистыхъ и не только самыхъ плохихъ, но и посредственныхъ, сбыть со двора, дабы были оставлены для заводу такія, чтобъ надежно было отъ нихъ развести хорошихъ и такихъ, которыя достойны бъ были въ охотѣ содержать, а не напрасно кормъ тратить. Того ради, какъ оный мой человѣкъ туда пріѣдетъ, то самимъ вамъ и опредѣленному въ Измайловѣ при псовой охотѣ кречетнику Патрекѣеву какъ борзыхъ, такъ и гончихъ собакъ, сколько ихъ есть, ему, Завидовскому, показать всѣхъ, и что изъ оныхъ собакъ, такожъ изъ моихъ собственныхъ вы, вообще со охотниками и съ нимъ, Завидовскимъ, борзыхъ и гончихъ выберете для заводу, тѣхъ оставить и содержать въ добромъ присмотрѣ и отъ нихъ щенятъ разводить и выкармливать. А которыя отобраны будутъ для отправленія сюда къ охотѣ Ея Императорскаго Величества, оныхъ отправить въ С.-Петербургъ немедленно и съ ними прислать охотниковъ, выбравъ лучшихъ молодыхъ ребятъ шесть человѣкъ, въ томъ числѣ Василья Мухина, и для той посылки выдать имъ на нынѣшнюю Генварскую треть денежное и хлѣбное жалованье. А что на отправленіе отобранныхъ сюда собакъ потребно будетъ ямскихъ подводъ и на нихъ прогоновъ, такожъ на покупку собакамъ въ пути корму денегъ, оныя требовать отъ Конюшенной Канцеляріи. А негодныхъ собакъ, какъ борзыхъ, такъ и гончихъ, которыя останутся за выборомъ на заводъ и за тѣмъ, что отобрано будетъ въ Петербургъ, какъ выше показано, не токмо плохихъ, но и посредственныхъ, тѣхъ всѣхъ сбыть со двора, дабы напрасно корму не ѣли, а что для отправленія сюда собакъ отобрано и для заводу въ Москвѣ оставлено, и негодныхъ съ двора сбыть будетъ, и какихъ шерстьми, и за какою негодностью, о томъ ко мнѣ прислать реестры съ явственнымъ описаніемъ. А сколько нынѣ въ Москвѣ при псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ и моихъ собственныхъ собакъ налицо, изъ которыхъ, по разсмотрѣнію моему, размѣчено, оставить впредь въ охотѣ и взять въ Петербургъ и сбыть со двора, о томъ посылаются при семъ реестры и хотя между тѣмъ назначены и сумнительными, но если изъ добрыхъ, рѣзвыя, то изъ оныхъ лучшихъ сюда выбрать. Артемій Волынскій».

Приводимъ и любопытные, приложенные къ этому письму реестры, оставляя ихъ орѳографію.

Реестръ, сколько нынѣ въ Москвѣ, при псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ и собственныхъ Его Превосходительства Кабинетнаго Министра и Оберъ-Егермейстера Артемья Петровича Волынскаго, собакъ на лицо и что изъ которыхъ, по разсмотрѣнію Его Превосходительства, размѣчено оставить впредь въ охотѣ и взять въ Петербургъ и сбыть съ двора.

Охоты Ея Императорскаго Величества.

Собакъ разныхъ родовъ.	Внаклоне росту.			
	Аршины.	Четверти.	Вершки.	
Старыхъ.				
Лошей кобель, Галтъ-Ѳестъ, полово пегой, 7 осеней.	1	—	2½	Оставить и держать и блюсть для заводу.
Сука лошая, чубаро пегая, Скосырка, 2 осеней. .	—	3	3	
Сука лошая жъ, мурого пегая, Зельма, 2 осеней .	—	3	2	
Борзыхъ старыхъ.				
Питеръ-Бурхскихъ.				
Сука чернопегая, Остуда, псовая, 10 осеней. . .		3	2½	Здвора.
Голицынскихъ.				
Кобель половопегой, Екторъ, псовой, 4 осеней. .	1	—	1½	Оставить вохотѣ.
Сука половопегая, Ракіана, псовая, 4 осеней. . .	1	—		
Кабель муругопегой, Визирь, псовой, 2 осеней. .	1	—	1	
Сука муругопегая, Славка, псовая, 2 осеней . . .	—	3	3	
Сука половая, Лизетка, псовая, 5 осеней	—	3	3	Сумнительны.
Кобель мурогопегой, Касанъ, псовой, 2 осеней. .	—	3	3½	
Сука чернопегая, Бралья, псовая, 2 осеней . . .	—	3	3½	
Кабель краснополовой, Злодѣй, псовой, 2 осеней.	1	—	—	Естли хороши взять сюда вохоту.
Кабель краснополовой, Лиходей, псовой, 2 осеней.	—	3	3½	
Сука чернопегая, Камаска, псовая, 10 осеней . .	—	3	1½	Здвора.
Кабель чернопегой, Нахалъ, псовой, 6 осеней . .	—	3	3½	
Приплодныхъ въ 737-мъ году.				
Отъ Питеръ-Бурхскихъ, мая 21 дня, помѣту чернопегой суки Остуды и отъ кобеля полового Чемодановскаго, которой бранъ изохоты Его Высокографскаго Сіятельства.				
Кобель черной ззагривиною, Змей, псовой . . .	1	—	—	Сумнительны, а естли хороши, то взять сюды.
Кобель половой ззагривиною, Камасъ, псовой . .	1	—	—	
Кобель половой пегой, Балмасъ, псовой	1	—	—	
Отъ суки белосероухой Роксаны, которая умерла и отъ объявленнаго жъ кобеля полового Чемодановскаго.				
Сука голуба пегая, Кама, псовая	—	3	2½	
Сука серая ззагривиною, Нахалка, псовая. . . .	—	3	2½	

	Внаклоне росту.			
Въ 738 году.	Аршины.	Четверти.	Вершки.	
Ѳевраля 17 дня, помѣту Остуды, которая блюдена была скобелемъ половопегимъ Ектором.				
Кобель половопегой, псовой	1	—	½	Взять сюда вохоту Ея Величества.
Кобель муругопегой, псовой	1	.	½	
Сука половопегая, псовая	—	3	3 ½	
Ѳеврала 28 числа.				
Помѣту отъ суки Голицынской Лезетки, которая блюдена была скобелемъ муругопегимъ Визиремъ.				
Кобель чубаръ ззагривиною, псовой.	1	—	—	
Сука половопегая, псовая	—	3	3	
Іюня 6 числа.				
Помѣту отъ Голицынской суки Славны, которая блюдена была сполововопегимъ кобелемъ Ектором.				
Кобель половопегой, псовой, косолапый	—	3	—	
Кобель муругопегой, псовой.	—	3	1 ½	
Сука муругопегая, псовая.	—	3	1 ½	
Сука половопегая, псовая.	—	3	—	
Іюня 11 дня.				
Помѣту отъ молодой борзой голубопегой суки Камы, которая блюдена скобелемъ муругопегимъ Визиремъ.				Оставить вохоте.
Сука бѣлая чернощекая, псовая	—	3	1 ½	
Сентября 5 числа.				
Помѣту отъ борзой Голицынской суки половопегой Роксаны, которая блюдена смуругопегимъ кобелемъ Визиремъ.				
Кобель половопегой, псовой, косолапъ.	—	2	1	
Кобель половопегой, псовой, косолапъ.	—	2	1 ½	
Сука бурматопегая, псовая, косолапая	—	2	1	
Сука муругопегая, псовая, косолапая.	—	2	1	
Гончихъ старыхъ.				
Питеръ-Бурскихъ.				
Выжлецъ Курлянской чернокрасной, подпало(й). Говоръ, 10 осеней	—	3	2 ½	
Выжлецъ руской чернопегой, Свистунъ, 9 осеней .	—	3	1 ½	
Сука черная, белоподпалая, Арѳа, 10 осеней. . .	—	2	2 ½	
Сука черная, красноподпалая, Палишка, 10 осеней .	—	3	½	
Сука чернопегая, Ронжа, 3 осеней	—	3	—	
Пойманой, выжлецъ багряной, Крутила, 2 осеней .	—	3	1	

	Вникломе росту.		
	Аршинъ.	Четверти.	Вершки.
Голицынскихъ.			
Сука черная, красноподпалая, Доборка, 9 осеней	—	3	—
Сука черная, красноподпалая, Смолка, 2 осеней	—	3	—
Сука богряноногая, Совка, 9 осеней.	—	3	—
Сука багряная, белоподпалая, Струйка, 2 осеней	—	3	—
Выжлецъ чернобѣлоподпалой, Грачъ, 2 осеней	—	3	1
Выжлецъ багряннобѣлоподпалой, Скворецъ, 2 осеней.	—	3	2
Отъ нихъ приплодныхъ въ 737 году отъ Санктъ-Питербургскихъ.			
Марта 1 дня.			
Помѣту отъ суки чернокрасноподпалой Палишки, которая блюдена скурлянскимъ выжлецомъ Говоромъ.			
Выжлецъ чернопегой, Контырь	—	3	1
Сука серопегая, красноголовая, Сорока.	—	3	1
Іюня 10 дня.			
Помѣту отъ суки чернокрасноподпалой Норки, которая блюдена скурлянскимъ выжлецомъ Говоромъ.			
Выжлецъ чернокрасноподпалой, Ротманъ	—	3	—
Выжлецъ чернокрасноподпалой, Реутъ	—	3	1
Сука темно багряная, Палишка	—	3	1
Ноября 15 дня.			
Помѣту отъ Питеръ Бурской суки, черно пегой, Ронжи, которая блюдена счернопегимъ выжлецомъ Свистуномъ.			
Сука чернопегая.	—	3	—
Декабря 1 дня.			
Помѣту отъ Голицынской суки Крутихи, которая блюдена скурлянскимъ выжлецомъ Говоромъ.			
Выжлецъ чернокрасноподпалой	—	2	—
Сука черная ззагривиною	—	2	3
Въ 738 году.			
Марта 15 дня.			
Помѣту отъ Питеръ Бурской гончей суки Палишки, которая блюдена скурлянскимъ выжлецомъ Говоромъ.			
Выжлецъ чернопегой	—	2	3
Выжлецъ чернокрасноподпалой	—	3	1

	Внаклоне росту.		
	Аршины.	Четверти.	Вершки.
Выжлецъ чернокрасноподпалой	—	3	—
Сука чернокрасноподпалая	—	3	—
Сука чернокрасноподпалая	—	3	—
Сука чернокрасноподпалая	—	3	—
Апрѣля 6 дня.			
Помѣту отъ гончей суки Голицынской Совки, которая блюдена серанцужскимъ выжлецомъ Громилою, которой въ 738 году, вмарте мце отосланъ всанктъ Питеръ Бурхъ.			
Выжлецъ чернопегой (такихъ 6 штукъ)	—	3	—
Сука чернопегая	—	3	—
Сука чернопегая жъ	—	2	3
Апрѣля 8 дня.			
Помѣту Голицынской гончей суки Струйки, которая блюдена СПитеръ Бурскимъ чернопегимъ выжлецомъ Свистуномъ.			
Выжлецъ багряннопегой	—	3	—
Выжлецъ багряннопегой	—	2	3
Выжлецъ темнобагряной ззагривиною	—	3	—
Сука чернопегая	—	3	—
Сука чернопегая	—	2	3
Апрѣля 15 дня.			
Помѣту отъ Голицынской же гончей суки Доборки, которая блюдена скурлянскимъ выжлецомъ Громилою.			
Выжлецъ черной ззагривиною.	—	2	2 ½
Выжлецъ черной ззагривиною.	—	3	—
Выжлецъ чернокрасноподпалой		3	
Выжлецъ чернокрасноподпалой	—	2	3
Выжлецъ чернокрасноподпалой	—	2	1 ½
Сука чернокрасноподпалая	—	2	2
Сука чернокрасноподпалая жъ.	—	2	2 ½
Мая 6 дня.			
Помѣту отъ Питеръ Бурской гончей суки черной Арфы, которая блюдена скурлянскимъ выжлецомъ Говоромъ.			
Выжлецъ чернопегой	—	2	3
Выжлецъ багряннопегой	—	2	3
Выжлецъ багряннобелоподпалой ззагривиною . . .	—	3	—
Сука чернопегая.	—	3	—

	Вникломе росту.			
	Аршины.	Четверти.	Вершки.	
Сука черная, взагривиною, бѣлоподпалая	—	2	2 ½	
Сука черная, взагривиною, белоподпалая	—	2	3	
Итого 53 сабаки.				
Выбравъ изстарыхъ изгончихъ охоты Ея Величества, изъ 53 оставить на заводъ и смолодыми 10 выжлецовъ и 10 сукъ, а 33 измолодыхъ выбрать лучшихъ гончихъ, а особливо пегихъ, взять сюды вохоту Ея Императорскаго Величества.				
Меделянскихъ старыхъ.				
Кобель половой, Налетъ, 3 осеней	1	—	1	Оставить и держать всехъ для заводу и лучшихъ двухъ сукъ ублюсть сгалтъ-Ѳестомъ зболшимъ лошимъ кобелемъ.
Кобель темнокрасной, Соколъ, 3 осеней	1	—	1 ½	
Кобель краснополовой съ муружиною, Щолчокъ .	1	—	—	
Сука чубаропегая, Сорока, 6 осеней	1	—	1 ½	
Сука половая взагривиною, Змейка, 3 осеней . .	1	—	—	
Сука половая смуружиною, Левка, 3 осеней. . .	—	3	2	
Отъ нихъ приплодныхъ въ 738 году.				
Ноября 10 дня.				
Помѣту отъ меделянской суки половой смуружиною Левки, которая блюдена з Галѳестомъ.				
Кобель половопегой (такихъ 2 штуки).	—	1	3	Оставить вохоте.
Кобель муругой	—	1	2	
Кобель муругой (такихъ 2 штуки)	—	1	2 ½	
Сука половопегая	—	1	2 ½	
Волкъ, котораго кличутъ Лаврикомъ	1	—	—	Взять сюда вохоту Ея Величества.
Изсобственной охоты Его Превосходительства Кабинѣтнаго Министра и Оберъ-Егермейстера Артемья Петровича Волынскаго.				
Хортыхъ польскихъ сука черная, загривая, белоподпалая, Жулка, 5 осеней	1	—	½	Вохоту Ея Императорскаго Величества.
Арлекиновъ старыхъ чистопсовыхъ.				
Кобель чубарой взагривеною, Венеръ, 4 осеней. .	—	3	3 ½	
Сука чубарая взагривиною, Венера, 4 осеней. . .	—	3	2 ½	
Дацкихъ.				
Сука половая, Лебедка, 2 осеней.	—	3	2 ½	Вохоту Ея Императорскаго Величества.
Сука красная, Красиха, 2 осеней.	—	3	2 ½	

	Внаклоне росту.			
	Аршины.	Четверти.	Вершки.	
Приплодныхъ въ 738 году сентября 11 дня отдацкой суки Красихи, которая блюдена слошимъ кобелемъ Галтъ Өестомъ.				
Сука красная белоподпалая смуружиною	—	2	2 ½	Вохоту Ея Императорскаго Величества.
Сука красная белоподпалая смуружиною	—	2	3	
Сука красная смуружиною	—	2	1 ½	
Сука половая смуружиною	—	2	1	
Гончихъ старыхъ.				
Выжлецъ черной красноподпалой, Молотъ, 6 осеней.	—	3	2	
Выжлецъ черной белоподпалой, Журило, 4 осеней.	—	3	2	
Выжлецъ белоподпалой, Соловей, 4 осеней	—	3	1	
Выжлецъ черной красноподпалой, Докучай, 2 осеней.	—	3	1	
Выжлецъ черной красноподпалой, Грачь, 2 осеней.	—	3	2	
Выжлецъ черной красноподпалой, Воронъ, 2 осеней.	—	3	1 ½	
Сука черная красноподпалая, Звонишка, 2 осеней.	—	3	1	
Выжлецъ черной свѣтлоподпалой курлянской, Громило, 7 осеней	—	3	2	
Выжлецъ черной красноподпалой, Зепало, 4 осеней.	—	3	1 ½	
Сука черная сероподпалая, Дубровка, 7 осеней.	—	3	1 ½	
Сука черная красноподпалая, Росиха, 6 осеней.	—	3	—	
Сука черная красноподпалая, Журихa, 6 осеней	—	3	½	
Выжлецъ серопегой, Сорочай, 12 осеней	—	3	1 ½	
Выжлецъ коурой, Красило, 10 осеней	—	3	2	
Приплодныхъ въ 737 году, помѣту отъ чернопегой суки Сороки и отъ серопегова выжлеца Сорочая.				
Выжлецъ чернопегой, Журило.	—	3	1	
Выжлецъ чернопегой, Каптуръ	—	3	1	
Выжлецъ чернопегой, Докучай	—	3	½	
Сука чернопегая, Затейка	—	3	—	
Сука чернопегая, Сорока	—	3	½	
И того 19 собакъ.				
Изъ 19 гончихъ оставить на заводъ лучшихъ 3 выжлеца и 3 суки, а прочихъ гончихъ 13 сюда взять вохоту Ея Величества.				

Реэстръ собакамъ Артемья Петровича, которыхъ оставить и содержать для заводу.

	Вышина росту.			
	Аршины.	Четверти.	Вершки.	
Курлянскихъ старыхъ брудастыхъ.				
Кобель белой, чюбарощокой, Свирепъ, 4 осеней	1	—	1	
Сука голубая, Кара, 3 осеней	—	3	3 ½	
Сука чюбароголовая, Олегра, 5 осеней		3	3 ½	Взять сюда.

	Вышина росту.			
	Аршины.	Четверти.	Вершки.	
Сука бурматнощокая, Якса, 4 осеней	—	3	2	
Сука белая, Вихра, 2 осеней, приплодная изсанктъ Питеръ Бурха въ 1737 году	—	3	2½	
Сука половая хортая, Завитка, 6 осеней	—	3	3½	
Молодыхъ хортыхъ, приплодныхъ въ 737 году откурлянскаго брудастаго чюбарощекого кобеля Свирепа и отхортой полской суки Завидки.				
Кобель бурматной, Палашъ.	1	—	½	
Сука белая, Искра	—	3	3½	взять сюда.
Сука белая, Вихра	—	3	3½	взять сюда.
Кобель чубарой, Сатурнусъ.	1	—	½	
Приплодныхъ внынѣшнемъ 738 году.				
Генваря 2 дня кобель белой брудастой, откурлянского кобеля Ѳонтыша и отъ суки чюбаропегой Скосырки, которая отдана Семену Григорьевичу Нарышкину.	—	3	3½	
Апреля 2 дня кобель чернопегой, хортой, отъ Галтъ Ѳеста и отъ хортой черной суки.		3	2	взять сюды въ Питеръ Бурхъ.
Апреля 10 дня кобѣль белой чюбарощекой, хортой, откурлянскимъ чюбарощекого кобѣля Ѳонтыша и отсуки чернопегой Гарды.	—	3	3	
Апреля 13 дня, помету отъ чисто псовой суки Венеры и отсеропегова кобѣля Визиря:				
Кобѣль муропегой, псовой	—	3	2½	
Сука чюбарая, псовая.	—	3	1	
Сука чюбарая, ззагривиною, псовая	—	3	1	
Того жъ Апреля 10 дня кобель серопегой псовой откобѣля половопегова Эктора иотпсовой серопегой суки Гарды	—	3	2½	
Мая 9 дня.				
Помету откурляндской голубой суки Коры и откобѣля Ѳонтыша.				
Кобѣль белой брудастой, чюбарощекой	—	3	3	взять сюда.
Кобѣль чюбарой, зазагривой, брудастой	—	3	3	
Сука чернопегая скрапинами, брудастая	—	3	1½	
Іюля 3 дня.				
Помету отполской хортой суки белой Перлы и откурлянского бѣлочюбарощекого кобѣля Секрета.				
Кобель бѣлой, хортой, на правомъ ухе чюбарина .	—	3	1½	
Кобель белой, чубарощекой, брудастъ	—	3	½	
Кобель муругопегой	—	3	½	
и того 23 собаки, въ томъ числѣ: взять впетербурхъ 6, оставить вохотѣ 17.				

3) Письмо Волынскаго 29 января 1739 года.

«Герасимъ Ивановичъ. Хотя въ посланномъ нынѣ отъ меня къ Вамъ ордерѣ и написано, что изъ собственной моей псовой охоты нѣсколько борзыхъ и гончихъ собакъ, которыя отмѣчены въ реестрѣ, отданы точно въ охоту Ея Императорскаго Величества на заводъ, однакожъ приказки за ними ходить собственнымъ моимъ охотникамъ и прошу за ними надсматривать, чтобы оныя собственныя мои собаки были въ добромъ призрѣніи и надлежащей чистотѣ и чтобъ отъ нихъ размножены были щенята и выкармливаны были, и которыя суки когда помечутъ щенятъ и котораго числа, и какими шерстьми, о томъ изволь присылать ко мнѣ помѣсячно, какъ о Государевыхъ, такъ и о моихъ, реестры и самъ прилежно потрудись посмотрѣть, чтобъ всѣ содержащіяся при охотѣ Ея Императорскаго Величества собаки въ добромъ содержаніи и присмотрѣ были, о чемъ объяви и Патрекѣеву, чтобъ и онъ о томъ вѣдалъ и пребываю слуга Вамъ Артемій Волынскій».

Вытребованный въ Конюшенную Канцелярію кречетникъ Патрекѣевъ показалъ подъ присягою, что собаки Волынскаго поступили въ Измайлово при Капитанѣ Сергѣѣ Ивановичѣ Бутурлинѣ въ 1738 году и были приняты къ охотѣ Ея Императорскаго Величества имъ, Патрекѣевымъ, по словесному приказанію Оберъ-Егермейстера, о чемъ однако прямой его, Патрекѣева, начальникъ, Капитанъ Бутурлинъ, не зналъ. Тогда же въ охоту была взята и собственная Бутурлина меделянская собака, также по приказу Волынскаго. Всѣхъ этихъ собакъ продовольствовали кормами казенными, по приказу Волынскаго же; но о причисленіи ихъ къ Придворной охотѣ всецѣло—указа не было, почему объ ихъ наличности при охотѣ Патрекѣевъ и не доносилъ въ своихъ рапортахъ ни Бутурлину, ни другимъ лицамъ.

9 іюня 1740 года Московская Дворцовая Конюшенная Канцелярія, вновь разсмотрѣвъ все дѣло и прописавъ въ своемъ постановленіи всѣ его подробности, опредѣлила: находившихся въ Измайловѣ собственныхъ собакъ бывшаго Оберъ-Егермейстера Волынскаго приписать къ Измайловской охотѣ Ея Императорскаго Величества и кормить на будущее время, какъ казенныхъ, донеся о семъ въ Петербургъ, въ Канцелярію Конюшенныхъ и Егермейстерскихъ дѣлъ. Въ Придворную же охоту была записана и собственная меделянская собака Капитана Бутурлина.

Всего въ Измайловскую охоту поступило 19 борзыхъ собакъ, 15 гончихъ, 22 дацкихъ и 1 меделянская.

26 іюня 1740 года Московскій Губернаторъ, Тайный Совѣтникъ и Дѣйствительный Камергеръ, Князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, по силѣ «Ея Императорскаго Величества высокоповѣлительнаго изъ Кабинета указа», затребовалъ отъ Завѣдывавшаго Московскими Придворными охотами, Совѣтника Конюшенной Канцеляріи Наумова свѣдѣнія, какая сумма была издержана на прокормъ собакъ Волынскаго, за все время негласнаго содержанія этихъ собакъ при Московской псовой Ея Величества охотѣ.

Наумовъ, съ своей стороны, затребовалъ соотвѣтственныя свѣдѣнія отъ Вердеревскаго, а Конюшенная Канцелярія, въ то же время запросила «Московскую Помѣрную Таможню» о справочныхъ цѣнахъ на овесъ и овсяную муку за 1738, 1739 и 1740 гг.

Присланныя таможнею подробныя свѣдѣнія показали, что цѣны на указанные припасы колебались въ широкихъ предѣлахъ: такъ, четверть овсяной муки продавалась отъ 45 до 70 к., а четверть овса отъ 20 до 48 копѣекъ.

Вердеревскаго въ Москвѣ не оказалось: онъ отправился на ревизію и осмотръ конскихъ заводовъ «Дворцовой Конюшенной Канцеляріи въ дворцовые города въ Богородицкъ и въ Скопинъ». Вмѣсто него, подробную вѣдомость расходовъ доставилъ кречетникъ Патрекѣевъ.

Изъ вѣдомости этой усматривается, что въ февралѣ 1738 года въ Измайлово поступило 64 собственныхъ собакъ Волынскаго, а именно: борзыхъ курляндскихъ, брудастыхъ 12, хортыхъ польскихъ 17, псовыхъ старыхъ 8, арлекиновъ 2, всего борзыхъ 39. Дацкихъ собакъ 6. Гончихъ 19.

Въ 1738 году получилось приплодныхъ собакъ: борзыхъ 2, дацкихъ 18 и гончихъ 8, итого 28.

При собакахъ этихъ находилось двое охотниковъ Волынскаго, которые содержались раньше и продолжали содержаться къ отчетному времени «на своемъ коштѣ».

Изъ помянутыхъ собакъ въ 1739 году были выписаны въ расходъ: по приказу Волынскаго, адресованному къ Статейничему Герасиму Ларіонову и по выбору послѣдняго совмѣстно съ человѣкомъ Волынскаго, съ Василіемъ Завидовскимъ, было отправлено 15 февраля въ Петербургъ, въ охоту Ея Императорскаго Величества борзыхъ 2 и гончихъ 12, всего 14 собакъ, и было сбыто со двора борзыхъ 16; по ордеру Волынскаго же 25 августа былъ отправленъ въ Петербургъ еще одинъ борзой кобель. Къ 1740 году оставалось налицо 61 собака, въ томъ числѣ 22 борзыхъ, 15 гончихъ и 24 дацкихъ. Въ 1740 году выписаны въ расходъ 3 борзыхъ собаки и 2 дацкихъ, отправленныя въ Петербургъ по ордеру Волынскаго, адресованному къ статейничему Герасиму Ларіонову 12 января того года. Засимъ налицо осталось 56 собакъ, въ томъ числѣ 19 борзыхъ, 15 гончихъ и 22 дацкихъ.

Корму на этихъ собакъ было истрачено: овсяной муки: въ 1738 году—234 четверти, въ 1739 году—203 четверти и въ 1740 году, по 27 іюня—56 четвертей, всего 494 четверти; «мясищъ»:

въ 1738 году—205, въ 1739 году—195 и въ 1740 году—87, всего—487 «мясищъ»; шкваръ: въ 1738 году—20 четвертей, въ 1739 году—14 четвертей и въ 1740 году—13 четвертей, всего 47 четвертей.

Кормились собаки изъ одного корыта съ казенными.

Указать цѣны на овсяную муку невозможно, ибо мука эта отпускалась натурою Конюшенною Канцеляріею, въ свою очередь, получавшею муку изъ Московской Главной Дворцовой Канцеляріи. Мясища и шквары доставлялись въ охоту отъ «записныхъ живодеровъ» безденежно, но живодеры показали, что эти кормы въ покупкѣ у нихъ бываютъ: мясище по 15 коп. каждое, а шквары по 80 коп. четверть, «ибо покупаютъ де они живыхъ лошадей по 80 коп. каждую лошадь, а окромя кожи мясище обойдется по показанной цѣнѣ, и то мясище и шквары отвозятъ оные живодеры въ Измайлово на своихъ лошадяхъ».

Для пополненія указанныхъ данныхъ въ соотвѣтствіе съ приказаніемъ Московскаго Губернатора, Конюшенная Канцелярія запросила Московскую Главную Дворцовую Канцелярію: въ указанные сроки на довольствіе содержащихся въ Измайловскомъ охотномъ дворѣ разныхъ родовъ собакъ и волчатъ овсяная мука отпускалась ли изъ дворцоваго провіантскаго магазина, или покупалась, и въ какую цѣну надлежитъ ее считать въ томъ и другомъ случаѣ.

Главная Дворцовая Канцелярія отвѣтила, что въ Измайлово, «намолотя, въ муку овесъ отпускался отъ дворцовыхъ провіантскихъ дѣлъ съ житнаго двора природный отъ дворцовой десятинной пашни», почему о цѣнѣ его точныхъ извѣстій не имѣется. Во всякомъ случаѣ, помимо стоимости овса, при расчетѣ стоимости муки слѣдуетъ принять во вниманіе, что перемолъ овса производился на дворцовыхъ оброчныхъ мельницахъ, за что съ оброчниковъ слѣдуетъ учесть извѣстную сумму изъ оброка, каковой учетъ еще не сдѣланъ по нетребованію тѣхъ оброчниковъ, но о его размѣрѣ можетъ дать свѣдѣніе кречетникъ Патрекѣевъ, производившій ранѣе соотвѣтственные расчеты.

Гр. Лестокъ, съ гр. И. Штенглина, по портр. Г. Грота.

Собравъ всѣ необходимыя данныя, Конюшенная Канцелярія сдѣлала подсчетъ расходамъ на содержаніе при охотѣ Ея Величества собакъ Волынскаго, кои за все время выразились цифрами: за овсяную муку — 270 р. 30½ к.; за мясища — 73 р. 5 к.; за шквары—37 р. 60 к. и расходы по отправкѣ собакъ Волынскаго въ Петербургъ 35 р. 75⅔ к., а всего 416 р. 71⅙ к. Свѣдѣнія эти и были представлены Московскому Губернатору.

23 сентября 1740 года воспослѣдовалъ указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской въ Дворцовую Конюшенную Канцелярію о завершеніи настоящаго дѣла соотвѣтственно нижеслѣдующему мнѣнію Московскаго Губернатора Князя Юсупова.

Собственныя собаки Артемія Волынскаго содержались въ Москвѣ при Измайловской Ея Императорскаго Величества охотѣ наравнѣ съ Царскими и отправлялись въ Петербургъ на казенный же счетъ, «которые непорядки надлежало причесть ему, Волынскому, къ винѣ» и взыскать съ Волынскаго, по силѣ указовъ, всѣ произведенные на нихъ расходы вдвое». «Но токмо онъ, Волынскій, за его злодѣйственныя государственныя тяжкія вины казненъ, и движимое и недвижимое его имѣніе отписаны на Ея Императорское Величество», почему, по мнѣнію Князя Юсупова, нынѣ расходы по содержанію собакъ Волынскаго надлежитъ взыскать «съ тѣхъ персонъ, подъ чьимъ смотрѣніемъ охоты Ея Императорскаго Величества были», а прогоны и другіе расходы по пересылкѣ собакъ Волынскаго въ Петербургъ съ членомъ Московской Дворцовой Конюшенной Канцеляріи, которые опредѣленіе о пересылкѣ собакъ крѣпили, «понеже они хотя и въ командѣ его, Волынскаго, были, надлежало жъ, видя такіе непорядки, ему, Волынскому, представлять, а буде бъ не послушалъ, тогда должно было бы донесть, гдѣ надлежитъ, а они, тѣ непорядки видя, не токмо гдѣ надлежитъ не доносили, но и сами по ордерамъ и приказамъ его, Волынскаго, тѣ непорядки чинили, да сверхъ того съ нихъ же надлежитъ взять съ каждаго штрафъ, по сту рублей съ человѣка, чтобъ, на то смотря, и другимъ такихъ непорядковъ чинить впредь было неповадно».

Далѣе слѣдуютъ указанія на кого и за что слѣдуетъ наложить взысканія, а именно:

1) На Капитана Бутурлина, какъ на лицо, у котораго Московская Придворная псовая охота была въ осмотрѣніи и которое допустило непорядки въ самой охотѣ.

2) На асессора Московской Конюшенной Канцеляріи Богданова, который ѣздилъ съ охотою Волынскаго въ деревню Оберъ-Егермейстера вмѣстѣ съ дѣтьми Артемія Петровича на казенныхъ лошадяхъ и довольствовалъ въ пути собственныхъ собакъ Волынскаго казеннымъ кормомъ.

3) На асессора той же Канцеляріи Десятова, который, обще съ Богдановымъ, крѣпилъ опредѣленіе объ отправкѣ собакъ Волынскаго въ Петербургъ и о прокормѣ ихъ пути на казенный счетъ.

4) На Совѣтника той же Канцеляріи Чорнова, который слышалъ отъ стремянного конюха Крюкова, что собаки Волынскаго состоятъ въ Измайловѣ на казенномъ корму, и самъ переписывался по этому дѣлу съ Оберъ-Егермейстеромъ.

5) На Совѣтника той же Канцеляріи Наумова, который, хотя и показалъ, будто, за отлучкою, не зналъ о довольствіи собакъ Волынскаго казенными кормами, но дважды былъ въ Измайловѣ и осматривалъ тамъ двухъ собакъ Волынскаго, присланныхъ имъ «для заводу» и затѣмъ самъ же отдалъ приказъ о зачисленіи собакъ бывшаго Оберъ-Егермейстера въ охоту Ея Императорскаго Величества, чего сдѣлать не могъ бы, если бы ему о присутствіи этихъ собакъ не было бы извѣстно.

6) На подпоручика Вердеревскаго, который, вступивъ въ должность Завѣдывающаго Московскою псовою Ея Величества охотою 3 февраля 1740 года, молчалъ о собакахъ Волынскаго до 8 мая;

и 7) На бывшихъ подъ командою у названныхъ лицъ стремянного конюха Крюкова, статейничаго Ларіонова и кречетника Патрекѣева, которые, видя непорядки, молчали.

Однако съ послѣднихъ трехъ лицъ полагалось взыскать не полные штрафы, а половину получаемаго ими годового содержанія, причемъ съ Крюкова, находившагося въ отставкѣ и содержанія не получавшаго—половину прежняго его жалованья по должности Завѣдывавшаго Измайловскою псовою охотою.

Не лишены интереса расчеты Дворцовой Конюшенной Канцеляріи о суммахъ, причитавшихся ко взысканію съ поименованныхъ выше лицъ.

1) За прокормъ собакъ Волынскаго было удержано:

Съ совѣтника Чорнова за кормъ 2-хъ дацкихъ собакъ съ 15 августа 1737 года по 13 января 1738 года—4 р. 82½ к.

Съ капитана Бутурлина за прокормъ собакъ за 1738 годъ и съ 13 января 1739 года по 4 іюля того же года—500 р. 34½ к.

Съ Совѣтника Наумова, со дня порученія ему команды, съ 4 іюля 1739 года по 6 сентября того же года—61 р. 15⅝ к.

Съ асессора Петра Богданова съ 6 сентября 1739 года по 4 февраля 1740 года—65 р. 12⅛ к.

Съ асессора Василія Десятова за тотъ же срокъ и ту же сумму.

Съ подпоручика Вердеревскаго съ 4 февраля по 27 іюня 1740 года—67 р. 92½ к.

Со стремянного конюха Крюкова по 13 января 1738 года—5 р. 88 к.

2) За кормовыя и прогонныя деньги на отправку собакъ Волынскаго въ Петербургъ.

Съ Наумова за одно отправленіе 5 р. 61⅓ к.

Съ Богданова и Десятова за три отправленія по 15 р. 7⅙ к. съ каждаго.

3) Штрафныхъ денегъ, по 100 р., съ Чорнова, Бутурлина, Наумова, Богданова и Десятова.

4) Съ Крюкова—30 р. съ денежнаго и 35 р. 34 к. съ хлѣбнаго жалованья.

Съ Ларіонова—20 р. съ денежнаго и 31 р. 2 к. съ хлѣбнаго жалованья

Съ Патрекѣева—8 р. 33⅓ к. денежнаго и 16 р. 67 к. съ хлѣбнаго жалованья.

Всего же со всѣхъ 1489 р. 16⅙ к.

Чорновъ и Крюковъ слѣдуемыя съ нихъ деньги заплатили, Богданова же, Бутурлина и Десятова въ Москвѣ не нашли и штрафовъ съ нихъ, по крайней мѣрѣ, своевременно не взыскали.

Въ 1740 году въ псовой охотѣ, состоявшей при Измайловскомъ звѣринцѣ, имѣлось 8 легавыхъ собакъ, одна лошья сука, 68 борзыхъ собакъ, 44 гончихъ, 18 меделянскихъ, 17 дацкихъ собакъ и 19 лошадей. Продовольствіе этихъ собакъ, также какъ и звѣрей Измайловскаго звѣринца и птицъ Семеновскаго потѣшнаго двора, лежало на обязанности живодеровъ. По указу Императрицы Анны Іоанновны «для корма птицъ и звѣрей и собакъ въ мертводеры, что называютъ живодеры, опредѣлено 30 человѣкъ, и за ту ихъ службу, указомъ Правительствующаго Сената, учинено въ награжденіе отъ повинностей и отъ другихъ полицейскихъ службъ, по оному указу, уволить; и оные живодеры кормятъ охоту безденежно». Живодеры эти назывались записными, управлялись старостою, избиравшимся изъ ихъ же среды на извѣстный срокъ, съ ручательствомъ, что нововыборный «человѣкъ добрый, и можно ему вѣрить». «Выборъ», за подписью избирателей представлялся начальству Московскихъ охотъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086 и «Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг.», ч. I, стр. 353).

По штату 22 сентября 1740 года псовая охота, состоявшая при Измайловскомъ звѣринцѣ, была упразднена, хотя и не надолго. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

Въ сентябрѣ 1740 года въ Измайловскомъ звѣринцѣ содержалось: изюбрей 9, оленей нѣмецкихъ 107, мараловъ 69, лосей 3, дикихъ козъ 60, кабановъ 102, боберъ 1, бурая лиса 1, туръ самецъ 1, русскихъ козъ 3, отъ тура и козы приплодныхъ козлятъ 4, русаковъ 203, зайцевъ (бѣляковъ) 519, медвѣдей 2, волковъ сибирскихъ 7 шт. (Тамъ же).

Въ «Бытѣ Россійскаго Государства въ 1740—1741 годахъ» содержатся слѣдующія, относящіяся къ разбираемому предмету свѣдѣнія:

«Псовая охота помѣщалась въ селѣ Измайловѣ на псаренномъ дворѣ (или охотномъ). О личномъ составѣ охоты изъ документовъ видно, что завѣдывалъ ею подпоручикъ Вердеревскій, при которомъ состояли канцелярскіе служители, и что при ней находились охотники, жившіе на «Псаренномъ дворѣ», въ особыхъ «покояхъ». Псовую охоту въ 1740 году составляли собаки: борзыя, гончія, меделянскія и дацкія. О числѣ собакъ не упоминается; но что оно было значительно — можно заключить изъ количества отпускавшихся имъ припасовъ. Такъ, въ февралѣ 1740 года на содержаніе собакъ требовалось отъ Дворцовой Канцеляріи «до исхода» овса (на муку) 200 четвертей и соломы для подстилки 50 возовъ. Въ августѣ того же года вновь потребовалось, до исхода же овса 150 четвертей и дровъ «подъ навару» собакамъ 10 саженъ. Кромѣ собственно казенныхъ собакъ, при псовой охотѣ находились: 1) собаки, отписанныя отъ князя Алексѣя Голицына. Резолюціею императорскаго Кабинета 7 марта 1737 года повелѣно было отписную отъ князя А. Голицына псовую охоту принять Оберъ-Егермейстеру Артемію Волынскому съ тѣмъ, чтобы довольствовать ее попрежнему изъ деревень Голицына. Вслѣдствіе этого псовая охота князя (собаки и охотники) помѣщена была въ селѣ Измайловѣ и довольствовалась жалованьемъ и припасами изъ отписного у князя Голицына села Рожествена Московскаго уѣзда. Въ описываемомъ документѣ находится, между прочимъ, замѣтка: а какимъ образомъ они, охотники князя Голицына, съ охотою вступили въ Измайлово, о томъ въ Москвѣ, за бывшимъ въ 1737 году пожаромъ, извѣстія нѣтъ. 2) Собаки (псовая охота), отписанныя отъ генерала Карла Бирона. 3) Собаки Артемія Волынскаго. Въ документахъ есть указаніе, что члены Дворцовой Конюшенной Канцеляріи въ 1741 году подвергнуты были денежному взысканію за содержаніе собакъ Волынскаго въ Измайловѣ. Въ книгѣ входящихъ бумагъ Канцеляріи Егермейстерскихъ Дѣлъ 1741 года записана 3 марта промеморія изъ Конюшенной Канцеляріи для свѣдѣнія «о взысканныхъ съ членовъ оной Канцеляріи и прочихъ чиновъ, за содержаніе въ Измайловѣ собственныхъ Артемія Волынскаго собакъ, штрафныхъ денегъ 153 рубля 12½ коп.».

«Яхтъ-штатомъ 28 января 1741 года размѣръ отпуска припасовъ на содержаніе животныхъ Измайловскаго звѣринца въ точности опредѣленъ не былъ на томъ основаніи, «что звѣри могутъ прибавляться и убавляться»; въ продовольствіи же послѣднихъ положено руководствоваться расходомъ на нихъ припасовъ въ 1739—1740 годахъ. Для примѣра въ штатѣ приведенъ этотъ расходъ за годъ съ мая 1739 года, именно: мяса 27 пудовъ 15 фунтовъ, сала говяжьяго 36 пудовъ, пшеницы, истолченнаго проса и ржаной муки по 10 четвертей, овса 1063 четверти овса сноповаго 12.800 сноповъ, сѣна 16.134 пуда, капусты сѣрой 12.100 кочней, соли 10 пудовъ, соломы 111½ возовъ. Всѣ припасы достовлялись для звѣриной охоты отъ Дворцовой Канцеляріи, за исключеніемъ мяса, которое въ 1741 году обязался поставлять въ звѣринецъ подрядчикъ Жилкинъ, по 70 копеекъ за пудъ. О продовольствіи звѣрей въ частности указаній не много. Такъ, на кормъ зайцамъ отпускался сноповой овесъ, бурому лисенку мясо, по три фунта въ день. Медвѣди и волки отдавались на прокормленіе живодерамъ». (Часть I, стр. 352—360).

Гр. М. И. Воронцовъ, съ офф. Г. Ф. Шмидта 1758 г., по портрету Токэ.

387) «Яхтъ-штатомъ 22 сентября 1740 года псовая охота въ Москвѣ была упразднена. Въ штатѣ объ этомъ сказано: «Псовую охоту, всю что есть въ Москвѣ, раздать и людей всѣхъ распустить». Вслѣдствіе этого Командующій охотами, фонъ-Трескау, въ концѣ этого же мѣсяца, предписалъ подпоручику Вердеревскому всѣхъ содержавшихся въ Измайловѣ собакъ раздать и, по раздачѣ, охотниковъ распустить; оставшіеся припасы, а также производства по псовой охотѣ сдать по описи смотрителю звѣриной охоты, форштмейстеру Мильхерту, канцелярскихъ же служителей отослать въ Герольдмейстерскую Контору для опредѣленія къ другимъ дѣламъ. Самому Вердеревскому, «по исполненію всего онаго, жить до указу въ домѣ своемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ фонъ-Трескау приказалъ, чтобы собакъ раздать генералъ-Аншеву Ушакову и «прочимъ господамъ», въ томъ числѣ князю Куракину (двухъ борзыхъ). Въ то же время онъ предлагалъ (письмомъ) камергеру графу Александру Григорьевичу Строгонову взять «изъ имѣющихся въ Москвѣ собакъ, сколько ему угодно, или всѣхъ».

«Входившихъ въ составъ псовой охоты собакъ Карла Бирона предположено было передать въ вѣдомство Дворцовой Конюшенной Канцеляріи. Въ концѣ декабря 1740 года Оберъ-Шталмейстеръ князь Куракинъ далъ Конюшенной Канцеляріи слѣдующій ордеръ: «Ежели Его Императорскаго Величества отъ Кабинета повелѣно будетъ Конюшенной Канцеляріи принять отписныхъ послѣ бывшаго генерала Карла Бирона собакъ, то извольте приказать оныхъ по обстоятельному реестру въ Конюшенное вѣдомство принять и содержать до указу на подлежащемъ корму, а сколько какихъ принято будетъ, о томъ ко мнѣ отрапортовать». На это Конюшенная Канцелярія 29 декабря представила Оберъ-Шталмейстеру, что ей «вышеписанныхъ собакъ содержать негдѣ и не кѣмъ и довольствовать будетъ не чѣмъ», почему она и требуетъ резолюціи: «гдѣ и кѣмъ содержать (собакъ) и кормъ изъ какой суммы и на чей счетъ покупать». Какое на это послѣдовало распоряженіе—изъ документовъ не видно».

388) Въ 1742 году при Измайловскомъ звѣринцѣ вновь появляется псовая охота, набранная путемъ конфискаціи нѣкоторыхъ частныхъ псовыхъ охотъ, въ томъ числѣ и главнымъ образомъ охоты графа Михаила Головкина. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1). Часть этой охоты въ томъ же году была переведена въ С.-Петербургъ, одновременно съ переводомъ туда же Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. По этому поводу въ журналѣ Правительствующаго Сената отъ 3 декабря 1742 года, между прочимъ, читаемъ: «По доношенію Оберъ-Егермейстера и Лейбъ-Компаніи Поручика и Ея Императорскаго Величества Камергера и кавалера господина Разумовскаго, которымъ требуетъ о посылки указовъ о выдачѣ на отправленіе Егермейстеру съ канцеляріей и канцелярскими и при псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ служителями и прочаго исправленія и на ямскія подводы прогонныхъ денегъ по требованію, что надлежитъ, отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ Главную Дворцовую Канцелярію, а о дачѣ подводъ въ Ямскую Канцелярію опредѣлить изъ Сената указами. Приказали: за неимѣніемъ въ той Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи денегъ»—немедленно отправить просимые указы. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1073). Другая же часть псовой охоты осталась въ Москвѣ, при Измайловскомъ звѣринцѣ. (Тотъ же Арх., кн. Сен. 3—1429).

389) Въ 1745 году Егермейстеръ Петръ Никитичъ Хитрово, по желанію Оберъ-Егермейстера графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, увеличилъ Московскую псовую охоту, состоявшую при Измайловскомъ звѣринцѣ, гончими собаками, взятыми изъ охоты его брата, совѣтника Конюшенной Дворцовой Канцеляріи, Александра Никитича, находившейся въ имѣніи послѣдняго въ Алексинскомъ уѣздѣ. Въ Императорскую охоту поступили: выжлецы каурый, два чернопѣгихъ, два черныхъ и выжловки каурая, три черныхъ и багряная. (Тотъ же Арх., оп. 51, д. № 2612).

Отъ того же времени сохранилось извѣстіе о томъ, что на лѣченіе собакъ охоты Измайловскаго звѣринца шли, между прочимъ, чистый деготь, коломазь и сѣра горючая. Въ мартѣ и сентябрѣ этого года въ названную охоту было отпущено по два ведра чистаго дегтю, по ведру коломази, по 5 фунтовъ сѣры горючей. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

390) Касательно псовой охоты, состоявшей при Измайловскомъ звѣринцѣ, отъ 1746 года сохранилось извѣстіе, что собакъ въ то время кормили изъ большихъ деревянныхъ чановъ, вмѣстимостью въ 5 ушатовъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. № 14).

391) Въ мартѣ 1745 года часть Московской псовой охоты была отправлена, по распоряженію Оберъ-Егермейстера, въ С.-Петербургъ, причемъ собакъ перевозили въ саняхъ. (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 14).

Въ томъ же году послѣдовало приказаніе отобрать изъ числа собакъ Московской псовой охоты негодныхъ и продать таковыхъ; если же не сыщется охотниковъ совершить такую покупку, то «употребить въ роздачу, или куда возможно, а на казенномъ корму не держать». Негодныхъ собакъ оказалось: борзыхъ своры Оберъ-Егермейстера графа А. Г. Разумовскаго—3 кобеля половыхъ, кобель половопѣгій и кобель сѣропѣгій, сука бѣлая, сука чубарая, сука половопѣгая; охотничьихъ своръ—кобель чубарый, кобель красный, кобель бурматнопѣгій и сука половая; всѣ признаны негодными «по плохой скачкѣ»; гончихъ: 3 черныхъ бѣлоподпалыхъ выжлеца, выжлецъ

чернопѣгій горбатый и выжлецъ пѣгій, признанные негодными, ибо «гоняли плохо»; два выжлеца багряныхъ и «молодые отъ суки Немтырки», оказавшіеся «ногами худы и гоняютъ плохо»; двѣ суки черныя—«оныя кривоноги»; «изъ приведенныхъ изъ вотчины полковника и Егермейстера Петра Никитича Хитрова гончихъ восьми щенковъ, которые были взяты отъ псовой охоты на кормъ»—четыре выжлеца черныхъ и выжлецъ чернопѣгій—«оные кривоноги и гоняютъ плохо». (Тотъ же Арх., оп. 51, д. № 2612).

Въ томъ же 1745 году при Московской псовой охотѣ состояло лошадей: въ январѣ 82 и лѣтомъ 24, каковая разница объясняется отсылкой части этой охоты въ С.-Петербургъ. (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 14).

[392]) Въ началѣ 1761 года въ псовой охотѣ при Измайловскомъ звѣринцѣ содержалось: борзыхъ собакъ—7, гончихъ старыхъ—76, гончихъ молодыхъ, доставленныхъ изъ вотчины Оберъ-Егермейстера Семена Кирилловича Нарышкина — 69, всего 152 собаки; 31 охотничья лошадь, корова, баранъ, козелъ и свинья. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 36).

[393]) Въ іюлѣ 1750 года Оберъ-Егермейстеръ графъ А. Г. Разумовскій отдалъ приказаніе, «для лутшаго умноженія въ С.-Петербургѣ псовой Ея Императорскаго Величества охоты, къ осенней ѣздѣ прибавить собакъ изъ Москвы, усмотря, сколько можно, годныхъ гончихъ, въ томъ числѣ приводу отъ Его Превосходительства Генералъ-маіора и Егермейстера семь, такожъ и борзыхъ, которыя имѣютъ быть отъ кого въ охоту Ея Императорскаго Величества приведены, и отправить оныхъ на ямскихъ или на наемныхъ подводахъ съ принадлежащимъ числомъ людей, взявъ оныхъ изъ отставшихъ въ Москвѣ охотниковъ отъ псовой охоты». Завѣдываніе отправляемою частью псовой охоты было поручено сокольнику Александру Ларіонову, которому были выданы всѣ необходимыя принадлежности и указы, да 50 рублей денегъ на путевые расходы. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758). Кромѣ того, Ларіонову была вручена инструкція, приводимая нами лишь въ общихъ чертахъ:

Видъ Невскаго отъ Аничкина моста къ Адмиралтейству, середины XVIII ст., съ грав. Никэ, по рис. М. Махаева.

Съ Ларіоновымъ отправлялись: борзыя собаки: сука «бѣлая, черноголубая», кобель и сука половопѣгіе, двѣ суки сѣропѣгія; гончія собаки: бывшія Хитрово, три выжлеца темнобагряныхъ, выжлецъ чернокрасный, выжлецъ багряный, выжловка багряная бѣлоподпалая, два выжлеца и двѣ выжловки чернопѣгія, два выжлеца черныхъ бѣлоподпалыхъ, два выжлеца багряннопѣгихъ, выжлецъ багрянозагривый; одинъ сокольникъ, одинъ охотникъ, выжлятникъ, наварщикъ и 4 охотничьихъ лошади. Всѣ расходы по переѣзду и прокорму охоты приказывалось записывать въ особую книгу, пріобщая къ ней соотвѣтственныя росписки. Книгу эту надлежало представить въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію. Выступить въ путь предписывалось «конечно, неотмѣнно» 2 августа. Въ дорогѣ никому никакихъ обидъ не чинить, подъ опасеніемъ штрафа. «Если же въ государственныхъ дѣлахъ подлежать будетъ опасности, онаго отнюдь въ партикулярныхъ письмахъ никому не писать, ниже къ тому, отъ кого отправленъ, кромѣ настоящихъ реляцій. А ежели какое препятствіе отъ кого во ономъ или ономъ будетъ вашему дѣлу, то записать вольно, куда заблагоразсудить, токмо упоминая о врученномъ вамъ дѣлѣ генерально: отъ чего оному поврежденіе есть и какое, ежели случатся дѣла постороннія... (пробѣлъ въ документѣ)... подлежащее; а въ реляціяхъ къ тому, отъ кого отправленъ, писать будетъ за какимъ подозрѣніемъ невозможно, то велѣно писать, кому въ томъ повѣрите, а о врученномъ своемъ никакъ... (снова пробѣлъ)... только какъ ваше. Писано подъ жестокимъ наказаніемъ по винѣ преступленія». (Тотъ же Арх., оп. 43, д. № 4).

Несмотря на сказанное отправленіе части собакъ, несмотря на незначительное число высланныхъ туда же чиновъ псовой охоты, состоявшей при Измайловскомъ звѣринцѣ, въ послѣдней все же-таки обнаружился избытокъ собакъ и недостатокъ въ охотникахъ. Московскій охотникъ Иванъ Шольманъ доносилъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что «по усмотрѣнію его имѣются лишнія собаки, приведенныя отъ разныхъ помѣщиковъ, а на поля со оными собаками ѣздить некому, за малоимѣніемъ въ Москвѣ охотниковъ; а ежели такія собаки будутъ лежать и напрасно

кормъ станутъ ѣсть—и впредь оныя къ охотѣ будутъ негодныя». Оберъ-Егермейстерская Контора, обсудивъ это дѣло, приказала «впредь негодныхъ собакъ, ежели подлинно, по усмотрѣнію присутствующаго оной Конторы капитана Г. Ларіонова, явятся негодныя, при псовой охотѣ не держать, дабы оттого напрасныя казенный кормъ не тратился, а излишнихъ борзыхъ отдать тѣмъ, отъ кого оныя собаки приведены были». (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

394) Въ ноябрѣ 1757 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала своей Московской Конторѣ, выбравъ изъ псовой охоты, состоявшей при Измайловскомъ звѣринцѣ, до 50 гончихъ сукъ, «таковыхъ въ способное зимнее время зблюсть» и, какъ щенята пометаны будутъ, то, отбирая выжлецовъ, въ выкормкѣ оныхъ крайне стараться». Выкормка эта поручалась пикерамъ, «а понеже оныхъ щенятъ надлежитъ тѣмъ пикерамъ содержать отъ прочихъ собакъ особо, чтобы были внѣ Измайловскаго дворца», то Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала «внѣ Измайловскаго дворца, однако отъ него въ недалекомъ разстояніи, выбравъ изъ порожжихъ земель удобное мѣсто», предложить Дворцовой Конторѣ сдѣлать два жилые покоя съ сѣнями и принадлежностями для жилья пикеровъ да для содержанія щенятъ устроить бревенчатый рубленый со мхомъ амбаръ, огородивъ все это строеніе общимъ заборомъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. № 8).

3 іюля 1746 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія предписывала своей Московской Конторѣ:

«Понеже въ Москвѣ оставшая Ея Императорскаго Величества псовая охота содержится въ Измайловѣ, въ которой между прочими находятся молодыя какъ борзыя, такъ и гончія собаки, и надлежитъ оныхъ къ рысканью и къ гоньбѣ пріучать около Москвы въ пристойныхъ мѣстахъ, (то дабы) скотскимъ стадамъ поврежденія чиниться не могло, а притомъ какъ молодыя собаки такой привычки не имѣли, для того должно стада заранѣе отгонять отъ тѣхъ мѣстъ далѣе, о чемъ въ бытность Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ Москвѣ, по посланному въ Московскую Губернскую Канцелярію указу, велѣно обывателямъ объявить, чтобъ, когда съ тою охотою будутъ охотники ѣздить, тогда бы въ тѣхъ мѣстахъ обыватели, какъ услышатъ въѣздъ и по извѣстіямъ, скотскія стада изъ тѣхъ поль и рощей, и острововъ отгоняли къ деревнямъ и прочимъ жиламъ (жильямъ?), дабы отъ той охоты скоту какого вреда причиняемо не было; но понеже какъ нынѣ корытничіе представляютъ, что того не исполняется, и не только чтобы во время выѣздовъ съ собаками скота отгоняли, но обыватели объявляютъ, якобы никакаго объ ономъ отъ той Губернской Канцеляріи объявленія не бывало; того ради, по указу Ея Императорскаго Величества и по опредѣленію Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, велѣно во оную Губернскую Канцелярію послать указъ, въ которомъ написать, чтобъ отъ оной Канцеляріи во всей Московской губерніи, въ запретительныхъ мѣстахъ, обывателямъ о вышеписанномъ непремѣнно было объявлено, съ подпискою и съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, дабы, когда отъ псовой Ея Императорскаго Величества охоты охотники посланы будутъ для объявленія, или какъ и сами могутъ услышать съ тою охотою выѣзды, чтобы безъ всякаго замедленія неотмѣнно скотскія стада отгоняли къ деревнямъ и къ жилью и въ томъ имѣли твердую осторожность, дабы, за невѣдѣніемъ, какого нерадѣнія (нарѣканія?) на оную охоту происходить не могло, а притомъ и собаки такой привычки не имѣли, и что учинено будетъ, о томъ въ Оберъ-Егермейстерскую канцелярію репортовать. И Московской Губернской Канцеляріи учинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу». (Моск. Арх. Мин. Юст., оп. 211, свит. 1692, д. № 83).

395) Отъ 1758 года сохранилось извѣстіе о порядкѣ зачисленія въ сырейщики для поставки кормовъ ко псовой охотѣ Измайловскаго звѣринца. Порядокъ этотъ былъ слѣдующій: Московская Оберъ-Егермейстерская Контора сносилась по этому поводу съ Московскимъ Магистратомъ, который посылалъ указъ «въ гильдію къ старшинамъ съ товарищи», съ требованіемъ выбрать сырейщика изъ Московскаго купечества, «который бы тѣмъ кормамъ поставку могъ исправлять безостановочно, и по выборѣ представить въ Московскій Магистратъ, и какъ представленъ будетъ, то, приведчи къ присягѣ, и объявить ему Именной о лихоимствѣ 714 году указъ съ подпискою». Выбираемый долженъ быть «человѣкъ добрый» и по выборѣ поступалъ въ вѣдѣніе Оберъ-Егермейстерской Конторы. (Тотъ же Арх., оп. 68, д. № 26).

Къ апрѣлю того же года относится распоряженіе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи по Московской псовой охотѣ, которымъ предписывалось «для наилучшаго при псовой охотѣ гончихъ собакъ содержанія, чтобы конечно къ скотинѣ какъ на дворѣхъ, такъ и въ гоньбѣ и разъѣздахъ и нигдѣ отнюдь были невалки, чего ради,—ихъ сырымъ мясищемъ не кормить; для наилучшаго жъ въ томъ удержанія между оными на псарномъ дворѣ содержать всегда рогатаго скота до двухъ коровъ, двухъ барановъ, двухъ свиней, такожъ и козловъ. (Тотъ же Арх., оп. 14, д. № 177).

Около 1767 года возбудился вопросъ о томъ, возлагать ли на будущее время на Московское купечество обязанность поставлять мясные корма на Московскую псовую и другія охоты. Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что зачисленные въ сырейщики и птичники (поставлявшіе птицъ на кормъ птичьей охоты) купцы, помимо такого занятія имѣютъ

«порядочные торги въ разныхъ рядахъ и числятся купцами первой и второй гильдіи, которыхъ изъ вѣдомства Магистратскаго отлучать регламентъ Главнаго Магистрата вовсе запрещаетъ. Руководствуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Сенату надлежитъ стараться, «чтобы купцы отъ непристойныхъ имъ службъ и однообразныхъ отягощеній освобождены были», — Сенатъ призналъ необходимымъ сырейщиковъ и птичниковъ отъ ихъ обязанностей навсегда уволить и причислить къ Московскому купечеству на общихъ для всѣхъ купцовъ основаніяхъ, «ибо сколь несправедливо, чтобы они, сверхъ обыкновенной по купечеству службы, ставили кормы для псовой и птичьей охотъ безъ всякой за то платы, столь меньше согласно съ законами увольнять ихъ за такую поставку отъ всякихъ гражданскихъ службъ, полицейскихъ должностей и постоя». Правительствующій Сенатъ полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ отпускать на покупку мясныхъ кормовъ для названныхъ охотъ особую денежную сумму, каковое свое мнѣніе и повергалъ на благоусмотрѣніе Верховной Власти. (Госуд. Арх., ч. II, р. XIV, № 57).

Повидимому должности сырейщиковъ и птичниковъ дѣйствительно были уничтожены вслѣдъ за представленіемъ Императрицѣ доклада Правительствующаго Сената, но мѣра эта не была связана съ отпускомъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи потребной на прокормъ охотъ суммы. Это подтверждается письмомъ Оберъ-Егермейстера С. К. Нарышкина къ неизвѣстному лицу, отъ 23 августа 1767 года. Въ письмѣ этомъ Нарышкинъ указывалъ, что «нынѣ обрѣтается такая скудость въ кормахъ при охотахъ, а особливо по птичьей, что никогда такой не было, ибо все берется въ долгъ. Сіе неудобство учинилось отъ лишенія привилегій сырейщикамъ и птичникамъ, которые замѣнивали немалую сумму. Когда Правительствующему Сенату заблагоразсудилось тѣхъ сырейщиковъ и птичниковъ поверстать въ купцы, то бъ предварительно надлежало ассигновать сумму въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, да уже потомъ оныхъ и лишать привилегій. Не можетъ быть полезна та система, которая бы въ одномъ мѣстѣ учинила созиданіе, а въ другомъ разореніе». Нарышкинъ просилъ похлопотать объ установленіи ежегоднаго на вышеуказанную надобность отпуска денежныхъ средствъ, въ размѣрѣ 2000 р., въ распоряженіе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. (Тамъ же).

Лѣтній дворецъ 1745 г., съ англійск. гр. Портеръ.

Очевидно письмо Оберъ-Егермейстера было доложено Императрицѣ, и результатомъ этого доклада явился Высочайшій указъ, отъ 29 сентября 1767 года, данный Дворцовой Канцеляріи и предписывающій «отпускать до сочиненія стата въ Оберъ-Егермейстерскую Команду денегъ всягодно по двѣ тысячи рублей въ замѣну тѣхъ кормовъ, кои получаемы были отъ сырейщиковъ и птичниковъ, опредѣленныхъ изъ купечества отъ Московскаго Магистрата. А впредь того сбора съ купцовъ не собирать». (Рукоп. Сборн. Им. Ук., № 24).

Въ 1770 году по Московской псовой охотѣ послѣдовало приказаніе мазать собакъ въ весеннее и осеннее время; шло на это масло льняное да сѣра горючая. Кромѣ того, въ мокрое время собакамъ приказывалось смазывать ноги дегтемъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. № 47).

Въ то же время различные медикаменты требовались въ Измайловскій звѣринецъ для леченія больныхъ звѣрей. На лѣто 1770 года было затребовано: «корня аланта» 8 фунтовъ, «корня сыцыанъ» 8 ф., «корня талфилцъ описъ» 8 ф., антимоніума чернаго 3 ф., камфары 3 ф., «салистеру» 25 ф., «ангину» 10 ф., «калмуса» 6 ф., «еипта антимони» 10 ф., «корня картинакса» 6 ф.; кромѣ того, «для мѣшанія съ глиной соли пермянки», т.-е. для устройства искусственныхъ солончаковъ, 10 пудовъ. Всего медикаментовъ на сумму 54 руб. 48 коп. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 74, д. № 45).

По яхтъ-штату 1773 года псовая охота при Измайловскомъ звѣринцѣ, также какъ и такая же охота при Александровской слободѣ, о которой скажемъ ниже, получила значеніе охоты, существующей «для комплектованія Ея Императорскаго Величества С.-Петербургской охоты». Въ обѣихъ этихъ охотахъ положено было имѣть «заводныхъ собакъ»: борзыхъ кобелей 2, сукъ 6, отъ нихъ щенятъ 12, гончихъ старыхъ выжлецовъ 6, сукъ 20, отъ нихъ щенятъ 100. Каждой собакѣ полагалось отпускать въ годъ 4 четверти 4 четверика овсяной муки и 1 четверть 4 чет-

верика шкваринъ, на каковую надобность отпускались соотвѣтственныя деньги. При этихъ охотахъ полагалось содержать 21 охотничью лошадь, причемъ на покупку каждой лошади отпускалось 20 рублей, а срокъ службы лошади устанавливался въ 4 года.

396) Имѣвшіеся въ звѣринцѣ дикобразы и бобры содержались въ ноябрѣ мѣсяцѣ этого года въ особыхъ «покояхъ», стѣны которыхъ «убивались» желѣзными листами. (Тамъ же, оп. 6, д. № 311).

397) Документальныхъ свѣдѣній собственно объ Измайловскомъ звѣринцѣ или состоявшихъ при ономъ охотахъ въ теченіе описываемой эпохи мы не имѣемъ до 1728 года, если не причислить къ таковымъ относящееся къ 1720 году извѣстіе о томъ, что въ этомъ году при Московскихъ дворцахъ, а въ томъ числѣ и при Измайловскомъ содержались бѣлые медвѣди. (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен. 4—654).

Въ теченіе всего 1745 года при Измайловскомъ звѣринцѣ содержалась обезьяна, на прокормъ которой исправлявшему въ то время должность форштмейстера Гофману выдавалось ежемѣсячно 2 р. 25 к. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 65, д. № 14). Обезьяна эта, доставленная къ охотѣ Ея Величества еще въ 1742 году, пала 27 февраля 1746 года. 1 марта того же года «Дворцоваго села Измайлова пахатный крестьянинъ, живодеръ Архипъ Дмитріевъ у форштмейстерскихъ дѣлъ сказалъ: дана де была мнѣ обезьяна мертвая для снятія съ нея кожи, съ которой и снялъ; а по сказкѣ оного живодера оная обезьяна пала отъ называемой болѣзни пострѣла, которую пострѣлила въ голову и вышло, и былъ знакъ отъ крови дурной; а оной обезьяны мясище брошено было имъ въ полѣ и не объявлено егарю Ягану Гофману для того, чтобы притчины не было и другимъ звѣрямъ, и прочему скоту; и въ томъ оный Архипъ Дмитріевъ сказалъ сущую правду». (Тотъ же Арх., оп. 51, д. № 2675).

Въ апрѣлѣ 1749 года «отъ двора Ея Императорскаго Величества» были присланы въ Измайловскій звѣринецъ «соболь да двѣ куницы, которыхъ содержать велѣно съ прочими звѣрями, которые и содержались въ Лисятникѣ, въ перегородкѣ, съ лисицами вмѣстѣ на цѣпяхъ». На звѣрей этихъ форштмейстеръ Гофманъ требовалъ учинить отпускъ мяса, по фунту въ день на каждаго. «А понеже Его Превосходительство Ея Императорскаго Величества генералъ-маіоръ и Егермейстеръ объявилъ, что вышепоказанныя куницы могутъ довольствоваться мясищемъ, а Кабинета Ея Императорскаго Величества Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ господинъ Демидовъ объявилъ, что соболь довольствованъ былъ печеннымъ хлѣбомъ»—Оберъ-Егермейстерская Канцелярія опредѣлила: «на довольствіе показанныхъ куницъ, отбирая мясище изъ пріуготовляемаго на кормъ щенятамъ, отпускать въ пріемъ помянутаго форштмейстера Гофмана потребное число безъ излишества, а по коликому числу соболю въ сутки печеннаго хлѣба потребно, о томъ ему, Гофману, учиня пробу требовать объ отпускѣ онаго отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи». Интересно, что въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года «одна куница, сорвавшися съ цѣпи, прогрызла дверь къ лисицамъ и ночью ушла въ окошки, которыя по всему звѣринцу, и искана была, токмо нигдѣ не нашлась». (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 12).

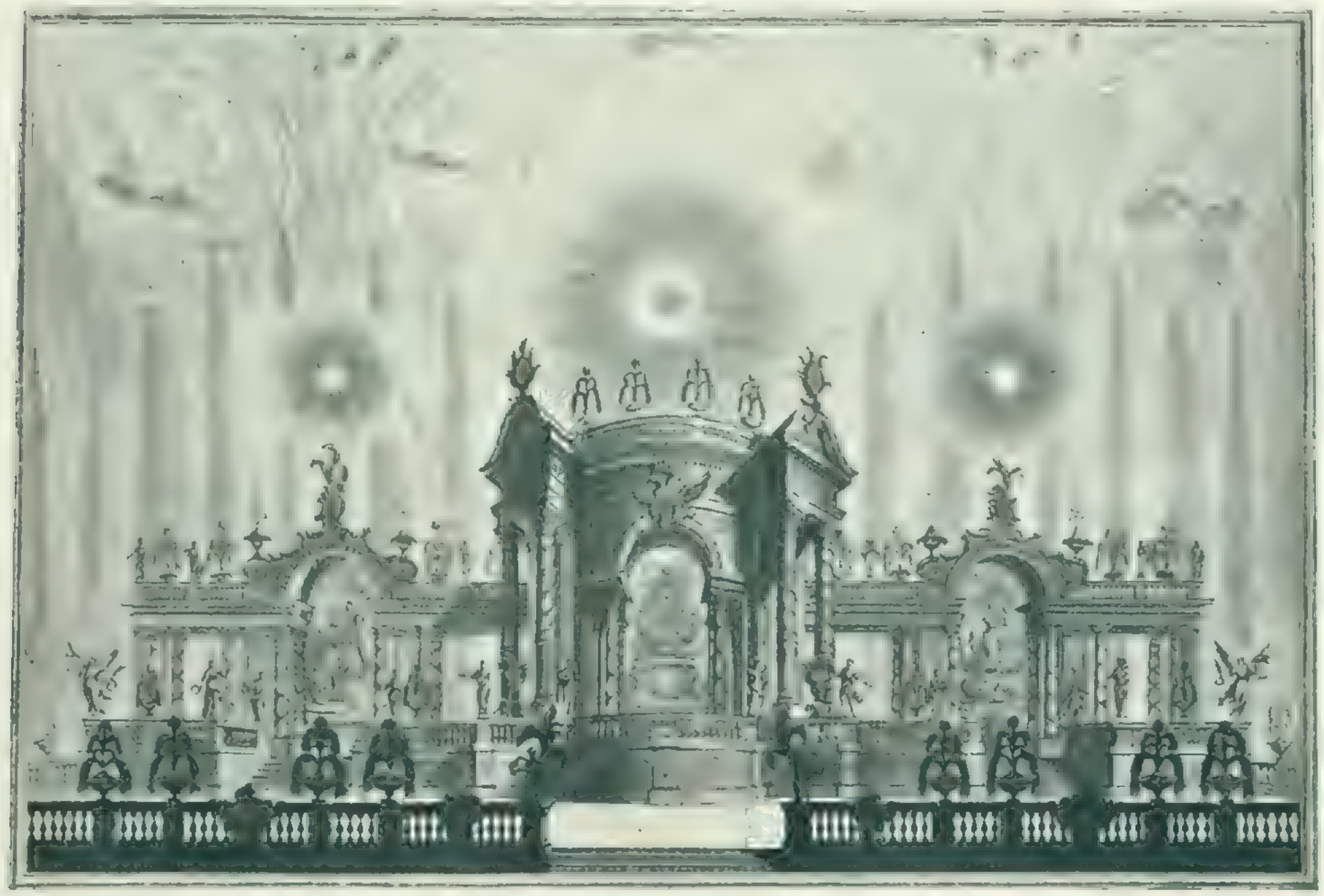
398) «Число животныхъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ было весьма значительно; но до декабря 1740 года оно въ точности не было извѣстно даже самому смотрителю охоты форштмейстеру Мильхерту. Въ яхтъ-штатѣ 22 сентября 1740 года о числѣ звѣрей въ Измайловскомъ звѣринцѣ сказано неопредѣленно: содержать ихъ «сколько есть и впредь будетъ». На запросъ Главной Дворцовой Канцеляріи 23 октября 1740 года: «чего ради онъ (форштмейстеръ) на довольство содержащихся въ ономъ звѣринцѣ разныхъ родовъ звѣрей фуража противъ прошлогодняго требуетъ излишество», Мильхертъ отвѣчалъ, что «въ прошлыхъ годахъ и въ нынѣшнемъ 1740 году приплодныхъ разныхъ родовъ звѣрей имѣется не малое число, а сколько числомъ, того познать невозможно», причемъ «для подлиннаго исчисленія» просилъ прислать отъ этой Канцеляріи довѣреннаго. Наконецъ, исчисленіе звѣрей было сдѣлано, и 8 января 1741 года Мильхертъ представилъ Командующему охотами, фонъ-Трескау, вѣдомость о числѣ животныхъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ къ 1 января этого года. Въ вѣдомости показано звѣрей 1,099 особей, въ томъ числѣ: 1 бобръ, 145 кабановъ, 2 медвѣдя, 7 сибирскихъ волковъ, «лисенокъ» бурый, 8 зубровъ, («изубровъ»), (вѣроятно, поставленное въ скобкахъ взято изъ документа и затѣмъ «исправлено» на зубръ; само собою разумѣется, это совершенно неправильно: изюбръ — особый восточно-сибирскій типъ оленя—ничего общаго съ зубромъ не имѣетъ), 257 оленей (нѣмецкихъ и мараловъ), 3 лося, 53 козы (44 дикихъ и 9 русскихъ сѣрыхъ) и 622 зайца. Яхтъ-штатомъ 28 января 1741 года положено содержать въ Измайловскомъ звѣринцѣ: кабановъ 102, зубровъ (?) 9, оленей, нѣмецкихъ и мараловъ, 214, козъ 56 (дикихъ 49, русскихъ сѣрыхъ 7), остальныхъ, показанныхъ къ 1 января 1741 года животныхъ, въ томъ же числѣ (вышеизложенномъ), всего 1017 особей».

399) Въ Измайловскомъ звѣринцѣ содержалось въ началѣ же того 1761 года: 171 старыхъ нѣмецкихъ оленя, 5 такихъ же оленей, родившихся въ 1759 году и 14, родившихся въ 1760 году; 331 старыхъ сибирскихъ оленя, 2 такихъ же оленя, родившихся въ 1759 году, и 21, родившихся

въ 1760 году, 156 кабановъ старыхъ, 7 помета 1759 года и 5 помета 1760 года; 1 верблюдъ; 2 черныхъ волка; всего 715 звѣрей. Изъ числа кабановъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, но во всякомъ случаѣ по приказанію Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, 14 штукъ было отправлено и продано на кожи. Фактъ продажи этихъ кабановъ «на кожи», другими словами признаніе мясныхъ тушъ этихъ звѣрей негодными къ употребленію въ пищу, заставляетъ предполагать, что между кабанами звѣринца была обнаружена какая-либо заразная болѣзнь, что и заставило уничтожить часть оныхъ.

Въ слѣдующемъ 1762 году составъ Московской псовой охоты нѣсколько измѣнился. Въ ней состояло: борзыхъ собакъ 13 старыхъ, 3 молодыхъ; гончихъ собакъ 73 старыхъ, 9 молодыхъ; всего 98 собакъ; охотничьихъ лошадей 17 и тѣ же животныя, что и въ 1761 году.

Въ звѣринцѣ въ то же время имѣлось: оленей нѣмецкихъ старыхъ 156, роду 1760 года 4, роду 1761 года 17; оленей сибирскихъ старыхъ 299, роду 1760 года 5 и роду 1761 года 26;



Фейерверкъ, данный И. И. Незановымъ въ честь Елисаветы Петровны въ 1755 г., съ гр. И. Соколова, съ рис. А. Перизиноти.

оленей американскихъ старыхъ 28, роду 1761 года 6; кабановъ старыхъ 120, роду 1761 года 4; верблюдъ 1; черныхъ волковъ 2; всего 668 звѣрей. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 36).

Сравнивая числовыя данныя количества звѣрей Измайловскаго звѣринца за 1761 и 1762 года, оказывается, что въ 1761 году въ этотъ звѣринецъ были доставлены американскіе олени. Кромѣ того, весьма любопытно то обстоятельство, что изъ числа оленей, рождавшихся въ звѣринцѣ, весьма немногіе доживали до двухлѣтняго возраста. Такъ, изъ помета 1760 года къ 1762-му осталось въ живыхъ нѣмецкихъ оленей лишь $^{2}/_{7}$, а сибирскихъ меньше $^{1}/_{4}$. Обстоятельство это, по нашему разумѣнію, скорѣе всего объясняется тѣмъ, что молодые олени весьма часто шли на царскую кухню для Высочайшаго стола.

Сохранилось извѣствіе, что въ Измайловскомъ звѣринцѣ дикіе кабаны нерѣдко воевали между собою, и что кабаньи драки часто оканчивались смертью одного изъ драчуновъ, брюхо котораго распарывалось клыками сотоварища. Такихъ кабановъ, съ распоротыми брюхами, форштмейстеръ Гофманъ продавалъ въ 1762 году желающимъ, получая за каждаго кабана около 1 р. 43 коп. мѣдью. (Тотъ же Арх., оп. 66, д. № 17).

Къ этому же времени относится извѣстіе объ отправленіи изъ Измайловскаго звѣринца въ С.-Петербургъ зайцевъ. Отправлялись обыкновенно зайцы, уже пробывшіе въ звѣринцѣ опредѣленный промежутокъ времени, и отправлялись на ямскихъ подводахъ партіями, каждая численностью отъ 50 до 100 штукъ. (Тамъ же).

Въ Измайловскомъ звѣринцѣ по 1773 годъ яхтъ-штату положено было имѣть 120 американскихъ оленей, 200 оленей нѣмецкихъ и сибирскихъ, 100 кабановъ. Каждому американскому оленю полагалось въ годъ по 3 четверти овса, по 48 пудовъ сѣна, по 1 четверти ржаной муки, а каждому нѣмецкому или сибирскому оленю по 4 четверти овса и по 72 пуда сѣна; свиньямъ и кабанамъ полагалось въ годъ, на каждую особь, по 4 четверти овса и по 4 четверти ржаныхъ отрубей. «Для развозки по звѣринцу кормовъ и для всякихъ случающихся посылокъ и разъѣздовъ» при Измайловскомъ звѣринцѣ должно было содержать 3 лошади. На покупку же для звѣрей лѣкарствъ, на пріобрѣтеніе роспусковъ, саней, сбруи и прочаго отпускалось ежегодно 300 руб. Всѣхъ звѣрей, которые окажутся, отъ приплоду ли, отъ привоза ли, сверхъ положенныхъ по яхтъ-штату, надлежало продавать, а полученную отъ этого сумму числить при Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи экономическою (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 14004).

[400]) Въ этомъ году для доставленія въ звѣринецъ живыхъ зайцевъ было наряжено 60 человѣкъ дворцовыхъ крестьянъ «въ кричане и въ тенетчики, со обыкновенными къ тому принадлежностями»; завѣдываніе этою ловлею было поручено кречетнику Федоту Рыкунову.

«Для имѣющихся посаженныхъ зайцевъ ко удовольствію» запахивалось въ томъ году уже не три, а четыре десятины подъ овесъ.

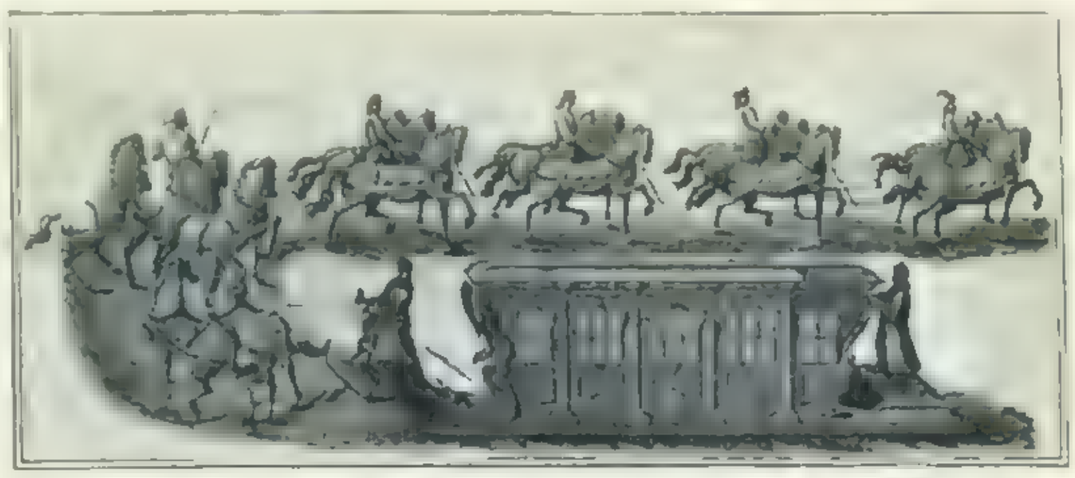
Сбрасываемые содержавшимися въ Измайловскомъ звѣринцѣ оленями рога до 1750 года представлялись обыкновенно въ Придворную Контору. Такихъ роговъ оказалось въ звѣринцѣ къ октябрю мѣсяцу 99 штукъ. Получивъ о послѣднемъ увѣдомленіе отъ форштмейстера и принявъ во вниманіе, что «нынѣ Придворной Ея Императорскаго Величества Конторы въ Москвѣ не имѣется, а находится оная въ С.-Петербургѣ», Московская Оберъ-Егермейстерская Контора опредѣлила «въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію представить доношеніемъ, истребовать объявленные свалившіеся Измайловскаго звѣринца съ сѣрыхъ здоровыхъ оленей рога не повелѣно-ль будетъ и нынѣ съ публичнаго торга продавать и куды для пересылки въ С.-Петербургъ въ Придворную Ея Императорскаго Величества Контору отослать». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

[401]) «При перечетѣ» 21 января 1793 года въ Измайловскомъ звѣринцѣ оказалось налицо «приплодныхъ сорокъ четыре оленя». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 312).

[402]) «Въ мартѣ 1741 года число животныхъ въ Измайловскомъ звѣринцѣ значительно убавилось вслѣдствіе высылки по резолюціи Правительницы, на докладѣ Кабинету Командующимъ охотами 31 января, большой партіи ихъ въ Петербургъ для Петергофскихъ охотъ («для стола Его Императорскаго Величества»). Объ этой высылкѣ въ документахъ сохранились слѣдующія весьма подробныя свѣдѣнія. Ордеромъ отъ 13 февраля Командующій охотами, во исполненіе вышеприведенной резолюціи, приказалъ: форштмейстеру Мильхерту, не медля, «конечно марта 1 числа» выслать въ Петербургъ слѣдующихъ животныхъ: оленей нѣмецкихъ 20, сибирскихъ 4, черныхъ свиней 12, дикихъ козъ 26, бѣлыхъ зайцевъ 300 и сѣрыхъ куропатокъ отъ 50 до 60 паръ. Ордеромъ предписывался и самый способъ перевозки звѣрей, а именно: оленей помѣстить въ ящикахъ, длиною «въ два звѣря», съ перегородкою, чтобъ на одной подводѣ везти двухъ оленей, шириною въ верху 2 фута, внизу $1\frac{1}{2}$ фута, «дабы тѣ звѣри въ ящикахъ не могли поворачиваться» и вышиною «по препорціи тѣхъ звѣрей». При этомъ замѣчено, чтобы оленей на веревкахъ не везти, «понеже и прежде сего отправлены были на веревкахъ и многіе изъ нихъ померли». Свиней же везти также въ двойныхъ, но «ровныхъ» ящикахъ, то-есть одинаковой мѣры вверху и внизу. Дикихъ козъ отправить въ ящикахъ съ особой осмотрительностью, подъ надзоромъ самого форштмейстера. О способѣ перевозки зайцевъ сказано только, чтобы отправить ихъ въ ящикахъ, также какъ прошедшею осенью. Ящики приказывалось сдѣлать «добрые и крѣпкіе» и если понадобится, то внутри обить войлокомъ. При животныхъ отправить двухъ «добрыхъ и надежныхъ» звѣровщиковъ и двухъ конюховъ (послѣднихъ съ семействами, на службу при Петербургскихъ придворныхъ охотахъ). Для изготовленія ящиковъ и другихъ вещей для дороги велѣно форштмейстеру явиться къ Оберъ-Гофмейстеру, графу С. А. Салтыкову. Послѣдній, съ своей стороны, 25 того же февраля поручилъ Мильхерту сверхъ вышепоименованныхъ животныхъ переслать вмѣстѣ съ ними «для стола Его Императорскаго Величества» еще слѣдующихъ: оленей 24, кабанихъ молодыхъ 12, дикихъ козъ 8 и куропатокъ, сколько наловится. Вслѣдствіе этихъ приказаній форштмейстеръ Мильхертъ 7 марта отправилъ въ Петербургъ: сибирскихъ оленей (старыхъ самцовъ) 4, нѣмецкихъ оленей (самцовъ) 20, дикихъ козъ (самцовъ и самокъ) 16, кабановъ 40 (самцовъ 28, самокъ 12), русаковъ 9, бѣлыхъ зайцевъ 17, сѣрыхъ куропатокъ 12. Животныя отправлены въ устроенныхъ по предписанному «манеру» ларяхъ, олени въ 30, дикія козы въ 4, кабаны въ 25, зайцы въ 2; куропатки же въ коробѣ, обшитомъ внутри холстомъ. (Здѣсь чувствуется какая-то фальшь: трудно, напримѣръ, размѣстить 24 оленя въ

30 ящикахъ). Съ звѣрями отпущено 2 звѣровщика и 2 конюха. Весь поѣздъ состоялъ изъ 63 ямскихъ подводъ, подъ конвоемъ 10 солдатъ Московскаго гарнизона, при капралѣ и офицерѣ. Объ отправкѣ животныхъ Мильхертъ донесъ 9 марта Командующему охотами. Въ донесеніи этомъ, между прочимъ, сдѣлана оговорка, что зайцевъ и куропатокъ выслано такъ мало потому, что «болѣ ихъ не имѣется». Независимо отъ донесенія форштмейстера, Оберъ-Гофмейстеръ графъ С. А. Салтыковъ 10 марта донесъ и Императорскому Кабинету объ отправленныхъ въ Петербургъ звѣряхъ и птицахъ съ объясненіемъ, что «для довольствованія оныхъ звѣрей въ пути и прочихъ случающихся нуждъ» выдано сопровождающему ихъ оберъ-офицеру изъ Дворцовой Канцеляріи 300 рублей и на ямскія подводы прогонныя деньги, и приказано этому офицеру при пріѣздѣ въ Петербургъ явиться къ Полковнику фонъ Трескау для сдачи привезенныхъ звѣрей и птицъ. 1 апрѣля животные были уже въ Петербургѣ. Изъ числа отправленныхъ звѣрей и птицъ пали въ пути: 5 козъ, 6 зайцевъ и 3 куропатки; остальные переданы въ Петергофскій заячій звѣринецъ».

«Вслѣдъ за этимъ Командующій охотами потребовалъ отъ форштмейстера Мильхерта объясненія: вслѣдствіе чего куропатокъ прислано небольшое число и почему въ Измайловскомъ звѣринцѣ оказалось мало зайцевъ, тогда какъ по прежней вѣдомости числилось ихъ (зайцевъ) болѣе 600 штукъ, «и знатно тѣ зайцы либо какъ изъ звѣринца выпущены или утрачены, а куропатокъ мало переловлено несмотрѣніемъ твоимъ». На это Мильхертъ далъ такое объясненіе: «Въ звѣринцѣ значительное число зайцевъ убыло отъ «раубтировъ» и многіе оказались хворыми и «ломанными, а хвораго и ломаннаго (зайца) въ Петербургъ ко двору Его Императорскаго Величества посылать (онъ, Мильхертъ) опасенъ и не слѣдуетъ». Что же касается до общаго числа зайцевъ, показаннаго (622) въ прежней вѣдомости, то его въ ежемѣсячныхъ вѣдомостяхъ опредѣленно показать нельзя, ибо невозможно каждый мѣсяцъ зайцевъ «перелавливать и перечислять имѣвшимся при охотѣ небольшимъ числомъ служителей; а сколько отъ филиновъ, ястребовъ, подорликовъ, коршуновъ, вороновъ и отъ прочихъ побито было въ мѣсяцъ, того познать невозможно, и сколько затѣмъ въ остаткѣ, понеже оные зайцы не скотина; а оные раубтиры многіе избиты»; и потому, продолжаетъ форштмейстеръ, когда для отсылки въ Петербургъ стали ловить зайцевъ, то хотя и прислано было для этого отъ Дворцовой Канцеляріи 50 крестьянъ «токмо изъ той пустокличеть вышеписаннымъ числомъ крестьянами, за вышеписанными убытки, болѣе не явилось». Изъ звѣринца же зайцамъ уйти нельзя и выпустить ихъ некому, «понеже заячій звѣринецъ весьма крѣпостью загороженъ, крѣпокъ, и всегда было подсматриваемо, чтобъ не учинилось какой звѣринцу худобы; а тратить зайцевъ не знаю кому, понеже заячій звѣринецъ загороженъ внутри большого (Измайловскаго) звѣринца». Куропатокъ наловлено мало за неимѣніемъ людей для этой ловли, ибо егерскіе ученики оставлены за штатомъ (яхтъ-штатомъ) и отпущены».



Парадныя походныя сани Елисаветы Петровны, съ гр. И. Соколова.

«Надо полагать, что объясненіе Мильхерта удовлетворило его начальство, потому что со стороны послѣдняго никакихъ возраженій не послѣдовало».

«За описанною отсылкою въ Измайловскомъ звѣринцѣ осталось животныхъ: 1 бобръ, 105 кабановъ, 2 медвѣдя, бурый лисенокъ, 8 зубровъ (?), 244 оленя (нѣмецкихъ и мараловъ, въ томъ числѣ нѣсколько вновь приплодившихся), 3 лося, 34 козы (25 дикихъ и 9 русскихъ сѣрыхъ); всего 398 особей. (Въ документѣ итогъ — 405. Разница произошла вслѣдствіе сгнившаго въ документѣ мѣста, гдѣ перечислены звѣри)».

403) Въ 1749 году изъ Измайловскаго звѣринца нерѣдко поставлялась къ царскому столу для парадныхъ банкетовъ битая дичь. Такъ, въ декабрѣ было приказано «къ наступающему новому году, генваря къ 1 числу, для будущаго при дворѣ Ея Императорскаго Величества банкету, оленя одногодочнаго средняго одного, кабана одного жъ, изъ имѣющихся въ Измайловскомъ звѣринцѣ, пристрѣля, отвесть ко двору Ея Императорскаго Величества и отдать метрдотелю Іоганну Фуксу». Пристрѣлили сибирскаго оленя «да изъ кабановъ старыхъ одну кабаниху». Однако послѣдняя за «нечистотою мяса» ко двору принята не была, почему пришлось пристрѣлить другого кабана. Что же касается пристрѣленной кабанихи, то форштмейстеръ Гофманъ, не зная, что съ нею дѣлать, запросилъ соотвѣтственныхъ указаній Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи. Послѣдняя, по указу Ея Императорскаго Величества, предложила Гофману «застрѣленный кабанихѣ негодное мясо употребить, куда надлежитъ, а впредь смотрѣть и пристрѣливать годныхъ, подъ опасеніемъ за то штрафа». (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 1).

Въ томъ же году и тотъ же Гофманъ доносилъ въ мартѣ мѣсяцѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, что «при Измайловскомъ звѣринцѣ имѣются стрѣлянныхъ и палыхъ розныхъ родовъ звѣрей кожи и лежатъ праздно, которыя де надлежитъ отдать ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ». Гофманъ просилъ о разрѣшеніи передавать такія кожи въ птичью охоту ежемѣсячно «въ передѣлку» на различныя охотничьи принадлежности, между прочимъ, на должики. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

[404]) 8 марта 1738 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій докладывалъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, что «въ Москвѣ въ Измайловскомъ звѣринцѣ есть бѣлый кабанъ, передъ прочими рослой, у котораго рыло черное и на спинѣ щетины черные жъ». (Рукоп. Имп. ох.). Анна Іоанновна приказала кабана этого привезти въ С.-Петербургъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

[405]) Въ 1791 году на сентябрьскую треть было выдано корму «состоящимъ при Измайловскомъ звѣринцѣ лошадямъ, звѣрямъ и китайскому скоту»: сѣна — 5428 пудовъ 10 фунтовъ; «въ кормъ кабанамъ ржаныхъ отрубей» — 81 четверть 1 четверикъ 1 гарнецъ и 115; «въ подстилку ржаной соломы» — 100 пудовъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 215).

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1775 года въ Измайловскій звѣринецъ поступили присланные изъ Иркутска китайскіе буйволы, ишаки (ослы) и козы. Для нихъ велѣно было сдѣлать «въ удобномъ мѣстѣ конюшню мшеную и низкую, чтобъ была тепла, для каждой скотины съ особыми перегородками». При этомъ тогдашнему форштмейстеру звѣринца Зандену подтверждалось накрѣпко, «чтобы онъ китайскую скотину весьма берегъ и добивался отъ нихъ приплоду; а для припуску къ буйволамъ пріискать ему, форштмейстеру, къ покупкѣ одной или двухъ коровъ, комолыхъ и смирныхъ, которыя бъ отъ онаго буйвола могли имѣть приплодъ..... ибо оная скотина столь рѣдка, что никогда изъ Китая въ Москву не была приваживана». (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 4).

[406]) «Въ маѣ 1741 года въ Измайловскій звѣринецъ вновь прибыло нѣсколько животныхъ. 2 мая Сибирскій приказъ увѣдомилъ Главную Дворцовую Канцелярію, что присланы въ этотъ приказъ изъ Тобольской Губернской Канцеляріи «ловленные дикіе звѣри»: два барана, маралъ, пара оленей и двѣ лошади. Главная Дворцовая Канцелярія предписала форштмейстеру Мильхерту вновь привезенныхъ звѣрей принять въ Измайловскій звѣринецъ и «содержать съ прочими звѣрьми въ добромъ смотрѣніи».

Въ 1739 году воспослѣдовало приказаніе доставить въ Измайловскій звѣринецъ изъ Казанской губерніи лосей, а изъ Царицына кабановъ, дикихъ козъ, сайгаковъ и нѣсколько сотъ живыхъ куропатокъ. (Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

[407]) Въ началѣ того же 1743 года завѣдывавшій до графа Разумовскаго Императорскими охотами полковникъ фонъ Трескау просилъ Императрицу повелѣть, чтобы въ Измайловскій звѣринецъ было доставлено: 1) 500 зайцевъ изъ Украйны и столько же изъ Новгородской губерніи, такъ какъ въ названномъ звѣринцѣ зайцевъ въ то время не было вовсе; 2) до ста паръ, «или сколько Ваше Императорское Величество соизволите», куропатокъ изъ ближайшихъ звѣринцу мѣстъ, и 3) нѣкоторое количество «аленей белыхъ, которые привозятца изолонца», такъ какъ въ звѣринцѣ послѣднихъ «для парфоршъ яхтъ Вашего Императорскаго Величества ничего не имѣется». (Госуд. Арх., ч. I, р. XIV, № 57).

Въ февралѣ 1746 года въ Измайловскій звѣринецъ было доставлено изъ Енисейска четыре лисицы, для которыхъ егерю Іоганну Гофману поручено было купить «по настоящей цѣнѣ, безъ передачи», четыре цѣпи желѣзныя съ ошейниками сыромятной кожи и съ пряжками желѣзными. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 51, д. № 2641). Въ томъ же году въ звѣринцѣ содержались двѣ дикія коровы «съ лошадиными хвостами», изъ которыхъ одна пала 30 іюня (тотъ же Арх., оп. 51, д. № 2677). Зайцы въ этомъ году доставлялись въ Измайловскій звѣринецъ изъ Всегодачской волости, а русаки изъ городовъ Скопина и Богородицка. Изъ перваго мѣста въ январѣ было доставлено 49 зайцевъ, изъ Скопина въ январѣ же 36 русаковъ, а изъ Богородицка въ февралѣ 37 русаковъ. Съ мѣста ловли зайцы и русаки присылались въ звѣринецъ въ особыхъ ящикахъ, сколоченныхъ гвоздями, изъ досокъ, снабженныхъ кожаными петлями, причемъ въ каждый ящикъ, очевидно, сажалось по нѣскольку зайцевъ или русаковъ, такъ какъ въ самыхъ ящикахъ устраивались «разгородки». (Тотъ же Арх., оп. 51, д. № 2641).— «На довольство зайцевъ» засѣвалось въ звѣринцѣ 3 десятины овсомъ и такое же пространство рожью. Кромѣ того, «на кормъ звѣрямъ» отпускались овесъ и сѣно въ значительномъ количествѣ. Такъ, въ мартѣ выдано 3528 пудовъ сѣна, въ апрѣлѣ еще 1000 пудовъ; 1 октября отпущено 100 четвертей овса, 23 декабря еще 400 четвертей. (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 14).

[408]) Въ концѣ 1745 года Императрица Елисавета Петровна приказала «для преумноженія насадить зайцевъ и русаковъ» въ Измайловскій звѣринецъ. Для этой цѣли были отправлены двое охотниковъ псовой охоты, состоявшей при Измайловскомъ звѣринцѣ, Иванъ Шольманъ и Гаврило Ивановъ. Съ 17 января по 8 декабря, по ихъ требованію, названная волость наряжала ежедневно изъ крестьянъ «кричанъ» и «тенетчиковъ»: пѣшихъ отъ 84 до 150 человѣкъ и «для возки тенятъ съ лошадьми» по 33 человѣка. Всего было поймано 182 зайца, которыхъ и отправили тотчасъ

въ Измайловскій звѣринецъ на 32 подводахъ. Подобныя же заячьи ловли были устроены одновременно и въ Гуслицкой и другихъ волостяхъ.

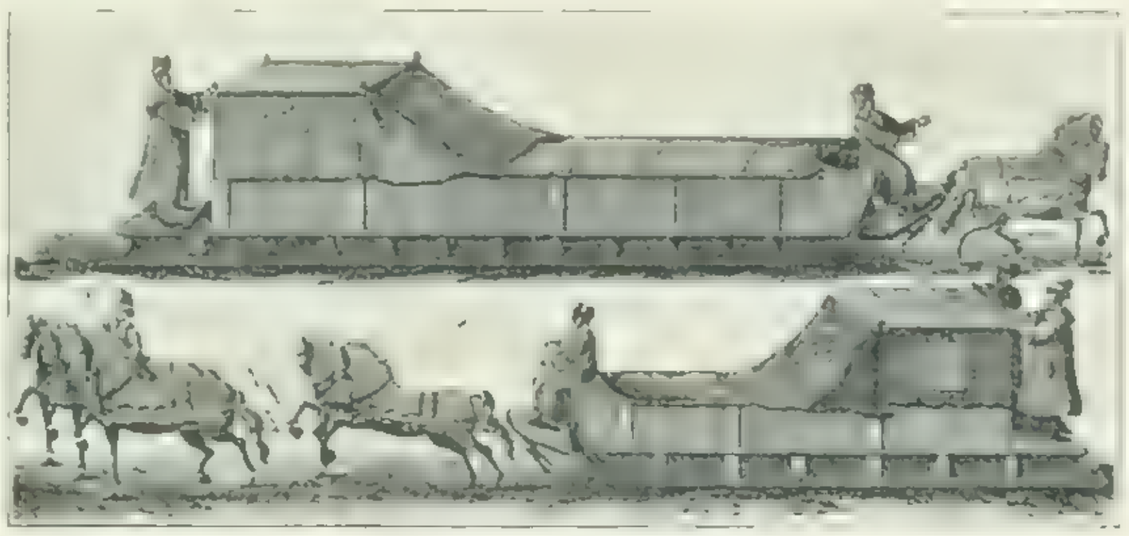
Привезеннымъ въ звѣринецъ зайцамъ приказывалось возить на кормъ осинникъ, а впредь сѣять въ звѣринцѣ озимый и яровой хлѣбъ, «при чемъ смотрѣть того, пашня дабы вспахана и сооружена была съ добрымъ смотрѣніемъ, чтобъ не было глыбъ, дабы въ травлѣ не мѣшало». По отношенію къ этимъ посѣвамъ предписывалось «при уборкѣ жать только, сколько нужно на сѣмена», а остальной хлѣбъ оставлять частью на корню, частью сложеннымъ въ копны. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 14, д. № 106).

Въ началѣ того же 1775 года, вѣроятно, опять-таки вслѣдствіе ожидавшагося пріѣзда въ Москву Высочайшаго двора, Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ писалъ состоявшему при Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ бригадиру Булгакову:

«Высокородный господинъ бригадиръ Булгаковъ. Прикажите купить въ Москвѣ для всякаго случая зайцовъ двѣсти, да русаковъ двѣсти жъ, всего четыреста, коихъ и посадить въ Измайловскомъ звѣринцѣ въ такомъ мѣстѣ, откуда бы они разбѣжаться не могли. А для корму оныхъ купить сноповаго овса потребное число. Деньги на то употребить отъ Конторы изъ наличной суммы на счетъ впредь собираемой за билеты».

Въ исполненіи этого приказанія случилось препятствіе: оказалось, что «состоящіе въ Измайловѣ заячьи звѣринцы состоятъ въ ветхости, и тѣхъ зайцовъ и русаковъ во оные сажать никакъ не можно».

Въ присланномъ 3 ноября 1774 года въ Московскую Контору указѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи было написано, что «за неимѣніемъ въ остаткѣ положенной для починки звѣринцевъ суммы», заячій звѣринецъ исправлять не нужно, «ибо во оный зайцы и русаки пущены нынѣшнею зимою быть уже не имѣютъ». Для исправленія же заячьяго звѣринца хотя Конторою и пріискивались охочіе люди, но таковые просили весьма дорогую цѣну «и менѣе не берутъ, какъ огородить въ одинъ только колъ, за каждую сажень 2 р., каковой дорогой цѣны Контора дать не можетъ, тѣмъ больше, что въ той городьбѣ прочности никакой быть не можетъ. Что же касается до поставки зайцевъ, то желающаго принять на себя таковую нашли только одного человѣка, крестьянина Гуслицкой волости Прокофьева, объявившаго цѣну по рублю 20 коп. за пару зайцевъ и русаковъ.



Походныя сани Императрицы Елисаветы Петровны, съ гр. П. Соколова.

Руководствуясь неудобствомъ содержанія зайцевъ и принимая во вниманіе дороговизну послѣднихъ, Оберъ-Егермейстерская Контора рѣшила пріобрѣсти отъ Прокофьева только 120 зайцевъ. Зайцевъ этихъ Прокофьевъ долженъ былъ привезти въ Измайловскій звѣринецъ и отдать оберъ-ферштеру Андреасу Тону, коему велѣно было подтвердить, «чтобы онъ тѣхъ зайцевъ и русаковъ отъ упоминаемаго крестьянина принималъ здоровыхъ и не свихнутыхъ, а хворыхъ и свихнутыхъ отнюдь не принималъ, и въ числѣ бы тѣхъ ста двадцати зайцевъ непремѣнно бъ было двадцать русаковъ, и по пріемѣ впредь до указу содержать ихъ въ Измайловскомъ большомъ звѣринцѣ, въ особо огороженномъ полѣ-дворѣ, гдѣ нѣмецкимъ и сибирскимъ оленямъ задается кормъ; а въ кормъ имъ овесъ употреблять, получая отъ форштмейстера фонъ-Зандена имѣющійся у него покупной для прикормки тетеревей сноповый овесъ, который овесъ и отпускать ему, форштмейстеру, съ расписками, а по недостатку того овса и по требованію его, Тона, велѣть въ кормъ имъ, зайцамъ и русакамъ, овесъ отпускать Комисару Сергѣю Ларіонову изъ состоящаго у него наличнаго овса». «Для хожденія за тѣми зайцами и русаками и къ задачѣ имъ корму и воды опредѣлить ему, Тону, изъ состоящихъ подъ командою его псовой охоты служителей, а самому за ними имѣть неослабный присмотръ». (Тотъ же Арх., оп. 72, д. № 43).

Въ іюлѣ 1779 года Императрица Екатерина Великая приказала, выбравъ изъ имѣющихся при Московской псовой охотѣ хорошихъ щенковъ и, «наѣхавъ ихъ», выдать изъ таковыхъ флигель-адъютанту Ивану Николаевичу Римскому-Корсакову 4-хъ борзыхъ и 24 гончихъ. (Рукоп. Сб. Им. Ук., № 78).

За послѣдніе года царствованія Екатерины Великой интересныхъ свѣдѣній, касающихся Измайловскаго звѣринца или состоявшей при немъ псовой охоты, мы не нашли.

409) Въ 1749 году въ Измайловскій звѣринецъ было доставлено изъ города Скопина станичникомъ Якимомъ Рудневымъ 42 зайца и русака, которыхъ велѣно было пустить въ Заячій звѣринецъ. (Общ. Арх. Мин. Имп. Двора, оп. 65, д. № 10). Въ это время на кормъ зайцамъ доставлялось ежедневно въ звѣринецъ 4 воза сырого осиннику, да кромѣ того, такъ какъ собираемаго съ собственной запашки въ 3 десятины овса зайцамъ не хватало, то на время, когда запасы этого овса выходили, въ звѣринецъ требовалось для зайцевъ по восьми сноповъ «сноповаго» овса на день. Подобное требованіе было, между прочимъ, предъявлено къ Главной Дворцовой Канцеляріи въ февралѣ 1749 года; однакожъ, названная Канцелярія отвѣтила, что въ подмосковныхъ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ «сноповаго овса за перемолотомъ въ наличности не имѣется и отпустить нечего». (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 5). На зимніе же мѣсяцы для всѣхъ вообще травоядныхъ звѣрей Измайловскаго звѣринца въ 1749 году было отпущено 26.000 пудовъ сѣна. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

Кромѣ надлежащаго кормленія зайцевъ, въ это время обращалось вниманіе и прилагались старанія къ обезпеченію этихъ животныхъ отъ поползновеній различныхъ хищниковъ. «Для стрѣлянія въ Измайловскомъ звѣринцѣ филиновъ, ястребовъ, вороновъ и прочихъ рауптировъ, которые бьютъ содержащихся въ томъ звѣринцѣ зайцовъ», однажды велѣно было форштмейстеру Гофману купить 2 фунта пороху и 14 фунтовъ дроби. (Тотъ же Арх., оп. 65, д. № 8).

410) Около того же времени Главная Дворцовая Канцелярія обратилась въ Канцелярію Оберъ-Егермейстерскую со слѣдующимъ отзывомъ:

«Въ прошломъ 1740 году, по присланному въ Главную Дворцовую Канцелярію изъ Дворцоваго села Измайлова отъ управителя, маіора, что нынѣ подполковникъ, Сергѣя Лаврова доношенію, показано было въ укосѣ въ Измайловскомъ звѣринцѣ, на загороженныхъ казенныхъ сѣнныхъ покосахъ, сѣна 1100 пудъ, и то де сѣно свезено на конюшенный дворъ въ кормъ казеннымъ лошадямъ и скоту; а по свидѣтельству въ дворцовой счетной конторѣ о укосномъ въ томъ 1740 году сѣнѣ съ приходными и расходными книгами, того сѣна въ приходѣ и въ расходѣ въ запискѣ не явилось, а бывшій у записки того сѣна села Измайлова писарь Петръ Брыкинъ допросомъ показалъ: то де сѣно разбито и растащено имѣющимися въ томъ звѣринцѣ звѣрьми, а уберечь его отъ того никакъ было невозможно, потому что оные звѣри имѣются вольные и число ихъ немалое, и у нихъ же имѣются дѣти, и съ тѣми дѣтьми во ономъ сѣнѣ часто они ночевали, а что де въ посланномъ въ Главную Дворцовую Канцелярію доношеніи показано, будто оное сѣно свезено изъ того звѣринца на конюшенный дворъ, въ дачу на кормъ лошадямъ, и то де въ ономъ доношеніи написано было для того, что оное сѣно хотѣли перевесть подлинно на оный конюшенный дворъ, токмо тогда, за многими у крестьянъ казенными работами, перевесть скоро не успѣли, а потомъ наступила глубокая осень и въ то осеннее время означенные звѣри стали по ночамъ прибѣгать къ тому сѣну и въ томъ сѣнѣ ночевали, и весьма оное разбили и растащили, за чѣмъ то сѣно въ ономъ звѣринцѣ и осталось, котораго де и нынѣ есть остатки, о чемъ де надлежитъ взять извѣстіе того звѣринца отъ форштмейстера Мильхерта, понеже и онъ о томъ сѣнѣ, что ему трата учинилась отъ оныхъ звѣрей, свѣдомъ; да и послѣ де того оные звѣри такожъ то сѣно всегда разбивали и нынѣ разбиваютъ, и кабаны въ немъ съ дѣтьми ложатся и дѣлаютъ гнѣзды, отъ чего де тому сѣну бываетъ трата. А форштмейстеръ де Мильхертъ объявилъ укосное де въ Измайловскомъ звѣринцѣ сѣно, 1100 пудъ, коего нынѣ имѣется въ наличности четыре стога, звѣрями подлинно разбито, и каждаго года чинится не малая трата. Того ради въ Главной Дворцовой Канцеляріи опредѣлено: въ Егермейстерскую Канцелярію послать промеморію и требовать извѣстіе, что тому сѣну отъ звѣрей трата учиниться можетъ-ли и подлинно-ль та трата отъ звѣрей была, и буде оная трата отъ нихъ была, тобъ благоволила оная Оберъ-Егермейстерская Канцелярія каго надлежитъ, въ томъ, чего ради тѣ звѣри до оной траты допущены были, допросить, и впредь допущать такой траты чинить накрѣпко запретить, дабы отъ того тому сѣну казенному такой траты не было».

Оберъ-Егермейстерская Канцелярія опредѣлила: «Отъ форштмейстера Мильхерта взять отвѣтъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 14).

Вскорѣ послѣ этого и, кажется, въ отвѣтъ на приведенное приказаніе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи форштмейстеръ Мильхертъ подалъ Императрицѣ челобитную, въ которой, должно быть, не чувствуя себя вполнѣ правымъ въ дѣлѣ растраты казеннаго сѣна, видимо старался запутать данныя поднятаго вопроса и ходатайствовалъ объ увольненіи его въ отпускъ на родину. Эту типичную челобитную приводимъ полностью:

«Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня Императрица Елизаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Государыня Всемилостивѣйшая.

Бьетъ челомъ Измайловскаго Вашего Императорскаго Величества звѣринца форштмейстеръ Мильхертъ, а о чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1) Въ прошломъ 1738 году, по указу Блаженныя и Вѣчнодостойныя Памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны, опредѣленъ я, именованный отъ Егермейстерскихъ Дѣлъ къ звѣ-

риной Вашего Императорскаго Величества охотѣ, для содержанія старыхъ и воспитанія молодыхъ звѣрей, егаремъ, и не малое имѣлъ по присяжной своей должности стараніе въ довольствіи кормами показанныхъ звѣрей, что за неотпускомъ въ прошломъ 1739 году какъ отъ Дворцовой Конюшенной, такъ и отъ Главной Дворцовой Канцеляріи и отъ прочихъ мѣстъ кормовъ рубилъ въ звѣринцѣ Вашего Императорскаго Величества сырой съ кореньями осинникъ, но тѣмъ было недовольно: взято было мною отъ бывшаго генерала фонъ-Фирина заимообразно на свой счетъ, чтобъ звѣрей не поморить, сѣна 1000 пудъ, и задержалъ; такожъ и имѣющихся при звѣриной Вашего Императорскаго Величества охотѣ служителей, за непроизвожденіемъ въ прошломъ 1740 году денежнаго и хлѣбнаго жалованья, довольствовалъ своимъ коштомъ, которое сѣно, какъ присланъ былъ изъ Высочайшаго Кабинета указъ, за подписаніемъ Кабинетъ-Министровъ, о довольствіи, до опробаціи яхтъ-штата, охотъ и при нихъ служителей кормами и потребными припасы мнѣ, по силѣ присланнаго къ Конюшенной Канцеляріи указу, оное сѣно возвращено; такожъ и что на служителей моимъ коштомъ было употреблено возвращено жъ.

2) И въ томъ же 1739 году, по резолюціи бывшаго Оберъ-Егермейстера Артемія Волынскаго опредѣленъ я былъ, нижайшій, при звѣриной Вашего Императорскаго Величества охотѣ форштмейстеромъ, и послѣ присланнаго въ томъ же 1739 году декабря 9-го дня ко мнѣ отъ оного Волынскаго ордеру, въ которомъ упомянутый Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ по новополученному вновь плану мнѣ крайнее въ гороженіи звѣринцовъ, большаго и малаго, для зайцовъ и русаковъ, такъ (и) въ смотрѣніи надъ работниками стараніе и попеченіе приложить, что же мною и учинено, и построены всѣ звѣринцы во всякой исправности, и звѣрей имѣется довольное число, что же и Ваше Императорское Величество сами соизволили видѣть.

Походная кухня Императрицы Елисаветы Петровны, съ гр. П. Соколова.

3) А нынѣ я, нижайшій, по силѣ Вашего Императорскаго Величества указу, требую, чтобъ меня, нижайшаго, по Вашего Императорскаго Величества указу, для свиданія моего съ родителями моими уволить въ Нѣмецкіе краи въ .... (неразборчиво) .... такожъ въ Берлинъ и Дрезденъ на годъ, понеже уже черезъ двадцать лѣтъ и болѣе, имѣючись въ службахъ какъ въ другихъ краяхъ, тако жъ и въ здѣшнемъ Россійскомъ Вашего Императорскаго Величества Государствѣ, при звѣриной Вашего Императорскаго Величества охотѣ, я съ родителями моими и по сіе число свиданія никакого не имѣлъ; а я, нижайшій, черезъ письмо отъ своихъ родителей увѣдомился, что они еще находятся въ живыхъ и весьма уже пришли въ глубокую старость и древность и желаютъ, чтобы мнѣ съ ними хотя бы токмо при концѣ старости ихъ повидаться.

И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было меня, нижайшаго, по силѣ вышеписаннаго Вашего Императорскаго Величества указу, для свиданія моего съ родителями моими въ нѣмецкіе краи, вышеупоминаемыя мѣста, уволить на годъ и дать мнѣ и человѣку моему Вашего Императорскаго Величества для проѣзду моего пашпортъ изъ Москвы, ежели повелѣно будетъ — прогоны, такожъ и для пропитанія моего въ пути выдать мнѣ заслуженное денежное Вашего Императорскаго Величества жалованье сего 1744 года за майскую треть, по расчету, чтобъ мнѣ было бы черезъ такой дальной путь пропитаніе имѣть.

Всемилостивѣйшая Государыня, всенижайше павъ на колѣна къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, всепокорнѣйше прошу по сему моему челобитью милостивое и щедрое рѣшеніе учинить». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 2).

Мильхерта, вѣроятно, отпустили, такъ какъ въ слѣдующемъ 1745 г. должность форштмейстера Измайловскаго звѣринца исправлялъ егерь Іоганнъ Гофманъ. (Тотъ же Арх., оп. 75, д. № 190).

Въ маѣ того же 1746 года исправлявшій въ то время должность форштмейстера Измайловскаго звѣринца егерь Іоганнъ Гофманъ доносилъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ:

«Понеже Измайловскаго Ея Императорскаго Величества стараго Заячьяго звѣринца имѣется со внѣшней и со внутренней сторонъ городьба черезъ прудъ, такожъ и въ Кабаньемъ звѣринцѣ черезъ конецъ того жъ пруда городьба жъ, которую городьбу тѣхъ звѣринцевъ черезъ воду отъ нынѣшней большой воды проломало, а оная вода для большаго накопу для мелева имѣющейся

при томъ прудѣ серебровой мельницы въ томъ прудѣ была заперта и понынѣ не спущена, и имѣю себѣ опасеніе, чтобъ кабаны не разошлися и въ имѣющемся въ томъ звѣринцѣ саду плодамъ не учинили бъ повреждения, токожъ и болѣе бы; отъ той запертой (запруды) въ томъ прудѣ вода разлилась велика, а о спускѣ изъ того пруда воды дворцоваго села Измайлова управителя Ассесора Федора Изволова просилъ, чтобъ повелѣлъ спустить изъ того пруда воду, ибо оный прудъ и мельница состоитъ подъ вѣдомствомъ того села управителя, который управитель объявилъ, что де къ нему имѣются присланные указы изъ Главной Дворцовой Канцеляріи о нечиненіи серебровой мельницѣ никакаго препятствія и помѣшательства, понеже оная серебровая мельница на казенномъ откупу; и того ради оный управитель изъ того пруда спускать воды безъ указу опасенъ, а надлежитъ конечно воду изъ того пруда спустить и поломанную городьбу починить, и для починки надлежитъ работныхъ людей, съ топорами и заступами, 20 человѣкъ. для прибиванія жердей въ Заячьемъ звѣринцѣ черезъ прудъ гвоздей костылевыхъ сто; въ Кабаньемъ звѣринцѣ, черезъ конецъ того жъ пруда, для прибиванія жердей же гвоздей тростесныхъ двѣсти». Гофманъ просилъ соотвѣтственныхъ распоряженій. (Тотъ же Арх., оп. 51, д. № 2676).

[411]) Въ 1732 году псовою охотою при Измайловскомъ звѣринцѣ завѣдывалъ оберъ-егерь. а самимъ звѣринцемъ форштмейстеръ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 6, д. № 325). По ходатайству тогдашняго оберъ-егеря Мервиля въ томъ году была произведена починка строеній псовой охоты и возобновлена ограда псарни, разрушившаяся и растасканная съ трехъ сторонъ, а въ апрѣлѣ того же года Мервиль возбудилъ и слѣдующее ходатайство:

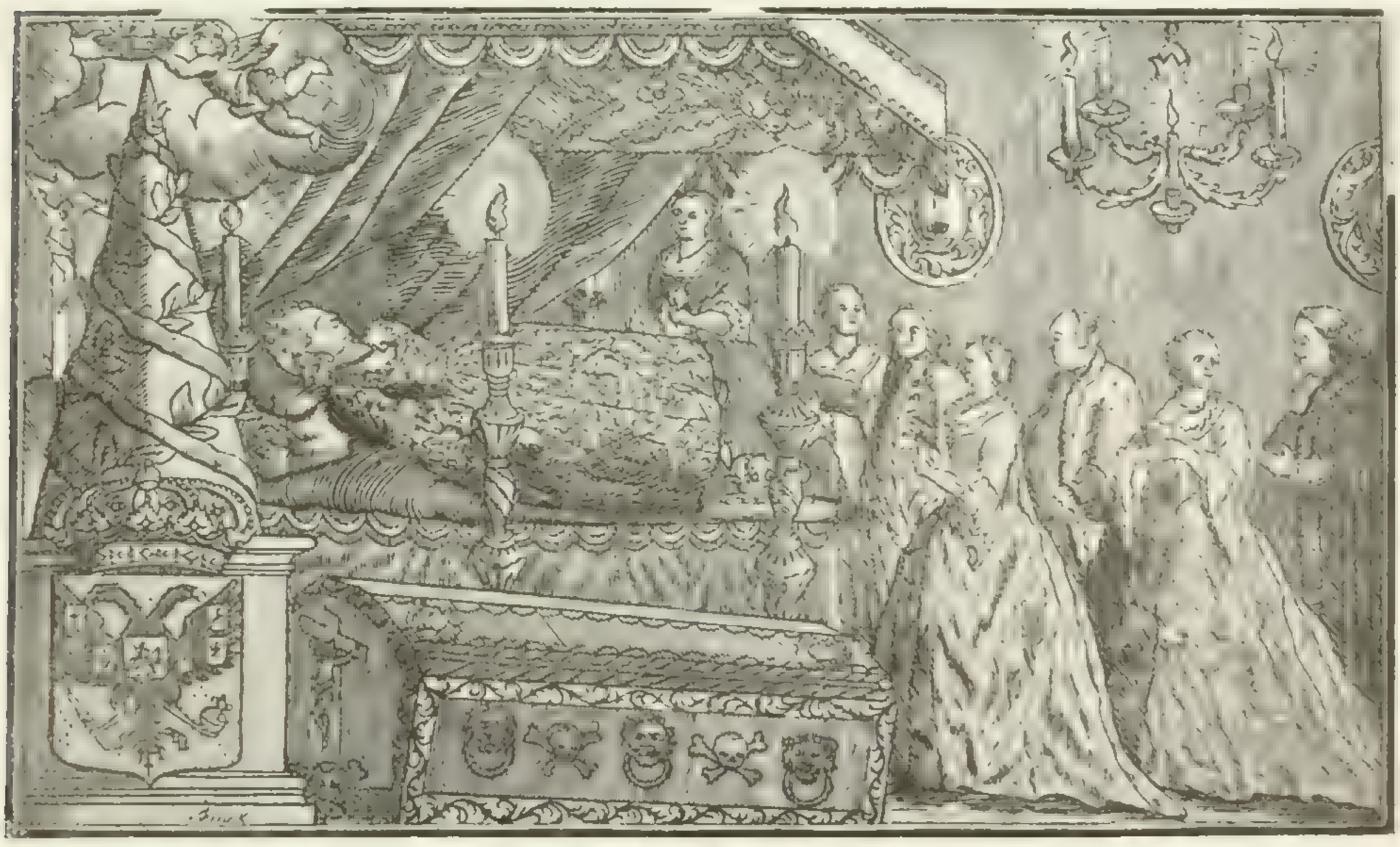
«Нынѣ пришло время собакъ, которыя въ охотѣ Ея Императорскаго Величества, французскихъ, курляндскихъ и ручныхъ (вѣроятно, русскихъ), старыхъ—въ поля выводить, а молодыхъ—обучать. Того ради прошу, дабы повелѣно было для оного собакъ въ поля обученія ѣздить въ большомъ звѣринцѣ. . . . . пока оныя обыкнутъ; такожъ и для обученія въ гонку молодыхъ французскихъ и курляндскихъ собакъ изъ звѣринца звѣрей, а именно оленей, кабановъ, лосей и дикихъ козъ, отъ всякаго роду по одному звѣрю, годныхъ» предоставить для псовой охоты. Мервилю было разрѣшено получить изъ звѣринца одного кабана и одного оленя и то «только для гоньбы, а какъ оные гонять перестанутъ, то оныхъ кабана и оленя возвратить».

«Звѣриная охота помѣщалась, какъ и псовая, въ селѣ Измайловѣ. Охотою завѣдывалъ смотритель, въ званіи форштмейстера. Въ 1740—1741 годахъ должность эту занималъ иноземецъ Мильхертъ. . . . . Форштмейстеръ Мильхертъ помѣщался въ палатахъ Измайловскаго Дворца. На какомъ основаніи Мильхертъ жилъ во дворцѣ изъ документовъ не видно. Нижеприводимое свѣдѣніе даетъ поводъ думать, что онъ помѣстился здѣсь произвольно. 21 апрѣля 1741 года Главная Дворцовая Канцелярія писала Мильхерту: «сего апрѣля 13 дня 1741 года въ доношеніи села Измайлова управителя, маіора Сергѣя Лаврова, показано: въ томъ селѣ Измайловѣ въ дворцѣ жительство имѣешь ты и съ командою своею, и отъ топленія тѣхъ квартиръ имѣется не безъ опасности, дабы, паче чаянія, не учинилось бы отъ огненнаго случая какаго повреждения; да въ ономъ же дворцѣ содержишь ты медвѣдей, которыхъ напредъ сего не бывало, а имѣлись оные медвѣди для кормли по домамъ у живодеровъ, отъ которыхъ медвѣдей имѣется не безъ опасности жъ, понеже въ ономъ дворцѣ имѣются казенныя павы и павлины, и лебеди, и приспѣваетъ время оныхъ птицъ къ выпуску, и дабы отъ оныхъ медвѣдей онымъ птицамъ не учинилось же бы какаго повреждения. Того ради, по резолюціи Главной Дворцовой Канцеляріи, велѣно тебѣ въ оную Канцелярію отвѣтствовать, чего ради и по какому указу ты въ упомянутомъ Измайловскомъ Его Императорскаго Величества дворцѣ жительство, мимо псаренаго двора, имѣешь и содержишь медвѣдей, чего напередъ сего не бывало, и буде о томъ отъ кого имѣешь указъ и съ онаго сообщить при томъ отвѣтѣ въ Главную Дворцовую Канцелярію (копію)». «Что отвѣчалъ на это Мильхертъ—неизвѣстно».

. . . . . «Звѣровщики въ 1740 году жили на Звѣровомъ дворѣ въ двухъ избахъ, а въ слѣдующемъ году въ Измайловскомъ дворцѣ, вмѣстѣ съ форштмейстеромъ Мильхертомъ. Въ помощь звѣровщикамъ наряжались крестьяне села Измайлова и приписныхъ къ нему селеній. Такъ 8 декабря 1740 года Главная Дворцовая Канцелярія опредѣлила нарядить для этой цѣли семь крестьянъ съ двумя лошадьми. Для охраненія звѣринцевъ, караула и объѣздовъ, состояло пять солдатъ вѣдомства Дворцовой Канцеляріи. Въ 1741 году форштмейстеръ Мильхертъ просилъ Главную Дворцовую Канцелярію о прибавкѣ еще шести караульныхъ, но въ этомъ было отказано, «понеже въ прибавокъ опредѣлить некаго, да и по штату тѣхъ солдатъ не положено». Работы по звѣриной охотѣ, постройка и исправленіе зданій, доставка корма звѣрямъ, косьба и уборка сѣна, вязаніе осиновыхъ вѣниковъ для звѣрей и другія производились крестьянами дворцовыхъ селъ, по наряду Главной Дворцовой Канцеляріи. Крестьяне высылались, смотря по надобности, пѣшіе или конные, иногда значительными партіями въ 50—90 человѣкъ».

«По поводу побѣга высланныхъ на работы изъ Измайлово крестьянъ отдаленнаго села Подмоклова Главная Дворцовая Канцелярія въ ноябрѣ 1740 года постановила не высылать для этихъ работъ крестьянъ отдаленныхъ дворцовыхъ селеній».

[412]) 21 іюня 1750 года въ Московскую Оберъ-Егермейстерскую Контору явился сырейщикъ Лука Петровъ и объявилъ, что минувшаго апрѣля 24 дня подано было въ Контору отъ него да отъ сырейщика же Ивана Елизарова челобитье «о пріѣздѣ въ ночное время въ домы ихъ незнаемо какими людьми и о битіи ихъ». Въ Конторѣ «бои и раны осматриваны, о чемъ у него и въ Полицеймейстерской Канцеляріи явочное челобитье записано». Между тѣмъ 19 іюня «незнаемо жъ какіе люди, въ небытность его въ домѣ, пріѣхавъ въ домъ его многолюдствомъ, падчерицу его Устинью Иванову дочь били по щекамъ и увѣчили, и, вынимавъ палаши, ей говорили, что де мы тебѣ отрубимъ голову: сказывай, гдѣ отецъ твой пожитки въ домѣ имѣетъ. Поставъ изломали и посуду всю перебили и, бывъ въ домѣ его, уѣхали». Опасаясь повторенія подобнаго наѣзда, Петровъ просилъ заступничества. Оберъ-Егермейстерская Контора, принявъ во вниманіе, что «оной сырейщикъ опредѣленъ по силѣ указа Правительствующаго Сената для поставки ко псовой Ея Императорскаго Величества охотѣ шкваръ и мясищъ», отдала слѣдующее приказаніе: «имѣющимся въ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской Конторы драгунамъ, которые имѣются въ разъѣздѣ около Москвы для поимки въ запретительныхъ мѣстахъ презрителей въ ловленіи звѣрей



«Castrum de loris» Императрицы Елисаветы Петровны, съ нѣмецкой народной картины на деревѣ. Собственность П. Я. Дашкова.

и въ стрѣляніи птицъ, приказать, какъ оные будутъ въ разъѣздѣ жъ около Москвы показанныхъ презрителей, то бы оные, какъ въ путь изъ Москвы, такъ и возвратно ѣхать будутъ, въ домъ оныхъ сырейщиковъ заѣзжали, дабы бы внезапу въ домѣ ихъ не наѣхали какихъ къ нимъ пріѣзжихъ подозрительныхъ людей, и ежели какіе явятся, то бы оныхъ, поймавъ, привели въ Оберъ-Егермейстерскую Контору». Результаты этого распоряженія сказались весьма скоро. Въ сентябрѣ того же года «отправленные для разъѣзду у поимки около Москвы въ ловленіи звѣрей и въ стрѣляніи птицъ презрителей» драгуны «Московскаго шквадрона», возвращаясь послѣ разъѣзда по Серпуховской дорогѣ въ Москву, «не доѣзжая Серпуховскихъ воротъ, поверстались противъ двора сырейщика Луки Петрова сына Новикова, который жительство имѣетъ за оными Серпуховскими вороты, внѣ Москвы, услышали во дворѣ его, Новикова, великій крикъ и шумъ и на тотъ крикъ въѣхали во дворъ помянутаго Новикова; и бывшіе въ томъ дворѣ его, которые чинили тотъ крикъ и шумъ, незнаемые люди отъ нихъ разбѣжались, изъ которыхъ двухъ человѣкъ поймавъ», нашли у нихъ ворованную лошадь, которую и объявили, вмѣстѣ съ пойманными въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ. Послѣдняя передала грабителей Московской Губернской Канце-

ляріи для производства слѣдствія и учиненія по указамъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

На драгунахъ Московскаго «шквадрона» лежала также обязанность объѣзжать и караулить Измайловскій звѣринецъ. Въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ, 23 апрѣля 1750 года, въ звѣринцѣ они «наѣхали лошадь безъ узды и сѣдла, мерина бураго, грива налѣво, половина гривы выстрижена, правое ухо порото, обѣ заднія ноги по щетку бѣлыя, на холкѣ подпарина, лѣвою переднею ногою хромаетъ, а чья оная—не знаютъ». Лошадь эта была препровождена въ Московскую Полицію. (Тамъ же, оп. 52, д. № 1758).

413) Въ 1752 году въ Измайловскомъ звѣринцѣ произошло двѣ кражи. 29 іюня этого года капралъ Московскаго драгунскаго шквадрона Владиміръ Алексѣевъ, состоявшій съ командою своею въ распоряженіи форштмейстера Измайловскаго звѣринца, объѣзжая ночью звѣринецъ, обнаружилъ на Владимірской дорогѣ, противъ Перовской рощи, проломъ въ Новомъ заячьемъ звѣринцѣ. Воры, учинившіе этотъ проломъ путемъ удаленія изъ ограды четырехъ жердей, какъ видно было по слѣду, направились къ Старому заячьему звѣринцу, гдѣ содержались тогда лисицы и, дойдя до ограды послѣдняго, вытащили семь кольевъ, подошли къ лисятникамъ, разломали у оныхъ замки и двери и украли одну черносѣдую лисицу, куницу да желѣзное коромысло отъ вѣсовъ, вѣсомъ въ 3 пуда $16^1/_2$ фунтовъ. Вернулись воры тѣмъ же путемъ, не будучи замѣчены дневальнымъ звѣровщикомъ Шерацовымъ, а поиски за ними, предпринятые драгунами, успѣхомъ не увѣнчались.

18 августа того же года дневальный звѣровщикъ Измайловскаго звѣринца Иванъ Никитинъ, объѣзжая на лошади внутри Заячьяго звѣринца «для осмотру скважинъ и пролому» и проѣхавши Головинскія ворота, наткнулся на трехъ неизвѣстныхъ людей, которые тотчасъ же и погнались за нимъ съ ножами, однако его не настигли. Люди эти оказались ворами, обобравшими шалашъ у Перовскихъ воротъ; украдены были всѣ желѣзныя петли, холстина съ дверей и лавокъ и стеклянныя окончины. Никитинъ тотчасъ же отправился съ докладомъ къ форштмейстеру Гофману, а послѣдній, взявъ команду, бросился преслѣдовать похитителей. Воровъ въ звѣринцѣ уже не оказалось: подставивъ къ оградѣ звѣринца колья, они перескочили черезъ заборъ и скрылись. Гофманъ кинулся по ихъ слѣдамъ, и ему удалось-таки задержать съ поличнымъ двухъ человѣкъ. Люди эти, ограбившіе передъ тѣмъ встрѣтившагося имъ крестьянина Никола-Угрѣшскаго монастыря, оказались: одинъ—дворовымъ человѣкомъ вдовой княгини Алены Алексѣевны Долгорукой, нѣкоимъ Бобровымъ, а другой—бѣглымъ фабричнымъ посольскаго двора фабриканта Ивана Матвѣевича Евреинова, нѣкоимъ Кузнеченкомъ. Грабителей доставили въ Оберъ-Егермейстерскую Контору, которая, подозрѣвая, что тѣ же люди совершили покражу 29 іюня, препроводила ихъ въ Московскій сыскной приказъ съ просьбою, «чтобы соблаговолено было оными розыскать и о показанной кражѣ лисицы и куницы, и желѣзнаго коромысла, притомъ накрѣпко спрашивать, что оное не ими-ль похищено и, буде ими, то оное гдѣ нынѣ, или кому продано». (Тамъ же, оп. 52, д. № 1760).

414) (Яковкинъ. Кратк. Лѣтоп. о Царск. Селѣ. Отечеств. Зап. 1827 г., ч. 30, стр. 14 и 45). (Стромиловъ. Чтенія при Моск. Унив. 1874 г., кн. I, стр. 17).

415) Въ 1761 году во главѣ псовой охоты Александровской слободы стоялъ пикеръ, то-есть доѣзжачій (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 62, д. № 2—1) и въ ней числилось 22 англійскихъ и 73 русскихъ гончихъ собакъ, почти исключительно молодыхъ или щенятъ (тотъ же Арх., оп. 66, д. № 4), что заставляетъ предполагать, что въ это время охота Александровской слободы содержалась единственно для выкормки гончихъ щенятъ и для наганиванія молодыхъ собакъ той же породы.

То же обстоятельство подтверждаютъ и данныя слѣдующаго 1762 года, когда собакъ однакоже было въ Александровской слободѣ значительно больше, а именно 161 русскихъ и 46 англійскихъ щенятъ и молодыхъ собакъ гончей породы. Въ то же время и при той же охотѣ числилось 11 охотничьихъ лошадей. (Тотъ же Арх., оп. 66, д. № 36).

Въ 1766 году, кромѣ англійскихъ и русскихъ собакъ, въ Александровской слободѣ содержались еще и французскія собаки. На лѣченіе иностранныхъ собакъ въ февралѣ этого года требовалось къ отпуску: 6 фунтовъ скипидару; 5 фунтовъ (?) водки простой, 10 фунтовъ «шпиковальнаго ветчиннаго стараго сала», $^1/_4$ фунта лавроваго масла, $^1/_4$ фунта квасцовъ, $^1/_4$ фунта купоросу, 5 фунтовъ «мыла маслиннаго», «уксусу четыре галянокъ» и 10 золотниковъ ртути. (Тотъ же Арх., оп. 70, д. № 42).

Въ 1770 году въ Александровской слободѣ собакъ содержалось, повидимому, меньше. По крайней мѣрѣ въ это время для выкормки гончихъ щенятъ предназначались только двѣ удойныя коровы. (Тотъ же Арх., оп. 74, д. № 13).

Въ Александровской слободѣ и въ позднѣйшіе года царствованія Императрицы Екатерины II содержались гончія собаки, но интересныхъ, касающихся этого вопроса свѣдѣній, мы не нашли.

416) Сборн. Арх. бум. о П. В., ч. II, стр. 183. (Дневникъ Берхгольца, ч. II, стр. 45). (Соловьевъ, т. XVII, стр. 187).

Преображенскій потѣшный дворъ, со всѣми его учрежденіями охотничьяго характера, былъ упраздненъ, вѣроятно, вскорѣ по смерти Императора Петра Великаго. 29 апрѣля 1732 года форштмейстеръ Измайловскаго звѣринца Финкъ доносилъ Оберъ-Гофмейстеру графу С. А. Салтыкову слѣдующее: «Имѣлся въ Преображенскомъ близъ двора Ея Императорскаго Величества прежде бывшій звѣринецъ, въ которомъ имѣется сосновый и березовый лѣсъ, а по указу Ея Императорскаго Величества велѣно мнѣ, нижайшему, смотрѣть въ близости Москвы заповѣдныя рощи, чтобъ никто въ тѣхъ рощахъ никакаго лѣсу не рубилъ, о чемъ и указами Ея Императорскаго Величества публиковано, въ которомъ нынѣ по осмотру явилось порублено лѣсу немалое число. Того ради Вашему Превосходительству доношу, дабы повелѣно было послать въ означенномъ прежде бывшемъ звѣринцѣ порубленный лѣсъ осмотрѣть и описать, чтобъ мнѣ, нижайшему, не причлось». (Тотъ же Арх., оп. 6, д. № 311).

417) (Сборн. Арх. бум. о П. В., ч. II, стр. 184).

418) Расположенное въ 12 верстахъ отъ Москвы село Царицыно, — одна изъ любимыхъ резиденцій Императрицы Екатерины II во время ея пребываній въ Москвѣ, — называлось раньше селомъ Черная Грязь и подъ этимъ именемъ сначала было конфисковано Петромъ Великимъ у князя Голицына, замѣшаннаго въ дѣлѣ Правительницы Софьи Алексѣевны, а затѣмъ подарено тѣмъ же Императоромъ Валахскому князю Кантемиру. (Дневникъ Берхгольца, ч. II, стр. 235). Впослѣдствіи оно перешло въ Дворцовое вѣдомство и переименовано въ царствованіе Екатерины Великой. По приказанію этой Императрицы здѣсь былъ построенъ дворецъ, разбитъ обширный садъ, гдѣ имѣлся прудъ, на островкахъ котораго разводили въ 1775 году фазановъ для увеселенія Ея Величества. (Камеръ-фур. журналъ 1775 года, стр. 526). Въ это же время въ Царицынѣ имѣли постоянное мѣстожительство царскій егерь Шицлеръ, егерскій ученикъ и птичникъ. (Рукоп. Сборн. Именн. указ., № 66).

Силуэтъ Императрицы Екатерины II, сдѣланный съ натуры Г. Ф. Сидо — 1782 г.

419) 18 марта 1718 г. Петръ Великій послалъ Астраханскому Губернатору слѣдующій указъ:

«По приложенной при семъ росписи птицъ разныхъ родовъ около Астрахани и за Астраханью, а наипаче болѣе гусей, которые ловятся на Эмбѣ рѣкѣ и горскихъ журавликовъ велите ловить повсягодно и привозить въ Астрахань; а какъ ихъ сперва въ Астрахани кормить и въ какое время и какъ изъ Астрахани въ Петербургъ отправлять, то усмотрите изъ приложенныхъ при семъ пунктовъ, каковы даны уряднику. И для того велите въ Астрахани имъ построить въ удобномъ мѣстѣ дворъ противъ того, какъ въ тѣхъ пунктахъ написано». Въ помянутой выше росписи были указаны: гуси красные, которые ловятся на Эмбѣ рѣкѣ, чапуры (цапли) красныя и бѣлыя, колпи, каравайки, неклейки, кваки, стерхи, утки красныя и пѣгія, пѣтушки дикіе (фазаны?), казарки, журавлики Персидскіе или горскіе. Птицъ бабъ, лебедей и мартышекъ ловить и присылать не приказывалось, но рекомендовалось отыскивать и присылать «и сверхъ сей росписи иныхъ родовъ, зайчиковъ и прочихъ звѣрковъ, какихъ около Москвы и на Украйнѣ нѣтъ».

Съ этимъ указомъ былъ посланъ въ Астрахань Гвардіи солдатъ Татариновъ, коему была вручена слѣдующая весьма интересная инструкція:

«1) Ѣхать тебѣ въ Астрахань и, пріѣхавъ, сдѣлать въ Астрахани въ удобномъ мѣстѣ дворъ для птицъ, которыя тамъ, по указу Нашему, по вся годы повелѣно ловить, и сдѣлать на томъ дворѣ для зимы одинъ мшенный большой анбаръ съ печью въ немъ, для гусей, которые ловятся на Эмбѣ рѣкѣ, и другихъ нѣжныхъ птицъ; выкопать по серединѣ прудокъ, въ которомъ бы они могли плавать, и сдѣлать въ томъ прудкѣ со всѣхъ сторонъ сходни, по которымъ бы имъ мочно въ воду сходить и выходить, и чтобъ въ томъ прудкѣ была черезъ сутки вода спускана и паки свѣжею наполнена, и въ томъ прудкѣ и около еще усыпано было пескомъ».

«2) А для лѣта и весны сдѣлать другой прудъ, больше того на дворѣ, дабы они свободно могли на томъ дворѣ гулять и въ прудѣ плавать; такъ и для другихъ птицъ сдѣлать покои жъ зимніе и лѣтніе, какъ которыя любятъ».

«3) А которыхъ птицъ нынѣ тамъ, въ Астрахани, застанешь, и изъ тѣхъ отправить нынѣшнею весною въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, нѣжныхъ по трети, а кои не нѣжны всѣхъ, на легкихъ стругахъ, чтобъ могли поспѣть будущею осенью въ Петербургъ; а въ будущемъ году сдѣлай на

тѣхъ стругахъ (на которыхъ посылать гусей, кои на Эмбѣ ловятся), на серединѣ чтобъ была вода, какъ у рыбныхъ струговъ, а въ кормѣ и къ носу, и по сторонамъ было бъ намощено, куда бы можно было имъ изъ воды выходить для отдыху, и такожъ насыпать пескомъ; также для ненастья въ кормѣ и въ носу сдѣлать покои; а которыя не нѣжныя птицы, тѣхъ посылать и впредь на обыкновенныхъ легкихъ стружкахъ».

«4) Послѣ отпуска сей весны, которыя птицы по указу будутъ ловиться и въ Астрахань привозить(ся), то ихъ исподоволь черезъ осень и зиму пріучать кормить ихъ рыбою и мясомъ, искроша и смѣшавъ съ крупами гречневыми или овсяными (для того, что отъ одной рыбы можетъ быть великая вонь), а потомъ, по малу, отъ времени до времени, и къ однѣмъ крупамъ или иному хлѣбному ихъ пріучать, и потомъ изъ оныхъ пріученныхъ, которые обживутся и привыкнутъ къ хлѣбному или, по нуждѣ, хотя и смѣшанному, черезъ зиму на весну посылать всѣхъ, кой часъ ледъ вскроется, въ Петербургъ; а изъ новыхъ, которыхъ привезутъ въ Астрахань, на ихъ мѣста оставлять и такимъ же образомъ, черезъ осень и зиму, ихъ отъ рыбы отучать; и такъ, годъ за годомъ, повсягодно, отпускать годовалыхъ, а новыхъ на ихъ мѣста ловить, и для того приставить къ нимъ изъ Астраханцевъ знающихъ, которые умѣютъ за ними ходить».

«5) А зайчиковъ и прочихъ звѣрьковъ, какіе тамъ сыщутся, держать особо и кормить, чтобъ они напередъ привыкли тамъ, а потомъ такожъ черезъ годъ ихъ присылать въ Петербургъ; а нынѣшніе, которые тамъ есть, прислать половину вмѣстѣ съ птицами».

«6) А что къ тому дѣлу надобно лѣсу, также и для работы плотниковъ и работниковъ, также и для отправленія ихъ сюда, и кормщики съ гребцами, и кому птицъ кормить и за ними ходить, то все требовать отъ Астраханскаго Губернатора или Комендантовъ». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 3185).

Въ томъ же 1718 году встрѣчаются и другія распоряженія Государя Петра Великаго касательно привоза ко двору различныхъ птицъ и звѣрей. Такъ, Петръ Великій предписывалъ «бригадиру Измайлову о ежегодномъ собираніи и присылкѣ въ Петербургъ разныхъ родовъ птицъ и звѣрковъ»; «Резиденту Голландскому господину Бранту о высылкѣ разныхъ для ботаническаго саду травъ и произрастеній и для звѣринца разныхъ же птицъ»; «къ Персидскому Консулу Аврамову о подобной же вышеписанной присылкѣ птицъ; а вслѣдствіе чего отправилъ при собственноручномъ указѣ въ Астрахань капенармуса полка своего Саву Гавердовскаго, въ коемъ повелѣваетъ ему, принявъ тѣхъ птицъ, сдѣлать для нихъ тамъ дворъ и пр.» (очевидно рѣчь идетъ о томъ же, выше нами приведенномъ именномъ указѣ гвардіи солдату Алексѣю Татаринову; кто дѣйствительно былъ отправленъ въ Астрахань: Татариновъ ли, или Гавердовскій — рѣшить трудно); «Гетману Скоропадскому о присылкѣ же изъ Украйны для того же звѣринца (какаго?) дикихъ козъ и другихъ звѣрковъ и птицъ, приложа онымъ реестръ своей же руки». (Голиковъ, Дѣянія П. В., т. VII, стр. 342 и 343).

Въ 1719 году было приказано доставить въ С.-Петербургъ звѣрей и птицъ изъ села Павловскаго (не бывшей ли вотчины боярина Морозова въ Московской губерніи, гдѣ такъ часто бывалъ Царь Алексѣй Михайловичъ во время своихъ охотничьихъ походовъ). (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен., № 1883). Для этого былъ посланъ курьеромъ нѣкій Мельгуновъ, которому сообщалось о послѣдовавшемъ Высочайшемъ повелѣніи «во Твери, на Вышнемъ Волочку и въ Новгородѣ птицамъ и звѣрямъ, гдѣ оные зимовать будутъ, надлежащій кормъ давать и зимовыя теплыя избы или анбары, что надлежитъ, отвесть, не мѣшкая ни мало, и о томъ въ оныя провинціи къ воеводамъ послать Его, Великаго Государя, указъ съ прочетомъ». (Тамъ же, кн. Сен., № 1884).

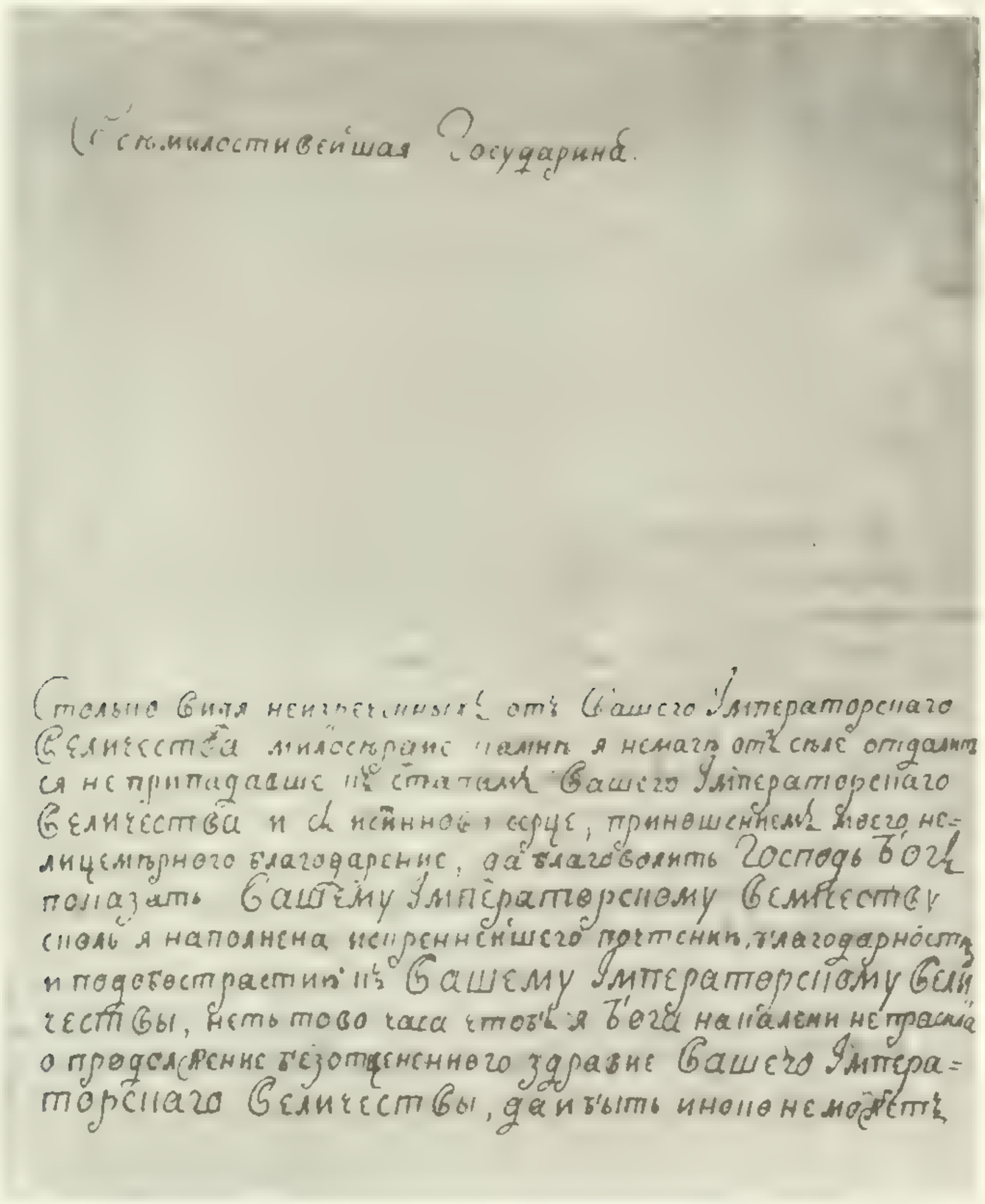
[420]) Во исполненіе указа 18 марта 1718 года Астраханскимъ Губернаторомъ было отправлено въ С.-Петербургъ 12 апрѣля 1721 года съ прапорщикомъ Дмитріемъ Полозовымъ 471 штука разныхъ птицъ, для отправки которыхъ было изготовлено 5 струговъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

Въ началѣ 1733 года изъ Астраханской Губернской Канцеляріи было представлено въ Правительствующій Сенатъ, «что на строеніе и содержаніе въ Астрахани птичьяго двора и на пріуготовленіе для лову птицъ судовъ и прочаго надлежитъ (по ранѣе состоявшимся Сенатскимъ постановленіямъ) изъ оставшихъ Астраханской губерніи за штатомъ доходовъ». Между тѣмъ «нынѣ, въ доношеніи изъ Новой Каммеръ-Коллегіи, написано: во оную де Коллегію изъ Астраханской Губернской Канцеляріи доношеніемъ объявляютъ, чтобы опредѣлить на показанное строеніе и содержаніе птичнаго двора сумму». По этому Каммеръ-Коллегія доносила Правительствующему Сенату, «что оная Коллегія по регламенту II-го пункта на вышеписанные расходы опредѣленія чинить не повинна, а должна жъ Штатсъ-Контора. А по мнѣнію Каммеръ-Коллегіи на тѣ расходы деньги надлежитъ употреблять изъ дворцовыхъ доходовъ, понеже оные доходы имѣются въ вѣдомствѣ Дворцовой Канцеляріи особою суммою».

Однако Правительствующій Сенатъ не пожелалъ разбираться въ этомъ вопросѣ и постановилъ «о строеніи и о содержаніи въ Астрахани птичнаго двора деньгахъ изъ оставшихъ Астра-

ханской губерніи за штатомъ доходовъ сообщить въ С.-Петербургъ въ Правительствующій Сенатъ вторичное вѣдѣніе и требовать о томъ общаго согласія». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен., 4—1068).

[421]) Въ декабрѣ же 1736 года Канцелярія отъ строенія дворцовъ и садовъ представила Правительствующему Сенату, что по Именному Ея Императорскаго Величества указу, объявленному Генералъ-Адъютантомъ Андреемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, велѣно послать Сенатскій указъ въ Астрахань, «чтобы привозили птицъ, также и всякихъ родовъ звѣрей попрежнему, такъ какъ и при жизни» Императора Петра Великаго «приваживаны были» и такъ какъ хотя и въ 1734, 1735 и 1736 годахъ «имѣлся привозъ», — «токмо нынѣ при дворѣ Ея Императорскаго Величества тѣхъ видовъ птицъ имѣется малое число». Канцелярія просила указать Астраханской губерніи



Всемилостивейшая Государина.

Столько видя неизреченныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества милосердие камнѣ я немагу отъ сѣле отдалится не припадавше къ стапамъ Вашего Императорскаго Величества и съ истинною серце, приношениемъ моего нелицемѣрного благодарение, да благоволить Господь Богъ показать Вашему Императорскому Величеству сколь я наполнена искреннейшего почтенія, благодарностью и подобострастию къ Вашему Императорскому Величествы, неть тово часа чтобъ я Бога на калени не просила о продолжение безотцененного здравие Вашего Императорскаго Величествы, да и быть иноко не можетъ

Собственноручное письмо Вел. Княгини Екатерины Алексѣевны Императрицѣ Елисаветѣ, 29 Мая 1758 г.

прислать разныхъ птицъ отъ 550 до 650 экземпляровъ; «такожъ ежели въ той губерніи и сверхъ тѣхъ птицъ, которыхъ напредъ сего въ присылкахъ не бывало, могутъ найтися другихъ родовъ птицы, коихъ здѣсь при С.-Петербургѣ не имѣется, то потому жъ бы сыскивать до ста птицъ ловлею»... «А ежели жъ толикаго числа наловить и купить будетъ за скоростію невозможно, то сколько возможность допуститъ, и по самомъ вскрытіи воды съ надлежащими покои, кормами и присмотромъ отправлены бъ были и въ пути бы шли со всякимъ поспѣшеніемъ и легкостью, не имѣя на тѣхъ судахъ, кромѣ птицъ и корму ихъ, подъ видомъ того отправленія, ни малаго числа протчей ни своей, ни сторонней клади, дабы тѣ птицы въ С.-Петербургъ привезены были въ іюлѣ или, конечно, августа въ первыхъ числахъ, чтобъ онымъ птицамъ, отъ поздняго привозу,

какъ имѣющимся въ пути, такъ и по привозѣ въ С.-Петербургъ траты не было, какъ на напредь сего объявлялось противъ отправленіевъ изъ Астрахани въ привозахъ сюда самое малое число, а за тѣмъ отправленіемъ въ вышеписанное число, чего рано къ веснѣ не сыскано и сюда не отправлено будетъ, заготовлено бы было настоящимъ лѣтомъ заблаговременно, хотя и со излишествомъ, къ раннему жъ отправленію въ будущемъ 1738 году, которыя птицы, по заготовленіи могутъ въ Астрахани, черезъ предбудущую осень и зиму, до отправленія сюда, къ корму, къ птичникамъ и къ покоямъ пріобыкнуть и придти въ состояніе и крѣпость, и до того отправленія содержанны бъ были подъ присмотромъ и кормомъ въ той губерніи. Такожъ бы въ Казанскую, Нижегородскую, въ Новгородскую губерніи повелѣно жъ было послать указы, дабы для наискорѣйшаго отправленія въ пути, отправленнымъ изъ Астраханской губерніи съ тѣми птицами чинено было надлежащее вспоможеніе, а для наилучшаго содержанія тѣхъ птицъ во время ловленія, въ бытность въ Астрахани и по отправленіи будущимъ вешнимъ временемъ въ пути, такожъ и кормами,—изъ Канцеляріи отъ строеній посылаются баталіона отъ строеній подпрапорщикъ Язвѣцовъ да птичникъ Черниковъ». (Тамъ же).

По полученіи, соотвѣтственно изложенному, Сенатскаго указа, Астраханская Губернская Канцелярія доносила, между прочимъ, весною 1737 года Правительствующему Сенату, что «какъ изъ городовъ, такъ и изъ Кизляра по тѣмъ указамъ означенныхъ птицъ еще ничего не прислано, понеже оныя ловленіемъ заготовляются середь лѣта и ежели изъ городовъ присылки ожидать, то въ нынѣшнемъ лѣтѣ отпуску до С.-Петербурга время упущено будетъ. И тако, что въ Астрахани прошлогодняго лову было приготовлено, оное съ присланнымъ сержантомъ Родіономъ Язвѣцовымъ и птичникомъ Черниковымъ на одномъ суднѣ, которое обдѣлано для ихъ покою для его, Черникова, требованію и показанію, по вскрытіи здѣсь воды, чтобъ могли въ С.-Петербургъ прибыть по силѣ означеннаго указу заблаговременно, отправлены сего апрѣля 8 дня до Нижняго Новгорода, а изъ Нижняго Новгорода велѣно оныя птицы, по силѣ имѣющихся въ той Нижегородской губерніи указовъ, отправить до С.-Петербурга, о чемъ съ ними во оную Нижегородскую губернскую Канцелярію послана промеморія. Такожъ, по прежнимъ примѣрамъ, по городамъ господамъ губернаторамъ, воеводамъ и комендантамъ, данъ имъ съ прочетомъ указъ, чтобы по силѣ прежнихъ и нынѣшняго указовъ, городъ до города и мѣсто до мѣста, ежели отъ штурма судно повредится и вести будетъ птицъ невозможно, дать судно и лоцмана знающаго и, гдѣ есть опасность, конвой и на наличныхъ птицъ кормъ, и во всемъ довольствовать требованіямъ ихъ. А ежели гдѣ, до прибытія ихъ, приготовлены птицы, оныхъ, какъ прибудутъ къ которому городу, потому жъ отдать имъ, сержанту и птичнику, съ расписками. Сколько какихъ родовъ птицъ съ ними отсюда отправлено, при семъ приложенъ реестръ. А чтоже показанный сержантъ Язвѣцовъ и птичникъ Черниковъ, по прибытіи въ Астрахань февраля 26 числа, требовали доношеніемъ наловить въ Персіи, въ Дербентѣ, кекликовъ и турачей до ста, а понеже, по извѣстію отъ обрѣтающагося при Персидскомъ дворѣ Россійскаго резидента Ивана Колушкина, во оныхъ мѣстахъ якобы явилась опасная болѣзнь, и за тѣмъ въ Дербентъ и другія мѣста для привозу, по показанію ихъ, птицъ отсюда было неотправлено. Однакожъ въ Кизляръ къ коменданту предложено, чтобъ онъ, когда благополучно будетъ, въ томъ стараніе имѣлъ». (Тамъ же).

[422]) Въ маѣ 1741 года изъ Тамбовской Губернской Канцеляріи были присланы въ С.-Петербургъ къ Высочайшему двору «ловленные въ Сибири дикіе звѣри: два барана, одинъ маралъ, два оленя, двѣ лошади», а въ сентябрѣ изъ Астрахани прислали двухъ сурковъ. (Бытъ Росс. Госуд. 1740—1741 гг., ч. I, стр. 322).

[423]) 18 ноября 1736 года Оберъ-Егермейстеръ Артемій Петровичъ Волынскій доносилъ Императорскому Кабинету, что Государыня «соизволила повелѣть около Екатеринъ-Гофа и Питеръ-Гофа завесть и куропатокъ и для того, чтобъ нынѣшнею зимою привесть сюда живыхъ куропатокъ изъ Малороссіи и изъ другихъ мѣстъ нѣсколько сотъ паръ и впредь оныхъ по вся годы привозить паръ по двѣсти; а зайцовъ чтобъ привезть нынѣшнею жъ зимою до 500 и впредь по вся годы привозить ста по два». Волынскій просилъ Императорскій Кабинетъ послать въ надлежащія мѣста соотвѣтственные указы. (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен. 9—1086).

Въ 1786 году Генералъ Ермоловъ препроводилъ по Высочайшему повелѣнію Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну въ январѣ мѣсяцѣ 20 паръ куропатокъ для того, чтобы таковыя были выпущены на волю въ Царскомъ Селѣ. (Рукоп. Сборн. Им. ук., № 122).

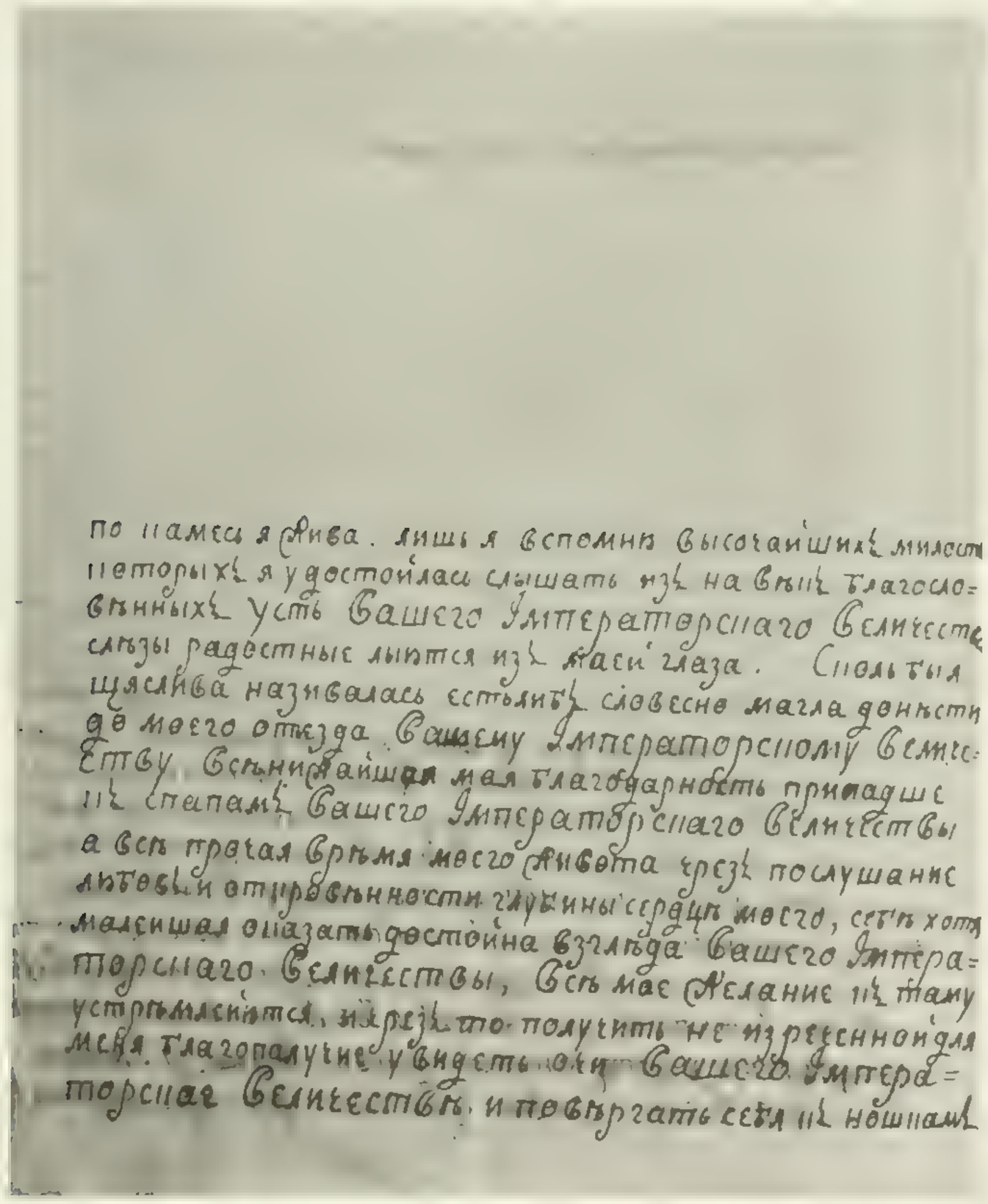
[424]) Куропатокъ повелѣвалось отправлять въ С.-Петербургъ «съ знающими людьми, чтобъ довезены были всѣ живыя, и тѣмъ охотникамъ за тѣ куропатки платить изъ казны, за каждую по разсмотрѣнію, и на ту дачу и на отправленіе ихъ деньги держать изъ доходовъ тѣхъ губерній и провинцій, принадлежащихъ до Штатсъ-Конторы».

Отъ того же 1762 года сохранились документы, свидѣтельствующіе, что въ это время въ Симбирскъ и Пензу командировались кречетники Императорской птичьей охоты для закупки для Высочайшаго стола куропатокъ. Птицы эти доставлялись въ С.-Петербургъ живыми. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 66, д. № 17).

Для Высочайшихъ же охотъ въ то время выписывались русаки изъ городовъ Юрьева, Шуи, Верси и Бобровска, при чемъ для ловли этого звѣря въ тамошнихъ мѣстахъ изъ Москвы посылались тенета съ кречетниками, охотниками и выжлятниками Царской охоты. (Тотъ же Арх., оп. 66, д. № 36).

Къ тому же времени относятся первыя указанія на разведеніе въ мѣстахъ, гдѣ производились охоты особъ Императорскаго дома, тетеревовъ. Птицы эти доставлялись въ Москву изъ Переяславля Залѣсскаго и Ростова. (Тамъ же).

Говоря о разведеніи дичи въ окрестностяхъ столицъ, о привозѣ таковой къ Высочайшему двору, считаемъ не лишнимъ привести выписку изъ извѣстнаго сочиненія Императрицы Екатерины Великой «Антидотъ», касающуюся вопроса о распространенности въ Россіи дичи.



по шамси я Дива. лишь я вспомни Высочайших милост
которых я удостоилась слышать изъ на вых благосло-
венных усть Вашего Императорскаго Величест
слезы радостные лются изъ моих глаза. Сполъ бил
щяслива называлась естьли словесно могла донесть
до моего отезда Вашему Императорскому Велич-
ству Всенижайшая моя благодарность припадше
къ стопамъ Вашего Императорскаго Величествы
а всь прочая время моего живота чрезъ послушанис
любовьи отровенности глубины сердца моего, сесь хотя
маленшая оказать достойна взгльда Вашего Импера-
торскаго Величествы, Всь мое Желание къ тому
устремляются, нѣрезъ то получить не изреченной для
меня благополучие увидеть окъ Вашего Импера-
торскаа Величествъ и повергать себя къ ногамъ

Продолженіе собственноручнаго письма Вел. Княгини Екатерины Алексѣевны Императрицѣ Елисаветъ, 29 Мая 1758 г.

«Лучшія куропатки» — пишетъ Императрица — «находятся въ окрестностяхъ Симбирска, областнаго города Казанскаго царства; онѣ питаются исключительно дикими вишнями, коими изобилуетъ этотъ округъ. Архангельскіе рябчики самые крупные и самые нѣжные. Весьма цѣнятся перепела Воронежской губерніи; они очень жирны. Ярославскіе и Костромскіе голуби доставляютъ любителямъ особое удовольствіе способомъ, которымъ они кружатся въ воздухѣ— удовольствіе, не всѣмъ понятное; у насъ есть люди, издерживающіе большія деньги на эту забаву и дорожащіе своими голубями столько же, какъ охотники своими собаками, соколами и тому подобное». («XVIII вѣкъ», т. IV, стр. 419).

425) 21 мая того же 1737 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій доносилъ Императорскому Кабинету, что Императрица приказала публиковать въ С.-Петербургѣ: «Кто изъ обывателей ловить будетъ птицъ соловьевъ, оныхъ, по поимкѣ, партикулярнымъ людямъ отнюдь не продавали бы; и о томъ наикрѣпчайше запретить птичнымъ ловцамъ и охотныхъ рядовъ лавочникамъ». Соловьевъ предписывалось приносить къ Императорскому двору, гдѣ за этихъ птицъ должны были выдаваться деньги. Кромѣ того, было сдѣлано распоряженіе о привозѣ изъ Москвы до 50, изъ Новгородской и Псковской губерніи до 50 же соловьевъ «за добрымъ призрѣніемъ, и впредь изъ тѣхъ мѣстъ по тому жъ числу вповсягодно привозить и объявлять при дворѣ же Ея Императорскаго Величества». Объ этомъ были посланы въ надлежащія мѣста указы, на которые прежде всего откликнулся Московскій Охотный рядъ, прославъ со своимъ выборнымъ, «купеческимъ III гильдіи человѣкомъ», Семеновымъ, партію соловьевъ, закупленныхъ по 5 копѣекъ за штуку (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен. 9 — 1086).

426) 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7561.

18 іюня 1740 года послѣдовалъ Сенатскій указъ о неприсылкѣ на будущее время къ Высочайшему двору соловьевъ и о нечиненіи партикулярнымъ людямъ препятствій ни въ ловлѣ этихъ птицъ, ни въ вольной ихъ продажѣ. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8138).

427) С.-Петерб. Вѣд. 1737 года, № 40.

428) Въ 1758 году послѣдовало, такъ сказать, принципіальное рѣшеніе Императрицы Елисаветы Петровны—въ придворныхъ охотахъ «нѣкоторыхъ иностранныхъ звѣрей умножить». (Рукоп. Сборн. Им. Указ.).

15) 26 іюля 1760 года графъ Головкинъ писалъ изъ Гаги вице-канцлеру графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову:

«Въ послѣднемъ моемъ письмѣ имѣлъ я честь вашему сіятельству донести, что о пріисканіи сѣраго попугая и параклитокъ далъ я коммиссію купцу Говію, съ прошеніемъ, чтобъ онъ прилежно стараніе свое о томъ прилагалъ. И онъ потому одну параклитку купилъ и ко мнѣ нынѣ прислалъ съ тѣмъ человѣкомъ, котораго я туда такожде для пріисканія нарочно присылалъ, понеже онъ къ птицамъ охотникъ. А при томъ пишетъ онъ, Говій, что хотя много сѣрыхъ попугаевъ въ Амстердамѣ находится, только же оные ему не весьма хороши показались. Того ради онъ предложилъ мнѣ, чтобъ въ газеты ввести о желаніи тѣхъ птицъ, не именуя для кого, но только бы адресовалися съ оными къ одному въ Амстердамѣ купцу. На что я къ нему отвѣтствовалъ, что можетъ то учинить. Сверхъ же того писалъ я о томъ и въ Зеландію, понеже попугаевъ и иныхъ иностранныхъ птицъ много въ привозѣ тамо бываетъ; такожде и въ здѣшніе знатные города, какъ въ Лейденъ и Роттердамъ, посылалъ я того жъ человѣка, который предъ нѣсколькими годами счастіе имѣлъ отвезти для Ея Императорскаго Величества параклитокъ и канареекъ, понеже онъ къ птицамъ охотникъ и знаетъ за ними ходить.

«Того ради намѣренъ я его и въ Санктпетербургъ со птицами отправить, въ разсужденіе, что шиперы (sic) и матросы не весьма къ тому способны; сверхъ же того надобно онымъ такожде особливо платить за кормъ и за наблюденіе; и тако немного лишняго на то его отправленіе изойдетъ. Оный человѣкъ сказывалъ мнѣ, что Ея Императорское Величество жалуетъ какъ иностранныхъ птицъ, такъ и маленькихъ мартышекъ; и для того я писалъ къ нему, Говію, чтобы онъ постарался и о маленькихъ мартышкахъ, такожде и о Китайскихъ фазанахъ, которые весьма хороши, одни какъ позолоченные, а другіе какъ посеребренные. И онъ, Гови, на то пишетъ ко мнѣ, что онъ ѣздилъ къ одному знатному человѣку и старался оныхъ получить; только же оный никакъ на то не склонился, ниже за 1.000 гульденовъ, какъ онъ о томъ обстоятельно въ письмѣ своемъ описуетъ, которое для лучшаго извѣстія при семъ прилагаю (письма этого нѣтъ). Не вѣдаю, есть-ли у насъ такіе Китайскіе фазаны. Ежели угодно такіе фазаны имѣть, то надѣюсь оные въ Англіи получить, понеже сказываютъ, что у многихъ персонъ такіе фазаны тамо находятся. И на сіе буду впредь всемилостивѣйшаго повелѣнія ожидать. А впрочемъ какъ скоро хорошаго сѣраго попугая и параклитокъ достану, то немедленно съ онымъ человѣкомъ отправлю. Онъ привезъ ко мнѣ изъ Амстердама одну небольшую мартышку, которая весьма ручна, и ежели лучше не найду, то и ту мартышку такожде съ нимъ отправлю. Предъ нѣкоторымъ временемъ отправилъ я не малое число раковинъ для гроты въ Царскомъ селѣ; надѣюся, что оныя сохранно довезены».

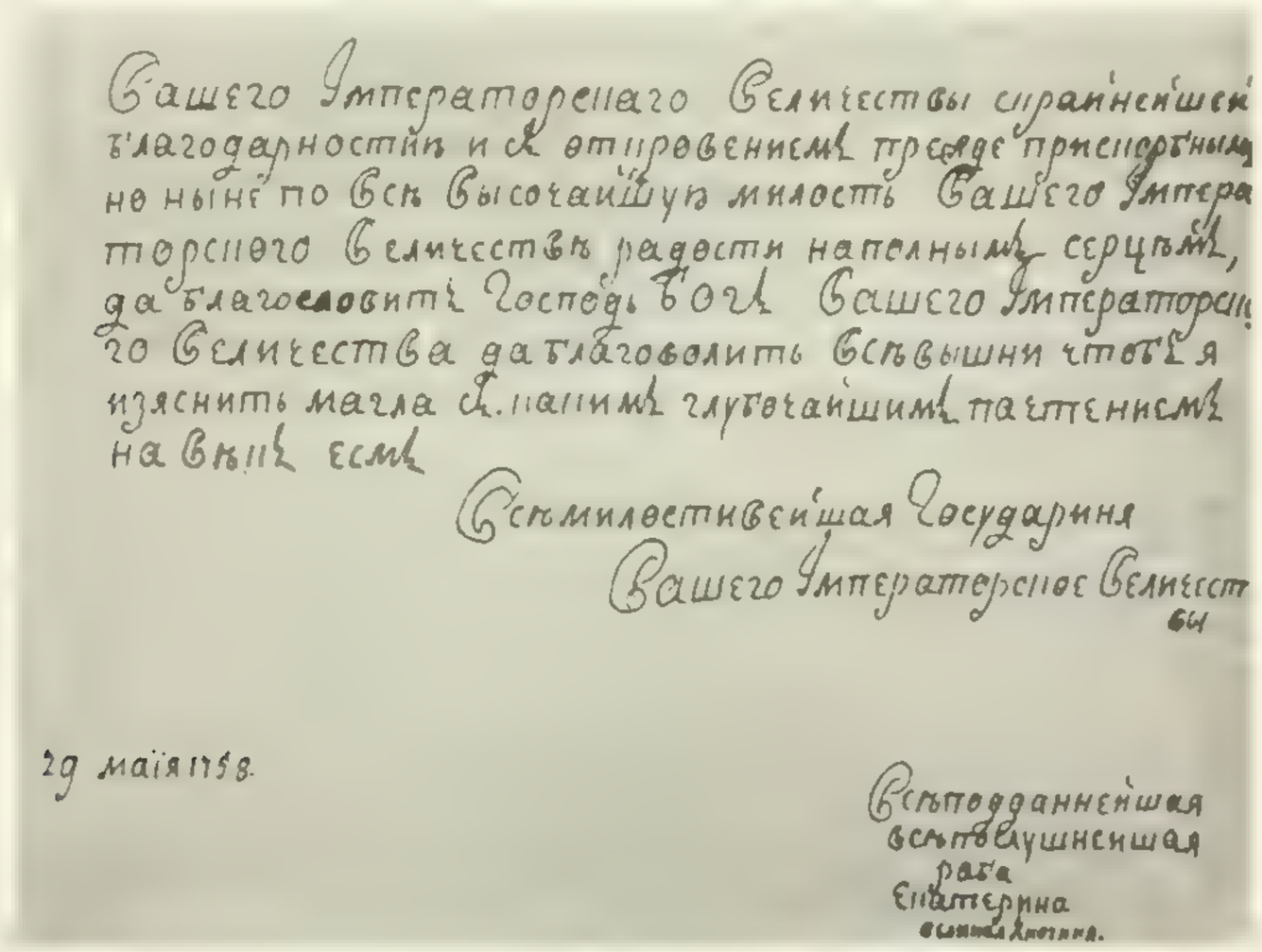
Въ отвѣтъ на другое письмо графъ Воронцовъ писалъ графу Головкину изъ Петергофа 18 іюля—29 августа того же года:

«Сіятельнѣйшій графъ, милостивой государь мой, Александръ Гавриловичъ.

«Письмо Вашего Сіятельства отъ 29 іюля (9 августа) получилъ я чрезъ отправленнаго отъ Васъ нарочнаго изъ Голландіи Іоганна Геца съ птицами, которыя Ея Императорскому Величеству того же числа поднесены. Ея Величеству сѣрые попугаи и мартышка весьма понравилась, токмо параклитки не гораздо показались; что же касается до обратнаго въ Голландію отправленія оннаго Геца, то я съ моей стороны стараніе приложу, чтобы онъ здѣсь долго не замѣшкался и ему

награжденіе учинено было. Пребываю съ особливымъ почтеніемъ». (Арх. кн. Воронцова, т. III, стр. 671 и 672).

[429]) Въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 28 іюля 1732 года значится: «По доношеніямъ изъ Воронежской губерніи, въ которыхъ объявлено: въ 730 году, августа 29 дня, въ письмѣ Генерала и Кавалера и Оберъ-Гофмейстера Семена Андреевича Салтыкова написано, что Ея Императорское Величество указала, въ Воронежской губерніи, ловить дикихъ звѣрей, лосей, оленей, кабановъ и козъ дикихъ и другихъ тому подобныхъ, и что поймано будетъ, усмотря по времени, присылать въ Москву ко двору Ея Императорскаго Величества; и по тому предложенію, для ловли оныхъ дикихъ звѣрей, опредѣлены въ команду Павловскаго полка Капитану Тяпкину прежніе звѣриные охотники, Битюцкаго и Павловскаго уѣзду жителей 77 человѣкъ; написано: что со опредѣленія де ихъ къ той ловлѣ имѣются они и понынѣ безперемѣнно, отъ которой ловли многія лошади у нихъ померли и многіе обезлошадѣли, а съ нихъ де требуютъ подушный окладъ и содержатся жены ихъ подъ карауломъ, а имъ оною за тѣмъ весьма платить нечѣмъ и за то ихъ бытіе какую заплату имъ производить, и впредь имъ у той ловли быть-ли, и съ какою заплатою, о томъ Воронежская Губернская Канцелярія требуетъ указу. А по мнѣнію оной Воронежской Губернской Канцеляріи безъ тѣхъ охотниковъ у ловли звѣрей быть невозможно; и для


Вашего Императорскаго Величества
29 маія 1758.

Окончаніе собственноручнаго письма Вел. Княгини Екатерины Алексѣевны Императрицѣ Елисаветѣ, 29 Мая 1758 г.

того не повелѣно-ль будетъ оныхъ охотниковъ изъ подушныхъ окладовъ выключить, а на ихъ мѣста включить изъ оставшихъ за расположеніемъ полковъ».

«А понеже по состоявшимся указамъ и по Плакату положенныхъ въ подушный окладъ, кромѣ положенныхъ подушныхъ денегъ, никакихъ податей, подводъ и протчаго сбирать не велѣно, развѣ что за деньги, о чемъ въ Плакатѣ 7, а въ Полковничьей инструкціи во 2 пунктахъ объявлено, имянно, а въ прошлыхъ 727 ноября 10, 729 октября 24, 731 іюня 25 и ноября 17 числъ, по приговорамъ Сената велѣно Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ, за уловъ кречетовъ и челиговъ, и на строеніе и починку судовъ, и на покупку всякихъ снастей и провіанта, и для отвозу въ Москву на покупку жъ саней и кормовъ, и на прочіе расходы, давать имъ за кречетовъ цвѣтныхъ по 6 рублевъ, за простыхъ по 5 рублевъ, за челиговъ за цвѣтныхъ по 4 рубля, за простыхъ 3 рубля, за птицу, изъ Архангелогородской губерніи изъ неположенныхъ въ штатъ той губерніи доходовъ; того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ приказали: вышеозначеннымъ звѣринымъ ловцамъ, вмѣсто платежа по силѣ состоявшихся указовъ и Плаката, и Полковничьей инструкціи заработныхъ денегъ, давать за уловныхъ дикихъ звѣрей деньги, а имянно: за олени и за лоси старые по 2 рубля, а за молодые по рублю, за кабановъ и за дикихъ козъ, за старые по одному жъ, а за молодые по 50 копеекъ, за ка-

ждаго звѣря, а за прочіе, примѣняясь къ онымъ дачамъ, изъ Воронежской губерніи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ, а подушныя и четырехгривенныя деньги платить имъ попрежнему». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 4—1068).

Въ сентябрѣ того же 1732 года Сибирскіе воеводы, Плещеевъ и Бутурлинъ, доносили Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, что, вслѣдствіе полученнаго ими Высочайшаго указа, по силѣ котораго должно имъ «сыскать изъ звѣрей мараловъ, сколько возможно, и прислать въ С.-Петербургъ безъ замедленія и впредь оныхъ отъ время до времени по тому жъ присылать, сколько когда сыщется и изловлено будетъ», ими посланы въ Сибирскіе города посыльщики съ указами, чтобы «для лову оныхъ мараловъ послать въ удобныя мѣста, гдѣ оные звѣри есть, нарочитыхъ промышленниковъ, которые ходятъ на промыслы, чтобъ оныхъ мараловъ и прочихъ звѣрей, наловя, выслать въ Тобольскъ въ самой скорости». Къ этому воеводы прибавляли, что по присылкѣ сказанныхъ звѣрей въ Тобольскъ, таковые будутъ пересланы въ С.-Петербургъ безъ всякаго замедленія. (Тотъ же Арх., кн. Сен. 9—1086).

430) Маралы или большіе олени; боболи или дикіе быки и коровы съ большими хвостами, подобными лошадинымъ хвостамъ; лошади дикія большія «и добротою, какъ сказываютъ, подобныя Кубанскимъ или Черкесскимъ лошадямъ». Всѣ эти звѣри водились въ степяхъ, гдѣ кочевалъ тогда Контайша. Звѣрей, по мнѣнію Волынскаго, можно было получать еще молодыхъ черезъ Калмыковъ Контайши и отправлять въ столицы отъ заводовъ Акинфія Демидова, въ судахъ, рѣкою Иртышемъ до Тобольска, а затѣмъ обыкновеннымъ порядкомъ. (Изъ донесенія А. П. Волынскаго).

Въ степяхъ между рѣкъ Волги и Дона ниже Царицынской линіи и по другую сторону рѣки Волги, между рѣкъ Яика и Эмбы и въ Башкирскихъ, а также близъ рѣки Днѣпра, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ имѣютъ хутора и занимаются звѣриною ловлею Запорожскіе казаки, водились въ то время дикія лошади, которыхъ били, а малыхъ жеребятъ ловили Донскіе и Запорожскіе казаки, Яицкіе казаки, Калмыки и Башкиры. «Надлежитъ приказать ловить малыхъ жеребятъ и выкармливать подъ кобылами, а годовиковъ и двугодовиковъ пріучать къ сѣну вмѣстѣ съ дворовыми лошадьми и когда привыкнутъ, таковыхъ бережно отправлять ко Двору и водить въ поводахъ подлѣ другихъ лошадей». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, № 18).

Въ іюлѣ 1740 года Командующій Императорскими охотами Полковникъ фонъ Трескау приказывалъ завѣдывающему въ то время Московскою охотою поручику Вердеревскому «о ловлѣ около Москвы живыхъ лисицъ и о присылкѣ ихъ въ С.-Петербургъ скорѣе». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 322).

Около того же времени Охтенскому плотнику Артемьеву приказано было выдать два рубля за доставленную имъ ко двору Ея Величества живую куницу. (Тамъ же, стр. 323).

Въ ноябрѣ 1750 года сокольникъ Василій Петровъ доносилъ Оберъ-Егермейстерской конторѣ, что «наступило де нынѣ время по осокамъ для принятія волковъ; того ради потребно: для принятія оныхъ изъ Измайловской волости кричанъ шестидесятъ человѣкъ».

По этому представленію Оберъ-Егермейстерская Контора потребовала отъ Главной Дворцовой Канцеляріи, чтобы она «благоволила для принятія объявленныхъ волковъ, когда будутъ охотники въ ѣздѣ и въ Измайловской волости, кричанъ до шестидесяти человѣкъ нарядить безъ продолженія». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

431) Въ началѣ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія Императоръ Петръ Великій отправилъ въ Сибирь доктора Мессершмидта «для изысканія всякихъ раритетовъ, вещей, звѣрей, травъ, рудъ и проч.». Этотъ ученый нѣмецъ вывезъ въ С.-Петербургъ, между прочимъ, «удивительнаго звѣря»: мамонтову голову, два рога, часть его зуба и кость ноги. (Костомаровъ, т. II, стр. 743).

Указами отъ 3 января и 6 марта того же 1737 года Правительствующій Сенатъ предписывалъ «въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи, и въ городѣ Якуцку, въ звѣринцы Ея Величества, какъ въ С.-Петербургскіе, такъ и въ Москву и на звѣровые дворы ловить звѣрей, которые въ тамошнихъ мѣстахъ ловятся, а именно: мараловъ, оленей, боболей или дикихъ быковъ, бобровъ, ирбизей, барсовъ, разсомахъ, волковъ бѣлыхъ и черныхъ, и желтыхъ, лисицъ черныхъ». (Письмо Забѣлина).

Въ январѣ 1752 года ко двору Ея Императорскаго Величества былъ присланъ верблюдъ «отъ сосѣдственнаго Сибири Зенгорскаго Калмыцкаго владѣльца». Верблюда этого приказано было кормить масломъ, мукою и сѣномъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1760).

432) Въ 1738 году, въ ноябрѣ Сибирская Губериская Канцелярія вошла въ Правительствующій Сенатъ съ пространнымъ донесеніемъ относительно организаціи хозяйственной части или, лучше сказать, части денежной дѣла привода изъ Сибири въ Москву различныхъ звѣрей, докладывая, между прочимъ, что «имѣющіеся нынѣ въ Тобольску, подъ охраненіемъ, присланные изъ Березова два звѣря оленя посланы изъ Тобольска съ казаками, тремя человѣками», и что «оныхъ звѣрей оленей велѣно тѣмъ посланнымъ казакамъ отъ Тобольска до Москвы вести пѣшихъ въ рукахъ, а какъ онымъ казакамъ въ пути оныхъ звѣрей беречь и поступать, о томъ

дана изъ Сибирской Губернской Канцеляріи пристойная инструкція». (Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен. 7—1071).

433) 16 декабря 1736 года тотъ же Оберъ-Егермейстеръ Волынскій доносилъ Правительствующему Сенату, «что потребно въ звѣринцы Ея Императорскаго Величества, какъ въ С.-Петербургскіе, такъ и въ Московскіе, звѣри, а именно: лоси, маралы, зубры, олени, штейнбоки, бободи или дикіе быки, козы дикія, сайгаки, селтени, кабаны, которыхъ звѣрей надлежитъ ловить молодыхъ и, вскормя, когда оные перегодуютъ, тогда присылать. А на звѣровые дворы потребны: бобры, ирбиси, барсы; расомахи, кошки дикія, волки бѣлые и черные, и желтые, лисицы черныя. А гдѣ какіе звѣри въ Россіи есть, о томъ при томъ доношеніи приложилъ извѣстіе и требуетъ, чтобы повелѣно было о ловленіи оныхъ и объ отправленіи ко двору Ея Императорскаго Величества, гдѣ какіе звѣри есть, послать изъ Правительствующаго Сената указы».

По разсмотрѣніи этого доношенія, Правительствующій Сенатъ приказалъ: «Въ губерніи, провинціи и прочія мѣста о ловленіи въ звѣринцы Ея Императорскаго Величества какъ С.-Петербургскіе, такъ и въ Москву, по приложенному при томъ извѣстію въ тѣ мѣста послать Ея Императорскаго Величества указы, и сколько гдѣ такихъ звѣрей наловлено будетъ, тѣхъ изъ тѣхъ мѣстъ отправлять съ нарочными и знающими людьми, чтобъ дорогою не помирали, а на то отправленіе и на кормы деньги держать изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ, а сколько въ которой губерніи и провинціи издержано будетъ, о томъ присылать вѣдомости въ Штатсъ-Контору». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7124).

По приложенному къ докладу «извѣстію» полагалось ловить:

1) Въ Сибирской губерніи, въ Иркутской и Якутской провинціяхъ — мараловъ, оленей, бобровъ, ирбисовъ, барсовъ, росомахъ, волковъ бѣлыхъ, черныхъ и желтыхъ, лисицъ черныхъ, боболей или дикихъ быковъ.

Императрица Екатерина II въ домашнемъ костюмѣ, съ гр. Уорренъ, по рис. Корбуль.

2) Въ Астраханской губерніи и близъ Гребенскихъ казачьихъ городковъ — оленей, дикихъ козъ, «сентеней», кабановъ (особливо около Царицына довольно), штейнбоковъ, кошекъ дикихъ, сайгаковъ.

3) Въ Воронежской губерніи и около Донскихъ казачьихъ городковъ — зубровъ, оленей, козъ дикихъ, кабановъ и сайгаковъ.

4) Въ Казанской и С.-Петербургской губерніяхъ — лосей.

5) Въ Симбирской и Пензенской провинціяхъ — лосей, козъ дикихъ, кабановъ.

6) Въ Малороссіи — козъ дикихъ, сайгаковъ, кабановъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 18).

434) 15 мая того 1738 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій докладывалъ Императрицѣ:

«Въ Государствѣ Вашего Императорскаго Величества обрѣтаются звѣри и птицы разныхъ родовъ, а нѣкоторые есть и въ Персіи, потребные въ звѣринцы и менажеріи Вашего Императорскаго Величества; а въ Россіи, въ которыхъ губерніяхъ и провинціяхъ оные звѣри и птицы водятся, и какимъ образомъ оныхъ удобнѣе ловить, и какъ содержать, и въ звѣринцы и въ менажеріи присылать, о томъ всеподданнѣйше прилагаю реестръ. Того ради не соизволите ли Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше о ловленіи тѣхъ звѣрей и птицъ и о присылкѣ въ звѣринцы и менажеріи опредѣлить Вашего Императорскаго Величества указомъ».

На докладѣ этомъ Императрица Анна Іоанновна положила резолюцію: «Учинить по сему».

Считаемъ необходимымъ привести содержаніе помянутаго выше, приложеннаго къ докладу реестра полностію:

По донесенію Волынскаго въ Сибирской губерніи водились слѣдующіе звѣри:

1) Бобры или леопарды, барсы или «тигеры», «еще звѣри, подобные барсамъ, только больше оныхъ, именуемые ирбиси». Эти звѣри жили въ Якутской и Иркутской провинціяхъ, а также близъ Селенгинска и Китайской границы. Ихъ били въ то время иновѣрцы, подданные Русской короны, которымъ, по мнѣнію Оберъ-Егермейстера, надлежало приказать примѣчать

гнѣзда, гдѣ водятся бобры, барсы и ирбиси, старыхъ животныхъ убивать въ то время, когда у нихъ будутъ дѣтеныши, а «щенятъ» ловить и привозить въ ближайшіе города. За эту службу Волынскій проектировалъ либо выдавать иновѣрцамъ особую денежную плату, либо пойманныхъ ими звѣрей засчитывать въ ясакъ. По привозѣ звѣрей въ города, ихъ надлежало выкармливать тамъ сырымъ мясомъ и пріучать, чтобъ они смирны были. По приручепіи звѣрей, ихъ слѣдовало отправлять до Тобольска въ особыхъ ларяхъ, а изъ Тобольска присылать такимъ же порядкомъ ко двору Ея Величества.

2) «Козычки маленькія, пестрыя о пяти копытахъ на каждой ногѣ». Козочекъ, по мнѣнію Волынскаго, можно было ловить не только молодыхъ, но и старыхъ, пріучать ихъ къ дворовому корму и, когда привыкнутъ, присылать въ столицы, какъ и другихъ звѣрей.

3) Волки бѣлые и черные, лисицы черныя, розсомахи, соболи бѣлые. Всѣ они водились въ Сибирской губерніи, во многихъ мѣстахъ и ихъ предполагалось ловить также молодыхъ и, продержавъ въ ближайшихъ городахъ нѣкоторое время, достаточное для того, чтобы они привыкли къ корму, присылать въ Тобольскъ, а затѣмъ въ столицы.

Въ Астраханской губерніи водились олени, подобные нѣмецкимъ, штейнбоки, селтени, сайгаки, кошки дикія, козы дикія, кабаны. Всѣ эти звѣри водились въ Астраханской губерніи, начиная отъ Царицынской линіи до Астрахани и около Донскихъ казачьихъ городковъ, въ окрестностяхъ рѣки Терека, близъ Гребенскихъ казачьихъ городковъ. Исключеніе составляли лишь штейнбоки, водившіеся только въ Кабардѣ; но и ихъ можно было доставлять въ Кизлярскую крѣпость черезъ Гребенскихъ казаковъ за опредѣленную цѣну. Прочихъ звѣрей, а въ особенности сайгаковъ и дикихъ кабановъ, слѣдовало ловить «малышами» и привозить въ Астрахань и Царицынъ, гдѣ они должны были, предварительно отправкѣ ко двору Ея Величества, перегодовать. Самая отправка должна была производиться водою, въ судахъ.

Въ Воронежской губерніи водились:

1) Зубры или дикіе быки, подобные ауроксамъ, которыхъ надлежало ловить молодыми, спеціально для того сдѣланными тенетами.

2) Олени, подобные нѣмецкимъ, козы дикія, сайгаки, кабаны дикіе, кошки дикія—породы другой чѣмъ Астраханскія. Всѣхъ этихъ звѣрей предполагалось ловить, выкармливать на мѣстѣ и отправлять въ столицы въ зимнее время въ особо устроенныхъ ларяхъ.

Въ Пензенской и въ Симбирской провинціяхъ и въ Малороссійскихъ Слободскихъ и прочихъ полкахъ водились козы дикія, сайгаки и кабаны, которыхъ предписывалось ловить молодыми и, пріучивъ ко дворовому корму въ ближайшихъ городахъ или слободахъ, черезъ годъ отправлять къ Высочайшему двору.

Въ С.-Петербургской, въ Новгородской и въ Смоленской губерніяхъ, въ Псковской провинціи и около Гдова предполагалось добывать лосей: «Оныхъ надлежитъ молодыми телятами ловить тенетами и выкармливать въ домахъ, подпуская подъ коровъ или подъ козъ выше, дабы удобнѣе оныхъ сосать было, и перекормя годъ или полтора, а потомъ пріуча къ дворовому корму, чтобы смирны были, отправлять въ зимнее время въ ларяхъ ко Двору».

Изъ птицъ, потребныхъ ко двору Ея Величества, предполагалось пріобрѣтать:

Въ Астраханской губерніи фазановъ, «тамошнимъ нарѣченіемъ именуемыхъ косными пѣтушками». «Близь Каспійскаго моря, въ камышахъ, около устья рѣки Волги и подлѣ рѣки Терека, около Гребенскихъ казачьихъ городковъ приказать ловить живыхъ и пріучать къ хлѣбному корму и чтобъ смирны были. А потомъ, когда у рукъ перезимуютъ, отправлять въ Москву, въ Измайловскій звѣринецъ и тамъ содержать и разводить».

Въ Астраханской же губерніи, около Астрахани, Чернаго Яру и Царицына и въ Воронежской губерніи и около Битюцкихъ дворцовыхъ волостей, на Дону, въ Сѣвской и Рязанской провинціяхъ, въ Малороссіи, въ Слободскихъ и прочихъ полкахъ предполагалось ловить сѣрыхъ куропатокъ. «Надлежитъ оныхъ живыхъ ловить по нѣскольку сотъ паръ и, наловя, пріучать къ хлѣбному корму и чтобъ смирны были; а потомъ отправлять по вся годы изъ Астраханской губерніи въ легкихъ судахъ водою до С.-Петербурга, а изъ прочихъ мѣстъ въ зимнія времена на саняхъ въ крошняхъ или въ коробахъ, разсаживая въ крошни или въ коробъ паръ по пяти, дабы отъ тѣсноты въ провозѣ не поморены были. А при отправленіи надлежитъ выбирать, чтобъ двѣ или три доли было бъ курочекъ, а третья или четвертая часть пѣтушковъ».

Въ Астраханской же губерніи, около Кизлярской крѣпости и Гребенскихъ казачьихъ городковъ слѣдовало пріобрѣтать «журавликовъ малыхъ, именуемыхъ Терскими, съ бѣлыми двумя по сторонамъ головы хохлами, спереди половина шеи и зобы сизые». «Оные у многихъ бываютъ въ домахъ въ Астрахани, которые содержатся тамъ, какъ и прочіе журавли. Оныхъ присылать изъ Астрахани по вся годы водою съ прочими птицами, гнѣздъ по пяти или по шести».

Въ Кіевской губерніи около Переволочни и Запорожскихъ казаковъ пріобрѣтать также журавликовъ, подобныхъ Терскимъ и различающихся отъ нихъ только тѣмъ, что у нихъ перед-

няя половина шеи и зобы красноватые. Ихъ ловятъ у Днѣпра, «и бывали въ Кіевѣ у Губернаторовъ и у знатныхъ министровъ».

Въ Персіи полагалось пріобрѣтать Персидскихъ пестрыхъ, разноцвѣтныхъ, красноносыхъ и красноногихъ куропатокъ. «Около городовъ Дербента и Тарковъ, гдѣ оныя покупаются живыя за малыя цѣны, копѣекъ по двадцати или по тридцати, покупать въ тѣхъ мѣстахъ и вывозить по нѣскольку десятковъ паръ, по вся годы, на купеческихъ судахъ, которыя отправляются въ тѣ мѣста изъ Астрахани съ товарами и назадъ возвращаются».

Въ Персіи же, въ Гиляни пріобрѣтать птицъ, называемыхъ курочками Гилянскими, опереніемъ темновасильковыхъ, на высокихъ ногахъ, съ носами и ногами рудожелтыми, съ длинными у ногъ пальцами. «Оныя покупаются живыя въ Гиляни за такую жъ цѣну, какъ куропатки, или малымъ чѣмъ больше. Такимъ же образомъ покупать по нѣскольку десятковъ, по вся годы, и на купеческихъ судахъ вывозить въ Астрахань. А изъ Астрахани какъ оныхъ, такъ и вышепомянутыхъ куропатокъ, отправлять водою въ клѣткахъ или въ крошняхъ въ С.-Петербургъ ко Двору Ея Императорскаго Величества, разсаживая по одной птицѣ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 18).

Вслѣдствіе приведеннаго выше доклада Оберъ-Егермейстера во всѣ мѣста, гдѣ Волынскій находилъ возможнымъ ловить различныхъ звѣрей, для привоза таковыхъ въ звѣринцы и звѣровые дворы и для размноженія дичи въ мѣстахъ Императорскихъ охотъ, были посланы соотвѣтственные указы. Указы эти, составленные весьма подробно и, въ большей ихъ части, повторяющіе докладъ Оберъ-Егермейстера, полностью приводить мы не будемъ и заимствуемъ изъ нихъ лишь самыя интересныя мѣста, развивающія мѣру, преподанную Оберъ-Егермейстеромъ.

Видъ Царскосельскаго дворца серединыы XVIII ст., съ гр. Никэ, по рис. П. Махаева.

Олонецкой Канцеляріи предписывалось сдѣлать распоряженіе, чтобы было настрѣлено лосей, оленей и рябчиковъ, послѣднихъ паръ до 100, и поймано извѣстное количество рябчиковъ живыми; чтобы стрѣленная дичь, вмѣстѣ съ живыми рябчиками, заключенными въ клѣтки или въ коробы, присылалась ко двору въ теченіе всей зимы, недѣли черезъ двѣ присылка за присылкой; чтобы молодыхъ лосей, числомъ до 10 или до 15 въ годъ, ловили живыхъ, за что охотникамъ надлежало выдавать «хотя вдвое противъ того, по чему они съ битыхъ лосей кожи продаютъ, и тѣ деньги дѣйствительно имѣ изъ казны Нашей платить неотмѣнно, дабы тѣмъ наипаче къ поимкѣ оныхъ звѣрей придана была охота»; чтобы пойманныхъ лосей прикармливать къ хлѣбу, «а потомъ, какъ они къ хлѣбному корму привыкнутъ и не весьма дики будутъ, присылать ихъ ко двору Нашему въ каждый годъ и чтобъ между ними какъ самцы, такъ и самки были, дабы могли плодиться въ звѣринцѣ Нашемъ». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7989).

Изъ Сибирской губерніи предписывалось высылать ежегодно до 20 молодыхъ живыхъ лосей, при условіяхъ и порядкахъ, какъ и для Олонецкой провинціи, а остальныхъ звѣрей, сколько возможно, платя за живыхъ барановъ съ крученными рогами по 10 рублей и больше, за дикихъ лошадей и быковъ и коровъ съ лошадиными хвостами хотя и до 20 рублей за каждый экземпляръ. При этомъ приказывалось, «каковы нынѣ въ Сибирской Губернской Канцеляріи имѣются вышеписаннаго рода бараньи большіе рога, оные прислать сюда съ нарочнымъ курьеромъ немедленно». (Тамъ же, ст. 7990).

Изъ украйны предписывалось ежегодно привозить битыхъ кабановъ и дикихъ козъ и до 100 паръ живыхъ сѣрыхъ куропатокъ, «накрѣпко подтвердивъ, чтобы оныя везены были въ добромъ призрѣніи, дабы помереть не могли». (Тамъ же, ст. 7991).

Изъ Казанской губерніи слѣдовало привозить битыхъ лосей партіями, недѣли черезъ двѣ одна послѣ другой, а также лосей живыхъ, отправляя послѣднихъ въ лѣтнее время въ судахъ водою. Живыхъ лосей «ловить молодыхъ и, выкармливая тамо, черезъ лѣто и зиму, выбравъ удобное при текучей водѣ мѣсто, гдѣ бъ лугъ былъ съ довольною травою, и загородить заборомъ или кольемъ, и при томъ построить избу или двѣ для звѣровщиковъ и караулу, и къ тому въ звѣровщики опредѣлить отставныхъ солдатъ, человѣкъ трехъ, добрыхъ и прилежныхъ людей, и жалованье имъ производить противъ служащихъ вполы, и что потребно на тѣхъ лосей кормовъ, то отправлять и довольствовать Нашей Казанской Губернской Канцеляріи; и когда тѣ молодыя лоси перезимуютъ и привыкнутъ къ корму, весною отправлять до Москвы». (Тамъ же, ст. 7993).

Для звѣрей, долженствовавшихъ быть присланными изъ Астраханской губерніи, предписывалось сдѣлать на мѣстѣ небольшой звѣринецъ на травянистомъ лугу при текущей водѣ, «гдѣ бъ не все то мѣсто водою понимано, а внутри сдѣлать каждаго рода звѣрямъ особливыя перегородки», съ организаціей охраны звѣрей, подобной Казанской, но выдавая звѣровщикамъ — отставнымъ солдатамъ полные денежные и хлѣбные оклады, какъ служащимъ. Когда звѣри перезимуютъ, ихъ приказывалось отправлять водою въ Измайловскій звѣринецъ, при чемъ стараться, чтобы ежегодно присылалось оленей десять; селтеней, сайгаковъ, дикихъ козъ и кабановъ по 15 и по 20; штейнбоковъ и дикихъ кошекъ по 5 или по 6. Куропатокъ ловить по нѣскольку сотъ и отправлять въ коробахъ на легкихъ судахъ въ С.-Петербургъ «въ разные отпуски», да стараться доставать изъ Персіи «тамошнихъ пестрыхъ куропатокъ красноносыхъ, паръ по 50». Въ указѣ Астраханскому Оберъ-Коменданту, между прочимъ, писалось: «Еще жъ извѣстно Намъ, что въ Кабардѣ есть дикіе быки и идосы, которые по тамошнему называются домбаи, — того ради имѣете вы всячески стараться, не жалѣя на то употребить нѣсколько изъ казны Нашей денегъ, чтобъ тамошніе князья оного рода быковъ и телокъ молодыхъ по пять или по десять велѣли ловить и присылали въ Кизлярскую крѣпость, а тамъ оныхъ нѣсколько времени прикармливать къ хлѣбу, и когда привыкнутъ, то присылать въ Астрахань водою; а изъ Астрахани отправлять ихъ съ прочими звѣрьми въ Москву; и о томъ же имѣете вы отъ себя писать и къ Шахмалъ Горскому, такожъ и къ Эльмурзѣ Черкасскому, чтобъ въ ловлѣ и присылкѣ оныхъ бычковъ и телокъ стараніе приложили». (Тамъ же, ст. 7994).

Изъ Царицына предписывалось привозить битыхъ козъ и кабановъ, также живыхъ козъ, сайгаковъ, кабановъ и по нѣскольку сотъ куропатокъ, «которыхъ звѣрей ловить молодыхъ и тамъ въ Царицынѣ выкармливать черезъ лѣто и зиму, выбравъ удобное мѣсто и загородивъ заборомъ или кольемъ, перегородя надвое, кабаньимъ поросятамъ особливо; а къ тому признавается удобное мѣсто выше Царицына при рѣчкѣ Мечетной, при текучей водѣ, и чтобъ при томъ лугъ былъ съ довольною травою въ горожбѣ въ томъ звѣринцѣ; а ежели надобно будетъ лѣсу, то и нарочно рощицу насадить; и при томъ построить избу или двѣ для звѣровщиковъ», опредѣливъ на эти должности трехъ человѣкъ благонадежныхъ отставныхъ солдатъ, назначивъ имъ жалованье въ размѣрѣ, полагающемся казакамъ. Перезимовавшихъ звѣрей отправлять въ Москву водою, стараясь ежегодно высылать живыхъ кабановъ по 10, дикихъ козъ по 20, сайгаковъ по 10, а для ловли ихъ сдѣлать на казенныя деньги потребное количество тенетъ. Куропатокъ, не менѣе 100 паръ, отправлять въ С.-Петербургъ осенью. (Тамъ же, ст. 7995).

Въ Новгородъ было послано требованіе наловить у Пскова и Новгорода русаковъ, штукъ 100 и болѣе, да зайцевъ, сколько возможно, сдѣлавъ для этого тенета, крюковъ по сту, доставить пойманныхъ зайцевъ и русаковъ теперь же и доставлять таковыхъ въ С.-Петербургъ и въ будущемъ, для лучшаго сбереженія, водою, въ первыхъ числахъ сентября, «разсаживая оные въ ящики, сбитые изъ досокъ, перегородя каждаго русака и зайца особливо, а по привозѣ оныхъ въ С.-Петербургъ объявлять въ Канцеляріи Егермейстерскихъ дѣлъ». (Тамъ же, ст. 7886).

Изъ Саратова надлежало привозить живыхъ дикихъ козъ не менѣе 20 штукъ ежегодно, и куропатокъ, а также битыхъ дикихъ козъ, въ порядкѣ, аналогичномъ съ вышеприведенными. (Тамъ же, ст. 7996).

Въ ноябрѣ 1738 года изъ Иркутской провинціи, между прочимъ, доносилось Правительствующему Сенату, что во исполненіе вышеприведеннаго указа «велѣно какъ Русскимъ, такъ и Брацкимъ и Тунгузскимъ Зайсанамъ и Шуленгамъ приказать накрѣпко, дабы, изловя, присылали въ Иркутскъ живыхъ (звѣрей), за добрымъ присмотромъ и на довольномъ корму, и иноземцевъ велѣно за то изловленіе обнадеживать Ея Императорскаго Величества нѣкоторымъ жалованьемъ, дабы они вящую охоту и стараніе имѣли; но токмо по тѣмъ посланнымъ указамъ помянутыхъ звѣрей живыхъ ни откуда въ Иркутскъ въ присылкѣ нѣтъ. А Нерчинскій воевода Гаврила Деревнинъ писалъ: Нерчинскаго де вѣдомства разныхъ родовъ ясашные Шуленги объявили доношеніе, что де они съ улусными своими людьми для сыску и ловли показанныхъ звѣрей живыхъ ѣздили многократно, только де такихъ звѣрей сыскать и изловить живыхъ не могли. А въ Нерчинскомъ вѣдомствѣ есть лошади степныя, называемыя чигитаи (джигитаи), которыя, по требованію обрѣтающихся въ Иркутской провинціи профессоровъ Академіи Наукъ, иманы были живыя

двѣ, и, за неимѣніемъ въ Иркутской провинціи искусныхъ звѣровщиковъ, въ пути померли и привезены были въ Иркутскъ мертвыми, которыхъ они живописцами описывали, и Иркутская Канцелярія надѣется, что о томъ отъ нихъ, куда надлежитъ, писано и тѣмъ лошадямъ посланы рисунки. Да по требованію ихъ же, профессоровъ, въ Иркутскомъ уѣздѣ пойманы были маленькія кабарги, которыя, за неимѣніемъ звѣровщиковъ, померли жъ. А въ Иркутскомъ вѣдомствѣ олени маралы, что здѣсь называются изюбрами, козочки дикія, которыхъ называютъ кабаргами о дву, а не о пяти копытахъ, такожъ и о птицъ, о которыхъ хотя въ вышеобъявленномъ Ея Императорскаго Величества печатномъ указѣ и не упомянуто, однакожъ, онѣ отъ прочихъ отмѣнны, токмо такихъ людей, ктобъ могъ звѣрей пропитать, а птицъ помыкать и чтобъ не поморить, въ Иркутской провинціи не имѣется, и хотя будутъ помянутые звѣри, также и птицы, пойманы, то, за неимѣніемъ здѣсь искусныхъ звѣровщиковъ и помытчиковъ, ловить и пропитать некому», вслѣдствіе чего Иркутская Провинціальная Канцелярія ходатайствовала о высылкѣ въ городъ Иркутскъ искусныхъ звѣровщика и помытчика, «ибо могутъ они и изъ здѣшнихъ кого тому обучить и ко двору Ея Императорскаго Величества отправить ихъ они, хотя и съ трудностью, за великимъ отъ Иркутска до Москвы разстояніемъ, только надежно, что могутъ. Къ тому жъ надлежитъ для препровожденія тѣхъ звѣрей и птицъ готовить пристойные ящики и прочіе покои, смотря по препорціи, чтобъ они могли быть довезены до Москвы въ цѣлости, но хотя и упадокъ будетъ, однакожъ иные могутъ быть довезены живы, а безъ того ихъ отправлять не можно». (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 7—1071).

20 іюля 1739 года Кабинетъ-Министры Андрей Остерманъ и Князь Алексѣй Черкасскій сообщили Правительствующему Сенату:

Видъ Петергофскаго дворца середины XVIII столѣтія, съ гр. Никэ, по рис. И. Махаева.

«По резолюціи, подписанной Собственною Ея Императорскаго Величества рукою на докладѣ Кабинетъ-Министра и Оберъ-Егермейстера Господина Волынскаго Мая 13-го дня прошлаго 1738 года, велѣно, по приложенному при томъ докладѣ реестру, потребныхъ для звѣринцевъ и менажерей разныхъ родовъ звѣрей и птицъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, въ которыхъ оные обрѣтаются, ловить, такожъ въ Персіи птицъ покупать и въ Москву и сюда ко двору Ея Императорскаго Величества отправлять, какъ о томъ въ помянутомъ реестрѣ именно объявлено, о чемъ уповаемо есть, что изъ Правительствующаго Сената надлежащіе указы тогда жъ отправлены. Но понеже и по сіе время никакого извѣстія нѣтъ, сколько гдѣ въ поимкѣ звѣрей и птицъ есть или нигдѣ по тѣмъ указамъ и понынѣ никакого исполненія не учинено, того ради Ея Императорское Величество указало о ловлѣ и присылки помянутыхъ звѣрей и птицъ во всѣ мѣста послать изъ Правительствующаго Сената вновь наикрѣпчайшіе подтвердительные указы съ нарочными курьерами, дабы по вышеозначенному Ея Императорскаго Величества Именному указу неотмѣнное исполненіе съ надлежащимъ радѣніемъ чинено было, а для чего по сіе время о томъ не репортовано и въ присылкѣ ниоткуда ничего нѣтъ, въ томъ взять у Губернаторовъ, и Воеводъ и прочихъ управителей отвѣты и впредь изъ всѣхъ мѣстъ велѣть репортовать, сколько гдѣ въ поимки и въ куплѣ будетъ и о томъ изъ Кабинета Ея Императорскаго Величества Правительствующему Сенату черезъ сіе объявляется». (Арх. Правит. Сената, кн. 53—1739 г., л. 263).

[435]) Около того же времени Казанская Губернская Канцелярія доносила Императорскому Кабинету, «что Казанскаго уѣзда по Арской и Зюрейскимъ дорогамъ и въ Синбирскомъ уѣздѣ

и въ городѣхъ Синбирской Провинціи лосей не имѣется», а также что посланные въ Казанскій уѣздъ «по Нагайской да Алацкой и Галецкой дорогамъ въ Губернской Канцеляріи объявили обывательскія подписки, въ которыхъ показано, что оныхъ лосей въ ихъ угодьяхъ не имѣется, а изъ прочихъ провинцій еще не отвѣтствовано». (Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086).

436) 6 сентября 1739 года Псковская Провинціальная Канцелярія доносила Императорскому Кабинету, что во исполненіе полученнаго ею указа о наловленіи у Пскова 100 и болѣе русаковъ и сколь возможно болѣе зайцевъ и объ отправленіи ихъ осенью водою въ С.-Петербургъ, о томъ «отъ той Провинціальной Канцеляріи чинены при барабанномъ боѣ публикаціи» и посланы указы въ разныя мѣста провинціи. Однако «по тѣмъ публикаціямъ къ ловлѣ тѣхъ русаковъ и зайцевъ во Псковѣ охотниковъ никого не явилось; точію прежніе имѣющіеся охотники Псковскаго уѣзда, Новоуситовской губы, дворцовыхъ Ея Императорскаго Величества и другихъ разныхъ вотчинъ крестьяне, двѣнадцать человѣкъ во Псковской Провинціальной Канцеляріи сказкою показали, что де у нихъ для ловли зайцевъ тенетами сажени по десяти и пятнадцати и по восемнадцати имѣются безъ крюковъ, которыми они де ловятъ зайцевъ въ зимнее время около лѣсовъ, близь деревень своихъ, по снѣговымъ порошамъ, сыскивая тѣхъ зайцевъ по слѣдамъ; а въ лѣтнее де и въ осеннее время зайцевъ они не ловятъ; а русаковъ де въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они, крестьяне, зайцевъ ловятъ, никогда не бываетъ, и гдѣ можно такихъ русаковъ сыскать и наловить и тенетъ, крюковъ по сту, какимъ образомъ надлежитъ ихъ сдѣлать и тѣми тенетами зайцовъ ловить, того де они не знаютъ и такихъ тенетъ никогда не видали. А имѣющимися у нихъ тенетами ловятъ зайцевъ, связывая тѣ тенета, однѣ съ другими, по пяти и больше и загоняютъ тѣхъ зайцевъ изъ лѣсу въ тенета людьми, а окромя де того, другимъ способомъ ловить тѣхъ зайцевъ не знаютъ». Поэтому Псковская Провинціальная Канцелярія испрашивала приказанія о присылкѣ во Псковъ потребныхъ тенетъ и знающаго дѣло человѣка. (Тотъ же Арх., кн. Сен. 9—1086).

437) 7 марта 1740 года доносилъ изъ Саратова Василій Беклемишевъ, что во исполненіе указа о присылкѣ звѣрей и битой дичи, посланъ былъ Саратовскій дворянинъ Алексѣй Поповъ «съ звѣриными юртовщиками на низъ рѣки Волги, въ немалое отъ Саратова разстояніе, даже до рѣки Чебаевки, и велѣно осматривать какъ въ лѣсахъ, такъ и въ степяхъ весьма прилежно, имѣются-ли гдѣ показанныя дикія козы, такожъ и куропатки, и можно-ль тѣхъ козъ и куропатокъ ловить живыхъ, также и изъ тѣхъ дикихъ козъ стрѣлять. Чего ради къ ловлѣ и къ усмотрѣнію оныхъ имѣть вѣрное и прилежное, и ревностное попеченіе и стараніе, обнадеживая тѣхъ юртовщиковъ награжденіемъ Ея Императорскаго Величества милостію». По прошествіи опредѣленнаго времени помянутый Алексѣй Поповъ донесъ, что «обще съ звѣриными юртовщиками въ вышепоказанныя урочища ѣздили и не токмо къ ловлѣ оныхъ козъ и куропатокъ, но и къ усмотрѣнію никакаго способа не сыскали, понеже снѣга весьма глубокіе и рыхлые и не токмо на лошадяхъ за оными ѣздить, но и пѣшкомъ и на лыжахъ ходить никакъ не возможно». При этомъ доносилось съ одной стороны, что съ наступленіемъ благопріятнаго времени для ловли козъ и куропатокъ Саратовская Губернская Канцелярія не преминетъ принять всѣ зависящія отъ нея мѣры къ точному выполненію полученнаго указа, а съ другой стороны, что назначать для ловли и стрѣльбы дичи чиновъ имѣющейся въ городѣ Саратовѣ солдатской роты или команды казаковъ, которыхъ въ Саратовѣ всего на всего 65 человѣкъ, нѣтъ никакой возможности «за скудостію показаннаго Саратовскаго гарнизона», почему и испрашивалось указаніе, какихъ людей употреблять впредь для сказанной цѣли. (Тамъ же).

438) Олонецкая Воеводская Канцелярія, 12 февраля 1740 года, доносила, что «оныхъ звѣрей и птицъ Олонецкаго уѣзда въ погостѣхъ и въ волостяхъ, кромѣ Выгорѣцкихъ раскольническихъ жилищъ, въ промыслѣ налично пріуготовленныхъ не изыскано, а въ Выгорѣцкомъ раскольническомъ жилищѣ пріискано и къ Олонецкой Канцеляріи для отправленія въ С.-Петербургъ настрелянныхъ рябчиковъ объявлено одинъ возъ, которые сего февраля 5 дня 1740 года въ С.-Петербургъ для объявленія ко Двору Ея Императорскаго Величества изъ Олонца и отправлены, а впредь о произвожденіи онымъ птицамъ и звѣрямъ, по силѣ вышеобъявленнаго Ея Императорскаго Величества указу, наиприлежнѣйшаго промыслу въ погостехъ и волостехъ старостамъ указомъ Ея Императорскаго Величества объявлено съ подписками». (Тамъ же).

439) Военная Коллегія, 10 іюня 1740 года, доносила Правительствующему Сенату, что Терское казачье войско вошло въ названную Коллегію со слѣдующимъ представленіемъ:

«Въ прошломъ 1739 году, генваря съ 1 іюля по 1 число, по силѣ полученнаго Ея Императорскаго Величества указа, изловлено птицъ: фазановъ самцовъ 14, самокъ 11. Да іюля съ 1 генваря по 1 число сего 1740 года, такихъ же птицъ самцовъ 45, самокъ тожъ число, итого 115. А прочихъ звѣрей и птицъ въ имѣющихся по Тереку мѣстахъ не имѣется, а покупкою достать, за неимѣніемъ оныхъ, невозможно. А прежде о ловлѣ означенныхъ птицъ и звѣрей отъ Терскаго войска не рапортовано за тѣмъ, что по поимкѣ оныхъ подаваны рапорты въ Кизлярскую Гражданскую Канцелярію и о посылкѣ тѣхъ рапортовъ надежду имѣли на оную Канцелярію, а впредь оное войско въ указанные сроки репортовать будетъ». (Тамъ же).

[440]) 26 числа того же мѣсяца были разосланы, куда надлежитъ, указы, дабы ко Двору Ея Императорскаго Величества были присланы нынѣ же всѣ закупленные и пойманные звѣри и птицы и чтобы впредь таковыхъ не ловить и не закупать и ко Двору не присылать. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 8150).

По поводу этого указа въ Астрахани были возвращены въ полки всѣ люди мѣстнаго гарнизона, которые занимались до того ловлею птицъ и звѣрей, а люди, находившіеся у того же дѣла, но не числившіеся въ Астраханскомъ гарнизонѣ, были опредѣлены къ другимъ занятіямъ, причемъ престарѣлые были уволены въ отставку. Съ теченіемъ времени изготовленныя спеціально для ловли птицъ морскія суда, оставшіяся безъ необходимаго ремонта и присмотра, совершенно погнили и пришли въ окончательную негодность, а строенія, въ которыхъ содержались пойманные звѣри и птицы, «за непоправленіемъ въ неудобность пришли». Подобное положеніе дѣла привело, между прочимъ, Астраханскую Губернскую Канцелярію въ невозможность привести въ исполненіе вновь послѣдовавшій при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, черезъ пять лѣтъ, указъ о доставкѣ изъ Астрахани разныхъ птицъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 305, д. № 1).

[441]) 24 мая 1744 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія отправила указы въ Архангельскую, Кіевскую, Воронежскую, Бѣлогородскую, Казанскую, Астраханскую и Сибирскую мѣстныя Канцеляріи, въ которыхъ, ссылаясь на необходимость въ доставкѣ ко двору Ея Императорскаго Величества различныхъ звѣрей, согласно воспослѣдовавшимъ ранѣе на этотъ предметъ указамъ, во-первыхъ, требовала, дабы сказанные указы впредь исполнялись со всею точностью, а во-вторыхъ,

Видъ Ораніенбаумскаго дворца середины XVIII ст., съ гр. Шевалье, по рис. И. Махаева.

приказала немедленно доставить объясненія, на какомъ основаніи присылка дичи и звѣрей прекращена помянутыми Канцеляріями, ибо объ отмѣнѣ тѣхъ указовъ въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи ничего неизвѣстно.

На послѣднее, нѣсколько странное требованіе, мѣстные органы отвѣчали, что доставка ко двору дичи и звѣрей прекращена ими по силѣ Высочайшаго повелѣнія, воспослѣдовавшаго 26 іюня 1740 года. (Тамъ же, оп. 64, д. № 17).

[442]) 7 числа того же мѣсяца 1752 года были посланы въ Новгородскую и Псковскую губерніи указы «о ловленіи нынѣшнею зимою живыхъ зайцевъ тенетами и объ отправленіи оныхъ въ Царское село, а знающихъ ту ловлю зайцевъ охотниковъ велѣно требовать отъ Егермейстерской команды».

По этому поводу Оберъ-Егермейстерская Канцелярія доносила Императорскому Кабинету, что, во исполненіе приведеннаго указа, «въ Собственную Вотчинную Канцелярію надлежитъ въ шесть мѣстъ разныхъ управительствъ командировать 12 человѣкъ, ибо де волость отъ волости въ дальнемъ разстояніи состоитъ, почему разсудила Оберъ-Егермейстерская Канцелярія симъ представить, не соблаговолитъ-ли Кабинетъ Ея Императорскаго Величества Канцеляріи опредѣлить, дабы бъ повелѣно было изъ оныхъ Канцелярій (то-есть изъ Оберъ-Егермейстерской и Собственной Ея Императорскаго Величества Вотчинной) за лучшее и за способнѣе расположить, въ оныхъ волостяхъ на каждую волость; по разсмотрѣнію душъ да сколько надлежитъ съ каждой волости слѣдственныхъ къ тому лову зайцевъ живыхъ положить, и оныхъ, ловя, и привозить въ Царское Село, такъ, какъ Ея Императорскаго Величества тотъ указъ гласитъ, для того хотя

отправленнымъ охотникамъ и крѣпчайшія инструкціи даны будутъ, чтобъ они смотрѣли и всячески старались къ поимкѣ оныхъ зайцевъ живыхъ и о протчемъ, точію сумнительно, какъ обыкновенно, не могли бъ оные охотники сообщиться съ тамошними управителями и крестьяны изъ лакомства своего и изъ взятковъ со крестьянъ, и изъ тѣхъ волостей потому, будутъ представлять о не имѣніи зайцевъ и протчее, чтобъ онымъ не трудиться. А между того, но хотя бъ оные охотники и желали бъ къ тому стараніе свое исполнить, да не безъ помѣшанія онымъ будетъ, а на остатокъ не безъ затрудненія и командамъ произойти можетъ, да и крестьянамъ, которые будутъ въ кричанахъ и въ тенетчикахъ опредѣлены; трудъ и не порядокъ крайній и излишній будетъ. А егда жъ Кабинетъ Ея Императорскаго Величества соблаговолитъ разсмотрѣть онымъ Канцеляріямъ, всякому въ своемъ правленіи, управителямъ опредѣлить по скольку числомъ принять зайцевъ живыхъ и отправить въ Царское Село, то признавается за лучшую способность, ибо оные крестьяне ловить ихъ могутъ между собою по расположенію и привозку зайцамъ лучше и бережнѣе, да и не стольку воспослѣдуетъ онымъ излишняго труда и убытка».

Изъ переписки по этому дѣлу приводимъ, между прочимъ, слѣдующее куріозное обстоятельство:

Въ предписаніяхъ, посланныхъ по тому же дѣлу въ Главную Дворцовую и въ Собственную Ея Императорскаго Величества Вотчинную Канцеляріи, Императорскій Кабинетъ, между прочимъ, указывалъ, что охотниковъ, знающихъ ловлю зайцевъ тенетами, названнымъ Канцеляріямъ слѣдуетъ требовать отъ Егермейстерской команды. Узнавъ объ этомъ выраженіи, равносильнымъ ея обходу, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, къ которой должно было бы обратиться за послѣднимъ распоряженіемъ, обидѣлась, но не желая допускать даже мысли въ прочихъ учрежденіяхъ, что ее могли бы обойти въ дѣлѣ, непосредственно касающемся ея компетенціи, вошла съ представленіемъ о крайней для себя обиды, что ее, Канцелярію, называютъ командою. На это Императорскій Кабинетъ сейчасъ же отнесся въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, что распоряженіе о нарядѣ знающихъ тенетный промыселъ охотниковъ «благоволитъ сдѣлать Оберъ-Егермейстерская Канцелярія», и присовокупилъ къ этому:

«Что же въ вышеупомянутыхъ, посланныхъ изъ Кабинета въ Дворцовую и Собственную Ея Императорскаго Величества Вотчинную Канцеляріи сообщеніяхъ написано Егермейстерская команда, и то учинено ошибкою, которая ошибка симъ исправляется, въ надеждѣ получить прощеніе въ той неумышленной проступкѣ». (Тамъ же, оп. 305, д. № 1).

[443]) 31 января 1762 года «въ Собраніи Правительствующаго Сената Генералъ Аншефъ, Сенаторъ и Кавалеръ, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ объявилъ: Его Императорское Величество (Петръ III) словесно указать соизволилъ: изъ Сибири, Астрахани и Кизляра, какія тамъ есть куріозныя птицы, изъ оныхъ нынѣ паръ по пять каждаго рода прислать сюда живыхъ, а ежели толикаго числа отыскать не можно, то сколько сыщется, да и впредь по тому жъ присылать» ко двору Его Императорскаго Величества. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11428).

[444]) Въ мартѣ 1719 года Петръ Великій предписывалъ Московскому Губернатору Кириллу Алексѣевичу Нарышкину послать въ Переяславль Рязанскій Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка солдата «для своего Государева нужнаго дѣла». Дѣло это состояло въ томъ, что посланный долженъ былъ явиться къ Переяславльскому Ландрату Кривцову и потребовать отъ него «птицу бѣлую ворону, которая нынѣ у него въ поимкѣ есть». Птица эта, въ клѣткѣ, послана была на ямской подводѣ въ Преображенскій Приказъ къ ближнему стольнику князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому и помѣщена въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ. (Сборн. Арх. бум. о П. В., т. II, стр. 330).

[445]) Въ началѣ 1725 года сокольникъ Семеновскаго потѣшнаго двора Кузьма Ширковъ да сторожъ того же двора Степанъ Окутинъ донесли князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, «о чемъ, тому слѣдуютъ пункты»:

«1) Сего 725 году, генваря 25-го дня, будучи мы въ Новодѣвичьѣ монастырѣ, усмотрѣли: лѣтаетъ птица бѣлая ворона съ другими природными вороны и галками».

«2) И о поимкѣ той птицы требуемъ у Вашего Сіятельства позволенія, дабы тое ворону въ ономъ монастырѣ поимать было невозбранно».

Диковинная птица эта была поймана 29 января и отправлена въ село Семеновское на потѣшный дворъ, гдѣ, послѣ подробнаго осмотра, «явилась о дву перьевъ: глинистыхъ и бѣлыхъ, а имянно: голова и подъ зобомъ свѣтлоглинчата, спина и хлупъ бѣлыя, на папоркахъ перья глинчатыя, по крыльямъ перья бѣлыя съ проглинностью, на носу перья самыя малыя, а у другихъ воронъ, и на носу такихъ перьевъ нѣтъ, носъ и ноги темновишневые». (Сборн. Арх. бум. о П. В., т. II, стр. 335).

[446]) 9 марта 1738 года Императрица Анна Іоанновна, по докладу Оберъ-Егермейстера Волынскаго о томъ, что онъ видѣлъ въ Глуховѣ у князя Борятинскаго бѣлую галку, Высочайше повелѣла: «Бывшую въ домѣ покойнаго князь Ивана Борятинскаго бѣлую галку взять ко Двору

Ея Императорскаго Величества и о томъ чтобъ писать дѣтямъ его, князь Александру и князь Сергѣю Борятинскимъ». Для привоза бѣлой галки изъ Глухова въ С.-Петербургъ былъ посланъ особый егерь. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 9—1086 и Сборн. Им. Изустн. ук., рукоп. Имп. ох.).

Около того же времени Оберъ-Егермейстеръ Артемій Петровичъ Волынскій писалъ въ Москву графу Семену Андреевичу Салтыкову:

«Видятъ здѣсь, въ Твери, бѣлую галку, которая такъ бѣла, какъ голубь, о чемъ мнѣ сказывалъ здѣшній воевода».

«Я прилежно прошу приказать Сергѣю Бутурлину и Герасиму Ларіонову, чтобъ отправили помытчиковъ съ тайниками и съ силками для поимки оной. И пожаловать дать имъ ямскія подводы, а о вспоможеніи къ воеводѣ указъ послать».

Тверской воевода, Иванъ Кирѣевской, на присланный ему указъ отъ Салтыкова, 17 марта 1738 года, отвѣчалъ:

«По указу Ея Императорскаго Величества, присланному сего марта 14 дня ко мнѣ, велѣно: по представленію Его Превосходительства господина Оберъ-Егермейстера Волынскаго, въ поимкѣ, въ Твери, бѣлой галки присланнымъ изъ Москвы помытчикамъ учинить всякое вспоможеніе. И по тому Ея Императорскаго Величества указу для поимки той галки съ показанными присланными помытчиками отправлено было солдатъ: сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ немалое число. Токмо той галки въ Твери и уѣздѣ нигдѣ не сыскали; а для объявленія, кто ее увидитъ, или подлинно объ ней свѣдомъ будетъ во Твери и въ уѣздѣ, въ пристойныхъ мѣстахъ, публиковано неоднократно, а Тверской провинціи въ городы указы посланы, и что по тому явится до Вашего Высокопревосходительства писано будетъ впредь неукоснительно». (Русская Старина 1874 года, № 12, стр. 771).

Князь А. А. Безбородко (галлерея Гатчинскаго дворца).

447) Около того же времени нашему чрезвычайному и полномочному послу графу Александру Гавриловичу Госію мартышку, освѣдомлясь тамъ у каго находится, и съ тѣмъ орѣхомъ Индѣйскимъ, въ которомъ (sic) она входитъ, купить и сюда отправить, какимъ образомъ удобнѣе будетъ, чтобъ она сбережена и въ цѣлости сюда привезена была: Помянутый шкиперъ, Класъ Кемптесъ, и нынѣ отсюда моремъ въ Амстердамъ отъѣзжаетъ, и можетъ быть, что онъ для показанія дома того купца, у котораго сія мартышка находится, къ Секретарю Ольдекопу самъ явится, то онъ, Ольдекопъ, черезъ того шкипера оную бъ сторговалъ и деньги отъ себя на здѣшній счетъ заплатилъ и объ отправленіи оной сюда стараніе приложилъ; а иного, ежели тотъ шкиперъ къ нему, Ольдекопу, не явится, и безъ того можетъ онъ самъ въ Амстердамъ до той мартышки доискаться и, дабы продавецъ не задорожалъ въ цѣнѣ, для того чрезъ третьи руки, якобы для своей партикулярной забавы, а отнюдь не для посылки сюда ко Двору Нашему, сторговалъ и купилъ. Пребываемъ Вамъ въ протчемъ Императорскою милостью Нашею благосклонны».

«По именному Ея Императорскаго Величества указу, подписали: графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ и графъ Михайла Воронцовъ».

Мартышка была куплена и отправлена къ Высочайшему Двору (не упомянуто съ Индѣйскимъ орѣхомъ или нѣтъ) съ нарочнымъ курьеромъ, гвардіи сержантомъ Валуевымъ. (Русская Старина 1871 года, № 11, стр. 587).

[448]) 14-го января 1724 года былъ доставленъ въ Москву ко двору Его Императорскаго Величества битый лось изъ Воронежа. Лося этого призезли въ село Преображенское, а тамъ было приказано дичину эту, «разнявъ на части, устроить добрымъ строеніемъ въ уксусѣ, и смотрѣть того накрѣпко, а голову, губы и ноги хранить на льду, чтобъ не попортились, при чемъ быть въ смотрѣніи непрестанно». О фактѣ присылки въ село Преображенское битаго лося приказано было немедленно донести въ С.-Петербургъ по мѣсту нахожденія Высочайшаго двора. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 39, д. № 573).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1730 года были посланы егеря Царской охоты въ Малороссію для стрѣлянія въ этихъ мѣстахъ различныхъ дикихъ звѣрей и птицъ и для привозу набитой ими дичи къ Высочайшему двору. Такъ, по совмѣстному рѣшенію нашего Глуховскаго воеводы князя Шаховскаго и Малороссійскаго Гетмана Апостола, направлены были царскіе егеря въ полки Гадяцкій, Прилуцкій, Полтавскій, Переяславскій, Лубенскій и Миргородскій, при чемъ полковникамъ этихъ полковъ было вмѣнено въ обязанность дѣлать посланнымъ «всяческое вспоможеніе». Однако князь Шаховской писалъ Оберъ-Гофмейстеру, что «хотя оные егари въ помянутые полки нынѣ и отправлены, токмо внѣ надежды, чтобы могли сыскать дикихъ звѣрей, лосей, козъ и протчаго, понеже, какъ я слышу отъ здѣшнихъ обывателей, что прежде сего, когда въ помянутыхъ полкахъ не было многаго поселенія, то такіе звѣри хотя немного и важивались, а нынѣ оные полки поселеніемъ умножились, и оттого и звѣря стало мало; и для ловли оныхъ звѣрей изъ Малороссіи посылаются, компаніями человѣкъ по 80 и больше, въ Польскую и Турецкую области, какъ и нынѣ посланы».

«Того ради не соизволите-ль, Ваше Превосходительство, онымъ егерямъ быть въ Москву, а по веснѣ ихъ паки прислать сюда, которые отправятся въ помянутыя области съ протчими охотниками». (Тотъ же Арх., оп. 6, д. № 89).

Въ концѣ того же 1731 года, отъ неизвѣстнаго лица было прислано въ Малороссію, кажется, къ князю Шаховскому, письмо, съ изложеніемъ въ немъ Высочайшаго повелѣнія прислать ко двору Ея Императорскаго Величества «дикихъ звѣрей, битыхъ лосей, оленей, кабановъ и дикихъ козъ и протчихъ звѣрей».

Получившій письмо увѣдомлялъ на это:

«Оное бы со всежелаемостью моею и всеподданнѣйше Ея Императорскому Величеству могъ служить, точію у меня къ тому ловленію людей, ко охотѣ, не имѣется. Однакожъ, до полученія сего, минувшаго ноября 16 числа, отъ Полтавскаго полковника Кочубея, по приказу господина Гетмана и кавалера Апостола, отправлены для звѣриной ловли, о которыхъ мнѣ объявлено, яко оные звѣри надлежатъ въ отсылку ко двору Ея Императорскаго Величества, полку его Переволочайскій сотникъ съ шестьюдесятъ козаками за Днѣпръ, Царичанскій и Сокольской сотники за Орелъ, которымъ отъ насъ о пропускѣ и пашпорты даны. Нынѣ же, по полученіи Вашего Превосходительства письма, писалъ я до господина Гетмана и просилъ, дабы онъ, сверхъ оныхъ отправленныхъ, послалъ бы, каго пристойно, для уловленія показанныхъ звѣрей, и кто имѣли отъ него отправлены быть, меня увѣдомилъ, почему бъ могъ я приказать ихъ черезъ форпостъ пропустить, и что по тому моему письму онъ, господинъ Гетманъ, учинитъ и колико, по посылкѣ, тѣхъ звѣрей поймано и ко двору Ея Императорскаго Величества отослано будетъ, о томъ требовалъ отъ него, господина Гетмана, извѣстія, и чтобъ тѣ уловные звѣри отсылкою не умедленны были, о томъ ему, господину Гетману, напоминалъ, а по полученію того извѣстія и Вашему Превосходительству во извѣстіе писать буду».

«Токмо въ здѣшнихъ мѣстахъ лосей и оленей, кромѣ кабановъ и дикихъ козъ, (не) имѣется, и чтобъ вышеозначенному господину Гетману для ловли оныхъ лосей и оленей послать въ другія способныя мѣста, о томъ ему напоминалъ же, а для лутшаго, о той звѣриной ловлѣ и къ здѣшнему Полтавскому полковнику Кочубею, чтобъ онъ для скорости надлежащее число казаковъ еще отправилъ, отъ меня писано». (Тотъ же Арх., оп. 6, д. № 245).

2 марта 1741 года изъ Малороссіи, изъ Глухова, былъ отправленъ къ Высочайшему двору Шлиссельбургскаго пѣхотнаго полка поручикъ Даумбировъ съ большимъ транспортомъ разной битой дичи. (Марковичъ, II, стр. 131).

12 февраля 1775 года Придворная Контора сообщила Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, что «для Высочайшаго Ея Императорскаго Величества стола потребны одинъ кабанъ и одинъ олень». По этому требовалось, «чтобы соблаговолено было оныхъ кабана и оленя, пристрѣля, ко Двору Ея Императорскаго Величества прислать въ непродолжительномъ времени и отдать на первую верхнюю кухню въ должности метрдотельской мундкоху Ягану Борману». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 26).

[449]) Моск. Арх. Мин. Юстиц., кн. Сен. 4—1068.

[430]) Въ 1729 году, по требованію Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника и ордена Святого Апостола Андрея кавалера и гофмейстера Алексѣя Григорьевича Долгорукаго были собраны свѣдѣнія о наличномъ въ то время количествѣ помытчиковъ. Въ поданной, въ маѣ мѣсяцѣ, Долгорукому вѣдомости значились слѣдующіе помытчики:

1) Переяславль-Залѣсскіе сокольи помытчики, которыхъ на посадѣ было 22 двора, да 3 человѣка проживали своими дворами въ Москвѣ, то-есть то же количество, что и въ предшествовавшіе годы и съ тѣмъ же окладомъ обязанностью поставлять на Семеновскій потѣшный дворъ ежегодно 12 соколовъ дикомытей;

2) Сокольи помытчики Суздальскаго уѣзда Гавриловской слободы приселка Володятина, одинъ дворъ, съ окладомъ въ 4 сокола дикомытей въ годъ;

3) Сокольи помытчики Ростовскіе, дворовъ 13, съ окладомъ 12 соколовъ дикомытей въ годъ;

4) Вологодскіе сокольи помытчики Комельской волости, дворовъ 24, съ окладомъ 12 соколовъ дикомытей въ годъ;

5) Вологодскіе сокольи помытчики Сямженской волости, дворовъ 16, съ окладомъ 12 соколовъ дикомытей въ годъ;

6) Бѣлозерскіе сокольи помытчики волости Волока Славинскаго, дворовъ 18, съ окладомъ 12 соколовъ дикомытей въ годъ,

7) Сокольи помытчики на Чаронде, дворовъ 11, съ окладомъ 12 соколовъ дикомытей въ годъ;

и 8) Кречетьи помытчики Двинскіе, дворовъ 19, «что привозятъ кречетовъ, челиговъ кречетьихъ, что у нихъ въ уловѣ бываетъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 218).

Въ ноябрѣ 1701 года кречетьи помытчики Вологодскаго уѣзда указывали, что на доставку пойманныхъ ловчихъ птицъ въ Москву «въ прошлыхъ годѣхъ, по указу Великаго Государя, а по ихъ челобитью, даваны имъ, помытчикамъ, прогонныя, а птицамъ кормовыя деньги, по 3 алтына 2 деньги, да подъ птичій кормъ и помытчиковъ запасъ телѣжныя подводы, по подводѣ на 6 птицъ, да по верховой лошади на птицу, съ уздами и сѣдлами, и тѣ прогонныя и кормовыя птичьи деньги даваны съ Вологды до Москвы изъ Земскихъ избъ изъ неокладныхъ доходовъ». (Рукопись, принадл. Импер. охотѣ).

Походныя сани Императрицы Екатерины II, съ гр. И. Филипсъ.

[451]) Отъ 1676 года сохранилось извѣстіе, что въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ имѣлось тогда 22 двора сокольихъ помытчиковъ. Въ писцовыхъ книгахъ этого года было, между прочимъ, оговорено, что Переяславль-Залѣсскіе сокольи помытчики обязаны были доставлять на Семеновскій потѣшный дворъ ежегодно «по соколу дикомыту да по ястребу гнѣздному, а во 175 году, вмѣсто гнѣзднаго, велѣно имать по ястребу старому дикомыту, а будетъ въ которомъ году стараго не будетъ и на нихъ имать по три ястреба молодыхъ добрыхъ». (Госуд. Арх., р. XIV, № 25).

Трудно сказать, относилось ли обязательство поставки указаннаго количества птицъ ко всѣмъ Переяславль-Залѣсскимъ помытчикамъ вмѣстѣ или къ каждому отдѣльному двору. Первое предположеніе, наиболѣе отвѣчающее редакціи писцовыхъ книгъ, нѣсколько не вяжется со справкою, данною въ началѣ XVIII вѣка Преображенскимъ Приказомъ, по которой на названныхъ помытчиковъ возложена была обязанность приноса на Семеновскій потѣшный дворъ ежегодно 6 вешнихъ соколовъ дикомытей и 6 осеннихъ «дикомытей суровыхъ», всего 12 птицъ, причемъ челиговъ сокольихъ приносить не полагалось, а тѣмъ болѣе засчитывать ихъ за окладныхъ не доставленныхъ соколовъ. За послѣднихъ съ помытчиковъ взыскивалось деньгами по 3 рубля за птицу. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. № 8).

Сохранились интересныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ птицъ, доставлявшихся въ началѣ XVIII вѣка на Семеновскій потѣшный дворъ Переяславль-Залѣсскими помытчиками. Они представили вешнихъ птицъ: въ 1700 году 7 соколовъ (вмѣсто 6 окладныхъ) и 2 челига сокольихъ (неокладныхъ), въ 1701 году 5 соколовъ и 2 челига; въ 1702 году 4 сокола и 4 челига; въ 1703 году 3 сокола (за недоставленныхъ 3 птицъ взыскано 9 рублей); въ 1704 году 7 соколовъ; въ 1705 году 7 соколовъ и 2 челига; въ 1706 году 6 соколовъ и 3 челига; въ 1707 году 7 соколовъ и 2 челига; въ 1708 году 7 соколовъ и 1 челигъ; въ 1709 году 8 соколовъ; въ

1710 году 6 соколовъ и 1 челигъ; въ 1711 году 7 соколовъ и 2 челига; въ 1712 году 6 соколовъ и 3 челига; въ 1713 году 6 соколовъ и 1 челигъ; въ 1714 году 10 соколовъ и 5 челиговъ; въ 1715 году 9 соколовъ и 1 челигъ; въ 1716 году 2 сокола и 1 челигъ; въ 1717 году 10 соколовъ и 6 челиговъ; въ 1718 году 9 соколовъ и 3 челига; въ 1719 году 3 сокола и 2 челига.

Малый приносъ 1716 года послужилъ основаніемъ того, что было «учинено помытчикамъ наказанье: биты плетьми въ Преображенскомъ приказѣ». (Тамъ же).

Въ 1700 году Переяславль-Залѣсскимъ помытчикамъ была пожалована Царемъ Петромъ I грамота, по силѣ которой имъ, «вмѣсто жалованья, пашенной и огородной земли, для прокормленія домовъ своихъ, когда бываютъ отъ ловли птицъ свободны, кормиться рукодѣліемъ своимъ и торговать въ Москвѣ и городахъ, и сидѣть въ лавкахъ съ посадскими людьми въ равенствѣ безъ всякаго запрещенія и, кромѣ птицъ, никакихъ податей брать съ нихъ и судомъ и расправою, кромѣ Преображенскаго приказу въ другихъ приказехъ и городехъ вѣдать ихъ не велѣно, такожъ и на дворы ихъ постою не ставить». (Тотъ же Арх., оп. 67, д. № 15).

Отъ 1711 года сохранилось извѣстіе, что Переяславль-Залѣсскихъ помытчиковъ было въ городѣ и на посадѣ попрежнему 22 двора, въ которыхъ проживало помытчиковъ 26 человѣкъ, сыновей ихъ 27, братьевъ 2, племянниковъ 5, внучатъ 5, всего 65 человѣкъ мужескаго пола, да въ Москвѣ прожили своими дворами трое. Окладъ на нихъ, какъ было сказано, положенъ въ размѣрѣ 6 весеннихъ и 6 осеннихъ соколовъ, всего 12 птицъ въ годъ. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 521).

[452]) Въ писцовыхъ книгахъ 1681 года, между прочимъ, значится, что въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ Юхотской волости, въ приписныхъ къ селу Новому деревняхъ: Павловѣ и Рашковѣ числилось сокольихъ помытчиковъ: въ первой—9 дворовъ съ 24 душами мужескаго пола, а во второй—2 двора съ 4 душами. Помытчики эти обязаны были доставлять то же количество птицъ, какъ и Переяславль-Залѣсскіе. (Тотъ же Арх., оп. 178, д. № 19).

[453]) Приказъ выразилъ мнѣніе, что «онымъ кречетьимъ помытчикамъ окладу исправлять не мочно, для того что они бываютъ въ отлучкахъ въ Дацкой землѣ и въ Швеціи для ловли птицъ, а безъ оныхъ птицъ быть не мочно, что посылаются въ иностранныя государства въ дарѣхъ. Преображенскій приказъ указывалъ, что помытчики эти ходятъ для кречетья промысла четырьмя ватагами, въ числѣ 34 человѣкъ, отъ Архангельска на 1500 верстъ и больше на морскихъ судахъ ежегодно, начиная съ Петровскаго поста, и бываютъ на томъ промыслѣ до Зимняго Николы. Морскія суда съ припасами обходятся помытчикамъ по пятьдесятъ рублей и больше каждой ватагѣ, а хлѣбныхъ запасовъ берутъ они съ собою по 15 пудовъ на человѣка, покупая хлѣбъ въ Архангельскѣ. На эти надобности издревле получали они изъ Архангельской земской избы по 7 рублей на человѣка. При отправленіи изъ Архангельска съ птицами въ Москву помытчикамъ давались прежде ямскія подводы, на двухъ человѣкъ подвода, и прогоны; для птицъ же изготовляются сани съ окутами на счетъ Двинскихъ помытчиковъ и посадскихъ людей.

Въ 1723 году въ Преображенскомъ приказѣ обсуждался вопросъ о томъ, нельзя ли установить опредѣленный окладъ повинностей для кречетьихъ помытчиковъ Двинскаго уѣзда.

[454]) Отъ 1751 года сохранилось весьма много документовъ, касающихся вопросовъ о доставленіи ловчихъ птицъ къ Императорской птичьей охотѣ и къ порядку ихъ зачисленія на довольствіе. Такъ какъ документы эти особаго значенія въ исторіи охоты не имѣютъ и интересны лишь для статистики, то мы и отмѣтимъ только число доставленныхъ различными помытчиками ловчихъ птицъ въ названномъ году.

Комплектные помытчики (надо полагать, что комплектными помытчиками назывались помытчики, состоявшіе въ штатѣ Императорской птичьей охоты, проживавшіе въ селѣ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ и отправлявшіеся на ловлю въ различныя мѣста, по распоряженію начальства этой охоты, то-есть должностныя лица, обязанности которыхъ соотвѣтствовали обязанностямъ ловчихъ сокольниковъ временъ Царя Алексѣя Михайловича) доставили ястреба дикомыть 1, челиговъ ястребьихъ молодиковъ 3.

Помытчики Юхотскіе доставили кречетовъ молодиковъ 2, челиговъ кречетьихъ молодиковъ 1, сокола дикомыть 1, ястреба дикомыть 1, ястребовъ молодиковъ 4, челиговъ ястребьихъ молодиковъ 2.

Помытчики Вологодскаго уѣзда, Комельской трети, Семяжинской волости доставили 12 птицъ, въ томъ числѣ 5 соколовъ дикомытей и 2 челиговъ кречетьихъ молодиковъ.

Ростовскіе помытчики доставили сокола дикомыта да челига ястребья молодика.

Переяславль-Залѣсскіе помытчики доставили соколовъ дикомытей 8 и соколовъ вешняковъ 3.

Помытчики Бѣлозерскаго уѣзда, Надпорожскаго стану, волоку Словинскаго, деревни Закосье Меньшое доставили соколовъ дикомытей 6.

Помытчики Чаранской округи, Кольнобольской волости доставили соколовъ дикомытей 3 и челига соколья осенчака.

Двинскіе кречетьи помытчики доставили кречетовъ 24 и челиговъ кречетьихъ 14.

Чебоксарскіе помытчики доставили кречетовъ 2 и челиговъ кречетьихъ 3.

Такимъ образомъ по имѣющимся свѣдѣніямъ къ птичьей охотѣ Императрицы Елисаветы Петровны было доставлено въ 1751 году 93 ловчихъ птицы различныхъ породъ. (Разн. дѣла Общ. Арх. Мин. Двора).

Въ 1752 году воспослѣдовало Высочайшее подтвержденіе грамоты, данной Переяславль-Залѣсскимъ помытчикамъ въ 1606 году о невыбираніи ихъ ни въ какія городскія должности. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 60).

[455]) Отъ 1775 года сохранились списки о числѣ доставленныхъ апрѣля мѣсяца по ноябрь на Семеновскій потѣшный дворъ ловчихъ птицъ Ярославскими сокольими помытчиками. По сложеніи итоговъ этихъ списковъ оказывается, что названные помытчики принесли къ Императорской птичьей охотѣ: кречета молодика, челиговъ кречетьихъ 3, соколовъ дикомытей 59, челиговъ сокольихъ дикомытей 28, челиговъ сокольихъ 4, соколовъ вешняковъ 6, челиговъ сокольихъ вешняковъ 2, ястреба молодика, ястреба гнѣзднаго, челиговъ ястребьихъ дикомытей 3, челиговъ ястребьихъ 5, да ими же принесенъ присланный Ея Величеству отъ князя Дундукова цвѣтной бѣлый балобанъ. (Тамъ же, оп. 73, д. № 2).

[456]) 13 сентября 1787 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора направила Главностатейничему Ларіонову указъ, въ коемъ читаемъ: «По силѣ полученнаго изъ Канцеляріи ордера, Ростовскіе помытчики, съ будущаго 1788 года, попрежнему платить имѣютъ возможныя (?) деньги, а соколовъ помыкать имъ не велѣно; Переяславскихъ же и Юхотскихъ сокольихъ помытчиковъ, къ старостамъ съ товарищи, посланы указы, коими подтверждено накрѣпко, дабы они въ будущемъ 1788 году, при наступленіи весны, помкнувъ соколовъ, къ охотѣ доставили: Юхотскіе—положенное на нихъ число, двѣнадцать, да недонесеннаго въ 787 году одного, и того тринадцать, а Переславскіе, за приносомъ въ нынѣшнемъ году сверхъ окладнаго положенія со излишествомъ, достальныхъ четырехъ или хотя и болѣе поймано было тѣхъ соколовъ, кои зачтены быть имѣютъ имъ въ число, положенное въ предъ». (Тамъ же, д. № 1658, стр. 107).

Походныя сани Императрицы Екатерины II, съ гр. И. Филипсъ.

[457]) Въ апрѣлѣ 1733 года завѣдывавшій въ то время дѣлами охоты Оберъ-Гофмейстеръ графъ Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, по докладу Егермейстера Михаила Селиванова, вошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ указывалъ, что до сего времени, руководствуясь бывшими указами, Переяславль-Залѣсскіе и Ростовскіе помытчики помыкали соколовъ въ помѣщичьихъ и монастырскихъ угодіяхъ при озерахъ, но что приказчики и старосты тѣхъ мѣстъ стали нынѣ дѣлать помытчикамъ всевозможныя препятствія, «соколовъ помыкать не даютъ и съ мѣстъ ссылаютъ, и птицъ всякихъ стрѣляютъ, и въ помычкѣ соколовъ чинятъ великое помѣшательство».

Разсмотрѣвъ это дѣло, Сенатъ приказалъ послать въ Московскую губернію указъ съ крѣпкимъ подтвержденіемъ, чтобы помытчикамъ въ оговоренномъ отношеніи никто и никакого помѣшательства не чинилъ. (Моск. Арх. Мин. Юст., кн. Сен. 4—1068).

3 апрѣля 1745 года Оберъ-Егермейстерская Контора повелѣла Высочайшимъ указомъ Бѣлозерской воеводской Канцеляріи, «чтобы въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ сокольимъ помытчикамъ въ уловѣ въ помѣщичьихъ и въ монастырскихъ дачахъ потребныхъ ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ птицъ приказчики и крестьяне никакаго помѣшательства не чинили и около тѣхъ луговъ птицъ не вабливали бъ, а буде будутъ птицъ ловить и означеннымъ помытчикамъ въ уловѣ птицъ чинить будутъ помѣшательства, то тѣхъ ловить и, изслѣдовавъ, писать въ Оберъ-Егермейстерскую Контору». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 7).

[458]) Отъ января 1775 года сохранился весьма любопытный документъ—донесеніе Чебоксарскаго кречетьяго помытчика, Ивана Кликунова, въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію о разграбленіи его башкирцами и объ обидахъ, нанесенныхъ ему приверженцами Пугачева.

«Въ прошломъ 1772 году» — доноситъ Кликуновъ — «находился я, поименованный, для помыканія къ охотѣ Ея Императорскаго Величества птицъ, то-есть кречетовъ и ихъ челиговъ, въ Исецкой провинціи, около Уской крѣпости, въ командѣ старосты Ивана Смирнаго, по наловленіи которыхъ въ декабрѣ мѣсяцѣ и отправлены мы отъ Исецкой Провинціальной Канцеляріи въ Казанскую Губернскую Канцелярію. Будучи жъ въ пути, за болѣзнію моею, оставленъ я означеннымъ старостою Смирновымъ провинціи въ Кундровинскомъ селѣ съ даннымъ мнѣ отъ онаго старосты Смирнова письменнымъ наставленіемъ съ тѣмъ, чтобъ я, по выздоровленіи моемъ, явился въ Казанскую Губернскую Канцелярію, за которою болѣзнью и находился въ той Кундровинской слободѣ 1773 года по сентябрь мѣсяцъ, а въ сентябрѣ мѣсяцѣ для помыканія таковыхъ же птицъ въ Исецкой провинціи отправленъ былъ изъ Казанской Губернской Канцеляріи староста Василій Лавровъ съ товарыщи (не забудемъ, что въ это время Чебоксарскіе помытчики были освобождены отъ ловли и, вмѣсто нихъ, послали другихъ), у котораго и явился, и находился со онымъ старостою Лавровымъ при помыканіи тѣхъ птицъ въ Исецкой провинціи, у заимка капитана Ларіонова Черемисинова. При наловленіи жъ оныхъ птицъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ и отправлены они отъ Исецкой Провинціальной Канцеляріи въ Казанскую Губернскую Канцелярію. Будучи жъ въ пути въ Уфимской провинціи, въ Башкирской деревнѣ Килдіяръ, старшины, туманчи и сотника Килдіяръ (?), означеннымъ старостою Лавровымъ, за усталью имѣющихся у него подводъ, оставлены, гдѣ и требовалъ отъ той деревни отъ означеннаго сотника Килдіара за наемъ подводъ. А между тѣмъ, ѣхавъ онаго же сотника Килдіара команды Башкирцевъ большое собраніе, кои взяли меня въ свои тиранскія руки и били немилостиво, и разграбили у меня денегъ и прочаго экипажу немалое число, и содержали меня связаннаго три дня, а потомъ, по приказанію того жъ сотника Килдіара, развязанъ былъ и ходилъ дни съ два за карауломъ, изъ-подъ котораго бѣжалъ и вышелъ въ Станкинской заводъ, явясь того завода приказчику Степану Моисееву и оттуда отправился въ село Кундровинское и тутъ явился находящемуся съ рекрутскою командою Верхоянцкаго баталіона прапорщику Алексѣю Пахомову, отъ котораго и отправленъ къ господину, къ Статскому Совѣтнику и бывшему въ тогдашнее время въ Исецкой провинціи воеводѣ Алексѣю Петровичу Веревкину, и обо всемъ вышеписанномъ случившемся надо мною несчастіи объявилъ. А потомъ отъ него, господина Статскаго Совѣтника и Исецкой провинціи воеводы, отправленъ былъ въ показанное жъ село Кундровинское, съ тѣмъ, чтобы находящійся во оном съ рекрутскою командою прапорщикъ Пахомовъ слѣдовалъ въ Челябу, а я, по приказу онаго воеводы Веревкина, остался въ селѣ Кундровинскомъ, гдѣ и находился.

«А прошлаго 1774 года, декабря 10 дня, пріѣхалъ нечаянно, въ ночное время, во оное жъ село Кундровинское государственнаго злодѣя Пугачова полковникъ Грязновъ съ толпою своею, коимъ я и взятъ былъ въ полонъ и едва отъ висѣлицы избавленъ, и жилъ во оном селѣ за карауломъ марта по 30 число; а того марта 30 числа взятъ былъ отъ онаго села и изъ оной злодѣйской толпы сотникомъ Алексѣемъ Звѣревымъ въ Челябу, гдѣ и былъ до самаго прибытія Володимерскаго полку господина секундъ-маіора Гагрина, подъ скрытіемъ у казака Епифана Ефимова. По разбитіи жъ оной злодѣйской толпы, явился я къ господину маіору Гагрину, у коего находился въ командѣ съ протчими находящимися въ командѣ его, Гагрина, служащими, гдѣ исправлялъ должность такую жъ, какъ и состоящіе у него, Гагрина, служащіе. И какъ оный маіоръ Гагринъ выступилъ изъ Челябы въ походъ, то я Исецкой Провинціальной Канцеляріи воеводою и отправленъ въ Казанскую Губернскую Канцелярію и во все вышеписанное мое странствованіе, за вышеписаннымъ разграбленіемъ моего экипажа и денегъ, какъ въ одеждѣ, такъ и въ пищѣ претерпѣваю крайнюю нужду.

«Того ради Оберъ-Егермейстерскую Контору всепокорно прошу и изслѣдованія въ вышеписанномъ причиненномъ мнѣ въ деревнѣ Килдіяръ Башкирцами грабежѣ моего экипажа и денегъ и о возвращеніи онаго мнѣ, именованному, въ Уфимскую Провинціальную Канцелярію послать указъ, дабы я отъ того ихъ грабежа не пришелъ въ самую нищету и разореніе. А что именно тѣми Башкирцами разграблено у меня, именованнаго, тому при семъ пріобщаю реестръ.

«Денегъ, гербъ подъ золотомъ, тулупъ овчинной, камзолъ съ штанами суконные, два плата: шелковой и бумажной, шапка кунья съ рукавицами, кушакъ травчатой, сапоги съ чулками, шесть паръ рубахъ съ портками, двѣ куницы, три мерлушки Бухарскія, перстень серебряной подъ золотомъ, двѣ подушки пуховыя да кошма, ружье, сабля, крестъ серебряной, инструментъ для помыканія птицъ». (Тамъ же, оп. 72, д. № 8).

[459]) Въ началѣ XVIII столѣтія размѣръ субсидіи помытчикамъ на ловлю и перевозку кречетовъ нѣсколько измѣнился; на постройку судовъ и на заготовку припасовъ стали выдавать на человѣка, вмѣсто семи рублей—только пять, а подводы наряжались не на двухъ человѣкъ, а на шесть. Новая мѣра привела къ тому, что многіе изъ Двинскихъ помытчиковъ стали уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, вслѣдствіе чего и уловъ кречетовъ становился изъ года въ годъ все меньшимъ и меньшимъ. Тогда Государь Петръ Алексѣевичъ приказалъ въ 1719 году

выдавать Двинскимъ помытчикамъ все то, что они получали издревле, безъ убавки, такъ какъ въ птицахъ ощущался на Семеновскомъ потѣшномъ дворѣ недостатокъ.

Послѣдній указъ не только не соблюдался въ точности, но даже Архангельскій Вицъ-Губернаторъ Ладыженскій, судя по поданной на него въ 1723 году челобитной Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ, велѣлъ брать съ нихъ всякія подати и солдатскіе наборы наравнѣ съ черносошными пашенными крестьянами, билъ ихъ на правежѣ, держалъ за караулами и разорялъ дома ихъ, отчего они отъ кречетьяго промысла отстали.

Въ слѣдующемъ 1724 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, Ладыженскому было предписано немедленно донести Преображенскому приказу, на какомъ царскомъ указѣ основываетъ онъ свои, вышеуказанныя распоряженія, и какіе поборы и подати были имъ «доправлены» на Двинскихъ помытчикахъ.

Ладыженскій на предписаніе это не отвѣтилъ вовсе, а въ маѣ того же года въ Преображенскій приказъ было доставлено почтою новое прошеніе Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ, въ которомъ они указывали, что въ томъ году на строеніе морскихъ судовъ съ припасами и на хлѣбные запасы имъ не дали положенныхъ денегъ совершенно, почему отправиться на кречетій промыселъ имъ не съ чѣмъ, между тѣмъ какъ время къ отправкѣ приспѣваетъ.

Къ этому помытчики добавили, что за время съ 1718 по 1724 г. съ нихъ было доправлено всякихъ податей въ равенствѣ съ черносошными крестьянами, что на 1724 г. они уплатили по 40 алтынъ съ человѣка, и что по мартовскому указу никакихъ распоряженій не послѣдовало.

Гр. Г. Г. Орловъ, съ оф. Е. Чемесова, по рис. Н. Девельи.

Вскорѣ отозвался и Ладыженскій, объяснившій отказъ въ выдачѣ денегъ помытчикамъ указомъ Статсъ-Конторы, коимъ предписывалось не выдавать никакихъ денегъ и никому безъ спеціальнаго ассигнованія этой Конторы, а отказъ въ выдачѣ подводъ для привоза уловныхъ птицъ въ Москву—указомъ Правительствующаго Сената не брать съ Двинскихъ жителей никакихъ поборовъ, кромѣ восьмигривеннаго подушнаго оклада.

30 іюня Преображенскій приказъ отправилъ преморію Статсъ-Конторѣ съ требованіемъ сдѣлать распоряженіе объ удовлетвореніи законныхъ, по силѣ прежданныхъ указовъ Государя, претензій Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ, а Ладыженскому былъ высланъ Высочайшій указъ о немедленномъ снаряженіи въ путь помытчиковъ на кречетій промыселъ.

За симъ вопросъ о правахъ и обязанностяхъ Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ былъ оставленъ въ прежнемъ положеніи впредь до особаго о томъ Высочайшаго повелѣнія. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52—752, д. № 521).

[460]) 25 іюня 1731 г. были установлены вполнѣ опредѣленно права и обязанности Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ. Сенатскій указъ отъ этого числа гласитъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Правительствующій Сенатъ приказали: по доношенію Архангелогородской губерніи, Двинскимъ кречетнымъ помытчикамъ птицъ ловить и въ Москву привозить означенное въ доношеніи Генералъ-Лейтенанта графа фонъ Левенвольда число, а именно по 20 кречетовъ да по 30 челиговъ кречетьихъ повсягодно бездоимочно. А за уловъ тѣхъ птицъ и на строеніе и починку судовъ и на покупку всякихъ снастей и провіанта и для отвоза въ Москву на покупку жъ саней и на кормъ и на прочіе расходы и, вмѣсто преждеопредѣленнаго жалованья и другихъ бывшихъ расходовъ, давать имъ за кречетовъ цвѣтныхъ по 6 рублей, простыхъ по 5 рублей, за челиговъ цвѣтныхъ по 4 рубля, а за простыхъ по 3 рубля за птицу; и тѣхъ денегъ, при отправленіи ихъ для лову тѣхъ птицъ, выдавать половину, а другую по привозѣ тѣхъ птицъ къ Москвѣ; и ловить имъ тѣхъ птицъ въ угодьяхъ всякихъ чиновъ людей безвозбранно, а подушныя деньги и рекрутъ платить имъ по прежнему». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 5791).

Указъ этотъ оказался нѣсколько неудобнымъ для помытчиковъ, которые въ томъ же году заявили, что, вслѣдствіе постановленія выдавать имъ на мѣстѣ лишь половину слѣдуемыхъ денегъ,

имъ кормить пойманныхъ птицъ, дѣлать путевыя сани и отвозить кречетовъ въ Москву на свой коштъ «за скудостью ихъ ни при которой мѣрѣ невозможно».

Тогда Сенатъ, указомъ отъ 29 ноября того же года, приказалъ необходимыя на сказанныя потребности деньги выдать имъ въ Архангельскѣ со строгимъ расчетомъ, сколько имъ денегъ нужно въ дѣйствительности, изъ второй половины положенной для того суммы, но не полностью вторую половину. Остальныя, причитающіяся деньги они все-таки должны были получать въ Москвѣ, причемъ въ случаѣ если помытчики не привезутъ положеннаго количества кречетовъ, то за недоставленныхъ должны быть удерживаемы соотвѣтственныя деньги (въ половинномъ, какъ увидимъ ниже, размѣрѣ количества, положеннаго за живыхъ птицъ).

Деньги въ Архангельскѣ выдавались изъ наличныхъ казенныхъ суммъ за счетъ Статсъ-Конторы, а въ Москвѣ изъ Статсъ-Конторы. (Арх. Мин. Юст. въ Москвѣ; дѣла Сената 1731 г., № 131 и Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 2833).

[461]) Въ февралѣ 1726 года Императрицѣ Екатеринѣ I подана была слѣдующая интересная челобитная:

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна, Самодержица Всероссійская. Бьетъ челомъ города Чебоксаръ птичей помытчикъ Михайло Лукьяновъ сынъ Алаторцевъ. О чемъ мое челобитье, тому слѣдуютъ пункты:

1) Тому лѣтъ сорокъ и больше служу я Вашему Императорскому Величеству въ птичьихъ помытчикахъ съ дѣтьми своими.

2) И въ прошлыхъ годѣхъ тѣ птицы привозилъ къ Москвѣ и отдавалъ въ Казанскій дворецъ.

3) А какъ состоялися губерніи, и тѣ птицы принимали у меня въ Казани и въ то время я Вашего Императорскаго Величества жалованье получалъ.

4) А какъ по Вашего Императорскаго Величества указу состоялась Свіяжская провинція, и тѣ птицы принимаютъ у меня съ дѣтьми моими въ томъ городѣ Свіяжскѣ.

5) А за тѣми птицами хожу я съ дѣтьми своими съ великою нуждою въ полугоду и больше, и тѣхъ птицъ помыкаемъ на Волгѣ, на луговой сторонѣ и на нагорной, и пойманныхъ птицъ кормимъ, а кормъ имъ покупаемъ на свои деньги.

6) И за тѣми птицами, по Вашего Императорскаго Величества указу, посылаютъ насъ въ Астрахань и къ хану Юкѣ Ловчиковъ.

7) А пашенной земли и сѣнныхъ покосовъ и никакихъ угодій, отъ чего бы намъ пропитаніе имѣть, нигдѣ намъ не дано ни единыя четверти.

8) Да съ меня жъ и съ дѣтей моихъ города Чебоксаръ земскіе комисары берутъ подушный окладъ и всякіе разные поборы и съ торгу спрашиваютъ десятой деньги, а я и отецъ мой и дѣти въ посадѣ никогда не бывали и не написаны.

9) А я и дѣти мои никакаго торгу не имѣемъ, кромѣ самаго малаго съѣстнаго харчу, и то бываетъ временемъ, а не всегда, только промежъ птичья промыслу; а когда я со птичья промыслу со птицами въ домъ свой пріѣду, и оные бурмистры сажаютъ дѣтей моихъ въ земскую избу и держатъ въ цепи и въ желѣзахъ, и тѣмъ они, бурмистры, въ тѣхъ птицахъ чинятъ мнѣ великую утрату и помѣшательство.

10) Чтобъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было тѣ птицы возить, кречеты и соколы, къ Москвѣ въ Преображенской приказъ, а за службишки мои чтобъ Вашего Императорскаго Величества указомъ того подушнаго окладу и никакихъ разныхъ поборовъ и въ даточные въ рекруты съ меня и съ дѣтей моихъ не спрашивать, а сыщики бъ и переписчики, и земскіе бурмистры судомъ и расправою мимо Преображенскаго приказу, меня съ дѣтьми ни въ чемъ не вѣдали, чтобъ мнѣ и дѣтямъ моимъ въ конецъ не разориться и отъ того птичья лову не отбыть, и о томъ изъ Преображенскаго приказу дать мнѣ Вашъ Императорскаго Величества указъ съ прочетомъ». (Тамъ же, оп. 52—752, д. № 549).

Резолюція по этой челобитной намъ неизвѣстна.

[462]) Въ началѣ сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія привозимыхъ помытчиками птицъ предписывалось сдавать въ Москвѣ въ Правительствующій Сенатъ. Правило это было уничтожено въ январѣ мѣсяцѣ 1745 года вслѣдствіе челобитной Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ, Ивана Юрьева съ товарищами, поданной въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, въ которой челобитчики излагали, что отправленные въ 1744 году изъ Архангельска съ двадцатью девятью пойманными кречетами и двадцатью пятью челигами кречетьими, привезли они въ Москву живыхъ 24 кречета и 12 челиговъ кречетьихъ и намѣревались, согласно указу, отдать этихъ птицъ въ Сенатъ, но за отбытіемъ послѣдняго до ихъ пріѣзда въ С.-Петербургъ, были принуждены держать этихъ птицъ на своихъ квартирахъ, гдѣ «къ содержанію оныхъ удобныхъ мѣстъ не имѣется», довольствуя кречетовъ на свой счетъ и неся поэтому «напрасный убытокъ». Опасаясь къ тому же, чтобы неудобство помѣщенія привезенныхъ птицъ не было причиной ихъ гибели, помытчики просили о пріемѣ отъ нихъ кречетовъ и о выдачѣ за птицъ установленной платы, причитавшейся

имъ по дѣйствовавшимъ въ то время указамъ за вычетомъ суммъ, отпущенныхъ имъ изъ Архангельской Губернской Канцеляріи при отправкѣ сначала на промыселъ, а затѣмъ въ Москву.

Удовлетворивъ ходатайство просителей, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія вмѣстѣ съ тѣмъ вошла съ представленіемъ въ Московскую Контору Сената, «дабы во оную Архангелогородскую и въ прочія губернскія и провинціальныя канцеляріи Правительствующаго Сената отъ Конторы повелѣно было подтвердить указами, чтобы впредь такія уловныя птицы и звѣри, принадлежащіе къ охотѣ Ея Императорскаго Величества, присылались бы прямо въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, дабы оттого напраснаго затрудненія не происходило. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 10).

Памятникъ гр. Г. Г. Орлову, въ Царскомъ Селѣ, съ аквар. К. Майера.

Означенное ходатайство Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи Сенатскою Конторою было уважено. (Тотъ же Арх., оп. 64, д. № 11).

463) Въ апрѣлѣ того же года Вологодскіе помытчики Комельской трети, деревни Климовой, Блазны тожъ, Алексѣй Ивановъ съ товарищами, привезли въ Семеновское на Потѣшный дворъ 7 ловчихъ птицъ, въ томъ числѣ сокола дикомыта съ ножною болѣзнью и ястреба молодика съ заломинами въ крыльяхъ и въ хвостѣ, причемъ послѣднія птицы, по заключенію статейничаго птичьей охоты Редрикова, оказались негодными. Оберъ-Егермейстерская Контора, приказавъ здоровыхъ птицъ зачислить на довольствіе, предписала птицъ больныхъ не принимать и казеннаго корму на нихъ напрасно не тратить, а помытчикамъ Иванову съ товарищами «за слабое ихъ смотрѣніе и нерадѣніе учинить наказаніе, бить батажьемъ нещадно, дабы впредь они и

прочіе той волости помытчики, которые со птицами въ Москву отправлены будутъ, оныхъ птицъ въ пути во всякомъ береженіи и къ Москвѣ ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ отдавали въ цѣлости». Вмѣстѣ съ симъ помытчикамъ велѣно было объявить, что въ случаѣ повторенія привоза въ Семеновское на потѣшный дворъ больныхъ птицъ, съ ними будетъ за то поступлено безъ всякаго упущенія, а для изслѣдованія причинъ неисправности Вологодскихъ помытчиковъ было приказано Вологодской провинціальной Канцеляріи выслать въ Оберъ-Егермейстерскую Контору старосту и лучшихъ помытчиковъ немедленно. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 1758).

[464]) Въ ноябрѣ того же 1775 года помытчики Кокшайскаго уѣзда, староста Емельянъ Михайловъ съ товарищами, доносили Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что было велѣно имъ «въ удобное время ловить кречетовъ и челиговъ кречетьихъ», что они съ 1 сентября по 1 ноября «къ поимкѣ помянутыхъ птицъ всеусердно стараніе имѣли» и что, несмотря на все это, все же таки ничего не поймали, «понеже въ самое то время, когда бываетъ ловъ птицамъ, отъ воли Божьей былъ мракъ». Кромѣ того, ловля ихъ отличалась такою неудачею «за упадкомъ въ скоромъ времени снѣгу», а также благодаря тому обстоятельству, что изъ шести человѣкъ ихъ, помытчиковъ, выходившихъ на промыселъ въ прежніе годы, двое умерли, а двое за старостью стали къ помыканію птицъ неспособны и въ этомъ году на ловлю не выходили вовсе. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 71).

[465]) Къ періоду времени около 1726 года относится весьма много документовъ, гласящихъ объ уловѣ птицъ и о привозѣ ихъ въ Москву, въ Семеновское на потѣшный дворъ, Двинскими кречетьими помытчиками. Свѣдѣнія эти весьма объемисты, но не представляютъ собою особаго интереса, такъ какъ являются повтореніемъ того, о чемъ мы уже говорили выше съ весьма незначительными и несущественными измѣненіями. Не передавая поэтому содержанія сказанныхъ документовъ, отмѣтимъ только одинъ любопытный фактъ:

Въ 1726 году Двинскими кречетьими помытчиками, отправленными изъ Архангельска съ 52 ловчими птицами, а именно съ 23 кречетами и 29 челигами кречетьями, размѣщенными на 17 саняхъ съ окутками, было доставлено въ Семеновское на потѣшный дворъ живыхъ птицъ только 40, а саней 13. Помытчиковъ этихъ, ватащиковъ Ивана Юрьева, Семена Макарьина, Семена Нагова и Ивана Кустова, велѣно было допросить въ Преображенскомъ приказѣ подъ страхомъ смерти, отчего умерло у нихъ въ дорогѣ 12 птицъ и куда они дѣли четверо саней. Ватащики отвѣчали, что, «ѣдучи отъ города Архангельска до Вологды, померло у нихъ въ декабрѣ 1725 года въ разныхъ числѣхъ, а подлинно они сказать не упомнятъ, два кречета молодиковъ да пять челиговъ кречетьихъ, да на Вологдѣ умеръ кречетъ дикомыть сѣрый, да челигъ кречетій молодикъ сѣрый, а съ Вологды ѣдучи, умерло три челига кречетьихъ сѣрыхъ молодиковъ, всего двѣнадцать птицъ, а померли оныя птицы отъ большихъ морозовъ, а не отъ безкормицы ихъ, помытчиковъ, а по тѣмъ умершимъ птицамъ, что которая птица въ которомъ мѣсяцѣ и числѣ умерла, тому при помытчикахъ письменной записки не имѣлось и нынѣ нѣтъ, для того въ прошедшихъ годѣхъ дѣды и отцы ихъ отъ города въ Москву съ такими же птицами присыланы въ Москву, и у нихъ въ дорогѣ многія птицы помирали жъ и въ которыхъ мѣсяцахъ и числѣхъ и отчего, такъ и у нихъ помытчиковъ . . . . . допросовъ не бывало: что какихъ живыхъ и мертвыхъ у нихъ въ привозѣ будетъ, то число и примутъ, и въ томъ пріемѣ давались имъ изъ Преображенскаго приказу за судейскими руками отписки; также что и саней съ ними въ присылкѣ бывало, того всего у нихъ, помытчиковъ, не требовали». Относительно утерянныхъ четверыхъ саней помытчики отвѣчали, что, «ѣдучи отъ города до Вологды по землѣ, а снѣгу не было, и у тѣхъ саней полозья и вязья изломались, и тѣ ломанныя сани и съ окутки по дорогамъ разбросали и покидали». (Тамъ же, оп. 52—752, д. № 567).

[466]) Въ томъ же году, въ іюлѣ мѣсяцѣ помытчики Бѣлозерскаго уѣзда, деревни Большаго Закосья, Павелъ Ивановъ съ товарищами, да Чаранской округи, Кольнобольской волости, деревни Садилова, Макаръ Трофимовъ съ товарищами, привезли въ Семеновское на потѣшный дворъ 13 ловчихъ птицъ, изъ которыхъ одинъ соколъ дикомыть оказался мертвымъ. Опасаясь привода къ отвѣту за упалую птицу, помытчики самовольно уѣхали изъ Москвы въ свои деревни, каковое обстоятельство, въ связи съ установленіемъ факта привоза этими помытчиками значительно меньшаго противу прежнихъ годовъ количества ловчихъ птицъ, побудило Оберъ-Егермейстерскую Контору сдѣлать распоряженіе о высылкѣ Иванова и Трофимова, а съ ними по одному лучшему помытчику, обратно въ Москву для допроса въ названной Конторѣ. Любопытнымъ въ данномъ случаѣ нужно признать то обстоятельство, что Бѣлозерской Провинціальной Канцеляріи предписывалось, по объявленіи помытчикамъ приведеннаго приказанія, взять съ нихъ реверсъ въ обезпеченіе исполненія ими рѣшенія Конторы. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

Лѣтомъ того же 1750 года Вологодскіе помытчики, Матвѣй Емельяновъ съ товарищами, представили въ Семеновское на потѣшный дворъ 4 соколовъ дикомытей. Помытчикамъ этимъ приказано было «за малый ими въ нынѣшнемъ 750 году тѣхъ птицъ приносъ учинить наказанье,

бить батажьемъ и при томъ подтвердить, чтобы они впредь оныхъ птицъ ловили съ крайнимъ радѣніемъ. Ежели жъ они впредь къ ловлѣ показанныхъ птицъ стараться не будутъ, то за то съ ними поступлено будетъ (по) силѣ Ея Императорскаго Величества указовъ, безъ всякаго упущенія.

Въ томъ же году Суздальскаго уѣзда, Гавриловской слободы, села Володятина сокольи помытчики, Парамонъ Игнатьевъ и Алексѣй Степановъ, донесли Оберъ-Егермейстерской Конторѣ о недопускѣ ихъ, несмотря на послѣдовавшій ранѣе по этому же предмету указъ, къ ловлѣ кречетовъ, соколовъ и ястребовъ въ угодья помѣщика Янинкова. Оберъ-Егермейстерская Контора разсудила послать въ мѣстную Провинціальную Канцелярію вторичный указъ, приказавъ, кромѣ того, по дѣлу «сыскать и о вышеписанномъ изслѣдовать и при томъ ему, Янинкову, подтвердить наикрѣпчайше подъ штрафомъ». (Тамъ же).

Въ январѣ 1751 года Двинскіе кречетьи помытчики, Петръ Юрьевъ, Андрей Антипинъ и Егоръ Амосовъ съ товарищами, доставили въ Москву 43 ловчихъ птицы, въ томъ числѣ показали 27 кречетовъ и 16 челиговъ кречетьихъ. По осмотрѣ птицъ въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ, оказалось, что дорогою померло два кречета и три челига кречетьихъ, да одинъ изъ объявленныхъ кречетовъ оказался челигомъ. За послѣднихъ птицъ Оберъ-Егермейстерская

Иллюминація дороги въ Царское Село, по случаю пріѣзда принца Генриха Прусскаго, съ гр. А. Колпашникова.

Контора приказала удержать съ помытчиковъ 10 руб. 50 коп., сообщивъ объ этомъ Статсъ-Конторѣ и Архангельской Губернской Канцеляріи, первой для уплаты остальныхъ слѣдуемыхъ помытчикамъ денегъ, а второй для свѣдѣнія. (Тотъ же Арх., оп. 52, д. № 2833).

Изъ приведеннаго расчета удержанія съ помытчиковъ денегъ за умершихъ въ дорогѣ птицъ явствуетъ, что таковое удержаніе производилось въ половинномъ размѣрѣ, то-есть что за умершихъ въ дорогѣ птицъ платили половину платы, положенной за живыхъ птицъ. Дѣйствительно: какъ было сказано выше, за простыхъ кречетовъ Двинскіе помытчики получали по 5 р. и за челиговъ кречетьихъ по 3 руб. Мертвыхъ птицъ оказалось: кречетовъ 2, челиговъ 3, да одинъ кречетъ оказался челигомъ. Если бы эти птицы были живыми и не произошло бы ошибки, помытчикамъ причиталось бы 2×5 р.+3×3 р.+5 р.—2 р.=22 р. Удержано же съ нихъ 10 р. 50 к.

Въ концѣ февраля 1751 года, несмотря на приведенный выше указъ, посланный Оберъ-Егермейстерскою Канцеляріею въ Казанскую Губернскую Канцелярію въ началѣ 1750 года и несмотря на то обстоятельство, что тогда «къ приносу птицъ удобное время уже наступало», птицъ изъ Казанской губерніи еще не выслали, отчего, по заключенію Оберъ-Егермейстерской Конторы, «въ будущее лѣтнее время во птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ, конечно, послѣдовать можетъ немалый недостатокъ». Контора разсудила послать въ Казанскую Губернскую Канцелярію

Ея Императорскаго Величества указъ, «по которому велѣть всѣхъ той губерніи помытчиковъ, сколько у кого птицъ въ уловѣ имѣется, выдавъ за уловъ тѣхъ птицъ, кому что надлежитъ, по указанной цѣнѣ деньги выслать съ первостатейными людьми, не пріемля отъ нихъ никакихъ отговорокъ въ Москву ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ безъ всякаго продолженія, дабы оная Канцелярія за нескорую объявленныхъ помытчиковъ въ Москву съ птицами высылку не могла понести штрафа», донеся при этомъ по командѣ и о причинѣ, почему пойманныя птицы до сего времени не были высланы. «А ежели жъ, паче чаянія, у которыхъ помытчиковъ птицъ въ уловѣ ничего не имѣется, то потому жъ первостатейныхъ людей для изслѣдованія о томъ выслать въ Москву, въ Оберъ-Егермейстерскую Контору безъ замедленія». (Тамъ же).

Вскорѣ послѣ этого изъ Казанской губерніи было доставлено 5 ловчихъ птицъ: 2 кречета и 3 челига кречетьихъ, но такъ какъ по справкѣ оказалось, что въ прежніе годы «приносъ бывалъ хотя и не довольный, а не такой, какъ нынѣ, въ приносѣ только 5 птицъ», то Оберъ-Егермейстерская Контора послала въ Казанскую Губернскую Канцелярію новый указъ, въ которомъ, въ общемъ подтверждая уже приведенное нами выше, обращала вниманіе канцеляріи на «слабое оной губерніи тѣхъ помытчиковъ понужденіе», а также наикрѣпчайше подтверждала, дабы помытчикамъ «впредь птицъ помыкать съ прилежаніемъ нелѣнностно и ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ приносить въ удобное время, не такъ какъ въ нынѣшнемъ 751 году». (Тамъ же).

[467]) Въ маѣ 1736 года Оберъ-Егермейстеръ Волынскій доносилъ Правительствующему Сенату, что въ томъ году принято было ко птичьей Ея Величества охотѣ въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ отъ Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ 72 ловчихъ птицы, въ томъ числѣ 44 кречетовъ и 28 челига кречетьихъ, и что при сдачѣ птицъ помытчики подали слѣдующее прошеніе:

Въ 1735 году поймано у нихъ было 82 птицы, изъ которыхъ въ пути умерло 10. За птицы эти имъ причиталось получить 346 рублей, но получили они въ Архангельскѣ всего 185 р. 50 к. Кромѣ того, въ 1734 году имъ было недодано за привозъ птицъ 20 рублей на основаніи того, что нѣкоторыя птицы умерли дорогою и что число привезенныхъ птицъ не соотвѣтствовало положенному. Отъ подобной недодачи 181 рубля «пришли они въ самое убожество, за которымъ случаемъ идти имъ въ нынѣшнемъ году ловить птицъ невозможно», тѣмъ болѣе что ихъ, помытчиковъ, записано въ подушный окладъ 85 душъ, изъ котораго числа померло, на морѣ при птичьихъ промыслахъ потонуло и взято въ рекруты 28 душъ.

Оберъ-Егермейстеръ требовалъ, чтобы помытчикамъ были выданы сполна всѣ слѣдуемыя имъ деньги и чтобы они были исключены изъ подушнаго оклада, «а впредь, когда оные помытчики для ловли птицъ будутъ отправляться, водяныя суда и прочее, что кому будетъ потребно строить, также когда возвратятся съ пойманными птицами къ городу Архангельску, и съ тѣми птицами въ Москву (поѣдутъ), путевыя сани и кормъ птицъ и на ямскія подводы прогонныя деньги выдавать изъ Архангелогородской губернской канцеляріи, какъ прежде по указамъ было повелѣно, а вмѣсто жалованья, что онымъ давано было въ годъ по 5 рублей каждому человѣку, за пойманныхъ птицъ, сколько впредь отъ нихъ въ Москву привезено и на Семеновскій потѣшный дворъ принято будетъ, давать противъ нынѣшней дачи вполы, а именно: за кречетовъ цвѣтныхъ по 3, за простыхъ по 2 рубля 50 копеекъ, за челиговъ кречетьихъ за цвѣтныхъ по 2 рубля, за простыхъ по 1 рублю 50 копеекъ за птицу».

Однако, несмотря на это требованіе Волынскаго, Правительствующій Сенатъ постановилъ сохранить и на будущее время въ силѣ вышеприведенный Сенатскій указъ отъ 25 іюня 1731 г., присовокупивъ только при этомъ, что, «буде у нихъ въ уловѣ птицъ сверхъ обыкновеннаго числа будетъ и оныя, по отдачѣ въ Москвѣ указаннаго числа, останутся, продавать ихъ кому похотятъ, только при пріемѣ смотрѣть, чтобъ лучшія птицы у нихъ не оставались; а изъ подушнаго оклада ихъ, помытчиковъ, не выключать, понеже оные въ тотъ подушный окладъ положены по указу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества 1723 года генваря 9 дня».

Что же касается суммы, недоданной помытчикамъ за ранѣе пойманныхъ птицъ, то таковую Правительствующій Сенатъ приказалъ выдать полностью. (Моск. Арх. Мин. Юстиціи, дѣло 1737 года, № 7—1071 и 1-е Полн. Собр. Зак., ст. 6986).

[468]) Въ началѣ 1750 года птичьи помытчики Казанской губерніи, староста Василій Ивановъ съ товарищами, подали въ Оберъ-Егермейстерскую Контору весьма интересное прошеніе, въ общихъ чертахъ приводимое нами ниже:

На основаніи грамоты, данной этимъ помытчикамъ въ 1700 году и по Сенатскому указу 1734 года, велѣно было выдавать имъ изъ Казанской губернской Канцеляріи за уловныхъ птицъ, за кречетовъ цвѣтныхъ по 6 руб., за кречетовъ простыхъ по 5 руб., за челиговъ кречетьихъ цвѣтныхъ по 4 руб., за челиговъ кречетьихъ простыхъ по 3 руб., за бѣлыхъ ястребовъ по 60 коп. да кормовыя при перевозкѣ птицъ въ Москву деньги, по деньгѣ на каждый день каждой птицѣ.

(Помянутыхъ грамоты и указа мы не нашли). Между тѣмъ, начиная съ 1734 года, стали выдавать имъ лишь половину причитающихся за птицъ денегъ, «да и за тою половинною выдачею имѣютъ они въ той Губернской Канцеляріи хожденіе мѣсяца по два и больше». Кромѣ того, Губернская Канцелярія безъ особыхъ указовъ не отправляетъ ихъ въ Москву съ уловными птицами, принуждая тѣмъ кормить послѣднихъ мѣсяца по три и по полугоду на ихъ, помытчиковъ, счетъ. Подобное обстоятельство, а также необходимость для помытчиковъ «имѣть сидку въ подлежащихъ мѣстахъ, когда онымъ птицамъ ловъ бываетъ», то-есть въ теченіе сентября, октября и ноября мѣсяцевъ, приводитъ помытчиковъ «въ самое убожество и скудость», а нѣкоторые изъ ихъ братьи едва пропитаніе имѣютъ. Результатомъ такого положенія вещей явился весьма малый приносъ птицъ въ Семеновское на потѣшный дворъ въ томъ 1750 году, такъ какъ изъ Казани, Свіяжска, Сандыри и Чебоксаръ было доставлено лишь 15 птицъ «противъ прошлыхъ лѣтъ со уменьшеніемъ», а изъ Козьмодемьянска птицъ не было доставлено вовсе, «отъ чего при птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ впредь послѣдуетъ конечно недо-

Вельботъ Императрицы Екатерины II на озерѣ Царскаго Села.

статокъ, ибо по употребленію въ охотѣ Ея Императорскаго Величества лучшимъ и надежнымъ птицамъ уловъ бываетъ изъ помянутой Казанской губерніи; отъ чего оная Ея Императорскаго Величества охота впредь къ лучшему Ея Императорскаго Величества увеселенію въ надлежащемъ состояніи и порядкѣ быть не можетъ».

Помытчики просили возстановить ихъ права и предписать Казанской Губернской Канцеляріи оставить на будущее время ея «невозможности».

По справкѣ, данной по означенному прошенію Статейничимъ Василіемъ Редриковымъ, оказалось, что хотя въ 1750 г. изъ Казанской губерніи и было доставлено 15 ловчихъ птицъ, но между ними находились соколы осенчаки, которые «при птичьей охотѣ быть негодны», почему Редриковъ, съ своей стороны, ходатайствовалъ о запрещеніи на будущее время Казанскимъ сокольимъ помытчикамъ ловить сказанныхъ соколовъ, безъ особаго указа Оберъ-Егермейстерской Конторы.

Разсмотрѣвъ вышеизложенное, Оберъ-Егермейстерская Контора «разсудила» подтвердить наикрѣпчайшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ Казанской Губернской Канцеляріи:

1) «Дабы помытчики впредь къ лучшему Ея Императорскаго Величества увеселенію показанныхъ птицъ уловъ, кромѣ показанныхъ соколовъ, имѣли въ надлежащее время, по силѣ прежнихъ указовъ, безлѣнностно, и уловныхъ птицъ изъ той губерніи, по силѣ прежнихъ о томъ указовъ, присылать въ Москву, какъ отъ помытчиковъ объявлены будутъ, въ немедленномъ времени, опасая себя, оную Казанскую Губернскую Канцелярію, за нескорое тѣхъ птицъ въ Москву отправленіе штрафа . . . . .

2) Козьмодемьянскихъ помытчиковъ, ежели у оныхъ помытчиковъ уловныя въ прошломъ 1749 году птицы имѣются, велѣть въ Москву ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ выслать въ немедленномъ времени; буде же, паче чаянія, у оныхъ помытчиковъ въ томъ 1749 году птицъ въ уловѣ не имѣлось, за то имъ въ той губерніи учинить наказаніе, бить ботажьемъ нещадно и накрѣпко подтвердить, чтобы птицъ помыкали и къ Москвѣ ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ приносили по вся годы въ надлежащее удобное время бездоимочно, и для того объявленныхъ помытчиковъ къ улову птицъ понуждать съ каждаго двора или отъ семьи по человѣку; а ежели оною Казанскою губерніею усмотрѣно будетъ, что помытчики въ уловѣ тѣхъ птицъ, конечно, слабо и нерадительно поступаютъ, и съ котораго двора или отъ которой семьи кого на уловѣ птицъ въ удобное время не будетъ, за то ихъ штрафовать по указамъ безъ упущенія, и о томъ Оберъ-Егермейстерскую Контору репортовать».

3) За уловныхъ деньги выдавать, по силѣ указовъ Ея Императорскаго Величества, сполна. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 1758).

469) 9 января 1723 года воспослѣдовалъ Сенатскій указъ «помытчиковъ и дѣтей ихъ, которые имѣютъ землю, числить противъ однодворцевъ и въ расположеніе полковъ въ подушный окладъ съ прочими класть на ряду». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 78, д. № 158).

470) Въ іюнѣ 1724 года подали Императору Петру Великому челобитную и Переяславль-Залѣсскіе сокольи помытчики. Въ челобитной этой, въ общемъ, они указывали, что издревле, по именнымъ предковъ Его Величества указамъ, прадѣды ихъ были пожалованы изъ безпашенныхъ дворцовыхъ крестьянъ и иныхъ чиновъ въ сокольи помытчики для ловли кречетовъ, соколовъ и челиговъ и для приносу ихъ въ Москву, что кромѣ птицъ никакихъ поборовъ и податей съ нихъ брать не велѣно, что бываютъ они «въ полевомъ сидѣньи», на ловлѣ птицъ, съ Благовѣщанья по Петровъ день, да съ Ильина дня до Покрова и больше, что для прокормленія домовъ своихъ въ промежутокъ времени между «полевыми сидѣньями» занимаются они рукодѣліями и торгуютъ въ рядахъ вмѣстѣ съ Переяславльскими посадскими людьми безъ всякаго запрещенія, такъ какъ посадскіе люди сами знаютъ, что имъ, не надѣленнымъ ни землею, ни другими какими-либо угодьями, и не получающимъ никакого жалованья, безъ торгу не прокормиться съ женами ихъ и съ дѣтьми. Порядокъ такой ихъ жизни былъ утверждаемъ неоднократно и въ тогдашнее царствованіе, несмотря на каковое обстоятельство нынѣ ихъ внесли въ перечневыя книги для обложенія восьмигривенными деньгами, наравнѣ съ прочими мѣстными тягловыми жителями, да къ тому же еще требуютъ отъ нихъ рекрутъ, взявъ ихъ подъ караулъ, при чемъ «въ день бьютъ на правежѣ, а къ ночи сажаютъ въ тюрьму и отъ того де караульнаго задержанія и правежу сокольѣ ловлѣ учинилась остановка и въ полевомъ сидѣньѣ и для сокольи ловли сидѣть стало некому». Кромѣ того, Переяславльскій ратушный бургомистръ не позволяетъ имъ ничѣмъ торговать въ рядахъ.

Помытчики просили объ уничтоженіи всѣхъ этихъ новыхъ для нихъ порядковъ и объ оставленіи ихъ на прежнемъ положеніи. (Сборн. Арх. бумагъ о Петрѣ Вел., т. II, стр. 335—340).

471) Въ томъ же 1724 году въ Преображенскомъ приказѣ слушалась челобитная и Вологодскихъ помытчиковъ, Григорія Блазнова съ товарищами, которые указывали на слѣдующее:

Еще при Іоаннѣ Васильевичѣ IV была дана предкамъ ихъ жалованная грамота, по силѣ которой съ нихъ не велѣно было брать никакихъ поборовъ, кромѣ ловчихъ птицъ. Грамоту эту подтвердили всѣ послѣдующіе государи, въ томъ числѣ и Петръ I-й. Въ 1698 и 1709 годахъ имъ было подтверждено высочайшими указами, «чтобы у нихъ, помытчиковъ, въ уловѣ птицъ множилось для нужныхъ посылокъ въ Цесарію и къ Шаху Персидскому и къ Салтану Турецкому и въ иныя государства». Между тѣмъ Архангелогородскій губернаторъ Петръ Алексѣевичъ Голицынъ посылаетъ къ нимъ переписчиковъ, которые въ ихъ деревняхъ переписали всѣхъ отъ мала до велика и нищихъ, и нужныхъ (т.-е. больныхъ), и, приравнивая ихъ къ дворцовымъ пашеннымъ крестьянамъ, кладетъ на нихъ тягло и всякія подати, отчего многіе изъ ихъ братьи, помытчиковъ, разбрелись врознь и многіе дворы стали пусты. Кромѣ того, тогдашній Вице-Губернаторъ Алексѣй Курбатовъ требуетъ отъ нихъ денежныхъ поборовъ за прежніе годы, держитъ за карауломъ, бьетъ на правежѣ и мучаетъ ежедневно безъ пощады «и съ помцовъ ихъ, помытейщиковъ, во время ловли въ городъ берутъ и соколовъ имъ, помытчикамъ, ловить въ удобное время не даютъ, и отъ того де у нихъ, помытчиковъ, чинится сокоамъ многій недоловъ, а имъ, помытчикамъ, въ оныхъ новонакладныхъ сборахъ, чего они, помытчики, изстари никогда не вѣдали, чинится всеконечное разореніе, а въ иныхъ городѣхъ ихъ братья, сокольи помытчики,

есть же, а такаго разоренія имъ нѣтъ и никакихъ новоокладныхъ податей и поборовъ съ нихъ не берутъ, а имянно сокольи помытчики изстари устроены для ловли соколовъ и живутъ безоброчно въ Московской губерніи, въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, въ Ростовѣ, въ Суздали, въ С.-Петербургской губерніи, на Бѣлоозерѣ, въ Архангельской же губерніи есть сокольи и кречетьи помытчики на Колмогорахъ и на Чаронде, и съ тѣхъ помытчиковъ также никакихъ новонакладныхъ податей не берутъ».

Кромѣ того, эти помытчики жаловались, что, несмотря на существующія правила, имъ не выдаютъ полныхъ, слѣдуемыхъ по указамъ для провоза птицъ въ Москву прогонныхъ денегъ, а для птицъ кормовыхъ денегъ, отчего они часто не могутъ выѣзжать во-время и должны дожидаться зимняго пути, во время котораго у птицъ отъ стужи крылья и хвосты заламываются, или птицы вовсе умираютъ, что и случилось въ 1709 году съ девятью птицами.

Одновременно съ этой челобитной слушалась въ Преображенскомъ приказѣ и челобитная помытчиковъ Вологодскаго же уѣзда, Комельской волости, деревни Семеновой, Кузьмы Алексѣева съ товарищами, содержаніе которой, въ общемъ, сходится съ содержаніемъ предыдущей челобитной.

Отмѣтимъ только указаніе Алексѣева на тотъ фактъ, что по прежней и по тому же вопросу челобитной Государь Петръ Алексѣевичъ, именнымъ указомъ Правительствующему Сенату, даннымъ въ 1714 году, повелѣлъ Архангельскому губернскому начальству съ Вологодскихъ помытчиковъ никакихъ новоокладныхъ поборовъ не брать и изъ табельнаго окладу ихъ выключить, «который указъ Вологодскіе управители вмѣняютъ ни во что».

Графъ Петръ Борисовичъ Шереметьевъ (галлерея Гатчинскаго дворца).

Преображенскій приказъ, предварительно какого бы то ни было рѣшенія по этому предмету, постановилъ затребовать надлежащія объясненія отъ мѣстнаго губернскаго начальства. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52—752, д. № 521).

Отъ 1781 года сохранилось извѣстіе о покупкѣ для Вологодскихъ помытчиковъ двухъ новыхъ судовъ, съ парусами, якорями и со всѣмъ такелажемъ. Суда эти назывались «Сойма», цѣнностью въ 122 руб. и «С:Петръ», стоимостью въ 150 руб. Для какой цѣли куплены эти суда—въ документѣ не указано. (Рукоп. Имп. ох.).

[472]) Въ декабрѣ того же 1726 года на Семеновскій потѣшный дворъ прибылъ помытчикъ изъ Чарандской округи Михаилъ Ѳедоровъ и представилъ отписку управителя Чаранды о посылкѣ двухъ соколовъ дикомытей суровыхъ (осенней ловли), а также двухъ другихъ птицъ.

Бывшій въ то время дневальнымъ на потѣшномъ дворѣ сокольникъ Козьма Ширковъ, осмотрѣвъ принесенныхъ птицъ, увидѣлъ, что одинъ соколъ не суровая дикомыть, а осенчакъ молодикъ и что вообще оба сокола безтѣльны и едва живы, о чемъ и донесъ по начальству во избѣжаніе личной отвѣтственности.

Допрошенный въ Преображенскомъ приказѣ помытчикъ Ѳедоровъ сказалъ, что всего у него было поймано два сокола дикомытя суровыхъ и одинъ осенчакъ молодикъ, но что изъ первыхъ одинъ соколъ померъ еще въ Чарандѣ, въ деревнѣ Пялнобовой, о чемъ управителю ихъ, Алексѣю Голосѣеву, извѣстно было, и почему Голосѣевъ отписалъ, что высылаетъ двухъ дикомытей, онъ, Ѳедоровъ, не знаетъ, тѣмъ болѣе, что отписка была ему отдана «безъ прочета», а самъ онъ человѣкъ безграмотный. О томъ, что ловить соколовъ молодиковъ и приносить таковыхъ въ Москву Чаранскимъ сокольимъ помытчикамъ не велѣно, Ѳедоровъ отозвался незнаніемъ и пояснилъ, что принесъ теперь таковаго «за умаленіемъ въ ловлѣ соколовъ дикомытей», причиною чему, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что «братья сокольи помытчики всѣ отъ правежу подушныхъ денегъ и отъ хлѣбнаго недороду разбрелись въ мірѣ и кормятся и до днесь всѣ въ мірѣ, а положенныхъ на нихъ соколовъ ловить было некому. А что де оные соколы безтѣльны—не знаетъ, а у него де въ дорогѣ ѣли все, а отчего обезтѣлили не знаетъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52—752, д. № 536).

473) Въ 1744 году Вологодскіе сокольи помытчики, Блазновъ съ товарищами, подали въ Правительствующій Сенатъ челобитную, въ которой указывали, что «въ прошломъ 7056 году, генваря 3 дня, прадѣдамъ и дѣдамъ ихъ дана жалованная грамота, по которой пожалованы они въ Вологодскомъ уѣздѣ недвижимымъ имѣніемъ, починками, мхами и болотами для помыканія кречетовъ и соколовъ и окромѣ помыканія птицъ и отвозу ихъ къ Москвѣ никакихъ поборовъ брать съ нихъ не велѣно». Въ 1724 году произведена въ ихъ мѣстахъ перепись, по которой они, помытчики, въ числѣ 197 душъ, положены были въ подушный окладъ, «изъ котораго числа нынѣ померло и отдано въ рекруты, а другіе пришли въ совершенную старость и оскудѣніе, и нищету, и многіе, покиня домы свои, разбрелись врознь и въ службу ихъ негодные, отчего имѣется немалый птицамъ недоловъ, а они, оставшіе и маломочные», въ числѣ 73 душъ, должны платить подушныя деньги и поставлять рекрутъ какъ за себя, такъ и за умершихъ, бѣжавшихъ, престарѣлыхъ. Подобное печальное положеніе привело ихъ въ самую нищету и оскудѣніе, между тѣмъ какъ соколовъ съ нихъ требуютъ попрежнему въ прежнемъ количествѣ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, Правительствующій Сенатъ «Приказали: со оныхъ просителей Вологодскаго уѣзда Комельской трети сокольихъ помытчиковъ, Михаила Блазнова съ товарыщи, по силѣ жалованной имъ грамоты и противъ прочихъ ихъ братьи рекрутъ натурою не брать, а брать, какъ и съ малопомѣстныхъ по указамъ велѣно, въ складчину деньгами, дабы оттого за оскудѣніемъ и нищетою оные не умалились и въ уловѣ ко двору Ея Императорскаго Величества птицъ остановки не было». (Подл. ук. Сен. 1744 г., № 13168; Рукоп. Имп. ох.).

Что же касается претензіи этихъ помытчиковъ о томъ, что они, въ числѣ 73 душъ, несутъ повинности за 197 душъ, то Правительствующій Сенатъ постановилъ запросить Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, сколько человѣкъ Вологодскихъ помытчиковъ занимаются ловлей соколовъ, и каково мнѣніе этой Канцеляріи по настоящему вопросу. (Тамъ же).

474) Въ 1727 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ изъ Сената Высочайшій указъ относительно дачи Двинскимъ кречетьимъ помытчикамъ денегъ на расходы по ловлѣ птицъ и по ихъ доставкѣ въ Москву «изъ остаточныхъ въ Архангелогородской губерніи за положеніемъ на Адмиралтейство противъ прежнихъ дачъ безъ излишества по разсмотрѣнію той губерніи губернатора», при чемъ тѣмъ же указомъ были затребованы свѣдѣнія, кто изъ помытчиковъ и какія имѣетъ земли, для выключенія неимущихъ изъ подушнаго оклада. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 158).

475) 24 марта 1732 года Правительствующій Сенатъ, по челобитной Переяславль-Залѣсскихъ сокольихъ помытчиковъ, приказалъ положенныхъ на нихъ указомъ Ижерской Канцеляріи полтинныхъ денегъ не взыскивать и изъ доимки выключить, оставивъ ихъ, въ числѣ 78 человѣкъ, въ подушномъ окладѣ въ Ярославскомъ пѣхотномъ полку, слѣдуя Плакату 1724 года, по которому, сверхъ подушныхъ и положенныхъ по тому Плакату денегъ, никакихъ податей брать не велѣно. (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 6006).

476) 12 іюля 1739 года Правительствующій Сенатъ постановилъ съ сокольихъ помытчиковъ города Ростова, Дмитрія Кекина съ товарищами, рекрутъ натурою не брать, «а брать какъ и съ малопомѣстныхъ по указамъ велѣно, въ складку деньгами, дабы отъ того оныхъ не умалялось, а въ ловлѣ птицъ остановки не было». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 7851).

Въ ноябрѣ того же 1744 года Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи было подано слѣдующее, не лишенное интереса, доношеніе:

«Доноситъ птичьей охоты соколій помытчикъ Петръ Емельяновъ сынъ Жилкинъ, а о чемъ мое прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1) Отецъ мой былъ города Переяславля-Залѣсскаго рыбной слободы Емельянъ Дорофѣевъ, который въ 183 году изъ оной рыбной слободы по присланной грамотѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти царя Алексѣя Михаиловича изъ Приказу Большаго Дворца взятъ былъ на мѣсто помытчика сокольной сотни Андрея Константинова въ сокольи помытчики охотою по поручной записи и по оному опредѣленію оный отецъ мой помыкалъ въ Семеновское на потѣшный дворъ соколовъ и ястребовъ съ своею братіею вмѣстѣ, и волею Божіею умре. А я, именованный, остался послѣ отца своего въ малыхъ лѣтехъ и сталъ быть въ возрастѣ, и женился, и прижилъ съ женою своею дву сыновей, Леонтія да Григорія Петровыхъ, и въ 701 году мая 27 дня я, именованный, взявъ показанную данную отцу моему грамоту, объявилъ покойному князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому, и потому я отосланъ былъ къ охотѣ въ Семеновское на потѣшный дворъ помытчикомъ, а какъ состоялась первая перепись генерала Григорія Петровича Чернышева и давали сказки, потомъ имена, наши отосланы были въ Преображенскій приказъ и смотрѣли насъ на съѣзжемъ дворѣ и записали насъ Семеновскаго потѣшнаго двора, и сказки съ насъ взяты за нашими руками, а въ подушный окладъ какъ отецъ мой Емельянъ Дорофѣевъ, такъ и я, именованный, и съ дѣтьми моими нигдѣ не положены.

2) А въ 1738 году, въ генварѣ мѣсяцѣ, подавалъ я, именованный, бывшему Волынскому доношеніе объ опредѣленіи своихъ ко птичьей охотѣ, и по тому моему прошенію опредѣленъ токмо одинъ сынъ мой Григорій Петровъ помытчикомъ, который и нынѣ Вашему Императорскому

Величеству при птичьей охотѣ служитъ безъ всякаго пороку, а я, именованный, и сынъ мой Леонтій безъ всякаго опредѣленія и безъ пашпа̀ртовъ обрѣтаемся праздно.

3) И дабы Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было мнѣ, именованному, и съ сыномъ моимъ Леонтіемъ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи дать для нашего пропитанія пашпорты до указу.

Всемилостивѣйшая Государыня, прошу Ваше Императорское Величество о семъ моемъ прошеніи милостивое рѣшеніе учинить.

Къ поданію надлежитъ въ Егермейстерскую Канцелярію».

Царскіе терема въ Московскомъ Кремлевскомъ дворцѣ, съ акварели И. Дункеръ, начала XIX ст.

Вѣроятно, челобитная эта осталась безъ послѣдствій, такъ какъ по справкѣ оказалось, что объ Жилкинѣ въ царской птичьей охотѣ никакихъ свѣдѣній не имѣется, а также, что «при оной охотѣ нужды во оныхъ не имѣется». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 64, д. № 3).

Въ ноябрѣ 1748 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія вошла въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ, въ которомъ указывала, что во время рекрутскаго набора 1747 года съ помытчиковъ брались рекруты съ немалымъ для нихъ изнуреніемъ, отчего нѣкоторые пришли въ крайнее разореніе и нищету и возбудили ходатайство, чтобы съ нихъ взимались, вмѣсто рекрутовъ, положенныя въ такихъ случаяхъ деньги, въ мѣстахъ ихъ постояннаго жительства, во избѣжаніе въ уловѣ птицъ «замѣшательства и остановки».

Сенатъ, указомъ отъ 17 ноября того же года, «Приказали: хотя вышеобъявленные сокольи помытчики, по силѣ указа 1723 года генваря 9 дня, въ подушномъ окладѣ противъ однодворцевъ состоятъ и имѣютъ (состоять?), а по указамъ Ея Императорскаго Величества рекрутскіе наборы чинятся со всѣхъ положенныхъ въ подушный окладъ, но понеже оные помытчики, сверхъ того подушнаго оклада, ко двору Ея Императорскаго Величества, по прежнимъ ихъ грамотамъ, ловя птицъ, ставить и въ Москву привозить должны, къ тому жъ находятся они въ разныхъ мѣстахъ и число душъ не великое: и того ради ..... со всѣхъ тѣхъ сокольихъ помытчиковъ, въ предбудущіе наборы рекрутъ натурою не брать, а когда рекрутскіе наборы будутъ, тогда ихъ, приписывая къ прочимъ Государственнымъ, Дворцовымъ, Монастырскимъ или помѣщиковымъ крестьянамъ, въ складку брать деньгами, по чему съ души при тѣхъ рекрутскихъ наборахъ указами опредѣлено будетъ». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 9551).

477) Въ 1747 году возникло недоразумѣніе по поводу того обстоятельства, кому должны быть подчинены кречетьи и сокольи помытчики. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 47).

Правительствующій Сенатъ, находя, что «Ея Императорскаго Величества птичья охота нынѣ состоитъ безотмѣнно, при томъ же и отъ двора Ея Императорскаго Величества отъ оной птичьей охоты птицы бываютъ отправляемы при посольствахъ въ подарки, почему состоящіе въ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи помытчики и впредь для ловли и приносу въ Москву птицъ по прежнему быть потребны» и, усмотрѣвъ изъ представленной Оберъ-Егермейстерскою Канцеляріею, во исполненіе вышеприведеннаго Сенатскаго указа, отъ 1744 года, за № 13168, вѣдомости числа помытчиковъ, что таковыхъ, по сдѣланной названною Канцеляріею ревизіи, оказалось за убылью по различнымъ причинамъ налицо въ Архангельской, Казанской и другихъ губерніяхъ 868 душъ, «Приказали: вышеписанныхъ сокольихъ помытчиковъ, сколько гдѣ ихъ по нынѣшней ревизіи на лицо имѣется, быть всѣмъ по прежнему при оной птичьей охотѣ въ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 9413).

Замѣтимъ кстати, что при помянутой выше вѣдомости всего помытчиковъ по ревизіи оказалось: въ Архангельской губерніи, въ Архангельской провинціи, въ Киренской волости, въ деревняхъ Гавриловской, Ананьинской, Смольниковской, Афанасьевской—28 душъ; въ Богоявленскомъ Усть-островкѣ, въ деревняхъ Сѣвериновской, Шкулевской, Афонасьевской—19 душъ; въ Куростровской волости, въ деревняхъ Луховской, Денисовской, Колотовской, Пушкинской, Родіоновской, Васильевской—19 душъ; итого 66 человѣкъ. Въ Вологодской провинціи, Комельской

трети и волости—207 душъ; въ Синжевской трети—126 душъ; итого 333 человѣка. Въ Казанской губерніи, въ Казани и въ селѣ Машадышахъ—15 душъ; въ Свіяжскѣ—9 душъ; въ Козьмодемьянскѣ—10 душъ; въ Чебоксарахъ—41 душа; въ Мокшанскѣ—23 души; итого 98 человѣкъ. Въ Ярославской провинціи, въ Юхотской волости, въ деревнѣ Павловѣ съ деревнями—63 человѣка. Въ Бѣлозерской провинціи, волоку Славинскаго, въ деревняхъ Закоевѣ Большомъ и Данильцовѣ—84 человѣка; той же провинціи, Чаранской округи, Кольнобольской волости, въ деревняхъ Горепотно, Босеадиховѣ—64 человѣка; въ Суздальской провинціи—29 человѣкъ; въ Ростовѣ—64 человѣка; въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ—63 человѣка; въ Коломнѣ—4 человѣка; всего—868 душъ. (Тамъ же, ст. 9551).

[478]) 9 іюня 1732 года воспослѣдовалъ слѣдующій указъ изъ Правительствующаго Сената:

«Ростовскимъ сокольимъ помытчикамъ соколовъ и кречетовъ ловить по прежнимъ указамъ безъ упущенія и относить ихъ въ Семеновское на потѣшный дворъ, и въ той ловлѣ на удобныхъ мѣстахъ, гдѣ они прежде сего тѣхъ птицъ лавливали, помѣшательства имъ никому никакаго не чинить и ни въ какія ихъ службы, по силѣ данныхъ изъ Преображенскаго Приказу грамотъ, не выбирать. А судомъ и расправою вѣдомымъ имъ быть въ Воеводской канцеляріи; а подушныя деньги и рекрутъ платить по прежнему; а торговъ никакихъ имъ, по силѣ Магистратскаго Регламента и Именнаго блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества Петра Великаго указу 1722 года, не имѣть». (Тамъ же, ст. 6089).

[479]) Отъ того же 1775 года сохранилось объемистое дѣло по поводу жалобы общества Вологодскихъ помытчиковъ, Комельской трети, деревни Климовой, на одного изъ своихъ сотоварищей изъ деревни Займище-Измайлово, приписанной къ деревнѣ Климовой, на сокольня помытчика Сидора Савина, который не захотѣлъ явиться на мірской сходъ, несмотря на требованіе старосты помытчиковъ и міра. Дѣло это интересно только въ томъ отношеніи, что указываетъ на заботы Оберъ-Егермейстерской Конторы, прилагавшіяся къ поддержанію порядка внутренней жизни подчиненныхъ ей помытчиковъ, почему, не вдаваясь въ подробности, отмѣтимъ только, что Савинъ упрекался своими двоюродными братьями въ неправильномъ раздѣлѣ общепосѣянной ими рѣпы и двукратно ослушался постановленія міра—явиться для разбора дѣла на мірской сходъ. Когда объ этомъ было донесено Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, послѣдняя выписала въ Москву какъ Савина, такъ и всѣхъ лицъ, причастныхъ къ дѣлу, потерпѣвшихъ и свидѣтелей, и, разобравъ дѣло до мельчайшихъ подробностей, путемъ опроса каждаго изъ выписанныхъ помытчиковъ и очныхъ ставокъ, присудила бить Савина батогами, послѣ чего отпустить всѣхъ выписанныхъ помытчиковъ по домамъ съ соотвѣтственнымъ наставленіемъ. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 72, д. № 1).

[480]) 16 марта 1792 года Московскою Оберъ-Егермейстерскою Конторою былъ данъ указъ статейничему Дмитрію Рыкунову, изъ коего, между прочимъ, усматривается, что помытчики по всѣмъ ихъ дѣламъ, вѣдались въ то время всецѣло въ Оберъ-Егермейстерскомъ вѣдомствѣ: «Насланнымъ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, минувшаго февраля отъ 23 числа, указомъ велѣно, для разобранія и рѣшенія продолжающихся Углицкой Округи, Юхотской волости сокольихъ помытчиковъ не малое время дѣлъ, выбрать сей Конторѣ изъ числа птичей охоты офицеровъ человѣка исправнаго, коего въ оную Юхотскую волость и отправить; почему сею Конторою выбранъ и во оную отправу назначенъ кречетникъ Николай Юргеневъ». (Тотъ же Арх., д. 1658, стр. 274).

[481]) Въ мартѣ 1775 года, вслѣдствіе того обстоятельства, что «нынѣ Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества присутствіе имѣетъ быть въ Москвѣ», почему «и въ птицахъ нынѣ состоитъ противъ прошлыхъ лѣтъ большая надобность». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 73, д. № 7). Оберъ-Егермейстерская контора послала указы подвѣдомственнымъ ей помытчикамъ, а именно Переяславль-Залѣсскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Вологодскимъ, Бѣлозерскимъ, Суздальскимъ и Коломенскимъ съ наикрѣпчайшимъ подтвержденіемъ, «чтобы они, по полученіи оныхъ указовъ, ни мало не мѣшкавъ, всѣ поголовно вышли на помцы и старались оныхъ птицъ помкнуть, какъ возможно съ наибольшимъ удовольствіемъ, и какъ скоро гдѣ тѣхъ птицъ помкнуто будетъ, то оныхъ тотчасъ, въ силу прежде посланныхъ къ нимъ, помытчикамъ, указовъ, и приносить въ Москву къ охотѣ во всякой исправности, не дожидаясь многаго числа». (Тотъ же Арх., оп. 72, д. № 51).

Для исправленія этого указа Бѣлозерскіе помытчики, староста Алексѣй Алексѣевъ съ товарищами, собрались 4 марта въ Кириллов Бѣлозерскій монастырь, откуда «съѣхали на казенный Черный лѣсъ, за неимѣніемъ годныхъ въ собственныхъ ихъ дачахъ лѣсовъ для порубки на помцы сухаго лѣсу на истопки, а строеваго подъ уловныя птицы на амбаръ, и на столбы, и къ помцамъ, котораго лѣсу на томъ казенномъ Черномъ лѣсу потребное число нарубили и везли до казеннаго-жъ лѣсу, называемаго Бѣлаго мху». Здѣсь, по донесенію названныхъ помытчиковъ, «незнаемо какимъ образомъ, вышедъ изъ стороны на лыжахъ и ползкомъ на колѣнкахъ, съ топорами и дубинами, вотчины помѣщиковъ господъ Головиныхъ, деревни Дитятева крестьяне . . . . . .

тотъ везенный ими на помцы какъ сухой, такъ и на амбары подъ уловныя птицы и на столбы лѣсъ, называя, якобы порубленъ на ихъ помѣщичьихъ дачахъ,—отбили и шесть лошадей ихъ со всѣмъ конскимъ приборомъ отняли, а съ нѣкоторыхъ помытчиковъ начали сдирать шубы и упоки (?) и помянутыхъ лошадей держали немалое время и сморили гладомъ едва живыхъ, такъ что, по отдачѣ отъ Бѣлозерской Провинціальной Канцеляріи, насилу согнали они ихъ въ домы свои. А изъ того Бѣлаго мху, какъ отбили, зная свою неправость, гнали цѣликомъ верстъ до пяти, **изъ которыхъ одна (лошадь) оказалась безъ ногъ».**

Подобный грабежъ помытчиковъ крестьянами помѣщиковъ Головиныхъ «учинилъ во всемъ остановку», лишивъ помытчиковъ возможности исполнить во-время вышеприведенный указъ. Дѣло свое направили они въ Провинціальную Канцелярію черезъ мѣстнаго сотскаго, опросившаго окольныхъ людей и убѣдившагося въ ихъ правотѣ, причемъ просили донести о происшествіи Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, дабы съ нихъ не было взыскано за неисправность, происшедшую **не по ихъ винѣ.**

Одновременно съ этимъ въ Бѣлозерскую Провинціальную Канцелярію поступила исковая челобитная сына помѣщика Головина, капитана Даниды Ульянова, въ которой было указано, что Бѣлозерскіе помытчики вырубили въ его дачахъ не малое количество лѣсу, почему онъ, Головинъ, **требуетъ преданія помытчиковъ формальному суду.**

Увѣдомленные о томъ, съ приказомъ явиться къ суду, помытчики отозвались, что въ судъ идти «они опасны и не смѣютъ» безъ разрѣшенія Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, въ вѣдомствѣ коей находятся.

Видъ Кремлевскаго дворца въ Москвѣ, съ русской пастели конца XVIII столѣтія.

Въ концѣ концовъ дѣло это перешло въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, которая, взвѣсивъ обстоятельства и нижеприводимыя показанія сотскаго и окольныхъ людей «по сотенной запискѣ» и принявъ во вниманіе, что по силѣ вышеприведенныхъ нами указовъ прежнихъ годовъ было строго воспрещено не только требовать помытчиковъ въ мѣстные суды, но даже чинить имъ въ ловлѣ птицъ какія бы то ни было помѣшательства, слѣдить за чѣмъ лежало на обязанности Бѣлозерской Провинціальной Канцеляріи, нашла, что дѣйствія въ данномъ случаѣ послѣдней Канцеляріи совершенно неправильны. Руководствуясь этимъ, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, по указу Ея Императорскаго Величества, приказала: «Какъ упоминаемые Бѣлозерскіе помытчики въ поданномъ своемъ прошеніи представляютъ, что ими тотъ лѣсъ рубленъ на вышеизъясненную для помыканія къ охотѣ Ея Императорскаго Величества птицъ надобность и точно въ экономическомъ лѣсу, а не въ помѣщичьихъ Головина дачахъ, а въ помѣщичьихъ дачахъ, какъ по сотенной запискѣ значится, хотя и рубленъ и то самый тонкій и сухой, и единственно только на одни истопки и притомъ по дозволенію вышеобъявленныхъ помѣщика Головина Дитятевскихъ крестьянъ, какъ о томъ точно въ той сотенной запискѣ значится, и для того во оную Бѣлозерскую Провинціальную Канцелярію послать указъ, коимъ дать знать, что оная Канцелярія, во первыхъ, не войдя въ обстоятельства дѣла, хотя и довольное свѣдѣніе имѣла о вышеписанныхъ тѣмъ помытчикамъ грамотахъ, коими повелѣно ихъ, помытчиковъ, во всякихъ исцовыхъ дѣлахъ судомъ и расправою, кромѣ Семеновскаго потѣшнаго двора, нигдѣ не вѣдать, также и въ уловѣ птицъ помѣшательства никому не чинить, о чемъ отъ нихъ, помытчиковъ, и въ вышепрописанной сотенной запискѣ точно изъяснено, и притомъ знавъ обстоятельно, что тѣ помытчики состоятъ въ точномъ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, но все оная Провинціальная Канцелярія, оставя по просьбѣ помѣщика Головина, принуждаетъ ихъ, помытчиковъ, къ формальному суду, чего той Провинціальной Канцеляріи, за силою объявленныхъ жалованныхъ онымъ помытчикамъ грамотъ, безъ требованія отъ команды, то-есть отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, чинить совсѣмъ не слѣдовало-бъ, тѣмъ паче, что какъ нынѣ наступило время помыканія птицъ, а по случаю Высочайшаго Ея Императорскаго Величества въ Москвѣ присутствія, то тѣмъ помытчикамъ наикрѣпчайше подтверждено и нынѣ еще имъ под-

тверждается, чтобъ они тѣхъ птицъ помкнули и къ охотѣ принесли, какъ наивозможно съ большимъ удовольствіемъ, ибо какъ нынѣ Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества присутствіе въ Москвѣ, то и въ приносѣ большаго числа сюда птицъ великая надобность состоитъ. Бѣлозерской же Провинціальной Канцеляріи не слѣдовало самой не только въ такое время, въ которомъ должны они, помытчики, помыкать къ охотѣ птицъ, отвлекать ихъ отъ того принужденіемъ къ суду, но если бъ и другой кто имъ, помытчикамъ, такое препятствіе производить сталъ, то оной канцеляріи долгъ обязывалъ чинить имъ, помытчикамъ, въ такомъ случаѣ всякое вспоможеніе, и для того оной Провинціальной Канцеляріи впредь при таковыхъ случаяхъ поступать осмотрительнѣе и безъ сношенія и дозволенія Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи оныхъ помытчиковъ никогда къ таковымъ по исцовымъ дѣламъ отвѣтамъ не принуждать, но во всемъ, что до нихъ имѣетъ касаться, поступать по состоящимъ издревле узаконеніямъ и состоявшимся о томъ указамъ непремѣнно, о чемъ съ прописаніемъ вышеписаннаго для вѣдома оныхъ Бѣлозерскихъ помытчиковъ старостѣ послать указъ, которымъ между прочимъ наикрѣпчайше подтвердить, чтобы оные помытчики сею весною все мѣрное прилагали стараніе въ наловленіи и въ приносѣ птицъ къ охотѣ Ея Императорскаго Величества съ большемъ противъ прежнихъ приносовъ довольствіемъ, такъ какъ о томъ уже имъ преждепосланными указами предписано, ибо въ случаѣ ихъ неисправности, сія Оберъ-Егермейстерская Канцелярія имѣетъ съ ними поступить, не пріемля никакихъ отговорокъ, яко съ ослушниками и нерадивыми, по всей строгости законовъ». (Тотъ же Арх., оп. 73, д. № 7).

[482]) Помытчикамъ воспрещалось заниматься какими бы то ни было дѣлами, кромѣ ихъ спеціальности, безъ особаго на то разрѣшенія. За соблюденіемъ этого правила слѣдили кречетники и другіе чины царской птичьей охоты, нерѣдко командировавшіеся изъ Москвы въ раіоны пребыванія помытчиковъ. Такъ, въ іюлѣ 1719 года кречетникъ Яковъ Ярцевъ доносилъ Преображенскому приказу, что онъ, будучи въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, зашелъ 6 мая въ Канцелярію ландрата и увидѣлъ, что въ той Канцеляріи сидитъ въ подъячихъ соколій помытчикъ Иванъ Петровъ сынъ Чистяковъ. Ярцевъ сталъ говорить Чистякову: «Не свое де ты дѣло отправляешь: указано вамъ Переяславскимъ сокольимъ помытчикамъ въ нынѣшнее вешнее время съ великимъ радѣніемъ сидѣть на помцахъ и ловить соколовъ, и есть ли у тебя Великаго Государя указъ изъ Преображенскаго приказу, что тебѣ быть въ подъячихъ». Чистяковъ, вмѣсто отвѣта, началъ браниться. «За тѣмъ ихъ, Переяславскихъ сокольихъ помытчиковъ, нерадѣніемъ и непромысломъ птицъ»—заканчивалъ Ярцевъ свое доношеніе — «нынѣ Соколовъ въ Семеновское на потѣшный дворъ противъ прежняго въ приносѣ малое число». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 178, д. № 8).

[483]) Въ 1760 году Главнымъ Магистратомъ былъ возбужденъ вопросъ о правѣ сокольихъ помытчиковъ заниматься торговлею. Магистратъ доносилъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, что, съ одной стороны, по регламенту, данному еще Петромъ Великимъ этому Магистрату, производство торговли лицами, не записанными въ купечество, запрещено безусловно; съ другой же стороны, грамотами прежнихъ правителей земли Русской, дарованными сокольимъ помытчикамъ, послѣднимъ разрѣшалось торговать на ряду съ купцами и безъ записи въ купечество. Подобное несогласіе закона общаго съ закономъ частнымъ требовало, по мнѣнію Главнаго Магистрата, разъясненія Правительствующаго Сената.

Одновременно съ этимъ въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію поступила челобитная повѣреннаго Переяславль-Залѣсскихъ сокольихъ помытчиковъ Андрея Боженова, въ которой говорилось, что Переяславльскій Магистратъ и купечество, невзирая на жалованныя имъ, помытчикамъ, грамоты, не допускаютъ ихъ къ торгу уже съ 1743 года, «чиня при томъ обиды и разоренія, и постой къ нимъ ставятъ многолюдственно, а кто изъ нихъ силою грамотъ станетъ отговариваться, таковыхъ бьютъ немилосердно; а нынѣ въ покупкѣ подъ строеніе дворовъ земли учинили запрещеніе, чѣмъ наиболѣе приводятъ ихъ въ изнеможеніе». Несмотря на то обстоятельство, что помытчики не разъ жаловались на такое съ ними обращеніе въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, что Канцелярія эта не разъ сносилась по сему предмету съ Главнымъ Магистратомъ, что Главный Магистратъ не разъ посылалъ въ Магистратъ города Переяславля-Залѣсскаго указы о неправильности дѣйствій послѣдняго—«точію оный Магистратъ не токмо по онымъ не исполнялъ, но и вящше прежнихъ еще обиды причинялъ, да и у оного повѣреннаго Боженова въ 739 году, запечатавъ лавку, и понынѣ не распечатываетъ, и не токмо для продажи, но и до вынутія изъ оной товаровъ въ ту лавку не допускаютъ. И отъ таковыхъ обидъ, разоренія и отъ недопущенія до торговъ они, помытчики, не имѣя никакой земли, паче же за выбылью въ разныя по указамъ службы и умершими немалаго числа душъ, не точію къ помыканію потребныхъ птицъ, которую службу они исполняютъ своимъ коштомъ, но и къ платежу государственныхъ поборовъ пришли въ несостояніе и совершенную нищету».

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ это дѣло и принявъ во вниманіе жалованныя помытчикамъ грамоты, отдалъ все-таки предпочтеніе закону общему и воспретилъ помытчикамъ

производить всякую торговлю, кромѣ разрѣшенной въ 1755 году всѣмъ крестьянамъ по тогдашнему Таможенному уставу. Что же касается городовой службы и постоевъ, то Правительствующій Сенатъ призналъ въ этомъ случаѣ силу дарованныхъ помытчикамъ грамотъ продолжающеюся и отъ сказанной службы и постоевъ велѣлъ помытчиковъ освободить. «Также за неимѣніемъ никакой земли, кто пожелаетъ изъ купечества имъ, помытчикамъ, подъ дворы и прочее земли во владѣніе уступать: въ томъ Переяславскому Магистрату препятствія и никакихъ притѣсненій и обидъ не чинить. Упоминаемаго жъ Андрея Боженова съ дѣтьми и внучаты, по его торговымъ промысламъ, и какъ въ челобитьѣ своемъ объявляетъ, что прадѣды, дѣды и отецъ его, Боженова, были гостиной сотни купцы, по желанію его быть въ купечествѣ, въ силу вышеобъявленныхъ Уложенія, Регламента Главнаго Магистрата и Именныхъ 208 и 722 годовъ Высочайшихъ указовъ, Главному Магистрату, по тѣмъ его торговымъ промысламъ освидѣтельствовавъ, въ томъ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ купечество записать и положить его противъ прочихъ купцовъ въ обыкновенный окладъ; однако, будучи въ купечествѣ, и прежнюю соколью службу на всегдашнее время потомственно ему, Боженову, исправлять тожь. Буде и другіе кто изъ помытчиковъ Переславля-Залѣсскаго пожелаютъ по торговымъ ихъ промысламъ въ купечествѣ жъ быть, о запискѣ ихъ Главному Магистрату чинить надлежащее въ силу указовъ опредѣленіе; ибо изъ того въ службѣ помытчичьей, хотя бъ оные и всѣ въ купечествѣ были записаны, ни малаго опущенія быть не можетъ, для того, что они прежнюю ихъ службу, противъ вышеписаннаго, потомственно исполнять должны». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 11177).

Въ томъ же 1766 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, однимъ изъ приписанныхъ къ Московскому купечеству сокольихъ помытчиковъ, Дмитріемъ Блазновымъ, было донесено Оберъ-Егермейстерской Конторѣ о невозможности для него отправиться въ Архангельскъ для понужденія къ лучшей кречетовъ ловлѣ со стороны Вологодскихъ помытчиковъ, которыхъ, въ числѣ 20 человѣкъ, направили туда тою весною, причемъ причиною такой невозможности Блазновъ приводилъ постановленіе Московскаго купечества о выборѣ его на какую-то общественную должность. Оберъ-Егермейстерская Канцелярія вошла по этому поводу въ сношеніе съ Московскимъ магистромъ, указывая, что хотя состоявшимися Сенатскими постановленіями и было предписано занимающихся торговлею помытчиковъ записывать въ купечество, однако Сенатъ вполнѣ опредѣленно выразился, что подобная запись не должна отзываться ущербомъ на прямомъ дѣлѣ помытчиковъ — на помыканіи ими для Императорской охоты ловчихъ птицъ. Кромѣ того, всѣ касавшіеся того же предмета указы Правительствующаго Сената подтверждали права помытчиковъ о невыборѣ ихъ на городскія и общественныя должности. Руководствуясь этимъ, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія не только не измѣнила своего приказанія объ отправленіи Блазнова въ Архангельскъ для указанной выше цѣли, но и предложила Московскому Магистрату разъ навсегда запретить Московскому купечеству нарушать установленные Правительствующимъ Сенатомъ порядки, присовокупляя къ этому, что «если жъ и за симъ указомъ онъ, Блазновъ, въ какую гражданскую службу купечествомъ выбранъ будетъ, и отъ Московскаго Магистрата въ томъ запрещенія учинено не будетъ, и отъ того какой-либо въ охотѣ, къ Ея Императорскаго Величества увеселенію, въ птицахъ послѣдуетъ недостатокъ, то въ томъ отвѣтствовать имѣетъ оный Московскій Магистратъ». (Тотъ же Арх., оп. 70, д. № 36).

Видъ части Московскаго кремля, съ русской пастели конца XVIII столѣтія.

Изъ помянутой выше партіи Вологодскихъ помытчиковъ, направленныхъ въ 1766 году на промыселъ въ Архангельскъ, одинъ помытчикъ Комельской трети, деревни Климовой, Иванъ Соколовъ, «за учиненный имъ отъ помыканія ко птичьей охотѣ птицъ побѣгъ и прочіе непорядочные поступки и пьянство» былъ отосланъ въ Государственную Военную Коллегію для опредѣленія въ солдаты. Весьма интереснымъ является тотъ фактъ, что за подобный поступокъ одного изъ своихъ товарищей поплатились всѣ Вологодскіе помытчики. Съ нихъ велѣно было взыскать 10 руб.

91½ коп. въ пользу Оберъ-Егермейстерской Конторы за купленное отданному въ солдаты помытчику рекрутское платье и за выданное ему же трехмѣсячное жалованье. (Тотъ же Арх., оп. 70, д. № 50).

[484]) 11 декабря 1758 года «сокольи помытчики птичьей Ея Императорскаго Величества охоты» (вѣроятно, комплектные, о которыхъ говорилось выше), Дмитрій Яковлевъ, Дмитрій Ивановъ и Федоръ Максимовъ, дѣти Блазновы, донесли Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, что «въ прошлыхъ де разныхъ годахъ, при державѣ Вседражайшаго Родителя Ея Императорскаго Величества Блаженныя и вѣчной Славы достойныя Памяти Государя Императора Петра Перваго» было повелѣно всѣхъ городовъ кречетьихъ и сокольихъ помытчиковъ во всякихъ дѣлахъ судомъ и расправою вѣдать въ Москвѣ, въ Преображенскомъ приказѣ, на дворахъ ихъ постоевъ не ставить, а въ то время, когда они бываютъ отъ соколиной ловли свободны, разрѣшать имъ для прокормленія домовъ ихъ торговать съ платежемъ пошлинъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Затѣмъ повелѣвалось, кромѣ оброчныхъ птицъ, никакихъ податей съ нихъ не брать и ни въ какія службы, безъ особыхъ Высочайшихъ именныхъ указовъ, не назначать.

Блазновы доносили, что, несмотря на доставленіе ими оброчныхъ птицъ бездоимочно, «когда они, для улову ко двору Ея Императорскаго Величества положенныхъ на нихъ птицъ въ надлежащія, а особливо отъ Москвы отдаленныя мѣста, ежегодно отлучку имѣютъ, гдѣ немалое время, оставя въ Москвѣ, во-первыхъ, имѣющійся къ пропитанію торгъ, также и домы свои, для показаннаго улову и прололжаются, то въ небытность ихъ въ Москвѣ отъ Московской Полиціймейстерской Канцеляріи требуютъ съ домовъ ихъ всякихъ полицейскихъ исправленій, также и постой къ нимъ на дворы ставятъ, чего они исправлять не въ состояніи и отъ того претерпѣваютъ въ наймѣ (людей, вмѣсто себя) ко исправленію оныхъ полицейскихъ должностей немалые убытки, а въ содержаніи, въ небытность ихъ въ Москвѣ, отъ постоевъ великія утѣсненія бываютъ». Подобныя притѣсненія, по заявленію Блазновыхъ, приводятъ ихъ въ разореніе и недостатокъ, почему, въ силу необходимости, принуждены они ходатайствовать объ освобожденіи ихъ, на основаніи вышеприведенныхъ грамотъ, отъ постоя и исправленія полицейскихъ должностей, «дабы бъ они во время отлучекъ изъ Москвы для улову къ означенной птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ птицъ не могли претерпѣвать нужды и отъ того бы ихъ недостатку не могло послѣдовать въ уловѣ ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ птицъ остановки».

Оберъ-Егермейстерская Контора, 15 декабря того же года, опредѣлила послать по изложенному дѣлу промеморію въ Московскую Полиціймейстерскую Канцелярію, которою требовать, дабы оная Канцелярія благоволила удовлетворить ходатайство названныхъ помытчиковъ, чтобы послѣдніе «того наслѣдственнаго имъ отягощенія имѣть не могли», и чтобы «оные въ приносъ ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ подлежащихъ птицъ исправными всегда находиться имѣли и въ томъ бы никакой отговорки Оберъ-Егермейстерской Конторѣ представлять не могли». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 67, д. № 15).

Послѣдній, извѣстный намъ, Сенатскій указъ описываемой эпохи, разъясняющій нѣкоторыя права помытчиковъ, относится къ концу 1785 года.

Въ это время Московскій Губернаторъ Лопухинъ представлялъ Главнокомандующему въ Москвѣ Генералъ-Аншефу Брюсу, что изъ числа записанныхъ въ Московское купечество сокольихъ помытчиковъ Дмитрія Блазнова женѣ было приказано, во время отсутствія ея мужа, командированнаго на ловлю птицъ распоряженіемъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, очистить лавку послѣдняго въ сѣдельномъ ряду отъ товаровъ, вслѣдствіе истеченія сроковъ, на которые лавка эта была предоставлена Блазнову. За жену Блазнова заступилась Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, сообщивъ въ Московское Губернское Правленіе, чтобы до прибытія Блазнова никакихъ по сказанному предмету распоряженій не дѣлать и вообще по подобнымъ дѣламъ, раньше какого бы то ни было рѣшенія, сноситься съ Оберъ-Егермейстерскою Конторою, не осмѣливаясь чинить присылокъ за проживающими въ Москвѣ сокольими помытчиками, подвѣдомственными исключительно Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи.

Съ своей стороны, Лопухинъ находилъ, что подобное распоряженіе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи могло быть принято къ руководству только по отношенію помытчиковъ, не приписанныхъ къ купечеству, почему, такъ какъ Блазновъ состоитъ въ Московскомъ купечествѣ, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія можетъ имъ распоряжаться «токмо по должности, до птичьей охоты относящейся, не вступаясь ни мало въ коммерческія дѣла».

Дѣло это дошло до Правительствующаго Сената, который нашелъ, что жалованныя грамоты и прочія узаконенія о бытіи сокольимъ помытчикамъ подъ судомъ и расправою въ бывшемъ Преображенскомъ приказѣ, а, наконецъ, въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, принадлежатъ единственно для тѣхъ токмо, кои въ купечествѣ не записаны, а съ записанными въ купечество и живущими въ Москвѣ своими домами, какъ по купеческимъ ихъ торгамъ, такъ и другимъ городовымъ выгодамъ, касательно до суда ихъ, поступать должно по точной силѣ Высочайше изданныхъ отъ Ея Императорскаго Величества о губерніяхъ учрежденій, Устава благочинія и

Видъ части Московскаго кремля, съ русской пастели конца XVIII столѣтія.

Городоваго Положенія, въ чемъ Егермейстерской Конторѣ никакаго препятствія и помѣшательства чинить не должно». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 16290).

Къ 23 октября 1793 года относится ордеръ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: «Помытчика Михаила Блазнова выслать непремѣнно въ Вологду, на прежнее его жилище». Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ интересный, вслѣдствіе того обстоятельства, что Блазновъ, до того времени жилъ въ сокольничей слободѣ, но былъ, какъ о томъ докладывалъ статейничій Дмитрій Рыкуновъ Оберъ-Егермейстеру князю Голицыну, «поведенія весьма непорядочнаго и дѣлалъ великіе обманы, чѣмъ и наводилъ командѣ не малую конфузію». При отправкѣ его на родину, старостѣ помытчиковъ съ товарищами было предписано, впредь ему, Блазнову, увольнительныхъ билетовъ ни подъ какимъ видомъ не выдавать. (Общ. Арх. Мин. Двора, дѣло 1658, стр. 380, 389).

[485]) Въ августѣ 1776 года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора доносила Сенату:

«Къ охотѣ Ея Императорскаго Величества и Его Высочества птицъ противъ прежняго гораздо болѣе приготовляется и приходящіе изъ разныхъ мѣстъ съ приносными птицами помытчики помѣщались въ состоящихъ здѣсь въ Москвѣ трехъ помытчиковыхъ дворахъ, кои, по силѣ указа изъ Сената, посланнаго 1763 году маія 23 дня въ Полиціймейстерскую Канцелярію (вѣроятно, послѣ изложеннаго выше ходатайства Блазновыхъ отъ 11 декабря 1758 года и послѣ сношенія по этому предмету Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи съ Московскою Полиціймейстерскою Канцеляріею), отъ постоя и полицейскихъ должностей уволены. Нынѣ по умноженію птицъ приходящіе съ ними помытчики въ тѣхъ трехъ дворахъ помѣститься уже никакъ не могутъ, потому что должны они до пріему отъ нихъ птицъ въ Семеновскомъ на потѣшномъ дворѣ, приготовляя къ отдачѣ годными, жить на тѣхъ дворахъ по немалому времени, и за таковымъ утѣсненіемъ трехъ дворовъ купленъ еще Переславскимъ сокольимъ помытчикомъ, здѣшнимъ жителемъ Андреемъ Поповымъ, домъ, состоящій за Земляным Городомъ, въ приходѣ Богоявленія Господня, что въ Елоховѣ, на которомъ постой содержится и полицейскія должности отправляются, и хотя о увольненіи отъ оныхъ отъ Конторы Московской полиціи и сообщено двоекратно, но оная, за вышеписаннымъ Сенатскимъ указомъ, не увольняетъ. А какъ по необходимости для птичьей охоты означеннаго помытчика Попова дворъ неотмѣнно построенъ, то и просила, дабы, сверхъ уволенныхъ отъ постою и службъ трехъ дворовъ», былъ бы также уволенъ и новокупленный Поповымъ дворъ.

Правительствующій Сенатъ, принимая во вниманіе, что такія же льготы сокольимъ помытчикамъ были опредѣляемы указами 7015, 7117, 1700 и 1711 годовъ, а также что въ утвержденномъ Высочайшею властью штатѣ Императорской охоты 1773 года оговорено, что «сокольимъ помытчикамъ остаться впредь до разсмотрѣнія на прежнемъ основаніи»,—изложенное ходатайство Оберъ-Егермейстерской Конторы уважилъ. (Подл. Сен. Ук. 26 авг. 1776 года; Рук. Имп. ох.).

Въ декабрѣ 1784 года Симбирская Казенная Палата просила Правительствующій Сенатъ указать ей, слѣдуетъ ли имѣющихся въ городѣ Симбирскѣ двухъ сокольихъ помытчиковъ, по неимѣнію у нихъ для хлѣбопашества земли, оставить въ одномъ семигривенномъ окладѣ, или какъ надлежитъ поступить съ ними.

Правительствующій Сенатъ указалъ, что такъ какъ Симбирскіе сокольи помытчики по штату Императорской охоты 1773 года не оставлены (собственно говоря, они не были только проектированы къ оставленію, а проектъ этотъ апробованъ не былъ), то ихъ нужно приписать къ дворцовымъ крестьянамъ, надѣлить землею и наложить на нихъ повинности, какъ и на прочихъ дворцовыхъ крестьянъ, «что Казанской Палатѣ слѣдовало сдѣлать своевременно». (Подл. ук. Сен., № 10190, 1784 г.; Рук. Имп. ох.).

[486]) 24 декабря того же года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора предписывала статейничему Рыкунову по поводу объявленія нѣкоего Нестерова о взысканіи по векселю денегъ съ помытчика Андреева: «Оное объявленіе отдать обратно означенному просителю, съ объявле-

ніемъ тѣмъ, что Контора не такое присутственное мѣсто, чтобъ о долговыхъ деньгахъ по письменнымъ видамъ или векселямъ судить могла, почему разбирательства и взысканія учинить не можетъ, а просилъ бы о томъ и искалъ онъ, господинъ Нестеровъ, если пожелаетъ, въ такомъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ по законамъ надлежитъ..Помытчика жъ Михайлу Андреева, призвавъ въ присутствіе Конторы, объявить, чтобъ онъ отнынѣ впредь, за открывшимся по дѣлу о двойномъ прозваніи его обстоятельствомъ, никакимъ бы прозваніемъ, ни Блазновымъ, ни Гагариновымъ, не назывался и не подписывался, а назывался бъ, согласно съ его плакатнымъ пашпортомъ, Михайлою Андреевымъ, въ чемъ и обязать его подпискою». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 393).

26 февраля 1786 года воспослѣдовалъ Именной Высочайшій указъ Ярославскому и Вологодскому Генералъ-Губернатору Алексѣю Петровичу Мельгунову, пунктомъ 7-мъ каковаго указа повелѣвалось: «Сокольи помытчики, по ихъ жительству въ городахъ, не могутъ отклоняться отъ полицейскихъ должностей; а буде они упражняются въ мѣщанскихъ промыслахъ, то и тягости сего званія нести обязаны на основаніи городоваго положенія». (1-е Полн. Собр. Зак., ст. 16331).

[487]) Вскорѣ по отсылкѣ этого указа, присланный изъ Казанской Губернской Канцеляріи съ птицами Чебоксарскій соколій помытчикъ Никифоръ Алаторкинъ подалъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору челобитную, въ которой указывалъ, что, «по силѣ де Ея Императорскаго Величества указовъ, велѣно имъ помыкать птицъ и приносить ко птичьей Ея Императорскаго Величества охотѣ повсягодно, и какъ де придетъ къ улову птицъ удобное время, тогда ихъ того города Чебоксаръ воевода Ѳедоръ Шахмометевъ ставитъ въ домѣ своемъ, такожъ у канцеляріи и у тюрьмы на караулы человѣкъ по шти и держитъ мѣсяца по два и болѣе жъ, и для услугъ своихъ для гребли въ суднѣ беретъ въ Казань человѣкъ по шти жъ, и всегда посылаетъ по разбойническимъ и всякимъ дѣламъ въ посылки, а прочіе помытчики за малосемействомъ всегда, вмѣсто себя, нанимаютъ, и тѣмъ во птичьей ловлѣ имъ чинитъ помѣшательство и остановку, отчего они приходятъ въ самое убожество и скудость».

По разсмотрѣніи дѣла, Оберъ-Егермейстерская Контора послала въ Чебоксарскую воеводскую канцелярію указъ, которымъ повелѣвала, дабы воевода Шахмометевъ состоящихъ въ вѣдомствѣ этой Конторы Чебоксарскихъ помытчиковъ для указанныхъ выше надобностей употреблять «отнюдь не дерзалъ подъ опасеніемъ за такія чинимыя показаннымъ помытчикамъ обиды и разоренія подлежащаго отвѣта и штрафа по указамъ. Ежели жъ впредь объявленнымъ помытчикамъ такія наглыя обиды и разоренія чинимы будутъ, то Оберъ-Егермейстерская Контора о томъ должна будетъ, куда надлежитъ, представить». Вмѣстѣ съ тѣмъ Казанской Губерискои Канцеляріи предписывалось, «взявъ отвѣтъ» съ Шахмометева по изложенному дѣлу, рапортовать о послѣдующемъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 52, д. № 2833).

[488]) Въ іюнѣ того же 1773 года въ Оберъ-Егермейстерскую Контору поступило прошеніе отъ Чебоксарскихъ помытчиковъ, которые просили объ увольненіи ихъ отъ посылки въ Оренбургъ для ловли птицъ «за погорѣніемъ ихъ дворовъ и сдѣланныхъ для ловли тѣхъ птицъ избушекъ» и о дозволеніи Конторою позаимствовать изъ Чебоксарской Воеводской Канцеляріи денегъ, необходимыхъ для изготовленія къ ловлѣ птицъ матеріаловъ. Контора представила это дѣло на усмотрѣніе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, а послѣдняя разсудила, что, по случаю приключившагося у Чебоксарскихъ помытчиковъ разоренія и «за погорѣніемъ имѣвшихся у нихъ въ кречетьей ловлѣ инструментовъ, отъ поѣздки въ Оренбургъ для ловли птицъ уволить хотя и можно, но только нынѣшній годъ, а не болѣе, ибо во оное время надлежитъ имъ исправиться инструментами и прочимъ домашнимъ строеніемъ. На изготовленіе жъ тѣхъ къ ловлѣ птицъ матеріаловъ деньги изъ Чебоксарской Воеводской Канцеляріи могутъ они просить сами собою, а Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи объ ономъ съ тою Чебоксарскою Воеводскою Канцеляріею въ переписки вступать не должно». Руководствуясь изложеннымъ, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія постановила предложить своей Конторѣ послать старостѣ Чебоксарскихъ помытчиковъ указъ вышеприведеннаго характера, съ подтвержденіемъ, чтобы освобождаемые въ томъ году отъ ловли птицъ помытчики въ будущемъ году отправились на промыселъ непремѣнно, въ обыкновенное время, «и старались бы птицъ помкнуть съ наибольшимъ удовольствіемъ за опредѣленное имъ отъ Канцеляріи въ нынѣшнемъ году отдыхновенье; въ мѣсто жъ оныхъ Чебоксарскихъ помытчиковъ, въ нынѣшнее отправленіе оной Конторѣ отправить, по разсмотрѣнію своему, изъ другихъ мѣстъ помытчиковъ, хотя и не по очереди, но только бы они дѣйствительно отправлены были для ловли рѣченныхъ птицъ въ Оренбургскую губернію, куда помянутые Чебоксарскіе помытчики хаживали, во всемъ на томъ же основаніи, какъ и Чебоксарскіе бывали отправляемы». (Тотъ же Арх., оп. 69, д. № 40).

[489]) Въ началѣ января 1716 года Ярославскіе помытчики подали Петру I слѣдующую любопытную челобитную:

«Державнѣйшій царь, государь милостивый «—» Въ нынѣшнемъ, государь, 716 году Ярославскаго уѣзду Юхотской волости боярина Бориса Петровича Шереметева села Новаго при-

казный его человѣкъ, Иванъ Костровъ, разорилъ насъ, нижепоименованныхъ рабовъ твоихъ, до конца: изъ деревень нашу братью сокольихъ помытчиковъ, всѣхъ изъ дворовъ нашихъ вывезъ въ иныя вотчины и дома наши запечаталъ, также и хлѣбъ, и всякую рухлядишку. И пойманъ у насъ, рабовъ твоихъ былъ соколъ вешнякъ, и хотѣли мы нести его къ тебѣ, великому государю, къ Москвѣ, въ Семеновское, на Потѣшный дворъ. И того сокола онъ, приказный человѣкъ, запечаталъ же въ домѣ нашемъ, и нынѣ, государь, тотъ соколъ живъ ли, или нѣтъ, про то мы, рабы твои, не вѣдаемъ. И нынѣ у насъ соколья ловля стала отъ него, приказнаго человѣка, и помыкать соколовъ на тебя, великаго государя, некому. А по какому указу онъ, приказный человѣкъ, нашу братью, сокольихъ помытчиковъ, изъ деревень повывезъ въ иныя вотчины и домы наши запечаталъ, и хлѣбъ и всякую рухлядишку, того мы, рабы твои, не вѣдаемъ.

«Всемилостивѣйшій государь, просимъ вашего величества, великій государь, изъ Преображенскаго приказу послать свой государевъ указъ въ Ярославль, въ Юхотскую волость и того вышеписаннаго приказнаго человѣка, Ивана Кострова, допросить: по какому указу онъ насъ, рабовъ твоихъ, изъ деревень нашихъ вывезъ въ иныя вотчины и хлѣбъ, и домы наши, и всякую рухлядишку нашу запечаталъ и соколью ловлю остановилъ, и по допросу его, что ты, великій государь, укажешь, а нашу, государь, братью, сокольихъ помытчиковъ, вели, государь, ему, приказному человѣку, изъ вотчины привезти въ наши деревнишки попрежнему и домы наши, и хлѣбъ, и всякую рухлядишку вели, государь, распечатать и отдать намъ, рабамъ твоимъ, чтобъ намъ было когда на тебя, великаго государя, соколовъ помыкать, а впредь бы намъ отъ него, приказнаго человѣка, разореннымъ не быть и дѣла бы ему до насъ, рабовъ твоихъ, никакого не было».

Видъ части Московскаго кремля, съ русской пастели конца XVIII столѣтія.

Во вниманіе къ этой челобитной ближній стольникъ Князь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, по указу Царя, слѣлалъ распоряженіе о немедленномъ удовлетвореніи ходатайства просителей, приказавъ, независимо этого, сыскать и допросить по дѣлу управляющаго домомъ генералъ-фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева.

Послѣднее порученіе было возложено на солдата Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Данилу Несмѣянова, который, представъ 25 апрѣля того же года передъ княземъ Ромодановскимъ съ товарищами въ Преображенскомъ приказѣ, доложилъ, что во дворѣ фельдмаршала графа Шереметева ему сказали, что приказныя дѣла поручены графомъ его стряпчему Андрею Тиханову, и что живетъ Тихановъ на Арбатской улицѣ. Затѣмъ, разыскавъ домъ Тиханова, Данило въ теченіе двухъ дней не могъ добиться свиданія со стряпчимъ фельдмаршала, такъ какъ онъ оказался больнымъ и отдалъ приказаніе, чтобы его не тревожили. Тогда въ Преображенскій приказъ былъ вытребованъ дворецкій фельдмаршала, Екимъ Булатовъ, и при допросѣ показалъ, что приказный человѣкъ графа Шереметева, Иванъ Костровъ, дѣйствовалъ по приказу своего господина фельдмаршала, и что приказъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ обстоятельствомъ, что челобитчики, помытчики деревень Павлово и Рашково, не платятъ ни государю, ни ему, фельдмаршалу, податей, подобно прочимъ крестьянамъ, тогда какъ названныя деревни составляютъ собственность графа Шереметева. Къ этому Булатовъ прибавилъ, что относительно пойманнаго помытчиками сокола, а также относительно остановки дальнѣйшей ловли соколовъ онъ, Булатовъ, никакихъ свѣдѣній не имѣетъ, и что по силѣ указа, полученнаго изъ Преображенскаго приказа, распоряженіе о водвореніи помытчиковъ въ ихъ домахъ и о неоказаніи, впредь до новаго указа, никакихъ обидъ и утѣсненій уже приведено въ исполненіе.

Между тѣмъ Преображенскій приказъ запросилъ приказъ Большаго Дворца о дачѣ справки изъ писцовыхъ книгъ данной мѣстности, были ли сокольи помытчики деревень Павлово и Рашково записаны въ тяглѣ вмѣстѣ съ прочими крестьянами, какія именно и по какимъ указамъ лежатъ на нихъ повинности, и были ли помытчики эти отданы вмѣстѣ съ названными деревнями въ собственность графу Шереметеву.

Приказъ Большаго Дворца доставилъ чрезвычайно подробную и обширную справку изъ писцовыхъ книгъ Юхотской волости относительно новыхъ владѣній графа Шереметева, изъ которой заимствуемъ лишь свѣдѣнія, непосредственно касающіяся помытчиковъ.

Изъ справки этой можно усмотрѣть, что Юхотская волость составляла въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій вотчину князей Милославскихъ, а затѣмъ, послѣ князя Ѳедора Ивановича Милославскаго, поступила въ число дворцовыхъ волостей. Въ волости этой имѣлось, въ числѣ прочихъ, село Новое, а къ погосту послѣдняго села, Клементьевскому, была, между прочимъ, приписана деревня Павлово на рѣчкѣ Коѣ съ пустошью Рашково.

Въ январѣ 1632 года, по челобитной жителей деревни Павлово, Ивашки да Трофимки Сысоевыхъ, государь Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ ихъ въ сокольи помытчики и велѣлъ «деревню Павлово, въ которой они живутъ и съ пустошми для государевой сокольи ловли обѣлить, а платить имъ на государеву кречатню по 4 сокола въ годъ».

Въ 1681 году, какъ мы уже упоминали, въ деревнѣ Павлово числилось 9, а въ деревнѣ Рашково два двора помытчиковъ. Помытчики эти платили подати соколами натурою или деньгами за ловчихъ птицъ, въ различные годы въ различныхъ размѣрахъ, и, кромѣ того, около 1691 года съ нихъ бралось «полоняничныхъ и ямскихъ денегъ» по 10 денегъ отъ каждаго двора.

Въ 1706 году, августа 26 дня, Петръ I, въ бытность въ военномъ походѣ въ Кіевъ, пожаловалъ «большаго полку генералъ-фельдмаршала и военнаго мальтійскаго свидѣтельствованнаго славнаго чина святаго Апостола Андрея Кавалера Бориса Петровича Шереметева за многія его вѣрныя службы» владѣніемъ въ Юхотской волости Ярославскаго уѣзда, состоявшимъ изъ четырехъ селъ, въ томъ числѣ и села Новаго съ деревнями, и 1800 крестьянскихъ дворовъ, «со всѣмъ, какъ во дворцѣ было». О дворахъ помытчиковъ въ указѣ ничего не было сказано.

Чѣмъ окончилось это дѣло, мы не знаемъ, но можемъ предполагать, что графу Шереметеву было разъяснено недоразумѣніе, а Ростовскіе помытчики были оставлены въ вѣдомствѣ Преображенскаго приказа, такъ какъ они продолжали поставлять соколовъ на Семеновскій потѣшный дворъ, причемъ привозили довольно много птицъ. Помытчики эти были надѣлены пашенною землею, сѣнокосами и всякими угодіями и, кромѣ приноса птицъ, не платили въ это время рѣшительно никакихъ другихъ повинностей. (Тотъ же Арх., оп. 178, д. № 19).

490) 16 апрѣля того же года статейничій Рыкуновъ получилъ отъ Оберъ-Егермейстерской Конторы указъ: «Поданнымъ въ Контору сію вы рапортомъ представляли, имѣющіяся де при птичей охотѣ кречета и ихъ челига уже въ выдержку служителямъ розданы, соколовъ же при птичей охотѣ ни одного не имѣется, къ выдержкѣ жъ оныхъ наступило удобное время, а положенныхъ на помытчиковъ соколовъ еще ни одного ко птичей охотѣ не доставлено, почему и благоволено бъ было тѣмъ помытчикамъ, на коихъ положенъ приносъ соколовъ подтвердить, чтобъ они непремѣнно доставили оныхъ гораздо раньше, и чтобъ не упустить къ выдержкѣ оныхъ удобнаго времени. А по справкѣ въ Конторѣ, поданными въ Контору вы рапортами представляли, что принято ко птичьей охотѣ, Углицкой округи, Юхотской волости, деревень Павлова, Раткова и Синцива, отъ сокольихъ помытчиковъ соколовъ: дикомытей восемь, вешнякъ одинъ, кречетъ молодикъ одинъ, челиговъ кречетьихъ молодиковъ два, челигъ кречетій дикомыть одинъ, которые кречета и челига считаются каждый за два сокола, а со оными и имѣетъ всего быть отъ нихъ въ приносѣ на сей 1792 годъ 17 птицъ; положено жъ приносить Юхотскимъ по двѣнадцать, а Переславскимъ по восьми, итого двадцать соколовъ въ годъ. Но въ приносѣ отъ Переславскихъ помытчиковъ и понынѣ еще ни одного сокола нѣтъ, къ которымъ Переславскимъ помытчикамъ о приносѣ соколовъ и указомъ отъ Конторы, минувшаго февраля 27 числа, подтверждено: Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія Приказали: Переславскихъ сокольихъ помытчиковъ, къ старостѣ съ товарищи, послать (и посланъ) вторичной указъ, коимъ наистрожайше подтверждено, дабы они на сей годъ положенное на нихъ число соколовъ непремѣнно къ охотѣ доставили, подъ опасеніемъ за неприносъ, сверхъ положеннаго штрафа, за каждую птицу по 10 рублей денежнаго взысканія». (Общ. Арх. Мин. Двора, д. 1658, стр. 261).

Къ 7 октября того же 1792 года относится слѣдующій указъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторы статейничему Дмитрію Рыкунову: «Въ ордерѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, минувшаго сентября отъ 17 числа, написано, чтобъ оная Контора ко всѣмъ сокольимъ помытчикамъ, на коихъ положенъ приносъ птицъ, учинила отъ себя наикрѣпчайшее подтвержденіе, чтобъ оные старались, какъ наивозможно, птицъ помыкать и къ охотѣ доставлять безъ заломки перьевъ да и гораздо ранѣе, нежели ими въ нынѣшнемъ лѣтѣ оныя доставлены. Буде же ими и зъ симъ предписаніемъ тѣ птицы также поздо будутъ къ охотѣ принесены, да и въ заломкѣ перьевъ, то оные, за таковое ихъ небреженіе и позданіе, непремѣнно будутъ штрафованы. Того ради, по указу Ея Императорскаго Величества, Контора сія Приказали: съ прописаніемъ вышеписаннаго города Переславля-Залѣсскаго и Углицкой округи Юхотской волости

деревень Павлова, Раткова и Синцова сокольихъ помытчиковъ, къ старостамъ съ товарищи послать (и посланы) указы, коими наистрожайше подтверждено, дабы они, какъ наивозможно старались въ поимкѣ соколовъ гораздо противъ прошлыхъ городовъ ранѣе, и доставляли къ охотѣ, ни мало не медля, да и безъ всякой, какъ въ крыльяхъ, такъ и хвостахъ, перьевъ заломки; если жъ ими сего исполняемо не будетъ, то непремѣнно штрафованы быть имѣютъ». (Тамъ же, стр. 283).

[491]) Несмотря на указъ 1715 года, до 1720 года изъ Симбирска и низовыхъ городовъ не было представлено въ село Семеновское ни одной птицы, почему въ послѣднемъ году, 15 апрѣля, была отправлена съ солдатомъ Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Иваномъ Небогатымъ новая грамота въ Казанскую губернію къ ближнему боярину и губернатору Алексѣю Петровичу Салтыкову съ приказомъ выслать въ Москву вышепомянутаго помытчика Ивана Зиновьева съ уловными птицами, что у него есть.

Зиновьевъ явился на потѣшный дворъ 24 іюня вмѣстѣ съ Небогатымъ и представилъ 5 кречетовъ, челига кречетья, да отъ 5 мертвыхъ птицъ крылья и хвосты, при чемъ объявилъ, что одна птица отъ него въ дорогѣ отшиблась и ушла.

О пріемѣ птицъ живыхъ и крыльевъ и хвостовъ птицъ умершихъ былъ увѣдомленъ князь Иванъ Ѳедоровичъ Ромодановскій, въ то время бывшій въ С.-Петербургѣ, который приказалъ Зиновьева отпустить обратно, подтвердивъ прежній указъ.

Одновременно съ этимъ была послана новая грамота Салтыкову, въ которой повелѣвалось, чтобы Зиновьевъ ловилъ птицъ по всѣмъ низовымъ городамъ, «гдѣ пристойно и гдѣ такія птицы появятся, въ чьихъ ни есть угодьяхъ съ великимъ радѣніемъ, неоплошно», чтобы Зиновьева не назначать ни къ какимъ другимъ дѣламъ и не посылать ни въ какія посылки «для того, что такія птицы изъ Москвы съ Семеновскаго потѣшнаго двора посылаются во окрестныя государства непрестанно». По мѣрѣ улова птицъ предписывалось отправлять ихъ въ Москву зимою. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 23).

Морскія птицы на устьѣ Волги, съ гр. XVII ст. Родисеръ.

Помянутый выше соколій помытчикъ низовыхъ городовъ, помѣщикъ Иванъ Зиновьевъ, несмотря на приказъ, не поставилъ съ 1720 г. по 1724 г. на Семеновскій потѣшный дворъ ни одной птицы, почему въ послѣднемъ году его велѣно было разыскать и выслать съ пойманными имъ птицами въ Москву; если же его дома не окажется, то выслать въ Москву же его людей, Ивана Башкирова съ товарищами.

Въ отвѣтъ на это приказаніе, въ октябрѣ мѣсяцѣ, Казанскій Вице-Губернаторъ Кудрявцевъ доносилъ князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому, что онъ посылалъ въ Симбирское помѣстье Зиновьева нарочнаго солдата Петра Степанова, который нашелъ Зиновьева въ селѣ Богородскомъ лежащимъ больнымъ. За болѣзнью Зиновьевъ ѣхать въ Казань отказался, а про человѣка своего, Башкирова, сказалъ, что услалъ его для своихъ нуждъ въ Пензу. Другихъ людей Зиновьевъ также не отпустилъ и велѣлъ передать Кудрявцеву, что у него имѣется въ уловѣ лишь одинъ челигъ кречетій. (Тамъ же, оп. 75, д. № 23).

Въ мартѣ 1727 года, Высочайшимъ указомъ изъ Преображенскаго приказа въ Казанскую губернію, предписывалось немедленно выслать въ Москву къ князю Ивану Ѳедоровичу Ромодановскому какъ Симбирскаго сокольяго помытчика Зиновьева, который опять не явился самъ на потѣшный дворъ, такъ и Чебоксарскаго помытчика Михаила Алаторцева съ дѣтьми, со всѣми находящимися у нихъ въ уловѣ птицами. Зиновьеву велѣно было ѣхать на своихъ подводахъ, а Алаторцеву приказано было дать подъ птицы подводы, «какія пристойны». (Тамъ же, оп. 52—752, д. № 584).

Отъ 1721 года сохранилась справка Преображенскаго приказа, изъ которой усматривается, что въ предшествовавшіе сказанному годы, по указу Государя и по приказу ближняго стольника Князя Ѳедора Юрьевича Ромодановскаго, велѣно было Вологодскаго уѣзда, Комельской волости, деревни Еговерова съ приписными къ ней деревнями жителямъ ловить и приносить въ Семеновское на потѣшный дворъ ежегодно 12 вешнихъ и осеннихъ соколовъ дикомытей, съ этихъ помытчиковъ положено было взыскивать штрафъ въ размѣрѣ 3 рублей за каждую недоставленную птицу.

Въ ноябрѣ этого года Еговеровскіе Вологодскіе помытчики, Борисъ Ларіоновъ съ товарищами, представили въ Семеновское на потѣшный дворъ 8 соколовъ дикомытей (изъ окладныхъ), 2 сокола молодика и 3 ястреба молодика же. За недоставленныхъ 4 соколовъ дикомытей съ нихъ было взыскано 12 рублей. (Тамъ же, оп. 39, д. № 349).

Въ 1722 году упоминаются сокольи помытчики Бѣлозерскаго уѣзда, волока Словинскаго, деревни Закозья. Въ февралѣ этого года, по указу Ея Величества, женѣ одного изъ названныхъ помытчиковъ, Степана Васильева,—Афросиньѣ Фадѣевой велѣно было отправиться «къ марціальнымъ водамъ для лѣченія, которая и пріѣхала, только оныя воды ей пить не позволено». Фадѣева была отпущена домой, при чемъ Императрица дала ей на дорогу 3 рубля денегъ. (Сборн. арх. докум. о Петрѣ Вел., т. II, стр. 133).

[492]) № 9-й. Къ 1769 году относится извѣстіе, что Казанскіе помытчики командировались для помыканія ловчихъ птицъ въ Оренбургскую губернію. (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 22).

25 января 1795 года Оберъ-Егермейстеръ князь Голицынъ предписывалъ Московской Оберъ-Егермейстерской Конторѣ: «Какъ изъ рапорта сей Конторы усмотрѣно, что кречетникомъ Григоріемъ Шахмотовымъ съ помытчиками привезено ко птичей охотѣ только семь птицъ, да по мѣсячному рапорту минувшаго генваря къ 1 числу показано оныхъ двѣнадцать, то, въ разсужденіи малаго оныхъ числа, за нужное почитается предписать, чтобъ Контора, съ своей стороны, подтвердила имѣть неослабное смотрѣніе, дабы оныя, какъ наивозможно, сохранены и исправлены были; но чтобъ не могло послѣдовать въ птицахъ при охотѣ недостатка, то немедленно всѣмъ сокольимъ помытчикамъ, на коихъ приносъ соколовъ положенъ, предписать, чтобъ оные, какъ наивозможно, старались помкнуть оныхъ болѣе и доставить къ охотѣ противъ прежняго ранѣе, черезъ что и недостатка послѣдовать не можетъ». (Тамъ же, стр. 443).

16 іюня того же года Московская Оберъ-Егермейстерская Контора увѣдомила статейничаго Рыкунова о слѣдующемъ своемъ постановленіи: «Кречетника Алексѣя Коноплева, къ понужденію Казанскаго намѣстничества разныхъ городовъ кречетьихъ помытчиковъ къ довольному помыканію въ охоту кречетовъ и ихъ челиговъ, въ Уфимское и Пермское намѣстничествы отправить, коему изъ Москвы и выѣхать сего іюля 13 числа непремѣнно, о чемъ для вѣдома вамъ послать сей указъ». (Тамъ же, стр. 461).

[493]) 4 іюня 1763 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія послала весьма интересный указъ на имя Архангельскаго Губернатора, въ которомъ, обращая, между прочимъ, вниманіе на то обстоятельство, что «птичья охота къ Всевысочайшему Ея Императорскаго Величества увеселенію оказалась весьма угодна», высказалась, что «всевозможнымъ своимъ стараніемъ хочетъ усугубить, чтобъ оную птичью охоту привесть въ наилучшій порядокъ, а особливо въ оной охотѣ самыхъ лучшихъ породъ, то-есть бѣлые и бѣлокрапчатые кречеты и челиги, которые, по выдержаніи, въ напусканіи на дикихъ птицъ бываютъ весьма проворны, кои въ приносѣ бываютъ отъ Архангельскихъ сокольихъ (sic) помытчиковъ. И хотя минувшаго апрѣля 14 дня, по опредѣленію Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, присланнымъ ко оным помытчикамъ указомъ и подтверждено, чтобъ они нынѣшняго года осенью въ помыканіи такихъ кречетовъ и челиговъ цвѣтныхъ приложили стараніе, съ тѣмъ, ежели тѣхъ птицъ помкнуто будетъ съ довольствіемъ, то, сверхъ платежа имъ за нихъ изъ Архангельской Губернской Канцеляріи положеннаго по указамъ числа денегъ, имѣетъ быть по приносѣ въ Москву ко птичьей охотѣ за нихъ же отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи въ награжденіе такая плата за каждую птицу, что и отъ Губернской Канцеляріи они получаютъ,—однако Оберъ-Егермейстерская Канцелярія нынѣ за потребно разсудила для понужденія помытчиковъ къ непремѣнному пріобрѣтенію рѣченныхъ птицъ отправить туда нарочнаго. Того ради для помыканія вышеописанныхъ кречетовъ и челиговъ и понужденія къ тому помытчиковъ, отправленъ нарочный статейщикъ Моисей Рыкуновъ да кречетникъ Ефимъ Микулинъ, коимъ, по прибытіи къ городу Архангельску, отправиться отъ онаго водою въ самыя отдаленнѣйшія мѣста къ сѣверу; буде же, сверхъ чаянія, помытчики для помыканія птицъ отправятся на море до пріѣзду статейщика, то, истребовавъ ему отъ оной Архангельской Губернской Канцеляріи на покупку двухъ судовъ подлежащее число денегъ на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи и купя на оныя деньги тѣ суда настоящею цѣною, и взявъ съ собою оставшихся помытчиковъ, ѣхать съ ними на тѣхъ судахъ водою на лучшее уловное мѣсто и помыкать птицъ, какъ даннымъ ему, Рыкунову, указомъ повелѣно, а оттуда отправиться сухимъ путемъ, а о суднахъ двухъ, купленныхъ на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, представить ему въ Архангельскую Губернскую Канцелярію доношеніемъ, которымъ требовать, чтобы оныя суда, какъ казенныя, благоволено было, кому надлежитъ, принять подъ казенное охраненіе и въ пріемѣ тѣхъ судовъ взять ему, Рыкунову, росписку. Какъ же изо всѣхъ уловныхъ мѣстъ помытчики, такожъ и онъ, статейщикъ, и кречетникъ со птицами въ городъ Архангельскъ прибудутъ, то, приготовя потребныя къ увозу въ Москву сани и прочее, и истребовавъ отъ Архангельской Губернской Канцеляріи подъ птицы надлежащее число, а подъ статейщика съ кречетникомъ двухъ и на платежъ за оныя

двѣ подводы прогоновъ деньги на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, а подъ птицъ за подводы, такожъ за сани и прочія къ отвозу птицъ принадлежности деньги жъ изъ слѣдуемыхъ въ дачу отъ оной Губернской Канцеляріи за уловъ птицъ опредѣленныхъ, по силѣ Правительствующаго Сената указовъ, денегъ потребное число, ѣхать со оными птицами въ Москву по первому зимнему пути, ни мало не медля, и взять съ собою для препровожденія тѣхъ птицъ и хожденія за оными въ пути помытчиковъ знающихъ надлежащее число, а во оную Архангельскую Губернскую Канцелярію повелѣно послать указъ, которымъ требовать, дабы оная благоволила, по требованію рѣченнаго статейщика, для отправки его водою на покупку помянутыхъ двухъ суденъ съ принадлежащими къ нимъ снастьми и на платежъ за двѣ подводы, на коихъ статейщикъ съ кречетникомъ отправится въ Москву, прогоновъ и на прочее, какъ будучи тамъ въ городѣ, такъ и въ пути неминуемые расходы деньги изъ надлежащихъ суммъ на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи жъ выдать безъ удержанія, такожъ и въ прочемъ, а особливо, что касаться будетъ къ лучшему тѣхъ птицъ пріобрѣтенію и о учиненіи во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ вѣдомства оной Губернской Канцеляріи обывателямъ въ ловлѣ тѣхъ птицъ всякаго вспоможенія, благоволено бъ было отъ оной Губернской Канцеляріи рѣченному статейщику дать послушный указъ. А сколько именно на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи выдано будетъ статейщику денегъ и о томъ прислать во оную Канцелярію письменное извѣстіе, и когда отъ Губернской Канцеляріи назначено будетъ отдать оныя деньги, то отданы будутъ безъ всякаго удержанія». (Арханг. Губерниск. Вѣдом. за 1875 годъ, № 80).

Въ февралѣ 1765 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія приказывала «къ пріобрѣтенію кречетовъ и челиговъ кречетьихъ съ наибольшимъ удовольствіемъ и при томъ лучшихъ породъ Архангелогородской губерніи посылать ежегодно помытчиковъ, раздѣляя оныхъ для помыканія птицъ на двѣ ватаги, изъ которыхъ одну отправлять на Мурманскій островъ въ самое дальнѣйшее поморское мѣсто, то-есть къ Колѣ, а другую на Зимній берегъ, на сдѣланныхъ къ тому для морскаго ходу двухъ судахъ». (Рукоп. Имп. ох.).

Гончая и борзая, съ виньетки на картѣ путешествія Избранта.

18 января 1797 года Контора предписывала Рыкунову: «Въ ордерѣ изъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, сего генваря отъ 7 числа, написано, что Канцелярія стараніемъ кречетника Петра Большаго въ помкнутіи и доставленіи ко птичьей охотѣ сорока четырехъ птицъ весьма довольна, за что ему и объявить благодарность, а вамъ велѣть, чтобъ вы тѣхъ принятыхъ къ охотѣ птицъ старались наилучше выдержать и, справя оныхъ, а особливо цвѣтныхъ, доставить къ главной командѣ въ Санктъ-Петербургъ неотмѣнно» .... (Общ. Арх. Мин. Двора, д. № 1658, стр. 171).

[494]) Въ февралѣ мѣсяцѣ 1766 года царской птичьей охоты сокольникъ Александръ Микулинъ донесъ въ Оберъ-Егермейстерскую Контору, что въ минувшемъ 1765 году, во время его пребыванія въ Архангельскѣ, «для понужденія тамошнихъ Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ къ улову и привозу въ Москву кречетовъ и кречетьихъ челиговъ, а паче цвѣтныхъ и бѣлокрапчатыхъ», и послѣ того, какъ партія помытчиковъ, съ которою слѣдовалъ онъ, Микулинъ, на ловлю, поймала лишь 22 ловчихъ птицы простыхъ и ни одной цвѣтной или крапчатой, несмотря на «всеусердное его стараніе», слышалъ онъ отъ солдатъ Архангелогородскаго гарнизона, 1 баталіона, трехъ братьевъ Мезенцевыхъ съ товарищами, въ числѣ десяти человѣкъ, слѣдующее: «увѣдомились де они, что къ охотѣ Ея Императорскаго Величества потребны птицы кречеты и кречетьи челиги цвѣтные и бѣлокрапчатые, а мы де извѣстны, что около Пустозерскаго острога, въ приморскихъ различныхъ мѣстахъ, кречеты и кречетьи челиги, въ томъ числѣ есть самыхъ лучшихъ породъ цвѣтныхъ и бѣлокрапчатыхъ; того ради желаютъ они для Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества увеселенія нашей Всемилостивѣйшей Государыни въ уловѣ оныхъ птицъ принести вѣрную по присяжной должности услугу, чтобъ для лову оныхъ птицъ указомъ Ея Императорскаго Величества повелѣно было опредѣлить ихъ въ состоящую при Пустозерской Воеводской Канцеляріи Архангелогородскаго гарнизона перваго баталіона команду, а ежели той баталіонной команды тамъ состоять не будетъ, а опредѣлится штатская, то бъ и ихъ въ ту штатскую причислить и быть имъ на томъ же опредѣленномъ жалованьѣ въ томъ Пустозерскомъ острогѣ неотлучно и въ пріобрѣтеніи означенныхъ птицъ тамошнимъ имъ никакаго помѣшательства и препятствія не чинить—подтверждено бъ было Ея Императорскаго Величества

указами». Кромѣ того, Мезенцевы съ товарищами заявили, что будутъ привозить пойманныхъ птицъ въ Архангельскъ своимъ коштомъ, а для пріобрѣтенія птицъ и лучшаго способа ихъ помыканія, также для лучшаго въ общемъ распорядка и лучшаго привоза кречетовъ въ Архангельскъ, просили, чтобы повелѣно было отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи «въ каждый годъ посылать къ нимъ изъ кречетниковъ или изъ сокольниковъ, не позже марта мѣсяца, по одному, да изъ Двинскихъ кречетьихъ помытчиковъ, впредь до знанія поимки тѣхъ птицъ, по два человѣка достойныхъ».

Руководствуясь тѣмъ, что Императрица «весьма соизволитъ жаловать оною птичьею охотою веселиться», каковое обстоятельство побуждаетъ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію принимать всевозможныя мѣры къ пріисканію лучшихъ породъ ловчихъ птицъ, названная Канцелярія въ апрѣлѣ того же года послала промеморію въ Государственную Военную Коллегію съ требованіемъ, «дабы для показанія рѣченныхъ мѣстъ къ помыканію кречетовъ и челиговъ кречетьихъ лучшихъ породъ изъ вышеписанныхъ, находившихся въ Архангелогородскомъ гарнизонномъ первомъ баталіонѣ откомандировать человѣкъ шесть солдатъ, трехъ братьевъ Мезенцовыхъ и трехъ братьевъ Олоховыхъ, въ рѣченный Пустозерскій острогъ, въ состоящую тамъ онаго баталіона Команду», или назначить ихъ туда къ какой-либо другой должности, но непремѣнно имѣя въ виду дать имъ возможность указывать удобныя для ловли кречетовъ мѣста, въ удобное для ловли время.

Государственная Военная Коллегія отвѣтила Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, что вышеназванныхъ солдатъ, гдѣ бъ они въ отлучкѣ ни были, предписано освободить отъ службы немедленно, замѣстя другими, и отправить въ Пустозерскій острогъ для причисленія къ состоящей тамъ командѣ перваго баталіона также немедленно.

Съ своей стороны, Оберъ-Егермейстерская Канцелярія, по указу Императрицы, распорядилась:

1) «Находящемуся при Двинскихъ кречетьихъ помытчикахъ у понужденія оныхъ къ помыканію ими птицъ, кречетнику Григорію Перову посланъ указъ и велѣно ему, выбравъ изъ оныхъ помытчиковъ двухъ человѣкъ съ слѣдственными къ помыканію птицъ принадлежностями и для отправленія ихъ съ вышеписанными солдатами въ Пустозерскій острогъ, представить къ его превосходительству генералъ-маіору и кавалеру и Архангелогородской губерніи губернатору господину Головцыну, и какъ отправлены будутъ, то и ему, Перову, истребовавъ отъ его жъ превосходительства одну ямскую подводу и для лучшаго порядку для понужденія къ примѣчанію вышеписанныхъ около Пустозерскаго острога удобныхъ мѣстъ и помыканія птицъ, ѣхать за ними въ тотъ острогъ немедленно, а на платежъ указанныхъ прогоновъ до того острога и обратно до города Архангельскаго съ наловленными птицами, на разные необходимые при томъ расходы, истребовать ему отъ Архангелогородской Губернской Канцеляріи, на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, денегъ сорокъ рублевъ, а буде оныхъ по усмотрѣнію явится недостаточно, то хотя и болѣе. Если же, сверхъ чаянія, оные солдаты и два человѣка помытчиковъ отправятся до того Пустозерскаго острога водою, то и ему, Перову, идти обще съ ними водою жъ, а подводы тогда уже не требовать. А изъ вышеписанныхъ денегъ велѣно ему на разныя приключающіяся тамъ и въ пути необходимыя потребности и ему на произвожденіе кормовыхъ въ расходъ употреблять надлежащее, безо всякаго излишества, и напрасной траты по присяжной должности, и всему оному расходу для отчету имѣть ему вѣрующую записку. А вышеписаннымъ двумъ помытчикамъ, для онаго ихъ отправленія, на содержаніе ихъ въ тамошнюю бытность пищею и протчимъ велѣно старостѣ дать изъ принятыхъ отъ Архангелогородской Губернской Канцеляріи положенной за птицъ первой сего года половины денегъ надлежащее число; а какъ оттуда возвратятся со птицами, то сколько ими самими точно помкнуто будетъ, за оныхъ велѣно въ Москвѣ Конторѣ изъ полученной отъ Статсъ-Конторы за птицъ же второй половины денегъ выдать изъ прежнихъ въ добавокъ по положенному за тѣхъ птицъ окладу, сполна, безобидно. По пріѣздѣ жъ туда ему, Перову, какъ въ показаніи оными солдатами ему и помытчикамъ около того острога мѣстъ; гдѣ птицамъ водъ (ходъ? летъ? ловъ?) бываетъ, такъ и въ помыканіи оныхъ прилагать неусыпное стараніе, и тѣхъ солдатъ, тако жъ и помытчиковъ къ тому понуждать неослабно, дабы оныхъ птицъ помкнуто было съ довольствіемъ. А при томъ ему, Перову, вышерѣченнымъ солдатамъ объявить, если ими во всемъ томъ доказано будетъ усердіе, за то имъ отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи имѣетъ быть награжденіе и сверхъ того они, по ихъ желанію будутъ тамъ находиться безсмѣнно. И что происходить будетъ, о томъ ему, Перову, въ Канцелярію присылать рапорты почаще; при томъ же ему взять съ собою ружье и на довольствіе пойманныхъ кречетовъ и челиговъ кречетьихъ стрѣлять всякую дичь, потому что въ тамошнихъ мѣстахъ, уповательно, въ кормъ онымъ кречетамъ къ покупкѣ говядины да голубей и отыскать будетъ невозможно, а ежели гдѣ оное сыщется къ покупкѣ, то ему въ случаѣ нужды и покупать, а болѣе стараться стрѣлять дикихъ птицъ. Отъ рѣченнаго острога ему отправиться до города Архангельска; взявъ съ собою для препровожденія оныхъ птицъ изъ тѣхъ солдатъ надлежащее число, а отъ онаго города тѣхъ птицъ въ Москву отправить съ тѣми, кои наловлены будутъ Архангелогородскими и Вологод-

скими помытчиками въ прежнихъ мѣстахъ, въ двухъ ватагахъ, подъ его смотрѣніемъ и командою. И при томъ подтверждено ему, чтобы въ пути оныхъ птицъ крайне берегли, дабы изъ нихъ не было никакаго упадка и поврежденія. А по пріѣздѣ въ Москву явиться съ тѣми птицами на Семеновскій потѣшный дворъ у капитана Ивана Рыкунова. А ему, Рыкунову, оныхъ принявъ, въ Контору подать рапортъ съ показаніемъ порознь, сколько изъ тѣхъ птицъ и какихъ именно наловлено точно въ двухъ ватагахъ, такожъ и въ Пустозерскомъ острогѣ солдатами и двумя помытчиками. А изъ оной конторы представить рапортъ же въ Канцелярію неукоснительно», съ отчетомъ о расходахъ Перова.

2) Сообщить въ Статсъ-Контору, чтобы Архангельской Губернской Канцеляріи было предложено выдать Перову деньги для указанныхъ выше надобностей.

3) Архангельскому Губернатору генералъ-маіору Головцыну послать сообщеніе, чтобы онъ распорядился отправленіемъ въ Пустозерскъ солдатъ и помытчиковъ, согласно вышеизложенному, въ кратчайшій срокъ, во избѣжаніе потери лучшаго для ловли кречетовъ времени.

4) Въ Пустозерскую Воеводскую Канцелярію послать указъ и требовать, «чтобъ отъ оной тамошнимъ, о нечиненіи вышеобъявленнымъ солдатамъ и будущимъ съ ними, вѣдомства Оберъ-Егермейстерскаго, кречетнику и помытчикамъ въ помыканіи около онаго Пустозерскаго острога водянымъ и сухимъ путемъ въ удобныхъ мѣстахъ птицъ никакаго препятствія и помѣшательства, объявлено было съ подпискою, или тѣмъ солдатамъ и кречетнику съ помытчиками отъ оной Воеводской Канцеляріи данъ былъ съ прочетомъ указъ». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. № 16).

Сохранилось извѣстіе, что вышепоименованный кречетникъ Григорій Перовъ пробылъ на сѣверѣ «для понужденія тамошнихъ помытчиковъ къ лову птицъ» съ 15 марта 1766 по 1 января слѣдующаго 1767 года. (Тотъ же Арх., оп. 71, д. № 31).

Въ ноябрѣ 1774 года Пустозерская Воеводская Канцелярія доносила Канцеляріи Оберъ-Егермейстерской, что, получивъ приказъ отъ Архангельскаго Губернатора генералъ-маіора Головцына отправить прямо въ Москву съ пойманными птицами солдатъ Архангельскаго гарнизона, состоящихъ при Пустозерской командѣ, для ловли кречетовъ, давъ имъ прогонныя деньги «по представленному отъ нихъ порядку, полагая на каждыя четыре птицы по одной подводѣ»,—за счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи,—Воеводская Канцелярія призвала помытчиковъ-солдатъ съ птицами, причемъ убѣдилась, что послѣднихъ поймано нынѣшнимъ лѣтомъ три кречета кравчатыхъ, которые въ присутствіи и осматриваны, и по свидѣтельству «у одной птицѣ въ хвостѣ одного пера нѣтъ, а у прочихъ двухъ птицъ какъ въ крыльѣ, такъ и въ хвостахъ заломовъ не явилось». На вопросъ о пути солдаты-помытчики сказали, что надо имъ ѣхать отъ Пустозерскаго острога до Усцелемской слободки 250, а отъ той слободки до Вожгорской деревни 230, отъ Вожгоръ до Вышки 120, отъ Вышки до Нюеги 80, отъ Нюеги до Выи 60, отъ Выи до Пинежни 30, отъ Пинежни до Милы 80, отъ Милы до Верхней Тоймы 17, отъ Верхней Тоймы до Заострови 90, отъ Заострови до Муланды до Золотилова яму 18, отъ Золотилова яму чрезъ Вологду и Ярославль до Москвы 891 верста, всего 1896 верстъ (гдѣ-нибудь пропускъ перегона въ 30 верстъ, такъ какъ сумма приведенныхъ цыфръ 1866), «а другой дороги, окромя оной, они не знаютъ». Пойманныя ловчія птицы были отправлены въ Москву съ сокольимъ помытчикомъ Яковымъ Даниловымъ и Никитой Затопляевымъ, которымъ выдано было прогонныхъ денегъ, по деньгѣ за версту, 9 руб. 48 коп. (Тотъ же Арх., оп. 72, д. № 20).

Въ іюлѣ 1777 года Архангельская Губернская Канцелярія представила Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи о жалобѣ прибывшихъ въ Архангельскъ изъ Пустозерска двухъ солдатъ мѣстнаго гарнизона, которые не только не были отправлены Пустозерскою Воеводскою Канцеляріею, по силѣ прежняго указа, съ пойманными тамошними солдатами-помытчиками девятью птицами прямо въ Москву, но даже не получили никакихъ денегъ на дорогу въ Архангельскъ. Представленіе это, довольно пространное и содержащее въ себѣ, главнымъ образомъ, ариѳметическіе подсчеты, сколько слѣдовало выдать солдатамъ за пойманныхъ птицъ, ихъ прокормъ и на прогоны до Москвы, какъ не содержащее какихъ-либо новыхъ, ранѣе нами не приведенныхъ, данныхъ, упускаемъ. (Тотъ же Арх., оп. 53, д. № 316).

[495]) По слѣдственному акту надъ Оберъ-Комендантомъ города Астрахани Чириковымъ, относящемуся къ 1719 году, этому лицу ставилось, между прочимъ, въ великую вину то обстоятельство, что онъ отправлялъ отъ себя за море соколовъ и кречетовъ. (Соловьевъ, т. XVI, стр. 247).

Въ іюлѣ 1715 года, по указу Царя Петра Алексѣевича, велѣно было Симбирскому жителю Ивану Михайловичу Зиновьеву, въ низовыхъ городахъ, гдѣ появятся, помыкать птицъ кречетовъ, соколовъ и ихъ челиговъ съ великимъ радѣніемъ и неоплошно, и присылать пойманныхъ птицъ въ Москву, въ Семеновское на потѣшный дворъ. Кромѣ Зиновьева и его людей, никому не разрѣшалось ловить такихъ птицъ, а въ случаѣ появленія самовольныхъ помытчиковъ, послѣднихъ велѣно было ловить и чинить имъ наказанье, а птицъ отбирать и отдавать Зиновьеву для представленія Князю Ѳедору Юрьевичу Ромодановскому. (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 75, д. № 23).

[496]) Къ 1741 году относится извѣстіе, что частнымъ лицамъ, какъ Русскаго происхожденія, такъ и иностранцамъ, поимка ловчихъ птицъ на сѣверѣ Европейской Россіи воспрещалась безусловно и только въ видѣ исключенія въ этомъ году была дозволена Голландскимъ и Римско-Цезарскимъ подданнымъ для ихъ дворовъ, «для особливаго онымъ дворамъ угожденія». (Внутр. бытъ Росс. Гос. 1740—1741 годовъ, ч. I, стр. 300).

Послѣднее разрѣшеніе, данное указомъ 3 мая 1741 года, было вызвано «требованіемъ Римско-Цезарскаго и Голландскаго Резидующихъ Министровъ» и заключалось въ томъ, что въ Архангельскую провинцію и Кольскій уѣздъ были посланы Римско-Цезарскіе и Голландскіе сокольники для ловли бѣлыхъ соколовъ, къ которымъ въ помощь были приданы Русскіе помытчики, по одному помытчику на каждаго иностраннаго охотника, при чемъ помытчикамъ было, между прочимъ, вмѣнено въ непремѣнную обязанность слѣдить, чтобы иностранные сокольники ничего, кромѣ бѣлыхъ соколовъ не ловили и въ «неприличныя» дѣла не мѣшались. (Арханг. Губ. Вѣд. 1846 года, № 8).

[497]) Въ апрѣлѣ 1776 года Оберъ-Егермейстерская Канцелярія послала въ Московскую свою Контору слѣдующій интересный указъ:

«Ея Императорское Величество весьма соизволитъ жаловать птичью охоту для Всевысочайшаго своего оною охотою во время выѣздовъ на поле увеселенія, и вслѣдствіе сего Оберъ-Егермейстерская Канцелярія къ пріобрѣтенію ежегодно кречетовъ и челиговъ кречетьихъ съ наибольшимъ удовольствіемъ, а при томъ лучшихъ породъ, т. е. бѣлыхъ и бѣлокрапчатыхъ, чрезъ высокіе къ тому способы прилагаетъ крайнее къ тому стараніе. Токмо изъ уловныхъ тѣмъ кречетамъ мѣстъ отъ опредѣленныхъ вѣдомства оной Канцеляріи помытчиковъ, не токмо таковыхъ лучшихъ, но и простыхъ породъ кречетовъ и челиговъ помыканіе и приносъ въ Москву къ охотѣ Ея Императорскаго Величества весьма уменьшился, чего ради для такаго пріобрѣтенія оныхъ, а наипаче лучшихъ породъ птицъ, такожъ и къ понужденію въ томъ помытчиковъ, въ разныя мѣста отправляются въ каждый годъ отъ птичьей охоты нарочные служители. А сего марта 21 дня въ поданномъ въ Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію Олонецкаго уѣзда отъ Выгорѣцкихъ раскольниковъ Аммоса Корнилова сына Валютина да Алексѣя Тимофеева сына Кисилева съ товарыщи доношеніи объявлено: для промысловъ де своихъ ѣздятъ они въ дальнія моремъ и сухимъ путемъ мѣста, гдѣ часто видаютъ кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, а помыкать оныхъ собою безъ дозволенія не смѣютъ. А какъ де во оныхъ птицахъ, для Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества увеселенія, состоитъ надобность, чего ради просили, дабы оныхъ птицъ, гдѣ они, по пріѣздѣ имъ для промысловъ, въ разныхъ мѣстахъ найти могутъ, а особливо на Канѣ ( ) носу, по рѣкѣ Печорѣ до Карскаго моря и до рѣчки Оби, такожъ и на Датскомъ островѣ Грумантѣ, помыкать дозволить, которыхъ они какъ, гдѣ и сколько, помкнутъ, должны привозить къ городу Архангельскому, а отъ онаго до Москвы, и для того отвозу отъ города благоволено бъ было давать до Москвы казенныя подводы, и о всемъ томъ дать имъ отъ оной Канцеляріи указъ. А понеже, какъ выше предписано, что приносъ онымъ кречетамъ весьма умалился, почему и впредь надежды въ томъ имѣть совсѣмъ невозможно, того ради, по указу Ея Императорскаго Величества и Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи опредѣленію, означеннымъ раскольникамъ Аммосу Валютину и Алексѣю Киселеву съ товарыщи, которые сами добровольно доношеніемъ своимъ обязались въ помыканіи ими во время ѣзды ихъ моремъ и сухимъ путемъ, какъ на Канѣ носу по рѣкѣ Печорѣ и до Карскаго моря, такъ до рѣки Оби и на Датскомъ острову Грумантѣ вышепоказанныхъ кречетовъ и челиговъ кречетьихъ, сколько гдѣ оныхъ найти могутъ, для привозу только въ Москву къ охотѣ Ея Императорскаго Величества дозволено отнынѣ на одинъ годъ для апробаціи съ тѣмъ, если ими тѣхъ кречетовъ и челиговъ кречетьихъ поймано и сюда привезено будетъ, а особливо вышеписанныхъ лучшихъ породъ, бѣлыхъ и бѣлокрапчатыхъ, то и впредь будущіе годы дано будетъ имъ всегда таковое жъ позволеніе, а притомъ за оное ихъ изъ воли своей ревностное къ службѣ Ея Императорскаго Величества усердіе въ тѣ жъ годы Оберъ-Егермейстерская Канцелярія учинитъ распоряженіе, чтобы съ состоящихъ въ вѣдомствѣ

Гончая, конца XVII столѣтія, съ русской гравюры того времени.

оной Вологодскихъ и прочихъ помытчиковъ за надлежащихъ отъ нихъ въ приносъ къ охотѣ птицъ взыскивать денежный оброкъ, потому что оные Вологодскіе помытчики просили сами, дабы ихъ моремъ съ Архангелогородскими помытчиками не посылать, а по близости оныхъ помытчиковъ жилища такихъ птицъ не имѣется, и для того изъ онаго оброку рѣченнымъ расколщикамъ, Валютину и Киселеву съ товарыщи, будетъ производиться противъ того, какъ и Архангелогородскимъ Двинскимъ кречетьимъ помытчикамъ производится жъ денежная плата отъ Архангелогородской Губериской Канцеляріи, и для того подтверждено имъ, чтобы они въ помыканіи птицъ въ вышеописанныхъ мѣстахъ прилагали свое крайнее усердіе между своими промыслами; **токмо на сторону изъ тѣхъ пойманныхъ ими птицъ отнюдь ни за какія деньги** не продавать, ибо оныя птицы, какъ выше предписано, весьма потребны здѣсь въ Санктъ-Петербургѣ для Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества увеселенія, въ чемъ они въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи обязаны подпискою съ подтвержденіемъ. И какъ съ тѣми птицами къ городу Архангельску они прибудутъ, то имъ къ отвозу оныхъ птицъ до Москвы о дачѣ ямскихъ подводъ подлежащаго числа, по примѣру того какъ и Архангелогородскимъ помытчикамъ подъ птицы подводы жъ даются, и по выдачѣ на платежъ указныхъ прогоновъ денегъ истребовавъ отъ Архангелогородской Губерискої Канцеляріи на счетъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, ѣхать въ Москву и явиться въ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ, а оной отъ нихъ принять тѣхъ птицъ къ охотѣ капитану Ивану Рыкунову и о томъ (репортовать) въ Канцелярію съ обстоятельствомъ. А въ Архангелогородскую Губерискую Канцелярію послань указъ и требовано, чтобъ отъ оной благоволено было вышепоказаннымъ Валютину и Киселеву съ товарыщи, дабы въ тѣхъ мѣстахъ вѣдомства оной Канцеляріи отъ обывателей и протчихъ въ помыканіи кречетовъ и челиговъ кречетьихъ никакого препятствія и обиды не происходило, дать съ прочетомъ указъ, а сверхъ того и отъ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи онымъ же Валютину и Киселеву для исполненія въ вышеписанныхъ обстоятельствахъ данъ указъ же, и Оберъ-Егермейстерской Конторѣ о томъ вѣдать и учинить по Ея Императорскаго Величества указу». (Общ. Арх. Мин. Двора, оп. 70, д. № 46).

[498]) **Въ февралѣ мѣсяцѣ 1770 года Оберъ-Егермейстерская Контора на основаніи Высочайшаго указа, объявленнаго Егермейстеромъ Вильгельмомъ Романовичемъ фонъ-Пальманомъ,** предписала Ростовскимъ сокольимъ помытчикамъ, чтобы они, сверхъ положеннаго на нихъ количества ловчихъ птицъ, «какъ наивозможно старались помкнуть четырехъ филиновъ, коихъ и къ **охотѣ въ Москву принесть іюля къ 1 числу непремѣнно».**

Подобное приказаніе, по всей вѣроятности, было отдано и комплектнымъ сокольимъ помытчикамъ, состоявшимъ въ Москвѣ при Императорской птичьей охотѣ, такъ какъ завѣдывавшій въ то время этою охотою капитанъ Иванъ Рыкуновъ подалъ 15-го февраля того же 1770 года въ Оберъ-Егермейстерскую Контору слѣдующій, не лишенный интереса, рапортъ:

«По присланному мнѣ изъ оной Конторы сего февраля 14-го дня указу велѣно какъ возможно для отправленія со птичьею охотою въ С.-Петербургъ помкнуть четырехъ филиновъ и объ ономъ помкнутіи подтвердить наикрѣпчайше всѣмъ сокольимъ помытчикамъ, чтобъ оныхъ филиновъ какъ возможно жъ помкнули неотмѣнно и безъ всякихъ отговорокъ и принесли бъ въ Москву ко птичьей охотѣ, а по справкѣ при птичьей охотѣ для помыканія означенныхъ филиновъ знающихъ къ тому помытчиковъ никаго не имѣется, да и инструментовъ, касающихся къ тому помыканію означенныхъ филиновъ, не имѣется жъ, да и какъ тѣхъ филиновъ помыкать оные помытчики и знанія никакого не имѣютъ, ибо оные филины ловятся особливымъ противу улова соколовъ и протчихъ тому подобныхъ птицъ инструментомъ и въ особливыя времена, а **не такъ какъ вышеписанныя птицы тѣми помытчиками помыкаются, и для того къ тѣмъ помыт**чикамъ по незнанію ихъ къ тому улову означенныхъ филиновъ и подтвержденія посылать не для чего. А оные филины современемъ (по временамъ?) ловятся въ одномъ токма Измайловскомъ звѣринцѣ, въ которомъ звѣринцѣ въ прошломъ 1769 году тамошними звѣровщиками и пойманъ одинъ, и принесенъ ко птичьей охотѣ, которой и нынѣ стоитъ на лицо, о чемъ Оберъ-Егермейстерской Конторѣ симъ **во извѣстіе репортую». (Тотъ же Арх., оп. 74, д. № 33).**

Въ 1753 году послѣдовало, по указу Ея Императорскаго Величества, приказаніе наловить въ Переяславской провинціи до 25 паръ турухтановъ, а по наловленіи таковыхъ, отправить ихъ въ Москву къ Высочайшему Двору. Для перевозки пойманныхъ птицъ приказано было «слѣлать телѣгу съ долгими дрогами и на оную поставить клѣтку долгую, чтобъ было одно дно и на немъ **перегородка въ длину одна и въ нее вдѣлать поперешныхъ тринадцать, и во всякую посадить** по одному турухтану, а со стороны и верхъ сѣткою покрыть и такъ ихъ вести исподволь».

Для ловли этихъ птицъ были откомандированы восемь человѣкъ помытчиковъ, которые, выполнивъ данное имъ порученіе съ надлежащимъ успѣхомъ, принесли пойманныхъ турухтановъ въ Москву сами, въ рукахъ, такъ какъ, по ихъ заключенію, везти этихъ птицъ не представлялось никакой возможности, во избѣжаніе потери, въ противномъ случаѣ, въ пути всѣхъ турухтановъ безъ исключенія.

Въ награду за принесенныхъ турухтановъ каждому сокольему помытчику было выдано по 1 рублю денегъ. (Тотъ же Арх., оп. 305, д. № 1).

499) 26 іюня 1773 года, поднося на Высочайшее воззрѣніе вновь проектированный штатъ Императорской охоты, Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ, между прочимъ, докладывалъ слѣдующее:

«Для увеселенія Вашего Императорскаго Величества птицъ соколовъ и кречетовъ содержать, сколько оныхъ въ которомъ году помкнуто и принесено къ охотѣ, безъ недостатка, а для лова тѣхъ птицъ быть помытчикомъ: для кречетовъ — въ Казани, Свіяжкѣ, въ Кузьмодемьянскѣ, въ Чебоксарахъ, въ Кокшайскѣ, у города Архангельскаго, Двинскимъ, Вологодскимъ; для соколовъ — въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, въ Ростовѣ, въ Ярославлѣ, которые и прежде сего состояли въ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи; а Симбирскихъ, Коломенскихъ, Бѣлозерскихъ, Суздальскихъ, всего 211 душъ взять Дворцовой Канцеляріи въ вѣдомство свое, а оставшіеся въ вѣдомствѣ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи помытчики за то, что приносить будутъ къ охотамъ птицъ, должны только съ себя платить подушныя семигривенныя деньги, а за рекрутъ складочную указную цѣну брать съ нихъ по прошествіи написаннаго въ Именномъ и отъ Правительствующаго Сената публикованномъ прошлаго 1770 года августа 16 дня указѣ двадцатилѣтняго срока, въ которые годы они отъ рекрутскаго набора уволены; натурою жъ съ нихъ рекрутъ и никакихъ другихъ податей не брать, и кромѣ лова и приноса птицъ, службъ никакихъ не исправлять. Сверхъ того дозволяется имъ, помытчикамъ, гдѣ будетъ способно, торговать, кто чѣмъ похочетъ, какъ и купцамъ, и которые изъ оставшихся при птичьей ловлѣ помытчики вновь въ купечество — возвратить всѣхъ оныхъ въ прежнюю помытческую должность. Въ удобныхъ имъ мѣстахъ въ помыканіи птицъ никому никакого помѣшательства имъ не чинить, и быть имъ, помытчикамъ, вѣ томъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, въ Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи; а въ криминальныхъ и формальныхъ судныхъ дѣлахъ по требованіямъ отсылать Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи отъ себя, куда будутъ подлежательны».

Тетеревъ, съ русской гравюры конца XVII столѣтія.

Однако на докладѣ объ этомъ Императрица Екатерина II положила собственною рукою слѣдующую резолюцію: «О сокольихъ помытчикахъ остаться впредь до разсмотрѣнія на прежнемъ основаніи». (Подл. докладъ Нарышкина, Рукоп. Имп. ох.).

Въ томъ же мѣсяцѣ Оберъ-Егермейстеръ Нарышкинъ вошелъ съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ, прося отдать приказаніе, чтобы, по силѣ упомянутаго выше Именнаго Высочайшаго указа отъ 16 августа 1770 года, сокольимъ помытчикамъ были возвращены складочныя за рекрутъ деньги, и чтобы впредь подобныхъ денегъ съ помытчиковъ не взималось. Однако Правительствующій Сенатъ объяснилъ Оберъ-Егермейстеру, что указъ 16 августа понятъ Оберъ-Егермейстерскою Канцеляріею неправильно, что таковой касался лишь лицъ, сосланныхъ въ Сибирь, почему не только приказалъ сказанныя деньги съ помытчиковъ собирать попрежнему, но и предписалъ взыскать, подъ опасеніемъ штрафа, всѣ числящіяся на помытчикахъ по этой статьѣ недоимки. (Подл. ук. Сен., № 384—1773 г., Рукоп. Имп. ох.).

500) Въ 1782 году Правительствующій Сенатъ занялся вопросомъ о регулированіи правъ сокольихъ и кречетьихъ помытчиковъ, предписавъ, между прочимъ, указомъ отъ 31 декабря провинціальнымъ казеннымъ палатамъ доставить необходимыя для того свѣдѣнія, касающіяся современнаго положенія помытчиковъ. (Подл. ук., Рукоп. Имп. ох.). По этому поводу въ слѣдующемъ 1783 году поступили слѣдующія донесенія:

Казенная Палата Вологодскаго намѣстничества доносила, что сокольи и кречетьи помытчики, проживающіе въ подвѣдомственномъ ей раіонѣ, коихъ по послѣдней (4-й) ревизіи насчитывалось 519 душъ, оставлены попрежнему, до указу, въ одномъ семигривенномъ окладѣ повинностей.

Означенное количество Вологодскихъ помытчиковъ слагалось изъ слѣдующихъ: 1) Грязовецкой округи, Комельской трети, деревни Климова-Блазны съ приписными къ ней деревнями — 301 душа; 2) Кандинской округи, Сянжемской волости, села Никольскаго съ деревнями — 153 души; 3) Холмогорской округи, Курейской волости — 42 души, Куростровской волости — 10 душъ и Богоявленской Устьостровской волости — 13 душъ.

по Штату 1773 года.

№№ по порядку.	Названіе ИМПЕРА…	…СКОЙ ОХОТЫ. На пріобрѣтеніе собакъ въ 1 годъ. Одному.	Всѣмъ.	На покупку дровъ въ 1 годъ. Одному.	Всѣмъ.	Всего деньгами въ годъ. Одному.	Всѣмъ.	ОСОБЫЯ ПРИМѢЧАНІЯ.	Ранги чиновъ ИМПЕРАТОРСКОЙ охоты.
1	Оберъ-егер	—	—	—	—	4188,37	4188,37		Генер.-аншевъ.
2	Егермейсте	—	—	—	—	2531,81¼	2531,81¼		Генер.-поручикъ.
3	Унтеръ-еге	—	—	—	—	1271,26	1271,26		Бригадиръ.
4									
	Секретарь	—	—	—	—	450	450	„По оной канцеляріи и по конторѣ въ приходахъ и расходахъ денежной казны и во всякихъ казенныхъ качествахъ комисарскіе счеты ревизовать въ силу состоявшагося въ прошломъ 1763 году,	Полагаются всѣмъ канц. служителямъ чины и жалованье противъ коллежскихъ, такъ и въ конюш.
	Протоколис	—	—	—	-	300	300		
	[illegible]					[illegible]	[illegible]		
	За форштм							На фуражъ . . . . . 36,60 „	
	Звѣровщик	—	—	3	6	57,00	114,00	На поч. служ. покоевъ и пр. 50,00 „	
								Всего 1167,20 р.	
17	Измайл							На кормы звѣрямъ . . 3455,20 р.	
	Форштмейс	—	—	6	6	411,00	411,00	На покупку 3-хъ лошадей . . . . . 15,20 „	Поручик.
	Звѣровщик	—	—	3	21	36,50	255,50	На фуражъ . . . . . 57,60 „	
								На лѣкарство звѣрямъ 300,60 „	
		—	—	—	27	—	666,50	Всего 3827,80 р.	
18	С.-Петер							На разные расходы и потребности . . . . 70 р.	
	Комисаръ	—	—	—	—	120	120	На кормы звѣрямъ . . 800 „	Противъ придв. конюш. комисара, состоящ. у богатой ливреи.
	Писарь .	—	—	—		60	60		
	Звѣровщик	—	—	3	12	60	240	Всего 870 р.	
		—	—	—	12	—	420		
19	Еге								
	Подмастер	—	—	3	3	110,00	110,00		
	Волторнис	—	—	3	12	90,00	360,00	На покупку разныхъ игральныхъ инструментовъ . . . . . 150 р.	
	Кларнетчи	—	—	3	9	75,00	225,00		
	Флаутреве	—	—	3	6	75,00	150,00		
	Гобоисты	—	.	3	6	75,00	150,00		
	Басовщики	—	—	3	6	75,00	150,00		
	Рожечники		—	3	108	70,00	2520,00	Всего . . 150 р.	
	Учитель му	—	—	—	—	420	420,00		
		—	—	—	150	—	4085,00		
20	С.-Пет							*) Дворъ этотъ поступилъ въ оберъ-егермейст. вѣдомство изъ конторы строенія Е. И. ВЕЛИЧ. домовъ и садовъ.	
	Комисаръ	—	-	—	—	120	120	. . . . .	Противъ придв. конюш. комисара, состоящ. у богатой ливреи.
	Птичники	-	—	—	-	42	84		
	Ученики .	—	—	—		36	72		
		—	—	—	—	—	276		
21	Астраха							На кормы звѣрямъ и птицамъ, починку птичныхъ сараевъ, служительск. покоевъ . 2267,80¾ р.	
	За комисар	—	—	—	—	100	100	На покупку судовъ для отправки птицъ. . 1000,00 „	
	Птичники	—	—	-	—	30	60		
		—				—	160	Всего . . 3267,80¾ р.	
		—	330,00	—	873,00	—	37.590,9 5/12	Оставшимся за штатомъ престарѣлымъ и больнымъ служителямъ на пенсіонъ . . . . . 800 р.	
								Всего . . 800 р.	
								Всего на содержаніе охоты. . . . 30.604 р. 60¾ к.	
								На содержаніе личнаго персонала. . 37.590 „ 0,9 5/12 „	
								Итого по штату . . 68.194 р. 70¼ к.	

ТАБЛ

о личномъ составѣ и содержаніи

№№ по порядку.	Названіе чиновъ охоты.	Число чиновъ.	Денежное с											
			Жалованье въ годъ.		Обмундированіе въ годъ.						На пріобрѣте			
					Парадный мундиръ.		На серяжный кафтанъ и пр. обмундированіе.		ВСЕГО на обмундированіе.		На пріобрѣтеніе лошадей.		На пріобр. сѣдел. пр. сбр.	
			Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	
1	Оберъ-ферштеръ	1	500	500	100	100	—	—	100	100	17,50	17,50	4,33	
2	Биксенъ-шпаніеры	2	200	400	80	160	—	—	80	160	14,00	28,00	3,33	
3	Оберъ-егерь	1	200	200	80	80	—	—	80	80	14,00	14,00	3,33	
4	Стремянной егерь	1	200	200	80	80	—	—	80	80	14,00	14,00	3,33	
5	Стремянной егерь (р.). . . .	1	100	100	80	80	—	—	80	80	14,00	14,00	3,33	
6	Егерь (русскій)	1	80	80	68	68	—	—	68	68	6,25	6,25	1,00	
7	Стремянной охотникъ (р.) . .	1	100	100	—	—	—	—	—	—	натурою		0,82	
8	Егерскіе ученики	6	—	—	15	90	3,50	21	18,50	111,00	5,00	30,00	0,70	
9	Охотники	6	—	—	7,50	45	5,33⅓	32	12,33⅓	77,00	натурою?		1,49	
10	Пикеръ (голшт.)	1	220	220	89	89	—	—	89	89	17,50	17,50	4,00	
11	Пикерскіе ученики	3	I — 48 II — 38 III — 36	122	50	150	—	—	50	150	7,50	22,50	1,16⅔	
12	Ружейный мастеръ	1	200	200	68	68	—	—	68	68	—	—	—	
13	Ружейный подмастерье. . . .	1	150	150	20	20	—	—	20	20	—	—	—	
14	Ложенный ученикъ	1	40	40	15	15	3,5	3,5	18,50	18,5	—	—	—	
15	Ружейные ученики	2	40	80	15	30	3,5	7	18,50	37,00	—	—	—	
16	Наварщики.	12	—	—	10	120	3,33⅓	40	13,33⅓	160	натурою		0,49	
	Всего . . .	**41**	—	**2392**	—	**1195**	—	**103,50**	—	**1298,50**	—	**163,75**	—	**4**
	Въ среднемъ на 1 чел. .	—	—	58,34	—	29,15	—	2,52	—	31,67	—	3,99	—	

ИЦА

чиновъ Ораніенбаумской охоты.

о д е р ж а н і е.										Натуральное содержаніе.							
ніе и содержаніе лошадей въ годъ.						На пріобрѣтеніе ружья въ годъ.		ВСЕГО деньгами въ годъ.		Дровъ саженъ.		Муки четвертей.		Крупы четвертей.		Соли пудовъ.	
фвте-ть и уп.	На ковку лошадей.		На фуражъ.		ВСЕГО на лошадь.												
Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.	Одному.	Всѣмъ.
4,33	7,00	7,00	—	—	28,83	28,83	—	—	628,83	628,83	12	12	—	—	—	—	—	—
6,66	7,00	14,00	—	—	24,33	48,66	—	—	304,33	608,66	9	18	—	—	—	—	—	—
3,33	7,00	7,00	—	—	24,33	24,33	—	—	304,33	304,33	9	9	—	—	—	—	—	—
3,33	7,00	7,00	—	—	24,33	24,33	—	—	304,33	304,33	9	9	—	—	—	—	—	—
3,33	7,00	7,00	—	—	24,33	24,33	—	—	204,33	204,33	8	8	—	—	—	—	—	—
1,00	2,00	2,00	—	—	9,25	9,25	1,60	1,60	158,85	158,85	8	8	—	—	—	—	—	—
0,82	4,00	4,00	—	—	4,82	4,82	—	—	104,82	104,82	3	3	15	15	2	2	1	1
4,20	2,00	12,00	—	—	7,70	46,20	1,60	9,60	27,80	166,80	1 1/2	9	10	60	1	6	—	—
8,94	4,00	24,00	—	—	5,49	32,94	—	—	18,32 1/3	109,94	1 1/2	9	10	60	1	6	—	—
4,00	7,00	7,00	—	—	28,50	28,50	—	—	337,50	337,50	9	9	—	—	—	—	—	—
3,50	—	—	—	—	8,66 2/3	26,00	—	—	I—106 2/3 II— 96 2/3 III— 94 2/3	298,00	1 1/2	4 1/2	10	30	1	3	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	268,00	268,00	6	6	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	170,00	170,00	3	3	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	58,50	58,50	1 1/2	1 1/2	6	6	1	1	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	58,50	117,00	1 1/2	3	6	12	1	2	—	—
5,88	—	—	—	—	0,49	5,88	—	—	18,82 1/3	165,88	1	12	6	72	1	12	—	—
9,32	—	91,00	—	—	—	304,07	—	11,20	—	4005,77	—	124	—	255	—	32	—	1
1,20	—	2,22	—	—	—	7,42	—	0,27	—	97,70	—	3,02	—	6,22	—	0,80	—	0,02

По этому донесенію Правительствующій Сенатъ постановилъ запросить Оберъ-Егермейстерскую Канцелярію, всѣ ли помянутые помытчики для приносу къ охотѣ Ея Императорскаго Величества птицъ употребляются, нужны ли они впредь и нельзя ли потребное для птичьей охоты количество птицъ доставать покупкою, положивъ помытчиковъ въ равный окладъ съ прочими государственными крестьянами. (Рукоп. Имп. ох.).

Казенная Палата Ярославскаго намѣстничества доносила, что по 4-й ревизіи въ Ярославской губерніи сокольихъ помытчиковъ оказалось: Углицкаго уѣзда, Юхотской волости, въ деревняхъ: Рашковѣ — 19 душъ, Синцовѣ — 13 душъ, Павловѣ — 59 душъ, да въ городѣ Ростовѣ — 70 душъ. Деревенскіе помытчики въ званіе свое поступили въ 1739 и 1740 годахъ, по указу Великаго Государя изъ Приказа Большаго Дворца и по челобитью ихъ дѣдовъ, изъ дворцовыхъ крестьянъ. Помытчики эти до 3-й ревизіи платили только семигривенный сборъ. Птицъ ловятъ они въ разныхъ отдаленныхъ уѣздовъ мѣстахъ, отъ своихъ деревень не ближе 100 и 200 верстъ и доставляютъ ежегодно въ Императорскую птичью охоту съ каждыхъ 5 душъ по одному соколу да съ каждыхъ 15 душъ по одному кречету. Эти птицы съ доставкою обходятся: соколъ въ 5 руб. и кречетъ въ 15 руб., а всѣ 18 соколовъ и 6 кречетовъ въ 180 рублей. Сказанные деревенскіе помытчики обладаютъ земельною собственностью общимъ пространствомъ въ 545 десятинъ 172 квадратныя сажени. Городскіе помытчики вступили въ это званіе въ 1700, 1702, 1703 и 1717 годахъ, также по челобитнымъ ихъ дѣдовъ и отцовъ, изъ Ростовскихъ посадскихъ людей. Имъ велѣно помыкать по 12 птицъ ежегодно, во всѣхъ мѣстахъ безпрепятственно, а обывателямъ для нихъ къ улову и на кормъ птицъ велѣно давать живыхъ голубей. Никакихъ повинностей эти помытчики не несутъ, а за неимѣніемъ земли пользуются правомъ торговли. Птицъ всегда доставляютъ къ охотѣ съ излишествомъ. Во что обходится каждая доставляемая ими птица, Палатѣ неизвѣстно. Изъ этихъ помытчиковъ въ 1764 и 1770 годахъ девятеро записаны въ купечество.

Представляя эти свѣдѣнія, Ярославская Казенная Палата пріобщила и свое мнѣніе относительно того, въ какомъ положеніи слѣдовало бы быть помытчикамъ на будущее время. Палата полагала: 1) городскихъ помытчиковъ «для уравненія въ общественныхъ тягостяхъ со всѣми городскими жителями» записать: а) имѣющихъ капиталы — въ купечество; б) прочихъ — въ мѣщане и цехи; 2) деревенскихъ помытчиковъ положить въ окладъ на ряду съ дворцовыми крестьянами.

Подобное мнѣніе Палата, между прочимъ, мотивировала тѣмъ, что почти изъ тѣхъ же сословій стали эти люди помытчиками, причемъ находила цѣлесообразнымъ «соколовъ и другаго рода птицъ доставать отъ охочихъ людей, коихъ, уповательно, сыскать можетъ довольное число за повольную цѣну».

Правительствующій Сенатъ направилъ это дѣло на заключеніе Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, затребовавъ вмѣстѣ съ симъ подобныя же мнѣнія отъ прочихъ казенныхъ палатъ. (Подл. ук. Сен. № 8764—1783 года, Рукоп. Имп. ох.).

Въ слѣдующемъ 1784 году были представлены заключенія по тому же предмету прочихъ казенныхъ палатъ.

Палаты Новгородская, Владимірская и Казанская полагали находящихся въ тѣхъ намѣстничествъ городахъ и уѣздахъ сокольихъ и кречетьихъ помытчиковъ оставить въ вѣдѣніи Оберъ-Егермейстерской Канцеляріи, но собирать государственныя съ нихъ подати: Новгородская и Казанская только подушныя семигривенныя, а Владимірская — «противъ мѣщанъ сорокаалтынныя». При этомъ названныя палаты, въ особенности Казанская, упирали на то обстоятельство, что нѣкоторые помытчики, за неимѣніемъ земельной собственности, до сего времени не платили никакихъ податей.

[501]) Оберъ-Егермейстерская Канцелярія доносила Сенату, «что состоящихъ въ вѣдомствѣ ея сокольихъ и кречетьихъ помытчиковъ ..... кромѣ однихъ именованныхъ въ штатѣ той Канцеляріи (смотри штатъ 1773 года) излишними, необходимо нужно оставить навсегда для помыканія къ охотѣ Ея Императорскаго Величества потребныхъ птицъ на прежнемъ основаніи», причемъ указывала Сенату, что «и излишніе не иначе изъ вѣдомства той Канцеляріи исключены быть могутъ, какъ съ тѣмъ, чтобъ оставшіе могли пользоваться по прежнимъ узаконеніямъ всѣми ихъ преимуществами и правами, въ награжденіе, что они не получаютъ ни прогоновъ, ни кормовыхъ денегъ, а доставляютъ птицъ на своемъ коштѣ».

Послѣднее относилось, очевидно, къ помытчикамъ, на которыхъ былъ положенъ извѣстный окладъ, то-есть приносъ къ охотѣ опредѣленнаго количества птицъ въ видѣ оброка.

Сенатъ затруднился положить какую-либо опредѣленную по этому предмету резолюцію и постановилъ все дѣло, не предрѣшая его, поднести на Высочайшее воззрѣніе. (Подл. ук. Сен. № 2856—1784 года, Рукоп. Имп. ох.).

Какъ взглянула на это дѣло Императрица Екатерина Великая, мы не знаемъ.

Письмо № 1.

Письмо Царя Петра къ Царю Ивану.

Мой государь превозлюбленный батко и брат Царь Иоанъ Алексѣевичь истинно всего Государства своего повелитель.

Здравія желателно хощу тебѣ яко отцу и ссосупругою твоею, а моею государынею невескую исрожленіем.

О извѣщеніи через писмо от милости Твоей братцкой, во много возблагодарихъ, втаком далном разлученіи и нѣкакую утѣху великую принял сердцу своему, неяко слухом, но яко устнѣ.

О желаніи же о мнѣ твоей милости (Богу соизвольшу) по своему намѣренію умедлити но и со многою радостію возвращенія хощу.

И чтоб особу твою братскую купно стеткою своею и матерію моею государынею Царевною Татьяною Михайловною и со всѣми нашими особыми. И прошу милости ежебы через тебя моей государыне матки, и тетки сестрамъ же и невеске и домашным Любителной поклонъ да отдастся.

От Города .

Августа Въ 9 ден 202 года. Petrus

Письмо № 2.

Письмо Царя Петра матери Натальи Кириловнѣ.

Государыне моей матушкѣ Царице Наталье Кириловнѣ изволила ты писат ко мнѣ с Васильем Соймоновым что я тебя государыню опечалил тѣм что о приезде своемъ не отписал і о том і нынѣ подлино отписат не могу для того что дажидаюс караблей, а как ане будут о том нихто невѣдает а ожидают вскоре потому что болше трех недѣл и отпущены из Амстеръдама, а какъ ошѣ будут і я искуся что надобет поеду тотчас день и ночь да о единой милости прошу чего для изволиш печалитца обомнѣ изволила ты писат что предала меня власту Матери божией і такова пастыря имѣючи по что печаловат тоябо молитвами і претстателством не точию я един но і мир сохраняет Господ его за сем благословения прошу Недостойный

Петрушка

от города Авъгуста

въ 14 ден.

Письмо № 3.

Письмо Царя Петра матери Натальи Кириловнѣ.

Вседрожайшей моей матушкѣ Царице Наталье Кириловьнѣ

Изволила ты радость моя писат чтоб я писал почаще і я і такъ на вьсякую почьту приписаваю самъ толко виноватъ что не выслалъ что радость моя скорымъ путемъ нѣначего и ты пожалуй своею печалью — не натсади меня а я слава Богу кромѣ сего натсажат себя сным не стану і поеду помѣре не замешкавъ. ланъдунскія карабли еще не бывали по сем радость моя здравьствуй а я молитвами твоими живъ.

Petru

Отъ Города Сентября в 8 д.

Письмо № 4.

Катеринушка другъ мой сердешный здравьствуй.

Я сего моменту изъ Выборха пріѣхалъ х красной горки гдѣ нашел нашу эскадру под парусами з господином адмиралом і взяв завтрашній праздник здѣс, Г будем отвѣдыват корабли ден или другой, а потом пойдем х Кроншлоту. А ты пріѣзжай въ Питергоф въ пятницу или суботу.

Петрь

съ Яхты Анна въ 26 д. Іюля 1720.

Письмо № 5.

Письмо Царя Ѳеодора Алексѣевича.

Іоакиму Милостию Божіею Царствующаго града Москвы і всеа великия і малыя і бѣлые Росіи Патриарху грѣшны Царь Ѳеодоръ поклонь сотворяю и благословения твоего желаю. Да сохранитъ тя Архиерей Вышьнні (Іис) (Хс) здрава і долгоденьсвующа і право правяща слово божия

рукою моею

амиць

Письмо № 6.

Катеринушка другъ мой сердешный здравствуй.

Писмо твое и ѳрукты я через Шепелева получил, за что благодарствую. А что сумнѣваешся о мнѣ, слава Богу здоров и не имѣл болѣзни, кромѣ обыкновенной с похмѣлья. Истинно вѣр тому, завьтра будут всѣ пополудни в Петергофѣ, а позавтрее будут обѣдат у Гаврилы Ивановича, для того что близко там, гдѣ воду пускат будут. Я бы желал чтобы и вы там были, ежели вам не трудно, и лучше бы на завтрее туды прямо проѣхали: понеже лучше дорога, нежели отъ Петергофа, которая зѣло дурна; а пускат воду без вас не хочетця

Петръ

Изъ Ораніенбаума въ 6 день Августа 1721 года.

На оборотѣ конверта: Ея Величеству Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

Письмо № 7.

Господинъ Зейкер

Понеже время приспѣло учит внука нашего, того ради вѣдая ваше искуство въ таком дѣлѣ и добрую вашу совѣсть, опредѣляемъ вас к тому, которое дѣло Начни з Богом по осени. а именно в октебрѣ или первых ноября конечно.

Петрь

отъ Коломны день 17 мая 1722 г.

Письмо № 8.

Автографъ Императрицы Елисаветы неизвѣстнымъ лицамъ.

Господинъ Генералъ

Изъ вестіе здѣс имѣется что в Питербурхѣ опасная воспа ходит и многіе умирают, то прикажите освѣдомится во всем Питербурхѣ подлинно в такой опасности нходятся и меня немедленно уведомите. Княгине Даре Ѳедоровне поклонъ, прошу отдать, и дай Богъ Вас благополучно вскоре увидить.

И остаюся непременная

Елисаветъ.

Господинъ Генерал-Маіоръ

Поздравляю Вас неоцѣненным наступающим празником с вели воскресеніем которое желаю вам многихъ такихъ еще торьжеств видить, во всякомъ благополучіе. При сем посылаю къ вамъ кавалерию Св. Анни, которая вдороге вас охранят будет светими своими молитвами и желаю носит на здорове и видить вас в ней

Елисавет.

Сей часъ идем въ церковь свербой стоять сожелею что вас нету то бы можно вербою старые кости поправить.

Н. Самокишъ